Проф. Д. И. Багалѣй.

ОЧЕРКИ

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Т. I.

СТАТЬИ ПО ИСТОРІИ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Печатное Дѣло“, Конторская, Клещевскій пер., № 3.
1911.

6B911

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

5631
25

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе III
Григорій Саввичъ Сковорода 1
Два культурныхъ дѣятеля изъ среды Харьковскаго духовенства . . 18
Харьковскій городской голова Егоръ Егоровичъ Урюпинъ 54
Просвѣтительная дѣятельность Вас. Наз. Каразина 81
Поэтическіе опыты юныхъ Харьковскихъ поэтовъ въ первыхъ годахъ XIX столѣтія 112
Праздникъ просвѣщенія 122
Характеристика просвѣтительной дѣятельности Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія (1805—1814 гг.) 129
Удаленіе профессора Шада изъ Харьковскаго университета . . . 155
О біографическомъ словарѣ профессоровъ Харьковскаго университета 302
Роль В. Н. Каразина, С. О. Потоцкаго и И. Ѳ. Тимковскаго въ первоначальномъ устроеніи Харьковскаго университета 305
Иванъ Степановичъ Рижскій 315
Профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета Тимофей Ѳедоровичъ Осиповскій 338
Паки-де-Совиньи 346
Гавріилъ Петровичъ Успенскій 349
Евграфъ Матвѣевичъ Филомафитскій 357
Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій 359
Памяти проф. А. А. Потебни 396
Изъ жизни Харьковскаго Университета въ началѣ XIX-го вѣка . 398
Харьковскій университетъ въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія . . 419
Ветеринарное училище при Харьковскомъ университетѣ 425
Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета, открытые въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 437
Какъ готовится Харьковскій университетъ къ своему столѣтнему юбилею 441

Стр.

Харьковскій педагогъ и журналистъ нач. XIX в. Иванъ Филипповичъ Вернетъ 447
Историческія повѣсти и статьи Гр. Ѳед. Квитки 454
О просвѣтительномъ значеніи Харьковской Общественной библіотеки 479
Рѣчь при открытіи новаго зданія Харьковской Общественной Библіотеки 493
Къ десятилѣтію издательскаго комитета Харьковскаго Общества Грамотности 508
О ближайшихъ задачахъ, нуждахъ и потребностяхъ Харьковскаго Городского Музея 518
Рѣчь при открытіи филіальнаго отдѣленія Харьковской общественной библіотеки 530
Рѣчь при открытіи Харьковскаго Народнаго Дома 533
Новыя данныя по исторіи стараго университетскаго быта 536
Привѣтствіе Императорскому Саратовскому университету отъ Императорскаго Харьковскаго университета въ день 6-го декабря 1909 года 566

Критико-библіографическія замѣтки:

О біографіи В. Н. Каразина, составленной Я. В. Абрамовымъ . . . 568
Разборъ медальныхъ сочиненій о В. Н. Каразинѣ 572
Научная критика, памфлетъ или пасквиль? 584
Pro domo sua 600
Журнальная историческая литература 604
По поводу критической замѣтки на «Опытъ исторіи Харьковскаго университета», т. I-й 613

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Состоящее при университетѣ Харьковское историко-филологическое общество выпустило ко дню 30-лѣтія моей ученопреподавательской дѣятельности XX-й томъ Сборника, куда, между прочимъ, вошло собраніе ранѣе напечатанныхъ моихъ статей по исторіи просвѣщенія въ бывшей Слободской украйнѣ—нынѣшней Харьковщинѣ (только двѣ изъ нихъ—новыя данныя по исторіи стараго университетскаго быта и привѣтствіе Саратовскому университету не относятся къ этому краю). Настоящая книга представляетъ оттискъ изъ этого Сборника и вмѣстѣ съ тѣмъ 1-й томъ моихъ «Очерковъ изъ русской исторіи». Перепечатка этихъ статей отдѣльною книгою дастъ возможность ознакомиться съ ними не только спеціалистамъ, но и болѣе широкому кругу читателей, интересующихся исторіей умственной культуры и образованія. До сихъ же поръ, статьи эти, разбросанныя въ провинціальныхъ мало распространенныхъ и доступныхъ изданіяхъ, въ сущности не могли быть извѣстны даже читателямъ той территоріи, къ которой онѣ относятся. И мнѣ самому стоило не мало труда разыскать ихъ для нынѣшняго изданія. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ составъ обширнаго труда моего по исторіи университета, но я полагалъ, что онѣ прочтутся и въ видѣ отдѣльныхъ очерковъ или экскурсовъ и это, быть можетъ, даже будетъ способствовать пробужденію интереса читателей къ моему двухъ-томному «Опыту исторіи Харьковскаго университета».

Если позволятъ обстоятельства, то за первымъ томомъ моихъ «Очерковъ» можетъ послѣдовать 2-й и 3-й, въ которыхъ будутъ помѣщены статьи по исторіи Малороссіи и Слободской украины, а затѣмъ 4-й и 5-й со статьями по древней и новой русской исторіи, а также по археографіи и археологіи.

Приношу глубочайшую благодарность историко-филологическому обществу за содѣйствіе, оказанное имъ въ появленіи въ свѣтъ настоящей книги: отрадно на склонѣ своихъ дней самому начать подведеніе итоговъ своей многолѣтней ученой работы.

Д. Багалѣй.

I.

Григорій Саввичъ Сковорода.

Его ученіе, жизнь и значеніе [1]).

(Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, по случаю исполнившагося 29 октября 1894 г. столѣтія со дня смерти его).

Для уясненія значенія Г. С. Сковороды необходимо прежде всего остановиться на характеристикѣ его міросозерцанія и личности. И раньше пытались давать такую характеристику, но дѣлали это по случайному сходству, основываясь на ничтожномъ количествѣ данныхъ. Называли его украинскимъ Сократомъ, украинскимъ Діогеномъ, Пиѳагоромъ, Оригеномъ, Лейбницемъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но уже самъ Сковорода запротестовалъ противъ этихъ сравненій. „Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ... будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою должно всякаго мѣрить, какъ однимъ локтемъ портной мѣритъ и золотую парчу, и шелковую тканку, и полотняную ряднину". Если Сковорода и не писалъ этихъ словъ Георгію Конисскому, то онъ могъ такъ выразиться, потому что былъ человѣкомъ съ рѣзко очерченною индивидуальностью. Тоже самое вышло и съ кличкою „мистикъ". Многіе до нашихъ дней приклеивали ему этотъ ярлыкъ, но любопытно, что никто не поставилъ даже себѣ труда указать по крайней мѣрѣ на точки соприкосновенія между нимъ и мистиками. Не дала ключа къ разъясненію его оригинальнаго ученія и новая кличка—раціоналистъ pur sang. Нельзя сказать, чтобы въ Сковородѣ не было никакого сходства съ тѣми дѣятелями, съ которыми его сравнивали; наоборотъ сходство было и даже рѣзко бросалось въ глаза (потому то его подмѣтили прежде всего), но это было внѣшнее сходство формы, а не содержанія; это же послѣднее, во всей его цѣлостности и полнотѣ, оставалось неизвѣстнымъ; можно сказать, что только теперь, съ находкою большинства его рукописныхъ сочиненій, мы открыли Сковороду, какъ писателя, и получили возможность правильной оцѣнки его съ этой стороны. И вотъ, основываясь

---

[1]) Сборникъ Историко-Филологич. Общества 1895 года.

на *всей* совокупности ученолитературныхъ трудовъ Сковороды (въ томъ числѣ и доселѣ еще не изданныхъ), мы дадимъ характеристику его міросозерцанія въ связи съ личностью, а затѣмъ постараемся опредѣлить его значеніе, руководствуясь исключительно фактическими, документальными данными и тою осторожностью въ сужденіяхъ, которая обязательна для всякаго объективнаго историка. Идя такимъ путемъ, мы надѣемся избѣжать крайностей, столь возможныхъ въ оцѣнкѣ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей.

Обращая вниманіе на темы, которыхъ Сковорода касался въ своихъ ученыхъ трактатахъ и литературныхъ произведеніяхъ, на ихъ содержаніе, мы невольно приходимъ къ заключенію, что нашъ украинскій философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ мыслителемъ, т. е., другими словами философія была для него религіей и религія философіей. Нельзя указать ни одного сочиненія у него, которое не было бы проникнуто этимъ религіознымъ направленіемъ. Съ этой точки зрѣнія, сочиненія Сковороды, въ общей совокупности своей, отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью. Такимъ же характеромъ проникнуто и его религіозно-философское міросозерцаніе. Вотъ почему этого послѣдняго нельзя расчленить на философію и богословіе: оба элемента органически сливаются у него и образуютъ нѣчто цѣльное и единое. Да и самъ Сковорода отождествлялъ одинъ элементъ съ другимъ, объединялъ ихъ въ общемъ понятіи *„христіанской философіи“*, которую онъ и проповѣдывалъ и которую онъ считалъ единственно истинной философіей. Философія или любомудріе, по опредѣленію Сковороды, ставитъ своею цѣлью „дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего“ [1]). А когда его спросили, чему учитъ Библія, онъ отвѣтилъ: „Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце“ (ib.). Философія Сковороды оказывается самопознаніемъ, дающимъ счастіе человѣку, и Богопознаніемъ—любовію къ Нему, исполненіемъ Его воли. Она, какъ нельзя лучше опредѣляется приводимымъ имъ текстомъ: *„блаженъ мужъ, иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святыни, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ своихъ уразумится“*. Философствовать нужно, по его словамъ, во Христѣ, а не въ стихіяхъ,—иначе это будетъ пустая философія. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, Сковорода въ

---

[1]) См. сочиненія Г. С. Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.) Харьк. Историко-Филол. Общества X. 1894 г. отд. 1, стр. 30.

то же самое время оставался *истиннымъ философомъ*, ибо ставилъ цѣлью своей жизни единственно разысканіе истины. „Изъясняетъ, говоритъ онъ, боговидецъ Платонъ: нѣтъ сладчае истины. А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше... Жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любля истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ“ (2 отд., стр. 252).

Въ чемъ же заключается сущность христіанской философіи Сковороды, ея индивидуальная особенность? Опредѣлить эту сущность не трудно: она проходитъ красною нитью чрезъ всѣ его сочиненія. *Сковорода проводилъ идею о двухъ началахъ въ мірѣ—вѣчномъ и тлѣнномъ и о превосходствѣ перваго надъ вторымъ.* Этими двумя началами проникнуты всѣ три міра—большой или космосъ, состоящій въ свою очередь изъ множества другихъ, малый или микрокосмъ (т. е. человѣкъ) и символическій (т. е. Библія). Въ великомъ и маломъ мірѣ, по его ученію, вещественный видъ даетъ знать объ утаенной подъ нимъ формѣ или вѣчномъ образѣ; также точно и въ символическомъ мірѣ или Библіи собраніе тварей составляетъ матерію, но Божье естество, куда ведетъ тварь знаменіемъ своимъ, есть форма или образъ. Такимъ образомъ, въ мірѣ—собственно два міра—невидимый и видимый, живой и мертвый, какъ яблоня и ея тѣнь; но между ними та разница, что древо жизни вѣчно стоитъ и пребываетъ, а тѣнь его измѣняется—то уменьшается, то увеличивается, то родится, то умираетъ. Такъ въ природѣ, такъ и въ человѣкѣ: въ немъ также два начала—ветхое и новое, временное и вѣчное; они совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ; но въ тлѣнномъ отражается нетлѣнный; въ немъ можно найти слѣды Божіи. Въ Библіи подъ буквальнымъ ея смысломъ (матеріей) таится высшій духовный (начало вѣчности, самъ Богъ). Изъ этихъ двухъ началъ во всѣхъ трехъ мірахъ имѣетъ значеніе *только* одно—Вѣчность, Богъ, но люди очень часто отдаютъ предпочтеніе видимому надъ невидимымъ, тлѣни надъ вѣчностью. И Сковорода старается опровергнуть это заблужденіе—къ этому направлены всѣ его сочиненія, въ этомъ центръ его философіи и религіи; въ этомъ его *новый* взглядъ на вещи, діаметрально противоположный тому, который господствовалъ въ современномъ ему обществѣ. Указавъ, что и въ природѣ господствуетъ надъ матеріей духъ, Сковорода переходитъ къ человѣку и доказываетъ, что и въ немъ царитъ надъ тѣломъ духъ или мысль. Сковорода придавалъ огромное значеніе этой человѣческой мысли, съ ея вѣчнымъ движеніемъ; къ ней онъ сводилъ сущность жизни. „Огонь угасаетъ, рѣка остановится, говоритъ

онъ, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣ тѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнійное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченніи вѣчности, милліоны безконечнія. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою. Покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться, какъ мертвое тѣло—живой ея натурѣ или породѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она будто во странствіи находясь, отъ раболѣпной вещественной природы возносится къ вышней господственной натурѣ, къ родному своему и безначальному началу. Въ Библіи, наконецъ, также должно искать духовного начала; кто не возвышается надъ буквальнымъ ея пониманіемъ, тотъ подвергается страшнымъ опасностямъ; не всякій, подобно Самсону, раздеретъ пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жесткомъ нѣжное. Двѣ стороны имѣетъ Библейское море: на нашемъ берегу все ветхое, жалкое, на томъ все новое; тамошній горній человѣкъ безпредѣльно летаетъ въ высоту, въ глубину, въ ширину; не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядаетъ въ прежде бывшее, проникаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана“...

Въ какомъ же отношеніи находятся эти два начала другъ къ другу? Оба они пребываютъ въ одномъ и одно въ обоихъ нераздѣльно; но и не слитно, будто яблонь и тѣнь ея, древо живое и мертвое, истина и ложь. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значитъ мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но древо вѣчности всегда зеленѣетъ. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: materia aeterna, вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила“.

И такъ, Сковорода весьма настойчиво проводитъ два начала; вездѣ онъ видитъ форму и матерію, иначе вѣчность и тлѣніе; а изъ послѣдней цитаты получается такое впечатлѣніе, что какъ будто онъ признаетъ и за матеріей самостоятельное значеніе, считаетъ и ее неограниченной ни временемъ, ни пространствомъ. Но было бы вопіющей несправедливостью считать его матеріалистомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Наоборотъ все его міровоззрѣніе направлено на борьбу съ матеріей, которая, съ его точки зрѣнія, ничто, въ противоположность духу, который одинъ только представляетъ изъ себя настоящую силу. Слѣдовательно,

Сковорода является яркимъ, цѣльнымъ, убѣжденнымъ, даже, пожалуй, крайнимъ *спиритуалистомъ*, который всѣ явленія жизни сводитъ къ духу. Онъ признаетъ только единую субстанцію—духъ, и съ этой точки зрѣнія его нельзя назвать послѣдовательнымъ дуалистомъ; онъ признавалъ два начала во времени, но творческимъ, по его мнѣнію, было только одно изъ нихъ—Богъ, Вѣчность; другое же является его постояннымъ, неизмѣннымъ спутникомъ, *аттрибутомъ*. Такимъ образомъ, *исходнымъ пунктомъ* въ ученіи Сковороды былъ все таки *монизмъ*, т. е. началомъ всего оказывается единая вѣчная субстанція. „Божественные мистагоги или тайноводители, говоритъ Сковорода, приписываютъ начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себя ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и исчезаетъ, такъ конечно нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концомъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть тоже, что Богъ или Вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде Ея, ни послѣ Ея“ (2 отд., стр. 256). Ковалинскій объясняетъ намъ, какъ Сковорода представлялъ себѣ этотъ *первоначальный* актъ происхожденія матеріи, ея созданіе изъ ничего. „Какое есть основаніе первоначальное тварей? Ничто. *Воля* вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіи видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы“. Каждое существо въ мірѣ есть „изліяніе невидимаго во временной видимости“: совершивъ свой земной кругъ, оно снова вступаетъ въ свое начало, т. е. ничто—это и есть смерть; только Богъ пребываетъ во вѣки, а вселенная есть постоянно обветшающаяся и возраждающаяся риза Его (1 отд. стр. 19—20). Но существуетъ огромная разница между человѣкомъ и другими тварями—ихъ отличаетъ *свободная воля* человѣка и нравственная отвѣтственность за выборъ жизненнаго пути. „Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ Верховнаго Существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее“. (Ib., стр. 23).

Цѣль человѣка состоитъ въ самопознаніи и Богопознаніи, но оба эти процесса сводятся къ одному—Богопознанію; самопознаніе приводитъ насъ къ Богопознанію и наоборотъ Богопознаніе необходимо для самопознанія и даже міропознанія. Познать Бога можно прежде всего въ Библіи, которая заключаетъ въ себѣ слѣды Божіи; она же служитъ и источникомъ самопознанія: „взявъ тебя самаго за руку, вводитъ въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ“

другимъ источникомъ Богопознанія является самъ человѣкъ, его внутреннее самопознаніе, которое открываетъ въ немъ также присутствіе Божіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ необходимъ *разумъ, мудрствованіе*, стремленіе разыскать истину. Но на ряду съ разумомъ Сковорода отводилъ видное мѣсто и вѣрѣ, какъ источнику познанія, ибо только эта послѣдняя могла познавать невидимаго Бога. Духа. Видѣть того Богочеловѣка, говорилъ Сковорода, котораго мы являемся тѣнью, можно только вѣрою. „Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтящійся“... (2 отд., стр. 55). Тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума, должна начаться вѣра: „если чего не понимаешь (въ Библіи), говоритъ Сковорода: закричи съ Варухомъ—„какъ великъ домъ Божій“ (1 отд., стр. ХС). Вѣра же по мнѣнію Сковороды, необходима и для любви, которая лежитъ въ основаніи всей христіанской нравственности. Спрашивается: можно ли послѣ этого Сковороду назвать чистѣйшимъ раціоналистомъ?

Изъ такого міросозерцанія Сковорода логически выводилъ и свою *теорію счастія*. Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ есть Вѣчность, Сковорода заключаетъ, что счастіе свое *всѣ* мы должны основывать на немъ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются утверждать свое благополучіе (богатство, чины, здоровье и т. п.) непрочное, неустойчивое и не всеобщее: только тогда счастіе окажется достижимымъ для всѣхъ и даже нетруднымъ. Здѣсь Сковорода развиваетъ положеніе Эпикура. что природа сдѣлала нужное не труднымъ, а трудное—не нужнымъ. Счастіе заключается внутри насъ; вникнувъ въ себя, познавъ себя, мы найдемъ въ себѣ душевный міръ, сердечное веселіе; оно достигается мудростью и добродѣтелью: первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ найти его. Что бы достичъ его, нужно слить свою волю съ волей Божіей: что тогда можетъ тревожить сердце? Все дѣлается премудро, по волѣ Божіей; но я съ нею согласенъ—и она уже моя воля. *Отдаться въ волю Божію* значитъ подмѣтить свои склонности и способности и сообразно съ этимъ выбрать себѣ занятіе; такое занятіе, во 1-хъ, будетъ плодотворно для общества, а, во 2-хъ, явится источникомъ внутренняго удовольствія; природныя же способности даетъ намъ Богъ—это и значитъ *Царствіе Божіе внутръ насъ есть;* къ этому внутреннему голосу нужно прислушиваться и не браться за такое дѣло, къ которому не способенъ. Всѣ занятія хороши, если только дѣлаются по склонности: Богъ никого не обижаетъ. Сковорода картинно изображаетъ это въ слѣдующемъ сравненіи. „Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды по ихъ вмѣстимости. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное всѣмъ*

равенство. Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вкругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть большему, что равно есть полный". Какое глубокое пониманіе доступнаго всѣмъ права на счастіе! Путь Царствія Божія признаетъ труднымъ только тотъ, кто самъ на раменахъ своихъ несетъ эту трудность; онъ не видитъ того, что онъ легокъ и, подобно слѣпому и хромому, спотыкается на гладкой дорогѣ. Исходя изъ такого пониманія счастія, Сковорода, естественно, восхвалялъ простоту жизни, бѣдность и лишенія, (но не аскетизмъ) и удовольствія, вытекавшія изъ непосредственнаго общенія съ природой. Изъ своей мысли о самопознаніи и о врожденности природныхъ способностей Сковорода выводитъ *систему воспитанія*, которая развита въ притчѣ о *благодарномъ Ерофіѣ*. И здѣсь онъ выступаетъ на защиту того внутренняго начала, которое должно господствовать вездѣ и которое скрывается и въ сердцѣ ребенка—его только нужно развить и тогда оно предохранитъ его навсегда отъ увлеченія мірской суетой; оно доставитъ ему душевный миръ, т. е. истинное счастье. Такимъ образомъ, здѣсь на первомъ планѣ стоитъ *нравственное* воспитаніе. Но и тутъ Сковорода избѣжалъ односторонности: рядомъ съ нимъ онъ ставитъ умственное, физическое и даже эстетическое развитіе. Ребенокъ долженъ родиться въ здоровой, нравственной атмосферѣ и тогда къ такому „рожденному на добро" не трудно уже будетъ привить науки и добродѣтель; тутъ главное сдѣлаетъ природа; наука сама собою „спѣетъ" изъ природныхъ дарованій. Природа—это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить яблока—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень; учитель—это служитель природы; учиться нужно тому, къ чему влекутъ способности; это даетъ сердечное спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ, какъ бы низко оно ни было, ибо въ сердцѣ каждаго человѣка—въ этой убогой хижинкѣ, подъ его убогою одеждою (тѣломъ) можно найти царя своего, домъ свой, начало Вѣчности.

Эту же идею господства *духа* надъ *внѣшностью* онъ проводитъ и въ тѣхъ мѣстахъ своихъ сочиненій, гдѣ ему приходится говорить о христіанствѣ вообще и въ частности о состояніи его въ современномъ ему русскомъ обществѣ. Источникомъ христіанской религіи онъ признаетъ Библію, въ которой, также какъ и вездѣ, нужно искать духа, скрытаго подъ ея буквальнымъ смысломъ. Противъ буквальнаго толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ Библіи Сковорода вооружается очень рѣзко; но между нимъ и французскими скептиками XVIII в. цѣлая пропасть: его отрицаніе являлось результатомъ глубокаго увлеченія духомъ Свя-

щеннаго Писанія. Для него Библія—это даже болѣе чѣмъ Священная книга, это основная, можно сказать, *единственная* книга познанія; это Самъ Богъ, говорящія здѣсь къ людямъ образнымъ языкомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и здѣсь Сковорода не впалъ въ крайность. Ставя такъ высоко Библію и вмѣстѣ съ нею духовную науку, ей посвященную, онъ не только не возстаетъ противъ свѣтскихъ книгъ, но относится къ нимъ наоборотъ съ большимъ уваженіемъ. „Я наукъ не хулю"; „свѣтскія книги, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, безспорно всякой пользы и красы суть преисполненныя". Онъ только ставитъ ее выше этихъ послѣднихъ, ибо она учитъ главнѣйшему—Богопознанію. Отсюда естественно вытекала мысль Сковороды, что каждый долженъ быть въ этомъ смыслѣ богословомъ. Онъ приводитъ возраженіе тѣхъ, которые говорили: богословская наука къ чему она? Я де не священникъ и не монахъ; и отвѣчаетъ имъ: будто душевное спасеніе не всѣмъ нужное. Сковорода мечталъ о такомъ апостольскомъ христіанскомъ обществѣ, для членовъ котораго идеаломъ служилъ бы самъ высшій богословъ Христосъ. „Измученный дорогой сидитъ Онъ при источникѣ, томимый голодомъ и жаждою. Было около полудни. Не было съ кѣмъ завести ему бесѣду о Царствіи Божіемъ. Пришла жена за водою—вотъ и случай. Попросилъ у нея напиться не для утоленія жажды, а для того, чтобы начать бесѣду. Вода стихійная подала ему поводъ говорить о водѣ живой. Не устыдился, не поопасался Мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать въ надеждѣ, что авось либо приведетъ ее изъ суевѣрія въ истинное Богопочтеніе, которое не привязано ни къ полу, ни къ состоянію, ни къ мѣсту, ни времени, ни къ обрядамъ, а только къ одному сердцу. Возвратились ученики его съ пищею и, зная, что онъ ничего еще не ѣлъ, просятъ покушать. Моя пища, сказалъ имъ учитель, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жаждетъ, и не веселъ, если не дѣлаетъ и не говоритъ о томъ, къ чему его предназначилъ Отецъ Небесный. Въ этомъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ и вертоградахъ, на ровномъ мѣстѣ, стоя, сидя и ходя, ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. „Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учить о Царствіи Божіи", отвѣчаетъ онъ одному лицу, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о наслѣдствѣ" (2 отд., стр. 140). Ратуя за духовную сторону христіанства, Сковорода сильно вооружался противъ тѣхъ, которые сводили его къ одной обрядности, ибо обрядъ, самъ по себѣ, безъ тайнаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры и любви, недостаточенъ. Извѣстны

его обличенія противъ современнаго ему монашества, далеко отступившаго отъ той жизни, которую вели истинные монахи отшельники. Когда другъ Гервасій уговаривалъ его принять монашескій санъ, указывая на славу, честь и изобиліе всего, его ожидающія, онъ возревновалъ объ истинѣ и сказалъ: „развѣ вы хотите, чтобъ и я умножилъ число фарисеевъ? Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте“, и затѣмъ объяснилъ, какъ онъ самъ понимаетъ монашество (нестяжательная жизнь, воздержаніе и т. п.). Но это было не отрицаніе идеи монашества, а только той формы, въ которую оно тогда выродилось; истинное же монашество Сковорода ставилъ чрезвычайно высоко—рядомъ съ проповѣдничествомъ. Не менѣе сильно вооружается Сковорода и вообще противъ ханжей и лицемѣровъ. Вотъ сатирическое изображеніе этихъ послѣднихъ. „Пятерица человѣковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ на 5 локтей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, а дреколіе. На шеѣ каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами, обвѣшанны. Едва, едва движутся, аки быки, парохіальный колоколъ везущіи. Вотъ развѣ прямо труждающіеся и обремененные. Горе имъ, горе: сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ. Непрестанно въ псалтырь барабанятъ. Строятъ кирки и снабдѣваютъ. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбивы, ласкатели, сводники, немилосердны, непримирительны“. (2 отд., стр. 205).

Таково въ общихъ чертахъ міросозерцаніе Сковороды: въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога, гармонически слились умозрѣніе и мораль, логически изъ него вытекавшая. Но является вопросъ на сколько ученіе это было *примѣнимо* къ жизни? Говоря вообще, оно, по существеннымъ свойствамъ своимъ, должно быть названо *идеальнымъ*, далекимъ отъ условій дѣйствительности. Хотя самъ Сковорода и доказывалъ, что царствіе Божіе нетрудно (ибо оно нужно), но осуществить вполнѣ начертанный имъ *идеалъ* жизни было на самомъ дѣлѣ очень не легко: онъ былъ доступенъ только избраннымъ, ибо требовалъ съ житейской точки зрѣнія, огромныхъ жертвъ, хотя въ замѣнъ ихъ давалъ нѣчто еще болѣе значительное—счастіе. И вотъ Сковорода осуществилъ этотъ идеалъ, во всемъ его объемѣ, во всей его полнотѣ и неприкосновенности, въ собственной жизни. Такимъ образомъ въ немъ мы видимъ довольно рѣдкій примѣръ полнѣйшей гармоніи между ученіемъ и жизнью: онъ жилъ такъ, какъ училъ и училъ такъ, какъ жилъ. Конечно, такая проповѣдь, подкрѣпленная примѣромъ собственной жизни, была доступна и убѣдительна для каждаго. Сковорода

сознательно, по принципу, съ полнымъ убѣжденіемъ, избралъ себѣ путь жизни и шелъ по немъ прямо до самой смерти, ни разу не свернувъ ни направо, ни налѣво. Его широкое образованіе, умъ, краснорѣчіе открывали передъ нимъ возможность достиженія самыхъ высокихъ степеней въ церковной іерархіи, а онъ добровольно выбралъ себѣ званіе нищаго странника, чтобы сохранить внутреннюю свободу и быть учителемъ народа въ широкомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Ему нѣсколько разъ дѣлали разныя заманчивыя, съ точки зрѣнія житейскихъ выгодъ, предложенія, но онъ рѣшительно отъ нихъ отказывался и оставался по прежнему бездомнымъ бѣднякомъ, безсемейнымъ „старчикомъ“, мудрецомъ, говорившимъ однако постоянно, что избранный имъ жребій даетъ ему то, чего не могло бы дать ни богатство, ни высокій чинъ—именно *счастіе*. Онъ самъ пошелъ по тому пути, который указывалъ другимъ, и убѣдился, что онъ дѣйствительно далъ ему душевный миръ, сердечное веселіе. „Признаюся, други мои, предъ Богомъ и предъ вами, что въ самую сію минуту, въ которую съ вами бесѣдую, брошу нынѣшнее мое статье (званіе), хотя въ немъ состарѣлся, и стану послѣдкѣйшимъ горшечникомъ, какъ только почувствую, что доселѣ находился въ немъ безъ природы, имѣя сродность къ скудельничеству. Повѣрьте, что съ Богомъ будетъ мнѣ веселѣе и удачнѣе лѣпить одни глиняныя сковороды, нежели писать безъ натуры“. (2 отд., стр., 119—120). Нѣкоторыя лица упрекали его за то, что онъ не избралъ опредѣленной должности; и вотъ для опроверженія ихъ онъ выступаетъ съ 2 письмами, гдѣ развиваетъ идею *„недѣланія“*, т. е. внутренняго самопознанія—иначе внутренней работы сердца. „Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лечился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣря, тогда бы я казался занятъ дѣломъ.. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣря? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина, что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себя, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего душу. Похожи на щеголя пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, и не всѣмъ ли мы изобильны? точно всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ: совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ: одной только души нашей не имѣемъ. Есть правда въ насъ и душа, но таковая, каковая у подагрика ноги“. (Письмо къ нѣкоему Артему Дорофеевичу).

Сковорода до такой степени отвлекался отъ всего земнаго и погружался въ духовное, что приходилъ иногда въ состояніе, напоминаю-

щее экстазъ. „Бесѣда двое“ заканчивается именно такимъ сильнымъ лирическимъ заключеніемъ; это—радостная пѣснь души, страстно искавшей правды и нашедшей высокую цѣль своего существованія. „Прощайте на вѣки дурномудрыя дѣвы, сладкогласныя сирены, съ вашими тлѣнными очами, съ вашею старѣющеюся младостью, съ младенческимъ вашимъ долголѣтіемъ и съ вашею рыданія исполненною гаванью (смертью)... Пятидесятое лѣто плавою по морю сему и се достигохъ ко пристанищу тихому въ землю святую, юже мнѣ открылъ Господь Богъ мой“ (2 отд., стр. 80). Его жизнь требовала сильнаго подъема духа, ибо была безпрерывнымъ *подвигомъ*. Отсюда его сны и видѣнія, имѣющіе часто психилогическое объясненіе: они свидѣтельствуютъ не о мистицизмѣ, а о религіозномъ воодушевленіи его; въ такомъ настроеніи онъ, очевидно, создалъ и свою „*Борьбу архистратига Михаила съ сатаною*“, гдѣ вывелъ и себя самого (подъ именемъ странника Варсавы). „Онъ шествуетъ со жезломъ веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣваетъ: пришлецъ азъ есмъ на землѣ... Воспѣвая обращаетъ очи то надесно, то налѣво, то на весь горизонтъ, почиваетъ то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленей, вкушаетъ пищу безприправную, но самъ онъ ей какъ искусный пѣвецъ простой пѣснѣ, придаетъ вкусъ. Онъ спитъ сладостно... Возстаетъ заутра свѣжъ и исполненъ надежды..... День его вѣкъ ему и есть яко 1000 лѣтъ и за 1000 лѣтъ нечестивыхъ не продасть его. Онъ по міру паче всѣхъ нищій, но по Богу всѣхъ богатѣе. И что лучше, какъ веселіе сердца, животъ человѣку“? Тутъ въ этомъ признаніи, мы находимъ не только вполнѣ точную характеристику той жизни, какую велъ Сковорода, но, что еще важнѣе, его настроенія: оказывается, что ни въ ученіи, ни въ жизни онъ не былъ мрачнымъ пессимистомъ; его міросозерцаніе и жизнь, гармонически примиренныя, давали ему внутреннее счастье, столь далекое по существу отъ пессимизма. Конечно, онъ достигъ такой полной гармоніи не сразу, хотя стремился къ ней съ самыхъ первыхъ шаговъ своего самостоятельнаго жизненнаго поприща. Переходнымъ, критическимъ моментомъ въ его жизни было то время, когда онъ оставилъ педагогическую дѣятельность и предался въ „пустынѣ“ философскимъ размышленіямъ и сочиненіямъ. Онъ самъ свидѣтельствуетъ объ этомъ окончательномъ выборѣ своего жизненнаго пути—страннической жизни, посвященной внутреннему самопознанію и широкой всенародной дѣятельности проповѣдника и учителя и пріурочиваетъ его къ 1770 г., указываетъ даже ближайшій поводъ къ нему—свое спасеніе отъ Кіевской чумы. Съ этого момента онъ, подобно Сократу, окончательно увѣровалъ въ своего добраго генія, т. е. другими словами сталъ постоянно прислушиваться ко внутреннему голосу своей совѣсти

и только ею руководиться во всѣхъ своихъ поступкахъ. Создавъ своимъ разумомъ міровоззрѣніе, онъ окончательно укрѣпилъ его въ себѣ чувствомъ, сдѣлавъ изъ него религію, которою весь проникся и которую поставилъ единственною цѣлью своей жизни. Но представляя себѣ образъ жизни Сковороды, необходимо помнить, что это не былъ суровый аскетизмъ, а только полное отрицаніе излишествъ. Вотъ какъ жилъ Сковорода по сказанію Ковалинскаго: „Онъ одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе 4-хъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздержанъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принужденъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожность безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести“ (1-е отд. стр. 10). Въ этихъ словахъ ученика своего Сковорода выступаетъ передъ нами какъ живой; здѣсь всякая фраза рисуетъ намъ или образъ жизни его, или нравственную физіономію, или характеръ. Къ этому слѣдуетъ только прибавить, что онъ былъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова безсребренникомъ, т. е. лично не принималъ денегъ даже отъ своихъ друзей, хотя и не отрицалъ ихъ вообще: онѣ только не были ему нужны при томъ образѣ жизни, который онъ себѣ усвоилъ; и тутъ, какъ и въ своемъ вегетаріанствѣ, онъ относился къ дѣлу просто, смотрѣлъ на сущность, а не на форму его. Искренность и прямодушіе опредѣляютъ весь его необыкновенно цѣльный характеръ: такимъ онъ являлся и въ своей педагогической дѣятельности, и въ своемъ отношеніи къ религіи.

Сосредоточившись исключительно на духовномъ Богопознаніи, устремивъ всѣ свои чувства, помышленія и волю къ служенію этому невидимому Духу, онъ считалъ обряды только внѣшнею формою, подъ которою должна скрываться внутренняя сила, и потому *лично* для себя отрицалъ необходимость ихъ; но это не мѣшало ему, напримѣръ, горячо молиться всякій день въ глубокую полночь; не мѣшало всю жизнь посвящать живой дѣятельной любви къ Богу и ближнему. Мало того: мы должны отмѣтить еще одну въ высокой степени симпатичную черту, которую онъ проявилъ въ дѣлѣ религіи—это полное отсутствіе рели-

гіознаго фанатизма и уваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ. Когда то Сковорода проживалъ въ г. Острогожскѣ (Воронеж. губ.); туда же прибылъ и епископъ Тихонъ, который пожелалъ познакомиться лично съ малороссійкимъ философомъ, извѣстнымъ ему по сочиненіямъ. Знакомство состоялось; начался оживленный разговоръ, причемъ вскорѣ коснулись и религіи. „Почему вы не ходите никогда въ церковь", спросилъ Преосвященный. „Если Вамъ угодно, я завтра же пойду", отвѣчалъ философъ—и дѣйствительно пошелъ (Москвитянинъ, 1849, № 24, стр. 68). Когда Сковорода заболѣлъ въ усадьбѣ Ковалевскаго, который „предложилъ ему нѣкоторые обряды для приготовленія къ смерти", то на первыхъ порахъ онъ отказался было отъ нихъ, но „представляя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному" (1-е отд., стр. 39). Отсюда видно, какая огромная пропасть отдѣляетъ Скороводу отъ всѣхъ нашихъ раскольниковъ и сектантовъ, желавшихъ умереть изъ за единой буквы *азъ!* И умеръ онъ такъ, какъ долженъ былъ умереть философъ, никогда не боявшійся смерти и смотрѣвшій на нее, какъ на средство сбросить съ себя ветхую временную ризу и слиться съ вѣчностью. „Былъ прекрасный день. Къ помѣщику, у котораго онъ гостилъ (это былъ его пріятель Ковалевскій, владѣлецъ, сел. Панъ-Ивановки, гдѣ похороненъ Сковорода), собрались гости. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Послѣ обѣда онъ скрылся въ садъ. Подъ вечеръ хозяинъ пошелъ искать его и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ рылъ узкую, длинную могилу. „Что это, другъ Григорій? Чѣмъ ты занятъ". „Пора, другъ, кончить странствіе, отвѣтилъ Сковорода: и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы. Пора успокоиться". Пошли въ домъ. Сковорода отправился въ свою „кимнатку", перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и подложивши подъ голову свои сочиненія и сѣрую „свитку", легъ—и мирно почилъ, завѣщавъ, чтобы на могилѣ его сдѣлали надпись: „міръ меня ловилъ, но не поймалъ". (Укр. стар. стр. 69).

Сдѣлавъ характеристику ученія и жизни Сковороды, мы дали своимъ уважаемымъ слушателямъ и *матеріалъ для его оцѣнки.* На этой послѣдней мы, къ сожалѣнію, по недостатку времени, останавливаться долго не можемъ и приведемъ только свои основанія, положенія, выводы, опустивъ тѣ данныя, на которыхъ они основываются. Въ вопросѣ о значеніи Сковороды нужно различать 2 стороны—вліяніе его идей на общество и степень ихъ оригинальности. Сковорода былъ не только

мыслитель, но и проповѣдникъ: онъ желалъ распространенія своего ученія въ современномъ ему обществѣ и достигалъ этого какъ посредствомъ своихъ сочиненій, такъ и посредствомъ устной проповѣди; огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ имѣлъ и живой наглядный примѣръ его собственной жизни, въ которой онъ совершенно осуществилъ, какъ мы видѣли, требованія своего высокаго нравственнаго идеала. Правда Сковорода при жизни не печаталъ своихъ трудовъ, но это зависѣло отъ условій его жизни и отъ свойствъ его характера. Тѣмъ не менѣе сочиненія его находили себѣ широкое распространеніе въ рукописяхъ и заходили такимъ путемъ далеко за предѣлы Украйны (попадали въ Крымъ, на Кавказъ). У многихъ лицъ были цѣлыя коллекціи его рукописей и они въ свою очередь давали списывать ихъ другимъ. Мало того: точно такимъ же образомъ распространялись и его письма, которыя списывались и перечитывались наравнѣ съ учеными трактатами, къ которымъ они впрочемъ и подходили по своему характеру и содержанію. Ведя въ теченіе 30-ти лѣтъ странническую жизнь, Сковорода сталкивался съ массою людей изъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго общества; у него были друзья и знакомые, у которыхъ онъ останавливался и проживалъ или захаживалъ въ гости, и среди духовенства (чернаго и бѣлаго) и среди свѣтскаго общества. Онъ жилъ, напр., въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сеннянскомъ и т. п.; былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ свящ. Іаковомъ Правицкимъ (въ сел. Бабаяхъ), Θед. Залѣсскимъ и др.; съ этими лицами онъ велъ переписку, присылалъ и посвящалъ имъ свои сочиненія, велъ устныя бесѣды— и всѣмъ этимъ пользовался для распространенія своего ученія, для борьбы съ закоренѣлыми привычками, предразсудками. Тоже самое нужно сказать и относительно тогдашняго дворянства: самые видные и лучшіе представители его находились въ живыхъ сношеніяхъ со Сковородой: принимали его у себя, читали сочиненія и глубоко уважали его; таковы были—Ковалинскій, Тевяшовъ, Донецъ-Захаржевскій, Ковалевскій, Розаліонъ-Сошальскій и масса другихъ лицъ. Дворянство Сковорода прямо призывалъ къ дѣлу умственнаго и нравственнаго просвѣщенія всего общества, къ борьбѣ съ суевѣріями. И его призывъ не остался безплоднымъ: его ближайшіе друзья и ученики впослѣдствіи вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ хотѣли внести 1.000,000 р. на основаніе въ Харьковѣ университета. Сковорода дѣйствовалъ смягчающимъ образомъ на нравы своихъ друзей среди дворянъ въ ихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ. Въ Харьковской городской средѣ также было весьма замѣтно вліяніе старчика Сковороды: и тутъ онъ былъ въ общеніи съ лучшими людьми—купцомъ Е. Е. Урюпинымъ, бывшимъ впослѣдствіи городскимъ

головою и оказавшимъ большое сочувствіе и помощь дѣлу учрежденія Харьковскаго университета, Курдюмовымъ и др. Сковорода бывалъ на пирушкахъ у Е. Е. Урюпина, встрѣчался тамъ со многими другими Харьковскими обывателями, велъ съ ними бесѣды и развивалъ передъ ними свои излюбленныя идеи, какія выражены, напримѣръ, въ его письмахъ къ Урюпину. Но особенно любилъ онъ простой народъ. Его нравственная проповѣдь нашла себѣ благодарную почву у этого послѣдняго. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ его стихотвореній перешли въ народъ, подверглись дополненіямъ, передѣлкѣ и распространились до самихъ Карпатъ. Память о немъ долго жила въ Харьковщинѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ сенаторъ Лубяновскій. Ему старикъ крестьянинъ, помнившій Сковороду, сказалъ, что этотъ послѣдній былъ человѣкъ добрый и разумный и наставлялъ ихъ добру, страху Божьему и упованію на милосердіе Распятаго. (Воспоминанія, М. 1872 г., стр. 23—24). О замѣтномъ вліяніи Сковороды на мѣстное общество свидѣтельствуетъ и та сильная оппозиція, которая шла противъ него со стороны „схоластиковъ“. покоившихся на Библіи, обличаемыхъ имъ лицемѣровъ, суевѣровъ и т. п. Противъ нихъ онъ долженъ былъ, между прочимъ, выступить съ особымъ письмомъ—посланіемъ, въ которомъ разобралъ и блистательно опровергъ выставленныя противъ него обвиненіе въ манихейской ереси. Прежніе изслѣдователи не придавали важнаго значенія въ дѣлѣ распространенія идей сочиненіямъ Сковороды, а говорили только о вліяніи его живой устной проповѣди; но это большое заблужденіе, ибо можно доказать, что его ученые трактаты являются воспроизведеніемъ его устныхъ бесѣдъ. Вліяніе Сковороды не ограничилось только одной Украйной: оно распространялось и за ея предѣлы; оно не окончилось также смертью Сковороды, потому что и впослѣдствіи было не мало любителей его сочиненій. Мы утверждаемъ, вопреки недавно высказанному взгляду, что Сковорода родился и въ своевремя, и въ своемъ мѣстѣ. Онъ явился, какъ естественная реакція противъ исключительнаго господства матеріальныхъ интересовъ въ слободско-украинскомъ обществѣ, и самая проповѣдь и жизнь его вылились въ ту форму, которую давно уже выработала Малороссія, съ ея „мандрованными“, т. е. странствующими учителями. Самъ Сковорода былъ такимъ именно мандрованымъ народнымъ учителемъ въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Ученіе Сковороды не умерло вмѣстѣ съ нимъ; онъ могъ сказать о себѣ: *не всуе текохъ*. Онъ нашелъ себѣ по сердцу ученика въ лицѣ Ковалинскаго (да и не одного его, а многихъ). Онъ самъ воспиталъ или правильнѣе перевоспиталъ его въ своемъ духѣ и могъ сказать умирая: *се умираю не безчаденъ*. Къ Кова-

линскому Сковорода примѣнилъ свои педагогическіе пріемы и доказалъ на дѣлѣ ихъ жизненность и полезность.

Переходя къ вопросу о степени самобытности ученія Сковороды, мы должны высказать основное положеніе, что его никоимъ образомъ нельзя считать эклектикомъ. Это былъ самородокъ, какими подъ часъ даритъ насъ геній нашего народа, вдумчивый, глубокій мыслитель, создавшій необыкновенно стройную логическую систему, свободную отъ противорѣчій. Работалъ онъ всегда, какъ истинный философъ и ученый, но при этомъ скромно заявлялъ, что „истина ничья“. Образованіе его для своего времени было выдающееся и въ основѣ его лежало глубокое знакомство съ классическимъ міромъ въ его первоисточникахъ. Наибольшее духовное сродство у него было, по нашему мнѣнію, не съ мистиками, не съ массонами (которыхъ онъ не зналъ), а съ отцами и учителями церкви и Филономъ Іудеяниномъ. Узнавъ Сковороду, какъ *писателя*, мы отведемъ ему извѣстное мѣсто и въ русской, и въ южнорусской литературѣ XVIII в.: въ первой его нужно поставить подлѣ Новикова, а во второй онъ долженъ занять очень видное мѣсто, какъ единственный украинскій оригинальный философъ. Его поэтическія произведенія находятся въ органической связи съ Кіевской литературной школой XVIII в. (Георгій Конисскій, Лащевскій и др.). Нельзя забыть и его важныхъ услугъ, оказанныхъ русскому языку: ученые трактаты онъ писалъ по русски, сильнымъ, образнымъ, какъ мы видѣли, языкомъ, въ противоположность стихамъ, которые очень слабы по изложенію. Наконецъ онъ оказалъ нѣкоторое вліяніе и на новую малорусскую словесность въ лицѣ Котляревскаго и Шевченка.

Таковъ былъ Сковорода, которому принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи умственнаго и нравственнаго возрожденія своего края, который долженъ занять мѣсто въ исторіи русской мысли и литературы вообще. Мы, ученые спеціалисты, теперь освѣтили его съ этой, такъ сказать, *антикварной* точки зрѣнія.

Но точно ли его идеи имѣютъ въ настоящее время только одно антикварное значеніе? Многіе, очень многіе скажутъ: „да, какое намъ дѣло до какого то чудака, жившаго во 2-й пол. XVIII в.“, теперь у насъ совсѣмъ иные умственные и нравственные интересы, теперь у насъ широкіе общечеловѣческіе идеалы. И къ сожалѣнію, подобныя разсужденія направлены не по отношенію къ одному только Сковородѣ, а и ко многимъ другимъ историческимъ общественнымъ дѣятелямъ на Руси. Это наша историческая привычка—забывать о томъ, что сдѣлали выдающіеся люди нашей земли; вслѣдствіе этого теряется историческая нить творческаго процесса жизни и новое поколѣніе пользуется далеко

не всѣмъ культурнымъ наслѣдіемъ стараго; отсюда отсутствіе живой преемственной связи между поколѣніями, при чемъ подъ видомъ *новаго* является старое.

Такъ было и со Сковородой. Прошло 100 лѣтъ со дня его смерти—и только теперь мы издали его сочиненія (да и то не всѣ). Дѣятельность бившагося любовью къ ближнему сердца, плоды глубокаго, оригинальнаго ума, служившаго свѣточемъ для цѣлаго огромнаго района, мирно покоились въ архивахъ, забывались и могли совсѣмъ затеряться. Между тѣмъ, если привести богатое содержаніемъ идейное наслѣдіе Сковороды къ общимъ формуламъ, то окажется, что онъ проводилъ общечеловѣческіе идеалы: стремленіе къ нравственному возрожденію, неуклонное исканіе истины, какъ цѣль жизни всякаго человѣка, попытка сочетать съ разумомъ вѣру, принципы широкой религіозной терпимости, но не индифферентизмъ, борьба съ суевѣріями, демократизмъ, выражавшійся въ желаніи дать просвѣщеніе и низшимъ классамъ общества, полное соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ—вотъ основныя черты ученія и жизни Сковороды, имѣющія общечеловѣческое значеніе. И съ этой точки зрѣнія мы пожалуй найдемъ значительную аналогію между концомъ XVIII в. и нашимъ временемъ.

Мы значительно двинулись по пути прогресса; сильно измѣнились *формы* нашей жизни; но не тѣ же ли вопросы, какіе проводилъ 100 лѣтъ тому назадъ Новиковъ, Сковорода и др., волнуютъ насъ и теперь? Мало того: не повторяется ли кое что изъ прежняго почти съ буквальнымъ сходствомъ? Не указывается ли теперь на необходимость личной этики? Не повторяется ли теперь то просвѣтительное движеніе, которое одиноко велъ у насъ въ степной глуши бѣдный странникъ Сковорода и которое въ болѣе широкихъ размѣрахъ у себя въ культурномъ центрѣ, среди цвѣта тогдашней русской интеллигенціи, организовалъ Новиковъ? Помянемъ же добрымъ словомъ „старчика“ Сковороду, работавшаго для своего края, но внесшаго свою лепту и въ культурное богатство всей Россіи и даже въ сокровищницу общечеловѣческаго знанія и этики!

II.

Два культурныхъ дѣятеля изъ среды харьковскаго духовенства.

(Священникъ Василій Фотіевъ и Священникъ Андрей Самборскій).

I.

Характеристическою особенностью харьковскаго духовенства XVIII и начала XIX в. нужно признать тѣсную связь его съ остальнымъ, свѣтскимъ обществомъ. Явленіе это имѣетъ свои историческія основанія. Прежде всего, конечно, тутъ дѣйствовала одна причина общаго характера: различные классы тогдашняго общества не успѣли еще разъединиться и обособиться въ такой степени, какъ это было въ послѣдствіи. Затѣмъ очень важное значеніе имѣли еще два мѣстныя обстоятельства—выборъ священниковъ прихожанами и одинаковые источники образованія у духовенства и свѣтскихъ лицъ. Выборъ священниковъ прихожанами широко практиковался въ Слободской Украйнѣ (подобно Малороссіи) и—что очень важно—представлялъ изъ себя обычай, узаконенный епархіальною властью и, получившій правовой характеръ. Рядомъ съ нимъ дѣйствовало еще и право наслѣдственной передачи прихода отъ отца къ сыну, но это послѣднее все таки подчинялось ему [1]).

---

[1]) Вотъ любопытный документъ, ярко иллюстрирующій взаимодѣйствіе обоихъ нормъ. Въ 1745 г. священникъ сл. Сѣнной, Петръ, писалъ преосвященному: «ахтырскаго слободскаго полку въ мѣстечкѣ Сѣномъ при церквѣ живоначальныя Троицы съ прошлыхъ съ давнихъ временъ по 1709 годъ было по два попа; а съ оного года отъ разныхъ расходовъ въ слободы обывателей бывшій попъ Захарій въ слободу сойшолъ, за малолюдствомъ въ приходѣ, а другой попъ—дѣдъ мой Василій остался и по немъ сынъ его отецъ Василій же при означенной церкви по смерть свою священнодѣйствовалъ; а по смерти отца моего, за малолѣтствомъ дѣтей, *по прошенію прихожанъ*, попъ Іоаннъ Думскій въ викарія принятъ въ 1741 г. и жилъ одинъ же, По наслѣдію отца своего я нижайшій по прошенію прихожанъ сего 1745 г. апрѣля 26 Вашего Преосвященства рукоположеніемъ священническій санъ удостоился при-

Выборное начало держалось здѣсь крѣпко потому, что было принесено переселенцами-слобожанами еще изъ Заднѣпровья, гдѣ оно имѣло весьма широкое развитіе и стояло въ тѣсной причинной связи съ виднымъ участіемъ мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ вообще. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ въ ряды духовенства нерѣдко вступали и представители свѣтскаго общества и тѣмъ устанавливали еще большую связь между духовною и свѣтскою средою. И въ священники, и въ монахи поступали лица казацкаго и старшинскаго (т. е. дворянскаго) званія. Вотъ тому примѣры [1]). Протопопъ Харьковской соборной церкви Яковъ Ревковскій (1707—1716 гг.) былъ раньше сотникомъ; священникъ с. Липецъ Филиппъ Чернякъ былъ сынъ полковника; священникъ сел. Тростянца Іоаннъ Гнѣдичъ—сынъ сотника; священники г. Лебедина Яковъ и сел. Большаго Историпа Семенъ Яковлевичъ Джунковскіе—изъ дворянской фамиліи; священникъ с. Штеповки Мокій изъ рода дворянъ Романовскихъ, священникъ с. Соколова Андрей Григорьевичъ Скочко былъ раньше судьею Изюмскаго полка; изъ старшинскихъ родовъ вышли слѣдующіе представители чернаго духовенства: епископы Іоасафъ Горленко, Христофоръ Сулима (сынъ Переяславскаго полковника, гусарскій офицеръ), архимандритъ Куряжскаго монастыря Наркисъ (изъ рода Квитокъ), игумени Хорошевскаго монастыря—Афанасія (изъ рода Ковалевскихъ), Ѳеофанія (изъ рода Квитокъ), Марія (бывшая въ замужествѣ за Гамалѣемъ, урожденная Квиткина), Елизавета (изъ рода Дуниныхъ), Марѳа (Авксентьева), Тавиѳа (Сошальская), Ѳеофанія (Ковалевская), Евпраксія (Тимошенкова); монахини того же монастыря—Мануйлова, Моренкова, Ольховская, Саницкая, Скочковна, Двигубская, Тертичникова; игуменъ Святогорскаго монастыря Арсеній Зарудный, игуменъ Ахтырскаго Троицкаго монастыря Корнилій (изъ рода Перекрестовыхъ), игуменъ упраздненнаго Сумскаго Успенскаго мон. Іоасафъ Новосельскій, другой настоятель того же монастыря архимандритъ Іоакинѳъ (Боярскій) и третій Іаковъ Шубскій (бывшій бригадиръ), игумены упраздненной

нять и къ оной церкви ставленная грамота выдана; а оному попу Думскому велѣно другой парохіи себѣ искать, которой искалъ отъ мая мѣсяца по сіе число. А нынѣ невѣдомо съ какого умыслу согласясь сотникъ Иванъ Шарій да Уманецъ Александръ подпрапорній, *безъ ведома старшныхъ людей*, приняли къ означенной церкви онаго викарія ко мнѣ на половинную часть на Захарѣино мѣсто; а мѣсто весьма малолюдно не токмо двомъ, но и единому мнѣ не имущему другого какого пропитанія, не безъ скудости жить». Потому сей священникъ «мѣстечка Сѣннаго церкви Живоначальныя Троицы Петръ» просилъ не опредѣлять Думскаго на половинную часть Троицкаго прихода. (Филарета Ист. Стат. Опис. Харьк. Епархіи, III, стр. 212).

[1]) Ibidem, II, 20, 178; III, 116, 455, 467, 602, IV 208; I, 129, 131, 132, 165, 199, 226, 227, 256, 258, 273, 276. 281—285.

Михайловской пустыни Мелетій Гнѣдичъ и Іоасафъ Роменскій, игуменъ упраздненнаго Зміевскаго мон. Иларіонъ Негребецкій, игуменъ упраздненнаго Краснокутскаго мон. Іоанникій (бывшій полковникъ Иванъ Штепа), строитель упраздненнаго Сѣннянскаго мон. Варлаамъ (бывшій сотникъ Василій Григорьевъ). Но не одни только представители привиллегированнаго сословія вступали въ ряды духовенства: слѣдомъ за ними шло и рядовое казачество, которое тогда не было еще отгорожено китайской стѣной отъ своихъ предводителей и соратниковъ по военнымъ подвигамъ, и по быту своему мало чѣмъ отличалось отъ этихъ послѣднихъ; посѣдѣвшіе въ бояхъ казаки нерѣдко оканчивали свою жизнь, подобно знаменитому герою старой Малороссіи Семену Палію, въ стѣнахъ украинскихъ монастырей, а сыновья ихъ, особенно прошедшіе курсъ наукъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ, по просьбѣ громадъ, получали священническія мѣста.[1]) Что же касается дьячковъ и пономарей, то это были свѣтскія лица, отправлявшія свою должность по найму самихъ прихожанъ;[2]) они являлись связующимъ звеномъ между священниками и сельскимъ населеніемъ; по своему образу жизни и быту они ничѣмъ почти не отличались отъ этого послѣдняго.

Третьимъ связующимъ элементомъ духовнаго и свѣтскаго общества была тогдашняя школа. Школа находилась въ рукахъ духовенства, но не только не была проникнута характеромъ какой либо исключительности, а наоборотъ являлась вполнѣ всесословной или пожалуй безсословной. Высшее учебное заведеніе края—Харьковскій коллегіумъ, не смотря на то, что состоялъ при монастырѣ и былъ основанъ архіереями для образовательныхъ нуждъ духовенства, сдѣлался именно такой всесословной или безсословной школой, потому что гостепріимно раскрылъ свои двери для всѣхъ, и въ немъ, дѣйствительно, училось множество дѣтей казацкой старшины, казаковъ, мѣщанъ и т. п., которыя потомъ занимали разныя должности по свѣтскому и *духовному* вѣдомству, также какъ и сыновья священниковъ, по окончаніи науки въ Коллегіумѣ, шли въ университетъ или поступали въ *гражданскую службу*. Но еще обучаясь въ классахъ, большая часть учениковъ Коллегіума поступала на кондиціи, въ качествѣ репетиторовъ, къ помѣщикамъ, казакамъ и вообще обывателямъ и дѣйствовала объединяющимъ образомъ въ сферѣ учебной: у дѣтей свѣтскихъ лицъ и духовенства оказывалась одна и та же наука или правильнѣе говоря, одинъ и тотъ-же источникъ науки, и даже одни и тѣже дѣятели и проводники просвѣщенія. Такъ обстояло дѣло съ высшей школой; но такъ-же стояло оно и съ низшей. Элемен-

[1]) Ibidem, III, 451—453.

[2]) Ibidem, III, 454.

тарныя школы находились въ рукахъ духовенства, но это опять таки не были духовныя сословныя училища; это были въ истинномъ смыслѣ этого слова *народныя* школы, т. е. всесословныя или безсословныя. Въ одной изъ своихъ прежнихъ работъ [1]) я уже выяснилъ вопросъ о количествѣ и характерѣ этихъ школъ и доказалъ статистическими данными, мною же открытыми, что число ихъ относительно населенія въ 1732 году было не меньше, чѣмъ теперь; вопреки мнѣнію Г. П. Даниловскаго, я показалъ, что онѣ были не духовными, а народными, всесословными школами. Онѣ созданы были самимъ народомъ—по его иниціативѣ и на его средства; учились въ нихъ дѣти всѣхъ сословій—духовенства, старшины, казаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ: программы и методы ихъ вполнѣ соотвѣтствовали *тогдашнимъ* потребностямъ и запросамъ народа въ сферѣ образованія и находились въ тѣснѣйшей связи съ происхожденіемъ и причинами, вызвавшими ихъ къ жизни (имѣемъ въ виду борьбу южнорусскаго народа въ правобережной Малороссіи противъ уніи, приведшую къ учрежденію школъ при братствахъ). Учителя въ этихъ школахъ были дьяки, чаще всего „мандрованные“ дьяки, т. е. переходившіе изъ одной школы въ другую, изъ одного прихода въ другой. Одни изъ нихъ были питомцами этихъ же школъ, но только изучавшими еще, такъ сказать, методику преподаванія подъ руководствомъ болѣе извѣстныхъ дьяковъ-учителей (отсюда и „мандрованія“ т. е. путешествія по образцу западно-европейскихъ ремесленниковъ, ибо школьное преподаваніе представляло изъ себя также своего рода цехъ); другіе проходили по нѣсколько классовъ въ коллегіумѣ; во всякомъ случаѣ, и тѣ, и другіе скорѣе могли быть причислены къ свѣтскому, чѣмъ къ духовному сословію или, правильнѣе говоря, стояли на рубежѣ того и другого. Такимъ образомъ, какъ высшая школа (коллегіумъ), такъ и низшая въ то время вели не къ замкнутости и кастовой исключительности, а къ объединенію духовнаго и свѣтскаго элемента на почвѣ образованія.

Къ тому же приводило и еще одно живое и симпатичное общественное учрежденіе стараго времени—*шпиталь*, т. е. богадѣльня. Школа, церковное братство и шпиталь были тѣсно связаны другъ съ другомъ и имъ отдавали свои силы и средства въ одинаковой степени духовенство и народъ; отсюда отсутствіе касты, антагонизма, сословной исключительности; преобладаніе имѣлъ тотъ, кто больше работалъ на пользу общую; свѣтское общество было сильно проникнуто религіозными интересами; духовенство не представляло изъ себя замкнутаго круга и по-

[1]) См. мою актовую рѣчь «Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета».

стоянно заботилось объ умственномъ и нравственномъ усовершенствованіи всего народа, далеко выходя за предѣлы собственно церковныхъ интересовъ своего сословія.

Среди харьковскаго духовенства стараго времени было не мало лицъ, которыя должны занять видное мѣсто въ исторіи нашей мѣстной культуры *вообще*. Сюда нужно отнести, напримѣръ, архіереевъ Епифанія Тихорскаго, Іоасафа Горленка, Θеоктиста Мочульскаго и Христофора Сулиму, протоіереевъ Андрея Прокоповича, Шванскаго и Василія Снѣсарева. Сюда же принадлежатъ несомнѣнно и тѣ два дѣятеля, которымъ посвящена настоящая статья—протоіереи *Василій Фотіевъ и Андрей Самборскій*. Отличительною чертою ихъ дѣятельности является та именно забота о совершенствованіи и преуспѣяніи свѣтскаго общества, о которой мы говорили выше, и которая получила особенно сильное развитіе въ первые года царствованія Императора Александра I-го. И одинъ, и другой были передовыми людьми своего вѣка и вели мѣстное общество по пути усовершенствованія и прогресса.

II.

Священникъ Василій Григорьевичъ Фотіевъ [1]) происходилъ изъ духовнаго званія, но родоначальникомъ его фамиліи былъ плѣнный турокъ, принявшій православіе. Такъ разсказываетъ племянникъ его Павелъ Николаевичъ, сынъ штабъ-лекаря Николая Григорьевича Фотіева, родного брата о. Василія. „Отецъ Василія Фотіева Григорій Фотіевичъ Фотіевъ, мой дѣдъ, пишетъ онъ, былъ священникомъ помѣщичьяго села Григоровки, отстоящаго въ 4-хъ верстахъ отъ Харькова, который (Фотіевъ) по своему смиренію, при встрѣчѣ со своими знакомыми, когда тѣ не узнавали его и поэтому спрашивали, кто идетъ, обыкновенно отвѣчалъ: грѣшный человѣкъ; почему подъ этимъ прозвищемъ и былъ болѣе извѣстенъ между своими харьковскими сосѣдями, когда жилъ уже и въ Харьковѣ. Отецъ его, какъ я слышалъ отъ своего двоюроднаго брата Сократа Васильевича Фотіева (сына о. Василія), былъ плѣнный турокъ, который умеръ въ Россіи и послѣ котораго остался здѣсь 10-лѣтній сынъ его Махмудъ-Али, впослѣдствіи дѣдъ мой Григорій,

[1]) Въ основу настоящаго біографическаго очерка положены рукописныя черновыя замѣтки покойнаго помощника библіотекаря Чирикова, хранящіяся въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ; тутъ имѣются: 1) записка о Вас. Фотіевѣ его племянника Павла Фотіева, доставленная авторомъ 25 сентября 1878 г., 2) разсказъ о несчастномъ случаѣ съ о. Василіемъ въ царствованіе имп. Павла, записанный Чириковымъ со словъ старожиловъ; 3) выписки изъ печатныхъ источниковъ.

названный этимъ именемъ при крещеніи; воспріемнымъ отцомъ его былъ какой то полковникъ по имени Фотій и въ честь его дѣдъ мой и получилъ свое отчество и фамилію". Образованіе свое получилъ Василій Григорьевичъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Въ царствованіе императора Павла онъ былъ священникомъ Вознесенской церкви въ Харьковѣ (въ 1801 году напечатано въ Москвѣ его „Слово на заложеніе храма Вознесенія Господня въ Харьковѣ").

Существуетъ преданіе (правда нѣсколько темное и сбивчивое), которое пріурочиваетъ дѣятельность Василія Григорьевича Фотіева еще къ царствованію Императрицы Екатерины II-й и сообщаетъ о непосредственныхъ сношеніяхъ его съ этой послѣдней. Оно записано въ 1859 г. авторомъ „Историко-статистическаго описанія г. Харькова", С. И. Кованько со словъ почти столѣтняго старца-дворянина Ефибовскаго, который былъ первымъ учителемъ и открывателемъ учрежденнаго Екатериною въ Харьковѣ Малаго Народнаго училища. „Съ 1789 г., пишетъ С. И. Кованько, учреждены въ Харьковѣ главное народное училище, а какъ здѣсь, такъ и въ прочихъ городахъ намѣстничества еще малыя народныя училища. Харьковскія народныя училища помѣщались въ балаганахъ, гдѣ теперь домъ дворянскаго собранія. Первый учитель и открыватель малаго народнаго училища въ Харьковѣ дворянинъ Ефибовскій, бывшій (раньше) ученикомъ въ классахъ (въ духовномъ коллегіумѣ), при открытіи намѣстничества, находится теперь (въ 1859 г.) въ домѣ благотворительнаго общества. Ему подъ 100 лѣтъ. Онъ очень маленькаго роста, съ умнымъ выраженіемъ лица и отличается благонравіемъ передъ всѣми пенсіонерами благотворительнаго дома. Онъ разсказывалъ, что, по открытіи народныхъ училищъ, Екатерина Великая, получивъ докладъ о помѣщеніи училища въ балаганѣ и объ опредѣленіи учителями молодыхъ людей, повелѣла, чтобы до пріобрѣтенія дома были въ балаганѣ построены печки и собственноручно писала къ (какому то) *отцу Василію*, чтобы онъ озаботился переженить всѣхъ педагоговъ. Повелѣніе исполнено: невѣстами были преимущественно поповны" [2]). Въ слѣдующемъ 21-мъ номерѣ „Харьк. Губ. Вѣд." въ замѣткѣ, Александра Розельонъ-Сошальскаго, объясняется, кто былъ указанный Ефибовскимъ отецъ Василій: „это безъ сомнѣнія (говоритъ А. Розельонъ-Сошальскій) былъ протоіерей Василій Фотіевъ". Самое содержаніе замѣтки Ефибовскаго внушаетъ намъ впрочемъ сомнѣнія. Едва ли Екатерина II могла написать тотъ указъ, о которомъ говоритъ Ефибовскій. Но трудно также предположить, чтобы Ефибовскій выдумалъ свой разсказъ: онъ,

[2]) Историко-стат. описаніе г. Харькова, С. И. Кованько (Прибавленіе къ «Харьк. Губ. Вѣд.» 1859, № 20).

вѣроятно, спуталъ обстоятельства дѣла и (С. И. Кованько говоритъ, что онъ въ то время потерялъ уже память), забылъ подробности, однако не сочинялъ—нѣчто подобное дѣйствительно могло случиться; онъ забылъ фамилію о. Василія, но твердо помнилъ его имя, подъ которымъ тотъ и безъ того былъ извѣстенъ всему городу. Для насъ важно въ этомъ разсказѣ только то, что о. Василій Фотіевъ уже въ царствованіе Екатерины II имѣлъ прямое отношеніе къ школьному дѣлу въ г. Харьковѣ. Хронологической несообразности тутъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакой: по словамъ Павла Фотіева, о. Василій умеръ въ 1829 году, имѣя въ то время болѣе 80 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно, онъ долженъ былъ родиться въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, а окончить образованіе и занять священническую должность въ 80-хъ годахъ того же вѣка. Впрочемъ, мы имѣемъ еще болѣе точныя цифры проф. Тимковскаго, который говоритъ, что въ 1803 г. о. Василію было 47 лѣтъ, (слѣдовательно родился онъ въ 1756 г.), а окончилъ коллегіумъ въ 1784 г.

III.

Въ царствованіе Имп. Павла надъ о. Василіемъ стряслась большая бѣда, которая едва не разразилась и надъ всѣми остальными жителями Харькова.

Объ этомъ происшествіи мы имѣемъ разсказъ современника Цебрикова и воспоминанія харьковскихъ старожиловъ. Оба источника, расходясь въ подробностяхъ, въ общемъ подтверждаютъ и пополняютъ другъ друга. Вотъ что говоритъ Цебриковъ, лично посѣтившій Харьковъ и встрѣтившійся тутъ съ о. Вас. Фотіевымъ. „Кстати, замѣчаетъ онъ, упомянуть здѣсь, какъ то мнѣ прежде оттуда писано было, о случившемся съ нимъ несчастіи во время царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Павла I. Мая первое число празднуютъ обыкновенно тамъ, какъ и во всѣхъ почти мѣстахъ, за городомъ, въ садахъ, рощахъ или на лугахъ прекрасныхъ. Я очень хорошо помню, что еще въ мое время первые чиновные люди того края дѣлали при семъ случаѣ угощенія, кои не рѣдко простирались до пресыщенія въ яденіи и питіи. Такимъ же образомъ торжествовавшіе тогда сей майскій день чиновныя особы, военныя и штатскія, подгулявшія обнаружили прямыя свои другъ противъ друга мысли и чувствованія, перессорилися и наконецъ, какъ утверждали, передрались. Въ слѣдовавшій потомъ день, шедшая на рынокъ женщина рано по утру увидѣла на церковныхъ дверяхъ въ своемъ приходѣ (въ томъ именно, въ коемъ находится теперь сей протопопъ), прибитый большой листъ бумаги, на коемъ изображены

были лица пьяныя, между собою ссорящіяся и кулаками другъ другу грозящія; а внизу надпись въ стихахъ со слѣдующими заключительными словами: „нечего дивиться: каковъ попъ, таковъ и приходъ“. Женщина сія донесла о томъ пономарю или дьячку, а сей священнику, священникъ городничему, а сей по командѣ губернатору, который, почтя слова сіи, какъ бы относившіяся къ Августѣйшему лицу Монарха, а не къ себѣ, слѣдовательно, за оскорбленіе Величества, разсудилъ за благо препроводить помянутый листъ съ нарочнымъ прямо къ покойному Государю, немедленно же отправившему туда двухъ сенаторовъ для изслѣдованія дѣла сего на мѣстѣ. Они розыскивали тамъ произшествіе сіе съ великою строгостію, и нашъ несчастный Фотіевъ также былъ допрашиванъ и, какъ иные говорили, пытанъ; онъ самъ послѣ отзывался, что изо всей исторіи сей ничего не помнитъ, кромѣ темной большой комнаты, куда его привезли ночью, кромѣ стоявшаго въ углу столика съ одною горѣвшею свѣчею подъ крышкою, и перваго вопроса: пишу ли я стихи? но болѣе ничего не припомнитъ отъ чрезвычайнаго страха, тогда имъ овладѣвшаго, даже до тѣхъ поръ, какъ опять въ своемъ домѣ очутился. За сіе то его страданіе, какъ многіе утверждаютъ, исходатайствовали ему, по смерти Императора Павла I-го покровительствующія ему особы крестъ и орденъ св. Анны, изъ коихъ многіе тамошніе священники не имѣютъ ни того, ни другаго. Сей ужасный анекдотъ и для меня самого отчасти памятенъ. Вамъ извѣстно, что при возшествіи на престолъ блаженныя памяти Императора Павла I-го, Академія Наукъ, издававшая до того времени политическія статьи о заграничныхъ произшествіяхъ въ своихъ Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ, извинясь предъ симъ Государемъ въ невѣдѣніи своемъ о политическихъ отношеніяхъ Европейскихъ дворовъ, просила Его возложить изданіе сего рода газетъ на иностранную коллегію нашу, которая и поручила мнѣ, въ тогдашнія, по истивѣ критическія времена, заниматься сею частью. На сей конецъ доставляемы мнѣ были разныя иностранныя газеты и журналы изъ здѣшняго почтамта по повелѣнію коллегіи нашей, отъ коей онъ тогда зависѣлъ. Однажды въ почтовый день, не получая оныхъ долго, вздумалось мнѣ самому пойти къ почтъ-директору. Я засталъ у него въ кабинетѣ особу въ Анненской лентѣ мнѣ неизвѣстную, которая очень дурно говорила о Слободско-Украинской губерніи и о вышеупомянутомъ произшествіи. Слыша столь непріятныя сужденія о своей отчизнѣ, не могъ я не сказать чего нибудь въ оправданіе ея и прямо отозвался, что народъ вездѣ, что губернаторы болѣе причиною какихъ либо неустройствъ, что при губернаторахъ прежнихъ и губернія та была въ хорошей славѣ, но что начали лишаться оной и повреж-

даться со времени простаго человѣка и старика Пшква, (т.-е. Пашкова) а наипаче со времени губернатора Кишскаго, (т.-е. Кишенскаго), заведшаго тамъ маскарады, частые балы, разныя увеселенія, слѣдовательно, волокитства, подозрѣнія, ревность, ссоры и раздоры, что отъ сего то всѣ произошли безпорядки и нестроенія, что все сіе надобно приписывать не... Тутъ особа сія сказала: уже 8 часовъ, (это было въ ноябрѣ мѣсяцѣ послѣ обѣда): мнѣ пора ѣхать. „Куда“, спросилъ почтъ-директоръ? Въ свою тайную для продолженія мерзскаго слѣдствія по харьковскому гнустному дѣлу“, и тотъ часъ ушелъ. Почтъ-директоръ спросилъ меня: „для чего я вступился за эту губернію“? „Я тамошній уроженецъ“. Хорошо, присовокупилъ онъ, что это случилось у меня въ кабинетѣ, а то бы и вамъ досталось: это былъ Фсъ. Государь весьма неблаговолитъ къ вашей губерніи за случившееся тамъ очень дурное произшествіе; оттуда привезено сюда нѣсколько человѣкъ, обличаемыхъ въ семъ дѣлѣ, и содержатся подъ строжайшимъ присмотромъ въ тайной. Послѣ сихъ словъ вы можете себѣ легко вообразить мой страхъ и ужасъ. Подлинно, произшествіе сіе злополучное и столь много шуму и чрезвычайныхъ бѣдствій многимъ тогда причинившее виноватымъ и безвиннымъ, могло бы быть утаено весьма удобно, если бы бывшій тогда губернаторъ Сбрвъ (т. е. Сабуровъ) имѣлъ сколько нибудь побольше здраваго разсудка и хотя искру человѣколюбія; но у него ни того ни другого небыло, такъ какъ и у родного брата его сенатора, кои однако оба пользовались тогда милостію свыше своихъ талантовъ, добродѣтелей и заслугъ, по какому-то, можно сказать, слѣпому случаю, или року, либо по своеволію фортуны, вращающей людьми, какъ своимъ ничтожнымъ колесомъ“. [1]).

По разсказамъ многихъ харьковскихъ старожиловъ,—Т. И. Селиванова, А. С. Венедиктова, В. М. Черняева, Е. С. Гордѣенка и др. дѣло было такъ. „Нѣсколько бабъ хохлушекъ, проходя рано утромъ на базаръ, мимо Вознесенской церкви, увидѣли что то, приклеенное на стѣнѣ колокольни. Скоро подошелъ къ нимъ дьяконъ церкви, снялъ со стѣны бумагу и, прочитавши при бабахъ, увидѣлъ, что то былъ пасквиль на Императора Павла. Дьяконъ передалъ пасквиль отцу Василію Фотіеву, котораго домъ находился близъ церкви. Пораженный ужасомъ, Фотіевъ препроводилъ пасквиль губернатору, который въ неменьшемъ ужасѣ донесъ тотчасъ же обо всемъ въ Петербургъ. Пошла исторія. Повлекли въ Петербургъ всѣхъ, кого только сочли прикосновеннымъ къ

[1]) Рукопись, заключающая въ себѣ разсказъ Цебрикова о путешествіи изъ Петербурга въ Харьковъ, хранится въ Имп. Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ; она списана мною.

этому дѣлу: и Фотіева, и бабъ—хохлушекъ, и одну барыню генеральшу Бердяеву, которой домъ находился на той же площади, гдѣ стоитъ Вознесенская церковь, и которая гдѣ то, какъ донесли, читала тоже пасквиль Генеральша Бердяева была извѣстна уже Павлу по какой то исторіи, въ которой она принимала участіе, въ царствованіе Екатерины II: она вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими харьковскими дамами подверглась наказанію послѣ слѣдствія, которое производилъ присланный въ Харьковъ изъ Петербурга Нелединскій-Мелецкій съ дѣлопроизводителемъ Шишковымъ; старожилы указывали и домъ (на мѣстѣ котораго теперь 2-я гимназія), гдѣ производилось слѣдствіе. Раздраженный Павелъ самъ всѣхъ допрашивалъ: испуганныя хохлушки, своимъ нарѣчіемъ и простотою, заставили, какъ говорили, разсмѣяться Павла; онѣ, конечно, ничего не помнили: „чулы, щось чыталы—та мы ничого не знаемо“. Отца Василія Фотіева высѣкли. Тѣмъ не менѣе автора пасквиля все таки не сыскали. Павелъ велѣлъ поставить въ Харьковѣ на площади висѣлицу для отыскиваемаго пасквилянта и объявить, что если къ назначенному сроку его не сыщутъ или не выдадутъ, то будутъ бить кнутомъ десятаго харьковскаго обывателя и всѣхъ сошлютъ въ Сибирь, а городъ уничтожатъ“. И всѣ понимали, что это не простая угроза, что она можетъ быть приведена въ исполненіе. „Висѣлицу поставили, но черезъ ночь, на другой день,—о ужасъ!—на висѣлицѣ увидѣли повѣшенной чучело Павла. Харьковцы ожидали со дня на день своей страшной казни. Дѣло было въ великій постъ. Наступила страстная недѣля. Архіерей Христофоръ Сулима служилъ въ церкви, горожане молились и плакали. Вдругъ въ церковь входитъ только что пріѣхавшій фельдъ-егерь изъ Петербурга и направляется съ бумагой къ архіерею. Всѣ бывшіе въ церкви такъ и замерли, стоя на колѣняхъ. Сулима разворачиваетъ ужасную бумагу—и не можетъ читать ее отъ волненія, передаетъ мужественному протодіакону, который и прочелъ торжественно.... манифестъ о восшествіи на престолъ Александра I. Всеобщую радость харьковцевъ въ тотъ моментъ нельзя выразить. Послѣ ожидаемаго кнута и Сибири, всѣ они почувствовали себя на седьмомъ небѣ—начали плакать и цѣловаться. Все дѣло о пасквилѣ было предано забвенію, какъ бы его и вовсе не было. Фотіевъ черезъ годъ получилъ Анну на шею за испытанную имъ непріятность. Всю описанную дерзкую продѣлку съ пасквилемъ и чучеломъ Павла, какъ говорили, устроилъ одинъ изъ тогдашнихъ молодыхъ помѣщиковъ, горбунъ Подгоричани, въ сообществѣ со своими пріятелями. Удивительно, какъ его не открыли. Впрочемъ, общая бѣда избавляла отъ доноса, также какъ и дѣлала отчаянно смѣлымъ“ [1]).

[1]) Харьковскій историческій архивъ. Бумаги Чирикова.

Въ своей извѣстной „Запискѣ о древней и новой Россіи“ Н. М. Карамзинъ говоритъ объ этомъ времени такъ: „замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя—въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, россіяне боялись даже и мыслить; нѣтъ! говорили и смѣло умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти заглушало голосъ личной осторожности“. Въ приведенномъ выше разсказѣ старожиловъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Подобный эпизодъ могъ дѣйствительно разыграться въ царствованіе Императора Павла Петровича. Въ разсказѣ этомъ нѣтъ видимыхъ анахронизмовъ: харьковскимъ архіереемъ былъ тогда дѣйствительно Христофоръ Сулима. Новый государь вступилъ на престолъ 12 марта 1801 года, слѣдовательно, около праздника Пасхи. Не совсѣмъ точны, можетъ быть, только нѣкоторыя подробности: о. Василій Фотіевъ дѣйствительно получилъ орденъ св. Анны 2-й степени на шею, но не за эту исторію, а за свою полезную дѣятельность въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета, хотя, впрочемъ, и невинное страданіе его могло оказать нѣкоторое вліяніе на полученіе столь высокой награды: Им. Александръ, какъ извѣстно старался вознаграждать лицъ, пострадавшихъ при его отцѣ. Молва считала виновникомъ дерзкаго пасквиля Подгоричани; но было-ли это такъ въ дѣйствительности, судить не беремся, потому что въ нашихъ рукахъ нѣтъ для этого никакихъ данныхъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ того, что пасквиль могъ возникнуть въ дворянской средѣ, является впрочемъ извѣстіе Цебрикова о маевкѣ, устроенной харьковскимъ бомондомъ и послужившей сюжетомъ стихотворной сатиры неизвѣстнаго автора. Противорѣчіе между разсказомъ Цебрикова и старожиловъ заключается только въ хронологическихъ датахъ: первый пріурочиваетъ это событіе къ маю мѣсяцу, а вторые къ марту. Кромѣ того Цебриковъ ничего не говоритъ о повѣшеніи чучела; но это умолчаніе, само по себѣ, не служитъ къ опроверженію извѣстія, потому, что Цебриковъ не зналъ подробностей дѣла, а потому, быть можетъ, и вступилъ въ споръ со страшнымъ представителемъ тайной канцеляріи. Впрочемъ разсказъ о немъ могъ возникнуть уже въ качествѣ фантастической прибавки къ основному повѣствованію, дабы еще болѣе усилить впечатлѣніе ужаса отъ ожидавшей городъ Харьковъ кары, хотя нельзя также исключить и того предположенія, что какой нибудь злоумышленникъ задумалъ это дерзкое предпріятіе, чтобы вызвать еще большую панику и ужасъ среди горожанъ. Какъ бы то ни было, надъ отцомъ Василіемъ Фотіевымъ, какъ надъ невинно пострадавшимъ, послѣ

этой исторіи остался ореолъ мученичества и его личность должна была сдѣлаться очень популярной среди всего харьковскаго населенія, а особенно среди дворянства, которое могло сознательнѣе всѣхъ остальныхъ группъ отнестись къ этому дѣлу и наиболѣе ярко выразить свое сочувствіе потерпѣвшему.

IV.

Объ огромной популярности о. Василія Фотіева въ средѣ харьковскаго дворянства свидѣтельствуетъ та важная роль, какую игралъ онъ въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета. Онъ былъ правою рукою и помощниковъ В. Н. Каразина, особенно въ первый моментъ, когда нужно было пропагандировать мысль о пользѣ университета среди дворянства и подвинуть это послѣднее на крупное денежное пожертвованіе. В. Н. Каразинъ, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, избралъ о. Василія своимъ довѣреннымъ лицомъ по этому дѣлу, какъ это можно видѣть изъ одного письма [1]) его къ этому послѣднему. Мы приведемъ это письмо съ нѣкоторыми пропусками, касающимися подробностей той идеи, которою въ то время занятъ былъ В. Н. Каразинъ. „*Здравствуйте, душевночтимый, любезнѣйшій отецъ Василій!* писалъ Василій Назарьевичъ 2 мая 1802 года. *Совѣщуся, что не бесѣдовалъ съ вами такъ давно;* въ полной мѣрѣ чувствую мою вину, но въ то же время я за нее и наказанъ вашимъ безмолвіемъ. Прекращая оное съ моей стороны, при случаѣ представленія вамъ искренняго пріятеля моего Моисея Григорьевича Ушинскаго, скажу вамъ, *моему почтенному другу, что я ему далъ важное порученіе. Будьте ему подпорою и совѣтомъ: вы по самымъ свойствамъ вашимъ, которыя напослѣдокъ имѣютъ должную цѣну свою, можете много. Признаюсь охотно, что на васъ у меня величайшая надежда. Не представляю вамъ далѣе никакихъ побужденій, вы—другъ добра и о добрѣ идетъ дѣло.*

Не знаю, въ какомъ положеніи у васъ теперь важный предметъ общественнаго воспитанія. Что значитъ напримѣръ по существу своему казенныя училища и народное? Соединенны ли они съ первымъ? И на какомъ основаніи хотятъ располагать кадетскій предварительный корпусъ? Сдѣлано ли уже съ сей стороны представленіе, куда слѣдуетъ, что получено въ отвѣтъ, какой оставленъ планъ, какая предположена собраться сумма и сколько ея собрано? Все это мнѣ несовершенно из-

---

[1]) Оригиналъ этого письма хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университета; напечатано оно было впервые въ «Украинской старинѣ» Г. П. Данилевскаго (стр. 135—139).

вѣстно. Но бывъ удостоенъ вскорѣ по возвращеніи моемъ въ Петербургъ бесѣды добраго Государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университа, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему, въ которомъ величайшее пособіе могу я здѣсь заимствовать отъ нѣсколькихъ любящихъ меня добрыхъ людей, какъ другія упражненія отвлекли меня. Я сто разъ собирался писать къ вамъ, но ожидалъ свѣдѣній о новыхъ кадетскихъ корпусахъ, которые мнѣ обѣщали доставить, ожидалъ также и рѣшительнаго случая, который я предвидѣлъ. Теперь настигъ сей случай, занимающій меня самымъ пріятнымъ образомъ, именно: угодно было всемилостивѣйшему Государю учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ двухъ академій и Московскаго университета; въ семъ комитетѣ съ членами, тайными совѣтниками Муравьевымъ, графомъ Потоцкимъ и академикомъ Фусомъ, разсудилъ Е. И. В. поручить мнѣ письмоводство. Къ намъ вступило множество бумагъ, содержащихъ планы и соображенія разнаго рода по симъ заведеніямъ. Между прочимъ нашли мы, что еще въ 1786 г. покойная Государыня Императрица имѣла намѣреніе учредить въ Россіи на первый случай три университета, и на сей конецъ поднесенъ ей былъ превосходный и сообразный мѣстнымъ свѣдѣніямъ государства и народному характеру прожектъ. Можно воспользоваться имъ и еще усовершить со стороны, о которой тогдашнія обстоятельства думать не позволяли. Сія мысль заняла всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобъ дѣйствовать. Не для чего распространяться описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего дня нашей отчизны Украины проистекти имѣетъ. *Вы далѣе моего все сіе видите и можете другимъ представить съ тою убѣдительностью, которая вамъ свойственна.* Скажу только, что издержекъ—была бъ на самое дѣло благая воля—бояться нечего. Онѣ будутъ весьма непримѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200 тысячъ рублей, т. е. по одному рублю съ души помѣщичьей, пригласитъ къ тому городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составится съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами. Я говорю—*положивъ собрать*, ибо скапливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если каждый обяжется пристойнымъ залогомъ взносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе будетъ весьма легко. На предварительныя жъ издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должные дворянству каз-

ною 70000 руб., а можетъ быть и сверхъ того, какъ удостовѣренъ я въ участіи, какое Геній Россіи беретъ во всемъ, что до блага его подданныхъ касается. При университетѣ можно учредить и богословскій факультетъ по примѣру иностранныхъ, *котораго вамъ первымъ богословомъ быть прилично.* Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состояніе разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ". Далѣе В. Н. Каразинъ отмѣчаетъ важнѣйшія черты будущаго университета и между прочимъ слѣдующую: „въ семъ учрежденіи не будетъ никакихъ раздѣленій, отъ состояній или богатства зависящихъ, каждый студентъ будетъ равенъ другому, кто бы ни былъ его отецъ. Одни таланты и прилежаніе доставятъ преимущество; сіи только свойства, при выпускѣ въ аттестатѣ обнаруженныя, доставятъ чинъ по мѣрѣ достоинства, но не менѣе 14-го класса и до 12-го. Сіе равенство родитъ соревнованіе и произведетъ рано или поздно въ общемъ понятіи равенство состоянія, недостатокъ котораго есть причиною, что духовенство ни мало не уважаемо *(какъ вы въ прекрасныхъ своихъ бумагахъ примѣтили).* Однако вы сами видите необходимость сохранить сіе въ тайнѣ до произведенія въ дѣйство. Такимъ образомъ, видя одинакое уваженіе, присвоенное тому или другому классу людей, одинакія выгоды по мѣрѣ лишь услугъ, оказанныхъ обществу, дворяне безъ разбору будутъ поступать въ духовенство и бѣдные изъ нихъ не возгнушаются принять на себя почтеннаго званія наставника или прославлять край рожденія своего изящными художествами. *Обнимите патріотическимъ духомъ вашимъ все, что я пропустилъ въ семъ бѣломъ начертаніи, и согрѣйте мои идеи жаромъ вашего сердца. Вы можете прежде всего побесѣдовать съ Василіемъ Михайловичемъ и Григоріемъ Романовичемъ. Я буду писать къ нимъ съ первою почтою; а можетъ быть еще и теперь успѣю. Ваши мысли сообщилъ моему Благотворителю, который будетъ (Богъ свидѣтель глубокой моей въ томъ увѣренности!). Благотворителемъ своего отечества; вы, кажется мнѣ, получите Его собственный отзывъ. Продолжайте мыслить такъ ангельски, какъ вы мыслите, и будьте дѣятельны и тверды; лучшіе люди въ государствѣ почтутъ за честь быть съ вами въ связи: камеръ-геръ Витовтовъ получилъ было порученіе отъ Г. вызвать васъ для своей части, которая, чаю, по газетамъ вамъ извѣстна, но я удержалъ это до свиданія нашего,* Простите! Съ живѣйшими чувствованіями преданности и почитанія *обнимаетъ васъ* вѣрно усердный слуга В. Каразинъ". Изъ при-

веденнаго здѣсь письма и въ особенности подчеркнутыхъ нами мѣстъ читатель можетъ ясно видѣть, что о. Василій Фотіевъ, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ В. Н. Каразинымъ, велъ съ нимъ переписку, доставлялъ ему свои проекты, касающіеся положенія духовенства; В. Н. Каразинъ считалъ его умнымъ, вліятельнымъ человѣкомъ въ мѣстномъ обществѣ (преимущественно дворянскомъ: упоминаемый въ письмѣ Василій Михайловичъ—это губернскій предводитель дворянства Донецъ-Захаржевскій, а Григорій Романовичъ=пользовавшійся огромнымъ значеніемъ, помѣщикъ Шидловскій) и сообщалъ даже его мысли Государю (подъ иниціаломъ Г., очевидно, нужно разумѣть слово Государь), который по словамъ Василія Назарьевича, имѣлъ намѣреніе лично отвѣчать ему и вызвать его на службу въ Петербургъ; въ предполагавшемся къ открытію Харьковскомъ университетѣ В. Н. Каразинъ хотѣлъ дать о. Василію мѣсто главнаго профессора богословскаго факультета и, наконецъ, не безъ сильнаго преувеличенія, ему впрочемъ обычнаго, заявлялъ, что „лучшіе люди въ государствѣ почтутъ за честь быть съ нимъ въ связи".

Нужно думать, что о. Василій Фотіевъ въ значительной степени оправдалъ надежды В. Н. Каразина,—т. е. старался, по мѣрѣ силъ своихъ, вліять на мѣстное общество, чтобы побудить его принести жертвы на открытіе въ Харьковѣ университета. Это видно между прочимъ и изъ того, что Василій Назарьевичъ въ числѣ прочихъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху дѣла, выхлопоталъ награду и ему [1]) и при томъ—что очень важно въ данномъ случаѣ—награду чрезвычайную: именно орденъ св. Анны 2-й степени съ драгоцѣнными камнями, какового будто бы не имѣлъ въ то время, по словамъ Павла Фотіева, и самъ архіерей. Однимъ словомъ, это была почти столь же необычная награда, какъ и та, которую получилъ Харьковскій городской голова Егоръ Егоровичъ Урюпинъ за свои услуги въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета. Можно сказать, что и роли ихъ въ этомъ дѣлѣ были сходныя. О живомъ участіи о. Вас. Фотіева въ дѣлахъ университета свидѣтельствуетъ его письмо къ В. Н. Каразину, отправленное къ этому послѣднему послѣ торжества открытія университета. „Милостивый государь и любезнѣйшій благодѣтель мой Василій Назаровичъ, писалъ о. Василій, 17-го января исполнилось наше желаніе и ревностнѣйшее ваше попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоилы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и

---

[1]) См. объ этомъ въ статьѣ Фил. Вас. Каразина, посвященной В. Н. Каразину въ «Рус. Старинѣ».

признавались, что счастіемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украйна вамъ единственно обязана. Тѣжъ, кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. И такъ, если упрямая судьба воспрепятствовала вамъ насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то, конечно, не зазорная совѣсть утѣшитъ васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленнѣйшему потомству. При семъ доложу вамъ, что, по письму вашему, говорилъ я съ профессорами объ эстампахъ: всѣ три русскіе согласны были оставить оные для университета; но какое мнѣніе графское (Потоцкаго—попечителя университета) воспослѣдовало послѣ, я неизвѣстенъ, для того, что по причинѣ болѣзни не былъ цѣлую недѣлю у Ивана Степановича (Рижскаго—ректора университета). Графъ благодарилъ меня за училище (училище это по замѣчанію издателя письма—сына Василія Назарьевича Филадельфа Васильевича—заведено было также по просьбѣ Василія Назарьевича и съ его пособіемъ) и просилъ какъ можно увеличивать и продолжать. Пять человѣкъ изъ моихъ питомцевъ приняты въ студенты съ отличною похвалою. Я пригласилъ еще и г. Шмерфельда для преподаванія уроковъ. Пасторомъ же крайне доволенъ. О чемъ извѣщаю васъ, будучи всѣмъ моимъ благосостояніемъ вамъ обязанъ. Что-же прежде не писалъ, тому причиною ежедневное васъ ожиданіе и надежда въ скорости увидѣть. Примите, любезнѣйшій благодѣтель, сіе искреннее мое признаніе и вѣрьте, что доколѣ жизнь во мнѣ продлится, съ особливымъ высокопочтеніемъ и благодарностію всегда пребуду, милостивый государь и любезнѣйшій благодѣтель, вашъ покорнѣйшій слуга Василій Фотіевъ. Января 24 дня 1805 года. 23-го числа графъ отправился въ Кіевъ [1]). „Отсюда видно, какую благодарность и признательность питалъ о. Василій къ В. Н. Каразину даже тогда, когда этотъ послѣдній палъ и потерялъ все свое прежнее вліяніе, когда его отстранили отъ любимаго дѣла и онъ не могъ даже присутствовать при открытіи созданнаго по его иниціативѣ Харьковскаго университета. Это очень хорошо рекомендуетъ о. Василія Фотіева, какъ человѣка, способнаго къ прочной, крѣпкой привязанности. Со всѣми университетскими дѣятелями, въ томъ числѣ и съ попечителемъ округа графомъ С. О. Потоцкимъ, о. Василій поддерживалъ живыя, дѣятельныя связи. Должности старшаго профессора богословскаго факультета о. Василій не получилъ, но потому что не былъ учрежденъ богословскій факультетъ, мало того—каѳедра богословія не была занята до 1819 года (первымъ

[1]) Сѣверная пчела, 1860, № 92.

профессоромъ богословія былъ Аѳанасій Могилевскій). Тѣмъ не менѣе о. Василія Фотіева представляли кандидатомъ на эту каѳедру; это ясно свидѣтельствуетъ объ уваженіи, которое питали къ его учености. Въ пользу ея говоритъ также то обстоятельство, что онъ состоялъ преподавателемъ приготовительнаго класса въ университетѣ.

V.

Вообще о. Василій Фотіевъ имѣлъ репутацію блестящаго педагога; онъ состоялъ преподавателемъ главнаго народнаго училища и основалъ лучшій во всемъ городѣ пансіонъ для обученія дворянскихъ дѣтей. Мы знаемъ уже (изъ приведеннаго выше письма о. Василія къ В. Н. Каразину), какого высокаго мнѣнія объ этомъ пансіонѣ былъ попечитель округа гр. С. О. Потоцкій, живо интересовавшійся школьнымъ дѣломъ и хорошо его понимавшій. Но мы имѣемъ еще другой отзывъ замѣчательнаго педагога и спеціалиста въ области средняго и низшаго народнаго образованія проф. И. Ѳ. Тимковскаго, объ о. Вас. Фотіевѣ и его пансіонѣ. Въ отчетѣ проф. Тимковскаго объ осмотрѣнныхъ имъ училищахъ, въ октябрѣ 1803 года, сказано: „Фотіевъ—изъ священническихъ дѣтей, 47 лѣтъ, женатъ и имѣетъ дѣтей, жалованья получаетъ 250 р., обучался въ Харьковской семинаріи съ 1769 по 1784 годъ, учителемъ состоитъ съ 1796 г.; преподаетъ въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ логику по Баумейстеру, Законъ Божій—по православному ученію Платона, риторику—по Рижскому. Онъ не учился иностраннымъ языкамъ, кои большимъ были бы ему пособіемъ въ преподаваніи стиля и основаній философіи, а латинскій языкъ давно оставилъ. Харьковская семинарія не могла снабдить его философскимъ искусствомъ. Но онъ остръ въ понятіяхъ, любитъ свою должность, охотно упражняется для нея, и педагогическія его способности изъ того видно, что его ученики, которыхъ часть и живетъ у него, судятъ порядочно, сочиняютъ съ успѣхомъ и въ поведеніи образцовы. Пансіонъ его лучшій и самый дорогой; съ нихъ онъ беретъ по 300 и 350 р., а съ нѣкоторыхъ и гораздо меньше. Онъ имѣетъ для пансіонеровъ смотрителя иностранца и платитъ танцмейстеру за уроки имъ въ декламаціи на французскомъ языкѣ и танцеванье“ [1]). А вотъ что сообщаетъ о. Вас. Фотіевѣ и его пансіонѣ А. Розельонъ-Сошальскій: самъ о. Василій, по его словамъ, славился тогда своею ученостью. „Домъ его былъ надъ рѣкою Харьковомъ, гдѣ теперь (писано въ 1859 г.) около дома Н. Н. Бахметьева незастроенное мѣсто, кажется, складъ лѣсныхъ матеріаловъ, и въ этомъ

[1]) Н. А. Лавровскаго. В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета (Ж. Мин. Нар. Просв. 1872, январь).

домѣ у него находился первый въ Харьковѣ дворянскій пансіонъ, изъ котораго почти всѣ старшіе воспитанники, при открытіи въ 1804 году университета, вступили въ него. Въ томъ числѣ было два брата Розельонъ-Сошальскіе (Иванъ и Ѳедоръ), Иванъ Евграфовичъ Хлоповъ, если не ошибаюсь, Петръ Еремѣевичъ Перекрестовъ-Осиповъ и другіе. Еще нѣсколько времени по открытіи университета, отецъ Василій преподавалъ логику, метафизику, риторику и поэзію въ Харьковской гимназіи, въ 1808 или 1809 году замѣненъ былъ воспитанникомъ университета Любовскимъ. Священнодѣйствовалъ Фотіевъ въ Вознесенской церкви; у него былъ одинъ сынъ по имени Сократъ, воспитывавшійся въ Харьковскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Онъ былъ, сколько припомню, товарищемъ по курсу кн. Цертелева“ [1]). Въ 1813 г. извѣстный намъ Цебриковъ посѣтилъ Вознесенскую церковь въ Харьковѣ, гдѣ продолжалъ священствовать о. Василій, и встрѣтился тамъ съ этимъ послѣднимъ. „Когда разошлись люди, пишетъ онъ, я началъ осматривать иконостасъ и другіе мѣстные образа: все было еще ново, привлекательно и благолѣпно. Обратясь, наконецъ, къ алтарю, чтобы помолясь выдти изъ церкви, увидѣлъ я выходящаго оттуда весьма малорослаго іерея, украшеннаго крестомъ и орденомъ св. Анны 2-го класса. Онъ, подошедши къ брату (Цебриковъ былъ со своимъ роднымъ братомъ—совѣтникомъ губернскаго правленія), спросилъ его: „не братца ли вашего имѣю честь видѣть“? „Не могу васъ узнать“. „Я—Фотіевъ“. Извините по истинѣ—не могу припомнить“. „Я—тотъ самый, который изъ духовной семинаріи ходилъ въ то училище, гдѣ вы воспитывались, учиться по французски, математикѣ, архитектурѣ и живописи и имѣлъ честь сидѣть въ однихъ съ вами классахъ“. „Да, теперь я вспомнилъ“. „А я думаю, присовокупилъ братъ, что ты долженъ помнить и батюшку его, который извѣстенъ былъ въ городѣ по проименованію Грѣшнаго“. „И росту, сказалъ я къ іерею, еще менѣе вашего“. Я нашелъ сего священника или, какъ послѣ услышалъ, протопопа весьма ловкимъ, развязнымъ, обходительнымъ и въ прямомъ смыслѣ человѣкомъ свѣтскимъ. На вопросъ мой, какой архитекторъ строилъ эту церковь, онъ мнѣ отвѣчалъ, что храмъ сей воздвигнутъ по собственному его плану и старанію; потомъ повелъ насъ въ алтарь; я не могъ не удивиться, увидя внутреннее расположеніе онаго точно такое, каково здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) въ артиллерійской церкви Св. Сергія: тотъ же престолъ, такія-же вокругъ его колоны, одинаковое убранство и велелѣпіе. „Вы, конечно, сказалъ я ему, имѣли планъ съ нашей С.-Петербургской

[1]) Приб. къ «Харьк. Губ. Вѣд.» 1859 г., № 21.

Сергіевской церкви". „Совсѣмъ нѣтъ и ничего о ней не слыхалъ, а все, что видите въ семъ Божьемъ домѣ, есть дѣло собственнаго моего изобрѣтенія и распоряженія". Правда онъ учился самъ очень хорошо и прилежно и имѣлъ особое дарованіе къ рисованію, живописи и архитектурѣ". Въ заключеніе Цебриковъ сообщаетъ еще объ одной непріятности, постигшей Фотіева за годъ до пріѣзда его (автора) въ Харьковъ: въ числѣ воспитанниковъ Фотіевскаго пансіона былъ сынъ мѣстнаго губернатора, попавшійся въ поддѣлкѣ фальшивыхъ ассигнацій. Это, конечно, было очень непріятно Фотіеву, но ни онъ самъ, ни его пансіонъ въ этомъ были, само-собою разумѣется, неповинны.

Въ заключеніе приведемъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія о Фотіевѣ изъ записки его племянника, которою мы пользовались уже и раньше. „Отецъ Василій, пишетъ онъ, послѣ семилѣтней службы въ званіи священника вышелъ за штатъ по непріятностямъ съ мѣстнымъ архіереемъ, который гналъ его за то, что онъ, по ходатайству Каразина, получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, украшенный драгоцѣнными камнями, котораго не имѣлъ еще тогда и самъ архіерей... О. Василій Фотіевъ пользовался при жизни своей уваженіемъ въ кругу аристократовъ Харьковской губ. и уже, бывши глубокимъ старикомъ, ѣздилъ каждую недѣлю въ село Салтовъ Велчанскаго уѣзда, гдѣ давалъ уроки сыну владѣльца этого села Хорвату... У Сократа Васильевича Фотіева были и портреты его отца и дѣда, довольно художественно написанные масляными красками, перваго въ молодыхъ лѣтахъ, съ Анной на шеѣ". Здѣсь оказывается невѣрнымъ только извѣстіе о раннемъ выходѣ въ отставку о. Василія Фотіева (будто-бы послѣ 7-ми лѣтняго служенія). Цебриковъ видѣлъ о. Василія священникомъ Вознесенской церкви еще въ 1813 г., а священнослужительствовалъ онъ въ ней уже во всякомъ случаѣ въ 1801 г., во время того непріятнаго эпизода, о которомъ мы разсказывали выше. Въ этомъ же 1801 году, замѣтимъ кстати, было напечатано въ Москвѣ *„Слово на заложеніе храма Вознесенія Господня въ Харьковѣ"*, повидимому, его единственное литературное произведеніе. Павелъ Николаевичъ Фотіевъ сообщаетъ о существованіи портрета о. Василія Фотіева. Желательно было-бы знать, не сохранился ли онъ у кого нибудь изъ потомковъ его до настоящаго времени [1]).

VI.

Другой дѣятель—протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ *Самборскій*—представляетъ несравненно болѣе видную личность, чѣмъ о. Василій

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ Харьк. Губ. Вѣд. подъ заглавіемъ «Украинская Старина». X. 1896 г.

Фотіевъ; но его дѣятельность принадлежитъ Россіи, она входитъ въ общерусскую исторію и только въ самой незначительной степени касается Харьковскаго края; и такъ какъ мы здѣсь можемъ оцѣнивать почти исключительно то, что онъ сдѣлалъ для своей родины—Слободской Украйны, то естественно, что мы его ставимъ какъ мѣстнаго дѣятеля позади протоіерея Василія Фотіева. Для того же, чтобы понять и уяснить себѣ начало и происхожденіе его культурныхъ начинаній для нашего района, необходимо знать хотя важнѣйшія данныя его біографіи вообще [1]).

Андрей Аѳанасьевичъ родился въ 1732 г. въ д. Сыроваткѣ Харьковской губ.; отецъ его былъ священникъ, но изъ старшинскаго званія; въ м. Цареборисовкѣ мы находимъ сотника Андрея Самборскаго (очевидно, его родственника). Воспитывался Андрей Аѳанасьевичъ первоначально въ Бѣлгородской семинаріи, а потомъ въ Кіевской духовной академіи. Въ это время Императрица Екатерина II-я задалась цѣлью распространить посредствомъ духовенства научныя агрономическія свѣ-

---

[1]) А. А. Самборскій заслуживаетъ обстоятельной біографіи, въ качествѣ выдающагося дѣятеля трехъ царствованій, тѣмъ болѣе, что о личности его въ литературѣ высказывались противорѣчивые взгляды и сужденія. Его дѣятельность въ качествѣ законоучители Имп. Александра I подверглась рѣзкому осужденію двухъ историковъ нашего времени—Морошкина (въ сочиненіи «Іезуиты въ Россіи») и пр. В. К. Надлера (въ его трудѣ «Идея священнаго союза и религіозно-нравственное воспитаніе Имп. Александра I-го»). Въ защиту Самборскаго выступили его потомки, издавшіе въ 1888 году брошюру «О жизни протоіерея А. А. Самборскаго» (76 стр.), въ которой находится много документовъ о немъ, и свящ. В. Жмакинъ, напечатавшій въ журналѣ «Христіанское чтеніе» цѣлый рядъ писемъ Самборскаго къ Импер. Александру и оберъ-прокурору Св. Синода, князю А. Н. Голицыну, и снабдившій ихъ предисловіемъ, гдѣ старается (и на нашъ взлядъ, весьма удачно) оправдать Самборскаго отъ неосновательныхъ обвиненій, возводимыхъ на него Морошкинымъ. Еще раньше краткій очеркъ жизни Самборскаго сообщилъ въ своемъ «Ист. Стат. опис. Харьк. еп.» преосв. Филаретъ; онъ же далъ намъ любопытное описаніе храма, воздвигнутаго его потомками въ принадлежавшей Самборскому деревнѣ Стратилатовкѣ. Свой очеркъ мѣстной Харьковской культурной дѣятельности А. А. Самборскаго мы основываемъ, главнымъ образомъ, на письмахъ его, изданныхъ свящ. В. Жмакинымъ. Считаемъ полезнымъ познакомить съ личностью А. А. Самборскаго Харьковское общество, такъ какъ письма эти были помѣщены въ спеціальномъ духовномъ органѣ и едва ли были замѣчены даже всѣми спеціалистами; брошюра была издана не для публики, въ количествѣ всего 100 экз., и не поступала въ продажу, а сочиненія Морошкина и В. К. Надлера имѣли широкій кругъ читателей вездѣ, въ томъ числѣ и въ нашей мѣстности. Быть можетъ, наша замѣтка вызоветъ на свѣтъ Божій какія нибудь свѣдѣнія о современномъ состояніи тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которыя въ началѣ текущаго столѣтія заведены были въ с. Стратилатовкѣ и Изюмскомъ уѣздѣ А. А. Самборскимъ.

дѣнія среди населенія и обратилась въ академію, съ тѣмъ, чтобы она указала на лучшихъ своихъ питомцевъ, которые бы пожелали отправиться для изученія земледѣлія въ Англію. Въ эту группу избранниковъ попалъ и Самборскій, получившій, такимъ образомъ, возможность обстоятельно изучить сельское хозяйство и англійскій языкъ. Въ это же самое время онъ состоялъ причетникомъ нашей посольской церкви въ Лондонѣ и женился на англичанкѣ, убѣдивъ ее принять православіе; въ 1768 г. онъ былъ посвященъ въ іерейскій санъ и назначенъ священникомъ въ Лондонѣ и оставался тамъ до 1782 г., оказывая всяческую помощь и услуги русскимъ людямъ, попадавшимъ въ Англію. Затѣмъ, Самборскій назначенъ былъ духовникомъ Царевича Павла Петровича во время путешествія его съ супругой Маріей Ѳедоровной заграницей. Въ 1784 г. ему было поручено дѣло чрезвычайной важности, ясно свидѣтельствовавшее объ огромномъ довѣріи, которое питала къ нему Императрица: онъ былъ назначенъ законоучителемъ и преподавателемъ англійскаго языка къ Великимъ Князьямъ Александру и Константину Павловичамъ; въ такомъ же званіи онъ состоялъ потомъ и при Великихъ Княжнахъ. Съ 1797 г. къ этому присоединилась еще новая обязанность, вполнѣ соотвѣтствовавшая его познаніямъ и вкусамъ: онъ былъ назначенъ директоромъ земледѣльческой школы, помѣщавшейся на дачѣ Бѣлозеркѣ близъ Царскаго Села. Съ 1799 по 1804 г. Самборскій состоялъ духовникомъ при Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ (вышедшей замужъ за австрійскаго эрцгерцога и венгерскаго палатина Іосифа) и проживалъ въ Буда-Пештѣ. Въ 1804 г. онъ вернулся въ Петербургъ и удалился, по старости и дряхлости, на покой. Матеріальное положеніе его было вполнѣ обезпечено царственными щедротами: Императоръ Павелъ пожаловалъ ему въ собственность село Стратилатовку (въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ.) съ 500 д. крѣпостныхъ; при отставкѣ онъ получилъ пенсію въ 11260 р. (изъ коихъ 7600 бралъ изъ кабинета Государя и 2000 р. отъ венгерскаго палатина) и казенную квартиру въ Михайловскомъ замкѣ. Передъ смертью онъ написалъ письмо Государю, гдѣ просилъ о милостяхъ для своего семейства—и эта просьба была исполнена во всѣхъ ея частяхъ: внукамъ (Малиновскимъ) оставлена была его пенсія (въ размѣрѣ 7600 р.) и квартира въ Михайловскомъ дворцѣ; съ имѣнія снять долгъ заемному банку (въ размѣрѣ 36000 р.). Сверхъ того, Самборскій получалъ еще высокіе знаки отличія, въ томъ числѣ орденъ Анны 1-й степени и крестъ, осыпанный бриллiантами. Умеръ онъ въ 1815 г. 82 лѣтъ отъ роду; отпѣваніе надъ нимъ производилъ самъ митрополитъ. Таковы внѣшніе факты его біографіи. Что касается внутреннихъ интересовъ его жизни, то они сводятся къ

тремъ важнѣйшимъ: его священно-служительству, духовно-религіозному наставничеству Высочайшихъ Особъ и агрономическимъ занятіямъ. О любви его къ священно-служительству свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что онъ, придя въ старость, удрученный болѣзнями, испросилъ себѣ Высочайшее разрѣшеніе служить въ устроенныхъ имъ домовыхъ церквяхъ въ Михайловскомъ дворцѣ и сел. Стратилатовкѣ. Самборскаго обвиняютъ въ томъ, что онъ не съумѣлъ внушить религіозныхъ началъ своему Царственному Питомцу Императору Александру I, и говорятъ, что это будто бы произошло отъ того, что онъ самъ не былъ достаточно ученымъ и образованнымъ наставникомъ. Но на самомъ дѣлѣ, Самборскій былъ очень образованнымъ человѣкомъ и, несмотря на свое знакомство съ энциклопедистами, въ то же время, былъ весьма преданнымъ православной вѣрѣ. У него не было только религіознаго суевѣрія и нетерпимости, о чемъ онъ самъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ государямъ. Не мало порицали его также за то, что онъ брилъ бороду и носилъ свѣтскую одежду, по примѣру другихъ православныхъ священниковъ, проживавшихъ долго заграницей. Своему питомцу (будущему Императору Александру I-му) онъ старался дать основы религіи и воспиталъ его въ христіанской этикѣ: его стремленія, главнымъ образомъ, сводились къ тому, чтобы внушить ему любовь къ Богу и любовь къ ближнему". Выше и драгоцѣннѣе самой жизни моей поставляю, писалъ онъ самъ, сей торжественный случай, которымъ могу возвѣстить любезнѣйшему отечеству, что ихъ Высочествъ сердца суть расположены ко всякой благостынѣ, что благоугодно есть предъ Богомъ". Старайтесь находить, внушалъ онъ будущему монарху, во всякомъ человѣческомъ состояніи своего ближняго, тогда никого не обидите и тогда исполните Законъ Божій". Ему же онъ совѣтовалъ всячески избѣгать ласкателей, угнетающихъ правду: „проходя всѣхъ прошедшихъ вѣковъ событія, находимъ, что почти всѣ земные владыки больше или меньше сдѣлались жертвою онаго ласкательства, и кто больше предавался оному, тотъ въ страшнѣйшее превратился чудовище". Говоря о системѣ своего духовнаго наставничества у княженъ, Самборскій заявляетъ: „сердца Ихъ Высочествъ образовывались главно къ благотворенію ближнему, а по превосходству христіанскаго закона и къ любленію враговъ". [1]) Неудивительно, что при такомъ пониманіи своей высокой задачи, Самборскій съумѣлъ заслужить любовь, расположеніе своихъ царственныхъ питомцевъ: Имп. Александръ питалъ къ нему теплыя чувства до самой его смерти; великая княжна Александра Павловна была такъ предана

[1]) О жизни прот. А. А. Самборскаго, стр. 50.

ему, что взяла его, какъ мы видѣли, своимъ духовникомъ въ Венгрію; очень уважали его и довѣряли ему Екатерина II-я и Имп. Павелъ. Свою любовь къ земледѣлію, природѣ и земледѣльцу Самборскій старался внушить и своему питомцу: онъ гулялъ съ нимъ по полямъ и знакомилъ наглядно съ земледѣліемъ, вводя его въ крестьянскія хижины и указывая на ихъ бѣдность. Ваше Императорское Величество, писалъ онъ ему, могли весьма ясно познать мою прямую систему религіи евангельской и религіи сельской, изъ которыхъ приходитъ благонравіе и трудолюбіе, которыя служатъ твердымъ основаніемъ народнаго благоденствія; когда монархъ успѣетъ поставить свой народъ на сію степень блаженства, тогда онъ не устрашится предстать съ отвѣтомъ въ будущей жизни предъ нелицепріятнымъ и праведнымъ Судіею-Богомъ". [1]) Яркимъ доказательствомъ агрономическихъ познаній и занятій Самборскаго является разбитый имъ паркъ близъ Павловска (на дачѣ Александровой), который существуетъ и доселѣ. Въ 1783 г., проѣзжая черезъ Малороссію, онъ интересовался состояніемъ въ ней сельскаго хозяйства и пришелъ къ неутѣшительнымъ заключеніямъ, которыя и высказалъ въ письмѣ къ кн. Безбородко. Такъ же усердно занимался онъ сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ сел. Стратилатовкѣ всякій разъ, когда только представлялась ему возможность посѣтить этотъ сельскій уголокъ его родной Украины. Къ характеристикѣ этой стороны его дѣятельности мы теперь и переходимъ.

VII.

Пожалованное Имп. Павломъ Самборскому селеніе Стратилатовка (иначе Камянка) находилось на берегахъ рѣчки Камянки, вблизи Донца, на дорогѣ изъ Изюма въ Славянскъ, въ нынѣшнемъ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ. Нужно замѣтить, что тогда уже и въ Слободскоукраинской губ. существовало крѣпостное право (введенное, впрочемъ, недавно—въ началѣ 80 годовъ); поэтому и Самборскій вмѣстѣ съ помѣстьемъ получилъ 500 душъ крѣпостныхъ крестьянъ. И вотъ лѣтомъ Андрей Аѳанасьевичъ жилъ въ своей усадьбѣ, гдѣ усердно занимался улучшеніемъ быта крестьянъ; такъ, онъ устроилъ судъ изъ крестьянъ-стариковъ, по приговору коихъ награждали и наказывали, завелъ школу для обученія крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и церковному пѣнію, устроилъ больницу и опредѣлилъ доктора; въ то же время онъ старался о распространеніи среди крестьянъ здравыхъ понятій о земледѣліи и съ этою

[1]) «О жизни прот. А. А. Самборскаго», стр. 57.

цѣлью выписалъ изъ Англіи нѣсколько земледѣльческихъ орудій (нѣкоторые изъ крестьянъ стариковъ помнятъ, какъ Андрей Аѳанасьевичъ показывалъ имъ употребленіе новаго плуга и самъ пахалъ имъ, снявъ наперсный крестъ свой и ордена и повѣсивъ ихъ на дерево. Мѣсто это и дерево помнили и показывали крестьяне внукамъ о. Самборскаго, а плугъ до сихъ поръ хранится у его правнука). Не мало положилъ заботъ и стараній о. Самборскій и на пользу усовершенствованія во всѣхъ другихъ отрасляхъ хозяйства [1]). О его гуманныхъ и благотворительныхъ предпріятіяхъ было доведено до свѣдѣнія Государя, который повелѣлъ выразить ему за это свое благоволеніе. Въ 1811 г. Харьковскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, извѣстный своимъ покровительствомъ всякимъ общеполезнымъ начинаніямъ, писалъ министру полиціи: „прошлаго 1808 г. имѣлъ я честь представить г. бывшему министру внутреннихъ дѣлъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину о богоугодныхъ заведеніяхъ Высочайше ввѣренной управленію моему губерніи, Изюмскаго уѣзда, помѣщика г. протоіерея и кавалера Самборскаго, устроенныхъ имъ въ селѣ его Стратилатовкѣ, какъ то: 1) о домѣ для больницы, въ коемъ можетъ помѣщаться 8 чел. больныхъ и близъ онаго выстроенномъ другомъ для сего же предмета, 2) о домѣ для вдовъ и сиротъ, 3) о домѣ для училища малолѣтнихъ поселянъ, въ коемъ находится 18 учениковъ, и что больные пользуются; и какъ оные, а равно вдовы, сироты и учащіеся содержатся на его, г. Самборскаго, коштѣ, присовокупя къ тому и то, что онъ, Самборскій, въ 1807 г. принадлежавшій ему въ г. Изюмѣ домъ съ строеніемъ отдалъ для помѣщенія штатной и приходящихъ командъ больныхъ воинскихъ чиновъ, снабдя оный отъ себя нѣкоторыми нужными вещами“... Монаршее благоволеніе подѣйствовало на него ободряющимъ образомъ. „Г. Самборскій, будучи ободренъ Монаршимъ благоволеніемъ, прилагалъ стараніе о распространеніи тѣхъ заведеній; почему нынѣ получилъ я донесеніе отъ Изюмскаго земскаго исправника, что онъ, между другими занятіями по должности его, входилъ и въ разсмотрѣніе человѣколюбивѣйшихъ заведеній г. Самборскаго, въ селѣ его Стратилатовкѣ устроенныхъ, и нашелъ домъ для сиротъ и вдовъ, также третій для удрученныхъ старостію, и больницу, содержимыхъ соотвѣтственно названію сему, при больницѣ особый домъ съ лекарствами и для прививанія оспы довольно видный, а наипаче домъ, выстроенный для пораженныхъ любострастною болѣзнью простолюдиновъ, становится въ нихъ явнымъ обузданіемъ къ воздержности отъ пороковъ; при семъ онъ, исправникъ, замѣтилъ, что поработившіе себя толикой

---

[1]) «О жизни прот. А. А. Самборскаго», стр. 13—14.

слабости поселяне очевидно начали постепенно обращаться болѣе къ трезвости, трудолюбію и хорошему поведенію, нежели какъ до сего времени обладала ими невоздержность. Сверхъ сихъ богоугодныхъ заведеній одобряетъ онъ и сельское народное училище, гдѣ, подъ руководствомъ хорошаго священника, крестьянскія дѣти, навыкая къ чтенію, письму и ариѳметикѣ, довольно пріятности доставляютъ стройнымъ въ храмѣ Божіемъ пѣніемъ; кромѣ сего онъ, г. Самборскій, завелъ гишпанской породы овецъ и развелъ шелковичную плантацію“ [1]). Въ этомъ свидѣтельствѣ оффиціальнаго лица болѣе всего любопытны тѣ мѣста, гдѣ говорится о расширеніи учрежденій Самборскаго и о благотворномъ вліяніи ихъ на народъ; глубокую симпатію вызываетъ къ себѣ также попытка Самборскаго бороться съ такимъ ужаснымъ бичемъ сельскаго населенія, какъ „любострастная болѣзнь“, т. е. сифилисъ. Изъ разныхъ источниковъ мы знаемъ, что эта „французская болѣзнь“ была сильно распространена въ Малороссіи уже въ концѣ XVIII вѣка—и Самборскому принадлежитъ едва-ли не первый опытъ раціонально задуманнаго средства борьбы противъ нея. Въ письмѣ на имя государя Самборскій самъ разсказываетъ о своихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ и мотивируетъ свой разсказъ желаніемъ найти себѣ подражателей; пользуясь случаемъ, онъ кстати выступаетъ съ ходатайствомъ передъ Государемъ за своего сосѣда-помѣщика Денисенкова, который также стремился создать у себя общеполезное учрежденіе—минеральныя воды для леченія разныхъ болѣзней. „Что я и нынѣ не тщетно питаюсь трудами В. Имп. Вел. подданныхъ, ввѣренныхъ моему попеченію, долгомъ поставляю донесть, что я, съ Божіею помощью и содѣйствіемъ искуснаго врача, исполнилъ священный обѣтъ, данный въ плачевный для меня часъ, когда послѣдній разъ имѣлъ счастье лобызать Вашу десницу, данной Вашему Величеству во уврачеваніи поселянъ отъ жестокихъ и опасныхъ болѣзней; и на случай всегда случающихся разныхъ болѣзней въ народѣ, устроилъ я больницу въ уѣздномъ городѣ Изюмѣ для пользованія уѣздныхъ людей, больныхъ бѣдныхъ и для прохожихъ больныхъ солдатъ, а другую въ Высочайше дарованномъ мнѣ достояніи—тутъ же устроилъ богадѣльню для вдовицъ и сиротъ, училище для наставленія молодыхъ поселянъ въ Законѣ Божіемъ и другихъ полезныхъ упражненіяхъ, и что вообще неусыпно стараюсь привести къ благонравію и трудолюбію всякаго возраста и пола находящихся въ развратѣ поселянъ. Дабы таковыя дѣянія, принадлежащія всякому человѣку и христіанину, воспріяли свое теченіе, просилъ я Харьковскаго губернатора, мужа во всей строгости

---

[1]) Христ. чтеніе, 1894, ноябрь-- декабрь, стр. 431—432.

справедливаго, дабы онъ, освидѣтельствовавъ таковыя мои подвиги, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ не тщеславія ради или возмездія, но для побужденія другихъ къ дѣламъ богоугоднымъ и человѣколюбивымъ. Испытавъ я многажды страшное гоненіе суевѣрія и зависти, долженъ былъ бы пребыть въ молчаніи и не возстановлять противу себя новаго неудовольствія, но чувствую, что по числу дней моихъ и по изнеможенію долженъ я скоро переселиться въ вѣчность и предстать съ отвѣтомъ предъ нелицепріятнымъ судіею, который речетъ: „вѣдый волю Господа своего и не творяй біенъ будетъ много"! (Лук. XII, 47). Въ великомъ пространствѣ Россійской Имперіи, конечно, премногіе суть человѣколюбивые и сострадательные владѣльцы. На оное пространство не простираю моего умозрительнаго вѣдѣнія, отъ коего остерегался я во всякихъ случаяхъ, а единственно отношусь къ округу моего мѣстопребыванія и съ тягчайшимъ сокрушеніемъ моея души безпрерывными и трогательными опытами понуждаюсь рещи: изсяче любовь къ ближнему! Ближній, снѣденный немилосердою болѣзнью, лишенный человѣческаго подобія, представляется жалкимъ, лютѣ страждетъ и нѣсть исцѣляй его. Чада, рождающіяся отъ сѣмени его, суть слабыя, умираютъ безвременно, и нѣсть спасаяй ихъ. Безчисленная гибель народа! Изсяче бо любовь къ ближнему. Владѣльцы не внемлютъ таковому ихъ злосчастному состоянію, а стараются токмо о приращеніи своихъ доходовъ и собственной пользѣ. О единомъ исключительно долженъ я упомянуть здѣсь, который, открывъ въ своемъ владѣніи цѣлительныя воды, испытанныя химіи профессоромъ Харьковскаго университета и въ дѣйствіи уже нѣкоторымъ произведшія исцѣленіе, открылъ всѣмъ приходящимъ употребленіе оныхъ водъ безденежно съ нѣкоторыми при томъ угодіями. Но какъ онъ есть многобѣденъ и многочаденъ, то и не можетъ устроить всего надлежащаго безъ пособія В. И. Вел., о которомъ онъ недавно просилъ для блага общаго и щедролюбіе Ваше запрещаетъ мнѣ о семъ паки просить. Да и начальствующіе въ казенныхъ селеніяхъ главы ниже понятія имѣютъ о исцѣленіи и благонравіи народа. Сего народа гласомъ со слезами вопію къ тебѣ, Божій помазанниче, вонми гласу моленія моего и не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ (Псал. 142, 1—2). Вторая заповѣдь закона Божія: возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе (Мѳ. XXII, 39), да не поставится мнѣ въ вину. Самъ бо ты, благоутробнѣйшій отче, во всякихъ случаяхъ, на всякомъ мѣстѣ, всякому безъ изъятія ближнему являешь любовь. Сія есть твоя главная душевная пища. Ты проницаеши даже въ самыя глубокія и мрачныя пропасти земныя, въ которыхъ осужденныя на смерть томятся гладомъ, хладомъ и тяжкими работами. Изъ темницъ изводиши сихъ страдаль-

цевъ на свѣтъ и дарствуеши имъ вторую жизнь. Тако подобишися самому Богу. Богоподобный обладатель несчастныхъ и разнообразныхъ племенъ и языковъ, да благоугодно будетъ тебѣ обратить благоутробіе твое на здѣшнюю страну, въ ней же влачатъ жизнь многіе живые мертвецы. Едино помазаніе твое довлѣетъ къ ихъ оживотворенію. Рцы токмо владѣльцамъ и властемъ предержащимъ: возлюбиши ближняго своего, яко самъ себе, то вѣрно любовь въ нихъ воспламенится, посредствомъ которой всѣ прокаженные исцѣлятся и съ бодростью тѣла и духа потекутъ на дѣла своя. Непостижимая и безконечная вѣчность, мнѣ ненадолзѣ предлежащая, якоже и всѣмъ земнороднымъ, принудила меня представить сію нагую истину Тебѣ, великодушный Самодержецъ, къ стопамъ коего, повергая себя и теплыми орошая оныя слезами, молю: да всѣ Высочайшія твоя милости и самую мою жизнь запечатлѣеши печатію человѣколюбія, да съ миромъ почію. Я же до послѣдняго моего дыханія горячайшія буду приносить молитвы Царю вѣковъ и царей, Всемогущему Богу, да никакое же къ Тебѣ придетъ зло, да посреди огня и мечей не приближится рана тѣлеси Твоему, да сохранятъ тя ангелы во всѣхъ путехъ твоихъ, наконецъ, да на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія (Пс. XC, 7—13). Сіи бо суть враги нашего любезнѣйшаго отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что ты, благочестивый монархъ, надѣяйся на Бога, не точію сохраниши оное во всей цѣлости, величествѣ и славѣ, но и распространиши. Аще бо Богъ съ нами, то кто на ны? Все сіе заключивъ моею всесовершенною преданностію, предаю себя Вашему отеческому благоволенію. 1809, мая 29, Стратилатовка [1])“. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить заботу Самборскаго о своемъ краѣ—Харьковской губерніи, любовь его къ простолюдинамъ, указаніе на отсутствіе такой любви къ нимъ со стороны помѣщиковъ и ближайшаго начальства и наконецъ, твердую вѣру въ то, что если бы Государь указалъ имъ на заповѣдь любви къ ближнему, то этимъ бы могъ воспламенить ихъ на подвиги человѣколюбія. И нельзя не сознаться, что Самборскій былъ правъ въ значительной степени даже въ послѣднемъ пунктѣ. Многочисленные факты доказываютъ намъ, что общества и лица, дѣлавшія въ началѣ царствованія Имп. Александра пожертвованія на разныя просвѣтительныя и благотворительныя цѣли, руководствовались тутъ, главнымъ образомъ, расположеніемъ и любовью къ просвѣщенію и благотворенію юнаго человѣколюбиваго Государя. Яркимъ доказательствомъ этого являются пожертвованія харьковскаго общества на устройство университета. В. Н. Каразинъ прекрасно понялъ эту

[1]) Христ. чтеніе, 1894, ноябрь—декабрь, стр. 439—441.

черту времени и съумѣлъ воспользоваться ею для своихъ благородныхъ общественныхъ цѣлей. Самборскій, близко стоявшій къ Имп. Александру, самъ направлявшій его, какъ мы видѣли, на путь любви къ ближнему, глубоко вѣрилъ въ возможность широкаго развитія благотворительныхъ учрежденій на Руси подъ вліяніемъ распространенія въ обществѣ любви къ ближнему и эта любовь, по его мнѣнію, могла перейти отъ царя къ начальству и дворянству. Онъ думалъ, что и другіе, также легко какъ и онъ самъ, въ угоду Государю, будутъ заботиться о своихъ крѣпостныхъ, забывая, что эти другіе находились совсѣмъ въ иномъ положеніи относительно прямого воздѣйствія на нихъ личности Императора. Вообще онъ, вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ и массою другихъ передовыхъ тогдашнихъ дѣятелей, ошибался, когда *все* сводилъ къ внѣшнему одобренію или даже вознагражденію дѣятельности тѣхъ или иныхъ лицъ. Гдѣ нѣтъ внутренняго побужденія и сознанія, тамъ не можетъ быть и прочной длительной общественнополезной дѣятельности. Поощреніе и покровительство полезны на первыхъ порахъ, какъ приготовительныя ступени для созданія въ ближайшемъ будущемъ сознательной работы отдѣльныхъ лицъ на общее благо, но ихъ нельзя поставить „во главу угла“. Русское общество того времени, по отзыву самого Самборскаго, было очень скудно человѣколюбивыми людьми. Въ видѣ исключенія онъ могъ указать только на помѣщика Денисенкова, но и этотъ Денисенковъ впослѣдствіи оказался совершенно недостойнымъ такой лестной рекомендаціи, ибо просто напросто обманулъ Самборскаго; такъ по крайней мѣрѣ, пишетъ самъ Самборскій въ своихъ письмахъ къ кн. Голицыну. Эти письма весьма характерны, ибо съ одной стороны рисуютъ намъ личность Самборскаго, а съ другой современное ему слободскоукраинское общество.

VIII.

Самборскій, повидимому, не отличался практичностью и особымъ искусствомъ узнавать людей. Агрономъ теоретикъ, онъ оказался не совсѣмъ практичнымъ хозяиномъ-землевладѣльцемъ. Довѣрившись Денисенкову и, быть можетъ, увлекшись блестящею будущностью его „Минеральныхъ водъ“, Самборскій отдалъ ему за нихъ свой великолѣпный лѣсъ—и потомъ горько раскаялся въ этомъ. Что касается Денисенкова, то это былъ повидимому одинъ изъ помѣщиковъ новаго типа; онъ зорко присматривался ко всему, изъ чего можно было извлечь выгоду, и попалъ въ ряды прогрессистовъ, потому что это обѣщало ему пользу. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, выносится изъ писемъ

Самборскаго къ А. Н. Голицыну. Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ: „послѣ сего удовлетворять долженствую собственное вашего сіятельства любопытство о цѣлительныхъ Александрійскихъ водахъ. Симъ именемъ назвалъ оныя владѣлецъ отставной ротмистръ Иванъ Денисенковъ потому, что я близъ оныхъ совершалъ священнослуженіе во храмѣ, посвященномъ священномученицѣ Александрѣ въ то время, когда я самъ пользовался сими водами. Обстоятельное оныхъ описаніе при семъ прилагаю, коего я, по прошенію Денисенкова, былъ первоначальнымъ попечителемъ, какъ и испытанія водъ, къ которому пригласилъ я Харьковскаго университета профессора химіи Гизе, поелику Денисенкову никакого вниманія не было сдѣлано. Разстояніемъ же воды сіи отъ города Изюма болѣе сорока верстъ, на степныхъ возвышенныхъ мѣстахъ. Теперь долженъ я сказать нѣчто и о Денисенковѣ. Хотя онъ и крестьянскаго происхожденія, однако воспитанъ былъ преискуснымъ законовѣдомъ, который умѣлъ священные народные законы обращать ко своимъ пользамъ направо и налѣво. Сей преострый воспитанникъ, напитанный до избытка таковыми правилами, учинился и самъ судія Изюмскаго уѣзда. По сему случаю онъ и сдѣлалъ тѣсное со мною знакомство. Имѣя даръ приспособляться къ характеру людей, скоро онъ внѣдрился въ мое сердце, внутри церкви онъ молился съ великимъ благоговѣніемъ, воздыхалъ, а иногда и слезы испускалъ, внѣ церкви непрестанно бесѣдовалъ онъ о благѣ общемъ—о народномъ непросвѣщеніи, о неправосудіи судей. Вы прозорливый мужъ, знаете, что сія суть мои владычествующія и нелицемѣрныя строки. Сими съ своей стороны по тонкому своему искусству онъ меня такъ сильно ослѣпилъ, что я непреложнымъ почелъ долгомъ участвовать въ его горестномъ состояніи, часто имъ представляемомъ. И когда онъ получилъ отказъ въ пособіи денежномъ для открытія водъ, о которомъ онъ просилъ Всемилостивѣйшаго Государя, къ чему и меня было склонилъ, то, представивъ себя, почти въ отчаяніи, наиубѣдительнѣйше просилъ меня, чтобы я взялъ въ промѣнъ его деревню съ цѣлительными водами на Всевысочайше пожалованный мнѣ лѣсъ, въ которомъ, по своему искусству въ винокуреніи, предполагалъ онъ поправить свое бѣдственное состояніе. Послѣдуя моему слѣпому легковѣрію, я на его предложеніе согласился и тѣмъ самымъ учинился попечителемъ цѣлительныхъ водъ. При первомъ моемъ туда пріѣздѣ, я пораженъ былъ до зѣла, нашедши больныхъ и прокаженныхъ лежащихъ на открытомъ воздухѣ или въ хлѣвахъ, разрушенныхъ вѣтромъ, безъ всякаго призрѣнія. Тутъ я первый разъ началъ сомнѣваться въ человѣколюбіи уѣзднаго судьи и со всевозможною поспѣшностью построилъ больницу, въ которой могутъ помѣщаться

болѣе 30 человѣкъ, потомъ пригласилъ изъ Харькова искуснаго врача. Нѣкоторые исцѣлились отъ болѣзней и ранъ, изъ которыхъ одной благородной персоны прилагаю при семъ свидѣтельство. Когда въ продолженіи времени началъ я по условію, сочиненному Денисенковымъ, разсматривать деревню и жителей, то нашелъ оную пустою, а людей между ревизскими бѣглыхъ и принадлежащихъ Государю. Я, не желая быть участникомъ сего неправеднаго судіи похищенія людей Государевыхъ, такожъ и преступникомъ законовъ и открывъ всѣ худыя его дѣянія, принужденнымъ себя нашелъ просить защиты у его превосходительства Ивана Ивановича Бахтина, г. губернатора харьковскаго. Сей мужъ, преисполненный чести, честности и самаго строгаго правосудія, хотя и защищаетъ меня, но Денисенковъ весьма многихъ имѣетъ единомышленниковъ между здѣшними по имени токмо дворянами, которымъ онъ внушилъ, что *я шпіонъ государевъ* и что я пишу къ Его Величеству о ихъ дѣяніяхъ, чрезъ что самое сей крамольникъ сдѣлалъ мою жизнь въ моемъ отечествѣ не точію непріятною, но и, откровенно вамъ сказать, подвергнулъ опасности. Горе, горе мнѣ несчастному! Я сверхъ моего чаянія, при старости лѣтъ и изнеможеніи моего здоровья имѣю процессъ съ отчаяннымъ ябедникомъ, котораго копію мой добрый родственникъ Павелъ Ѳедоровичъ Малиновскій для прочтенія вамъ представитъ. Вы—великодушный и единственный мой благодѣтель, можете спасти меня отъ самомучительныхъ безпокойствій, отъ опасности коварныхъ людей и отъ крайняго разоренія моего семейства, если исходатайствуете отъ Всемилостивѣйшаго Государя повелѣніе о скоромъ рѣшеніи моего дѣла. Сіе самое прибавитъ важность и силу правосудливому Государю, который меня горячо защищаетъ. Препоручивъ себя вашего сіятельства попеченію, чаю себѣ скораго спасенія; и съ найглубочайшимъ моимъ къ вашей благотворительной особѣ почтеніемъ, истинною благодарностію и всесовершенною преданностью пребуду до послѣдняго моего дыханія. 1810 г., ноября 5, Стратилатовка, близъ г. Изюма“ [1]). Не ожидая отвѣта на это письмо, Самборскій послалъ вслѣдъ за нимъ новое, въ которомъ писалъ. „Прежде я уже упомянулъ, что оныя воды состоятъ на степныхъ возвышенныхъ мѣстахъ, которыя, не имѣвъ въ окружности своей никакихъ болотныхъ влажностей, содержатъ въ себѣ чистый и здоровый воздухъ. Въ 8 вырытыхъ на сихъ солончакахъ колодезяхъ находится вода различнаго свойства и силы, но въ недостаточномъ изобиліи. Близъ сихъ колодезей или копанокъ есть тамъ же и прѣсная вода, годная для обыкновеннаго

[1]) Христ. чтеніе, 1894, ноябрь—декабрь, стр. 447—449.

употребленія. Описаніе сихъ водъ и врачеваніе оныхъ отъ разныхъ болѣзней довольно ясно изображено въ отправленной къ вамъ тетрадкѣ. Теперь осталось донесть вашему сіятельству, какимъ образомъ оныя воды открылись. На сихъ степяхъ кочевали своевольные грабители, старинные запорожцы, кои подѣлали многіе курганы, а по здѣшнему нарѣчію могилы, въ которые они зарывали свою награбленную добычу, состоящую въ разныхъ монетахъ и въ разной серебряной и золотой утвари, что все называется здѣсь скарбъ или кладъ, который нѣкоторымъ удалось открыть, а чрезъ то и обогатиться. Уѣздный изюмскій судья Денисенковъ, будучи весьма бѣденъ и многочаденъ, упросилъ помѣщика Ерсиванова, родомъ грузина, уступить сіе ему урочище съ 50 ревизскими душами и съ долгомъ банку въ 25 лѣтней экспедиціи и при продажѣ просилъ продавца, дабы онъ мертвыхъ и бѣглыхъ числомъ близъ 100 причислилъ къ 50 на лицо состоящимъ. Сіе онъ, Денисенковъ, какъ послѣ открылось, сдѣлалъ для собственной пользы займа изъ банковской экспедиціи; въ числѣ сихъ 50 наличныхъ душъ явилось 14 и болѣе престарѣлыхъ и неспособныхъ къ работѣ. Съ прочими же онъ, судья изюмскій, по нѣкоторымъ примѣтамъ и суевѣрнымъ явленіямъ, въ видѣ блистающаго огня, рыжаго теленка и пр. въ большіе церковные праздники искалъ среди нощи въ тѣхъ могилахъ скарбу нарочно сдѣланными для того буравами или щупами, долго томя своихъ подданныхъ исканіемъ сокровищъ и не обрѣтши напослѣдокъ попалъ со своими щупами на солончаки, на которыхъ удалось ему открыть минеральныя воды, которыхъ употребленіе, какъ я прежде упоминалъ, первоначально и постарался произвесть въ дѣйствіе. Вотъ вашего сіятельства любопытству есть точное удовлетвореніе. Какимъ образомъ я учинился попечителемъ тѣхъ водъ, въ прежнемъ письмѣ обременялъ ваше терпѣніе повѣствованіемъ, такожъ почему не могу удержать тѣхъ цѣлительныхъ водъ. Для моего оправданія и для представленія точнаго портрета изюмскаго судіи Денисенкова, кромѣ представленныхъ вашему сіятельству бумагъ, представляю еще показаніе атамана деревни Быковки и Государева малороссійскаго казака, въ рабство присвоеннаго Денисенковымъ. Для изслѣдованія сего противозаконнаго дѣла присланъ былъ на мѣсто губернскій совѣтникъ отъ его превосходительства харьковскаго губернатора, который нашелъ все въ показаніи справедливымъ и утвержденнымъ многими свидѣтелями подъ присягою. Для дальнѣйшаго обличенія изюмскаго судіи и для уничтоженія купчей, имъ Денисенковымъ противъ законовъ совершенной, предписалъ нынѣ г. губернаторъ пріѣхать изъ другого уѣзда судіи и засѣдателю; поелику уѣздный изюмскій судія со своими подсудками и его соучастникъ засѣдатель

явно законопреступники, не должны по сему дѣлу присутствовать. При всемъ семъ Денисенковъ имѣетъ многихъ своихъ единомышленниковъ и весьма богатыхъ, изъ коихъ одному заложилъ уже мой лѣсъ въ 90000 рублей и въ столь важною суммою старается и мнитъ ослѣпить правосудіе, меня же лишить Всемилостивѣйше пожалованнаго и Высочайше утвержденнаго грамотою лѣса, который я полагалъ для уплаты извѣстныхъ вамъ моихъ долговъ, кои я нажилъ, какъ всѣмъ извѣстно, не какимъ мотовствомъ, но жертвуя во многихъ случаяхъ общему благу и которые долги по истинѣ зѣло мой духъ угнетаютъ и обременяютъ. Сколь я ни старался себя избавить отъ сего тяжкаго бремени, но доселѣ не могъ, ибо коварное и завистливое сословіе моихъ сосѣдей всѣ возможности своими скрытными совѣщаніями къ сему отнимаютъ и если, сверхъ всякаго чаянія, я не получу сего лѣса, то дѣти мои останутся въ неоплатныхъ долгахъ и въ крайней бѣдности во всю свою жизнь. Денисенковъ съ того времени, какъ беззаконно введенъ во владѣніе моего лѣса, истребилъ онаго уже на нѣсколько тысячъ рублей, разныя угрозы мнѣ пересылаетъ и съ величавымъ духомъ мнѣ говоритъ, что онъ въ отчаяніи готовъ все противу меня сдѣлать".

Далѣе Самборскій говоритъ о происках Денисенкова противъ него, о разореніи, которое угрожаетъ ему съ потерею лѣса, объ опасности, грозящей отъ того созданнымъ имъ въ Стратилатовкѣ благотворительнымъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ, и въ заключеніе проситъ князя Голицына исходатайствовать у Государя заступничество въ его дѣлѣ съ Денисенковымъ.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ о минеральныхъ водахъ Денисенкова мы можемъ сообщить еще нѣкоторыя подробности о нихъ, заключающіяся въ оффиціальномъ описаніи ихъ проф.Гизе и Шумлянскаго.[1]) Гизе изслѣдовалъ эти воды и на мѣстѣ, и въ химической лабораторіи Харьковскаго университета. Онѣ оказались, по составу своему, похожими на минеральныя воды близъ дер. Дубовыя Гряды; главная составная часть ихъ—глауберова и горькая соль (magnesia sulfurica). Проф. Шумлянскій указалъ на тѣ болѣзни, въ которыхъ онѣ могли оказывать помощь, и на способъ употребленія ихъ. Въ концѣ брошюры помѣщено два письма Денисенкова къ ректору университета И. С. Рижскому. Въ первомъ говорится, что, не смотря на недостаточность своего состоянія, онъ, Денисенковъ, предоставляетъ пользоваться своими водами всѣмъ желающимъ; затѣмъ прибавляетъ, что вблизи ихъ есть его

---

[1]) «Извѣстіе о испытаніи минеральной воды, находящейся въ дачахъ ротмистра Денисенкова, Слоб. Укр. губ., Изюм. уѣзда при дер. Быковкѣ. Харьковъ. 1809 г.»!

собственные лѣски, въ коихъ будутъ сдѣланы дорожки и тѣнистыя аллеи для прогулокъ больнымъ; при этихъ лѣскахъ, на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ, впредь до устройства особаго зданія поставленъ будетъ изъ офицерскихъ палатокъ лагерь и все необходимое для житья. Въ другомъ письмѣ Денисенковъ описываетъ Рижскому случай исцѣленія его водою антонова огня и прилагаетъ письма Егора Башилова (изъ сел. Башиловки) и Григорія Калиновскаго (изъ г. Славянска); одинъ благодаритъ за исцѣленіе многихъ его людей, а другой проситъ цѣлебной воды у Денисенкова для отсылки бахмутскому предводителю дворянства Ив. Род. Депрерадовичу.

Мы нарочно почти цѣликомъ привели эти два письма Самборскаго, изъ которыхъ одно служитъ дополненіемъ другому, потому что въ нихъ заключается много любопытныхъ данныхъ для характеристики взаимныхъ отношеній между Самборскимъ и окружающей его средой. Въ 1804 году Самборскій писалъ Государю изъ Одессы письмо, въ которомъ выражалъ желаніе сдѣлаться миссіонеромъ и инструкторомъ сельскаго хозяйства въ Новороссійскомъ краѣ. „Я есмь готовъ, писалъ онъ, остатокъ моей жизни посвятить какъ для евангельской проповѣди, такъ и для показанія имъ, какимъ образомъ можно обратить дикія степи въ хлѣбородные поля и учредить хозяйство. Сего я не дерзнулъ бы представить, если бы не было совершенно согласно съ благоугоднымъ узаконіемъ вашимъ о просвѣщеніи народа“ [1]). Но такъ какъ этотъ планъ почему то не осуществился, то Самборскій, очевидно, желалъ хотя въ маломъ видѣ примѣнить его у себя въ Стратилатовкѣ. И мы видѣли, что онъ дѣйствительно примѣнялъ его тамъ. Побужденіями для него служили съ одной стороны искреннее увлеченіе агрономіей, на изученіе которой онъ потратилъ юные годы своей жизни, а съ другой желаніе сдѣлать угодное своему питомцу-Государю; содѣйствуя распространенію новыхъ агрономическихъ познаній въ обществѣ, онъ тѣмъ самимъ продолжалъ свою вѣрную службу Царю, выставившему лозунгомъ своимъ просвѣщеніе народа. Побужденіями для устройства разныхъ благотворительныхъ учрежденій являлись для него чувство человѣколюбія и опять таки желаніе сдѣлать пріятное гуманному Императору Александру I; объ этомъ свидѣтельствуетъ содержаніе и тонъ его переписки съ Государемъ и кн. Голицынымъ. Но сойтись съ представителями мѣстнаго общества ему не удалось. Онъ сразу занялъ особое привиллегированное положеніе въ краѣ. Пожалованіе обширнаго помѣстья съ 500 душъ крѣпостныхъ крестьянъ дѣлало его однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщи-

---

[1]) «О жизни прот. А. А. Самборскаго», стр.

ковъ въ губерніи, хотя онъ въ то же время былъ всетаки священникомъ, а не дворяниномъ. Близкія отношенія Самборскаго къ Высочайшимъ особамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ еще болѣе выдѣляли его изъ ряда мѣстныхъ обывателей. Самъ онъ повидимому не только не стушевывалъ, а старался подчеркнуть, что онъ довѣренная особа государя: сосѣди или ему завидовали, или заискивали у него, или боялись его, или не довѣряли ему. При такихъ условіяхъ и добрыя начинанія Самборскаго не могли привиться, найти себѣ подражателей. Къ несчастью судьба свела его еще съ Денисенковымъ, который съумѣлъ обойти непрактичнаго и неопытнаго въ житейскихъ дѣлахъ Самборскаго; этотъ послѣдній промѣнялъ ему свой великолѣпный лѣсъ на малоцѣнное имѣніе, прельстившись находившимися тамъ минеральными водами. Очевидно, онъ расчитывалъ, что онѣ будутъ приносить пользу больнымъ, а ему доходъ; но онъ не зналъ условій русской дѣйствительности, онъ дѣйствовалъ какъ теоретикъ, воспитанный при томъ на культурномъ Западѣ; тамъ бы, конечно, полезныя минеральныя воды не могли бы оставаться въ забвеніи—ихъ бы взяли въ свои руки частные предприниматели, онѣ бы давали доходъ; на помощь къ нимъ пришло бы правительство, а главное ихъ бы поддержало само общество, сознавшее ихъ пользу для здоровья. Совсѣмъ иначе было у насъ—и обо всемъ этомъ забылъ Самборскій также точно, какъ и другіе теоретики—піонеры новой культуры, въ родѣ, напримѣръ, В. Н. Каразина, который въ это время старался о развитіи своего филотехническаго общества, преслѣдовавшаго только въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ тѣ же цѣли, какія поставилъ себѣ единолично Самборскій. Отсюда происходило сильное увлеченіе предпріятіями, неудача ихъ на практикѣ и быстрое охлажденіе къ нимъ со стороны иниціаторовъ, возлагавшихъ на нихъ преувеличенныя надежды и потомъ, по силѣ реакціи, совершенно разочаровавшихся въ нихъ. Это именно повторилось съ Самборскимъ. Онъ обманулся въ расчетахъ—и рѣшилъ пустить въ ходъ всѣ свои связи, чтобы поправить свою собственную ошибку; говоримъ „свою собственную“, потому, что, по его же сознанію, онъ согласился промѣнять лѣсъ на имѣніе и минеральныя воды, не осмотрѣвъ предварительно ихъ. Правда онъ потерпѣлъ отъ этого обмѣна; продавецъ оказался недобросовѣстнымъ (по его словамъ); но все таки это былъ актъ, заключенный съ общаго согласія обѣихъ сторонъ, добровольная гражданская сдѣлка. И расторгнута она могла быть только тѣми учрежденіями, которыя ее узаконили. Самборскій же какъ бы не понимаетъ этого и обращается къ покровительству высокихъ лицъ, старается найти помощь себѣ у самого государя, указывая при этомъ на свои заслуги, порицая своихъ

противниковъ, которые не знали, что онъ писалъ о нихъ, и потому не могли оправдываться; такимъ образомъ, не выполнялось основное требованіе права—audiatur et altera pars; приходилось вѣрить ему исключительно на слово въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ былъ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ; а онъ допускалъ въ этомъ дѣлѣ очень страстный тонъ и рѣзкіе отзывы и самъ чувствовалъ, что его конфиденціальныя письма могли быть приняты за доносъ даже тѣмъ лицомъ, къ которому они были адресованы, не говоря уже о мѣстномъ обществѣ, которое прямо считало его шпіономъ государевымъ. Самборскій, очевидно, сознавалъ всю затруднительность своего положенія и потому пустилъ въ ходъ всѣ аргументы и, не дождавшись отвѣта на свое первое письмо, отправилъ кн. Голицыну второе. Между тѣмъ и первое письмо произвело неблагопріятное впечатлѣніе на государя и вызвало съ его стороны исполненный глубокой государственной мудрости и достоинства отвѣтъ, доставленный Самборскому кн. Голицынымъ. „Письмо Вашего Высокопреподобія, отвѣчалъ кн. Голицынъ, о производимомъ въ слободскоукраинскомъ правленіи тяжебномъ дѣлѣ вашемъ съ ротмистромъ Денисенковымъ я докладывалъ Государю Императору. Его Величество, соизволивъ усмотрѣть, что дѣло сіе предано законному теченію, Высочайше поручилъ мнѣ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь мой, что Его Величество за правило себѣ поставить изволилъ—въ дѣла, гласъ о себѣ имѣющія и въ законномъ порядкѣ сужденію преданныя, никогда не вмѣшиваться". [1]) Чѣмъ окончилась тяжба Самборскаго съ Денисенковымъ, неизвѣстно.

Посмертнымъ памятникомъ Самборского въ сел. Стратилатовкѣ является каменный трехъ-престольный храмъ во имя Софіи, построенный въ его память и во исполненіе его воли дочерью Анной Андреевной и внукомъ Иваномъ Васильевичемъ Малиновскимъ. Сюда было перевезено, 6 иконъ, писанныхъ извѣстнымъ художникомъ Боровиковскимъ и находившихся нѣкогда въ церкви, устроенной надъ могилой вел. Кн. Александры Павловны въ Венгріи; а именно—образъ Спасителя, Входъ въ храмъ Пресв. Богородицы, Апостола Павла, Благовѣщенія Богородицы, священномученицы Александры; [2]) всѣ онѣ помѣщаются въ придѣлѣ муч. Андрея Стратилата; въ двухъ остальныхъ находится цѣлый рядъ иконъ работы художника Венеціанова. Изъ церковной утвари слѣдуетъ отмѣтить: дарохранительницу въ видѣ Іерусалимскаго гроба Господня съ золотыми изображеніями страданій Христовыхъ,

---

[1]) Христ. чтеніе, 1894, ноябрь—декабрь, стр. 449.

[2]) Ibidem, стр. 436.

дарохранительницу съ бриліантовымъ крестомъ, подареннымъ Екатериною II Самборскому въ 1783 г., серебряный крестъ съ частью животворящаго древа—даръ Константинопольскаго патріарха. Одна изъ иконъ на церковной стѣнѣ писана въ Италіи въ 1592 году.[1]) Всѣ эти предметы представляютъ кромѣ церковнаго, еще археологическій и художественный интересъ и заслуживаютъ полнаго вниманія туристовъ, такъ же точно, какъ и семейный архивъ Самборскаго, принадлежащій нынѣ его внучкѣ Марьѣ Васильевнѣ Вальховской. Какова была судьба правительственныхъ и благотворительныхъ учрежденій Самборскаго, объ этомъ пусть разскажутъ другіе, ибо намъ о ней ничего неизвѣстно[2]).

---

[1]) Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. еп., V, стр. 85—86.

[2]) Оттискъ изъ «Харьк. Губ. Вѣд.» «Украинская Старина», X. 1895 г.

III.

Харьковскій городской голова Егоръ Егоровичъ Урюпинъ [1].

I.

Нерѣдко въ наши дни приходится слышать жалобы на недостатокъ у насъ такихъ общественныхъ дѣятелей, которые были бы преданы безкорыстно своему дѣлу и въ то же время обладали всѣми необходимыми для него данными. Въ городахъ, считающихъ у себя болѣе сотни тысячъ жителей, въ центрахъ науки и образованія избиратели подъ часъ не знаютъ, кого имъ выбрать въ городскіе представители, или, сдѣлавъ такой выборъ, потомъ раскаиваются и упрекаютъ себя въ опрометчивости. Въ высшей степени почтенная задача предстоитъ теперь хозяину города, блюстителю его общественныхъ интересовъ—городскому головѣ: онъ много можетъ сдѣлать для его роста и процвѣтанія въ хозяйственно-экономическомъ, умственномъ и даже нравственномъ отношеніи. Конечно, его дѣло очень трудное и сложное, какъ сложна и самая жизнь въ наше время. Но онъ имѣетъ сотрудниковъ, раздѣляющихъ съ нимъ работу; на помощь ему приходитъ также цѣлая коллегія гласныхъ, среди которыхъ имѣются знатоки и спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія и практической жизни. Городское самоуправленіе существуетъ уже болѣе столѣтія—основаніе ему положено знаменитой жалованной грамотой Екатерины II-й 1785 года; въ такой значительный промежутокъ времени должна была уже выработаться извѣстная традиція—вкусъ, привычка и опытность въ дѣлѣ городскаго самоуправленія; важнымъ коррективомъ его являются также съ одной стороны высшія инстанціи, а съ другой пресса и общественное мнѣніе—они часто предохраняютъ отъ возможныхъ ошибокъ и увлеченій; благодаря гласности и печати теперь гораздо легче, чѣмъ прежде, сдѣлать оцѣнку всякаго общественнаго дѣятеля, а въ томъ числѣ и городского головы—и заслуги подобныхъ лицъ рѣдко когда не отмѣчаются даже благодарными современниками.

---

[1] Оттискъ изъ «Харьк. Губ. Вѣд.» «Украинская Старина», X. 1895 г.

Въ старину положеніе такого общественнаго дѣятеля, какъ городской голова, было совсѣмъ иное (мы беремъ конецъ XVIII вѣка—первыя 15 лѣтъ послѣ изданія жалованной городской грамоты). Городское хозяйство и управленіе были конечно, гораздо проще, чѣмъ теперь; но за то и идея общественности, можно сказать, только что нарождалась среди городского населенія, благодаря новымъ сословнымъ учрежденіямъ Екатерины II. И какъ слабо было городское сословіе сравнительно съ могущественнымъ дворянствомъ, въ особенности, когда это послѣднее являлось въ образѣ гражданскаго или военнаго чиновничества! Настоящую силу представляла изъ себя тогда въ сущности только одна бюрократія. Грозное царствованіе Императора Павла не могло развить учрежденій, возникшихъ при его матери, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, онъ сильно не сочувствовалъ всѣмъ ея начинаніямъ и реформамъ; да и могли ли процвѣтать подобныя учрежденія, когда все общество какъ бы оцѣпенѣло въ какомъ то ужасѣ, видя страшныя проявленія безпричиннаго царскаго гнѣва. Золотой вѣкъ надеждъ наступилъ съ воцареніемъ Императора Александра I, и этимъ моментомъ постарались воспользоваться разные мѣстные общественные дѣятели, чтобы добиться для себя кое какихъ облегченій и льготъ; слѣдомъ за другими пошли и представители городскихъ обществъ. Но и въ это время все еще не было текущей прессы, а общественное мнѣніе только что стало пробуждаться, стремленіе къ общественной дѣятельности было не велико и различныя общественныя предпріятія обязаны были своимъ происхожденіемъ отдѣльнымъ, энергичнымъ, предпріимчивымъ лицамъ, которыя принимали на себя инициативу и доводили до конца задуманное дѣло. Конечно, такіе люди заслуживаютъ особой похвалы, потому что они на своихъ плечахъ должны были выносить всю тяжесть борьбы и только въ самихъ себѣ могли находить запасъ нравственныхъ силъ, чтобы побороть равнодушіе однихъ и противодѣйствіе другихъ. Къ числу такихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей,—стойкихъ, честныхъ, талантливыхъ, принадлежалъ и Харьковскій городской голова Егоръ Егоровичъ Урюпинъ, которому и посвящается настоящій этюдъ.

Изучая прошлую общественную жизнь, невольно поражаешься незначительнымъ числомъ положительныхъ типовъ, свѣтлыхъ и симпатичныхъ дѣятелей. И это явленіе въ одинаковой степени характерно какъ для великорусской, такъ и для малорусской старины. Неутомимый изслѣдователь южнорусскаго стародавняго быта А. М. Лазаревскій представилъ намъ цѣлую галлерею историческихъ дѣятелей старой Малороссіи—и почти всѣ они выступаютъ передъ нами съ темными отрицательными чертами характера и дѣятельности. Не на комъ от-

дохнуть взору наблюдателя: некого взять образцомъ и примѣромъ для настоящаго.

Спрашивается: неужели и въ дѣйствительности въ старину почти не было такихъ дѣятелей, которые бы безкорыстно служили общественнымъ интересамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлялись бы изъ окружающей среды нравственными чертами своего характера? Мы думаемъ, что хорошихъ честныхъ дѣятелей и въ прежнее время было не мало; но только исторія не сохранила о нихъ никакихъ свѣдѣній. И это объясняется главнымъ образомъ нѣкоторою односторонностью историческихъ архивныхъ матеріаловъ: основнымъ источникомъ для бытовой исторіи являются судебныя дѣла—а они рисуютъ намъ жизнь и дѣятельность разныхъ лицъ съ отрицательной стороны; панегирики, или вообще „описанія дѣяній“ выпадали на долю немногихъ (преимущественно военныхъ героевъ); а мирная гражданская дѣятельность въ особенности на скромныхъ постахъ въ провинціи, не находила себѣ печатной оцѣнки и памятники ея мирно покоятся въ архивахъ, до тѣхъ поръ пока до нихъ случайно не дотронется рука современнаго историка. Мы намѣрены представить нѣсколько такихъ положительныхъ типовъ изъ бытовой исторіи слободской Украины въ самомъ началѣ XIX вѣка и вызвать изъ забвенія память этихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что дѣятельность ихъ не была оцѣнена современниками. Пусть же по крайней мѣрѣ воздастъ должное имъ потомство.

25 января 1895 года я получилъ отъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа Николая Павловича Воронцова-Вельяминова одинъ документъ, касающійся Е. Е. Урюпина, при письмѣ слѣдующаго содержанія. „Въ день университетскаго акта, 17 января, былъ полученъ мною конвертъ на мое имя съ надписью: „если возможно, заглянуть въ него сейчасъ“. По вскрытіи конверта, въ немъ оказались прилагаемыя при семъ 1) записка безъ подписи ея автора и 2) копія сенатскаго постановленія по дѣлу о пожалованіи Высочайшимъ указомъ 30 января 1803 года Харьковскаго городскаго головы Егора Урюпина въ коллежскіе секретари „за содѣйствіе—между прочимъ—въ предположенномъ заведеніи въ Харьковѣ университета“. Не зная автора записки и догадываясь лишь по слухамъ, что записка и документъ принадлежатъ г-жѣ Б—ой, у которой, вѣроятно, найдутся, какъ видно изъ записки, и другіе еще документы, относящіеся до заслугъ Урюпина, я считаю своимъ долгомъ препроводить конвертъ съ запискою и документомъ въ ваше распоряженіе, какъ матеріалъ для предпринятаго и исполняемаго уже вами труда по исторіи Харьковскаго университета“.

Безъимянная записка гласила слѣдующее: „все Каразинъ да Каразинъ—нигдѣ ни словечка объ Урюпинѣ. Развитой, безкорыстный онъ забылъ всѣ свои торговыя операціи, обязанности семьянина и весь отдался интересамъ г. Харькова. Онъ дважды ѣздилъ хлопотать объ открытіи университета. Къ несчастью за серьезной болѣзнью не могу сейчасъ отыскать—1) письмо отъ университета Урюпину, съ просьбой доставить въ университетъ свой портретъ, 2) благодарность университета за доставку портрета, 3) документъ о дарованіи дворянства Урюпину съ перечисленіемъ всѣхъ его заслугъ. Дочь Урюпина (дѣвица) 94 лѣтъ умерла 2 года назадъ, замѣчательно интересная личность; жила въ страшной нищетѣ: моей малой помощи не хватало ей, но по моей просьбѣ б. городской голова г. Фесенко ей выхлопоталъ 20 руб. ежемѣсячной помощи отъ города“.

Мы чрезвычайно признательны Николаю Павловичу Воронцову-Вельяминову за то, что онъ далъ возможность намъ воспользоваться неизданнымъ документомъ объ Урюпинѣ и любопытнымъ письмомъ неизвѣстной корреспондентки. Пользуясь настоящимъ случаемъ, я печатно обращаюсь къ ней съ покорнѣйшей просьбой сообщить мнѣ все, что ей извѣстно объ Е. Е. Урюпинѣ; не менѣе, если не болѣе интересны могли бы быть и тѣ данныя, которыя лично извѣстны г-жѣ корреспонденткѣ изъ разсказовъ дочери Урюпина о своемъ отцѣ. О частной жизни Урюпина мы не знаемъ ничего—намъ неизвѣстно даже, когда онъ родился и умеръ, каково было его семейное и матеріальное положеніе. Въ письмѣ неизвѣстной корреспондентки говорится о поѣздкахъ Урюпина въ Петербургъ по дѣлу объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, а доступные нами источники объ этомъ не говорятъ ни слова.

Замѣчаніе корреспондентки, что до сихъ поръ никто не говорилъ объ Урюпинѣ, а всѣ писали только о В. Н. Каразинѣ—не совсѣмъ справедливо: о его дѣятельности сообщилъ нѣсколько интересныхъ фактовъ изслѣдователь Харьковской старины г. Устиновъ въ своей статьѣ „Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія“; [1]) его роли въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета коснулся и я въ 1-мъ выпускѣ своего „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ Х. 1894, стр. 75—81; затѣмъ извѣстны были два письма къ нему старчика Григорія Саввича Сковороды. Эти отрывочныя свѣдѣнія правда не давали полнаго понятія о полезной общественной дѣятельности Е. Е. Урюпина; но и они все-таки указывали на него, какъ на выдающагося человѣка. Работая надъ исторіей Харьковскаго университета, я не могъ не обратить вниманіе на

[1]) Харьк. Календ. на 1896 г.; ср. также его «Харьк. стар. (Х. Г. В. 1878 г.).

роль Урюпина въ дѣлѣ основанія университета и постарался воздать должное и В. Н. Каразину, и Е. Е. Урюпину—suum cuique tribuere. Въ это же время удалось найти и портретъ его (масляными красками) въ университетскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ. Къ сожалѣнію. онъ очень плохо сохранился, такъ что требуетъ значительной реставраціи. Тѣмъ не менѣе я указалъ на него г. харьковскому городскому головѣ И. Т. Голенищеву-Кутузову, который рѣшилъ собрать портреты всѣхъ прежнихъ харьковскихъ городскихъ головъ и поставить ихъ въ залѣ думскихъ засѣданій—и портретъ Урюпина, по его распоряженію, срисованъ въ большомъ видѣ художникомъ г. Данилевскимъ. Портретъ этотъ былъ пожертвованъ университету Натальей Егоровной Урюпиной, какъ это видно изъ опредѣленія правленія отъ 21 февраля 1878 года (Бумаги правленія № 457, мая 1878 г.; ст. 139; № матеріальной книги 1712).

Письмо неизвѣстной корреспондентки дало дальнѣйшій толчекъ моимъ поискамъ—я отправился въ архивъ харьковской городской думы и, затребовавъ тамъ протоколы ея за 1800—1801 годы, нашелъ въ нихъ не мало новыхъ данныхъ для характеристики Е. Е. Урюпина, какъ дѣятеля по городскому управленію. Но я долженъ здѣсь же сознаться, что извлекъ изъ архива городской думы далеко не всѣ матеріалы объ Е. Е. Урюпинѣ. Дѣло въ томъ, что бумаги эти не описаны и хранятся не въ зданіи думы, а въ особомъ помѣщеніи (подвальномъ этажѣ биржевого зала), и вслѣдствіе этого пользоваться ими не совсѣмъ удобно. [1])

[1]) Мы полагаемъ, что въ интересахъ разработки исторія Харькова вообще и и Харьковскаго городского самоуправленія въ частности, желательно было бы передать всѣ старыя дѣла Харьковской городской думы (хотя бы съ 1785 г. по 1825 годъ) въ историческій архивъ при Харьковскомъ университетѣ, въ которомъ теперь уже сосредоточены архивы многихъ присутственныхъ мѣстъ г. Харькова и Харьковской губерніи. Дѣла эти не нужны для текущихъ справокъ и представляютъ въ настоящее время только одинъ историческій интересъ и потому имъ естественнѣе находиться среди другихъ аналогичныхъ историческихъ документовъ, чѣмъ быть погребенными въ нынѣшнемъ помѣщеніи, которое при томъ очень скоро переполнится текущими бумагами; а если бы, сверхъ чаянія, оказалось необходимымъ навести въ нихъ какую нибудь справку, то это еще удобнѣе будетъ сдѣлать въ новомъ мѣстѣ, гдѣ къ нимъ будутъ составлены указатели. Въ учрежденныя, по Высочайшему повелѣнію, въ разныхъ городахъ губернскіе историческіе архивы передаются теперь всѣ старыя дѣла мѣстныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій; Харьковскій же историческій архивъ, хотя находится въ нѣсколько иномъ положеніи (заключаетъ въ себѣ документы нѣсколькихъ губерній и состоитъ при университетѣ), но въ то же время соотвѣтствуетъ и губернскимъ архивамъ, (ибо заключаетъ въ себѣ огромную серію матеріаловъ по Харьковской губ.), съ тою только разницею, что мѣсто ученой архивной комиссіи занимаетъ здѣсь историко-филологическое общество, въ вѣдѣніи котораго онъ и находится. Въ него, слѣдовательно, и должны поступать на храненіе старыя дѣла разныхъ учрежденій.

II.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на г. Харьковъ въ исходѣ XVIII и первыхъ годахъ XIX вѣка. Основанный въ половинѣ XVII ст. выходцами изъ Заднѣпровской Украйны, Харьковъ въ теченіи столѣтія оставался однимъ изъ пяти полковыхъ казацкихъ городовъ Слободской Украины. Въ 1765 году Слободскіе полки были преобразованы въ Слободскоукраинскую губернію, а Харьковъ сдѣланъ губернскимъ городомъ, и хотя въ 1780 г. она была переименована въ намѣстничество, но въ 1797 г. снова объявлена губерніей. Какъ бы то ни было, Харьковъ долго еще носилъ слѣды своего прежняго военнаго быта, не смотря на то, что въ теченіе послѣднихъ 35 лѣтъ XVIII вѣка въ немъ произошло много перемѣнъ и онъ замѣтно измѣнился какъ въ своемъ наружномъ видѣ, такъ и въ отношеніи своего населенія. На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ въ немъ даже въ самомъ центрѣ сохранялись еще остатки прежнихъ, нѣкогда значительныхъ укрѣпленій. Но эти башни, стѣны и валы все болѣе и болѣе разрушались и получали новое, теперь уже мирное назначеніе—превращались въ мѣста для торговли; возлѣ деревяннаго тына прежней крѣпости (острога) на Московской улицѣ также пріютились лавочки и навѣсы (таши). Предѣлы тогдашняго Харькова были весьма незначительны: тамъ, гдѣ теперь садъ „Баварія“ были уже болота съ дичью и одно изъ нихъ слыло даже „озеромъ“. За Дмитріевскою церковью по Екатеринославской улицѣ тянулось по правую сторону до Холодной горы кладбище, а по лѣвую находилась *слобода* Гончаровка: гдѣ теперь Екатеринославскіе скверы, тамъ за городскими воротами было озеро, изъ котораго брали воду для питья; берега его были обсажены деревьями, а черезъ него перекинутъ мостъ. Нынѣшняя Клочковская улица представляла тогда изъ себя хуторъ Клочки, а Панасовка—предмѣстье того же имени. Городъ дѣлился на три части—центральную, залопанскую и занетеченскую; каменныхъ строеній въ немъ было очень мало. Это были по большей части общественныя зданія: 8 церквей, коллегіумъ, губернаторскій и вице-губернаторскій домъ, недоконченный постройкой корпусъ присутственныхъ мѣстъ, гостинный дворъ съ лавками, губернское правленіе, городская полиція, дворянскій домъ, хлѣбный магазинъ, главное народное училище, магистратъ, аптека съ лабораторіей приказа общественнаго призрѣнія, самый приказъ и больница, домъ сумасшедшихъ и губернскій почтамтъ; сверхъ того, было еще нѣсколько каменныхъ домовъ и у частныхъ лицъ. Всѣ остальныя зданія (въ томъ числѣ 2 церкви—Дмитріевская и Воскресенская) были деревянныя, крытыя по большей части соломою, отчасти черепицею или гонтомъ; дома снаружи

обыкновенно не штукатурились, а обмазывались глиною и бѣлились мѣломъ. Хотя постройки должны были происходить по плану, но такъ какъ онъ былъ утвержденъ недавно, то большой правильности въ нихъ не было; улицы не имѣли постоянныхъ названій, за исключеніемъ нѣсколькихъ самыхъ главныхъ, которыя впрочемъ назывались дорогами—Екатеринославская, Московская и Сумская. О деревенскомъ, такъ сказать, характерѣ города свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ предѣлахъ его были плотины и три водяныхъ мельницы, построенныя съ давняго времени и приносившія значительный доходъ ихъ владѣльцамъ. Въ городѣ была страшная грязь, масса навозу и вообще нечистота, противъ которыхъ вели тщетную борьбу мѣстные губернаторы. Харьковская грязь того времени представляла нѣчто по истинѣ изумительное, изъ ряда вонъ выходящее: она ужасала даже вполнѣ привычныхъ къ ней русскихъ людей, не говоря уже объ иностранцахъ; проѣздъ по улицамъ былъ не только затруднительный, а прямо таки подъ часъ невозможный изъ окружающихъ селеній не могли подвозить въ городъ съѣстныхъ припасовъ и вслѣдствіе этого въ немъ наступала дороговизна; ѣхавшіе тонули въ грязи. Напрасно губернаторы всячески понуждали городскую думу позаботиться о замощеніи города фашинникомъ; уже послѣ учрежденій въ Харьковѣ университета для профессоровъ и студентовъ существовали такъ называемые „грязные каникулы“ (feriae luti), когда чтеніе лекцій должно было прекращаться по случаю невылазной, лежавшей на улицахъ, грязи. Въ 1799 году въ Харьковѣ было 1983 дома и 10000—12000 жителей обоего пола. Въ составѣ ихъ преобладали не купцы и ремесленники, а войсковые обыватели и крестьяне, составлявшіе главный контингентъ сельскаго населенія Украины. Вслѣдствіе этого земледѣліе и другіе деревенскіе промыслы являлись виднымъ занятіемъ большинства его гражданъ. Впрочемъ, благодаря своимъ ярмаркамъ, Харьковъ былъ въ тоже время и первымъ торговымъ центромъ въ своемъ краѣ. И тогда было уже въ немъ 4 ярмарки (тѣ же что и теперь), обороты которыхъ считались милліонами рублей. Купцовъ всѣхъ трехъ гильдій было 166 человѣкъ, большая часть которыхъ была великорусскаго происхожденія, но видную роль въ торговлѣ играли и представители другихъ сословій. Цеховыхъ было обоего пола 556 душъ; евреевъ 28 чел., извозчиковъ 17; книжная лавка 1; ювелиръ 1; глазной лекарь 1. Заводская дѣятельность была развита очень слабо.

Бюджетъ Харькова былъ очень скроменъ—равнялся 10000 р. ас.; но жители помимо денежныхъ взносовъ были сильно обременены еще натуральными повинностями, въ особенности военными постоями, которые сдѣлались совершенно невыносимыми въ царствованіе Императора

Павла. „Постойная повинность, говоритъ г. Устиновъ, въ высшей степени обременительная по своимъ размѣрамъ, дѣлалась еще невыносимѣе вслѣдствіе неравномѣрнаго и пристрастнаго ея распредѣленія. Несмотря на то, что законъ прямо требовалъ размѣщенія военныхъ чиновъ по всѣмъ обывательскимъ дворамъ безъ исключенія, размѣщали ихъ только по дворамъ бѣднѣйшихъ и безчиновныхъ. Понятно, что при несоразмѣрно большомъ составѣ квартировавшихъ тогда въ Харьковѣ войскъ и при относительно незначительномъ числѣ жилыхъ домовъ въ городѣ, постои, соединенные съ обязанностью давать еще даромъ дрова, свѣчи и т. п. могли раззорить въ конецъ и безъ того небогатыхъ горожанъ тогдашняго Харькова“. Для расквартированія въ городѣ войскъ предположено было устроить казармы, но вмѣсто этого попрежнему размѣщали ихъ на частныхъ квартирахъ, а для командировъ и офицеровъ было пріобрѣтено нѣсколько большихъ домовъ, меблированныхъ и снабженныхъ дровами на городской счетъ. Въ Харьковѣ, въ царствованіе Императора Павла, было множество заставъ, шлагбаумовъ, будокъ, гауптвахтъ, ордонансъ-гаузовъ—и онъ имѣлъ тогда совершенно военный видъ.

Въ 1785 году Харьковъ получилъ жалованную городскую грамоту и въ немъ началъ дѣйствовать цѣлый рядъ учрежденій и лицъ, на обязанности которыхъ лежала забота о городскомъ благоустройствѣ; это были губернаторы, полиціймейстеры, губернское правленіе, городовой магистратъ, шестигласная дума подъ предсѣдательствомъ городского головы, цеховыя управленія. Они должны были устроить полицію, пожарный обозъ, мостовыя, освѣщеніе. Особенно много сдѣлалъ для этого послѣдній намѣстникъ Харьковскаго намѣстничества А. Леванидовъ (съ 1793 по 1796 г.); онъ склонилъ всѣхъ гражданъ г. Харькова назначить добровольный взносъ на содержаніе пожарнаго обоза и замощеніе улицъ. Полицейскія обязанности лежали на городничемъ и смотрителяхъ; первый получалъ жалованья 300 р. ас. въ годъ, вторые по 200 р. ас.

Городская шестигласная дума находилась въ сильнѣйшей зависимости отъ мѣстной администраціи. „Она ничего не смѣла сдѣлать безъ позволенія или приказанія: на самомъ дѣлѣ городскимъ хозяйствомъ распоряжалось губернское правленіе. При томъ правительственная опека надъ всѣмъ подчинила торговлю и городскую промышленность совершенному произволу полиціи.... Точное исполненіе и тогда уже безчисленныхъ правилъ о торговлѣ было до того невозможно, что городничій имѣлъ полную возможность во всякое время запереть всѣ лавки на „законномъ основаніи“, отчего купцы и мѣщане были совершенно безгласными; ихъ головы и гласные даже иногда находились въ дѣйстви-

тельномъ подчиненіи у секретарей губернскихъ канцелярій. Ратманы въ полиціи исполняли только приказанія городничаго, не смѣя подать голоса, и исправляли иногда должности сторожей; засѣдатели въ тогдашнихъ палатахъ и судахъ также ничего не значили и, наконецъ, собранія этихъ сословій имѣли право обсуждать только то, что „прикажетъ начальство“. Городское самоуправленіе было таковымъ только по своему названію. Наконецъ, страшною язвою тогдашняго времени было взяточничество, которое царило вездѣ и въ администраціи, и въ судѣ.

И такое явленіе было тогда весьма распространеннымъ во всей Россіи, какъ это доказано академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ на основаніи многочисленныхъ печатныхъ и неизданныхъ матеріаловъ (послѣдніе извлечены имъ изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). „Губернаторы, писалъ сенаторъ Ключаревъ (во всеподданнѣйшей запискѣ) съ намѣреніемъ возбуждаютъ доносы, сами дѣлаются доносителями для пристрастныхъ пользъ и тѣснятъ хладнокровно несчастныхъ, погружаясь въ распутство и неблагопристойныя празднества съ пальбою и иллюминаціями, изъ чего ясно обнаруживаютъ народу, что они живутъ и веселятся на счетъ тайныхъ, а часто и явныхъ взятокъ“. „По ненависти и мщенію губернаторы возбуждали дѣла черезъ своихъ угодниковъ, тянули ихъ нѣсколько лѣтъ и во все это время держали обвиняемаго въ заключеніи. Если уголовная палата рѣшала дѣло не по желанію губернатора, то онъ не стѣсняясь давалъ предложеніе перерѣшить его. Это вело къ тому, что многіе предсѣдатели палатъ, какъ гражданской, такъ и уголовной, предпочитали составленныя ими по дѣламъ резолюціи приносить губернатору на предварительное разсмотрѣніе и рѣшать по его указанію“ [2]). Академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ приводитъ отрывокъ изъ „Ябеды“ Капниста

Господинъ гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель,
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ...
Но вящшую его супруга дань деретъ“,

и потомъ прибавляетъ: „эта дань львиною долею поступала къ губернаторамъ не только отъ предсѣдателей палаты, но отъ судей, полиціймейстеровъ, исправниковъ и вообще отъ всѣхъ уѣздныхъ и земскихъ

---

[1]) „Наполеонъ I въ современномъ ему русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ“ („Русскій Вѣстникъ“ 1895, іюнь).

[2]) Ibidem, стр. 6.

властей. Поэтому честные дворяне всѣми средствами уклонялись отъ выборовъ въ судьи и исправники, зная, что они должны платить ежегодно подати губернаторамъ, ихъ секретарямъ и совѣтникамъ правленія, а для этого обирать народъ, гдѣ можно и гдѣ случай дозволитъ. Если выбранные дворянствомъ лица пытались поступить по совѣсти, то не избѣгали гоненій губернаторовъ и даже были предаваемы суду подъ какимъ либо предлогомъ [1]). Н. Витовтовъ писалъ государю, что подъ игомъ полиціи народъ стонетъ во всемъ государствѣ [2]). Самъ Императоръ писалъ: „изъ доходящихъ къ Намъ безпрестанно слуховъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заключаемъ, что *пагубное лихоимство или взятки* въ Имперіи Нашей не только существуютъ, но даже распространяются между тѣми самыми, которые бы гнушаться ими и всемѣрно пресѣкать ихъ долженствовали“ [3]). Само собою разумѣется, что бывали и противоположныя явленія—попадались честные, хорошіе администраторы и судьи, но, къ сожалѣнію, довольно рѣдко.

III.

Въ такое время и при такихъ условіяхъ пришлось дѣйствовать Егору Егорьевичу Урюпину. Е. Е. Урюпинъ принадлежалъ къ городскому купеческому сословію, но средства его были болѣе, чѣмъ скромныя—у него было свидѣтельство 3-й гильдіи. При томъ постоянная общественная дѣятельность отвлекала его отъ занятій торговыми дѣлами; и неудивительно поэтому, что дочь его впослѣдствіи жила и умерла въ полной бѣдности. Изъ его собственнаго прошенія мы узнаемъ, что онъ прекрасно подготовилъ себя къ роли городскаго головы предшествующею общественною службою: съ 1787 по 1790 г. онъ былъ, по выборамъ Харьковскихъ купцовъ и мѣщанъ, бургомистромъ въ Харьковскомъ магистратѣ, а съ 1790-го по 1796-й годъ—засѣдателемъ губернскаго магистрата; затѣмъ былъ избранъ гласнымъ городской думы и, наконецъ, городскимъ головою. Въ роли городского головы онъ выступаетъ передъ нами, какъ необычайно свѣдущій законникъ, смѣлый поборникъ правды, всецѣло преданный интересамъ города дѣятель. Чтобы убѣдиться въ этомъ, остановимся на нѣсколькихъ типическихъ примѣрахъ.

Дѣятельность Е. Е. Урюпина въ качествѣ городского головы характеризуется постоянною заботою о нуждахъ и благосостояніи родного

---

[1]) Ibidem, стр. 7.
[2]) Ibidem, стр. 21.
[3]) Ibidem, стр. 18.

ему Харькова. 31 января 1800 г. все засѣданіе думы было посвящено вопросу о городскомъ благоустройствѣ. „Разсуждали о томъ, что городъ не имѣетъ въ удобномъ мѣстѣ городскихъ мѣръ и вѣсовъ, а городское общество – дома для своихъ собраній и помѣщенія архива, и прочаго для него потребнаго—амбаровъ, магазиновъ, лавокъ для продажи съѣстныхъ припасовъ. Хотя изъ дѣлъ думы и видно было, что все это разрѣшилъ устроить покойный ген.-пор. Дм. Авт. Норовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ иногородные маркитанты торговали квасомъ и сбитнемъ, но это рѣшеніе не было приведено въ исполненіе; между тѣмъ все это было и нужно, и полезно для города. Въ виду этого дума постановила ходатайствовать передъ губернаторомъ П. Ѳ. Сабуровымъ о разрѣшеніи указанныхъ построекъ на счетъ городскихъ доходовъ. Подписали—городской голова и гласные Гр. Яковенко, Максимъ Бутовъ, Иванъ Жила, Ѳед. Шумейковъ, Петръ Манулинъ, Ив. Радчерко, Сем. Репинъ“. Въ своемъ разъясненіи губернатору дума прибавляла, что она предполагаетъ выстроить для себя каменный домъ, который бы удовлетворялъ ея нуждамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, служилъ бы украшеніемъ города. Сенаторамъ-ревизорамъ, Ив. Ив. Кушелеву и Ив. Алексѣевичу Алексѣеву въ томъ-же 1800-мъ году дума рѣшила указать на слѣдующія городскія нужды: 1) городъ не имѣетъ выгона; 2) гостиннаго мѣщанскаго двора, который требуется и жалованной городской грамотой (хотя гостинный дворъ въ Харьковѣ и былъ, но имъ владѣли не мѣщане, несшіе всѣ денежныя и натуральныя повинности, а церкви, казна, дворяне и духовенство); 3) у него нѣтъ гостиннаго ряда въ центральной части (тутъ лавки разныхъ частныхъ лицъ); 4) нѣтъ также своего дома и архива, которые требуются 39 § жалованной грамоты; 5) нѣтъ амбаровъ, магазиновъ, лавокъ для продажи съѣстныхъ припасовъ, требуемыхъ 167 § жалованной грамоты; для постройки ихъ были удобныя городскія мѣста, но они были розданы начальствомъ дворянамъ и другимъ лицамъ, кои, застроивъ ихъ, стали получать значительный доходъ; 6) отводъ квартиръ для войскъ долженъ зависѣть не отъ полиціи, а отъ магистрата; 7) городъ терпитъ недостатокъ въ чистой водѣ, для чего необходимо вырыть въ подходящемъ мѣстѣ колодезь; 8) нужны городскіе часы, чтобы каждый по нимъ зналъ время. Этимъ же сенаторамъ дума жаловалась на обремененіе города полицейскою повинностью.

Въ самомъ представленіи сенаторамъ эти положенія развивались подробнѣе. 154-мъ пунктомъ жалованной грамоты предписывается: если городовыя общества усмотрятъ что либо, необходимое къ общей пользѣ и къ украшенію города, то должны представить объ этомъ губернатору и ожидать его разрѣшенія, но губернское начальство, считая себя не-

ограниченно дѣйствующимъ въ городскомъ хозяйствѣ, не ожидало отъ думы представленій, а, основываясь на архитекторской смѣтѣ, строило, что хотѣло, а если когда либо и бывали отъ думы представленія для пользы города, то они оставались безъ должнаго уваженія, почему и положеніе города не улучшилось. Вмѣсто же того губернское начальство тратило городскія деньги по своему произволу: покупало у гражданскихъ чиновниковъ подъ видомъ общей городской пользы по высокой цѣнѣ деревянные дома, будто бы для полковыхъ командировъ, а на самомъ дѣлѣ тамъ стояли и стоятъ тѣ самыя лица, у которыхъ эти дома куплены (какъ-то г. Мордвиновъ и г. прокуроръ Чайковскій); оно обратило ихъ въ квартиры, требуя при томъ отъ думы съ угрозами дровъ для отопленія ихъ изъ городскихъ доходовъ, вслѣдствіе чего городская дума, вопреки 39 § жалованной грамоты, понынѣ не имѣетъ еще дома для своихъ собраній и архива; оно распоряжается также домами гражданъ въ противность законовъ (13-й и 14-й главы устава главнаго магистрата, даннаго въ 1721 году 16-го января, 11-го пункта инструкціи всѣмъ магистратамъ, данной въ 1724 г., 48 § наказа губ. 1728 г. и другихъ на сей случай узаконеній), почему городъ Харьковъ, находясь доселѣ въ полной зависимости отъ посторонней власти, не соблюдавшей должнаго порядка и очереди, не могъ достичь цвѣтущаго состоянія, какого желалъ ему Монархъ. И хотя въ 1798 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о постройкѣ въ г. Харьковѣ для облегченія жителей отъ постоевъ казармъ и губернаторъ Тепловъ вслѣдствіе того получилъ изъ городскихъ доходовъ для этой цѣли 4338 руб. 33½ коп., но ни постройки казармъ не видно, ни денегъ до сихъ поръ въ городскую кассу не возвращено. Винная сумма употреблялась также, по предписанію губернскаго начальства, не на тѣ нужды, на которыя она предназначена. 6-мъ отдѣленіемъ 167 § жалованной грамоты городской думѣ предписывается стараться о заведеніи и постройкѣ торговыхъ площадей, пристаней, амбаровъ, магазиновъ—всего того, что можетъ быть полезно и выгодно для города. Но это Монаршее соизволеніе не достигло своей цѣли, ибо губернское начальство вмѣсто того, чтобы содѣйствовать пользамъ города позволеніемъ строить такія доходныя зданія, пораздавало принадлежавшія городу мѣста безденежно лицамъ разнаго званія, не отбывающимъ городскихъ повинностей, а получающимъ теперь все таки доходы. И хотя городская дума дѣлала представленіе объ этомъ губернскому правленію, но не получила законнаго удовлетворенія. 7 § жалованной грамоты требуетъ, чтобы власть имущія лица и учрежденія не налагали на города новыхъ податей, службъ или повинностей; а буде кто станетъ требовать ихъ, въ противность

указовъ, то на это долженъ жаловаться городовой магистратъ сенату, который съ своей стороны не можетъ увеличивать налоговъ безъ Высочайшаго разрѣшенія. Между тѣмъ слободскоукраинское губернское правленіе, указомъ отъ 5-го іюля 1799 года, велѣло городской думѣ и магистрату сообща расчислить штаты для учреждаемой, на основаніи имяннаго указа полиціи. Магистратъ и дума, соображаясь съ истинными потребностями города, составили такіе штаты и препроводили ихъ къ губернатору П. Ѳ. Сабурову. Но онъ, безъ всякаго объясненія мотивовъ, сдѣлалъ въ нихъ свои измѣненія, и, не извѣстивъ даже объ этомъ думу,—вмѣсто 2040 руб., назначилъ 2880 р., вмѣсто 2-хъ полицейскихъ частей въ городѣ три (присоединилъ пригородную слободу и опредѣлилъ для нея частнаго пристава и двухъ квартальныхъ надзирателей съ жалованьемъ изъ городскихъ доходовъ), вмѣсто 120 р. на освѣщеніе поставилъ 700 р. Городская дума, видя такое измѣненіе составленнаго ею положенія, вошла съ запросами въ губернское правленіе,—на какомъ основаніи оно сдѣлано, когда его превосходительству губернатору подтверждено было указомъ сената (26 января 1800 года) сообразоваться при устройствѣ полиціи въ Харьковѣ съ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 14 мая 1799 г. Но на это послѣдовалъ отвѣтъ думѣ, чтобы она не обращалась впередъ въ губернское правленіе съ такими „недѣльными“ представленіями, затрудняющими только высшее начальство перепискою, подъ угрозою не только одного денежнаго штрафа, но и преданія суду. Городская дума, считая это новое „положеніе“ въ высшей степени отяготительнымъ для гражданъ г. Харькова и въ то же время опаснымъ, такъ какъ оно сдѣлано единственно изъ сознанія своей власти, а не въ интересахъ дѣла, проситъ гг. ревизоровъ, посланныхъ Монархомъ для насажденія справедливости и защиты слабыхъ, возстановить законное право города или отнестись съ этимъ куда нужно, и быть мощными ходатаями за харьковскихъ гражданъ“ (30 мая 1800 года).

Отсюда мы видимъ, что главная забота Е. Е. Урюпина была обращена на то, чтобы поднять матеріальное благосостояніе харьковскихъ горожанъ и доставить имъ фактическую возможность пользоваться тѣми привиллегіями, которыя предоставляла имъ жалованная грамота. Городское сословіе въ Харьковѣ было слабо, запугано, забито; состоя изъ различныхъ общественныхъ слоевъ, съ неодинаковыми экономическими интересами, оно не представляло изъ себя тѣсно сплоченной, сильной корпораціи. И вотъ Урюпинъ старается поднять его общественный духъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить права, которыя имѣли важное экономическое значеніе, но были нарушены представителями другихъ болѣе сильныхъ группъ. Купечество подняло теперь голову и стало входить

въ думу съ челобитьями о возстановленіи своихъ торговыхъ привиллегій. Такъ по указу 1794 г. евреямъ было запрещено жить въ Харьковѣ. (Они могли проживать только въ Минской, и др. губ. сѣв.-зап. края). Между тѣмъ они съ давнихъ поръ имѣли тутъ осѣдлость, занимались торговлей, мѣщанскими промыслами и ремеслами; нѣкоторые изъ нихъ даже какимъ-то образомъ попали въ ремесленные цехи. Къ этимъ евреямъ являлись во время ярмарокъ другіе и разъѣзжали по губерніи, не платя никакихъ повинностей. Все это изложило въ своей жалобѣ харьковское купечество и просило объ освобожденіи его отъ такого вреднаго конкуррента; затѣмъ здѣсь же указывалось на незаконную торговлю помѣщичьихъ крестьянъ. Купцы 3-й гильдіи выступили съ жалобой на ктитора и причтъ соборной Успенской церкви, которые также наносили сильный ущербъ ихъ торговлѣ. „Подлѣ ограды соборной Успенской церкви, писали они, противъ гостиннаго двора, имѣются городскія мѣста, удобныя для постройки деревянныхъ подташекъ. Но мѣста эти, неизвѣстно на какомъ основаніи, захватилъ ктиторъ собора Литвиненко и не допускаетъ насъ къ постройкамъ и отдаетъ ихъ на время ярмарокъ пріѣзжимъ великороссійскимъ купцамъ, а въ обыкновенное, не ярмарочное время, разночинцамъ, которые по закону не пользуются даже правомъ торговли. Мы въ Харьковѣ платимъ съ капиталовъ процентныя деньги (гильдію) и отбываемъ всѣ городскія повинности—а между тѣмъ не имѣемъ такихъ общественныхъ мѣстъ, гдѣ бы могли производить торговлю и потому принуждены ѣздить по другимъ городамъ и селеніямъ на ярмарки и торжки; возвратившись же въ Харьковъ, хотя бы и желали вести въ немъ постоянную торговлю, не можемъ этого сдѣлать по указанной выше причинѣ и держимъ свои товары въ домахъ въ своихъ складахъ, вслѣдствіе чего теряемъ капиталъ и лишаемся дневного пропитанія, посторонніе же купцы и разночинцы, пользуясь незаконно принадлежащими намъ мѣстами, обогащаются. Въ виду этого покорнѣйше просимъ харьковскую городскую думу объ отводѣ намъ, согласно законамъ, указанныхъ выше мѣстъ для постройки на нихъ деревянныхъ подташекъ противъ гостиннаго двора на разстояніи 1/2 аршина отъ соборной ограды. (Подписали Гончаровъ, Гринченковъ, Ханайченковъ, Соловьевъ, Герасименковъ)...

Удобнымъ моментомъ для всякихъ челобитенъ было воцареніе юнаго государя Имп. Александра I-го. Начало новаго царствованія было ознаменовано цѣлымъ рядомъ милостей и отмѣною тяжкихъ стѣснительныхъ распоряженій Имп. Павла. Харьковъ переживалъ при воцареніи Имп. Александра ужасный моментъ въ своей жизни. На него долженъ былъ обрушиться страшный гнѣвъ Павла Петровича за пасквиль, при-

битый къ оградѣ Вознесенской церкви (объ этомъ эпизодѣ мы разсказали подробно въ біографіи свящ. Василія Фотіева, невинно здѣсь пострадавшаго). Гроза готова была разразиться надъ всѣми гражданами— какъ вдругъ полученъ былъ манифестъ о смерти Императора Павла, послѣдовавшей 12 марта 1801 г., и о восшествіи на престолъ Александра. Всѣ сословія г. Харькова отправили на коронацію своихъ депутатовъ: депутатомъ отъ городской думы и магистрата избранъ былъ Е. Е. Урюпинъ. Ему выдали свидѣтельство, что поведенія онъ „добропорядочнаго“ и порученное ему дѣло выполнить въ состояніи. Ему при этомъ былъ данъ наказъ о городскихъ нуждахъ; на путевые расходы купечество назначило для него по 1/2 коп. со своихъ капиталовъ. Должность городскаго головы въ его отсутствіе исполнялъ купецъ Петръ Бѣляевъ. 1 сентября Е. Е. Урюпинъ былъ уже въ Москвѣ, присутствовалъ на коронаціи, поднесъ хлѣбъ-соль Государю и подалъ челобитную; возвратился въ Харьковъ онъ въ ноябрѣ, причемъ представилъ думѣ отчетъ о своей поѣздкѣ. По приговору, учиненному въ думѣ 19 авг. 1801 г., писалъ онъ тутъ, выдано было мнѣ серебряное блюдо для поднесенія Государю во время коронаціи въ Москвѣ. Блюдо это я, по существующему обычаю, велѣлъ вызолотить и обозначить въ серединѣ дна его рѣзьбою вензель Государя, а вокругъ сдѣлать гербъ города Харькова, т.-е. рогъ изобилія; сверхъ того купилъ серебряную вызолоченную солонку и на нихъ преподнесъ 24 октября съ депутатами другихъ губерній хлѣбъ и соль Государю. О подачѣ челобитной Е. Е. Урюпинъ далъ слѣдующій отчетъ: „будучи избранъ харьковскимъ обществомъ въ депутаты на коронацію и получивъ полномочіе отъ городской думы и магистрата представить данное мнѣ на Высочайшее имя прошеніе о городскихъ нуждахъ, пользахъ, недостаткахъ и тягостяхъ, я 7 октября представилъ его назначенному для этого дѣла тайному сов. Михаилу Никитичу Муравьеву“. Въ прошеніи же этомъ говорилось объ отводѣ г. Харькову выгонной земли, о предоставленіи винной откупной суммы въ непосредственное вѣдѣніе города (на основаніи 151—155 §§ жалованной грамоты), о принудительной продажѣ выстроенныхъ на городской землѣ разными владѣльцами лавокъ тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ право вести торговлю, объ отводѣ квартиръ для воинскихъ постоевъ городовымъ магистратомъ (а не полиціей, какъ было раньше) или даже о полномъ освобожденіи отъ постоевъ, въ виду того, что Харьковъ всегда служилъ сборнымъ пунктомъ для войскъ; а если такой безпримѣрною милостью, прибавляли челобитчики, осчастливить насъ было бы невозможно, то по крайней мѣрѣ пусть на счетъ винной откупной суммы будутъ устроены для войскъ казармы, для

которыхъ заготовлены были всѣ необходимые запасы еще при губернаторѣ Тепловѣ.

Взяточничество представляло тогда обычное явленіе и выступать противъ него было очень рискованно: противъ такого „безпокойнаго“ человѣка обыкновенно вооружались всѣ, какъ противъ общаго врага, и въ концѣ концовъ такъ или иначе освобождались отъ него. Профессоръ Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ, относящихся къ 1811—1812 г., передаетъ, что въ его время въ Харьковѣ брали взятки и предсѣдатель уголовной палаты, и врачебный инспекторъ, и полицмейстеръ. „Нерѣдко случалось, что когда предсѣдатель уголовной палаты, родомъ лифляндецъ, мастеръ пожить, ѣздилъ по городу съ приглашеніями, купцы бросали ему на дрожки разные подарки. Носились также слухи, что въ темныя ночи онъ высылалъ своихъ людей на фуражировку по сосѣднимъ садамъ“. „Другой оригиналъ былъ инспекторъ врачебной управы, который съ ничтожнымъ жалованьемъ въ 600 р. ас. держалъ роскошный открытый столъ. Тайна объясняется очень просто: отъ него зависѣло освидѣтельствованіе ежегодно поставляемыхъ помѣщиками рекрутъ (я видѣлъ однажды, какъ они бѣгали по двору совершенно нагіе): великодушно не досматривалъ онъ ихъ тѣлесныхъ недостатковъ, по мѣрѣ подарковъ. Relata refero.! Полиційместеръ былъ обрусѣвшій нѣмецъ (по фамиліи Экъ). Слѣдующій случай, говоритъ Роммель, привелъ меня познакомиться съ нимъ: въ одну зимнюю ночь пропали обѣ мои курляндскія лошадки. Когда я сообщилъ объ этомъ полиційместеру, онъ спросилъ: „сколько жертвую я на это дѣло?“ Въ цѣнѣ мы скоро сошлись. Немедленно отряженъ былъ полицейскій чиновникъ, который на слѣдующую ночь нашелъ лошадей въ сосѣднемъ городѣ Богодуховѣ, взялъ ихъ прямо изъ конюшни воровъ и доставилъ въ цѣлости ко мнѣ“. Е. Е. Урюпинъ смѣло выступилъ со своими обличеніями противъ взяточничества оффиціальныхъ лицъ. 27 января 1800 года онъ сдѣлалъ въ думѣ слѣдующее заявленіе (и оно было занесено въ протоколъ): въ бытность его въ полиціи для утвержденія на февраль мѣсяцъ справочныхъ цѣнъ, базарный смотритель мѣщанинъ Мееровъ жаловался ему, что въ полиціи городничій Грековъ принуждалъ его показать болѣе высокую цѣну на овесъ, чѣмъ та, какая была въ дѣйствительности (2 р. за четверть). Онъ, Урюпинъ, напомнилъ магистратскому ратману Москову, чтобы тотъ, по должности своей, вникалъ въ подобныя дѣла и защитилъ базарнаго, какъ мѣщанина, отъ принужденія. Тогда же Урюпинымъ было сдѣлано и другое заявленіе, что онъ въ полиціи вмѣстѣ съ исполняющимъ должность губернскаго предводителя дворянства Ефимомъ Пономаревымъ и городничимъ Грековымъ установилъ таксу, но потомъ оказалось, что

на ней сдѣлана была подчистка и вмѣсто 2½ р. (цѣна овса) написано было 3 р. 7 марта 1800 г. Е. Е. Урюпинъ объявилъ въ думѣ по присяжной своей должности, что наканунѣ вечеромъ къ нему явились по городскимъ дѣламъ члены харьковскаго городоваго магистрата—бургомистръ Павелъ Павловъ, ратманъ Степанъ Смирновъ, секретарь Петръ Майстренковъ и сказали, что ихъ дважды призывалъ къ себѣ во дворецъ губернаторъ (губернаторомъ былъ тогда Сабуровъ) и велѣлъ перемѣнить въ справочныхъ вѣдомостяхъ указанныя ими цѣны на провіантъ—въ январьской таблицѣ за четверть овса выставить вмѣсто 2 р. 3 руб., а въ февральской вмѣсто 1 р. 60 к. 2 р. 75 коп., за пудъ сѣна вмѣсто 25—35 коп., иначе они будутъ преданы суду уголовной палаты. Дума, выслушавъ это заявленіе, порѣшила записать его „впредь для вѣдома“ въ протоколъ. По этому дѣлу впослѣдствіи началось формальное слѣдствіе.

Вообще при Е. Е. Урюпинѣ или правильнѣе благодаря Е. Е. Урюпину, дума перестала быть безгласной и ревниво отстаивала городскіе интересы и свою собственную честь и достоинство даже передъ такими всемогущими лицами, какъ губернаторъ и прокуроръ—и это возможно было дѣлать, между прочимъ, благодаря тому, что Урюпинъ превосходно зналъ законы, предоставленныя ими думѣ права и сопряженныя съ ними обязанности; онъ твердо и неукоснительно держался этой законной почвы и не дѣлалъ никакихъ отступленій въ угоду сильнымъ и власть имущимъ. Такова была его политика и благодаря ей онъ съ честью вышелъ изъ борьбы, изъ многихъ тяжкихъ испытаній. 22 марта 1800 г. губернаторъ Сабуровъ велѣлъ думѣ для военнаго постоя отвести купленный городомъ домъ Титова и отпускать для отопленія дрова. Дума, сославшись на жалованную грамоту и цѣлый рядъ указовъ (которые и приводятся буквально въ ея отзывѣ), доказывала, что она не имѣетъ права давать дровъ безъ разрѣшенія общаго собранія гражданъ. Это же послѣднее, сославшись на тѣ же указы, отказалось отпускать требуемыя дрова. Губернаторъ предалъ думу суду за неисполненіе его приказаній и потребовалъ, чтобы она явилась въ уголовную палату. Дума не отказывалась это сдѣлать, но только спрашивала разъясненія, какъ ей поступить: явиться ли на судъ шестигласной думѣ, или общему собранію, или же, *какъ того требуетъ жалованная городская грамота*, только городскому стряпчему (общество градское, сказано было въ грамотѣ, не должно являться на судъ, а только его стряпчій). Губернаторъ велѣлъ являться въ судъ каждому изъ гласныхъ поодиночкѣ. Дума отвѣтила на это, что исполнитъ указъ, но будетъ искать защиты противъ этого беззаконія у имѣющихъ явиться въ Харьковъ сенаторовъ-ревизоровъ. Палата, конечно, подъ давленіемъ администраціи, наложила

на думу пеню въ размѣрѣ 200 руб. Дума рѣшила жаловаться ревизорамъ-сенаторамъ Голохвастову и Багратіону. Мы говоримъ „подъ давленіемъ администраціи", потому что губернаторъ и губернскій прокуроръ дѣйствовали за-одно противъ думы и взаимно поддерживали другъ друга. Въ протоколахъ думы отмѣченъ между прочимъ такой эпизодъ. Губернаторъ требовалъ, чтобы Урюпинъ возвратилъ письмо, написанное ему губернскимъ прокуроромъ Чайковскимъ. По объясненію Урюпина, въ письмѣ этомъ Чайковскій просилъ его, чтобы онъ, какъ городской голова, росписался на свидѣтельствѣ о лекарѣ Кеппенѣ, обѣщая въ благодарность за это оказывать и ему нужное содѣйствіе съ своей стороны. Любопытство, говоритъ не безъ иронiи Урюпинъ, заставило меня показать это письмо штабъ-лекарю акушеру Ѳ. Елинскому, навѣстившему меня во время болѣзни, а тотъ отдалъ его инспектору врачебной управы Стурдзѣ, у котораго оно и затерялось. Въ объясненiи этомъ много недоговореннаго; но это послѣднее не трудно дополнить всякому, знакомому съ нашей старой дореформенной средой. Урюпинъ ловко воспользовался полученнымъ имъ письмомъ, чтобы документировать одинъ изъ многочисленныхъ случаевъ лицепрiятiя губ. прокурора, который, конечно, уже никогда не могъ простить ему подобнаго поступка и, само собою разумѣется, употребилъ всѣ усилiя, чтобы обвинить его и остальныхъ членовъ думы въ „ослушанiи" губернаторской власти. Другой разъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе думѣ по поводу того, что купцы и мѣщане запрещаютъ войсковымъ обывателямъ и крестьянамъ вести въ городѣ розничную торговлю. Но дума съ достоинствомъ ему отвѣтила, что это обвиненіе основывается на жалобѣ волостного головы пригородной слободы и казенныхъ обывателей, и что эту жалобу надобно еще провѣрить, прежде чѣмъ основывать на ней свое заключеніе. Съ такимъ же достоинствомъ разъяснилъ Урюпинъ губернатору его ошибку въ смѣшенiи суммъ, принадлежавшихъ думѣ и магистрату.

Губернаторы въ то время почему то не уживались долго въ Харьковѣ. Въ четыре года царствованiя императора Павла ихъ было пять душъ—Тепловъ, Сабуровъ, Невѣровъ, Зильбергарнишъ и Артаковъ. Съ послѣднимъ Е. Е. Урюпину пришлось вести особенно упорную борьбу, изъ которой онъ вышелъ полнымъ побѣдителемъ, что ясно доказываетъ его правоту. Причины и поводы къ столкновенiямъ были очень многочисленны, а въ основѣ ихъ лежало повидимому то обстоятельство, что Е. Е. Урюпинъ боролся по прежнему противъ взяточничества, укоренившагося въ нравы мѣстной администрацiи. „Харьковскій губернаторъ Артаковъ, говоритъ академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ, подговаривалъ городского голову Урюпина принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ городскихъ

поборахъ. Когда Урюпинъ отказался, то Артаковъ, при содѣйствіи двухъ чиновниковъ врачебной управы, объявилъ Урюпина сумасшедшимъ, заключилъ его въ домъ умалишенныхъ, не спрашивая его родственниковъ, отдалъ имѣніе въ опеку посторонняго лица и велѣлъ выбрать другого голову. За такой противозаконный поступокъ Артаковъ 3 ноября 1803 года былъ уволенъ отъ службы [1]). Этотъ фактъ намъ раньше вовсе не былъ извѣстенъ и его можно было бы счесть невѣроятнымъ, если бы онъ не былъ извлеченъ акад. Дубровинымъ изъ архива министерства внутреннихъ дѣлъ—передъ такимъ же оффиціальнымъ источникомъ исчезаютъ всѣ сомнѣнія. Понятно, что этотъ инцидентъ, едва не окончившійся для Е. Е. Урюпина заключеніемъ въ домъ умалишенныхъ и потерей состоянія, долженъ былъ высоко поднять его авторитетъ въ глазахъ всего харьковскаго населенія. Извѣстно, что смѣлая защита городскихъ интересовъ другимъ городскимъ головою А. М. Рудаковымъ противъ ген.-губ. С. А. Кокошкина окончилась ссылкой его въ Уфу.

Охраняя себя отъ незаконныхъ требованій губернаторовъ дума и городской голова въ то же время ревниво оберегали свое достоинство отъ притязаній городского магистрата. Этотъ послѣдній требовалъ вѣдомостей о городскихъ приходахъ и расходахъ, которыя дума по закону обязана была доставлять губернскому правленію и губернатору. Дума отвѣтила, что требованіе магистрата заключаетъ въ себѣ только несообразныя съ дѣломъ околичности, выдуманныя затѣйнымъ досугомъ членовъ магистрата, и въ доказательство этого привела выписки изъ законовъ о правахъ магистрата и думы (изъ нихъ видно, что дума не была подчинена магистрату); въ концѣ выражено было сожалѣніе, что магистратъ не желаетъ жить въ добромъ согласіи съ думой, какъ того требуетъ законъ.

Съ новымъ царствованіемъ, прилетѣли новыя птицы, запѣли новыя пѣсни. На мѣсто Артакова былъ назначенъ ревнитель просвѣщенія, заботливый хозяинъ города, гуманный и образованный Иванъ Ивановичъ Бахтинъ. Новое царствованіе, очевидно, требовало и дѣятелей новаго направленія, и такія лица, какъ Артаковъ, оказывались теперь уже неудобными. Вотъ гдѣ лежитъ основная причина успѣха Е. Е. Урюпина въ его борьбѣ съ Артаковымъ. Въ Харьковѣ въ это время господствовало сильное общественное движеніе, иниціаторомъ и душею котораго былъ Василій Назаровичъ Каразинъ, возбудившій мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, при матеріальной поддержкѣ всѣхъ сословій тогдашняго общества. Е. Е. Урюпинъ отнесся въ высшей

---

[1]) Рус. Вѣстн.., 1895, іюнь стр. 9.

степени сочувственно къ этой идеѣ и оказалъ большія услуги дѣлу основанія Харьковскаго университета. Не повторяя того, что мы говорили объ его участіи въ этомъ дѣлѣ раньше, въ своемъ „Опытѣ исторіи Харьковскаго университета", мы здѣсь только вспомнимъ вкратцѣ объ этой сторонѣ дѣятельности Е. Е. Урюпина—на пользу просвѣщенія города Харькова. Если въ самомъ богатомъ, привиллегированномъ и образованномъ слоѣ тогдашняго харьковскаго общества—дворянствѣ встрѣчалась весьма замѣтная оппозиція предложеніямъ В. Н. Каразина о пожертвованіяхъ на университетъ, который былъ въ высшей степени полезенъ и необходимъ этому сословію даже въ чисто практическомъ отношеніи, то что-же сказать о купечествѣ и мѣщанствѣ, которыя прямо и непосредственно не были заинтересованы въ учрежденіи этого высшаго учебнаго заведенія, предназначавшагося, можно сказать, исключительно для дѣтей дворянства и пожалуй духовенства? И вотъ эту то въ высшей степени трудную, хотя и благодарную задачу (вызвать пожертвованія на университетъ въ средѣ купцовъ) принялъ на себя Е. Е. Урюпинъ, доказавшій этимъ и свою любовь къ просвѣщенію, и широту своего умственнаго кругозора.

Его заслуга усугубляется тѣмъ, что самъ онъ принадлежалъ къ средѣ, далекой отъ университета и ученыхъ стремленій—онъ былъ, какъ мы знаемъ, купцомъ 3-й гильдіи. Но онъ ясно сознавалъ, что матеріальное преуспѣяніе общества находится въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ и что на совѣсти городскаго головы, правильно и широко понимающаго свои обязанности, лежитъ забота объ увеличеніи просвѣтительныхъ средствъ города. Онъ предвидѣлъ, что учрежденіе высшаго учебнаго заведенія для всего полуденнаго края Россіи сразу выдвинетъ Харьковъ изъ ряда другихъ южнорусскихъ городовъ, сдѣлаетъ его центромъ просвѣщенія для огромнаго района и, наконецъ, усилитъ даже самую торговлю и промышленность. И эти надежды блистательно оправдались впослѣдствіи: Харьковъ выросъ и достигъ своего нынѣшняго положенія благодаря торговлѣ и университету; оба фактора дѣйствовали могущественно, взаимно усиливая и дополняя другъ друга. Такіе доводы, очевидно, высказывалъ общему собранію гражданъ въ пользу учрежденія въ Харьковѣ университета Е. Е. Урюпинъ—и они оказали желанное дѣйствіе: Харьковскіе граждане постановили сдѣлать огромное пожертвованіе для учрежденія въ Харьковѣ университета. Точный размѣръ его опредѣлить не возможно, но оно во всякомъ случаѣ равнялось 50—70 тысячъ рублей, т. е. составляло сумму, *превышавшую въ 5—7 разъ весь годичный бюджетъ* тогдашній города; другими словами, это было бы все равно, если бы теперешняя городская дума рѣшила ассиг-

новать на подобное дѣло 15 милліонновъ руб.... Такимъ образомъ, Е. Е. Урюпинъ съигралъ въ городскомъ обществѣ такую же роль, какую В. Н. Каразинъ въ дворянскомъ. Сохранился протоколъ общаго собранія гражданъ, которое происходило одновременно съ дворянскимъ засѣданіемъ (обстоятельство, заслуживающее также вниманія)—и въ немъ нашли себѣ выраженіе тѣ мысли, которыя проводилъ Е. Е. Урюпинъ въ собраніи. „Видя въ учрежденіи семъ (т. е. университетѣ) независимо отъ благихъ тѣхъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ съ своей стороны обязанностію соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрноподаннической благодарности Всемилостивѣйшему Государю". Любопытно заключеніе протокола: городское общество, пользуясь счастливымъ случаемъ, доставившимъ ему возможность непосредственно обратиться къ своему Монарху, ходатайствуетъ передъ нимъ о такомъ дѣлѣ, которое давно уже составляло предметъ его постоянныхъ заботъ—объ уничтоженіи воинскихъ постоевъ.

Сочувственное отношеніе къ дѣлу объ учрежденіи въ Харьковѣ университета доставило Е. Е. Урюпину рядъ непріятностей со стороны губернатора Артакова, относившагося непріязненно къ предпріятію В. Н. Каразина. Артаковъ не хотѣлъ утверждать протокола и въ особенности его послѣдняго пункта объ отягощеніяхъ гражданъ воинскими постоями. Въ засѣданіи губернскаго правленія онъ такъ кричалъ на Урюпина, что тотъ внесъ протестъ по этому поводу въ городскую думу. Но протоколъ въ его полномъ видѣ все таки получилъ дальнѣйшее движеніе и хотя Государь не уничтожилъ вполнѣ воинскихъ постоевъ, но „въ уваженіе не обстроеннаго еще положенія сего города и *во вниманіе къ заводимому въ немъ университету*" обѣщалъ сдѣлать въ этомъ отношеніи льготы Харькову. Другую непріятность пришлось испытать Урюпину во время ревизіи, обнаружившей отпускъ авансомъ 2000 р. на университетъ, хотя объ этомъ авансѣ было постановленіе думы и онъ былъ вызванъ слабымъ поступленіемъ суммъ отъ горожанъ и купечества (всего собрано было къ этому времени 500 р.) [1]). Но за то дѣятель-

---

[1]) Вотъ какъ описываетъ это дѣло самъ Е. Е. Урюпинъ.

«Истекшаго августа 24 дня въ дополнительныхъ объясненіяхъ имѣлъ честь представить В. С. о притязаніяхъ, чинимыхъ до селѣ г. слоб. Укр. гражд. губ Андр. Кондр. Артаковымъ. Вслѣдъ затѣмъ 10 сентября Е. Пр. открылъ новый опытъ напряженій своихъ, противъ думы подвиговъ. Недовольствуясь вѣдомостью, поданною ему 2-го сентября, за прошедшій августъ изъ думы о приходѣ и расходѣ город-

ность Е. Е. Урюпина на пользу учрежденія въ Харьковѣ университета нашла себѣ высокосправедливую оцѣнку со стороны Верховнаго покровителя тогдашняго русскаго просвѣщенія—самого Императора Александра I-го, осчастливившаго Е. Е. Урюпина величайшей и рѣдчайшей наградой, на какую только могъ разсчитывать скромный купецъ 3-й гильдіи. *Государь пожаловалъ ему чинъ 8-го класса* (т. е. коллежскаго ассесора), *дававшій дворянское достоинство.* Вотъ подлинный текстъ сенатскаго указа въ Слободскоукраинское губернское правленіе. „По именному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, данному правительствующему сенату минувшаго января въ 30 день за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, въ которомъ изображено: *„Харьковскаго имянитаго гражданина и градскаго голову Егора Урюпина за отличную его по выборамъ городскимъ службу и содѣйствіе въ пред-*

скихъ доходовъ, присылаетъ въ думу г.г. совѣтника правленія Цебрикова и губернскаго прокурора Евецкаго. Не могши по причинѣ болѣзни выходить изъ дома, я въ сіе время не присутствовалъ. Чиновники сіи являются въ думу, требуютъ словесно у случившихся тогда гласнаго и писаря книгъ о приходахъ и расходахъ городскихъ доходовъ, разсматриваютъ оныя, повѣряютъ на счетахъ суммы, а потомъ допрашиваютъ, гдѣ хранится городская сумма. Когда указаны были сундуки, въ коихъ хранится та сумма, то они потребовали ключей. Гласный отвѣтствовалъ, что ключи и печать отъ сундуковъ находятся у городского головы, а другая печать у одного изъ гласныхъ, отлучившагося по торговому промыслу изъ Харькова и когда на вопросъ ихъ гдѣ голова, отвѣтствовано, что я боленъ, то они, истребовавъ свѣчу и сургучъ, сундуки своею печатью запечатали. Слѣдующаго дня помянутые чиновники приходятъ въ думу паки, требуютъ словесно же и съ таковою же властію показать имъ городскую сумму. Бывшіе на сей разъ гласные, видя встрѣчу сію со времени учрежденія думы никогда не бывалую и не находя къ тому-жъ никакого въ жалованной городамъ грамотѣ законоположенія, выпрашиваютъ у нихъ предписанія. Господа сіи отзываются, что есть предписаніе отъ г. губернатора, которое совѣтникъ Цебриковъ и показалъ; по прочтеніи коего, гласный отвѣчалъ, что это письмо одному совѣтнику Цебрикову губернатора, возлагающаго на него подлинно ревизію городской суммы и что содержаніе онаго совсѣмъ не вмѣщаетъ никакого предписанія думѣ. Тутъ присоединены были господскихъ чиновниковъ увѣренія ихъ по Харькову личной извѣстности и должностными ихъ значеніями. Но какъ сіе обстоятельство новое никогда и ни при одномъ изъ губернаторовъ бывшихъ небывалое, да и законоположенія на то въ жалованной городамъ грамотѣ не обрѣтается, то при показаніи ключей отъ сундуковъ и печатей, взятыхъ у меня, сказано было отъ думы, что безъ особаго предписанія думѣ требованіе сіе исполнено быть не можетъ. Послѣ сего слѣдовали отъ г. прокурора настоятельнѣйшія домогательства, угрозы, сужденія и многократныя сношенія устныя съ г. губернаторомъ изъ канцеляріи котораго сего числа въ 4 часа уже пополудни приносится отпущенное 10 числа предложеніе, по содержанію котораго и опредѣлено учинить исполненіе. 12 числа, не взирая что былъ день торжественный, помянутые господа въ 10 часовъ по полуночи приходятъ уже съ уѣзднымъ стряпчимъ паки и въ повелительномъ видѣ требуютъ бумагъ, ревизуютъ сумму, истязываютъ

положенномъ заведеніи въ Харьковѣ университета всемилостивѣйше пожаловали мы въ коллежскіе ассесоры". Правительствующій Сенатъ приказалъ сіе всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества повелѣніе коллежскому ассесору Урюпину объявить съ приведеніемъ къ присягѣ отъ слободскоукраинскаго губернскаго правленія; взысканіе же за пожалованный ему чинъ учинить на основаніи законовъ и о томъ во оное правленіе послать указъ".

Но и эта выходящая изъ ряда вонъ награда не вскружила головы Е. Е. Урюпину; онъ не тщеславился ею безъ нужды и остался тѣмъ, чѣмъ былъ раньше—скромнымъ честнымъ купцомъ и выдающимся общественнымъ дѣятелемъ. Доказательствомъ его скромности можетъ служить приводимый г. Устиновымъ фактъ, что онъ только два раза подписался своимъ новымъ чиномъ: одинъ разъ при объявленіи о немъ думѣ, а другой—при подачѣ жалобы губернатора на Артакова министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею.

писаря за сдѣланные наканунѣ малозначущія по городскимъ надобностямъ изъ своей расходной суммы выдачи и между прочимъ нашли росписку г. кол.-сов. Каразина въ 2000 руб., взятыхъ имъ 24 марта заимообразно изъ городскихъ доходовъ для необходимыхъ издержекъ по предмету учрежденія въ Харьковѣ университета и требовали, по какому положенію сіи выданы деньги Каразину и когда имъ показано опредѣленіе, то г. сов. Цебриковъ росписку принималъ за наличную сумму; прокуроръ же Евецкій, никакъ на то не соглашаясь, кричалъ на всѣхъ, какъ на своихъ людей: для чего сумма сія выдана безъ всякой прибыли и числится наличностью и отступивъ затѣмъ отъ предмета своего препорученія, мѣшался во всѣ дѣла думы и признавая производство оныхъ несогласнымъ съ его мнѣніемъ, грозилъ перемѣнить существовавшій доселѣ порядокъ, яко позволявшій, безъ ихъ вѣдома, оставаться городской суммѣ въ вѣдѣніи думы и потомъ со властію домогался, по какому закону отлучался гласный думы и когда ему сіе сказано, что гласный, яко не получающій жалованья, отлучился изъ города съ вѣдома градского головы для снисканія себѣ пропитанія и для уплаты государственной подати торговымъ промысломъ, то онъ строжайше приказывалъ бывшему тутъ уѣздному стряпчему входить всякій день въ думу, смотрѣть все и дѣла ея, хотя сего въ жалованной городамъ грамотѣ не изображено, а вмѣсто того бывшіе 1801 г. ноября 22 дня г.г. сенаторы, тайные сов. и кавалеры Иванъ Владимировичъ Лопухинъ и Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій, коихъ имена въ памяти здѣшнихъ жителей всегда благословятся, съ свойственною великимъ душамъ кротостью обращаясь при ревизіи дѣлъ думы, порядкомъ оныхъ были довольны и свидѣтельствовали благодарность какъ всей думѣ вообще, тако и мнѣ въ особенности; а потому шагъ сей непріязненнаго пріема г. слоб. укр. гражд. губ. и преданнаго ему прокурора Евецкаго я почитаю свѣжимъ извлеченіемъ злобы и мщенія губернатора за взятыя Ваш. Сіят. отъ него по моей просьбѣ отвѣты и конечно устроенъ оный съ намѣреніемъ единственно, чтобы озаботить, озлобить и стѣснить судьбу присутствующихъ думы, невольно спѣшу раскрыть оный я со всенижайшею покорностію повергаю себя и гласныхъ въ высокую Ваш. Сіят. защиту и милостивое покровительство. Гор. глава 8-го класса Егоръ Урюпинъ 14 сентября 1803 г.».

Чѣмъ въ свое время выразилъ Е. Е. Урюпину свою признательность Харьковскій университетъ, мы не знаемъ, но свидѣтельствомъ глубокаго уваженія его къ Е. Е. Урюпину является портретъ этого послѣдняго, хранящійся въ музеѣ изящныхъ искусствъ и переданный туда въ 1872 году, какъ сообщаетъ неизвѣстная корреспондентка, по просьбѣ самаго университета. Теперь копія съ него помѣщена и въ залѣ городского дома. Лучше поздно, чѣмъ никогда. А при жизни Е. Е. Урюпину приходилось, вести борьбу даже для того, чтобы получить заслуженное имъ жалованье, которое, очевидно, являлось важнымъ рессурсомъ его матеріальнаго обезпеченія. Объ этомъ повѣствуетъ слѣдующая его челобитная, поданная на имя губернатора Г. К. Зильбергарниша. „По выборамъ Харьковскихъ купцовъ и мѣщанъ, писалъ Е. Е. Урюпинъ, съ 1787 по 1790 годъ былъ я бургомистромъ городового магистрата а съ 1790 по 1796—въ немъ же засѣдателемъ и долженъ былъ получать штатное жалованье, которое и получалъ по 1791 годъ, а послѣ этого, въ теченіе пяти лѣтъ, мнѣ ничего не давали, такъ что составилась сумма въ 767 руб. Я обращался съ просьбою о выдачѣ мнѣ этихъ денегъ и въ городскую думу, и въ губернское правленіе, но первая мнѣ отвѣтила, что безъ разрѣшенія высшаго начальства не можетъ выдать мнѣ этихъ денегъ, а второе объявило, что ни въ думѣ, ни въ магистратѣ нѣтъ денегъ (хотя въ дѣйствительности онѣ были). Во время пребыванія въ Харьковѣ сенаторовъ, я просилъ ихъ о выдачѣ мнѣ заслуженнаго жалованья изъ городскихъ доходовъ, на основаніи 152 статьи жалованной грамоты, но они отвѣтили, что не могутъ распорядиться объ этомъ, пока губернское правленіе не сдѣлаетъ соотвѣтственнаго представленія въ Сенатъ. Наконецъ Сенатъ, получивъ всѣ справки отъ губернскаго правленія, предписалъ губернскому правленію 30 ноября 1800 года поступить по силѣ его указа отъ 13 декабря 1787 года, т. е. удовлетворить мою просьбу. Въ виду всего изложеннаго прошу Ваше превосходительство разрѣшить выдать мнѣ изъ городскихъ доходовъ 767 р. Получилъ ли и послѣ этого свое жалованье Е. Е. Урюпинъ мы не знаемъ.

IV.

Мы представили только нѣсколько эпизодовъ изъ общественной дѣятельности Е. Е. Урюпина, въ качествѣ представителя Харьковскаго городского управленія. Ими, конечно, далеко не исчерпывается его плодотворная работа на пользу роднаго ему Харькова. Но и ихъ, полагаемъ, достаточно, чтобы прійти къ заключенію, что это былъ далеко не заурядный дѣятель, въ особенности если принять во вниманіе условія

тогдашней жизни и характеръ окружавшей его среды. Умный, энергичный, всецѣло преданный служенію общественнымъ интересамъ, смѣлый поборникъ правды, не останавливавшійся ни передъ какими препятствіями и опасностями, когда дѣло шло о защитѣ правъ, предоставленныхъ его родному городу существующими законами, постоянно боровшійся противъ язвы тогдашняго времени—взяточничества, самъ съ чистой, назапятнанной ни малѣйшими подозрѣніями репутаціей, стоявшій цѣлою головою выше окружающей среды и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, отмѣченный и провознесенный начальствомъ, но въ то же время скромный до нельзя, не тщеславный, не кичившійся своими успѣхами и полученными наградами, всегда сохранявшій глубокое уваженіе къ своему учрежденію, которому онъ съумѣлъ доставить должную независимость, бывшій душою его и не только главою, но и самымъ виднымъ, энергичнымъ, чуть ли не единственнымъ работникомъ, но въ то же время постоянно скрывавшій свое „я“ за коллегіей, принадлежавшій къ средѣ, далекой въ то время отъ университетскихъ наукъ, и въ то же время преданный имъ всѣмъ сердцемъ и сдѣлавшій много для насажденія ихъ въ Харьковѣ, Е. Е. Урюпинъ выступаетъ передъ нами такимъ общественнымъ дѣятелемъ, который бы сдѣлалъ честь и нашему времени.

Невольно является вопросъ: какъ на Харьковской почвѣ могъ вырости подобный дѣятель. Почва эта производила раньше постоянно только рыцарей меча, а не мирнаго труда. Прошло немного времени съ тѣхъ поръ, какъ замолкли бранные клики, звукъ оружія, прекратились татарскія набѣги на села и нивы Украины, перестали уводить отсюда плѣнниковъ на невольничьи рынки Европы, Азіи и Африки. Новыя гражданскія учрежденія только недавно стали функціонировать и не успѣли еще пустить глубокихъ корней въ мѣстномъ обществѣ, которое раньше жило совсѣмъ иною жизнью, имѣло совсѣмъ иной строй и распорядки; они не могли еще создать традиціи, которая нерѣдко вырабатываетъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей. И вдругъ въ такое время выступаетъ на сцену Е. Е. Урюпинъ, съ огромнымъ запасомъ нравственныхъ силъ, съ любовью къ просвѣщенію.

Гдѣ взялъ онъ и эти нравственные устои, и этотъ просвѣщенный умъ? Какія вліянія дѣйствовали на него? Къ сожалѣнію, мы не можемъ дать вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ; но у насъ есть все таки ключъ къ разгадкѣ этого страннаго явленія. Сохранилось два письма къ Е. Е. Урюпину знаменитаго Украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды, изъ коихъ видно, что украинскій мудрецъ былъ въ дружбѣ съ Е. Е. Урюпинымъ, бывалъ у него въ домѣ и имѣлъ на него

благотворное нравственное вліяніе. А извѣстно, что означала дружба Г. С. Сковороды къ тому или иному лицу: она указывала, во 1-хъ, на то, что это лицо раздѣляло основныя этическія воззрѣнія старчика Сковороды и, во 2-хъ, она свидѣтельствовала и о томъ, что человѣкъ этотъ будетъ непремѣнно стремиться къ нравственному усовершенствованію и благому просвѣщенію. Въ первомъ письмѣ Г. С. Сковорода благодаритъ своего „возлюбленнаго друга“ Е. Е. Урюпина за гостепріимство, за то, что онъ „почилъ“ у него цѣлую недѣлю, „аки въ матернемъ домѣ“ и посылаетъ черезъ него поклоны и латинское письмо тѣмъ лицамъ, которыя бывали въ домѣ Урюпина и подружились со Сковородой (это былъ Петръ Ѳедоровичъ Аптекарь-Рощинъ, Стефанъ Никитичъ Курдюмовъ и Артемъ Дорофеевичъ; послѣдніе два извѣстны намъ, какъ друзья Г. С. Сковороды, и изъ другихъ источниковъ). Такимъ образомъ, въ домѣ Е. Е. Урюпина собиралась цѣлая группа лицъ, принадлежавшихъ къ его средѣ, и здѣсь происходили подъ часъ и пирушки, приправленныя наливкою и тихою назидательною бесѣдою старчика Григорія Варсавы. Гостепріимный хозяинъ и его гости, чтобы выразить свою признательность и любовь, давали потомъ и на дорогу своему пріятелю страннику Сковородѣ все нужное до боченочковъ съ наливкою включительно; это видно изъ второго письма Григорія Саввича къ Е. Е. Урюпину. Въ письмѣ этомъ даются нравственныя наставленія, примѣнительно къ занятіямъ Е. Е. Урюпина и взглядамъ самого Г. С. Сковороды. Тутъ между прочимъ мы читаемъ слѣдующія строки: „любезный друже, Георгій Георгіевичъ! Да будетъ миръ тебѣ и дому твоему... Не дремай! Жизнь наша есть море. Блюдите, како опасно ходите. Господь да хранитъ правая теченія твоя! Тако плови, да достигнеши въ гавань благоумащенныя старости оныя! Вѣнецъ хвалы старость. А кое то-есть масло, умащающее счастливую старость? Кій вѣнецъ? Послушай: помаза насъ Богъ духомъ, елеемъ радости помазалъ еси его... *Добрая слава* (по пословицѣ) *лучше мягкаго пирога!* Не думай же друже, что добрая слава есть тоже, что пустозвонкій мірскій газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Да не хвалится премудрый премудростію своею!... Омый прежде внутренность твоея скляницы... Разбогатѣли де мы въ богатствѣ, украшающемъ и питающемъ сердце. Умѣй же различать ложную славу отъ истинныя, яко же воровскую монету, и будеши блаженный оный Христомъ похваляемый купецъ. Онъ надъ все свое имѣніе предпочелъ дражайшій нѣкій маргаритъ, хоть тратою всего, только бы достать оный. А кій той странный и чудный маргаритъ? Вотъ онъ: заповѣдь Господня свѣтлая... Страхъ Господень... Ей, лучше голый да правый, нежели богатый беззаконъ-

никъ, не убоюся отъ обнажающихъ тѣло, души же обнажить не могущихъ“... [1]).

Е. Е. Урюпинъ въ своей жизни, какъ мы видѣли, осуществилъ эти нравственныя наставленія своего учителя: онъ создалъ себѣ „добрую славу“ умомъ, скромностью и дѣятельнымъ стремленіемъ къ правдѣ.

---

[1]) Укр. Вѣстн. 1817 г., ч. 6, апрѣль.

IV.

Просвѣтительная дѣятельность Вас. Наз. Каразина.

(Рѣчь, сказанная 8 ноября 1892 г., по случаю 50-лѣтія со дня кончины Каразина [1]).

4-го ноября текущаго 1892 года исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины В. Н. Каразина. Только теперь въ сознаніе русскаго образованнаго общества понемногу начинаетъ проникать мысль, что это былъ чрезвычайно выдающійся общественный дѣятель, что имъ можетъ и должна будетъ гордиться его родина—Харьковская губ. Но самый характеръ Каразина настолько сложный, въ немъ такъ много недостатковъ, отзывы современниковъ о немъ столь разнообразны, что разобраться въ нихъ не легко и полной оцѣнки его личности мы до сихъ поръ не имѣемъ, несмотря на то, что существуетъ нѣсколько недурныхъ монографій о его жизни и дѣятельности.

Въ настоящей бесѣдѣ я постараюсь на основаніи печатныхъ *первоисточниковъ* и пособій, а также нѣкоторыхъ неизданныхъ еще матеріаловъ, очертить *одну*, но самую важную сторону въ жизни В. Н. Каразина—его *просвѣтительную* дѣятельность—и затрону другія только мимоходомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что то былъ фокусъ, гдѣ сосредоточивались всѣ его помыслы, надежды, начинанія, попеченія объ общемъ благѣ.

Всю свою жизнь В. Н. Каразинъ посвятилъ самообразованію, научнымъ изслѣдованіямъ, практическому примѣненію ихъ къ жизни и наконецъ,—что самое важное—распространенію просвѣщенія въ обществѣ. Это былъ страстный ревнитель просвѣщенія, томимый вѣчною жаждою знанія, преданный ему съ пылкостью даровитаго талантливаго автодидахта. Обладая быстрымъ подвижнымъ, легко схватывающимъ умомъ, онъ, не окончивъ никакой школы, путемъ самообразованія, достигъ того, что могъ работать въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія почти самостоятельно. За горячую любовь къ знанію друзья называли его украинскимъ Ломоносовымъ. И дѣйствительно: отнюдь не приравнивая

[1]) Записки Харьковскаго университета. 1893.

Василія Назаровича къ великому самородку сѣвера, можно отмѣтить въ характерѣ дѣятельности того и другого нѣкоторыя сходныя черты—жажду знанія, добываемаго по большей части самостоятельно, благоговѣніе къ наукѣ, стремленіе къ распространенію ея въ обществѣ, энциклопедизмъ образованія, творческій изобрѣтательный умъ и вѣру въ самобытныя силы русскаго человѣка. Эта жажда знанія направила его въ горный корпусъ (лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ учебныхъ заведеній), гдѣ онъ въ продолженіе долгаго времени слушалъ лекціи и откуда вынесъ любовь къ естественнымъ наукамъ. Эта жажда свѣта увлекла его въ путешествіе по Россіи, а потомъ и въ Западную Европу, которая уже была ему извѣстна по книгамъ: онъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и отчасти даже латинскимъ языками и былъ начитанъ въ иностранной литературѣ. Въ Европу впрочемъ онъ не попалъ: на самой границѣ его остановила русская пограничная стража. Извѣстно, что отлучаться за границу можно было тогда только по особому Высочайшему соизволенію; Василію Назаровичу было отказано въ немъ—и онъ рѣшился тайно проникнуть туда. Съ цѣлью предупредить и парализовать донесеніе мѣстнаго начальства, онъ отправилъ съ эстафетою Государю письмо, а затѣмъ далъ показаніе, въ которомъ сообщалъ, что желалъ поселиться „посреди просвѣщеннаго общества въ окрестностяхъ Гамбурга“ и что *„страсть къ наукамъ* и *родъ философской жизни*, какую онъ началъ вести почти съ дѣтства“ въ связи со слабостью здоровья отвлекли его отъ службы [1]). Письмо оказало желаемое дѣйствіе: Императоръ Павелъ потребовалъ къ себѣ смѣльчака, простилъ его и предоставилъ ему самому выборъ службы. Онъ поступилъ къ Трощинскому коллежскимъ переводчикомъ (тутъ ему пригодилось знаніе языковъ)—и немедленно сталъ собирать въ архивахъ матеріалы по исторіи финансовъ и медицины въ Россіи. Теперь опубликованы новыя данныя, относящіяся къ этому періоду его жизни [2]). Оказывается, что онъ ѣздилъ въ Москву и работалъ тамъ въ нын. Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи Императоръ Александръ I-й покровительствовалъ этимъ занятіямъ и рекомендовалъ Каразина вниманію московскаго генералъ-губернатора Салтыкова въ такихъ выраженіяхъ: „онъ мнѣ лично извѣстенъ съ хорошей стороны, почему и пріятно мнѣ поручить его въ ваше особенное благорасполо-

---

[1]) Сочиненія, письма и бумаги В. Н. Каразина, собр. и редакт. Д. И. Багалѣемъ. X. 1910, стр. 613.

[2]) Разумѣемъ здѣсь статью г. Бочарова «*Памяти В. Н. Каразина. Новыя данныя къ его біографіи* (по первоисточникамъ и подлиннымъ архивнымъ бумагамъ)», напечатанную въ № 307 «Москов. Иллюстрир. газеты» за 1892-й годъ.

женіе". Въ это время уже произошелъ извѣстный *случай*, выдвинувшій Василія Назаровича, сдѣлавшій его личнымъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ юнаго Александра, поставившій его, можно сказать, у подножія трона. Это было смѣлое и откровенное письмо [1]) его къ Государю, содержавшее цѣлую программу царствованія въ духѣ довѣрія къ общественному мнѣнію. Императоръ велѣлъ разыскать автора письма (безъ подписи оно было положено въ кабинетѣ государя), принялъ, обнялъ его и повелъ бесѣду о вопросахъ, затронутыхъ теоретикомъ-реформаторомъ.

Съ этого момента начинается 1-й *петербургскій* періодъ дѣятельности Василія Назаровича Каразина на пользу просвѣщенія; съ нимъ впрочемъ тѣсно сливается и 2-й—*харьковскій*, ибо, состоя на службѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ въ то же самое время принималъ живѣйшее участіе и въ основаніи Харьковскаго университета; затѣмъ съ 1804 г. начинается третій періодъ—*деревенскій*, когда онъ сталъ проживать почти исключительно въ деревнѣ Кручикѣ и заниматься тамъ научными опытами.

Уже въ 1-мъ своемъ письмѣ къ Императору Александру I Каразинъ ясно высказалъ свой взглядъ на значеніе просвѣщенія въ народной жизни. По его мнѣнію, народное воспитаніе должно было явиться первою и главною задачею государя. „Какъ наисовершеннѣйшіе законы, писалъ онъ, останутся безполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждъ, то безъ сомнѣнія обратитъ онъ (Императоръ) всю свою внимательность на *воспитаніе* своихъ подданныхъ, и будетъ дѣйствовать на нихъ посредствомъ людей, имѣющихъ надъ ними наиболѣе силы—духовенства, учреждая для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики и представляя отличія и награды не тѣмъ изъ проповѣдниковъ, которые съ піитическимъ восторгомъ станутъ его величать въ городскихъ храмахъ, но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ, тѣмъ, которые учредивъ училища, не лѣностно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка-гражданина". Такимъ образомъ, Каразинъ хотѣлъ предоставить дѣло народнаго образованія тѣмъ сословіямъ, которыя въ то время могли считаться *единственно* образованными, но для духовенства онъ считалъ необходимымъ учредить гимназіи, чтобы

---

[1]) Письмо это напечатано съ примѣчаніями самого Василія Назаровича, но къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми пропусками, въ «Русской Старинѣ» 1871, т. 4-й, стр. 68—80. Ср. также Соч., письма и бумаги В. Н. Каразина, стр. 1—16.

отвлечь его отъ семинарской замкнутости и схоластики. Такой же восторженный взглядъ на просвѣщеніе онъ высказывалъ и позже; въ письмѣ къ доктору Реману онъ, напримѣръ, говоритъ слѣдующее: „народное просвѣщеніе! Какое прекрасное выраженіе!.. Если что либо можетъ обезпечить незыблемость безмѣрнаго пространства Россіи, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что либо можетъ сдѣлать ее истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія,—какъ бы громадно оно ни было—то это опять таки только просвѣщеніе. Министерство военное, министерство иностранныхъ дѣлъ и всякое другое служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія; они работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы вліять на дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметѣ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ“ [1]). Конечно, тутъ есть преувеличеніе: не одно Министерство Народнаго Просвѣщенія работаетъ для будущаго, а и другія. Но мысль, что *истинное* величіе государства немыслимо безъ успѣховъ просвѣщенія, едва ли можетъ вызвать возраженія; а проектъ поставить Министерство Народнаго Просвѣщенія выше всѣхъ другихъ—служитъ лучшимъ доказательствомъ его горячаго желанія, чтобы Россія поскорѣе сравнялась въ отношеніи просвѣщенія съ западомъ. Огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ онъ придавалъ творческимъ силамъ государства, которое, по его мнѣнію, должно было опереться на единственно образованные въ то время общественные слои (дворянство и духовенство). Не меньше успѣховъ онъ ждалъ и отъ живой общественной самостоятельности; ее онъ постоянно проповѣдывалъ и въ своихъ запискахъ, и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Наиболѣе подробно онъ изложилъ свои мысли по этому вопросу въ рѣчи „Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ“, прочитанной въ 1820 году въ петербургскомъ обществѣ любителей словесности [2]). Она ясно показываетъ, какія широкія задачи В. Н. Каразинъ ставилъ современной ему русской литературѣ въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Наиболѣе видная роль въ народномъ воспитаніи, говоритъ онъ тутъ, принадлежитъ правительству; „но не обязаны ли и мы ему вспомоществовать? Кто станетъ утверждать противное, тотъ въ душѣ своей рѣшительно отрицаетъ у насъ сладкія обязанности гражданина и сына отечества“. Есть два средства для распространенія просвѣщенія: одно правительственное — школа, другое, доступное и частнымъ лицамъ, публичное наставленіе, дѣйствующее на общественное

---

[1]) «Русская Старина», 1875, апрѣль, стр. 751.

[2]) Рѣчь эта напечатана въ «Русской Старинѣ» 1871, т. 3-й, стр. 330—335.

мнѣніе; его и должна давать литература. „Теперь, когда публика требуетъ занятій, болѣе мужественныхъ, нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзіей, которая только что поэзія, прозою, которая не представляетъ ему никакихъ новыхъ полезныхъ истинъ“. Легкія стихотворенія и невинные романы пусть останутся домашнею забавою молодежи; но литературныя и ученыя общества не должны преподносить публикѣ этихъ дѣтскихъ упражненій. „Они должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Они должны вспомоществовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ Державной воли устроеннымъ; скажу болѣе: они должны превзойти ихъ въ дѣятельности, буде возможно, стараться вознаградить, если что ими упускается... Не обязаны-ль они разливать полезныя знанія, образовать вкусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ не намъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями: еслибъ онѣ явились! Сколько побудительныхъ причинъ! Какъ, мил. гос., науки естественныя, садоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенчествуютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣвероамериканцевъ даже, которые не составляли еще и народа даже, когда мы имѣли уже Екатерину! А у насъ въ цѣлой Россіи нѣтъ ни одного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько и занимательныхъ!

Дворянство, живущее въ деревняхъ, тщетно обращаетъ взоры свои на обѣ столицы, добрые горожане отдаленныхъ уѣздовъ, не имѣя библіотекъ, ждутъ почты съ журналами нашими, какъ путникъ въ томящій зной зачерпнутой изъ ключа воды. А мы будемъ преподавать всѣмъ имъ шарады на гор—охъ, соблазнительные элегіи и стишки въ альбомы. Вмѣсто того, чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣ-же дарованія, то-же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ опишемъ лучше путешествія дѣйствительно совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего, исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ нравы ея разновидныхъ обитателей..., углубимся въ исторію. И въ поэзіи предъ нами открыто обширное поле; только нужно оставить подражаніе и идти по стопамъ Ломоносова, Державина, и нѣкоторыхъ другихъ“. Изъ этого мы видимъ, что литературу В. Н. Каразинъ понималъ очень широко, разумѣя подъ нею и словесность, и науку. Понятное дѣло, что съ этой точки зрѣнія

тогдашніе книги и журналы его не удовлетворяли. Его мысль о необходимости изученія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія съ нашей стороны. Такимъ образомъ, и здѣсь Василій Назаровичъ сталъ реформаторомъ, будилъ мысль, возставалъ противъ косности и неподвижности, высказалъ свѣтлый взглядъ на вещи и—что самое важное—самъ именно дѣйствовалъ такъ, какъ совѣтовалъ другимъ; слово у него не расходилось съ дѣломъ.

Таковъ былъ человѣкъ, которому Императоръ Александръ поручилъ обработку общихъ вопросовъ образованія въ Россіи и устройство практической системы воспитанія ея гражданъ; таковы были *теоретическіе* взгляды его на просвѣщеніе—на задачи министерства народнаго просвѣщенія и литературы. *Практическая* дѣятельность его была непродолжительна, хотя она всетаки оставила замѣтный слѣдъ въ исторіи высшаго образованія въ Россіи. В. Н. Каразину по его словамъ принадлежитъ *идея объ особомъ* министерствѣ народнаго просвѣщенія (какого тогда не было еще въ Европѣ); онъ же составилъ и первоначальный проектъ его, который, впрочемъ, подвергся значительному измѣненію. Здѣсь имѣло мѣсто то, что повторялось потомъ со всѣми планами и проектами Каразина: они были слишкомъ грандіозны и не приспособлены къ условіямъ дѣйствительной жизни. Во вновь учрежденномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія на долю Василія Назаровича выпала *организаціонная* работа; имъ отчасти были начертаны и редактированы „правила народнаго образованія“ и составлялись проекты университетскихъ и академическихъ уставовъ. О практическихъ работахъ въ министерствѣ свидѣтельствуетъ фактъ назначенія его правителемъ дѣлъ „главнаго правленія училищъ“, членами котораго были будущіе попечители вновь созданныхъ учебныхъ округовъ (Муравьевъ, Новосильцевъ, Потоцкій ..) и академики. Въ это время, по мысли Каразина, былъ созданъ оффиціальный органъ министерства, носившій названіе—„Ежемѣсячныя сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ [1]).

Къ сожалѣнію, эта дѣятельность Каразина продолжалась только 2—3 года. Съ точки зрѣнія тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія гр. Завадовскаго Василій Назаровичъ былъ плохимъ чиновникомъ. Графъ не любилъ Каразина и не могъ ему простить рѣзкихъ отзывовъ

---

[1]) Сотрудникъ В. Наз. Анастасевичъ прямо говоритъ: «занятія мои съ Василіемъ Назаровичемъ особенно состояли въ начертаніи предварительныхъ правилъ мин. нар. просв., въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія Харьк. у—а и въ особенности по канцеляріи кн. Чарторыйскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія Виленскаго университета и его округа по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (Едукаціонной) комиссіи, существовавшей въ по-

о себѣ въ письмахъ къ государю. Воспользовавшись нѣкоторыми промахами Каразина въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета (злосчастнымъ эпизодомъ о художникахъ), онъ нанесъ ему разомъ двойной ударъ: отстранилъ отъ службы въ министерствѣ и отъ участія въ дѣлахъ Харьковскаго университета. Конечно, огромное значеніе имѣло здѣсь то обстоятельство, что Императоръ Александръ охладѣлъ къ своему бывшему любимцу; не будь этого, никакія интриги противниковъ не пошатнули бы его положенія. Все это произошло въ концѣ 1804 года за нѣсколько мѣсяцевъ до оффиціальнаго открытія Харьковскаго университета.

Устраненіе отъ университетскихъ дѣлъ было особенно чувствительно для Василія Назаровича, ибо онъ смотрѣлъ на университетъ какъ на свое родное дѣтище. И виновникомъ основанія Харьковскаго университета нужно дѣйствительно признать Василія Назаровича Каразина. *Ему первому принадлежитъ мысль объ основаніи университета въ Харьковѣ.* Уже въ началѣ 1802 года онъ былъ всецѣло занятъ ею, какъ это видно изъ писемъ его къ Харьковскому священнику Фотіеву (отъ 2 мая 1802 года) [1]). „Бывъ удостоенъ, пишетъ онъ тутъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею и заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему". Очевидно, что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась вскорѣ послѣ перваго письма къ Императору Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. Руководили имъ въ этомъ дѣлѣ самыя *чистыя побужденія*—любовь къ своему родному краю и Харькову. „Любимая его Малороссія, говоритъ его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища". Объ этомъ же свидѣтельствуютъ его письма къ священнику Фотіеву и кн. Чарторысскому. „Сія мысль (объ университетѣ) пишетъ онъ Фо-

---

слѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго польскаго правительства съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, а когда образовалась сія часть Виленскаго округа, то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назаровичемъ продолжались какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ и по случаю *основаннаго имъ* изданія отъ того же правленія: «Ежем. соч. объ успѣхахъ нар. просв.» (Записка о Вас. Наз. Каразинѣ въ Чтеніяхъ Моск. Общ., 1861, кн. 3-я, стр. 192—193).

[1]) Письмо это напечатано у Гр. П. Данилевскаго («Укр. Старина», стр. 135—139), подлинникъ его хранится въ библіотекѣ Харьк. университета.

тіеву, заняла всю мою душу и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобы дѣйствовать. Не для чего описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего дня нашей отчизны Украйны проистекти имѣетъ... Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ— моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ“ [1]). „Князь! писалъ онъ Черторысскому, вамъ извѣстно отчасти, до какой степени разстроено мое состояніе безумными усиліями содѣйствовать блистательно къ просвѣщенію и процвѣтанію Украйны, моей родины. Мнѣ больно было видѣть ее, богатую и дарами природы, и талантами ея обитателей, въ поруганіи и призрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобъ уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ“ [2]). Съ этимъ признаніемъ Василія Назаровича вполнѣ согласуется то, что онъ говорилъ харьковскому дворянству, убѣждая его сдѣлать пожертвованіе для открытія въ Харьковѣ университета.

Слово у Василія Назаровича не расходилось съ дѣломъ: подавъ идею объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, онъ съ изумительною настойчивостью старается привести ее въ исполненіе. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ продолжается его *практическая* дѣятельность на этомъ полѣ. Съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ онъ ведетъ дѣло отъ начала до конца, идя впереди всѣхъ, участвуя не только во всѣхъ главныхъ дѣйствіяхъ, но и въ мелочахъ. Онъ пользуется съ одной стороны своимъ вліятельнымъ положеніемъ „правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ“, а съ другой—и это главнымъ образомъ—своими связями съ харьковскимъ обществомъ. Харьковъ, самъ по себѣ, никогда бы не получилъ такъ рано университета, если бы В. Н. Каразинъ не добился общественнаго пожертвованія на университетъ. Чтобы заинтересовать мѣстное общество въ своемъ проектѣ, онъ явился въ Харьковъ и здѣсь въ собраніи дворянъ прочиталъ составленное имъ „предначертаніе“ объ университетѣ. По „предначертанію“ Каразина, Харьковскій университетъ долженъ былъ представлять изъ себя соединеніе нѣсколькихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ—академію художествъ, военную, инженерную, духовную, университетъ, высшую гимназію и два профессіо-

---

[1]) Ibidem, стр. 136—137.

[2]) «Русская Старина», 1871, т. 3-й, стр. 704.

нальныя училища. Онъ долженъ былъ явиться вполнѣ *общественнымъ* учрежденіемъ, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Америки, Англіи; казна на него въ сущности не должна была затрачивать ничего [1]).

Спрашивается, имѣлъ ли основаніе Каразинъ расчитывать на сочувственное отношеніе Харьковскаго общества къ дѣлу просвѣщенія вообще и къ своему проекту въ частности; другими словами, мы ставимъ вопросъ: были ли какія нибудь просвѣтительныя теченія въ Харьковскомъ краѣ во 2-й половинѣ XVIII и самомъ началѣ XIX вѣка и нельзя ли доказать фактически ихъ вліянія на успѣхъ предпріятія В. Н. Каразина. Мы рѣшаемъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и вотъ на основаніи какихъ данныхъ. Обращая вниманіе на фамиліи лицъ, оказавшихъ наиболѣе рвенія къ плану Каразина, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ (Квитка, Ковалевскій, городской голова Урюпинъ) были духовными учениками Гр. Саввича Сковороды, другіе принадлежали къ литературному кружку сумскаго помѣщика А. А. Палицына (кромѣ В. Н. Каразина, самъ Палицынъ, Ушинскій, Гр. Ром. Шидловскій). Сфера вліянія Сковороды захватывала *всѣ* тогдашніе общественные слои—и помѣщиковъ, и горожанъ, и войсковыхъ обывателей (бывшихъ казаковъ) и даже посполитыхъ (крестьянъ). Харьковскій купецъ Урюпинъ, бывшій городскимъ головою и сильно способствовавшій дѣлу пожертвованія на университетъ со стороны городского общества, состоялъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Гр. Сав. Сковородой. Даже нѣкоторые изъ членовъ Палицынскаго кружка не остались свободными отъ вліянія „старчика“ Сковороды. Сверхъ того въ томъ же просвѣтительномъ направленіи дѣйствовало цѣлое учрежденіе—Харьковскій коллегіумъ, ибо доступъ въ него былъ открытъ и для дѣтей свѣтскихъ лицъ, Сковорода и коллегіумъ дѣйствовали параллельно, въ одномъ направленіи, культивируя школьную мудрость, создавая культъ науки въ Украйнѣ. Правда, это была не та европейская наука, которая появилась у насъ съ основаніемъ университета; это была старая западнорусская латинская образованность съ схолатическимъ оттѣнкомъ; но она не была чужда мѣстному обществу: это послѣднее принесло ее съ собою изъ заднѣпровья.

Съ другой стороны начала оказывать замѣтное вліяніе на высшее Харьковское общество европейская образовательная стихія. Она нашла себѣ пріютъ преимущественно въ Сумскомъ уѣздѣ. Среди Сум-

[1]) «Предначертаніе» Каразина напечатано въ статьѣ его сына («Рус. Старина», 1875, май, стр. 66—76). Мы имѣли въ своихъ рукахъ и рукопись «предначертанія» (она хранится въ университетскомъ архивѣ).

скихъ дворянъ еще въ 1767 году возникла мысль объ основаніи въ Сумахъ университета. Тутъ же образовался и литературный кружокъ А. А. Палицына. Александръ Александровичъ Палицынъ былъ извѣстный Харьковскій писатель и архитекторъ. По словамъ самого В. Н. Каразина, „ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украйнѣ". Его селеніе Поповка носила полушуточное, полусерьезное названіе Поповской Академіи. Всѣ члены этого кружка воспитались на произведеніяхъ просвѣтительной французской литературы конца прошлаго вѣка и были приверженцами новаго западно-европейскаго образованія [1]).

Такимъ образомъ, не совсѣмъ былъ правъ Н. А. Лавровскій, утверждавшій, что Харьковскій университетъ осѣлъ „на почти непочатой и не совсѣмъ привѣтливой почвѣ". Почва для дѣятельности В. Н. Каразина была въ значительной степени подготовлена. Конечно, говоря это, мы нисколько не умаляемъ подвига В. Н. Каразина, а только вводимъ его въ условія тогдашней дѣйствительности, возстановляемъ характеръ окружавшей его среды. Въ этой средѣ были и прогрессивные элементы, и инертная масса, и люди, по выраженію Филадельфа Васильевича Каразина, бѣгавшіе отъ одного имени „просвѣщеніе". Василій Назаровичъ былъ самый передовой и энергичный человѣкъ въ партіи прогрессистовъ; онъ былъ вождемъ ея: за нимъ шли и Палицынъ, и всѣ остальные. На его долю выпала чрезвычайно трудная задача—склонить однихъ, побѣдить равнодушіе другихъ, преодолѣть противодѣйствіе третьихъ. И онъ блистательно вышелъ изъ затрудненія: пылкая, горячая рѣчь, носившая на себѣ яркій отпечатокъ его характера, воодушевила дворянство на патріотическое пожертвованіе 400000 рублей; вслѣдъ затѣмъ откликнулись на призывъ харьковскіе купцы, граждане и войсковые обыватели, а также дворяне сосѣднихъ губерній; одни (дворяне) давали отъ своихъ имуществъ, другіе (купцы) отъ промысловъ, третьи (войсковые обыватели) пожертвовали землю, которую предки ихъ отвоевали и грудью защищали отъ татаръ. Сумма всѣхъ денежныхъ сборовъ достигла 618000 руб. [2]). Такими огромными пожертвованіями выразили свое сочувствіе къ учрежденію университета въ Харьковѣ *всѣ* сословія и этимъ доказали свою любовь къ просвѣще-

---

[1]) Болѣе подробное развитіе всѣхъ этихъ мыслей читатель найдетъ въ нашемъ «Опытѣ исторіи Харьковскаго университета», именно въ 1-й главѣ его, посвященной характеристикѣ просвѣщенія въ Харьк. краѣ до открытія университета.

[2]) Подробныя свѣдѣнія о пожертвованіяхъ помѣщены нами въ «Опытѣ исторіи Харьк. университета».

нію. Результатомъ же пожертвованій было Высочайшее соизволеніе на открытіе Харьковскаго университета.

Теперь предстояла вторая не менѣе трудная часть задачи: *дѣйствительно открыть университетъ*. И здѣсь дѣло было доведено до благополучнаго окончанія, благодаря между прочимъ энергичному и постоянному участію въ немъ В. Н. Каразина: не будь его, оно могло бы совсѣмъ заглохнуть или по крайней мѣрѣ затянуться на многіе годы. Въ этотъ рѣшительный моментъ оказалась какъ нельзя болѣе кстати энергія Каразина, изумительная его настойчивость, которую иные готовы были называть назойливостью. Положеніе усложнялось тѣмъ, что Государь замѣтно охладѣлъ въ это время къ своему бывшему любимцу и благодаря этому сановные друзья его оставили, а враги всячески вредили его начинаніямъ. Каразинъ обращался съ письмами къ министру внутреннихъ дѣлъ и самому Государю. Онъ велъ переговоры съ русскими и заграничными учеными, приглашая ихъ на службу въ новый университетъ; онъ заботился о привлеченіи сюда студентовъ. Вмѣстѣ съ Тимковскимъ онъ принималъ живѣйшее участіе и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ; слѣды его дѣятельности видны всюду, во всѣхъ подробностяхъ дѣла. Онъ выдавалъ авансы изъ собственныхъ средствъ на расходы, не терпящіе отлагательства, онъ поручилъ своему довѣренному лицу Шишкину приготовлять зданія подъ будущій университетъ, оставилъ ему деньги на расходы, уполномочилъ заключать его именемъ письменные договоры, самъ составлялъ библіотеку и типографію для университета, отправляя изъ Петербурга цѣлые возы книгъ, выписывалъ изъ-за границы инструменты и приборы, пріобрѣталъ коллекціи и, наконецъ, прислалъ въ Харьковъ цѣлую колонію мастеровъ, которые впослѣдствіи причинили ему множество хлопотъ. Даже съ учрежденіемъ университетскаго комитета (11 апр. 1804 г.), Каразину была предоставлена практическая дѣятельность по части устроенія университета и она продолжалась вплоть до Высочайшаго выговора, объявленнаго ему гр. Завадовскимъ за злосчастное дѣло о мастерахъ. Здѣсь обнаружились обычныя свойства характера Каразина—изумительная энергія съ одной стороны и непрактичность съ другой; первая несомнѣнно принесла огромную пользу дѣлу, а вторая вызвала неудовольствія, нареканія и послужила ближайшимъ поводомъ для устраненія его отъ того предпріятія, которое онъ съ полнымъ основаніемъ считалъ своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ. Ему страстно хотѣлось видѣть вѣнецъ дѣла и онъ всячески торопилъ Тимковскаго; составилъ даже церемоніалъ открытія университета, который впрочемъ остался только достояніемъ архива. Открытіе университета совершилось безъ него, „безъ виновника его бытія“—

положеніе прискорбное для одной стороны, глубоко обидное для другой!

Послѣ всего сказаннаго мы въ правѣ заявить, что В. Н. Каразинъ былъ истиннымъ виновникомъ основанія университета въ Харьковѣ; благодаря ему состоялись пожертвованія, а пожертвованія повели за собою назначеніе для новаго университета г. Харькова. Мы имѣемъ прямое оффиціальное признаніе этой связи между пожертвованіями и основаніемъ университета въ утвердительной университетской грамотѣ (отъ 5-го ноября 1804 г.) [1]; здѣсь прямо говорится, что пожертвованіе Харьковскаго дворянства и горожанъ *ускорило* устроеніе въ Харьковѣ университета. Харьковское дворянство также открыто признало инициативу въ этомъ дѣлѣ В. Н. Каразина; объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ найденное мною въ архивѣ Депут. Собранія похвальное свидѣтельство (отъ 1-го сент. 1802 г.), въ которомъ буквально говорится слѣдующее: „слободско-украинское губернское дворянство въ полномъ собраніи, разсмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего г. коллежскаго совѣтника Василія Назаровича Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъявленіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за таковую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испросить Высочайшее соизволеніе, даетъ ему, г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу, сочлену своему, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ предводителей и депутатовъ дворянства (затѣмъ идутъ подписи) [2]. Такое же сознаніе мы встрѣчаемъ и у частныхъ лицъ—ближайшихъ свидѣтелей его плодотворной дѣятельности. Ректоръ Дерптскаго университета проф. Парротъ, которому Василій Назаровичъ сообщилъ свое предначертаніе, прямо приписываетъ ему патріотическую идею учрежденія въ Харьковѣ высшаго училища [3]. Харьковскій профессоръ Роммель называетъ его истиннымъ основателемъ Харьковскаго

---

[1]) Грамота эта напечатана въ «Сбор. постан. по мин. нар. просв.» т. 1-й подлинникъ ея составляетъ собственность университета.

[2]) Вотъ они: губ. предводитель дворянства Вас. Донецъ-Захаржевскій, харьк. уѣздный—Дмитрій Щербининъ, валковскій—Мих. Шидловскій, богодуховскій—Иванъ Куликовскій, зміевской—Петръ Фонъ-Мейеръ, лебединскій—Алексѣй Алферовъ, сумской—Куколь-Яснопольскій, ахтырскій—Кондратьевъ, купянскій—Райзельонъ-Сошальскій, депутатъ зміевскаго уѣзда Ник. Шидловскій, купянскаго—Іосифъ Абаза, харьковскаго—Василій Тихоцкій, ахтырскаго—Иванъ Ямпольскій,—валковскаго — Ник. Зварыкинъ (Архивъ Харьк. Двор. Депут. Собр., «Протоколы по текущимъ дѣламъ» 1802 г.).

[3]) «Рус. Старина» 1875, май, стр. 76.

университета“ [1]). А вотъ что писалъ Каразину извѣстный уже намъ священникъ Фотіевъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ сбывшейся, наконецъ, общей мечты—торжественнаго открытія университета: „17 января (1805 г.) исполнилось наше желаніе и ревностное попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоилы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ, всякаго чаянія, Украйна вамъ единственно обязана. Тѣжъ, кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то конечно незазорная совѣсть утѣшитъ васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленнѣйшему потомству“ [2]). Эта мысль о В. Н. Каразинѣ, какъ виновникѣ основанія университета въ Харьковѣ, не только не ослабѣла съ теченіемъ времени, но еще болѣе уяснилась въ общественномъ сознаніи и что—самое важное—получила очень знаменательное выраженіе въ самой университетской средѣ. Еще 10 іюня 1805 г. внесено было проф. Балленъ-де-Баллю предложеніе въ совѣтъ о выборѣ Василія Назаровича въ почетные члены университета, но признано неблаговременнымъ. Выборы состоялись только въ 1811 году и сопровождались слѣдующею замѣчательною мотивировкою: „ad hunc virum eligendum senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charkoviae sit constituta“, т. е. совѣтъ подвинутъ былъ къ выборамъ этого мужа, кромѣ выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности, потому что единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе въ Харьковѣ университета [3]). Это мало: въ 1833 году Харьковскій университетъ еще разъ осязательно выразилъ свою признательность виновнику своего существованія. Въ виду страшно стѣснительныхъ его матеріальныхъ обстоятельствъ (онъ долженъ былъ уплатить

---

[1]) «Воспоминанія», стр. 77.

[2]) «Сѣверная Пчела» 1860, № 92; этого номера нѣтъ въ нашей университетской библіотекѣ, но благодаря любезности г-жи Токмаковой, всѣ письма, напечатанныя тутъ Филадельфомъ Васильевичемъ Каразинымъ, для меня были списаны съ экземпляра, хранящагося въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

[3]) Н. А. Лавровскаго. Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ (Ж. М. Н. Пр., 1873, № 2, стр. 309).

къ опредѣленному сроку графу Подгоричани 2384 руб.), профессора и преподаватели Харьковскаго университета собрали между собою и внесли за него въ гражданскую палату 1280 руб. „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получила образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству“ [1]). Остальную часть суммы—1200 р.—внесло городское общество. Тогдашній городской голова Андрей Мотузокъ, внося эти деньги предсѣдателю гражданской палаты, просилъ принять ихъ „по желанію его и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго Всеавгустѣйшаго Монарха Александра I-го о учрежденіи въ Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли, черезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе [2]). Рѣдкіе и отрадные факты признанія заслугъ общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе отрадные, что относились къ человѣку, почти уже 30 лѣтъ тому назадъ сошедшему съ широкой арены, забытому сановными друзьями и попавшему, благодаря неумѣнію устраивать свои личныя дѣла, въ критическое положеніе!

Съ 1804 года начинается *третій* періодъ въ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина, самый длинный (онъ продолжался до смерти его въ 1842 году), но уже менѣе видный, хотя всетаки плодотворный и поучительный. Отнынѣ родное село Кручикъ замѣняетъ ему Петербургъ и дѣлается виднымъ просвѣтительнымъ центромъ въ Харьковскомъ краѣ. Безпокойный умъ, ненасытная жажда дѣятельности увлекаютъ его здѣсь то въ научные опыты, то въ литературную работу, то въ сферу теоретическаго и практическаго рѣшенія политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Тутъ онъ предается со всею стремительностью своей натуры занятіямъ естественными науками, преимущественно химіей, агрономіей и метеорологіей. Помимо научной пытливости его влекла къ этимъ занятіямъ любовь къ родинѣ, къ Украинѣ, желаніе изучить ея естественныя богатства и ввести въ нее болѣе совершенную куль-

---

[1]) Г. П. Данилевскаго. «Украинская Старина», стр. 150—151; ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1873, февраль, стр. 310.

[2]) Г. П. Данилевскаго. «Укр. Старина», стр. 151; ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.»,. 1873, № 2 стр. 310.

туру. Его радовало то обстоятельство, что Харьковскій университетъ обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла. „Grace à l'université, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ статей, рано или поздно мы познакомимся со всѣми природными дарами нашей Украины: будемъ имѣть и фауну, и флору, и полное описаніе минераловъ и водъ полуденныхъ губерній". Университетъ далъ первое описаніе Славянскихъ минеральныхъ водъ— и Василій Назаровичъ съ своей стороны обращаетъ вниманіе ученой коллегіи на минеральный источникъ въ дачахъ надъ р. Орелью въ Константиногр. уѣздѣ Полтавской губ., въ имѣніи К. К. Ковалевскаго и даетъ краткое описаніе его [1]). Его озабочивалъ постоянно вопросъ о благоустройствѣ родного Харькова и въ 1840 г. онъ предлагалъ, для предупрежденія засоренія нашихъ рѣчекъ, устроить въ предѣлахъ городской черты *канализацію* для спуска нечистотъ [2]). Видя страшное истребленіе лѣсовъ, онъ старался открыть новый способъ винокуренія, при которомъ бы сберегалось топливо; съ этою цѣлью онъ пропагандируетъ новые способы добыванія селитры, отопленія, искусственное лѣсонасажденіе. Чтобы поднять сельско-хозяйственную культуру, онъ вводилъ новые виды растеній; а чтобы усилить мѣстную отпускную торговлю, предлагалъ консервировать мясо, фрукты, вмѣсто водки производить сухой алкоголь. [3]) Чтобы распространять всѣ эти нововведенія въ краѣ онъ учредилъ въ Харьковѣ *Филотехническое* общество, существовавшее съ 1811 по 1818-й годъ и бывшее прототипомъ нынѣшнихъ сельско-хозяйственнаго и техническаго. Трудно описать, сколько энергіи и средствъ вложилъ онъ въ это предпріятіе: объ этомъ пусть разскажетъ будущій историкъ этого общества на основаніи его актовъ и отчетовъ. Въ области метеорологіи онъ опередилъ современную ему русскую науку на десятки лѣтъ и предложилъ такое устройство правильной метеорологической сѣти наблюденій, какая и на западѣ была принята много лѣтъ спустя послѣ этого [4]). Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ оцѣнки всѣхъ этихъ научныхъ тру-

---

[1]) Прибавленіе къ «Харьк. Губ. Вѣд.» 1838 г., № 38, стр. 337—338.

[2]) Ibidem, 1840 г., № 12, стр. 113.

[3]) См. «Украинскую Старину», стр. 128, 140—145; ср. Отчетъ Филотехническому обществу за послѣдніе четыре мѣсяца 1818. X. 1819; см. также приб. къ «Харьк. Губ. Вѣд.» за 1838-й годъ стр. 429—430, гдѣ помѣщены и его личныя наблюденія объ истребленіи лѣсовъ.

[4]) См. Записку, читанную въ Имп. Моск. Общ. Естествоиспытателей дѣйств. чл. онаго В. Н. Каразинымъ о метеорологіи, 15 марта 1810 г. («Рус. Старина», 1871 т. 3-й, стр. 719—722); ср. также статью о В. Н. Каразинѣ, какъ, метеорологѣ, въ Рус. Архивѣ за 1892-й годъ, № 5.

довъ и опытовъ В. Н. Каразина со стороны *спеціалистовъ*, и эта обязанность, естественно, лежитъ на почтенныхъ сочленахъ нашей университетской коллегіи. Необходимо, что бы профессоръ химіи занялся разсмотрѣніемъ и оцѣнкою его химическихъ опытовъ, профессоръ физической географіи—метеорологическихъ наблюденій и изслѣдованій въ области электричества, проф. агрономіи—сельско-хозяйственныхъ опытовъ въ связи съ дѣятельностью основаннаго имъ Филотехническаго общества, проф. государственнаго права—политическихъ теорій въ связи съ практическимъ ихъ приложеніемъ (разумѣемъ его сельскую думу), проф. исторіи и статистики—историческихъ и статистическихъ работъ. Статьи эти пусть послужатъ предисловіемъ къ собранію сочиненій В. Н. Каразина, которыя частью помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, а частью напечатаны отдѣльными брошюрами; и тѣ, и другія (въ особенности послѣднія) составляютъ библіографическую рѣдкость и потому остаются неизвѣстными не только образованному обществу, но и спеціалистамъ. Я съ своей стороны принялъ бы на себя трудъ собрать и редактировать труды Каразина. Конечно, Василій Назаровичъ не былъ ученымъ спеціалистомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова хотя бы уже потому, что предметы его умственныхъ интересовъ были въ высшей степени разнообразны. Но онъ обладалъ изъ ряда вонъ выдающимися дарованіями, позволявшими ему быстро схватывать сущность предмета. Мало того: мнѣ думается, что ему была присуща не только способность усвоенія но и самостоятельнаго научнаго творчества. Къ сожалѣнію онъ не прошелъ никакой школы; ему недоставало правильности, методичности въ занятіяхъ, выдержки, усердія, способности долго сосредоточиться на одномъ предметѣ— и потому изъ него вышелъ пылкій горячій энтузіастъ знанія, знанія вообще, скорѣе энциклопедистъ, чѣмъ спеціалистъ. Такимъ именно разносторонне образованнымъ человѣкомъ изображаетъ его намъ извѣстный Роммель [1]). Тѣмъ не менѣе имя В. Н. Казазина не должно пройти незамѣченнымъ и въ *исторіи русской науки*, въ собенности въ области химіи и метереологіи; ему нужно будетъ отвести въ ней почетное мѣсто. В. Н. Каразинъ относился къ своимъ занятіямъ очень серьезно. Въ сел. Кручикѣ у него была своя химическая лабораторія, въ которой онъ занимался химическими изслѣдованіями; тутъ находилась и метеорологическая станція (первая въ Харьковской губ.), гдѣ

[1]) Василій Назаровичъ Каразинъ... говоритъ Роммель, былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы, слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ («Воспоминаніе», стр. 77).

онъ самолично велъ наблюденія въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; тутъ же было, употребляя современную номенклатуру, и опытное поле, на которомъ выращивалась китайская, французская, египетская, монгольская, итальянская, сардинская, англійская, критская, андалузская пшеница, испанскій ячмень, различныя иностранныя жита, производились опыты унаваживанія, вводились новыя сельско-хозяйственныя постройки (украинскій овинъ, украинская клуня) и примѣнялись изобрѣтенныя Васпліемъ Назаровичемъ земледѣльческія орудія (молотильный катокъ). Изъ отчета В. Н. Каразина, засвидѣтельствованнаго мѣстнымъ земскимъ исправникомъ, оказывается, что урожай пшеницы на унавоженныхъ имъ поляхъ былъ на $^2/_3$ болѣе обыкновеннаго [1]). Наконецъ, у него была огромная библіотека, обнимавшая, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли знаній (въ 1836 г. сгорѣло 5000 томовъ этой библіотеки и всѣ его мемуары до 1821 г.).

Такимъ образомъ, В. Н. Каразинъ у себя дома на свои вообще далеко необширныя средства устроилъ вполнѣ ученую обстановку для занятій. И результаты своихъ опытовъ онъ сообщалъ ученымъ обществамъ, съ тѣмъ чтобы ихъ разбирали и оцѣнивали вполнѣ компетентные люди (таковы его доклады московскому обществу естествоиспытателей); его записки и проекты разсматривались и провѣрялись въ Академіи Наукъ и различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Если мы представимъ себѣ теперь, каковы были въ то время помѣщичьи селенія Харьковской губ., то Кручикъ съ его лабораторіей, опытными полями, библіотекой и метеорологической станціей, рѣзко выдѣлится изъ общаго фона и представится намъ какимъ то сельско-хозяйственнымъ институтомъ съ ученымъ директоромъ во главѣ. Все здѣсь было устроено не такъ, какъ у сосѣдей, и Каразинъ явился у себя въ деревнѣ настоящимъ реформаторомъ-эмансипаторомъ. Отнюдь не считая крѣпостныхъ крестьянъ своею собственностью, онъ смотрѣлъ на помѣщика только какъ на собственника земли и опекуна населенія. Вотъ почему онъ предоставилъ своимъ крестьянамъ (или, какъ онъ называлъ ихъ, *поселянамъ*), въ наслѣдственное владѣніе земли, обязавъ ихъ за это опредѣленными денежными повинностями. Онъ же далъ имъ правильное административное и судебное устройство [2]). Не оставилъ онъ безъ измѣненія и отношеній своихъ крестьянъ къ приходскому свя-

---

[1]) Отчетъ Филотехнич. обществу за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 г. X. 1819 г. стр. 1—17, 22—26.

[2]) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ устройствѣ сообщаетъ самъ Вас. Наз. въ письмѣ къ слободско-украинскому губернатору Бахтину отъ 30 янв. 1810 г. (См. «Русскую Старину», 1871, т. 3-й, стр. 335—366).

щеннику: жалованье этому послѣднему было значительно увеличено, а плата за исполненіе различныхъ требъ уничтожена [1]); наконецъ В. Н. Каразинъ устроилъ и приходское училище для крестьянскихъ дѣтей, на которое ежегодно отпускалась значительная по тому времени сумма въ 250 р. Школа эта не должна была отрывать отъ земледѣлія, а давать необходимыя для него элементарныя познанія и нравственно поднимать питомцевъ; Каразинъ хотѣлъ, чтобы изъ нея выходили *люди* [2]). Изъ этой школы можно было переходить въ уѣздное училище; а если бы тамъ кто либо обнаружилъ выдающіяся способности, такому давалась отпускная съ обязательствомъ внести за себя впослѣдствіи выкупъ [3]). Такъ принципъ человѣческаго отношенія къ рабу получалъ практическое осуществленіе въ Кручикѣ и, конечно, долженъ былъ оказывать извѣстное вліяніе и на другихъ помѣщиковъ, и на самыхъ крестьянъ. На помѣщиковъ оказывало нѣкоторое вліяніе филотехническое общество; на поселянъ сел. Кручика—его собственный примѣръ и школа. Обыватели Кручика примѣняли болѣе совершенную земледѣльческую культуру и благодаря этому благосостояніе ихъ все болѣе и болѣе возрастало [4]). Простой народъ ввѣрялъ Каразину подъ часъ защиту самыхъ насущныхъ своихъ интересовъ, такъ напр., однодворцы с. Вольнаго избрали его своимъ повѣреннымъ въ дѣлѣ, касавшихся ихъ земель (Сбор. Харьк. ист. фак. общ. т. 3-й стр. 310—311). Сохранилось чрезвычайно любопытное *собственноручное* письмо Каразинскаго крестьянина Ѳедора Манжеренка, занимавшаго видную должность писаря въ устроенной Вас. Назаровичемъ сельской думѣ. Письмо это служитъ яркимъ выраженіемъ взглядовъ на него эмансипированныхъ имъ лицъ изъ крестьянской среды; значеніе его, какъ достовѣрнаго источника, усиливается тѣмъ, что написано оно уже было *послѣ* смерти В. Н. Каразина, подъ живымъ впечатлѣніемъ возстановленія старыхъ дореформенныхъ порядковъ. „Не могу забыть, пишетъ Манжаренко, всѣхъ

---

[1]) См. объ этомъ обстоятельную монографію о. Ник. Лащенка, основанную на данныхъ Харьковскаго консисторскаго архива («Харьковскій Сборникъ» на 1887-й годъ, стр. 53—64).

[2]) Ibidem, стр. 63; Вас. Наз. ставилъ своею цѣлью нравственно вліять на учениковъ и съ этою цѣлью сочинилъ даже особый катехизисъ, отрывки изъ котораго имѣются и въ печати.

[3]) Письмо къ губ. Бахтину («Рус. Стар.», 1871, т. 3-й, стр. 358). Изъ одного письма къ Вас. Наз. видно, что онъ обращался къ учредителю и ректору земледѣльческаго училища въ г. Гофвилѣ Эмилію Фелленбергу съ предложеніемъ послать къ нему для обученія нѣсколькихъ мальчиковъ, по всей вѣроятности лучшихъ воспитанниковъ Кручанской школы; см. «Сѣв. Пчелу» 1860, № 92.

[4]) «Сѣверная Пчела», 1860, № 92.

тѣхъ благодѣтельныхъ наставленій дражайшаго нашего, въ Бозѣ почивающаго, благодѣтеля, которыя сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ по истинной, страстной приверженности моей. Вѣчно буду сожалѣть на южный берегъ (Крыма), который лишилъ нашего благодѣтели и присвоилъ къ своему поприщу. Во всякомъ мѣстѣ да наслѣдуетъ благодѣтель нашъ царствія небеснаго. Не надѣюсь я до смерти моей осчастливиться видѣть подобія въ мірѣ семъ, кольми паче при такомъ аристократическомъ управленіи въ Кручикѣ (по смерти В. Н., крестьяне его начали быть управляемы на манеръ *общій*, не такъ, какъ было при немъ). Лишась генія правды, истиннаго патріота и друга человѣчества, отверзлись врата неправды и совершенно ликуетъ несправедливость, страждутъ сироты и плачутъ юные воспитанники; страдальцы выглядываютъ отрады, но нѣтъ ея здѣсь,—она покоится въ лонѣ Авраамлѣ!.. [1]). Самъ Василій Назаровичъ старался пропагандировать свои гуманныя идеи въ обществѣ путемъ печати. Въ статьѣ по поводу открытія палаты государственныхъ имуществъ онъ выражаетъ большое удовольствіе, что отнынѣ будетъ кому заботиться о матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересахъ государственныхъ крестьянъ—призрѣвать сиротъ, устраивать училища съ преподаваніемъ грамоты и ремеслъ [2]) и т. п. О широкомъ пониманіи имъ идеи образованія свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что уже въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, въ разгаръ крѣпостнаго права, онъ писалъ о необходимости образованія для женщинъ средняго и даже низшаго сословія. „Матери, говоритъ онъ, суть первоначальныя и лучшія наставницы; прилежная домосѣдка мать имѣетъ больше удобности и времени заниматься образованіемъ своихъ дѣтей. Слѣдовательно, она будетъ дѣйствовать на потомство“ [3])! Василій Назаровичъ проектировалъ въ Харьковѣ устройство *женскаго* ремесленнаго училища, изъ котораго выходили бы частью народныя учительницы, а частью мастерицы, экономки. Изъ предметовъ здѣсь должны были преподаваться—катехизисъ, русскій языкъ, начала ариѳметики; но главное вниманіе предполагалось обратить на работы—огородничество, шитье бѣлья, вышиванье, тканье ковровъ, приготовленіе варенья [4]). Мысль Каразина осуществилась уже въ наше время съ устройствомъ извѣстной ремесленной школы общества грамотности. Не забудемъ, что эти передовыя идеи развивалъ не юноша, а 69-ти-лѣтній старецъ за годъ до своей смерти.

---

[1]) «Сѣверная Пчела» 1860, № 92.

[2]) Приб. къ «Харьк. Губ. Вѣд.» 1839, № 1, стр. 1—2.

[3]) Приб. къ «Харьк. Губ. Вѣд.» 1839, № 34, стр. 234.

[4]) Приб. къ «Харьк. Губ. Вѣд.» 1841, № 3, стр. 21—23.

Замѣчательна и смерть В. Н. Каразина: въ глубокой старости, 70-ти лѣтъ отъ роду, онъ добровольно вызвался ѣхать въ Крымъ для того, чтобы испробовать на мѣстѣ усовершенствованный имъ способъ винодѣлія; во время разъѣздовъ на перекладной въ осеннюю непогодь онъ простудился и умеръ отъ горячки въ г. Николаевѣ: умеръ за работой на пользу русскаго общества, которому служилъ всю свою жизнь. Достойный конецъ достойной трудовой жизни!

Не смотря на свои 70 лѣтъ, онъ до самой смерти сохранилъ свои выдающіяся способности; его послѣдняя работа „Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія“ [1]) блещетъ и остротою ума, и наблюдательностью, и недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ автора. Въ началѣ ея помѣщено краткое предисловіе, въ которомъ вполнѣ сказался Каразинъ. „Не все, что говорится или пишется съ добрымъ намѣреніемъ, говоритъ В. Н., бываетъ принято благосклонно. Но это еще не должно останавливать благонамѣреннаго человѣка. Ибо онъ не долженъ имѣть никакой личной цѣли. Къ тому-жъ мнѣ отъ роду уже 70 лѣтъ: поздно ожидать награды или осужденія!“ Онъ умеръ такимъ, какимъ былъ въ жизни—смѣлымъ поборникомъ правды и общаго блага.

Смерть его не прошла незамѣченной въ общей прессѣ; но любопытно, что въ Харьковѣ ее замолчали. Въ тогдашнихъ „Моск. Вѣд.“ мы находимъ слѣдующій некрологъ его [2]): „мы получили изъ Николаева прискорбное извѣстіе о послѣдовавшей тамъ 4 ноября въ 8 час. пополудни кончинѣ члена многихъ ученыхъ обществъ и правителя дѣлъ Филотехническаго общества статскаго совѣтника В. Н. Каразина, одного изъ людей истинно замѣчательныхъ въ исторіи просвѣщенія Россіи. Науки и особенно естественныя потеряли въ немъ ревностнаго поборника. Мы надѣемся сообщить въ непродолжительномъ времени его біографію и ограничимся теперь только припоминаніемъ, что въ первые годы царствованія блаженной памяти Императора Александра I-го, удостоенный личной довѣренности Его Величества, В. Н. Каразинъ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія. Ему же собственно Харьковскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ... Всю жизнь свою посвятилъ онъ опытамъ и примѣненіямъ наукъ естественныхъ, а особенно химіи, и практической пользѣ общества и сдѣлалъ множество открытій, которыхъ важность не всегда была оцѣнена. На этомъ поприщѣ, одушевленный *пламенной*

---

[1]) «Моск. Вѣдом.», 1842 г., № 101.

[2]) Ibidem.

любовью къ отечеству, онъ дѣйствовалъ до самыхъ преклонныхъ лѣтъ своихъ съ неутомимымъ самоотверженіемъ и съ изумительною ревностью. Нынѣшнимъ еще лѣтомъ онъ былъ въ Одессѣ и выѣхалъ отсюда въ Крымъ для произведенія, по приглашенію министра государственныхъ имуществъ, опытовъ надъ однимъ изъ тысячи своихъ предположеній—улучшеніемъ русскихъ винъ... Жители Харькова, гдѣ онъ преимущественно жилъ и дѣйствовалъ, не забудутъ всего того, что онъ сдѣлалъ къ процвѣтанію ихъ города, и память объ немъ сохранится между ними, какъ объ одномъ изъ полезнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ согражданъ".

В. Н. Каразинъ при жизни былъ хорошо извѣстенъ представителямъ Московскихъ литературныхъ кружковъ: его зналъ Калайдовичъ, проводившій съ нимъ время въ бесѣдахъ о словесности; въ этихъ разговорахъ между прочимъ Василій Назаровичъ постоянно ратовалъ противъ крѣпостнаго права въ его тогдашнихъ формахъ: извѣстный литераторъ С. Т. Аксаковъ называлъ Каразина „Посошковымъ новаго времени". М. П. Погодинъ говорилъ, что В. Н. Каразинъ „есть лицо, недостаточно еще оцѣненное въ русской исторіи". Особенно дружественныя связи установились между Василіемъ Назаровичемъ и Погодинымъ. Познакомились они въ 1828 г. и такъ сблизились, что Каразинъ, выѣхавъ изъ Москвы, писалъ Погодину „обязательная ваша привѣтливость ко мнѣ въ проѣздъ мой черезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти". Впослѣдствіи ихъ еще болѣе сблизили общіе научно-литературные интересы. В. Н. Каразинъ передалъ Погодину для напечатанія одну чрезвычайно важную рукопись—(Кирилова. „Цвѣтущее состояніе русскаго государства 1727 г."). Затѣмъ В. Н. Каразинъ принималъ живое нравственное и литературное участіе въ издаваемыхъ Погодинымъ журналахъ—Московскомъ Вѣстникѣ и Москвитянинѣ. По словамъ біографа Погодина г. Барсукова, В. Н. оказалъ даже вліяніе на развитіе славянскихъ симпатій Погодина. И дѣйствительно, напечатавъ въ 1868 г. записку Каразина объ освобожденіи Сербовъ, Погодинъ прибавляетъ: „Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностью горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ" [1]) въ началѣ 70-хъ годовъ въ своемъ письмѣ къ Н. А. Лавровскому Погодинъ далъ слѣдующій замѣчательный отзывъ о Вас. Назаровичѣ: „Харьковскій университетъ, по моему мнѣнію (между нами), долженъ засвидѣтельствовать свою благодарность своему почти основателю. Наступающее столѣтіе по его рожденіи дастъ вамъ прекрасный поводъ подать мысль о памятникѣ, въ родѣ того, какъ поставленъ

[1]) Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 3-я, стр. 203—206.

Вилье. Вѣроятно, университетъ вѣдь назначитъ торжественное засѣданіе. Члены съ вами согласятся, и вотъ доброе начало, которое по пословицѣ составляетъ всегда уже половину дѣла. Журналы и газеты поддержатъ мнѣніе. Я зналъ лично Василія Назаровича. Это былъ рьяный ревнитель добра, съ богатымъ воображеніемъ, огромными свѣдѣніями, изобрѣтательный, въ высшей степени образованный, со словомъ сильнымъ и убѣдительнымъ [1]). Интересенъ еще отзывъ о Вас. Наз. Харьковскаго литературнаго дѣятеля И. Бецкаго, близко стоявшаго къ Погодину и его „Москвитянину". Для того чтобы оцѣнить его по достоинству, нужно знать, что Бецкій отличался вообще самостоятельностью, прямотою и даже рѣзкостью въ сужденіяхъ. Вотъ что писалъ онъ изъ Харькова Погодину 13 января 1843 года: „безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный старикъ. Миръ праху твоему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, не угасавшей въ дни дряхлой старости. И теперь вообразите: пріѣзжаю ко вдовѣ и вижу этотъ *дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой безпокойной—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о библіотекѣ, объ автографахъ, о бумагахъ. Все это досталось какимъ то нелѣпымъ наслѣдникамъ. Дневникъ его—это, ей, ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ, для всякаго, кто зналъ, что это былъ за человѣкъ феноменъ покойникъ. Мнѣ кажется, если бы В. Н. былъ бы не въ Харьковѣ и если бы обстоятельства не передѣлали на выворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ бы много, много принести пользы, при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ; я съ особеннымъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни, потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей" [2]). Тутъ отдается должное и выдающемуся уму Вас. Наз., и его безкорыстнымъ трудамъ на пользу общества; мало того—ясно сквозитъ и чувство жалостливаго участія къ покойнику, вызванное быть можетъ, желаніемъ загладить впечатлѣніе перваго несовсѣмъ справедливаго отзыва о Каразинѣ [3]).

---

[1]) Письмо М. П. Погодина къ Н. А. Лавровскому (ненапечатанное; автографъ переданъ мнѣ акад. Н. А. Лавровскимъ).

[2]) Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 6-я, стр. 313—314.

[3]) Бецкій навѣстилъ Каразина въ 1841 г., по просьбѣ М. П. Погодина, и вынесъ неблагопріятное впечатлѣніе изъ этого посѣщенія: его непріятно поразила излишняя разговорчивость Вас. Наз. и онъ юмористически описываетъ ее въ письмѣ къ Погодину; см. Н. Барсукова. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6-я, стр. 65—66.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ появился о Вас. Наз-чѣ такой отзывъ въ „Современникѣ“ лица, повидимому, хорошо знавшаго его: „что-бъ о немъ не говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, но одно не подлежитъ сомнѣнію: рано или поздно Харьковъ да и вся Украйна отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда то сильному вліянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ: Имъ было созвано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ... Ни одна отрасль наукъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни, онъ вездѣ былъ дома, по крайней мѣрѣ теоретически. Это былъ умъ, жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности... Нетерпѣливый и отвлеченно теоретическій, Василій Назаровичъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода дѣлалали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго. Онъ весь, и самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни... Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевленную его во всю жизнь, съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности“ [1]).

Сознаніе о важности услугъ, оказанныхъ В. Н. Каразинымъ русскому обществу и особенно Харьковскому краю, между тѣмъ все болѣе и болѣе возрастало и нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ научныхъ трудовъ, посвященныхъ его жизни и дѣятельности. Въ 1860 г. извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ біографію В. Н. Каразина, а въ 1866 году перепечаталъ ее въ дополненномъ видѣ въ сборникѣ „Украинская Старина“. Эта работа и въ настоящее время является самымъ полнымъ сводомъ біографическихъ и библіографическихъ данныхъ о Каразинѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ проф. Н. А. Лавровскій, въ своихъ изслѣдованіяхъ [2]) по исторіи Харьковскаго университета, отвелъ не мало мѣста и В. Н. Каразину. Онъ прямо говоритъ, что „г. Харьковъ несомнѣнно обязанъ существованіемъ въ немъ университета В. Н. Каразину“.

---

[1]) Приведенъ у Гр. П. Данилевскаго, стр. 109—110.

[2]) См. «Вас. Наз. Каразинъ и открытіе Харьк. университета». («Жур. Мин. Нар. Просв.» 1872, январь и февраль) и его же «Воспоминаніе о Вас. Наз. Каразинѣ». («Жур. Мин. Нар. Просв.» 1873, февраль).

Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у него слѣдующую характеристику Каразина: „онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, одушевленъ былъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едва ли позволительно отказать ему въ беззавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы — большей части коихъ такъ и не суждено было осуществиться—имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественнаго порядка“ [1]). Въ „Русской Старинѣ“ за 1870—1875 г. опубликовано сыномъ Василія Назаровича, Филадельфомъ Васильевичемъ, значительное количество матеріаловъ для его біографіи [2]); ему же принадлежитъ и опытъ біографіи, представляющій для насъ интересъ, не только по взглядамъ, сколько по богатству новыхъ фактическихъ данныхъ [3]). Въ послѣднее время и въ мѣстныхъ Харьковскихъ изданіяхъ стали печататься матеріалы и статьи о В. Н. Каразинѣ [4]). Наконецъ, въ извѣстномъ изданіи Павленкова (знаменитыхъ дѣятелей) появилась популярная біографія В. Н. Каразина (составлена г. Абрамовымъ); г. Абрамовъ считаетъ Василія Назаровича однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей [5]).

Мы въ своей рѣчи старались дать не панегирикъ, не похвальное слово, а матеріалы для объективнаго и мотивированнаго сужденія о заслугахъ В. Н. Каразина передъ русскимъ обществомъ. И вотъ наши выводы. Имя Василія Назаровича начертано крупными, неизгладимыми

---

[1]) «Жур. Мин. Нар. Просв. 1873, февраль, стр. 295.

[2]) Подобные же матеріалы появились еще раньше (въ шестидесятыхъ годахъ) на страницахъ «Чтеній Моск. Общества Исторіи и Древностей».

[3]) См. въ «Рус. Старинѣ» 1875 г. (февраль, май, сентябрь, октябрь, ноябрь) статью подъ заглавіемъ «Вас. Наз. Каразинъ, основатель Харьк. университета»; она подписана такъ: «воспитанникъ Харьковскаго университета 20-хъ годовъ»; но содержаніе ея, а въ особенности сравненіе съ имѣющимися въ моихъ рукахъ письмами Филадельфа Васильевича къ Н. А. Лавровскому не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ принадлежности ея сыну Вас. Назаровича.

[4]) Разумѣемъ прекрасную работу о. Ник. Лащенка «Вас. Назар. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручика» («Харьк. Сборн.» на 1887-й годъ) и замѣтку редакціи «Харьк. Сборн.» по поводу ея (ibidem); ср. также записки Ярославскаго (тамъ же и въ болѣе полномъ видѣ въ «Кіев. Стар.» за 1887-й г.); кое какіе матеріалы для біографіи Вас. Наз. и его отца напечатаны проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ и мною въ «Сборникѣ Харьк. Историко-Фил. Общества», т. 3-й.

[5]) См. *мою* рецензію на эту книжку въ «Кіевской Старинѣ» 1891, іюнь, стран. 499 - 503.

чертами въ исторіи мѣстной Харьковской культуры и образованности. Харьковскій университетъ ему обязанъ своимъ началомъ—и этой одной заслуги было бы вполнѣ достаточно, чтобы благодарная память о немъ перешла въ потомство. Городъ Харьковъ, получившій университетъ раньше Петербурга, Кіева и Казани, въ значительной степени Каразину обязанъ своимъ дальнѣйшимъ ростомъ и развитіемъ. Не будь этого, онъ долго бы еще оставался въ своемъ первобытномъ состояніи. Каразинъ знаменуетъ собою пробужденіе общественнаго и научно-литературнаго духа на Украинѣ, пользы которой въ его представленіи были неотдѣлимы отъ интересовъ всей Россіи. Не можетъ остаться незамѣченной его дѣятельность и въ исторіи общерусскаго просвѣщенія: не малую услугу оказалъ онъ ему своей идеей особаго министерства народнаго просвѣщенія. Наконецъ Каразинъ пріобрѣлъ себѣ право на всеобщее вниманіе своимъ необыкновеннымъ умомъ и способностями: этотъ самоучка дворянинъ постоянно шелъ впереди своего вѣка и предлагалъ то, что и въ настоящее время составляетъ еще pium desiderium.

Такимъ образомъ, мы, вмѣстѣ съ Г. П. Данилевскимъ, М. П. Погодинымъ и Н. А. Лавровскимъ, думаемъ, что В. Н. Каразинъ заслужилъ себѣ *памятникъ* въ Харьковѣ. Мы говоримъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, зная прекрасно, что дѣятельность Василія Назаровича и въ особенности его характеръ возбуждали подъ часъ нареканія и нападки. Вникая внимательнѣе въ эти отрицательные отзывы, мы легко открываемъ общій источникъ ихъ происхожденія; это были *пересуды* современниковъ, попавшіе въ печать и оказавшіе извѣстное вліяніе на сужденія о личности Каразина и со стороны потомства. Это были своего рода народныя легенды, сочиненныя безымянными авторами, нерѣдко сводившими такимъ путемъ счеты съ непріятнымъ человѣкомъ. Судьба Каразина, сама по себѣ довольно необычайная, давала имъ благодарныя темы и гарантировала успѣхъ ихъ сочиненій въ публикѣ. И петербургская бюрократическая среда (гдѣ пришлось первоначально дѣйствовать Василію Назаровичу), и Харьковская провинціальная были очень падки къ различнаго рода сенсаціоннымъ слухамъ о человѣкѣ, котораго такъ высоко выдвинулъ „случай“. Въ глазахъ высшаго петербургскаго общества, особенно придворнаго, Василій Назаровичъ являлся выскочкой, котораго необходимо было во что бы то ни стало дискредитировать въ глазахъ Государя, иначе онъ могъ сдѣлаться очень опаснымъ. Особенное нерасположеніе и тайный страхъ должны были чувствовать къ нему старые государственные дѣятели. Выразителемъ подобныхъ взглядовъ на Каразина явился въ своихъ запискахъ извѣстный Державинъ, занимавшій въ царствованіе Александра I-го высокій постъ ми-

нистра юстиціи. Онъ набросилъ сильную тѣнь на нравственную сторону личности Василія Назаровича, назвавъ его умнымъ человѣкомъ, „но не весьма завидной честности“; основаніемъ же для такого отзыва послужилъ *слухъ* о желаніи Василія Назаровича жениться на богатой невѣстѣ Надаржинской; Державинъ ставитъ въ вину Каразину то обстоятельство, что онъ въ дѣлѣ наслѣдства этой дѣвицы сталъ дѣйствовать въ ея пользу, желая будто бы сдѣлать ей впослѣдствіи предложеніе и получить въ приданое за ней ея огромное состояніе. Но въ данномъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ достовѣрнымъ событіемъ, а съ легендой, которая вводитъ насъ въ область гадательныхъ недоказанныхъ предположеній и темныхъ слуховъ, не поддающихся провѣркѣ. Самъ Державинъ говоритъ, что дѣло Надаржинской было правое и онъ самъ рѣшилъ его въ ея пользу, значитъ Каразинъ стоялъ также за правое дѣло; и если даже допустить, что *раньше* онъ былъ другого мнѣнія (хотя это ничѣмъ не доказывается), то и тогда не зачѣмъ будетъ дѣлать непремѣнно худшаго предположенія: онъ могъ также ошибаться, какъ и Зубовъ, дѣйствовавшій совершенно безкорыстно, bona fide, и тѣмъ не менѣе представившій докладъ Государю въ пользу противника Надаржинской—Кондратьева; дѣло было очень запутанное и на него возможны были разныя точки зрѣнія [1]); при томъ Каразинъ вовсе не былъ знакомъ съ Надаржинской, которой, кстати сказать, въ то время было всего только 13 лѣтъ. Фактъ сватовства Каразина на Надаржинской не установленъ. Державинъ, по петербургскимъ слухамъ, говоритъ только о намѣреніи его посвататься за нее, у Ярославскаго [2]) же (въ его запискахъ), этотъ эпизодъ получаетъ дальнѣйшія мѣстныя (Харьковскія) подробности и прибавки, весьма сомнительныя и отчасти опровергаемыя другими данными. Мы объясняемъ происхожденіе всѣхъ этихъ слуховъ тѣмъ, что Каразинъ въ это время заявилъ себя, какъ ревнитель правды и искоренитель злоупотребленій и тѣмъ поддерживалъ особое довѣріе къ себѣ Государя; самому Державину пришлось производить слѣдствіе надъ Калужскимъ губернаторомъ Лопухинымъ, по поводу его злоупотребленій, открытыхъ В. Н. Каразинымъ и доказанныхъ несомнѣнными данными; это безпокойная дѣятельность по части искорененія неправды и близость къ Государю, естественно, вызы-

---

[1]) Вопросъ заключался въ томъ, что Надаржинская родилась только 2 мѣсяца спустя послѣ законнаго брака своихъ родителей; но дядя (Кондратьевъ), оспаривавшій потомъ законность ея рожденія, называлъ ее все время племянницей; родители также считали ее законной своей наслѣдницей; см. Записки Г. Ром. Державина. М. 1860, стр. 452—454, 443—451.

[2]) См. «Харьковскій Сборникъ» на 1887-й годъ и «Кіев. Стар.» 1887 года.

вали зависть и желаніе набросить тѣнь на самаго ревнителя правды; дѣло Надаржинской, въ которомъ Василій Назаровичъ опять таки хотѣлъ заявить себя правдолюбцемъ, подало прекрасный поводъ приписать ему такія намѣренія, какихъ у него и не было, чтобы тѣмъ дискредитировать его въ глазахъ общества и Государя; при томъ самъ Каразинъ могъ помочь своимъ недругамъ излишнею горячностью въ защитѣ интересовъ Надаржинской... и горячность эта могла дѣйствительно казаться подозрительной. Невинное примѣненіе химическаго фокуса къ акціямъ Филотехническаго общества породило также неблагопріятные для Каразина слухи въ Харьковѣ и нашло себѣ выраженіе въ запискѣ Анастасевича [1]). Своеобразное сочетаніе консервативныхъ и либеральныхъ взглядовъ вызвало въ свое время злую эпиграмму Воейкова, а въ наши дни

---

[1]) Дѣло въ томъ, что В. Н. Каразинъ выпустилъ акціи Филотехническаго общества, которыя давали дивидендъ (впрочемъ изъ его собственныхъ средствъ); на этихъ акціяхъ химическимъ составомъ написанъ былъ тайный знакъ, указывавшій срокъ уплаты процентовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее объявленіе самого В. Н. Каразина: «за долгъ поставляется просить тѣхъ особъ дворянства и купечества, которые имѣютъ акціи, чтобы они не пропускали предъявлять ихъ въ назначенные сроки. Химическія чернила, коими написаны секретные на нихъ знаки, относительно къ срокамъ процентовъ, по прошествіи мѣсяца послѣ срока, сами собой начинаютъ обнаруживаться и слѣдовательно подвергаютъ акцію сомнѣнію. Впрочемъ сіе обстоятельство теперь, при началѣ общества нашего, по малому еще числу акцій и по извѣстности особъ, у которыхъ онѣ большею частью находятся, конечно имѣть мѣста не можетъ. Само собою разумѣется, что мѣра сія изобрѣтена не для нынѣшняго первоначальнаго времени. Всѣ акціи признаются теперь имѣющими свое достоинство»... Вас. Наз. оказался тутъ просто непрактичнымъ: онъ, во 1-хъ, принялъ такую мѣру, въ которой на первыхъ порахъ, по его же словамъ, не было никакой надобности, а во 2-хъ, повидимому, не предусмотрѣлъ того, что знаки могутъ обнаружиться не во время, отъ теплоты карманной книжки, гдѣ ихъ носили, объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ прямо говоритъ Анастасевичъ. Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ нѣсколько иначе объясняетъ цѣль этихъ тайныхъ знаковъ; въ письмѣ къ Н. А. Лавровскому онъ между прочимъ пишетъ: «акціи эти у меня сохранились; посылаю вамъ одну. Причина, по которой дѣлался въ клѣточкахъ знакъ химическими чернилами объяснена: «желаніе установить довѣріе публики и обезпечить капиталъ нашего общества сдѣлало необходимою сію мѣру», сказано въ концѣ оборотной стороны. Сумма денегъ, внесенныхъ по акціи, могла быть различна, начиная отъ 100 руб.; писалась она въ продолговатомъ квадратѣ на первой страницѣ. Чтобъ устранить подлогъ, который не трудно было сдѣлать по простотѣ акцій, эта сумма или соотвѣтствующій ей знакъ, извѣстный Каразину, выставлялся на оборотной сторонѣ акціи секретными чернилами. Выводъ ихъ наружу доказывалъ несомнѣнн. подлогъ. И эта прекрасная предосторожность истолкована, какъ фальшъ Каразина!.. Выпускъ акцій былъ обезпеченъ частью недвижимаго имѣнія Каразина, которое и было продано съ аукціона на удовлетвореніе кредиторовъ»... Очень вѣроятно, что

неудовольствіе историка крестьянскаго сословія В. И. Семевскаго [1]). Вотъ въ сущности и всѣ пятна (въ значительной степени мнимыя) на свѣтломъ фонѣ дѣятельности Каразина. Допускаемъ, что современемъ могутъ открыться еще какіе нибудь отрицательные отзывы о немъ. Даже увѣрены въ томъ, что это случится, потому что Василій Назаровичъ принадлежалъ къ людямъ съ рѣзко очерченной умственной и нравственной физіономіей; у него было много страстныхъ поклонниковъ и друзей, но еще больше враговъ и хулителей.

Основной чертой его *характера* является страстность, несдержанность, порывистость. Не даромъ современники называли его tête chaude (горячей головой) [2]). И все это, по нашему мнѣнію, объясняется его происхожденіемъ и наслѣдственностью: въ его жилахъ текла южная горячая кровь. Извѣстно, какихъ приключеній исполнена была жизнь его отца на военномъ поприщѣ. Намъ удалось найти данныя, доказывающія, что такимъ же неугомоннымъ-несдержаннымъ оставался отецъ его и въ роли помѣщика сел. Кручика (разумѣемъ эпизодъ съ колоколомъ) [3]). У сына былъ также огромный запасъ энергіи, но только вся она была направлена на *мирное* служеніе общественному благу. Отстраненный съ одного поприща, онъ немедленно же переходитъ къ другому и обнаруживаетъ здѣсь такую же изумительную дѣятельность, какъ и на прежнемъ. Василій Назаровичъ самъ сознался однажды, что въ его жилахъ кипѣла отцовская кровь. Предлагая себя немедленно послѣ опалы въ эмиссары русскаго правительства для поддержанія сербскаго возстанія, онъ говоритъ: „отецъ мой, Екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла. Тоже могу сдѣлать и я, имѣя *при неменьшей*, можетъ быть, *отважности*, гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями“ [4]). Мы выше замѣтили, что Василій Назаровичъ обла-

---

В. Наз. своими тайными знаками преслѣдовалъ двоякую цѣль—и ту, о которой говоритъ самъ, и ту, о которой говоритъ его сынъ. Акція, отправленная Филадельфомъ Васильевичемъ Николаю Алексѣевичу Лавровскому, передана имъ мнѣ и хранится нынѣ въ числѣ другихъ документовъ Каразинскаго комитета; см. «Украинскую Старину», стр. 169; Записка Анастасевича («Чтенія Моск. Общ., 1861, III, стр. 197); письма Филадельфа Васильевича къ Ник. Ал. Лавровскому переданы мнѣ этимъ послѣднимъ, за что мы и приносимъ ему глубокую благодарность.

[1]) См. соч. В. И. Семевскаго «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой пол. XIX в.», т. 1-й; въ эпиграммѣ Воейкова В. Н. Каразинъ называется хамелеономъ.

[2]) «Рус. Старина» 1871, т. 3-й, стр. 710—711.

[3]) См. *мою* статью «Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколъ» («Кіев. Старина» 1892, декабрь).

[4]) «Русск. Старина» 1871, т. 3-й, стр. 703—704.

далъ огромнымъ умомъ. Но это не былъ холодный умъ практика; это былъ безпокойный умъ надѣленнаго пылкой фантазіей изобрѣтателя. Воображеніе у него господствовало надъ разсудкомъ и влекло его все къ новымъ и новымъ мечтаніямъ и предпріятіямъ, въ которыя самъ онъ искренно и глубоко вѣрилъ. Отсюда и грандіозность его проектовъ, служившая причиной не пригодности многихъ изъ нихъ къ дѣлу; отсюда его непрактичность, вызывавшая не разъ улыбку на устахъ холодныхъ практиковъ. Припомнимъ его мечты о томъ, какое вліяніе будетъ имѣть Харьковскій университетъ на всю южную Россію; вспомнимъ его предсказаніе, что г. Харьковъ сдѣлается новыми Аѳинами. Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи письмо его къ министру иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторысскому, о необходимости поддержать сербское возстаніе. Начавъ описывать будущіе предѣлы славянства, онъ прерываетъ свою рѣчь и говоритъ: „но какъ опредѣлить географическія границы, среди *восторга*, который меня обнимаетъ! Въ упоеніи восторга я вижу этотъ народъ (славянъ), столь способный еще быть управляемымъ чувствомъ моральнымъ, не существующимъ уже, увы! для насъ“ [1]). Эта *восторженность* характеризуетъ почти всѣ его сочиненія. А его письма къ Императору Александру I-му, въ которыхъ онъ самъ себя называетъ „сельскимъ мечтателемъ“ и признается въ своей наивности [2])? Такимъ же мечтателемъ оказывался онъ и въ собственной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить его Филотехническое общество, которое должно было давать дохода--не менѣе какъ по 6% на акцію. Впрочемъ нужно замѣтить, что этотъ крайній идеализмъ больше всего принесъ вреда ему самому. Какъ человѣкъ прямой, искренній, Василій Назаровичъ всегда и всѣмъ говорилъ то, что думалъ, не дѣлая даже исключенія для царей. Судьба, казалось, въ началѣ благопріятствовала ему, поддерживала въ этомъ „правдоговореніи“, даже вознесла его за это на высоту, о которой едва ли могъ мечтать даже онъ, при всей своей пылкой фантазіи; но эта же судьба и низвергла его съ высоты. А падать, какъ извѣстно, труднѣе чѣмъ подниматься. При томъ онъ чувствовалъ въ себѣ огромный запасъ силъ. И вотъ начинается дѣятельность на новомъ болѣе узкомъ поприщѣ—научномъ. Между тѣмъ натура беретъ свое; пылкая фантазія рисуетъ ему возможность чуда: ему вѣрится, что его снова потребуютъ *туда*, на верхъ, откуда исходитъ все, гдѣ можно развить широкую дѣятельность на пользу общую [3]). Въ результатѣ—неудача, злорадство вра-

[1]) «Русск. Старина» 1871, т. 3, стр. 716—717.

[2]) «Рус. Старина», 1875, ноябрь, стр. 471.

[3]) Въ этомъ отношеніи любопытно письмо, написанное Вас. Назаровичемъ въ 1814 году извѣстному Аракчееву. Препровождая ему отчетъ Филотехническаго обще-

говъ, Шлиссельбургъ, невольное затворничество въ Кручикѣ... Тяжело было душевное состояніе Василія Назаровича въ послѣдніе годы. Всю свою долгую жизнь онъ посвятилъ пользамъ Россіи, своего края—и этого рвенія и усердія современники по достоинству не оцѣнили или, что еще хуже, забыли о нихъ. Это его глубоко оскорбляло, заставляло страдать. Не могъ онъ, при своей живости, впечатлительности, оставаться равнодушнымъ къ *неуспѣхамъ* своихъ начинаній—неудачи причиняли ему страданія. Другой на его мѣстѣ ушелъ бы отъ дѣлъ, отъ общества; но онъ не могъ этого сдѣлать, если бы даже хотѣлъ: у него было слишкомъ много энергіи и живучести; въ 70 лѣтъ онъ сохранилъ еще живость ума и чувства [1]). Онъ по прежнему искалъ дѣла, но только не желалъ уже ни похвалы, ни осужденія современниковъ, ибо не вѣрилъ въ ихъ безпристрастіе. Это душевное настроеніе ярко выразилось въ предсмертномъ письмѣ его къ Погодину. „Кто знаетъ, пишетъ онъ ему, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги своею рукой объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго воспитанія, которое нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? *Насилу* проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ де подалъ мысль къ основанію такого то университета. И только то!! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединенія уніатовъ, которое совершилось спустя болѣе 30 лѣтъ?... Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами (заключенными въ трубкахъ), которое теперь произведено въ Берлинѣ въ тамошней библіотекѣ.—Право скучно и писать, не только жить въ

ства, Каразинъ писалъ: «можетъ быть, захотите сдѣлать мнѣ благодѣяніе сообщеніе Его Августѣйшему покровителю нашего общества, покровителю нѣкогда и моему, удостоивавшему меня милостей болѣе нежели обыкновенныхъ,—пока напослѣдокъ несчастное для меня стеченіе клеветы и собственной неосторожности... Не продолжаю, сіятельнѣйшій графъ, опасаясь залить слезами бумагу, на которой я пишу. Но и въ нынѣшнемъ положеніи моемъ я продолжаю тоже самое стремленіе, которое Имъ однажды было одобрено: «часъ отъ часу болѣе удостовѣряюсь, что мы съ вами согласуемся въ образѣ нашихъ мыслей и чувствованій. Продолжайте и будьте увѣрены, что я умѣю цѣнить подвигъ, влекущій васъ». Вотъ драгоцѣнныя подлинныя слова одного изъ его писемъ ко мнѣ, маловажному Его подданному! Дѣйствіе ихъ продолжается донынѣ въ моемъ сердцѣ. Я иду впередъ съ малыми надеждами, безъ всякой донынѣ подпоры, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремнинами и терніями заросшими. Я льщусь принести нѣкогда, можетъ быть, не прежде какъ уже по смерти своей пользу дражайшему отечеству. И тогда уповаю быть оправданъ»!... Н. Бочарова. Памяти В. Н. Каразина («Моск. Иллюстр. газета», 1892 г. № 307).

[1]) О живости чувства свидѣтельствуетъ письмо его къ супругѣ, писанное не за долго до смерти на 70-мъ году жизни.

этомъ мірѣ. Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ хоть для потомства?“ Думалъ ли Каразинъ, прибавляетъ отъ себя Погодинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи [1]). И этотъ человѣкъ, обладавшій огромной вѣрой въ жизнь и людей, въ концѣ своего земнаго поприща потерялъ ее и расчитывалъ только на нелицепріятный судъ потомства.

Теперь пора дать ему этотъ судъ, милостивые государи и милостивыя государыни! Прошло уже 50 лѣтъ со дня его смерти. На нашей нравственной обязанности лежитъ оцѣнка подвиговъ его ума, слова и дѣла. Пожелаемъ же, чтобы эта оцѣнка нашла себѣ основаніе въ собраніи его сочиненій и посвященныхъ имъ изслѣдованіяхъ, чтобы изъ книгъ и изслѣдованій она перешла въ живое сознаніе общества и затѣмъ воплотилась въ вещественныхъ и невещественныхъ памятникахъ. Пожелаемъ, чтобы Каразины почаще являлись въ нашемъ обществѣ, съ тѣмъ, чтобы толкать его впередъ по пути всяческаго прогресса, въ особенности по пути просвѣщенія, по тому пути, на которомъ, по вѣрному замѣчанію б. попечителя Потоцкаго, „остановиться—значитъ то же, что подаваться назадъ“. Пусть растетъ сочувствіе къ нашему университету со стороны всѣхъ классовъ населенія. Мечты В. Н. Каразина отчасти сбылись: Харьковскій университетъ въ теченіе 87 лѣтъ является уже просвѣтительнымъ центромъ „полуденной Россіи“; пусть же онъ свѣтитъ, пока земля стоитъ и солнце свѣтитъ и свѣтъ его все болѣе и болѣе разсѣиваетъ мракъ!

---

[1]) «Москвитянинъ» 1843, № 2, стр. 628—629.

V.

Поэтическіе опыты юныхъ Харьковскихъ поэтовъ въ первыхъ годахъ XIX столѣтія [1].

Общій характеръ и физіономія нашей средней школы замѣтно измѣнялись въ связи съ тѣми перемѣнами, которыя происходили въ жизни самого русскаго общества. Намъ въ настоящее время трудно, напримѣръ, и представить себѣ реально старинную гимназію времени Императора Александра I-го: такъ сильно разнится она отъ нынѣшнихъ и по своей программѣ, и по пріемамъ обученія, и по составу учащихся, и по нравамъ и обычаямъ самой педагогической среды.

Большими недостатками страдало въ то время *научное* преподаваніе, какъ это засвидѣтельствовано многочисленными признаніями самихъ же воспитанниковъ училищъ. Школа оставляла подъ часъ пробѣлы въ самыхъ существенныхъ элементарныхъ познаніяхъ. Но это восполнялось *литературною* школою, которую проходило большинство учащихся.

Вѣкъ Екатерины II-й, какъ извѣстно, оставилъ потомству значичительное литературное наслѣдство; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить имена Державина, Фонъ-Визина, Капниста, Новикова, Радищева, Богдановича, Хемницера, Хераскова, Княжнина; сама Императрица также чувствовала страсть къ писательству и оставила послѣ себя не мало сочиненій разнообразнаго научнаго и литературнаго содержанія. Она же сильно интересовалась и вопросами воспитанія. Прежній чисто утилитарный характеръ образованія, (начало которому было положено Петромъ Великимъ) теперь не удовлетворялъ уже передовыхъ людей русскаго общества; явилась мысль о необходимости кромѣ знаній давать еще и воспитаніе—умственное, нравственное и физическое. Во главѣ воспитательнаго дѣла былъ поставленъ Ив. Ив. Бецкій, идеи котораго были въ значительной степени восприняты и самой Императрицей. Къ сожалѣнію эти идеи были осуществлены на практикѣ только въ очень скромныхъ рамкахъ. Тѣмъ не менѣе Екатерининское

[1] «Харьк. Губ. Вѣд.» 1894, № 2.

царствованіе не прошло безслѣдно для русскаго образованія: оно оставило послѣдующей эпохѣ значительное количество такъ называемыхъ *народныхъ училищъ*—малыхъ и главныхъ; первыя устраивались въ уѣздныхъ городахъ, вторыя—въ губернскихъ. Эти училища правильнѣе называть, впрочемъ, не народными, а всесловными; при устройствѣ ихъ руководились гуманнымъ желаніемъ сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ классамъ общества, всему народу. При вступленіи на престолъ Императора Александра I-го народныя училища такого типа были разсѣяны уже почти по всей Россіи; находимъ ихъ мы въ это время и въ Харьковской губерніи и г. Харьковѣ.

Въ Харьковѣ до открытія университета высшимъ учебнымъ заведеніемъ былъ знаменитый Харьковскій Коллегіумъ, въ которомъ обучались дѣти не одного духовенства, но и другихъ классовъ общества. Программа предметовъ преподаванія въ Коллегіумѣ соотвѣтствовала его всесословному характеру и отличалась большою полнотою и разнообразіемъ. Не останавливаясь на ней, мы отмѣтимъ только одну характерную ея особенность—доминирующее значеніе въ низшихъ классахъ реторики и піитики, т. е. теоретическихъ основаній устной прозаической и стихотворной поэтической рѣчи. Преподаваніе этихъ предметовъ было тѣсно связано съ характеромъ самого коллегіума, какъ духовной школы по преимуществству. Но само собою разумѣется, что преподаваніе этихъ предметовъ не могло носить исключительно теоретическаго характера; оно постоянно сопровождалось практическими упражненіями учащихся въ элоквенціи и стихосложеніи. Въ Харьковскомъ Коллегіумѣ русскому языку (его грамматикѣ, реторикѣ и піитикѣ) было отведено очень видное мѣсто. Въ инструкціи ректору и префекту Коллегіума относительно преподаванія „россійсской элоквенціи и поэзіи“ рекомендовалось „читать краткое руководство къ краснорѣчію г. Мих. Ломоносова“, „при чтеніи онаго наблюдать красоту и чистоту штиля россійскаго и сколько возможно рекомендовать ученикамъ слѣдовать и подражать ему, не упуская ни одного слова безъ примѣчанія“, „для изъясненія примѣрами правилъ велѣть ученикамъ списать съ прилежнымъ наблюденіемъ орѳографіи такъ точно, какъ напечатано, одну или другую оду Ломоносова, а для ораторіи первое или второе слово его же Ломоносова и по его правиламъ реторическимъ и поэтическимъ разобрать, а если кто пожелаетъ, то и выучить наизусть и „для примѣра витіеватыхъ рѣчей, читать въ школѣ разныя надписи Ломоносова между печатными его сочиненіями“. При учрежденіи каѳедры россійскаго краснорѣчія и поэзіи (при епископѣ Самуилѣ) были отправлены въ Московскій университетъ двое студентовъ Коллегіума для слушанія лекціи по этому предмету съ

тѣмъ, чтобы по возвращеніи оттуда они могли сами преподавать его въ Харьковѣ.

Не удивительно, что, при такихъ условіяхъ, воспитанники Коллегіума дѣлали и самостоятельныя попытки въ составленіи рѣчей и поэтическихъ произведеній: изученіе и подражаніе образцамъ приводило и къ оригинальному творчеству. Само собою разумѣется, что эти опыты далеко не всегда отличались художественными достоинствами; въ иныхъ случаяхъ они могли вызвать только улыбку; а иногда несмотря на всѣ „муки творчества“, усилія не приводили ни къ какимъ результатамъ... Тѣмъ не менѣе для тѣхъ, у кого были какіе либо задатки литературнаго таланта, подобнаго рода упражненія не проходили безслѣдно: за первыми слабыми попытками являлись и болѣе зрѣлыя произведенія и изъ школьнаго писателя выходилъ подъ часъ заправскій поэтъ. Важно было то, что литературные интересы въ школѣ не только не притуплялись, а наоборотъ всячески поощрялись. Конечно, въ результатѣ этого являлось значительное количество бездарныхъ піитъ, труды которыхъ уже заранѣе были обречены на забвеніе. Но не слѣдуетъ, при оцѣнкѣ этого явленія, упускать изъ виду одного обстоятельства: литературныя занятія все таки поднимали такихъ лицъ, давали имъ идеальные интересы въ жизни и сохраняли ихъ чистыми отъ окружающей пошлости. Въ этомъ отношеніи представляется любопытнымъ сознаніе одного изъ такихъ именно *маленькихъ* писателей— Ст. Лук. Геевскаго (автобіографію его мы напечатали на страницахъ „Кіевской старины“). „Всѣ мои труды, говоритъ онъ, сколько они ни маловажны, принесли мнѣ ту пользу, что я въ нихъ находилъ отдыхъ отъ вседневныхъ занятій да, кромѣ того, подъ предлогомъ ихъ я могъ иногда уклоняться отъ омерзѣвшихъ мнѣ бесѣдъ. Боже мой! Да вѣдь еслибы мои литературные труды были и еще въ десять разъ ничтожнѣе, все таки пріятнѣе за ними провожу время, нежели въ сообществѣ тѣхъ, съ которыми столкнула меня немилосердная судьба“. Не говоримъ уже о томъ, какое огромное педагогическое значеніе имѣютъ первые опыты слова и пера для послѣдующей общественной дѣятельности учащагося. И нужно сознаться, что духовныя училища въ этомъ отношеніи всегда стояли выше свѣтскихъ. Въ частности и Харьковскій Коллегіумъ, судя по его программѣ и по нѣкоторымъ другимъ даннымъ, развивалъ у своихъ питомцевъ искусство устной и письменной рѣчи. Правда, направленіе литературныхъ вкусовъ въ то время было нѣсколько одностороннее—ода и панегирикъ пользовались уже слишкомъ большимъ значеніемъ—но не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду того обстоятельства, что ода, въ лицѣ великаго Державина, царила и въ

литературѣ, а авторитетомъ и образцомъ въ области ораторскихъ рѣчей былъ тотъ самый Мих. Ломоносовъ, руководство котораго по теоріи краснорѣчія господствовало въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. И вотъ, въ 1806 г. появляется въ печати книжечка, подъ заглавіемъ „изліяніе благодарныхъ чувствъ Его Сіятельству Кн. А. М. Голицыну, отъ питомцевъ Коллегіума, по случаю полученныхъ новыхъ милостей". Тутъ помѣщено два стихотворенія—„*Благость*" и „*Ручей*"; первое сочинено питомцами старшихъ классовъ, а второе—младшихъ. Во второмъ сначало изображаются благодѣянія, которыя доставляютъ ручей, а потомъ говорится такъ:

Кто, подобясь ручейкамъ,
Скрытно по лугамъ текущимъ,
Зелени всей жизнь дающимъ,
Дѣлаетъ добро людямъ;—
Кто щедроты изливаетъ
И сокрыть себя желаетъ,
Тотъ естъ истинный нашъ другъ;
Пронесется всюду слухъ
О дѣлахъ его полезныхъ
И о качествахъ небесныхъ
Всѣмъ потомство возвѣститъ,
Будешь ты, Голицынъ, жить
Безкорыстными дѣлами
Межъ великими мужами,
Въ храмѣ вѣчности и славы.

Нужно замѣтить, что кн. Голицыны были дѣйствительно постоянными благодѣтелями Коллегіума, который и самымъ своимъ существованіемъ обязанъ главнымъ образомъ щедрому пожертвованію одного изъ представителей этого рода; питомцы же Коллегіума, посвятившіе А. М. Голицыну вышеприведенное стихотвореніе, содержались въ немъ на его иждивеніи.

Въ слѣдующемъ, 1807 году, изданы были переводныя сочиненія воспитанниковъ Коллегіума, подъ редакціей ректора его прот. Прокоповича, именно рядъ статей нѣмецкаго писателя *Геллерта* по исторіи и теоріи словесности. (О вліяніи изящныхъ наукъ на сердце и нравы, о пользѣ правилъ краснорѣчія и поэзіи, о причинахъ, почему древніе превзошли въ краснорѣчіи и поэзіи новые народы). Въ 1798 г. питомцы

Коллегіума составили оду Имп. Павлу и въ ней изобразили программу преподаваемыхъ имъ наукъ:

„Здѣсь изъясняются нынѣ тайны Божества
Познаніе причинъ, наука естества;
Межъ риторствомъ простымъ и риторствомъ церковнымъ,
Здѣсь учатъ *составлять рѣчь родомъ стихотворнымъ*;
Здѣсь учатъ разумѣть, что мусикіи тонъ,
Здѣсь учатъ и тому, чему училъ Ньютонъ... и т. д.“.

Въ виду значительнаго числа учащихся, принадлежавшихъ свѣтскому классу общества, при Харьковскомъ Коллегіумѣ было открыто дня нихъ, 1768 г., особое отдѣленіе, такъ называемые „прибавочные классы“, гдѣ преподавались новые языки, математика, географія, рисованіе, инженерство, геодезія и артиллерія; существовали они до 1798 г., когда были присоединены къ открытому въ 1797 г. въ Харьковѣ Главному Народному училищу. Въ училищѣ обучали россійской грамматикѣ, риторикѣ, логикѣ, богословію, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи, артиллеріи, фортификаціи, физикѣ, механикѣ, гражданской архитектурѣ, пѣнію, рисованію и новымъ языкамъ; програма его, какъ видно, была очень обширная; оно представляло изъ себя не то среднюю образовательную, не то профессіональную техническую школу. Но любопытно, что и въ немъ удержалось преподаваніе риторики и логики; въ этомъ отношеніи оно подходило къ Харьковскому Коллегіуму. Съ этимъ послѣднимъ, впрочемъ, его сближало еще и то обстоятельство, что директоромъ его многіе годы (даже и послѣ преобразованія въ 1 Харьковскую гимназію) былъ питомецъ Коллегіума Ѳедоръ Ивановичъ Кудрицкій, происходившій изъ духовнаго званія и состоявшій въ тѣсной дружбѣ съ тогдашнимъ Харьковскимъ архіереемъ Христофоромъ Сулимой; законоучителемъ здѣсь былъ свящ. Вас. Фотіевъ, также воспитывавшійся въ Коллегіумѣ и извѣстный своимъ участіемъ въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета. Онъ имѣлъ, между прочимъ, свой пансіонъ въ Харьковѣ, въ которомъ преподаваніе шло очень хорошо. Литературныя упражненія въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ занимали такое же видное мѣсто, какъ и въ Коллегіумѣ. Любопытнымъ свидѣтельствомъ этого могутъ служить шесть поэтическихъ произведеній его малолѣтнихъ питомцевъ. Произведенія эти найдены нами въ архивѣ Харьковскаго университета (въ дѣлѣ объ основаніи университета). Они въ 1803 году были отправлены Вас. Наз. Каразинымъ въ Петербургъ Министру народнаго Просвѣщенія Гр. Заводовскому, какъ доказательство процвѣтанія словесности въ Харьковскихъ училищахъ. Изъ нихъ

весьма удачными нужно признать стихотворенія и пѣснь модѣ, басни же сравнительно гораздо слабѣе; первыя два произведенія принадлежатъ ученику Добровольскому (14 лѣтъ), остальные Е. Татарчукову.

Пѣснь Модѣ.

Въ первый разъ призываю васъ благодѣтельствующія музы; еще ни однажды не утруждалъ я васъ—ни однажды не произносилъ я вашего имени; лишь теперь перо мое, водимое слабою рукою, требуетъ вашей помощи.—Не къ тебѣ мудрая Уранія, рыдающая Мельпомена, воспѣвающая Калліопа, отношусь я;—но къ тебѣ, милая дщерь памяти, снисходительная Полигимнія призывая я, къ тебѣ обращаюсь.—Приди! настрой необыгранную мою лиру, води неискуснымъ перомъ моимъ и внуши мнѣ мысли и глаголы.—Да не дерзнетъ неопытная кисть моя коснуться въ первыхъ своихъ пѣсняхъ бранныхъ подвиговъ героевъ знаменитыхъ. Я избираю моду могущественную, полезную. Къ ней обращаюсь, ее воспѣть потщусь... Сильная обладательница умовъ вѣтренныхъ, легковѣрныхъ; хотя тебя умные люди пренебрегаютъ и отвращаются, однакожъ я не презираю и не отвращаюсь—хотя и не намѣренъ послѣдовать твоимъ уставамъ.—Ты доставляешь многимъ ремесленникамъ, купцамъ и художникамъ пропитаніе. Безъ тебя терпѣли бы они голодъ и стужу; или, по крайней мѣрѣ, были бы въ половину бѣднѣе.—Дай Богъ, говоритъ мнѣ часто портной французъ и сапожникъ Иванъ, чтобъ число модниковъ умножалось.—Когда они заказываютъ намъ дѣлать башмаки или фракъ, то за каждый носокъ и каждую модную выкройку платятъ вдвое. О мода! ты не насильно принуждаешь обожать тебя, тебѣ послѣдовать—всякъ имѣетъ волю, разумъ. Черезъ тебя отличаю я явственно вѣтреннаго отъ степеннаго, наглаго отъ кроткаго, глупаго отъ разумнаго.—Когда прохаживаются твои подражательницы, то я не подвергаюсь опасности замарать моихъ башмаковъ, ибо длинными хвостами прометываютъ они дорогу.—Ты доставляешь многимъ животнымъ отличное пропитаніе, убѣжище, покой, Черезъ тебя рысакъ никогда не терпитъ недостатка въ изобильномъ кормѣ. Моська находится на колѣнахъ своея госпожи или господина, съ ними ѣстъ, съ ними спитъ. Ты попугаевъ и обезьянъ кормишь и покоишь; они сидя въ клѣткахъ стараются подражать и представлять своихъ господъ, что весьма имъ не трудно, ибо мало между ними разности. Наконецъ, чрезъ тебя имѣніе расточителя, неумѣющаго онымъ пользоваться, достается въ руки благоразумнаго. И—ты доставляешь мнѣ часто случай смѣяться, когда я бываю даже въ мрачной задумчивости.

Стихотвореніе:

Въ насмѣшку кучеру, надутый вѣтрогонъ
Сказалъ однажды такъ;
„Прослушай ты дуракъ!
Ты кучеромъ семъ лѣтъ,
А думаю, еще отъ лошади осла не можетъ различить“.
А кучеръ на отвѣтъ:
„Прошу васъ извинить!
Я всѣхъ въ томъ увѣряю,
Осла межъ лошадьми,
Какъ васъ между людьми,
Всегда, сударь, узнаю“.

Басня.

Въ древніе времена, когда звѣри между собою также съ птицами и съ насѣкомыми жили согласно, и какъ не было еще столпотворенія, слѣдовательно, и смѣшенія языковъ, то они имѣли между собою общій языкъ, которымъ сообщали другъ другу свои мысли. Левъ сдѣлалъ однажды изрядную пирушку, на которую собрались звѣри въ великомъ множествѣ, пили, ѣли и веселились всякій по своему вкусу, а тѣ кои были просвѣщеннѣе и считали себя поумнѣе прочихъ, начинали разсуждать о красотѣ лѣсовъ, полей, пещеръ и о прочемъ; наконецъ, дошли и до человѣка. Тутъ мнѣнія ихъ раздѣлились; всякъ хотѣлъ взять преимущество предъ прочими и равняться ближе съ симъ отличнымъ твореніемъ.—Тигръ доказывалъ, что онъ болѣе всѣхъ походитъ на человѣка, поелику, говорилъ онъ, я столько же золъ какъ и человѣкъ, веду непрерывную брань, обижая безсильныхъ, иногда не щажу не только ближнихъ, но даже родственниковъ, дѣтей и родителей и рѣдко живу спокойно. Лисица напротивъ того сказывала, что она должна почитаться ближе всѣхъ къ человѣку: ибо она столько хитра, какъ и оный, льститъ, обманываетъ, клевещетъ, разстилаетъ различныя сѣти, дабы чрезъ сіе ввергнуть кого нибудь въ погибель. Свинья перебила рѣчь лисицы, утверждая, что ихъ обѣихъ мнѣнія не справедливы, и что она въ семъ случаѣ по достоинству должна получить преимущество предъ прочими: ибо свойство упрямства и противорѣчія въ человѣкѣ, такъ какъ и у ней, находится въ высочайшей степени; но обезьяна не хотѣла уступить свиньѣ и красновѣчиво доказывала, что она какъ своимъ видомъ, такъ различными своими коверканьями и кривляньями,

ничѣмъ даже и не отличается отъ сей твари и такимъ образомъ, одинъ другого опровергая, вошли сіи ученые въ великой споръ, который часъ отъ часу умножаясь равнялся почти безумію. Уже вылетѣло залпомъ нѣсколько бранныхъ словъ; уже приготовлены были осадныя и оборонительныя орудія и дѣло доходило до драки, которая съ равнымъ жаромъ со всѣхъ сторонъ была бы и произведена, ежелибъ дремавшій тутъ левъ не проснулся отъ ихъ шуму и не развелъ ихъ на томъ условіи, чтобъ всякій изъ нихъ на другой день подалъ Минервѣ на разсмотрѣніе свое дѣло. Всѣ согласились на сіе и, написавши отъ себя порознь просьбы, убѣждали премудрую богиню рѣшить ихъ споръ, лаская всякъ себя, что дѣло рѣшено будетъ въ его пользу, поелику его доказательства неопровергаемы; но всѣ они обманулись, однакожъ, въ своей надеждѣ, получа всякій свою просьбу съ надраніемъ, а при оныхъ повелѣніе, чтобъ всѣ просители явились къ богинѣ на лицо. Спорящіе мудрецы не преминули исполнить оное и въ полномъ собраніи шли къ Парнасу. Минерва не заставила ихъ долго дожидать себя и выговоря за глупые ихъ споры, рѣшила оные сими словами: „Вамъ должно сперва знать, что человѣковъ находится два рода: одинъ изъ нихъ добрый, честный, великодушный и подобенъ небеснымъ духамъ, а другой, хотя имѣетъ всѣ тѣ свойства, которые вы ему приписываете, но въ такомъ совершенствѣ, что никто изъ васъ не можетъ льстить себя, чтобы въ оныхъ со всѣмъ своимъ стараніемъ могъ когда нибудь соровняться съ человѣкомъ“.

Басня.

Муравьи, по случаю, затащили въ свою кучу кусокъ гнилого дерева; при наступленіи ночи гнилушка начала свѣтлѣть; нѣкоторые изъ сихъ насѣкомыхъ, плѣнясь сіяніемъ, взлѣзли на оную и, почитая ее за великое сокровище, котораго сдѣлались они обладателями, вздули свои носики, возмечтали, что они отлично премудры, стали презирать прежнихъ своихъ товарищей и чрезъ цѣлую ночь не только не имѣли никаго сообщенія съ ними, но даже не удостоивала ихъ ласковымъ словомъ; протчіе муравьи, прельстясь и сами симъ сіяніемъ, хотя и оказывали наружное почтеніе обладателямъ онаго, однакожъ презирали ихъ внутренно. Между тѣмъ наступилъ день; сіяніе гнилушки исчезло и ложные богатыри, къ великому своему посрамленію, увидѣли, что прельщались одною только мечтою и съ униженіемъ просили прежнихъ своихъ товарищей принять ихъ въ свое сообщество, которые хотя и исполнили изъ милосердія ихъ униженную просьбу, однакожъ гордецы

сіи были во всю жизнь свою предметомъ посмѣянія. Блескъ міра суетенъ и обманчивъ; не прельщайтесь имъ, если не хотите подпасть участи, постигшей ослѣпленныхъ муравьевъ.

Басня.

При наступленіи весны, двѣ ближнія родственницы—роза и фіалка искали себѣ мѣсто, гдѣ бы съ выгодою могли они произростать. Роза была прекрасна, но горда и честолюбива; она нарочито водворилась среди просторнаго луга, раскрашеннаго различными цвѣточками, дабы блеснуть между оными своею красотою и затмить пріятность своихъ подружекъ. Фіалка, хотя не была столь привлекательнаго вида какъ роза, но будучи благоразумнѣе и скромнѣе своей родственницы, избрала для себя уединенное мѣстечко подъ тѣнью густого дуба, въ прекрасной рощицѣ; чтожъ послѣ этого случилось?—Чрезъ нѣсколько времени, когда роза, претерпѣвши множество неудовольствій отъ вихрей и дождей, начала уже разцвѣтать, сластолюбивый путешествователь, прельстясь красотою ея, сорвалъ, полюбовался ею, но, когда стала она нѣсколько увядать, то бросилъ съ пренебреженіемъ близъ дороги. Тогда раскаявалась роза, но поздно, о своемъ неблагоразуміи. Недостатокъ питательныхъ соковъ, зной солнечный, пыль и другія многія нужды, вскорости довели ее до того, что листочки ея распались и она погибла едва только распустившись, но фіалка, напротивъ, того цвѣла спокойно въ своемъ уединеніи, пока добродушный селянинъ, увидя и полюбя ее за пріятность и скромность, пересадилъ въ свой садикъ, гдѣ она въ тишинѣ, доживъ до глубокой старости, оставила по себѣ большое потомство.—Вотъ какова была судьба обѣихъ сихъ родственницъ.—Милыя розы! взгляните на свою подружку и берегитесь пространнаго луга.

Рондо.

„Надутой гордостью тамъ Знатовъ выступаетъ,
Прославленъ предками, безпечно поживаетъ;
А мнѣ не знатному возможно-ль не тужить,
Безъ словъ и безъ чиновъ, могу-ль счастливымъ быть?
Въ одежду облеченъ, съ златыми галунами,
Богатыревъ знакомъ со знатными домами;
А мнѣ, пребѣдному, едва лишь есть чѣмъ жить;
Безъ злата, безъ сребра, могу-ль счастливымъ быть?
Прославленный мудрецъ отличными дарами,
Почтенный знатными, почтенъ богатырями,

Почтенный ото всѣхъ, какъ лучъ вездѣ блеститъ;
Меня-жъ никто не чтитъ; могу-ль счастливымъ быть?
Такъ всѣмъ прельстясь, Завистовъ разсуждаетъ,
Для счастія себѣ чего желать не знаетъ,
Мечтою обольщенъ, лишь только то твердитъ.
Что въ свѣтѣ семъ ему нельзя счастливымъ быть.
Но если бъ онъ позналъ, кто счастія содѣтель,
Откинувши тщету и чтилъ лишь добродѣтель,
И совѣсть правую возмогъ бы сохранить,
Тогда бъ признался онъ: „могу счастливымъ быть“!

VI.

Праздникъ просвѣщенія

въ Харьковѣ 17 января 1805 г. [1]).

Семнадцатое января 1805 года должно по справедливости считаться *историческимъ* для Харькова. Въ этотъ день, послѣ долгихъ хлопотъ, ожиданій, перипетій и приготовленій состоялось, наконецъ, давно желанное открытіе Харьковскаго университета. Мысль объ учрежденіи университета зародилась въ головѣ незабвеннаго Вас. Наз. Каразина еще въ началѣ 1802 г. Пылкій, увлекающійся Василій Назаровичъ предполагалъ, что университетъ будетъ открытъ въ 1803 г. и тогда же, явившись въ Харьковъ, составилъ церемоніалъ его открытія и велѣлъ прибить къ одному изъ университетскихъ домовъ доску съ нѣсколько преждевременной надписью „Государственный университетъ“. Но прошелъ и 1803, и 1804 годъ; Каразинъ долженъ былъ отказаться отъ веденія университетскаго дѣла; дарованъ былъ и уставъ Харьковскому университету; опредѣлены для него штаты; назначены нѣкоторые профессора и попечитель округа; приготовлено помѣщеніе; собраны слушатели;—*а фактическое* открытіе университета все откладывалось, и откладывалось; назначался одинъ срокъ—и смѣнялся другимъ: всѣ ждали попечителя Северина Осиповича Потоцкаго; наконецъ, онъ пріѣхалъ—и открытіе университета совершилось 17 января 1805 года.

Весь Харьковъ давно уже ждалъ этого своего свѣтлаго праздника. Это не было обыкновенное оффиціальное открытіе новаго учебнаго заведенія. Это былъ настоящій „праздникъ просвѣщенія“ для города,

---

[1]) «Харьк. Губ. Вѣд.», 1894 г., № 15. Въ основу настоящаго очерка положены слѣдующіе первоисточники: 1) рукописное описаніе открытія Харьк. университета, 2) печатное описаніе его въ № 13 «Петерб. вѣд.» 1805 г. (мы пользовались имъ въ библіотекѣ Московскаго архива мин. ин. дѣлъ, 3) Рѣчи произнесенныя при открытіи университета.

для всей Украины и даже для „полуденнаго“ края Россіи. Извѣстно, что въ учрежденіи Харьковскаго университета принимали матеріальное и нравственное участіе всѣ слои мѣстнаго общества—дворянство, купечество, мѣщане и войсковые обыватели; примѣръ ихъ подвинулъ и сосѣднія губерніи; обществамъ стали подражать и частныя лица. Мысль о необходимости учрежденія разсадника высшаго просвѣщенія въ краѣ ясно сознавалась всѣми. Всѣ были проникнуты ею и всѣ страстно желали ея скорѣйшаго осуществленія. Таково было *настроеніе* свѣтскаго общества. Мѣстное *духовенство* съ своей стороны встрѣчало чрезвычайно дружелюбно новую высшую свѣтскую школу. Въ лицѣ двухъ наиболѣе видныхъ представителей своихъ—харьковскаго епископа, Христофора Сулимы и ректора Харьковскаго Коллегіума, протоіерея о. Андрея Прокоповича,—оно наглядно показало сочувствіе свое новому просвѣтительному учрежденію въ краѣ. И тотъ, и другой произнесли въ день открытія университета съ церковной каѳедры рѣчи, отрывки изъ которыхъ мы приведемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи; въ нихъ они привѣтствовали свѣтскую науку и просвѣщеніе, такъ что, по счастливому выраженію проф. А. С. Лебедева, „представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку“. Нужно замѣтить, что преосвященный Христофоръ Сулима раньше никогда не говорилъ въ Харьковѣ проповѣдей и нарушилъ свое молчаніе только для даннаго случая—и это, конечно, должно было произвести извѣстное впечатлѣніе на харьковцевъ; не говоримъ уже о томъ, что и еще одинъ мѣстный духовный дѣятель, пользовавшійся огромною популярностью въ Харьковѣ, священникъ о. Фотіевъ принималъ живѣйшее участіе даже въ первоначальномъ устроеніи университета и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ В. Н. Каразина. Такимъ образомъ, съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что торжество открытія Харьковскаго университета должно было отличаться характеромъ полнаго единодушія и живой, искренней радости; тутъ не было мѣста ни открытому недоброжелательству, ни скрытой завистн, ни злословію; всѣ сошлись въ одной мысли и въ одномъ чувствѣ—высокомъ призваніи новаго учрежденія и уваженіи къ его открывающейся дѣятельности и его дѣятелямъ.

Университетскіе дѣятели, съ своей стороны, постарались сдѣлать все, чтобы празднество вышло возможо эффектнѣе, торжественнѣе.

На Комитетъ университета была возложена обязанность—составить церемоніалъ открытія университета и сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія. Церемоніалъ составлялъ проф. И. Ѳ. Тимковскій, восполь-

зовавшійся для своей цѣли и первоначальнымъ проектомъ, сочиненнымъ нѣкогда В. Н. Каразинымъ. Въ основу всѣхъ почти торжествъ была положена мысль о *просвѣщеніи*; которое Имп. Александръ I старался распространить среди своихъ подданныхъ.

Адъюнкту архитектуры Васильеву поручено было составить проектъ перспективнаго „храма Славы", внутри котораго представленъ былъ бы въ эмблематической прозрачной картинѣ Александръ I-й, какъ просвѣтитель Россіи; въ то-же время на учителя живописи Матеса возложена была обязанность начертать идею этой эмблематической картины. Въ проектѣ, составленномъ Васильевымъ, нарисованъ былъ храмъ съ портикомъ іоническаго стиля, во фризѣ котораго изображены разныя эмблематическія фигуры и инструменты, имѣющіе отношеніе къ наукамъ. Храмъ этотъ представлялся стоящимъ въ Аѳинскомъ лицеѣ, а между деревьями прохаживались славнѣйшіе греческіе философы. Въ проектѣ же прозрачной картины, поданномъ Матесомъ, изображены были Александръ I въ марсовомъ одѣяніи, и Аполлонъ, которые подали другъ другу руку въ знакъ дружбы. Передъ ними кѵ̀рился ѳиміамъ; надъ ними же летѣла Слава съ трубою. Вышина храма превосходила 5 саженъ, а весь фасадъ Лицея доходилъ до 24 саж. Но все-таки прозрачная картина выходила слишкомъ колоссальною, ибо ростъ Государя и Аполлона простирался до $3^1/_4$ саж. Разрисовку храма Комитетъ поручилъ адъюнкту Васильеву, придавъ ему въ помощь университетскаго архитектора Старикова, съ 4 искусными въ рисованіи учениками главнаго народнаго училища и нѣсколькими посторонними лицами; написать же прозрачную картину взялся за 250 руб. довольно искусный мѣстный живописецъ Копыловъ.

Самое торжество должно было продолжаться, согласно рѣшенію Комитета, три дня и въ это время публика, столь усердно отозвавшаяся раньше на пожертвованія, должна была получать какое либо угощеніе и слушать музыку.

Въ виду этого университетскому преподавателю музыки поручено было сочинить приличную случаю ораторію; для угощенія же имѣющихъ собраться посѣтителей, рѣшено было, устроить 1-го января закуску и обѣдъ а на другой день былъ и ужинъ. Съ дворецкимъ статскаго совѣтника Шидловскаго былъ заключенъ контрактъ, по которому онъ обязался: 1) въ день открытія университета по окончаніи церемоніи устроить закуску человѣкъ на 300, и обѣденный столъ на 110 персонъ, а на другой день, во время ораторіи и бала угощать публику разными конфектами, а потомъ и приготовить ужинъ человѣкъ на 60. Предприниматель взялъ на себя все—столовую и дессертную посуду, бѣлье, при-

слугу, напитки, и за это долженъ былъ получить 1,650 р. На все же торжество была ассигнована сумма до 4,000 р.

Таковы были *приготовленія* къ открытію университета. Самое открытіе состоялось сообразно съ этими приготовленіями и церемоніаломъ.

Когда Всемилостивѣйше пожалованная Государемъ Императоромъ грамота и Высочайше конфирмованный уставъ доставлены были университету, то вскорѣ за тѣмъ попечитель Харьковскаго округа графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, прибывъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ, назначилъ открытіе университета на 17 января. Кромѣ предварительнаго извѣщенія отъ университета, за день до торжества, двумя церемоніймейстерами, избранными изъ адъюнктовъ, оповѣщены были объ этомъ всѣ знатнѣйшіе особы, живущіе въ городѣ и пріѣзжіе, а чиновникъ отъ городской полиціи обнародовалъ объ этомъ объявленіе въ разныхъ частяхъ города.

17 числа по утру слободско-украинскій гражданскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, губернскіе чиновники, дворянство губерніи, Харьковскіе граждане собрались въ университетскій домъ, гдѣ находились уже чины университета, молодые люди назначенные въ студенты и директоръ съ учителями и учениками слободско-украинскаго главнаго народнаго училища и гдѣ въ залѣ передъ портретомъ Его Императорскаго Величества лежала Высочайшая грамота. По прочтеніи нѣкоторыхъ пунктовъ изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, начато церемоніальнымъ порядкомъ шествіе въ соборную церковь при колокольномъ звонѣ. Два протоіерея встрѣтили процессію при входѣ въ въ ограду и почтили кажденіемъ Высочайшую грамоту, несомую при двухъ ассистентахъ одинъ изъ профессоровъ, изъ рукъ котораго на порогѣ церкви принялъ ее преосвѣщенный епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій Христоферъ Сулима и положилъ на приготовленный для того въ церкви столъ. Затѣмъ онъ совершилъ божественную литургію и сказалъ рѣчь о просвѣщеніи; въ ней онъ между прочимъ выражался такъ;

...„Устрояется въ городѣ семъ новый храмъ, храмъ Богомъ избранный и Монархомъ утвержденный, гдѣ благословенныя сѣмена ученія въ юныхъ сердцахъ обѣщаютъ плоды просвѣщенія, мудрости, добродѣтели. Благословенно начинаніе! Счастливы времена, увѣнчанныя славою златыхъ вѣковъ!... Священное начинаніе дѣла сего, небесами благословляемаго, умножая общую радость и удовольствіе счастливыхъ обитателей града сего и всей ввѣренной мнѣ паствы, подаетъ мнѣ нынѣ пріятнѣйшее занятіе—предложить вамъ слово о пользѣ просвѣщенія.... Просвѣщеніе руководитъ человѣка познать самаго себя, свое достоинство, назначеніе и цѣль бытія; оно ведетъ и къ истинному познанію Бога

и его творенія..... Затѣмъ преосвященный указалъ на практическую пользу просвѣщенія для разныхъ родовъ государственной и общественной дѣятельности и обратился къ харьковцамъ со слѣдующимъ привѣтствіемъ: „и ты, граде благословенный, пріиди нынѣ въ чувствіе живѣйшее, созерцай свѣтъ просвѣщенія, озаряющій нѣдро твоего сердца, ощути сладчайшее удовольствіе мудрости, приближающейся къ тебѣ и уже готовой излить среди тебя токъ златого ученія, благословляй съ радостію твою счастливую надежду, что изъ сего священнаго источника изыдетъ желаннѣйшее благо родъ человѣческій украшающее!“

По окончаніи литургіи прочтена Высочайшая грамота и послѣдовало благодарственное молебствіе съ многолѣтіемъ, причемъ процессія при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквяхъ отправилась въ университескій домъ прежнимъ порядкомъ, за исключеніемъ того, что Высочайшая грамота въ крестномъ ходѣ несена была среди духовенства, за которымъ слѣдовалъ г. попечитель, губернаторъ, губернскіе чины, дворянство и пр.

Въ залѣ, назначенномъ для публичныхъ собраній, Высочайшая грамота преосвященнымъ была принята и положена предъ портретомъ Его Императорскаго Величества на столъ, на которомъ лежалъ уже уставъ. При водоосвященіи сказана протоіереемъ соборной церкви, ректоромъ Харьковскаго Коллегіума Андреемъ Прокоповичемъ рѣчь, которая начиналась такъ:

„Почтенное собраніе! Насталъ свѣтлый день желаннаго благополучія счастливыя Украины. Возженныя премудрыми монархами зари просвѣщенія во градѣ семъ возблистаютъ отнынѣ во всемъ своемъ величіи. Благотворительнѣйшій Монархъ августѣйшій Александръ рекъ и сему герою владычествія своего: да будетъ свѣтъ! и бысть. Симъ всесильнымъ глаголомъ его изведены уже достойные дѣятели на жатву свою; приносятся плодовитыя маслины изъ разсадниковъ училищъ въ сей новоучрежденный вертоградъ просвѣщенія; да умноживъ они здѣсь свои познанія, довольны будутъ и иныхъ научати, да принесутъ отечеству въ свое время плоды на 30, на 60 и на 100. Сіе учрежденіе на началахъ премудрости для блага общаго устроемое, не можетъ не поражать васъ почтенное собраніе! Отселѣ во святилищѣ семъ проліется свѣтъ полезныхъ наукъ и знаній, могущихъ умудрити всякаго въ незнаніи исполненіи своихъ обязанностей, относящихся къ Богу, Государю, отечеству, ближнимъ и самимъ себѣ. Двери храма сего будутъ всегда отверзты и юноши притекутъ сюда невозбранно и просвѣтятъ разумъ свой и исправятъ сердце. А при сихъ качествахъ, что будетъ таковый юноша? Онъ будетъ благодѣтельный начальникъ, безпристра-

стный судья, благоразумный воинъ, добросовѣстный купецъ, трудолюбивый ремесленникъ и земледѣлецъ; словомъ онъ будетъ вѣрный престолу подданный, честный гражданинъ, мудрый домостроитель и полезный отечества сынъ.

Блаженна странна сія! Блаженъ градъ сей!.

Затѣмъ освящены были университетскіе дома и пѣтъ былъ концертъ.

По окончаніи этой духовной церемоніи попечитель говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ о важности и цѣли новаго образованія училищъ; одинъ изъ профессоровъ прочиталъ наиболѣе интересныя для публики выдержки изъ Университетскаго Устава, а два профессора произнесли рѣчи—одинъ ректоръ Рижскій—на русскомъ языкѣ „объ изящныхъ наукахъ“, а другой—проф. Балленъ-де-Баллю—на французскомъ языкѣ „о необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій, а въ особенности военнаго.

Попечитель, графъ Потоцкій, проводилъ взглядъ, что народное просвѣщеніе является предметомъ особенной заботы Государя, ибо „оно одно съ теченіемъ времени можетъ образовать людей, способный управлять и руководствовать всѣми прочими государственными частями“. Вездѣ будутъ устроены училища и при такихъ условіяхъ скоро на пространствѣ отъ Литвы до Сибири и отъ Архангельска до Ковна да не останется ни одного гражданина, который бы не могъ получить соотвѣтствующаго его дарованію и званію образованія. Обращаясь къ харьковскимъ дворянамъ, ораторъ говоритъ: какое отрадное зрѣлище для наблюдателя—видѣть наконецъ водвореніе наукъ въ той области, которая доселѣ была только театромъ опустошеній и сраженій“. Потоцкій глубоко вѣрилъ въ необходимость и плодотворность постояннаго прогресса. Въ настоящее время, говорилъ онъ, при быстрыхъ успѣхахъ человѣческаго ума во всѣхъ родахъ знаній *каждый народъ долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ, если уже не можетъ быть впереди: остановиться значитъ то же, что подаваться назадъ* и приближаться къ прежнему ничтожеству. Останавливаться возможно только въ дѣлѣ завоеваній, но въ наукахъ, искусствахъ, техническихъ знаніяхъ, вообще культурѣ—никогда.

Послѣ этого провозглашены были фамиліи лицъ, принятыхъ въ студенты, розданы имъ шпаги и начались взаимныя поздравленія присутствующихъ съ открытіемъ университета.

Затѣмъ преосвященный съ почетнѣйшимъ духовенствомъ, губернаторъ съ губернскими чинами, предводитель и депутаты дворянства, городской голова съ почетнѣйшими представителями купечества и постороннія пріѣзжія особы были приглашены на университескій обѣдъ.

Вечеромъ 17, а равно и въ слѣдующіе два дня иллюминованы были университетскіе дома и передъ главными изъ нихъ поставлено изображеніе храма съ прозрачною картиною, которая изображала Имп. Александра I-го, заключающаго надъ жертвенникомъ союзъ дружбы съ Аполлономъ.

18 числа вечеромъ въ университетскомъ домѣ играна была извѣстная уже намъ ораторія, причемъ музыкантовъ и пѣвчихъ было до 100 чел.; затѣмъ были балъ и ужинъ. Собраніе публики обоего пола было очень многочисленное и ея удовольствіе усугубляло торжество, во все время котораго и постороннія знатныя лица задавали пиры и угощенія; это ясно свидѣтельствовало о радости жителей по случаю открытія университета. Тогда-же начались выборы должностныхъ лицъ въ общихъ собраніяхъ профессоровъ—и университетъ приступилъ къ своей просвѣтительной дѣятельности.

Университетскія торжества были омрачены только однимъ печальнымъ фактомъ—отсутствіемъ на нихъ В. Н. Каразина. Но присутствующіе вспоминали тутъ съ чувствами глубокой признательности о виновникѣ открытія университета. „Великое собраніе дворянъ и гражданства“ писалъ о. Вас. Фотіевъ В. Н. Каразину, подъ впечатлѣніемъ университетскихъ торжествъ, „было поражено удовольствіемъ и радостію, самые зоилы въ восторгѣ духа искали васъ; спрашивали и признавались, что счастіемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украина вамъ единственно обязана. Тѣжъ, кои вамъ преданы, коимъ сердечные чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя“. Да и потомъ Харьковскій университетъ воздалъ должное В. Н. Каразину, избравъ его при жизни въ свои почетные члены, а въ настоящее время принявъ на себя иниціативу по устройству ему въ Харьковѣ памятника. Пусть же память о немъ не когда не умретъ въ Харьковѣ, пока будетъ праздноваться 17 января! Vivat universitas! vivant professores! vivant studiosi!

VII.

Характеристика просвѣтительной дѣятельности Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія (1805—1814 гг.) [1].

Судьбы просвѣщенія являются однимъ изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ вопросовъ нашей исторической науки. Но просвѣщеніе самымъ тѣснымъ образомъ связано съ судьбами высшихъ разсадниковъ его—университетовъ. Такъ было въ Западной Европѣ, гдѣ университеты имѣли долгую исторію, органически связанную съ общимъ движеніемъ культуры. Короткая исторія нашихъ университетовъ также самыми крѣпкими нитями связана съ ходомъ нашей науки и образованности. Въ особенности это нужно сказать относительно царствованія Императора Александра I-го. Въ учредительномъ актѣ задачей университетовъ прямо выставлено *распространеніе человѣческихъ познаній въ русскомъ обществѣ*. Да и впослѣдствіи, когда формальное значеніе ихъ съузилось, они все-таки не потеряли (да и никогда не потеряютъ) своего первенствующаго положенія въ дѣлѣ просвѣщенія. Оно незыблемо покоится на ихъ универсальномъ характерѣ, рѣзко отличающемъ ихъ отъ всѣхъ высшихъ спеціальныхъ школъ. Это въ одинаковой степени относится и къ столичнымъ, и къ провинціальнымъ университетамъ. Исторія всякаго провинціальнаго университета имѣетъ двоякое значеніе: мѣстное и общее; съ одной стороны, это будетъ важнѣйшая страница изъ исторіи мѣстнаго просвѣщенія, а съ другой—матеріалъ для исторіи русской науки и образованія.

Въ виду огромнаго пространства, занимаемаго Россіей, особенное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ *о распространеніи* умственной культуры въ различныхъ областяхъ нашего отечества. Интересно прослѣдить успѣхи и завоеванія европейской науки въ громадныхъ районахъ, обнимаемыхъ учебными округами Харьковскаго и Казанскаго университетовъ. Толчокъ былъ данъ сверху; какъ-же отразился онъ на мѣстѣ?

---

[1]) «Русская Школа», 1892 г., октябрь и ноябрь.

Мы попытаемся дать отвѣтъ на этотъ вопросъ въ примѣненіи къ Харьковскому университету. Наша работа представляетъ рядъ характеристикъ и выводовъ, основанныхъ на весьма значительномъ количествѣ матеріала. Но мы не сочли возможнымъ заполнять имъ журнальную статью. Мѣсто ему будетъ въ „Опытѣ исторіи Харковскаго университета“, въ основу котораго положены документы университетскаго архива.

Императоръ Александръ I-й относился къ дѣлу народнаго просвѣщенія въ первые годы своего царствованія съ удивительнымъ пыломъ, экстазомъ и восторженностью, ибо считалъ его основою народнаго благосостоянія. При вступленіи своемъ на престолъ, онъ рѣшилъ продолжать дѣло просвѣщенія Россіи въ духѣ Петра Великаго и Екатерины II-й, и потому немедленно-же отмѣнилъ всѣ тяжкія стѣсненія, установленныя его отцомъ. Для распространенія науки и искусствъ было открыто въ 1802 году Министерство Народнаго Просвѣщенія; составленъ былъ планъ систематическаго насажденія образованія въ Россіи, а осуществленіе его поручено главному правленію училищъ. Вся Россія должна была покрыться сѣтью училищъ четырехъ типовъ—приходскихъ (при церковныхъ приходахъ), уѣздныхъ (по всѣмъ уѣзднымъ городамъ), гимназій (во всѣхъ губернскихъ городахъ) и университетовъ (въ центрахъ учебныхъ округовъ). И всѣмъ этимъ предначертаніямъ было положено блестящее начало: въ царствованіе Александра I-го было открыто 4 университета, 4 лицея, 58 гимназій, 100 уѣздныхъ училищъ и множество приходскихъ; въ это число не входятъ спеціальныя военныя и духовныя учебныя заведенія; эти послѣднія получили теперь и правильную организацію, и матеріальное обезпеченіе (изъ свѣчнаго сбора). Независимо отъ собственныхъ весьма крупныхъ затратъ, правительство съумѣло привлечь еще къ этому дѣлу и само общество, которое горячо откликнулось на обращенный къ нему призывъ. Во главѣ этого движенія стоялъ цѣлый рядъ горячихъ поборниковъ просвѣщенія—Министръ Народнаго Просвѣщенія Завадовскій и члены главнаго управленія училищъ—Строгановъ, Чарторижскій, Озерецковскій, Муравьевъ, Потоцкій, Новосильцевъ. Управленіе школьнымъ дѣломъ получило тогда стройную систему. Во главѣ дѣла стояло главное правленіе училищъ. Изъ состава членовъ его были избраны попечители учебныхъ округовъ, которымъ долженъ былъ принадлежать высшій надзоръ надъ ходомъ дѣла въ округахъ; ближайшее-же управленіе училищами во всемъ округѣ поручено было университетамъ.

Вотъ въ такую-то эпоху возникъ и Харьковскій университетъ, уставъ котораго былъ утвержденъ 5-го ноября 1804 года.

Спрашивается, какія-же просвѣтительныя задачи были поставлены ему его вѣнценоснымъ основателемъ? Въ уставѣ цѣль университета выражена такъ: „Университетъ есть высшее *ученое* сословіе, для *преподаванія* наукъ учрежденное. Въ немъ приготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной *службы*“. Здѣсь, такимъ образомъ, объединяются двѣ цѣли: 1) ученая и 2) учебно-образовательная; причемъ послѣдняя отличается практическимъ характеромъ; очевидно, не даромъ Имп. Александръ выражалъ намѣреніе идти по стопамъ Петра Великаго: и теперь, какъ во времена Петра, цѣлью образованія выставляются интересы государственной службы. Изъ дальнѣйшихъ параграфовъ устава открываются чрезвычайно широкія задачи, поставленныя Харьковскому университету. Прямое и косвенное вліяніе его должно было распространиться на весь приписанный къ нему учебный округъ, а этотъ послѣдній обнималъ огромное пространство; въ составъ его вошли: Слоб.-Украинская (Харьк.), Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская (потомъ переименованная въ Херсонскую), Екатеринославская, Таврическая губерніи и земли донскихъ и черноморскихъ казаковъ; другими словами, сюда входили и тѣ губерніи, которыя теперь отнесены къ Кіевскому и Одесскому округамъ, т.-е. весь „полуденный“ край Россіи.

Ученыя задачи университета понимались и въ смыслѣ занятія профессоровъ научными изслѣдованіями, и въ смыслѣ распространенія знаній въ обществѣ. Профессора должны были пополнять свои курсы новыми открытіями, „учиненными въ другихъ странахъ Европы“. Университетъ обязанъ выбрать четырехъ самыхъ дѣятельныхъ почетныхъ членовъ изъ иностранныхъ ученыхъ съ тѣмъ, чтобы они доставляли ему свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ и исполняли разныя его порученія (за что получали маленькое вознагражденіе). Ежемѣсячно должны были происходить засѣданія совѣта, въ которыхъ почетные члены и профессора, подъ предсѣдательствомъ ректора, „разсуждали-бы о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ“. Для поощренія научныхъ изслѣдованій совѣтъ ежегодно обязанъ былъ предлагать конкурсныя темы съ преміями. Университетскій актъ служилъ средствомъ для распространенія знаній въ обществѣ: тутъ читались актовыя рѣчи и конкурсныя темы съ отвѣтами. Университетъ долженъ былъ заботиться о составленіи своей исторіи: эта задача возлагалась на секретаря совѣта, избиравшагося тогда изъ среды профессоровъ. При университетѣ рекомендовалось устройство ученыхъ обществъ, „какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на

достовѣрныхъ началахъ"; труды ихъ могли печататься на счетъ университета.

Для расширенія *учебной* стороны дѣла рекомендовалось профессорамъ нѣкоторыхъ наукъ, въ особенности словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, вести бесѣды со студентами, чтобы пріучить ихъ къ яснымъ сужденіямъ и точному выраженію своихъ мыслей, черезъ каждые два года совѣтъ обязанъ былъ выбирать по два человѣка изъ своихъ магистровъ для отправленія ихъ въ чужіе края.

Но сфера прямого вліянія Харьковскаго университета выходила далеко за его стѣны и касалась даже лицъ, отъ него вообще независѣвшихъ: ему принадлежала *цензура* всѣхъ книгъ, печатавшихся въ округѣ. Съ этою цѣлью учреждался при университетѣ цензурный комитетъ изъ 4-хъ деканов, поручавшій разсматривать представляемыя ему сочиненія кому-либо изъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ (подпись котораго и фигурировала на цензурномъ разрѣшеніи вмѣстѣ съ подписью декана). Цензурныя правила, которыми долженъ руководствоваться комитетъ, не могутъ быть названы стѣснительными, и потому не ставили цензоровъ въ печальную необходимость запрещать то, что они не находили вреднымъ. Преслѣдуя дѣйствительно опасныя и разрушительныя мнѣнія, они не нарушали свободы изслѣдованія въ области всѣхъ наукъ (какъ естественныхъ, такъ и общественныхъ). „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины,—говорится въ немъ,—относящейся до вѣры человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой-бы то ни было отрасли правительства не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершеною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія"; сомнительныя мѣста велѣно было толковать въ пользу авторовъ. При Императорѣ Павлѣ запрещенъ былъ ввозъ въ Россію изъ заграницы всѣхъ произведеній науки, литературы и даже искусствъ, „такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ заграницы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія". Императоръ Александръ, по восшествіи своемъ на престолъ, немедленно отмѣнилъ этотъ указъ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширилъ свободу книгопечатанія внутри государства. Неудивительно, что и университетамъ такъ же точно, какъ и профессорамъ, разрѣшено было получать изъ за границы всякія книги, безъ исключенія. При такихъ условіяхъ цензура, предоставленная университету, нисколько не могла стѣснить научно-литературной дѣятельности въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа какъ преподавателей учебныхъ заведеній, такъ и частныхъ лицъ.

Всѣ учебныя заведенія (гимназіи, уѣздныя, приходскія училища и частные пансіоны) должны были, по мысли законодателя, зависѣть отъ Харьковскаго университета, чтобы такимъ образомъ между высшей, средней и низшей школой существовала *органическая* связь. Ближайшее завѣдываніе училищами поручено было училищному комитету, состоявшему изъ ежегодно избираемыхъ 6 ординарныхъ профессоровъ. Обязанности комитета, предсѣдателемъ котораго состоялъ ректоръ, были очень серьезныя и сложныя. Онъ собиралъ свѣдѣнія и получалъ отчеты о состояніи училищъ, о трудахъ учителей и успѣхахъ учениковъ, награждалъ достойныхъ и удалялъ неисправныхъ, разсматривалъ донесенія визитаторовъ, командируемыхъ совѣтомъ въ различныя губерніи, доставлялъ отчетъ совѣту о состояніи училищъ, о результатахъ испытаній, объ условіяхъ, задерживающихъ ихъ ростъ, и о мѣрахъ къ поднятію ихъ общаго уровня, и, наконецъ, имѣлъ прямое наблюденіе и за хозяйственною стороною дѣла. Если къ этому прибавить, что университетъ пользовался полной автономіей (включительно до права суда надъ своими членами и ихъ семьями), то для насъ сдѣлается яснымъ то безграничное довѣріе, которое питало къ новымъ разсадникамъ просвѣщенія молодое правительство Имп. Александра I-го.

Таковъ былъ 1-й уставъ Харьк. университета. Онъ несомнѣнно отличается слишкомъ теоретическимъ характеромъ, что является прямымъ результатомъ просвѣтительныхъ, гуманныхъ и либеральныхъ идей, которыми воодушевлено было тогдашнее правительство и его дѣятели. Акад. Сухомлиновъ вполнѣ доказалъ, что „русскіе университеты, возникшіе или преобразованные въ началѣ XIX. в., представляютъ въ устройствѣ своемъ и господствующемъ духѣ черты того направленія, которое обнаружилось тогда въ умственномъ и политическомъ мірѣ Европы“; особенно сильно было вліяніе идей Мейнерса, историка европейскихъ и въ частности германскихъ университетовъ. Русская стихія въ уставѣ была не особенно сильна; слѣдуетъ отмѣтить только одинъ характерный въ этомъ отношеніи параграфъ: при избраніи адъюнктовъ нужно было предпочитать русскихъ иностранцамъ; примѣняться къ условіямъ русской дѣйствительности не пытались; вслѣдствіе этого нѣкоторыя статьи исполнялись только pro forma или вовсе не могли быть исполнены (напримѣръ, составленіе исторіи университета), выполненіе другихъ должно было привести на практикѣ къ большимъ затрудненіямъ, какъ, напримѣръ, завѣдываніе училищами въ хозяйственномъ отношеніи; если члены университетской коллегіи могли быть компетентны въ педагогическихъ вопросахъ, то этого нельзя сказать относительно хозяйства, требующаго сложной бухгалтеріи и съ тру-

домъ поддающагося контролю; то-же самое нужно сказать относительно суда надъ членами коллегіи, а въ особенности ихъ семьями; дѣло это весьма щекотливое и могло вводить совѣтъ въ большія непріятности. Но все это были легко устранимыя и поправимыя подробности. Вообще-же уставъ 1804 года долженъ былъ вѣрными шагами вести Харьковскій университетъ по тому пути, который опредѣлялся ходомъ самой русской жизни. И тогда, какъ въ петровскую эпоху, правительство въ дѣлѣ просвѣщенія шло впереди общества; внутренняя потребность образованія у этого послѣдняго достаточно еще не окрѣпла: ее нужно было воспитывать и всячески поддерживать. Между тѣмъ, потребность въ образованныхъ людяхъ была очень значительная; новыя правительственныя реформы (въ родѣ министерствъ Сперанскаго) еще болѣе усиливали ее. Было два возможныхъ пути для развитія школьнаго дѣла: одинъ болѣе медленный, другой—болѣе быстрый; можно было начать съ устройства низшихъ и среднихъ училищъ, и открыть высшія школы (университеты) только тогда, когда въ гимназіяхъ подготовили для нихъ достаточный контингентъ. Правительство избрало другой путь: оно справедливо разсуждало, что для успѣшнаго развитія средняго образованія прежде всего нужно создать университеты, ибо только они могутъ доставить и учителей въ школы, и вообще образованныхъ дѣятелей для государства. Разъ вступивъ въ систему европейскихъ государствъ, сознавъ огромную силу знанія, Россія не могла и не должна была отступать на этомъ пути.

Императоръ Александръ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія поступалъ такъ, какъ дѣйствовалъ Петръ Великій относительно большей части своихъ реформъ. Притомъ просвѣщеніе, которое бралось съ Запада, къ счастью, отличалось толерантностью и согрѣто было теплымъ гуманнымъ чувствомъ.

Уяснивъ себѣ просвѣтительныя задачи Харьковскаго университета, постараемся опредѣлить, насколько успѣшно онъ ихъ выполнялъ въ теченіе перваго десятилѣтія своего существованія.

Профессорская коллегія Харьковскаго университета въ это время составилась частью изъ иностранцевъ, а частью изъ русскихъ ученыхъ, причемъ первыхъ было больше, чѣмъ вторыхъ. Спрашивается, что-же могли дать *эти* первые піонеры высшаго образованія юношеству, каковъ былъ образовательный цензъ ихъ и научный уровень? Попечитель Потоцкій и совѣтъ старались привлечь во вновь основанный университетъ знаменитыхъ ученыхъ. Извѣстна попытка пригласить на каѳедру римскаго права Цахаріэ, древнихъ литературъ—Августа Фр. Вольфа, русской исторіи—Карамзина. Всѣ эти три приглашенія

остались въ области pia desideria; зарождавшійся въ провинціальной глуши университетъ ничѣмъ не могъ привлечь къ себѣ этихъ звѣздъ ученаго міра; да имъ и трудно было-бы работать съ прежнимъ успѣхомъ въ Харьковѣ. Намъ нужны были тогда болѣе скромные, но энергичные труженники, которые могли-бы приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ и благотворно вліять какъ на университетскую среду, такъ и на мѣстное общество. Впрочемъ, и среди первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета мы встрѣчаемъ все-таки выдающихся преподавателей и ученыхъ, какъ изъ среды иностранцевъ, такъ и изъ русскихъ, и притомъ не на одномъ какомъ-либо факультетѣ, а на всѣхъ. Обращаемся прежде всего къ общей характеристикѣ иностранныхъ профессоровъ, ибо они заняли господствующее положеніе въ университетѣ и давали ему тонъ. Конечно, иностранцы не представляли однообразной массы: среди нихъ были и выдающіеся люди, и посредственныхъ дарованій, и высокочестные, и сомнительные въ нравственномъ отношеніи. Мы остановимся подробнѣе на біографіи одного только Роммеля, который можетъ считаться типическимъ образцомъ ученаго, образованнаго, талантливаго, умнаго и честнаго профессора-иностранца. Онъ широко воспользовался тѣми образовательными средствами, которыя доставила ему гимназія и университетъ. Стремясь къ возможно глубокому и широкому образованію, онъ оставляетъ Марбургскій университетъ, чтобы вступить въ Геттингенскій, ученая слава котораго тогда гремѣла повсюду; его новые профессора были звѣздами первой величины на ученомъ небосклонѣ тогдашней Германіи; здѣсь новый міръ открылся для его любознательности: Гейне указалъ ему всѣ сокровища древности, Эйхгорнъ, Геренъ и Шлецеръ ввели въ область древней и новой исторіи и общей географіи; Блюменбахъ взывалъ къ разумному созерцанію природы. И онъ широко воспользовался ихъ лекціями, бесѣдами, сочиненіями для собственнаго усовершенствованія; достаточно сказать, что онъ въ теченіе университетскаго курса не только познакомился съ 12 языками, древними и новыми, но еще успѣлъ приготовить множество небольшихъ статей для журналовъ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, онъ получилъ приватъ-доцентуру, но вскорѣ 25-ти-лѣтній юноша былъ приглашенъ профессоромъ въ Марбургскій университетъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ онъ не превратился въ педанта-буквоѣда; онъ понималъ цѣли филологическаго изученія, какъ понимали ихъ въ то время Винкельманъ и Гейне, представители эстетическаго изученія древняго міра; занятіе одною оболочкою, мертвыми формами языка, по его мнѣнію, изсушало умъ и сердце. Ненависть къ завоевателю-иноземцу (Наполеону I-му) заставила его покинуть горячо

любимое отечество и переселиться въ Россію. Сюда влекло его не одно желаніе устроить свое матеріальное благополучіе, но и мысль о насажденіи на этой нетронутой почвѣ науки. „Передо мною,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—открывалась широкая и свободная арена. Жажда дѣятельности манила въ страну, еще не затронутую образованіемъ, гдѣ я въ цвѣтѣ лѣтъ, вольный какъ птица, полный здоровья и силъ, могъ бросить нѣсколько сѣмянъ науки". Онъ мечталъ на эту тему во время долгаго переѣзда въ Россію и бодро смотрѣлъ въ будущее. „Грустное впечатлѣніе,—говоритъ онъ,—скоро прошло и понеслись передо мною неясныя образы, легкіе какъ дымъ, поднимающійся отъ негаснувшей турецкой трубки. Одинъ посреди огромной снѣжной пустыни, я впервые испыталъ полное чувство самостоятельности... Живая фантазія переносила меня то въ таврическіе дворцы прежнихъ крымскихъ хановъ съ гаремами прекрасныхъ грузинокъ и черкешенокъ, то въ аудиторію, наполненную молодыми, любознательными казаками".

Въ одну группу съ Роммелемъ нужно поставить Якоба, бывшаго профессоромъ и даже ректоромъ въ Галле; „его сочиненія по философіи и политической экономіи пользовались большимъ уваженіемъ, а его руководства по логикѣ, метафизикѣ, психологіи и естественному праву были приняты въ основу преподаванія этихъ предметовъ во всѣхъ почти германскихъ университетахъ и даже за предѣлами Германіи". Высокое мѣсто въ ученомъ мірѣ занималъ приглашенный профессоромъ математики Гутъ. Профессоръ Швейкардтъ сначала слушалъ лекціи по наукамъ политическимъ, математическимъ и физическимъ въ Марбургскомъ университетѣ, потомъ прослушалъ курсъ философскихъ и юридическихъ наукъ въ Іенскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора обоихъ правъ; перешелъ въ Харьковъ изъ Гейдельберга, гдѣ занималъ должность профессора римскаго права. Всѣ эти лица и въ нравственномъ отношеніи стояли высоко. За этими представителями чистой науки идутъ иностранцы-карьеристы, у которыхъ наука являлась только средствомъ для карьеры, въ родѣ Стойковича и Дюгурова. Стойковичъ—венгерскій сербъ—отличался большими практическими талантами и благодаря имъ занялъ впослѣдствіи видный постъ ректора въ Харьковскомъ университетѣ. Извѣстно оффиціальное обвиненіе его въ контрабандной торговлѣ виномъ; если даже допустить, что въ дѣяніи его не было юридическаго состава преступленія, то и тогда все-таки придется сознаться, что онъ былъ проникнутъ меркантильными интересами въ большей степени, чѣмъ это позволяло достоинство его званія. Очевидно, и Стой-

ковича, какъ нѣкогда Пишчевича, привлекло въ Россію желаніе „das Glück probieren und Wind treiben“. Дюгуровъ некрасиво выступалъ уже въ Харьковѣ, но еще болѣе неприглядную роль игралъ онъ въ Петербургѣ—въ слѣдствіи надъ тамошними профессорами, произведеннымъ печальной памяти Руничемъ. Остальные представляли сѣрую массу, изъ которой выдѣлялись, впрочемъ, и весьма трудолюбивые и энергичные люди въ родѣ Пильгера и Рейта. Наконецъ, были и совсѣмъ неудовлетворительные, въ родѣ Паки де-Совиньи или Нельдехена. Дѣлая общую оцѣнку иностранныхъ профессоровъ (сравнительно съ русскими), мы должны замѣтить, что они въ массѣ отличались довольно высокимъ научнымъ цензомъ. Среди нихъ было не мало лицъ, выдающихся по своимъ знаніямъ, любви къ наукѣ и научной репутаціи. Не даромъ и Потоцкій, и Совѣтъ, вызывая иностранцевъ, старались опираться на солидныя рекомендаціи (извѣстно, что Роммеля рекомендовалъ знаменитый филологъ Гейне, Шада—Гете и Шиллеръ). Преимущество въ этомъ отношеніи было на сторонѣ иностранныхъ профессоровъ. Другимъ важнымъ достоинствомъ иностранцевъ было то, что они, въ качествѣ питомцевъ старинныхъ европейскихъ университетовъ, могли принести и во вновь основанный Харьковскій университетъ духъ лучшихъ традицій университеской жизни. Роммель вмѣстѣ со Стойковичемъ учредили при Харьковскомъ университетѣ общество наукъ; еще во время путешествія Коля по южной Россіи сохранилось въ Харьковѣ воспоминаніе объ этомъ цвѣтущемъ періодѣ въ исторіи Харьковскаго университета. Иностранные профессора превосходили русскихъ и своимъ политическимъ развитіемъ. Но, будучи оторваны отъ живыхъ политическихъ и общественныхъ интересовъ своей родины, не зная условій жизни новаго государства и народа, ихъ пріютившаго, они замкнулись въ тѣсныя рамки ученой и педагогической дѣятельности. Иные пробовали примѣнять къ русской жизни свои идеи; таковъ былъ профессоръ политическихъ наукъ Швейкартъ, который, по словамъ Роммеля, въ началѣ своего пребыванія увлекался разными прекрасными проектами и преобразованіями; потомъ, всмотрѣвшись поближе въ тогдашнее состояніе русскаго общества, разочаровался и едва не впалъ въ мистицизмъ. Свои прямыя обязанности иностранные профессора могли исполнять добросовѣстно; но едва-ли они любили Россію и русскихъ; многіе изъ нихъ (и притомъ лучшіе) ожидали только благопріятнаго момента, чтобы вернуться домой—въ любимый Vaterland (такъ поступили Роммель, Швейкартъ), или перевестись въ Дерптъ—къ землякамъ (такъ сдѣлали Гутъ, Гизе), или по крайней мѣрѣ перебраться въ Петербургъ (Дюгуровъ, Делявинь). Оставшіеся не желали ассимилироваться съ туземцами

и плохо усваивали русскій языкъ, несмотря на то, что онъ могъ имѣть для нихъ огромное практическое значеніе: Дрейсигъ послѣ 10-лѣтней практики не говорилъ ни слова по русски; Паки де-Совиньи послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ Харьковѣ также не выучился русскому языку. Сами они не придавали этому обстоятельству важнаго значенія: они принесли съ собою изъ заграницы убѣжденіе, что университетское преподаваніе должно происходить на латинскомъ языкѣ, и на родинѣ они предпочитали его родному нѣмецкому языку. „Мнѣ пришлось кстати,— говоритъ Роммель,—что каждый студентъ обязанъ былъ знать достаточно латинскій языкъ". *Обязанъ былъ*—это такъ; но дѣйствительно-ли зналъ? Въ общей массѣ студентовъ и особенно профессоровъ знаніе латинскаго языка, по нашему мнѣнію, стояло выше, чѣмъ теперь. У Стойковича бывали латинскіе вечера, на которыхъ говорили исключительно по латыни; студенты, воспитывавшіеся раньше въ Харьковской коллегіи, могли усвоить тамъ хорошо латинскій языкъ. Такимъ образомъ, кое-какъ понимать своихъ профессоровъ студенты могли (хотя, конечно, не всѣ), но за-то между ними и ихъ наставниками не могло образоваться той живой связи, какую создаетъ родная рѣчь. Эту мысль прекрасно поняли и выразили члены комиссіи объ учрежденіи училищъ: „гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ,—говорятъ они,—тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго, и рабство это нераздѣльно съ невѣжествомъ... просвѣщеніе всегда будетъ распространяться тихими шагами, когда наука будетъ преподаваться на языкѣ мертвомъ или чужомъ".

На сторонѣ русскихъ профессоровъ было одно огромное преимущество—это ихъ русское происхожденіе, знаніе условій русской жизни, преподаваніе и изданіе сочиненій на русскомъ языкѣ. Извѣстно, въ какое неловкое положеніе попалъ профессоръ агрономіи Нельдехенъ, выступившій съ совѣтомъ удобрять навозомъ тогдашній тучный украинскій черноземъ. Роммель, избранный директоромъ педагогическаго института при университетѣ, долженъ былъ, вслѣдствіе незнанія русскаго языка, отказаться отъ этой должности; значительныя неудобства должны были испытывать иностранные профессора и въ другихъ дѣлахъ—визитаціяхъ, актовыхъ рѣчахъ, совѣтскихъ засѣданіяхъ. И во всѣхъ этихъ случахъ русскіе ceteris paribus могли принести пользы гораздо больше, чѣмъ ихъ иноземные товарищи. Первоначальный образовательный цензъ русскихъ профессоровъ былъ значительно ниже иностранныхъ. Изъ девяти первыхъ русскихъ профессоровъ въ Харьковскомъ университетѣ только два окончило курсъ въ университетѣ, три—въ медико-хирургической академіи, другіе, и притомъ самые замѣчательные (Рижскій, Оси-

повскій, Успенскій), воспитывались въ духовныхъ семинаріяхъ. Но эти лица, получившія среднее образованіе, обладали недюжинными, выдающимися талантами и успѣли заявить себя на научной почвѣ еще до выбора въ профессора Харьковскаго университета: Рижскій уже стяжалъ себѣ почетную извѣстность изданіемъ „Логики“ и „Реторики“ и былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Приглашеніе этихъ лицъ на университетскія каѳедры только расширило рамки ихъ ученой и преподавательской дѣятельности. Изъ отзыва одного тогдашняго студента (Т. Селиванова) видно, что они имѣли несравненно большее вліяніе на студентовъ, чѣмъ ихъ иностранные коллеги, жившіе замкнуто отъ мѣстной среды.

Обращаемся теперь къ различнымъ сторонамъ просвѣтительной дѣятельности первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета. Она выражалась: а) *въ преподаваніи наукъ*, б) *въ изданіи учебныхъ руководствъ*, в) *печатаніи ученыхъ сочиненій*, г) *чтеніи актовыхъ рѣчей*, д) *командировкахъ съ учено-практическими цѣлями*, е) *составленіи ученаго общества*, ж) *во вліяніи на развитіе учено-литературной дѣятельности среди студентовъ*, з) *устройствѣ въ округѣ училищъ, и въ тѣсныхъ связяхъ съ почетными членами*.

Чтеніе лекцій составляло главную и прямую обязанность профессоровъ. И тогда было 4 факультета или отдѣленія, причемъ нынѣшній юридическій факультетъ назывался отдѣленіемъ нравственныхъ и политическихъ наукъ, нынѣшній историко-филологическій—отдѣленіемъ словесныхъ наукъ. Число каѳедръ на каждомъ факультетѣ было сравнительно не велико: на всѣхъ отдѣленіяхъ полагалось по штату 28 профессоровъ, 12 адъюнктовъ и 3 лектора; нѣсколько нынѣшнихъ каѳедръ тогда соединены были въ одну; но были и такіе предметы, которыхъ теперь нѣтъ; напримѣръ, ветеринарія на медицинскомъ, восточные языки на историко-филологическомъ и, наконецъ, artes liberales (музыка, пѣніе, танцы, фехтованіе, верховая ѣзда). Число вакантныхъ каѳедръ было значительно. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи статистическія данныя за каждый годъ. Изъ нихъ оказывается, что заботы попечителя и Совѣта о приглашеніи преподавателей во вновь открытый университетъ имѣли успѣхъ; въ первый годъ существованія университета число вакантныхъ каѳедръ равнялось 50%, а въ 8, 9, и 10-й—только 25%.

Профессорская коллегія пополнялась первоначально двоякимъ путемъ—вызовомъ иностранныхъ профессоровъ изъ заграницы и приглашеніемъ русскихъ преподавателей. Но вскорѣ сюда присоединялся еще третій способъ—приготовленіе къ профессурѣ собственныхъ питомцовъ.

Въ короткое время ихъ оказалось уже 6 человѣкъ и среди нихъ мы встрѣчаемъ почтенныя имена Павловскаго и Комлишинскаго. Позже всѣхъ началъ правильно функціонировать медицинскій факультетъ— только съ 1811 года, хотя и до этого времени въ немъ уже состояло 5 профессоровъ. На остальныхъ факультетахъ преподаваніе достигло значительной научной высоты и полноты. На физико-математическомъ факультетѣ читали курсъ чистой математики знаменитый *Осиповскій*, физики—*Стойковичъ*, химіи—*Шнауберъ и Гизе*, естественной исторіи—*Делявинь*, на этико-политическомъ (юридическомъ) факультетѣ особенно хорошо обставлено было преподаваніе слѣдующихъ предметовъ: философіи, которую читалъ извѣстный *Шадъ*, политической экономіи, которую преподавалъ знаменитый *Якобъ*, права древнихъ и новыхъ народовъ—проф. *Рейтъ*, на словесномъ факультетѣ каѳедру россійской словесности съ честью занималъ гордость факультета—*Рижскій*, римской и греческой словесности сначала *Умляумфъ*, а потомъ извѣстный намъ *Роммель*, всеобщей исторіи, географіи и статистики—*Дюгуровъ* и отчасти *Рейтъ*, россійской исторіи, географіи и статистики—*Успенскій*. Установленію правильнаго преподаванія на медицинскомъ факультетѣ мѣшалъ недостатокъ студентовъ и отсутствіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій. На словесномъ-же и юридическомъ факультетахъ, гдѣ не нужны были клиники и лабораторіи, профессора не ограничивались обязательными курсами, а читали еще и необязательные и вели практическія занятія со студентами. Такъ, читались сверхъ программы: педагогика, эстетика, историческая критика, археологія и русскія древности, нумизматика. Шадъ объяснялъ Цицерона, Тимковскій упражнялъ своихъ слушателей въ практическомъ судопроизводствѣ, Рижскій занимался эстетическимъ разборомъ произведеній русской словесности. Все это свидѣтельствуетъ о добрыхъ намѣреніяхъ, одушевлявшихъ первыхъ харьковскихъ профессоровъ въ дѣлѣ преподаванія; русскіе не уступали въ этомъ дѣлѣ иностранцамъ.

Научно-издательская дѣятельность профессоровъ состояла, главнымъ образомъ, въ печатаніи учебныхъ руководствъ какъ для студентовъ, такъ и для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ предстояла огромная практическая потребность; и студенты университета, и ученики вновь открытыхъ гимназій и училищъ не имѣли учебниковъ, что, конечно, крайне вредно отражалось на ходѣ преподаванія. Образованныхъ учителей, которые могли-бы заняться этимъ дѣломъ, почти не было: ихъ долженъ былъ создать новый университетъ. Университетъ, завѣдывавшій всѣми училищами въ округѣ, естественно, долженъ былъ принять и эту задачу на себя. И дѣйствительно,

разсматривая длинный списокъ учебниковъ, мы видимъ, что часть ихъ была издана самимъ университетомъ, другіе—по его порученію, третьи—на его счетъ, четвертые, наконецъ, на иждивеніе авторовъ. Самъ университетъ издалъ 4 первоначальныхъ учебника латинскаго и русскаго языковъ. Изъ профессоровъ словеснаго факультета самыя замѣчательныя руководства (для студентовъ) принадлежатъ *Рижскому* (Опытъ риторики и Введеніе въ кругъ словесности); они „пріобрѣли обширный кругъ читателей и долгое время служили руководствомъ при чтеніи лекцій въ университетахъ Харьк., Каз. и Московскомъ“ (даже въ 20-хъ и 30-хъ годахъ). *Роммель* издалъ цѣлый рядъ римскихъ классиковъ (Цицерона, Саллюстія, К. Непота); *Белень-де-Баллю*—грамматики и хрестоматіи по латинскому французскому языкамъ. На этико-политическомъ факультетѣ выдѣлялся своими изданіями проф. *Шадъ*, сочиненіе котораго („Institutiones philosophiae universae“) имѣло несомнѣнно и научное значеніе. Другое свѣтило юридическаго факультета *Якобъ* выпустилъ цѣлую серію учебниковъ по логикѣ и психологіи для гимназій; русскія изданія ихъ были напечатаны Главнымъ правленіемъ училищъ. Извѣстный своею педагогическою дѣятельностью *Тимковскій* составилъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка“. На физико-математическомъ факультетѣ *Стойковичъ* издалъ 4 объемистыхъ пособія по физикѣ и физической географіи съ астрономіей („Начальныя основанія физики“, „Начальныя основанія физической географіи“, „Начальныя основанія физической астрономіи“ и „Систему физики“, *Гизе* напечаталъ „Всеобщую химію для учащихъ и учащихся“, *Осиповскій*—новое изданіе своего замѣчательнаго „Курса математики“, который, по отзыву спеціалистовъ, можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими иностранными руководствами того времени. Даже на медицинскомъ факультетѣ проф. *Калькау* издалъ на счетъ университета „Энциклопедію медицины“.

Чисто ученые труды профессоровъ были сравнительно немногочисленны; они заключали въ себѣ частью отдѣльные трактаты, частью диссертаціи на ученыя степени. На первомъ мѣстѣ здѣсь нужно поставить сочиненіе проф. *Успенскаго „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“* 1-е изданіе котораго вышло въ 1811—1812, а въ 1818 г. понадобилось уже другое, исправленное и дополненное. Самъ Успенскій называетъ сочиненіе свое первымъ опытомъ отечественныхъ древностей, и этотъ опытъ, прибавимъ отъ себя, оставался единственнымъ въ теченіе 78—79 лѣтъ, т.-е. до выхода въ свѣтъ въ 1890 г. книги проф. Сергѣевича „Русскія юридическія древности“. Для того, чтобы достойно оцѣнить попытку Успенскаго, нужно вспомнить, что тогда мы не имѣли еще и

„Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина, которая вышла въ 1818 г. Но что, по нашему мнѣнію, нужно вмѣнить въ особую заслугу автору, такъ это *выборъ темы*. Если въ настоящее время есть не мало историковъ, которые совершенно игнорируютъ культурный элементъ въ исторіи, то что-же сказать о томъ времени, когда и Карамзинъ далъ только исторію русскаго государства. Выполненіе задачи также нельзя не признать весьма удовлетворительнымъ. У автора мы находимъ основательную начитанность въ памятникахъ русской исторіи; нѣсколько лѣтъ онъ изучалъ какъ русскіе, такъ и иностранные источники и дѣлалъ изъ нихъ для себя систематическія извлеченія. Онъ близко ознакомился съ матеріалами юридическими и сказаніями иностранцевъ; мы встрѣчаемъ у него выдержки изъ Герберштейна, Олеарія, Мейерберга, Петрея, Корба, Рейтенфельса, Манштейна и др. Изъ пособій его отмѣтимъ Татищева, Стриттера, Щербатова и Болтина. Программа его сочиненія весьма обширна: она обнимаетъ весь общественный и домашній бытъ русскаго народа (тутъ говорится о царскомъ дворѣ и придворныхъ, о присутственныхъ мѣстахъ, о войскѣ, о гражданскихъ чинахъ, о законахъ, богослуженіи, о просвѣщеніи и т. п.). Изъ всѣхъ главъ совершенно неудовлетворительны только двѣ—о происхожденіи русскаго народа и его языческой религіи; но извѣстно, и въ настоящее время вопросы о Варягахъ-Руси и славянорусской миѳологіи не рѣшены окончательно. Неудивительно, что книга пр. Успенскаго была встрѣчена весьма сочувственно и сразу-же поставила автора на очень видное мѣсто въ рядахъ тогдашнихъ русскихъ историковъ. Въ учености Успенскій, быть можетъ, уступалъ нѣкоторымъ глубокимъ изслѣдователямъ нашей старины, напр., митр. Евгенію и Строеву, но его книга представляла необходимое дополненіе къ „Исторіи Государства Россійскаго“ и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставлена вслѣдъ за сочиненіемъ Карамзина.

Харьковскій университетъ можетъ гордиться, что выдвинулъ изъ глуши этого труженика и далъ ему возможность исполнить такой капитальный трудъ; и привлекъ Успенскаго въ университетъ, и внушилъ ему мысль объ этомъ сочиненіи—Тимковскій. Любопытно, что въ Харьковѣ написано и краткое обозрѣніе политической исторіи Россіи—профессоромъ *Рейтомъ*. Интересное явленіе представляетъ собою сочиненіе *Дюгурова „О цивилизаціи ногайскихъ татаръ“* (на французскомъ языкѣ). Другія работы (*Стойковича: о воздушныхъ пашняхъ, Гизе: о выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру*, брошюры *Шильгера*) уже не имѣютъ особеннаго значенія.

Всѣхъ диссертацій, по нашему счету, напечатано было за это время только 10,—такъ мало потому, что всѣ почти наличные профессора имѣли уже ученыя степени; половина этихъ диссертацій относилась къ области философіи и написана подъ вліяніемъ Шада, и двѣ изъ нихъ, какъ оказывается, прямо были списаны съ его записокъ и сочиненій (Ковалевскаго и Гриневича); нѣкоторое научное значеніе могли имѣть тѣ диссертаціи, авторы которыхъ добивались не только лестнаго титула магистра или доктора, но и желали серьезно работать въ избранной ими спеціальности (въ родѣ Комлишинскаго).

Самостоятельное и видное мѣсто въ ученой дѣятельности профессоровъ составляли *актовыя рѣчи*, общее число которыхъ за 10 лѣтъ превышаетъ цифру 50. Каждый годъ бывало по два акта и на каждомъ произносилось обыкновенно по 3 публичныхъ рѣчи на самыя разнообразныя темы; выбирались преимущественно темы общаго характера, въ особенности охотно останавливались на вопросѣ о *просвѣщеніи*. Это объясняется желаніемъ ораторовъ познакомить мѣстное общество съ характеромъ высшаго университетскаго образованія и привлечь къ новому просвѣтительному учрежденію живыя общественныя симпатіи. Въ этихъ послѣднихъ рѣчахъ мы найдемъ взгляды тогдашнихъ дѣятелей на образованіе, и потому остановимся на нихъ подробнѣе. Первую рѣчь (при открытіи университета) говорилъ попечитель *Потоцкій—„о новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и пользѣ отъ нихъ“*. Здѣсь ораторъ высказалъ ту мысль, которая была господствующей и въ высшихъ руководящихъ сферахъ, именно, что народное просвѣщеніе является самою важною заботою государства, ибо оно одно создаетъ дѣятелей для всѣхъ остальныхъ отраслей управленія. „Въ настоящее время,—говорилъ Потоцкій,—при быстрыхъ успѣхахъ человѣческаго ума во всѣхъ родахъ знаній, каждый народъ долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ, если уже не можетъ быть впереди: остановиться—значитъ то-же, что подаваться назадъ и приближаться къ прежнему ничтожеству, Останавливаться возможно только въ дѣлѣ завоеваній, но въ наукахъ, искусствахъ, техническихъ знаніяхъ и вообще культурѣ—никогда!“ Такая-же глубокая вѣра въ необходимость и плодотворность прогресса замѣчается во всѣхъ остальныхъ рѣчахъ: диссонанса не слышится нигдѣ. Тогда-же ректоръ *Рижскій* выступилъ съ рѣчью *„Объ изящныхъ наукахъ“*. Въ ней мы должны отмѣтить мысль о благотворномъ вліяніи наукъ и искусствъ на нравственность. „Утонченіе чувствительности,—говоритъ Рижскій,—пристрастіе къ добру, кротость нравовъ, любовь къ правотѣ и благотворительности—вотъ благодѣтель-

ныя послѣдствія упражненія въ изящныхъ наукахъ. Но если кто при всемъ ихъ содѣйствіи остается съ хладною душою и развратнымъ сердцемъ, тотъ, конечно, въ нихъ еще не успѣлъ".

И Потоцкій, и Рижскій въ своихъ рѣчахъ отмѣчали то обстоятельство, что Слободская Украйна недавно только перешла на мирное положеніе, раньше-же представляла изъ себя настоящій военный лагерь. Не безъ связи съ этимъ заявленіемъ и проф. *Беленъ-де-Баллю* избралъ темой своей рѣчи вопросъ о *важности наукъ для военнаго искусства*; но говорилъ онъ такимъ образомъ о томъ, что единственный вѣрный путь къ славѣ—это забота о наукахъ и искусствахъ. Не побѣдами при Марабонѣ, Саламинѣ, Платеѣ и Микале стяжали себѣ неувядаемую славу Аѳины, а тѣмъ, что создали у себя науки и искусства, зажгли свѣточъ философіи и перенесли все это и къ другимъ народомъ. Другая рѣчь *Беленъ-де-Баллю* была *„О преимуществахъ общественнаго воспитанія передъ домашнимъ"*; она представляла еще болѣе живой интересъ для тогдашней публики. Авторъ очень широко понимаетъ задачи образованія и разумѣетъ здѣсь гармоническое сочетаніе физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія. Въ строгой системѣ объективно разсматриваетъ онъ условія того и другого, рисуетъ намъ картинки домашняго воспитанія, снятыя, очевидно, съ натуры, и отдаетъ предпочтеніе передъ нимъ вновь учрежденнымъ университету и гимназіямъ. Законовѣдъ *Тимковскій* говорилъ рѣчь *„О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства"*, въ которой указывалъ на необходимость научныхъ теоретическихъ знаній для государственной дѣятельности, о разумномъ соединеніи ихъ съ житейскою практикой; полезныя заимствованія необходимы, но нельзя при этомъ игнорировать и особенностей народной жизни; не слѣдуетъ желать невозможнаго, чтобы одинъ народъ совершенно походилъ на другой. Самая замѣчательная рѣчь принадлежитъ проф. *Якобу—„О вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа"*. Въ началѣ ея онъ посвятилъ нѣсколько замѣчаній опроверженію идеи Руссо, будто-бы съ развитіемъ науки пала нравственность; наоборотъ, говоритъ Якобъ, чѣмъ грубѣе народъ, тѣмъ больше у него пороковъ; просвѣщеніе, открытое для всѣхъ классовъ общества, ведетъ къ прогрессу матеріальному, умственному и нравственному; проводникомъ-же его являются гимназіи и университеты. Эти послѣдніе Якобъ сравниваетъ съ мануфактурными фабриками: какъ тамъ, такъ и здѣсь господствуетъ раздѣленіе труда, которое одно только въ состояніи довести до совершенства производство. Ученые люди собираются въ университетѣ подъ одною кровлею и каждому порознь поручается обра-

ботка отдѣльной науки. Всѣ орудія и пособія собраны въ книгохранилищѣ и кабинетахъ для общаго пользованія. Профессора находятся въ духовномъ единеніи и другъ съ другомъ, и съ учеными всего міра (для пользы собственнаго отечества). Не останавливаясь на обскурантахъ, которые стараются вообще о подавленіи наукъ, Якобъ подвергаетъ критикѣ и опроверженію мнѣніе нѣкоторыхъ друзей просвѣщенія, что устройство школъ должно быть представлено личной инціативѣ самихъ гражданъ. Якобъ резонно замѣчаетъ, что въ такомъ случаѣ образованіе сдѣлается только удѣломъ привиллегированныхъ лицъ. Но тогда дарованія недостаточныхъ классовъ останутся потерянными для общественнаго блага. Пусть въ этомъ государственномъ вертоградѣ, говоритъ Якобъ,—будетъ расти и терніе, пусть тутъ будутъ расти и уродливыя деревья, пусть нѣкоторые отпрыски окажутся посаженными на непригодную для нихъ почву; но эта потеря съ избыткомъ вознаградится безконечными выгодами. Историческими примѣрами доказываетъ Якобъ благодѣтельное вліяніе университетовъ на развитіе просвѣщенія. Полезныхъ практическихъ результатовъ ожидаетъ онъ отъ училищъ, учрежденныхъ Александромъ I-мъ, и въ заключеніе указываетъ на ту пользу, которую начинаетъ уже приносить Харьковскій университетъ. Вопросу объ успѣшной дѣятельности Харьковскаго университета на пользу просвѣщенія посвящены спеціально еще двѣ рѣчи: *Рижскаго „О занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 гг.* и *Каменскаго „Объ успѣхахъ просвѣщенія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ“*.

Нельзя не признать крайне удачнымъ выборъ этихъ темъ: въ то время нужно было указывать на важное значеніе университетскаго и вообще школьнаго образованія. Общее направленіе этихъ рѣчей дышетъ благородствомъ, и это съ избыткомъ вознаграждаетъ одинъ недостатокъ ихъ—напыщенность изложенія, которая, впрочемъ, являлась результатомъ литературныхъ вкусовъ того времени. Объ авторахъ ихъ можно сказать, что они сообщали своимъ слушателямъ свѣтлыя, живыя мысли и пробуждали добрыя, гуманныя чувства. Чтобы достойно оцѣнить ихъ, не слѣдуетъ забывать условій тогдашней общественной жизни. Теперь, напримѣръ, мысль Якоба о томъ, что образованіе не должно служить исключительною привиллегіей одного сословія, сдѣлалась общимъ мѣстомъ, но тогда, когда большую часть населенія составляли крѣпостные, она была словомъ новымъ и живымъ. Всѣ русскіе профессора и иностранцы, очевидно, не упускали изъ виду общихъ задачъ своего университета; они не смотрѣли на себя, какъ на служилыхъ людей, отбывающихъ служебную повинность; у всѣхъ

ихъ жило сознаніе принадлежности къ единому учрежденію, представляющему не механическое соединеніе отдѣльныхъ частей (факультетовъ), а органическое сочетаніе цѣлаго комплекса наукъ. Они ясно сознавали общія просвѣтительныя задачи университета и съ живѣйшею радостію отмѣчали первые успѣхи его на этомъ полѣ; они рисовали себѣ умилительныя картины будущаго, когда дѣло окрѣпнетъ и начнетъ приносить болѣе богатые плоды; многое такъ и осталось въ области мечтаній, но все-таки лучше ставить себѣ идеалъ, чѣмъ не имѣть его совсѣмъ.

Анализируя характеръ преподаванія, учебныхъ и ученыхъ трудовъ профессоровъ, мы открываемъ одно объединяющее начало; это была *философія*. Она не была, какъ теперь у насъ, только оффиціальнымъ предметомъ факультетскаго преподаванія; сфера ея вліянія распространялась и на представителей другихъ каѳедръ. „Философія,— говоритъ академикъ Сухомлиновъ, читалась и преподавалась въ самомъ обширномъ объемѣ; читали логику, метафизику, нравственную философію, психологію, исторію философіи. Въ преподаваніи многихъ наукъ господствовало философское направленіе. Оно принесено было въ наши аудиторіи изъ университетовъ протестантской Германіи, въ которыхъ выработалась самою жизнью, историческимъ развитіемъ наукъ и духовными особенностями націи. Занесенная въ чужой міръ, говорившая чужимъ языкомъ, философія скоро обжилась въ своемъ новомъ пріютѣ; ее полюбило русское молодое поколѣніе; ея таинственный языкъ нашелъ сочувственный отзывъ въ воспріимчивыхъ умахъ, въ которыхъ первыя университетскія лекціи успѣли заронить искру знанія и любви къ наукѣ. По самой сущности своей философія владѣла привлекательной силой: затрагивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, философія вводила въ новую и высшую сферу, чуждую пошлостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и пріучала цѣнить и уважать его“. Эта характеристика вполнѣ подходитъ къ тому, что намъ извѣстно о Харьковскомъ университетѣ. Важнѣйшимъ представителемъ философскихъ идей былъ у насъ профессоръ *Шадъ*. Заявивши себя еще заграницей многочисленными философскими сочиненіями (между прочимъ, о Кантѣ и Фихте), Шадъ и въ Россіи продолжалъ свои работы—писалъ философскіе трактаты и учебники, произносилъ на актахъ рѣчи на философскія темы и, наконецъ, своею преподавательскою дѣятельностью создалъ цѣлую школу молодыхъ харьковскихъ философовъ. Въ своей рѣчи „о верховной цѣли человѣка“ онъ ставитъ философію во главѣ всѣхъ наукъ. Она, по сущ-

ности и свойствамъ своимъ, говоритъ онъ,—имѣетъ величайшее вліяніе на всѣ остальныя науки и даже на нравственность: она предлагаетъ всеобщія начала, на коихъ, какъ на основаніи, утверждается всякое изысканіе истины и жизнь народовъ. Вотъ почему нужно строго относиться къ философскимъ выводамъ. Къ числу невѣрныхъ заключеній Шадъ относитъ и мысль, что *верховною цѣлью человѣка является счастье*; опроверженію этой мысли и посвящена его рѣчь; отвергаетъ-же онъ идею счастія потому, что она не совпадаетъ съ идеями истины и добродѣтели. Шадъ не стоялъ одиноко: его философскія мысли раздѣлялъ и совѣтъ Харьковскаго университета, какъ это видно изъ отвѣта его на оффиціальный запросъ министерства. Философія преподавалась тогда и въ гимназіяхъ, для которыхъ составлялъ свои учебники другой представитель философской мысли въ Харьковскомъ университетѣ, профессоръ Якобъ. И другіе профессора (безъ различія факультетовъ) старались вносить философскій элементъ въ свои лекціи и сочиненія. Въ 1807 г. профессоръ медицинскаго факультета *Коритари* говорилъ рѣчь о *тѣсной связи медицины съ философіей*, гдѣ, между прочимъ, высказалъ мысль, что одно *опытное* познаніе феноменовъ никоимъ образомъ не можетъ быть еще названо научнымъ познаніемъ: это послѣднее даетъ только философія, проникающая въ основныя, абсолютныя причины вещей.

Но это господствующее теченіе встрѣтило реакцію, которая нѣсколько смягчила его крайности и увлеченія; противъ исключительнаго господства философіи выступило *реальное направленіе*, противопоставившее философскому созерцанію уваженіе къ факту и опытному наблюденію; оно вышло изъ физико-математическаго факультета. Увлеченія философіей имѣли и вредныя послѣдствія: извѣстный профессоръ Стойковичъ распредѣлилъ матеріалъ въ своемъ учебникѣ физики въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ категоріямъ Канта: отсюда вышли натяжка и темнота. Презрѣніе къ факту развивало поверхностность и фразерство, которое и безъ того было очень сильно. Наконецъ, проповѣдники философскихъ идей далеко не всегда соотвѣтствовали идеалу истиннаго философа; тутъ бывалъ подчасъ глубокій разладъ между проповѣдью и жизнью: къ философу, какъ проповѣднику высочайшихъ нравственныхъ истинъ, предъявлялись и болѣе строгія требованія, а между тѣмъ оказывалось, что эта проповѣдь являлась результатомъ не собственнаго глубокаго убѣжденія, а простаго знакомства съ философскими системами. Представителемъ точнаго значенія и ярымъ противникомъ философіи былъ знаменитый *Осиповскій*. Опроверженію господствовавшей тогда въ Харьковскомъ университетѣ системы Канта

онъ посвятилъ двѣ актовыхъ рѣчи. Въ первой онъ опровергалъ извѣстное положеніе Канта о врожденности категорій пространства и времени, во второй—его динамическую систему, высказанную въ сочиненіи о метафизическихъ основахъ естественной науки. Обѣ онѣ имѣли своею цѣлью предостеречь студентовъ отъ философскихъ увлеченій. „Ежели вы пишете или читаете,—говорилъ онъ,—что философъ природы постановляетъ à priori какой-либо законъ ея, то буде онъ не доказываетъ его съ математическою строгостью, не полагайтесь на слова сего философа съ искреннею къ нему довѣренностью, какъ-бы сей законъ ни обворожалъ воображеніе, но испытайте прежде его на оселкѣ строгости математической, и тогда только считайте его вѣроятнымъ, когда онъ выдержитъ сію пробу". Реальное направленіе проявилось не только въ этой полемикѣ съ философами, но и въ цѣломъ рядѣ трудовъ по точнымъ опытнымъ наукамъ; такого-же фактическаго направленія держались нѣкоторые филологи (напр., Успенскій) и юристы (Тимковскій).

Наконецъ, чисто-практическимъ прикладнымъ характеромъ отличались работы профессоровъ, посвященныя изученію края и его естественныхъ богатствъ. Тутъ мы видимъ живое практическое приложеніе знаній на пользу общества. Тутъ дѣятели новаго просвѣтительнаго учрежденія непосредственно отзываются на запросы жизни и тѣмъ укрѣпляютъ въ обществѣ сознаніе пользы, приносимой университетомъ. Нѣтъ нужды, что результаты, быть можетъ, не соотвѣтстствовали ожиданіямъ, нѣсколько преувеличеннымъ. Важна была отзывчивость членовъ профессорской коллегіи, съ одной стороны, и стремленіе къ изслѣдованію своихъ мѣстныхъ богатствъ—съ другой. Тутъ профессора Харьковскаго университета продолжали дѣло, начатое россійскими академиками конца XVIII вѣка—Зуевымъ, Гюльденштедтомъ и др., заслуги которыхъ въ этомъ отношеніи навсегда останутся незабвенными. Естественно, конечно, что почти всѣ эти работы выпали на долю естественниковъ и медиковъ. Не имѣя возможности подробно остановиться на нихъ, мы только сдѣлаемъ краткое перечисленіе ихъ: по предложенію администраціи и частныхъ лицъ, профессора занимались изслѣдованіемъ въ районѣ Харьковскаго учебнаго округа каменнаго угля, глауберовой соли, глины, минеральныхъ водъ, производили анализы ихъ, подвергали научному разсмотрѣнію аэролиты и камень съ древними надписями, обсуждали раціональныя мѣры для истребленія саранчи и вели борьбу съ чесоткой, открывшейся на лошадяхъ казеннаго Деркульскаго завода.

Почти всѣ эти работы были результатомъ личной иниціативы; но являлось стремленіе и къ общему коллективному труду, которое нашло себѣ выходъ въ учрежденіи *ученаго общества* при университетѣ (уставъ его былъ утвержденъ въ 1812 г.). Оно состояло изъ двухъ отдѣленій— словесныхъ и естественныхъ наукъ. Программа его была чрезвычайно широка. Но самою замѣчательною его особенностью нужно признать то, что оно широко открывало двери для постороннихъ любителей просвѣщенія; для вступленія въ члены Общества не требовалось обязательно ученыхъ трудовъ. Мало того, интересы широкой публики занимали такое-же видное мѣсто, какъ интересы спеціалистовъ: для нея должны были издаваться, при субсидіи отъ университета, особыя дневныя записки на русскомъ языкѣ.

Стремились тогдашніе профессора и къ пробужденію научно-литературныхъ вкусовъ среди своихъ слушателей и могли вліять на нихъ тѣмъ легче, что студентовъ было тогда очень мало (въ 1805 г. было 61 чел., 1815 году—122). Еще Роммель отмѣтилъ поэтическія дарованія донцовъ. И дѣйствительно, первый опытъ печатнаго научно-литературнаго сборника принадлежитъ имъ (онъ вышелъ въ 1811 г.); тутъ помѣщена статья студента *Греченовскаго* „Описаніе мѣстопребыванія и свойства казаковъ Войска Донскаго“ и нѣсколько стихотвореній. Къ литературнымъ упражненіямъ студенты пріобрѣтали положительную страсть, которую сохраняли потомъ и по выходѣ изъ университета. Извѣстные впослѣдствіи харьковскіе литераторы начали свои опыты еще на студенческой скамьѣ. Наиболѣе выдающимися представителями этого научно-литературнаго движенія среди молодежи были *Нахимовъ*, *Маслович*, *Разумникъ-Гонорскій*, *Филомафитскій*, *Склабовскій*, *Т. Селивановъ*. Всѣ они принимали живѣйшее участіе въ харьковской журналистикѣ конца десятыхъ и начала двадцатыхъ годовъ, правильнѣе говоря, создали эту послѣднюю. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ поэтъ-сатирикъ *Нахимовъ*, пріобрѣтшій даже всероссійскую извѣстность.

Но сфера прямого вліянія университета не ограничивалась студентами: онъ стоялъ во главѣ всѣхъ училищъ округа. По справедливому замѣчанію академика Н. А. Лавровскаго, „въ первыя 30 лѣтъ онъ былъ въ обширномъ смыслѣ центральнымъ образовательнымъ учрежденіемъ, отъ котораго зависѣло учебное дѣло во всей южной Россіи: каждое измѣненіе въ порядкѣ и направленіи обученія, въ дисциплинѣ, въ составѣ учителей, въ матеріальномъ состояніи училищъ исходило непосредственно отъ университета“. Познакомившись со многими оффиціальными документами, заключающими въ себѣ прямыя свѣдѣнія

о дѣятельности училищнаго комитета, я пришелъ къ такому-же заключенію, какое раньше высказано было уважаемымъ Н. А. Лавровскимъ. Большинство визитаторовъ относилось къ своему дѣлу въ высшей степени добросовѣстно и съ любовью. Тутъ находили себѣ примѣненіе житейскій тактъ и опытность однихъ, широкая разносторонняя образованность другихъ, педагогическіе таланты третьихъ. Перечитывая обстоятельные отчеты Тимковскаго, Стойковича, Дюгурова, Умляуфа, Каменскаго, мы открываемъ въ ихъ авторахъ именно указанныя выше свойства. Особенно недюженныя педагогическія способности проявилъ Тимковскій; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать его обширную записку, заключающую общее сужденіе объ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ (она сохранилась въ дѣлахъ архива). Инструкція визитаторамъ 1805 года (она также сохранилась въ дѣлахъ совѣта) даетъ намъ ясное представленіе о широкихъ обязанностяхъ, возлагавшихся на ревизоровъ. И эти обязанности, какъ видно изъ отчетовъ, выполнялись весьма удовлетворительно. Иногда ревизорами доставлялись и такія свѣдѣнія, собираніе которыхъ не входило въ кругъ ихъ обязанностей. Результатомъ путешествія Дюгурова для осмотра училищъ явилось сочиненіе „De le civilisation des tatars Nogais“. Ch. 1816 г. Важное значеніе своей административной и педагогической обязанности ясно сознавали и сами тогдашніе дѣятели. Роммель уже изъ заграницы въ 1815 году просилъ сообщить ему статистическія данныя о числѣ училищъ, открытыхъ Харьковскимъ университетомъ въ округѣ. „Всѣ ученые въ Россіи и Германіи,—писалъ онъ,—приглашали меня обнародовать эти свѣдѣнія, такъ какъ всѣ признавали и признаютъ, какія заслуги Харьковскій университетъ оказалъ южной Россіи въ столь короткое время. Пусть-же будетъ извѣстно всему образованному міру, что нами сдѣлано въ это время“. Профессоръ Каменскій произнесъ на актѣ рѣчь объ успѣхахъ просвѣщенія въ Харьковскомъ округѣ въ теченіе перваго десятилѣтія существованія университета. Въ округѣ, по его словамъ, было 13 гимназій, 80 уѣздныхъ училищъ и до 500 приходскихъ. Въ 1805 году всѣхъ учащихся въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ было 3967 душъ, въ 1814 г.—7190, въ томъ числѣ въ гимназіяхъ 969 и въ уѣздныхъ училищахъ 6221.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ, университетъ сильно способствовалъ развитію учено-литературной дѣятельности среди подвѣдомственнаго ему учительскаго персонала. Дѣйствительно, учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ дѣлали въ миніатюрѣ все то, что и профессора университета: издавали ученые труды и переводы, печатали учебники,

говорили на актахъ рѣчи и т. п. Научною дѣятельностью выдѣлялись изъ среды остальныхъ два директора народныхъ училищъ: Донскаго округа—*Поповъ* и Черниговскаго—*Марковъ*; первый составилъ „*Исторію о Донскомъ войскѣ*“ въ 2-хъ томахъ, второй—занимался изученіемъ черниговскихъ древностей и, между прочимъ, составилъ статью „*О достопамятностяхъ Чернигова*“. Учитель Новооскольскаго уѣзднаго училища *Гонорскій* издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ„ Духъ Горація и Тибулла“, учитель Ст. *Есикорскій* перевелъ съ нѣмецкаго одно философское сочиненіе Фихте; другіе учителя занимались составленіемъ учебниковъ (такъ, учитель Курской гимназіи *Паратичъ* издалъ руководство по статистикѣ; Таганрогская гимназія—греческую азбуку). Въ 1812 году были напечатаны „Рѣчи, говоренныя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа Императорскаго Харьковскаго университета при публичныхъ испытаніяхъ, бывшихъ въ концѣ іюня мѣсяца 1811 г.“ 111 стр. (13 рѣчей, въ томъ числѣ одна ученическая); отдѣльно были изданы рѣчи директора училищъ Дм. *Мизка*. На нихъ замѣчается прямое вліяніе актовыхъ рѣчей профессоровъ: оно отражается и на выборѣ темъ, и на ихъ содержаніи. Да это и понятно: учителя были знакомы съ издательскою дѣятельностью профессорской коллегіи, а нѣкоторые изъ нихъ были даже питомцами Харьковскаго университета и, конечно, не прерывали связей со своею alma mater. Писательство выдвигало тогдашнихъ педагоговъ: поощрялось, служило мѣриломъ способностей; Успенскій, благодаря ему, изъ учителя главнаго народнаго Воронежскаго училища превратился въ профессора университета; Гонорскій—изъ преподавателя Новооскольскаго уѣзднаго училища—въ адъюнкта.

Наконецъ, въ распоряженіи университета было одно средство, позволявшее ему пріобщать къ своей духовной семьѣ и постороннихъ лицъ, отмѣчать ихъ заслуги на пользу науки и литературы и этимъ поднимать дѣятельность этихъ лицъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и въ сознаніи постороннихъ: я имѣю въ виду выборы въ *почетные члены*. Дѣло не оканчивалось процессомъ выборовъ и высылкою почетнаго диплома: университетъ старался поддерживать постоянныя связи со своими почетными членами. Нѣкоторые изъ иностранныхъ членовъ, какъ мы знаемъ уже, дѣлали сообщенія о новыхъ открытіяхъ и исполняли порученія университета. Иногородніе постоянно получали изданія Харьковскаго университета (отчеты объ актахъ) и могли слѣдить за его успѣхами, доставляли ему свои сочиненія, сообщали свои отзывы о потеряхъ, которыя несла университетская наука, и т. п. Мѣстные харьковскіе члены могли, по уставу, наравнѣ съ профессорами участвовать въ тѣхъ засѣданіяхъ совѣта, которыя были посвящены разсмотрѣнію

научныхъ вопросовъ. Нельзя не поставить Харьковскому университету въ особую заслугу его выборовъ въ почетные члены мѣстныхъ дѣятелей на пользу наукъ и литературы—*В. Н. Каразина*, ботаника *Биберштейна* и литератора *Палицына*. Каразинъ оказалъ столько услугъ Харьковскому университету, что выборъ его былъ дѣломъ долга и совѣсти для университета. Но, независимо отъ этого, Каразинъ съумѣлъ создать въ Харьковѣ самостоятельное ученое общество, такъ называемые *Филотехническое*, поставившее своею задачею улучшеніе пріемовъ сельскохозяйственной культуры. Оно было открыто въ 1811 году и просуществовало около десяти лѣтъ. Каразинъ былъ поистинѣ душою Общества и почти единственнымъ его энергичнымъ дѣятелемъ: въ качествѣ правителя дѣлъ производилъ опыты, дѣлалъ о нихъ доклады, издавалъ „акты“ и т. п. Къ этому Обществу примкнули и нѣкоторые изъ университетскихъ профессоровъ, Биберштейнъ былъ главнымъ инспекторомъ надъ шелководствомъ въ южной Россіи и, кромѣ того, извѣстенъ своими капитальными научными изслѣдованіями; таково его обширное сочиненіе въ 2-хъ томахъ „*Flora Tauro-Caucasica*“, изданное въ 1808 г. въ Харьковѣ; въ 1810 г. въ Харьковѣ вышелъ и другой его трудъ, посвященный южно-русской флорѣ „*Centuria plantarum rariarum Rossiae meridionalis*“ (съ 50 рисунками). Роммель отзывается о Биберштейнѣ, какъ о замѣчательномъ человѣкѣ и говоритъ, что знакомство съ нимъ и Каразинымъ принадлежало къ прекраснѣйшимъ воспоминаніямъ его жизни. Онъ жилъ недалеко отъ Харькова, въ с. Мерефѣ, и Роммель часто бывалъ у него, расширяя свои свѣдѣнія о Кавказѣ и узнавая отъ него всѣ политическія новости. Онъ между прочимъ, первый ввелъ акацію въ Украйну. Палицынъ былъ центромъ цѣлаго литературнаго кружка, носившаго особое названіе „*Поповской академіи*“ (по имени сел. Поповки, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ., гдѣ проживалъ Палицынъ). Въ качествѣ архитектора, онъ соорудилъ много красивыхъ домовъ въ помѣщичьихъ селеніяхъ и церквей. „Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ,—говоритъ о немъ Каразинъ,—въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличной мебелью, къ заведенію библіотекъ. *Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украйнѣ*“. Онъ извѣстенъ также и литературными трудами: въ 1807 году онъ напечаталъ въ Харьковѣ стихотвореніе „*Посланіе къ Привѣтъ*“ и стихотворный-же переводъ „Слова о полку Игоревѣ“, потомъ перевелъ поэмы Делиля „*Сады*“ и Сенъ-Ламберта „*Времена года*“. Выборъ темъ достаточно рекомендуетъ его литературные вкусы: онъ былъ проникнутъ сентиментальною любовью

къ природѣ; члены его семейства были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами „Поповской академіи“; кромѣ того, сюда входили и другіе мѣстные литераторы и художники—*Алферовъ*, *Ярославскій*, *Станевичъ* и др. Самъ Палицынъ находился въ литературныхъ связяхъ съ Глинкой и Капнистомъ. Такимъ образомъ, по вѣрному замѣчанію проф. Н. Ѳ. Сумцова, „Поповская академія въ свое время была для здѣшняго края просвѣтительнымъ учрежденіемъ... Въ лицѣ Палицына въ Харьковскомъ краѣ явился разсадникъ западно-европейскаго просвѣщенія, преимущественно просвѣтительной и филантропической французской литературы прошлаго вѣка“. Избраніе въ почетные члены университета сильно обрадовало „Поповскаго пустынника“. „На-дняхъ,—писалъ онъ Ярославскому,—университетъ нашъ извѣщаетъ меня черезъ ректора, что выбралъ мощи мои въ почетные члены...; но, увы! Онъ не доставитъ уже мнѣ силъ, чѣмъ-бы я могъ оправдать его выборъ. Это самое достопамятное и внезапное происшествіе въ Поповской пустынѣ и въ запискахъ запустѣвшей нынѣ академіи“.

Такъ устанавливалось взаимное общеніе на почвѣ умственныхъ интересовъ между университетомъ и представителями всѣхъ слоевъ мѣстнаго общества. Оно объясняетъ намъ одинъ любопытный фактъ изъ хроники тогдашней университетской жизни: въ Харьковскомъ университетѣ получилъ степень доктора философіи курскій купецъ Гр. *Хлапонинъ*, выдержавъ установленный для этого экзаменъ и напечатавъ диссертацію на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Столь обширна и разностороння была просвѣтительная дѣятельность Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія. Онъ съ большимъ успѣховъ выполнялъ широкія задачи, поставленныя ему вѣнценоснымъ вождемъ русскаго просвѣщенія. Важнѣйшею особенностью его просвѣтельной дѣятельности нужно признать отсутствіе въ ней односторонности, характеризующей послѣдующій періодъ исторіи университета (1815-й—1825-й годы). Главное вниманіе обращено было на умственное образованіе; но въ тѣсной связи съ нимъ находились заботы о развитіи физическомъ, эстетическомъ и нравственномъ. На университетъ не смотрѣли, какъ на спеціальную школу нравственности; полагали что сама наука можетъ благотворно дѣйствовать на нравственное усовершенствованіе молодежи (такую мысль проводилъ, какъ мы видѣли, Рижскій; такъ дѣлалъ и Якобъ). Въ особенности ожидали благодѣтельныхъ послѣдствій отъ изученія философіи. И дѣйствительно, только одна философія и могла принять на себя обязанность быть наставницей жизни. Но, помимо этого, и нѣкоторые профессора другихъ предметовъ имѣли доброе вліяніе на своихъ юныхъ слушателей, но

уже не прямыми поученіями съ каѳедры, а своею нравственною личностью, безкорыстнымъ служеніемъ наукѣ, гуманнымъ отношеніемъ къ людямъ. Таковы были Рижскій и Осиповскій. Глубокое уваженіе къ Рижскому чрезвычайно ясно выразилось на его погребеніи, и благодарная память о немъ долго, долго жила и въ стѣнахъ, и за стѣнами Харьковскаго университета.

VIII.

Удаленіе профессора Шада изъ Харьковскаго университета [1].

I.

Предварительныя замѣчанія.

Устраненіе проф. философіи Ивана Егоровича Шада отъ должности и высылка его изъ предѣловъ Россіи заграницу въ 1816 году является однимъ изъ характернѣйшихъ эпизодовъ въ первоначальной исторіи Харьковскаго университета, какъ по личности этого крупнаго, выдающагося дѣятеля, рекомендованнаго нѣкогда на каѳедру въ Харьковъ знаменитымъ Гете и Шиллеромъ, такъ и по превратностямъ его судьбы, такъ, наконецъ, и по тому шуму, которое подняло это дѣло въ Германіи, гдѣ въ изгнанникѣ видѣли жертву политическихъ интригъ русскихъ поклонниковъ Наполеона. Но помимо этого, такъ сказать, спеціальнаго интереса эпизодъ этотъ заслуживаетъ вниманія еще и съ другой стороны: онъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ той реакціей, которая началась у насъ во вторую половину царствованія Императора Александра I-го и выразилась въ Казанскомъ университетѣ погромомъ Магницкаго и въ Петербургскомъ—извѣстной исторіей профессоровъ, подвергнутыхъ Шемякину суду Рунича. Высылка Шада—была однимъ изъ проявленій реакціи вь Харьковскомъ университетѣ.

До сихъ поръ мы знали объ этой исторіи очень мало—то, что напечатано Н. А. Лавровскимъ въ его монографіи о Шадѣ, въ основу которой положены оффиціальные документы университетскаго архива и тѣ два печатныя сочиненія, которыя и послужили главною причиною его высылки. Важною заслугой автора нужно признать, что онъ привелъ въ русскомъ переводѣ тѣ мѣста изъ книги Шада о естественномъ правѣ, которыя были поставлены этому профессору въ вину ми-

[1] Записки Харьковскаго университета 1899 г.

нистерствомъ народнаго просвѣщенія. Но свѣдѣній о причинахъ высылки у Н. А. Лавровскаго приведено мало; недостаточность ихъ объясняется тѣмъ, что дѣло Шада велось конфиденціально, и потому въ университетскомъ архивѣ сохранилось немного слѣдовъ его. Изъ бумагъ самого Шада въ распоряженіи Н. А. Лавровскаго былъ только одинъ документъ—это письмо его къ русскому посланнику въ Веймарѣ, въ которомъ Шадъ выставляетъ виновниковъ своихъ бѣдствій попечителя округа графа С. О. Потоцкаго и профессора Дегурова. Но письмо это въ свою очередь нуждается еще въ критической провѣркѣ. Является невольно вопросъ—могъ-ли извѣстный своимъ благородствомъ гр. С. О. Потоцкій совершить приписываемый ему некрасивый поступокъ; откуда Шадъ имѣлъ возможность получить послѣ высылки своей заграницу точныя свѣдѣнія о дѣлѣ, которое велось секретно. Для уясненія данныхъ, заключающихся въ этомъ письмѣ и для освѣщенія всего этого эпизода, очевидно, нужны другіе источники. И такіе источники, къ счастью, нашлись: въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія сохранилось огромное дѣло, или точнѣе говоря, цѣлый рядъ дѣлъ, соединенныхъ воедино, о высылкѣ Шада заграницу; это полное производство дѣла со всѣми его перипетіями, основанное на подлинныхъ собственноручныхъ документахъ. Его цѣнность усугубляется тѣмъ, что матеріалъ въ немъ не односторонній, а, если такъ можно выразиться, двусторонній: тутъ мы находимъ съ одной стороны полную коллекцію обвиненій противъ Шада—какъ явныхъ, такъ и тайныхъ, а съ другой еще болѣе обширную коллекцію его оправдательныхъ писемъ и записокъ. Оказывается, что Шадъ не успокоился въ изгнаніи; считая себя невинно потерпѣвшимъ, онъ долгое время, почти до самой своей смерти—старался оправдаться во взведенныхъ на него обвиненіяхъ съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ русское правительство вознаградило его за понесенный имъ благодаря внезапной высылкѣ ущербъ. Матеріальное положеніе его было настолько неудовлетворительно, что само по себѣ уже какъ бы толкало его на этотъ путь; затѣмъ, несомнѣнно, здѣсь дѣйствовали и другіе мотивы—и между прочимъ важную роль игралъ его неугомонный характеръ и огромный запасъ жизненной энергіи, которую онъ затрачивалъ на эту тяжелую и неблагодарную попытку самооправданія. Защищая свои сочиненія, онъ попутно излагаетъ и сущность, и отдѣльныя черты своего философскаго міросозерцанія—и эта часть документовъ должна быть признана весьма важной для исторіи философіи и философскихъ каѳедръ въ Россіи. Философія, какъ извѣстно, въ это время начала подвергаться настойчивому преслѣдованію со стороны христіанскихъ піэтистовъ и мистиковъ—а Шаду

казалось—и онъ былъ искренно убѣжденъ въ этомъ—что ему удалось разрѣшить ту задачу, надъ которою доселѣ не перестаютъ, да вѣроятно и никогда не перестанутъ трудиться мыслители—а именно—примирить разумъ съ вѣрою. Весьма любопытно слѣдить, какъ онъ отстаиваетъ свою философскую попытку въ объясненіяхъ, адресованныхъ главѣ русскихъ піэтистовъ того времени—министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну.

Указываемое нами дѣло о высылкѣ Шада изъ Харькова было извѣстно акад. М. И. Сухомлинову: онъ ссылается на него въ своихъ „Матеріалахъ для исторіи образованія въ царствованіе Императора Александра I-го"; но почти совсѣмъ не пользуется имъ для своихъ цѣлей, конечно, потому, что оно выходило изъ рамокъ его очерковъ [1]). Такимъ образомъ, намъ предстоитъ, можно сказать, впервые познакомить съ нимъ читающую публику и ввести его въ научный обиходъ. Въ полномъ своемъ объемѣ оно не вмѣщается въ рамки нашего „Опыта исторіи Харьковскаго университета", и потому мы посвящаемъ ему отдѣльный этюдъ.

II.

Обстоятельства, предшествовавшія высылкѣ Шада изъ Харькова.

Лишеніе профессуры и высылка Шада изъ Харькова были вызваны двумя главнѣйшими причинами—учеными промоціями Ковалевскаго и Гриневича, которымъ онъ будто помогъ сочинить ихъ диссертаціи, и его собственными сочиненіями, которыя были признаны вредными для русскаго юношества. Вотъ каковы были обстоятельства этого дѣла, по краткимъ извлеченіемъ изъ протоколовъ совѣта, правленія и факультета, сохранившимся въ „дѣлѣ о Шадѣ".

Въ засѣданіи совѣта 22 декабря 1815 года профессоръ Дегуровъ предложилъ, чтобы диссертацію, написанную кандидатомъ Гриневичемъ для полученія степени доктора, сличили съ манускриптами лекцій профессора Шада, причемъ представилъ записки студента Сорочинскаго и учителя Харьковской гимназіи Колядина, говоря, что диссертація Гриневича, кажется, выписана изъ этихъ записокъ. По этому представленію совѣтъ назначилъ комиссію изъ профессоровъ — Шумлянскаго, Нельдехена и Успенскаго, присовокупивъ къ ней адъюнкта Комлишинскаго въ качествѣ секретаря—для сличенія диссертаціи Гриневича съ

[1]) Не извлеченія изъ дѣла, а скорѣе краткія данныя о немъ помѣщены на двухъ страницахъ его труда (Изсл. и статьи, т. 1-й, стр. 102—104).

записками лекцій профессора Шада; и сверхъ того положилъ пріостановить выдачу докторскаго диплома Гриневичу. Въ засѣданіи 5 января 1816 г. профессоръ Дегуровъ замѣтилъ, что диссертація доктора Ковалевскаго сходна во всемъ (iisdem verbis conspecta) съ диссертаціею профессора Шада, *прежде* написанною; и потому просилъ совѣтъ изслѣдовать это дѣло, а дотолѣ пріостановить выдачу ему диплома. Вслѣдствіе этого было поручено вышеупомянутой комиссіи сличить обѣ диссертаціи. Въ засѣданіи 9 февраля комиссія представила свои выводы о результатахъ сличенія диссертаціи Гриневича съ записками Сорочинскаго и Колядина и диссертаціи Ковалевскаго съ сочиненіемъ профессора Шада; оказалось по ея наблюденію, что послѣднія книги представляютъ одно и то же сочиненіе, съ тою только разницею, что изслѣдованіе Шада гораздо обширнѣе работы Ковалевскаго. При этомъ комиссія присовокупила, что по качеству измѣненія выраженій, порядка расположенія диссертаціи можно заключить, что здѣсь требовалось такое познаніе и самого предмета, и латинскаго языка, какого нельзя предполагать въ лицѣ, выдавшемъ эту диссертацію за свою собственную. По прочтеніи этого донесенія совѣтъ опредѣлилъ истребовать чрезъ комиссію объясненія отъ докторантовъ Гриневича и Ковалевскаго. Въ томъ же засѣданіи ректоръ представилъ повѣстку, въ которой предлагалъ Дегурову и Шаду выйти изъ присутствія при чтеніи донесенія комиссіи. На этой повѣсткѣ проф. Шадъ написалъ жалобу, что совѣтъ уже три раза не внималъ его протесту противъ нѣкоторыхъ опредѣленій и не хотѣлъ слушать и вносить въ журналъ мнѣній его и декана нравственно-политическаго факультета профессора Рейта. При этомъ профессоръ Рейтъ замѣтилъ, что онъ, какъ деканъ, просилъ позволенія сдѣлать донесеніе совѣту на основаніи дѣлъ факультета о заблужденіи профессора Дегурова касательно диссертаціи Ковалевскаго. Ректоръ отвѣчалъ, что объясненія профессора Шада и Рейта не были приняты потому, что еще не доставлены были донесенія комиссіи, а теперь слѣдуетъ еще предварительно выслушать докторантовъ. Въ засѣданіи 16 февраля прочитано было предписаніе министра народнаго просвѣщенія о доставленіи ему диссертаціи Гриневича и Ковалевскаго и подлинныхъ тетрадей, по которымъ преподавалъ философію проф. Шадъ. Во исполненіе этого предписанія препровождены были къ министру эти диссертаціи, и такъ какъ профессоръ Шадъ объявилъ, что онъ манускриптовъ лекцій не имѣетъ, то вмѣсто нихъ отправлены были записки кандидата Райдаровскаго, студента Сорочинскаго и учителя Колядина, съ извлеченіями, представленными совѣту комиссіею. Манускрипты эти потомъ были возвращены въ уни-

верситетъ, какъ о томъ объявилъ секретарь совѣта профессоръ Рейтъ въ засѣданіи 5 апрѣля. Въ засѣданіи 22 марта были представлены объясненія Ковалевскаго и Гриневича, написанныя въ присутствіи членовъ комиссіи. Совѣтъ опредѣлилъ сообщить ихъ циркулярно для разсмотрѣнія профессорамъ. 5-го апрѣля прочитано было предложеніе попечителя, коимъ онъ давалъ знать, что министръ препроводилъ къ нему на разсмотрѣніе прошеніе магистра Ковалевскаго касательно выдачи диплома и предлагалъ сообщить о мѣрахъ, принятыхъ къ изслѣдованію дѣла. При этомъ ректоръ объявилъ, что объясненія докторантовъ Гриневича и Ковалевскаго всѣми профессорами были уже разсмотрѣны. Совѣтъ положилъ истребовать изъ нравственно-политическаго факультета дѣло его по этому предмету. Въ засѣданіи 26 апрѣля читаны были выписки изъ журналовъ этого факультета, относящіяся къ экзамену Ковалевскаго. При чтеніи статьи о диссертаціи ректоръ спросилъ у членовъ факультета: подписана ли была ими диссертація Ковалевскаго прежде напечатанія ея. На это профессоръ Успенскій отвѣчалъ, что диссертація имъ не была подписана, а проф. Швейкартъ объявилъ, что онъ не помнитъ, подписалъ ли ее или нѣтъ. Тогда принесенъ былъ манускриптъ изъ типографіи, который оказался подписаннымъ только деканомъ факультета профессоромъ Рейтомъ; по этому постановлено было предписать секретарю факультета представить совѣту рукопись, подписанную членами факультета, если таковая отыщется. Въ слѣдующее засѣданіе секретарь факультета Дудровичъ объявилъ въ совѣтѣ, что онъ читалъ и одобрилъ диссертацію Ковалевскаго и засвидѣтельствовалъ это своею подписью на бумагѣ, на которой подписался проф. Шадъ; но съ тѣхъ поръ этой диссертаціи онъ не видѣлъ и не знаетъ, эта ли рукопись передана въ типографію; при дѣлахъ факультета находится печатная диссертація Ковалевскаго. 29 апрѣля продолжалось чтеніе выписокъ изъ журналовъ нравственно-политическаго факультета, причемъ изъ статьи 3 открылось, что въ письменномъ рѣшеніи докторантомъ Ковалевскимъ вопроса на русскомъ языкѣ находились, по замѣчанію проф. Успенскаго, орѳографическія ошибки; по этому совѣтъ постановилъ истребовать отъ факультета объясненія, почему онъ допустилъ Ковалевскаго къ дальнѣйшему экзамену, не сообщивъ о замѣчаніи проф. Успенскаго. Изъ 4-й же статьи этихъ выписокъ оказалось, что факультетъ позволилъ проф. Шаду обработать основательнѣе и изложить яснѣе имъ одобренную диссертацію Ковалевскаго. При этомъ предложенъ былъ вопросъ, можетъ ли факультетъ позволить, чтобы диссертація кандидата, по одобреніи ея, изложена была профессоромъ яснѣе, а диссертація докторанта остава-

лась такою-же, какъ была одобрена. Профессора Шумлянскій и Успенскій объявили, что по мнѣнію ихъ, таковое обработываніе диссертаціи можетъ быть допущено по защищеніи ея и по окончаніи производства дѣла, но не прежде этого. Проф. Книгинъ утверждалъ, что по одобреніи факультетомъ диссертаціи, тотъ же предметъ, если онъ весьма важенъ и полезенъ, можетъ быть обработанъ основательнѣе и профессоромъ. Съ его мнѣніемъ согласились профессора—Швейкартъ, Делявинь, Осиповскій, Каменскій и Нельдехенъ. На запросъ по первому пункту факультетъ отвѣчалъ, что онъ не считалъ нужнымъ пріостанавливать экзамена и доносить совѣту о замѣчаніи проф. Успенскаго, ибо, во-первыхъ, вышеупомянутое письменное рѣшеніе вопроса профессоръ россійской словесности Срезневскій призналъ совершенно удовлетворительнымъ, какъ по содержанію, такъ и по изложенію, а во-вторыхъ, нѣкоторыя орѳографическія ошибки въ предметѣ философскомъ, для котораго терминологія и русскій слогъ еще не выработаны—не могли явиться достаточнымъ основаніемъ для временнаго прекращенія экзамена. 3-го мая заслушано было вторично предложеніе попечителя отъ 13-го марта и приложенное къ нему прошеніе магистра Ковалевскаго на имя министра народнаго просвѣщенія о выдачѣ ему диплома на званіе доктора. По прочтеніи прошенія совѣтъ замѣтилъ, а) что въ началѣ его находится галлицизмъ, противный свойствамъ русскаго языка, б) что магистръ Ковалевскій не слушалъ публичныхъ лекцій профессоровъ—Швейкарта, Рейта и Успенскаго; кромѣ того изъ дѣлъ нравственно-политическаго факультета открылось, что магистръ Ковалевскій при испытаніи на степень доктора философіи изъ философіи, русской и латинской словесности отвѣчалъ хорошо, письменныя рѣшенія его на латинскомъ языкѣ одобрены были деканомъ Рейтомъ, профессорами—Швейкартомъ и Шадомъ и адъюнктами Пауловичемъ и Дудровичемъ, а на русскомъ проф. Срезневскимъ, какъ относительно содержанія, такъ и изложенія; по замѣчанію же проф. Успенскаго тамъ были орѳографическія ошибки. Публичныя лекціи его были одобрены проф. Шадомъ, Рейтомъ, и Срезневскимъ. Проф. Рейтъ, Шадъ, адъюнкты Пауловичъ и Дудровичъ, ознакомившись съ диссертаціей, признали ее удовлетворительной, и такъ какъ проф. Шадъ объявилъ, что онъ хочетъ этотъ важный предметъ обработать основательнѣе и полнѣе, то факультетъ и на это согласился и опредѣлилъ напечатать диссертацію Ковалевскаго. Въ журналахъ факультета не было опредѣленія, чтобы магистръ Ковалевскій защищалъ диссертацію, обработанную проф. Шадомъ, послѣ же защиты было рѣшено, въ присутствіи декана Рейта, профессора Шада и адъюнктовъ Пауловича и Дудровича, что Ковалевскій

достоинъ степени доктора. При этомъ проф. Дегуровъ замѣтилъ, что диссертація магистра Ковалевскаго не всѣми членами факультета была одобрена, ибо профессора Швейкартъ, Лангъ и Успенскій не присутствовали, и что Ковалевскій экзаменованъ былъ только проф. Шадомъ и не экзаменованъ адъюнктомъ Дудровичемъ, преподающимъ логику; въ засѣданіи 22 декабря 1815 г. не было опредѣленія о производствѣ магистра Ковалевскаго въ доктора философіи; а въ засѣданіи 5-го января 1816 г., по поводу донесенія профессора Дегурова, поручено было комиссіи сличить диссертацію Ковалевскаго съ диссертаціею Шада прежде написанною. Совѣтъ не обратилъ вниманія на обидныя выраженія магистра Ковалевскаго о недоброжелательствѣ нѣкоторыхъ профессоровъ къ проф. Шаду, ибо они опровергались изслѣдованіемъ дѣла. Изъ донесенія факультета отъ 21 декабря 1811 г. явствуетъ, что студентъ Ковалевскій, при экзаменѣ на степень кандидата изъ философіи и естественнаго права отвѣчалъ *очень хорошо*; изъ исторіи, статистики и русской словесности *хорошо*; изъ физики, чистой математики и всеобщей исторіи *посредственно*. Магистръ Ковалевскій не состоялъ въ спискѣ студентовъ и какъ студентъ не былъ никогда экзаменованъ. Всѣ эти справки изъ протоколовъ факультета представлены были совѣту исправлявшимъ должность секретаря его проф. Каменскимъ и, по опредѣленію совѣта, разсмотрѣны порознь его членами. Въ засѣданіи 5 іюля проф. Рейтъ представилъ замѣчанія на эту справку. Эти замѣчанія сообщены были для разсмотрѣнія членамъ совѣта, съ тѣмъ, чтобы они дали письменное мнѣніе о дѣлѣ Ковалевскаго, но таковое сообщилъ только профессоръ Книгинъ; въ засѣданіи 12 іюля, большинствомъ голосовъ постановили донести обо всемъ этомъ предварительно попечителю, а потомъ выдать Ковалевскому дипломъ на степень доктора. 18 октября ректоръ представилъ предложеніе попечителя, въ которомъ, вслѣдствіе предписанія управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія князя Голицына, предлагалъ пріостановить исполненіе опредѣленія совѣта о выдачѣ Ковалевскому диплома на степень доктора, предоставивъ ему право, на основаніи § 100 устава университета, подвергнуться новому испытанію. О дѣлѣ докторанта Гриневича также разсуждали въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, а 11-го октября большинствомъ голосовъ рѣшено, чтобы онъ сочинилъ и напечаталъ другую диссертацію, а въ засѣданіи 18 октября къ этомъ опредѣленію прибавлено, чтобы до исполненія его донести объ этомъ попечителю. Наконецъ, въ засѣданіи 22 ноября прочитано было предложеніе попечителя о томъ, чтобы магистру Ковалевскому, сверхъ времени, истекшаго для экзамена, назначить еще годъ для усовершен-

ствованія въ наукахъ, а по прошествіи его, онъ, буде пожелаетъ, долженъ подвергнуться строгому испытанію, съ соблюденіемъ въ точности устава университета,—равно и о томъ, что если и дѣло Гриневича въ такомъ же положеніи, то и на него распространить это предписаніе. Совѣтъ опредѣлилъ: такъ какъ кандидатъ Гриневичъ находится въ такихъ же условіяхъ, какъ и магистръ Ковалевскій, то поступить и съ нимъ на основаніи предложенія попечителя, о чемъ и сообщено нравственно-политическому факультету. Въ засѣданіи совѣта 5-го января 1816 года были представлены цензурнымъ комитетомъ замѣчанія проф. Дегурова на книгу, изданную проф. Шадомъ „De viris illustribus urbis Romae". Совѣтъ опредѣлилъ сообщить ихъ проф. Шаду. Въ засѣданіи 3-го марта прочитано было предписаніе министра народнаго просвѣщенія о разсмотрѣніи этой послѣдней книги и представленіи о ней мнѣнія, равно и о томъ, на чемъ основывался совѣтъ при изданіи ея на счетъ университета. Совѣтъ постановилъ донести министру то, что изъ дѣлъ его открылось, именно: проф. Дегуровъ представилъ училищному комитету книгу „De viris illustribus urbis Romae" съ тѣмъ, чтобы она напечатана была для школъ. Комитетъ препроводилъ эту книгу для разсмотрѣнія въ словесный факультетъ; но прежде чѣмъ послѣдовало донесеніе факультета, проф. Шадъ предложилъ совѣту принять на себя изданіе этой книги съ прибавленіемъ примѣчаній, не требуя себѣ за этотъ трудъ никакого вознагражденія. Совѣтъ вслѣдствіе этого поручилъ изданіе ея проф. Шаду, основываясь на предписаніи министра народнаго просвѣщенія отъ 22 іюня 1811 г., которымъ позволялось печатаніе на счетъ университета латинскихъ классиковъ, какъ-то,—Юлія Цезаря, Саллюстія, Виргилія, Корнелія Непота и проч. Донесеніе цензурнаго комитета постановлено было сообщить членамъ совѣта для разсмотрѣнія. Но въ слѣдующихъ засѣданіяхъ не было сужденія объ этомъ предметѣ и когда получено было предложеніе попечителя относительно доставленія свѣдѣнія объ этой книгѣ, то въ засѣданіи 22 ноября положено сдѣлать справку объ этомъ изъ дѣлъ совѣта. Но была ли въ совѣтѣ разсматриваема эта справка, изъ журналовъ не видно, а только въ журналѣ 13-го декабря упоминается, что секретаремъ совѣта читано и одобрено было донесеніе попечителю о книгѣ „De viris illustribus urbis Romae", изданной профессоромъ Шадомъ. Изъ дѣлъ же правленія открылось, что имъ получено было предписаніе министра народнаго просвѣщенія отъ 28-го января 1816 года, въ которомъ онъ давалъ знать, что находитъ нужнымъ видѣть до выхода въ свѣтъ издаваемую проф. Шадомъ книгу L'Homond'a De viris illustribus urbis Romae и предлагалъ университету съ первою

почтою доставить ему по экземпляру каждаго напечатаннаго листа, и если еще не вся книга вышла изъ печати, то также прислать и неотпечатанную часть рукописи, самое же печатаніе остановить и отпечатанныхъ листовъ никому не выдавать. Вслѣдствіе этого по журналу правленія 17 февраля 1816 г. положено: донести министру народнаго просвѣщенія, что эта книга совсѣмъ уже отпечатана, но по причинѣ протеста противъ нея проф. Дегурова (о чемъ совѣтъ университета имѣлъ свое сужденіе) въ свѣтъ еще не выходила; по требованію же департамента министерства народнаго просвѣщенія два экземпляра ея были отправлены въ Петербургъ, а одинъ отосланъ къ попечителю. Что касается до изданнаго профессоромъ Шадомъ „Естественнаго права“, то до полученія предписанія объ удаленіи проф. Шада въ дѣлахъ совѣта упоминалось о немъ только въ засѣданіи 5-го апрѣля, а именно читалось предложеніе попечителя и замѣчанія министра народнаго просвѣщенія на эту книгу. Тогда же было рѣшено—копію замѣчаній министра сообщить въ училищный комитетъ и проф. Шаду, которому внушить, чтобы исполнилъ предписаніе начальства.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ ходъ дѣла о дарованіи ученыхъ степеней Гриневичу и Ковалевскому. Но мы должны теперь остановиться подробнѣе на самомъ существенномъ вопросѣ: дѣйствительно ли диссертаціи ихъ были списаны съ лекцій и сочиненій Шада. Разрѣшеніе этого вопроса, какъ мы видѣли, было поручено особой комиссіи изъ четырехъ профессоровъ—и вотъ ея отчетъ, сохранившейся въ подлинныхъ протоколахъ совѣта за 1816 г. [1]). Относительно диссертаціи Гриневича она пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. Весь 1-й § текста лекцій Шада, записанныхъ Сорочинскимъ и Колядинымъ, исключая перваго періода, содержится дословно во 2-мъ параграфѣ диссертаціи Гриневича, съ незначительнымъ измѣненіемъ словъ. 3-й и 4-й §§ диссертаціи съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ порядкѣ словъ, исключая одного предложенія, совершенно сходенъ со 2-мъ § обоихъ рукописей; только конецъ 2-го § рукописи Колядина выраженъ иначе. 3-й § обоихъ рукописей, съ незначительными измѣненіями словъ, содержится въ 5-мъ и 6-мъ § диссертаціи. 7, 8, 9, 10 и 11-й §§ диссертаціи соотвѣтствуютъ, за исключеніемъ двухъ предложеній, 4, 5, 6, 7 и 8 §§ записокъ. 12, 13 и 14 §§ диссертаціи, исключая одного періода, сходны съ 9, 10 и 11 §§ записокъ Колядина, въ которыхъ иными словами выражено только начало текста. 15-й § диссертаціи буквально сходенъ съ 12-мъ § рукописи Сорочинскаго и съ 10 § рукописи Колядина, исклю-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Diaria senatus academici 1816, sessio 22 Januarii.

чая нѣкоторыхъ выраженій, не мѣняющихъ однако смысла. 16-й § диссертаціи, исключая конца, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ словъ, содержится въ 13 § рукописи Сорочинскаго и въ началѣ 11-го § рукописи Колядина. 17, 18, 19, 20, 21 §§ диссертаціи сходны съ 14, 15, 16, 17 и 18 §§ рукописи Сорочинскаго и 11 § записокъ Колядина. 22, 23, 24, 25 и 26 §§ диссертаціи содержатся въ 19, 20, 21, 22 и 23 §§ запискокъ Сорочинскаго и 12, 13, 14 и началѣ 15 рукописи Колядина. Хотя въ 22, 25 и 26 §§ диссертаціи и находятся нѣкоторые періоды, которые отличаются отъ записокъ, но смыслъ одинаковый. 28, 39 §§ соотвѣтствуютъ, исключая нѣкоторыхъ измѣненій и прибавленій, 16, 17 и 18 §§ рукописи Колядина. Далѣе прерываются обѣ рукописи.

Сравнивъ диссертацію Ковалевскаго съ сочиненіемъ Шада, комиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ. 1, 2, 3 и 4-й §§ диссертаціи Ковалевскаго содержатся буквально въ 1, 2, 3, 4 и 5 §§ изслѣдованія Шада, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ серединѣ послѣдняго; 5-й § диссертаціи Ковалевскаго соотвѣтствуетъ 6-му и 7-му §§ сочиненія Шада; только начало 6-го § измѣнено и выпущено нѣсколько періодовъ изъ 7-го §. 6-й § диссертаціи Ковалевскаго совершенно сходенъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, съ 8, 9 и 10 §§ сочиненія Шада; только начало 9-го и вторая половина 10-го § не найдены въ немъ. 7 и 8 §§ диссертаціи Ковалевскаго соотвѣтствуютъ 11 и 12 §§ монографіи Шада, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ концѣ 12 § въ языкѣ, но не смыслѣ. 9 и 10-й §§ диссертаціи Ковалевскаго сходны съ 13 и 14 §§ книги Шада, но есть и такіе періоды, какихъ нѣтъ въ послѣдней; съ другой стороны не имѣется конца 15-го §. Начало 11-го § диссертаціи Ковалевскаго можетъ быть сопоставлено съ началомъ 16-го § сочиненія Шада; средней части этого § не найдено, но конецъ его дословно содержится въ 17 §, исключая перваго періода. Въ книгѣ проф. Шада комиссія не могла найти 12 § диссертаціи Ковалевскаго. 13-й § этой послѣдней содержится, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ словъ, въ первой половинѣ 97 § сочиненія проф. Шада; то же нужно сказать о 15-мъ §, который соотвѣтствуетъ 98 §; 16-й § содержится въ 99 и 105 §§ книги Шада; двухъ послѣднихъ параграфовъ комиссія не могла найти. Изъ всего этого видно, что оба эти сочиненія въ сущности одно и то же, съ тою только разницею, что книга проф. Шада гораздо обширнѣе.

Итакъ, комиссія произвела детальное сравненіе диссертацій Гриневича и Ковалевскаго съ лекціями проф. Шада и его печатнымъ сочиненіемъ и пришла къ убѣжденію, что они послужили почти единственнымъ перво-источникомъ для авторовъ не только въ смыслѣ содержанія, но даже изложенія; заимствованы были не однѣ мысли, а и

фразы, слова; правда въ диссертаціяхъ оказалось и кое-что оригинальное, но его было немного; латинскій языкъ обѣихъ диссертацій былъ настолько удовлетворителенъ, что не могъ, по мнѣнію комиссіи, принадлежать юнымъ авторамъ, недавно оставившимъ студенческую скамью. Изъ всего доклада комиссіи самъ собою напрашивается выводъ, котораго она изъ деликатности не сдѣлала, что проф. Шадъ прекрасно зналъ, что диссертаціи эти представляютъ почти буквальное переложеніе его лекцій и печатнаго сочиненія.

III.

Объясненія Ковалевскаго и проф. Шада относительно докторскихъ промоцій.

Магистръ Харьковскаго университета Петръ Андреевичъ Ковалевскій, сынъ мѣстнаго помѣщика, обратился съ жалобою на незаконныя дѣйствія совѣта къ министру народнаго просвѣщенія гр. Разумовскому и въ своемъ прошеніи писалъ. „Оказываемая мнѣ совѣтомъ несправедливость заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему сіятельству; пріемлю дерзновеніе обратить начальническое вниманіе ваше на слѣдующія обстоятельства. Получивъ магистерскій дипломъ 27 мая 1814 г., продолжая слушать публичныя и приватныя лекціи у профессоровъ этико-политическаго отдѣленія и неусыпно упражняться по этой части и будучи подвинутъ примѣрами многихъ своихъ товарищей, я, на основаніи Высочайше утвержденнаго устава, просилъ въ 1816 г. 28 іюня университетъ о допущеніи меня къ докторскому экзамену. Вслѣдствіе этой просьбы и согласно опредѣленію факультета, я, выдержавъ всѣ уставомъ предписанныя испытанія, представилъ 15 октября диссертацію „*De libertate mentis humanae*“, которая и одобрена была факультетомъ. Но при чтеніи ея профессоръ философіи Шадъ нашелъ избранную мною тему столь важной и близкой къ главнѣйшему предмету его ученія, что рѣшился лично обработать мою диссертацію, чтобы дать ей такой объемъ, который могъ бы вмѣстить всю его систему. Онъ объявилъ объ этомъ въ засѣданіи факультета и, получивъ оффиціально согласіе своихъ сочленовъ, занялся этимъ трудомъ. Въ половинѣ ноября мѣсяца эта диссертація, вновь обработанная уже соотвѣтственно глубокимъ знаніямъ и многолѣтнему упражненію профессора, изъ 17-ти страницъ распространена до 112-ти, отдана имъ въ печать съ предисловіемъ, въ которомъ проф. Шадъ объясняетъ и ея происхожденіе. Послѣ напечатанія ея 17 декабря, по желанію проф. Шада и всего факультета, я защищалъ эту диссертацію въ новомъ ея видѣ.

Сверхъ того я счелъ долгомъ отдать въ печать и свою собственную, какъ одобренную факультетомъ. Въ этомъ не могъ я видѣть ничего предосудительнаго, такъ какъ содержаніе обѣихъ было одно и то же; но я подношу при этомъ вашему сіятельству оба эти изданія.

По окончаніи публичной защиты, представленъ я былъ факультетомъ къ полученію докторскаго диплома и въ засѣданіи полнаго совѣта, именно 22 декабря единогласно утвержденъ въ званіи доктора, о чемъ свидѣтельствуетъ подписанный всѣми профессорами протоколъ.

Но въ засѣданіи совѣта отъ 5 января настоящаго года проф. Дегуровъ, по неизвѣстнымъ мнѣ личнымъ его побужденіямъ, предложилъ пріостановить выдачу мнѣ диплома, утверждая, якобы моя диссертація есть ничто иное, какъ выписка съ Шадовой, и доказывая это сходствомъ обоихъ первыхъ параграфовъ и позднѣйшимъ напечатаніемъ моей собственной. Ваше сіятельство изволите видѣть изъ вышепредставленнаго,—и это все актами можетъ быть засвидѣтельствовано—сколь безосновательно таковое предложеніе Дегурова. Оно однакоже по извѣстному здѣсь въ Харьковѣ недоброжелательству нѣкоторыхъ г.г. профессоровъ къ пр. Шаду уважено. Между тѣмъ съ теченіемъ времени все это дѣло отъ личностей и ссоръ запуталось до послѣдней степени и нѣтъ кажется другого средства разрѣшить его, какъ собственнымъ разсмотрѣніемъ вашего сіятельства. Въ виду этого съ глубокимъ чувствомъ обиды, оказываемой достойнѣйшему моему наставнику въ философіи и мнѣ лично, осмѣливаюсь представить нижеслѣдующія доказательства, могущія убѣдить васъ, милостивый государь, что я не недостоинъ просимой и уже назначенной мнѣ степени.

Послѣ домашняго ученія, приличнаго моей фамиліи и ея достоинству, отданъ я былъ родителемъ моимъ въ 1800 году въ пансіонъ, славившійся тогда въ здѣшнихъ губерніяхъ и извѣстный даже Государю Императору, отца протоіерея Василія Фотіева, у котораго я былъ не изъ послѣднихъ учениковъ. Въ 1802 г. поступилъ я въ Харьковское главное народное училище, въ которомъ получилъ два одобрительные листа, а о нахожденіи моемъ въ гимназіи свидѣтельствуетъ прилагаемый при семъ аттестатъ. Въ 1807 году опредѣлился я въ пансіонъ Императорскаго Московскаго университета, гдѣ произведенъ въ студенты, и на это имѣю аттестатъ отъ Московскаго университета. Съ 1809 года въ качествѣ студента Харьковскаго университета слушалъ лекціи у разныхъ профессоровъ. Въ 1812 году по испытанію въ силу устава произведенъ въ кандидаты. Въ 1814 г., какъ ваше сіятельство изволили выше видѣть, произведенъ въ магистры и противъ обоихъ производствъ ни отъ кого никакихъ возраженій не было. Льщусь,

милостивый государь, что ваше сіятельство почтете неестественнымъ, чтобы всѣ эти свидѣтельства были ложны. Цѣлый рядъ ихъ по крайней мѣрѣ можетъ сдѣлать сомнительнымъ обидное для меня предположеніе проф. Дегурова, у котораго (признаю вину мою) я лекцій не слушалъ. Остальную часть моего оправданія вслѣдствіе должнаго моего уваженія къ Императорскому Университету, которому я принадлежу, долженъ я представить собственной проницательности Вашего Сіятельства и Вашей всѣмъ извѣстной справедливости". 15-го февраля 1816 г.

Съ своей стороны и Шадъ также обратился въ министерство съ жалобою на Дегурова и съ разъясненіями по дѣлу о диссертаціяхъ.

„Дѣла университета, писалъ онъ министру, приняли съ нѣкотораго времени противное существующимъ правиламъ направленіе, благодаря безпорядкамъ, производимымъ проф. Дегуровымъ. Онъ своими каверзами довелъ въ совѣтѣ дѣло до того, что голоса лицъ, настаивающихъ на соблюденіи постановленій, вовсе не принимаются во вниманіе. По этому случаю я объяснилъ совѣту, что въ такомъ непріятномъ положеніи буду вынужденъ отнестись къ вашему сіятельству и до тѣхъ поръ не буду засѣдать въ совѣтѣ, пока не будутъ выполнены требованія устава, съ намѣреніемъ нарушенныя. Такимъ образомъ, чтобы избѣжать отвѣтственности, я въ трехъ засѣданіяхъ представлялъ совѣту въ силу 55 § устава свое особое мнѣніе, прося внести его въ протоколъ, но тщетно. Слѣдовательно, для защиты невинности своей мнѣ не остается иного средства, какъ избѣгать собранія, въ которомъ продолжаются еще противозаконія, до тѣхъ поръ пока властію вашего сіятельства не возстановится прежній порядокъ и законныя постановленія не возымѣютъ своего дѣйствія. Двѣ причины побуждаютъ проф. Дегурова все привести въ разстройство; первая касается моей книги „De viris illustribus urbis Romae". При этомъ имѣю честь представить вашему сіятельству свое оправданіе (приложеніе 1-е) противъ доноса проф. Дегурова; въ немъ я доказываю двѣ вещи, во-первыхъ, что доносъ этотъ по разнымъ видамъ несправедливъ, а во-вторыхъ, что заключается въ немъ множество такихъ доказательствъ, которыя показываютъ невѣжество этого профессора. По этому осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше сіятельство, какъ опороченную мою книгу, такъ и самое возраженіе мое предложить всему ученому свѣту, въ твердой надеждѣ, что то и другое будутъ приняты съ отличнымъ одобреніемъ.

Вторая причина, почему проф. Дегуровъ старается возбудить только раздоръ въ университетѣ къ неудовольствію цѣлаго города Харькова, заключается въ томъ, что двое молодыхъ людей съ отличными способностями изъ этико-политическаго факультета, по выдержа-

ніи надлежащихъ испытаній, статутомъ предписанныхъ, заслуживъ всеобщее одобреніе, признаны достойными докторской степени. Первый изъ этихъ молодыхъ людей—Петръ Ковалевскій, который въ 1809 г., окончивъ курсъ ученія своего въ Московскомъ университетѣ, проживалъ до сихъ поръ на собственномъ иждивеніи въ Харьковѣ и въ продолженіи этого времени занимался съ большимъ прилежаніемъ юридическими, политическими, философскими и филологическими науками съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ своему отечеству.

Другой молодой человѣкъ—Илья Гриневичъ, который въ продолженіе пятилѣтняго ученія своего въ Харьковскомъ университетѣ проходилъ лекціи всѣхъ факультетовъ, не исключая и медицинскаго, для пріобрѣтенія всеобщаго понятія о всѣхъ наукахъ. Но главный его предметъ составляли философія и латинская словесность. Когда оба они съ полнымъ одобреніемъ выдержали диспутъ, то этико-политическій факультетъ призналъ ихъ достойными докторской степени. Опредѣленіе это предложено совѣту чрезъ декана проф. Рейта 22 декабря 1815 года. Въ этомъ засѣданіи возсталъ проф. Дегуровъ, утверждая, что диссертація Гриневича вся будто бы выписана изъ моихъ манускриптовъ, диктованныхъ мною студентамъ, и настаивалъ при этомъ на назначеніи особенной комиссіи для изслѣдованія этого дѣла. Большая часть профессоровъ, будучи настроена профессоромъ Дегуровымъ, опредѣлила выдачу диплома Гриневича пріостановить, пока дѣло это не будетъ изслѣдовано комиссіею и представлено совѣту; Петру же Ковалевскому выдать дипломъ на докторское званіе.

Члены этой комиссіи открыли первое засѣданіе свое 23 декабря совсѣмъ противозаконно; ибо, гдѣ есть хотя нѣкоторое понятіе о правѣ, вездѣ для членовъ комиссіи обязательны два непремѣнныя условія, а именно: никакой членъ комиссіи не можетъ прежде приступить къ дѣлу, пока не будетъ ему на то дано полномочіе, коимъ и власть его опредѣляется, 2-е, что никакой членъ комиссіи не можетъ преступить границъ даннаго ему полномочія. Но члены настоящей комиссіи оба эти общепринятыя правила нарушили уже первымъ своимъ засѣданіемъ. Они открыли тотчасъ, 23 числа, свое присутствіе, не дождавшись экстракта съ опредѣленія совѣта, которое въ качествѣ полномочія надлежало для нихъ изготовить секретарю; а вовторыхъ, по возмущенію проф. Дегурова, они преступили свое полномочіе входя въ дѣло, до нихъ вовсе не принадлежащее. Совѣтъ постановилъ выдать Петру Ковалевскому безъ дальняго отлагательства докторскій дипломъ. Дегуровъ же, не смотря на сдѣланное университетскимъ совѣтомъ опредѣленіе, въ первое засѣданіе комиссіи настоялъ на томъ, чтобы

пріостановились также и съ выдачею диплома Ковалевскому, сдѣлавъ при этомъ ложное донесеніе. Такимъ образомъ, комиссія, исполнивъ требованіе Дегурова, нарушила своевольнымъ образомъ опредѣленія совѣта, вопреки своего долга, обязанности и права.

Узнавъ все это отъ секретаря комиссіи, адъюнкта Комлишинскаго, я подалъ ректору прошеніе, прилагаемое подъ № II, и когда ректоръ не хотѣлъ удовлетворить справедливой и законной моей просьбы, то подалъ я 12 января приложенную здѣсь подъ № III новую просьбу въ совѣтъ. Но тутъ профессора—Дегуровъ, Каменскій, Шумлянскій и Успенскій подняли шумъ и не принимали отъ меня никакого ни словеснаго, ни письменнаго объясненія. Наконецъ, когда я сослался на законъ, по которому должно было меня выслушать, то кончилось тѣмъ, что было прекращено засѣданіе. Не слушали также и профессора Рейта, когда онъ актами факультета думалъ доказать несправедливость донесенія профессора Дегурова. Въ послѣднемъ засѣданіи 17 января я снова покушался обратиться къ тѣмъ, которые дѣйствовали противозаконно и снова подалъ прошеніе, прилагаемое подъ № IV, и снова сослался на уставъ, 55-мъ параграфомъ коего предписано: „если кто противнаго мнѣнія, тотъ можетъ письменно объяснить его за своею подписью. Мнѣніе это внесется въ журналъ, и за силою сего, тотъ уже не будетъ подлежать отвѣтственности въ общемъ опредѣленіи“. Но никоимъ образомъ не могъ я успѣть въ томъ, чтобы письменное мнѣніе мое было внесено въ протоколъ. Я просилъ наконецъ, чтобы по крайней мѣрѣ внесли въ протоколъ тотъ фактъ, что 12 января прекращено было засѣданіе единственно потому, что не хотѣли меня выслушать. Но вопреки этому положили ни о чемъ этомъ не упоминать. Видя, такимъ образомъ, что профессоръ Дегуровъ успѣлъ большую часть профессоровъ склонить къ противозаконному дѣйствію, чтобы только съ своей стороны успѣть въ ложномъ и несправедливомъ доносѣ, послалъ я 9 февраля приложенную здѣсь подъ № V бумагу въ совѣтъ, въ которой изъяснилъ, что до тѣхъ поръ не могу присутствовать въ совѣтѣ, пока не будутъ выполнены постановленія, съ намѣреніемъ нарушенныя, ибо когда при такихъ обстоятельствахъ мнѣ не позволяется внести въ журналъ своего мнѣнія, то опасаясь, чтобы при изслѣдованіи этого противозаконнаго дѣйствія не подпасть вмѣстѣ съ виновными подъ отвѣтственность, такъ какъ тогда не въ состояніи буду доказать справедливости своего дѣла. По этимъ причинамъ вынужденъ всепокорнѣйше просить ваше сіятельство объ увольненіи меня временно отъ присутствія въ совѣтѣ, пока не возстановится прежній порядокъ и не будетъ болѣе опасности подлежать отвѣтственности въ чужихъ дѣлахъ.

Весь доносъ профессора Дегурова противъ тѣхъ двухъ молодыхъ людей, которыхъ этико-политическій факультетъ призналъ достойными докторскаго званія, столь же неосновательенъ, сколько и несправедливъ. Онъ обвинялъ Петра Ковалевскаго, будто-бы тотъ свою диссертацію *„De libertate mentis humanae“* списалъ съ моей. Но что обвиненіе это совершенно ложно, явствуетъ изъ предисловія моей диссертаціи и изъ самихъ актовъ факультета. Петръ Ковалевскій подалъ мнѣ 12 октября 1815 г. свою диссертацію для пересмотра. Я нашелъ, что тема ея обработана столь хорошо, что мнѣ въ этомъ отношеніи не оставалось сдѣлать никакой перемѣны, а только измѣнить слогъ; такъ какъ диссертація была сочинена на латинскомъ языкѣ и должна была появиться въ печати, то сдѣланы были мною нужныя поправки, ибо наблюденіе за правильностью языка не относится къ цензурному комитету. Послѣ этого П. Ковалевскій представилъ свою диссертацію декану факультета который сообщилъ ее 15-го октября другимъ членамъ факультета коими она и была одобрена. Но какъ тема эта—*о свободѣ волѣ человеческой*,—чрезвычайно важна и еще не однимъ философомъ, кажется, не была обработана такъ, чтобы не подлежала болѣе ни малѣйшему сомнѣнію, то предложилъ я письменно совѣту сочиненную Ковалевскимъ диссертацію и факультетомъ одобренную далѣе распространить и пояснить со всѣхъ сторонъ. Принятіе столь общеполезнаго труда было мнѣ не только позволено факультетомъ, но еще и съ похвалою принято. Изъ всѣхъ этихъ дѣлъ, которыя находятся въ протоколахъ факультета, равно какъ и изъ самаго предисловія диссертаціи, явствуетъ, что весь доносъ профессора Дегурова ложенъ, несправедливъ и, слѣдовательно, неосновательенъ.

Что же касается до диссертаціи Гриневича, то хотя онъ и многое заимствовалъ изъ моихъ манускриптовъ, продиктованныхъ мною въ теченіе шести лѣтъ студентамъ, однако много также присовокупилъ и изъ собственныхъ своихъ идей и познаній, особенно что касается до разрѣшенія главнаго предложенія. Студенты философіи не имѣютъ другихъ источниковъ и пособій, кромѣ моихъ манускриптовъ и моихъ книгъ. Нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они составляли собственныя системы; довольно, если они искуснымъ образомъ успѣютъ пользоваться моими манускриптами и книгами и защищать публично съ похвалою основанія моей философіи. Въ нѣмецкихъ университетахъ диссертаціи пишутся большею частью своими профессорами, а отъ студентовъ требуется только, чтобы они умѣли ихъ на публичныхъ диспутахъ надлежащимъ образомъ защищать, слѣдовательно, доносъ профессора Дегурова и противъ г. Гриневича неосновательенъ, ложенъ и вовсе не справедливъ.

Впрочемъ Гриневичъ одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, какого мы когда либо въ университетѣ имѣли, и онъ можетъ съ честью выдержать экзаменъ на докторское званіе во всякомъ университетѣ.

Въ заключеніе пріемлю смѣлость представить вашему сіятельству рѣчь, которую я сказалъ 25 декабря минувшаго года, съ полнымъ одобреніемъ всѣхъ ученыхъ и благомыслящихъ людей, но за которую профессоръ Делявинъ оскорбилъ меня при всемъ открытомъ собраніи и которую ректоръ, не смотря на просьбу мою, не хотѣлъ позволить напечатать иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ я выкинулъ мѣста, въ которыхъ говорю о французахъ.

Эта самая рѣчь была одобрена цѣлымъ факультетомъ, слѣдовательно, въ силу устава, не подлежала уже дальнѣйшей цензурѣ. При этомъ имѣю честь представить два экземпляра ея—одинъ, подписанный членами факультета и мною читанный въ собраніи, другой, гдѣ я ту же самую тему распространилъ далѣе, и наконецъ русскій переводъ ея. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить удостоить рѣчь эту собственнымъ вашего сіятельства изслѣдованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ее на разсмотрѣніе другимъ. А такъ какъ рѣчь эта заключаетъ въ себѣ разсужденіе о религіи, то можетъ быть не худо было бы представить ее на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Преисполненъ будучи надежды на правосудіе вашего сіятельства, ожидаю отвѣта на вопросы, мною указанные. Я уже предувѣренъ, что ваше сіятельство ни подъ какимъ видомъ не одобрите безпорядковъ, произведенныхъ въ университетѣ профессоромъ Дегуровымъ".

Какъ отнестись къ этимъ объясненіямъ Ковалевскаго и Шада? Подрываютъ ли они сущность заключеній комиссіи?

Формальныя возраженія проф. Шада противъ законности дѣйствій комиссіи не имѣютъ значенія, тѣмъ болѣе, что они опровергаются подлинными протоколами совѣта. Пересмотрѣвъ ихъ, мы убѣдились, что законное полномочіе на сличеніе диссертаціи Ковалевскаго съ книгою проф. Шада комиссія получила въ засѣданіи совѣта 5 января 1816 г., причемъ въ засѣданіи этомъ присутствовалъ и проф. Шадъ, скрѣпившій своею подписью протоколъ. Но заслуживаютъ вниманія тѣ разъясненія Шада, которыя касаются существа дѣла, и въ особенности его свидѣтельство, что онъ переработалъ диссертацію Ковалевскаго съ научными цѣлями съ одобренія факультета; интересно также его признаніе, что Гриневичъ дѣйствительно широко воспользовался его лекціями, но что не только русскіе, а и заграничные студенты обыкновенно писали свои диссертаціе при непосредственной помощи и содѣйствіи профессоровъ. Если принять эти объясненія, то они устранятъ, быть мо-

жетъ, дурные или своекорыстные мотивы въ этомъ дѣлѣ Шада, хотя возможность этихъ послѣднихъ зиждется еще и на другихъ аналогичныхъ фактахъ, приведенныхъ нами въ 1-мъ томѣ „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ (587—589 стр.). Но необходимо также принять во вниманіе при этихъ обвиненіяхъ, что противъ Шада давно уже существовала страшная ненависть со стороны многихъ членовъ совѣта и въ особенности со стороны профессоровъ французскаго происхожденія— Дегурова, Делявиня, Паки-де-Савиньи за его рьяное галлофобство; припомнимъ также его ожесточенную борьбу со Стойковичемъ и всевозможные подкопы противъ него этого послѣдняго въ дѣлѣ докторской промоціи Хлапонина. Атмосфера всего совѣта была до такой степени насыщена враждою и ненавистью, что на этой почвѣ должны были зарождаться обвиненія, подобныя разбираемому нынѣ.

IV.

Обвиненія, направленныя противъ сочиненій Шада.

„De viris illustribus urbis Romae“ и „Institutiones“.

Мы видѣли уже, что проф. Шаду пришлось защищать въ совѣтѣ не только диссертаціи учениковъ, но и свои собственные труды. Остановимся теперь подробнѣе на ходѣ этого дѣла, пользуясь подлинными совѣтскими протоколами.

Въ засѣданіи 5-го января 1816 г. былъ заслушанъ отзывъ цензурнаго комитета о книгѣ Шада „De viris illustribus urbis Romae“. Вотъ подлинный текстъ его, сохранившійся въ „дѣлѣ о Шадѣ“. 22 ноября 1815 г. деканъ правленія и членъ цензурнаго комитета профессоръ Дегуровъ запросилъ, было ли представлено въ цензурный комитетъ профессоромъ Шадомъ предисловіе и посвященіе къ изданной по порученію совѣта классной книгѣ подъ названіемъ *„De viris illustribus Romae“*; и такъ какъ по справкѣ въ этомъ комитетѣ оказалось, что они туда не были представлены, то онъ объявилъ, что протестуетъ противъ выпуска этой книги.

Ноября же 29 этотъ профессоръ въ присутствіи цензурнаго комитета заявилъ, что, прочитавши изданное профессоромъ Шадомъ сочиненіе *Ломона* подъ названіемъ: „De viris illustribus Romae“ (о знаменитыхъ мужахъ Рима), онъ нашелъ 1) что предисловіе къ нему представляетъ много такихъ мѣстъ, кои, по его мнѣнію, не могутъ быть напечатаны съ одобренія университета и что оно содержитъ притомъ обидное замѣчаніе на счетъ сочинителя, который родился въ 1718 году,

умеръ въ 1794 г. и издалъ это небольшое собраніе исторій назадъ тому 40 лѣтъ, а потому и не могъ никакъ имѣть намѣренія хвалить военную систему Наполеона.

2) что между прибавленіями, сдѣланными профессоромъ Шадомъ, есть такія, кои никакъ не могутъ имѣть мѣста въ книгѣ, предназначенной для юношества. Такъ, напримѣръ, Ломонъ говоритъ: *Rea Silvia Remum et Romulum partu edidit.* Профессоръ Шадъ прибавляетъ: *complexu Martis*, и въ примѣчаніи на это мѣсто возвращается къ тому же понятію: *fabula conficta est Martem amplexu suo eam Romuli et Remi matrem efficisse.*

На ту же статью есть еще третье замѣчаніе, въ которомъ говорится: *Acca Laurentia propter quaestum corporis a vicinis Lupa appellata est unde ad nostram usque aetatem meretricum cellulae lupanaria vocantur.*

Ломонъ разсказываетъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію Лукреціи: *Sextus Lucretiae vim intulit.* Профессоръ Шадъ, написавши эти слова Ломона, прибавляетъ: *res autem ita contigit*; за симъ слѣдуетъ повѣствованіе Тита Ливія, въ которомъ находится слѣдующее выраженіе: *vestigia viri alieni, Collatine, in lecto sunt tuo.*

Въ статьѣ о Виргиніи, которая у Ломона не заключаетъ въ себѣ двухъ маленькихъ страницъ, профессоръ Шадъ привелъ отъ 9 до 10 большихъ страницъ изъ Тита Ливія, гдѣ между прочими выраженіями, кои трудно объяснить дѣтямъ, находятся слѣдующія слова: *non ad stuprum educavi filiam, placet ne pecudum ferarumque vitu in coitum ruere*; на страницѣ 91 находится политическое замѣчаніе, состоящее въ слѣдующемъ: кто въ этомъ мѣстѣ не вообразитъ себѣ Наполеона и народъ французскій? Въ нашемъ вѣкѣ величайшее вѣроломство справедливо можетъ назваться вѣроломствомъ французскимъ.

3) Къ этому профессоръ Дегуровъ присовокупилъ, что цѣль, съ которою онъ предложилъ словесному отдѣленію напечатать небольшую книжку Ломона, невыполнена. Онъ хотѣлъ доставить для четвертаго класса гимназіи собраніе исторій, приличное возрасту дѣтей, его посѣщающихъ, съ тѣмъ чтобы можно было продавать эту книжку по 40 или 30 к.; но маленькая Ломонова книжка въ 24 долю листа, не заключающая въ себѣ можетъ быть 5-ти печатныхъ листовъ, оказывается превращенною въ книгу, въ которой 18 листовъ; причина же этого заключается: a) въ прибавленіи многихъ мѣстъ изъ Тита Ливія отъ 1 до 10 страницъ, съ цѣлью растянуть повѣствованія Ломона; b) въ прибавленіи 7 страницъ, взятыхъ изъ Саллюстія и помѣщенныхъ въ жизнеописаніи Цицерона и другихъ прибавкахъ того же рода; c) наконецъ въ безполезномъ умножающемъ только цѣну книги прибавленіи

біографіи Аттики изъ Корнелія Непота занимающей 20 страницъ и въ прошломъ году напечатанной уже университетомъ въ Корнеліи Непотѣ.

4) Сверхъ того профессоръ Дегуровъ предложилъ: a) рѣшить, должно ли имя Ломона находиться въ заглавіи книги; b) прилично ли, чтобы книга, напечатанная по опредѣленію университетскаго совѣта и по общему одобренію, была посвящена министру народнаго просвѣщенія только отъ имени того лица, которому было поручено наблюденіе надъ изданіемъ ея?

Цензурный комитетъ нашелъ замѣчанія профессора Дегурова справедливыми; но такъ какъ назначеніе книгъ для употребленія въ подвѣдомственныхъ университету училищахъ зависитъ отъ совѣта, то обо всемъ этомъ рѣшено представить этому послѣднему. Совѣтъ постановилъ сообщить эти замѣчанія проф. Шаду.

Въ засѣданіи 5 апрѣля 1816 г. въ совѣтѣ была сообщена бумага министра народнаго просвѣщенія, въ которой было подвергнуто разбору съ цензурной точки зрѣнія другое сочиненіе Шада „Institutiones juris naturae“. Бумага эта 15-го марта отправлена была попечителю, а этимъ послѣднимъ сообщена совѣту. Вотъ ея подлинный текстъ. „Профессоромъ Харьковскаго университета Шадомъ для употребленія учащимися издана книга подъ заглавіемъ *„Institutiones juris naturae“*. Книга эта по слогу своему уже неудобна къ употребленію какъ учебная книга для россійскаго юношества. Учебныя книги, коими руководствуются въ дѣлѣ преподаванія, должны быть сколь возможно просты, кратки и ясны; помянутое же сочиненіе слишкомъ пространно и во многихъ мѣстахъ весьма не ясно. Въ немъ помѣщены разныя постороннія разсужденія, совсѣмъ не входящія въ составъ такой учебной книги, какъ то—длинныя объясненія предложенной авторомъ системы и опроверженіе возраженій противниковъ (напр. § 18—21, § 31 и слѣд. § 71 и мн. др.); часто повторяемы намеки на новѣйшія политическія происшествія и на извѣстныя лица (напр. стр. 36, 170 и сильное нападаніе на французовъ въ пользу нѣмцевъ на стр. 218—232); длинные отрывки не только изъ древнихъ, но и изъ новѣйшихъ авторовъ (стр. 27, 232 и слѣд., стр. 221 и слѣд. 280) даже изъ поэтовъ (стр. 160, 161). Сверхъ того находится въ этой книгѣ довольно отвлеченныхъ темныхъ мыслей и объясненій (напр. § 2, 18, стр. 68, 69 и 83, разсматриваніе права и наказанія по категоріямъ § 22, стр. 101, 131—мѣста неудобопонятныя для нашего юношества). Авторъ придерживается новѣйшей въ Германіи возникшей философіи и въ особенности, послѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ правилахъ системѣ Шеллинга; а весьма сомнительно, должно ли прямо допустить введеніе этой системы въ Россіи и вкоре-

неніе ея въ памяти молодыхъ россіянъ? Кромѣ того находятся разныя мѣста, въ которыхъ авторъ разсуждаетъ не съ надлежащею осторожностью и выражаетъ мысли свои не съ тою скромностью, которая нужна въ учебной книгѣ. Въ его сочиненіи приводятся мѣста совсѣмъ не сообразныя съ коренными въ нашемъ государствѣ понятіями: о государевой власти (стр. 175 и 345) о недопущеніи никакихъ особенныхъ истолкованій или ереси между православными христіанами (167, 168) и весьма неприличные упреки существующихъ въ Россіи учрежденій (стр. 183, 302). Объясненіе правилъ о супружескомъ союзѣ (283 и слѣд.) по справедливости можетъ быть сочтено противнымъ нравамъ. Хотя правила автора и могли бы быть оправдываемы, какъ сами по себѣ не противныя добродѣтели, но въ томъ видѣ, какъ имъ изложены, они не приличны въ писанномъ для юношества сочиненіи (institutiones). Они могутъ подавать поводъ къ соблазнамъ и даже къ порчѣ нравовъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ покорно прошу ваше сіятельство, по разсмотрѣніи этой книги, предписать Харьковскому университету, чтобы она не была употребляема въ дѣлѣ преподаванія; на будущее же время подтвердить, чтобы всѣ книги, назначаемыя для преподаванія до напечатанія разсматриваемы были совѣтомъ либо составленной нарочно для этого особой комиссіей, ибо одной цензуры для такихъ книгъ не достаточно". Совѣтъ постановилъ объ изложенномъ довести до свѣдѣнія училищнаго комитета и проф. Шада (послѣдняго не было въ засѣданіи).

Итакъ, проф. Дегуровъ открыто выступилъ противъ сочиненія Шада „De viris illustribus" и призналъ его неподходящимъ и соблазнительнымъ для русскаго юношества—цензурный комитетъ только согласился съ его мнѣніемъ. Не мѣшаетъ вспомнить при этомъ однако, что онъ самъ первоначально хотѣлъ издать это сочиненіе Ломона и былъ сильно раздраженъ на Шада, который сталъ ему поперегъ дороги въ этомъ предпріятіи. Изданіе Шада вышло гораздо полнѣе оригинала и эту полноту Дегуровъ и поставилъ ему въ вину. Но особенно Дегуровъ былъ, очевидно, возмущенъ рѣзкими выходками Шада противъ французовъ въ предисловіи къ этой книгѣ и въ актовой рѣчи. При такомъ возбужденіи арена совѣтскаго зала дѣлалась уже тѣсной и противники перенесли дѣло далеко за ея предѣлы—въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія.

Мы видѣли, что министръ народнаго просвѣщенія прислалъ попечителю бумагу, въ которой отмѣчены были неудобныя и вредныя сужденія Шада, разсѣянныя въ его книгѣ о естественномъ правѣ. Между тѣмъ книга эта вышла въ свѣтъ уже раньше, съ разрѣшенія университетской цензуры. Очевидно, *кто то* сдѣлалъ указаніе министерству

на эту книгу. И дѣйствительно, въ „дѣлѣ о Шадѣ“ мы нашли особую бумагу, присланную въ Петербургъ *изъ Харькова* и скрѣпленную подписью секретаря совѣта проф. Каменскаго—и она буквально содержитъ въ себѣ все то, что отмѣтилъ министръ въ книгѣ Шада о естественномъ правѣ; она послужила единственнымъ источникомъ для осужденія сочиненія Шада. Слѣдуетъ въ интересахъ истины прибавить, что въ ней нѣтъ упоминанія о Дегуровѣ, и мы можемъ только подозрѣвать его въ сочиненіи этого документа, основываясь на томъ, что онъ велъ и явную, и тайную борьбу съ Шадомъ и обвинялъ его въ неблагонамѣренности за другія сочиненія. Но вѣроятнѣе, что составителемъ этого обвиненія было другое лицо, быть можетъ и тотъ самый проф. Каменскій, именемъ котораго подписанъ документъ; трудно предположить чтобы онъ только переслалъ его къ министру въ качествѣ секретаря совѣта—въ такомъ случаѣ мы бы нашли указанія на него въ дѣлопроизводствѣ этого послѣдняго—а ихъ не оказывается; значитъ едва ли онъ былъ тутъ передаточной инстанціей; наконецъ, и самый характеръ доноса скорѣе обличаетъ въ немъ русскаго человѣка, чѣмъ иностранца, которому трудно было сдѣлать точныя указанія на несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ проф. Шада съ коренными русскими понятіями о государственной власти, о религіи, о существующихъ учрежденіяхъ. Правда проф. Каменскій не былъ юристъ, а медикъ, но мы знаемъ изъ отзыва Роммеля, что это былъ тонкій дѣлецъ, причинявшій не мало хлопотъ профессорамъ иностранцамъ своими рапортами въ Петербургъ. Наконецъ, фактическій матеріалъ для своего обвиненія онъ могъ получить и отъ кого либо другого. Впрочемъ, мы нисколько не настаиваемъ на своей мысли и смотримъ на нее только какъ на одну изъ возможныхъ въ этомъ дѣлѣ догадокъ. Тайные доносы на Шада во всякомъ случаѣ были пущены въ ходъ и два такіе доноса въ подлинникахъ найдены мною въ „дѣлѣ Шада“; авторомъ ихъ былъ проф. Дегуровъ.

V.

Доносы проф. Дегурова.

Проф. Дегуровъ не ограничился публичными обвиненіями противъ Шада въ совѣтѣ, гдѣ онъ во всякомъ случаѣ дѣйствовалъ на законной почвѣ, и рѣшился сдѣлать тайный доносъ на своего противника министру, и это былъ уже предосудительный поступокъ съ его стороны, ибо въ самомъ дѣлѣ—что можетъ быть отвратительнѣе доноса?

Подлинный текстъ обоихъ доносовъ проф. Дегурова на Шада, адресованныхъ директору департамента министерства народнаго просвѣщенія сохранился въ „дѣлѣ о Шадѣ".

Первый касается докторскихъ промоцій Гриневича и Ковалевскаго и отмѣчаетъ вредныя мысли въ тезисахъ диссертаціи Гриневича и вліяніе на него идей Шеллинга. Вотъ его подлинный текстъ. „Je crois devoir rendre compte à votre Excellence de ce que j'ai fait dans le dernier *Senat academique*.

La faculté politico-morale a promis au grade de docteur le candidat Elias Grinévitch et l'a proposé à la confirmation du Senat.

J'ai protesté contre cette promotion, attendu que la *dissertation inaugurale* publiée par Grinévitch, comme son propre ouvrage, dediée par lui à M. Viazmitinoff et approuvée par la faculté, à ce que je crois, n'est absolument que l'ouvrage du prof. Schad lui même. Celuici l'a dictée il y a 4 ou 5 ans à ses auditeurs: elle se trouve mot pour mot dans leurs cahiers; et j'ai remis au Sénat deux de ces cahiers qui font foi de ce que j'avance. Le Sénat académique à nommé quatre membres pour verifier le fait.

La commission rassemblée, je lui ai remis une autre dissertation inaugurable. C'est celle du *magister Kovalevsky* promu aussi au grade de docteur à aussi bon marché que le candidat Grinévitch.

Votre Excellence se douterait elle que pour être docteur en philosophie, il suffit d'un examen sur la philosophie par M. Schad, sur la *langue russe* par le professeur, qui l'enseigne, et sur la langue latine encore par M. Schad? Et cette dernière même ne doit pas être comptée, parce qu'en général la connaissance qu'on en acqu is est peu de chose et que d'ailleurs d'après les statuts on peut même en dispenser. Lorsqu'on a exclu les sciences physiques et mathématiques et les sciences historiques du nombre de celles qui sont nécessaires pour parvenir au grade de docteur en philosophie, je n'ai pu que protester contre un pareil arrengement. J'éspère que les abus crians, qui en sont résultés, cesseront bientôt par l'adoption du plan que le ministre de l'instruction publique a proposé, il y a six mois, pour les promotions aux grades academiques.

Mais il ne suffit pas à M. Schad de faire des examens *pro forma*, comme votre Excellence peut en juger elle même, de composer les dissertations des docteurs ou de leur donner à copier des cahiers qui sont depuis plusieurs années entre les mains de nos étudiants... je m'arrête; je ne veux rien écrire en particulier à votre Excellence que je n'ai dit en public. Je vous prie seulement, monsieur, de jetter les yeux sur les thèses imprimées que je joins à cette lettre et qui suivent la dissertation du candidat Grinevitch. La 6 contient une définition de la matière. Plusieurs autres

présentent d'étranges idées en physique. Mais ma faible raison se prosterne devant *Schelling*. Cependant j'oserais croire que ce n'est pas là l'enseignement qui convient á la Russie. Votre Excellence au reste est meilleur juge que moi à cet égard: je ne fais que lui proposer mes doutes. Mais une thèse sur la quelle je n'hésiterai pas de passer condamnation c'est la 18—Finis absolutus omnis matrimonii non est procreatio sobolis, sed amor. De pareils principes sont subversifs et de la religion et de la loi civile. Si celui ci n'eut pas été imprimé, il m'aurait été inconnu. On ne l'aurait pas attendu de quelque un qui cite S. Paul et la Bible. Je suis avec respect. Degouroff. Karkoff. 4 janvier 1816".

Дегурову хорошо было извѣстно, что министръ гр. Разумовскій относится неодобрительно къ Шеллинговой философіи. Еще въ 1814 г., по поводу представленія ученика Шада Дудровича въ адъюнкты онъ писалъ въ совѣтъ: „до свѣдѣнія моего дошло, что Шадъ рекомендовалъ Дудровича, какъ свѣдующаго въ системахъ Канта, Фихте и Шеллинга. А такъ какъ съ видами министерства народнаго просвѣщенія не согласно распространеніе въ учебныхъ заведеніяхъ ученія Шеллинга, то предлагаю университету безпристрастно донести, какой системы философическихъ наукъ придерживается профессоръ Шадъ равно и Дудровичъ, и одобряетъ ли ее университетъ". Шадъ по этому поводу обратился въ совѣтъ съ заявленіемъ такого содержанія: „я такъ далекъ отъ намѣренія просить вашей снисходительности и благоволенія, что скорѣе готовъ призвать на себя вашу строжайшую правду и любовь къ истинѣ, которыя нельзя было бы поколебать никакимъ предубѣжденіемъ и никакимъ пристрастіемъ. Дѣло, порученное вамъ министромъ, святое дѣло, а потому и должно быть разсмотрѣно свято, справедливо и свободно". О философской системѣ Шада, послѣ долгаго сужденія, совѣтъ высказался такъ: „онъ не усматриваетъ противорѣчія философіи проф. Шада съ цѣлями общественнаго образованія" [1]). Нужно впрочемъ замѣтить, что противниковъ философской системы Шада въ совѣтѣ было не мало; самый сильный изъ нихъ, ректоръ Осиповскій, не считалъ нужнымъ имѣть по каѳедрѣ философіи кромѣ профессора еще адъюнкта и предлагалъ ограничить преподаваніе по этому предмету только логикой, опытной психологіей и этикой; къ нему присоединились Каменскій и Шумлянскій. Такимъ образомъ, хотя философское направленіе Шада не встрѣтило прямого осужденія въ совѣтѣ, но это объясняется, очевидно, тѣмъ, что члены его исповѣдывали принципъ свободы научнаго изслѣдованія и во имя его поддержали своего коллегу; отсюда видно,

[1]) Чтенія Моск. Общ. 1873, кн. 2-я, статья Н. А. Лавровскаго, стр. 44.

что Дегуровъ хорошо расчиталъ свой походъ противъ Шада; онъ могъ найти и дѣйствительно нашелъ поддержку и въ министерствѣ, и на мѣстѣ въ Харьковѣ.

Другой доносъ Дегурова касался философскихъ воззрѣній Шада и отчасти, его личности. Это, такъ сказать, опытъ обличительной біографіи Шада, составленный на основаніи двухъ его неблагонамѣренныхъ сочиненій—автобіографіи и „Жизни отца Синцера“; послѣдній трудъ представлялъ изъ себя сатиру на монашество. Дегуровъ устанавливаетъ принадлежность этого сочиненія Шаду (оно вышло безъ имени автора) и дѣлаетъ изъ него компрометирующія его выдержки, а въ заключеніе прилагаетъ и самыя инкриминируемыя книги. Вотъ подлинный текстъ второго доношенія Дегурова. M. Schad est né en 1758. C'est le fils d'un pauvre paysan. Il fut reçu dans l'abbaye de Banz à l'âge de 9 ans comme écolier et enfant de choeur. A 14 ans les moines l'envoyèrent à Bomberg pour y faire ses humanités. On le reçut novice en 1778; en 1779 il fit ses voeux. Il a été 15 ans confesseur (voyez p. 182 de sa vie). En 1798 il publia un livre intitulé „Pater Sincerus“, mais il se garda bien d'y mettre son nom. Une partie n'est remplie que de mauvais raisonnements et de diatribes contre la religion et les moines, l'autre de faits indécents racontés dans les termes les plus grossiers. M. Schad s'avoue pour être l'auteur de ce livre dans sa vie qu'il a publiée et il lui a même consacré (v. page 379 et suivantes) un chapitre entier. Il dit qu'il avait composé cet ouvrage *pour dévoiler les horreurs du célibat monachal et que l'expérience du confessional l'avait mis à même de connaitre les consciences des moines à ce sujet... Le célibat forcé , dit il, doit être un abîme de crimes... Le confessional découvra cet abîme.* Il n'a publié que le 1 volume. La Sainte Inquisition, dit il, se mit à rechercher quel était l'auteur *de Sincerus...* On le soupçonna fortement et on se disposait en conséquence à le conduire et à l'informer à Bamberg.., *Comme prédicateur, dit-il, jétais aimé du peuple... mais dans cet ouvrage j'etais plus qu'hérétique, car j'avouais que je ne professais d'autre religion que celle de la raison et que je ne reconnaissais le Christanisme qu'autant que sa tendance était vers cette religion.* Craignant le sort, qui l'attendait, M. Schad s échappa de son couvent au milieu de la nuit en 1798. A Frfurt il publia en 1809 sa vie, dans la quelle on trouvet les faits ci dessus et beaucoup d'autres qui avaient dû certainement l'empêcher d'être employé dans l'instruction publique. Beaucoup de particularités de la vie de m. Schad sont aussi dans *Sincerus.* Ces deux ouvrages sont joints à cette note. Degouroff“. Здѣсь, какъ мы видимъ, Дегуровъ прямо обвиняетъ Шада въ раціонализмѣ, выходкахъ противъ христіанской религіи и морали и прибавляетъ, что по этой

именно причинѣ онъ не могъ быть допущенъ къ публичному преподаванію. Эти обвиненія должны были оказать рѣшительное вліяніе на судьбу Шада: министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ, ярый піэтистъ, не могъ простить Шаду его выходокъ противъ христіанства и монашества, его призыва къ раціонализму. Нѣсколько времени спустя эти сочиненія, какъ corpus delicti, были переданы на разсмотрѣніе неизвѣстному намъ лицу, которое подвергло ихъ довольно внимательному разбору и пришло къ неблагопріятнымъ для Шада заключеніямъ. Судьба Шада рѣшена была безповоротно. Всѣ его оправдательныя записки касались „Istitutiones“ и „De viris illustribus urbis Romae“, а министръ составилъ себѣ заключеніе о его воззрѣніяхъ по его автобіографіи и „Жизни отца Синцера“. Шадъ же вовсе не зналъ этого обстоятельства и продолжалъ стучаться въ дверь, которая закрылась передъ нимъ навсегда. Въ своемъ сочиненіи о естественномъ правѣ онъ дѣйствительно проповѣдывалъ христіанскую философію, но въ названныхъ выше трудахъ стоялъ на раціоналистической почвѣ. „Вся автобіографія Шада, говоритъ проф. Ѳ. А. Зеленогорскій, проникнута духомъ борьбы противъ іезуитовъ, монашества, панства и католичества во имя свободы совѣсти, разума и философіи... Въ своей автобіографіи онъ раскрываетъ передъ нами, какъ въ немъ постепенно совершался поворотъ отъ слѣпой вѣры и безусловнаго подчиненія авторитету, положенныхъ въ основаніи іезуитскаго и монашескаго воспитанія, къ свободѣ совѣсти и разума“ [1]). Вотъ подлинный текстъ рецензіи на эти книги Шада, написанный анонимомъ по распоряженію кн. А. Н. Голицына. „Parmi le grand nombre d'ouvrages irreligieux et licencieux, qui ont paru sur la fin du siècle passé il y a certainement peu, où l'on eut poussé l'audace et l'indécence jusqu'à un tel point que dans l'ouvrage suivant, dont l'auteur a cependant eu la sagesse de ne publier que le premier volume.

„Leben und Schicksale des unwürdigen Vaters Sincerus“—le livre d'environ 500 pages renferme 1) un long traité, écrit avec une logique dangereuse et une éloquence seduisante, où l'auteur refute formellement les saintes et éternelles vérités du vrai christianisme, prêche le déisme et ose déclarer *absurde* toute idée d'une révélation Divine; 2) la prétendue histoire d'un moine; récit tendant à dévoiler les abus, qui régnent dans les couvents, mais rempli d'extravagances, de saletés sans pareilles et de diatribes contre la religion chrétienne. Les idées et principes que l'auteur

---

[1]) Ив. Е. Шадъ. Проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. (Зап. Харьк. унив., 1896, 2-я кн., стр. 50).

développe dans la première partie de son livre se réduisent à ce que suit. „La raison étant, pour ainsi dire, le tribunal suprême dans l'homme ne reconnait rien au dessus d'elle: or n'admettant rien de surnaturel, elle rejette par conséquent aussi toutes les prétendues révélations, qui n'ont leur source que dans l'imagination des hommes. La seule vraie religion est elle de la raison et le christianisme tout pur, tel que le grand Sage de Nazareth l'a enseigné, en découle comme tout ce qui est vrai, bon et salutaire. L'auteur admet, comme conforme à la raison, l'immortalité de l'âme et la croyance en un Dien créateur et conservateur de tout: il révère Jésus Christ comme homme extraordinaire, bienfaiteur de l'humanité et envoyé de Dien pour enseigner les hommes; mais il se moque en même temps de *l'absurdité* de l'idée d'une sainte Trinité, de l'incarnation de Dieu et des mistères du saint Sacrement. Le livre fourmille de passages où ces dogmes sont blasphémés d'une manière revoltante. „Ceux qui défendent l'ancienne croyance et entendent encore la voix du bon Pasteur, sont, selon l'auteur, ou des *faibles*, qui méritent de la pitié, ou de vils *trompeurs*, qu'il faut exterminer de la société humaine. Aux faibles, qui ne doivent être nourris que de lait, il faut un culte exterieur, le catholicisme est leur religion. Le protestantisme est pour ceux qui peuvent déjà supporter un pen plus de lumière; et le règne de la raison pour ceux qui ont pa surmonter tous les préjugés et briser les chaînes de toute sorte de superstition, bonheur, dont ne se réjouissent que fort peu d'hommes, mais terme où aboutiront enfin et le catholicisme et le protestantisme. Cette idée aussi téméraire que chimérique occupe beaucoup l'auteur et il est inépuisable dans des tableaux attirants, lorsqu'il en parle. „Ce sera le grand jour de la paix, de l'amour du prochain, d'une harmonie parfaite de l'unité et de la fraternité des peuples comme des individus!“ L'auteur reconnait cependant le bien qu'a produit chaque confession: „le catholicisme, dit-il, était nécessaire et salutaire au monde dans les temps de la barbarie du moyen âge; le protestantisme est l'escalier par le quel les hommes montent aux régions de la vraie lumiére, c'ést à dire de celle de la raison,à la lueur de laquelle les peuples marcheront dorénavant“. Il avoue, qu'il faut encore prêcher au peuple d'aprés l'ancienne doctrine, quand même les prédicateurs eux mêmes ne sont plus de cette croyauce, ce qu'il a fait pendant une dixaine d'anneés où il a sû voiler ses vrais principes à ceux qui n'étaient pas capables de le comprendre; en se faîsant bien entendre par tous ceux, qui voyent un peu plus loin. Il dit de plus que c'est envain que les gouvernements et les princes méconduits par des conseillers bigots et adonnés aux anciennes erreurs, tâchent encore de soutenir l'ancienne foi: les temps de la lumière

de la raison sont arrivés et les savants, les hommes raisonnables ne se laissent plus donner des loix en matière de religion par qui que ce soit. Tôt ou tard tout s'inclinera devant la raison et l'auteur a l'espérance que le beau jour du culte de la raison n'est plus très loin. Ce qui fait son livre encore plus dangereux, c'est l'assurance avec la quelle l'auteur parle. Il cherche à convaincre les lecteurs qu'après avoir erré, comme il dit, dans tous les dédales d'une foi chimérique, son âme n'a trouvé de repos et d'équilibre qu'en marchant un chemin de la lumière de la raison. Il ne discontinue pas de se réjouir de la victoire que sa raison a remportée sur les prétendus prejuges de la foi, qu'on lui avait inspirés dans son enfance et qui l'avait obligé de choisir la vie monachale: il rend grâce à la Divine Providence, qui lui a fait *„combattre le bon combat"*.

L'autre partie de ce livre est vouée à la biographie de l'auteur. Sans entrer dans le détail de ces 300 pages d'une indécence et saleté inexprimable, il suffit de dire, que la conception immaculée de la sainte vierge et d'autres faits de l'histoire sacrée y sont surtout scandalisés. Les moines sont, d'après l'auteur, les êtres les plus indignes, les plus inutiles et les plus détestables du monde.

Quoi qu'au commencement l'auteur de cette infâme production ait gardé l'anonyme, il s'est découvert lui même quelques années plus tard, en 1803, dans un autre ouvrage intitulé, Schad's, doctors der philosophie zu Jena... Leben und Klostergeschichte von ihm selbst beschrieben... Erfurt, 1803—livre dans le quel *M. Schad* s'avoue formellement dans un chapitre entier qu'il a consacré à ce sujet pour être l'auteur de la vie et des aventures du père Sincerus. La biographie de M. Schad, écrite par lui même, a au reste beaucoup de rapport avec le Sincerus: on y trouve les mêmes idées sur la religion chrétienne, les mêmes diatribes contre toute révelation Divine, souvent les mêmes expressions, les mêmes saletés, les mêmes extravagances. M. Schad, connu par quantité d'ouvrages philosophiques d'après le systeme de M. Fichte, est né en 1758, dans une belle vallée de la Franconie. Fils d'uu pauvre paysan chargé d'une nombreuse famille, son père le plaça à l'age de neuf ans dans l'abbaye de Banz, où il resta jusqu'à sa 14 année comme enfant de choeur. Alors les moines l'envoyèrent à Bamberg pour y faire ses humanités. En 1778 il fut reçu novice et en 1779 il fit ses voeux. Mais bientôt la vie monachale lui déplut et au bout de quelques années il ne fut plus moine que de nom. Des querelles continuelles avec les supérieurs désignent son séjour à Banz et malgré cela il y a été 15 ans confesseur. Enfin le Sincerus ayant paru 1798, on soupçonnait fortement qu'il en etait l'auteur et on se disposait

déja a le conduire et à l'enfermer à Bamberg, lorsqu'il échappa de son couvent au milieu de la nuit en Septembre 1798 pour n'y retourner jamais. Il se rendit à Jena, s'y maria et y a demeuré depuis sous la protection du Grand-Duc de Veimar qui ne fait point d'attention aux réclamations des supérieurs de l'abbaye de Banz concernant M. Schad.

Сопоставляя этотъ отзывъ съ заключеніемъ Дегурова, мы видимъ большое сходство между ними не только въ содержаніи, но отчасти и языкѣ; только отзывъ анонима гораздо обширнѣе и полнѣе Дегуровскаго. Впрочемъ сходство это не настолько значительное, чтобы давало право заключать о принадлежности обоихъ записокъ одному и тому же лицу; оно можетъ объясняться знакомствомъ болѣе поздняго рецензента съ трудомъ его предшественника.

Какъ-бы то ни было, этотъ новый отзывъ окончательно утвердилъ Кн. А. Н. Голицына въ его мысли о Шадѣ, какъ о противникѣ христіанскаго піэтизма, и побудилъ его оставить въ полной силѣ принятую противъ него суровую мѣру.

VI.

Отрѣшеніе Шада отъ должности и административная высылка изъ Харькова.

Разсмотрѣнныя нами выше жалобы на Шада по дѣлу о докторскихъ степеняхъ, а также явныя и тайныя обвиненія его сочиненій во вредномъ ихъ направленіи привели къ весьма печальнымъ для него результатамъ: окончились удаленіемъ его отъ профессуры и высылкою изъ Харькова за границу. Посмотримъ, какова была роль тѣхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ, которыхъ впослѣдствіи самъ Шадъ считалъ виновниками столь суровой мѣры. Онъ обвинялъ въ своемъ несчастіи главнымъ образомъ Дегурова и попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго и старался, конечно, изъ понятныхъ политическихъ соображеній, оправдать во всемъ министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына. Такъ ли это было въ дѣйствительности? Проф. Дегуровъ несомнѣнно съигралъ главную роль въ этомъ случаѣ: выступилъ и явнымъ, и тайнымъ его обвинителемъ и въ дѣлѣ о диссертаціяхъ, и въ эпизодѣ о собственныхъ его сочиненіяхъ. Изъ министровъ гр. А. К. Разумовскій не хотѣлъ принимать противъ Шада никакихъ репрессивныхъ, суровыхъ мѣръ, а кн. А. Н. Голицынъ, наоборотъ, на основаніи тѣхъ же данныхъ объ этомъ дѣлѣ, которыя были у гр. Разумовскаго, предложилъ комитету министровъ удаленіе и высылку Шада; что касается попечителя гр. С. О. Потоцкаго, то его роль была чисто пассивная, а не активная—во вся-

комъ случаѣ онъ не только не предлагалъ высылки Шада, а еще сомнѣвался въ томъ, слѣдуетъ ли его отрѣшить отъ должности. Ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій также проявилъ просвѣщенную терпимость въ этомъ дѣлѣ—былъ противъ истребленія одного изъ его сочиненій.

Эти общія положенія доказываются приводимыми ниже документальными данными.

28 января 1816 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій послалъ совѣту Харьковскаго университета приказъ пріостановиться съ печатаніемъ книги Шада „De viris illustribus urbis Romae“ и прислать какъ отпечатанные листы, такъ и ненапечатанную часть рукописи. Но это распоряженіе запоздало: книга было уже отпечатана. 17 февраля того же года министръ поручилъ совѣту дать отзывъ объ этой книгѣ и объяснить, на какомъ основаніи она печатается. Совѣтъ прислалъ требуемое объясненіе, но уже не министру гр. А. К. Разумовскому, а смѣнившему его въ этой должности кн. А. Н. Голицыну и притомъ тогда только, когда онъ сдѣлалъ новый запросъ объ этомъ попечителю округа. Вотъ что писалъ кн. А. Н. Голицынъ гр. С. О. Потоцкому: „Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, усмотрѣвъ изъ приложеннаго здѣсь въ копіи донесенія цензурнаго комитета Харьковскаго университета невыгодное мнѣніе его объ изданной по порученію совѣта этого университета проф. Шадомъ книгѣ подъ заглавіемъ „De viris illustribus urbis Romae“, предложеніемъ отъ 17 февраля сего года требовалъ у совѣта, чтобы онъ разсмотрѣлъ это сочиненіе, далъ о немъ свое заключеніе и объяснилъ, почему оно напечатано на казенный счетъ безъ представленія предварительно рукописи его начальству; самую же книгу велѣно было впредь до разрѣшенія не выпускать изъ типографіи. Но прежде чѣмъ получена была эта бумага, книга была выпущена въ свѣтъ—а между тѣмъ требуемаго объясненія представлено не было. На запросъ попечителя совѣтъ далъ слѣдующее объясненіе. „Представленная училищному комитету проф. Дегуровымъ книга „De viris illustibus urbis Romae“, напечатанная Ломондомъ въ Парижѣ, для изданія ея въ пользу обучающагося въ нашемъ округѣ юношества, этимъ комитетомъ была сообщена факультету словесныхъ наукъ, который и одобрилъ ее для этой цѣли. Между тѣмъ проф. Шадъ, до полученія мнѣнія отъ факультета словесныхъ наукъ въ отвѣтъ на предложеніе ректора относительно изданія нѣкоторыхъ лучшихъ латинскихъ авторовъ на пользу обучающагоса юношества, письменно изъявилъ Совѣту желаніе взять на себя безденежное изданіе латинскихъ книгъ—„De viris illustribus“ „Aaeneis“ Virgilii и „Selectae odae“ Horatii, изъясняя, что онъ при изданіи ихъ употребитъ всевозможное стараніе

какъ въ разсужденіи краткости, чтобы тѣмъ способствовать и дешевой цѣнѣ ихъ, такъ и ясности, ибо прибавитъ отъ себя примѣчанія и исправитъ типографскія ошибки. Совѣтъ же, основываясь на предложеніи бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго отъ 23 іюня 1811 г., коимъ позволялось на счетъ университета печатать классныхъ римскихъ писателей—Ю. Цезаря, Саллюстія, Виргилія и Корнелія Непота,—поручилъ Шаду изданіе вышеупомянутыхъ книгъ положеніемъ своимъ отъ 2 іюля 1815 г. изъявить профессору Шаду благодарность Совѣта за то, что онъ принялъ на себя безденежно изданіе этихъ книгъ и исправленіе типографскихъ ошибокъ. Потомъ по полученіи предложенія отъ министра отъ 17-го февраля, коимъ предписано было Совѣту разсмотрѣть изданную профессоромъ Шадомъ книгу „De viris illustribus“ и дать свое о ней мнѣніе, Совѣтъ положилъ представленныя цензурнымъ комитетомъ на эту книгу замѣчанія сообщить своимъ членамъ для сличенія ихъ съ подлинникомъ и для представленія своихъ мнѣній касательно замѣченныхъ цензурнымъ комитетомъ нѣкоторыхъ мѣстъ; съ этою цѣлью потребовано было отъ проф. Дегурова подлинное изданіе Ломонда. Но такъ какъ Дегуровъ словесно объяснилъ, что изданія Ломонда у него уже не имѣется, то Совѣтъ за недостаткомъ подлинника не могъ дать никакого заключенія о книгѣ профессора Шада и не доносилъ ничего о томъ высшему начальству“.

Заключеніе о другомъ сочиненіи Шада „Institutiones juris naturae“ было отправлено, какъ мы видѣли, Совѣту университета гр. А. К. Разумовскимъ 15 марта 1816 г. Въ немъ лично противъ Шада не принималось никакихъ мѣръ, а только отдавался приказъ не употреблять этой книги въ школахъ. Попечитель гр. С. О. Потоцкій, когда ему была сообщена эта бумага, далъ на нее слѣдующій отвѣтъ. „Будучи во всемъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Вашего Сіятельства о непригодности для нашего юношества изданной проф. Шадомъ книги (Institutiones juris naturae) имѣлъ уже въ намѣреніи, не довѣряя собственнымъ своимъ свѣдѣніямъ по этой части, представить ее на разсмотрѣніе главнаго правленія училищъ, но такъ какъ Ваше Сіятельство изволили нынѣ сообщить мнѣ подробно свои мысли объ этой книгѣ, то я охотно поспѣшу исполнить во всей точности волю Вашего Сіятельства, тѣмъ болѣе, что самъ совершенно убѣжденъ въ полезномъ дѣйствіи ея на будущее время“. На сколько близокъ былъ въ дѣйствительности гр. С. О. Потоцкій къ осуществленію своего намѣренія о представленіи книги Шада въ главное правленіе училищъ, теперь конечно судить мудрено: во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ достаточно

времени, чтобы привести въ дѣйствіе свою мысль—и однако этого не выполнилъ. Мы думаемъ, что онъ этого не сдѣлалъ, потому что не въ его натурѣ были мѣры, направленныя къ уменьшенію свободы научнаго изслѣдованія. И такъ, при гр. А. К. Разумовскомъ, противъ личности Шада по возбужденнымъ обвиненіямъ, не были приняты никакія репрессивныя мѣры: сдѣлано было только распоряженіе о недопущеніи его „Естестеннаго права“ въ школы и, вѣроятно, такая же участь ожидала и другую его книгу „De viris illustribus urbis Romae“; говоримъ „вѣроятно“, потому, что дѣло о ней при Разумовскомъ еще не было закончено.

Рѣшеніе участи Шада и его книгъ взялъ на себя *исключительно* новый министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ. По собственной иниціативѣ, онъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія. „Вызванный изъ чужихъ краевъ въ Харьковскій университетъ ординарный профессоръ теоретической и практической философіи коллежскій совѣтникъ Шадъ имѣлъ отъ Совѣта этого университета порученіе напечатать на казенный счетъ для училищъ книгу на латинскомъ языкѣ *„De viris illustribus Romae“ (о знаменитыхъ римлянахъ)*, изданную во Франціи Ломондомъ. Бывшій министръ просвѣщенія, узнавъ, что въ книгѣ этой новымъ издателемъ Шадомъ сдѣланы прибавленія не только излишнія, но и содержащія въ себѣ мысли и выраженія, для учащагося юношества соблазнительныя и для воспитанія его вредныя, предложилъ университету доставить ему по экземпляру каждаго напечатаннаго листа и если еще не вся книга вышла изъ печати, то прислать и неотпечатанную часть рукописи, а до разрѣшенія его печатаніе остановить и отпечатанныхъ листовъ никому не выдавать. Книга эта однакожъ вскорѣ получена была въ департаментѣ министерства просвѣщенія уже въ отпечатанномъ видѣ. Цензурный комитетъ Харьковскаго университета, посылая ее, въ своемъ донесеніи подтвердилъ мнѣніе, внушенное о ней министру, изъяснивъ между прочимъ, что профессоръ Шадъ безъ вѣдома Совѣта и цензуры прибавилъ къ этому сочиненію предисловіе, заключающее въ себѣ много такихъ мѣстъ, кои не должны бы напечатаны быть съ одобренія начальства, и притомъ предисловіе это содержитъ обидныя замѣчанія на счетъ сочинителя, который, издавъ это небольшое собраніе исторій назадъ тому 40 лѣтъ, не могъ хвалить военной системы Наполеона; между прибавленіями же, въ самой книгѣ сдѣланными профессоромъ Шадомъ, есть такія, кои совершенно не приличны въ сочиненіи, предназначаемомъ для юношества. По полученіи этого донесенія отъ цензурнаго комитета, министръ предложилъ совѣту Харьковскаго университета разсмотрѣть книгу и дать о ней свое заключеніе, а до разрѣшенія его

книги изъ типографіи не выпускать. Въ скоромъ времени въ департаментѣ министерства просвѣщенія получена была другая изданная профессоромъ Шадомъ для употребленія въ училищахъ книга, подъ заглавіемъ „*Institutiones juris naturae. (Право естественное).* Бывшій министръ неукоснительно замѣтилъ попечителю, что книга эта, по слогу своему, уже не можетъ быть учебною, ибо такія книги должны быть, сколько возможно, просты, кратки и ясны, сочиненіе же Шада слишкомъ пространно и во многихъ мѣстахъ весьма не ясно. Въ немъ помѣщены разныя постороннія разсужденія, совсѣмъ не входящія въ составъ такой учебной книги, какъ-то: длинныя объясненія предложенной авторомъ системы и опроверженія возраженій противниковъ, часто повторяемые намеки на новѣйшія политическія происшествія, сильное нападеніе на французовъ въ пользу нѣмцевъ, длинные отрывки не только изъ древнихъ, но изъ новѣйшихъ авторовъ и даже поэтовъ. Сверхъ того находится въ этой книгѣ довольно отвлеченныхъ и темныхъ мыслей и объясненій, разсматриваніе права и наказанія по категоріямъ,— мѣста неудобопонятныя для нашего юношества. Авторъ придерживается новѣйшей въ Германіи возникшей философіи, и въ особенности послѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ правилахъ системѣ Шеллинга которую вводить въ Россію не слѣдуетъ. Кромѣ того въ сочиненіи Шада находятся разныя мѣста, въ коихъ разсуждаетъ онъ не съ надлежащею осторожностью и выражаетъ мысли свои не съ такою скромностію, каковая нужна въ учебной книгѣ; приводятся мѣста, не совсѣмъ сообразныя съ коренными въ нашемъ государствѣ понятіями о власти Монаршей, о недопущеніи никакихъ особенныхъ истолкованій или ереси между православными христіанами и весьма неприличныя замѣчанія на существующія въ Россіи учрежденія; объясненіе же правилъ о супружескомъ союзѣ по справедливости можетъ почесться противнымъ нравственности. Хотя правила автора и могли бы быть оправдываемы, но въ томъ видѣ, какъ имъ изложены, они неприличны въ письменномъ для юношества сочиненіи и могутъ подавать поводъ къ соблазнамъ и даже къ порчѣ нравовъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ бывшій министръ поручилъ попечителю предписать университету, дабы книга эта не была употребляема въ преподаваніи лекцій.

Между тѣмъ еще открылся случай, подтверждающій недобросовѣстность профессора Шада. Нѣкто Гриневичъ и Ковалевскій искали въ Харьковскомъ университетѣ степени доктора. По установленію, слѣдовало имъ сочинить диссертаціи. Диссертаціи ихъ оказались поддѣланными и списанными съ диссертаціи Шада и съ тетрадей, по коимъ онъ преподавалъ свои лекціи.

Бывшій министръ просвѣщенія предписалъ попечителю, что, если окажется въ этомъ дѣлѣ какое злоупотребленіе, то для прекращенія его впредь, не найдетъ ли онъ нужнымъ сдѣлать представленіе объ удаленіи профессора Шада отъ должности.

По вступленіи моемъ въ управленіе министерства просвѣщенія, найдя дѣла эти безъ дальнѣйшаго движенія, я сдѣлалъ вновь по нимъ отношеніе къ попечителю, съ тѣмъ чтобы онъ сообщилъ мнѣ рѣшительное свое мнѣніе о Шадѣ, и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что нельзя не признать, что профессоръ этотъ въ разсужденіи представленныхъ Ковалевскимъ и Гриневичемъ диссертацій подвергъ себѣ нѣкоторому подозрѣнію въ пристрастіи; справедливо и то, что въ сочиненіи его „De viris illustribus Romae“ включены мѣста, которыя хотя и свойственны латинскому языку и не содержатъ въ себя прямой цѣли къ соблазну, но при всемъ томъ не могутъ быть терпимы въ книгахъ, издаваемыхъ для юношества; равнымъ образомъ и въ пространныхъ сочиненіяхъ его, какъ напримѣръ, въ Логикѣ и Ius naturae, встрѣчаются нѣкоторыя странности, свойственныя однако почти всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, и онъ въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ оказывается безъ сомнѣнія виновнымъ. Но достаточны ли эти причины къ удаленію его отъ должности безъ дальнѣйшаго изслѣдованія и суда, о томъ представилъ на мое размотрѣніе.

Въ 66 § университетскаго устава сказано: „совѣтъ университета имѣетъ обязанность удалять отъ должности всѣхъ чиновниковъ, отъ выбора его зависящихъ, кои окажутся въ должности нерадивы, неповиновеніемъ начальству нарушаютъ порядокъ, или изобличатся въ какихъ либо непростительныхъ поступкахъ; но къ этому долженъ онъ приступить не иначе, какъ по предварительномъ изслѣдованіи университетскаго правленія и на основаніи постановленія, которое было бы утверждено двумя третями голосовъ. Сдѣланный такимъ образомъ приговоръ представляется на разсмотрѣніе начальству“. Хотя этимъ постановленіемъ предписывается проступки университетскихъ чиновниковъ предварительно подвергать изслѣдованію университета, но это постановленіе касается только тѣхъ случаевъ, когда университетъ найдетъ кого либо виновнымъ по содержанію упомянутаго параграфа; профессора же Шада, по вышеизложеннымъ поступкамъ его, само министерство нашло виновнымъ; почему и формальнаго суда надъ нимъ производить не слѣдуетъ. Притомъ въ данномъ постановленіи, безъ сомнѣнія, имѣлись въ виду всякіе другіе проступки, а не проступки въ распространеніи вредныхъ правилъ, въ чемъ уличается профессоръ Шадъ. Если предать его университетскому суду, то дѣло это не скоро приведено будетъ къ концу,

а между тѣмъ профессоръ Шадъ станетъ продолжать свои вредныя наставленія и поступки.

По этимъ причинамъ испрашиваю разрѣшенія комитета г.г. министровъ немедленно удалить профессора Шада отъ занимаемой имъ въ университетѣ должности. *Князь Александръ Голицынъ.*

Изъ этого представленія ясно видно, что 1) противъ Шада были выставлены только тѣ обвиненія, о которыхъ шла рѣчь уже раньше; 2) по университетскому уставу, слѣдствіе и судъ надъ нимъ должны были принадлежать правленію и совѣту университета; 3) министръ рѣшился отрѣшить его отъ должности безъ формальнаго слѣдствія и суда; 4) попечитель округа гр. С. О Потоцкій не считалъ для себя возможнымъ поступить такимъ образомъ и предоставилъ рѣшеніе участи Шада министру. Во вторичномъ своемъ представленіи этого дѣла кн. А. Н. Голицынъ изображалъ здѣсь роль гр. С. О. Потоцкаго слѣдующими чертами: „бывшій попечитель, къ коему я предварительно о немъ отнесся, отвѣчалъ мнѣ, что Шадъ дѣйствительно не можетъ быть оправданъ, но какъ таковыя странности свойственны почти всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, то и подлежитъ разсмотрѣнію, слѣдуетъ ли его потому немедленно удалить отъ должности, при томъ онъ признавался самъ, что не пріемлетъ особеннаго участія въ этомъ человѣкѣ, во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ непріятномъ".

Комитетъ министровъ въ засѣданіи 3 ноября 1816 года призналъ, что профессора Шада не только не должно болѣе оставлять при настоящей должности, но съ тѣми правилами, какія онъ обнаружилъ уже, онъ не можетъ вовсе быть терпимъ въ Россіи и посему полагалъ: 1) удаливъ его немедленно отъ должности, выслать за границу, 2) обѣ изданныя имъ книги совершенно истребить, 3) дать о томъ знать прочимъ университетамъ. Графъ Аракчеевъ объявилъ вскорѣ, что Государь Императоръ, по разсмотрѣніи меморіи, утвердилъ мнѣніе комитета министровъ.

Такимъ образомъ, комитетъ министровъ съ своей стороны еще усилилъ мѣру наказанія, предложенную кн. А. Н. Голицынымъ, не смотря на то, что этотъ послѣдній пошелъ въ этомъ отношеніи гораздо дальше своего предшественника гр. А. К. Разумоскаго. Обвиненія противъ Шада не усиливались, а градація наказаній сильно возрасла: первоначально приняты были только мѣры противъ его сочиненій, потомъ предлагалось удалить и его отъ должности, окончилось же тѣмъ, что его рѣшено было выслать административнымъ порядкомъ изъ Харькова. О томъ, какъ состоялась эта высылка, мы узнаемъ отъ самого

Шада. Теперь же только прибавимъ, что попечитель округа вполнѣ согласился съ представленіемъ ректора университета Т. Ѳ. Осиповскаго о томъ, чтобы книга Шада „De viris illustribus urbis Romae“ не подвергалась уничтоженію, а изъ нея было выброшено только введеніе и нѣкоторые листы, содержащіе неудобныя мѣста. Вотъ подлинный текстъ представленія попечителя. „Ректоръ университета Осиповскій въ силу послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія объ истребленія книгъ бывшаго профессора Шада—„Institutiones“ и „De viris illustribus“—доноситъ мнѣ нынѣ, что первая книга, изданная Шадомъ на собственный его коштъ. въ университетѣ не находится, а только разослано по экземпляру ея въ гимназическія библіотеки, почему правленіе университета предварительно предписало директорамъ, чтобы изъ библіотекъ не давать никому читать этой книги. Что же касается до второй книги, то она напечатана на счетъ университета и не выпущена изъ типографіи. Разсматривавшій ее проф. Дегуровъ протестовалъ только противъ предисловія, въ коемъ Шадъ помѣстилъ нѣкоторыя обидныя замѣчанія на счетъ французовъ, и противъ небольшаго числа мѣстъ, кои хотя въ оригинальномъ изданіи Ломонда пропущены, но находятся въ другихъ изданіяхъ о славныхъ мужахъ римскихъ, которыя правительствомъ не запрещены. По этимъ причинамъ ректоръ университета предлагаетъ вмѣсто истребленія всей книги съ ущербомъ для казны уничтожить въ ней одно предисловіе и, перепечатавъ листы, содержащіе въ себѣ неприличныя выраженія, употреблять ее въ училищахъ, для коихъ эта книга и была издана“. Но кн. А. Н. Голицынъ не согласился на это, какъ это видно изъ письма его къ новому попечителю З. Я. Карнѣеву, смѣнившему С. О. Потоцкаго. „Предмѣстникъ вашего превосходительства тайн. сов. гр. Потоцкій вслѣдствіе донесеній ректора Харьковскаго университета представилъ мнѣ, чтобы въ книгѣ, изданной бывшимъ профессоромъ Харьковскаго университета Шадомъ съ оригинальнаго изданія Ломонда подъ заглавіемъ „De viris illustribus“, истреблено было одно только написанное Шадомъ предисловіе. Я считаю долгомъ сообщить вашему превосходительству, что такъ какъ Государь Императоръ по положенію комитета министровъ Высочайше повелѣть соизволилъ какъ эту книгу, такъ и другую, изданную Шадомъ, подъ названіемъ „Institutiones juris naturae“, истребить совершенно, то по сему и должно быть неизмѣнно исполнено это повелѣніе. Если же книга Ломонда признается университетомъ полезною для употребленія въ училищахъ, то можно перепечатать ее совсѣмъ новымъ изданіемъ въ такомъ видѣ, какъ оно въ подлинникѣ находится. 8 мая 1817“.

VII.

Оправдательная записка проф. Шада, написанная въ Харьковѣ передъ высылкой.

Уже чувствуя надъ собою надвигающуюся грозу и желая ее предотвратить, Шадъ отправилъ изъ Харькова кн. А. Н. Голицыну 23 ноября 1816 т. краснорѣчивую оправдательную записку, въ которой пытался представить себя такимъ же піэтистомъ, какимъ былъ самъ министръ. Онъ не зналъ, очевидно, тогда еще, что участь его была рѣшена безповоротно и что ему предстояло изгнаніе. Вотъ подлинный текстъ этой записки. „Такъ какъ я слышалъ, что Ваше Сіятельство, между другими важными занятіями, приняли на себя важнѣйшее и священнѣйшее занятіе—распространенія божественной вѣры Іисуса Христа черезъ размноженіе библіи, дабы тѣмъ остановить разливающееся повсюду растлѣніе нравовъ и невѣріе, то и родилось во мнѣ желаніе помочь сколько нибудь къ достиженію этой спасительной цѣли. Въ этомъ намѣреніи принимаю смѣлость представить Вашему Сіятельству *переводъ и объясненіе псалмовъ*, которые сдѣланы мною въ бытность еще въ Германіи, и вмѣстѣ съ другими священными книгами ветхаго и новаго завѣтовъ, при помощи одного изъ тамошнихъ ученыхъ, изданы; при этомъ осмѣливаюсь я, Ваше Сіятельство, покорнѣйше просить приказать означенное изданіе разсмотрѣть знающимъ духовную часть людямъ. Еслибы трудъ мой удостоился благосклоннаго принятія и для библейскаго общества признанъ былъ бы годнымъ и полезнымъ, то я желалъ бы все сочиненіе еще разъ тщательнѣйше пересмотрѣть и такъ его отдѣлать, чтобы оно могло служить съ пользою для чтенія людямъ всякихъ исповѣданій. Я постарался бы прибавить къ тому и хорошій русскій переводъ, въ томъ намѣреніи, чтобы и духовные причетники россійскихъ церквей могли почерпать изъ книгъ моихъ спасительныя для нихъ наставленія. Если какая нибудь изъ книгъ ветхаго завѣта по справедливости можетъ назваться для всѣхъ духовныхъ полезною, наставительною и спасительною, то, безъ сомнѣнія, собраніе псалмовъ съ переводомъ, исполненнымъ духа подлинника и прилежнымъ толкованіемъ. Изъ нихъ человѣкъ во всякомъ положеніи жизни, счастливомъ или несчастномъ, во всякомъ бѣдствіи, опасности почерпать можетъ наставленіе, утѣшеніе, ободреніе, надежду, и подкрѣпленіе духа. Этимъ изданіемъ, надѣюсь я, какъ въ отношеніи перевода самого текста, такъ и объясненій его, пріобрѣсти не малую предъ любителями вѣры и библіи заслугу. Въ этомъ изданіи псалмовъ не только мало слѣдовалъ я

французскому переводу, но могу сказать, что тутъ болѣе собственной работы. Однако же я прошу сочиненіе это, по разсмотрѣніи его въ Петербургѣ, возвратить мнѣ назадъ, ибо экземпляръ, при семъ препровождаемый, единственный, который я у себя имѣю, а изъ Германіи выписывать книги теперь весьма затруднительно.

Прилагаю при этомъ образчикъ русскаго перевода, сдѣланный однимъ отличнымъ молодымъ человѣкомъ, который обѣщалъ мнѣ перевести и всю книгу, если это ему будетъ поручено. Этотъ молодой человѣкъ называется Илья Гриневичъ, одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, когда либо въ университетѣ нашемъ бывшихъ. Онъ слушалъ лекціи на всѣхъ факультетахъ для того, чтобы имѣть общее понятіе о всѣхъ наукахъ и объ ихъ взаимной связи; равнымъ образомъ занимался онъ также и разными языками. Латинскій языкъ знаетъ онъ особенно хорошо. Въ недавнемъ времени перевелъ онъ Цицероново сочиненіе „De natura deorum“, съ критическими примѣчаніями, также и другое сочиненіе „De Theologia antiquorum“; послѣднее вскорѣ должно выйти изъ печати. Такимъ же образомъ переведены и многія Цицероновы рѣчи на русскій языкъ. Теперь занимается онъ переводомъ моего изданія псалмовъ.

Этотъ молодой человѣкъ, въ прошломъ году, для полученія степени доктора философіи, выдержалъ всѣ предписанныя испытанія съ отличнымъ одобреніемъ и, не взирая на то, до сихъ поръ не могъ еще получить диплома. Ту же участь претерпѣлъ и другой молодой человѣкъ, по имени Петръ Ковалевскій, который обучался сперва въ Московскомъ университетѣ и затѣмъ шесть лѣтъ учился въ Харьковѣ, единственно изъ благороднаго стремленія усовершенствовать себя возможнымъ образомъ въ общеполезныхъ знаніяхъ. Въ теченіе означеннаго времени проходилъ онъ съ отличнымъ прилежаніемъ всѣ части философіи, римское и россійское право и политическія науки. Весь споръ, произведенный профессоромъ Дегуровымъ, относительно двухъ вышепомянутыхъ молодыхъ людей, зависитъ отъ разрѣшенія нижеслѣдующаго вопроса: *можно ли студенту, который всѣ предписанныя испытанія выдержалъ съ отличною честію, отказать въ докторскомъ дипломѣ потому, что написанную имъ на латинскомъ языкѣ диссертацію другой кто либо, болѣе знающій его этотъ языкъ, исправилъ въ слогѣ?* Принявъ это за основаніе, надлежало бы всѣ дипломы, выданные отъ основанія нашего университета студентамъ, отобрать, ибо можно смѣло сказать, что по настоящее время не было ни одной студенческой диссертаціи на латинскомъ языкѣ, которая бы напечатана была безъ предварительныхъ поправокъ. И можетъ быть, нельзя иного раньше 50-ти лѣтъ и

ожидать намъ, ибо въ гимназіяхъ нашихъ обученіе латинскому языку находится еще въ такомъ худомъ состояніи, что молодые люди, приходя оттуда въ университетъ, можно сказать, вовсе языка этого не знаютъ. Все, что въ продолженіе немногихъ учебныхъ лѣтъ съ возможнымъ прилежаніемъ пріобрѣсти они успѣваютъ, состоитъ въ томъ, что могутъ наконецъ слушать лекціи на латинскомъ языкѣ, выдержать на немъ испытаніе и въ случаѣ нужды что нибудь написать, хотя и ошибочно, по латыни; да и могутъ ли они въ теченіи 3 или 4 лѣтъ столько въ немъ усовершенствоваться, чтобы быть уже въ состояніи написать что либо по латыни для печати и при этомъ такъ хорошо, чтобы не потребовало оно многократныхъ исправленій. По уставу о цензурѣ, нельзя печатать сочиненіе, наполненное грамматическими ошибками или несвойственными языку выраженіями. Сказать правду, хуже того еще: въ университетѣ нашемъ не много найдешь профессоровъ, знающихъ латинскій языкъ въ такой степени, чтобы написанное ими на этомъ языкѣ не было наполнено барбаризмами и даже ошибками противъ грамматики. По крайней мѣрѣ профессоръ Дегуровъ, который напалъ на вышеозначенныхъ двухъ молодыхъ людей за диссертаціи ихъ, принадлежитъ къ наименѣе свѣдущимъ въ латинскомъ языкѣ. Если бы ему самому пришлось для полученія докторской степени писать латинскую диссертацію, то я увѣренъ, что до отдачи ея въ печать надобно было бы ее всю переправить. Поэтому принесенная имъ жалоба не имѣетъ ни цѣли, ни смысла.

Впрочемъ, хуже всего то, что споръ, имъ произведенный, очевидно, противорѣчитъ всѣмъ общепринятымъ началамъ справедливости. Всюду, гдѣ только имѣютъ и признаютъ какія либо права, принято за аксіому: *audiatur et altera pars.* Въ настоящемъ спорѣ не было однако же это уважено. Съ самаго начала, какъ профессоръ Дегуровъ затѣялъ этотъ споръ, подавалъ я въ совѣтъ, одно за другимъ, четыре прошенія, въ которыхъ показывалъ несправедливость поступковъ профессора Дегурова и его прислужниковъ или сообщниковъ. Однако же, не только представленій моихъ не принимали, но не позволяли мнѣ и прочитать ихъ. Одинъ разъ, когда я потребовалъ, чтобы меня выслушали, причемъ сослался на 6-ю статью 55 § устава, въ которой значится: „quicunque est contrariae sententiae, potest opinionem suam scriptim, notato nomine suo, declarare. Haec declaratio eam habet vim, ut ipsi respondendum non sit de communi decisione“,—то засѣданіе тотчасъ было закрыто. Дѣло это началось съ того, что не хотѣли принимать моихъ представленій противъ очевидной несправедливости; въ такомъ же духѣ оно продолжалось, такъ и кончилось. Ибо когда

наконецъ профессоръ Каменскій, занимавшій тогда мѣсто секретаря, предложилъ описаніе всего дѣла послать въ Петербургъ, и описаніе это представлено было потомъ этимъ профессоромъ, то профессоръ Рейтъ, бывшій деканомъ этико-политическаго отдѣленія, подалъ въ совѣтъ представленіе, въ которомъ говорилъ, что составленное профессоромъ Каменскимъ описаніе большею частію несправедливо. Рейтъ требовалъ, чтобы замѣчаніе его внесено было въ протоколъ совѣта и вмѣстѣ съ описаніемъ Каменскаго отправлено въ Петербургъ. Однако же и въ томъ, и въ другомъ было ему отказано. Хотѣли непремѣнно, чтобы истина никакъ не могла открыться и сдѣлаться извѣстною въ Петербургѣ. При этомъ случаѣ я не могу удержаться, чтобы не привести одного мѣста изъ священнаго писанія, именно, гдѣ Іисусъ говоритъ: „Omnis qui male agit, odit lucem, et non venit ad lucem, et non arguantur opera ejus. Qui autem facit veritatem, venit ad lucem, ut manifestentur opera ejus, quia in Deo sunt facta“. Іоан. III, ст. 20—21.

Если во всемъ образованномъ мірѣ принимается за аксіому положеніе: *audiatur et altera pars;* если самимъ даже злодѣямъ, заслужившимъ смерть, позволяется избрать для себя адвоката, то ваше сіятельство можете сами, могъ бы весь разсудительный и справедливый свѣтъ рѣшить, согласно ли съ истиною, было ли хотя малѣйшее правосудіе въ началѣ, продолженіи и окончаніи спора, возникшаго по личной ненависти ко мнѣ профессора Дегурова, спора, въ которомъ отъ начала до конца непринимаемо было никакое справедливое представленіе, гдѣ силою заглушаемы были голоса противной стороны. Истинное и послѣднее основаніе этого чуднаго ожесточенія противъ истины и справедливости заключается въ непримиримой ненависти, которую профессоръ Дегуровъ возымѣлъ къ моей философіи и которую успѣлъ онъ вдохнуть и въ другихъ. Ибо философія моя считаетъ за величайшее преступленіе распространеніе французскаго заразительнаго духа между россійскими воспитанниками; напротивъ она, письменно и словесно, старается о распространеніи вѣры, нравственности, любви къ отечеству и усердія къ общему благосостоянію. То, что въ сочиненіяхъ моихъ и чтеніяхъ всегда защищалъ я священный предметъ, поставлено мнѣ въ преступленіе, за которое и терплю гоненіе, за которое всѣ сочиненія мои частію перетолкованы въ худую сторону, частію же запрещены, и наконецъ за которое стараются меня вытѣснить изъ университета. Но я всегда поставлю себѣ за честь это мнимое преступленіе, буду продолжать держаться его, съ рвеніемъ до послѣдняго дыханія и наконецъ вмѣстѣ съ нимъ, какъ съ похвальнымъ вѣнцомъ, съ полною довѣренностію явлюсь предъ престоломъ Создателя, гдѣ не

будетъ уже лицепріятія, ни лести, ни обмана, ни злобы, но гдѣ принимаема будетъ одна истина, добродѣтель и справедливость, гдѣ Богъ осушитъ слезы съ очей вѣрующихъ въ него, гдѣ не слышно уже будетъ ни воздыханій, ни стоновъ притѣсненной невинности и попираемой заслуги. Той блаженной перемѣны, о которой воздыхаю я ежедневно, достигнуть скоро надѣяться меня заставляетъ слабое, частію отъ непрерывныхъ работъ, частію же отъ мучительныхъ болѣзней изнуренное здоровье. Въ полной увѣренности, что ваше сіятельство защищаете всегда справедливость, право, невинность и заслуги, остаюсь съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства всенижайшимъ слугою профессоръ Шадъ".

Записка эта не могла оказать вліянія на участь Шада, ибо извѣстное намъ рѣшеніе комитета министровъ состоялось 3 ноября, т. е. раньше отсылки ея въ Петербургъ. „8 декабря 1816 г., по предписанію министра полиціи, Шадъ былъ поспѣшно вывезенъ изъ Харькова и препровожденъ за границу. 13 декабря того же года въ совѣтѣ доложено было сообщеніе кн. А. Н. Голицына о постановленіи комитета министровъ" [1]).

VIII.

Заграничная агитація по дѣлу Шада.

Министерство напрасно расчитывало однимъ рѣшительнымъ ударомъ покончить съ дѣломъ Шада. Онъ обладалъ громаднымъ запасомъ жизненной энергіи, настойчивостью, упрямствомъ, вѣрою въ правоту своего дѣла; по его убѣжденію, истина рано или поздно должна была восторжествовать и на его обязанности именно и лежало раскрытіе правды, изобличеніе истинныхъ виновниковъ его несчастія. Наконецъ, онъ стремился и къ тому, чтобы русское правительство вознаградило его за нанесенный ему матеріальный ущербъ и обезпечило до нѣкоторой степени и его самого на старости лѣтъ, и въ особенности его семью, которая дѣйствительно страдала безъ всякой вины съ ея стороны.

Что же онъ могъ предпринять въ своемъ положеніи? Ему оставалось сдѣлать шумъ по своему дѣлу въ Германіи, чтобы воздѣйствовать, такъ сказать, дипломатическимъ путемъ на русское правительство или обратиться къ этому правительству непосредственно съ просьбою пересмотрѣть его дѣло и дать ему матеріальное и нравственное удовлетвореніе за причиненную несправедливость. Онъ рѣшился пустить

[1]) Чтеніе Моск. общ. 1873, кн. 2-я, стр. 44—45.

въ ходъ и то, и другое средство—сначала обратился къ первому, а потомъ ко второму.

Агитація, поднятая имъ за границей, была очень велика. Прежде всего онъ самъ обратился къ суду общественнаго мнѣнія въ Германіи, напечатавъ въ газетѣ „Іенскія Всеобщія литературныя вѣдомости“ (№ 58 1817 года) слѣдующее письмо.

„Извѣщаю друзей моихъ, принимающихъ во мнѣ участіе, и всѣхъ ученыхъ Германіи, что меня постигла въ Россіи неожиданная ужасная и вовсе незаслуженная судьба. 5-го декабря прошлаго года получено было Харьковскимъ губернаторомъ приказаніе выслать меня изъ города и чрезъ Бѣлостокъ заграницу. Это приказаніе исполнено было съ величайшею строгостью чрезъ 24 часа, въ теченіи которыхъ не имѣлъ я даже времени собрать нужныя путевыя деньги, долженъ былъ оставить любезную жену и дочь, которая подаетъ великую надежду, домъ, дворъ и все, что пріобрѣлъ неутомимыми трудами, и наконецъ на мой собственный счетъ многими извилинами и посреди самыхъ подлыхъ оскорбленій со стороны полицейскихъ командъ въ Польшѣ полумертвый былъ привезенъ на Прусскую землю, гдѣ немедленно нашелъ людей и человѣколюбіе, былъ какъ бы пробужденъ отъ смерти къ жизни. Знаю, что Императоръ, какъ извѣстный всей Европѣ, правосуднѣйшій и человѣколюбивѣйшій государь не имѣетъ ни малѣйшаго участія въ этомъ искусно вымышленномъ безчеловѣчіи, знаю и то, что министры совершенно въ немъ невинны. Виновники несчастія моего и несчастія всего моего семейства суть только два человѣка, которыхъ въ свое время назову и изображу (characterisiren) всенародно, но нынѣ, полагаясь на мою невинность и на общее уваженіе, которымъ я пользовался не только въ городѣ Харьковѣ, но и во всей губерніи отъ всѣхъ состояній до послѣдней минуты моего отъѣзда, торжественно приглашаю и тѣхъ двухъ человѣкъ или всякаго другого въ Россіи упрекнуть меня въ какомъ бы то ни было преступленіи и обнародовать его въ Германіи. Тогда я (ибо въ Россіи не сообщено мнѣ никакого обвиненія, не укоряли меня ни въ какомъ преступленіи, не дали случая ни къ какой защитѣ) на публичное обвиненіе моихъ противниковъ буду и отвѣчать публично и если не дамъ удовлетворительнѣйшаго отвѣта на каждый изъ пунктовъ обвиненія, то добровольно опять явлюсь въ Россію и подвергнусь какому угодно наказанію. Между тѣмъ могу сказать предварительно, что единственное мое преступленіе состояло въ томъ, что я защищалъ святѣйшее дѣло человѣчества, а именно, дѣло религіи, добродѣтели, отечества и общаго благоденствія людей, изустно и письменно, съ большею ревностью, нежели то могли сносить французы и

подобно имъ мыслящіе люди. Но этого преступленія не буду я никогда стыдиться, а напротивъ того намѣренъ впадать въ него до послѣдняго издыханія и если нужно, то и готовъ умереть за него. Кенигсбергъ, 14 февраля 1817 г. кол. сов. Шадъ".

Посланникъ нашъ при прусскомъ дворѣ тайный совѣтникъ Алопеусъ извѣщалъ министра полиціи—ген. Вязьмитинова о невыгодномъ на счетъ Россіи впечатлѣніи, произведенномъ помѣщеніемъ въ нѣмецкихъ журналахъ статьи высланнаго за границу Шада. Онъ же Алопеусъ приложилъ и просьбу, поданную Шадомъ на Высочайшее имя. Министръ въ подлинникахъ представилъ эти бумаги кн. Голицыну. Вотъ письмо объ этомъ Алопеуса къ ген. Вязьмитинову.

Mon général! Je crois de mon devoir d'instruire Votre Excellence d'une affaire, qui produit une sensation défavorable à la Russie parmi les savants de l'Allemagne. Le conseiller de collége Schad, professeur à Charcow, ayant été mis à la frontière, publia dans les fournaux littéraires, qu'il avait été obligé d'abandonner femme, enfants et fortune et qu'on l'avait conduit accompagné de la police à la frontère sans articuler le crime, dont on le jugeoit coupable. Il attribua ce traitement aux intrigues des françois et de leurs adhérens en haine de l'animosité, qu'il avoit fait éclater contre eux lors de l'invasion de 1812. Quelque temps après il arriva ici et fut placé par la protection de son ancien collégue à Iena, le célèbre médicin Hufeland, comme professeur extraordinaire à l'université de Berlin. Il débita son histoire à tout venant et répandit ainsi l'opinion que les savans allemands en Russie etoient persécutés et sacrifiés aux françois. Pour étouffer ces propos, je le fis engager de passer chez moi et je lui dis, que si comme il en convenoit, il n'avait point à se plaindre de l'Empereur et de son Ministère, son tort était bien grave de commencer les confidences par le public. Il s'excusa par le désespoir et la misère, aux quels il était réduit et revint et toujours à insister sur un dédommagement en argent. Lui ayant demandé un exposé par écrit de son avanture, il me le remit en forme de mémoires adressés à l'Empereur, que je joins ici. Les livres dont il est question se trouvent dans le paquet de ce jour.

Cet auteur plus fertile qu'éstimé va sans doute le faire passer pour victime de sa haine contre les françois et c'est un moyen bien sûr de se mettre en faveur en Allemagne, mais comme il crie misère et comme il ne demande que de l'argent, il serait facile de lui fermer la bouche et il ne pensera plus au combat littéraire, au quel il défie. Les adverhaires en leur proposant pour arène les journaux allemands. Alopeus".

Агитація дѣйствительно началась, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ приводимое ниже письмо генеральнаго консула въ Гамбургѣ Струве къ генералу Вязьмитинову.

M. le général! Je ne crois pas devoir laisser ignore á votre Excellence que le rédacteur de la feuille dite: „Deutscher Beobachter“ imprimée ici, vient de recevoir de son correspondant à Berlin le cicjoint article concernant le professeur Schad renvoyé de l'université de Charkow. J'ai faciliment obtenu de lui la suppression de cet article qui se trouve en opposition ouverte avec les principes de justice et d'humanité du Ministère Impérial; mais ne pouvant pas empêcher, qu'il ne soit peut être publié ailleurs, j'ai l'honneur d'en faire à votre Excellence afin que, si elle juge à propos d'éclairer le public allemand sur le véritable motif du renvoi de ce professeur, je puisse rectifier les idées en cas de besouin. Hambourg 6 Mai 1817“.

Къ этому письму приложена и самая выписка изъ письма изъ Берлина отъ 23 апрѣля 1817 г. слѣдующаго содержанія.

„За нѣсколько недѣль передъ этимъ прибылъ сюда коллежскій совѣтникъ Шадъ, находившійся съ 1804 г. профессоромъ философіи и латинской словесности въ Харьковѣ. Происшествіе, случившееся съ нимъ, возбуждаетъ не только здѣсь, но и во всей Германіи величайшее удивленіе. Въ исходѣ прошедшаго года приходитъ повелѣніе изъ Петербурга въ Харьковъ, чтобы профессора Шада въ 24 часа выслать изъ Харькова и чрезъ Бѣлостокъ выпроводить заграницу. Онъ требуетъ увѣдомленія о причинѣ такого съ нимъ поступка, какой могъ бы употребленъ быть только съ преступникомъ; но ему не объявляютъ ни обвиненія, ни обвинителя. Не взирая ни на что, заставляютъ пожилого и больного человѣка разстаться съ женою и 13 лѣтнею дочерью, покинуть домъ и книги свои и на собственный свой счетъ съ большими издержками ѣхать окольными дорогами и претерпѣвая множество обидъ и оскорбленій заграницу. Къ происшествію этому не можетъ равнодушно отнестись и Россійское правительство. Какой нѣмецкій ученый рѣшится впредь поступить на службу въ россійскій университетъ, если въ воздаяніе за труды свои долженъ опасаться подобнаго же поступка. Иванъ Шадъ, уроженецъ Вюрцбургскій, извѣстенъ въ Іенѣ, какъ человѣкъ безпорочныхъ правилъ и притомъ основательно ученый мужъ. Онъ преподавалъ тамъ публичные уроки и во всей Германіи извѣстенъ по своимъ сочиненіямъ. Въ особенности оказалъ онъ великія услуги Харьковскому университету. Тѣмъ больше приводитъ всѣхъ въ удивленіе безчеловѣчный съ нимъ поступокъ. Нынѣ онъ обратился съ просьбою къ Россійскому Императору и нельзя никакъ сомнѣваться,

чтобы этотъ истинно христіанскаго духа Государь не оказалъ вспоможенія своего притѣсненному. Ибо когда не отказано было апостолу Павлу видѣть обвинителей своихъ предъ собою, хотя то было и во время свирѣпаго языческаго кесаря Нерона, то кольми паче можетъ честный Шадъ надѣяться, что человѣколюбивый Александръ, учредитель христіанскаго союза, окажетъ ему всю справедливость. Г. Шадъ догадывается, что бывшій нѣкогда въ Парижѣ французскій книгопродавецъ, который недавно опредѣленъ въ Харьковскій университетъ, и нѣкоторый польскій графъ въ Петербургѣ, оба французскіе идолослужители навлекли на него это несчастіе, ибо Шадъ всегда открытымъ образомъ порицалъ французовъ за ихъ легкомысліе, нечестіе и безчеловѣчіе. Всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія Императора Александра".

Министръ народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ далъ генералу Вязьмитинову слѣдующій отвѣтъ.

„На 2-е отношеніе вашего высокопревосходительства отъ 9-го и 11 мая касательно бывшаго въ Харьковскомъ университетѣ профессора Шада, высланнаго заграницу и нынѣ въ нѣмецкихъ газетахъ публикующаго разные невыгодные отзывы на счетъ россійскаго правительства, честь имѣю увѣдомить васъ, милостивый государь, что я отнесся объ этомъ обстоятельствѣ по принадлежности къ графу Каподистрію, дабы онъ далъ приличное наставленіе обѣимъ нашимъ миссіямъ въ Берлинѣ и Гамбургѣ, какъ имъ поступить для отраженія таковыхъ отзывовъ Шада или же чтобы привести его къ молчанію. На сей конецъ сообщилъ я графу надлежащее свѣдѣніе о дѣлѣ и поступкахъ Шада, по коимъ признано было за нужное не только удалить его изъ университета, но и выслать заграницу".

1817 г. мая 17 дня министру иностранныхъ дѣлъ графу Каподистрію онъ написалъ слѣдующее письмо.

„Милостивый государь, графъ Иванъ Антоновичъ!

По увѣдомленію посланника нашего при Прусскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Гамбургѣ, бывшій въ Харьковскомъ университетѣ профессоромъ Шадъ, высланный по повелѣнію здѣшняго правительства заграницу, старается чрезъ газеты и журналы въ Нѣмецкой землѣ распространить невыгодныя на счетъ здѣшняго правительства заключенія и поставить себя въ глазахъ тамошней публики и ученаго свѣта не заслужившимъ будто бы такой участи, гоненія и личной клеветы. Тайный совѣтникъ Алопеусъ прислалъ притомъ и отъ самого Шада просьбу къ Его Императорскому Величеству, въ коей онъ съ непостижимымъ безстыдствомъ, превращая истину, старается представить себя въ са-

момъ выгоднѣйшемъ видѣ со стороны нравственности, привязанности къ религіи и пользы, каковую принесъ свѣту ученому вообще и Харьковскому университету въ особенности и требуетъ себѣ такихъ вознагражденій отъ Государя Императора, какихъ безъ всякаго сомнѣнія онъ не только не заслуживаетъ, но которыя притомъ послужили бы нареканіемъ для Россійскаго правительства, еслибы человѣкъ, подобный Шаду, получилъ ихъ послѣ высылки заграницу. Настоящія правила его къ сожалѣнію не довольно скоро могли сдѣлаться извѣстны въ Россіи, гдѣ впослѣдствіи только изданныя имъ для употребленія учащихся книги „De viris illustribus“ и „Institutiones juris naturae“, кои велѣно запретить и уничтожить, и другія обстоятельства его жизни, обратили на него вниманіе и подали поводъ къ открытію духа его и въ прочихъ сочиненіяхъ, въ Германіи имъ изданныхъ и на кои онъ ссылается съ столь смѣлою и удивительною надеждою. Въ приложенномъ имъ при просьбѣ своей реестрѣ книгъ, имъ изданныхъ, есть описаніе его жизни и другая, которую онъ, какъ видно, не назвалъ настоящимъ ея титуломъ, подъ коимъ она въ Эрфуртѣ напечатана (Leben und.), эти двѣ книги довольно уже показываютъ степень его нравственности и религіи въ такомъ видѣ, который долженъ ужаснуть всякаго благомыслящаго и поставляютъ даже въ необходимость ограждать по возможности и другихъ отъ дачи вѣры той благовидной личинѣ, какую онъ на себя столь отважно принимаетъ и становится посему тѣмъ опаснѣйшимъ для общества человѣкомъ. Въ отвѣтъ на напечатанную Шадомъ въ Галльской литературной газетѣ статью, послано уже туда приватнымъ образомъ объясненіе, для помѣщенія въ ней. Нынѣ по случаю помянутыхъ отношеній г. тайн. сов. Алопеуса и кол. сов. Струве, къ управляющему министерствомъ полиціи, который ихъ доставилъ мнѣ, считаю я за нужное препроводить къ вашему сіятельству какъ самыя эти отношенія съ приложеніями, такъ и списки со статьи, помѣщенной Шадомъ въ Галльской газетѣ, и объявленія отъ насъ, на нее посланныя. Я прошу покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, не оставить нужнымъ наставленіемъ означенныя миссіи наши въ Берлинѣ и Гамбургѣ, для отраженія дерзновенныхъ покушеній Шада опорочивать въ Германскихъ публичныхъ листахъ Россійское правительство и носить на себѣ личину, которая такъ ему не свойственна. Это тѣмъ достовѣрнѣе, что и г. Алопеусъ въ отношеніи своемъ называетъ Шада auteur plus fertile qu'estimé; слѣдовательно, собственныя его увѣренія, будто бы онъ вообще весьма уважается въ Германіи, показываютъ уже довольно, какую степень вѣроятія заслуживаютъ таковыя его похвалы и рекомендаціи самому

себѣ. Упомянутымъ миссіямъ можно предоставить на ихъ усмотрѣніе, найдутъ ли нужнымъ помѣстить въ газетахъ Берлинскихъ и Гамбургскихъ подобныя возраженія на Шадовы публикаціи или инымъ образомъ привесть его къ молчанію. Прося ваше сіятельство увѣдомить меня о послѣдствіяхъ, какія по сему будутъ, имѣю честь быть князь А. Голицынъ. Спб. 17 мая, 1817 г. P. S. Полученныя мною бумаги отъ Сергѣя Козьмича я препроводилъ къ вашему сіятельству съ тѣмъ, что ежели найдете нужнымъ, то доложите Государю Императору".

Возраженіе, отправленное въ заграничныя газеты, было таково:

„Г. докторъ Шадъ, посредствомъ весьма извѣстной литературной газеты (die Hallische allgemeine Literatur-Zeitung марта, 1817. № 58) подъ статьею изъ Кенигсберга отъ 13-го февраля сего года, старался распространить повсюду разглашеніе, какъ будто бы Россійское правительство по одной только клеветѣ личныхъ его непріятелей, безъ всякой законной причины и безъ разсмотрѣнія, вдругъ удалило его изъ государства. При этомъ упоминаетъ онъ, что все его преступленіе состоитъ въ томъ, что онъ всегда защищалъ святѣйшее дѣло человѣчества, а именно дѣло религіи, добродѣтели и общаго благоденствія людей, словесно и письменно.

Послѣ такихъ показаній, которыя многихъ, незнающихъ обстоятельствъ дѣла, могутъ привести къ несправедливымъ заключеніямъ, не излишне будетъ объявить здѣсь чрезъ это по достовѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ, что дерзновенныя обвиненія со стороны И. Шада какъ будто бы онъ сдѣлался жертвою личной вражды и какъ будто бы выслали его изъ Россіи безъ разсмотрѣнія причины, совершенно ложны. Напротивъ того, мы можемъ удостовѣрить, что дѣло И. Шада было строго и весьма осторожно разсматриваемо и изъ него оказалась необходимость удалить немедленно такого человѣка, который поставилъ себя цѣлью посредствомъ учебныхъ книгъ распространять въ Россіи правила, кои тамъ никакъ не могутъ быть терпимы и каковыя попечительное о благѣ жителей этого государства правительство старается всячески искоренять. Съ одной стороны мы желаемъ обнаружить неосновательность порицательныхъ показаній Шада, съ другой—можетъ быть заслужимъ и благодарность, когда доведемъ до всеобщаго свѣдѣнія, каковы суть тѣ правила религіи и нравственности, на кои онъ съ такою надеждою ссылается. Посему нужно только каждому, желающему поближе его узнать, обратиться къ собственному его жизнеописанію (Исторія жизни и монастырскаго житія доктора Шада въ Эрфуртѣ. 1803 г.) и другимъ подобнымъ же его сочиненіямъ. Изъ этихъ книгъ весьма ясно усмотрѣть можно, каковы его понятія о религіи и морали.

Двѣ книги, сочиненныя имъ для юношества недавно по порученію начальства въ Россіи, показали наконецъ несомнѣнно, что И. Шадъ всѣ правила, обнаруженныя въ прежнихъ сочиненіяхъ, питаетъ въ себѣ и понынѣ, и потому въ качествѣ наставника юношества никакъ терпимъ быть не можетъ, какъ вредный человѣкъ. Поэтому мы не сомнѣваемся, что послѣ этого никто, зная ближе обстоятельства жизни этого человѣка, не удивится болѣе постигшей его участи. Въ заключеніе считаемъ нужнымъ прибавить, что вызовъ И. Шада отвѣчать публично на всѣ могущія быть обвиненія, гдѣ и когда бы то не потребовалось, къ его оправданію, есть только необдуманное хвастовство. Можно себѣ легко представить, что если бы Россійское правительство хотѣло съ нимъ поступить по всей строгости, какъ онъ того заслуживаетъ, то оно не выслало бы его за границу. Но намъ кажется, что Шадъ провозглашаетъ невинность свою единственно по одинаковой съ ними увѣренности въ томъ, что Россійское правительство всегда будетъ считать низкимъ для себя отвѣчать на всѣ его язвительныя жалобы".

Итакъ, Шадъ въ одномъ отношеніи достигъ своей цѣли: онъ привлекъ общественное мнѣніе во всей Германіи къ своему дѣлу и вызвалъ къ себѣ, какъ невинно потерпѣвшему, общія симпатіи. Любопытно, какъ постепенно онъ раскрывалъ подробности и причины своего изгнанія. Сначала просто говорится о двухъ виновникахъ его бѣдствій, потомъ уже называется по имени Дегуровъ, а о Потоцкомъ все таки нѣтъ упоминанія—говорится просто о нѣкоемъ польскомъ графѣ; личность Государя Александра I и его министровъ совершенно выгораживается, конечно, изъ политическихъ соображеній, чтобы добиться такимъ путемъ реабилитаціи, чтобы дать кн. А. Н. Голицыну мостикъ для пересмотра дѣла. Но все было тщетно—министры только озлобились на Шада за шумъ, поднятый имъ заграницей, хотя судя по одному намеку въ приведенномъ нами письмѣ кн. Голицына къ гр. Каподистріа, не прочь были купить его молчаніе извѣстною суммою денегъ.

IX.

Оправдательная и просительная записки Шада, изъ Іены 1818 года.

Въ 1818 году 4 декабря Шадъ отправилъ изъ Іены въ Петербургъ оправдательную записку, въ которой защищалъ свои книги отъ обвиненій Дегурова. Вотъ текстъ его записки. „Сочинитель приложенныхъ при этомъ обвинительныхъ пунктовъ, кои я недавно изъ Россіи получилъ,—родомъ французъ, прозывающійся Дюгуромъ, но съ нѣкото-

раго времени принявшій фамилію Дегурова и состоявшій профессоромъ при Харьковскомъ университетѣ. Этотъ человѣкъ возымѣлъ противъ меня смертельную ненависть за сильное отвращеніе, которое я обнаруживалъ въ разныхъ сочиненіяхъ моихъ, и въ особенности въ „Правѣ естественномъ“, противъ жестокости французской революціи и тиранской системы Наполеона. Въ 1816 году пріобрѣлъ онъ сильнаго покровителя въ лицѣ графа Северина-Потоцкаго, который по шестилѣтнемъ изъ университета отсутствіи, возвратился наконецъ изъ Польши и который по этой же причинѣ негодовалъ на меня за мои сочиненія. Онъ самъ побуждалъ профессора Дегурова къ тому, чтобы учинить доносъ на мою книгу о Естественомъ правѣ. Тотъ же, въ надеждѣ на покровительство графа, который въ то время занималъ важную должность попечителя Харьковскаго университета, представилъ эти обвинительные пункты бывшему въ то время министру графу Разумовскому, который поручилъ попечителю ихъ разсмотрѣть. Но какъ этотъ послѣдній находился уже съ доносителемъ въ согласіи, то и осудилъ мою книгу, какъ зловредную для юношества и порицающую разныя установленія Россійскаго государства. Дѣло это продолжалось около года и было внесено наконецъ въ комитетъ министровъ въ Санктпетербургѣ, при донесеніи попечителя, что учиненный на меня доносъ изслѣдованъ самымъ строгимъ и безпристрастнымъ образомъ и найденъ весьма основательнымъ. Такимъ образомъ, состоялось повелѣніе къ Харьковскому гражданскому губернатору выслать меня немедленно изъ города и препроводить за границу, которое и было исполнено со всею строгостію 8 декабря 1816 года, такъ что не приняли даже въ уваженіе и смертельной болѣзни, которою я въ то время былъ одержимъ. Я долженъ былъ внезапно оставить мое семейство, два собственные мои дома въ Харьковѣ и все прочее имущество; какъ преступникъ выпровоженъ былъ изъ государства подъ воинскимъ прикрытіемъ и въ престарѣлыхъ лѣтахъ отправленъ въ Германію во время всеобщаго голода и въ теченіи двухъ лѣтъ преданъ всѣмъ бѣдствіямъ. Все это произведено надо мною такъ, что мнѣ не было предоставлено права собственной защиты, священнаго для всѣхъ народовъ. Но въ такомъ беззащитномъ положеніи всего ужаснѣе для меня то, что при этомъ несчастіи я лишился всего своего имущества, пріобрѣтеннаго бережливостію и неутомимымъ трудолюбіемъ, ибо при внезапномъ моемъ изгнаніи около 20000 р. изъ него пропали для меня безвозвратно. Еще оставалось только 10800 рублей, на которые векселя привезла съ собою несчатная жена моя, пріѣхавшая ко мнѣ въ Германію въ прошедшемъ году. Эти векселя были мною препровождены въ узаконенный срокъ чрезъ великогерцогскую Іен-

скую городскую управу въ Харьковскій университетъ при прошеніи доставить ко мнѣ деньги, но ни въ управу, ни ко мнѣ никакого отвѣта не послѣдовало. Это заставляетъ меня опасаться, что меня намѣрены лишить и этого малаго остатка моего имущества, дабы вмѣстѣ съ женою моею и сыномъ оставить на жертву голодной смерти. Кто только прочтетъ эти пункты и сличитъ съ моею книгою, приведенъ будетъ въ изумленіе ужаснымъ жребіемъ меня постигшимъ и неслыханнымъ дерзновеніемъ доносителя, ибо книга эта заключаетъ въ себѣ совершенно противное тому, въ чемъ онъ меня обвиняетъ и за что я осужденъ. Главныя обвиненія состоятъ въ томъ, что изложенныя мною мнѣнія о власти Государя противорѣчатъ господствующимъ въ Россіи понятіямъ и что даже въ этой книгѣ есть мѣста, содержащія въ себѣ самыя нелѣпыя порицанія существующихъ въ Россійской Имперіи установленій; наконецъ, что я объ обязанностяхъ супружества говорю оскорбительнымъ для нравственности образомъ. Въ доказательство своихъ обвиненій доноситель приводитъ страницы 175, 385, 183, 302, 283. Чтобы представить во всей ясности неслыханную клевету его, прошу всякаго разумѣющаго латинскій языкъ, прочесть эти мѣста въ самой книгѣ, здѣсь представлю ихъ въ переводѣ. На стр. 174 и 175 говорю я о власти Государя слѣдующее. „Такъ точно, какъ нѣтъ безусловной собственности надъ вещами, такъ нѣтъ ея и надъ дѣяніями. Ибо какъ скоро какое нибудь дѣяніе представляется внѣшнимъ образомъ, то принимаетъ видъ общественности и съ тѣръ поръ перестаетъ быть исключительною собственностію того, кто его совершилъ. Можно представить себѣ дѣянія такого рода, что они, не будучи противными справедливости, ни честности, при всемъ томъ могутъ быть обществу вредны, по какимъ либо особеннымъ обстоятельствамъ, которыхъ напередъ опредѣлить невозможно. На этомъ основаніи повелители народовъ имѣютъ полное право ограничивать право свободы въ отношеніи внѣшнихъ дѣяній, и даже такъ, что дѣянія по наружности самыя невинныя могутъ быть ими возбраняемы. Нельзя ихъ упрекнуть въ тиранствѣ и въ такомъ случаѣ, когда они не объявляютъ на то никакой причины, ибо благоразуміе требуетъ иногда, чтобы самыя полезныя и справедливыя намѣренія скрываемы были безмолвіемъ, и если это наблюдается въ частной жизни, то кольми паче должно быть наблюдаемо въ дѣлахъ государственныхъ. Но такимъ образомъ, скажутъ нѣкоторые, водворяется тиранство: *такъ мнѣ угодно; такъ я повелѣваю; воля моя да будетъ вмѣсто всякаго основанія.* Этого никакъ не должно опасаться, ибо если бы даже и то предположить, чтобы Государь могъ дѣйствительно что либо повелѣть по единому своему произволу и не прини-

мая въ уваженіе общественной пользы, то таковое его повелѣніе собственною своею слабостію конечно уничтожится. Цицеронъ справедливо говоритъ о мнѣніяхъ: *мечтательныя сплетенія мнѣній истребляетъ время, а судъ природы оно утверждаетъ.* Это самое можно сказать и о законахъ: законъ, постановленный Государемъ въ противность естественнаго порядка и духа народнаго, никакъ не можетъ долго удержаться. По этой причинѣ гражданскимъ законамъ надлежитъ повиноваться и тогда, когда ими предписываются даже и такія дѣянія, въ которыхъ не усматривается никакой соприкосновенности съ общею пользою, или возбраняются такія, которыя кажутся неважными и невинными. Безусловная свобода въ дѣяніяхъ тогда только имѣетъ мѣсто, когда повелѣвается что либо явно противное безусловному праву или таковой же обязанности".

Можетъ ли кто со всѣмъ возможнымъ утонченіемъ разума найти здѣсь что либо противное правамъ какого бы то ни было государя, если не представить себѣ вмѣсто государя величайшаго тирана, требующаго повиновенія даже и тогда, когда его повелѣнія явно противорѣчатъ совѣсти всякаго одареннаго разсудкомъ человѣка? Но безстыдство доносителя, ставящаго россійскихъ монарховъ въ число таковыхъ тирановъ, явствуетъ еще и изъ слѣдующаго приводимаго имъ на стр. 345 мѣста.

„Долгъ подданныхъ въ отношеніи къ государю заключаетъ въ себѣ слѣдующія части: a) совершенный долгъ повиновенія; этимъ не отымается у нихъ право не повиноваться тогда, когда предписывается что либо явно противное безусловному праву или безусловной обязанности. Посему весьма вредно заблужденіе Гоббеса, полагающаго, что всякое понятіе о правомъ и неправомъ зависитъ отъ гражданскихъ установленій; b) долгъ терпѣнія или долгъ не сопротивляться государю; c) отрицательный и положительный долгъ вѣрности. Первый состоитъ въ томъ, чтобы подданные не стремились къ нововведеніямъ и не ниспровергали правительства; каковому долгу наиболѣе противоположно преступленіе оскорбленія Величества. Предметъ другаго состоитъ въ томъ, чтобы подданные соблюдали ненарушимую вѣрность къ государю, какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ, и ревностно споспѣшествовали какъ общей цѣли, такъ и частнымъ предметамъ правительства".

Если доноситель находитъ здѣсь что нибудь противорѣчащее вообще принятымъ въ Россіи понятіямъ о правахъ государя, то это не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ положеніи, что подданные тогда только не обязаны повиноваться, когда имъ предписывается что либо, явно и совершенно противное долгу и что различіе

между правымъ и неправымъ не изъ гражданскаго законоположенія проистекаетъ, какъ то утверждаетъ Гоббесъ, но зависитъ отъ предвѣчнаго разума. Если таковое мнѣніе мое есть государственное преступленіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣніе доносителя безспорно значитъ слѣдующее: 1) что по общепринятому въ Россіи понятію о правѣ, повиноваться должно даже и тогда, когда государь повелѣваетъ что либо, явно противное совѣсти; 2) что россійскіе монархи имѣютъ таковое право и слѣдовательно ужаснѣйшіе тираны и 3) что между правымъ и неправымъ нѣтъ инаго различія, какъ то, какое опредѣляется гражданскимъ законодательствомъ. Кто не усмотритъ въ этомъ мнѣніи самаго дерзкаго порицанія россійской жизни, россійскаго монарха, законоположенія сего государства, религіи, добродѣтели и всякаго права? И чрезъ столь дерзкаго доносителя и клеветника повергается въ бездну злоключеній съ цѣлымъ семействомъ своимъ человѣкъ совершенно невинный, одушевленный ревностію къ Россіи, къ религіи и къ добродѣтели, осужденный по одному только доносу. Сколь постыднымъ образомъ употребляется при этомъ во зло священное имя правосуднѣйшаго и милосердаго Императора и въ сколь ненавистномъ видѣ представляется россійское правительство и самая нація россійская предъ всѣми иностранцами? Какой ударъ нанесенъ этимъ злодѣяніемъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ въ Россіи? Кто изъ числа ученыхъ иностранцевъ осмѣлится впредь принять приглашеніе на пріѣздъ въ Россію, увѣдавъ объ участи, постигшей меня за книгу, въ которой съ чистѣйшею ревностію защищаются истины священнѣйшія, необходимѣйшія какъ для правительства, такъ и для частныхъ людей, и предписываемыя какъ разумомъ, такъ и самою христіанскою религіею; за книгу, пропущенную цензурою университета и принятую всѣми учеными и благонамѣренными людьми съ отличнымъ одобреніемъ? Кто на предбудущее время будетъ почитать себя безопаснымъ въ Россійской Имперіи, если по одному доносу злобнаго и лукаваго клеветника, дѣлаютъ несчастнымъ человѣкомъ невиннаго и заслуженнаго, со всѣмъ его семействомъ, безъ принятія отъ него оправданія, въ глубокой старости лишаютъ его мѣста, изгоняютъ изъ Россійской Имперіи и даже лишаютъ имущества? Таковы послѣдствія этой безстыдной клеветы и участь, которой она меня подвергла.

Но злое намѣреніе доносителя открывается еще болѣе изъ слѣдующихъ обвиненій. Дабы доказать, что книга моя содержитъ въ себѣ самыя нелѣпыя порицанія существующихъ въ Россійской имперіи установленій, онъ приводитъ стр. 182 и 302. На стр. 182 и 183 сказано. „Есть истины, которыя преподавать и утверждать новыми доказатель-

ствами, дабы тѣмъ тверже укоренить ихъ въ душахъ людей, не можетъ быть возбраняемо никѣмъ и ни въ какое время, такого рода истины суть тѣ, которыя принадлежатъ къ высшей цѣли человѣческаго бытія, и вся христіанская религія есть ничто иное, какъ совокупность таковыхъ истинъ. По этой причинѣ она была проповѣдуема съ полнымъ правомъ въ цѣломъ мірѣ, въ пренебреженіе воспрещенія тирановъ и предстоявшей смертной казни. Къ числу этихъ истинъ принадлежатъ и тѣ, что добродѣтель имѣетъ самобытное достоинство, и что въ почитаніи ея состоитъ высшее достоинство человѣка. Возбраняющій таковыя истины явно обнаруживаетъ тиранскій образъ мыслей. По сему ни что мнѣ не показалось достойнѣе замѣчанія, какъ написанное Рейнардомъ въ письмахъ его о Парижѣ относительно Наполеона, бывшаго еще первымъ консуломъ, то есть, что онъ не дозволилъ издать въ свѣтъ нѣкоторыхъ разсужденій, сочиненныхъ Дегерандомъ о самобытномъ достоинствѣ добродѣтели. Одинъ этотъ поступокъ ясно показалъ мнѣ душу этого государя; ибо кѣмъ обладаетъ безпредѣльное властолюбіе, тотъ поступилъ бы неблагоразумно, если бы допустилъ приписать добродѣтели безпредѣльную силу и достоинство. Безусловное владычество принадлежитъ одной только добродѣтели, которая, если когда либо распространится въ цѣломъ народѣ, рано или поздно низвергнетъ всякую тиранскую власть, хотя бы она и была основана на всѣхъ прелестяхъ или на всѣхъ ужасахъ физической природы. Тираны не терпятъ въ гражданахъ истинной добродѣтели; добродѣтель, которую они требуютъ,—это рабство, готовое на все изъ надежды или страха, слѣпое повиновеніе всѣмъ ихъ желаніямъ, готовность исполнять самыя постыдныя ихъ приказанія, величайшее развращеніе нравовъ и совершенное уничтоженіе достоинства человѣка“.

Каждый читающій это мѣсто, видитъ, что я говорю здѣсь о всеобщемъ тиранѣ и въ отношеніи къ нему утверждаю о безусловномъ достоинствѣ добродѣтели; если это мѣсто заключаетъ въ себѣ постыдное порицаніе существующихъ въ Россіи постановленій, то изъ этого слѣдуетъ, что въ Россіи законы не признаютъ достоинства добродѣтели, что она даже принадлежитъ къ государственнымъ преступленіямъ и что потому первые наставники въ христіанской религіи и самъ Іисусъ Христосъ были преступниками и законно наказаны смертію. И такъ, обвинитель, утверждающій это, не произноситъ ли тѣмъ самымъ величайшую хулу на государственныя постановленія Россійской Имперіи? Возможно ли смѣшивать власть Россійскаго Государя съ военнымъ деспотизмомъ Наполеона и образъ правленія въ Россіи съ тиранскою системою этого разрушителя вселенной?

Второе мѣсто, приводимое обвинителемъ въ доказательство того, что я порицалъ Россійскія постановленія, взято съ 302 стр. Доказавъ на стр. 201—294, частію умозаключеніями, частію мѣстами изъ Новаго Завѣта, что любострастіе и полигамія противны естественному праву, я наконецъ на стр. 302 заключаю слѣдующимъ образомъ. „Хотя сохраненіе и умноженіе рода человѣческаго не есть первая и единственная цѣль супружеской связи, однакожъ право естественное требуетъ не дѣлать ничего, что могло бы останавливать и препятствовать этой цѣли, ибо производящія силы того, который предается таковымъ распутствамъ, естественнымъ образомъ мало по малу ослабѣваютъ и истощаются. Ничто противъ того не способствуетъ болѣе плодородію супружеской связи, какъ умѣренность и воздержность обоихъ половъ и взаимная, вѣрная, непорочная, исключительная любовь супруговъ. Также совершенно противно справедливости употреблять человѣка, какъ простое орудіе; а это и происходитъ при полигаміи, которая по сему и должна быть запрещаема гражданскими постановленіями. Тотъ, который вступаетъ и сохраняетъ связь со многими женщинами, тотъ употребляетъ этотъ полъ, какъ простое средство для удовлетворенія необузданныхъ своихъ похотей и слѣдовательно поступаетъ съ нимъ самымъ недостойнымъ и постыднымъ образомъ. Это тиранство, это нарушеніе самыхъ священнѣйшихъ правъ, которыми пользуются какъ мужчины, такъ и женщины, это постыдное обхожденіе и обезчещеніе другого пола и наконецъ происходящее отсюда всеобщее развращеніе нравовъ—можетъ ли все это быть терпимо въ государствѣ, въ которомъ находится малѣйшее чувство человѣколюбія и справедливости?

Можетъ ли кто находить въ этомъ мѣстѣ что либо оскорбительное для государственныхъ постановленій Россіи, не предполагая, что любострастіе, распутство и полигамія въ Россіи законами предписаны и покровительствованы и можетъ ли это утверждать, не произнося безстыднѣйшей клеветы надъ государственными постановленіями Россіи? Такое порицаніе явнымъ образомъ сдѣлано моимъ обвинителемъ. Я напротивъ того ничего не утверждалъ, что бы не было основано на разумѣ и постановлено Священнымъ писаніемъ и россійскими законами, которые требуютъ справедливости, добродѣтели, чистоты нравовъ, никогда не одобряютъ и не предписываютъ распутства, расторгающаго самыя священнѣйшія узы супружества. Столь же ложно обвиненіе его, будто я объ этой связи выражаюсь неприличнымъ и безстыднымъ образомъ. Мѣсто, въ которомъ я объ этомъ говорю, слишкомъ длинно, дабы его здѣсь выписать, оно простирается отъ стр. 283 до 320. Но я съ увѣреностью могу ссылаться на каждаго читателя; кто прочтетъ это

разсужденіе о супружествѣ, тотъ найдетъ, что я изъясняюсь объ этомъ столь важномъ предметѣ по чистѣйшимъ понятіямъ, внушаемымъ намъ разумомъ и Священнымъ писаніемъ. Съ совершеннымъ спокойствіемъ могу я разсужденія эти предать на судъ всего ученаго свѣта.

Если наконецъ обвинитель мой утверждаетъ, что я въ главныхъ пунктахъ слѣдую философіи Шеллинга, что это его сужденіе—весьма дерзко, потому что, не зная ни мало нѣмецкаго языка, онъ о томъ совершенно судить не можетъ. Шеллингъ никогда не писалъ естественнаго права или чего нибудь подобнаго; слѣдовательно, онъ въ этомъ отношеніи никакъ не могъ быть моимъ руководителемъ. Моя система состоитъ въ совершенно другой и болѣе высокой сферѣ, чѣмъ система Шеллинга. Предметъ философскаго изслѣдованія Шеллинга—физика. Цѣль же моей философіи состоитъ въ томъ, дабы положить твердое и непоколебимое основаніе важнѣйшимъ и священнѣйшимъ истинамъ, безъ коихъ человѣкъ ни добрымъ, ни счастливымъ сдѣлаться не можетъ и къ которымъ относятся: существованіе Бога, свобода человѣческой воли, совершенное достоинство добродѣтели и безсмертіе души. Моя система клонится къ тому, чтобы внушить человѣку твердую и неколеблемую сомнѣніями любовь къ добродѣтели, къ религіи, къ христіанству и къ предвѣчному праву. Каждый, читающій мои сочиненія, легко въ этомъ можетъ удостовѣриться. Я никогда не желалъ споспѣшествовать сочиненіями своими нынѣ царствующей въ Германіи философіи, распространяющей сомнѣнія о важнѣйшихъ и спасительныхъ истинахъ. Я явнымъ образомъ возстаю противъ нея и цѣль моя клонится къ тому, дабы разрушить до основанія эту, по моему мнѣнію, столь вредную философію, истребить сомнѣнія въ разсужденіи истинъ, составляющихъ достоинство и счастіе человѣка, и доставить христіанской религіи уваженіе, любовь и Божественную силу, которой старается ея лишить эта высокомѣрная философія, на невѣжествѣ и любви къ порокамъ основанная. Вотъ священная цѣль, къ которой я стремился въ моей философіи, вотъ правое дѣло, которое я защищалъ изданными въ Россіи сочиненіями своими, за него стоять буду до послѣдняго издыханія и если нужно, пожертвую самою жизнію. Французскій бродяга, бывшій въ Парижѣ книгопродавцемъ во время революціи и отличившійся стараніемъ развращать народъ, обвинилъ меня въ преступленіи и ввергъ въ несчастіе потому только, что я мыслилъ и поступалъ по священнымъ правиламъ, обнаруживающимися во всѣхъ сочиненіяхъ моихъ и въ особенности въ изданномъ мною правѣ народномъ. Но я предъ цѣлымъ свѣтомъ горжусь таковымъ преступленіемъ; и покуда человѣколюбіе, добродѣтель, христіанство и религія существовать бу-

дутъ между людьми, дотолѣ сочиненія мои будутъ уважаться и благословляться. Дабы обнаружить невинность свою, мнѣ только нужно издать сочиненія свои въ Германіи и представить на судъ ученому свѣту, который не обращаетъ вниманія на хитрость и коварства француза и который лишитъ клевету ядовитаго ея жала.

Обвинитель мой явно показываетъ себя ревностнымъ приверженцемъ всеобщаго тирана и той презрѣнной части французской націи, которя ознаменовала себя злодѣяніями всякаго рода, ибо онъ не страшится порицать тѣхъ мѣстъ моего народнаго права, въ которыхъ я обнаруживаю живѣйшее отвращеніе къ тиранской системѣ Наполеона и къ ужасамъ французской революціи, какъ наприм. на стр. 36, 170, 218, 232, 225—232.

Человѣкъ, который еще во Франціи во время революціи старался развращать юношество, конечно не могъ не возненавидѣть и не горѣть желаніемъ отомстить мнѣ за священныя и патріотическія чувства, которыя я обнаруживалъ въ моемъ народномъ правѣ и которыми старался одушевлять россійское юношество. Въ доказательство же того, что этотъ человѣкъ во Франціи дѣйствительно способствовалъ развращенію народа, могу я привести здѣсь французскую книгу подъ заглавіемъ: „Les siècles littéraires“, во второй части которой въ статьѣ Degour приписывается ему между другими подозрительными сочиненіями и книга: „Nouvelle rhétorique françoise à l'usage des jeunes demoiselles, avec des exemples tiré des sermons prononcés, à l'assemblée nationalle et des ouvrages de Voltaire, Rousseau, Raynal, Montesquieu“. Всѣмъ извѣстно, что не за долго до смерти короля, послѣдовавшей въ 1791 году, (а тогда и книга эта была издана), читаемы были въ національномъ собраніи рѣчи противъ лучшаго изъ государей, противъ дворянства, духовенства, религіи и всѣхъ гражданскихъ узаконеній. Правилами, почерпнутыми изъ таковыхъ рѣчей, этотъ развратитель народа старался искоренить въ нѣжныхъ сердцахъ дѣвицъ всѣ чувства добродѣтели и внушить имъ жестокосердіе.

Этотъ самый Дегуровъ, находясь подъ покровительствомъ графа Северина Потоцкаго, оклеветалъ меня самымъ коварнымъ образомъ предъ россійскими министрами и ввергъ въ несчастіе меня и семейство мое. Я столь твердо увѣренъ въ своей невинности, что не страшился предложить Его Королевскому Высочеству великому герцогу Веймарскому выдать меня Россіи и послѣ предать самымъ тяжкимъ наказаніямъ, если я обличенъ буду въ преступленіи; и я только прошу позволить мнѣ на каждое обвиненіе представить свое оправданіе—право, которое даруется и преступнику, заслуживающему смерть. Еще разъ

повторяю, что если сочиненія мои предложены будутъ въ Германіи на разсмотрѣніе собранія ученыхъ, благоразумныхъ и безпристрастныхъ людей, я совершенно увѣренъ, что это разсмотрѣніе окончится къ моей чести и для меня тѣмъ будетъ славнѣе, чѣмъ строже сдѣлано будетъ. И такъ, если я совершенно невиновенъ, что впрочемъ уже явствуетъ изъ всего мною вышеизъясненнаго, то я смѣю надѣяться, что Его Императорское Величество, по справедливости и благости своей, благоволитъ приказать 1) дабы выданъ мнѣ былъ небольшой остатокъ моего имѣнія, оставшагося въ Харьковѣ и состоящаго изъ 10.800 руб. ассигнаціями; и 2) дабы я по уставамъ университета за 13-лѣтнее ревностное и непорочное служеніе награжденъ былъ пожизненною пенсіею. Я старался всѣми силами и трудился день и ночь, чтобы принести пользу и славу Харьковскому университету. Я преподавалъ съ такимъ успѣхомъ, что не только прилежнѣйшіе студенты, но и ученѣйшіе люди города, учителя гимназіи и архіерейскаго коллегіума и даже самыя духовныя особы россійской церкви меня просили въ частныхъ урокахъ преподавать имъ мою философію, ибо они видѣли, что цѣль ея было распространеніе любви къ отечеству, добродѣтели, религіи и христіанству. И такъ, будучи занятъ цѣлый день преподаваніемъ, я ночью отказывалъ себѣ въ нужномъ отдыхѣ, дабы сочинять книги, которыми старался быть полезнымъ и Университетъ столь былъ увѣренъ въ общеполезныхъ моихъ знаніяхъ и патріотическихъ намѣреніяхъ, что поручалъ мнѣ составленіе учебныхъ книгъ, назначаемыхъ для гимназій. Съ 1814 года издалъ я нѣмецкую христоматію, которая по одобренію университета и министра графа Разумовскаго, введена была во всѣхъ гимназіяхъ университетскаго округа. Логика моя вышла почти въ это-же время и по приказанію министра каждая гимназія должна была купить по 1 экземпляру ея, дабы могла она служить руководствомъ учителямъ. Съ 1814 года поручено мнѣ было университетомъ изданіе главныхъ латинскихъ классиковъ, каковую работу я обязался предпринять, не требуя для себя никакого вознагражденія, съ тѣмъ, чтобы эти книги могли быть проданы за самую малую цѣну гимназіямъ и университетамъ, для которыхъ они и назначены были. Я положилъ начало этому пространному сочиненію книгою подъ заглавіемъ „De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum“, для которой въ намѣреніи воспламенить въ душѣ россійскаго юношества благородныя патріотическія чувства я выбралъ изъ классиковъ превосходнѣйшіе примѣры добродѣтелей древнихъ римлянъ. Эта книга однако не избѣжала порицанія и обвиненія Дегурова, хотя она составлена единственно изъ лучшихъ

мѣстъ римскихъ классиковъ. Но не сочиненіе однихъ только книгъ поручено мнѣ было университетомъ: кромѣ философіи, которую я обязанъ былъ по должности преподавать, онъ назначалъ мнѣ еще преподаваніе другихъ предметовъ. Съ 1810 года совѣтъ просилъ меня кромѣ философіи преподавать еще нѣмецкій языкъ и литературу; въ 1814 г., мнѣ поручено было преподаваніе латинской литературы и краснорѣчія. Кромѣ этихъ занятій исполнялъ я въ теченіи 7 лѣтъ должность секретаря при университетскомъ совѣтѣ и часто бывалъ деканомъ философскаго отдѣленія и членомъ правленія. Изъ всего этого явствуетъ, что первымъ моимъ желаніемъ было сдѣлаться полезнымъ Харьковскому университету, и потому съ тѣмъ большею увѣренностію ожидаю я теперь Всемилостивѣйшаго разрѣшенія на нижайшее мое прошеніе, въ которомъ осмѣливаюсь просить Его Императорское Величество о выдачѣ мнѣ остатка моего имѣнія, находящагося въ Харьковѣ и пожизненной пенсіи. Я не требую удовлетворенія за ложныя обвиненія, сдѣланныя на меня бывшимъ профессоромъ Харьковскаго университета Дегуровымъ. Не мысли о мщеніи, я напротивъ того каждый день прошу Бога не отказать ему въ своемъ милосердіи внушить ему лучшія чувства и даровать ему вѣчное счастіе; я доволенъ буду, если невинность моя будетъ дознана и несчастное мое семейство спасено.

Иванъ Шадъ, коллежскій совѣтникъ и бывшій профессоръ философіи въ Харьковскомъ университетѣ.

Іена.
4-го декабря,
1818 года.

Какъ видимъ, записка эта написана съ воодушевленіемъ, силою, сознаніемъ правоты и безпощадною рѣзкостью по отношенію къ французу Дегурову. Приведенныя имъ выдержки изъ „Естественнаго права“ весьма характерны: они свидѣтельствуютъ о сильномъ умѣ и ясномъ мышленіи Шада; одно положеніе логически вытекаетъ изъ другого. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что онъ не преслѣдовалъ безнравственныхъ цѣлей въ своей книгѣ. Но нельзя не отмѣтить также того обстоятельства, что и все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ и отмѣченныя въ немъ министерствомъ мѣста проникнуты идеей разумной свободы, которая должна управлять людскими отношеніями и въ государствахъ. Въ началѣ царствованія Императора Александра въ расцвѣтъ либерализма, трудъ Шада могъ встрѣтить очень хорошій пріемъ даже со стороны правящихъ сферъ. Но вскорѣ времена измѣнились—и новое министерство, поднявшее настоящее гоненіе на философію и въ частности на руководства по естественному праву, никакъ

не могло примириться съ общимъ характеромъ и направленіемъ Шада и совершенно не вѣрило, чтобы онъ отстаивалъ священныя начала христіанской религіи, нравственности, добродѣтели и существующаго порядка. Что касается истинныхъ виновниковъ административной высылки, то на этотъ счетъ у Шада были невѣрныя представленія: онъ обвинялъ во всемъ, какъ мы видимъ, Дегурова и гр. С. О. Потоцкаго; послѣдняго онъ выставилъ въ сущности главнымъ виновникомъ своихъ бѣдствій: гр. С. О. Потоцкій, по его словамъ, побуждалъ Дегурова къ доносу; на основаніи произведеннаго имъ изслѣдованія дѣла комитетъ министровъ произнесъ свой приговоръ. И то, и другое, какъ мы знаемъ, было невѣрно. Быть можетъ, Шадъ заблуждался здѣсь bona fide, а можетъ быть, старался свалить вину своего осужденія, изъ тонкихъ политическихъ видовъ, на лицо, которое было удалено новымъ министромъ отъ должности попечителя, потому что совершенно не подходило къ его міровоззрѣнію.

10 декабря 1818 года Шадъ отправилъ кн. А. Н. Голицыну другую бумагу, въ которой сообщалъ данныя объ оставшемся въ Харьковѣ своемъ имуществѣ и просилъ содѣйствія къ полученію его.

„Остающееся въ Харьковѣ мое имущество писалъ онъ, состоитъ изъ слѣдующихъ суммъ.

1) 5000 р. ассигнаціями по заемному письму на господинѣ Комлишинскомъ, адъюнктѣ Харьковскаго университета.

2) 3000 руб. на П. Ковалевскомъ, помѣщикѣ села Ивановки, въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 2800 руб. на статскомъ совѣтникѣ Каразинѣ, помѣщикѣ села Кручика, той же губерніи.

Заемныя письма на эти суммы препровождены отъ меня, по наступленіи срока уплаты, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года чрезъ великогерцогскую Іенскую городскую управу въ Харьковскій университетъ, съ просьбою, чтобы они отъ правленія университета переданы было моему повѣренному адъюнкту Дудровичу для взысканія слѣдующихъ по нимъ денегъ и пересылки ко мнѣ въ Германію. Но по настоящее время отъ университета не послѣдовало на это никакого отвѣта ни въ управу, ни ко мнѣ. Сверхъ того писалъ я къ его превосходительству господину попечителю университета, къ статскому совѣтнику Каразину и къ адъюнкту Дудровичу, но и изъ нихъ ни отъ одного не получилъ отвѣта, изъ чего заключаю, что письма ихъ ко мнѣ могли быть затеряны при отправленіи въ Харьковѣ на почту. По сему прошу, чтобы отъ его сіятельства, господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предписано было университету чрезъ моего повѣреннаго адъюнкта

Дудровича, истребовать уплаты означенныхъ суммъ, а полученныя деньги препроводить чрезъ посредство банкира ко мнѣ или въ великогерцогскую Іенскую городскую управу.

Сверхъ вышеозначенныхъ суммъ имѣю я еще 2000 руб. на нѣкоемъ баронѣ Спинели, который четыре года тому назадъ въ Харьковѣ имѣлъ жительство. Этотъ человѣкъ занялъ у меня деньги подъ заемное письмо въ 1814 г., съ тѣмъ условіемъ, чтобы уплатить ихъ въ теченіи года; но въ томъ же самомъ году оставилъ Харьковъ и опредѣлился къ должности въ имѣніи генерала Платова не подалеку отъ города Черкасска и цѣлые два года не платилъ ни процентовъ, ни капитала. Я протестовалъ это заемное письмо въ Харьковѣ и передалъ его правленію университета, при письменномъ объявленіи, что я жертвую въ пользу Черкаской гимназіи проценты съ этого капитала съ тѣмъ, чтобы университетъ потребовалъ уплату этого послѣдняго. Университетъ это принялъ на себя, но въ теченіи четырехъ лѣтъ ничего не сдѣлалъ, такъ что ни Черкаская гимназія пожертвованныхъ мною процентовъ, ни я капитала не получили. По сему вторично объявляю, что я жертвую въ пользу упомянутой гимназіи проценты съ этого капитала за четыре года съ тѣмъ, чтобы отъ его сіятельства, князя и министра, подтверждено было Харьковскому университету о взысканіи этихъ денегъ на основаніи законовъ для препровожденія ко мнѣ въ Германію.

Наконецъ, горчайшая изъ всѣхъ потерь, мною понесенныхъ, есть погибель моей дочери. Непремѣнная отеческая воля моя относительно ея состояла въ томъ, чтобы она въ минувшемъ году вмѣстѣ съ женою моею отправилась въ Германію, но нѣкоторые недоброжелатели изъ университетскихъ чиновниковъ востановили дочь мою, въ то время имѣвшую отъ роду 13 лѣтъ, противъ моей жены, ея мачехи, и склоняли убѣжать отъ нея и поселиться у нѣкоей госпожи Рейнишъ, вдовы бывшаго въ университетѣ адъюнкта Рейниша. Ей составили для подачи въ Харьковскія судебныя мѣста бумаги, писанныя противъ самого меня, отца ея, которыми она хотѣла присвоить себѣ оставленное мною въ Харьковѣ имущество подъ тѣмъ предлогомъ, что оно не принадлежитъ уже болѣе мнѣ, какъ изгнаннику изъ Россійской Имперіи; когда ей отъ упомянутыхъ мѣстъ въ этомъ несправедливомъ требованіи послѣдовалъ отказъ, а я, между тѣмъ, письменно приказывалъ ей ѣхать съ мачехою въ Германію, то она объявила, что желаетъ остаться въ Харьковѣ у госпожи Рейнишъ, и потому въ Германію ѣхать не хочетъ. Но такъ какъ мнѣ извѣстно, что въ домѣ сей госпожи дочь моя подвергается величайшей опасности развращенія и безнравственности,

ящаясь въ неприличномъ обществѣ крѣпостныхъ дѣвокъ, которыхъ госпожа Рейнишъ обучаетъ рукодѣлію, то именемъ Бога прошу, дабы при удобномъ случаѣ дочь моя была ко мнѣ отправлена въ Германію, гдѣ я отдамъ ее въ услуженіе въ частный домъ, въ которомъ величайшее сокровище дѣвицы, сокровище благонравія, будетъ находиться въ безопасности.

18 декабря 1818 г.

Эта бумага представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что даетъ намъ понятіе о размѣрахъ денежныхъ капиталовъ Шада.

X.

Роль Веймарскаго правительства въ дѣлѣ Шада.

Трудно было высланному изъ предѣловъ Россіи Шаду устроиться заграницей: здѣсь предложеніе профессорскаго труда превышало спросъ на него. Ему удалось только получить мѣсто приватъ-доцента въ Берлинскомъ университетѣ, но и то послѣ того только, какъ русскій посланникъ, въ отвѣтъ на запросъ прусскаго правительства, оффиціально заявилъ, что Шадъ удаленъ изъ Россіи не за какое нибудь преступленіе, а только потому, что его философія не получила одобренія въ Россіи. По слу́чаю прибытія Александра I въ Веймаръ, Шадъ въ 1819 г. поднесъ ему ту самую книгу, за которую его удалили изъ Россіи, и удостоился подарка въ 300 червонцевъ. Тогда же Великій герцогъ Веймарскій опредѣлилъ его профессоромъ въ Іенскій университетъ, хотя впрочемъ опять таки безъ жалованья. Веймарское правительство и раньше принимало въ Шадѣ живѣйшее участіе: онъ до перехода своего въ Харьковъ былъ профессоромъ въ Іенѣ; мѣсто въ Харьковѣ онъ получилъ по рекомендаціи Гёте и Шиллера, проживавшихъ въ Веймарѣ. Неудивительно, при такихъ условіяхъ, что Шадъ и теперь обратился съ просьбою о заступничествѣ къ Веймарскому правительству. Благодаря великому герцогу Веймарскому онъ, очевидно, получилъ возможность представить Императору Александру I и свою инкриминируемую книгу. Къ Веймарскому посланнику въ Петербургъ онъ отправилъ оправдательную записку такого содержанія. „Надѣясь на извѣстное ваше благочестіе, справедливость и человѣколюбіе, пишетъ Шадъ, осмѣливаюсь изъ далекой страны прибѣгнуть къ вамъ съ этимъ письмомъ и просить вашей помощи. Вамъ извѣстно, что я, четыре года тому назадъ, находясь на службѣ въ званіи профессора философіи въ Харьковѣ, былъ обвиненъ тогдашнимъ попечителемъ Харьковскаго уни-

верситета, графомъ Северинымъ Потоцкимъ и его кліентомъ, Антономъ Дегуровымъ, лишенъ моей должности и высланъ изъ Россійской Имперіи такъ скоро, что мнѣ не дали и двухъ дней для устройства моихъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Надобно было оставить все, что было мнѣ дорого, какъ-то: два прекрасные дома, купленные мною, и значительные денежные капиталы, отданные мною въ займы разнымъ людямъ; надобно было оставить и любезнѣйшую жену и дочь, имѣвшую тогда около 13 лѣтъ. Я не только не сдѣлалъ никакого преступленія, но еще имѣлъ много заслугъ въ Харьковскомъ университетѣ, о чемъ всѣ могутъ засвидѣтельствовать, кто хорошо зналъ меня въ Харьковѣ. День и ночь я трудился о славѣ и приращеніи университета и о пользѣ обучающагося въ немъ юношества, не только искренно сообщая ему истинное просвѣщеніе, но и возбуждая въ немъ любовь къ добродѣтели, религіи и отечеству. Единственное мое преступленіе въ глазахъ графа Потоцкаго было то, что я въ книгахъ, изданныхъ мною съ одобренія и даже по порученію университета, для употребленія въ гимназіи и въ университетѣ, описывалъ черными красками великаго Наполеона и великую французскую націю, и старался воодушевить обучавшихся юношей любовью къ отечеству, добродѣтели и религіи. Графъ Потоцкій въ 1810 году ѣздилъ въ Польшу, надѣясь встрѣтить тамъ мессію Поляковъ, пришедшаго изъ Франціи, и прожилъ тамъ до 1816 г. Послѣ вторичнаго ниспроверженія тирана и послѣ взятія его въ плѣнъ, графъ Потоцкій, лишившись всякой надежды, удрученный горестію, возвратился въ Россію и пріѣхалъ въ Харьковъ. Нѣкоторые профессоры французскаго происхожденія и единомышленники ихъ тотчасъ собрались къ нему и показали ему тѣ мѣста въ моихъ книгахъ, гдѣ я тирана Европы и страшныя сцены французской націи изобразилъ живописно. Послѣ этого графъ рѣшился погубить меня. Трудно было это сдѣлать, потому что я вездѣ пользовался превосходнѣйшею славою; а потому, чтобы легче достигнуть своего намѣренія, онъ пригласилъ себѣ въ помощь Антона Дегурова, бывшаго тогда профессора исторіи въ Харьковѣ. Во время французской революціи Дегуровъ былъ въ Парижѣ книгопродавцемъ и бѣшеннымъ демагогомъ, какъ явствуетъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ Парижѣ. Онъ давно уже ненавидѣлъ меня за то, что я, въ изданныхъ мною книгахъ, вывелъ на свѣтъ и ясно всѣмъ представилъ тиранство Наполеона и тѣ отвратительныя преступленія, которыми опозорила себя, во время революціи и послѣ, французская нація. Этому человѣку поручилъ графъ Потоцкій обвинить мои книги а особенно: „Jus naturae“ и „De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum“. Мое сочиненіе

„Jus naturae“ написано съ нѣкоторымъ нравственнымъ и религіознымъ энтузіазмомъ, и всякій, кто его прочитаетъ, не можетъ не признаться, что въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ того, что могло бы возбудить любовь къ отечеству, вопреки бѣшенству французскому. Эта книга есть вѣчный памятникъ моей любви къ добродѣтели, къ благочестію и къ Россіи, которую я почиталъ моимъ любезнѣйшимъ отечествомъ. Я написалъ эту книгу въ то самое время, когда Наполеонъ, съ безчисленными полчищами, былъ выгнанъ изъ Россіи съ великимъ безчестіемъ и преслѣдуемъ торжествовавшими русскими даже до Парижа. А потому эта книга написана не сухимъ какимъ-нибудь и школьнымъ слогомъ, а ораторскимъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтическимъ. Въ другой книгѣ, изданной мною по порученію Совѣта Харьковскаго университета, для употребленія въ гимназіяхъ, я старался посредствомъ образцовъ добродѣтели, извлеченныхъ мною изъ классическихъ писателей, возжечь въ сердцахъ, изучавшихъ латинскій языкъ, искру небеснаго огня, который отъ природы заключенъ въ чувствѣ истиннаго, прекраснаго и честнаго. Эти обѣ книги могутъ послужить поводомъ къ обвиненію развѣ только для безстыднѣйшихъ клеветниковъ. Но Дегуровъ, поддерживаемый могущественнымъ своимъ покровителемъ, попечителемъ, и воспламененный противъ меня ненавистью и мщеніемъ, такъ обвинялъ мои книги, что всякій, внимательно и безпристрастно читавшій ихъ, не можетъ не прійти въ изумленіе отъ его дерзкой клеветы, коварства и обмана. Такъ погубилъ меня попечитель, увѣривши новоопредѣленнаго тогда министра народнаго просвѣщенія, князя Голицына, что онъ такое обвиненіе противъ меня цѣлый годъ весьма строго и добросовѣстно разбиралъ, и наконецъ нашелъ его совершенно справедливымъ; что онъ находитъ меня человѣкомъ опаснымъ, а мою философію пагубною для обучающагося юношества, и полагаетъ необходимымъ не только лишить меня должности профессора, но и выслать меня изъ Россійской Имперіи.

Кто не повѣрилъ бы свидѣтельству такого важнаго мужа, какъ попечитель университета? Посредствомъ такого коварства министръ, который меня вовсе не зналъ, былъ вовлеченъ въ необходимую и неизбѣжную ошибку, а я, со всѣмъ моимъ семействомъ, которое и теперь скитается по Россіи, повергнутъ въ величайшую бѣдность. Даже отстатки моего имѣнія, спасенные какъ бы послѣ кораблекрушенія, доселѣ ни мнѣ, ни моему семейству, не отданы. Умоляю ваше превосходительство и заклинаю васъ именемъ Іисуса Христа, который не только пострадалъ за насъ на крестѣ, чтобы, избавивши насъ отъ рабства грѣха и вѣчной смерти, даровать намъ вѣчную и блаженную

жизнь, но и снова придетъ нѣкогда судить родъ человѣческій и наказать особенно притѣснителей невинныхъ, прошу васъ еще и еще, употребить ваше стараніе, сколько возможно, чтобы такая тяжкая обида, причиненная мнѣ и моему семейству, посредствомъ самой коварной клеветы, была сколько-нибудь вознаграждена. Ожидая этого отъ вашей любви къ добродѣтели и религіи, съ величайшимъ почтеніемъ остаюсь.

Письмо это относится къ 1820 году, такъ какъ самъ Шадъ говоритъ въ немъ, что онъ былъ изъ Россіи высланъ четыре года тому назадъ (а онъ былъ высланъ въ 1816 году). По поводу этого письма намъ приходится опять повторить, что Шадъ несправедливо обвиняетъ здѣсь гр. Потоцкаго. Заблуждаясь на счетъ той роли, какую игралъ въ его дѣлѣ г. Потоцкій, онъ заподозрѣваетъ его чуть ли не въ измѣнническомъ сочувствіи къ врагу Россіи Наполеону. Если даже Потоцкій дѣйствительно проживалъ, какъ это доказываетъ Н. А. Лавровскій, все время нашей войны съ Наполеономъ въ Польшѣ—онъ жилъ тамъ съ февраля 1811 по мартъ 1816 года,—то изъ этого никоимъ образомъ нельзя дѣлать вывода о желаніи его встрѣтить тамъ мессію поляковъ: едва ли вѣдь какое либо основаніе считать его способнымъ къ измѣнѣ. Наполеону сочувствовали въ Россіи до его похода многіе; съ другой стороны не всѣ были такъ враждебно настроены противъ него и въ особенности противъ французской націи, какъ Шадъ; и Потоцкій первый не могъ, въ силу присущей ему терпимости, одобрить такого неумѣреннаго галлофобства, какимъ постоянно при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ щеголялъ Шадъ. Какъ высшій начальникъ учебнаго заведенія, въ которомъ было въ числѣ преподавателей нѣсколько французовъ, онъ даже долженъ былъ смягчить рѣзкія проявленія племенной вражды, тѣмъ болѣе, что въ самомъ русскомъ обществѣ, какъ мы знаемъ, была тогда сильная реакція не только противъ французовъ, но и противъ иностранцевъ вообще.

Далъ ли какой нибудь ходъ этой просьбѣ Веймарскій посланникъ, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ никакихъ практическихъ послѣдствій она не имѣла. Это обстоятельство побудило Шада выступить въ 1820 году съ новымъ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ по своему злополучному дѣлу.

XI.

Прошеніе Шада на Высочайшее имя 3-го февраля 1820 года.

3-го февраля 1820 г. Шадъ отправилъ прошеніе на Высочайшее имя и при немъ обширнѣйшую оправдательную записку о своемъ дѣлѣ,

а также во 2-мъ приложеніи образцы своихъ религіозно-поэтическихъ упражненій. Вотъ подлинный текстъ прошенія. „Всепресвѣтлѣйшій непобѣдимѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь Императоръ! Въ минувшемъ году Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше приказали послать въ Германію 300 червонныхъ для меня и моего несчастнаго семейства. Сей Всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества даръ, за который приношу Вамъ мою чувствительную и благоговѣйную благодарность, былъ для меня тѣмъ болѣе восхитителенъ, что я, благодаря ему, получилъ возможность, нѣкоторымъ образомъ, спасти свою возлюбленную супругу, урожденную россіянку, снабдивъ ее достаточномъ количествомъ денегъ для обратнаго пути въ ея отечество, дабы не видѣть ее нисходящею во гробъ въ Германіи, отъ горести моего несчастія.

Въ бытность мою въ Россіи, бывъ оклеветанъ коварнѣйшимъ образомъ, я сдѣлался жертвою моей чистѣйшей ревности къ добродѣтели, благочестію, христіанскому вѣроисповѣданію и священному дѣлу, за которое обагрялась кровію вся Европа, за которое съ желаемымъ успѣхомъ сражались преимущественно Вы, Ваше Императорское Величество. Доказательства этого изложены въ приложеніяхъ А и В, кои я всеподданнѣйше прошу поручить строжайшимъ образомъ изслѣдовать мужамъ ученымъ, праводушнымъ и христіански-благочестивымъ. Дѣло это весьма важно. Оно касается не одного только меня, который, какъ полагаютъ по крайней мѣрѣ мыслящіе по свѣтски, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Нѣтъ, оно наиболѣе касается Особы Вашего Императорскаго Величества, коего священное имя употреблено во зло и обезславлено безпримѣрнымъ безстыдствомъ клеветы; оно касается благосостоянія тѣхъ благоразумнѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ учебныхъ заведеній, которыя Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйше учредили и о которыхъ имѣете отеческую попечительность; оно касается даже чести Вашего управленія, которая со стороны иностранныхъ государствъ представляется поставленною въ опасной тѣни.

Если по строгомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи приложеній А и В останется хотя малѣйшее сомнѣніе въ моей невиновности или въ истинѣ того, что я утверждаю въ упомянутыхъ приложеніяхъ, то я готовъ, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества мановенію, пріѣхать въ Петербургъ для очной ставки съ моими оклеветателями, низринувшими меня, со всѣмъ моимъ семействомъ, въ бездну несчастія, готовъ подвергнуться всякому наказанію, если только я обличенъ буду въ какомъ либо преступленіи. Столь ужасную для всякаго

преступника отвѣтственность я почту для себя величайшею милостію и высочайшимъ благополучіемъ, ибо я увѣренъ, что буду оправданъ, коль скоро выслушаны будутъ мои оправданія, въ чемъ однакожъ мнѣ отказываемо было доселѣ. Но Ваше Императорское Величество, какъ Государь правосуднѣйшій, человѣколюбивѣйшій и благочестивѣйшій, не можете быть равнодушны къ тому, чтобы дерзкая клевета употребляла священное имя Ваше къ угнетенію невинности и заслугъ; по этой причинѣ я остаюсь въ полной увѣренности, что Ваше Величество дозволите мнѣ подвергнуться той строжайшей отвѣтственности, каковой, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ Особѣ Вашей, охотно ожидаю. Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій слуга, прежде бывшій профессоръ философіи и латинской словесности при Харьковскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ Іоганъ-Шадъ.

Самая оправдательная записка, представляющая первое приложеніе, чрезвычайно обширна, и потому мы помѣстимъ ее съ сокращеніями, удержавъ однако все существенное. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ пунктамъ—сначала Шадъ говоритъ о своихъ матеріальныхъ потеряхъ, затѣмъ о нравственныхъ огорченіяхъ, характеризуетъ роль въ этомъ дѣлѣ своего обвинителя Дегурова и попечителя С. О. Потоцкаго, разбиваетъ обвиненія, направленныя противъ его книги „Institutiones jures naturae“, опредѣляетъ свое отношеніе къ философіи Шеллинга, защищаетъ свои сочиненія — „De viris illustribus“, нѣмецкую хрестоматію и изслѣдованіе о свободѣ человѣческой мысли, характеризуетъ подробно духъ своей собственной христіанской философіи, разсказываетъ интересный эпизодъ со своею актовой рѣчью и заканчиваетъ свое объясненіе новымъ указаніемъ на виновниковъ своего изгнанія. Записка составлена чрезвычайно вѣско и убѣдительно, написана превосходнымъ краснорѣчивымъ языкомъ, можетъ быть признана въ общемъ крупнымъ ораторскимъ произведеніемъ. Шадъ воспитался на выдающихся образцахъ классической литературы и прекрасно владѣлъ стилемъ какъ своего роднаго нѣмецкаго, такъ равно и латинскаго языка. Къ этимъ внѣшнимъ свойствамъ изложенія присоединялась еще несокрушимая логика его яснаго, свѣтлаго ума и страстное воодушевленіе предметомъ изложенія, который былъ ему чрезвычайно дорогъ, составлялъ частицу его собственнаго „я“; дѣло шло для него не только о матеріальной, но и нравственной реабилитаціи; изгнаніе разбило его жизнь, а онъ былъ въ такомъ возрастѣ, когда трудно уже начинать все съизнова. Съ Харьковскимъ университетомъ у него связаны были представленія какъ о лучшей порѣ жизни: монастырское послушаніе, отъ котораго онъ бѣжалъ съ опасностью

жизни, оставило очень печальныя воспоминанія: приватъ-доцентура въ Іенскомъ университетѣ была только началомъ его ученой карьеры, а Харьковская профессура была періодомъ полнаго разцвѣта его умственныхъ силъ, матеріальнаго довольства, новой семейной жизни, власти и вліянія: тутъ онъ былъ не только ординарнымъ профессоромъ, но и деканомъ, членомъ училищнаго комитета, правленія, секретаремъ совѣта, авторомъ руководствъ для учащагося юношества... И все это рушилось, благодаря клеветѣ, какъ онъ думалъ, француза и галлофильствующаго польскаго графа! И онъ употребляетъ теперь послѣднее усиліе, что бы разбить козни своихъ враговъ! Онъ представляетъ какъ бы цѣлую рукописную книгу въ защиту своей невинности, онъ возвышается въ ней до истиннаго паѳоса, а во второмъ приложеніи представляетъ философско-поэтическіе опыты, въ которыхъ однако было мало философіи и еще меньше поэзіи. Но ему нужно было въ интересахъ самозащиты воспользоваться всѣми средствами, бывшими въ его распоряженіи,—и онъ сильно расчитывалъ, очевидно, на реабилитацію свою въ глазахъ министра піэтиста при помощи такихъ средствъ, какъ посылка ему переводовъ псалмовъ или религіозно-піитическихъ упражненій. Подобное подчеркиваніе христіанскихъ воззрѣній разсѣяно во многихъ мѣстахъ оправдательной записки Шада—и это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при опредѣленіи его философскаго міросозерцанія. Въ цѣляхъ самооправданія онъ пытался затушевать свой раціонализмъ и наоборотъ старался ярче выставить свое христіанское воззрѣніе и настроеніе. Мы охотно ему вѣримъ, когда онъ утверждаетъ, что пытался гармонически слить вѣру съ разумомъ, примирить христіанство съ философіей, но во всякомъ случаѣ онъ не всегда стремился къ этому—были моменты, когда у него преобладало раціоналистическое настроеніе и онъ являлся ярымъ защитникомъ полной свободы разума; да и въ сочиненіи „Institutiones juris naturae“ отзывается все таки еще старый философъ—раціоналистъ, имѣющій по существу мало общаго съ такими піэтистами, какъ кн. А. Н. Голицынъ. Впрочемъ объ этомъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ позже, а теперь обратимся къ образцовой защитительной рѣчи Шада.

„Дѣйствіемъ коварнѣйшей клеветы прежде бывшаго при Харьковскомъ университетѣ профессора Дегурова, я потерялъ не только свою должность, но и большую часть моего многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго имущества, простирающагося до 30.000 рублей, ибо я имѣлъ въ Харьковѣ два изрядные дома, которые, судя по ежегодному отъ нихъ при мнѣ доходу, могли быть оцѣнены въ 20.000 рублей, но которые однакожъ, послѣ моего изгнанія изъ Россіи, проданы были

только за 9.000 рублей; да и изъ этой суммы я доселѣ ничего не получилъ. Кромѣ того у меня оставалось тогда на 10.000 рублей экземпляровъ моихъ сочиненій, которыя я печаталъ на собственный счетъ и издавалъ по побужденію чистѣйшей ревности къ просвѣщенію. Когда же профессоръ Дегуровъ, вспомоществуемый графомъ Потоцкимъ, достигъ того, что, послѣ изгнанія моего изъ Россіи, и мои сочиненія были запрещены, тогда потерялъ я не только ту сумму, какой, по продажной цѣнѣ, стоили оставшіеся экземпляры, но и самыя издержки на ихъ печатаніе, простиравшіяся до 3.000 рублей. Наконецъ, отдаленныя поѣздки, которыя я самъ и жена моя должны были предпринимать, по случаю моего несчастія, стоили мнѣ до 8.000 рублей. Я не включаю въ общую смѣту моего двойного жалованья, какое слѣдовало мнѣ получать по званію профессора философіи и латинской словесности и какого однакожъ, по моему желанію, я не получалъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. А если и эта сумма причислена будетъ къ прочимъ моимъ убыткамъ, то вся потеря простираться будетъ до 40.000 рублей.

Оставалось у меня еще изъ всего вообще моего имущества до 12.000 рублей въ векселяхъ, которые, повидимому, обезпечены были судебнымъ порядкомъ. Въ то время, какъ еще можно было по этимъ векселямъ получить уплату, я послалъ ихъ чрезъ Великогерцогскій Іенскій городовой судъ въ Харьковскій университетъ, прося передать ихъ тамошнему моему повѣренному, профессору Дудровичу съ тѣмъ, чтобы онъ, по учиненіи взысканія, переслалъ полученныя имъ деньги ко мнѣ въ Германію. Но дѣлу этому дано было такое направленіе, что векселя, съ цѣлью лишенія меня и остатка моего имущества, самымъ безчестнымъ образомъ задержаны были университетскимъ коммисаромъ въ Бродахъ, и съ меня же взяты были за напрасныя портовыя издержки 532 рубля, которыхъ университетское правленіе требовало отъ моего повѣреннаго и которые онъ выдалъ изъ моихъ денегъ, бывшихъ у него въ рукахъ, не получивши однакожъ векселей, за оставленіемъ ихъ въ Бродахъ. Такимъ образомъ, должники получили поводъ отказываться и отказываются доселѣ отъ производства уплаты, по причинѣ недоставленія имъ векселей.

Благодаря этому, я потерялъ навсегда и достопочтенную мою супругу, урожденную россіянку, ибо, хотя она, по своему великодушію и готовности жертвовать собою, оставила для меня свое отечество, совершила, безъ всякаго сопутника, крайне затруднительный путь отъ Харькова до Берлина, гдѣ я, за два года передъ этимъ, имѣлъ свое мѣстопребываніе, и предприняла это путешествіе единственно съ тѣмъ

благороднѣйшимъ намѣреніемъ, чтобы по долгу вѣрной и усерднѣйшей супруги, оказывать мнѣ свою помощь и дѣлить со мною всякое несчастіе; но такъ какъ отнятъ уже былъ у меня и самый остатокъ моего имущества и, вмѣстѣ съ этимъ, послѣднее средство для содержанія моего семейства; то могъ ли я, съ своей стороны, подумать о томъ, чтобъ столь благородно-мыслящая россіянка погибала вмѣстѣ со мною въ Германіи? Я желалъ лучше лишиться ея вспомоществованія и утѣшенія, для каковаго она переѣхала ко мнѣ въ Германію, нежели видѣть ее изнемогающею отъ моего несчастія: и потому, дабы нѣкоторымъ образомъ спасти, по крайней мѣрѣ, ее одну, я раздѣлилъ съ нею присланныя мнѣ въ даръ отъ Его Императорскаго Величества 300 червонныхъ и отправилъ ее обратно въ ея отечество, гдѣ она, при своей отличной честности и способностяхъ, легко можетъ найти средство къ пропитанію себѣ. Конечно, какъ для нея, такъ и для меня крайне горестно было то, что она, будучи женою коллежскаго совѣтника, который притомъ назначенъ уже былъ Петербургскимъ начальствомъ, къ производству въ статскіе совѣтники, должна была разлучиться со мною навсегда съ тѣмъ, чтобы искать въ частныхъ домахъ себѣ мѣста для услуженія, между тѣмъ какъ она же во время моего благосостоянія имѣла все, потребное для поддержанія чести ея званія и была сама почтенною хозяйкою. Теперь я лишился ея навсегда, ибо обратный въѣздъ въ Россію мнѣ воспрещенъ. Утѣшаюсь одною только надеждою, что опять могу найти ее въ будущей лучшей жизни. Такъ изъ рукъ моего Спасителя, ради имени коего я претерпѣваю мое теперешнее гоненіе, обратно получу ее, не разлучаясь уже съ нею никогда.

Благодаря же этому, незаслуженному мною несчастію, я потерялъ и любезную дочь мою дѣвицу 15-ти лѣтняго возраста, въ самомъ лучшемъ цвѣтѣ раскрывающихся дѣвственныхъ прелестей, ибо нѣкоторые изъ друзей преждебывшаго профессора Дегурова, дабы уязвить меня наичувствительнѣйшимъ образомъ, по изгнаніи меня изъ Россіи, довели ее, посредствомъ различныхъ, въ обманчивомъ видѣ представленныхъ убѣжденій и совѣтовъ, до самаго края какъ физическаго, такъ и нравственнаго растлѣнія. Они развратили ее до такой степени, что она убѣжала отъ моей жены, а ея мачихи, и, недовольствуясь этимъ, заготовили для нея различныя бумаги съ тѣмъ, чтобъ она подала ихъ въ присутственныя мѣста и могла воспользоваться имуществомъ несчастнаго ея отца. Но какъ таковое предпріятіе имъ не удалось, то они склонили ее, вопреки моей родительской волѣ, остаться въ Харьковѣ въ то время, когда ей надлежало бы вмѣстѣ съ моею

женою отправиться въ Берлинъ. Теперь она отринута всѣми, и, не имѣя человѣка, который бы былъ ея руководителемъ и защитникомъ, осталась подверженною всѣмъ опасностямъ ея нѣжнаго возраста и пола. О! если бы Богъ благоволилъ ей лучше умереть въ ея невинности, нежели быть нынѣ погибшею нравственно. Мстящій за развращеніе невинности уже наказалъ злодѣяніе, ибо два профессора, бывшіе преимущественными развратетелями моей дочери, умерли въ прошедшемъ году и предстоятъ судилищу того грознаго судіи, который нѣкогда сказалъ: *горе человѣку, иже соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя! Уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.* Матѳ. XVIII. 6, 7, Сердечно желалъ бы я взыскать эту погибшую овцу и спасти ее, если бы только имѣлъ позволеніе пріѣхать въ Россію. Умоляю милосердіе и человѣколюбіе Его Императорскаго Величества приказать сдѣлать распоряженіе, дабы дочь моя, находящаяся теперь въ величайшей опасности нравственнаго развращенія, препровождена была ко мнѣ въ Германію. Я бы нашелъ здѣсь возможность помѣстить ее въ какомъ либо честномъ семействѣ. Спасеніе погибающаго дитяти достойно было бы власти столь высокаго друга человѣчества.

Мой сынъ хотя находится со мною въ Іенѣ и обучается медицинѣ, но такъ какъ я доселѣ не могъ получить даже остатка моего имущества, то и онъ, какъ не имѣющій надежды окончить своихъ наукъ, безъ пособія отъ высшаго начальства,—и онъ также потерянъ для своего образованія. По этой причинѣ желалъ бы я, чтобъ Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволилъ назначить ему, пока будетъ онъ обучаться, небольшей пансіонъ, при помощи коего могъ бы онъ окончить свой курсъ и потомъ, какъ прилично честному и обще-полезному человѣку, посвятилъ бы себя службѣ Его Императорскаго Величества, къ коей онъ тѣмъ болѣе способенъ, что знаетъ очень хорошо россійскій языкъ.

Столь ужасную потерю моей должности, моего имущества и даже моего любезнаго семейства претерпѣваю я не за какое либо мое преступленіе, но единственно за мою живѣйшую, чистѣйшую и священнѣйшую ревность, коею я руководствовался,—за ревность къ добродѣтели, благочестію, христіанскому вѣроисповѣданію, благу человѣчества и священному дѣлу, за которое преимущественно Его Императорское Величество сражался предъ лицемъ своего побѣдоноснаго воинства и оказалъ безсмертныя услуги не только всей Европѣ, но и цѣлому свѣту. Я претерпѣваю потерю эту послѣ 13-лѣтней моей службы, каковую я проходилъ съ патріотическою вѣрностію и неуто-

мимою дѣятельностію, для блага россійскаго юношества и народа,— потерю при моей глубокой старости, ибо мнѣ отъ роду уже 62 года. Я претерпѣваю таковую потерю единственно по клеветѣ, какою, при содѣйствіи графа Северина Потоцкаго, очернилъ меня прежде бывшій профессоръ Дегуровъ,—такой человѣкъ, который, подъ прежнимъ его прозваніемъ Дегура, былъ во время революціи книгопродавцемъ въ Парижѣ и игралъ подозрительную роль, что и видѣть можно изъ его сочиненія, изданнаго имъ въ 1791 году, подъ заглавіемъ: *Новая французская риторика для юныхъ дѣвицъ, извлеченная изъ рѣчей, произнесенныхъ въ національномъ собраніи, и изъ твореній Вольтера, Руссо, Рейналя, Монтескьё* и иныхъ. Всѣмъ извѣстно, сколь смѣлыя рѣчи говорены были, предъ смертію короля, противъ правъ государей, духовенства, дворянства, противъ христіанскаго богослуженія и всякаго политическаго и нравственнаго порядка. Если бы эта книга выписана была изъ Парижа, то безъ сомнѣнія найдено было бы въ ней весьма важное объясненіе качествъ Дегурова и тѣхъ причинъ, по которымъ воздвигнуто было имъ на меня гоненіе, ибо книги, на которыя онъ сдѣлалъ доносъ, написаны мною въ духѣ строгой нравственности, христіанскаго благочестія, истинной любви къ отечеству и были очевиднѣйшими доказательствами моего величайшаго отвращенія къ гнуснымъ сценамъ французской революціи и тирану Европы.

Но такъ какъ эта ревность моя къ добродѣтели, благочестію и христіанскому вѣроисповѣданію и мое отвращеніе къ французскимъ безпорядкамъ преимущественно обнаруживаются въ моемъ „Естественномъ правѣ“, то Дегуровъ и почелъ за нужное очернить это сочиненіе преимущественно предъ всѣми прочими. Я началъ писать его тогда, когда французы изгнаны были изъ Москвы и изъ всего Россійскаго государства, и представилъ въ полной системѣ только то, что Его Императорское Величество, нѣсколько лѣтъ спустя, выразилъ краткими, но сильными словами въ священномъ союзѣ, внушивъ тоже самое и всѣмъ прочимъ христіанскимъ государямъ. Я доказывалъ въ этой книгѣ; что безъ добродѣтели и благочестія никакіе законы, никакія государственныя конституціи, никакое благоденствіе народное не могутъ имѣть твердаго основанія и рано или поздно, безъ этихъ главныхъ опоръ, должно погибнуть всякое государство, хотя бы оно обладало всѣми средствами физическаго всемогущества. Это доказывалъ я паденіемъ многовѣчнаго Рима, а наиболѣе случившимся предъ нашими очами низверженіемъ того государства, какое составилъ вышедшій изъ ущельевъ корсиканскихъ тиранъ Европы. Далѣе я возводилъ совершенно языческія понятія къ общему источнику добродѣтели и бого-

служенія; доказывалъ, что всякая безопасность, какою только можетъ наслаждаться могущественнѣйшее государство, остается весьма ненадежною, если только государство это, при своемъ возвышеніи, не будетъ держаться правилъ благочестія и имѣть въ своемъ повиновеніи сердца и совѣсть согражданъ, какъ вѣрнѣйшихъ заложниковъ общественной безопасности. Я объяснилъ всѣ мои положенія примѣрами новѣйшихъ событій. Мое намѣреніе клонилось единственно къ тому, чтобъ доставить россійскому юношеству книгу, которая бы была написана не сухимъ школьнымъ—афористическимъ, но живымъ и цвѣтистымъ слогомъ, и которою бы можно было восполнять въ сердцахъ юношей благороднѣйшее чувство добродѣтели, христіанскаго богослуженія и искренней готовности жертвовать собою для блага отечества или человѣчества вообще.

И это—столь очевидное для каждаго намѣреніе мое казалось поклонникамъ военнаго чудовища нашего времени такимъ преступленіемъ, которое заслуживало непримиримой и противъ меня ненависти. И потому какъ скоро графъ Потоцкій, послѣ 6-лѣтняго его отсутствія, возвратился къ своему осиротѣвшему и въ величайшій безпорядокъ приведенному университету, они принесли ему свою жалобу на мои сочиненія и особенно на мое „Естественное право“. А что они преимущественно полагались на его покровительство и отъ него ожидали исполненія предъумышленнаго ими для меня несчастія, это явствуетъ изъ того, что они, до его пріѣзда, никогда не отваживались обнаруживать даже малѣйшаго неудовольствія противъ моихъ сочиненій, какъ изданныхъ съ дозволенія университетской цензуры и принятыхъ всѣми благомыслящими людьми съ отличнымъ одобреніемъ, нѣсколько лѣтъ уже употреблявшихся при публичныхъ лекціяхъ въ университетѣ и въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ. Попечитель, по жалобѣ своихъ любимцевъ, положилъ непримѣнно погубить меня. Но дабы достигнуть этой цѣли, онъ побудилъ наиболѣе прочихъ злобствовавшаго противъ меня профессора Дегурова написать доносъ на мое „Естественное право“. Дегуровъ, одобряемый столь сильнымъ покровительствомъ, ни мало не затруднялся при составленіи доноса, написалъ его на скорую руку, и при томъ такъ, что большая часть доносныхъ пунктовъ объвиняетъ меня совершенно въ противоположномъ тому, что написано въ самой книгѣ. Я приведу здѣсь нѣкоторыя только изъ таковыхъ обвиненій.

Самое важнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ, что *въ моемъ „Естественномъ правѣ“ встрѣчаются якобы такія мѣста, которыя заключаютъ въ себѣ самыя дерзкія ругательства противъ существующихъ въ*

Россіи постановленій. Дегуровъ отмѣчалъ такія мѣста одними только числами страницъ: 183, 302, 345. Онъ не выписывалъ самихъ мѣстъ и поступилъ на этотъ разъ довольно хитро, ибо, въ противномъ случаѣ, обманъ тотчасъ бы сдѣлался явнымъ. Но коль скоро отысканы будутъ эти мѣста въ самой книгѣ и прочтены будутъ въ связи съ прочими ближайшими, тогда всякій будетъ дивиться безстыдству обвинителя, увидѣвъ тутъ же, что онъ не только клевещетъ на сочинителя книги, который во всѣхъ этихъ трехъ мѣстахъ утверждаетъ вѣчно священныя истины, но и самымъ наглымъ образомъ безчеститъ россійское правительство. (Затѣмъ слѣдуетъ выдержка изъ 183-й страницы книги, но такъ какъ Шадъ касался ея въ прежней запискѣ, то мы останавливаться на ней теперь не будемъ).

На страницѣ 302 доказываю я, вопреки мнѣнію большей части преподавателей естественнаго права, зараженныхъ новою философіею, что неограниченное сладострастіе и многоженство противны естественному праву. Это доказываю я частію изъ священнаго писанія, частію изъ здраваго смысла. Доказательства, заимствуемыя мною изъ священнаго писанія, предварительно изложены на страницѣ 300 въ нижеслѣдующемъ видѣ. „Что-же касается до меня, то я ни въ одномъ изъ философскихъ сочиненій не нашелъ ничего благоразумнѣе того изреченія, какое сказано по этому предмету въ священномъ писаніи новаго завѣта, хотя, по принятому между философами обыкновенію, это послѣднее и пренебрегается до такой степени, что тотъ, кто уважаетъ свидѣтельства священнаго писанія, или сдѣлаетъ изъ него какое либо заимствованіе, не почитается уже философомъ и даже подвергается осмѣянію. Но въ XIX главѣ евангелиста Матѳея есть, на этотъ случай, самое примѣчательное мѣсто (стихъ 3—9). Здѣсь Іисусъ Христосъ ясно показываетъ, что разрѣшеніе упомянутаго вопроса должно быть извлечено изъ разсмотрѣнія самаго естества человѣка, изъ первоначальнаго закона супружества, изъ одинаковой необходимости и цѣли обоего пола, а не изъ состоянія растлѣнной нравственности, безпорядочнаго дѣйствія страстей или положительныхъ законовъ, поблажающихъ такимъ страстямъ“.

Послѣ этихъ доказательствъ, взятыхъ изъ священнаго писанія, я на страницѣ 302 продолжаю свои идслѣдованія и говорю (мѣсто это было приведено Шадомъ въ болѣе ранней оправдательной запискѣ и потому мы его опускаемъ).

И здѣсь, равно какъ и въ предъидущемъ мѣстѣ, кто можетъ найти нѣкоторое слабое подобіе хулы противъ какого либо въ Россіи существующаго постановленія? Я никакъ не могъ здѣсь мѣтить ни на

одно изъ христіанскихъ государствъ, зная навѣрное, что многоженство изгнано отовсюду, гдѣ только существуетъ христіанство. Всего менѣе могъ я въ этомъ случаѣ дѣлать упреки Россійскому государству, какъ отличающемуся отъ многихъ иныхъ наивящшею строгостью своего законоположенія и совершенною сообразностью съ правилами греческой церкви. Мое намѣреніе было только опровергнуть тѣхъ учителей естественнаго права, которые, по своей привязанности къ умствованіямъ лжеименной философіи, утверждаютъ, что многоженство, само по себѣ, дозволительно и что оно, безъ нарушенія справедливости, можетъ быть принято во всякомъ государствѣ. Это намѣреніе мое столь ясно выражено на страницѣ 292, что, кажется, никакимъ инымъ образомъ перетолковать его не возможно. Вотъ самое мѣсто, въ которомъ я объясняю его. „Многіе учителя естественнаго права утверждаютъ, что многоженство дозволительно, какъ по состоянію естественному, такъ и по гражданскому, если только между какимъ либо супругомъ и супругою не сдѣлано будетъ частнаго условія о единоженствѣ и единомужіи. Но я полагаю, что многоженство явно противорѣчитъ естественному праву, а потому оно и законами гражданскими, безъ угнетенія справедливости, не можетъ быть ни постановлено, ни дозволено. Если же въ какомъ либо государствѣ оно и узаконено, то таковое узаконеніе я почитаю обиднымъ для человѣчества, а посему и заслуживающимъ уничтоженія. Оно явно противорѣчитъ естественному праву, никакою общераспространенностью народнаго обыкновенія, никакимъ всеобщимъ согласіемъ, и никакими противоположными этому праву законами оправдано быть не можетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что хотя и въ древности были, и нынѣ существуютъ очень многіе народы, которые пользуются этою вольностію или по одному только обыкновенію, или по законоположенію гражданскому, но изъ этого нельзя вывести никакого доказательства въ оправданіе многоженства, хотя бы оно когда принято было не только многими, но и всѣми народами вообще. Изъ этого же слѣдуетъ, что дозволенность или недозволенность многоженства нимало не зависитъ отъ законовъ положительныхъ, а тѣмъ менѣе отъ условій частныхъ, ибо истинное состояніе дѣла совершенно опредѣляется правомъ первоначальнымъ. Оттуда же явствуетъ, сколь ошибочно думаютъ тѣ, которые считаютъ многоженство обиднымъ тогда только, когда или между двумя лицами сдѣлано будетъ частное условіе о единоженствѣ, или когда многоженство запрещено будетъ закономъ гражданскимъ“. Изъ этого объясненія всякій видитъ, что и въ упомянутомъ второмъ мѣстѣ, на которое указываетъ обвинитель, я доказываю только то, что совершенно со-

гласно съ здравымъ разсудкомъ, христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ и законодательствомъ всѣхъ христіанскихъ государствъ. Да и можетъ ли это мѣсто быть хулою противъ какого либо россійскаго постановленія тогда какъ всѣмъ извѣстно, что россійское законоположеніе, слѣдуя буквальному евангельскому ученію, сохраняетъ относительно брака еще гораздо большую строгость, нежели иныя многія христіанскія правительства? Впрочемъ, если мысли мои, изложенныя въ упомянутомъ мѣстѣ, могутъ быть признаны хулою противъ какого либо россійскаго постановленія, то изъ этого слѣдуетъ, что многоженство принято въ Россіи на законномъ основаніи. Но таковую хулу произношу уже не я, а мой обвинитель.

Приведя выдержку изъ 345-й страницы своей книги, Шадъ замѣчаетъ: возможно ли, чтобы во всей этой статьѣ, въ коей должности подданныхъ къ ихъ государямъ, излагаются съ такою точностію, безпристрастіемъ и сообразностію съ здравымъ разумомъ и ученіемъ евангельскимъ,—возможно ли, чтобъ самое остроумнѣйшее злоухищреніе открыло здѣсь какое либо порицаніе россійскихъ постановленій? И сколь безразсудно, сколь отвратительно должно быть то постановленіе, въ которомъ совершенно противное изложеннымъ мною истинамъ принимается за законъ! Одни только неистовѣйшіе якобинцы могли, во время французской революціи, распаляться мщеніемъ и прибѣгать къ преслѣдованію и жалобамъ на сочинителя за такое изложеніе должностей, коими подданные обязаны своимъ государямъ. Хотя Гоббезій и говоритъ, что все различіе между дѣйствіями законными и незаконными зависитъ отъ одного произвола гражданскихъ законодателей; но въ этомъ никто не можетъ съ нимъ согласиться, кромѣ презрѣннѣйшихъ изверговъ человѣчества. Такое основаніе законодательства прилично одной только ужаснѣйшей тираніи: оно есть гробъ всякой добродѣтели, богослуженія, человѣческаго достоинства и благополучія. И такое ли основаніе законодательства долженъ былъ я защищать? Нѣтъ, я бы не усумнился опровергать его и тогда, когда бы, дабы заставить меня быть защитникомъ его, предложены были мнѣ, съ одной стороны, короны, а съ другой мученія самого ада. Одному только Кайю Калигулѣ, наигнуснѣйшему изъ тирановъ, свойственно было, какъ повѣствуется у Светонія, нѣкогда сказать: *помни, что мнѣ позволительно все и надъ всѣми.* Если же я злословилъ въ этомъ мѣстѣ россійскія постановленія не словами самаго злословія, но одною противоположностію моихъ правилъ этимъ постановленіямъ, то изъ этого слѣдовало бы, что эти постановленія имѣютъ своимъ основаніемъ такое положеніе, которымъ уничтожается всякое

существенное различіе между добродѣтелью и порокомъ, между справедливостью и несправедливостью, а по сему и самыя понятія о священномъ гласѣ совѣсти и безусловной обязанности, истекающія изъ предвѣчнаго разума и подтверждаемыя ученіемъ Іисуса Христа, почитаются за одни только призраки воображенія. Изъ сего слѣдовало бы, что и апостолы, равно какъ и христіане первенствующей церкви поступали несправедливо, когда, вопреки запрещенію языческихъ императоровъ, не только были послѣдователями христіанскаго ученія, но и защитниками, и распространителями его. Изъ этого же слѣдовало бы, что и самъ Іисусъ Христосъ возбуждалъ тогда къ мятежу, когда говорилъ: (Матѳ. X. 28): *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити; убойтеся же паче могущаго, и душу и тѣло погубити въ геенну.* Равнымъ образомъ и эти всѣхъ апостоловъ слова.—(Дѣян. V. 29): *яко повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ*—были бы не иное что, какъ общій вызовъ къ возмущенію. Но святъ гласъ совѣсти каждаго человѣка не только по ученію евангелія и здраваго разума; свята каждая безусловная обязанность; свято убѣжденіе во всякой истинѣ, относящейся къ высшему назначенію человѣка; свято дарованіе свободы, въ слѣдствіе коей мы можемъ мыслить и дѣйствовать по точному первообразію Богоподобія. Приписывать россійскому законоположенію такія правила, которыя въ отношеніи къ этимъ священнымъ и вѣчнымъ истинамъ составляютъ совершенную противоположность, есть хула противъ него самая наглая и всякаго наказанія достойная, есть такая хула, въ которой самъ обвинитель остается виновнымъ и чрезъ которую онъ опорочилъ россійское правительство даже предъ лицомъ государствъ иностранныхъ. Ибо съ самаго изгнанія меня изъ Россіи въ качествѣ преступника, я не иначе могъ быть почитаемъ во всякомъ мѣстѣ, куда бы я не явился, какъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, подозрительнымъ, а потому и политически не иначе могъ быть терпимъ, какъ подъ условіемъ моей невинности; самое же объясненіе не иначе могло быть учинено, какъ представленіемъ мѣстному правительству, вмѣстѣ съ доносными пунктами, и самыхъ тѣхъ сочиненій, которыя я издалъ въ Россіи и за которыя, по одному только доносу, безъ всякаго выслушиванія моихъ оправданій, осужденъ рѣшительно. Такимъ образомъ, долженъ былъ я объясняться предъ правительствомъ Берлинскимъ и Веймарскимъ, и всякій, кто только ни сличалъ мои сочиненія съ этими, совершенно клеветническими пунктами, не могъ достаточно надивиться дѣйствію ихъ на россійское правительство; а вслѣдствіе этого самое происшествіе это, по необходимости, бросало на россійское правительство очень темную тѣнь. Я

же, съ своей стороны, хотя и старался доказывать вездѣ, что все случившееся со мною и моимъ семействомъ несчастіе произошло не отъ самого правительства, но отъ насилія клеветы, произведенной столь коварнымъ образомъ, что правительство, по необходимости, ею было обмануто, и дѣйствительность такого моего поведенія можетъ засвидѣтельствовать самъ Великій Герцогъ Веймарскій и даже доказать это представленнымъ ему отъ меня обстоятельнымъ изложеніемъ моей невинности, если только благоугодно будетъ ему сообщить это изложеніе россійскому правительству, при всемъ томъ, я не въ состояніи былъ предотвратить невыгодныхъ мнѣній по этому случаю особенно тогда, когда отняли у меня и самый остатокъ моего имущества.

Не понятно, какимъ образомъ графъ Северинъ Потоцкій, прежде бывшій попечителемъ Харьковскаго университета, могъ не телько самъ одобрить столь безстыдную на мои сочиненія клевету профессора Дегурова, но и представить ее высшему начальству, съ присовокупленіемъ своего увѣренія, что онъ разсматривалъ сдѣланный на меня доносъ, въ продолженіи цѣлаго года, самымъ строжайшимъ и самымъ безпристрастнѣйшимъ образомъ и нашелъ его совершенно справедливымъ во всѣхъ частяхъ. При такомъ увѣреніи, нельзя было не обмануться правительству, праводушнѣйшему и человѣколюбивѣйшему, а особенно высшему правительству столь обширнаго государства, какова Россія, гдѣ нѣтъ возможности всегда повѣрять сдѣланныя уже изслѣдованія новыми разслѣдованіями, если только правительство не будетъ имѣть въ виду достаточныхъ причинъ, которыми бы оно могло доказать, что представленныя ему изслѣдованія сдѣланы не справедливо. Да и можно ли было подозрѣвать, чтобы столь значительная особа, какъ попечитель университета, могъ говорить не самую сущую истину въ такомъ дѣлѣ, которое касается благосостоянія профессора и его семейства, а хотѣлъ бы только удовлетворить мстительности и злобѣ какого-либо клеветника? Въ силу этихъ обстоятельствъ министры имѣли основаніе думать, что къ свидѣтельству попечителя надобно имѣть полную довѣренность, что дошедшее до нихъ дѣло не могло не быть изслѣдовано и разсмотрѣно достаточнымъ образомъ и что имъ, послѣ этого, не остается ничего болѣе, какъ положить наказаніе, соотвѣтствующее преступленію.

Второе обвиненіе заключается въ томъ, что *все отдѣленіе о бракѣ*, по словамъ обвинителя, *представлено въ соблазнительномъ и для нравственнаго чувства отвратительномъ видѣ*. Но всякій, кто бы ни прочелъ въ моемъ „Естественномъ правѣ“ отдѣленіе подъ заглавіемъ: *право семейственное*, простирающееся отъ страницы 283 до 320, всякій,

безъ сомнѣнія, увидѣлъ бы, что этотъ важный предметъ изложенъ мною въ выраженіяхъ столь чистыхъ, цѣломудренныхъ и духовныхъ, что, въ подобномъ случаѣ, едва ли поступилъ такимъ же образомъ какой либо философъ, законоискусникъ и даже богословъ. Въ слѣдующихъ мѣстахъ, находящихся на стр. 283, 286 и 290, изложены главныя понятія, по которымъ образовано и все цѣлое. „Всеблагій и премудрый творецъ естества, дабы самымъ началомъ человѣческаго рода показать, что онъ есть не что иное, какъ изображеніе вѣчныя любви, такъ одно только семейство, соединенное взаимною любовію, сотворилъ человѣка такъ, чтобъ въ двухъ лицахъ, вмѣстѣ взятыхъ, изображалось единое существо человѣка.—Слѣдовательно, истиный человѣкъ заключается не въ одномъ только мужчинѣ и не въ одной только женщинѣ, но во внутреннемъ соединеніи обоихъ. Такое внутреннее соединеніе производится не властію или силою, но единою взаимною любовію, къ сладостямъ коей влечется и та, и другая сторона пріятною необходимостію. И эта то взаимность любви производитъ то совершенное равенство права, по которому ни одно изъ двухъ лицъ не можетъ употреблять другое единственно въ видѣ средства, ибо каждое изъ нихъ есть и средство, и цѣль для другого. Мущина наиболѣе отличается отъ женщины преимуществомъ крѣпости, какъ тѣлесной, такъ и духовной, а въ женщинѣ наиболѣе выражается прелесть, благотворительность, кротость, красота. Собственныя качества того и другого лица должны совокупиться во едино, дабы составить собою образъ истиннаго и совершеннаго человѣка. Мущина, разсматриваемый въ отдѣльности, составляетъ только половину человѣка, также точно и женщина. Слѣдовательно, истинный образъ человѣчества скрывается въ одномъ только внутреннемъ соединеніи обоихъ лицъ и осуществляется взаимнымъ сообщеніемъ и сліяніемъ способностей и свойствъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ. Такое соединеніе производитъ все, что можетъ человѣка возвысить и сдѣлать благополучнымъ, ибо оно налагаетъ пріятную необходимость отречься отъ всякаго своекорыстія и самолюбія и жить для великаго семейства людей, на которое обращено вниманіе и попечительность небеснаго Отца; оно дѣлаетъ человѣка участникомъ предвѣчнаго совѣта въ отношеніи къ человѣческому роду,—участникомъ въ томъ отношеніи, по которому онъ какъ бы изливается всѣмъ своимъ существомъ въ океанъ разумныхъ существъ, оставляетъ несообщительную единичность своего естества и обращаетъ всѣ свои мысли, всѣ дѣянія ко благу человѣчества вообще. Полъ мужскій, находясь въ этомъ состояніи соединенія, совлекается своей естественной жесткости и обидной суровости, ибо устраша-

ющая сила его, какъ тѣлесная, такъ и душевная, смягчается нѣжностью и плѣнительнымъ характеромъ иного пола и, вмѣстѣ съ симъ, напечатлѣвается на немъ такая наружность, которая внушаетъ къ нему и уваженіе, и любовь. Нѣжность женскаго пола, сочетавающаяся съ крѣпостію мужскаго, проницаемая ею, наконецъ сливается съ нею во едино, воспріемлетъ нѣкоторый видъ божественности, во взорахъ коей усматривается и сила, и благотворительность, возбуждающія чувство не только довѣренности, но и любви. Женщина, подобно виноградной лозѣ, износящей и распространяющей свои нѣжныя отрасли, соединяясь тѣснѣйшимъ образомъ со своимъ супругомъ, какъ своею опорою и поддержкою, никакихъ не опасается бурь. Она, такъ сказать, теряетъ себя въ своемъ супругѣ, дабы въ немъ же найти себя, и супругъ, благорасположенный и правомыслящій, по своему великодушію, жертвуетъ всѣмъ для своей возлюбленной, старается воздать ей гораздо болѣе, нежели сколько отъ нея пріемлетъ, и, по вступленіи въ благороднѣйшее состязаніе любви, усердія и всемѣрной услужливости, можетъ наслаждаться самой жизнію и почитать себя благополучнымъ тогда только, когда бываетъ увѣренъ, что онъ живетъ только для нея. Здѣсь совершается истинный размѣнъ личностей, по которому всякое побужденіе своекорыстія совершенно подавляется и искореняется". Какъ можно сказать, чтобы столь священныя, столь чистыя и столь духовныя понятія о бракосочетаніи, кои всѣ заимствованы изъ божественнаго духа вѣроисповѣданія Іисусова, возмущали нравственность, или были соблазнительны? Сколь бы свѣтъ былъ счастливъ, если бы таковыя мысли и расположенія господствовали всюду и были бы общимъ правиломъ жизни! Если они заключаютъ соблазнъ, то я желалъ бы заразить этимъ соблазномъ цѣлый свѣтъ, будучи увѣренъ, что тогда было бы небо на землѣ. Но сколь надобно быть слѣпу и развратну, чтобы подъ этою любовью, каковую я полагаю въ основаніе брачнаго союза, разумѣть одно только скотское плотоугодіе! Всѣ качества описываемой мною любви показываютъ, что она совсѣмъ не зависитъ отъ наслажденія чувственнаго, возноситя превыше всякой чувственности, (1 Кор. XIII, 5, 7) *любитъ всё*, мудрствуетъ небесная, не измѣняется и въ самой вѣчности и есть отблескъ той вѣчной любви, которая воззвала насъ къ бытію и которая, послѣ того, какъ мы умерщвлены были грѣхомъ, воскресила насъ закланіемъ своей величайшей жертвы, принесенной на крестѣ. Если же кто всегда видѣлъ въ брачномъ союзѣ одно только животное дѣторожденіе, нимало не отличающее человѣка отъ прочихъ животныхъ, и всегда почиталъ его главнѣйшею, даже единственною цѣлію этого союза, тотъ никогда не простиралъ своего взора за тѣсный кругъ инстинкта животныхъ, никогда въ самомъ себѣ не испы-

тывалъ того небеснаго, восхитительнаго чувства, когда мы, вознесясь превыше всего земнаго, усматриваемъ, даже въ чувственныхъ нашихъ наслажденіяхъ, единыя знаменія дѣйствій этого божественнаго духа, который владычествуетъ надъ сферою чувственности и который, открывая передъ очами нашими небо, ставитъ его цѣлію всѣхъ земныхъ нашихъ наклонностей, занятій и удовольствій. И просвѣщенный разсудокъ увѣряетъ, и Евангеліе свидѣтельствуетъ, что всякое намѣреніе и всякое удовлетвореніе естественнымъ наклонностямъ, не имѣющее въ виду ничего инаго, кромѣ чувственности, есть грѣхъ равняющійся, нѣкоторымъ образомъ, идолослуженію. Вотъ высшій смыслъ, который намъ открываетъ и которымъ руководствоваться совѣтуетъ Евангеліе, въ союзѣ супружества! *Мужіе*, говоритъ апостолъ Павелъ (Ефес. V, 25, 32), *любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби церковь, и себе придаде за ню. Тайна сія велика есть; азъ же глаголю во Христа и во Церковь.* И подлинно, великая тайна во Христа и во Церковь, есть то сіяніе сердецъ, какое бываетъ между двумя благонравными супругами,—нѣжное участіе одного лица во всемъ, относящемся до другого,—истинное доброжелательство, искреннее супружество, непоколебимая вѣрность во всѣхъ искушеніяхъ и несчастіяхъ,—все это—чистѣйшая и пламенная любовь, которая, жертвуя всѣмъ, не щадитъ и самой себя, и которая не только въ самой холодной и глубокой старости, умерщвляющей всю способность къ дѣторожденію, обнаруживаетъ самую живѣйшую горячность, но не угасаетъ и по смерти,—это священнѣйшее рвеніе вновь обрѣсти другъ друга въ лучшей жизни, и, подобно существамъ духовнымъ и святымъ, совершенно удаленнымъ отъ всякаго побужденія къ дѣторожденію, подобно ангеламъ божіимъ, любить и обнимать другъ друга вѣчно. Столь возвышенныя мысли и чувства въ состояніи супружества составляютъ такую тайну, о которой ни одинъ изъ чувственныхъ людей, ни одинъ изъ пресмыкающихся разумомъ и духомъ, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Счастливъ я, что эту священную и превыше всякаго животнаго инстинкта восходящую любовь, извѣстную мнѣ прежде изъ ученія евангельскаго, нынѣ знаю изъ опыта. Одну добродѣтельную супругу похитила у меня смерть; а другую, еще при жизни ея, исторгла изъ моихъ объятій человѣческая злоба. Отъ обѣихъ я не могу уже ожидать ничего, лестнаго для чувственности, но вѣчная любовь соединила насъ не разрывнымъ союзомъ; я опять увижу ихъ, опять найду ихъ вѣрныхъ и любезнѣйшихъ спутницъ моего странствованія, опять обрящу ихъ въ той блаженнѣйшей жизни, гдѣ не буду болѣе опасаться никакой разлуки. Эту-то священную привязанность разумѣю я подъ именемъ

любви, считая ее и первою и послѣднею цѣлью супружества! Что же касается до намѣренія рождать дѣтей, то оно не только не противно этому священному понятію о состояніи супружества, но еще совмѣщается съ нимъ, какъ слѣдствіе той же любви, какъ дѣйствіе, подчиненное той же высшей цѣли, отъ которой оно заимствуетъ свою возвышенность и получаетъ нѣкоторый отпечатокъ отъ той божественной любви, какая открыта намъ въ твореніи и искупленіи міра. На этомъ основаніи, я опредѣляю супружество слѣдующимъ образомъ (стр. 291). „Союзъ двухъ лицъ различнаго пола, сочетающихся другъ другу для наслажденія взаимною любовію, совмѣстною однакожъ и съ намѣреніемъ дѣторожденія, называется супружескимъ“. Изъ этого опредѣленія выведено слѣдующее положеніе (стр. 294). „Наслаждающіеся супружескою любовію не должны дѣлать ничего такого, что бы могло препятствовать дѣторожденію“. А что рожденіе дѣтей не можетъ быть единственною и самою главною цѣлію супружества, это доказываю я, между прочимъ, изъ слѣдующихъ началъ (стр. 292, 293). „Дѣторожденіе въ состояніи супружества есть вообще нѣчто неизвѣстное и случайное, посему оно и не можетъ быть почитаемо *первоначальною* цѣлью супружества. Притомъ, если бы оно дѣйствительно было *первоначальною* цѣлію, то безъ нарушенія права естественнаго нельзя было бы вступать въ состояніе супружества ни одному изъ тѣхъ, кто не надѣется быть способнымъ къ дѣторожденію, а потому и супружества такого рода не были бы дозволяемы законами гражданскими, ибо они не могутъ дозволить ничего такого, что совершенно противно естественному праву. Погрѣшили бы противъ закона совѣсти и тѣ, которые находятся уже въ состояніи супружества и, не взирая на свой возрастъ, отымающій у нихъ всю надежду на дѣторожденіе, продолжаютъ пользоваться правами супружества. Должны бы воздерживаться отъ употребленія супружескихъ правъ и всѣ вообще супруги, какъ скоро замѣтили бы они вѣрные признаки зачатія младенца во утробѣ. Въ силу этихъ обстоятельствъ оказалась бы также крайняя запутанность въ двухъ, весьма важныхъ наукахъ, какъ то,—въ умозрительномъ правовѣденіи и естественной нравственности. Но ежели любовь принята будетъ за основаніе этого священнѣйшаго союза, то всѣ таковыя затрудненія удобно соглашены будутъ со своимъ началомъ, ибо изъ него слѣдуетъ только то, что, при употребленіи правъ супружества, не надобно препятствовать способности дѣторожденія“.

Главная уловка, посредствомъ которой обвинтель старался меня и мою философію сдѣлать ненавистными, состояла въ томъ, что онъ огласилъ меня приверженцемъ *Шеллинговой философіи*. Но противъ

этого я замѣчу: 1) то, что мой обвинитель, по мѣсторожденію французъ, не знаетъ ни одного нѣмецкаго слова и потому никогда не читалъ нѣмецкихъ философовъ, такъ что, если бы у него спросили въ чемъ состоитъ Шеллингова философія, онъ бы былъ тотчасъ изобличенъ въ своемъ совершенномъ невѣденіи ея. Какимъ же образомъ могъ онъ утверждать, что мои сочиненія написаны по началамъ Шеллинговой философіи? 2) Шеллинга наиболѣе порицаютъ за то, что онъ, остановясь на одной только природѣ, обоготворилъ ее. Справедливо ли это обвиненіе, или нѣтъ, здѣсь не мѣсто разсуждать. Но если и предположимъ, что положеніе—*самая природа есть Богъ*—составляетъ духъ Шеллинговой философіи, то и тогда всякій, читающій мои сочиненія, на каждой страницѣ будетъ видѣть, что моя философія совершенно удалена отъ таковаго духа, и что собственный духъ ея есть только тотъ, который стремится ниспровергнуть всѣ алтари этого злочестиваго и для всего человѣчества крайне опаснаго духа, равно какъ и его самого низринуть въ вѣчную ночь, откуда онъ и вышелъ. Нельзя выдумать никакой иной болѣе злобной клеветы, нежели та, которая приписала и поставила мнѣ въ прокъ совершенную противоположность моего образа мыслей, т. е. якобы я утверждалъ, что самая природа есть Богъ. Напротивъ, я увѣренъ, и на это имѣю въ моихъ сочиненіяхъ самыя ясныя доказательства, что не только моя философія, но и всѣ мои ученыя занятія единственно клонятся къ тому, дабы утвердить на незыблемыхъ основаніяхъ не однѣ только истины естественнаго богослуженія, которыя нынѣ много ослаблены господствующею философіею, но и положительное (откровенное) христіанское ученіе подкрѣпить и объяснить такими доказательствами, которыя заимствованы изъ всеобщихъ началъ разума и, будучи столько же вѣчны, какъ и самая вѣчность, представляли бы ученіе Іисуса Христа во всемъ его великолѣпіи, ясности и красотѣ, такъ чтобы каждый могъ видѣть все его достоинство, всю божественность, и, въ исполненіи его, свое собственное блаженство. Я совершенно увѣренъ, что мое величайшее благополучіе и моя высочайшая мудрость заключается въ томъ, чтобы во всемъ мірозданіи,—отъ персти до человѣка, во всѣхъ происшествіяхъ свѣта, во всей природѣ, въ искусствахъ, въ наукахъ умозрительныхъ, видѣть Бога и Христа Іисуса, Бога-Создателя и Искупителя, Бога—Источника вѣчной любви, открывающейся въ дѣйствіяхъ или творенія, или искупленія, видѣть такъ, что безъ Бога, яко Творца и Искупителя, всякое земное благополучіе было бы для меня не иное что, какъ несчастіе, всякая мудрость—буйство, всякая образованность—порча. Я внутренно увѣренъ, что евангеліе, которое я читаю ежедневно съ величайшимъ вни-

маніемъ и благоговѣніемъ, объясняетъ мнѣ важнѣйшія человѣческія происшествія и даже тайны, сокрытыя отъ высочайшихъ духовъ, несравненно лучше представляетъ убѣжденія къ добру несравненно сильнѣйшія, и наконецъ, успокаиваетъ и радуетъ гораздо сладостнѣе, нежели всѣ сочиненія философовъ. Я сердечно увѣренъ, что, при всѣхъ моихъ занятіяхъ и трудахъ, я не имѣю для себя ничего болѣе важнаго, какъ обязанность познавать ученіе Іисуса Христа, *въ немъ же*, какъ говоритъ апостолъ (Колосс. 11. 3) *суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна*, всегда съ большею ясностію и назидательностію, и обращать таковое спасительное познаніе не къ одному только усовершенствованію самого себя, но и распространять его между людьми изустно и письменно, со всевозможнѣйшею ревностію, дабы такимъ образомъ истребить отъ лица всей земли, вмѣстѣ съ новою философіею возникшее язычество, и уничтожить всѣ пагубныя его послѣдствія. Я увѣренъ собственнымъ сознаніемъ, что я не только не стыжусь вносить евангелія и въ самую область философіи, но и велегласно исповѣдую, что крестъ Іисуса Христа есть единственная каѳедра, съ которой слышатся глаголы истинной мудрости.—Я увѣренъ самою совѣстію, что несчастіе, постигшее меня за имя Іисусово, не только не привело меня въ уныніе, но еще наполнило душу мою утѣшеніемъ и радостію, такъ что я готовъ теперь, если бы это было нужно, пожертвовать и самою жизнію за ученіе Іисусово. Вотъ духъ моей философіи, которую я всеусиленно старался распространять въ Россіи какъ словесно такъ и письменно! И если этотъ жа самый духъ господствуетъ и въ Шеллинговой философіи, то подлинно, ничего болѣе не остается желать, какъ только, чтобы весь свѣтъ присягнулъ въ преданности этому духу. Я не знаю, какъ самъ Шеллингъ думаетъ объ этихъ сверхъестественныхъ и вышечувственныхъ священныхъ предметахъ, составляющихъ преимущественнѣйшее содержаніе моей философіи: знаю только то, какъ я о нихъ думаю, равно какъ и то, что можетъ узнать мои мысли объ этихъ предметахъ всякій, кто будетъ читать мои сочиненія. Признаюсь, что я заимствовалъ изъ сочиненій Лейбница, котораго почитаю глубочайшимъ философомъ и христіаниномъ, нѣкоторыя лучшія мысли, положенныя мною въ основаніе моей совершенно христіанской философіи. Воспользовался и Шеллингъ нѣкоторыми изъ этихъ же мыслей среди доказательствъ своей естественной философіи. Но эти доказательства были бы справедливы тогда только, когда бы самая система подобно системѣ Лейбница, и нисходила, по своимъ началамъ, отъ Бога, и восходила бы паки, своею цѣлію, къ Богу. И потому система Шеллинга, какъ не выходящая изъ круга природы, не только не имѣетъ

для меня никакихъ твердыхъ началъ, но еще ведетъ къ развращенію. Притомъ, предметъ моей философіи не есть природа, подлежащая чувствамъ человѣка, но та высшая сфера бытія, въ коей однимъ умозрѣніемъ разсматривается все то, что справедливо или несправедливо, добродѣтель или порокъ, достоинство или низость, заслуги или преступленіе, свобода или необходимость, также безсмертіе души, богослуженіе вообще, христіанское вѣроисповѣданіе и все то, что относится къ высшему назначенію человѣка. Злонамѣренность и клевета издревле имѣли обыкновеніе называть какими нибудь ненавистными именами самыхъ благороднѣйшихъ и общеполезнѣйшихъ друзей истины, дабы, очернивъ ихъ такимъ образомъ, тѣмъ большую имѣть возможность ихъ преслѣдовать. Но при безпристрастномъ изысканіи истины, не надобно смотрѣть на имена, но на самое дѣло, на истинность дѣла на его назначеніе и цѣль. Не о томъ надобно спрашивать, *кто* утверждаетъ что либо, но *что* утверждаетъ кто либо? справедливо ли утверждаетъ и достойно ли особеннаго вниманія, полезно ли, необходимо ли для человѣчества то, что онъ утверждаетъ? Руководствуясь такими правилами, и я утверждаю многое, что утверждаетъ и Кантъ, такъ какъ я нахожу это справедливымъ, хотя, относительно главнаго предмета его философіи, равно какъ и ея основаній и цѣли, я весьма не согласенъ съ Кантомъ. Всякій, именующійся философомъ, между тѣмъ обучающій однимъ только заблужденіямъ, и, при изложеніи пагубныхъ своихъ заблужденій, выдаваемыхъ имъ за истину, очень рѣдко встрѣчающійся съ самою истиною, не только не можетъ быть названъ философомъ, но еще заслуживаетъ наименованія человѣка сумазброднаго. Сорокъ лѣтъ занимался я чтеніемъ древнихъ и новыхъ философовъ съ величайшимъ прилежаніемъ и часто, подъ дрязгомъ самыхъ вздорныхъ и заразительныхъ мнѣній, находилъ я драгоцѣннѣйшіе бисеры истины, которыя и употреблялъ съ благодарностію для подкрѣпленія или для украшенія моей системы.

И такъ, возможно ли, чтобы кто либо, по прочтеніи моего естественнаго права, могъ замѣтить во мнѣ намѣреніе обоготворить одну только природу? Доселѣ нѣтъ, можетъ быть, ни одной книги подобнаго содержанія, въ которой бы о Богѣ и вещахъ божественныхъ, говорено было съ вящшею силою и возвышенностію, чѣмъ говорилъ я объ этихъ предметахъ въ моемъ естественномъ правѣ. Пусть найдется хотя одинъ человѣкъ который могъ бы, прочитавши, изъ числа многихъ иныхъ, покрайней мѣрѣ одно нижеслѣдующее мѣсто, могъ не быть совершенно увѣренъ въ томъ, что для меня нѣтъ ничего священнѣе, какъ обязанность богослуженія, и что вся моя философія, яко осно-

ванная на началахъ благочестія, дышетъ единымъ только благочестіемъ. Такъ изъясняюсь я на стран. 242. „По истинѣ, всѣ люди имѣютъ врожденное понятіе о существѣ всесвятѣйшемъ и всесовершеннѣйшемъ, которое хотя видимъ мы, какъ бы въ нѣкоемъ зерцалѣ, во всемъ мірозданіи, но котораго самое лучшее начертаніе и образъ есть человѣкъ. Оно управляетъ всѣмъ, что есть или бываетъ, располагая все вообще по своимъ благодѣтельнѣйшимъ намѣреніямъ и обращая все къ концу. Изъ таковаго о немъ понятія выводится благонадежность всякаго человѣческаго достойнства и благополучія; изъ него же несомнѣнность совершенной свободы, съ какою дѣйствуетъ воля и разумъ; изъ него же—самыя твердыя основанія всякой истины, добродѣтели и справедливости; изъ него же—убѣдительность и удостовѣреніе въ высочайшемъ предназначеніи и вообще во всемъ, относящемся къ высшей природѣ; изъ него же—столь утѣшительное въ счастіи и несчастіи, столь вождѣленное и вѣрное, столь радостное и восхитительное упованіе безсмертія; изъ него же—неотдѣлимость добродѣтели отъ соотвѣтственнаго ей благополучія, и увѣренность въ совершеннѣйшемъ правосудіи міроправителя; изъ него же—божественная сила совѣсти, спокойствіе мысли, постоянство духа, не возмущаемаго никакими бѣдствіями никакою неожиданностію приключеній, изъ него же равнодушіе къ смерти и небреженіе о всѣхъ отдѣльныхъ вещахъ; изъ него же—и сладчайшее веселіе и превыспренность, ощущаемыя при созерцаніи міра, ибо въ то время, какъ скоро представится намъ понятіе о существѣ всесвятѣйшемъ, премудрѣйшемъ, всещедромъ, всемогущемъ, и озаритъ своимъ сіяніемъ, подобно солнцу, все мірозданіе,—въ то же самое время, безконечная ночь начинаетъ превращаться въ день, смѣшеніе въ порядокъ, смерть въ жизнь, вещество въ духъ, вмѣстилище ада въ жилище неба и всеобщее разногласіе въ гармоническое общество. Слѣдовательно, всякій человѣкъ имѣетъ полное и никакими гражданскими законами, никакою тираническою властію не нарушимое право—безпрерывно углубляться въ созерцаніе такого понятія, взирать на него, какъ на общее начало и конецъ всѣхъ размышленій, усилій, желаній, намѣреній, дѣйствій; свободно и предъ всѣми объ этомъ бесѣдовать и выражать свои мысли чувственными знаками. Всѣ добродѣтельнѣйшіе и ревностнѣйшіе исповѣдники не только претерпѣвали несчастія всякаго рода, но жертвовали и самою жизнію со всею готовностію, для защиты этого священнѣйшаго права. Ибо, такъ называемая, жизнь безъ Бога есть смерть. Или надобно совсѣмъ не жить, или жить только въ Богѣ. Смерть за Бога есть истинная жизнь“.

А что не богослуженіе только вообще, но и богослуженіе христіанское составляетъ духъ моей философіи, доказательствомъ этого служитъ вся моя книга. Всякій, кто только читалъ ее, могъ замѣтить этотъ священный духъ богослуженія Іисусова, даже въ самомъ ея началѣ, гдѣ между прочимъ сказано. „Покланяясь божественной мудрости, изложенной въ священныхъ книгахъ ветхаго и особенно новаго завѣта, я почитаю всякую философію ученіемъ ложнымъ и пагубнымъ и, слѣдовательно, отвергаю ее, если только она утверждаетъ что либо противное тѣмъ истинамъ, которыя служатъ основаніемъ всякаго человѣческаго достоинства и благополучія и которыя проповѣдуются богослуженіемъ Іисусовымъ въ образѣ нѣкой величественной простоты, приспособленной къ понятію всѣхъ и каждаго. И сіи—то столь священныя, столь необходимыя, столь спасительныя истины я желалъ и желаю въ моихъ философскихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже и изданы и нѣкоторыя приготовляются еще къ изданію, подкрѣпить такими доказательствами, которыя бы ни насиліемъ времени, ни перемѣнчивостію человѣческихъ мыслей, ни безразсудностію блуждающаго разума, ни благовидностію ложной философіи, ни необузданностію своевольной жизни, не могли быть никогда ни опровергнуты, ни ослаблены; и сей-то, предпринятый мною трудъ, эти самыя занятія я почитаю утѣшительными для моей старости и славными для остатка моей жизни!“

Желалъ бы я, чтобы столь отличнѣйшій, по своему благочестію, министръ народнаго просвѣщенія или самъ прочиталъ мое сочиненіе о естественномъ правѣ, или приказалъ бы наистрожайше разсмотрѣть его мужамъ ученымъ и праводушнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, тогда увидѣлъ бы, что графъ Потоцкій и его любимецъ Дегуровъ обманули его самымъ недостойнѣйшимъ образомъ, увидѣлъ бы, что и всѣ прочіе обвинительные пункты заключаютъ въ себѣ столь же явную клевету, какъ и тѣ, о которыхъ упоминаемо было доселѣ; увидѣлъ бы, что книга эта вмѣщаетъ въ себѣ все то, что сообразно съ его собственными правилами, съ его благочестивыми, общеполезными и патріотическими намѣреніями; увидѣлъ бы, что состояніе народнаго просвѣщенія въ Россіи точно соотвѣтствовало бы его желанію, если бы всѣ находящіеся въ Россіи учители имѣли тѣ же самыя мысли, тѣ же чувствованія, каковыя изложены въ моемъ естественномъ правѣ; покойный митрополитъ Амвросій, мужъ отличнаго образованія, благоразумія, добродѣтели и ревности къ христіанскому вѣроисповѣданію, не безъ причины принялъ мои сочиненія съ особенною благосклонностію, такъ что, при закупкѣ значительнаго количества экземпляровъ

для раздачи ихъ россійскому духовенству, купилъ, между прочими, 20-ть экземпляровъ моего естественнаго права. Сколь бы я былъ счастливъ, если бы Его Императорскому Величеству сообщено было удовлетворительное и обстоятельное свѣдѣніе о точномъ содержаніи книги! Я не опасаюсь никакого изслѣдованія безпристрастныхъ и ученыхъ любителей истины. Чѣмъ оно будетъ строже, тѣмъ оно для меня выгоднѣе. Съ этою книгою готовъ я предстать не только предъ судилище цѣлаго свѣта, но и предъ самаго судію міра, отъ котораго не можетъ укрыться никакое злоухищреніе, никакая клевета. Я осужденъ безъ выслушанія моихъ оправданій, по одному только доносу профессора Дегурова, и вслѣдствіе присовокупленнаго графомъ Потоцкимъ увѣрительнаго отзыва касательно основательности доноса. Но если бы и нынѣ дозволено было мнѣ принести мои оправданія и для выслушанія ихъ приказано было бы вызвать меня въ Петербургъ, я бы и нынѣ могъ доказать, что всѣ пункты, каковые представлены въ обвиненіе моего естественнаго права, или совершенно ложны, или ложны, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, въ каковомъ они приняты. Я бы доказалъ и то, что все воздвигнутое противъ меня гоненіе есть слѣдствіе одной только французской интриги.

Вторая книга, на которую тотъ же человѣкъ и такую же написалъ клевету, издана подъ заглавіемъ „*De viris illustribus urbis Romae*“ *a Romulo usque ad Augustum* (о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима отъ Ромула до Августа). Изданіе этой книги поручено мнѣ было Харьковскимъ университетскимъ совѣтомъ для употребленія ея по гимназіямъ. Поводомъ къ этому было нижеслѣдующее обстоятельство. Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, предписалъ университету, чтобы онъ постарался объ изданіи латинскихъ классическихъ писателей, для употребленія ихъ по университетамъ и гимназіямъ Россійской имперіи. Университетскій совѣтъ имѣлъ уже особенное довѣріе къ моимъ свѣдѣніямъ въ латинскомъ языкѣ и словесности, какъ извѣстнымъ ему изъ различныхъ прежнихъ случаевъ, почему и поручилъ мнѣ заняться этимъ весьма важнымъ, многотруднымъ и общеполезнымъ дѣломъ. Классическихъ писателей надобно было издать въ такомъ видѣ, чтобы изданіе соотвѣтствовало потребностямъ учащихъ и учащихся въ Россіи и, слѣдовательно, заключало бы въ себѣ приличныя объясненія трудныхъ и темныхъ мѣстъ. Я принялъ на себя это дѣло изъ одного только патріотическаго и отъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ удаленнаго намѣренія, донесши совѣту, что за свой трудъ не желаю никакого почетнаго вознагражденія, дабы изданіе латинскихъ классиковъ могло продаваться, сколько возможно, дешевле, а такимъ

образомъ и обученіе латинскому языку, столь необходимому для образованія въ наукахъ, производимо было бы тѣмъ съ большимъ удобствомъ и пользою. Если бы я пожелалъ за этотъ трудъ обычнаго въ Россіи въ подобныхъ случаяхъ вознагражденія, каковое получалъ и мой предмѣстникъ по латинской словесности, проф. Роммель, за изданныя имъ книги, то предоставлено было бы въ мою пользу полное изданіе классическихъ писателей, цѣною до 20.000 руб. Но я хотѣлъ пожертвовать этою значительною суммою пользѣ народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ благодѣтельнымъ намѣреніямъ Его Императорскаго Величества. Я предположилъ начать этотъ трудъ изданіемъ книги, подъ заглавіемъ „*О славнѣйшихъ гражданахъ города Рима, отъ Ромула до Августа*“, сочиненной Авреліемъ Викторомъ. Та же самая книга издана уже была нѣкимъ французомъ, по имени Ломондомъ, но въ видѣ самомъ краткомъ, величиною почти въ четыре листа въ четвертку, и притомъ съ различными измѣненіями подлиннаго текста. По этой причинѣ я пользовался не однимъ только изданіемъ Ломонда, но и сочиненіемъ Виктора Аврелія, соображаясь вездѣ съ моею цѣлію, принаровленною къ потребностямъ россійскихъ гимназій. При составленіи книги, имѣлъ я троякую цѣль: 1) представить ее въ видѣ латинской хрестоматіи, для употребленія по гимназіямъ. Дабы достигнуть этой цѣли, я долженъ былъ распространить изданіе Ломонда, что и сдѣлалъ, пополнивши его извлеченіемъ лучшихъ мѣстъ, взятыхъ изъ различныхъ классическихъ писателей, ибо изъ книги, величиною въ 4 только листа, нельзя было дѣтямъ научиться латинскому языку такъ, чтобы они сами, послѣ этого могли изъяснить сочиненія латинскихъ классиковъ. Изданіе увеличилъ я до 16 листовъ, помѣстивши въ немъ самыя значительныя и достопримѣчательныя черты, коими отличались славнѣйшіе изъ Римскихъ гражданъ, жившихъ отъ времени Ромула до Августа. Хрестоматія такой величины достаточна была для сообщенія обучающемуся по гимназіямъ россійскому юношеству приготовительныхъ свѣдѣній въ латинскомъ языкѣ, и была не только назидательна, но и недорога; 2) старался я расположить самую хрестоматію такъ, чтобы она была сокращеніемъ Римской исторіи, и юношество могло бы въ одно и то же время не только обучаться латинскому языку, но и замѣчать въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія Римскія происшествія, такъ какъ они имѣли весьма большое вліяніе на судьбу прочихъ народовъ и состояніе всего образованнаго свѣта. Для достиженія этой цѣли, надобно было присовокупить различныя объясненія, относящіяся къ Римскимъ древностямъ, нравамъ, обыкновеніямъ и законамъ, каковыя и присовокуплены были мною съ соблюденіемъ

надлежащей краткости. Но такъ какъ не только моя философія, но и всѣ ученыя мои занятія клонились къ распространенію благочестія и добродѣтели, такъ что безъ нихъ, по моей совершеннѣйшей въ семъ увѣренности, всякое образованіе должно быть почитаемо занятіемъ не только безполезнымъ но даже вреднымъ, то я всего болѣе старался 3) о томъ, чтобъ, при обученіи латинскому языку, возбуждаемы были, въ сердцахъ россійскаго юношества, ощущенія благородныя, патріотическія, нравственныя и благочестивыя, и такимъ образомъ самая сухость занятія мертвымъ языкомъ обращалась бы въ упражненіе привлекательное, назидательное и спасительное. Для достиженія этой цѣли, извлекалъ я изъ лучшихъ классиковъ примѣры самыхъ изящныхъ, самыхъ высокихъ и самыхъ героическихъ добродѣтелей древнихъ Римлянъ, полагая, что посредствомъ ихъ воспламеняемы будутъ въ сердцахъ россійскаго юношества, даже при первоначальномъ обученіи латинскому языку, самыя благородныя чувства. Планъ этотъ, по истинѣ, достойный всякаго одобренія, представленъ былъ мною, предъ самымъ изданіемъ сочиненія, университетскому совѣту и былъ имъ одобренъ во всѣхъ частяхъ. Я помѣстилъ его и въ предисловіи, но здѣсь приведу изъ него только тѣ мѣста, которыя относятся къ примѣрамъ добродѣтели.....

Вотъ мое самое искреннее, общеполезное и священное намѣреніе, которымъ я руководствовался при составленіи этой книги, котораго я достигалъ во всѣхъ ея отдѣльныхъ частяхъ и которое клонилось къ тому только, чтобы воспламенить въ юныхъ и неповрежденныхъ сердцахъ россійскаго юношества любовь къ добродѣтели. Въ дѣйствительности такого намѣренія можетъ быть удостовѣренъ всякій, кто только знаетъ латинскій языкъ и прочтетъ со вниманіемъ мою книгу. Между тѣмъ, это же самое намѣреніе принято профессоромъ Дегуровымъ и его благотворителемъ графомъ Потоцкимъ за такое преступленіе, которое стоило примѣрнаго наказанія и которое требовало, чтобъ я не только отрѣшенъ былъ отъ должности и выгнанъ изъ Россіи, но чтобъ и самая книга сожжена была всенародно. И это исполнено было на самомъ дѣлѣ, ибо въ 1817 году, т. е. годъ спустя послѣ того, какъ я высланъ былъ изъ Россіи, все изданіе этого сочиненія, къ сожалѣнію всѣхъ благомыслящихъ и къ удовольствію прочихъ зрителей, публично сожжено было въ Ботаническомъ саду Харьковскаго университета. Впрочемъ и обвинителямъ моей книги крайне нужно было истребить всѣ экземпляры ея, дабы послѣ нельзя было ихъ подвергнуть отвѣтственности и наказанію, по содержанію гнусной ихъ клеветы. Но они обманулись въ своемъ предположеніи, ибо не

всѣ еще экземпляры этого сочиненія истреблены. Одинъ изъ нихъ находится у Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которая, получивши свѣдѣніе о достоинствѣ этой книги отъ мужей благонамѣренныхъ и ученыхъ, всемилостивѣйше пожаловала мнѣ, какъ за самую эту книгу, такъ и за прочія мои сочиненія, еще въ бытность мою въ Харьковѣ, и при томъ въ то самое время, какъ я былъ оклеветанъ моими обвинителями, драгоцѣнную табакерку съ изображеніемъ августѣйшей фамиліи, препроводивъ ее при письмѣ, въ которомъ сказано было, что эти, мною изданныя книги, т. е. естественное право, логика, книга о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима и рѣчь о возстановленіи свободы въ Европѣ *превосходныя произведенія, для просвѣщенія народнаго весьма полезныя, и вообще сочиненія такого рода, которыя, гдѣ только они ни будутъ читаны, вездѣ будутъ распространителями моей славы.* Этотъ драгоцѣннѣйшій даръ и отзывъ Ея Императорскаго Величества всегда будутъ утѣшать меня въ моемъ несчастіи, въ которое, низверженъ я клеветою безпримѣрною. Есть одинъ экземпляръ той же книги у *его сіятельства* графа Стурдзы, которому поднесенъ мною, въ бытность его въ Веймарѣ. Представленъ одинъ же экземпляръ Его Высочеству, Великому Герцогу Веймарскому для доказательства моей невинности. Наконецъ, остался и у меня одинъ экземпляръ, который для своего оправданія могу сообщить всякому, въ доказательство дерзкаго и безчиннаго поступка Дегурова противъ россійскаго правительства.

Даже первый пунктъ учиненнаго противъ этой книги обвиненія— клевета, ибо имъ вмѣняется мнѣ въ преступленіе, что будто бы, при изданіи книги, обойдена была цензура. Дѣло происходило такимъ образомъ. Приступая къ изданію своей книги, я просилъ университетское правленіе подвергнуть ее цензурѣ, но оно въ этомъ мнѣ отказало, по той причинѣ, что правилами о цензурѣ, объясненными въ уставѣ Харьковскаго университета, постановлено между прочимъ относительно книгъ, издаваемыхъ при этомъ университетѣ, чтобъ *тѣ сочиненія, которыя поручаетъ составить какому либо профессору университетскій совѣтъ, не были подвергаемы цензурѣ.* А такъ какъ сочиненіе и изданіе этой книги производимы были по порученію совѣта, то и въ дозволеніи отдать ее на разсмотрѣніе цензора мнѣ было отказано. Притомъ, латинскіе классики издавались по предписанію самого министра, графа Разумовскаго, и такъ какъ изданная по этому предписанію книга заключала въ себѣ не иное что, какъ одно только извлеченіе изъ самыхъ лучшихъ и по всѣмъ гимназіямъ употребляемыхъ писателей, то какимъ же образомъ можно было Дегурову, не изобличая самого себя

въ явной клеветѣ, обвинять меня въ томъ, что эта книга вышла, безъ разсмотрѣнія цензуры? Такое обвиненіе тѣмъ болѣе странно, что Дегуровъ въ то время, какъ писалъ это обвиненіе, самъ былъ членомъ университетскаго цензурнаго комитета и потому не могъ не знать всего того, что сказано въ университетскихъ правилахъ, по предмету цензуры. Изъ этого явствуетъ, что его обвиненіе основано было на одномъ только желаніи оклеветать, на одномъ его намѣреніи причинить мнѣ вредъ, вопреки очевидной ясности постановленій.

Но болѣе всего обвиняется въ этой книгѣ то, что должно обратить на себя особенное вниманіе—одобреніе всякаго любителя добродѣтели, т. е. обвиняются въ ней самые примѣры отличныхъ добродѣтелей, избранные мною изъ классическихъ писателей и расположенные какъ бы въ нѣкоемъ галлерейномъ порядкѣ. Между образцами героическихъ добродѣтелей древнихъ Римлянъ и Римлянокъ заслуживаютъ особеннаго вниманія два примѣра—Лукреція и Виргинія, въ отношеніи къ цѣломудрію. Ни одинъ писатель не имѣлъ такого искусства—представлять добродѣтель въ ея прелестнѣйшемъ, а порокъ въ его омерзительнѣйшемъ видѣ, каковымъ обладалъ Ливій. Онъ доказалъ свою способность и знаніе особенно тамъ, гдѣ описываетъ героическій духъ Лукреціи и Виргиніи, защищающихъ изящнѣйшую изъ добродѣтелей своего пола,—собственное ихъ цѣломудріе. А такъ какъ такія описанія преимущественно способствуютъ къ возвышенію юныхъ сердецъ, то я и внесъ въ свою книгу эти примѣры цѣломудрія, Лукрецію и Виргинію, точно тѣми же словами, каковыми изобразило ихъ цѣломудренное краснорѣчіе Ливія и каковыми онѣ описаны въ другихъ латинскихъ хрестоматіяхъ. Эта выписка показалась профессору Дегурову великимъ преступленіемъ, ибо она, по словамъ его служитъ, соблазномъ для юношества. Но каждый здравомыслящій другъ добродѣтели и юношества знаетъ и увѣренъ въ томъ, что повѣствованія тогда только обращаются въ претыканіе и соблазнъ, когда порокъ представляется въ нихъ въ видѣ привлекательномъ, какъ это дѣлается большею частію въ романахъ, а не тогда, когда юношество предостерегается отъ него, съ выраженіемъ важности и строгости, и когда самое преступленіе описывается съ омерзеніемъ, потрясающимъ чувство и самого развратнѣйшаго сластолюбца. Оба Ливіевы описанія превосходны и возбуждаютъ крайнее омерзеніе къ преступленію. Если же предположимъ, что, для предостереженія юношества отъ нѣкоторыхъ пороковъ, какъ напр., отъ порока любострастія, лучше бы ему объ нихъ совсѣмъ не напоминаетъ, то, по этому предположенію, слѣдовало бы прежде сдѣлать людей совершенно иными, нежели каковы они

нынѣ; надобно бы было уничтожить ихъ врожденную наклонность ко грѣху и слѣдовательно оставить ихъ въ первобытномъ состояніи невинности. Но такъ какъ опытъ доказываетъ, что пламень нѣкоторыхъ страстей сильнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ въ юношескихъ сердцахъ и что опасность развращенія и нравственной погибели тогда бываетъ къ нимъ крайне близка, то благоразуміе и любовь къ человѣчеству обязываютъ каждаго, а особенно образователей юношества, чтобы они въ тѣ года, въ которые обыкновенно начинаетъ возгараться этотъ опасный пламень, показывали юношеству бездну, въ какую она можетъ низринуться, если только не будетъ заранѣе стараться владычествовать надъ своими страстями, а особенно надъ своими страстными пожеланіями, возникающими изъ побужденія пола. Всѣмъ извѣстно изъ опыта, что юношество ни къ какому иному пороку не имѣетъ такой наклонности, какъ къ пороку любострастія, и если не предостережено бываетъ заблаговременно, то, впадая въ него, большею частію, по незнанію и недостатку благовременной предосторожности, развращается отъ пагубнаго навыка до такой степени, что, при всѣхъ въ послѣдствіи дѣлаемыхъ ему увѣщаніяхъ, никакъ не можетъ освободиться отъ своего любострастнаго плѣна и рабства. Знаменитый воспитатель юношества *Кампе*, тридцать лѣтъ тому назадъ, предлагалъ всѣмъ, занимавшимся въ Германіи воспитаніемъ юношества, съ обѣщаніемъ въ вознагражденіе 100 червоныхъ, написать такое разсужденіе, въ которомъ бы показана была главнѣйшая причина господствующихъ юношескихъ пороковъ и вмѣстѣ изложены были бы надежнѣйшія средства противъ нихъ. Единственный по этому предмету отзывъ опытнѣйшихъ воспитателей состоялъ въ томъ, что самая главная причина юношескихъ пороковъ есть ихъ невѣдѣніе и что самое надежнѣйшее и необходимѣйшее средство противъ нихъ есть благоразумное предъувѣдомленіе и увѣщательное объясненіе пагубныхъ послѣдствій изъ нихъ проистекающихъ. При точнѣйшемъ изслѣдованіи найдено, что всѣ вообще училища, учрежденныя для дѣтей какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, заражены были порокомъ любострастія, и что эта нравственная зараза вошла въ нихъ стезею незнанія. Россія, какъ мнѣ кажется, должна преимущественно опасаться подобной заразы, по причинѣ существующаго въ ней крѣпостнаго состоянія крестьянъ, при которомъ молодой сластолюбецъ не подвергается никакой отвѣтственности, хотя бы онъ и сдѣлалъ злоупотребленіе изъ женщины не свободнаго состоянія. Отселѣ происходятъ тысячи развратныхъ поступковъ, поощряемыхъ и самою безнаказанностію, каковые однакожъ въ другихъ мѣстахъ, по причинѣ соединенныхъ съ выполненіемъ ихъ

большихъ трудностей, или совсѣмъ не имѣютъ мѣста, или, по крайней мѣрѣ, не столь бываютъ опасны. Если же предположимъ, что россійское юношество ни подъ какимъ видомъ не должно быть предостерегаемо отъ порока любострастія, даже посредствомъ тѣхъ поразительнѣйшихъ картинъ, каковыя начертаны Ливіемъ, при описаніи героическихъ поступковъ Лукреціи и Виргиніи, то по этому же предположенію должны быть изгнаны изъ Россіи самые лучшіе и вмѣстѣ цѣломудреннѣйшіе классическіе писатели, каковы, напримѣръ, Цицеронъ, Саллюстій, Корнелій Непотъ и Ливій. Ибо Цицеронъ въ своихъ прекрасныхъ рѣчахъ, употребляемыхъ по всѣмъ гимназіямъ, указываетъ на нѣкоторые гнусные поступки любострастія, хотя и описываетъ ихъ, какъ мужъ, исполненный пламенной любви къ добродѣтели, съ величайшимъ отвращеніемъ и предаетъ ихъ вѣчному проклятію; Саллюстій, описывая нравственность изверговъ Римскаго племени, особенно въ отношеніи къ пороку любострастія, изображаетъ ее также въ отвратительномъ и гнусномъ видѣ; подобнымъ образомъ изъясняется и Корнелій Непотъ въ своихъ жизнеописаніяхъ, гдѣ онъ, повѣствуя о греческихъ военачальникахъ и герояхъ, упоминаетъ о нѣкоторомъ, совершенно противуестественномъ, хотя между греками, не исключая даже и самыхъ образованнѣйшихъ, весьма обыкновенномъ порокѣ. Таковыми же описаніями наполнены и сочиненія Тацита, который въ правленіе первыхъ кесарей, былъ открытымъ гонителемъ и яростнымъ бичомъ порока. Да и священное писаніе надлежало бы также изгнать изъ Россіи, если бы въ ней признаваемы были за преступленіе такія дѣйствія, коими предупреждается неистовое стремленіе къ любострастію, ибо и въ Новомъ Завѣтѣ упоминается о самыхъ постыднѣйшихъ видахъ любострастія, какъ слѣдствіяхъ сердечной срамоты, которая есть мерзость предъ Господомъ и которая исключаетъ всякаго (Римл. 1. 26—29. 1. Кор. V. 1. VI. 9, 10) изъ наслѣдія небеснаго. Особенно часто упоминается о таковыхъ поступкахъ въ различныхъ посланіяхъ апостола Павла, наиболѣе же въ посланіи къ Римлянамъ. Между тѣмъ, мѣста эти, дабы предотвратить юношество отъ самого преступленія, помѣщены въ катехизисахъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и даже задаются дѣтямъ для выучиванія наизусть. По тому же предположенію, надлежало бы и изъ самаго Десятословія, при обученіи дѣтей закону, исключить эти два запрещенія: не любодѣйствуй, *не прелюбы сотвори*. Исход. XX. 13. Вотъ какъ обширна, по своимъ послѣдствіямъ, жалоба француза, обвиняющаго эти прекраснѣйшія произведенія Ливіева пера, помѣщенныя въ моей хрестоматіи! Я почитаю заразою свѣта, изшедшею изъ Франціи, и то нравоученіе, ко-

торымъ совѣтуется совсѣмъ не касаться порока любострастія и не дѣлать никакихъ предварительныхъ увѣщаній противъ него, якобы по причинѣ деликатности и раздражительности этого предмета, хотя сами совѣтующіе не только не почитаютъ за долгъ стыдиться своего собственнаго любострастія, но еще причисляютъ распутство этого рода къ состоянію утонченной свѣтскости, къ просвѣщенному образу мыслей, къ поведенію удаленному отъ предразсудковъ, и даже къ предметамъ изящества и щегольства. Сама госпожа Сталь говоритъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что мужчины, хотя бы и имѣли право отступать отъ законовъ брака, но этого не должны бы дѣлать, по крайней мѣрѣ, изъ великодушія. Дай Богъ, чтобъ Россія никогда не имѣла подобныхъ правилъ и чтобъ нѣкогда дарованы были ей такіе нравоучители, которые бы, воспламенены будучи любовію къ добродѣтели цѣломудрія, вооружились всѣмъ краснорѣчіемъ Ливія противъ такого порока, который, коль скоро сдѣлался господствующимъ въ какомъ либо народѣ, истребляетъ всякое благородное чувство, и, рано или поздно, нисвергаетъ все государство въ бездну разврата. Я могу похвалиться тѣмъ, что, за свою ревность и попеченіе о распространеніи цѣломудрія въ Россіи, былъ нѣкогда оклеветанъ французомъ. Чистота моего намѣренія, безъ сомнѣнія, будетъ оправдана и вознаграждена Іисусомъ Христомъ, Покровителемъ юношества. И потому ничего инаго болѣе не желаю, какъ только того чтобы, слова и выраженія Ливія, коими онъ изображаетъ любострастіе въ отвратительнѣйшемъ видѣ, неизгладимо начертаны были въ сердцѣ каждаго Россійскаго юноши.

Другая причина, побудившая меня внести эти мѣста въ мою Латинскую хрестоматію, была нижеслѣдующая. Хрестоматія долженствовала быть вмѣстѣ и краткимъ начертаніемъ Римской Исторіи. Но Лукреція и Виргинія, будучи образцами героическаго цѣломудрія, были вмѣстѣ съ тѣмъ и такими лицами, на коихъ утверждалось зданіе римской республики и продолженіе дальнѣйшей римской исторіи, ибо этимъ только происшествіями можно объяснить, какимъ образомъ Римъ, бывшій съ самаго начала подъ монархическимъ правленіемъ, обратился потомъ въ республику, и какимъ образомъ въ послѣдствіи удержалъ онъ свое республиканское же состояніе. Все могущество и величіе Рима, обладавшаго цѣлымъ свѣтомъ, основано было на добродѣтели цѣломудрія и продолжалось до тѣхъ только поръ, пока эта священная добродѣтель не изгнана была изъ нравственности Римлянъ противоположнымъ порокомъ. Цѣломудріе есть мать всякаго величія, блага, изящества и славы какого бы то ни было народа; оно есть источникъ всякаго народнаго благополучія. Это доказываетъ римская исторія примѣрами

Лукреціи и Виргиніи, на которыхъ основано было величіе Рима, и по сей-то причинѣ эти происшествія никакъ не могли быть выпущены изъ исторіи Рима. Дегуровъ былъ профессоромъ исторіи при Харьковскомъ университетѣ; но если онъ могъ мнѣ вмѣнить въ преступленіе то, что я помѣтилъ эти происшествія въ книгѣ, долженствовавшей быть краткимъ начертаніемъ Римской Имперіи, то и одно это обстоятельство довольно показываетъ, на сколько онъ былъ неспособенъ къ упомянутой училищной должности. Да и можно ли ожидать, чтобы бывшій во время революціи Парижскій книгопродавецъ могъ имѣть надлежащее понятіе о духѣ, въ какомъ должна быть преподаваема исторія.

Самая главнѣйшая причина, по которой моя книга о славнѣйшихъ гражданахъ города Рима сдѣлалась ненавистною Дегурову, заключается въ замѣчаніи, сдѣланномъ мною относительно великаго, обожаемаго имъ Наполеона. Дегуровъ, въ надеждѣ своей на покровительство графа Потоцкаго, дерзнулъ жаловаться и на это замѣчаніе. Оно сдѣлано по поводу нижеслѣдующаго текста. Въ текстѣ книги, взятомъ изъ Ливія, предварительно описываются добродѣтели Аннибала; а за симъ описаніемъ, сочинитель, продолжая далѣе говоритъ: „Но и пороки его были столько же велики, какъ и его добродѣтели: его жестокость была безчеловѣчная; вѣроломство болѣе, нежели пуническое; онъ чуждъ былъ всякой истины, чуждъ всего священнаго; не имѣлъ ни малѣйшаго благоговѣнія къ богамъ, ни малѣйшаго уваженія къ клятвѣ, ни малѣйшаго вниманія къ закону богослуженія“. Въ моемъ замѣчаніи на это мѣсто сказано такъ (стр. 91). „Кто не вспомнитъ здѣсь о Наполеонѣ и народѣ французскомъ? Въ наше время, самое величайшее вѣроломство, по справедливости, можно называть вѣроломствомъ *французскимъ*“. Другое замѣчаніе, равно ненавистное для поклонниковъ Наполеона, помѣщено на стр. 96, гдѣ сказано: „Таковымъ же благоразуміемъ (каковымъ и Фабій Максимъ Кунктаторъ), постоянствомъ и мужествомъ, побѣдилъ знаменитѣйшій Фабій Кунктаторъ нашего времени (Кутузовъ) Аннибала *Корсиканскаго*, это бранное чудовище, скрывавшееся между развалинами Москвы и наконецъ, изъ его ущелій, вызванное на открытое поле брани“.

И другая, подобная книга, изданная мною также по порученію Харьковскаго университетскаго совѣта, для употребленія ея по университетамъ и гимназіямъ, т. е. моя *нѣмецкая хрестоматія*, вышедшая въ свѣтъ въ 1813 году, сдѣлалась крайне ненавистною графу Потоцкому и его любимцамъ, по той же самой причинѣ, именно по причинѣ моей патріотической приверженности къ Россіи. Въ самомъ предисловіи встрѣчается нижеслѣдующее для всѣхъ имъ подобныхъ

крайне непріятное мѣсто: „По нынѣшнимъ обстоятельствамъ, преимущественно совѣтуется россійскому юношеству заниматься изученіемъ нѣмецкаго языка и словесности, ибо отъ счастливыхъ успѣховъ россійскаго оружія можно ожидать, что Россія, по совершеніи своего безсмертнаго дѣла, достойнаго подвиговъ великаго народа, т. е. по освобожденіи всей Европы отъ угрожавшей ей погибели, и по доставленіи ей прочнаго мира, будетъ поддерживать свою тѣснѣйшую связь съ могущественнѣйшими государями Германіи, ея нынѣшними союзниками, и соучастниками благороднѣйшей брани, увѣнчанной и самою побѣдою,— будетъ поддерживать съ тѣмъ, чтобы этого, изъ чрева мерзостей французской революціи, на пагубу людей изверженнаго генія, погрузить навсегда во мракахъ древней ночи, или, по крайней мѣрѣ, принудить его къ тому, чтобъ онъ круговращалъ свой блѣдный пламенникъ въ однихъ только предѣлахъ собственной отчизны и свирѣпствовалъ бы надъ одною только, произведшею его на свѣтъ, утробою. Соображеніе таковыхъ обстоятельствъ дѣлаетъ нѣмецкій языкъ необходимымъ для всякаго образованнаго россіянина, желающаго быть полезнымъ не только своему отечеству, но и содѣйствовать къ сохраненію общаго блага Европы". Въ этой хрестоматіи помѣщены еще двѣ рѣчи, которыми также раздражалась ненависть и мщеніе моихъ гонителей: одна изъ этихъ рѣчей сочинена мною противъ французской революціи, а другая Раупакомъ противъ Наполеона. Обѣ написаны съ жаромъ и обнаруживаютъ благороднѣйшее негодованіе и отвращеніе, приличныя предмету каждой. Я приведу здѣсь одно только мѣсто изъ приступа второй рѣчи. „Тираннъ уже не далекъ отъ своей цѣли, отъ своей погибели, каковую онъ заслуживаетъ: его глава уже склоняется долу, подобно вершинѣ древа, которое сильная буря порываетъ къ паденію, но котораго корень еще не исторгнутъ изъ животворнаго нѣдра земли. Такъ, любезные собратія, вашъ злобный притѣснитель уже находится близъ самаго жерла уничтоженія; еще ударъ,—и онъ низверженъ: и вы доселѣ въ бездѣйствіи, народы утѣсненные?! Вашъ кровопійца, пронзенный собственнымъ оружіемъ, уже издыхаетъ отъ смертнаго удара, и вы, будучи друзьями жертвъ, закланныхъ его рукою, будучи сами жертвами, обреченными на таковое же закланеніе,—вы доселѣ остаетесь въ бездѣйствіи? Непомѣрная гордость ослѣпила его до такой степени, что онъ предпринялъ дѣло, котораго не былъ въ состояніи выполнить; онъ отважилъ свое кровожадное счастіе на игру безразсудную, сдѣлалъ выходъ—и игра потеряна; и вы, не взирая на все это, доселѣ остаетесь въ бездѣйствіи, доселѣ смотрите отверзтыми очами лунатика, совсѣмъ не видя, что часъ спасенія вашего ума сотрясаетъ слухъ вашъ? Его

могущество въ безсиліи; поля россійскія покрыты трупами его соратаевъ; болота и рѣки поглотили его артиллерію: и еще ли между Рейномъ и Одеромъ развѣваются знамена французскія, еще ли между Рейномъ и Одеромъ остаются воззванія, призывающія ко брани не за возстановленіе свободы? Тираннъ исторгнулся изъ предѣловъ Россіи, подобно хищнику, гонимому своими преслѣдователями—и вы, народы германскіе, еще ли страшитесь его имени?".

Могъ ли я, какъ профессоръ россійскаго университета, особенно въ столь знаменательное для всей Россіи время, когда она, находясь сперва въ величайшей опасности, вскорѣ озарена была блистательнѣйшими побѣдами,—могъ ли я въ это время предпринять что либо болѣе полезное и общаго вниманія достойное, какъ моими сочиненіями, которыхъ большая часть издана была въ это достопамятное время, возбуждать каждаго россіянина къ его патріотическимъ обязанностямъ, а наипаче стараться воспламенять и усугублять въ сердцахъ россійскаго юношества священный огнь любви къ отечеству? И могъ ли я тогда предполагать, что какой либо Потоцкій, Дегуровъ, Стойковичъ, или иной кто либо изъ любимцевъ тогдашняго Харьковскаго попечителя, сдѣлаетъ въ послѣдствіи такой оборотъ, что моя патріотическая приверженность къ Россіи будетъ причиною величайшаго несчастія какъ для меня, такъ и для моего семейства, или, что какія-то мои сочиненія, которыя, по сознанію каждаго благомыслящаго россіянина, должны непремѣнно послужить къ моей чести и пользѣ Россіи вмѣнены мнѣ будутъ, дѣйствіемъ такой клеветы, въ преступленіе государственное?

Изданіемъ этой хрестоматіи предполагалъ я распространять не одни только патріотическія, но и совершенно нравственныя цѣли. По этому побужденію старался я выписывать изъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей, на каждый родъ нѣмецкаго стиля такіе образцы, которые бы имѣли самое благодѣтельное вліяніе на дальнѣйшее образованіе юношества, особенно на нравственность и благочестіе. Хотя такіе образцы разсѣяны по всей книгѣ, но въ вознагражденіе этого неудобства, помѣщено въ концѣ книги такое прибавленіе, въ которомъ собраны различныя изреченія, относящіяся до важнѣйшихъ предметовъ человѣческаго познанія, объясняющихъ вмѣстѣ и предназначеніе человѣка. Эти изреченія выбраны изъ главнѣйшихъ писателей всѣхъ вообще народовъ, какіе только когда либо, прежде или нынѣ, достигли высшей степени образованности! Предметы упомянутыхъ изреченій суть нижеслѣдующіе: 1) человѣкъ, 2) чувственность, 3) разумъ, 4) нравственный законъ, 5) нравственная свобода, 6) должность, 7) добродѣтель, 8) высочайшее благо и безсмертіе, 9) Богъ.

Но самая сущность, цѣль и духъ моей философіи, равно какъ и всѣхъ ученыхъ моихъ занятій, объяснены преимущественно въ моемъ разсужденіи *„О свободѣ человѣческой способности мыслить“*, которое написано было съ дозволенія философскаго факультета Харьковскаго университета, по случаю предположеннаго тогда производства одного магистра въ доктора. Дѣло происходило такимъ образомъ. Я предложилъ философскому факультету, чтобъ онъ, пользуясь такими случаями, положилъ издавать въ свѣтъ, одно за другимъ, подробныя изслѣдованія важнѣйшихъ предметовъ человѣческаго познанія, предоставляя мнѣ всегда назначать ищущему докторской степени какую либо важную тему, для сочиненія разсужденія, и потомъ, когда его разсужденіе будетъ одобрено, довершать мнѣ самому тоже самое разсужденіе со всевозможнѣйшимъ тщаніемъ, относительно основательности доказательствъ, и чистоты латинскаго языка. Такимъ образомъ, мало по малу, могли бы быть изданы многія, весьма занимательныя разсужденія. Ибо разсужденія, сочиняемыя студентами, особенно на латинскомъ языкѣ, въ которомъ они имѣютъ недостаточныя свѣдѣнія, не могутъ быть ни полезны, ни занимательны для ученой публики. Факультетъ одобрилъ тогда мое столько же честное, какъ и общеполезное намѣреніе. Доселѣ, можетъ быть, не представлялось никогда, при подобномъ случаѣ, такого философскаго разсужденія, въ которомъ бы добродѣтель, богослуженіе и христіанское вѣроисповѣданіе защищаемы были съ такою же ревностію и искренностію, съ такимъ же краснорѣчіемъ и убѣдительностію, съ каковыми эти три предмета защищаются въ моемъ разсужденіи. Философія нынѣшняго времени частію совсѣмъ отрицаетъ, частію же представляетъ въ видѣ сомнительномъ самыя священнѣйшія и необходимѣйшія истины, почему разсужденія такого рода не только драгоцѣнны сами по себѣ, но заслуживали бы всякого ободренія и со стороны высшаго начальства, дабы мракъ вредныхъ заблужденій тѣмъ съ большимъ удобствомъ разсѣваемъ былъ свѣтомъ истины. Но графъ Потоцкій, по одному только неодобренію и жалобѣ Дегурова, преслѣдовалъ мое разсужденіе до такой степени, что и тому, кто искалъ докторскаго званія, отказано было въ выдачѣ диплома, хотя онъ защищалъ это разсужденіе съ особеннымъ успѣхомъ и выдержалъ всѣ университетскимъ уставомъ предписанныя испытанія съ отличнымъ одобреніемъ. Столь несправедливое притѣсненіе побуждаетъ меня предложить здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ этого разсужденія, служащія очевиднѣйшимъ доказательствомъ его нравственнаго, благочестиваго и съ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ совершено согласнаго духа. Цѣль разсужденія объясняется вкратцѣ въ предисловіи его та-

кимъ образомъ. „Магистръ философскихъ наукъ, Петръ Ковалевскій, въ слѣдствіе поданнаго имъ прошенія о возведеніи его на степень доктора философскихъ наукъ, подвергался недавно, на основаніи университетскихъ по сему предмету постановленій, какъ словеснымъ, такъ письменнымъ испытаніямъ, и, выдержавъ ихъ, представилъ этико политическому факультету свое разсужденіе *„О свободѣ человѣческой способности мыслить“*, удостоенное въ послѣдствіи одобренія факультета. Считая предметъ сего разсужденія такимъ, при изложеніи коего могъ бы я, къ удовольствію любящихъ заниматься чтеніемъ философскихъ сочиненій, объяснить вкратцѣ начало, сущность и цѣль моей философіи, я рѣшился *съ дозволенія этико-политическаго факультета*, представить то же самое разсужденіе нѣсколько въ болѣе пространномъ видѣ съ тѣмъ, чтобы дѣйствительность свободы человѣческаго размышленія, какъ предмета весьма важнаго по его вліянію на самое достоинство и благополучіе человѣка, доказана и объяснена была, во всѣхъ отношеніяхъ, со всевозможнѣйшею удовлетворительностію“. Причина, по которой Дегуровъ напалъ и на это разсужденіе, заключалась наиболѣе въ томъ, что я опровергалъ здѣсь нѣкоторыхъ французскихъ философовъ и представлялъ новѣйшую французскую словесность опасною. Такого содержанія нижеслѣдующее мѣсто. „Если кто, начиная свое философское поприще отъ опыта, старается, отъ перваго предѣла вещественныхъ стихій, достигнуть до другаго, ему противоположнаго (природы духовъ), и изъ всѣхъ существъ вообще составить единый всеобъемляющій міръ, то начала, по которымъ онъ и необходимость физическую, и свободу независящую отъ этой необходимости, такъ какъ два совершенно противоположныя свойства отнюдь не можетъ принять за отличительные признаки одного и того же всемірія, должны непремѣнно довести его до такого заключенія, что необходимость физическая, по его положенію, будетъ составлять существенное качество цѣлаго всемірія, а потому и всѣ дѣйствія человѣческой способности мыслить будутъ слѣдовать общему со всѣми прочими, внѣ нашего разума находящимися предметами закону необходимости, и феноменъ (явленіе) свободы, усматриваемый въ самыхъ размышленіяхъ, будетъ одинъ только обманчивый видъ, не заключающій въ себѣ ничего дѣйствительнаго, Послѣ этого, не должно казаться удивительнымъ, что, при разсмотрѣніи природы человѣческой способности мыслить, самые остроумнѣйшіе мужи впадали въ величайшія и опаснѣйшія заблужденія. Таковъ былъ *Бель*, который утверждалъ, что если бы то, всюду удобообращаемое орудіе, какое обыкновенно становится на кровляхъ зданій для показанія вѣтра. одарено было способностію мыслить, и между тѣмъ не имѣло бы ни

малѣйшаго понятія о силѣ вѣтра, коимъ движется по необходимости, то и ему надлежало бы также думать, что оно одарено свободою вращаться по своему произволу. Такихъ мыслей былъ и *Боннетъ*, который, въ своемъ Психологическомъ опытѣ, изъясняется такъ". „И въ человѣкѣ подобно тому какъ и въ предметахъ вещественныхъ, все идетъ по одному и тому же закону. Человѣкъ есть не иное что, какъ тѣлонравственная машина, коея движенія и игривость производятся смотря по разности ея отношеній къ внѣшнимъ вещамъ. Движеніемъ производится представленіе, представленіемъ соизволеніе или воля, волею свобода, т. е. феноменъ, обольщающій насъ однимъ только призракомъ свободы, хотя феноменъ этотъ самъ въ себѣ есть не иное что, какъ произведеніе своеприродной необходимости. Движенія, представленія, внутреннія дѣйствія воли, и самыя наши дѣловыполненія имѣютъ столь тѣсную связь между собою, что взаимно бываютъ и причиною, и произведеніемъ одно другаго. Между мозгомъ и разумомъ продолжается безпрерывное дѣйствіе и противодѣйствіе—и въ этомъ состоитъ вся жизнь существъ такой смѣшанной природы, какъ у человѣка. Слѣдовательно феноменъ свободы проистекаетъ, по самой необходимости, изъ связи причинъ и долженъ быть изъясняемъ изъ ихъ взаимной зависимости; а эта связь отнюдь не зависитъ отъ произвола дѣйствующихъ существъ". Ляметри, въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ „*Машинальный человѣкъ*", изъясняется еще съ большею дерзостію, ибо онъ не только отрицаетъ дѣйствительность свободы, но и надъ всѣми прочими священнѣйшими истинами издѣвается съ явною безсовѣстностію и нечестіемъ. Таковой образъ философствованія, именуемый вездѣ, хотя и весьма справедливо, философіею естественною, принимается за высочайшую мудрость не только между большею частію ученыхъ французовъ, именующихъ себя философами, да и всѣ почти французы заражены имъ до такой степени, что изъ этого только всеобщаго развращенія умовъ и сердецъ можно объяснить всѣ тѣ вѣчнаго поклятія достойныя злодѣйства, каковыми Франція, со времени насильственнаго ея переворота по дѣламъ гражданскимъ, осквернила себя донынѣ. Таковыми заразительными началами напоены и всѣ почти сочиненія новѣйшихъ французскихъ писателей, особенно тѣхъ, кои кажутся занимательными по ихъ остроумію, учености, изяществу слога и инымъ искусственнымъ украшеніямъ, служащимъ къ уловленію и обольщенію читателей".

А что разсужденіе это заключаетъ въ себѣ не только новыя и непоколебимыя основанія *одной изъ важнѣйшихъ истинъ*, но есть вмѣстѣ и убѣдительнѣйшая апологія добродѣтели, богослуженія вообще и

христіанскаго въ особенности, это видѣть можно, кромѣ иныхъ мѣстъ, изъ нижеслѣдующаго извлеченія: „Истина судя по ея началу, не есть нѣчто умозрительное, но дѣятельное, т. е. ея первоначальное жилище заключается не въ *способности умствованія*, или, какъ говорятъ иные, не въ *разумѣ умозрительномъ*, но въ *сердцѣ чистомъ*: по сему-то *страхъ Господенъ есть начало всякой премудрости* (Пс. CX., 10); по сему-то и самая *премудрость никогда не входитъ въ злохудожную душу, ниже обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣмъ грѣху* (Притч. 1. 7). Но эта же дѣятельная истина, если она утверждается на одномъ только расположеніи духа, хотя бы оно было самое искреннее, а не на раздѣльномъ понятіи, есть не иное что, какъ *свѣтъ свѣтящійся во тьмѣ*, ибо, въ отношеніи къ умозрѣнію, все покрыто густѣйшимъ мракомъ. Всякой, кто, по своему праводушію и одинаковой любви своей какъ къ истинѣ, такъ и добродѣтели, усиливается выйти изъ такого мрака, обыкновенно принимаетъ свѣтильникъ умозрительнаго разума, дабы при свѣтѣ его можно было ему ясно видѣть все то, что онъ дѣлаетъ, или чего желаетъ по инстинкту (своеприродному влеченію) разума, и даже обозрѣвать все поприще жизни, и предъусматривать свое высшее предназначеніе. Но такъ какъ и при свѣтѣ этого свѣтильника, разумъ запинаемъ и оставливаемъ бываетъ различными противорѣчіями, которыя старается обойти способомъ ложныхъ началъ и такъ какъ изъ ложныхъ началъ должны вытекать и ложныя послѣдствія, то этими началами, по необходимости, былъ бы онъ завлеченъ въ такую бездну заблужденій, изъ которой совсѣмъ нельзя бы было ему выйти, если бы онъ продолжалъ далѣе имъ слѣдовать. Такую опасность предъотвращаетъ одинъ только инстинктъ безусловнаго разума, по которому мы, дабы вовсе не отказаться отъ собственнаго достоинства, соглашаемся лучше, съ непоколебимою твердостію, вѣрить тому, что, по нашему умозрѣнію, т. е. по принятымъ нами началамъ, представляется намъ явнымъ противорѣчіемъ, нежели рѣшиться утверждать и признавать за точную истину мнимую истинность послѣдствій, необходимо вытекающихъ изъ этихъ началъ. По этой-то причинѣ всякій истинномудрый и даже всякій правдолюбивый человѣкъ почитается юродивымъ у всѣхъ тѣхъ, которые судятъ, заключаютъ и оцѣниваютъ вещи, смотря по тому, какъ онѣ имъ кажутся, или каковыми онѣ оказываются по лживымъ правиламъ ихъ умствованія. Но на этомъ божественномъ юродствѣ основана не только истинная философія, но и богослуженіе христіанское, *въ немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. 11. 3), ибо ученіе этого вѣроисповѣданія, утвержденнаго крестомъ, одобряетъ все то, что каждому, пресмыкаю-

щемуся мыслію между одними только чувственными предметами, представляется безразсуднымъ и отвратительнымъ. А по сему не только въ отношеніи къ христіанскому вѣроисповѣданію, но и въ отношеніи къ ученію философскому весьма справедливо говоритъ Апостолъ Павелъ, что *слово крестное погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ сила Божія есть. Писано бо есть: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего? Понеже бо въ премудрости Божіей* (изъ инстинкта безусловнаго разума) *не разумѣ міръ премудростію Бога* (не достигнулъ истиннаго Богопознанія посредствомъ умозрительныхъ началъ, изобрѣтенныхъ философами): *благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Понеже и Іудее знаменія просятъ, и Еллини премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распята, Іудеемъ убо соблазнъ, Еллиномъ же безуміе, самимъ же званнымъ, Іудеемъ же и Еллиномъ, Христа Божію силу, и Божію премудрость. Зане буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть; и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть. Видите бо званіе выше, братіе, яко не мнози премудри по плоти* (по общему образу мыслей, или мнѣнію тѣхъ, кои, чужды будучи всякой возвышенности понятій, возводящей къ познанію предметовъ сверхъ-чувственныхъ и божественныхъ, судятъ о вещахъ по однимъ только наблюденіемъ пріобрѣтаемыхъ изъ опыта), *не мнози сильни, не мнози благородни; но буяя міра, избра Богъ да премудрыя посрамитъ и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая и худородная міра и униженная избра Богъ, и несущая* (явныя, повидимому, противорѣчія), *да сущая* (т. е. все, подлежащее чувствамъ) *упразднитъ* (Кор. 1. 18—28).

„И такъ, если кому либо изъ искреннихъ любителей истины и добродѣтели, руководимыхъ инстинктомъ безусловнаго разума, если бы кому либо изъ таковыхъ и случилось иногда, во время изслѣдованія истины, впасть въ такія противорѣчія, которыя угрожали бы ему разрушеніемъ и уничтоженіемъ всего его достоинства и благополучія, и, слѣдовательно, самою потерею высшаго его предназначенія, въ такомъ случаѣ онъ, не взирая на свою преклонность вѣрить соображеніямъ разсудка, прилѣпляющагося къ обманчивымъ правиламъ умствованія, согласится лучше, въ духѣ вѣры (вѣры къ безусловному разуму), покориться тѣмъ священнѣйшимъ истинамъ, на коихъ основано все его достоинство, нежели изъ малодушія рѣшится утверждать то, въ чемъ, по видимому, удостовѣряетъ собственный его опытъ,—согласится лучше, преплывая волны и бурю сомнѣній, достигать надежнѣйшаго пристанища спасенія съ помощію вѣры, нежели рѣшиться не вѣрить та-

кимъ истинамъ, коп, по началамъ разсудка, должны заключать въ себѣ противорѣчіе и слѣдовательно невозможность самаго ихъ бытія, такъ какъ и все то, что заключаетъ въ себѣ дѣйствительное и подлинное противорѣчіе, не можетъ быть ни предметомъ дальнѣйшаго размышленія, ни заключать въ себѣ внутренней возможности своего бытія. Такимъ образомъ, онъ убѣждается вѣрить, что *есть Существо всесвятѣйшее*, сотворившее все мірозданіе и съ неизъяснимою премудростію управляющее всѣми предметами своего творенія, какъ въ мірѣ тѣлесномъ, такъ и духовномъ, по закону всеобъемлющаго—совершеннѣйшаго согласія, ради достиженія нравственныхъ цѣлей, ради вящшаго совершенства и благополучія человѣка, хотя опытъ, съ одной стороны, и не представляетъ ничего инаго, какъ одни только слѣпыя стремленія силъ естественныхъ, одну случайность, одни ужаснѣйшія превращенія и перемѣны, или орудія разрушеній, а съ другой, почти повсемѣстный мятежъ противъ вѣнценосной власти Разума, наиболѣе открывающійся въ низостяхъ и гнусностяхъ всякаго рода, въ открытыхъ торжествахъ злодѣянія, въ страданіяхъ, преслѣдованіяхъ и гибели невинности, а потому и въ обоихъ мірахъ, т. е. тѣлесномъ и духовномъ, представляетъ взору наблюдателя не иное что, какъ всеобщее смѣшеніе и разстройство, поглощающія чувство вѣры въ бытіе Существа всесвятѣйшаго. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить, что въ *дѣйствіяхъ человѣческой способности мыслить владычествуетъ свобода*, хотя по тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи и изслѣдованіи остроумнѣйшихъ доказательствъ, заимствуемыхъ отъ опыта и умствованія, оказывается, что эти доказательства на столько противорѣчатъ самимъ себѣ и въ такомъ равновѣсіи благопріятствуютъ какъ свободѣ, такъ и необходимости размышленій, что, при строжайшемъ соблюденіи правилъ умозаключенія, отнюдь не можетъ оставаться увѣреннымъ въ свободѣ, а еще, напротивъ того, болѣе расположенъ бываетъ вѣрить, что всѣ человѣческія дѣйствія подлежатъ своеприродной необходимости, въ равной мѣрѣ со всѣми прочими измѣненіями, или произведеніями вещественнаго міра. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить, что *добродѣтель должна быть предпочитаема всему*, что всякая вѣчная обязанность и право должны быть для него священны и неотъемлемы и что, въ исполненіи этихъ обязанностей и правъ заключается его верховное благо и высочайшее предназначеніе, такъ что, если бы этого потребовали обстоятельства, онъ долженъ бы былъ, съ пламенною ревностію, отринуть всѣ земныя блага и даже пожертвовать собственною жизнію, хотя въ то же время и видѣлъ бы изъ опыта, что самая наибольшая часть людей презираетъ такіе поступки, какъ безразсудные,

что добродѣтель, какъ нѣкое пагубнѣйшее зло для человѣчества, почти всюду бываетъ угнетаема и преслѣдуема, и что, на противъ того, высшая цѣль человѣка поставляется, большею частію, въ одномъ только пріобрѣтеніи благъ земныхъ, какъ то,—въ изобиліи богатства, въ утѣхахъ чувственныхъ, въ блескѣ почестей, въ могуществѣ и владычествѣ; да и въ самомъ себѣ находилъ, между тѣмъ, нѣкоторое невольное влеченіе къ одному только благополучію, и изъ этого усматривалъ бы, что онъ назначенъ наслаждаться жизнію, сколько возможно счастливѣйшею. Истинная добродѣтель существуетъ въ одномъ только понятіи, а на самомъ дѣлѣ ея совсѣмъ нѣтъ; почему и безразсудно бы было по видимому держаться одного только понятія, не заключающаго въ себѣ, по свидѣтельству опыта, ничего дѣйствительнаго, и, изъ любви къ такой мечтѣ, презирать и отвергать многочисленныя блага, предлагаемыя опытомъ, блага крайне лестныя для чувственности, блага обворожающія воображенія, наполняющія душу всѣми сладостями настоящаго, и наконецъ обѣщающія нашимъ желаніямъ совершеннѣйшее удовлетвореніе. Но честный человѣкъ, и одушевляемый чувствомъ божественнаго естества и безусловнаго достоинства, не взирая ни на какія чувственныя прелести или ужасы, ни на какія собственныя страсти, порывающія душу его къ наслажденію благами настоящими и видимыми, ни на какія свидѣтельства опыта, и доказательства умствованія, ни на какую очевидность внѣшняго образа вещей, ни на какую вѣроятность и естественность хода вещей, подтверждаемыя ежедневнымъ опытомъ,—не взирая на все это, живетъ въ одномъ только, такъ сказать, понятіи добродѣтели, т. е. по этому одному понятію судитъ о достоинствѣ, качествахъ и назначеніи каждой вещи, и съ этимъ же единственно понятіемъ соображаетъ всѣ свои мысли, чувствованія, желанія и поступки. Обтекая съ этимъ свѣтильникомъ вѣры все мірозданіе, онъ находитъ всѣ вещи совершенно въ иномъ образѣ существованія, находитъ въ нихъ совсѣмъ иную природу, столько же истинную, какъ и различную отъ той, каковая представлялась его разсудку, утвердившемуся на чувствахъ и умствованіяхъ. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить *безсмертію душъ*, т. е. безпредѣльному продолженію ихъ жизни, дабы онѣ, при такой безконечности своего существованія, могли безпрестанно болѣе и болѣе успѣвать въ добродѣтели и истинѣ, болѣе и болѣе восходить на высоту божественныхъ совершенствъ, и наконецъ, болѣе и болѣе приближаться къ своей крайней цѣли, которая состоитъ въ совершеннѣйшемъ соединеніи, и даже совершеннѣйшемъ единствѣ добродѣтели и благополучія. При такой увѣренности въ безсмертіи, онъ нимало не сму-

шается угрозами смерти, ни мало не содрагается при самомъ образѣ ея, ежедневно представляющемся взору его, какъ бы для его ощутительнѣйшаго увѣренія, въ томъ, что, со смертію тѣла, умираетъ все существо человѣка, и что человѣкъ имѣетъ точно такой же конецъ, какъ и всѣ прочія вещи, подлежащія разрушенію; ни мало не тревожится и тѣмъ, что мысль безъ тѣла, по собственному его наблюденію человѣческой природы, ни какъ не можетъ обнаруживать обыкновенныхъ дѣйствій своихъ, хотя отселѣ и слѣдовало бы заключить, что самая способность мыслить есть не иное что, какъ высочайшая степень физической жизни; не мало не увлекается остроуміемъ и благовидностію доказательствъ, приводимыхъ философами противнаго ему мнѣнія, и потому ни мало не разъувѣряется и не испытываетъ ни малѣйшаго недоумѣнія со стороны возраженій, какія только могутъ быть взяты изъ опыта или изъ умозрѣнія, въ опроверженіе безсмертія. И такъ, при свѣтѣ своей вѣры, онъ непримѣнно будетъ видѣть въ наигустѣйшемъ мракѣ ясный полдень невечерняго дня, въ величайшемъ смѣшеніи всѣхъ вещей совершеннѣйшій порядокъ, во всеобщемъ разстройствѣ повсемѣстное согласіе, въ предметахъ отвратительныхъ красоту, въ убожествѣ благополучіе, въ заблужденіяхъ истину, въ юродствѣ мудрость, въ смерти жизнь, въ ничтожествѣ истинную природу вещей и образъ всякаго существованія. И самая вѣра, по которой человѣкъ почитаетъ одно только *не-сущее* дѣйствительно сущимъ, а *сущее* дѣйствительно не сущимъ, т. е. все то, что кажется противнымъ опыту, и противорѣчащимъ самому себѣ, но что заключаетъ однакожъ въ себѣ единственное и повсемѣстное условіе человѣческаго достоинства, признаетъ онъ дѣйствительно существующимъ, по необходимости существующимъ, и притомъ существующимъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно представляется простому созерцанію, производимому инстинктомъ Разума, а напротивъ того тотъ образъ существованія, который усматривается изъ опыта, признаетъ онъ только мнимымъ, обманчивымъ и на самомъ дѣлѣ со всѣмъ не существующимъ,—эта самая вѣра человѣка есть для него корень и начало всякой истины, всякаго достоинства и превосходства, равно какъ противоположная этой вѣрѣ увѣренность въ томъ, что предметы, дѣйствительно существующіе, суть тѣ только, которые опытъ представляетъ таковыми нашимъ чувствамъ и нашему разсудку, или что дѣйствительный образъ существованія и дѣйствительныя свойства вещей суть только тѣ, которыя подтверждаются опытомъ, есть источникъ всякаго юродства, низости и бѣдствій человѣка.

„Весьма ясно и совершенно точно выраженъ въ книгѣ Премудрости Соломоновой этотъ образъ мыслей людей свѣтскихъ, останавли-

вающихся на одной только видимости вещей и погрязающихъ во тьмѣ земныя персти, гл. II, 1—23".

„Вотъ изображеніе свѣтской мудрости, отвращающейся всѣхъ тѣхъ созерцательныхъ понятій, которыми выражается что либо, превышающее грубую чувственность. Но таковая мудрость предъ взоромъ Высшаго Разума есть дѣйствительное буйство, такъ какъ и противоположная ей мудрость, возносящаяся превыше всего чувственно-видимаго, и симъ выше-чувственнымъ предметамъ приписующая неоспоримую истинность, считается между людьми, „земная мудрствующими", дѣйствительнымъ буйствомъ. *Душевенъ бо человѣкъ*, говоритъ Ап. Павелъ (1 Кор. 11. 14, 15), *не пріемлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовне востязуется. Духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единаго востязуется.*—(I Кор. 11. 10). *Духъ вся испытуетъ и глубины Божія*".

Блаженна вѣра, возносящая человѣка отъ праха земныхъ вещей и низкихъ наклонностей ко всему высокому, превыспреннему, божественному, и, еще во время пребыванія его на землѣ, содѣвающая жизнь его достойною небожителей! Счастливо то заблужденіе, которое, получивъ свое бытіе отъ ложныхъ началъ и свое образованіе отъ ложныхъ образовъ умствованія, вопреки логической законности умозаключенія, вѣритъ, съ непоколебимою твердостію, бытію такихъ предметовъ, которыхъ, какъ казалось-бы, совсѣмъ нѣтъ, или которыхъ возможность противорѣчитъ опыту всѣхъ и каждаго,—вѣритъ, и покоряется внушеніямъ своей вѣры, нисходящимъ свыше въ видѣ инстинкта безусловнаго разума"!

„На этой то вѣрѣ основано все христіанское Богослуженіе, которое имѣетъ своимъ предметомъ возбудить таящуюся въ душахъ нашихъ искру божественнаго разума, и, возбудивши ее, возгнести и усилить ее до такой степени, пока она не обратится въ источникъ пламени и свѣта, озаряющій, подобно солнцу, всю вселенную, и представляющій мысленному взору, въ полной ясности, истинную природу и назначеніе всѣхъ вещей, и, по разсѣяніи мраковъ, ослѣпляющихъ души, порабощенныя чувственности, разливающій по всему мірозданію великолѣпнѣйшій и блаженнѣйшій день. На основаніи той-же вѣры проповѣдуетъ это Богослуженіе всѣмъ людямъ, какъ образованнымъ, такъ и необразованнымъ, проповѣдуетъ съ простотою и величіемъ, совмѣстными съ понятіемъ каждаго, такое ученіе, которое будучи само по себѣ слѣдствіемъ, извлеченнымъ изъ глубочайшихъ началъ премудрости, возноситъ насъ превыше всякой человѣческой мудрости, но не съ тѣмъ, чтобъ таковое преимущество было поводомъ къ самохвальству, тщеславію и надмен-

ности, но послужило-бы къ исправленію и святости жизни, и все это производится, со стороны этого святѣйшаго Богослуженія, не посредствомъ какого-либо познанія, возводимаго отъ первыхъ началъ всякаго вѣдѣнія до степени понятій раздѣльныхъ, но посредствомъ одной только вѣры, вытекающей изъ инстинкта безусловнаго разума, изъ сердца чистаго, изъ воли, воспламеняемой искреннею любовію къ истинѣ и добродѣтели, т. е. такой вѣры, которая, вопреки всякой чувственной внѣшности, убѣждаетъ, съ непоколебимою довѣренностію, принимать за несомнѣнную, вѣчную и никогда неизмѣняемую истину то только, чего требуетъ достоинство нашего разума, наше высшее предназначеніе, самозависимость нашей воли, всеобъемляющій законъ согласія и наше созерцательное понятіе (idea) о Существѣ всесвятѣйшемъ, хотя все это не только не подлежитъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, но и дѣйствительность существованія этихъ предметовъ, повидимому, противорѣчитъ опыту каждаго".

„На этой же вѣрѣ основана и самая философія, ибо она утверждаетъ то-же самое, что и христіанское вѣроисповѣданіе, въ разсужденіи лживости внѣшняго вида вещей, представляющихся разсудку или такой познавательной способности, которая есть органъ вѣдѣнія, пріобрѣтаемаго опытомъ; то-же самое утверждаетъ оно и въ разсужденіи вѣчности и неизмѣняемости природы вещей, познаваемой изъ созерцательныхъ понятій безусловнаго разума, съ тою только разницею, что христіанское вѣроисповѣданіе, какъ основанное на внутреннемъ ощущеніи одного только безусловнаго разума, предлагаетъ свои слѣдствія, извлеченныя изъ сокровищъ вѣчной премудрости, въ простомъ видѣ и безъ всякихъ доказательствъ, убѣждая своимъ плѣнительнымъ краснорѣчіемъ, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ, вѣрить симъ извлеченнымъ истинамъ, между тѣмъ какъ философія почитаетъ своею обязанностію выводить тѣ-же самыя истины изъ первыхъ началъ разума, предлагать ихъ въ ихъ взаимной и необходимой связи и совокуплять все, по подобію органическаго тѣла, въ единство системы. Слѣдовательно и философія, достойная этого имени, не только не противорѣчитъ ученію этого святѣйшаго Богослуженія, но еще служитъ ему величайшимъ пособіемъ и подкрѣпленіемъ, *преобращая вѣру въ очевидное вѣдѣніе*, ибо она удаляетъ всѣ противорѣчія, какія только встрѣчаются между разумомъ умозрительнымъ и дѣятельнымъ (theoreticam et practicam), и показавъ совершенное согласіе между тѣмъ и другимъ видоизмѣненіемъ безусловнаго разума, утверждаетъ за несомнѣнную и очевидную истину то только, что вытекаетъ изъ природы безусловнаго разума, какъ самаго чистѣйшаго источника всякой истины, хотя-бы истины этого рода

и не были подтверждаемы опытомъ, но еще находились-бы въ совершенной къ нему противоположности“ (стр. 19—31).

Мнѣ кажется, что вышеприведенное мною мѣсто изъ книги премудрости Соломоновой помѣстилъ я въ своемъ разсужденіи по внушенію нѣкоего пророческаго духа. Ибо враги мои, за исключеніемъ смерти, причинили мнѣ всѣ тѣ несчастія, каковыми въ этой книгѣ угрожаютъ нечестивые праведному; да и самыя истины, которыя я защищалъ, бываютъ столь ненавистны для нечестивыхъ, что ихъ, обыкновенно, побуждаютъ вооружаться мщеніемъ и преслѣдованіемъ. Но для меня весьма утѣшительно то, что я сдѣлался несчастенъ отъ несправедливости, вопіющей за меня на небо, а еще утѣшительнѣе быть внутренно увѣрену, какъ я увѣренъ, что я за самую справедливость, за имя Іисусово, посредствомъ мрачной клеветы, потерялъ все то, что только могло быть для меня драгоцѣнно въ этой жизни. Сколь-же нынѣ должны быть для меня священны, сколь любезны, сколь несравненны съ состояніемъ всякаго счастія или несчастія тѣ истины, коихъ мужественная защита низвергла меня въ теперешнее несчастіе!

Но ничѣмъ столько не доказывается сообразность всей моей философіи съ духомъ истинной добродѣтели и Богослуженія, какъ тѣмъ, что я распространялъ понятіе обыкновеннѣйшихъ философскихъ словъ на самыя священнѣйшія истины... *Отъ избытка бо сердца уста глаголятъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ (Матѳ. XII. 34, 35). *Благій человѣкъ отъ благаго сокровища износитъ благая, и лукавый человѣкъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая*, т. е. человѣкъ, коего сердце пламенѣетъ любовію къ Богослуженію и добродѣтели, всюду ищетъ и вездѣ находитъ Бога и угодное Богу. Какой философъ, или даже богословъ, объяснилъ когда-либо эти два слова: *углубленіе* и *отвлеченіе* (reflectio et abstractio) такимъ же образомъ, какъ они объяснены въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ: „Мы ни о чемъ не можетъ размышлять безъ отвлеченія и углубленія, всегда слѣдующихъ одно за другимъ, ибо, дабы размыслить о какомъ либо предметѣ, всегда надобно прежде отвлечь себя отъ всѣхъ прочихъ. А такъ какъ сила, производящая такое отвлеченіе, совершенно свободна, то всякое дѣйствіе размышленія *относительно его образа* также свободно. Ничто въ свѣтѣ не можетъ принудить человѣка, чтобы онъ углублялся мыслію въ какой либо предметъ, или отвлекалъ отъ него свое вниманіе тогда, когда-бы онъ этого совсѣмъ не хотѣлъ. Сила, производящая отвлеченіе и углубленіе, имѣетъ нѣчто божественное. Ею, всего болѣе, обнаруживается наша свобода и вообще высшія качества нашей природы. Добродѣтель всякой добродѣтели состоитъ въ томъ, чтобъ преодолѣть или свое стремленіе къ чему

либо *привлекательному*, или свое отвращеніе отъ чего либо *ужаснаго*, посредствомъ коихъ, вопреки закону полной свободы, старается чувственная природа или очаровать насъ, или устрашить ниспроверженіемъ нашего существованія. Но мы не могли-бы противиться ни привлекательному, ни ужасному, если бы не имѣли полной свободы. *Отвлеченіемъ* побѣждается привлекательное, *углубленіемъ* ужасное. Отвлеченіе, въ этомъ случаѣ, соотвѣтствуетъ *бѣгству*; а углубленіе *нападенію*. И потому всегда надобно отвлекать себя отъ тѣхъ предметовъ, которые, привлекая насъ къ себѣ своею усладительностію, побуждаютъ отречься отъ закона свободы. Нигдѣ, кромѣ священнаго писанія, не находимъ мы столь достопримѣчательнаго, по этому предмету, мѣста, и столь мужественнаго, при подобныхъ обстоятельствахъ, поступка, какъ въ XXXIX главѣ Бытія, гдѣ говорится (6—12)... О рабъ, превышающій достоинство всякаго Господина и даже всѣхъ людей сего свѣта! О бѣгство самое славнѣйшее! Смѣются таковому поступку люди свѣтскіе, даже украшенные всѣми дарами счастія, а можетъ быть, и образованностію ума; смѣются сельской простотѣ и глупости; смѣются самой философіи, которая удивляется такому поступку и превозноситъ его достоинство; но пусть смѣются!—Иного рода побѣда и торжество пріобрѣтаются не бѣгствомъ, но наступленіемъ на непріятеля и вступленіемъ въ самое сраженіе".

„Но нужно ли приводить еще доказательства, подтверждающія дѣйствительное существованіе свободы въ человѣческой способности мыслить? Васъ всѣхъ, Божественныя души, обитавшія нѣкогда во плоти, васъ всѣхъ, которыя были извѣстны не своими философскими свѣдѣніями, или обширными познаніями въ многоразличныхъ наукахъ, не величіемъ власти, или земными тріумфами, но которыя, провождая жизнь въ простотѣ и непорочности сердца, всѣхъ очевиднѣе доказали вашимъ нравственнымъ *бѣгствомъ* или *противоборствомъ* дѣйствитель, ность человѣческой свободы,—васъ всѣхъ, безъ исключенія, представляю свидѣтелями защищаемой мною свободы. Что же касается до прочихъ, коимъ совсѣмъ неизвѣстны такія побѣды, со всѣми этими, какъ несвободными, напрасно было бы, точно также какъ и съ глухими, собесѣдовать объ этомъ предметѣ".

Въ концѣ этого разсужденія помѣщены еще нѣкоторыя положенія, которыя также показываютъ духъ моей философіи и изъ которыхъ примѣчательнѣйшія суть нижеслѣдующія: 1) „Нельзя представить себѣ никакой философіи безъ богоисповѣданія, т. е. безъ достовѣрнаго и очевиднаго вѣдѣнія Существа всесвятѣйшаго, сотворившаго всю вселенную и управляющаго ею сообразно нравственнымъ цѣлямъ; 2) Поэтому метафизика, по моему мнѣнію, есть не иное что, какъ извле-

ченное изъ созерцательнаго понятія о Существѣ всесвятѣйшемъ и всеобъемлющемъ умозрительное начертаніе всемірія, имѣющее своимъ предметомъ соглашеніе и уничтоженіе всѣхъ разногласій, встрѣчающихся въ мірѣ тѣлесномъ и нравственномъ; 3) На основаніи этого только единаго начала можно разсматривать природу міра вещественнаго и духовнаго, составляющихъ единое всемірное; 4) На этомъ же началѣ должны быть основаны и всѣ прочія науки, ибо безъ богоисповѣданія и богослуженія всякая наука приноситъ болѣе вреда, нежели пользы, 5) Слѣдовательно, есть Существо всесвятѣйшее, 6) Есть свобода въ дѣйствіяхъ человѣческой способности мыслить, 7) Есть безсмертіе душъ, 8) Есть безусловный законъ, на коемъ основано всякое право и всякая обязанность, 9) Есть семейственный, гражданскій и народный природный законъ, ибо есть, какъ утверждаетъ Цицеронъ весьма справедливо, такой законъ, *который не изданъ нами, но съ нами рожденъ, который мы не затвердили, заняли или прочли, но изъ самой природы уразумѣли, почерпнули, извлекали, и къ которому мы не пріучены, но рождены, не приспособлены, но сотворены*".

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ, изъ всѣхъ моихъ сочиненій, изъ каждой страницы моихъ сочиненій, очень ясно усматривается тотъ духъ, каковымъ одушевляется не только моя философія, но и всѣ мои ученыя занятія, т. е. духъ пламенной ревности и попеченія о добродѣтели, благочестіи, христіанскомъ вѣроисповѣданіи и томъ священномъ дѣлѣ, за которое почти вся Европа, а наиболѣе Россія, сражалась, проливала кровь сыновъ своихъ и торжествовала;—тотъ духъ, который, неутомимо трудясь день и ночь, старается изъ множества и изъ смѣси самыхъ пагубныхъ заблужденій, покрывающихъ вѣчнымъ мракомъ и безславіемъ нашъ просвященный, философскій вѣкъ, извлечь такія истины, которыя бы служили прочнымъ и незыблемымъ основаніемъ всего, относящагося къ сохраненію достоинства и благополучія человѣка;—тотъ духъ, который, бѣгая заразы правилъ нынѣшняго времени, проклинаетъ ихъ подъ крестомъ Іисуса Христа и повергаетъ къ ногамъ распятаго всякую человѣческую мудрость, дабы отъ него единаго научиться премудрости, сообщающей истину и животъ (Іоан. XIV, 6), и потомъ проповѣдывать эту премудрость всему міру;—тотъ духъ, который, хотя образуется въ училищѣ міра, но который однакожъ во всѣхъ явленіяхъ цѣлаго всемірія, во всѣхъ тваряхъ, отъ персти и червя до человѣка, и отъ человѣка до высочайшаго изъ серафимовъ, видитъ не иное что, какъ единую вѣчную любовь, то изливающую себя въ свои творенія, то спасающую ихъ собственною жертвою самозаклапія;—тотъ духъ, для котораго каждая истина, изученная въ училищѣ креста

Іисусова, каждое доброе намѣреніе, сообразное съ его божественнымъ ученіемъ, несравненно драгоцѣннѣе всѣхъ величій свѣта, и который, по этой причинѣ, съ радостію готовъ претерпѣть, за эти священныя истины, всѣ несчастія свѣта и даже пожертвовать собственною жизнію;—тотъ духъ, коего пламенная ревность ничего инаго не желаетъ, какъ только, чтобы низвергнутъ былъ идолъ обожаемой нынѣ и всему христіанству, равно какъ и всякому иному богопоклоненію враждебной философіи, и чтобъ на прахѣ его алтаря воздвигнуто было знамя всемірнаго спасенія, предъ которымъ бы наконецъ и самая кичливость философіи принуждена была преклонить свои колѣна и обратить свое оружіе на защиту, утвержденіе и прославленіе богослуженія Іисусова;—тотъ духъ, который, пользуясь всѣмъ, т. е. и природою, и искусствомъ и разумомъ и откровеніемъ, и свѣтскими сочиненіями и свящ. писаніемъ, для достиженія цѣли своихъ непорочныхъ намѣреній, стремится въ особенности къ тому, чтобы поселить въ сердцахъ еще неразвращеннаго юношества искру божественнаго огня, принесеннаго въ міръ Іисусомъ, и усилить ее до такой степени, чтобы она обратилась въ пламенное море рвенія ко всякому благу.

Гдѣ можно найти философовъ, которые бы, при такомъ же образѣ мыслей, имѣли таковую же ревность? Къ сожалѣнію, ихъ произведенія очень ясно доказываютъ, что сердцами ихъ, зараженныхъ тлетворствомъ ложныхъ началъ, овладѣло хладнокровіе, нечувствительность, всегдашне занятіе сомнѣніями и даже рѣшительное невѣріе, такъ что не только Іисусово богослуженіе буйствомъ, но и естественное богослуженіе кажется имъ неразрѣшимою загадкою, а потому и спасательная сила какъ того, такъ и другого богопоклоненія, не приноситъ имъ не малѣйшей пользы, и человѣкъ, при таковыхъ обстоятельствахъ, обыкновенно предается всѣмъ заблужденіямъ ума и сердца. По мнѣнію Канта, всякое утвердительное ученіе, преходящее за горизонтъ опыта, есть *фанатическій бредъ, лжевѣріе, произвольное заблужденіе и наклонность къ чудодѣйствію*, и такое его мнѣніе проповѣдуется нынѣ на каѳедрахъ не только всѣми философами и весьма многими изъ свѣтскухъ богослововъ, но повторяется и въ самыхъ хижинахъ поселянъ. Такимъ образомъ, и въ простомъ уже народѣ теряетъ свою силу и жизнь богослуженіе христіанское, и даже исчезаетъ довѣренность къ истинамъ естественнаго богопочитанія, получившаго нѣкогда свою твердость, ясность и силу отъ богослуженія христіанскаго. Уже многіе изъ простого народа начинаютъ сомнѣваться въ бытіи Бога, въ существованіи свободной воли, безсмертія душъ, безусловной и необходимой должности. Слѣдствія такого образа

мыслей суть ужаснѣйшее растлѣніе нравственности и самоубійства, общія нынѣ всѣмъ уже состояніямъ, но никогда и ни въ какомъ состояніи не случавшіяся столь часто доселѣ. Сколько же благодѣтельна была бы та философія, которая бы истребила корень этого нравственнаго зла, т. е. нынѣшнюю наклонность умовъ отрицать божественность христіанскаго ученія, и даже самыя основанія естественнаго богопочитанія признавать или сомнительными, или совершенно ложными. Тотъ философъ, который бы, въ одной и той же системѣ, доказалъ, самыми твердыми и непоколебимыми доказательствами не только важнѣйшія истины естественнаго богопочитанія, но и существенные догматы христіанскаго вѣроисповѣданія, соединилъ бы съ этими естественными истинами наитѣснѣйшимъ союзомъ, такъ чтобъ догматы уже болѣе не казались странными или противоположными разуму, а представлялись бы собственными и вѣчными истинами самаго разума,—такой философъ, безъ сомнѣнія, оказалъ-бы человѣчеству величайшую услугу. Даже и тотъ, кто предпринялъ бы намѣреніе составить такую систему и проводилъ бы свое намѣреніе въ самое дѣйствіе, безъ сомнѣнія, заслуживалъ бы всякое одобреніе и вспомоществованіе. Такое намѣреніе предпринято мною уже давно: я поставилъ его цѣлью всѣхъ моихъ философскихъ и литературныхъ занятій; и наконецъ былъ столь счастливъ, что достигъ моей цѣли, увѣренъ будучи въ этомъ совершенно. Важнѣйшія истины естественнаго богопочитанія представляются мнѣ въ совершеннѣйшей очевидности, такъ что для меня теперь столь-же невозможно сомнѣваться въ этихъ истинахъ, какъ и въ дѣйствительности предметовъ видимыхъ и осязаемыхъ, или въ дѣйствительности моего собственнаго бытія; неменѣе удостовѣренъ я и въ истинности существенныхъ догматовъ христіанскаго вѣроисповѣданія, равно какъ и неразрывности ихъ союза съ важнѣйшими истинами естественнаго богопочитанія. Даже въ дѣйствительности предметовъ, превышающихъ наши чувства и заключающихъ въ себѣ единственныя условія нашихъ достоинствъ и нашего предназначенія, удостовѣренъ я гораздо болѣе, нежели въ предметахъ чувствъ и опыта, ибо все то, что мы познаемъ изъ опыта, подвержено вѣчнымъ перемѣнамъ, безпрерывнымъ видоизмѣненіямъ, и потому не можетъ заключать въ себѣ истиннаго бытія вещей, которое совсѣмъ неприступно для опыта и чувствъ и которое, по сей причинѣ, должно быть познаваемо ими изъ разума, или изъ откровенія. Но поелику *невидимая вѣчна суть,* а *видимая временна,* какъ говоритъ ап. Павелъ ($\frac{1\text{ Кор. 11. 15}}{2\text{ Кор. VI. 18}}$), то предметы, неприступные для чувствъ, или невидимые, если открыты и узнаны будутъ однажды, производятъ въ насъ гораздо большую досто-

вѣрность, нежели всѣ прочіе, подлежащіе чувствамъ, или все то, что обыкновенно переходитъ изъ этого образа въ другой. Столь высокая достовѣрность важнѣйшихъ истинъ естественнаго богопочитанія и существенныхъ догматовъ христіанскаго вѣроисповѣданія самымъ очевиднѣйшимъ образомъ вытекаетъ изъ началъ моей философіи. Истины какъ того, такъ и другаго образа богопоклоненія суть для меня не иное что, какъ чистѣйшіе лучи одного и того же Вѣчнаго Разума, отражающагося отчасти и въ нашемъ разумѣ, хотя это отраженіе и покрывается тьмою, какъ говоритъ Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ. *Въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ; и свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его необъятъ* (Іоан. 1. 4). Причина этой тьмы заключается частію и въ ограниченности нашей природы, но всего болѣе она происходитъ отъ прародительскаго, и, въ дополненіе, самими нами пріумноженнаго растлѣнія духа и сердца, равно какъ и отъ проистекающихъ отселѣ нашихъ заблужденій. До тѣхъ поръ, пока мы прибываемъ въ этой слѣпотѣ, истины христіанскаго вѣроисповѣданія представляются намъ въ видѣ ученія положительнаго (ученія безъ доказательствъ) или такого, которое кажется страннымъ, или даже противнымъ разуму, ибо *тьма не можетъ объятъ* (вмѣстить, уразумѣть) ихъ. Но христіанское же ученіе, ежели мы стараемся въ точности слѣдовать ему, избавляетъ насъ отъ этой слѣпоты духа и сердца и возноситъ на такую степень внутренней высоты, съ которой мы, обозрѣвая все христіанское богослуженіе во всемъ его изяществѣ, величіи и божественности, усматриваемъ въ немъ вѣчное и единственное царство разума, преисполненное свѣта, *иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ*, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Апостолъ Іоаннъ (Іоан. 1. 9). Къ этому величественному и никогда не оскудѣвающему свѣту христіанскаго богослуженія привела меня моя философія, которая, по этой причинѣ, и составляетъ нынѣ величайшее благополучіе моей жизни. И эту то самую философію, столь сообразную съ божественнымъ ученіемъ христіанскаго вѣроисповѣданія, старался я, по долгу моего званія, во все продолженіе 13-лѣтней моей службы, преподавать обучавшемуся у меня Россійскому юношеству, со всею, съ моей стороны, неутомимою дѣятельностію и сообщить посредствомъ изданныхъ мною книгъ, всякому образованному Россіянину, дабы такимъ образомъ распространить въ Россійскомъ государствѣ, сколько это зависѣло отъ моихъ способностей, добродѣтель и благоденствіе. Даже простеръ я свою патріотическую ревность до такой степени, что намѣривался дѣйствовать извнутри Россіи и на прочія государства особливо на Германію, и тѣмъ сдѣлать честь россійскому народу. Гордясь происхожденіемъ политической свободы изъ среды Россійской

Имперіи, разрушившей предположеніе всесвѣтной тираніи и даровавшей независимость Европѣ, я полагалъ, что и спасительному свѣту познанія истиннаго просвѣщенія прилично бы также возсіять и распространиться отъ полночи къ полудню, и тогда бы Епропа обязана была Россіи не одною только политическою свободою. И въ самомъ дѣлѣ нельзя не согласиться, чтобъ при столь ужаснѣйшей ночи заблужденій, какою покрыты европейскія области и какую произвела на свѣтъ усиливавшаяся нынѣ и отъ Бога, и Іисуса Христа отступившая философія,— при столь сильныхъ опустошеніяхъ заразы, убійственной для цѣлаго свѣта,—при столь явныхъ опытахъ востановленія древняго язычества въ самыхъ нѣдрахъ христіанства,—при столь бѣдственномъ умокруженія тѣхъ ученыхъ, кои, именуя себя критиками, помышляютъ только о томъ, чтобъ, испровергнувъ всѣ основанія добродѣтели, благочестія и христіанскаго богослуженія, испровергнуть вмѣстѣ съ этимъ и весь гражданскій порядокъ, подорвать благополучіе каждаго и уничтожить всѣ основанія государствъ,—нельзя не согласиться, чтобъ, при столь ужаснѣйшихъ предвѣщательныхъ признакахъ, не была весьма спасительна, вожделѣнна и достойна вспоможеній всякаго благомыслящаго такая философія, которая бы, облекшись во всеоружіе разума и откровенія и воспріявши побѣдоносное знамя Іисуса Христа, сразилась мужественно и употребила всѣ усилія къ истребленію и уничтоженію враговъ человѣчества. Нельзя не видѣть, что, если бы такая философія получила свое существованіе въ Россіи и оттолѣ распространилась бы за ея предѣлы, безъ сомнѣнія, увѣнчала бы тѣ великія и для всей Европы благодѣтельныя дѣянія россіянъ, какія неотъемлемо принадлежатъ этому народу героевъ и какими онъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу, ибо всякій народъ только тогда можетъ сдѣлаться истинно великимъ и благополучнымъ, когда онъ своими побѣдами пріобрѣтаетъ независимость нравственную, охраняетъ царство добродѣтели и расточаетъ полчища враговъ ея. Но, ахъ! Кто повѣритъ, чтобы столь благонамѣренная философія была преслѣдуема въ Россіи точно также, какъ и нѣкое величайшее государственное преступленіе, чтобъ виновникъ и распространитель ея системы и ученія, жившій, трудившійся и, по побужденію своего патріотическаго честолюбія, жертвовавшій собою для блага Россіи цѣлыя тридцать лѣтъ, наконецъ заклейменъ былъ именемъ безчестнѣйшаго преступника, именемъ развратителя россійскаго юношества и духовенства и потому отставленъ отъ своей должности, немедленно выгнанъ заграницу, лишенъ принадлежавшаго ему имущества, удаленъ отъ своего любезнаго семейства и, при его глубокой старости, при крайней слабости здоровья, разстроеннаго много-

лѣтними его занятіями, осужденъ на всѣ несчастія и на самую опасность умереть отъ голода. Кто повѣритъ, чтобъ все это онъ долженъ былъ претерпѣть, не получивши возможности и права, даруемаго даже тѣмъ преступникамъ, которые заслуживаютъ смертной казни, т. е. права отвѣтствовать на сдѣланныя противъ него обвиненія и защищать свою невинность? Какой другъ человѣчества можетъ выслушать такое происшествіе безъ внутренняго содроганія? Горе свѣту, если и малое количество друзей истины, равно какъ ихъ произведенія, будутъ гонимы и преслѣдуемы такъ, что для враговъ человѣчества не останется болѣе никакого препятствія, могущаго удерживать ихъ дальнѣйшія покушенія. И если философія, если образъ мыслей, если намѣренія, если дѣятельность такого рода достойны столь примѣрнаго наказанія, то какого же образа обученія требуютъ отъ обучающихъ въ публичныхъ училищахъ? Или долженъ былъ я утверждать и преподавать правила, совершенно противныя тѣмъ, какія заключаются въ моихъ сочиненіяхъ? И не долженъ ли подумать всякій, находящійся внѣ Россіи и не знающій тѣхъ коварныхъ интригъ, посредствомъ какихъ произведено все, случившееся со мною, не долженъ ли, услышавъ о моемъ несчастіи, подумать, что въ Россіи не только невинность и заслуги, но и самыя священнѣйшія истины были въ моемъ лицѣ преслѣдованы и поруганы?

Нѣтъ, я увѣренъ, совершенно увѣренъ въ томъ, что отнюдь не было предполагаемо преслѣдовать во мнѣ человѣка невиннаго, благонамѣреннаго и заслуженнаго, человѣка искренно любящаго добродѣтель, благочестіе и христіанское богослуженіе, особенно такого человѣка, коего всѣ сочиненія суть несомнѣнныя доказательства и вѣчные памятники его невинности, патріотической ревности и христіанской нравственности. Нѣтъ, Россійское Правительство совсѣмъ не способно поступать такимъ образомъ! Во мнѣ преслѣдуемъ былъ не иной кто либо, какъ только преступникъ, опасный для россійскаго народа и особенно вредный для россійскаго юношества, ибо такимъ умѣла представить меня, предъ лицемъ праводушнѣйшихъ министровъ, наиковарнѣйшая клевета. Всѣ случавшіяся со мною непріятности, несчастія и разныя несправедливости суть дѣло тьмы, всегда враждующей противъ свѣта, суть произведенія утонченнѣйшей лжи и самой злобной мстительности. Никогда бъ не могъ столь благочестивый, правосудный и человѣколюбивый министръ, каковъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ,—никогда бы не могли и прочіе господа министры учинить столь насильственной и на небо вопіющей несправедливости! Никогда бъ и Всероссійскій Государь Але-

ксандръ не рѣшился подписать моего осужденія, если бъ отдаленность мѣстоположенія не была препятствіемъ видѣть мою невинность! Я увѣренъ, что Его Императорское Величество, равно какъ и прочіе господа министры наградили-бъ меня отличнымъ образомъ, если-бъ только знали мой подлинный характеръ, мои благородныя и общеполезныя намѣренія и подъятые мною для блага Россіи труды. Но вмѣсто всего этого, они видѣли изъ представленія не иное что, какъ такую философію, которая клонилась къ ниспроверженію добродѣтели, богослуженія и гражданскаго порядка,—такія покушенія, которыя имѣли въ виду развращеніе россійскаго юношества и духовенства,—такія сочиненія, которыя заключали въ себѣ самыя дерзкія ругательства противъ Россійскихъ законовъ и были вредны для всего Государства; и все это видѣли они изъ представленія такого человѣка, къ которому нельзя было не имѣть полной довѣренности, какъ по причинѣ возложеннаго на него званія попечителя, такъ и по тому особенно, что онъ, какъ сказано въ его представленіи, цѣлый годъ разсмотривалъ дѣло самымъ строжайшимъ и безпристрастнѣйшимъ образомъ. Ибо если не будетъ довѣряемо такимъ лицамъ, какъ попечитель, то къ кому же высшее Правительство будетъ имѣть довѣріе, особенно Правительство столь обширнаго Государства, какова Россія, гдѣ, безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ, никакъ нельзя не умножать, не увеличивать тяжебныхъ изслѣдованій, не подвергая Государство совершенной остановкѣ производства правосудія. Никакому народу, никакому Правительству, особенно при нынѣшнемъ поврежденіи нравственности, столь усилившемся во всѣхъ состояніяхъ, нельзя поставить того въ вину, что есть въ его области люди злонамѣренные, такіе, которые, желая сдѣлать несчастными невинность и заслугу, порочатъ ихъ и преслѣдуютъ. Подобныя происшествія встрѣчаются вездѣ и даже очень часто въ такихъ государствахъ, коихъ образованность доведена до высокой степени и коихъ способъ управленія почитается образцовымъ. Какъ высшее, такъ и низшее начальство заслуживаетъ одобренія предъ Богомъ и предъ всѣми людьми, если только оно вознаграждаетъ свою несправедливость, происшедшую отъ клеветы, если принимаетъ подъ свое покровительство угнетаемую невинность и приводитъ въ извѣстность заслугу, скрываемую во мракѣ неизвѣстности. Всякое Правительство для того только и установляется, чтобы сохранять правосудіе и преслѣдовать несправедливость, защищать невинность и наказывать порокъ. По этимъ причинамъ я надѣюсь и увѣренъ, что Россійское Правительство не преминетъ оказать мнѣ свое правосудіе, коль скоро увидитъ несправедливость происшедшую отъ клеветы. И это сдѣлать очень

легко, ибо каждая книга моего сочиненія заключаетъ въ себѣ очевиднѣйшія доказательства моей невинности, моихъ общеполезныхъ и безъукоризненныхъ намѣреній и вмѣстѣ съ симъ злоумышленной мстительности и клеветы того, кѣмъ сдѣланъ на меня доносъ. Стоитъ только сличить эту записку съ самыми книгами, чтобъ увѣриться въ истинѣ всего вышесказаннаго.

А что оклеветатель мой полагался единственно на покровительство графа Потоцкаго, это видно изъ того, что онъ, во все шестилѣтнее пребываніе графа въ Польшѣ, не дававшаго, въ теченіе этого времени, никакого о себѣ извѣстія, не осмѣливался даже и издали дѣйствовать противъ моихъ сочиненій, хотя многія изъ нихъ давно уже употребляемы были въ числѣ учебныхъ и воспитательныхъ книгъ какъ въ университѣ, такъ и по гимназіямъ. Но лишь только пронесся слухъ въ Харьковѣ, что попечитель вскорѣ возвратится въ городъ изъ Польши, тотчасъ обнаружилась жесточайшая ненависть и мстительство профессора Дегурова, равно и друзей его, какую они столь долго таили и питали въ самихъ себѣ. Весьма замѣчательное въ этомъ отношеніи происшествіе случилось со мною 25 декабря 1815 г., при публичномъ собраніи всѣхъ членовъ университета и многихъ знатнѣшихъ особъ города Харькова. Университетъ, предположивши въ этотъ день торжествовать вновь одержанныя надъ Наполеономъ и Франціею знаменитѣйшія побѣды, назначилъ мнѣ латинскую рѣчь. Я говорилъ ее изъ предложенія *о возстановленіи богослуженія* въ соотвѣтствіе говоренной мною въ тотъ же день въ минувшемъ 1814 году рѣчи *о возстановленіи свободы въ Европѣ*. Въ этомъ собраніи вмѣстѣ съ прочими посѣтителями были и Харьковскіе ученые священники греко-россійскаго исповѣданія, которые, въ засвидѣтельствованіе своего отличнѣйшаго одобренія, утверждали, что никакой епископъ не могъ бы говорить о богослуженіи съ большимъ достоинствомъ, нежели какъ я объ этомъ предметѣ изъяснялся, и потому просили доставить имъ 200 экземпляровъ этой рѣчи, если она будетъ напечатана и издана въ свѣтъ, дабы и воспитанники епархіальнаго коллегіума могли имѣть ее, какъ въ виду простоты латинскаго языка, такъ и въ виду самаго ея содержанія. Но не взирая на то, французскій профессоръ осмѣлился, еще при чтеніи приступа рѣчи, открыть тревогу и шумъ и вслухъ ругать меня поноснѣйшими именами и даже требовать отъ ректора университета, чтобы стащили меня съ каѳедры. Я былъ въ такомъ положеніи, какъ бы находился въ Парижскомъ національномъ конвентѣ. Но, не приходя отъ этого въ замѣшательство и не обращая вниманія на дерзость француза, я продолжалъ свою рѣчь, съ надлежащимъ прили-

чіемъ и выразительностію. Единственною причиною этого бѣшенаго своеволія, этого французскаго безчинія, учиненнаго въ самой Россіи, было то, что я, какъ о вѣроломствѣ возвратившагося съ острова Эльбы, такъ и измѣнническомъ поступкѣ Франціи, которая приняла его съ распростертыми объятіями, оставя своего законнаго Государя, выражался съ отвращеніемъ, достойнымъ и Тиранна и, Народа, превознося притомъ, съ торжествующимъ краснорѣчіемъ, знаменитыя побѣды союзныхъ Государей. Годомъ ранѣе, столь своевольная дерзость была бы наказана ссылкою въ Сибирь, но въ то время, какъ со дня на день ожидали прибытія графа Потоцкаго изъ Польши, многіе даже изъ профессоровъ, въ числѣ коихъ былъ и ректоръ университета Осиповскій, не только одобрили дерзость француза, но еще постарались воспрепятствовать изданію въ свѣтъ моей рѣчи, которую одинъ изъ ученѣйшихъ Россійской церкви протоіереевъ наилучшимъ образомъ перевелъ на россійскій языкъ. Вскорѣ послѣ этого прибылъ въ Харьковъ графъ Потоцкій и я тогда же жаловался ему на обиду, причиненную мнѣ при публичномъ собраніи, во время самаго исполненія моей должности. Но попечитель, защищая виновника обиды, сказалъ мнѣ: *ужели вѣчно надобно ругать французовъ?* Я представлялъ ему, что еще, нѣсколько мѣсяцевъ прошло послѣ того, какъ Тираннъ снова побѣжденъ, и свергнутъ съ престола,—что Государь Императоръ положилъ навсегда приносить, въ концѣ сего мѣсяца, торжественныя Господу Богу благодаренія за дарованныя имъ побѣды,—и что университетъ, по этому случаю, поручилъ мнѣ выразить торжественною рѣчью общія чувства всего народа. Я ссылался и на изданный въ то время манифестъ, въ которомъ громогласно осуждаемы были отвратительные поступки французовъ. Но попечитель оставался при своемъ противъ меня мнѣніи. Онъ обнаружилъ въ то же время свое негодованіе на мою философію и мои прочія сочиненія столь ясно, что я не могъ на замѣтить его рѣшимости погубить меня, въ удовлетвореніе своего любимца Дегурова. Наконецъ я отвѣтствовалъ ему со всѣмъ приличіемъ и твердостію, что я научился самой важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, т. е. наукѣ умирать за чистоту и святость дѣла, какое я защищалъ письменно и устно. Въ этомъ могу я сослаться на нѣкоторыхъ свидѣтелей, бывшихъ при разговорѣ, какъ то: статскаго совѣтника Каразина, надворнаго совѣтника Ели и магистра Ковалевскаго. Слѣдствіемъ моей жалобы и просьбы о сдѣланіи надлежащаго удовлетворенія за нанесенную мнѣ въ публичномъ собраніи обиду было 1) то, что рѣчь, удостоенная отличнаго одобренія всей ученой публики города Харькова, не была напечатана, 2) профессору Дегурову поручено было попечителемъ написать донос-

ныя замѣчанія на мои книги и представить попечителю; 3) сообразно этимъ замѣчаніемъ, за истинность коихъ попечитель ручался предъ гг. министрами, рѣшено было отставить меня отъ должности и выгнать за границу, какъ преступника.

Этому же несчастію очень много содѣйствовалъ и другой человѣкъ, а именно, прежде бывшій профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета Афанасій Стойковичъ, отличнѣйшій любимецъ графа Потоцкаго. Его можно назвать, въ моемъ дѣлѣ, предтечею графа Потоцкаго и профессора Дегурова, ибо онъ, еще за два года до случившагося со мною въ Харьковѣ несчастія, объявилъ, что поѣдетъ въ Петербургъ для того только, дабы успѣть низринуть меня, хотя бы это стоило ему 50.000 рублей. Столь непримиримую ненависть этого человѣка я навлекъ на себя не инымъ чѣмъ, какъ выполненіемъ же моей должности, которую я никакъ не могъ нарушить, не сдѣлавшись человѣкомъ презрѣннѣйшимъ. Именно встрѣтился случай, по которому надобно было разрѣшить вопросъ: можно ли мнѣ, какъ честному и добросовѣстному человѣку, какъ ревностному христіанину, какъ члену Харьковскаго университета, рѣшиться не припятствовать Стойковичу учинить ложную присягу, между тѣмъ какъ я могъ его до этого не допустить. Всякій, кто хотя нѣсколько дорожитъ совѣстію, благочестіемъ и евангельскимъ богослуженіемъ, безъ сомнѣнія, отвѣтствовалъ бы на такой вопросъ отрицательно. Стойковичъ же, дабы уклониться отъ отвѣтственности за нѣкоторый весьма не хорошій поступокъ и вмѣстѣ предъотвратить изслѣдованіе, какое, по этому случаю, предписано было сдѣлать господиномъ министромъ Разумовскимъ, просилъ письменно университетскій совѣтъ о томъ, чтобъ ему дозволено было доказать лживость учиненнаго на него доноса одною клятвою. Но онъ прибѣгнулъ къ такому доказательству, коего лживость была очевидна, ибо случайнымъ образомъ попались мнѣ въ руки самыя яснѣйшія доказательства лживости его оправданія, коего истинность однакожъ хотѣлъ Стойковичъ подтвердить присягою. Упомянутыя доказательства были такого рода, что при нихъ всякое дальнѣйшее изслѣдованіе осталось не нужнымъ, такъ какъ умышленность клятвоприступленія обнаружилась во всей ясности. Я представилъ эти доказательства, вмѣстѣ съ рукописью самаго Стойковича, университетскому правленію съ тѣмъ, дабы не допустить университетскаго ректора до клятвопреступленія и тѣмъ самымъ предотвратить имѣвшій отъ этого произойти ужасный соблазнъ и стыдъ университета предъ всею публикою. Въ виду этого обстоятельства, дѣло препровождено было къ министру, который потомъ предписалъ университетскому совѣту избрать другого ректора. Акты этого дѣла, коимъ

Стойковичъ самъ себя запятналъ навсегда, безъ сомнѣнія, и понынѣ лежатъ въ архивѣ Харьковскаго университетскаго правленія и совѣта. Въ 1815 году онъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ, гдѣ наконецъ удалось ему, пресмыкательствомъ и хитростями, расположить въ свою пользу различныхъ знаменитыхъ и сильныхъ особъ, и между прочими статсъ-секретаря Молчанова, которые о дурномъ его поведеніи не имѣли ни малѣйшаго свѣдѣнія. Стойковичъ воспользовался благорасположеніемъ вельможъ не для своего только благополучія, но и вмѣстѣ для моего злополучія, ибо безпрестанно твердилъ о моей философіи и моихъ книгахъ, какъ сочиненіяхъ крайне опасныхъ,—твердилъ предъ лицемъ такихъ особъ, которые не знали ни меня самого, ни моей философіи, ни моихъ другихъ сочиненій и которые, по своей благонамѣренности, имѣли совершенно искреннее и при томъ совершенно справедливое отвращеніе отъ философіи нынѣшняго времени. Такимъ образомъ, будучи включенъ въ число тѣхъ вреднѣйшихъ для благосостоянія общественнаго философовъ, которые явно стараются уничтожить добродѣтель, благочестіе и христіанское вѣроисповѣданіе и противъ которыхъ моя философія подвизается со всею ревностію, я не могъ не подвергнуться величайшему негодованію этихъ знаменитѣйшихъ, сильныхъ, благонамѣренныхъ и даже благочестивѣйшихъ особъ, обманутыхъ тогда призракомъ истины. Ихъ негодованіе было совершенно справедливо, по мѣрѣ ихъ убѣжденія въ справедливости обвиненій Стойковича. И я самъ всеусердно желаю доселѣ, чтобъ Богъ благоволилъ избавить Россію отъ такой философіи, какая господствуетъ въ Германіи между большею частію ученыхъ, почему и употребилъ я еще въ бытность мою въ Россіи всѣ мѣры устнаго и письменнаго наставленія, дабы не только заградить путь въ Россію этой философіи, но, сколько это зависѣло отъ моихъ способностей, изгнать ее изъ всего свѣта посредствомъ основательныхъ опроверженій. Но это патріотическое, честное и благочестивое мое намѣреніе скрываемо было со всевозможнѣйшимъ тщаніемъ и приписано было такое, которое ему совершенно противно. Даже и то обстоятельство, что покойный митрополитъ Амвросій, коему весьма понравилась моя философія, купилъ значительное количество моихъ сочиненій, для раздачи ихъ между Россійскимъ духовенствомъ, равно какъ и то, что ученые харьковскіе священники частнымъ образомъ слушали мою философію,—оба эти обстоятельства, которыя долженствовали бы послужить къ моей вящей чести и могли быть доказательствомъ истинно христіанскаго содержанія моей философіи, перетолкованы были такъ, что якобы я имѣлъ намѣреніе развратить моими правилами россійское духовенство.

Такимъ-то образомъ все, служившее къ увеличенію моей чести, похвалы и заслугъ, обращаемо было ядовитою клеветою мнѣ же въ укоризну и преступленіе. Такимъ-то образомъ Стойковичъ, поклявшійся нѣкогда погубить меня за то, что я ему воспрепятствовалъ выполнить ужаснѣйшій грѣхъ клятвопреступленія, предъуготовилъ путь своему покровителю, графу Потоцкому, своему достойному другу, профессору Дегурову, для достиженія цѣли составленныхъ ими противъ меня замысловъ.—По прибытіи графа Потоцкаго въ С.-Петербургъ вызванъ былъ туда же и Дегуровъ и въ это-то время всѣ трое соединенно дѣйствовали къ моей погибели. Знаменитѣйшія особы, отъ единаго слова которыхъ зависѣла моя участь, безпрестанно слышали обо мнѣ самые худые отзывы, относительно моей философіи и моихъ сочиненій, которыя называемы были крайне вредными для благосостоянія общественнаго и особенно пагубными для обучающагося юношества. Когда же графъ Потоцкій замѣтилъ, что все, нужное для выполненія его намѣреній, было уже готово, немедленно представилъ доносныя замѣчанія профессора Дегурова господину министру народнаго просвѣщенія, князю Голицыну, мужу, исполненному отличнѣйшихъ достоинствъ, патріотизма и любви къ благочестію, который не задолго предъ тѣмъ вступилъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія и который притомъ совсѣмъ не зналъ меня, а слышалъ обо мнѣ одни только предосудительные отзывы и клеветы,—представилъ съ присовокупленіемъ собственнаго мнѣнія объ этихъ замѣчаніяхъ, т. е. якобы онъ нашелъ ихъ совершенно основательными. Мое паденіе было неизбѣжно, ибо министры, при всемъ ихъ желаніи удовлетворить обязанности своего званія, не могли поступить иначе, нежели какъ они поступили. Я самъ, который сдѣлался жертвой этой клеветы, сохраняю глубочайшее уваженіе къ образу дѣйствія министровъ. Священнѣйшая обязанность требовала отъ нихъ того, чтобъ немедленно удаленъ былъ отъ училищной должности такой человѣкъ, который, какъ видно было изъ представленія попечителя, и устно и письменно старался распространять самое пагубное ученіе, не только между обучающимся юношествомъ, но и между иными людьми, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго состоянія. Министры никоимъ образомъ не могли подозрѣвать, чтобы все дѣло, въ своемъ существѣ, было не иное что, какъ произведеніе умышленной мстительности и коварнѣйшихъ интригъ. Они должны были судить о немъ, смотря по тому, какъ оно представлено было отъ попечителя; представлено же было оно въ такомъ видѣ, якобы попечитель самъ разсматривалъ и соображалъ его цѣлый годъ, со всею строгостію и безпристрастіемъ. Слѣдовательно, не можно уже было думать-

ни о какомъ дальнѣйшемъ переизслѣдованіи: оставалось только положить наказаніе за преступленіе, которое, какъ казалось, не подлежало никакому сомнѣнію. Да хотя бы и положено было учинить новое по этому предмету изслѣдованіе, то и тогда бы надлежало препоручить его попечителю, что было бы совершенно противно предположенной цѣли, такъ какъ попечитель, съ своей стороны, уже сдѣлалъ все то, что надобно было сдѣлать. Самое наказаніе, каковое положено было гг. министрами, какъ долженствовавшее состоять въ одномъ только изгнаніи меня изъ Россіи, было весьма снисходительное и человѣколюбивое, ибо всякій наставникъ, дѣлающій столь великое злоупотребленіе изъ своей должности, всякій обвиняемый въ развращеніи юношества и людей различныхъ состояній, каковымъ я выставленъ былъ въ представленіи попечителя, долженъ быть почитаемъ человѣкомъ болѣе вреднымъ, нежели каковъ государственный измѣнникъ, въ особенности потому что слѣдствія, проистекающія изъ всякаго противунравственнаго ученія или такого, которымъ потрясается добродѣтель, благочестіе и христіанское богослуженіе бываютъ гораздо опаснѣе, распространяются гораздо далѣе, продолжаются долговременнѣе и истребляются несравненно съ большею трудностію. *Иже соблазнитъ единаго малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, говоритъ Іисусъ Христосъ (Матѳ. XVIII. 6, 7), уне естъ ему: да обьсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.* Слѣдовательно, если и учинена со мною самая величайшая и самая наглая несправедливость, то вся вина несправедливости падаетъ не на министровъ, но на сочинителя ложнаго доноса и на попечителя, который побудилъ его составить таковой доносъ и сверхъ того далъ торжественное увѣреніе въ его истинѣ. Что же касается до того, что харьковскому губернатору приказано было тотчасъ, по полученіи предписанія, выслать меня изъ города и тогда же велѣть вывезти меня за границу, такъ что, не взирая на мою жестокую болѣзнь, въ каковой я тогда находился, долженъ былъ я внезапно оставить и жену и дѣтей, и домъ, и вещи домашнія, и вообще все мое имущество, съ очевидною опасностью лишиться всей моей собственности, что въ послѣдствіи и случилось,—все это, безъ сомнѣнія, произведено было уже по особливымъ домогательствамъ моихъ непріятелей. Для нихъ крайне нужно было, чтобъ посредствомъ внезапнаго изгнанія меня изъ Россіи приведенъ я былъ въ совершенную невозможность представить что либо высшему начальству для своего оправданія, ибо они знали, что какъ скоро бы мнѣ дозволено было оправдываться, то не только моя невинность и мои заслуги приведены были бы въ извѣстность, но и сами они, за столь дерзкую клевету, каковою меня очернили, были бы

наказаны по законамъ. Такое же опасеніе было причиною и тѣхъ, употребленныхъ съ ихъ стороны интригъ, по которымъ доселѣ не выдается ни мнѣ, ни моему несчастному семейству даже и малый остатокъ моего имущества. Ихъ намѣреніе, очевидно, клонится къ тому, чтобъ отнятіемъ у меня всѣхъ вспомогательныхъ средствъ довести меня и мое семейство до совершеннаго разоренія и такимъ образомъ не допустить, чтобъ та ужасная несправедливость, какую они учинили противъ меня и моего семейства, и то безчестіе, какое они нанесли справедливѣйшимъ и человѣколюбивѣйшимъ министрамъ и даже священнѣйшему имени Государя Императора, могли когда либо выйти наружу. Но такъ какъ они живутъ въ Петербургѣ и знаютъ всѣ пути, могущіе предохранять ихъ отъ опасности, то и могутъ, безъ всякаго затрудненія, выдумывать и употреблять всякую ложь, для опроверженія всего того, что бы я ни писалъ изъ Германіи въ Петербургъ, въ свое оправданіе; а на основаніи этого предположенія, желали они также и того, чтобы мнѣ строго запрещенъ былъ въѣздъ не только въ Россію, но и въ самую Польшу.

Изъ этихъ обстоятельствъ довольно явствуетъ, что, если моя невинность должна быть нѣкогда представлена въ полной ясности, если право оправдывать себя, столь свято сохраняемое между всѣми народами, должно быть нѣкогда предоставлено и мнѣ, то для этого непремѣнно надлежало бы вызвать меня въ Петербургъ и дозволить лично отвѣтствовать въ присутствіи моихъ обвинителей. До тѣхъ поръ, пока этого не будетъ сдѣлано, нельзя будетъ сказать, чтобъ мои оправданія было выслушаны. И потому желалъ бы я быть столько же счастливъ, какъ и апостолъ Павелъ въ то время, когда онъ былъ судимъ судіею-язычникомъ. Знатнѣйшіе изъ іерусалимскихъ іудеевъ жаловались на апостола проконсулу Порцію Фесту въ томъ, якобы онъ, по словамъ ихъ, распространялъ пагубное ученіе, и потому просили Феста, дабы онъ, не пріемля никакихъ оправданій отъ апостола, осудилъ его, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія. Но этотъ язычникъ сказалъ имъ нижеслѣдующія достопамятнѣйшія слова: *нѣсть обычай римлянамъ выдати человѣка кóего на погибель, прежде даже оклеветаемый не имать предъ лицемъ клевещущихъ его, и мѣсто отвѣта пріимет о своемъ согрѣшеніи.* Дѣян. XXV. 16. Для чего же и мнѣ, послѣ столь многихъ доказательствъ моей невинности, послѣ 13-лѣтней моей службы, которую я проходилъ съ искреннѣйшею ревностію, при намѣреніяхъ безкорыстнѣйшихъ и общеполезнѣйшихъ, для чего же и мнѣ не надѣяться подобнаго счастія, равномѣрнаго доказательства правосудія, столь свято почитаемаго и самыми язычниками? для чего не надѣяться сего отъ

такого Монарха, коего царствованіе не токмо строгостію правосудія но и снисходительнѣйшимъ человѣколюбіемъ пріобрѣтаетъ безсмертное уваженіе и признательность отъ цѣлаго свѣта? для чего не ожидать сего отъ тѣхъ министровъ, которые стараются со всею ревностію соотвѣтствовать расположеніямъ своего Монарха? и особенно отъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который, по своей приверженности къ добродѣтели, благочестію и ко всему священному для человѣчества, отнюдь не можетъ быть равнодушенъ къ тому, что, при самомъ его вступленіе въ управленіе министерствомъ, самая гнусная клевета и злонамѣреннѣйшая интрига осмѣлилась столь безсовѣстнымъ и наглымъ образомъ обмануть его и даже совершенно вопреки его правиламъ и благонамѣренности довести до того, что онъ рѣшился сдѣлать несчастнымъ цѣлое семейство такого человѣка, который, неутомимо трудясь день и ночь, старался споспѣшествовать выполненію великаго дѣла, могущаго посредствомъ благочестиваго и нравственнаго образованія Россійскаго народа, улучшить и возвысить человѣчество, и слѣдовательно такого наставника, который точно былъ таковъ, каковымъ желаетъ быть господинъ министръ всякому наставнику юношества, хотя онъ и рѣшился учинить это потому только, что ему нельзя было не почесть этого человѣка, на основаніи представленнаго ему отъ попечителя доноса, имѣвшаго всю благовидность истины,—нельзя было не почесть этого человѣка развратителемъ юношества и слѣдовательно преступникомъ противъ благосостоянія общественнаго. Какъ? Ужели такой министръ, какъ князь Голицынъ, можетъ быть столько равнодушенъ, чтобы попустить этому несчастному скитаться за-границею и своимъ несчастнѣйшимъ, но вмѣстѣ и безвиннѣйшимъ положеніемъ, сдѣлавшимся его участью, во время его министерства, возбуждать къ себѣ живѣйшее соболѣзнованіе всякаго друга человѣчества? Ужели столь знаменитый другъ человѣчества, столь просвѣщенный и ревностный попечитель христіанства хладнокровно можетъ взирать даже и на самый поводъ къ подозрѣнію, якобы, подъ его начальствомъ, заслуга и невинность были угнетаемы, а клевета была одобряема и награждаема? Или будетъ онъ почитать унизительнымъ для своего достоинства принимать невинность подъ свое покровительство и не воздавать ей должную справедливость тогда, когда тайна злобы и коварства была бы открыта уже въ послѣдствіи? Нѣтъ! Я никоимъ образомъ не могу ожидать ничего подобнаго. Я скорѣе повѣрю, что всеблагому Провидѣнію такъ угодно, чтобы вся тайна этого злодѣянія осталась сокрытой отъ взора человѣколюбиваго министра и чтобы я сдѣлался жертвою злобы. По премудрѣйшимъ Божіимъ судьбамъ,

случается очень нерѣдко, что дѣло злобы и ненависти не получаетъ своего рѣшенія въ сей жизни, а предоставляется окончательно и навсегда рѣшить его Судіи міра въ будущей жизни, гдѣ каждому, со всею точностію, воздано будетъ по дѣламъ его: и отъ сей-то отсрочки рѣшенія нерѣдко здѣсь угнетаемъ бываетъ невинный и торжествуетъ злодѣй, наслаждавшійся всегда постояннымъ счастіемъ и даже умирающій въ нѣдрѣ благополучія. А потому, ежели и въ отношеніи ко мнѣ, такъ угодно всещедрому Отцу человѣковъ и Творцу всей твари, чтобъ я оставленъ былъ всѣми людьми, даже и тѣми, которые и могли, и обязаны были защищать меня, и чтобъ я, такимъ образомъ, неизбѣжно сдѣлался жертвою злобы и несправедливости, то я покоряюсь такому предопредѣленію отъ всего моего сердца, ожидая, съ младенческою довѣренностію, окончательнаго рѣшенія отъ Единаго, Всевѣдущаго, Всесвятаго и Преправеднаго Судіи, отъ котораго не можетъ укрыться никакая тайна клеветы и котораго не обольститъ никакое пресмыкательство лести, не сдѣлаетъ пристрастнымъ никакое лицепріятіе и не устрашитъ никакое величіе власти. *Испытуяй сердца и утробы преведетъ* въ извѣстность *тайныя тьмы* и обнаружитъ всѣ *совѣты сердечные* (1 Кор. VI. 5). *Страшно есть, еже впасти въ руцѣ Бога живаго*, говоритъ апостолъ Павелъ (Евр. X. 31); но для угнетаемой въ этомъ свѣтѣ невинности есть начало ея торжества и блаженство то время, когда она переходитъ, изъ рукъ судей, человѣковъ въ руцѣ Судіи и Бога. Къ сему Верховному Судіи я перенесу мое дѣло коль скоро осужденъ буду всѣми судилищами человѣческими. Ему препоручу свою несчастную супругу, которую, еще при жизни моей, человѣческая злоба сдѣлала вдовою безпріютною. Ему же препоручу и дѣтей моихъ, которыхъ та же злоба низринула въ нынѣшнее ихъ сиротство. Отъ него же буду ожидать себѣ разрѣшенія и въ расужденіи остатка моего имущества, пріобрѣтеннаго многолѣтними трудами для поддержанія моего семейства, если только и жена и дѣти мои будутъ слышать тѣ же отказы въ полученіи его, какіе дѣлаемы были доселѣ. Утонченная хитрость можетъ обмануть людей и самыхъ проницательнѣйшихъ, но Бога никогда.

Я столько увѣренъ въ своей невинности и имѣю столь неограниченную довѣренность къ правосудію россійскаго правительства, что, по одному мановенію Его Императорскаго Величества, готовъ немедленно отправиться въ Петербургъ и предстать предъ моихъ обвинителей съ тѣмъ, чтобы я обязанъ былъ въ послѣдствіи подвергнуться всякому наказанію, ежели только, съ моей стороны, не дано будетъ удовлетворительнѣйшаго отвѣта хотя на одно какое либо изъ ихъ обвиненій. Тотъ самый способъ оправданія, который долженъ казаться ужаснымъ всякому

преступнику, т. е. такой способъ, по которому бы ему надлежало оправдываться въ присутствіи обвинителей справедливыхъ и судей безпристрастныхъ, *я почелъ бы для себя величайшею милостію.* Я увѣренъ, что непремѣнно буду оправданъ, если только выслушаны будутъ мои оправданія и если судимъ буду по закону строжайшей справедливости, въ какой никогда не отказывается и самому злѣйшему преступнику. Вижу также и опасность, какой подвергаюсь я въ такомъ случаѣ, ибо очень возможно, что тѣ же самые люди, которые, посредствомъ употребленнаго ими коварства, пріобрѣтеннаго ими покровительства и множества иныхъ способовъ, состоявшихъ въ ихъ распоряженіи, могли, за три года передъ симъ, низринуть меня въ теперешнее мое несчастіе, безъ всякой моей вины, очень возможно, что тѣ же самые люди и такимъ же способомъ довершать нынѣ мое несчастіе. И древняя, и новая исторія представляютъ множество примѣровъ такихъ людей, которые, при всей ихъ невинности и отличнѣйшихъ заслугахъ, при всемъ праводушіи и человѣколюбіи ихъ правительствъ, пали, подъ усиліями злобы и коварства, яко жертвы заколенія. Но я рѣшаюсь предпринять это опаснѣйшее дѣло для своей собственной чести, для своего несчастнаго семейства, для святости дѣла, которое я защищалъ и защищаю, для всей патріотической привержености къ Россіи, для чести россійскаго правительства, на которое тайна содѣяннаго надо мною злодѣянія и клеветы навлекали, со стороны иностранныхъ зрителей дѣла, ненавистную тѣнь, и наконецъ для священнѣйшаго имени Государя Императора, которое беззаконною дерзостію употреблено во зло и обезславлено. Должно дать замѣтить всей Германіи, что невинность въ Россіи, подобно какъ и въ другихъ государствахъ, хотя и можетъ быть доведена до несчастія, посредствомъ какого либо вымышленнаго преступленія, посредствомъ злобнаго и хитраго оклеветанія, но коль скоро ея поведеніе сдѣлается извѣстнымъ и преслѣдованіе тайной злобы очевиднымъ, то невинность никогда въ такихъ случаяхъ не остается безъ защиты, безъ вознагражденія, безъ удовлетворенія. Должно дать замѣтить всей Германіи, что россійское правительство не почитаетъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые,—не почитаетъ унизительнымъ для своего достоинства принимать подъ свое покровительство того невиннаго, о которомъ оно, будучи обольщено чародѣйственнымъ искусствомъ клеветы, думало сначала совершенно превратнымъ образомъ, но о которомъ нынѣ получило точнѣйшее свѣдѣніе. Для славы и могущества какого бы то ни было правительства, нѣтъ ни малѣйшаго униженія оправдывать дознанную невинность, а напротивъ того всякое правительство подвергается дѣйствительному униженію, когда оставляетъ ее безъ защиты и покровительства противъ насилія злобы.

Но если Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ Всемилостивѣйше повелѣть вызвать меня въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ я принесъ мое оправданіе противу сдѣланнаго на меня доноса, то я, на сей случай, предполагаю, 1) что до того времени, пока не выслушаны будутъ мои оправданія и пока не буду я уличенъ въ какомъ либо преступленіи, поступаемо будетъ со мною не только какъ съ человѣкомъ совершенно невиннымъ, но и какъ съ коллежскимъ совѣтникомъ россійской службы и слѣдовательно привезенъ буду въ Петербургъ не въ видѣ какого либо преступника, но такого чиновника, который проѣзжаетъ совершенно свободно, 2) надѣюсь, что для проѣзда выдано будетъ мнѣ потребное количество прогонныхъ денегъ, 3) желаю, чтобъ, по прибытіи моемъ въ Петербургъ, дозволено было мнѣ, безъ всякаго гражданскаго надзора, жить у моей жены и свободно заниматься моими дѣлами въ городѣ, 4) полагаю, что потребные для моего оправданія способы никоимъ образомъ не будутъ мнѣ затрудняемы. Но коль скоро и при всѣхъ этихъ условіяхъ, по учиненіи строжайшаго и безпристрастнѣйшаго изслѣдованія представленныхъ на меня доносныхъ пунктовъ, останусь я виновенъ хотя въ одномъ какомъ либо преступленіи, тогда пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ; тогда я готовъ буду претерпѣть наказаніе и ссылкою, и заключеніемъ во темницу, и самою смертію; тогда я не буду жаловаться, хотя бы я наказанъ былъ гораздо строже, нежели какое наказаніе заслуживалъ бы. *Аще бо неправдую, или достойно смерти сотворихъ что, не отмещуся умрети,* отвѣтствовалъ апостолъ Павелъ проконсулу Порцію Фесту; *аще ли же ничтоже есть во мнѣ, еже сіи на мя клевещутъ, никто же мя можетъ тѣмъ выдати. Кесаря нарицаю. Тогда Фестъ состязаяся съ совѣтники, отвѣща: Кесаря ли нарекалъ еси, къ кесарю пойдеши.* Дѣян. XXV. 11, 12. И я пріемлю ту же самую рѣшимость, каковую нѣкогда имѣлъ апостолъ Павелъ, ибо я нахожу себя столько же невиннымъ въ моемъ дѣлѣ, какъ и онъ, почему и объявляю торжественно, что я переношу мое дѣло на разрѣшеніе Всероссійскаго Монарха, *нарицаю кесаря* христіаннѣйшаго, правосудѣйшаго и человѣколюбивѣйшаго, ожидая, съ полною довѣренностію, отъ Его Императорскаго Величества себѣ оправданія и защиты.

Но быть можетъ, что и сей одной записки достаточно будетъ для совершеннаго удостовѣренія о моей невинности, такъ что не найдено будетъ уже нужнымъ вызывать меня въ Петербургъ, для дальнѣйшаго изслѣдованія моего дѣла. Если такое мое предположеніе оправдано будетъ самымъ событіемъ, то я умоляю правительство о пощадѣ и помилованіи моихъ непріятелей. Объявляю торжественно, что я не желаю имъ за себя возмездія. Богъ свидѣтель, что молюсь о нихъ каждодневно съ

искреннѣйшимъ усердіемъ, дабы они исправили свое поведеніе, признали свою несправедливость и были бы временно и вѣчно благополучны. Двое изъ тѣхъ, которые способствовали намѣреніямъ Дегурова и графа Потоцкаго, умерли въ прошедшемъ году, въ одно время. Дай Богъ, чтобъ они, по крайней мѣрѣ, предъ своею смертію, раскаялись въ своей несправедливости и обрѣли бы въ Богѣ своего милосерднаго Судію. Дай Богъ, чтобъ я, къ моему вящшему благополучію, могъ найти ихъ въ будущей жизни моими помилованными собратіями! Сего же желаю я и всѣмъ прочимъ, въ живыхъ находящимся, моимъ непріятелямъ, обвинителямъ и оклеветателямъ. Примиреніе, вѣчное примиреніе да будетъ между ими и мною! Я столько удаленъ отъ духа мстительности, что, еслибы получилъ я удовлетвореніе самое блистательнѣйшее, и участь моя обратилась бы въ наисчастливѣйшую, то и тогда бъ я не могъ быть счастливымъ, если бы зналъ, что они сдѣлались несчастными чрезъ меня. Есть и безъ того довольно несчастій въ семъ свѣтѣ. Я отнюдь не желаю, чтобъ кто либо сдѣлался несчастнымъ, чтобъ кто либо сѣтовалъ или проливалъ слезы чрезъ меня. Даже и тогда, когда бъ я искушаемъ былъ всѣми несчастіями, и до самаго гроба ничего бъ иного не предвидѣлъ, кромѣ злополучія, и тогда желалъ бы я осушить слезы всякаго несчастнаго, видѣть каждаго благополучнымъ и радоваться самому мнѣ, по крайней мѣрѣ, смотря на благополучіе ближняго. Всякій тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ своемъ хотя малѣйшую мстительность, не есть уже христіанинъ. Іисусъ Христосъ умеръ за всѣхъ насъ, грѣшниковъ сущихъ (Римл. V. 6); посему и мы должны не только прощать враговъ своихъ, но и умирать за нихъ (1 Іоан. III. 16), если того потребуютъ обстоятельства. И такъ я умоляю Бога и людей о помилованіи моихъ непріятелей.

Для себя въ особенности я ничего иного не прошу, какъ только, чтобы Всемилостивѣйше пожаловано было мнѣ обѣщанное Его Императорскимъ Величествомъ въ утвержденной грамотѣ Харьковскаго университета (§ 18) вознагражденіе тѣмъ чиновникамъ, кои, въ продолженіи многихъ годовъ, исправно служили при университетѣ и кои, за старостію или слабостію здоровья, не могутъ болѣе служить при немъ. 13 лѣтъ служилъ я при Харьковскомъ университетѣ съ отличнѣйшимъ усердіемъ, ревностію и патріотизмомъ, такъ что, можетъ быть ни одинъ служащій въ Россіи профессоръ столько не жертвовалъ собою своей службѣ, какъ я. И днемъ и ночью трудился я для достиженія цѣли моего назначенія. Весь день проводилъ я въ преподаваніи изустныхъ наставленій, частію у себя въ домѣ и даже большую часть ночи, вмѣсто необходимо нужнаго отдохновенія, употреблялъ я на сочиненіе та-

кихъ книгъ, въ которыхъ бы остались сѣмена, могущія и послѣ моей смерти возникнуть и принести спасительные плоды. Да и университетъ, съ своей стороны, имѣлъ такую довѣренность къ моей благонамѣренности и свѣдѣніямъ, что поручалъ мнѣ многія постороннія дѣла, совсѣмъ не относившіяся къ моей профессіи, на какую я былъ вызванъ. Въ числѣ такихъ дѣлъ исправлялъ я цѣлыя 7 лѣтъ должность секретаря при университетскомъ совѣтѣ, проходя ее съ такою исправностью и благоразуміемъ, что во всю бытность мою секретаремъ не было ни одной тяжебной ссоры въ университетѣ, какъ это видѣть можно изъ протоколовъ, веденныхъ мною по дѣламъ совѣта. Но какъ скоро Стойковичъ, въ качествѣ ректора, поручилъ эту должность другому, тотчасъ начались упущенія, интриги и распри между профессорами и усилились до такой степени, что университетъ, столь много обѣщавшій съ самаго начала, доведенъ былъ въ послѣдствіи до крайняго разстройства, изъ котораго не иначе можетъ и освободиться, какъ совершенно новымъ преобразованіемъ его. Много разъ я былъ также деканомъ и сочленомъ университетскаго правленія. Изъ учебныхъ же должностей исправлялъ я не одну только профессорскую по части теоретической и практической философіи, но сверхъ того избранъ былъ университетскимъ совѣтомъ для обученія нѣмецкому и латинскому языкамъ и словесности. Наконецъ, по порученію того же совѣта, сочинялъ я различныя книги для гимназій и издалъ латинскихъ классиковъ. Не ограничиваясь этими занятіями, писалъ я иныя многія сочиненія, по собственному побужденію, и издавалъ ихъ своимъ иждивеніемъ. Сверхъ всего этого, по особенной просьбѣ студентовъ, равно какъ и нѣкоторыхъ ученыхъ изъ городскихъ обывателей, а особенно священниковъ греко-россійской церкви, преподавалъ я у себя въ домѣ частнымъ образомъ свою философію, въ извѣстные часы, удовлетворяя просьбѣ съ удовольствіемъ и поставляя ее себѣ за честь. Какъ изустные мои уроки, такъ и мои сочиненія принимаемы были съ такимъ одобреніемъ, какимъ не пользовался ни одинъ изъ прочихъ профессоровъ. Не безъизвѣстно, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Амвросій купилъ значительное количество моихъ сочиненій для раздачи ихъ греческому духовенству, ибо онъ видѣлъ, что духъ моей философіи есть духъ благочестія, добродѣтели и христіанства. Это же самое побудило и священниковъ греческой церкви просить меня о преподаваніи имъ уроковъ изъ моей философіи. Многіе изъ петербургскихъ ученыхъ выписывали мои сочиненія. И эта то благопріятная для меня молва, эти то лестные отзывы ученыхъ любителей христіанскаго благочестія были причиною, что Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Импера-

трицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ благоугодно было послать мнѣ въ подарокъ за мои сочиненія драгоцѣнную табакерку, съ изъявленіемъ Ея милостивѣйшаго ко мнѣ благоволенія. Всѣ эти обстоятельства служатъ доказательствомъ не только моей невинности, но и моихъ отличныхъ услугъ. Что же касается до обвиненій, каковымъ подверглись тѣ же самыя книги, то тутъ не моя вина, но злоба оклеветателей. Всякій кто бы ни прочелъ мои сочиненія, всякій увидѣлъ бы, что при составленіи и изданіи ихъ, имѣлъ я не иное какое либо намѣреніе, какъ только желаніе споспѣшествовать распространенію добродѣтели, благочестія, христіанства, любви къ отечеству и благу человѣчества вообще. Столь священное, столь благодѣтельное намѣреніе заслужило бы не наказанія, но одобренія и награды. Въ дополненіе всего вышесказаннаго нельзя не замѣтить, что всѣ мои сочиненія изданы были съ одобренія университетской цензуры, исключая одного „*О славнѣйшихъ гражданахъ города Рима*“, хотя я и просилъ подвергнуть его цензурѣ, но оно однакожъ не было разсматриваемо цензурою по той причинѣ, что всѣ сочиненія, поручаемыя какому либо профессору университетскимъ совѣтомъ, издаются безъ разсмотрѣнія цензуры, на основаніи университетскихъ по сему предмету постановленій. Какимъ-же образомъ можно было, послѣ сего, обвинять меня даже и въ томъ, что я, какъ иностранецъ, по моему невѣдѣнію частныхъ россійскихъ соотношеній, можетъ быть, и не досмотрѣлъ чего либо въ моихъ сочиненіяхъ? Положимъ, что есть въ моемъ естественномъ правѣ нѣчто такое, что не совсѣмъ соотвѣтствуетъ Россійскому законоположенію, образу правленія, особливымъ какимъ либо намѣреніямъ гражданскимъ или церковнымъ; но за это долженъ бы былъ отвѣтствовать цензоръ, а не я, который, какъ чужестранецъ, могъ и не знать всѣхъ Россійскихъ соотношеній въ подробности. Цензоръ же этого сочиненія былъ профессоръ Успенскій природный россіянинъ, ревностный патріотъ, человѣкъ весьма свѣдущій въ россійскомъ законоположеніи и обучавшій въ Харьковскомъ университетѣ россійскимъ правамъ. Но отъ этого профессора никогда не требовано было отвѣта за цензуру одобреннаго имъ сочиненія, чему однакожъ надлежало бы быть по необходимости, еслибы хотя одно изъ представленныхъ на мое сочиненіе обвиненій было основательно, а особенно то обвиненіе, по которому книга моя должна заключать въ себѣ явныя порицанія россійскихъ постановленій. Цензоръ Успенскій никогда бы не пропустилъ, никогда бы не оставилъ въ моей рукописи ничего такого, что имѣло бы хотя нѣкоторое отдаленнѣйшее сходство съ обвиненіемъ подобнаго рода. А потому и одно это обстоятельство, что цензоръ упомянутой книги никогда не подлежалъ

никакой отвѣтственности—ни доносу, по содержанію книги, хотя онъ и долженствовалъ бы быть по сему дѣлу судимъ преимущественно такъ какъ природный россіянинъ и профессоръ россійскаго права, коему нельзя было не знать всего вообще, что противно Россійскимъ законамъ и постановленіямъ, а потому и одно это обстоятельство служитъ неоспоримымъ доказательствомъ не только моей невинности, но вмѣстѣ и того, что сочинитель обвиненій, вопреки своему внутреннему сознанію о моей невинности, хотѣлъ уязвить меня посредствомъ оклеветанія. Онъ долженъ былъ умолчать о лицѣ цензора, ибо предвидѣлъ, что если-бы онъ рѣшился обвинять и цензора, то не могъ бы довести меня до предположеннаго имъ несчастія; цензоръ принужденъ бы былъ сильно защищаться противъ такого обвиненія, а чрезъ то обнаружилъ бы и мою невиновность. Изъ этого явствуетъ, что, съ какой бы стороны ни разсматриваемо было мое дѣло, отовсюду очевиднѣйшимъ образомъ усматривается моя невинность.

Но для чего исчисляю я всѣ эти обстоятельства? Пусть лучше изслѣдована будетъ самая книга; пусть сличены будутъ доносные пункты съ самыми мѣстами книги; пусть, по крайней мѣрѣ, бѣглымъ образомъ прочтена будетъ вся книга, и тогда окажется само собою, что обвинительные пункты суть не иное что, какъ явная клевета и что доселѣ ни одна книга подобнаго содержанія не написана была съ такимъ чувствомъ нравственности, христіанскаго благочестія и преданности къ отечеству, какъ это потомъ окажется само собою, что вся книга не иное что заключаетъ въ себѣ, какъ священный Его Императорскаго Величества союзъ, представленный въ полной системѣ; тогда окажется само собою, что если такіе наставники, каковъ сочинитель книги, будутъ изгоняемы изъ Россіи, то и всѣ благодѣтельнѣйшія и благоразумнѣйшія учебныя заведенія, учрежденныя Его Императорскимъ Величествомъ для образованія Россійскаго народа и поддерживаемыя Его щедротами и отеческою попечительностію, по необходимости, должны будутъ разрушиться; ибо какіе уже послѣ сего должны будутъ оставаться въ Россіи учители? или какіе люди вновь опредѣляемы будутъ къ учительскимъ должностямъ? Если я, по моимъ правиламъ и ученію, былъ развратителемъ Россійскаго юношества, совершенно заслуживавшимъ то наказаніе, каковое меня постигло; то надобно послѣ этого избирать и опредѣлять такихъ учителей, которые бы отвергали добродѣтель, благочестіе, христіанское ученіе, любовь къ отечеству и внушали бы такія же мысли и расположенія обучающемуся у нихъ юношеству, и такимъ образомъ посиѣшили бы изъ мужественнаго Россійскаго народа образовать такой народъ, каковы были французы во

время революціи. Но, какъ кажется, такое точно и имѣютъ намѣреніе всѣ тѣ находящіеся въ Россіи порицатели моихъ и моимъ подобныхъ сочиненій, которые съ явнымъ безстыдствомъ возстаютъ и на сочиненія, и на сочинителей, доводя и самыя семейства этихъ послѣднихъ до глубочайшаго несчастія; въ противномъ случаѣ всякій, читающій изданныя мною книги, долженъ бы былъ крайне изумляться, разсуждая объ участи, постигшей меня въ Россіи.

И такъ, я надѣюсь, что во уваженіе моей невинности, подтверждаемой всѣми обстоятельствами,—моей службы, какую я проходилъ при Харьковскомъ университетѣ въ продолженіи тринадцати лѣтъ,—и моей отличнѣйшей ревности и неоспоримыхъ заслугъ, оказанныхъ мною университету, удостоенъ буду и я той же милости, какую Его Императорское Величество обѣщалъ въ утвердительной грамотѣ университета всѣмъ подобнымъ мнѣ профессорамъ предъ лицемъ цѣлой Европы. Въ грамотѣ сказано, что такимъ профессорамъ, въ вознагражденіе ихъ службы, обращается годовое ихъ жалованье въ пенсіонъ по смерть. Этою Высочайшею милостію я бы былъ достаточно вознагражденъ за все несчастіе, за всѣ страданія, въ какія низринули меня зложелательство и клевета. Этою же милостію пріобрѣло бы и Россійское правительство наивящшее къ себѣ уваженіе и разсѣяло бы всѣ предосудительныя мнѣнія иностранцевъ, къ каковымъ подало поводъ вышеупомянутое мое приключеніе.

Если же, по какимъ либо, для меня совершенно неизвѣстнымъ причинамъ, лишенъ я буду навсегда всякой милости, то прошу усерднѣйше, по крайне мѣрѣ, не задерживать долѣе остатка моего имущества, назначаемаго мною въ пользу моей жены и моего сына. Вѣрныя копіи съ векселей на полученіе его препровождены мною къ господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю Голицыну. По полученіи же денегъ, прошу покорнѣйше выдать одну половину изъ нихъ моей женѣ, находящейся теперь въ Петербургѣ, а другую переслать къ моему сыну, обучающемуся теперь, подъ моимъ надзоромъ, медицинскимъ наукамъ въ Іенѣ. Деньги, принадлежащія сыну, могутъ быть переданы въ Веймаръ, на имя тамошняго великогерцогскаго правительства, которое, по своему человѣколюбію, будетъ употреблять ихъ такъ, чтобы сынъ мой могъ, при этомъ пособіи, окончить свои науки. Для себя самого я не оставляю ни одной копейки. Жертвую собою Іисусу Христу, коего ученіе я защищалъ и за имя коего претерпѣваю мое теперешнее несчастіе. Буду утѣшаться тѣми священнѣйшими истинами, которыя составляютъ мое вѣроисповѣданіе и которыя изложены мною въ приложеніи В: онѣ, подобно ангеламъ

хранителямъ, будутъ охранять меня на пути къ лучшей жизни и сопровождать до самаго престола того Судіи, предъ которымъ не можетъ не быть посрамлена всякая клевета. Я довольно богатъ и тѣмъ, что имѣю моимъ покровителемъ и другомъ самого Бога. *Тотъ слишкомъ любостяжателенъ,* какъ говоритъ учитель церкви Августинъ, *для кого не довольно имѣть самаго Бога.*

Наипреданнѣйшій слуга, преждебывшій профессоръ философіи и латинской словесности при Харьковскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ *Іоганнъ Шадъ.*

Іена. 2-го Февраля 1820.

Такова оправдательная записка Шада. За нею помѣщены образцы его религіозной поэзіи. Вотъ одинъ изъ такихъ образцовъ.

Въ этихъ стихахъ, сочиненныхъ мною для собственнаго моего назиданія, говоритъ Шадъ, заключаются всѣ тѣ священныя истины, на коихъ основана моя философія. И потому они для меня суть мое вѣроисповѣданіе.

Природа, человѣкъ, Богъ-Творецъ и Искупитель.

Сколь сладостна, сколь восхитительна брачная пѣснь твоя, любезный соловей! Рѣки радостей текутъ въ душѣ моей, внимающей твоему пѣнію,—рѣки радостей, упоевающихъ блаженныя души, оглашаемыя пѣніемъ лика ангеловъ.

Сколь невинны твои радости, сколь чужды всякаго прискорбія, уязвляющаго сердце человѣка, и сколь чисты, непорочны твои увеселенія. Ты живешь безъ скорби, безъ заботъ, близь маленькаго ручейка, въ своей зеленолиственной кущицѣ.

Ты не знаешь никакого неистоваго побужденія; твоя пища и твоя супружеская любовь суть твои единственныя заботы и вмѣстѣ удовольствія. Сколь любезны твои шуточныя подражанія, каковыми ты, сидя на тонкой, колеблющейся вѣтви, отвѣтствуешь въ часы веселыхъ пѣсней или супругѣ твоей, или твоимъ собратіямъ!

Ты живешь въ этой рощицѣ совершенно свободенъ, не зная ни неволи, ни принужденности: и юная Нонна (инокиня), смотря на твое состояніе, съ сердечнымъ унынiемъ говоритъ сама въ себѣ: „О! если бы была я столь же счастлива, какъ и ты“.

Твоя супруга, исполненная материей попечительности, сидитъ день и ночь въ гнѣздѣ, для будущихъ птенцовъ своихъ, и, можетъ быть, къ завтрешнему утру уже сдѣлается матерью. Какую радость

долженъ ты чувствовать тогда, какъ радостныя пѣсни дѣтей твоихъ будутъ раздаваться въ сей же самой рощѣ, въ твоемъ присутствіи!

О! дай Боже, чтобъ никакой жестокій человѣкъ не могъ похитить изъ сей благословенной колыбели дражайшихъ птенцовъ твоихъ. Его алчность ничѣмъ такъ не утѣшается, какъ добычею невинности и кровію дѣтей твоихъ.

Удалившись отъ страны невинности и свободы, онъ ни мало не чувствуетъ своихъ оковъ, своего порабощенія той блистательной образованности, которая заставляетъ его служить прихотямъ порока, издѣваться надъ невинностію и стыдиться природы.

Всякій, черпающій мудрость изъ кладязей буйства и утоляющій алчбу благополучія болотною грязью неестественности,—всякій таковой, по необходимости, гнушается истинными удовольствіями человѣчества, и съ скотскою надменностью погрязаетъ въ нечистотахъ порока.

Единая добродѣтель есть чистѣйшій и преизобильный источникъ, протекающій по пустынѣ сего свѣта,—источникъ всякаго благословенія, есть вѣрнѣйшій руководитель, возводящій къ матернимъ нѣдрамъ природы и увѣнчивающій розами радостей, достойныхъ цѣли человѣка.

О природа! отъими отъ насъ тяготу неестественности и чрезъ искусство научи насъ искусству быть тѣмъ, что ты,—ты, которая, будучи дщерію безпредѣльнаго духа, представляешь образъ его божественности и составляешь самую душу духовъ.

Всѣ вещи суть чада божественнаго разума, суть прелестнѣйшіе звуки вѣчной гармоніи, суть такіе исполнители воли существа Всесвятѣйшаго, которые, не зная сами своего назначенія, достигаютъ вѣрно своей цѣли и составляютъ симпатическое цѣлое.

Самый прахъ есть одежда божества, но Его существо наиболѣе усматривается въ человѣкѣ. Онъ лишенъ своего прежняго мѣстопребыванія за грѣхъ, но борьбою и побѣдою надъ ангеломъ тьмы онъ долженъ возвратить потерянное небо и вознестися къ Богу.

Путь къ высочайшему достоинству Бога идетъ чрезъ глубину ада, гдѣ иго креста обращается въ престолъ блаженства. Изъ нощи рождается день; изъ заблужденія стремленіе къ мудрости; изъ смраднаго гніенія безконечная жизнь.

Преступленіе, погрузившее человѣка въ глубину растлѣнія, возбудило въ его сердцѣ божественную искру свободы, удобовозрастающую въ пламенное море рвенія ко всякому благу. Одна минута свободнаго

преодолѣнія драгоцѣннѣе пребыванія въ колыбели невинности и самыхъ прелестей вѣчнаго дѣтства.

Если небо невинности уже потеряно, то всякій человѣкъ, какъ раждаемый въ нечистотѣ порока, раждается на подвигъ брани. Очень низко было состояніе невинности въ сравненіи съ тѣмъ солнцеобразнымъ величіемъ добродѣтели, каковое пріобрѣтается покаяніемъ и пламеннымъ рвеніемъ брани.

Крайняя цѣль человѣка есть быть Богомъ, и потому ни что земное не удовлетворяетъ его, ни даже благоденствіе Эдема. Вѣчная любовь, покрытая кровавою одеждою, возводитъ его отъ самаго края гибели до престола Бога, въ благолѣпіи и образѣ Бога.

О Божественная любовь! Ты дыханіемъ устъ твоихъ, въ пустотѣ ничтожества сотворила вселенную. Ты, свѣтомъ лица твоего озарила милліоны солнцевъ. Ты хощешь,—и расширяются міры, исполненые блаженнѣйшихъ сладостей для духовъ безчисленныхъ.

Но ахъ! человѣкъ украшенный твоимъ подобіемъ, поселенный въ раю сладостей, тебѣ не покаряется; возвергаетъ вину непокорства на Творца своего и Ты, о безпредѣльная любовь.—Ты умираешь, за его преслушаніе, на Голгофѣ.

Любовь безъ жертвы—адъ: одною только полнотою чаши горестей утоляются ея радостныя страданія. И самъ Богъ, какъ бы не довольствуясь собственнымъ блаженствомъ, находитъ свое вящшее блаженство въ томъ, чтобъ видѣть его пожертымъ на его алтарѣ.

Преступленіе слезнымъ окомъ помаваетъ Сыну Божію снизойти съ престола величествія до уничиженія сына земнородныхъ. Ужаснися небо! Богъ низходитъ умереть въ прахѣ, дабы воздвигнуть прахъ изъ гроба и вознести до высоты Божія сына и наслѣдника.

Творецъ міра, всесвятый, умираетъ на древѣ крестномъ, подобно отягченному проклятіемъ грѣшнику; умираетъ, терпя наказаніе за чужія преступленія; умираетъ въ видѣ агнца, заколаемаго отъ сложенія міра.

Блаженствуй, преступленіе, единственный источникъ горестей! ты будешь отселѣ цвѣсти во святилищѣ и приносить плодъ сыновъ Божіихъ. Блаженствуйте, бездны, вмѣстилища преступниковъ. Кровь искупителя, пролитая на крестѣ, претворяетъ васъ въ обители небесныя.

Сей великолѣпный театръ міра представляетъ мнѣ нынѣ въ Творцѣ моемъ отца и друга—искупителя; такъ, всѣ твари суть зерцало любви, печать вѣчнаго примиренія положена на всей вселенной.

Да воинствуетъ убо всякой, омытый кровію Христовою, да умерщвляетъ силу грѣха, и всего себя да посвятитъ кресту Распятаго, ибо

симъ только способомъ пріобрѣтается вѣнецъ побѣды и престолъ богоподобія въ царствѣ славы.

XII.

Послѣднія ходатайства.

Ни записка, ни религіозная поэзія цѣли не достигли: Шадъ снова получилъ отказъ. Послѣ этого онъ замолкъ на 7 лѣтъ. Но съ воцареніемъ Императора Николая Павловича сдѣлалъ новую послѣднюю попытку напомнить о себѣ и о своемъ злосчастномъ дѣлѣ. Въ 1827 году онъ отправилъ на имя министра народнаго просвѣщенія слѣдующее письмо. „Изъ сочиненій моихъ, которыя я Вамъ за два года переслалъ, безъ сомнѣнія Вы усмотрѣть изволили, что я не за какое либо преступленіе, но чрезъ коварное оклеветаніе отъ должности моей былъ отставленъ безъ всякой законной причины, я былъ высланъ изъ Россіи, не зная обвиненій, которыми непріятели мои меня оклеветали. Сочиненія мои, сочтенныя развратными, содержатъ совсѣмъ противное и доказываютъ не только мою невинность, но и заслуги мои Харьковскому университету, и кто ихъ со вниманіемъ прочитаетъ, тотъ удостовѣрится ясно, что одна живѣйшая ревность къ добродѣтели, вѣрѣ христіанской и русской имперіи ихъ одушевляютъ.

Но такъ какъ обстоятельства, которыя за два года справедливости и благосклоному сердцу Вашего Высокопревосходительства причиняли препятствія, теперь перемѣнились; то я съ полнымъ упованіемъ дерзаю повторить покорнѣйшую мою просьбу о ежегодной пенсіи, которую Его Императорское Величество блаженной памяти *Государь Императоръ Александръ I* каждому профессору въ Харьковѣ, безъ вины своей больше служить не могущему, въ законахъ университетскихъ назначилъ. Въ нихъ же предписано слѣдующее: 1) Ежели проф. безъ вины своей болѣе служить не можетъ, то получаетъ половину жалованья своего, т. е. 1000 руб. пожизненой пенсіи. 2) Если же онъ пріобрѣлъ себѣ особенныя достоинства въ продолженіи своей службы, то опредѣлено ему полное жалованье по 2000 руб. Сочиненія мои служатъ явнымъ доказательствомъ моихъ заслугъ Харьковскому университету. Основываясь на этихъ университетскихъ узаконеніяхъ, которыя блаженной памяти Государемъ Императоромъ Александромъ I утверждены, ходатайствомъ Вашего Высокопревосходительства осмѣливаюсь просить Его Императорское Величество нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Павловича, какъ блюстителя законовъ и справедливости, всемилостивѣйше опредѣлить, мнѣ по заслугамъ моимъ пожиз-

ненную пенсію. За эту Высочайшую милость, при старости моей и безпрестанныхъ болѣзняхъ столь необходимую, до смерти буду питать глубочайшую благодарность, и она послужитъ мнѣ поощреніемъ къ довершенію того, что я прежде въ Россіи философскими моими сочиненіями хотѣлъ привесть въ дѣйствіе, а именно—христіанской вѣрѣ противъ нынѣшняго вольнодумства дать непоколебимую подпору. Хотя бы я могъ дожить до глубокой старости, однакожъ, имѣя уже 69 лѣтъ отъ рожденія, не могу долго пользоваться пенсіею, слѣдуемой мнѣ по статутамъ университетскимъ. Вашему же Высокопревосходительству пріятно будетъ чувство усладить по крайней мѣрѣ послѣднія лѣта жизни гнусною клеветою угнетеннаго человѣка. Уповая на эту Высочайшую милость съ особеннымъ къ особѣ Вашей благоговѣніемъ пребуду Вашего высокопревосходительства глубочайшій чтитель коллежскій совѣтникъ и профессоръ философіи при Іенскомъ университетѣ Иванъ Шадъ.

Іена. Февраля 27 1827.

P. S. Я имѣлъ счастіе въ 1816 году въ Харьковѣ говорить съ Его Императорскимъ Величествомъ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, тогдашнимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ въ то самое время, какъ соперники начали на меня въ С.-Петербургѣ доносить, и я имѣлъ счастіе вручить ему свои сочиненія съ просьбою, въ которой все изъяснилъ, что принадлежитъ до обвиненій и покорнѣйше просилъ, чтобы сочиненія мои строжайшимъ образомъ были изслѣдованы и мнѣ позволено бы было оправдаться, потому что непріятели мои старались тогда довести дѣло до того, чтобы меня безъ всякого разъисканія судили. Его Императорское Величество соизволилъ мнѣ послѣ въ Берлинѣ черезъ тамошняго посланника объявить, что онъ къ сожалѣнію не можетъ въ этомъ дѣлѣ дать помощи, потому что обстоятельства не позволяютъ вмѣшиваться въ него. Я не могу себѣ представить, чтобы Его Императорское Величество нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Павловичъ милостивѣйшія свои намѣренія въ разсужденіи меня перемѣнилъ, особенно когда теперь совсѣмъ въ Его Высочайшей состоитъ власти принять мою всенижайшую просьбу о ежегодной пенсіи. Если же мнѣ сверхъ чаянія по нынѣшнимъ законамъ Россійскимъ нельзя ожидать отъ Милости Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича ежегодной пенсіи, то я ласкаю себя надеждою, что по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ вознаграждены будутъ потери, внезапнымъ отрѣшеніемъ меня отъ должности причиненныя, ибо я черезъ это неожиданное удаленіе изъ Россіи лишился всего своего имѣнія и претерпѣваю теперь во

всемъ крайнюю нужду, не получая никакого жалованья и безпрестанно находясь въ болѣзненномъ состояніи".

Пересмотръ дѣла Шада былъ порученъ извѣстному Ширинскому-Шахматову, который, ознакомившись обстоятельно со всѣми документами, далъ о немъ слѣдующее заключеніе: „Чтобы изъявить по совѣсти какое нибудь рѣшительное мнѣніе о дѣлѣ Шада и объ участи, достойно или безвинно его постигшей, должно бы кромѣ присланныхъ ко мнѣ бумагъ разсмотрѣть и доносъ г. Дегурова и бывшее въ совѣтѣ Харьковскаго университета производство и непринятыя этимъ совѣтомъ мнѣнія профессоровъ Каменскаго и Рейта, наконецъ должно бы еще прочесть и книги г. Шада, какъ тѣ, которыя были напечатаны въ Россіи, такъ и другія, изданныя имъ въ Германіи, объ нихъ упоминается въ отношеніи князя А. Н. Голицына къ графу Каподистрія [1]). Вы скажете, что это невозможно, и я согласенъ съ вами, но безъ этого также невозможно (мнѣ по крайней мѣрѣ) объявить Шада виноватымъ или невиновнымъ. Въ запискѣ министра просвѣщенія, по которой судилъ комитетъ министровъ, и въ донесеніи попечителя обвиненія на него въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что, сличая ихъ съ отвѣтами Шада, мудрено рѣшить о степени основательности или неосновательности его оправданій. Я замѣтилъ только, что эти обвиненія становятся сильнѣе, переходя изъ одной бумаги въ другую, изъ донесенія попечителя въ записку, которая внесена въ комитетъ министровъ, а потомъ изъ этой записки въ отношеніе къ графу Каподистрія. Замѣчаю еще, что изъ дѣла не видно, возвращены ли Шаду 10800 руб., которыхъ онъ требовалъ съ какихъ то должниковъ. его".

Въ 1828 г. въ Петербургъ пріѣхалъ сынъ Шада и подалъ прошеніе такого содержанія:

Всемилостивѣйшій Государь!

„Отецъ мой, коллежскій совѣтникъ Иванъ Шадъ, теперь экстраординарный профессоръ въ Іенѣ, служилъ тринадцать лѣтъ профессоромъ философіи при Харьковскомъ университетѣ и всегда имѣлъ счастіе пользоваться уваженіемъ своего начальства. Въ 1813 году тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій предписалъ ввести Логику его, сочиненную на латинскомъ языкѣ, не только въ Харьковскомъ университетѣ, но и во всѣхъ гимназіяхъ Россійской Имперіи и Ея Императорское Величество блаженной памяти Государыня

[1]) Leben des unwürdigen Verters Sincerus и пр.

Императрица Елисавета Алексѣевна, увѣряясь о пользѣ его сочиненій, благоволила въ 1816 году наградить заслуги его дрогоцѣннымъ подаркомъ и одобрить его труды чрезъ министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго всемилостивѣйшею и лестною похвалою. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того отецъ мой лишился всего своего немаловажнаго имѣнія неожиданнымъ и внезапнымъ отрѣшеніемъ отъ должности и удаленіемъ изъ Россіи и нынѣ на семидесятомъ году отъ роду претерпѣваетъ во всемъ крайнюю нужду, не получая никакого жалованья и безпрестанно находясь въ болѣзненномъ состояніи. Въ 1816 году, въ то самое время, когда непріятели его начали въ Санктпетербургѣ доносить на него, имѣлъ онъ счастіе представляться въ Харьковѣ Вашему Императорскому Величеству и поднести Вамъ свои сочиненія. Ваше Императорское Величество благоволили въ 1817 г. въ Берлинѣ чрезъ тамошняго Россійскаго посланника приказать объявить отцу моему о принимаемомъ Вами въ несчастномъ положеніи его участіи. Нынѣ, Всемилостивѣйшій Государь, дерзаю утрудить Ваше Императорское Величество этою всеподданнѣйшею просьбою и ласкаюсь надеждою, что всемилостивѣйшее благорасположеніе Ваше въ пользу несчастнаго моего отца не перемѣнилось; осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить о вознагражденіи отца моего за потери, понесенныя имъ при внезапномъ отрѣшеніи его отъ должности, и этою Монаршею милостію усладить послѣднія лѣта жизни добродѣтельнаго человѣка и усерднаго слуги. Въ твердомъ упованіи на Высочайшую милость Вашего Императорскаго Величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій Германъ Густавъ-Фридрихъ Шадъ, докторъ философіи.

Санктпетербургъ.
Февраля 1-го числа 1828 г.

Министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ заключенія попечителя Харьковскаго учебнаго округа гр. Перовскаго и тотъ далъ отъ себя слѣдующій отзывъ.

„На предписаніе Вашего Высокопревосходительства отъ 24 текущаго февраля, съ препровожденіемъ въ копіи всеподданнѣйшаго прошенія доктора философіи о вознагражденіи отца его, служившаго профессоромъ философіи при Харьковскомъ университетѣ, за потери, понесенныя имъ при внезапномъ отрѣшеніи его отъ должности, честь имѣю отвѣтствовать, что вышеозначенное всеподданнѣйше прошеніе г. Шада, я нахожу заслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе, что старость и болѣзнь отца его, котораго я имѣлъ случай видѣть въ бытность мою за границею,—при весьма недостаточномъ его состояніи,

дѣйствительно требуютъ пособія. И потому я полагалъ бы вознаградить его исходатайствованіемъ Высочайшаго соизволенія на выдачу ему изъ хозяйственной суммы Харьковскаго университета десяти тысячъ рублей единовременно, съ опредѣленіемъ въ пенсіонъ по смерть половину жалованья, какое онъ получалъ въ семъ университетѣ по должности ординарнаго профессора, т. е. по одной тысячѣ рублей въ годъ изъ университетской же суммы, на пенсіоны назначенной.

Такое мнѣніе мое честь имѣю предать благоусмотрѣнію Вашего высокопревосходительства.

Попечитель *Ал. Перовскій.*

28 февраля 1828.

Казалось, обстоятельства на этотъ разъ складывались вполнѣ благопріятно для несчастнаго Шада, но въ дѣйствительности вышло иначе—просьбу Шада велѣно было оставить безъ послѣдствій.

XIII.

Общее заключеніе.

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ можно признать убѣдительными оправданія Шада по поводу взведенныхъ противъ него обвиненій. Несомнѣнно, что они способны поколебать основу тѣхъ доносительныхъ пунктовъ, которые направлены противъ его сочиненій—„De viris illustribus urbis Romae“, „Iustitutiones juris naturae“. Послѣднее сочиненіе дѣйствительно представляетъ попытку примиренія вѣры и разума. Задачу его самъ Шадъ опредѣляетъ такъ. „Чтя божественную мудрость, выразившуюся въ священномъ писаніи, преимущественно въ новомъ завѣтѣ, я отвергаю и признаю ложною и гибельною всякую философію, не согласную съ истинами, проповѣдуемыми Св. Писаніемъ. Во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, изданныхъ и предназначаемыхъ къ изданію, я стремлюсь къ тому, чтобы сообщить этимъ святымъ, глубокимъ и спасительнымъ истинамъ такія опоры, которыхъ не могли бы поколебать и ниспровергнуть никакія измѣненія временъ и мнѣній человѣческихъ, никакая ложная философія и самая необузданная жизнь. Въ этомъ стремленіи моя слава, въ немъ хочу состарѣться и съ ними умереть“. Таково было міросозерцаніе Шада въ *это время*. Въ приводимыхъ выдержкахъ изъ своего „Естественнаго права“ онъ въ цѣляхъ самооправданія подчеркиваетъ свою христіанскую философію. Но напрасно онъ старался убѣдить, что его книга написана въ духѣ воззрѣній министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына—между ними была цѣлая пропасть. Шадъ нѣсколько съузилъ теперь, срав-

нительно съ тѣмъ временемъ, когда писалъ свою автобіографію и отца Синцера, сферу разума, но все таки отводилъ ему видное мѣсто, а главное ратовалъ за его свободу. На первыхъ страницахъ своей книги онъ трактуетъ о правахъ человѣка, которыя выводитъ изъ права, требуемаго разумомъ—„жить согласно со своею природою“. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ онъ, человѣкъ имѣетъ право на абсолютную свободу, которой никакая внѣшняя, даже вооруженная сила не можетъ исторгнуть; въ этомъ правѣ заключается высшее достоинство человѣка, сближающее его съ божественной природой. Существенными условіями общественной и гражданской жизни являются для него не только забота о собственномъ удобствѣ, но и ненарушимость взаимныхъ правъ, а также мудрость. Разумъ долженъ ограничивать и умѣрять заботу о собственномъ удобствѣ во имя общественнаго блага. Мудрость, сообщающая человѣку высшее достоинство, есть плодъ заботъ о нашемъ образованіи, не имѣющемъ предѣловъ, и каждое гражданское общество, правильно устроенное, не только не можетъ ограничивать стремленія къ мудрости, но и обязано облегчать его всякими мѣрами и доставлять къ этому всѣ средства. А потому нельзя придумать ничего болѣе нелѣпаго какъ принужденіе въ стремленіи къ этой цѣли, въ выборѣ средствъ къ тому и въ ограниченіи этого стремленія. Ничто не принадлежитъ намъ больше, какъ мы сами, какъ наши духовныя блага, которыми мы владѣемъ или которыми овладѣть можемъ: намъ принадлежитъ свобода, управляемая разумомъ, стремиться ко всему высокому и прекрасному, и тѣмъ выражать свою божественную природу; намъ принадлежитъ воля, возбуждающая насъ къ дѣйствіямъ, достойнымъ человѣка; намъ принадлежатъ всѣ наши духовныя и тѣлесныя силы, непрерывнаго развитія которыхъ требуетъ отъ насъ нашъ разумъ; намъ принадлежатъ всѣ усилія къ изслѣдованію истины, къ проникновенію въ тайны природы; намъ принадлежатъ доказательства для утвержденія святыхъ истинъ, безъ которыхъ никто не можетъ быть ни добрымъ, ни счастливымъ; намъ принадлежитъ убѣжденіе въ абсолютной цѣли добродѣтели, въ высочайшемъ назначеніи человѣка, въ надеждѣ на будущія блага, въ религіи; намъ принадлежитъ, наконецъ, выборъ легчайшихъ средствъ къ достиженію цѣли, предлагаемой разумомъ“. Онъ вполнѣ убѣжденъ въ необходимости свободы мысли. Ни одно постановленіе, говоритъ онъ, не можетъ имѣть такой силы, чтобы обязать абсолютною необходимостью признать за истину, безъ собственнаго испытанія и удостовѣренія въ достаточности доказательствъ, то, что предлагаетъ законодатель, хотя бы онъ самъ и убѣжденъ былъ въ истинѣ требуемаго; истина не можетъ быть передаваема, какъ

вещь, или предписываема, а принимается только по свободному изслѣдованію и убѣжденію. Отсюда естественно вытекаетъ свобода совѣсти и полная терпимость въ дѣлѣ религій. Государь, говоритъ Шадъ, обязанъ предоставлять подданнымъ безъ всякаго различія свободу слѣдовать тому вѣроисповѣданію и обряду, въ истинѣ, превосходствѣ и пользѣ которыхъ каждый изъ нихъ наиболѣе убѣжденъ. Въ вопросѣ о свободѣ мысли, воли и дѣйствій Шадъ придерживается средняго, либеральнаго, но не радикальнаго пути: популярныя сочиненія, расчитанныя на широкую публику, по его мнѣнію, нуждаются въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, но университетское преподаваніе и наука должны быть вполнѣ свободны; исходя изъ этого положенія, онъ сильно ратуетъ за латинскій языкъ, недоступный для толпы. Государь, говоритъ Шадъ, обязанъ не болѣе ограничивать свободу въ устномъ или письменномъ сообщеніи мыслей другимъ, какъ того требуетъ общественная польза, такъ какъ и благоразумная и скромная свобода этого рода должна быть почитаема однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ совершенствованія общественнаго благосостоянія и народнаго образованія. Такимъ же прогрессистомъ, подъ часъ даже крайнимъ, является Шадъ и въ сферѣ своихъ воззрѣній на семейную жизнь. Отъ родителей онъ требуетъ обязанности давать соотвѣтственное образованіе своимъ дѣтямъ. Отъ высшихъ сословій, занимающихъ общественныя должности и имѣющихъ по своимъ привиллегіямъ, богатству, внѣшнимъ отличіямъ власти, большое вліяніе на остальныхъ гражданъ, общество можетъ требовать высшаго и разнообразнаго образованія и имѣетъ право предписать самыя средства для его достиженія; въ наказаніе же, за невыполненіе этого требованія, они могутъ быть низводимы въ низшія сословія. Но, съ окончаніемъ образованія, должна прекратиться и зависимость дѣтей отъ родителей. До сихъ поръ, говоритъ онъ, еще остаются слѣды стараго тиранническаго убѣжденія, что сыновья обязаны рабскимъ отношеніемъ къ родителямъ за свое рожденіе, воспитаніе и образованіе, и убѣжденіе объ ихъ равноправности съ родителями, по достиженіи совершеннолѣтія, многими признается юридическою ересью. Шадъ всѣми силами убѣжденія возстаетъ противъ рабства. Рабство въ собственномъ смыслѣ, говоритъ онъ, по которому человѣкъ разсматривается какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву. Хотя съ древнихъ временъ были, и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь и не только у нихъ, но и у ихъ дѣтей и всего потомства и не признающіе за рабами никакого человѣческаго права, однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основывающееся на общемъ благѣ. По зако-

намъ разума, нѣтъ права безъ взаимнаго права, т. е. безъ обязательства, а при такомъ образѣ мыслей господинъ имѣлъ бы право безъ обязательства, подчиненные же ему имѣли бы только одно обязательство безъ всякаго права; такое состояніе противорѣчило бы природѣ всякаго общества; при томъ оно не основано и на договорѣ, такъ какъ согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ, такое состояніе есть ничто иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни. Человѣкъ долженъ относиться къ человѣку съ любовью, уваженіемъ и благоговѣніемъ, какъ совершеннѣйшему творенію Бога-Творца природы ему подобному. Вообще все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ представляетъ, по вѣрному замѣчанію академика Н. А. Лавровскаго, „неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія свободы“ [1]). Нужно впрочемъ замѣтить, что эти идеи принадлежали не столько самому Шаду, сколько тогдашней наукѣ естественнаго права; въ основу этой послѣдней положена была философія и изъ нея выводились уже нормы юридическаго характера. Но Шадъ съумѣлъ внести и сюда не мало новаго и оригинальльнаго, благодаря своему сильному, ясному и творческому уму. Сказать *новое слово* побудили его тогдашнія политическія обстоятельства освобожденія Европы отъ тиранiи Наполеона. Счастливое измѣненіе обстоятельствъ, братскій священный союзъ государей подавалъ ему надежду на появленіе новаго порядка вещей, новой формы государства, управляемаго *согласно вѣчнымъ законамъ разума*; подъ вліянемъ всеобщаго подъема духа и онъ рѣшился освободить науку естественнаго права отъ господствовавшихъ въ ней ошибокъ, созданныхъ французскою философіей. Возможность же установленія истинныхъ понятій о естественномъ правѣ Шадъ видитъ только въ соглашеніи науки о правѣ съ наукою о нравственности и религіи и этому посвящена его книга. Такова одна оригинальная сторона его сочиненія. Другая заключается въ томъ, что онъ вооружался здѣсь противъ механической теоріи государства, господствовавшей въ его время, и опровергалъ положеніе, будто бы государство создано только для доставленія гражданамъ внѣшней безопасности: идею права онъ старался органически слить съ идеей обязанности. Такимъ образомъ, книга Шада о естественномъ правѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно отличалась отъ аналогичныхъ сочиненій другихъ писателей. Но этой разницы не желали отмѣчать тѣ лица, которыя доносили на

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. 1873, кн. 2-я, стр. 45—53.

книгу и старались выискать въ ней неблагонамѣренныя мѣста; они игнорировали религіозный элементъ въ ней и подчеркнули исключительно раціоналистическій—тотъ духъ свободы, за которой стоялъ Шадъ и который не соотвѣтствовалъ уже реакціонному настроенію какъ самого Императора Александра I-го, такъ и окружавшихъ его государственныхъ дѣятелей; то, что считались совершенно естественнымъ и даже поощрялось 5 лѣтъ тому назадъ, теперь признавалось вреднымъ и неблагонамѣреннымъ. Скоро открылся настоящій походъ противъ всѣхъ наукъ и въ особенности противъ сочиненій по естественному праву. Въ 1817 году министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и при немъ учрежденъ ученый комитетъ, на обязанности котораго лежало разсмотрѣніе книгъ въ духѣ спасительнаго согласія между вѣрою, знаніемъ и властію. И этимъ комитетомъ были осуждены книги—*Всеобщая мораль или должности человѣка, основанныя на его природѣ*", *Метафизика* Лубкина, *Логическія наставленія* Лодіи, *Естественное право* Куницына, *Книга о должностяхъ человѣка и гражданина*". Особенно любопытенъ приговоръ надъ сочиненіемъ о метафизикѣ проф. Казанскаго университета Лубкина. „Авторъ желалъ согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго въ самомъ себѣ рѣшенія какъ относительно предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, такъ и для самыхъ отвлеченныхъ идей, восходящихъ за его предѣлы. Многія мѣста въ метафизикѣ, удовлетворительно отвергая безбожіе, говорятъ о благонамѣренности автора; другія же напротивъ того исполнены заблужденій, ложныхъ началъ и служатъ доказательствомъ той истины, что разумъ въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ сверхчувственныхъ, ограничиваясь однимъ только разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ видимой природы, неспособенъ простирать виды свои въ міръ безтѣлесный. Многія мѣста, неопредѣленныя и подлежащія произвольному толкованію, дѣлаютъ книгу Лубкина подозрительною" [1])

Такимъ образомъ, книга Лубкина была осуждена за то, къ чему стремился въ своемъ сочиненіи Шадъ, т. е. за попытку примирить вѣру съ разумомъ. Вопреки Ломоносову, который заявлялъ, что наука не противорѣчитъ религіи, здѣсь прямо онѣ признавались противоположными, другъ друга исключающими началами. Извѣстный Магницкій предалъ суду профессора Казанскаго университета Солнцева за его курсъ естественнаго права и призналъ особенно разрушительными

[1]) М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 203.

тѣ мысли, которыя высказывалъ раньше Шадъ. Авторъ, по словамъ обвинителя, старался держаться его инструкціи и основывалъ свой курсъ на священномъ писаніи, но все-таки смѣшалъ божественное ученіе съ мнѣніями человѣческими, пшеницу съ плевелами. „Практическій разумъ, утверждающій, что 1) естественная свобода состоитъ въ правѣ располагать своимъ лицомъ, своими душевными и тѣлесными силами, своими способностями и всѣми своими дѣйствіями, не подлежа внѣшнему со стороны другихъ ограниченію, или 2) что по самому понятію о свободѣ и равенствѣ, которыя составляютъ личныя права каждаго человѣка, никто не имѣетъ безусловнаго права понуждать другого дѣлать что-либо противъ его воли—подобенъ древнему змію, прельстившему праматерь Еву, а черезъ нея и праотца Адама. Естественное право излагаетъ права и обязанности властителей и подвластныхъ, выводимыя изъ началъ разума; но разумъ, не можетъ быть руководителемъ: онъ обязанъ благоговѣйно внимать и со страхомъ повиноваться верховному законодателю". Характерно, что тотъ же Магницкій, который высказалъ это сужденіе, совѣтовалъ поступить и съ извѣстными профессорами Петербургскаго университета Германомъ и Раупахомъ также точно, какъ поступилъ комитетъ министровъ съ Шадомъ, т. е. выслать ихъ заграницу. При этомъ онъ рекомендовалъ правительству не обращать особеннаго вниманія на общественное мнѣніе, „ибо въ характерѣ шумныхъ мнѣній нашей публики всегда примѣтить можно два направленія: первое—слухи, разсѣеваемые для впечатлѣнія на мнѣніе высшаго правительства, дабы увлечь его въ свой смыслъ; и потомъ второе—не далѣе какъ на другой день послѣ рѣшительнаго его поступка молчать или думать согласно съ нимъ; сія неискренняя и политическая, такъ сказать, угодливость замѣняетъ у насъ доселѣ, *по счастію* (!!?) то нравственное чувство, которое должно соединять мнѣніе добрыхъ гражданъ съ мнѣніемъ правительства; побужденіе не такъ чисто, но послѣдствія равно полезны". Намъ нечего прибавить къ этому откровенному циничному замѣчанію Магницкаго; можно думать, что онъ имѣлъ нѣкоторыя основанія высказать такое сужденіе о русскомъ обществѣ своего времени, т. е. той именно эпохи, когда Шадъ дѣлалъ безплодныя попытки къ своей реабилитаціи. О настроеніи министерства народнаго просвѣщенія ярко свидѣтельствуетъ разрушительная въ сферѣ просвѣщенія дѣятельность того же Магницкаго, Рунича и другихъ. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, Шадъ не могъ быть оправданъ; истинная причина безуспѣшности его попытокъ лежала не въ слабости его доводовъ—онъ, вообще говоря, представилъ достаточно данныхъ если не для полнаго своего оправданія, то по крайней мѣрѣ

для пересмотра дѣла, а такового только онъ и добивался,—а въ той реакціи, которая нависла тяжелой свинцовой тучей надъ просвѣщеніемъ и бѣдными русскими университетами во вторую половину царствованія Императора Александра I-го. Старый философъ Шадъ, пребывая заграницей, не представлялъ себѣ своей силы этой реакціи и продолжалъ напоминать о себѣ и своемъ злосчастномъ дѣлѣ при всякомъ случаѣ русскому правительству, которое оставалось глухо къ его мольбамъ о возстановленіи нарушенной справедливости. Былъ, правда, одинъ моментъ (уже въ царствованіе Императора Николая Павловича когда для него блеснулъ лучъ надежды: за него поднялъ голосъ попечитель Харьковскаго университета А. Перовскій—этотъ видный литераторъ своего времени, очевидно, почувствовалъ піэтетъ къ такому крупному дѣятелю науки, какимъ былъ Шадъ, котораго онъ самъ видѣлъ заграницей; но и на этотъ разъ надежда обманула старца и онъ сошелъ въ могилу, не добившись своей реабилитаціи.

Не отрицая нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ въ характерѣ Шада, мы однако должны сознаться, что это былъ человѣкъ большого и самостоятельнаго ума, цѣлою головою стоявшій выше своихъ товарищей профессоровъ, съ сильною волей и характеромъ и большимъ запасомъ кипучей энергіи, которая направлена была главнымъ образомъ на дѣло просвѣщенія. Въ Россіи передъ нимъ открылась было самая широкая арена для его просвѣтительной дѣятельности, онъ оказалъ пріютившему его Харьковскому университету дѣйствительно цѣнныя услуги въ качествѣ профессора. Противъ него были выставлены въ разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ обвиненія во вредномъ направленіи сочиненій и предосудительномъ поведеніи его въ дѣлѣ докторскихъ промоцій. Нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ мѣстъ, можетъ быть, и слѣдовало признать неудобными въ книгахъ, предназначенныхъ для учащагося юношества, но эти мѣста легко было изъять или, недопустить книгъ въ видѣ школьныхъ пособій; во всякомъ случаѣ, едва ли слѣдовало карать за это автора, который дѣйствовалъ bona fide, руководствуясь, какъ это видно изъ его объясненій, чистыми нравственными побужденіями, и въ особенности карать такъ жестоко. И попечитель округа, и многіе члены университетскаго совѣта не соглашались съ философскими воззрѣніями Шада, но признавали все-таки за нимъ, какъ за представителемъ науки, свободу научнаго изслѣдованія и выраженія своихъ мыслей; и это потому, что безъ такой свободы не можетъ быть и правильнаго прогрессивнаго развитія самой науки. Сочиненіе же Шада о естественномъ правѣ (также точно какъ и его „Логика“) представляетъ изъ себя не столько учебникъ, сколько серьезный научный трактатъ, изложенный въ

формѣ систематическаго курса, нѣсколько разъ устно излагавшагося студентамъ, а теперь обработаннаго для печати. Да и другой его болѣе популярный трудъ, дополненная имъ христоматія Ломонда (De viris illustribus urbis Romae) предназначался имъ, нужно думать, и для студентовъ университета,—въ такомъ случаѣ едва ли можно было поставить въ особенную вину Шаду то, что онъ перепечаталъ изъ латинскихъ классиковъ эпизодъ о цѣломудренныхъ римскихъ женщинахъ.

Что касается обвиненій Шада по дѣлу о докторскихъ диссертаціяхъ Ковалевскаго и Гриневича, то здѣсь констатированъ только самый фактъ плагіата, но не доказано самаго важнаго,—чтобы Шадъ руководился тутъ корыстными побужденіями; покрайней мѣрѣ самъ онъ даетъ этому факту, имъ не отвергаемому, иное объясненіе. Можетъ быть, что Шадъ не былъ совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ—взятки въ то время, какъ это указано мною въ другомъ мѣстѣ, составляли къ сожалѣнію довольно распространенное явленіе въ Харьковскомъ университетѣ и къ нему относились довольно снисходительно,—но Шадъ не былъ изобличенъ во взяточничествѣ ни въ данномъ дѣлѣ, ни въ другихъ случаяхъ и maximum, на что давали право факты, это оставить его „подъ подозрѣніемъ въ этомъ обвиненіи“. Но что производитъ самое тяжелое впечатлѣніе въ данномъ эпизодѣ—это униженіе, до котораго дошелъ Шадъ въ своихъ попыткахъ доказать свою благонамѣренность; здѣсь несомнѣнно онъ перешелъ черту дозволеннаго и выставилъ себя въ очень невыгодномъ свѣтѣ.

IX.

„О Біографическомъ словарѣ профессоровъ Харьковскаго университета“ [1]).

17 января 1905 г. (т. е. менѣе чѣмъ черезъ 12 лѣтъ) исполнится столѣтіе со дня открытія Харьковскаго университета. Къ этому времени намъ необходимо будетъ имѣть „Исторію“ университета и „Біографическій словарь“ его профессоровъ. Но всѣмъ извѣстно, какъ мало разработаны даже отдѣльные моменты нашего прошлаго университетскаго быта. Всѣ вышедшіе доселѣ печатные труды относятся почти исключительно къ начальной эпохѣ—первымъ годамъ его существованія. Мало того: отсутствуютъ не только изслѣдованія, но и матеріалы. Богатѣйшая сокровищница этихъ послѣднихъ—университетскій архивъ (дѣла совѣтскія, правленскія, попечительскія и училищныя) вовсе еще не тронута и даже не приведена въ извѣстность (въ смыслѣ научнаго содержанія). Частныхъ документовъ (писемъ, бумагъ, воспоминаній и т. п.) издано также ничтожное количество. Это отсутствіе подготовительныхъ изслѣдованій и матеріаловъ несомнѣнно замедлитъ составленіе какъ исторіи университета, такъ и біографическаго словаря его профессоровъ. И если первая работа можетъ быть еще исполнена однимъ лицомъ, то вторую удобнѣе всего осуществить viribus unitis. Пусть каждый изъ наличныхъ преподавателей университета дастъ краткія свѣдѣнія о своей научной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ составитъ біографіи всѣхъ своихъ предшественниковъ по каѳедрѣ. При такомъ раздѣленіи труда, на долю каждаго выпадетъ написать отъ 3 до 5 очерковъ о лицахъ, научная и преподавательская дѣятельность которыхъ не можетъ не представить интереса для самого составителя біографіи. Кромѣ того этимъ мы выполнимъ свой нравственный долгъ передъ почившими дѣятелями, работавшими на той же нивѣ, какую теперь приходится обрабатывать намъ самимъ. Мы напомнимъ обществу обо *всѣхъ* преподавателяхъ Харьковскаго университета и постараемся опредѣлить ту долю пользы, какую каждый

[1]) Зап. Имп. Харьк. университета 1893, кн. 2.

изъ нихъ принесъ университету, наукѣ и просвѣщенію. Мы имѣемъ передъ собой примѣръ Кіевскаго университета, издавшаго къ 50-ти лѣтнему юбилею (1884 г.) такимъ же способомъ „Біографическій словарь“ своихъ профессоровъ.

Но является вопросъ объ источникахъ этого труда. Откуда взять матеріалы?

Весьма цѣнный матеріалъ для біографій хранится въ нашемъ университетскомъ архивѣ, и пользоваться имъ возможно уже въ настоящее время: существуютъ описи архивныхъ дѣлъ; есть даже указатели личныхъ именъ. Но въ интересахъ дѣла было бы необходимо сдѣлать *обозрѣніе* матеріаловъ нашего университетскаго архива примѣнительно къ задуманной работѣ, т. е. словарю и исторіи у—а. При настоящихъ условіяхъ, *каждому* придется затратить очень много времени на пересмотръ архивныхъ описей, т. е. на самую скучную часть работы. Тогда же это будетъ выполнено однимъ лицомъ для всѣхъ, при чемъ получится огромное сбереженіе времени и труда. Для устраненія недоразумѣній я еще разъ замѣчу, что имѣю въ виду не *опись* университетскаго архива, а *обозрѣніе* тѣхъ документовъ, которые будутъ имѣть значеніе для „Біографическаго словаря профессоровъ“ и „Исторіи университета“; подобныя обозрѣнія составляются молодыми архивистами, служащими въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи; примѣромъ ихъ можетъ служить „обозрѣніе историко-геогр. матеріаловъ разряднаго архива“, составленное Н. Н. Оглоблинымъ. На сколько намъ извѣстно, то, что мы предлагаемъ Харьковскому университету, уже осуществлено въ Петербургскомъ: тамъ приглашено особое лицо для научной разборки бумагъ университетскаго архива. Конечно, и у насъ данную работу нужно было бы поручить человѣку къ ней подготовленному, обладающему и извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, и спеціальными познаніями въ области архивнаго дѣла; за скромное вознагражденіе онъ могъ бы помимо этой работы дѣлать и другія справки научнаго характера для университетскаго начальства и профессоровъ; ему бы, напримѣръ, можно было поручить составленіе полнаго списка почетныхъ членовъ университета и т. п. Затѣмъ нужно было бы избрать редакціонную коммиссію для будущаго „Словаря“, которая бы выработала планъ изданія, привела въ извѣстность печатные источники, доставляла ихъ сотрудникамъ и руководила дѣятельностью лица, занятаго обозрѣніемъ документовъ университетскаго архива.

Такова одна сторона дѣла и одинъ видъ источниковъ; но необходимо обратить вниманіе и на другой; вмѣстѣ съ *оффиціальными* документами нужно позаботиться и о *частныхъ*—нужно систематически собирать и

сохранять бумаги, письма, записки, замѣтки, мемуары, рукописные курсы университетскихъ дѣятелей. Начало такому собиранію уже положено: по моему предложенію при Харьковскомъ историческомъ архивѣ (историко-филологическаго общества) образованъ новый *отдѣлъ* бумагъ, писемъ профессоровъ, преподавателей и служащихъ въ университетѣ. Пока туда пожертвованы частные документы покойныхъ профессоровъ— Мих. Наз. Петрова и Ив. Вас. Платонова и помощника библіотекаря Г. С. Чирикова; кромѣ того туда же поступили рукописные мемуары Ст. Лук. Геевскаго, заключающіе въ себѣ между прочимъ интересныя данныя и о Харьковскомъ университетѣ; въ бумагахъ Г. С. Чирикова есть важные матеріалы для біографіи прежнихъ профессоровъ Харьковскаго университета. Въ виду всего этого позволю себѣ обратиться ко всѣмъ тѣмъ, кому дороги интересы университета, съ настоятельной просьбой о пополненіи всякими матеріалами, имѣющими отношеніе къ исторіи у—а и біографіямъ его профессоровъ, вновь заведеннаго отдѣла нашего историческаго архива. Каждая серія такихъ документовъ описывается и затѣмъ помѣщается въ особой папкѣ съ соотвѣтствующей надписью. Извѣстно, какая судьба постигала частныя бумаги харьковскихъ профессоровъ послѣ ихъ смерти: почти всѣ онѣ безслѣдно погибали; извѣстно, что въ настоящее время затеряны слѣды документовъ даже такого выдающагося профессора, какъ Д. И. Каченовскій; что же говорить о другихъ менѣе видныхъ? Само собою разумѣется, что подобныя бумаги будутъ подвергаться извѣстной сортировкѣ, и родственники или наслѣдники будутъ брать себѣ все то, что должно составлять исключительно достояніе семьи, а не публики. Мало того: можно жертвовать документы съ извѣстными условіями, которыя будутъ свято соблюдаться; напримѣръ, доставлять ихъ въ наглухо запечатанныхъ конвертахъ съ обязательствомъ, чтобы они были вскрыты *не раньше* извѣстнаго срока. Характеръ документовъ можетъ быть самый разнообразный: письма, записки, мемуары, рукописные и литографированные курсы, проекты, отзывы и рецензіи, рукописныя произведенія сатирическаго характера, стихи, замѣтки о лекціяхъ профессоровъ и т. п. Чрезвычайно важно было бы также собрать по возможности полную коллекцію портретовъ, фотографій прежнихъ и *нынѣшнихъ* профессоровъ, выдающихся питомцевъ университета, видовъ университета и т. п. Мы умремъ, но университетъ будетъ жить и въ XX-мъ столѣтіи и потомъ еще цѣлые вѣка: будемъ же собирать матеріалы, чтобы подвести итоги его жизни за истекающее столѣтіе. Это нашъ долгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ jus manium передъ поколѣніемъ живыхъ.

X.

Роль В. Н. Каразина, С. О. Потоцкаго и И. Ѳ. Тимковскаго въ первоначальномъ устроеніи Харьковскаго университета [1]).

Въ трехъ книжкахъ „Кіевской Старины“ за 1891 годъ (авг., сент. и октябрьской) появилась обстоятельная, основанная на новыхъ архивныхъ данныхъ, біографія одного изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета И. Ѳ. Тимковскаго. Она касается дѣятельности его, какъ профессора и директора Новгородъ-Сѣверской гимназіи (эту должность онъ занималъ, оставивъ университетъ). Для насъ, конечно, особенный интересъ представляетъ та часть статьи, которая посвящена профессорской дѣятельности Тимковскаго; здѣсь мы находимъ такіе факты, которые проливаютъ совсѣмъ новый и яркій свѣтъ на значеніе Тимковскаго, какъ устроителя Харьковскаго университета въ первое время до его фактическаго открытія (въ 1805 году); до сихъ поръ Тимковскій съ этой стороны намъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Къ именамъ В. Н. Каразина и перваго попечителя С. О. Потоцкаго, стяжавшимъ себѣ почетную извѣстность на этомъ поприщѣ, мы должны еще присоединить третье имя—Тимковскаго. Кое что изъ того, что мы приписывали, напримѣръ, Потоцкому, должно быть отнесено на самомъ дѣлѣ къ Тимковскому. Г. Шугуровъ выдвинулъ и подчеркнулъ естественно въ своей статьѣ дѣятельность Тимковскаго; два другіе отъ этого нѣсколько пострадали. Такимъ образомъ, является необходимость для соблюденія исторической перспективы поставить всѣхъ трехъ рядомъ и посмотрѣть, что сдѣлалъ каждый изъ нихъ для первоначальнаго устроенія Харьковскаго университета; статья г. Шугурова прямо побуждаетъ къ этому.

Н. А. Лавровскій, на нашъ взглядъ, очень точно и вѣрно опредѣлилъ роль В. Н. Каразина въ дѣлѣ открытія Харьковскаго универ-

[1]) Харьк. губ. вѣд. 1891, №№ 303 и 305.

ситета. Въ его сужденія приходится внести только одну поправку. „Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, говоритъ Н. А. Лавровскій, что всѣ дѣла по устройству университета поручены были попечителемъ первоначально Каразину, такъ что во все время отъ начала 1803 года до 11-го апрѣля 1804 г. (день перваго засѣданія комитета правленія) онъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ заботъ и мѣръ для снабженія университета, на первое время, всѣмъ необходимымъ". Это сужденіе основано между прочимъ на собственномъ заявленіи В. Н. Каразина, который писалъ о себѣ: „извѣстно начальству и по дѣламъ видно, что до открытія комитета онъ былъ единственное дѣйствующее лицо въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ университета". Но въ самой статьѣ Н. А. Лавровскаго есть указаніе на то, что по отъѣздѣ въ Петербургъ (въ маѣ 1803 г.), В. Н. Каразинъ оставилъ въ Харьковѣ своимъ замѣстителемъ Тимковскаго, который вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ заняться приготовленіями къ открытію университета. Такимъ образомъ, почтенный изслѣдователь едва-ли имѣлъ право сказать, что Каразинъ былъ *единственнымъ* распорядителемъ всѣхъ такихъ приготовленій. Впрочемъ онъ и не выразился такъ категорически, а сказалъ, что онъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственныхъ распорядителемъ. Очевидно, онъ имѣлъ въ виду здѣсь Тимковскаго, но только у него не было никакихъ данныхъ о дѣятельности этого послѣдняго. Но не совсѣмъ правъ, по нашему мнѣнію, и г. Шугуровъ, говорящій, что, не Каразинъ, какъ думалъ Н. А. Лавровскій, а „Тимковскій сдѣлался теперь (по пріѣздѣ въ Харьковъ) единственнымъ распорядителямъ по принятію всѣхъ мѣстныхъ мѣръ къ открытію университета". Это категорическое сужденіе впрочемъ самъ г. Шугуровъ ослабляетъ въ примѣчаніи, гдѣ говоритъ: „но не будучи послѣ этого оффиціально уполномоченъ на какія либо распоряженія по устройству университета, Каразинъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже писемъ его къ Тимковскому, продолжалъ принимать участіе въ устройствѣ университетскихъ дѣлъ; напримѣръ, ходатайствовалъ о скорѣйшемъ ассигнованіи суммъ университету, дѣлалъ для университета разныя покупки, нанималъ мастеровъ и проч.". Спрашивается, на какомъ же основаніи все это дѣлалъ Каразинъ? Неужели у него не было на это никакого оффиціальнаго разрѣшенія или порученія? Неужели онъ могъ при такихъ условіяхъ поручить дѣлать расходы, принимать взносы отъ помѣщиковъ, приготовлять квартиры для профессоровъ своему секретарю Шишкину? Покупка эстамповъ и въ особенности присылка Каразинымъ цѣлой партіи ремесленниковъ изъ Петербурга ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ

считалъ себя обязаннымъ, сидя даже въ Петербургѣ, заботиться о нуждахъ своего дѣтища—Харьковскаго университета. Изъ одного документа, видно, что онъ дѣйствовалъ такъ по довѣренности отъ попечителя Потоцкаго, жившаго тогда еще за-границей. Мало того: 11 апрѣля 1804 г., по пріѣздѣ Потоцкаго въ Харьковъ, открылъ свои дѣйствіи комитетъ правленія—и въ составѣ его членовъ съ совѣщательнымъ голосомъ оказался Каразинъ, которому дозволено было участвовать въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ къ открытію университета. Если, и съ открытіемъ дѣйствій правильно организованной университетской коллегіи, Каразинъ оффиціально былъ уполномоченъ дѣйствовать на указанномъ поприщѣ, то тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто раньше, когда въ Харьковѣ оставался одинъ Тимковскій.

Ко времени пребыванія въ Петербургѣ относятся два мѣропріятія В. Н. Каразина—покупка эстамповъ и присылка рабочихъ. Послѣднее дѣло окончилось печально для самого Каразина. Хотя ему „вслѣдствіе предложенія попечителя 9 и 19 апрѣля и согласно его вызову, предоставлено было дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ, а равно и разнымъ другимъ художникамъ разной мебели и пр., но онъ и тутъ преувеличилъ размѣры дѣйствительныхъ потребностей и прислалъ на счетъ университета „художниковъ“ и для города Харькова. Результатомъ этого было Высочайшее повелѣніе, отстранявшее Каразина отъ всякаго участія въ дѣлахъ правленія.

Мнѣ удалось найти въ университетскомъ архивѣ письмо самого В. Н. Каразина въ комитетъ правленія Харьковскаго университета, гдѣ онъ старается какъ бы оправдаться въ нѣкоторой неаккуратности счетовъ, въ смѣшеніи своихъ суммъ съ университетскими. Письмо исполнено достоинства и сознанія важности заслугъ, оказанныхъ имъ Харьковскому университету. Я приведу этотъ драгоцѣнный документъ, цѣликомъ, въ тогдашнемъ русскомъ переводѣ.

„Отъ статскаго совѣтника и кавалера Каразина.

Милостивые Государи!

Между прочими услугами, кои имѣлъ я счастіе оказать университету, доставилъ я въ оный въ 1803 и 1804 годахъ, изъ Санкт-петербурга большую часть книгъ, находящихся нынѣ въ его библіотекѣ, почти всѣ инструменты физическаго его кабинета, также лабораторіи, типографіи и богатое собраніе эстамповъ; послѣднія мои доставки послѣдовали въ мартѣ прошлаго 1804 года. Содѣйствуя съ толикимъ-же усердіемъ, какъ и довѣренностію, къ пользамъ сего почтеннаго заведенія, коего благо толь несумнѣнно было мнѣ довѣрено, какъ съ начала, такъ

и до самаго его существованія, никогда не былъ я остановленъ недостатками суммъ, въ послѣдствіи времени правительствомъ для него назначенныхъ. Многократно старался я вознаграждать моею собственностью недостатокъ оффиціальныхъ средствъ, нерѣдко въ подобныхъ сему случаю бывающихъ, въ коихъ новость заведенія не дозволяетъ предвидѣть непремѣнныхъ и положительныхъ правилъ и недостатокъ въ коихъ можетъ замѣнить одна только дѣятельность первыхъ ихъ основателей. Пользуясь таковымъ образомъ правомъ, случаемъ мнѣ даннымъ, и не имѣя нужды въ вѣрющихъ уполномочіяхъ, кромѣ явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ начальныхъ въ пользу университета дѣйствій и моей къ оному привязанности, ходатайствовалъ я къ пользамъ его у художниковъ, книгопродавцевъ и вообще у всѣхъ лицъ, вспомоществованія коихъ могли принести ему выгоды. Лица сіи, во всѣхъ до университета касающихся предписаніяхъ, кромѣ меня, никого другаго не признавали, имя мое было для нихъ совершенно достаточнымъ; квитанціи мои или заемныя письма считались имѣющими цѣну свою обязательствами и достаточными къ удовлетворенію всѣхъ могущихъ произойти съ ихъ стороны требованій. Также справедливо и то, что всегда исполнялъ я мои обязанности, тѣмъ болѣе для меня священныя, что оныя производились именемъ столь высокаго заведенія. Если иногда съ трудомъ могъ я употреблять въ расходъ суммы, для сего столь великодушно Его Императорскимъ Величествомъ назначенныя, то не отлагая ни мало, тогда-же замѣнялъ оныя своею собственностью. Бумаги его сіятельства г. попечителя и доставленные въ университетъ счета представляютъ тому множество доказательствъ. Не найдется ни одного такого засвидѣтельствованія, сколько могу припомнить, которое не было за моимъ или съ согласія моего за подписомъ самаго поставщика. Всякому извѣстно, что въ университетъ получено болѣе какъ на 20000 всякаго рода вещей и при томъ безъ всякихъ счетовъ на то употребленныхъ суммъ (ибо тогда не существовало въ немъ никакой еще надобности), часто спустя потомъ не мало уже время оканчивалъ я счеты мои съ г. Новосильцовымъ, временно правившимъ тогда должность попечителя университета и получалъ обратно употребленныя мною собственные мои на сіе деньги. Симъ образомъ кончилъ я съ университетомъ всѣ расчеты во всемъ какъ до посылки книгъ, инструментовъ, такъ и прочаго касающемся. Что же принадлежитъ до эстамповъ, купленныхъ у г. Аделунга, то какъ поспѣшный мой отъѣздъ изъ Санкпетербурга воспрепятствовалъ мнѣ войти, какъ слѣдовало, въ сіе дѣло, то за оныя и не получилъ я денегъ. Продавецъ оныхъ, почетный членъ сего и московскаго университетовъ, также членъ многихъ иностранныхъ уче-

ныхъ и другихъ обществъ и наставникъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей дозволилъ мнѣ, чтобы прежде всего собраніе сіе оцѣнено было г. первымъ библіотекаремъ Его Императорскаго Величества Келлеромъ, смотрителемъ Императорскаго собранія эстамповъ въ Эрмитажѣ Лабенскимъ, живописцемъ Его Императорскаго Величества Кюгельбеномъ, профессоромъ Импер. академіи художествъ Прокофьевымъ и знатокомъ художникомъ коллежскимъ ассессоромъ Юнгомъ, кои равномѣрно подпискою своею на самомъ каталогѣ засвидѣтельствовали, что цѣна всему собранію превышаетъ сумму 5000 р. (на которую согласились мы съ г. Аделунгомъ послѣ продолжавшагося многія мѣсяцы торгу); собраніе оное, которое полагалъ я тогда, да и нынѣ не перестаю признавать необходимо нужнымъ университету, получивъ я подъ заемное письмо на 5000 р., кои обязался выплатить въ четыре срока, отправилъ я тогда въ Харьковъ съ послѣдне присланными Цимсеномъ книгами и подобно прежнимъ случаямъ всю оную сумму сполна заплатилъ я по оному заемному письму какъ слѣдовало. Что же касается до платежа мнѣ собственно оныхъ денегъ, то его сіятельство г. попечитель университета приказалъ мнѣ самому адресоваться въ оный, почему я имѣлъ уже честь представить комитету въ засѣданіи его сего 3 марта мои довѣрія. Вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше высокопочтеннаго комитета, дабы опредѣлилъ выдать мнѣ оные 5000 руб. подъ мою росписку или въ противномъ случаѣ снабдилъ-бы меня другимъ какимъ рѣшительнымъ отзывомъ. Василій Каразинъ, марта 31 дня 1805 г. (Переводилъ переводчикъ правленія Харьковскаго университета). (Дѣло Совѣта Харьковскаго университета, 1805 г. № 7).

Такимъ образомъ, участіе Каразина въ дѣлѣ устроенія Харьк. универ. было очень энергичное, дѣятельное, замѣтное. Онъ трудился для этого не только въ Харьковѣ, но и Петербургѣ вплоть до 18 іюня 1804 г. (до Высочайшаго указа объ отрѣшеніи). Но результаты его дѣятельности не всегда соотвѣтствовали его pia desideria, а иногда даже оказывались прямо противоположными его намѣреніямъ. Фантазія у него несомнѣнно преобладала надъ разсудкомъ. Это былъ человѣкъ творческой мысли, но не практическаго дѣла. Онъ могъ подвинуть другихъ къ жертвамъ и общественной дѣятельности, преодолѣть косность; его искреннее воодушевленіе, восторженность, необычайная энергія въ пропагандѣ своей мысли имѣли огромное значеніе и въ общегосударственныхъ и въ мѣстныхъ вопросахъ, но на маленькія дѣла его не ставало: у него не было практичности, выдержки, такта и дѣловитости. Это прекрасно понимали и его сотрудники. Вотъ что писалъ ему между прочимъ Тимковскій: „вы встревожены, кажется, мѣшаніемъ содѣй-

ствующихъ. Знаю, дѣятельность ваша есть пламень всепожирающій— ахъ, берегитесь! пожирающій и васъ самихъ; есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныя, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье. Простите мнѣ. Не отдѣляйтесь, по крайней мѣрѣ не отдѣляйтесь такъ рано; оставьте себя будто въ опекѣ. Мало можетъ человѣкъ, много могутъ люди. Дѣятельность удачнѣе, когда идетъ не скачками, но плавно и постепенно распространяется, увеличивается. Искусный генералъ не оставляетъ позади себя непріятельскихъ крѣпостей. Да, простите мнѣ, въ рѣшимости вашей не узнаю я того политическаго духа, который, подобенъ пчелѣ, изо всего медъ сосетъ".

Оффиціальнымъ главою вновь учреждаемаго университета былъ первый попечитель Харьковскаго учебнаго округа Сев. Ос. Потоцкій. Академикъ Сухомлиновъ далъ такую характеристику его, которая въ общемъ можетъ быть принята и теперь. „Распространеніе наукъ и образованности было его истиннымъ призваніемъ, дѣломъ его души и убѣжденія. Всѣ отрасли знаній доступны были просвѣщенному вельможѣ, стоявшему по образованію своему на высотѣ, которая живительно дѣйствовала на юный университетъ, ввѣренный его попеченію; съ неподдѣльнымъ внутреннимъ участіемъ къ дѣлу, онъ сообщилъ мысли свои о преподаваніи римской словесности и наукъ историческихъ и заботился объ учрежденіи минералогическаго и другихъ кабинетовъ и собраній, необходимыхъ при изученіи естественныхъ наукъ... Приглашая въ Россію иностранныхъ ученыхъ, Потоцкій всего болѣе старался о замѣщеніи каѳедръ природными русскими, и его труды не оказались напрасными. Благодаря его энергіи, нѣкоторыя каѳедры Харьковскаго университета были заняты лицами, принадлежащими къ числу замѣчательныхъ профессоровъ русскихъ университетовъ вообще... Если-бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовалобы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ". Характеристика эта оправдывается фактами дѣятельности Потоцкаго на пользу университета; только личность его въ ней нѣсколько идеализирована. Главное вниманіе Потоцкій обратилъ на привлеченіе студентовъ и приглашеніе профессоровъ, и здѣсь труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ: университетъ получилъ такой составъ профессоровъ, среди котораго было не мало выдающихся ученыхъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить имена русскихъ преподавателей: Рижскаго, Осиповскаго, Успенскаго. Потоцкій въ своемъ стремленіи привлечь въ Харьковскій университетъ болѣе выдающіяся силы Зап. Европы и Россіи доходилъ иногда до крайностей: извѣстно, что на каѳедру русской исторіи приглашаемъ

былъ историографъ Карамзинъ,—римскаго права Цахаріэ,—древнихъ литературъ Августъ Вольфъ. Конечно, никто изъ нихъ не согласился поѣхать въ Харьковъ и не трудно представить себѣ, каково могло-бы быть положеніе ихъ въ провинціальномъ городѣ, имѣвшемъ въ то время не болѣе 10,000 жителей. Н. А. Лавровскій ставитъ въ укоръ Потоцкому предпочтеніе, оказываемое имъ иностраннымъ профессорамъ передъ русскими. И этотъ укоръ подтверждается фактическими данными. Но не слѣдуетъ думать, чтобы Потоцкій систематически стѣснялъ талантливыхъ людей; на-оборотъ онъ ихъ самъ иногда открывалъ (какъ это было съ Рижскимъ). И Потоцкій, подобно Каразину, былъ въ этомъ дѣлѣ теоретикомъ: глубоко уважая науку и ея представителей, онъ, естественно, ученыхъ запада ставилъ несравненно выше русскихъ, забывая одно практическое соображеніе, что благотворному вліянію иностранныхъ профессоровъ на русскихъ студентовъ мѣшалъ ихъ *языкъ:* живое преподаваніе требуетъ непремѣнно роднаго языка. Но иностранные профессора съ своей стороны давали то, чего не могло еще выработаться у русскихъ—напримѣръ, университетскую традицію. Они-же принесли въ Россію и привычку къ ученой дѣятельности. Такимъ образомъ, смѣшанный составъ университетской коллегіи имѣлъ и свою хорошую сторону. Дѣлая общую оцѣнку дѣятельности Потоцкаго, не слѣдуетъ забывать, что во время первыхъ приготовленій къ устройству университета, онъ жилъ заграницей. Акад. Сухомлиновъ говоритъ, что уставъ не требовалъ присутствія попечителя въ университетскомъ городѣ; это правда; вѣрно также и то, что Потоцкій не забывалъ объ университетѣ и за-границей. Но отсутствіе попечителя могло-бы, естественно, затормозить дѣло открытія Харьковскаго университета, если бы на мѣстѣ не было лица, которое замѣнило до нѣкоторой степени Каразина и Потоцкаго и приняло на себя ближайшія хлопоты по устройству необходимыхъ зданій и т. п.; такимъ лицомъ былъ проф. И. Ѳ. Тимковскій.

Уже въ 1802 году С. О. Потоцкій писалъ министру народнаго просвѣщенія: „нужнымъ и полезнымъ почитаю я, чтобы въ Харьковѣ при заведеніи и устроеніи университета былъ такой человѣкъ, который бы, принадлежа уже къ нему въ качествѣ профессора, имѣлъ надлежащее участіе и наблюденіе въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, обще съ особами, какихъ изберетъ отъ себя на тотъ конецъ дворянская дума (дворяне отказались потомъ отъ этой привиллегіи), увѣдомлялъ-бы меня обо всемъ, что потребно будетъ и соотвѣтствовалъ видамъ главнаго училищъ правленія и моимъ предписаніямъ — каковое препорученіе

исполнить можетъ упомянутый-же чиновникъ, избирая время на свои отлучки изъ Харькова для обозрѣнія училищъ округа. Сея довѣренности въ обонхъ случаяхъ нахожу я достойнымъ Тимковскаго, коего знанія, способности и благонадежность мнѣ извѣстны"... Представленіе это было удовлетворено. Тогда-же Потоцкій обратился и въ В. Н. Каразину съ просьбою: также принять возможныя и дѣятельныя мѣры къ первоначальному устроенію университета, совокупно съ проф. Тимковскимъ, „котораго, писалъ Потоцкій. я для того *особенно* туда отправляю". Черезъ нѣкоторое время (но въ томъ-же 1803 году) Тимковскій получилъ отъ Потоцкаго обстоятельную инструкцію о своихъ обязанностяхъ по отношенію къ университету. Онъ долженъ былъ приготовить зданіе для университета, приспособить его комнаты подъ аудиторіи, кабинеты, библіотеку и пр., сдѣлать необходимѣйшія починки и поставить мебель и библіотечные шкафы, высмотрѣть въ окрестностяхъ города мѣста, удобныя для постройки новыхъ университетскихъ зданій и ботаническаго сада, тратить суммы бережливо, разсчетливо и при томъ только по смѣтнымъ назначеніямъ, наблюдать за исправнымъ веденіемъ приходорасходныхъ книгъ и до учрежденія правленія принимать всякія посылки, адресуемыя въ университетъ. Эта инструкція, какъ мы видимъ, сосредоточила въ рукахъ Тимковскаго почти всю хозяйственную часть. Сотрудникомъ и помощникомъ его были В. Н. Каразинъ и его довѣренное лицо нѣкій Шишкинъ. Они вполнѣ замѣняли комитетъ правленія. Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Шугуровымъ, видно, что Тимковскій выбралъ для *временнаго* помѣщенія университета б. генералъ-губернаторскій и вице-губернаторскій дворцы (нынѣшнее помѣщеніе университета) и приспособлялъ ихъ для новаго назначенія. Тогда-же общество б. харьковскихъ войсковыхъ обывателей пожертвовало университету весьма значительный кусокъ земли (125 дес.) по Сумскому шоссе (гдѣ нынѣ клиники университета). Тамъ Тимковскій проэктировалъ строить уже не временныя, а постоянныя помѣщенія для Харьковскаго университета. Мѣсто это вполнѣ удовлетворяло его желаніямъ: „требуется, по моему мнѣнію, писалъ онъ Новосильцеву, чтобы оно было за городомъ и довольно пространно, гдѣ воздухъ и вода были-бы чистые, здоровые, и гдѣ-бы можно было весело раскинуться ученому заведенію, чтобъ оно прилежало къ самой сухой и чистой части города, гдѣ студенты и прочіе могли-бы имѣть свои жилища, чтобъ была на немъ хоть часть чернозему для заведенія садовъ на равнинѣ и скатахъ". Къ сожалѣнію это желаніе не осуществилось—и Харьковскій университетъ остался въ центрѣ города, въ своемъ временномъ помѣщеніи до сихъ поръ. Въ 1804 году былъ открытъ комитетъ правленія

университета, куда вошли: б. ректоръ Рижскій, Тимковскій, Осиповскій, Делавинь и Де-Баллю. Главную заботу объ устроеніи университета взялъ въ немъ на себя Рижскій, а Тимковскій занялся преимущественно обозрѣніемъ и устройствомъ училищъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Богатые матеріалы для этой стороны его дѣятельности хранятся въ Харьковскомъ университетскомъ архивѣ; подробно говоритъ о ней и г. Шугуровъ; но мы ея касаться не будемъ, ибо это не входитъ въ задачу настоящей критико библіографической замѣтки. Фактическое открытіе Харьковскаго университета произошло какъ извѣстно, только 17-го января 1805 года.

Черезъ 13 лѣтъ исполнится столѣтіе со дня основанія университета. Между тѣмъ исторія Харьковскаго университета разработана чрезвычайно мало; біографическихъ очерковъ его профессоровъ мы имѣемъ еще меньше. Если кое-что и сдѣлано, то почти исключительно для перваго періода университетской жизни: сюда относятся работы Н. А. Лавровскаго, М. И. Сухомлинова, Рославскаго-Петровскаго, Фойгта, Г. Чирикова, И. П. Щелкова и др. И что-же? Оказывается, что и здѣсь есть еще значительные пробѣлы. Если-бы г. Шугуровъ случайно не нашелъ сундука со старыми бумагами И. Ѳ. Тимковскаго, мы бы ничего не знали о его дѣятельности въ качествѣ устроителя Харьковскаго университета. Просмотрѣвъ нѣкоторые документы Харьковскаго университетскаго архива, я пришелъ къ заключенію, что можно сообщить еще не мало цѣнныхъ свѣдѣній и по вопросу о первоначальномъ устройствѣ нашего университета, не говоря уже о послѣдующей его исторіи; матеріалы для этой послѣдней находятся въ изобиліи и пора уже приступить къ ихъ систематической разборкѣ и обработкѣ. Полезную службу въ этомъ отношеніи могъ-бы сослужить вновь проэктируемый университетскій журналъ, въ которомъ предполагается отвести особый отдѣлъ для статей и матеріаловъ, относящихся къ исторіи Харьковскаго университета и біографіямъ его профессоровъ. Замѣтимъ кстати, что при Харьковскомъ историческомъ архивѣ, находящемся въ вѣдѣніи историко-филологическаго общества, въ послѣднее время открыто отдѣленіе для частныхъ документовъ университетскихъ дѣятелей (писемъ, рукописныхъ замѣтокъ, литографированныхъ и писанныхъ курсовъ, неоконченныхъ работъ, автобіографій, послужныхъ списковъ, дипломовъ и т. п.). Извѣстно, какая судьба обыкновенно постигаетъ эти бумаги: въ лучшемъ случаѣ онѣ нѣкоторое время хранятся въ семьѣ покойника, а потомъ погибаютъ... Не такъ давно была продана на пуды въ Москвѣ замѣчательная по богатству рѣдкихъ из-

даній библіотека знаменитаго слависта-профессора О. М. Бодянскаго; тогда-же исчезли и его дневники, часть которыхъ только случайно попала въ руки спеціалиста—проф. Кочубинскаго. В. Н. Каразинъ хотѣлъ сохранить свою переписку для исторіи, но ее уничтожилъ пожаръ. Преосв. Филаретъ, занимаясь составленіемъ историко-стат. опис. Харьковск. епархіи, собралъ множество бумагъ изъ разныхъ архивовъ (въ томъ числѣ и изъ архива губернскаго правленія)—и только часть ихъ розыскана теперь Харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ. Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ и бумаги Острогожскаго полка, которыми пользовался Головинскій для составленія своей монографіи о Слободскихъ полкахъ, а также знаменитая Чугуевская переписка, которую положилъ въ основаніе своей работы преосв. Филаретъ, случайно пріобрѣтены университетомъ только теперь; чтоже касается фамильныхъ записокъ Кондратьевыхъ, Лесевицкихъ, Тевяшовыхъ, то они повидимому погибли безвозвратно... Проф. Зернинъ, какъ видно изъ протоколовъ губернскаго статистическаго комитета, взялъ изъ архива губернскаго правленія экстрактъ о слободскихъ полкахъ, который потомъ, вѣроятно, погибъ съ другими его бумагами. Извѣстный проф. Амвросій Метлинскій спеціально занимался собираніемъ этнографическихъ матеріаловъ, а куда они дѣвались послѣ его смерти, Богъ вѣсть. По смерти столь извѣстнаго въ Харьковѣ проф. Д. И. Каченовскаго, его біографію собирался писать Де-Пуле и собралъ, по слухамъ, не мало рукописныхъ данныхъ; не такъ давно онъ умеръ—и эти рукописи, по всей вѣроятности, погибнутъ. Постоянно сходятъ со сцены скромные труженники науки—и біографическія свѣдѣнія о нихъ не отмѣчаются въ печати. Пользуясь настоящимъ случаемъ, обращаюсь ко всѣмъ тѣмъ, у кого имѣются или окажутся впослѣдствіи какіе-либо рукописные матеріалы относительно мѣстныхъ выдающихся дѣятелей вообще и университетскихъ въ особенности; всякая крупица будетъ полезна; все послужитъ матеріаломъ для исторіи Харьковскаго университета, біографическаго словаря его профессоровъ. Бумаги будутъ описаны и по желанію жертвователя въ теченіе извѣстнаго промежутка времени могутъ храниться въ наглухо-запечатанномъ конвертѣ. Въ самое послѣднее время въ распоряженіе Историко-фил. общества поступила чрезвычайно интересная коллекція бумагъ покойнаго помощника библіотекаря Чирикова, который занимался и интересовался вопросами русской литературы и мѣстной исторіи. Коллекція эта теперь подробно описывается. Можно пожелать, чтобы примѣръ жертвователей (родственниковъ покойнаго) нашелъ продолжателей.

XI.

Иванъ Степановичъ Рижскій,

профессоръ и первый ректоръ Харьковскаго университета [1]).

I.

Уваженіе къ памяти историческихъ дѣятелей, приносившихъ пользу родинѣ, характеризуетъ степень культурности самого общества. Идеалъ общественной жизни заключается въ томъ, чтобы всякое новое поколѣніе получало полное культурное наслѣдство отъ прежняго, чтобы ничто не пропадало даромъ и чтобы все способное къ дальнѣйшему росту и преуспѣянію, бережно сохранялось и культивировалось „дѣтьми“ для передачи его „внукамъ“. Но для этого прежде всего необходимо знать, что было прежде и какъ изъ этого прежняго выросло настоящее; только зная связь этого настоящаго съ прошлымъ, можно сознательно относиться къ тому и другому, отдѣлять въ своемъ сознаніи хорошее отъ дурного. Въ этомъ смыслѣ каждый изъ насъ является до извѣстной степени историкомъ, составляющимъ для себя міросозерцаніе. Тутъ у каждаго изъ насъ есть имена, вызывающія чувство благоговѣнія и благодарности; это великіе дѣятели всемірной литературы и исторіи—двигатели человѣчества по пути матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго прогресса; къ нимъ присоединяется группа такихъ же передовыхъ дѣятелей русской исторической жизни и литературы. Это—герои мысли и труда, государственной и общественной дѣятельности, носители нравственности и гуманности; а за ними идетъ толпа. Прежде такъ и дѣлили человѣчество—на героевъ и толпу. Но такое дѣленіе оказывается нѣсколько искусственнымъ и прямолинейнымъ. Какъ въ живописи, кромѣ рѣзкихъ, опредѣленныхъ цвѣтовъ есть тона, которые и являются главнымъ матеріаломъ для художника, такъ и жизнь съ ея дѣятелями представляетъ безконечное число оттѣнковъ, модификацій, незамѣтныхъ переходовъ. Великіе люди, сильно разнятся другъ отъ

[1]) Харьк. губ. вѣд. 1898, №№ 15, 21 и 24.

друга размѣрами своей дѣятельности и многіе изъ нихъ стоятъ на *рубежѣ* героевъ и толпы, которая выдвигаетъ изъ среды своей цѣлую массу замѣчательныхъ выдающихся людей, не имѣющихъ однако права на безсмертіе. Каждый народъ, каждое государство имѣетъ такихъ дѣятелей, слава которыхъ почти не выходитъ за предѣлы ихъ родины. Мало того: у каждой области у всякаго народа бываютъ свои мѣстные дѣятели, которые занимали выдающееся положеніе въ краѣ, были передовыми двигателями общества, принесли ему огромную пользу. Ихъ имена уже не могутъ быть общимъ достояніемъ,—это скромные работники, мало извѣстные за предѣлами той территоріи, на которой имъ пришлось дѣйствовать. Не рѣдко, впрочемъ, о нихъ основательно забываютъ даже и тамъ, гдѣ они трудились, не покладая рукъ, для общаго блага, гдѣ должны были помнить о нихъ всѣ образованные люди. Они были главными двигателями мѣстнаго общества по пути прогресса и первыми піонерами его по части культуры; они преодолѣли первыя и главныя препятствія; они выдержали самую трудную борьбу съ равнодушіемъ и косностью общества. Среди нихъ были люди неодинаковыхъ талантовъ и способностей. Были, напримѣръ, и у насъ, въ харьковщинѣ, такія лица, какъ Г. С. Сковорода, В. Н. Каразинъ, Г. Ѳ. Квитка,—которые заняли видное мѣсто и въ исторіи русской общественной жизни вообще. Но кромѣ ихъ было не мало и менѣе видныхъ дѣятелей, людей средняго таланта и дарованій, которые также однако много поработали для блага своего края, которые въ свое время играли видную роль въ мѣстной общественной жизни и оказывали благотворное нравственное вліяніе на своихъ современниковъ.

Во всякомъ культурномъ процессѣ первенствующее значеніе имѣетъ *распространеніе* уже извѣстныхъ, открытыхъ, такъ сказать, культурныхъ формъ среди возможно большаго числа лицъ, составляющихъ мѣстную общественную группу. А для этого требуется значительное число носителей культуры и прогресса, которые бы соприкасались съ мѣстной средой и воздѣйствовали на нее въ этомъ смыслѣ. Наука требуетъ популяризаторовъ, обладающихъ особымъ талантомъ проводить научныя идеи въ широкую публику; въ такихъ популяризаторахъ нуждается и органическая культурная работа. Если для открытія новыхъ культурныхъ формъ потребно не мало творческихъ умовъ геніальныхъ изобрѣтателей, то для распространенія этого культурнаго достоянія въ массѣ нужно еще больше культурныхъ работниковъ. Эту задачу—распространенія культуры въ харьковскомъ краѣ—принялъ на себя основанный въ 1805 году университетъ. Университетъ представлялъ изъ себя просвѣтительный центръ обширнаго пространства тогдашняго учебнаго

округа, въ составъ котораго входили и Одесса, и Крымъ, и сѣверный Кавказъ. Въ вѣдѣніи университета, въ прямой непосредственной зависимости отъ него, были всѣ учебныя заведенія въ округѣ—какъ среднія такъ и низшія; университетскій совѣтъ съ выборнымъ ректоромъ во главѣ руководилъ не только учебною, но и административною, идаже хозяйственною стороною дѣла. Высшее, среднее и низшее народное образованіе были органически связаны другъ съ другомъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ открывалось широкое поприще для дѣятельности профессора—ректора.

II.

И. С. Рижскій былъ уроженцемъ далекаго сѣверо-запада—родился въ г. Ригѣ, вслѣдствіе этого, по семинарскому обычаю, получилъ и прозвище—фамилію Рижскаго. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія и получилъ воспитаніе въ псковской, а потомъ въ Троицко-Лавровской семинаріи. Высшаго академическаго образованія у него не было—и однако изъ него вышелъ впослѣдствіи одинъ изъ достойнѣйшихъ преподавателей въ высшемъ свѣтскомъ учебномъ заведеніи—Харьковскомъ университетѣ. Очевидно, свои знанія онъ пополнилъ путемъ самообразованія. Съ другой стороны большую пользу ему принесъ его многолѣтній педагогическій опытъ: почти четверть вѣка онъ былъ преподавателемъ семинаріи (Троицкой) и Горнаго училища, переименованнаго потомъ въ Горнокадетскій корпусъ. Это было лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ учебныхъ заведеній. Тамъ В. Н. Каразинъ получилъ обширныя познанія въ естественныхъ наукахъ. О высокомъ уровнѣ преподаванія въ немъ можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что первыми воспитанниками его были студенты Московскаго университета. Спеціальнымъ предметомъ И. С. Рижскаго была риторика, хотя ему приходилось читать также и піитику, исторію, географію, латинскій языкъ и римскія древности, логику, философію и французскій языкъ. Очевидно, И. С. Рижскій расширилъ свое образованіе самостоятельнымъ изученіемъ этихъ дисциплинъ, а это толкнуло его и на путь ученолитературныхъ работъ, гдѣ онъ стяжалъ себѣ еще болѣе широкую и почетную извѣстность.

Еще будучи преподавателемъ Троицкой семинаріи, И. С. Рижскій напечаталъ двѣ книги, заключающія въ себѣ обзоръ государственныхъ и религіозныхъ римскихъ древностей (въ 1784—1788 г.). Но этими трудами только открылась его широкая и плодотворная писательская дѣятельность; за ними послѣдовало два новыхъ обширныхъ руководства по логикѣ и риторикѣ, которыя были признаны выдающимися, впослѣд-

ствіи нѣсколько разъ переиздавались и доставили ему славу классическаго писателя. Конечно, намъ теперь нѣсколько странно читать, что И. С. Рижскій стяжалъ себѣ такую почетную славу составленіемъ руководствъ, т. е. учебниковъ, не имѣвшихъ самостоятельнаго значенія. Но при оцѣнкѣ старинныхъ сочиненій необходимо примѣнять къ нимъ мѣрку ихъ времени. Правда и теперь курсы и общирные учебники даютъ подъ часъ болѣе широкую извѣстность ученому дѣятелю, чѣмъ спеціальные труды и изданія; но въ общемъ все таки ученая репутація опредѣляется этими послѣдними, ибо теперь на первомъ планѣ стоитъ у насъ самостоятельное изслѣдованіе предмета. Не то было въ началѣ вѣка: тогда первенствующее значеніе имѣла широкая популяризація научныхъ идей, распространеніе ихъ въ обществѣ, и мѣсто писателя въ ученой іерархіи опредѣлялось главнымъ образомъ широтою и глубиною познаній въ избранной имъ для изложенія наукѣ, степенью его научнаго вліянія на общество. Русская наука была настолько слаба, что и не могла принимать на себя задачъ вполнѣ самостоятельнаго изслѣдованія и важную услугу оказывалъ ей тотъ, кто пытался переносить на русскую почву результаты европейскихъ работъ, а такъ именно и поступалъ И. С. Рижскій, освѣщавшій при томъ свои выводы примѣрами изъ русской литературы. Но у него кромѣ того была постоянная живая потребность въ научной дѣятельности. При Горномъ училищѣ было учреждено особое ученое собраніе, и И. С. Рижскій принималъ живѣйшее участіе въ его трудахъ въ качествѣ самостоятельнаго переводчика ученыхъ сочиненій и редактора переводовъ, исполненныхъ другими лицами. Въ 1802 году онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи наукъ—это была честь, которая выпадала на долю немногихъ. Мало того: онъ сдѣлался притомъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Академіи и сразу вошелъ въ курсъ дѣла. Академія тогда главнымъ образомъ была занята тремя вопросами—составленіемъ словаря, переводами на русскій языкъ твореній древнихъ и новыхъ писателей и сочиненіемъ логики, риторики и піитики. И. С. Рижскій принялъ живѣйшее участіе въ работѣ надъ словаремъ, взялся за переводъ 12 лучшихъ рѣчей Цицерона и принялъ порученіе Академіи—составить учебникъ логики. Впослѣдствіи (въ 1811 г.) онъ представилъ Академіи и свой послѣдній трудъ—„Науку стихотворства“, разсмотрѣнію котораго было посвящено около 20 ея засѣданій, и который былъ изданъ на ея же средства—„одобреніе самое рѣшительное, какое только можно получить“, какъ выражается по этому поводу современный документъ. Еще до отъѣзда въ Харьковъ И. С. Рижскому за его академическіе труды была присуждена золотая медаль.

III.

Неудивительно, что вновь основанный Харьковскій университетъ считалъ за честь пріобрѣсти себѣ такого профессора, какъ И. С. Рижскій: онъ былъ приглашенъ попечителемъ округа гр. С. О. Потоцкимъ на каѳедру россійскаго краснорѣчія и словесности еще задолго до фактическаго открытія университета (7 февр. 1803 г.). Университетъ еще не началъ функціонировать—а И. С. Рижскій сталъ усиленно трудиться на его пользу. 11-го апрѣля 1804 г. былъ открытъ для ускоренія дѣлъ *комитетъ* изъ наличныхъ профессоровъ и предсѣдателемъ его избранъ И. С. Рижскій. „Съ этого момента приготовленія къ открытію университета пошли гораздо правильнѣе и быстрѣе, чѣмъ прежде, ибо дѣятельность его была распредѣлена между нѣсколькими лицами и подчинена опредѣленной инструкціи; она отличалась разносторонностью и разнообразіемъ, захватывала и учебную, и хозяйственную сферу. Совершенно права была жена Рижскаго, когда по смерти его писала министру: онъ былъ и первымъ образователемъ Харьковскаго университета, до открытія его занимая мѣсто предсѣдателя въ комитетѣ, который состоялъ тогда изъ немногихъ профессоровъ и трудился въ теченіе цѣлаго года. Извѣстно, съ какими затрудненіями бываетъ сопряжено водвореніе въ провинціи подобнаго важнаго заведенія. Только крайнимъ благоразуміемъ, дѣятельностью и осторожностью возможно согласить волю правительства, недостатокъ средствъ и духъ публики, чуждающейся новостей, ей неизвѣстныхъ или представляющихся въ превратномъ видѣ. Крайнимъ только и безкорыстнѣйшимъ вниманіемъ можно сберечь издержки казны въ такомъ случаѣ.

Открытіе университета послѣдовало 17 января 1805 года. На другой же день состоялось засѣданіе совѣта, на которомъ ректоромъ былъ избранъ И. С. Рижскій. Выборы ректора были по уставу ежегодные—при такихъ условіяхъ и при ожесточенной борьбѣ партій, казалось, трудно было удержаться на этой должности, однако И. С. Рижскій былъ почти безсмѣннымъ ректоромъ до самой своей смерти, за исключеніемъ только одного 1807 года, когда избраннымъ оказался проф. Стойковичъ. Эти ежегодные безсмѣнные выборы ярко свидѣтельствуютъ о полномъ довѣріи и уваженіи къ его административнымъ талантамъ и нравственнымъ свойствамъ со стороны его товарищей-профессоровъ. Недаромъ впослѣдствіи, во время ректорства Стойковича, профессора писали министру, что „тишина, изгнанная изъ университета Стойковичемъ, ищетъ себѣ убѣжища въ гробѣ покойнаго ректора Рижскаго“. Дѣйствительно И. С. Рижскій былъ настоящій rector magnificus,

достойный избранникъ коллегіи, „выдававшійся въ своей средѣ и по своему ученому авторитету, и по дару слова, и по дѣловой энергіи, и по знанію русской жизни и, наконецъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ—на его репутаціи не было ни малѣйшаго пятнышка"; тогда и университетская среда не чужда была взяточничества и только благодаря И. С. Рижскому оно не могло развернуться такъ широко и свободно, какъ это мы видимъ во время ректорства Стойковича.

Просвѣщенный попечитель округа гр. С. О. Потоцкій высоко цѣнилъ безкорыстную и плодотворную дѣятельность И. С. Рижскаго. На первыхъ выборахъ трое профессоровъ получило одинаковое большинство голосовъ, но гр. С. О. Потоцкій рекомендовалъ министру утвердить И. С. Рижскаго, ибо благодаря его дѣятельности и усердію университетъ достигъ своего нынѣшняго благоустройства и порядка. Прошло шесть лѣтъ; Рижскій успѣлъ вполнѣ обнаружить свои таланты—и попечитель, представляя его въ 6-й разъ въ ректоры, даетъ о немъ еще болѣе лестный отзывъ, чѣмъ въ 1804 году: „столь многократные выборы, пишетъ онъ, служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ отличныхъ достоинствъ этого чиновника и той довѣренности и уваженія, каковыя пріобрѣлъ онъ отъ своихъ товарищей. При всѣхъ многозаботливыхъ занятіяхъ по званію ректора, не оставлялъ онъ никогда трудиться и по должности профессора, занимался при томъ и изданіемъ полезныхъ сочиненій". Необычное трудолюбіе составляетъ основную черту его дѣятельности. Достаточно сказать, что онъ совсѣмъ почти не пропускалъ засѣданій правленія, а ихъ было въ теченіе 7 лѣтъ 720, т. е. въ среднемъ болѣе сотни въ годъ, и продолжались они не менѣе 3-хъ часовъ каждое, въ послѣобѣденное время.

И. С. Рижскій 6 лѣтъ предсѣдательствовалъ въ правленіи, а 7-й годъ былъ членомъ его въ качествѣ декана факультета; игралъ, слѣдовательно, самую дѣятельную роль въ этой коллегіи, тѣмъ болѣе что членами ея бывали нерѣдко иностранные профессора, незнакомые ни съ русскою жизнью, ни съ русскимъ языкомъ. Въ то же самое время, онъ былъ предсѣдателемъ и другой не менѣе важной коллегіи—университетскаго совѣта, права и сфера дѣятельности котораго были чрезвычайно обширны; достаточно сказать, что отъ совѣта зависѣло назначеніе и увольненіе преподавательскаго персонала *всѣхъ* учебныхъ заведеній въ округѣ, т. е. та функція, которая въ настоящее время принадлежитъ попечителю; ему принадлежала цензура всѣхъ книгъ; онъ имѣлъ судебныя функціи не только по отношенію къ профессорамъ и чиновникамъ университета, но даже къ ихъ женамъ и дѣтямъ... Понятно, что на долю ректора, какъ представителя *такой* автономной

единицы, выпадали широкія права и полномочія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжелыя, отвѣтственныя обязанности. „Внутреннее устройство университетовъ, говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ, давало имъ независимое и почетное положеніе въ общественной средѣ и благотворно дѣйствовало на духъ ученой корпораціи. Ректоръ не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности былъ представителемъ университета и защищалъ его интересы съ тѣмъ достоинствомъ и энергіею, которыя даются только сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей и свободою дѣйствовать по своему убѣжденію и долгу... Попечители, принимая непосредственное участіе въ дѣйствіяхъ главнаго правленія училищъ, уважали права университетовъ и достоинствомъ своего поведенія возвышали въ глазахъ общества свое званіе, которое, по выраженію одного изъ первыхъ попечителей, „почитали драгоцѣннымъ для души благородной, любящей просвѣщеніе и благо отечества“. И Рижскій съ честью несъ свои ректорскія обязанности, былъ гордостью и украшеніемъ своего университета. Спрашивается, гдѣ же онъ нашелъ силы для своего нелегкаго общественнаго служенія? Мы знаемъ его жизнь до перехода въ Харьковъ; условія ея не были особенно благопріятны для его послѣдующей столь выдающейся дѣятельности. Очевидно, слѣдовательно, что онъ въ себѣ самомъ отыскалъ источникъ живой воды—въ своей богато одаренной натурѣ. И дѣйствительно, охарактеризовать И. С. Рижскаго можно тремя словами: это былъ умный, честный и добрый человѣкъ. Умъ его былъ большой и широкій; въ немъ какъ-то гармонически слилась способность къ теоретическому, спекулятивному мышленію и какая-то практическая складка, столь необходимая для его дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не переходившая въ крайность. Его безусловная честность была, очевидно, потребностью его природы и потому не боялась никакихъ искушеній; и мы увѣрены, что онъ былъ одинаково чистъ, занимая должности секретаря Свят. Синода и ректора университета. Только *онъ* сдерживалъ корыстолюбивые инстинкты нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, а послѣ его смерти началась постыдная торговля докторскими дипломами и венгерскими винами. Прослуживъ 32 года на разныхъ поприщахъ, онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ семью—и университетъ не изъ одного чувства признательности принялъ на себя его похороны. Скажутъ—„неужели элементарная честность есть особая добродѣтель? Это—долгъ всякаго человѣка“. Но въ данномъ случаѣ необходимо принимать во вниманіе время и нравы окружающей *среды*... Доброта у И. С. Рижскаго соединялась съ терпимостью и гуманностью: будучи вполнѣ русскимъ и православнымъ человѣкомъ, даже въ извѣстномъ смыслѣ славянофиломъ, онъ въ то же время отно-

сился съ полною терпимостью, гуманностью и расположеніемъ къ иностраннымъ профессорамъ, образовавшимъ въ Харьковѣ цѣлую колонію. Онъ радушно, какъ это было съ Роммелемъ, встрѣчалъ иностранныхъ профессоровъ, пріѣзжавшихъ изъ-заграницы въ Харьковскій университетъ и нуждавшихся въ ласковомъ одобреніи и встрѣчѣ. Онъ всегда старался умѣрять рѣзкій антогонизмъ между русскими и иноземцами, стоять на высотѣ справедливости и безпристрастія. Неудивительно, что иностранцы относились къ нему съ неменьшимъ уваженіемъ, чѣмъ и ихъ русскіе коллеги. Такою же гуманностью, искренностью и добротою проникнуты его отношенія къ учащейся молодежи. Извѣстно, какъ рѣзко разграничены были у насъ на Руси сословныя группы въ началѣ XIX столѣтія, извѣстно, что нѣкоторымъ изъ нихъ былъ прямо закрытъ доступъ въ университетъ. И вотъ, при такихъ условіяхъ, ректоръ И. С. Рижскій вноситъ въ 1809 году въ совѣтъ предложеніе о допущеніи въ гимназіи, а потомъ и университеты наиболѣе способныхъ солдатскихъ дѣтей. Не всегда на высотѣ власти сохраняется ровное, деликатно вѣжливое, спокойное отношеніе къ подчиненнымъ. Ректоръ въ то время обладалъ большою властью по отношенію къ студентамъ; между прочимъ онъ одинъ имѣлъ право подвергать ихъ такому серьезному наказанію, какъ карцеръ. Но И. С. Рижскій всегда и со всѣми держался одинаково, съ достоинствомъ, но безъ гордости и надменности. По словамъ студента-современника, онъ со всѣми былъ вѣжливъ, хотя и не разсыпалъ комплиментовъ. „Провинившимся студентамъ дѣлалъ выговоры и замѣчанія большею частью въ залѣ, въ полномъ ихъ собраніи, деликатно, не выходя изъ границъ приличія и притомъ какъ бы пользуясь этимъ случаемъ благодарилъ всѣхъ прочихъ, то-есть все сословіе студентовъ за ихъ приличіе и скромное поведеніе“. О его спокойномъ самообладаніи свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ того же студента Т. И. Селиванова. „Рижскій любилъ, чтобы студенты записывали на его лекціяхъ то, чего не было въ руководствахъ. Но такъ какъ онъ, читая лекцію, имѣлъ привычку часто повторять: „ну сударь“, то студентъ Мартыновъ рѣшился записывать, сколько онъ разъ въ продолженіе лекціи, повторитъ эту фразу. Между тѣмъ Рижскій замѣтилъ, что Мартыновъ записываетъ что-то слишкомъ кратко, и по окончаніи лекціи, сказалъ Мартынову: „пожалуйте свою тетрадь, что вы замѣтили“, и, взглянувъ въ тетрадь, сказалъ: „такъ вы ничего въ моей лекціи кромѣ этого не замѣтили?“. И, ничего не говоря и не дѣлая особеннаго замѣчанія Мартынову, началъ говорить: „у людей кабинетныхъ много кое чего вкрадывается и обращается въ привычку, потому что ихъ никто не останавливаетъ и не даетъ имъ этого замѣ-

тить: а человѣкъ, который всегда бываетъ въ публикѣ, меньше подверженъ бываетъ такимъ привычкамъ; его часто останавливаютъ, и онъ большею частью обдумавши говоритъ; а потому я совѣтую вамъ чаще бывать въ публикѣ". Когда товарищи спрашивали Мартынова, что онъ записывалъ, онъ отвѣчалъ: „что я записывалъ, того я никогда никому не скажу до гроба" и уже послѣ смерти Рижскаго сказалъ, и то съ глубокимъ уваженіемъ къ покойнику". И дѣйствительно, нужно величавое спокойствіе духа, чтобы поступить такъ, какъ поступилъ тутъ И. С. Рижскій.

IV.

Будучи безсмѣннымъ и образцовымъ ректоромъ, отдавая своимъ сложнымъ административнымъ обязанностямъ массу времени и силъ, И. С. Рижскій въ *то же самое время* былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся преподавателей и ученыхъ въ Харьковскомъ университетѣ за первое десятилѣтіе его существованія. Современники—профессоръ иностранецъ Роммель, студенты—Т. И. Селивановъ и Розальонъ-Сошальскій —единогласно признаютъ за нимъ крупное дарованіе. Лекціи его пользовались огромнымъ успѣхомъ и уваженіе къ нему, какъ лектору, сказалось на его погребеніи и долго потомъ въ живомъ преданіи держалось въ Харьковѣ. Онъ обладалъ въ высокой степени даромъ краснорѣчиваго изложенія и такъ какъ при этомъ былъ еще въ качествѣ сочинителя „риторики" и „піитики" и законодателемъ въ области теоріи краснорѣчія и поэзіи, то его вліяніе на литературное развитіе учащейся молодежи было исключительное, тѣмъ болѣе что среди ея литературныя стремленія были весьма значительны. Страстью къ прозаическому, а особенно стихотворному изложенію своихъ мыслей и чувствъ была заражена тогда въ поразительной степени вся учащаяся молодежь: объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные печатные „опыты" въ этомъ направленіи не только студентовъ университета, но и учениковъ коллегіума, гимназіи, а еще ранѣе главнаго народнаго училища (эти послѣдніе были напечатаны мною въ особой статьѣ). Само собою разумѣется, что несравненно большее количество ихъ не увидѣло свѣта и осталось въ рукописяхъ, которыя попадаются еще въ значительномъ количествѣ и нынѣ. Харьковскій коллегіумъ, который игралъ роль высшаго учебнаго заведенія въ краѣ до открытія университета и въ которомъ превосходно поставлено было дѣло преподаванія, культивировалъ и поощрялъ стремленіе къ сочинительству среди своихъ питомцевъ.

Въ его программѣ риторика и піитика занимали одно изъ первыхъ мѣстъ; да и гораздо раньше въ XVII и XVI вв., онѣ доминировали

въ духовныхъ школахъ юго-западной Россіи. По учебной инструкціи Харьковскому коллегіуму кромѣ латинской риторики и піитики полагался еще особый предметъ „россійская элоквенція и поэзія“, преподававшійся по учебнику Ломоносова; при чтеніи его нужно было особенно заботиться о красотѣ и чистотѣ стиля русскаго языка, для чего рекомендовалось ученикамъ подражать автору, читать, списывать, разбирать и заучивать его прозаическія и поэтическія произведенія. Значительная часть первыхъ студентовъ Харьковскаго университета перешла изъ Коллегіума изъ философскаго и богословскаго класса, т. е. съ развитымъ вкусомъ и подготовкой по россійской элоквенціи и піитикѣ. Въ университетѣ они встрѣтили ту же россійскую риторику и піитику, такъ какъ по уставу на словесномъ факультетѣ полагалась каѳедра „краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго“, т. е. риторики, піитики и русскаго языка. Преподавателемъ этихъ предметовъ оказался И. С. Рижскій, который самъ воспитался на нихъ въ семинаріяхъ и потомъ продолжалъ обрабатывать ихъ уже самостоятельно въ видѣ печатныхъ руководствъ. Мы видѣли, какую славу и авторитетъ пріобрѣлъ онъ себѣ въ этихъ областяхъ еще до опредѣленія своего профессоромъ въ Харьковскій университетъ. Нужно при этомъ замѣтить, что И. С. Рижскій какъ писатель не отличался косностью и стремленіемъ во что бы то ни стало идти по старой проторенной дорожкѣ. Правда во многихъ случаяхъ онъ стоялъ за старину и сочувствовалъ такимъ консерваторамъ въ области стиля, какъ Шишковъ, но это вытекало у него изъ любви къ славянскому языку, который онъ ставилъ несравненно выше французскаго „щебетника“; правда онъ не могъ вполнѣ освободиться отъ схоластики; но у него ея было меньше, чѣмъ у его наставниковъ-образцовъ. Онъ былъ питомцемъ духовной великорусской школы, которая, въ лицѣ славяно-греко-латинской академіи, испытывала тогда непосредственное вліяніе Запада. „Время ученія и преподаванія Рижскаго въ Троицкой семинаріи, съ 1775 по 1786 г. было порою обновленія славяно-греколатинской академіи, подъ вліяніемъ которой находились подвѣдомыя ей заведенія. Схоластика смѣнялась новыми системами, старинные авторитеты уступали мѣсто Декарту, Бэкону и Вольфу. Въ числѣ профессоровъ академіи находился префектъ Дамаскинъ, издатель сочиненій Ломоносова, бывшій студентъ Геттингенскаго университета. Въ лекціяхъ своихъ онъ пользовался сочиненіями Вольфа, Бильфингера, Гольмана и другихъ писателей. По Гольману составлена и логика „рижскаго“. Такимъ образомъ въ своихъ трудахъ до харьковскаго періода И. С. Рижскій пользуется главнымъ образомъ европейскими авторитетами и трудами и вноситъ ихъ выводы въ нашъ школьный обиходъ. То же самое яв-

леніе замѣчается и въ его руководствахъ, изданныхъ въ Харьковѣ, въ бытность профессоромъ Харьковскаго университета. Тутъ имъ напечатаны три обширныя пособія, которымъ, очевидно, соотвѣтствовали и его университетскія лекціи—это были 1) „*Опытъ риторики*“, изданный Харьковскимъ университетомъ въ 1805 г. 2) „*Введеніе въ кругъ словесности*, служившее руководствомъ бывшихъ въ университетѣ въ 1805 году публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукѣ краснорѣчія“, напечатанное въ 1806 г. и 3) „*Наука стихотворства*“, изданная Россійской академіей въ 1811 году. Эти три сочиненія находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ и въ совокупности своей представляютъ полный, систематическій курсъ теоріи словесности: „Введеніе въ кругъ словесности“ содержитъ въ себѣ науку о языкѣ въ примѣненіи къ теоріи словесности; „Риторика“—стилистику и теорію ложноклассической прозы; „Наука стихотворства“—теорію ложноклассической поэзіи. „Въ филологическихъ трудахъ, говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ, онъ держался механической теоріи Бросса... Къ мыслямъ Шишкова о русскомъ слогѣ Рижскій питалъ большое сочувствіе, не вдаваясь впрочемъ во всѣ его крайности. Въ лекціяхъ по теоріи словесности Рижскій пользовался отчасти сочиненіями Эшенбурга, Блера, Зульцера, но главными его руководителями оставались французскіе теоретики, сквозь призму которыхъ онъ смотрѣлъ и на древнихъ писателей. Онъ любилъ ссылаться на Вольтера и на энциклопедистовъ вообще, мнѣнія которыхъ были тогда въ ходу въ нашемъ литературномъ мірѣ. Любимымъ его русскимъ писателемъ былъ Дмитріевъ“. „Въ своей піитикѣ, говоритъ проф. М. Е. Халанскій, Рижскій пользовался сочиненіемъ Аристотеля, Горація, Буало, Батте, Попа, Мармонтеля, Жокура, Блера, Зульцера и Эшенбурга. Примѣры, поясняющіе опредѣленія разныхъ видовъ стихотворства, Рижскій заимствуетъ изъ сочиненій русскихъ писателей періода отъ Ломоносова до Крылова. По полнотѣ свѣдѣній, обстоятельности и ясности изложенія курсъ теоріи словесности Рижскаго былъ для своего времени явленіемъ дѣйствительно выдающимся. Равнаго ему по значенію для своего времени русская литература не имѣетъ доселѣ“. Прибавимъ къ этому, что И. С. Рижскій, не ограничиваясь теоріей словесности, приготовлялъ къ печати и ея исторію, но смерть пресѣкла его начинаніе. Изъ всего этого видно, что руководства И. С. Рижскаго отличались выдающимися достоинствами и стояли на высотѣ тогдашней науки. Не разрывая связи со старинной традиціей, давно нашедшей себѣ пріютъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ и проникшей при посредствѣ его питомцевъ и въ университетъ, онъ говорилъ тѣмъ не менѣе новое и живое слово своимъ слушателямъ, и что было особенно важно—закрѣплялъ его въ своихъ руко-

водствахъ, получившихъ исключительное господство въ Харьковскомъ университетѣ, пережившихъ своего автора и даже вышедшихъ далеко за предѣлы Харьковскаго учебнаго округа. Въ глазахъ Харьковскаго студенчества, которое,—замѣтимъ кстати—въ полномъ составѣ слушало его лекціи. въ качествѣ общихъ, обязательныхъ курсовъ—онъ пользовался непререкаемымъ научнымъ авторитетомъ. Онъ не только давалъ теоретическія построенія, а и представлялъ, такъ сказать, образчики своей литературной критики, основанной на прилагаемой имъ теоріи. Этой критики боялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ и желали; всякій студентъ, начинавшій писать стихи, лелѣялъ мечту повергнуть ихъ на судъ строгаго, но авторитетнаго и справедливаго критика—учителя. И онъ не стѣснялся иногда высказать горькую правду заблуждавшемуся. Т. И. Селивановъ разсказываетъ, что студентъ П. любилъ писать стихи, не имѣя поэтическаго дарованія. Рижскій спросилъ его: „знаете-ли вы поэзію? „Знаю", отвѣчалъ П. „Но она, ей Богу, не знаетъ васъ". Но за то дѣйствительныя дарованія онъ поощрялъ и развивалъ; по крайней мѣрѣ это нужно сказать относительно Нахимова, на поэтическое развитіе котораго онъ несомнѣнно имѣлъ благодѣтельное воздѣйствіе. Объ успѣхѣ сочиненій И. С. Рижскаго среди студентовъ и публики свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что одно изъ нихъ перепечатывалось и послѣ его смерти. Это именно его „Опытъ риторики", выдержавшій четыре изданія, въ томъ числѣ одно посмертное (въ 1822 году). Его труды по теоріи словесности долго служили руководствомъ не только въ Харьковскомъ, но и Казанскомъ и Московскомъ университетахъ (во 2-мъ читалъ по нимъ проф. Левицкій, въ 3-мъ проф. Побѣдоносцевъ); въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія члены словеснаго факультета Харьковскаго университета высказались также за всѣ три руководства И. С. Рижскаго и только потребовали въ нихъ кое какихъ мелкихъ измѣненій. Это тѣмъ болѣе характерно, что въ это время совершенно измѣнился духъ и характеръ университетскаго преподаванія. Кромѣ указанныхъ здѣсь руководствъ И. С. Рижскій произнесъ на торжественныхъ университетскихъ собраніяхъ и напечаталъ нѣсколько рѣчей, а именно—въ день открытія университета „*Объ изящныхъ наукахъ*", гдѣ онъ между прочимъ проводилъ мысль о благотворномъ вліяніи науки и искусствъ на нравственность; затѣмъ „*О познаніи, свойственномъ воображенію* и о *Занятіяхъ университета въ 1805—1806 г.*; въ этой послѣдней рѣчи онъ между прочимъ говоритъ о томъ, что сдѣлалъ Харьковскій университетъ для училищъ своего округа. Самъ И. С. Рижскій ѣздилъ также въ качествѣ визитатора для осмотра подвѣдомственныхъ университету училищъ и независимо отъ оффиціальнаго отчета о своемъ осмотрѣ доставилъ еще

любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ памятникахъ мѣстной старины— а именно описаніе знаменитаго городища Ольвіи и нѣк. др.

Очевидно, у него былъ и вкусъ къ научнымъ изслѣдованіямъ, и достаточная къ нимъ подготовка. Доказательствомъ того, какую незамѣнимую утрату понесъ Харьковскій университетъ въ лицѣ И. С. Рижскаго, какъ профессора, можетъ служить тотъ фактъ, что по каѳедрѣ его было очень трудно найти ему достойнаго преемника. Глубокое же уваженіе къ нему современниковъ нашло себѣ яркое выраженіе въ его похоронахъ.

V.

Похороны И. С. Рижскаго отличались необычайно торжественнымъ характеромъ; ими Харьковскій университетъ и городъ Харьковъ какъ бы хотѣли выразить свое глубокое уваженіе къ личности почившаго. Въ многочисленныхъ рѣчахъ отмѣчены были его выдающіяся достоинства, какъ профессора, ученаго и ректора. Очевидно, современники ясно представляли себѣ значеніе его дѣятельности и личности и выразили это въ своихъ поминкахъ. Всѣ онѣ, а равно и подробное описаніе похоронъ, были изданы тогда же (въ 1811 году) особой брошюрой, которая представляетъ цѣнный источникъ для характеристики взглядовъ на И. С. Рижскаго его современниковъ.

Поэтому мы и остановимся на ней довольно подробно, тѣмъ болѣе, что изъ нея еще никто не дѣлалъ никакихъ извлеченій. Многое въ ней, съ точки зрѣнія изложенія, покажется намъ теперь страннымъ и необычнымъ; въ особенности поразитъ нашъ слухъ сильно приподнятый тонъ всѣхъ рѣчей, ихъ риторическій характеръ; хотя мы постараемся привести отрывки, въ которыхъ меньше краснорѣчія и больше фактическихъ данныхъ. Но эта риторика была съ одной стороны особенностью того вѣка, а съ другой вызывалась и частнымъ поводомъ— на погребеніи berühmter Rhetoriker, какъ называлъ его Роммель, должны были быть произнесены достойныя его ораторскаго таланта рѣчи. Однако подъ этимъ густымъ наноснымъ слоемъ мы открываемъ истинно скорбное чувство о тяжкой, невознаградимой утратѣ, глубокое уваженіе къ почившему, смѣшанное съ удивленіемъ и преклоненіемъ передъ его талантами и сочиненіями.

О жизни и смерти И. С. Рижскаго въ брошюрѣ говорится такъ. „Достоинства Рижскаго, говорится въ началѣ очерка, столько пріобрѣли къ нему уваженія въ ученомъ сословіи нашего отечества, у именитыхъ любителей словесности и всѣхъ, которые знали его, что въ угодное здѣсь поставляется сообщить извѣстіе о его жизни и смерти почитаю-

щимъ заслуги, добродѣтель и память его. Знатностію и всѣмъ состояніемъ онъ обязанъ былъ единственно своему разуму, трудолюбію и ревностному исполненію должностей, на него возложенныхъ... Университетъ представлялъ его способностямъ неизмѣримое поле дѣйствія и славы. Образъ его мыслей былъ достоенъ ученаго мужа. Нравомъ и поведеніемъ онъ располагалъ обращающихся благопріятствовать ему. Житіе въ строгой умѣренности и перемѣны трудовъ сохраняли его силы. Около трехъ лѣтъ утѣшался онъ супружествомъ, которое ввело его въ одно изъ почтенныхъ семействъ Слободскоукраинской губерніи и поставляло совершенно ея гражданиномъ. Пребываніе въ этомъ мѣстѣ не всегда находилъ онъ полезнымъ для своего здоровья; но въ разныхъ случаяхъ оно было ему возвращаемо; и надежда на долголѣтіе увеселяла любящихъ его. Въ первые дни сего марта въ безпокойствѣ и дѣйствіи весенняго воздуха началъ онъ чувствовать опасные приступы сильной болѣзни. Нервная горячка пресѣкла его жизнь въ 15-й день сего марта на 50-томъ году его жизни. Какъ скоро былъ извѣщенъ о его кончинѣ проректоръ университета, Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ оповѣстилъ о ней всѣхъ университетскихъ чиновниковъ и пригласилъ членовъ совѣта въ засѣданіе, которое открыто было того же 15-го числа въ 9 часовъ утра. Послѣ распоряженій относительно дѣлъ опредѣлены обряды погребенія и траура, при чемъ сдѣлано распоряженіе и о рѣчахъ. Увѣдомлены объ этомъ духовное и гражданское начальство съ просьбою въ содѣйствіи и почетнѣйшимъ градскимъ жителямъ дано знать билетами о происшествіи, о времени выноса и похоронъ. По прибытіи Его Преосвященства, епископа Слободоскоукраинскаго и Харьковскаго и кавалера Христофора Сулимы въ университетъ къ выносу, отпѣта надъ тѣломъ обыкновенная литія и выносъ при колокольномъ звонѣ въ церквахъ произведенъ слѣдующимъ порядкомъ. Отъ университетскаго дома до церкви градскаго собора поставлены были въ два ряда студенты и ученики Харьковскаго духовнаго коллегіума, ученики Слободскоукраинской гимназіи и Харьковскаго уѣзднаго училища по классамъ, по которымъ размѣщены были обыкновенныя классическія знамена, кромѣ двухъ большихъ, несомыхъ при гробѣ. Между этими рядами за большимъ крестомъ и хоругвіями несено было 4-мя студентами университета церковное покрывало; другіе студенты несли крышку гроба, на которой положены были шпага и шляпа усопшаго. Слѣдовали два церемоніймейстера изъ п.-адъюнктовъ университета. За ними студентъ, при двухъ же студентахъ по сторонамъ, несъ на бархатной подушкѣ сочиненія покойнаго. Орденъ его на такой же подушкѣ несъ университетскій экзекуторъ при двухъ кандидатахъ университета. Послѣ сего

шествовалъ Преосвященный Епископъ и кавалеръ Христофоръ въ предшествіи всего градскаго духовенства съ клиромъ. Наконецъ, за Преосвященнымъ восемь студентовъ несли самый гробъ и по обѣимъ сторонамъ его восемь же студентовъ шли съ факелами. Слѣдовали за гробомъ университетскіе учителя, гг. адъюнкты и профессора съ проректоромъ въ своемъ порядкѣ. По принесеніи тѣла въ градскую соборную церковь поставленъ гробъ на обычномъ въ ней мѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ его стояли студенты, при отправленіи Божественной литургіи 8, а послѣ ея во все время, когда діаконы читали у гроба святое евангеліе, по 4 человѣка перемѣняясь ежечасно, что продолжали до начала литургіи въ слѣдующій день. 16 марта прибывшіе въ соборную церковь чиновники университета и студенты его, учителя и ученики гимназій и уѣзднаго училища слушали божественную литургію, въ продолженіе которой студенты со свѣчами гробъ окружали. Предъ окончаніемъ ея учитель поэзіи духовнаго коллегіума Антоновскій говорилъ съ каѳедры приличное слово. Погребеніе отправлялъ Преосвященный епископъ и кавалеръ Христофоръ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Кромѣ знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ при семъ случаѣ велико было собраніе народа. По прочтеніи святаго евангелія произнесены надгробныя рѣчи профессорами: россійская-Иліею Тимковскимъ, французская Яковомъ Беленъ-де-Баллю и латинская Христофоромъ Роммелемъ. Сверхъ того читалъ одну на русскомъ языкѣ учитель слободско-украинской гимназіи Любовскій. Во время пѣнія церковныхъ стиховъ и при слушаніи надгробій едва можно было увидѣть такихъ изъ присутствовавшихъ, которые памяти усопшаго не почтили-бы пролитіемъ слезъ. По окончаніи церковнаго пѣнія начался ходъ на кладбище, гдѣ тѣло положить назначено. Это шествіе почтилъ также своимъ присутствіемъ Его Преосвященство, сопровождая гробъ отъ собора до воротъ архіерейскаго дома. Впереди всего несены были обыкновенный большой церковный крестъ съ хоругвіями по сторонамъ. Ученики уѣзднаго училища и гимназисты съ классическими знаменами по вышесказанному шли двумя раздѣленными рядами, также потомъ ученики и студенты духовнаго коллегіума. За учениками уѣзднаго училища слѣдовали его учителя, а между рядами учениковъ гимназіи въ концѣ ея учителя и губернскій директоръ училищъ. Потомъ шли два университетскихъ церемоніймейстера. Гробовая крышка, сочиненія и орденъ покойнаго студентами университета въ томъ-же порядкѣ несены были, какъ отъ ректорскихъ комнатъ въ церковь. За пѣвчими архіерейскаго хора духовенство предшествовало гробу. Усердіе студентовъ, равное великому ихъ сожалѣнію о потерѣ, изобрѣло для нихъ и въ томъ признательность, что они, по желанію своему,

съ перемѣною несли гробъ до самой могилы. Прочіе студенты шли по сторонамъ гроба, который окружили 8 служителей университетской команды, въ траурномъ облаченіи съ факелами. За гробомъ слѣдовали канцелярскіе служителя университетскаго правленія и училищнаго комитета; далѣе университетскіе учителя пріятныхъ искусствъ, потомъ п. адъюнкты, профессора и проректоръ, въ сопровожденіи кассира и архиваріуса совѣта. Его превосходительство г. Слободскоукраинскій гражданскій губернаторъ и г. г. губернскіе чиновники также благоволили сопутствовать. Стеченіе всего народа было безчисленно. Въ такомъ порядкѣ при колокольномъ звонѣ во всѣхъ ближайшихъ церквяхъ шествіе, продолжавшееся болѣе часа, прибыло наконецъ къ мѣсту погребенія (Каплуновской церкви). Тѣло предано было землѣ по южную сторону церкви, близъ сельской дороги. Кладбище это находится на горѣ, возвышающейся при рѣкѣ Харьковѣ, въ сѣверномъ концѣ города, покрытомъ садами.

Описавъ необычайно торжественныя похороны И. С. Рижскаго, приведемъ теперь нѣсколько выдержекъ изъ сказанныхъ на нихъ надгробныхъ рѣчей; въ этихъ послѣднихъ, несмотря на ихъ реторическій тонъ, также пробивается глубокое уваженіе къ почившему, удивленіе передъ его дарованіями и горесть тяжкой утраты. Слово представителя Харьковскаго коллегіума Антоновскаго построено было на тезисѣ: „Нѣтъ подъ солнцемъ добра постояннаго“. Особенно сознается, говорилъ онъ, эта истина нынѣ, когда „мудрость и просвѣщеніе, свѣтъ и краса вертограда наукъ сокрываются подъ спудъ, когда любезнѣйшая душа оставляетъ осиротѣвшее юношество, когда перестало биться сердце, каждое движеніе котораго стремилось къ благу отечества. Надежды юныхъ сыновъ Россіи, которыхъ душа подъ руководствомъ просвѣщеннаго, украшеннаго добродѣтелью наставника, горѣла любовью къ пользѣ отечества, теперь тускнѣютъ. И мало ли тѣхъ, которые пожалѣютъ о немъ. Даже посторонніе ощущаютъ сожалѣніе и проливаютъ слезы. Что же должны чувствовать тѣ, которые теряютъ въ немъ лучшаго и добродѣтельнѣйшаго изъ друзей, усерднѣйшаго изъ наставниковъ, кротчайшаго и любезнѣйшаго изъ людей? Сердце невольно влечетъ къ нему и тѣхъ, которые не имѣли счастья быть близкими къ нему, пользоваться добротами его, созерцать пламенный, исполненный любви и величія взоръ его, внимать безпримѣрной силѣ высокаго стремительнаго неподражаемаго его краснорѣчія.

Пріобрѣтенную съ давнихъ лѣтъ приверженность трудно отдалить отъ любимаго предмета. Кто привлекъ къ себѣ нашу душу, кто умѣлъ искренностью, знаніемъ, просвѣщеніемъ, добротою, особенными великими

чувствами поселить въ насъ къ себѣ истинную любовь и уваженіе, того не можемъ мы скоро забывать. Неизгладимо напечатлѣнъ его образъ въ сердцѣ любящихъ его. И твое имя, Великій мужъ, останется незабвенно въ душахъ благоговѣвшихъ къ тебѣ! Твоя великая душа, мужъ достойный всеобщаго удивленія и сожалѣнія, теперь шествуетъ къ новой лучшей жизни. Владыко живота нашего здѣсь—на сей бренной землѣ показывалъ къ тебѣ любовь и милость свою. Онъ покажетъ тебѣ свою отеческую любовь и тамъ—въ нѣдрахъ вѣчности, ибо блаженны умирающіе о Господѣ".

Проф. И. Ѳ. Тимковскій преимущественно говорилъ о смерти вообще. Едва отъ болѣзни воздвигнутый и тѣмъ сильнѣе пораженный, вмѣщая скорбное упыніе о немъ всего сословія воздаю ему долгъ послѣдній... Рано, безвременно отошелъ онъ въ вѣчность, но совершилъ пути, честно запечатлѣнные. Въ немъ общество имѣло дѣятельнаго, а государство преданнаго сына, университетъ-же добраго правителя, какого только могутъ путемъ избранія поставить знаніе, правота и вѣрность. Какъ начальникъ и подвластный, какъ дружественный намъ сподвижникъ, онъ трудился въ самомъ основаніи этого вѣковаго заведенія, на пользу котораго нужно положить столько силъ и головъ. Свѣдущій любитель изящныхъ наукъ, озаренный величіемъ русскаго слова, онъ работалъ для его красоты и силы. Членъ Россійской Императорской академіи онъ утвердилъ на себѣ ея постоянное вниманіе... На его гражданскомъ поприщѣ мы видимъ усердную ревность, отличныя достоинства и неизмѣнное трудолюбіе... Во всемъ округѣ найдутся люди, которые возмятутся душею и повѣдаютъ про печаль свою Черному морю. Далеко пройдетъ слухъ, что уже не стало его, въ разные концы Россіи, въ столицы, ко множеству его знакомыхъ, сверстниковъ и благодѣтелей... Онъ оставляетъ память о своемъ разумѣ и дѣяніяхъ, которая возлюбится въ бесѣдахъ, сохранится въ преданіяхъ и наукѣ.

Беленъ де-Баллю, заявивъ, что другіе ораторы займутся изложеніемъ событій его трудовой жизни и услугъ обществу, и перечисливъ ученые труды Рижскаго, достойные сдѣлать безсмертнымъ его имя, остановился только на его качествахъ. Mais ce que le rend, говорилъ онъ, encore plus digne de nos regrets, ce sont ses qualités morales: la douceur inaltérable de son caractère, la pureté de ses moeurs, son assiduité à remplir toutes ses fonctions, la vigilance paternelle qu'il ne cessait d'exercer sur les élèves de l'Université et sur toutes les parties de l'administration, qu'il dirigait: son zèle infatigable pour procurer le bien de l'Université, son amour pour la patrie, son amitié pour ses collègues, voilà, messieurs, voilà ce que nous devons pleurer, voilà ce que le fera

vivre longtemps dans nos coeurs. Que tant de vertus soient recompensées dans le ciel et qu'elles servent d'exemple à ceux, qui lui succederont"

Хр. Роммель началъ свое надгробное слово съ извѣстнаго стиха Горація—non omnis moriar [1])—и заявилъ, что онъ какъ нельзя болѣе примѣнимъ и къ такимъ полезнымъ наставникамъ юношества, какимъ былъ почившій; память о немъ должна перейти къ потомству, какъ о писателѣ, профессорѣ и ректорѣ; въ заключеніе ораторъ взывалъ къ Богу о ниспосланіи благъ университету.

Въ своей одѣ Любовскій прославлялъ главнымъ образомъ ораторскій талантъ Рижскаго.

„О просвѣтитель драгоцѣнный,
Сладкоглаголивый нашъ геній!
Рцы намъ! Почто, какъ возглашалъ
Свои премудрые совѣты,
Вѣщать изящные предметы,
Одно всегда ты забывалъ?
Одно великое явленье,
Разительное ощущенье
О благодѣтель нашъ, отецъ,
Безъ изъясненія оставилъ,
Великій риторъ, не наставилъ,
Какъ намъ... оплакать твой конецъ...
Увы! На вѣкъ умолкъ витія,
Ліющій словеса златыя,
Какъ свѣтлы воды льетъ рѣка!
Куда дѣвался гласъ любезный,
Обворожающій, небесный,
Сладчайшій меда и млека?
Гдѣ сей глаголъ животворящій,
Превыше облакъ, звѣздъ парящій,
Который умъ нашъ, сердце, вкусъ,
Какъ нѣкая волшебна сила,
Взносилъ на орлихъ мощныхъ крылахъ
Въ таинственно жилище музъ?
—Молчимъ въ терзаніи сердечномъ!
О музы! Вы на холмѣ вѣчномъ
Унылую бряцайте пѣснь,

---

[1]) Exegi monumentum aere perennius... Non omnis moriar multaque pars mei vitabit libitinam.

Россійска Лонгила почтите,
И наши чувства возвѣстите
Въ сладчайшей тишинѣ небесъ.
Да всѣ труды его безцѣнны
На лирѣ вашей возглашены
Славянскимъ въ похвалу сынамъ,
Оставивъ бренну скоротечность
Отъ лирныхъ звуковъ пройдутъ въ вѣчность
И новый свѣтъ сіяютъ намъ!

На туже тему написалъ оду учитель слободско-украинской гимназіи Ив. Лобойковъ.

„Течетъ мужей избранныхъ сонмъ
Родительскій оставя домъ,
Отъ странъ и градовъ отдаленныхъ,
Со крѣпостію силъ душевныхъ
Создать на югѣ храмъ наукъ.
И лишь трудомъ отважныхъ рукъ
Возлегъ краеугольный камень,
Въ серцахъ возникъ усердья пламень,
Объялъ препоны, ихъ расторгъ;
И се намъ зиждется чертогъ.
Любовію наукъ плѣненна
Дерзаетъ юность воскрыленна
Сей подвигъ трудный раздѣлять
Со крѣпостію сихъ мужей
И храмъ наукъ сооружать,
Гордясь отважностью своей.
Но лютый рокъ опредѣляетъ
Конца зиждителямъ не знать;
Ихъ крѣпку руку преломляетъ
Тать жизни нашей алчна смерть,
О ты, свершившій подвигъ трудный,
Вѣщаютъ пѣснію своей,
Поклонникъ, чтитель россовъ слова,
Ты вѣрностью къ нему горя,
На югъ притекъ, на гласъ царя,
Обильны вертограды слова
Искусства силой возращать
И быліе въ нихъ истреблять!

Витійственны твои уста
Нашъ духъ, восторгъ нашъ преселяли
Въ полуденны славѣнъ мѣста;
Когда глаза твои вращали
Слезу горячности въ честь намъ;
Когда ты молодымъ умамъ
Высокость чувствій, музъ забавы,
Языкъ волшебный открывалъ
И власть его на духъ и нравы
Своею жизнію являлъ"...
. . . . . .
О громъ небесъ! Во гробѣ онъ!
Въ концахъ пространныхъ пронесется
Его питомцевъ гласъ и стонъ...

Наконецъ, чувства благодарнаго юношества выразилъ студентъ Переверзевъ въ краткомъ произаическомъ словѣ.

„Давно ли восхищали насъ, говорилъ онъ, мудрые совѣты и ободряли добродѣтельные поступки, давно ли семейство счастливилось усердіемъ сего мужа! Давно-ли! Но его уже нѣтъ—мы проливаемъ слезы. Не отсутствіе твое, мужъ почтенный, наполнило горестію наше сердце. Ты, оставивъ свѣтъ, избѣгъ его превратностей, избѣгъ злоключеній, которыя въ будущемъ угрожаютъ намъ; вошелъ въ тихое пристанище. Но благотворный вѣкъ твой, сопряженный съ счастіемъ многихъ, заставляетъ насъ орошать слезами твой хладный трупъ и самую землю, скрывающую отъ насъ любезный зракъ твой. Воображеніе мое недостаточно и слово безсильно истинную цѣну дать высокимъ достоинствамъ сего смертнаго и выразить потерю, причиненную внезапнымъ скончаніемъ дрожайшихъ дней его. Мы лишились въ немъ кроткаго начальника, усерднаго благодѣтеля, прилежнаго наставника, какъ чадолюбивнаго отца своего. Лишилось ученое сословіе надежнаго, ревностнаго и дѣятельнаго товарища. Лишилось отечество великаго поборника добродѣтелей и славы нашихъ предковъ. Сограждане лишились почтеннаго и любезнаго, друзья—искренняго и вѣрнаго союзника. Горестныя чувствованія лишившейся его нѣжной супруги подвигли, кажется, всю природу къ состраданію. Ея сѣтованія, достигая сердца пораженныхъ сродниковъ, тотъ домъ, куда стекалось дружество, обращаютъ въ пустыню, гдѣ слышны только уныніе и вопли стенящей... Труды мужа добродѣтельнаго не подлежатъ власти случая. Никогда глубокое о нихъ воспоминаніе не выйдетъ изъ нашихъ мыслей. Они достигнутъ позднѣй-

шихъ потомковъ, и тамъ благословится творецъ ихъ. А правда, хранимая отъ него началомъ совѣтовъ и закономъ дѣяній въ самый тотъ день, когда вселенная разрушась изъ мрака явится обновленна простретъ лучи свои на дѣла его; и сіи дѣла пребудутъ безсмертны. Прости, достойный отечества сынъ! Прости, незабвенный нашъ благодѣтель! Возвративъ жизнь свою Вышнему ея началу, наслаждайся благостію неба. Тамъ покойся по трудахъ и волненіяхъ, для пользы общей тобою понесенныхъ? Съ пламенѣющимъ сердцемъ о тебѣ, любезное отечество, простираемъ желанія наши къ милосердному небу. Да пощадятся напастьми твои и наши драгоцѣнности, да обогатится ученое сословіе твое сему подобными изыскателями познаній человѣка, да позволено будетъ и намъ, юнымъ питомцамъ, созерцать всегда таковыхъ наставниковъ!“

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ laudationibus funebribus есть нѣкоторыя преувеличенія—одинъ изъ ораторовъ, какъ мы видѣли, назвалъ даже И. С. Рижскаго геніальнымъ. Но, помимо того, что и эти преувеличенія представляютъ для насъ интересъ, какъ выраженіе взглядовъ современниковъ, можно сказать, что оцѣнка, сдѣланная И. С. Рижскому въ этихъ надгробныхъ рѣчахъ, въ общемъ не противорѣчитъ дѣйствительности: Рижскій дѣйствительно былъ талантливымъ профессоромъ, выдающимся для своего времени ученымъ писателемъ, превосходнымъ ректоромъ, а главное честнымъ и добрымъ человѣкомъ. Эту послѣднюю черту его отмѣтилъ и Антоновскій, сказавшій, между прочимъ, что найдутся лица, достойныя занять его мѣсто въ университетѣ, но никогда не забудется его необычайная доброта.

VI.

Похороны И. С. Рижскаго взялъ на себя признательный университетъ. Но послѣ И. С. Рижскаго остались безъ всякихъ средствъ жена и малолѣтній сынъ—и они не были матеріально обезпечены достаточной пенсіей. Вышло такъ, что по существовавшимъ тогда пенсіоннымъ правиламъ семьѣ его можно было выдать только единовременное пособіе въ размѣрѣ двойнаго годичнаго жалованья—4000 р. и ежегодную пенсію вдовѣ и сыну по 400 р. т. е. въ размѣрѣ $^1/_5$ его жалованья). Къ довершенію бѣдствій семьи скончался и малолѣтній сынъ И. С. Рижскаго и вдова его осталась съ пенсіей въ 400 р. Такая незначительная пенсія вызвана была тѣмъ обстоятельствомъ, что И. С. Рижскій имѣлъ всего 8 лѣтъ университетской службы, а 24 года предыдущей служебной дѣятельности ему засчитаны не были. Такимъ образомъ, вдова И. С. Рижскаго получила такую пенсію, какую могла бы получать вдова всякаго молодаго профессора, пробывшаго на службѣ всего 5 лѣтъ. Въ

виду такого положенія дѣлъ и въ виду того, что новый ректоръ Стойковичъ, давнишній врагъ покойнаго, очевидно не хотѣлъ сдѣлать въ пользу его семьи, того, къ чему въ данномъ случаѣ долженъ былъ бы побуждать его нравственный долгъ, вдова покойнаго принуждена была сама обратиться къ министру съ ходатайствомъ объ увеличеніи размѣровъ ея пенсіи. Въ своемъ письмѣ она останавливаетъ вѣрную по существу мысль, что ея мужъ оказалъ особыя, выдающіяся услуги университету и потому семья его имѣетъ нравственное право на бо́льшую пенсію, чѣмъ та, которая ему назначена по буквѣ закона и которая совершенно не соотвѣтствуетъ его многолѣтней полезной дѣятельности на пользу государства и просвѣщенія. „Услуги моего мужа отечеству, писала она гр. А. К. Разумовскому, были довольно значительны для мѣста, которое онъ занималъ, но награда по смерти равняетъ его съ самымъ обыкновеннымъ чиновникомъ профессорскаго званія. Неизвѣстно мнѣ, какое представленіе сдѣлалъ о немъ университетъ, почему я беру смѣлость приложить Вамъ записку, на подлинныхъ бумагахъ основанную... Мужъ мой сверхъ этой обыкновенной службы, которую онъ съ отличною ревностью всегда исправлялъ, о чемъ могутъ засвидѣльствовать тѣ начальники его, кои нынѣ находятся въ живыхъ (какъ-то нѣкоторые члены синода, Василій Степановичъ Поповъ и графъ Потоцкій), былъ писателемъ полезнымъ для своего отечества, писателемъ классическимъ. Руководства его для разныхъ частей словесности изданныя приняты повсемѣстно въ гражданскихъ и духовныхъ училищахъ... Цѣлый университетъ и весь городъ Харьковъ, провожавшій мужа моего до его могилы, засвидѣтельствуютъ, въ какой степени онъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Не вамъ ли ввѣрено ходатайство за тѣхъ, которые заслуживаютъ, что бы для нихъ сдѣлано было свыше предписаннаго общими правилами? Но гр. А. К. Разумовскій былъ уже связанъ своимъ прежнимъ докладомъ Государю о пенсіи семьѣ И. С. Рижскаго, докладомъ, основаннымъ на представленіи совѣта. Къ сожалѣнію, совѣтъ не возбудилъ ходатайства передъ министромъ объ экстраординарной пенсіи или пособіи семьѣ Рижскаго въ виду его крупныхъ заслугъ передъ университетомъ. Впрочемъ вина тутъ падаетъ не столько на совѣтъ, сколько на новаго ректора А. И. Стойковича, которому должна была принадлежать иниціатива въ этомъ дѣлѣ. Но могъ ли этотъ человѣкъ, у котораго было совершенно не развито чувство нравственнаго долга, который руководствовался исключительно своекорыстными побужденіями, оцѣнить должнымъ образомъ безкорыстную дѣятельность И. С. Рижскаго на пользу общества? Да и не въ его интересахъ была справедливая оцѣнка заслугъ его предшественника! Но общее уваженіе современни-

ковъ къ памяти И. С. Рижскаго было очень велико. Оно нашло себѣ выраженіе между прочимъ и въ устройствѣ надъ его могилой мавзолея. Кто поставилъ этотъ довольно монументальный надгробный памятникъ, мы не знаемъ; можно думать, что это сдѣлалъ благодарный ему университетъ. Теперь этому памятнику угрожаетъ опасность уничтоженія.

Каплуновское кладбище давно уже упразднено и представляетъ въ настоящее время только историческій интересъ. Въ церковной оградѣ, на старой кладбищенской территоріи, начатъ постройкою новый храмъ да и вообще въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ въ ней значительныя измѣненія. Многія могильныя плиты, рѣшетки теперь уже сняты. Но желательно было бы по крайней мѣрѣ, чтобы надгробный памятникъ И. С. Рижскаго былъ сохраненъ и реставрированъ. Мы не сомнѣваемся, что Харьковскій университетъ, которому былъ такъ беззавѣтно преданъ И. С. Рижскій, отпуститъ необходимыя для этого средства—и *нынѣшнее* правленіе его приметъ на себя иниціативу и хлопоты въ этомъ поистинѣ святомъ дѣлѣ, въ которомъ jus manium—право мертвыхъ—сливается съ нравственною обязанностью живыхъ. Я же, съ своей стороны, какъ историкъ университета, считалъ своемъ долгомъ напомнить нынѣшнему поколѣнію о заслугахъ И. С. Рижскаго, такъ какъ живое преданіе о немъ нынѣ уже исчезло и наступила пора закрѣпить его печатнымъ словомъ.

XII.

Профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета Тимофей Ѳедоровичъ Осиповскій.

I.

Нѣтъ ничего несправедливѣе, какъ забвеніе крупныхъ общественныхъ дѣятелей и никто, кажется, чаще насъ, россіянъ, не грѣшитъ этимъ тяжкимъ грѣхомъ. И такое забвеніе при этомъ мирно уживается подъ часъ съ громкимъ признаніемъ сомнительныхъ или преувеличенныхъ заслугъ современныхъ юбиляровъ. Покойникъ о себѣ не напоминаетъ; широкая публика о немъ забываетъ или просто ничего кромѣ имени не знаетъ, ибо текущая пресса говоритъ ей о герояхъ современности; и только антикварій, стряхнувши пыль съ хартій, открываетъ въ нихъ черты, рисующія выдающуюся, недюжинную личность дѣятеля былаго времени—у него является потребность подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ, возстановить образъ дѣятеля и правдиво обрисовать его заслуги передъ современниками. Въ сегодняшній университетскій праздникъ мнѣ хочется напомнить читателямъ объ одномъ изъ такихъ университетскихъ дѣятелей, выдающемся, но мало извѣстномъ широкой публикѣ профессорѣ и ректорѣ *Тимовеѣ Ѳедоровичѣ Осиповскомъ*. Конечно, въ газетной статьѣ неумѣстно давать изслѣдованіе по новымъ документамъ и я воспользуюсь для нея готовымъ матеріаломъ, собраннымъ отчасти мною же самимъ, отчасти моими предшественниками [1]). Но изъ разбросанныхъ данныхъ я постараюсь сдѣлать біографическій очеркъ, который послужитъ, быть можетъ, косвеннымъ подтвержденіемъ и необходимости, и возможности изданія біографическаго словаря профессоровъ Харьковскаго университета.

---

[1]) Объ Осиповскомъ есть статьи Чирикова и И. П. Щелкова.

II.

Съ самыхъ первыхъ шаговъ своей служебной дѣятельности Т. Ѳ. Осиповскій выступаетъ передъ нами въ качествѣ талантливаго, энергичнаго, трудолюбиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ независимаго человѣка. Онъ не получилъ высшаго университетскаго образованія, не имѣлъ ученой степени—а между тѣмъ оказался настолько подготовленнымъ къ профессорскимъ обязанностямъ, какъ никто изъ его товарищей. Послушаемъ, что говоритъ онъ самъ о первомъ періодѣ своей дѣятельности до избранія въ профессора Харьковскаго университета. Въ 1873 г. владимірская семинарія, гдѣ онъ обучался, отправила его, какъ лучшаго изъ своихъ питомцевъ, въ петербургскую учительскую гимназію, переименованную потомъ въ педагогическій институтъ. Тамъ онъ пробылъ 3 года, изучая безъ перерыва, безъ каникулъ, физико-математическія науки. Съ половины курса, въ качествѣ отличнѣйшаго студента, онъ былъ сдѣланъ репетиторомъ своихъ товарищей. По окончаніи курса, онъ былъ назначенъ учителемъ главнаго народнаго училища въ Москвѣ (оно соотвѣтствовало позднѣйшимъ гимназіямъ) и пріобрѣлъ такую репутацію, что комиссія о народныхъ училищахъ присылала къ нему на просмотръ издаваемыя ею математическія сочиненія. Въ 1797 г. его приглашали въ профессора математики московскій университетъ и медико-хирургическое училище; но „такъ какъ хотѣли, чтобы я самъ просилъ комиссію объ увольненіи меня, а я держался правила никогда о себѣ не просить, а представлялъ самимъ просить меня у моего начальства, то по этимъ приглашеніямъ ничего и не состоялось“. Въ концѣ 1799 г. коммиссія предложила Осиповскому занять мѣсто профессора математики въ педагогическомъ институтѣ и тамъ назначено было ему по 12 недѣльныхъ лекцій, а такъ какъ репетиторъ не могъ давать студентамъ достаточныхъ объясненій, то сверхъ того ему пришлось еще взять на себя и 6 часовъ репетицій. „Книгъ, по коимъ могъ бы читать, говоритъ онъ, не было; и я принужденъ былъ дополнять и исправлять свои руководства, читанныя въ Москвѣ, а чего не было, приготовлять вновь“. Кромѣ того, ему было поручено приведеніе въ порядокъ библіотеки и исправленіе студенческихъ переводовъ—„3 тома этой переводной Анкетиловой исторіи я исправилъ и 2 изъ нихъ издалъ“.

Эти занятія отнимали все его время и ему некогда было даже выходить изъ дому—и однако онъ все таки еще участвовалъ въ занятіяхъ Высочайше учрежденной коммиссіи для составленія курса морскихъ наукъ. Академія наукъ предлагала ему мѣсто адъюнкта мате-

матики, но онъ отказался. Въ концѣ 1802 года виновникъ основанія Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ предложилъ Осиповскому отъ имени попечителя гр. С. О. Потоцкаго занять каѳедру математики въ имѣвшемъ вскорѣ открыться Харьковскомъ университетѣ. Подумавъ нѣсколько недѣль и подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго обремененія работами, которыя довели его до болѣзни, Осиповскій рѣшился принять это предложеніе; „но съ тѣмъ, прибавляетъ онъ, чтобы мнѣ не проситься самому у начальства, а чтобы попечитель самъ просилъ меня у начальства". Попечитель, желавшій привлечь въ новый университетъ солидныя научныя силы, взялъ на себя эти хлопоты, и Осиповскій былъ утвержденъ въ новой должности Имп. Александромъ I.

Въ іюнѣ 1803 года Осиповскій пріѣхалъ въ Харьковъ, но открытіе университета, какъ извѣстно, замедлилось до 17-го января 1805 г., и онъ это время употребилъ частію на обработку своихъ будущихъ курсовъ, частію на подготовительныя работы для открытія университета. Временному комитету, образованному съ этою цѣлью, было не мало хлопотъ и при томъ не только по части устройства университета, но и училищъ въ его округѣ. Осиповскій въ этомъ комитетѣ былъ сотрудникомъ Рижскаго и Тимковскаго. Такимъ образомъ, его имя тѣсно связано съ основаніемъ Харьковскаго университета.

III.

Харьковскій университетъ въ лицѣ Т. Ѳ. Осиповскаго пріобрѣлъ одного изъ самыхъ выдающихся профессоровъ. Не даромъ его называли „свѣтиломъ" математическаго факультета. Онъ былъ въ одно и тоже время и превосходнымъ преподавателемъ, и ученымъ, обладавшимъ широчайшей эрудиціей и отчасти даже самостоятельнымъ творческимъ умомъ. Въ дѣлѣ университетскаго преподаванія Осиповскій проявилъ свои обычныя черты—неутомимое трудолюбіе, любовь къ предмету, ясность изложенія. Такимъ рисуютъ его современники, студенты-слушатели, Т. И. Селивановъ и Розальонъ-Сошальскій. По словамъ Селиванова, Осиповскій, извѣстный въ свое время математикъ, кромѣ математики и физики обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ, имѣлъ обширную и твердую память, любилъ говорить положительно, выражаться точно, для чего иногда, говоря, останавливался и поправлялъ сказанную имъ фразу. О широкой популярности его свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ того же Селиванова. „Проѣзжая черезъ Москву, зашелъ инкогнито въ университетъ на лекцію профессора математики, сѣлъ на скамью и слушалъ лекцію. Между прочимъ профессоръ, объ-

ясняя какую-то статью, сказалъ: „вотъ формула г. Осиповскаго, но она неполна и темна, а вотъ такого то автора удовлетворительна". По окончаніи лекціи, Осиповскій подошелъ къ каѳедрѣ и сказалъ профессору: позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ; вотъ вы взяли формулу Осиповскаго и сказали, что она не полна и неудовлетворительна". Потомъ взявши мѣлъ, подошелъ къ доскѣ, написалъ ту формулу и говоритъ: „Осиповскій разумѣетъ вотъ что и, изложивши съ подробностью ту формулу, сказалъ, „вотъ видите, что она и полна и ясна, а формула автора, на котораго вы ссылаетесь, менѣе удовлетворительна". Тогда профессоръ, обращаясь къ Осиповскому, сказалъ: „съ кѣмъ я имѣю честь говорить"? „Съ Осиповскимъ". Если это и анекдотъ, то онъ весьма характеренъ, потому что рисуетъ намъ взглядъ современниковъ на Осиповскаго, какъ на выдающагося математика. Другой современникъ говоритъ объ Осиповскомъ, что онъ, „весь проникнутый любовью къ своему предмету и къ своей обязанности, умѣлъ для слушателей своихъ, въ томъ числѣ и меня, опоэтизировать даже дифференціальныя и интегральныя исчисленія". Роммель, относившійся къ своимъ русскимъ товарищамъ профессорамъ не особенно благосклонно, называетъ его хорошимъ математикомъ. И это подтверждается также документальными данными: изъ обозрѣній преподаванія видно, что Осиповскій читалъ не только свой основной предметъ—чистую математику, но нѣсколько лѣтъ сряду прикладную математику и астрономію; на чтеніе лекцій уходило вдвое и втрое часовъ болѣе, чѣмъ у другихъ. Такимъ образомъ, и въ дѣлѣ университетскаго преподаванія онъ отличался такимъ же необычайнымъ трудолюбіемъ, какъ раньше въ Москвѣ и Петербургѣ. И лекціи его приносили большую пользу слушателямъ: мы видѣли, что онъ умѣлъ внушить любовь къ столь сухому повидимому предмету, какъ математика. Въ особенную заслугу ему нужно поставить то, что онъ воспиталъ знаменитаго впослѣдствіи математика академика Остроградскаго; его учениками были также профессора математики въ Харьковскомъ университетѣ А. Павловскій, Архангельскій и Байковъ, онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть двухъ первыхъ своими помощниками; адъюнктъ Васильевъ читалъ лекціи по его печатному руководству.

IV.

Ученая дѣятельность Осиповскаго также является выдающейся *для своего времени*. Всякая эпоха имѣетъ свои особенности. Осиповскій работалъ въ первой четверти XIX вѣка, когда русская наука только что зарождалась и находилась въ полной зависимости отъ ея европейскихъ

образцовъ; да и тамъ она еще не пріобрѣла той дифференціаціи, которая представляетъ столь характерную черту нашего времени. Неудивительно поэтому, что спеціальныя научныя изслѣдованія, столь обыкновенныя и даже обязательныя для современныхъ ученыхъ, были тогда сравнительно очень рѣдки. Общество нуждалось главнымъ образомъ въ дѣльныхъ руководствахъ по разнымъ предметамъ—и Осиповскій, подобно другимъ выдающимся дѣятелямъ Харьковскаго университета—Ржскому, Шаду,—обратилъ свое вниманіе на составленіе такихъ пособій по разнымъ частямъ математики. 1-е изданіе 2-хъ томовъ своего курса онъ напечаталъ еще до переѣзда въ Харьковъ на иждивеніе комиссіи по устройству народныхъ чтеній.—Остальные два тома остались въ рукописи. Сочиненіе это было принято не только во всѣхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, но и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ бытность свою профессоромъ Харьковскаго университета Осиповскій переработалъ эти руководства, издалъ ихъ 2-мъ изданіемъ и присоединилъ къ нимъ еще 3 и 4 томъ о дифференціальныхъ и интегральныхъ варіаціонныхъ вычисленіяхъ. Академикъ Фусъ отозвался объ этой послѣдней книгѣ—что она превышаетъ обычные университетскіе курсы математики и не только полезна, но даже необходима для всѣхъ, избравшихъ своею спеціальностью математику, въ особенности же для лицъ, не знающихъ иностранныхъ языковъ, потому что на русскомъ языкѣ нѣтъ сочиненія, гдѣ бы такъ пространно разсуждалось о приложеніи теоріи функцій къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ.

По замѣчанію профессора Сомова „курсъ математики Осиповскаго можетъ быть поставленъ наряду съ лучшими иностранными руководствами того времени; сочиненія его показываютъ знакомство автора со всѣмъ, что было замѣчательнаго въ математической литературѣ Европы; избравши образцомъ преимущественно Ейлера, Осиповскій, по ясности и строгости изложенія, былъ достойнымъ послѣдователемъ великаго математика. Обязанный своими познаніями собственному таланту и неутомимой ревности, съ которой изучалъ творенія европейскихъ ученыхъ, онъ излагалъ открытія геніальныхъ двигателей науки съ живымъ и глубокимъ знаніемъ дѣла“. А вотъ что говоритъ самъ Осиповскій о способѣ составленія своихъ руководствъ. „Задумавъ этотъ трудъ, я сталъ перечитывать разные французскіе и нѣмецкіе курсы и занимался этимъ 10 лѣтъ, вникая въ порядокъ и расположеніе матеріала. Мнѣ не идетъ, продолжаетъ онъ далѣе, хвалить своего курса, скажу только, что я ни одному автору при сочиненіи его не подражалъ, а писалъ его по своему плану. Говорятъ, что мой курсъ переведенъ уже

въ Англіи на англійскій языкъ и введенъ въ училища". Прибавимъ къ этому, что Осиповскій работалъ надъ усовершенствованіемъ своихъ курсовъ много лѣтъ и послѣ своего невольнаго выхода въ отставку. Независимо отъ этихъ руководствъ Осиповскій напечаталъ также цѣлый рядъ изслѣдованій и статей. Ему принадлежатъ слѣдующія спеціальныя работы: *о дѣйствіи силъ на гибкія тѣла, объ астрономическихъ преломленіяхъ, теорія движенія тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной; разсужденіе о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы надлежитъ направлять по времени прохожденія отъ нихъ евѣта и др.* По свидѣтельству академика Остроградскаго, „математическія сочиненія Осиповскаго обратили на себя вниманіе французской академіи наукъ, признавшей ихъ достойными помѣщенія въ своемъ періодическомъ изданіи; они не были помѣщены тамъ единственно потому, что уже прежде напечатаны были по-русски, а въ изданіи французской академіи не допускаются сочиненія, изданныя уже въ свѣтъ на какомъ-бы то ни было языкѣ". Въ 1827 году Осиповскій представилъ Государю свое сочиненіе *„изслѣдованіе свѣтлыхъ явленій, видимыхъ иногда на небѣ въ опредѣленномъ положеніи въ разсужденіи солнца и луны"*. Въ особомъ письмѣ онъ пояснилъ, что европейскія ученыя общества давно желали, чтобы кто либо взялъ на себя трудъ изслѣдовать такія явленія, а Парижская академія наукъ 4 года тому назадъ предложила задачу на эту тему, и потому онъ, обработавъ ее, испрашиваетъ Высочайшаго повелѣнія о переводѣ его работы на французскій языкъ и разсылкѣ въ европейскія академіи. Петербургская академія, разсмотрѣвъ этотъ трудъ, по порученію министра, дала отзывъ, что это—работа искуснаго аналитика, изслѣдующаго предметъ свой съ остроуміемъ и неусыпнымъ стараніемъ, и что книга его будетъ принята безъ сомнѣнія съ достодолжнымъ уваженіемъ и въ иностранныхъ государствахъ, если будетъ сдѣланъ съ нея хорошій переводъ на французскій языкъ.

Академія отмѣтила при этомъ только три неудачныя мѣста въ сочиненіи. Изъ этого видно, что Т. Ѳ. Осиповскій отличался самостоятельнымъ научнотворческимъ умомъ и смѣло брался за рѣшеніе важнѣйшихъ проблемъ своей науки. А для этого онъ, конечно, долженъ былъ прежде всего стоять на высотѣ современныхъ ему знаній. Парижская академія наукъ всегда стояла высоко въ разработкѣ математики—и Осиповскій, зная это, рѣшилъ взяться за гигантскій трудъ:—систематически ознакомиться съ ея изданіемъ. Выйдя въ отставку и желая разрабатывать спеціальные математическіе вопросы, онъ рѣшился перечитать записки парижской академіи наукъ и къ концу

1823 г. перечиталъ всѣ томы ихъ, а равно и нѣкоторые томы записокъ національнаго института.

Состоя профессоромъ Харьковскаго университета, Т. Ѳ. Осиповскій стоялъ во главѣ строго *реальнаго* направленія и велъ упорную борьбу съ представителями философской метафизики. Его достойнымъ противникомъ былъ профессоръ Шадъ, отличавшійся необычайною силою логики, смѣлостью и несдержанностью. Онъ явился въ Харьковѣ проповѣдникомъ новыхъ философскихъ идей Канта, Шеллинга, хотя относился къ нимъ самостоятельно съ критикою. Его авторитетъ создалъ ему цѣлую школу послѣдователей и учениковъ, впрочемъ только повторявшихъ, подъ часъ даже буквально его мысли. Осиповскій боролся не только съ Шадомъ и его учениками, но осмѣлился выступить и противъ самого великаго Канта. Въ актовой рѣчи 1807 г. онъ подвергъ критическому разбору идею Канта о врожденности категорій пространства и времени. Онъ возражаетъ противъ мнѣнія, что идея пространства и времени врождена намъ, что „пространство и время не суть принадлежности и условія существованія вещей, но имѣютъ бытіе свое въ насъ однихъ“. Онъ старается опровергнуть доказательства Канта, что идеи этой нельзя вывести изъ опыта, и свое собственное мнѣніе формулируетъ такъ: понятіе о пространствѣ получается отъ воздѣйствія на насъ впечатлѣній внѣшняго міра; понятіе о времени мы пріобрѣтаемъ, чувствуя наше собственное бытіе, и относимъ его къ прочимъ вещамъ по понятію ихъ сопребыванія съ нами. Другая рѣчь его была посвящена опроверженію динамической системы Канта. Здѣсь онъ высказываетъ убѣжденіе, что система эта не можетъ выдержать строгой математической провѣрки. Цѣль его состояла, очевидно, въ желаніи предостеречь учащуюся молодежь отъ увлеченій апріорными соображеніями. „Ежели вы слышите или читаете, говорилъ онъ, обращаясь спеціально къ студентамъ, что философъ природы постановляетъ a priori какой либо законъ ея, то буде онъ не доказываетъ его съ математическою строгостью, не полагайтесь на слова этого философа съ искреннею къ нему довѣренностью, какъ бы этотъ законъ не обворожилъ вашего воображенія, но испытайте прежде его на оселкѣ строгости математической и тогда только считайте его вѣроятнымъ, когда онъ выдержитъ эту пробу“. Ярымъ противникомъ философскихъ воззрѣній Канта и Шеллинга онъ выступалъ и въ рецензіяхъ на труды своихъ товарищей проф. Стойковича, Шада и его ученика Дудровича. Здѣсь впрочемъ онъ несомнѣнно уже впадаетъ въ крайность, называя идеи Канта и Шеллинга странными и давая имъ такую оцѣнку: новѣйшая нѣмецая философія, „начиная съ Канта, отнявъ у разума естественное основаніе понятія,

оставила разсудку производить однѣ лишь мечты", а философія Шеллинга наиболѣе мечтательная. Впрочемъ эта крайность вызвана была въ свою очередь крайностью русскихъ послѣдователей нѣмецкихъ философовъ, въ особенности Стойковича, который въ свой курсъ физики механически припуталъ философію Канта. Осиповскій, съ его яснымъ умомъ, больше всего не терпѣлъ туманныхъ и апріорныхъ сужденій.

Итакъ, Т. Ѳ. Осиповскій представлялъ изъ себя крупную научную силу, которою могъ гордиться Харьковскій университетъ въ первую четверть истекшаго XIX столѣтія. И, конечно, актомъ простой справедливости и вполнѣ заслуженнаго Осиповскимъ уваженія было дарованіе ему со стороны университетскаго совѣта степени почетнаго доктора. Т. Ѳ. Осиповскій не имѣлъ этой ученой степени, потому что не былъ питомцемъ университета; но его ученые труды давали ему полное право на полученіе этого титула, если высшее въ государствѣ ученое учрежденіе—Академія наукъ приглашала его, какъ мы видѣли, въ свои адъюнкты еще до опредѣленія на должность профессора Харьковскаго университета.

Какъ видимъ изъ всего изложеннаго, ученопреподавательской дѣятельности Т. Ѳ. Осиповскаго было бы вполнѣ достаточно, чтобы стяжать ему одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ въ исторической галлереѣ дѣятелей Харьковскаго университета. Но за нимъ однако имѣются еще не менѣе крупныя заслуги на почвѣ *общественнаго* служенія Харьковскому университету, въ качествѣ члена правленія и ректора—и онѣ еще болѣе выдвигаютъ его личность.

XIII.

Паки-де-Совиньи.

Паки-де-Совиньи, Николай Николаевичъ, профессоръ Харьковскаго университета. Родился около 1774 г. въ Нанси, умеръ въ глубокой старости. Бывшій аббатъ и докторъ философіи Парижскаго университета, онъ былъ выходцемъ изъ Франціи и самъ называлъ себя жертвою французской революціи. Поступивъ на службу въ Харьковскій университетъ по приглашенію попечителя, гр. Север. Осип. Потоцкаго, въ качествѣ адъюнкта, еще 1 октября 1803 г., т. е. до оффиціальнаго открытія учрежденія, послѣдовавшаго, какъ извѣстно, 17 января 1805 г., онъ былъ возведенъ, 11 ноября 1812 г., въ экстраординарные профессора латинской словесности; въ 1813 году заслужилъ докторскую степень; въ 1836 году вышелъ въ оставку экстраординарнымъ же профессоромъ и получилъ въ пенсію полный окладъ жалованья: 1200 р.—изъ Государственнаго Казначейства и 800 р.—по особому Высочайшему повелѣнію („изъ Государственнаго Казначейства на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе“).

Паки-де-Совиньи принадлежитъ къ числу тѣхъ просвѣтителей русскаго юношества, которые въ огромномъ количествѣ являлись къ намъ изъ-за границы и нерѣдко приносили сомнительную лишь пользу. Но онъ очень типиченъ, и съ этой стороны заслуживаетъ нашего вниманія: подъ его вліяніемъ воспитались цѣлыя поколѣнія харьковскаго студенчества (онъ былъ преподавателемъ почти 35 лѣтъ) и потому долженъ попасть въ число „русскихъ дѣятелей“. Преподавалъ онъ очень усердно—латинскій языкъ на низшихъ курсахъ и французскую словесность, хотя не отличался ни талантами, ни даже знаніями. Много разъ онъ предпринималъ ходатайства о возведеніи его въ ординарные профессора, но Совѣтъ, очевидно, не считалъ его способнымъ къ занятію такой важной каѳедры, какъ латинскій языкъ и словесность на высшихъ курсахъ, и кое-какъ терпѣлъ его только въ качествѣ помощника проф. Беленъ де Баллю и Шада. Его коллега по

каѳедрѣ, проф. Роммель, оставилъ намъ о немъ слѣдующій отзывъ: „несравненно ниже Дегурова стоялъ мой адъюнктъ, Николай Паки-де-Совиньи, когда-то аббатъ... Лекціи де-Совиньи были образцомъ цвѣтистаго и надутаго безвкусія; въ своихъ латинскихъ и французскихъ сочиненіяхъ, въ ученическихъ лекціяхъ, онъ оставался ограниченнымъ приверженцемъ Буало и любилъ, по собственному его выраженію, расправляться цензорскою указкою. Докторскій дипломъ его, отпечатанный огромными буквами, висѣлъ подъ зеркаломъ. Безпрестанно рылся онъ въ старыхъ и новыхъ газетахъ и, какъ почти всѣ наши французы, былъ большой почитатель Наполеона“. Отзывъ этотъ принадлежитъ большому спеціалисту въ области классической филологіи, отличавшемуся при этомъ и вообще широкимъ образованіемъ. Такимъ остался Паки-де-Совиньи и въ послѣдніе годы своей службы въ Харьковскомъ университетѣ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, о немъ бывшій его слушатель Н. И. Костомаровъ: „французскій языкъ тогда (въ 1834 г.) читалъ Паки-де-Совиньи, бывшій недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. На лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для потѣхи... Ему извѣстна была только старая французская литература; о новой, современной, онъ не имѣлъ никакого понятія, да и знать о ней не хотѣлъ“. О Паки-де-Совиньи сохранились анекдотическія повѣствованія даже до настоящаго времени, по свидѣтельству Е. С. Гордѣенко (б. профессора и ректора). Въ неприглядномъ свѣтѣ выступаетъ эта личность и съ нравственной стороны по замѣчанію Н. И. Костомарова. Разсказы очевидцевъ подтверждаются и документальными данными университетскаго архива.

Паки-де-Совиньи усиленно домогался званія ординарнаго профессора и утруждалъ своими искательствами и жалобами на Совѣтъ высшее начальство: попечителя и министра. Мы имѣли въ своихъ рукахъ „дѣло“, въ которомъ находятся его собственноручныя письма (на французскомъ языкѣ). Всѣ эти письма начинаются съ очень нетонкихъ комплиментовъ и прямой лести по адресу начальниковъ, но какъ бы не отъ него самого, а отъ имени всей коллегіи, причемъ въ видѣ права на занятіе каѳедры латинскаго языка и словесности выставляются: давность преподаванія имъ, его извѣстные литературные труды и познанія, наконецъ, желаніе студентовъ и ихъ успѣшныя занятія у него. Въ концѣ концовъ, раздраженный очевидно назойливостью просителя, попечитель рѣшился высказаться откровенно. „Долгомъ считаю донести, писалъ онъ министру про Паки-де-Совиньи въ 1817 г., что про-

фессоръ сей съ трудностью можетъ преподавать и временно высшій курсъ латинской словесности и по сей-то причинѣ, когда онъ входилъ прежде ко мнѣ съ таковымъ же просительнымъ письмомъ, объявлено ему было, что къ положенному за новый трудъ жалованью по 600 р. можетъ послѣдовать прибавка тогда только, когда покажетъ онъ чрезъ особенное усердіе свое—отличные успѣхи. Сіе самое и теперь ему подтверждено". Въ слѣдующемъ 1818 году де-Совиньи обращается, однако, съ новой просьбой, желая найти утѣшеніе у начальства въ постигшихъ его бѣдствіяхъ: болѣзни жены, смерти сына и огорченіяхъ по университету, но и на этотъ разъ безуспѣшно,—его снова забаллотировали въ Совѣтѣ.

Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) латинская диссертація о преимуществѣ латинскаго и греческаго языка передъ другими; 2) такая же диссертація объ изящномъ; 3) актовая рѣчь о воспитаніи, (напечатанная на французскомъ и русскомъ языкахъ въ 1816 г.); 4) философская грамматика языковъ (на франц. и русск.), 1823 г.; 5) курсъ словесности (на франц. языкѣ), изд. въ 1824 г. (тотъ самый, по которому отвѣчалъ Н. И. Костомаровъ и училось нѣсколько поколѣній харьковскихъ студентовъ),—вотъ его подлинное заглавіе: „Cours litteraire, formant le pendant de la suite de la grammaire générale et philosophique", Charkof, 1824, 64 pp. (съ посвященіемъ Е. И. В. Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ). Всѣ эти сочиненія никакого научнаго значенія не имѣли и въ свое время: послѣдняя книжечка—это тоненькій учебникъ, заключающій въ себѣ и эстетику, и свѣдѣнія о языкѣ и французской литературѣ. Совѣтъ Харьковскаго университета очень низко цѣнилъ ученые труды своего члена; разсмотрѣвъ составленную имъ грамматику французскаго языка для русскаго юношества, онъ опредѣлилъ: не печатать ее не только на университетскій счетъ, но и на счетъ самого автора, и, такъ какъ по разсмотрѣніи означенной грамматики оказалось, что „адъюнктъ Паки-де-Совиньи самъ нуждается въ руководствѣ, то по § 31 устава поручить его каѳедру де Баллю".

Харьк. Университетскій архивъ: дѣла Совѣта 1819 г., № 9, и канцеляріи попечителя, № 406, картонъ № 20; „Воспоминанія проф. Роммеля", изд. Я. О. Баляснаго, стр. 64—65; „Литературное наслѣдіе", Н. И. Костомарова, СПБ. 1890, стр. 20 и 25—26; Н. А. Лавровскаго: „В. Н. Каразинъ и открытіе Харьк. университета" („Журн. Мин. Нар. Просв.", 1872, т. 159, февраль, стр. 231).

XIV.

Гавріилъ Петровичъ Успенскій.

Г. П. Успенскій происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ Сѣвской семинаріи, а закончилъ образованіе въ учительскомъ институтѣ въ Петербургѣ. Родители Успенскаго, какъ пишетъ его сынъ въ своихъ воспоминаніяхъ, были до того бѣдны, что, отпуская Г. П. въ Петербургъ для поступленія въ учительскій институтъ, смогли дать ему только полтину денегъ и новые коты. Дѣтство и юность Успенскаго текли не радостно, сопровождались горькой нуждой и на всю послѣдующую жизнь наложили печать грусти. Далѣе, въ своихъ воспоминаніяхъ, сынъ касается уже педагогической дѣятельности отца въ Воронежскомъ главномъ народномъ училищѣ. „Но педагогическій путь его былъ узокъ, нужда шла по пятамъ, и только училищныя обязанности и дружба съ умными и добрыми товарищами облегчали участь молодого труженика, а сочиненія и переводы развлекали его“. Затѣмъ онъ называетъ имена нѣкоторыхъ изъ друзей Успенскаго, какъ Г. А. Петровъ (впослѣдствіи директоръ Кіевской гимназіи), протоіерей Евгеній Болховитиновъ (митрополитъ Кіевскій и др.).

Упорный трудъ, крайняя нужда, одиночество принудили молодого Успенскаго искать выхода въ женитьбѣ, которая роковымъ образомъ отразилась на всей его послѣдующей жизни и сразу поставила его въ еще болѣе ужасныя матеріальныя условія. Живя въ Воронежѣ, Успенскій входилъ въ составъ литературнаго кружка, душой котораго былъ въ то время Евгеній Болховитиновъ, протоіерей и преподаватель въ мѣстной семинаріи. Товарищи Успенскаго, тоже преподаватели главнаго народнаго училища, состояли членами этого кружка. „Въ кружкѣ, говоритъ проф. Шмурло, безспорно, витала жизнь, мысль юношески здоровая. Велись горячіе споры, рѣшались жгучіе вопросы, и въ неясномъ сумракѣ накуренной комнаты, освѣщенной нагорѣвшей сальной свѣчей, блистали глаза и разгоряченныя лица“.

Народное училище, основанное въ 1785 году, имѣло въ своемъ составѣ молодыхъ образованныхъ преподавателей, благотворно вліявшихъ на учащихся. Евгеній Болховитиновъ (впослѣдствіи знаменитый ученый) особенное предпочтеніе оказывалъ Успенскому, одному изъ самыхъ выдающихся педагоговъ. По словамъ оффиціальной исторической записки, Успенскій „съ должной рачительностью соединялъ въ себѣ нравъ добрый и степенный и похвальное поведеніе". Онъ умѣлъ возбудить въ своихъ ученикахъ большую любознательность и любовь къ естественнымъ наукамъ, собирая съ ними растенія, изъ которыхъ составилъ для училища по тому времени отличный гербарій. Въ другомъ документѣ мы читаемъ, что „училищный комитетъ Императорскаго Харьковскаго университета призналъ Успенскаго самымъ способнымъ къ переводу книгъ и называлъ его первымъ по своей части учителемъ въ округѣ". Проф. Тимковскій при ревизіи главной народной школы въ Воронежѣ знакомится съ Успенскимъ, преподававшимъ тамъ естественную исторію, географію и исторію, а въ старшихъ классахъ латинскій языкъ, и отзывается о немъ въ высокой степени похвально, отмѣчая умѣнье Успенскаго внушить своимъ ученикамъ любовь къ наукамъ, особенно къ ботаникѣ, которую они, помимо учебниковъ, изучали по собственнымъ гербаріямъ. Кромѣ того, Успенскій отличался знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. „По-нѣмецки и французски же свободно читаетъ, пишетъ Тимковскій, и пользуется этимъ для своихъ упражненій въ переводахъ, а по-нѣмецки изрядно и говоритъ".

Тогда же Тимковскій ознакомился и съ научными трудами Успенскаго, его переводами и словаремъ, гдѣ онъ сообщалъ данныя объ исторіи и современномъ состояніи русскихъ учрежденій. Послѣ многихъ бесѣдъ, Тимковскій далъ совѣтъ Успенскому заняться составленіемъ книги: „Россійскія древности или краткое описаніе древнихъ нравовъ, обычаевъ и памятниковъ россійскихъ". Знакомство Тимковскаго съ Успенскимъ приводитъ перваго къ заключенію, что Успенскій—первый учитель въ округѣ и его слѣдуетъ на основаніи 50 § устава учебныхъ заведеній перевести старшимъ учителемъ въ Слободско-украинскую гимназію въ Харьковѣ, гдѣ онъ можетъ быть полезнѣе, а близость университета дастъ ему возможность пользоваться его библіотекой и наставленіями профессоровъ.

Проф. Шмурло въ книгѣ своей о митрополитѣ Евгеніи приводитъ разсказъ ученика Успенскаго о послѣднемъ, какъ о даровитомъ преподавателѣ, который увлекалъ своихъ учениковъ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ.

Научные и литературные труды Евгеньевскаго кружка издавались въ Воронежской типографіи, открытой въ 1798 г. Здѣсь были отпечатаны переводы Успенскаго. О книгѣ Унштета, переведенной Успенскимъ, проф. Шмурло отзывается такъ: „книга затрагивала вопросъ, вѣчно жизненный для всѣхъ вѣковъ и народовъ,—въ чемъ истинное счастье человѣка?—и рѣшила его, конечно, въ духѣ и стилѣ своего времени".

Книга „О космографіи", переведенная Успенскимъ и трактовавшая о землѣ, планетахъ, солнцѣ, затменіяхъ, кометахъ и т. д., представляла для того времени большой интересъ, когда въ массу русскаго общества сравнительно недавно начали проникать свѣдѣнія изъ области астрономіи, математической и физической географіи и въ провинціальномъ городѣ среди читающей публики являлся спросъ на такого рода книги, а самое появленіе ихъ доказывало, что интересъ къ нимъ дѣйствительно существовалъ. Кромѣ того, Успенскій напечаталъ въ Воронежѣ учебникъ латинскаго языка (въ 1804 г.), составилъ словарь изобрѣтеній и учрежденій и перевелъ съ французскаго книгу аббата Трессана „Mythologie comparée avec l'histoire".

По словамъ сына Успенскаго, послѣдній долгое время состоялъ въ перепискѣ съ митрополитомъ Евгеніемъ, кружокъ котораго въ Воронежѣ былъ единственнымъ утѣшеніемъ и поддержкой въ тяжелыя минуты нравственныхъ и матеріальныхъ бѣдъ Успенскаго. Съ отъѣздомъ Евгенія Болховитинова изъ Воронежа, положеніе его друга ухудшилось; но его спасло приглашеніе въ Харьковскій университетъ на должность лектора русской исторіи, приглашеніе вполнѣ неожиданное, тѣмъ болѣе, что до того времени Успенскій не имѣлъ печатныхъ трудовъ по русской исторіи, а если еще къ этому прибавить, что на каѳедру отечественной исторіи университетъ приглашалъ знаменитаго исторіографа Карамзина и за отказомъ его вызвалъ въ 1807 году Успенскаго, то становится вполнѣ ясными честь и довѣріе, оказанныя Успенскому этимъ выборомъ, который онъ блестяще оправдалъ научными трудами и всей своей послѣдующей преподавательской дѣятельностью въ университетѣ; послѣдній оказалъ на него въ высшей степени благотворное вліяніе и въ немъ онъ занялъ выдающееся мѣсто среди профессоровъ, развивъ свой недюжинный талантъ.

Приглашенный лекторомъ, онъ уже въ 1808 г. получилъ званіе адъюнкта, въ 1810 году утвержденъ синдикомъ и ему же поручена была временно, съ согласія попечителя, должность инспектора казенно-коштныхъ студентовъ, которая оставалась за нимъ и въ 1811 г., а въ слѣдующемъ году Успенскій назначенъ экстраординарнымъ профессо-

ромъ и въ томъ же году, по выходѣ Тимковскаго въ отставку, началъ читать, кромѣ основного предмета—русской исторіи, и русское уголовное и гражданское право и вести практическія занятія по судопроизводству. Въ 1813 г. Успенскій получилъ должность ординарнаго профессора и въ 1814 году былъ уже деканомъ на словесномъ отдѣленіи.

Быстрымъ повышеніемъ Успенскій обязанъ всецѣло своей трудоспособности, своимъ знаніямъ и научнымъ трудамъ и таланту. Онъ былъ прекраснымъ лекторомъ, синдикомъ при правленіи онъ былъ назначенъ за хорошее знакомство съ русскимъ законодательствомъ, такъ какъ должность эта требовала хорошей юридической подготовки, а спросъ на юридическія знанія въ жизни самаго университета былъ великъ: правленію, къ сожалѣнію, часто приходилось разбирать тяжбы и иски, при чемъ Успенскій являлся незамѣнимымъ практикомъ-юристомъ.

Когда, въ 1810 г., для курсовъ чиновниковъ потребовалось составить программы испытаній, то таковая по русской исторіи, географіи и статистикѣ была поручена Успенскому. Научная дѣятельность его стоитъ въ связи съ многосторонней и плодотворной дѣятельностью совѣта университета, затрагивавшей самые разнообразные вопросы. Одна сторона этой дѣятельности проявилась въ выполненіи 52 § устава, требовавшаго отъ профессоровъ чтенія во время засѣданій различныхъ ученыхъ сообщеній и т. п. Въ 1809 году Успенскій представилъ въ совѣтъ „Наставленіе учителямъ для составленія историческихъ, топографическихъ и статистическихъ записокъ соотвѣтственно 50 статьѣ устава учебныхъ заведеній“. Въ томъ же году въ торжественномъ собраніи имъ была произнесена рѣчь о томъ, „что каждому народу нужнѣе знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества, нежели другихъ государствъ“. Успенскій развиваетъ націоналистическій взглядъ, какъ бы въ противовѣсъ космополитическимъ идеямъ профессоровъ-иностранцевъ.

Здѣсь онъ отмѣчаетъ пользу изученія своего отечества: „ибо не знать особенностей, которыя отличаютъ его отъ другихъ странъ, все равно, какъ быть въ самой отчизнѣ своей иностранцемъ“. Развивая въ этой рѣчи мысль о необходимости серьезнаго изученія жизни, дѣяній нашихъ предковъ, исторіи нашей родины, гдѣ многіе города „были свидѣтелями славы и несчастій минувшихъ столѣтій“, Успенскій продолжаетъ: „неужели менѣе вниманія достойны В. Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ нѣкогда знаменитыя столицы Россіи, нежели бѣдныя развалины Вавилона, Мемфиса, Аѳинъ, Пальмиры?“. Далѣе онъ отмѣчаетъ измѣнившееся къ лучшему направленіе умовъ современной ему молодежи. „Правда, нынѣ прошло уже почти то непріятное для всѣхъ истинныхъ россіянъ время, когда многіе изъ насъ, особливо молодые люди, не только заниматься познаніемъ

своего отчества, но даже говорить объ одномъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ или называться россіянами считали для себя какъ бы постыднымъ". Екатерина Великая, говоритъ онъ, первая, которая „старалась истребить сіе постыдное и для чести, и для славы государства весьма вредное мнѣніе». Въ ея же царствованіе, говоритъ Успенскій, „мы сами получили первое подробное и достовѣрное физическое и географическое свѣдѣніе о своемъ отечествѣ". Далѣе онъ указываетъ на великія заслуги ея внука, создавшаго университеты, гимназіи и др. учебныя заведенія, которыя открывали путь къ пріобрѣтенію полезныхъ знаній. Профессоръ Успенскій однако не былъ узкимъ націоналистомъ и не чувство нетерпимости ко всему чужому сказывалось въ немъ, а протестъ противъ крайностей космополитическаго принципа съ огульно отрицательнымъ отношеніемъ ко всему русскому. Успенскій указывалъ необходимость изученія Россіи, ея исторіи, со всѣми этнографическими особенностями ея разноплеменнаго населенія. Въ этой рѣчи уже сказался будущій авторъ „Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ"—книги, которая представляла первый научный трудъ Успенскаго, создала ему выдающееся положеніе среди русскихъ историковъ того времени. Изданіе этой книги въ 1811—1812 г.г. имѣло такой успѣхъ у публики, что въ 1818 г. появились новое второе „исправленное и умноженое".

Самъ Успенскій называетъ сочиненіе свое первымъ опытомъ отечественныхъ древностей, каковымъ оно оставалось 80 лѣтъ, до выхода въ свѣтъ книги В. И. Сергѣевича въ 1890 г. „Русскія юридическія древности".

Чтобы оцѣнить попытку Успенскаго, надо считаться съ тѣмъ, что до этого времени мы не имѣли „Исторіи Госуд. Рос." Карамзина, и главная заслуга его—это выборъ темы. И въ наше время существуютъ историки, которые сводятъ сущность исторіи къ политическимъ событіямъ, игнорируя внутренній бытъ народа. Въ то время даже Карамзинъ далъ почти исключительно исторію государства, между тѣмъ Успенскій въ первой части книги даетъ очеркъ домашняго быта нашихъ предковъ, при чемъ имъ усердно использованы всѣ извѣстные тогда источники не только на русскомъ языкѣ, но и на иностранныхъ. Дѣйствительно, въ его книгѣ имѣется багатый фактическій матеріалъ, почерпнутый у Герберштейна, Мейерберга, Олеарія, Корба и др., а изъ русскихъ пособій главнымъ образомъ онъ пользовался Татищевымъ (исторіей и словаремъ), Щербатовымъ, Стриттеромъ, Болтинымъ.

„Опытъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ" состоитъ изъ двухъ частей. Успенскій приложилъ много труда на дополненіе и исправленіе своего сочиненія, программа котораго весьма обширна и выполнена вполнѣ

удовлетворительно, если не считать двухъ главъ—о происхожденіи русскаго народа и его языческой религіи, затрогивающихъ вопросы, которые и до сего времени остаются не рѣшенными. Остальныя главы отличаются фактическимъ характеромъ и свободны отъ фантастическихъ предположеній и филологіи. Понятно поэтому, что книга Успенскаго сразу поставила его на видное мѣсто среди дѣятелей исторической науки того времени.

М. И. Сухомлиновъ указываетъ на слова извѣстнаго мемуариста Вигеля, который говоритъ: первый Карамзинъ освѣтилъ нашу древность: тогда для желающихъ проникнуть въ эту глубину явилось множество свѣтильниковъ. Въ числѣ ихъ находится писатель, въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ оказавшій услуги, трудолюбивый проф. Харьковскаго университета Успенскій. И университететъ въ правѣ былъ гордиться, что извлекъ изъ глуши талантливаго труженика науки и далъ ему возможность выполнить солидный научный трудъ. Иниціатива привлеченія Успенскаго въ Харьковскій университетъ принадлежала Тимковскому, онъ же первый подалъ ему мысль о составленіи этого сочиненія, помимо котораго Успенскій написалъ нѣсколько статей, посвященныхъ спеціальнымъ вопросамъ по русской исторіи. Ему, напр., принадлежитъ рѣчь: „О состояніи военныхъ силъ въ Россіи временъ Петра Великаго“.

Въ 1813 г. Успенскій, состоявшій уже адъюнктомъ, былъ избранъ въ ассессоры ученаго общества при Харьковскомъ университетѣ, а въ 1814 г. обществу доставленъ былъ его рефератъ: „О языческомъ богослуженіи предковъ нашихъ и сходствѣ его съ богослуженіемъ египтянъ, грековъ и другихъ древнихъ народовъ“. Успенскій прогрессировалъ въ своихъ научныхъ трудахъ, сочиненія его расходились въ большомъ количествѣ, и Харьковскій университетъ гордился ученымъ, не прошедшимъ даже университетскаго курса.

По уставу 1804 г. инспекторами студентовъ назначались профессора. Эту должность исполнялъ и Успенскій, и отличался большимъ формализмомъ, но пользовался огромнымъ авторитетомъ у студентовъ и много разъ защищалъ ихъ и университетъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, со всѣмъ искусствомъ присяжнаго законника. Какъ инспекторъ, онъ отличался не малой оригинальностью. Поставивъ себѣ за правило ежедневно посѣщать студенческій корпусъ, онъ неизмѣнно пріѣзжалъ на своей лошади и заходилъ иногда къ ректору, а чаще къ студентамъ, дружески разговаривалъ съ ними и вникалъ во всѣ мелочи ихъ жизни. Въ плохую же погоду посылалъ пустымъ свой экипажъ, который становился на обычное мѣсто во дворѣ корпуса, въ которомъ водворялась тишина и студенты погружались въ занятія въ ожиданіи инспектора.

Въ воспоминаніяхъ сына Успенскаго приведенъ разсказъ, какъ въ 1817 г. появленіе въ театрѣ инспектора Успенскаго сразу прекратило безпорядки студентовъ на сценѣ, гдѣ они чинили расправу надъ актерами.

Въ концѣ 1811 г. и началѣ 1812 г. Успенскій былъ командированъ университетомъ на визитацію Харьковскаго учебнаго округа, а въ 1814 г. ревизовалъ Харьковскую гимназію. Въ 1819 г. былъ отправленъ на визитацію въ Кіевъ. Училищный комитетъ, въ заботахъ о наиболѣе раціональной постановкѣ дѣла визитацій учебнаго округа, поручилъ Успенскому составить объяснительную записку по этому вопросу. Проф. Успенскій указалъ эти задачи при отправленіи визитаторовъ: 1) какихъ чиновниковъ посылать для обозрѣній училищъ? 2) въ какое время учебнаго курса дѣлать эти обозрѣнія училищъ: 3) какія преимущественно порученія дѣлать имъ? Этотъ проектъ былъ утвержденъ комитетомъ. Въ 1816—1819 г.г. Успенскій состоялъ деканомъ на словесномъ факультетѣ. Въ 1815 г. къ нему перешло завѣдываніе нумизматическимъ кабинетомъ. Успенскій привелъ въ порядокъ мюнцъ-кабинетъ и расположилъ его въ хронологическомъ порядкѣ.

За время многолѣтней профессорской дѣятельности Успенскій не разъ выступалъ въ роли оппонента при ученыхъ диспутахъ, какъ напр.: на диспутѣ Хлапонина на степень доктора философіи, принималъ участіе въ экзаменахъ Дегая въ 1813 г., Титарева, Гевлича. Въ 1817 г. Успенскому пришлось выступить противъ Переяславскаго архимандрита Сильвестра, искавшаго каѳедры богословія и латинскаго языка въ Харьковскомъ университетѣ черезъ попечителя Карнѣева и министра кн. Голицына, но Успенскій доказалъ, что сочиненіе архимандрита, представленное на соисканіе должности профессора, списано преимущественно съ книги Heinessii: „Fundamenta styli cultioris"—и университетъ отказалъ архимандриту Сильвестру. Въ 1819 г. Успенскій участвовалъ въ экзаменѣ Гриневича на степень магистра римской словесности. Помимо университетскихъ занятій, Успенскій давалъ частные уроки молодымъ людямъ, искавшимъ ученыхъ степеней и желавшимъ держать экзамены при университетѣ.

Заканчивая обзоръ педагогической дѣятельности Успенскаго, приведемъ отзывъ о немъ въ документѣ, опубликованномъ В. И. Срезневскимъ: „Характеръ сего человѣка, говорится тамъ, была неутомимая дѣятельность. По множеству должностей, имъ занимаемыхъ въ одно время, нельзя, казалось, не ожидать упущенія;—и однако же Успенскій всегда былъ точенъ въ исполненіи должностей своихъ. Въ обращеніи онъ былъ благоразумно строгъ съ подчиненными и прямо, по-русски, привѣтливъ съ равными себѣ. Онъ не былъ геніемъ ни въ какой части наукъ, но во всѣхъ показывалъ здравый умъ". Частная и домашняя жизнь Успенскаго описана

его сыномъ въ воспоминаніяхъ о немъ. Замкнутый, неутомимый труженикъ, весь ушедшій въ науку и педагогическую дѣятельность и интересы университета, Успенскій удѣлялъ семьѣ весьма мало времени и жилъ уединенной жизнью суроваго аскета и отшельника науки, пока не вывело его изъ этой колеи семейное насчастіе.

Выдающійся для того времени ученый, въ высокой степени честно относившійся къ своимъ обязанностямъ. Успенскій въ послѣдніе годы своей ученой и педагогической дѣятельности сильно измѣнился. Причиной этого была тяжелая семейная обстановка, о которой, какъ и о послѣднихъ годахъ жизни Успенскаго, подробно разсказываетъ сынъ его въ своихъ воспоминаніяхъ. Успенскій быстро опустился подъ гнетомъ тяжелыхъ семейныхъ условій. Его отношенія къ университету, студентамъ, къ семьѣ приняло характеръ крайне мрачный и тяжелый. Мучительное состояніе духа ускорило его смерть. Гавріилъ Петровичъ Успенскій умеръ послѣ тяжелой болѣзни 10 мая 1820 г. При жизни съ него снятъ былъ портретъ, котораго мы однако не могли отыскать.

XV.

Евграфъ Матвѣевичъ Филомаѳитскій.

Евграфъ Матвѣевичъ Филомаѳитскій, ордин. профессоръ Харьковскаго университета, изъ духовнаго званія, род. въ 1779 г., ум. въ 1831 г.; съ 1799 г. по 29 сент. 1810 г. обучался въ ярославской семинаріи; по окончаніи въ ней курса поступилъ въ ярославское Демидовское высшее училище, а оттуда перешелъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ, состоя казеннокоштнымъ студентомъ, въ 1813 г. получилъ степень кандидата; съ 1814—1816 г. исправлялъ должность субъинспектора казеннокоштныхъ студентовъ, а въ 1818 г., удостоенный степени магистра изящныхъ наукъ и искусствъ (1816), утвержденъ адъюнктомъ по всеобщей исторіи и древней географіи, въ 1826 г. экстраординарнымъ, въ 1828 г. ординарнымъ профессоромъ. Сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей Ф. исполнялъ и другія должности и порученія: такъ, между прочимъ, онъ состоялъ секретаремъ цензурнаго комитета, помощникомъ инспектора студентовъ синдикомъ университета, секретаремъ совѣта и Училищнаго комитета; былъ визитаторомъ гимназій и училищъ въ Екатеринославской, Таганрогской, Таврической и Херсонской губерніяхъ. Вообще это былъ, очевидно, энергичный и разносторонній общественный дѣятель. Его имя должно занять почетное мѣсто въ исторіи Харьковскаго литературнаго движенія и журналистики; онъ былъ редакторомъ-издателемъ перваго въ Харьковѣ журнала „Украинскій Вѣстникъ“ и издавалъ его въ 1816 и 1817 гг. вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гонорскимъ и извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ Гр. Ѳед. Квиткой; въ 1818 г. журналъ этотъ выходилъ подъ редакціей Ф-го и Гонорскаго, а въ 1819 подъ редакціей одного Ф-го. „Редакція была одушевлена самыми искренними желаніями содѣйствовать своимъ журналомъ всестороннему подъему науки и литературы. Кромѣ того въ этомъ органѣ чувствуется объединяющее всѣхъ его сотрудниковъ горячее чувство любви къ своему родному краю, желаніе узнать его и познакомить

съ нимъ читателей. Мѣстная исторія, географія, этнографія составляли главное его содержаніе и по богатству и цѣнности передаваемыхъ свѣдѣній, и по удѣляемому имъ мѣсту“ (Кіевск. Стар. 1872, авг., ст. 184). Журналъ издавался на счетъ университета и, что очень любопытно, окупалъ себя. Перу Ф-го принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) магистерская диссертація подъ заглавіемъ: „De genuina scriptorum Romanorum elegantia deque usu et utilitate linguam addiscendi latinam, Kharcoviae 1816; 2) изданіе, по порученію университета, сочиненій Виргилія, подъ заглавіемъ: „Publii Virgilii Maronis opera Kharcoviae 1818; 3) актовая рѣчь „Объ истинной цѣли образованія человѣка посредствомъ наукъ и изящныхъ искусствъ“ („Рѣчи“ 30-го авг. 1821 г., ст. 29—43); 4) Ода Харьковъ 1815.

Архивъ Харьковск. унив.; дѣла канцеляр. попечит. 1823—1829 гг., № по архиву 1009, по картону 55; 1817—1818 № по арх. 462, по картону 23.

XVI.

Петръ Петровичъ Гулакъ-Артемовскій.

Гулакъ-Артемовскій Петръ Петровичъ родился 16-го января 1790 г. въ Кіевской губ., Черкаскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Городищѣ. Отецъ его былъ бѣдный священникъ изъ дворянскаго рода. Образованіе П. П. получилъ въ семинаріи, а потомъ въ Кіевской духовной академіи, гдѣ терпѣлъ страшную нужду. Неудачная любовь къ дочери богатаго купца повлекла за собою смерть дѣвушки отъ чахотки, а Гулакъ-Артемовскаго заставила бросить академію и Кіевъ и поселиться въ Бердичевѣ, гдѣ вначалѣ онъ преподавалъ въ частныхъ пансіонахъ, а потомъ учительствовалъ въ домахъ богатыхъ польскихъ помѣщиковъ, въ которыхъ усвоилъ свѣтскій лоскъ и аристократическія манеры польскихъ пановъ, какъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ф. К. Неслуховскій. Гулакъ-Артемовскій превосходно зналъ малорусскій языкъ и въ совершенствѣ владѣлъ польскимъ и французскимъ. 1817 г. Гулакъ-Артемовскій переѣхалъ въ Харьковъ и поступилъ въ университетъ, гдѣ проявилъ себя такъ, что, будучи вольнослушателемъ и посѣщая лекціи словеснаго отдѣленія, въ то же время по представленію совѣта утвержденъ лекторомъ польскаго языка и уже съ 1818 года началъ свою педагогическую дѣятельность. Успѣхъ Гулакъ-Артемовскаго, какъ пишитъ Неслуховскій въ своихъ воспоминаніяхъ, объясняется еще и тѣмъ, что за время своей педагогической дѣятельности въ домахъ польскихъ магнатовъ Гулакъ-Артемовскій сдѣлался извѣстенъ Потоцкому и впослѣдствіи пользовался его покровительствомъ въ университетѣ.

Въ 1820 г., послѣ смерти Г. П. Успенскаго, преподаваніе русской исторіи, географіи и статистики временно поручено было Гулакъ-Артемовскому, еще не имѣвшему аттестата объ окончаніи полнаго курса университетскихъ наукъ (въ 1821 г. онъ сдалъ кандидатскій и магистерскій экзамены).

Выдержавъ магистерскій экзаменъ и защитивъ диссертацію на тему: „О пользѣ исторіи вообще и преимущественно отечественной и о

способѣ преподаванія послѣдней", получилъ степень магистра словесныхъ наукъ, а черезъ два года утвержденъ адъюнктомъ русской исторіи и статистики.

Педагогическая дѣятельность Гулакъ-Артемовскаго въ Харьковскомъ университетѣ началась въ попечительство З. Я. Карнѣева (съ 1817 г. по 1822 г.), когда все высшее университетское начальство, согласно духу того времени, отличалось мистическимъ направленіемъ съ сильной тенденціей къ преслѣдованію всякаго преподаванія не на религіозно-нравственной подкладкѣ. Честолюбивый Гулакъ-Артемовскій сумѣлъ попасть какъ нельзя болѣе въ тонъ этому направленію и свободно получилъ магистерскую степень, когда студенту-математику Остроградскому (будущей заменитости) высшее начальство за непосѣщеніе имъ лекціи богословской философіи пр. Дудровича отказало въ кандидатской степени. По ходатайству попечителя А. А. Перовскаго, въ 1825 г. Гулакъ-Артемовскій получилъ должность экстраординарнаго профессора. По представленію того же А. А. Перовскаго, въ 1828 г. „за отличное трудолюбіе, усердіе къ исполненію обязанностей и познанія" Гулакъ-Артемовскій получилъ должность ординарнаго профессора.

Въ періодъ времени, когда на этико-политическомъ отдѣленіе некого было избрать въ секретари, совѣтъ вынужденъ былъ просить на эту должность профессоровъ изъ другихъ факультетовъ, въ томъ числѣ изъ словеснаго Гулакъ-Артемовскаго въ 1831 и 1833 гг. Три раза Гулакъ-Артемовскій былъ избираемъ въ деканы (1829, 1833 и 1837 гг.) а съ 1841 г., до выхода въ отставку въ 1849 г., былъ ректоромъ университета.

Въ области научной дѣятельности Гулакъ-Артемовскій не оставилъ глубокаго слѣда: наука не обязана ему никакими серьезными трудами. Нѣкоторый научный интересъ представляла его рѣчь въ день открытія каѳедры польскаго языка, напечатанная въ Украинскомъ Вѣстникѣ; въ ней Гулакъ-Артемовскій отмѣтилъ блестящее состояніе просвѣщенія въ царствованіе Александра I, доказывалъ значеніе польскаго языка и необходимость его изученія. О научной и преподавательской дѣятельности Гулакъ-Артемовскаго сохранилось нѣсколько свидѣтельствъ его современниковъ. Питомецъ Харьковскаго университета конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ студентъ Н. пишетъ: „Ординарный профессоръ П. П. Гулакъ-Артемовскій былъ не глубокій ученый, но весьма даровитый профессоръ. Въ то время русскую исторію разрабатывали уже Каченовскій, Погодинъ, Полевой и другіе ученые, послѣдователи новой исторической школы. Если нашъ профессоръ и былъ знакомъ съ ихъ трудами, за то собственныя его лекціи не шли далѣе Карамзина и оканчивались

обыкновенно на той же эпохѣ, на которой остановился нашъ историографъ. Домъ Романовыхъ составлялъ въ ней весьма важный пробѣлъ. Всю новѣйшую исторію этого дома профессоръ пробѣгалъ только вкратцѣ по руководству Константинова, а иногда не читая ея вовсе, выдавалъ только студентамъ вопросъ или программу для приготовленія къ экзамену. Далѣе Н. указываетъ руководства, по которымъ читалъ Гулакъ-Артемовскій статистику, и отзывается о лекціяхъ Гулакъ-Артемовскаго такъ: „Не только студенты любили его лекціи, но ихъ посѣщали часто посторонніе посѣтители. Онъ увлекалъ своихъ слушателей даромъ слова, цвѣтистыми оборотами рѣчи и вообще умѣньемъ и находчивостью вызвать и оживить вниманіе своей аудиторіи". Затѣмъ Н. знакомитъ насъ съ округленною періодическою рѣчью профессора, которую онъ такъ любилъ и которая иногда доходила у него до излишней высокопарности.

Въ своихъ запискахъ И. Б. (онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ въ 1824 году), останавливаясь на лекціяхъ Гулакъ-Артемовскаго, отмѣчаетъ красоту ихъ изложенія, но въ то же время, по его словамъ, онѣ заставляли желать многаго по содержанію. Это онъ говоритъ какъ о лекціяхъ по русской исторіи (особенно періодъ ея послѣ смерти Іоанна Грознаго), такъ и по русской статистикѣ, гдѣ цифровыя данныя не отличались большой точностью, а больше гадательными предположеніями.

Другой питомецъ Харьковскаго университета, Геевскій (начала тридцатыхъ годовъ), отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ внимательное отношеніе студентовъ къ профессорамъ Цыху и Гулакъ-Артемовскому; о послѣднемъ онъ выражается такъ: „большой учености не высказывалъ на своихъ лекціяхъ, но былъ большой мастеръ читать—настоящій ораторъ. У него всегда была полна аудиторія слушателями не только ex officio, но и аматерами". Далѣе тотъ же Геевскій пишетъ: „Даже лекціи Гулакъ-Артемовскаго въ 5 час. вечера, т. е. при свѣчахъ, въ огромной аудиторіи, при блескѣ брилліантовыхъ перстней, которыми унизаны были всѣ пальцы лѣвой и правой руки его, съ торжественной его дикціей, нравились, если не по внутреннему содержанію, то по внѣшнимъ пріемамъ".

Въ воспоминаніяхъ Ф. К. Неслуховскаго (съ 1838 по 1843 г.) читаемъ о Гулакъ-Артемовскомъ: „Какъ профессоръ, онъ не приносилъ никакой пользы своимъ слушателямъ, былъ фразеръ и риторъ въ полномъ смыслѣ слова".

Еще болѣе отрицательный отзывъ даетъ другой студентъ, Д. П. Хрущевъ, заключенія котораго, впрочемъ, отличаются нѣсколько рѣзкимъ характеромъ. „Гулакъ-Артемовскій", пишетъ Хрущевъ, „говорилъ всегда съ нѣкоторой торжественностью голоса и слога, какъ трагическій актеръ

на сценѣ, но краснорѣчіе его было не что иное, какъ пустозвонъ и пустоцвѣтъ. У него была слѣдующая любимая фраза: „отъ гроба Іоанна до колыбели Петра Россія и т. д.“.

Въ воспоминаніяхъ студента Пашкова 1840 г. читаемъ: „Въ научномъ отношеніи лекціи Гулакъ-Артемовскаго были почти безполезны, но зато интересны сами по себѣ, потому что онъ говорилъ очень красно и разсказывалъ много историческихъ анекдотовъ, случаевъ, повѣстенокъ и побасенокъ и такъ ловко и занимательно, что все это слушалось легко и съ удовольствіемъ. Передъ Карамзинымъ Гулакъ-Артемовскій благоговѣлъ, хвалилъ Устрялова, но Полевого ненавидѣлъ и ругалъ на лекціяхъ“.

М. Ѳ. де-Пуле характеризуетъ Гулакъ-Артемовскаго такъ: „профессоръ онъ былъ не только безполезный, но положительно вредный, былъ большой краснобай, выѣзжавшій на фразахъ, не знавшій своего предмета, не занимавшійся имъ, а потому оставлявшій своихъ слушателей въ глубочайшемъ невѣжествѣ по отечественной исторіи“.

Конфъ въ воспоминаніяхъ о харьк. профессорахъ (1843—1845 г.г.) говоритъ: „лекціи Гулакъ-Артемовскій читалъ по Карамзину наизусть, безъ тетради, выражаясь высокопарно, разсчитывая на трескучія фразы, чтобы ими повліять на своихъ слушателей“. Въ заключеніе Конфъ разсказываетъ анекдотъ, какъ студентъ юридическаго факультета Манько прочелъ вмѣсто Гулакъ-Артемовскаго лекцію по русской исторіи.

Всѣ эти воспоминанія, не смотря на свои противорѣчія, приводятъ къ заключенію, что Гулакъ-Артемовскій не имѣлъ ученыхъ глубокихъ познаній, но какъ лекторъ производилъ не одинаковое впечатлѣніе на своихъ слушателей: большинству студентовъ нравились его цвѣтистыя лекціи, но людямъ съ болѣе широкими требованіями и развитымъ литературнымъ вкусомъ не по душѣ приходился риторическій характеръ лекцій, содержаніе которыхъ между тѣмъ отличалось ученой скудостью, какъ рѣзко отмѣтилъ и Костомаровъ, слушатель Гулакъ-Артемовскаго въ 30-хъ годахъ, писавшій свои воспоминанія въ старости.

Непомѣрная важность и честолюбіе отражались у Гулакъ-Артемовскаго во всемъ; наружность его современникъ описываетъ такъ: „Длинная важно надутая фигура старика, съ орлинымъ носомъ, въ очкахъ, всегда со звѣздой, которую носилъ даже на верхнемъ платьѣ (дома, у себя звѣзда была у него и на халатѣ), такимъ помню я Гулакъ-Артемовскаго въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ“. Въ воспоминаніяхъ Неслуховскаго читаемъ: „Ставъ на ноги, Гулакъ-Артемовскій вдругъ явился съ осанкой и важностью настоящаго польскаго магната, чему благопріятствовала его наружность и фигура, и пріемы. Но въ присутствіи лицъ высоко-

поставленныхъ тотъ же Гулакъ-Артемовскій мѣнялся совершенно. Такъ, однажды на вопросъ попечителя графа Головкина,—„какъ поживаете, Петръ Петровичъ?“—онъ съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ: „якъ горохъ при дорози, кто иде, тотъ скубне“,—что было чистѣйшей фантазіей, ибо Гулакъ-Артемовскаго никто никогда не скубъ“. Честолюбіе лежало и въ основѣ страстнаго стремленія къ административной дѣятельности. Работалъ онъ и помимо университета: въ 1827 г. онъ занялъ мѣсто инспектора въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, гдѣ съ 1818 г. состоялъ преподавателемъ французскаго языка. Съ 1831 г. онъ управлялъ учебною частью и въ Полтавскомъ институтѣ. Въ награду получалъ Высочайшіе подарки—часы, ордена и брилліантовые перстни, чѣмъ весьма гордился. „По особому довѣрію начальства, говоритъ А. Рославскій, онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ Харьк. учебн. округа. Такъ, въ 1829 и 30 гг. училищный комитетъ назначилъ его визитаторомъ для осмотра слободско-украинской гимназіи, по поводу возникшихъ въ ней безпорядковъ“.

„Профессоръ, ректоръ,—пишетъ Чириковъ,—педагогъ, администраторъ, Гулакъ-Артемовскій былъ совершеннымъ сыномъ своего времени, при томъ такъ сказать, оффиціальнымъ сыномъ отечества. Онъ являлся правительственно-оффиціальнымъ вездѣ и на лекціяхъ своихъ по русской исторіи, на которыхъ всякій разъ высказывалъ усвоенные имъ въ совершенствѣ Николаевскіе принципы: самодержавія, православія и народности; онъ гремѣлъ своимъ ораторскимъ голосомъ, говоря о величіи и славѣ Россіи, что она обязана своею славою этимъ же тремъ незыблемымъ столбамъ нашего отечества“. Гулакъ-Артемовскій и со студентами, и въ обществѣ, и дома былъ неизмѣнно важно оффиціаленъ, говоритъ Чириковъ. Словомъ, вездѣ важное лицо, государственный мужъ, сановникъ. Въ 1847 г. по разстроенному здоровью Гулакъ-Артемовскій оставилъ университетъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1855 г. 17 октября, въ день пятидесятилѣтія университета, послѣдній избралъ Гулакъ-Артемовскаго своимъ почетнымъ членомъ. Охарактеризовавъ Гулакъ-Артемовскаго какъ профессора и администратора, остановимся на его дѣйствительно выдающемся значеніи въ малорусской литературѣ.

Вотъ какъ пишетъ о немъ профессоръ Н. И. Петровъ: „Гулакъ-Артемовскій пріобрѣлъ громадную извѣстность не научными своими трудами, коихъ въ сущности не было, а малороссійскими стихотвореніями, доставившими ему очень видное и почетное мѣсто среди малорусскихъ писателей. Онъ писалъ чуднымъ, превосходнымъ, лишеннымъ всякой искусственности, но яркимъ и образнымъ языкомъ, самое содержаніе его басенъ имѣло важное общественное значеніе. Сборникъ его стихотвореній

(Кобзарь) былъ напечатанъ послѣ его смерти, но туда вошло далеко не все имъ написанное". Въ началѣ своей литературной дѣятельности Гулакъ-Артемовскій пробовалъ писать по-русски, но выходило блѣдно, слабо, а на родномъ языкѣ ярко и художественно. „Гулакъ-Артемовскій, хотя и сановникъ, былъ однако, по временамъ поэтомъ и замѣчательнымъ поэтомъ на малорусскомъ языкѣ. Онъ писалъ весьма поэтическія оды, баллады, басни, съ отличнымъ знаніемъ малорусскаго языка и вѣрной передачей народнаго малорусскаго юмора. Здѣсь Гулакъ-Артемовскій являлся съ несомнѣннымъ талантомъ, которымъ, конечно, онъ всего меньше дорожилъ".

Гулакъ-Артемовскій дѣйствительно немного написалъ, а еще меньше издалъ.

„Панъ та собака"—его первое произведеніе, превосходно изображавшее крѣпостное состояніе, было распространено въ многочисленныхъ рукописяхъ.

Въ Украинскомъ Вѣстникѣ были напечатаны его стихотворныя сказки: „Солопій та Хивря" (съ предисловіемъ), побрехенька „Тюхтій та Чванько" (съ послѣсловіемъ про Гараська), стихотворенія: „Ослѣпленіе смертныхъ" (вольный переводъ изъ Руссо), „Мученіе сатаны при воззрѣніи на Эдемъ" (вольный переводъ изъ Мильтонова Потеряннаго Рая) и др. Кромѣ того малорусскія и русскія стихотворенія Гулакъ-Артемовскаго были напечатаны въ „Украинскомъ Журналѣ". Когда въ 1823 г. возникла мысль объ изданіи „Украинскаго Журнала" отъ университета, то нѣкій Бѣлецкій-Носенко (смотритель Прилуцкаго училища) предложилъ печатать въ новомъ журналѣ произведенія Гулакъ-Артемовскаго. „Я смѣло могу увѣрить, пишетъ Бѣлецкій-Носенко, что сказочки Гулакъ-Артемовскаго читались съ такимъ же неописаннымъ удовольствіемъ, какъ Энеида Котляревскаго, что многіе вытвердили цѣлыя тирады изъ нихъ". Этотъ отзывъ любопытенъ въ смыслѣ популярности сказочекъ Гулакъ-Артемовскаго, произведенія котораго читались, по словамъ профессора Станиславскаго, съ наслажденіемъ не одними юношами, всегда склонными къ восторженности, но и сановниками, какъ фельдмаршалъ Паскевичъ, князь Рѣпнинъ и много другихъ.

Въ 1827 г. въ *Славянинѣ* Гулакъ-Артемовскій напечаталъ „Панъ Твардовскій", малороссійская баллада, переводъ изъ Мицкевича; затѣмъ, въ „Утренней Звѣздѣ", изданной И. Петровымъ, помѣщенъ цѣлый рядъ малорусскихъ произведеній П. П. Артемовскаго.

Самое близкое участіе Гулакъ-Артемовскаго во всѣхъ выходившихъ тогда въ Малороссіи журналахъ выработало изъ него первокласснаго писателя. Н. А. Мельгуновъ, посѣтивъ Харьковъ, пишетъ Погодину: „не менѣе лестно для меня знакомство съ здѣшнимъ профессоромъ россійской

исторіи Гулакъ-Артемовскимъ, совершеннымъ знатокомъ малороссійскаго языка". Въ воспоминаніяхъ Ф. К. Неслуховскаго читаемъ: „Несомнѣнно, что Гулакъ-Артемовскій по своему дарованію болѣе всего подходитъ къ типу поэтовъ народныхъ. Его произведенія и содержаніемъ своимъ, и языкомъ пробуждали въ обществѣ интересъ и любовь къ южно-русской народности". Самъ Гулакъ-Артемовскій не цѣнилъ своего поэтическаго таланта и не придавалъ значенія своей литературной дѣятельности, заботясь лишь о служебной карьерѣ и соединенныхъ съ нею чинахъ и орденахъ, но эпоха естественнаго влеченія интеллигентныхъ представителей малорусскаго народа къ родной литературѣ и родному языку стихійно захватила и Гулакъ-Артемовскаго, который, какъ и его современникъ Квитка, творилъ въ силу глубокой внутренней потребности творчества.

„Гулакъ-Артемовскій умеръ въ 1865 г. 76-ти лѣтъ, сохранивъ до послѣднихъ минутъ вполнѣ свѣтлый умъ и удивительно твердую память", читаемъ мы въ некрологѣ, написанномъ Сливицкимъ, гдѣ онъ также указываетъ на долголѣтнюю ученую и педагогическую дѣятельность Гулакъ-Артемовскаго и его выдающееся значеніе въ малорусской литературѣ. За день до смерти Гулакъ-Артемовскій читалъ наизусть цѣлыя тирады изъ любимой имъ Энеиды Виргилія.

Самостоятельныя статьи и переводы Гулакъ-Артемовскаго на русскомъ языкѣ, кромѣ диссертаціи, помѣщенныя главнымъ образомъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" и „Украинскомъ Журналѣ" (1817—1824 гг.): 1) Ослѣпленіе смертныхъ (стих. пер. изъ Руссо); 2) Мученіе Сатаны при воззрѣніи на Эдемъ (изъ Мильтонова „Потеряннаго Рая"); 3) Пророчество Іодая (изъ Расина); 4) Недовѣрчивость (изъ Делиля); 5) День мщенія (подражаніе прор. Іоилю); 6) Атрей Ѳіестъ (отрывокъ изъ Кребильона); 7) Рѣчь на случай совершенія памяти объ Игн. Красицкомъ (пер. съ польскаго); 8) Похвала стихотворцамъ (изъ Горація); 9) Рѣчь Швейковскаго (пер. съ польскаго); 10) Швейковскаго. О необходимости соединенія съ прочими науками наукъ богословскихъ (пер. съ польскаго); 11) Къ Цензорину (стих.); 12) Рѣчь въ день открытія каѳедры польскаго языка при Харьковскомъ университетѣ; 13) Періоды или вѣки міра (пер. съ польскаго); 14) Бенъ Гріананъ (пер. съ польскаго); 15) О философіи. Разсказъ Снядецкаго (пер. съ польскаго); 16) Критика. Изъ соч. Красицкаго (пер. съ польскаго); 17) Нѣчто для сочинителей (пер. съ польскаго); 18) Синонимы: Задумчивость и размышленіе (подраж. польской прозѣ); 19) Мудрость (отрыв. изъ поэмы): 20) Чаяніе души христіанской 25 Декабря (стих.); 21) О поэзіи и краснорѣчіи у древнихъ; 22) Царскій столъ (древнее чешское преданіе; стих.); 23) Рѣчь къ студентамъ Виленскаго университета ректора Снядецкаго (пер. съ польскаго); 24) Рѣчь, произнесенная къ студентамъ Императорскаго Харьковскаго университета 1 Сентября 1828 г. при начатіи новаго курса ученія.

Малороссійскія произведенія Гулакъ-Артемовскаго въ хронологическомъ порядкѣ ихъ написанія. 1) Справжня добристь (17 Сентября 1817 г. Зап.); 2) Панъ та собака 2 Декабря 1818 г.; 3) Суплика 5 Декабря 1818 г.; 4) Солопій та Хивря 26 Сентября 1819 г.; 5) Пысулька 26 Сентября 1819 г.; 6) Тюхтій та Чванько 1 Ноября 1819 г.; 7) Де що про того Гараська 2 Ноября 1819 г.; 8) Дурень и розумный 1 Декабря

1820 г.; 9) Цикавый и мовчунъ 1 Декабря 1820 г.; 10) Ликарь и здоровье 1 Декабря 1820 г.; 11) Рыбалка 27 Октября 1827 г.; 12) Твардовскій 1827 г.; 13) Эй, Хведьку, вчись 29 Октября 1827 г.; 14) Дви пташки въ клитци 1 Ноября 1827 г.; 15) Рыбка 2 Ноября 1827 г.; 16) Пархоме, въ счастьи не брыкай 4 Ноября 1827 г.; 17) Пархоме, не мудруй 5 Ноября 1827 г.; 18) XXXIV-я ода Горація 26 Февраля 1828 г.; 19) XIV-я ода Горація 20 Февраля 1832 г.; 20) IX-я ода Горація 25 Февраля 1832 г.; 21) Петро мужыкъ 3 Марта 1833 г.; 22) На отъѣздъ изъ Полтавы Логвинова, 22 Марта 1842 г.; 23) Надудлився чаю 9 Іюня 1851 г.; 24) Сыдыть Петро у Полтави 24 Іюня 1848 г.; 25) Булы жъ мы и въ Святогорскомъ 12 Іюня 1856 г. 26) Голывся я на тыждень разъ 20 Іюня 1851 г.; 27) Якъ тилько задзвонять 21 іюня 1851 г.; 28) Послухавъ жинку 23 Іюня 1851 г.; 29) Ой мени тяжко 26 Іюня 1851 г.; 30) Андрію, Андрію 29 Іюня 1851 г.; 31) А що оце Андрію 30 Іюня 1851 г.; 32) Мисяць въ хмары закотывся 30 Іюня 1851 г.; 33) Пишла слава про Станислава; 23 Января 1852 г.; 34) Ой дежъ вона залетила 23 Января 1852 г.; 35) Де ты бродышъ, моя доля 3 Февраля 1852 г.; 36) Тай гарна жъ та 13 Февраля 1852 г.; 37) Ну вже таки Мартъ 1852 г.; 38) Охъ часъ ихать, Марусенько 16 Октября 1852 г.; 39) Нагайка (до Ивана Сливицького) 30 Ноября 1852 г.; 40) Сыдыть Абдулъ 1853 г.; 41) Що тамъ у хрина 12 Декабря 1853 г.; 42) Ой не мандруй 16 Декабря 1853 г.; 43) Чого вы праньци, 20 Декабря 1853 г.; 44) У Полтави 1854 г.; 45) До Юхима 22 Января 1855 г.; 46) Не выглядай, Марусенько 20 Сентября 1855 г.; 47) Колыбъ тебе, Полинашко 23 Декабря 1855 г.; 48) Віе витеръ 24 Декабря 1855 г.; 49) Текла ричка 27 Декабря 1855 г.; 50) Tu as bien fait 30 Декабря 1855 г.; 51) Сыдыть батько на лави 31 Декабря 1855 г.; 52) Колы не прешъ зо мною 16 Января 1856 г.; 53) Скачы, маты 21 Января 1856 г.; 54) О, вырвы, Господы 7 Декабря 1856 г.; 55) Якъ подывлюсь 24 Марта 1856 г.; 56) Сыну моему 2 Марта 1857 г.; 57) Ой не дарма, Катре 31 Іюня 1857 г.; 58) До тебе, Господы 18 Ноября 1857 г.; 59) Чы ще жъ ты 28 Ноября 1857 г.; 60) Нема вже 7 Декабря 1857 г.; 61) Ой не вода 28 Декабря 1857 г.; 62) Хто въ Божій помочи 14 Декабря 1858 г.; 63) Застольные стихи губ. Лужину 1859 г.; 64) Куды не йшло, Иване, 9 Октября 1860 г. *Неизвѣстныхъ годовъ*: 65) Панъ; 66) Муха; 67) Тай хватьска жъ; 68) На що ты, Любочко; 69) До Варьки.

Произведенія эти частью печатались въ современныхъ автору изданіяхъ, а большею частію были изданы уже послѣ смерти (напр. А. А. Потебней). Нѣкоторыя изъ нихъ были найдены мною въ Императорской Публичной Библіотекѣ и напечатаны въ Кіевской Старинѣ. Одно собраніе малорусскихъ произведеній было выпущено въ свѣтъ въ Кіевѣ въ 1878 г., другое, гораздо болѣе полное, во Львовѣ г. Романчукомъ, напечатавшимъ сверхъ того нѣкоторыя изъ нихъ въ „Зап. Наук. Тов.“ 1904 г. IV. Крит. зам. на изд. г. Романчука см. въ Кіевск. Стар. 1904 г. Декабрь.

Неизданныя сочиненія Гулака-Артемовскаго [1]).

На отъѣздъ изъ Полтавы Н. М. Л. 22 мая 1842. (Николая Михайловича Лонгинова).

А докижъ намъ у Полтави
Быть байдыки, Пане!

[1]) Кіев. Стар. 1897, іюнь. Изъ рукописей Имп. Публ. Библіотеки, б. м. нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были извлечены изъ этого же источника редакціей «К. Ст.»; моя рукопись осталась въ портфелѣ редакціи, черновой не сохранилось. *Д. Б.*

Наробывъ есы вже славы;
Чы надовго стане!
Порострынькавъ все дивчатамъ.—
Дукачи й намысто,
А хлопятамъ, небожатамъ—
Хочъ выместы... чысто...
Нема шпонькы, нема й стричкы—
Комиръ зашморгнуты...
Ну! вже утявъ ты намъ сичкы;
Е чымъ помянуты!
А ну? выверны кешени
Що тамъ е такого?
А вы хлопци, держить жмени.
Ай! бигъ-ма ничого!

* * *

22 мая 1842 г. въ Полтави.

Голывся я на тыждень разъ
И никому й байдуже!
Прыихавъ *Винъ*, виддавъ прыказъ:
„Голысь що дня, Петро, бо гыдкый дуже".
Одже жъ що дня я и голюся,
Ажъ пасока юшыть изъ бороды;
То гребинцемъ чесавшись уколюся.
То глянь,—вытягую зъ воды
Гарячои свій палець
Вже перетопленный на смалець.
Ходывъ по паночокъ, накинувши свытыну
„А що се сучый сыну" загуркотавъ *нашъ панъ*
„А ну! Мерщій лышъ одягайсь въ жупанъ!"
Оджежъ, зъ тои поры не я одынъ, а й *Пани*,—
Вона у кофти, я жъ зъ гудзыкамы въ жупани.
Имо було соби якъ тилько въ викна свитъ,
Що иногди було ажъ розипре жывитъ;
Теперъ *Винъ* до горы все повернувъ ногамы...
Нехай Святый Духъ буде зъ намы!..
Теперъ вже череду жене изъ поля дидъ
А *Винъ*—гляды—тогди насъ клыче на обидъ!

* * *

Бувало,—смерклося—то мы и до хропка́,
Теперь тогди *Винъ* тилько збытень смокче,
Куіовдыцця, не исть и спать не хоче,
Бо поведенція Московська, бачъ, така!

* * *

Ой! щобъ Васъ! Эй! Андрію!
Сказавъ бы щось,—та не посмію...
Та вжежъ побачымо,—яку тамъ цяцю
Вы прывезлы за сю намъ працю?

20 іюня 1851 г. Полтава.

Письмо Андрею Андреевичу Вагнеру.

Жена моя, достойно уважаемый Андрей Андреевичъ, свидѣтельствуя вамъ искреннѣйшее почтеніе, радостно, къ радости моей извѣщаетъ меня, что почтенные родныя ваши, Гофманны, избрали домъ мой для постояннаго въ немъ квартированія и содружества съ нами. Полагая, что и вы раздѣлите съ нами удовольствіе подобнаго *сожизнія*, поспѣшу признательно обнять васъ за прочтенную мною *рукопись*: говорю поспѣшу, *колы то поклыче*, а колы наше не въ ладъ, то мы зъ своимъ и назадъ!

Якъ тилько задзвонять чоторы годынкы
Такъ мы й шморгнемо въ высокіи будынкы,
Та любыхъ панночокъ
Засадымъ до кныжокъ:
Нехай гуртомъ голосять,
Та хочь борщу Петрови просять.

* * *

П. А. Г. 21 іюня 1851 г. Полтава.

Послухавъ жинку,
Та взявъ на переминку
Пистревіи изъ Харкова штаны,
Такъ, одже,—бачъ,
Хочъ сядь—тай плачъ:
Щось не вподобалысь іому воны!
И осміявъ,
И ошпувавъ,
Мережани штаны на всю Пилтаву
Ни защо ни прощо, пустывъ у славу.

Колыбъ тожъ вже Самъ тилько *Винъ*,
Той силькось. Вжебъ—байдуже!
А той *Вона*, излишы ни ослинъ.
Разкудкудакалась щось дуже,
Та надъ Петромъ ну! реготать,
Петра на глузы пиднимать;
Чарки й пляшкы, шклянкы перетовкла видъ смиху!
Расхлюпала на скатерть сырывець,
Тогди злякавшыся, та, на простець
Ну драла!... пидъ свою махнувъ стриху!

23 іюня 1851 г. Полтава.

Ой! [1]) мени тяжко!
Ой мени нудно!
Якъ безъ работы жыты мени трудно!
Ой пиду я манивцямы
Та нудьгу розважу;
Чы не стринусь зъ панночками;
Може слово скажуть
Охъ мени важко!
Ой мени нудно!
Ахъ безъ роботы жыты мени трудно!
Не зустривсь я съ панночкамы
Воны вси въ свитлыци,
Шыють кохты зъ фальборамы
Лагодять спидныци.
Охъ! мени тяжко!
Охъ! мени нудно!
Якъ безъ роботы жыты мени трудно!
Ой пиду я усадочокъ,—
Часъ прокараю,
Та сяду я пидъ клыночокъ,
Писню заспиваю:
Ой покынувъ Петро хатку
И жинку небогу,
Помандрувавъ безъ оглядку
Въ Пилтаву—въ дорогу.
Ой, вернысь назадъ, Петрусю!

[1]) На голосъ Малороссійской казацкой пѣсни: „Ой пиду я до владыки, попа позываты“...

Швыденько верныся!
Не вернесся? Утоплюся...
Тогди—не журыся!
Помандрувавъ... вона жъ зъ хаты.
Диткы запыщалы!
Отъ теперъ вы, каже маты,
Сыритками сталы.

Cette bagatelle ne peut avoir que l'intérêt du jour, cher et estimable Андрей Андреевичъ!

Vous n'ignorez pas, que je suis désoeuvré aujourd'hui. Ila fallu remplir le vide de ma matinée; c'est ce que je viens de faire aussi bien que mal, ajant toute fois liquidé la dette de ma correspondance avec ma femme et mes enfants. Mettez moi (швырните меня) aut pieds de son Excellence, notre ange tutelaire. Salut! estime et amitié. P. A. G.

26 іюня 1851. Полтава.

Андрію! Андрію!
Розмирковать не вмію,
Чы ждать іого?
Самъ тямышъ—отъ того
Що стричкы черезъ плечы?
Чы може и не ждать,
Та гавкать почынать,
Колы воно до речи?
Бо самъ сказавъ,
Щобъ почынавъ:
Нимеччына іому щось не до шмыгы;
Такъ ось боюсь, щобъ не пиднисъ
Петрови винъ пидъ нисъ
Якои тынхвы або хвыгы.

Salut! estime et amitié! 29 іюня 1851 г. Полтава.

А що жъ оце Андрію?
Яку тамъ веремію
Пиднявъ ты на *Веренстытутъ?*
Пытаемось: де ты? Чи тутъ?
А ты—на перелогы
Знай охкаешь, задравшы ногы!
Та вже якъ не миркуй,
А самъ на себе пожалкуй!

Не разъ, не два заплачешъ,
А дыва бильше ты такого не побачышъ.
Отъ! Якъ розставылы въ свитлыци вси цымбалы,
Такъ на шистьнадцать рукъ метелыци й загралы,
А тутъ скрыпкы й дудкы,
Сопилкы й кобзы вси якъ намъ заголосылы,
Та въ мидни тарилкы
Якъ брязкнулы, загромотилы,
То-будь я пеській сынъ,—
Колы въ свитлыци хочь одынъ
Усыдивъ на ослинци!
Та вжей прыдумалы іому гадючи нимци!
А ихъ то бачышъ два браты;
Оджежъ ихъ знаешь ты!
Аджежъ й умовылысь: „ты, каже, все рукамы,
Въ свитлыци по надъ панночкамы,
Якъ будутъ грать, махай!“
Ну силькось и нехай!
Такъ ты жъ зъ дивчатами спивай.
Отъ тожъ воны якъ сталы,
То такъ изъ нымъ и заспивалы:
Мисяцъ въ хмары закотывся,
Тай стало темненько.
Чогожъ Петро зажурывся
И болыть серденько?
Не ховайся до пивночи,
Мисяцю червоный!
Не выплакуй свои очи,
Козаче моторный!
Тече ричка все тыхенько
И моря шукае:
Ой! такъ и мое серденько
До жинки здыхае!

30 іюня 1851 г. Полтава.

Je suis mal à mon aise, cher et estimable Андрей Андреевичъ! A mon grand etonnement, vous n'avez-pas été de la soirée musicale d'hier. Eh bien! Vous le regretterez toute votre vie. M-lle Haha a été admirable, incomparable! Toutefois je suis triste. Mais dans mes joies aussi bien que dans mes chagrins, je fais des voeux pour votre santé et votre prosperité.

Булы жъ мы й въ Святыгорськимъ
И церковъ бачылы змуровану Самборськымъ
И плавалы въ рыдвани на Донци,
Размоклы на кысиль кнышы и буханьци,
А винъ надъ намы, знай, въ води жартуе,
Рыгоче и кепкуе!
Ну! правды никуды дивать;
Вже е защо сполать!
Натуры доброи видъ москаля набрався
Того й гляды щобъ ще у море не попхався!
Удасться жъ отъ таке! Ни сорому, ни ляку!
А скильки жъ голодомъ Винъ душъ запропастывъ
Чы я жъ черезъ іого зъ ченцямы не постывъ;
Отъ тилько и дае що днемъ не перемогу,
А ничью щобъ? Ей Богу!
Хочъ бы тоби згадавъ
Та хочъ развивъ изъ пьять погодовавъ!
А господы! Колыбъ уже до жинкы!
Наився бъ на весь рикъ, надудлывся бъ горилки.

12 іюня 1851 г. Капитолыкъ.

Де ты бродышъ, моя доле!
Не доклычусь я тебе;
Доси можно дыке поле
Прыгорнуты до себе.
А тебе ось не вблагаю
И прохавъ я и прошу;
И пытаюсь, и шукаю;
Тилькы сердце я сушу.
Чы на мори ты зъ кущцямы
За крамъ личышь барыши?
Чы въ будынкахъ изъ панамы
Исы ласощи й кнышы?
Чы на неби изъ виконця
Сучышъ дули харпакамъ,
Чы пры мисяци безъ сонця
Чешешъ кучери зиркамъ?
Чи у поли на долыни
Дыкимъ макомъ ты цвитешъ:

Чы у лузи на калыни
Ты зозулею куешь?
Ой, оглянься хочъ разочокъ,
Моя доле, на мене!
Я сплету тоби виночокъ,
Пригорнуся до тебе!

Яко ащебы не законъ твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ во смиреніи моемъ (церк. слав. шрифтомъ).

Получено 3 февр. 1852 г. въ СПБ.

Пишла слава
Про Станислава.

Свитыть мисяць у виконце
Та въ очахъ темніе!
Сяе въ неби ясне солнце,
Та серця не гріе!
Колыбъ швыдче вже отъ тая
Звиздочка засяла,
Отъ тогдибъ та болисть злая
Камнемъ зъ серця спала!
Ой, дежъ вона забарылась?
Де вона блукае?
Чы въ шынку де похмелылась
Тай тамъ спочывае?
Та вже нехай хочь похмильну
Та ведутъ швыденько!
Утнемо жь мы ій весильну,
Прыймемо гарненько!
Ой, давно бъ вона небога
Въ Харкови блыщала,
Такъ отъ! зализна дорога
Усе попсовала!
Настроилы сучи нимци
Возивъ зъ чавунамы;
Народъ сыдыть на ослинци,
А тутъ.... Госпидь зъ намы!
Безъ воливъ и безъ конякы
Колеса махають!

Бо нехтожъ—самы чортякы
Рыдванъ попыхають!
А зустривсь зъ другимъ обозомъ?
Утруть тоби маку,
Зимнуть всіого зъ твоимъ возомъ
На шпаньску кабаку!

Telle fut, cher et estimable Андрей Андреевичъ, la missive que j'ai espediée à mon venerable bienfaiteur du 12 janvier. Puisse-t-elle derider pour un instant votre front?

23 января 1852. Харьковъ П. А. Г. Получено 3 февраля 1852. въ СПБ.

Слышану сотвори мнѣ заутра милость твою, яко на тя уповахъ.

Ой дежъ вона залетила,
Обицана Галка Била?
Мабуть Харкивъ промынула!
Чы не въ вырій лышъ шморгнула?
Погана справа:
Нема Станислава!
Пысавъ панъ: звизду давъ
И червону стричку.
Отъ я й ждавъ—дулю взявъ,
Щей поставывъ свичку [1])!
Ой! Схоплюсь! Утоплюсь!
Повишусь на гильци,
Або смерть, якъ напьюсь,
Найду я въ горильци!
Поскупывся цяцькы
Прыслать на свытыну,—
Прысылайже гвиздкы—
Забыть домовыну!
Не турбуй, не рятуй!
Ни вже не оклыгну!
Такы вмру... не здывуй!
Щей ногою дрыгну!
И святыхъ не склыкай
Вылаютъ на славу!
Лучче грывню выймай
На здвинъ Станиславу!

[1]) По полученіи радостной вѣсти мы служили благодарственный Богу молебенъ 8 и 16 января.

Telle fut ma seconde jeremiade que j'ai envoyée à mon ange—tutelaire du 20 janvier courant, bien cher et bien estimable Андрей Андреевичъ. Puisse-t-elle trouver un echo dans votre coeur? П. А. Г. 23 января 1852 г. Харьковъ. Вотъ уже минуло 24 дня съ тѣхъ поръ, какъ грамота подписана, а св. Станислава нѣтъ, какъ нѣтъ. Это необъяснимо! Не постижимо!

Si vous n'avez plus bésoin, bien cher et bien estimable Андрей Андреевичъ, des originaux, que je vous ai remis hier, vous m'obligerez, si vous vouliez me les transmettre par le porteur de ce billet. J'en ai besoin pour dresser ma petition au nom du Conseil de l'institut afin qu'il veuille les faire enregistrer dans ses actes. Je n'ose pas franchir le seuil de la porte de son Excellence Николай Михайловичъ, la sachant obsedée par un cortége de pleureurs et de pleureuses.

Блаженни плачущіи,
Яко тіи утѣшаться.

Salut, estime et amitié. П. А. Г. 2 іюля 1851 г. Полтава.

XIV ода Горація, кн. 2-я.

Eheu! fugaces, Posthume, Posthume
Labuntur anni: nec pietas moram.
Rugis et instanti senectae
Afferet et cet.

Ой часъ бы, Грыцьку, нашъ, ой! часъ пошановацця:
Не все жъ намъ, братику, не все парубковать;
Не все зъ дивчатамы гасать и женыхацця.
И тютюнкову [1]) день и ничь въ шынку круглять!
Бачъ—пыку зморщкамы—мовъ лемишемъ зъорало!
Ось ну! Помацай гырю лышъ:
Чы бачъ-якый—мовъ паршамы зстругало
На тимьи здоровецькый плишъ!
Отъ старисть! Схаменысь! а ты соби байдуже!
Ось, ось скандзюбыть въ сукъ, хочъ напрямець якъ стій.
Та вже якъ яровавъ, мовъ огыръ, нашъ Андрій,
Ай той подався дуже!
А тамъ, козаче, зыркъ! нивидсиль, нивидтиль,
Кырпата свашка—гулькъ у хату!
Добрыдень, скаже, хлибъ та силь!

---

[1]) Водка изъ бочки, подъ которую кладутъ листья табаку-бакуна.

Здоровеньки булы зъ весиллямъ, свату!
А тамъ и содухивъ весильныхъ якъ утнуть!
Лежыть Грыцько, обдувся—якъ барыло!
Отъ и дограв ся! Сюды, туды, верть-круть!
А тутъ Грыцька въ супоню и скрутыло!
Що думка, може, бачь така,
Щобъ отъ кырпатои [1]) гидзою откупыцця?
Тыкнуть на часточку попови пьятака,
Тай дейно довику зъ дивчатами казыцця?
Що? може напечешъ горячыхъ буханцивъ,
Заколешъ пидсвынка та мьясомъ нагодуешъ
Каликъ, сыритокъ и старцивъ,
Та тымъ и пельку ты кырпатій зашпунтуешъ?

* * *

Ни, голубе! Вже не такымъ тузамъ
Кабакы кырпа втерла!
Вже Бонапартъ якъ давсь въ знакы и москалямъ,
Да и того на дно до пекла вперла!

* * *

Воно то—ничого гриха таить—гульвиса—
На часточку не ткнувъ николы й двухъ шагивъ,
Лупывъ нимоту й дравъ, та вжежъ и дравъ изъ биса,
Покы не скуштовавъ московськихъ стусанивъ!

* * *

Ну а Сирко? Богданъ? Мазепа и Палій?
Хыба попамъ, старцямъ обидивъ не справлялы?
Хыба церковъ, дзвиныць не муровалы?
Хыба не ставылы хрестивъ на стовповій?

* * *

А дужежъ тымъ воны отъ смерты откупылысь?
Любисинько лежять тамъ, де и всимъ лежать!
Чы срибломъ сукни ихъ, чы диркамы свитылысь
И дрантя, и ребронъ—все робакы зъидять!

* * *

[1]) Смерть.

А втикъ, щобъ въ москали на сей рикъ не схопылы.
Впровторять—такъ якъ разъ—въ погонци черезъ рикъ!
Не вмеръ—балячкы задавылы!
Та ба! Такъ одже-бачъ утикъ!

* * *

Колы на панщини душа не опряглася,
Колы то Госпидь боронывъ;
То въ жывоти—гляды—горилка занялася,
Або хто бебехы за жинку отсадывъ!

* * *

Та вже нашъ дякъ чыта у кныжци не дурныцю,
Що доведецця всимъ по повній выпывать;
Изъивъ Адамъ изъ Евою кыслыцю,
А намъ прыйшлось за ихъ оскому прогонять.

* * *

Пындючить нисъ Остапова Горпына
И знай—все мацае на шыи свій дукачь;
А тутъ не зуздрыцця—спитка лыха годына,
Тогди хочъ сядь—тай плачь!

* * *

Трищать одъ збожжя въ Опанаса
Засикы, клуни и токы;
Дере на пасици Панько свій медъ на Спаса;
Кацапамъ отдае на спускъ свои ставкы;

* * *

А все бридня: покынешъ любу жинку,
Чумацьку снасть, воливъ и килькы паръ плугивъ,
И вирне наймытя, и дрибную дытынку;
Покынешъ все, кажу, на радисть ворогивъ!

* * *

А той, що знай-збиравъ и товкся головою,
На що серце въ сырій земли засне!
Отъ тилькы коржыкивъ та колыва зъ сытою
На помынкахъ душа ряды въ годы лызне!

* * *

А тамъ—гляды—по смерты въ хату й вперлы.
До жинкы съ пару москаливъ!
Пишла куевдыцця! Якъ не було—все втерлы,
А диткы мыркають безъ свыткы й постоливъ;
Конючять хлиба шматъ пидъ викнамы зъ торбамы,
О паплюга! Та се ще й такъ и сякъ;
Отъ лыхо: всю твою горилку зъ бахурамы
До щенту выпыла тай трубыть у кулакъ!

(Изъ тетрадки, на которой сдѣлана надпись: Cahier, copié par El. A. G. 1836).

Рукопись „Справжня добрость“ на 6 четвертушкахъ; въ концѣ приписка: cette piéce, commencée l'an 1817, ne fut jamais ni continueé ni achevée. Переписалъ авторъ 7 іюля 1836 г.

Сыдыть Петро у Полтави
Въ стани зъ почтарямы;
Теперь Петро нашъ не въ слави,
Вже не зъ панночкамы!
Колысь було якъ забряжчыть
Въ браму у будынку,
Такъ пани Зассъ и закрычыть:
Мерщій горилкы зъ шынку!
Тягнить Петра на вечерю
Любіи дивчата!
Ставте на стилъ вы тетерю,
Та рижте курчята!
Теперь Петро у Полтави
Въ стани зъ почтарямы;
Теперъ Петро вже не въ слави;
Годи зъ панночкамы!

А куды жъ вы мене, Андрію, загарбаете? Куды мене динете? Куды мене запровторыте? Яку хату помеломъ моимъ будете месты? Яку дирку мною заткнете? 24 іюня 1848 г. П. А. Г.

Въ Капитоновкѣ, 9-го іюня 1851 г. (имѣніе Н. Мих. Лонгинова, близъ г. Изюма).

Надудлывсь чаю
Тай самъ не знаю,
Якъ злизты зъ дробынки
У паньски будынкы!

* * *

Обдувсь, якъ барыло
Тай ногы скрутыло,
Ледве ворошуся
Та исткы прошуся.

* * *

Колыбъ догадалысь
Та швыдче збиралысь
Що тамъ е—поснидать
А тамъ и обидать.

* * *

Можебъ, видъ серця трошки одлыгло,
Бо ждать, Ей Богу! такъ давно обрыдло!
Тай докинъ ій спаты
И въ лижку лежаты?

* * *

А нуте, хлопьята!
Мерщій на стилъ курчата!
Та дайте горилкы
Чы то намъ скилькы!

* * *

Чоловикъ не скотына,
Отъ! якъ дытына—
Лызне зъ пивъ-видерця,
Абы глыстивъ прогнать видъ серця!

П. А. Г.

Петро мужыкъ не покорный
Та вдавсь соби проноза зъ биса:
Здаецця зъ пыкы и дурный
Та годзунколатый гульвиса.
Охъ! Гедзь напавъ Петра! Не спыть, не исть николы
Бажае бачыть Пьятембурхъ
И—знай—черка пысулькы до Мыколы,
Нехай, каже, покы не выпре въ мене духъ,
Хочъ разъ тоби я поклонюсь:
Нехай на Пьятенбурхъ доволи надывлюсь.
Мыкола гарный, любый панъ,

Черка ему: „надінь ты, Петре, свій жупанъ,
А на жупанъ зъ видлогою свытыну
И решетыловскій кожухъ
И хлиба де яку шматыну;
Тай чымчыкуй що мога въ Пьятембурхъ".
Отъ нашъ Петро уже и въ Пьятембурси
Въ свытыни новій и въ кожуси!
Петра за гостя прынялы;
Петра у моды повелы,
Чого Петрова душка забажала,
Усе побачыла, всего покуштовала....
Петро, мовъ едноралъ, мижъ панствомъ выступае,
Передъ Петромъ москаль ручныцю пиднимае;
Петрови въ тарилкахъ пидносять паньску страву
Та що й казать! Петро пишовъ у славу!
Але Петрови вже нудненько щось стае;
Петро буцимъ то сяде, то встае;
Все груды мацае, кородыцця и кашля
И ныщечкомъ пидъ нисъ соби скрывывшысь кашля
Петрови стричку и хрестъ Мыколэ втеребывъ,
Петра Мыкола въ двиръ до Самои водывъ;
Петро буцимъ повеселивъ,
Та впьять здуривъ
И свитомъ нудыть
Другихъ и самъ себе посередъ ночи будыть;
Петра напалы перелогы;
Петра зъ нудьги не носять ногы
Въ Петра буцимъ усе въ господи умира:
Въ Петра вси хвори тамъ—и жинка й дитвора!
Петро прытьмомъ до дому до двора!
Мыкола панъ швыдчій Петровій жинци
Въ царыци выпрохавъ намисто въ сто червинцивъ:
Петро упьять повеселивъ,
На вси чотыри поглядивъ,
Тай, паночку, сказавъ: здоровижъ оставайтесь
И въ Пьятембурхъ мене вже бильшъ не сподивайтесь.

Cet impromtu fut composé à S. P—bourg 3 mars 1833 dans la maison de S. E. m. de Longuinoff, secraitaire d'Etat de S. M. Jmperiale au moment, où l'auteur prit son congé de S. E. revenir á Kharkoff.

Возрадуются и возвеселятся о милости твоей, яко призрѣлъ еси на смиреніе мое, спаслъ еси отъ нуждъ душу мою; и нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражіихъ, поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои

Тай гарна жъ та галка била,
Що до Петра прылетила!
Чого жъ мени журытыся?
Хыбажъ ище трясьця!
Тылькы Богу молытыся,
Щобъ жыть въ твоій ласци.
Чого бажавъ--усе ты давъ:
На пивъ вику стане;
Абы лышень ты виковавъ
О! Мій любый пане!
Черезъ плечи почепывъ ты
Стричку червоненьку,
А надъ серцемъ прышпылывъ ты
Звиздочу ясненьку;
И на радощахъ серденько
Пидъ звиздою бьецця,—
Що ажъ стричка та частенько
На грудяхъ трясецця!
Та й гарна та галка била
Що до Петра прылетила
И на грудяхъ іому сила!
„А пожывемъ якъ самъ кажешъ“.
Щей Гальку достанемъ“.
Ну! Тамъ соби якъ самъ зважышъ...
Мы спорыть не станемъ!

13 февраля 52. Харьковъ.

Истязалъ еси беззаконіе мое и грѣхи моя изслѣдилъ еси, руцѣ твои сотвористѣ мя и создастѣ мя; потомъ же преложивъ поразилъ мя еси. Іова, кн. I.

1.

Ну! вже такы
Далась въ знакы
Мени та галка била!

Мовъ чырякы
На печинкы
Отъ такъ прытьмомъ и сила!

2.

Було вси дни
На черени
Пряжусь та позихаю,
Та шисть разивъ
До пырогивъ
Изъ печи я злизаю.

3.

Ряды въ годы
До бороды
Було доходыть дило...
Отъ розскубешъ,
Въ жмени помнешъ,
Та й впьять у просо смило!

4.

Було й сопешъ,
Було й хропешъ,—
Другымъ й соби байдуже..
Такъ отже, бачъ!
Хочъ сядь тай плачъ!
Отъ треба Галкы дуже!

5.

Звизду прыславъ
Тай наказавъ,
Що бъ що дня я голывся,
Перыну славъ,
Пыку вмывавъ
И що дня чепурывся!

6.

Ой винъ мене
Зъ свита зжене
Московською пенею!

Отце бида
Отта звизда!
Нехай тамъ Господь зънею!

7.

Ну й зхаменусь!
И пидголюсь!
Чого тамъ разходывся?
Та яжъ пидъ часъ
На мисяць разъ
П безъ того голывся!

8.

Тилько не лайсь—
Та не знущайсь,
(Бо кепьска выйде справа,
Якъ зашморгнусь
Та й почиплюсь
На стричци Станислава)!

Колы моеи розмовы не втнете́, за що жъ мене кобенете? Колы монхъ виршей не чытаете, за що жъ мене потрипуете и лаете? Отъ! бачъ, зминывся тай зледащывся? Та надъ якымъ же гаспыдомъ буду я працюваты и бебехи надрываты? Була робота—була й охота; лежавъ на шыи обовьязокъ,—ну й роботы було чы мало вьязокъ. Було дило—ну й робыть кортило; а колы теперъ видъ обовьязку на втикачи, такъ поневоли треба лежаты на печи. Отъ! и лежымо, и имо, и пьемо, и спымо! и встаемо та впять лежымо, и имо, и пьемо и спымо! Запряжить въ дило, потягнемъ смило, накыньте ярмо—той повеземо. Чы ясно, чы хмарно, намъ и такъ гарно. А хлиба треба? Упаде зъ неба. А въ неби не стане? Жинка достане; нехай конючыть—та дитокъ учыть! А мы соби на думци,—та сіого буцимъ и не вважаемо и, тее то якъ іого, такъ соби и пануемо и нисъ до горы пындючемо и—знай то и дило, що мацаемость на груды, чы вона—отъ та била Галка стырчыть, та сяе, та народъ лякае?

Марта 1852. г. Харьковъ. Изъ письма его къ Н. М. Лонгинову.

(Копія).

На побѣды русскихъ надъ турками, одержанныя ген.-лейт. Андрониковымъ 18 ноября 1853 г. на портѣ Синопа.

Сыдыть Абдулъ
Губы надувъ
И гадку гадае:

Що тамъ—мое
Турецькее
Війско поробляе?

* * *

Скилькы жъ воно—
Въ море на дно—
Москаливъ пустыло!
Скилькы рыбьятъ
Зъ ручныць, зъ гарматъ
Трупомъ положыло!

* * *

Ой вже жъ тіи
Турецькіи
Війска розчухралы!
Вже жъ надъ нымы й
„Со святымы“
Дякы одспивалы!
Вжей въ Пьятенбурхъ
Гинецъ Явтухъ
Чкурнувъ, що мавъ сылы—
Зъ лыстомъ объ тимъ,
Що туркамъ всимъ
Тынхву въ нисъ встромылы.

* * *

Сполать тоби
Въ Руській земли
Андронче козаче!
Ты бусурманъ
Змьявъ на гаманъ
Нехай Абдулъ скаче!

* * *

Сполать тоби,
Въ Русскій земли,
Нахыменку хвацькій,
Що попалывъ
И потопывъ
Байдакы Султаньски.

* * *

Та вжежъ лызнувъ
Та вжей мазнувъ
Султана по пыцп!
Провивъ шрамкы!
Будутъ втямкы
На морди сыницп.

* * *

Такъ, бачъ, Султанъ,
На сей изьянъ,
Щей морду пындючыть,
На паноцця,
На Воронця
Арканъ зъ шовку сучыть.

* * *

Сучыть арканъ
Дурный Султанъ,
Тай скручуй тугенько,
Бо туркамъ всимъ
Высить на имъ
Прыйдецця довгенько.

На разбитіе ген.-ад. Бебутовымъ 19 ноября 1853 г. въ Азіи 36 тыс. турецкаго корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ Абди-паши. Посланіе П. И. Л—вой въ отвѣтъ на ея записку съ первымъ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ [1]).

Що тамъ у хрина,
Пани, сокочешъ?
Якыхъ тамъ виршивъ
Видъ мене хочешъ?
Спивавъ тоби я
Андронка славу,
Спивавъ козацьку
Нахымка справу,
Спивавъ, якъ турчынъ
Зъ нымъ счепывся,
Що й самъ не радъ бувъ,
Не одхрестывся;

[1]) Въ замѣну радостнаго извѣстія объ этой блестящей побѣдѣ П. И. Л—ва непремѣнно требовала въ отвѣтъ малороссійскихъ стиховъ.

Спивавъ я соромъ
Въ ганьбу Султаньску,
Стоптану силу
Іого поганьску;
Такъ отъ же тоби
Сіого ще мало!
Хыбажъ Меджиду
Ще гирше стало?
„Ой стало гирше
Видъ того часу
Якъ турчынъ зъ ляхомъ [1])
Удравъ до лясу;
Якъ Бебутъ дався
Въ знакы невири
Взявъ станъ й гарматъ
Двадцать чотыри“.
Отъ це до шмыгы,
Любая пани,
Такъ се Бебутъ ихъ
Выхлеставъ въ бани?
Нехай же дурни
Здорови зносятъ
Та й ще въ Бебута
Парку попросятъ!
Покы жъ той турчынъ
Зъ невдячнымъ ляхомъ
Чухаютъ лисомъ,
Не бытымъ шляхомъ,
Я изъ гарматъ ихъ
Запалю люльку
И заспиваю
Таку имъ думку:
Якъ до тебе, Меджыде,
Отъ ця звисточка прыйде,
Що нашъ бравый князь Бебутъ
Давъ Абди-паши капутъ,
То не дмысь вже, мовъ той сычъ,
А въ сирка очей позычъ,

[1]) Извѣстно, что въ разбитомъ корпусѣ Абди-паши находилось много отчаянныхъ польскихъ политическихъ коноводовъ.

Та прыйды и повынысь,
Нызько въ ноги поклонысь,
Въ церкви Богу помолысь,
Та недуже то й скупысь
И на сповидь кинь грывняку,
Щобъ Бебутъ не втеръ ще маку;
Побожысь тай дай зарику,
Шо до смерты, що до вику
Не зачепышъ бильшъ николы
Билого царя Мыколы.

12 декабря 1853 г., Харьковъ.

Совѣтъ султану на затѣю его перенести свой дворъ, знамя и сорочку Магомета въ Адріанополь. (Копія).

Ой! не мандруй, султане,
До Адрынополя
Бо тамъ тебе зостане,
Лыхенькая доля!
Ой не бажай, султане,
Водыци зъ Марыци,
Бо въ животи та стане
Гирша одъ гирчыцы!
Не розвертай, султане,
Хорогвы Магмета:
Москаль зъ древна хочъ стягне,
Хочь пробье зъ мушкета!
Не розвишуй, султане,
Сорочкы пророка:
Москаль сцупыть—якъ гляне,
Охъ! буде морока!
Ой не схыляйсь, султане,
До Балканивъ ухомъ,
Бо зъ ихъ вiе погане...
Кулевчынськимъ духомъ!
Нехай твiй нисъ, султане,
Въ горы й не сягае,
Бо зъ гиръ Дыбычъ якъ встане,
До смерти злякае.

Не поглядай, султане,
На Чорнее море:
Въ Чорнимъ мори въ тумани
Плыве твое горе!
Бачъ! въ Синопіи, султане,
Клубкы дыму вьюцця!
Отъ тожъ твои моряне
Зъ Нахыменкомъ бьюцця!
Бачъ!.. якъ море, султане,
Одъ ихъ гарматъ стогне?
Твое війско кохане
Зъ байдаками тоне!
Ой! не дывысь, султане,
За море—къ Ацхуру;
Тамъ доставъ вже и достане
Турчинъ хлосту въ шкуру;
Не посылай, султане,
Війска къ Арпачаю,
Бо вернецця въ Карсъ пьяне
Видъ русського чаю!
Не наклыкай, султане,
На русскихъ Шамиля,
Бо й винъ лебонь не встане.
За Даргського похмилля [1])
Не поможуть, султане,
Праньци й Яглычваньци,
Москаль свого дотягне
Не въ вечиръ, такъ въ раньци!
Такъ спыжъ дома, Меджиде,
Мы буркать не будемъ,
А якъ москаль надійде,
Мы тогди й розбудымъ.

Декабрь 1853 г., Харьковъ.

---

[1]) Дарго — бывшее гнѣздо Шамиля, взятое и разрушенное русскими въ 1845 году.

Воззваніе къ Франціи по случаю ея союза съ Англіею въ 1853 г. противъ Россіи по восточному вопросу. (Копія).

Чого вы праньци [1]) розсвербылысь?
Якый васъ гаспыдъ розчесавъ?
Буложъ вже трошкы й заструпылысь,
А тутъ упьять васъ гедзь напавъ?
Ой не своимъ вы глуздомъ, праньци,
За сю дурныцю узялысь!
Васъ пидцьковалы Яглычваньци,
Що вамъ не разъ въ знакы далысь!
Хыба жъ не зъ нымы въ давню сварку
Вы зшкварылы на шышлыку
Орлянську панночку Одарку [2]).
А хтожъ вамъ раду давъ таку?
Воны, воны! Дурни вы праньци!
Та що давныцю й спомынать?
Та ще й неподавно... поганьци
Далы вамъ перцю скоштувать?
Чы щежъ у Трахвалгари трохы
Утерлы носа вамъ воны?
Стяглы зъ васъ плюндры и панчохы,
Спалылы байдакы й човны...
Та що й казать? а въ Абукыри
Хиба не выщыпалы вамъ
Чупрыну всю воны изъ гыри?
А хочъ бы й дядько вашъ и самъ?
Хыба жъ іому ще мало сала
Воны за шкуру залылы!
А зъ Ватеря якъ давъ винъ драла....
Хыба жъ зъ запечи не стяглы?
Хыба не вперлы на Олену,
Пославшы скаучать надъ нымъ
Собаку яглыцьку скажену [3])
Покы й не ставсь надъ нымъ кысымъ?

---

[1]) Пранцями называютъ ихъ наши Калмыки (Москв. 1854, №№ 1 и 2).

[2]) Іоанна д'Аркъ, орлеанская дѣва, сожженная на кострѣ, по приговору французскаго духовенства.

[3]) Въ трагической развязкѣ великой наполеоновской драмы участь плѣнника св. Елены не разъ сравнилась съ судьбою Прометея, а Сэра Гудзона Ло—съ коршуномъ, его терзавшимъ (От. Зап. 1853, ноябрь, отъ VI, стр. 1).

Се Пальмерстинъ! Се винъ, псяюха!
Винъ васъ пидвивъ пидъ монастырь.
Ой! Втопыть же винъ васъ по уха!
Ну! Вышкварыть изъ васъ винъ жыръ!
Згадайте жыда Пацяпына [1])!
За що на грекивъ винъ озлывсь.
За що винъ, навиженна пыка,
Мовъ рыпьяхомъ до ихъ вчепывсь?
За те, що въ мори Грецька сыла
Попережала ихъ човны
Ы крамъ свій продавать возыла
Куды й возылы свій воны
Отъ! Пальмерстинъ, якъ гайдамака,
Спалывъ вси грецьки байдакы,
Загарбавъ гроши ихъ—собака,
Цяцки срибни образкы.
А щобъ не румсалы Ахвыны
За срибни образкы й цяцькы,
Винъ злипленыхъ прислявъ имъ зъ глыны
Такихъ, якъ аккуратъ, божкивъ [2]).
А тежъ Омельково весилля [3])?
Хыба жъ воно вамъ не втямкы?
Хыба жъ васъ Палмерстинъ съ похмилля
Не обертавъ на вси боки?
Згадайте, якъ Пелыпъ зъ столыци
Давъ драла, що и очкуръ згубывъ?
Ни жупанка, ни паляныци
Зъ господы винъ не захопывъ!
А що жъ то у іого будынкахъ
Добра и худобонькы була!
Въ коморахъ сала, срибла въ скрынькахъ,

---

[1]) У кого не въ свѣжей еще памяти извѣстная претензія жида Пасифіено, послужившая неразборчивой политикѣ Пальмерстона предлогомъ къ нанесенію греческой торговлѣ, а съ нею и благосостоянію Греціи рѣшительнаго удара.

[2]) Извѣстно, что вмѣсто увезенныхъ англичанами изъ Аѳинъ въ Лондонъ драгоцѣнныхъ мраморныхъ статуй и бюстовъ, они прислали грекамъ гипсовые съ нихъ снимки и тѣмъ въ грабежѣ расквитались. (Independance Belge 1853 г.).

[3]) Le mariage d'Espagne du duc d'Aumale, извѣстный испанскій бракъ герцога Омальскаго, надѣлавшій столько тревоги Вестминстерскому кабинету со всѣми его послѣдствіями для династіи орлеанской съ 24 ф. 1848.

А все жъ то марно такъ пишло.
А скилько образкивъ Версальскихъ!
Малярскихъ куштивъ и божкивъ!
Паперивъ та книжокъ школярскихъ,
Нывъ, лукъ, ягнятокъ ы корывъ?
Все дномъ у верхъ перевернулы
Мудри Роленкы та Бланкы,
А тамъ у Лондинъ и шморгнулы,
Тай гавкають мовъ ти сиркы!
Отъ! Палмерстинъ тамъ ихъ и водыть
Де треба пидцьковать кого:
Тутъ плюндры нимцеви пошкодыть,
Тамъ вырвать лытку у того...
Сихъ цуцыкивъ тамъ багатенько,
А зъ ихъ найскаженнишн си:
Кошутко, Кланка та Маценко.
Ы сказано... собакы вси.
Одынъ—знай—гавка на венгерця,
Другый на москаля гарчыть;
Той на цесарця пиныть зъ сердця,
А Палмерстинъ цькуе й мовчыть.
Мовчыть—та двохъ навчыть, поганый,
На думци жъ оберта свое
И въ *кузни Хворенскій* кайданы [1])
На мыръ хрещеный винъ куе.
Зъ чужои славы перелогы
Іого хватають за жывитъ;
Одъ заздрощивъ трясуцця ногы,
Пройма іого цыганскій питъ.
Видъ думокъ тимья все въ ниплыцяхъ,
Запалы въ лобъ, якъ въ ліохъ, банькы,
Гадюча шкура въ жовтяныцяхъ;
Стягнуло кендюхъ и кышкы.
Не спыть винъ въ день, не спыть и ночи,
А що найгирше дошкуля
Іого ы шыломъ коле въ очи,
То слава Билого царя!

---

[1]) Англійское Foreing office, такъ прославленное въ наше время подкопными дѣйствіями разрушительной политики Пальмерстона.

Ни, каже, не зможу николы
Знесты, хочъ ты мене зарижъ,
Важкенькои рукы Мыколы.
Бачъ! Що пидсуне те ы ижъ!
На що орудіе винъ, каже,
Всимъ свитомъ и до всихъ добравсь?
Тыхъ маслечкомъ по губкахъ маже,
Другымъ втямкы до суду давсь?
На що, въ угорьскую пожогу [1])
Полыводивъ угамовавъ?
Цесарцеви послявъ пидмогу?
Голштыньскій справи раду давъ?
На що винъ пышнымъ мосцяпанамъ
На *kark* [2]) шляхецькій наступывъ
Ы ихъ сеймове nie pozwalam [3])
Въ Сыбирь погрыцця одпустывъ?
На що винъ Русалымську [4]) справу
Ы грецькій людъ въ опеку взявъ
Ы ажъ у Сыръ-Одарчынъ [5]) къ сплаву
Війска зъ гарматамы послявъ?
Се бачъ, въ земельку винъ Ындычу [6])
На наше безголовье пре!
Отъ тымъ, праньци, вамъ я клычу
Гвалтъ! Турка Билый царь дере!
Якъ бачъ! Безъ спросу Яглычванцивъ
Абдула за чубъ винъ скубе!
Де схопыть—бье винъ бусурманьцивъ
Ы скарбъ ихъ до казны гребе!
Нужъ, праньци, стягнемъ, каже, сылу,
Мы—наши, вы—свои човны,
Да пошлемо ихъ въ Дарданылу
Хай кышкаютъ Москву воны?
Отъ! кышкаютъ воны въ Безыци [7])

---

[1]) Угорская пожога=Венгерскій мятежъ.
[2]) Kark по польски: шея.
[3]) Nie pozmalam—извѣстное liberum veto на шумныхъ сеймахъ.
[4]) Русалымська справа—вопросъ объ Іерусалимѣ и св. мѣстахъ.
[5]) Рѣка Сыръ-Дарья.
[6]) Земелька Ындыча—Индія, откуда и названіе индыкъ.
[7]) Безика=гавань у Дарданелъ.

Кышъ! Москали! А москали
Частуютъ турчына по пыци
Ы бьють на мори й на земли.
Що за прычына! Кажутъ пранци
Ось! Поплывемъ лишъ пидъ Стамбулъ
Ну! Силькось!.. Поплылы у раньци.
На зустричъ выйшовъ имъ Абдулъ.
Здоровъ Абдуле! Що чуваты?
Багацько жъ москаливъ уклавъ?
Щобъ васъ нечыста клала маты?
Своимъ сватамъ Абдулъ сказавъ.
Пидсиклы вже мени вы лыткы
Е чымъ катюгъ васъ помынать!
Стяглы зъ мене усе до ныткы,
Та ще й на глумъ ну! пиднимать!
Объилы городъ волоцюгы,
Шынкы й трактиры обпылы
Ы съ перепою одъ натугы
Кышкы вамъ въ пельку пидплылы [1]).
„Та нубо! нежартуй! розсказуй“!
Яки тутъ жарты? хай вамъ бисъ!
Та вже соби якъ не розмазуй,
За васъ я дулю взявъ пидъ нисъ!
„А якъ же се“? Отъ такъ попросту:
Бебутъ зъ Андронкомъ на земли,
Нахымко давъ на мори хлосту,
А жъ въ голови гудуть чмели!
„А ты жъ намъ що дасы за працю“?
Три вырвы въ шыю, зли сыны!
Та на дорогу глечикъ смальцю
Щобъ швыдче йшлы до сатаны!
Ни се, Абдуле, кепьска справа!
Мы сцупымъ Кандзькій острывокъ“ [2])
„А праньцямъ“? „Въ заробитку слава
Та на дорогу батижокъ“?

---

[1]) Съ какимъ безчинствомъ англійскіе матросы вели себя въ Константинополѣ въ послѣднее время до выхода союзнаго флота ихъ въ Черное море — о томъ неоднократно повторено было какъ въ иностранныхъ, такъ и въ отечественныхъ газетахъ.

[2]) Островъ Кандію, около котораго съ такимъ самоотверженіемъ давно уже ухаживаютъ англійскіе комиссары въ видахъ цивилизаціонной политики Пальмерстона.

Батигъ имъ знадобыцця .й дома
Своимъ гульвисамъ шкуру драть,
Щобъ бунтовать зійшла оскома
Ы туркомъ москаля лякать,
Мени жъ зоставыте вы, псякы,
Хочъ на тютюнъ? Та, ну, не хнычъ!
Мыкола втре тоби кабакы,
А ты поставышъ могарычъ!

20 декабря 1853 г. Харьковъ.

Послѣдній экзаменъ, произведенный мною воспитанницамъ Полтавскаго института въ январѣ и февралѣ 1854 г. (Копія).

У Полтави, въ славномъ мисти [1])
Будынкы биліють;
Въ тыхъ будынкахъ дивчатъ зъ двисти.
Якъ макъ, червоніють.
Вовтузяцця жъ ти дивчата
Та не зъ парубкамы:
На лавочкахъ пташенята
Сыдять надъ кныжкамы!
Зъ стембулкою [2]) въ пальченятахъ
Стыхъ [3]) свій у часловци
Промовляють—ластенята—
Ажъ трыщыть въ головци!
Чогожъ взялысь такъ дивчата
За той стыхъ въ часловци?
Щобъ погладыла ихъ маты
Гарно по головци!
Хто жъ ихъ маты? Хто родына
Объ ихъ печалыцця?
Ихъ родына—Украина,
А ненька—царыця.
Гребе квочка на смитанячку,
Курчатокъ склыкае:
Клыче й ненька сыриточку,
Въ свитлыцяхъ ховае.

---

[1]) Мисто—городъ.
[2]) Стембулка—указка.
[3]) Стыхъ—урокъ.

Няньчыть ін й доглядае,
Одверта, що шкодыть,
Обчисуе й одягае,
До глузду доводыть.
Чкурнувъ почтарь до царыци
З лепортомъ що сылы,
Що панночкы, въ товстій книжци
Вже стыхъ свій довчылы...
Ну! чухрай же й ты, Гулаче,
У Харькивъ, що мога:
Тамъ зъ диткамы жинка плаче,
Жде тебе небога!

XVII.

Памяти проф. А. А. Потебни [1]).

Памяти покойнаго А. А. Потебни посвящена статья проф. Н. Ѳ. Сумцова въ журналѣ „Кіевская Старина“. Н. Ѳ. Сумцовъ спеціально разсматриваетъ этнографическіе труды А. А. Потебни, на которыхъ другіе критики останавливались очень мало. Даже въ „Исторіи русской этнографіи“ А. Н. Пыпина они не оцѣнены съ достаточною полнотою и глубиною; такова его диссертація „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“, таково обширное изслѣдованіе „О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій“; таковы статьи, до сихъ поръ не утратившія своего значенія: о долѣ и о купальскихъ огняхъ, о малорусской пѣснѣ XVI в., о Словѣ о полку Игоревѣ, и о Сборникѣ пѣсенъ Я. Головацкаго (рецензія, составленная по порученію Императорской Академіи Наукъ). Но всѣмъ этимъ еще не исчерпываются этнографическія изслѣдованія А. А. Потебни. Н. Ѳ. Сумцовъ еще не разсматривалъ пока самаго крупнаго изъ его трудовъ „Объясненія малорусскихъ и сходныхъ народныхъ пѣсенъ“ (2-й томъ обнимаетъ 809 страницъ т.-е. болѣе 50 печатныхъ листовъ). Высказывалось мнѣніе, что А. А. Потебня составилъ себѣ славу чисто филологическими работами; но теперь нужно признаться, что очень замѣтный слѣдъ его крупнаго ученаго дарованія остался и въ области этнографическихъ изслѣдованій, особенно болѣе позднихъ; въ такой повидимому спеціальной статьѣ, какъ рецензія на Сборникъ Головацкаго, читатель къ удивленію своему открываетъ цѣлый рядъ глубокихъ философскихъ мыслей о національномъ, денаціонализаціи и т. п. Вотъ основная мысль автора о народности, которая проглядываетъ во всѣхъ его работахъ: „какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были-бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно лучшая народность. Если-бы

---

[1]) Харьков. Губ. Вѣдом. 1892 г., № 54; см. также сборникъ статей „Памяти А. А. Потебни“, изданный Харьков. Истор.-Филол. Обществомъ.

объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было-бы гибельно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди, для народности—другія народности".

„Въ этихъ словахъ" замѣчаетъ Н. Ѳ. Сумцовъ, „заключается примиреніе цивилизаціи и націонализма и сознательное служеніе обоимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни на каѳедрѣ,—во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня—гуманистъ и мыслитель". Если вспомнить, какъ покойный А. А. Потебня глубоко изучилъ и понималъ новыхъ русскихъ писателей, въ особенности Пушкина, котораго онъ считалъ геніальнымъ поэтомъ, если собрать во едино его отзывы о нихъ въ публичныхъ лекціяхъ (тутъ онъ касался Достоевскаго, Тютчева), въ замѣткахъ и письмахъ (напримѣръ объ Одоевскомъ, Л. Толстомъ) и въ особенности въ курсѣ теоріи поэзіи, то придется сознаться, что и въ исторіи русской литературы онъ обладалъ огромною начитанностью и тутъ онъ составилъ себѣ самостоятельное мнѣніе о ея важнѣйшихъ представителяхъ. Свой интересъ къ малорусской литературѣ онъ достаточно выразилъ изданіемъ сочиненій Г. Ѳ. Квитки и публичною лекціей въ день его юбилея. Не говоримъ о философіи и исторіи искусства, съ которыми онъ былъ знакомъ весьма основательно. Спрашивается, неужели послѣ этого можно считать А. А. Потебню узкимъ спеціалистомъ, не выходившимъ изъ тѣснаго круга грамматическихъ изученій. Нѣтъ, это былъ европейскій ученый и европейски образованный человѣкъ, направившій всю свою ученость и образованіе на развитіе русской науки; спеціальныя изученія у него органически соединялись съ широкими научными горизонтами; симпатіи къ своей родинѣ и народности—съ уваженіемъ къ европейской цивилизаціи.

XVIII.

Изъ жизни Харьковскаго Университета въ началѣ XIX-го вѣка [1]).

I.

Въ настоящее время много говорится о необходимости общенія профессоровъ со студентами, о ненормальности того порядка вещей, при которомъ и тѣ, и другіе являются отдѣльными посѣтителями университета. Вопросу о развитіи практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ придаютъ нынѣ такое значеніе, какъ будто раньше ничего подобнаго никогда не было. Многіе убѣждены, что практическія занятія составляютъ только принадлежность медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ. Въ дѣйствительности же, они всегда были и на историко-филологическихъ, и на юридическихъ факультетахъ, то усиливаясь, то ослабляясь и видоизмѣняя свои формы. Да и вообще ближайшее ознакомленіе съ исторіей русскихъ университетовъ (къ сожалѣнію, столь мало разработанной) привело бы насъ къ убѣжденію, что многія мѣры, представляющіяся новыми, на дѣлѣ уже практиковались много раньше и приносили несомнѣнную пользу, но, по отсутствію у насъ исторической традиціи, основательно нами забыты. Во всѣхъ университетахъ общественная жизнь студентовъ имѣла свою долгую, можно сказать, безпрерывную исторію, которую желательно было бы возсоздать, какъ по письменнымъ матеріаламъ, такъ, въ особенности, по живымъ воспоминаніямъ бывшихъ дѣятелей. Изъ этихъ любопытныхъ историческихъ справокъ можно было бы убѣдиться, что поднятый нынѣ вопросъ о студенческихъ организаціяхъ, преслѣдующихъ цѣли матеріальной самопомощи, умственнаго, нравственнаго и эстетическаго самообразованія и саморазвитія, имѣетъ прочные и глубокіе корни въ прошлой жизни русскаго студенчества, и, слѣдовательно, теперь приходится не созда-

[1]) Вѣстникъ Европы 1902 г., февраль, стр. 628—649.

вать новое, а воскрешать старое, которое чаще всего умирало не отъ недостатка жизненныхъ силъ, а отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Не опираясь на прямое разрѣшеніе закона, не пользуясь часто и нравственнымъ руководительствомъ профессоровъ, будучи только терпимы, эти учрежденія не могли пріобрѣсти той устойчивости, которою бы они обладали при соблюденіи этихъ условій. Отсюда ихъ сравнительная недолговѣчность и кажущаяся непрочность. Однако, если обратить вниманіе на то, что несмотря на массу неблагопріятныхъ обстоятельствъ и препятствій, студенческія организаціи все-таки, въ тѣхъ или иныхъ формахъ, почти безпрерывно существовали во всѣхъ русскихъ университетахъ, то невольно нужно будетъ придти къ убѣжденію, что онѣ вызываются неопредолимыми жизненными потребностями и составляютъ законную и необходимую принадлежность студенческой жизни. Само собою разумѣется, что формы организаціи видоизмѣнялись и должны видоизмѣняться въ связи съ потребностями времени и условіями жизни; но, повторяемъ, общія задачи—удовлетвореніе матеріальныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ запросовъ учащейся молодежи—оставались неизмѣнными въ продолженіе всего столѣтія. Приведемъ въ доказательство этого нѣсколько примѣровъ изъ исторіи Харьковскаго университета, которою мы спеціально занимаемся: такіе же примѣры, безъ сомнѣнія, найдутся и въ исторіяхъ другихъ русскихъ университетовъ.

II.

Вторая половина царствованія императора Александра I-го представляетъ одну изъ печальнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскихъ университетовъ. Тяжелая реакція нависла тогда надъ Россіей, охватила всѣ стороны общественной жизни и особенно чувствительно отзывалась на университетахъ. Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ мистикъ кн. А. Н. Голицынъ. Магницкій и Руничъ совершали разгромъ Казанскаго и Петербургскаго университетовъ. Въ Харьковскомъ университетѣ насаждали реакцію, обскурантизмъ и мистику на религіозно-нравственной подкладкѣ попечители округа Захарій Яковлевичъ и Егоръ Васильевичъ Карнѣевы. Краса и гордость Харьковскаго университета, свѣтило математическаго факультета, ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій былъ удаленъ отъ должности, а его мѣсто занялъ покорное орудіе попечителя, бездарный Джунковскій. Поддѣлываясь подъ тенденціи министра, стоявшаго во главѣ библейскаго общества, попечитель З. Я. Карнѣевъ стремился и въ Харьковѣ открыть отдѣленіе этого общества и чисто внѣшними, частью поощрительными, частью прину-

дительными мѣрами насадить здѣсь религіозно-нравственное направленіе среди учащихъ и учащихся. Само собою разумѣется, что *такими* средствами благочестіе не было насаждено, но были искусственно созданы учрежденія, долженствовавшія служить его внѣшнимъ выраженіемъ— „Библейское общество“ у студентовъ и подобное же у воспитанниковъ гимназіи. Члены этихъ обществъ дѣлали денежные взносы и произносили соотвѣтственнаго содержанія рѣчи; иные сочиняли даже приличные случаю стихи. Въ 1822 году, въ студенческомъ библейскомъ сотовариществѣ числилось 98 членовъ, а въ 1823 году—159; денежныхъ взносовъ было 226 и 615 рублей. Собираемыя суммы отправлялись въ комитетъ „Слободско-украинскаго отдѣленія библейскаго общества“ и на нихъ пріобрѣталась библія. На „генеральномъ“, т.-е. общемъ собраніи членовъ студенческаго библейскаго сотоварищества, въ 1823 году, произнесены были слѣдующія рѣчи: студентомъ Сапфировымъ—„О важности библейскихъ собраній“; студентомъ Протопоповымъ—„О важности евангельскаго ученія“, и секретаремъ общества—отчетъ; въ члены его пожелали вступить попечитель округа и ректоръ харьковскаго коллегіума, архимандритъ Тимоѳей; для болѣе успѣшнаго веденія дѣлъ, кромѣ прежнихъ, избраны еще два новыхъ директора—кандидатъ Николай Корсунъ и студентъ Михаилъ Шевичъ; въ заключеніе, прочитано было Евангеліе.

Казалось, что Общество процвѣтаетъ и развивается; но это только казалось... Библейскія общества преслѣдовали высокую цѣль—распространеніе книгъ священнаго Писанія, между прочимъ и на русскомъ языкѣ. Но распространяли они свою дѣятельность посредствомъ настойчивой рекомендаціи, исходящей отъ князя А. Н. Голицына; внутренней силы и жизнеспособности они не имѣли. Тогдашній Харьковскій епископъ Павелъ оффиціально свидѣтельствовалъ духовному начальству, что и общество, и даже духовенство, имъ не сочуствовало. Да и въ самомъ дѣлѣ: для прочнаго успѣха общественнаго дѣла необходимо сознательное отношеніе и внутреннее влеченіе къ нему; а спрашивается: можно ли было разчитывать на нихъ у воспитанниковъ гимназіи? Не было того, очевидно, и въ студенческомъ библейскомъ сотовариществѣ, ибо возникло оно не по иниціативѣ самихъ студентовъ, не по внутренней потребности ихъ, а по воздѣйствію учебнаго начальства, которое и потомъ поддерживало и поощряло его существованіе, покровительствуя лицамъ, стоявшимъ во главѣ его. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, когда покровительство прекратилось, оно уже никогда не возрождалось, и единственнымъ воспоминаніемъ о немъ была недоимка, взыскивавшаяся, нѣсколько лѣтъ спустя, съ его директоровъ за неоплаченныя ими книги священнаго Писанія.

III.

Въ ноябрѣ 1823 года студенты харьковскаго университета, черезъ адъюнкта русской словесности Склабовскаго, подали ректору прошеніе, въ которомъ изъявили желаніе составить *„Общество любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ“*. Попечитель Е. В. Карнѣевъ, разсмотрѣвъ проектъ устава этого общества, составленный адъюнктомъ Склабовскимъ, нашелъ, что его нужно назвать *„Студенческимъ сотовариществомъ Общества наукъ при харьковскомъ университетѣ“*, и поставить подъ непосредственное руководство и наблюденіе этого общества, которое должно будетъ разсмотрѣть его уставъ и сдѣлать на него свои замѣчанія. Съ своей же стороны, попечитель находилъ нужнымъ, во-первыхъ, чтобы въ каждомъ засѣданіи „Сотоварищества“ поперемѣнно присутствовалъ одинъ или два члена общества наукъ изъ его университетскихъ членовъ; во-вторыхъ, прежде открытія его поручить, кому слѣдуетъ, узнать о способностяхъ и свойствахъ студентовъ, желающихъ вступить въ члены, и допускать туда только достойнѣйшихъ, подъ отвѣтственностью директоровъ сотоварищества; въ-третьихъ, установить правило, чтобы студенты, отличавшіеся своими трудами въ сотовариществѣ, поступали въ сотрудники общества наукъ; и въ-четвертыхъ, наконецъ, чтобы болѣе состоятельные члены сотоварищества оказывали ему нѣкоторую денежную помощь для составленія библіотеки и погашенія необходимыхъ мелкихъ расходовъ.

Общество наукъ (въ составъ котораго входили, главнымъ образомъ, профессора университета), разсмотрѣвъ уставъ сотоварищества, съ своей стороны постановило—студенческаго сотоварищества къ обществу наукъ не присоединять, а поставить ему въ обязанность ежемѣсячно сообщать послѣднему о ходѣ своихъ занятій.

Правила студенческаго сотоварищества были въ общихъ чертахъ таковы. Оно составлялось на основаніи § 9-го устава 1804 года, предусматривавшаго образованіе при университетѣ ученыхъ обществъ для занятія словесностью и опытными науками. Мотивы для его возникновенія были формулированы такъ: „Кандидаты и студенты университета будутъ совершенствоваться въ словесности посредствомъ дружескаго безпристрастнаго разбора какъ собственныхъ, такъ и чужихъ сочиненій; общество это, познакомивъ членовъ другъ съ другомъ и показавъ имъ одну общую цѣль, можетъ скорѣе раскрыть ихъ способности, возбудить соревнованіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія болѣе основательныхъ познаній въ отечественномъ языкѣ, пріохотить къ ученымъ занятіямъ и удовольствіямъ, ими доставляемымъ, пріучить предпочитать ихъ обыкновеннымъ

вѣтскимъ забавамъ, утомляющимъ чувства и оставляющимъ въ душѣ пустоту; оно можетъ доставить студентамъ особую честь и лестное одобреніе просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людей, привыкшихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ смотрѣть на общую пользу отечества и предпочитать ее частнымъ выгодамъ. Общество намѣрено лучшія и наиболѣе обработанныя по древнимъ и новѣйшимъ образцамъ сочиненія своихъ членовъ печатать въ журналѣ, издаваемомъ университетомъ, а съ умноженіемъ числа ихъ—и отдѣльными книгами. Выручка отъ продажи этихъ изданій, а равно и всѣ суммы, которыя останутся за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ по обществу, назначаются на вспомоществованіе такихъ учениковъ уѣздныхъ училищъ и гимназій, и студентовъ, которые, при недостаточности состоянія, будутъ отличаться дарованіями, успѣхами, поведеніемъ и склонностью къ наукамъ, въ особенности къ русской словесности и древнимъ языкамъ".

Общество должно было состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ попечителя округа и могло избирать еще особыхъ своихъ попечителей изъ лицъ, способствовавшихъ его благосостоянію и пользамъ. Попечители получали выписи изъ журналовъ общества, а ежегодные отчеты, сверхъ того, представлялись черезъ ректора попечителю округа, который сообщалъ о нихъ министру народнаго просвѣщенія. Члены раздѣлялись на дѣйствительныхъ, почетныхъ, сотрудниковъ, корреспондентовъ и благотворителей. Дѣйствительные члены избирались изъ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ, какъ находившихся въ вѣдомствѣ университета, такъ и выбывшихъ изъ него, съ условіемъ, чтобы они любили русскую словесность и желали содѣйствовать задачамъ общества. Адъюнкты университета, по желанію своему, подтвержденному согласіемъ общества, могли получить званіе его дѣйствительныхъ членовъ. Избраніе производилось по предложенію одного изъ членовъ, который долженъ былъ представить оригинальное либо переводное сочиненіе кандидата или вообще доказательства его познаній въ отечественной словесности; извѣстные начальству своими дарованіями, успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ могли приниматься и безъ этого удостовѣренія. Каждый дѣйствительный членъ обязанъ былъ ежемѣсячно представить по крайней мѣрѣ одно прозаическое или стихотворное произведеніе; лицо не представившее въ теченіе мѣсяца никакого сочиненія и не сообщившее о своихъ занятіяхъ или не явившееся безъ уважительной причины въ теченіе мѣсяца въ засѣданіе общества, исключалось изъ числа членовъ его. Почетные члены не несли никакихъ особыхъ обязанностей по обществу, а могли оказывать ему пользу своими совѣтами, пожертвованіями и сочиненіями. Въ члены-сотрудники

могли поступать студенты, не желавшіе принимать на себя обязанностей дѣйствительныхъ членовъ или не могшіе удовлетворить предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, а равно воспитанники гимназій и благородныхъ пансіоновъ; предполагалось, что вниманіе общества къ развивающимся талантамъ молодежи возбудитъ въ нихъ особенное усердіе къ отечественной словесности и откроетъ путь къ дальнѣйшему усовершенствованію для пользы отечества. Члены-сотрудники могли переходить въ категорію дѣйствительныхъ членовъ. Въ члены-корреспонденты могли избираться учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа. Главная ихъ обязанность должна была состоять въ присылкѣ своихъ и чужихъ трудовъ историческаго, статистическаго и экономическаго характера, касающихся Украйны и вообще губерній, входящихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа; кромѣ того, они принимали на себя заботу о распространеніи изданій общества и привлеченіи къ нему благотворителей. Члены-благотворители брали на себя обязанность дѣлать пожертвованія книгами и деньгами, такъ какъ безъ такой матеріальной помощи, какъ извѣстно, ни одно ученое общество не можетъ имѣть продолжительнаго и прочнаго существованія. Размѣръ пожертвованій не опредѣлялся. Любовь къ просвѣщенію, говорилось въ проектѣ, и благороднѣйшее желаніе оказывать необходимую помощь ищущимъ его должны опредѣлять мѣру благотворенія, и потому всякое пожертвованіе будетъ приниматься съ благодарностью; имена благотворителей будутъ вноситься въ особую книгу для сохраненія о нихъ памяти и при изданіи трудовъ общества будутъ напечатаны съ обозначеніемъ ихъ пожертвованія; затѣмъ черезъ попечителя округа объ этомъ будетъ доводиться до свѣдѣнія министра. Предсѣдатель избирался по большинству голосовъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества и утверждался по представленію ректора попечителемъ округа. Кромѣ того, для большаго успѣха въ своей дѣятельности, общество избирало еще нѣсколькихъ директоровъ изъ членовъ, наиболѣе преуспѣвшихъ въ какой-либо отрасли наукъ или языкахъ. Директоры должны были руководить малоопытными членами и сотрудниками въ выборѣ темъ для сочиненій и лучшемъ изложеніи матеріала. Кромѣ того, общество избирало временнаго предсѣдателя и секретаря. Казначей принималъ денежныя суммы, велъ кассовую книгу и давалъ обществу о нихъ ежемѣсячные отчеты; каждое полугодіе общество ревизовало казначея черезъ особыхъ ревизоровъ. Библіотекарю поручалась библіотека, которая должна была составиться частью путемъ пожертвованій, частью покупкою книгъ и періодическихъ изданій, которымъ предполагали вести подробный реестръ. Библіотекою могли пользоваться всѣ

члены общества. Переписку общество имѣло право вести при посредствѣ университета.

Главная задача общества должна была состоять въ критическомъ разборѣ и изданіи оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, относящихся къ изящной словесности и словеснымъ наукамъ, а частью и къ другимъ отраслямъ знаній при условіи, чтобы они были написаны чистымъ, вразумительнымъ и пріятнымъ языкомъ, такъ какъ особенное вниманіе общество желало обращать на слогъ; на первомъ планѣ стояли произведенія русскихъ писателей и особенно поэтовъ. Засѣданій должно было быть не менѣе четырехъ въ мѣсяцъ, за исключеніемъ вакаціоннаго времени,—преимущественно въ праздничные и воскресные дни. Порядокъ для разбора сочиненій предполагался такой; сперва сочинитель или переводчикъ медленно и внятно читаетъ свою работу, чтобы каждый могъ замѣтить или записать неправильности или неясности содержанія или изложенія; затѣмъ, всѣ поочередно представляютъ свои мнѣнія въ скромной и благопристойной формѣ доказательства ихъ; наконецъ, предсѣдатель собираетъ голоса, при чемъ для полученія большинства требуется $^2/_3$ ихъ. Исправивъ сочиненіе, согласно сдѣланнымъ въ обществѣ замѣчаніямъ, авторъ возвращаетъ его секретарю. Въ случаѣ накопленія большого количества работъ, ихъ разсматриваетъ особый комитетъ изъ предсѣдателя, директоровъ и секретаря, сообщающій о своихъ заключеніяхъ обществу. Во время засѣданій должна быть соблюдаема строжайшая благопристойность и скромность, и потому запрещаются разговоры о дѣлахъ, не относящихся къ обществу, жаркіе споры, а въ особенности колкія слова, оскорбительныя выраженія и насмѣшки, относящіяся къ личности сочинителя. За исполненіемъ этого правила долженъ наблюдать предсѣдатель, имѣющій право, въ случаѣ надобности, закрыть засѣданіе; нарушившіе это правило, послѣ троекратнаго напоминанія, исключались изъ состава членовъ. Одинъ или два раза въ полугодіе должно быть торжественное засѣданіе, на которое приглашаются и посторонніе любители просвѣщенія.

Уставъ этотъ, не трудно видѣть, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ—излишнюю регламентацію. Едва-ли, напримѣръ, сдѣдовало вносить требованіе, чтобы дѣйствительные члены общества доставляли ежемѣсячно по одному сочиненію—это требованіе было прямо-таки неисполнимо; кромѣ того, онъ отличался широтою своихъ плановъ и программы. Но въ немъ пріятно поражаетъ насъ связь, которая устанавливалась имъ между студенческимъ и профессорскимъ обществомъ наукъ, между студентами, кандидатами, магистрами, разсѣянными въ округѣ, и профессорами. Очевидно, здѣсь нужно видѣть благодѣтельное

дѣйствіе университетскаго устава 1804 года, установившаго тѣсное общеніе между высшей, средней и низшей школой.

IV.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ на практикѣ осуществлялся этотъ уставъ. Извѣстно однако, что у студентовъ Харьковскаго университета было сильно развито стремленіе къ литературной дѣятельности. Литературные вкусы и стремленія усвоивались въ подготовительныхъ къ университету школахъ. Еще незабвенный виновникъ основанія Харьковскаго университета Василій Назарьевичъ Каразинъ собралъ и представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія цѣлую коллекцію поэтическихъ произведеній питомцевъ главнаго народнаго Харьковскаго училища, преобразованнаго потомъ въ гимназію. Воспитанники Харьковскаго коллегіума, поступавшіе въ большомъ числѣ въ студенты Харьковскаго университета, также отличались своими склонностями и способностями къ отечественной словесности. Въ Харьковѣ напечатанъ былъ тогда цѣлый сборникъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній воспитанниковъ благороднаго пансіона Коваленкова. Университетскіе преподаватели русской словесности—сначала извѣстный И. С. Рижскій, потомъ И. Е. Срезневскій—имѣли сильное вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій у своихъ слушателей. Преподаваніе словесности состояло тогда, главнымъ образомъ, въ изложеніи реторики и піитики, т.-е. теоріи прозы и поэзіи, и сопровождалось не только разборомъ поэтическихъ образцовъ, но и составленіемъ самостоятельныхъ опытовъ. Среди студентовъ господствовала, можно сказать, страсть къ стихотворству, носившая эпидемическій характеръ—всѣ съ увлеченіемъ стремились на Парнасъ и пробовали свои силы въ различныхъ отрасляхъ поэзіи. Огромное большинство этихъ „поэтовъ“, конечно, не обладало никакими художественными дарованіями, и ихъ сочиненія не появлялись въ печати. Но была въ этомъ движеніи, при всей крайности его, и хорошая сторона. Во-первыхъ, молодежь все-таки устремлялась отъ будничныхъ интересовъ къ чему-то несравненно болѣе высокому—въ область поэзіи. Во-вторыхъ, при такомъ настроеніи никакъ не могло уже заглохнуть истинное дарованіе: поэтическій талантъ развивался съ раннихъ лѣтъ, благодаря теоретическому знакомству съ піитикой, а также и изученію художественныхъ образцовъ, и благодаря, наконецъ, литературнымъ опытамъ, находившимъ компетентную оцѣнку у преподавателей. Несомнѣнно, что И. С. Рижскій оказалъ вліяніе на развитіе литературнаго

таланта у студента Нахимова, который сдѣлался еще въ университетѣ извѣстнымъ поэтомъ и пріобрѣлъ скоро славу одного изъ наиболѣе выдающихся тогдашнихъ русскихъ сатириковъ. Въ „Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ напечатаны три басни Нахимова: „Живописецъ“, „Молодой орелъ“, „Пѣснь лужѣ“. Чтобы дать понятіе о его талантѣ, приведемъ первую басню:

Былъ живописецъ славный
Рафаилу въ искусствѣ равный,
И очень, очень не дуракъ;
Но сердцемъ жалкій былъ простакъ—
Ужъ до того онъ совѣсти держался,
Что даже знатнымъ льстить боялся!
А кто сіе почтетъ за грѣхъ?
Спросите вы у всѣхъ!
Сей добрый человѣкъ хотѣлъ себя прославить
И чѣмъ же? Вздумалъ онъ представить
Пороки всѣхъ и глупости людей.
Судя по мастерству, онъ сущій чародѣй!
Нельстива кисть его, что ни изобразила—
Одушевила!
Картину кончивши, тотчасъ
Онъ выставилъ ее народу напоказъ;
Но лишь ее узрѣли,
Кокетки обомлѣли;
У плута волосъ дыбомъ сталъ,
Лжецъ трепеталъ,
Грызть ногти началъ скряга,
Грозилъ указами сутяга,
Кобенился предъ живописцемъ франтъ,
И Катилиною назвалъ его педантъ!
Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,
Порочные кричатъ художнику съ презрѣньемъ;
— „Ты пасквиль написалъ,
Честь нашу обругалъ;
Въ картинѣ сей смѣяться ты хотѣлъ надъ нами“,
Художникъ отвѣчалъ:
— „Я глупость и порокъ изобразить желалъ,
А васъ не трогалъ я, да васъ я и не зналъ;
Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,

Когда красавцы вы душою“?
Но мастеръ сей не могъ себя тѣмъ оправдать,
Хоть умные его взялися защищать,
Но ихъ немного было,
И все витійство ихъ глупцовъ не убѣдило—
Художникъ отданъ былъ подъ судъ,
Который сжечь велѣлъ его прекрасный трудъ.
Такъ будетъ всякому, кто только даръ имѣетъ
И льстить пороку не умѣетъ.

Извѣстно, какое значеніе придавали тогда степенямъ, чинамъ и отличіямъ (проф. Паки де-Совиньи повѣсилъ свой докторскій дипломъ подъ зеркаломъ). Нахимовъ же полученіе своего кандидатскаго диплома описалъ въ слѣдующемъ шуточномъ стихотвореніи, проникнутомъ добродушной ироніей.

Къ перу! Излей восторгъ и радость опиши!
За римѳой римѳа вслѣдъ, стихъ за стихомъ спѣши!
Десницей мощною ученаго сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ,
Петлицъ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на степени высокой кандидата!
И слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!
Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода? [1])
Невѣжды, прочь! А ты, Дедаловъ правнукъ, Блюмъ [2]),
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И—что всего важнѣй—толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

Такимъ образомъ, сатира Нахимова внесла въ тогдашнюю литературу сильную струю критицизма, служившую прекраснымъ дополненіемъ и коррективомъ къ господствовшему тогда направленію, выражавшемуся чаще всего въ диѳирамбѣ. Такой же духъ сатиры вынесъ изъ универ-

---

[1]) Онъ былъ напечатанъ на латинскомъ языкѣ.

[2]) Извѣстнѣйшій въ Харьковѣ столяръ, который былъ вывезенъ туда изъ Петербурга для университета В. Н. Каразинымъ.

ситета и другой харьковскій студентъ извѣстный впослѣдствіи баснописецъ Масловичъ.

Въ „Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народного просвѣщенія“, кромѣ басенъ Нахимова, помѣщены еще слѣдующія сочиненія харьковскихъ студентовъ: 1) „Эстетическія замѣчанія на 17-й псаломъ“—Розальона-Сошальскаго; 2) „Гостомыслъ“—Архангельскаго, и 3) „Объ искусствѣ краснорѣчія“—Токарева. Нашествіе Наполеона и взятіе Москвы вызвали появленіе въ свѣтъ сочиненія студента Павлова: „Отзывъ о патріотизмѣ русскихъ“. Студентъ Парпура издалъ въ Харьковѣ „Похвальное слово Александру Невскому“. Кандидатъ Одинецъ-Заставскій перевелъ съ французскаго языка твореніе Демутьера—„Утѣшенія“. Въ 1811 году вышелъ въ свѣтъ сборникъ студенческихъ работъ подъ заглавіемъ: „Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ“, со статьями прозаическаго и стихотворнаго содержанія, касающимися преимущественно Донской области. Здѣсь мы находимъ статьи: „Описаніе мѣстопребыванія и свойства казаковъ войска донского“; „Зрѣлище во время открытія порта въ Таганрогѣ“, и рядъ стихотвореній; среди нихъ самое лучшее: „Во снѣ и на яву“. Вотъ его текстъ:

Во пологѣ тонкомъ, луной позлащенномъ,
На сельскомъ балконѣ, на югъ обращенномъ,
Роскошно цвѣтами обставленъ вокругъ,
Игрой соловья услаждая мой слухъ,
Безпечно въ пріятныхъ мечтахъ засыпаю.
Мнѣ снится—на славномъ пиру я гуляю;
Межъ зеркальныхъ стѣнъ, на столахъ дорогихъ
Тамъ вина алѣютъ въ ковшахъ золотыхъ,
Тамъ сласти стоятъ расцвѣченой горою.
Здѣсь ханскаго чаю подносъ предо мною,
И сахаромъ сочный посыпанъ лимонъ;
Тутъ нимфы кружатся, тамъ слышенъ бостонъ,
Но мигъ! Все исчезло—и пышны уборы,
И винны каскады, и звонкіе хоры;
Лишь слышу какъ въ мельницѣ жерновъ гудитъ,
Какъ шумный ручей по колесамъ бѣжитъ на чотку
И плещетъ по щелямъ отъ чотки.

Само собою разумѣется, что художественное достоинство этихъ произведеній должно быть признано очень скромнымъ даже съ точки зрѣнія литературныхъ требованій *того* времени; у насъ же они мо-

гутъ вызвать только улыбку. Если сравнить эти стихотворенія съ тѣми, которыя напечатаны, напримѣръ, въ харьковскомъ студенческомъ сборникѣ нашего времени, то между ними окажется цѣлая пропасть. Нельзя, однакоже, упускать изъ виду общаго невысокаго уровня тогдашней поэзіи; главное, на эти труды нужно смотрѣть какъ на первые шаги, какъ на упражненія и опыты. И можно съ удовольствіемъ отмѣтить тотъ фактъ, что такіе опыты непрерывно продолжались и впослѣдствіи. Въ 1817 году вышла книга: *„Сочиненія студентовъ и вольнослушателей Харьковскаго университета“*, гдѣ были помѣщены слѣдующія статьи—1) Склабовскаго, „Разсужденіе объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія къ поправленію оной“; 2) Ник. Бѣлозерскаго, „О любви къ отечеству“; 3) Литвинова, „Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ“; 4) Бразоля, „Воспоминаніе о родинѣ“; 5) Пономарева, „Воображеніе“; 6) Сафонова, „Объ истинномъ счастіи“; 7) Нестеровскаго, „Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ“; Здѣсь уже царитъ проза и научныя статьи; первая изъ этихъ работъ вызвала порицаніе министерства кн. А. Н. Голицына за увлеченіе философіей въ ущербъ религіи. Кстати замѣтимъ, что это былъ тотъ самый Склабовскій, который впослѣдствіи игралъ руководящую роль въ студенческомъ библейскомъ обществѣ, а потомъ былъ авторомъ проекта объ учено-литературномъ кружкѣ; замѣчанія министра и попечителя не прошли для него безслѣдно—онъ ихъ принялъ къ точному исполненію, оставилъ въ покоѣ всякую мудрость философіи, и обнаруживалъ большое внѣшнее усердіе къ религіи. Въ 1818 году были напечатаны *„Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета“* со статьями Пафнутьева („О цѣли ученія“); Склабовскаго („Историческій взглядъ на Россію отъ основанія монархіи до порабощенія ея татарами“); Назарьева („О соревнованіи“); Левицкаго („О развитіи нравственнаго чувства“); Бѣлоусова („Послѣднія минуты Демосѳена“), Склабовскаго („De felicitate hominis“). и стихотвореніями Склабовскаго, Шкляревича, Дыздерева, Петрова, Бѣлозерскаго. Въ 1821 году опять вышли въ свѣтъ *„Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета“*, и тамъ были помѣщены слѣдующія статьи: 1) Дружкевича, „Разсужденіе о возрожденіи“; 2) Алаторцева, „Объ отношеніяхъ между словесностью и науками“ (пер. съ франц.); 3) Севастьянова, „Разборъ псалма 65“; 4) Протопопова, „О краснорѣчіи“ (пер. изъ Блэра); 5) Золотарева, „Рѣчь, произнесенная при открытіи студенческаго библейскаго сотоварищества“; 6) Карасева, ода—„Міръ“; 7) Севастьянова, „Клятва Мессіи и обѣтъ Бога изъ Мессіяды Клоп-

штока“ (стих.); 8) Неизвѣстнаго, „Храмъ смерти“, подражанія Нарушевичу (стих.); 9) Петровскаго, „Смерть Патрокла“. Отрывокъ изъ Иліады (вольный пер.)

Любопытно, что послѣ этого печатныхъ трудовъ студентовъ мы уже не видимъ. Изъ этого можно вывести заключеніе, что студенческое сотоварищество не печатало своихъ рефератовъ отдѣльными изданіями. Очевидно также, что оно само было вызвано къ жизни научно-литературнымъ движеніемъ, существовавшимъ у Харьковскихъ студентовъ до 1823 года. Въ концѣ царствованія имп. Александра 1-го и въ началѣ царствованія имп. Николая Павловича не было благопріятныхъ данныхъ для свободнаго развитія научно-литературной дѣятельности у студентовъ. Да и само „Общество наукъ“, подъ протекторатъ котораго было поставлено студенческое сотоварищество, послѣ 1817 года не печатало своихъ трудовъ. Съ другой стороны, извѣстія объ учено-литературной дѣятельности университета въ 1824—1826 г.г. находили себѣ мѣсто въ „Украинскомъ Журналѣ“, издававшемся подъ редакціей Склабовскаго, занявшаго должность адъюнкта при университетѣ.

На содержаніи трехъ вышеуказанныхъ студенческихъ сборниковъ мы здѣсь останавливаться не будимъ. Скажемъ только, что и научныя статьи въ нихъ, какъ въ болѣе раннемъ, разсмотрѣнномъ нами прежде, сборникѣ, проникнуты литературнымъ, а не научнымъ складомъ. Прибавимъ къ этому, что одинъ изъ самыхъ энергичныхъ участниковъ этихъ сборниковъ—Склабовскій—сдѣлался виднымъ мѣстнымъ литераторомъ, а другой—студентъ Харьковскаго университета, Алексѣй Левшинъ—въ 1816 г. напечаталъ сочиненіе „Письма изъ Малороссіи“, которое обратило на себя вниманіе въ краѣ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что научно-литературное движеніе среди профессоровъ Харьковскаго университета, достигшее наибольшаго процвѣтанія въ первое десятилѣтіе существованія университета, дало толчокъ къ образованію среди студентовъ такихъ же стремленій,—и эти послѣднія нашли себѣ выраженіе первоначально въ изданіи студенческихъ научно-литературныхъ сборниковъ, а потомъ—въ образованіи на этой почвѣ научно-литературнаго кружка.

То же благотворное взаимодѣйствіе профессорской и студенческой среды привело, какъ мы увидимъ, къ общенію между ними на чисто научной почвѣ.

V.

Необходимость общенія профессоровъ со студентами ясно сознавалась и при дѣйствіи перваго университетскаго устава 1804 года.

Любопытнымъ памятникомъ въ этомъ отношеніи является „Проектъ ученыхъ собесѣдничествъ между студентами и преподавателями“ 1835 года, съ содержаніемъ котораго мы теперь и познакомимъ читателей. Происхожденіе его таково. Тогдашній попечитель округа, гр. Ю. А. Головкинъ, обратился въ совѣтъ университета, 10-го октября, съ такимъ предложеніемъ. „Обращая вниманіе на учебную часть университета и замѣчая малое упражненіе разсудка учащихся и чрезвычайное обремененіе ихъ памяти, которая не можетъ быть достаточна для образованія ума, я нахожу весьма полезнымъ, независимо отъ обыкновеннаго теченія лекцій, назначить бесѣды студентовъ съ гг. профессорами и преподавателями, цѣль коихъ заключается въ томъ, чтобы преподаватель могъ короче ознакомиться съ познаніями и умственными способностями своихъ слушателей, изощрялъ бы ихъ разсудокъ, дѣлился бы съ нимъ богатствомъ своихъ свѣдѣній и опытности и пр. Предметомъ же таковыхъ бесѣдъ могутъ быть науки, преподаваемыя въ университетѣ, чтеніе лучшихъ авторовъ, разборъ и критика сочиненій и т. п. А потому предлагаю совѣту университета назначить для этого рода занятій удобное время и мѣсто такъ, чтобы бесѣды эти не затрудняли обыкновеннаго хода лекцій, о чемъ и донести мнѣ“. Черезъ нѣсколько времени попечитель отправилъ въ совѣтъ самый проектъ о „собесѣдничествѣ“ и предложилъ привести его въ исполненіе съ 1-го ноября.

Вотъ подлинный текстъ этого любопытнаго проекта:

„Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ образовательной системы нашего публичнаго воспитанія заключается въ маломъ упражненіи благороднѣйшей познавательной способности, т.-е. *разсудка*, при чрезвычайномъ обремененіи памяти. Этотъ недостатокъ замѣченъ мною вообще не въ однихъ низшихъ училищахъ, но и въ самомъ университетѣ.

Университетъ, какъ высшее образовательное учрежденіе, предполагаетъ высшую сферу не одного ученія, но и формъ его. Формы университетскаго ученія должны отличатся отъ формъ всякаго другого образованія характеромъ тѣснѣйшаго сочетанія души наставника съ душою его слушателя. Къ этому благотворному сочетанію предрасполагаютъ ихъ нѣкоторымъ образомъ и достоинство мѣста, ихъ соединяющаго, и сама природа: первое предполагаетъ важность и обширность предмета, на немъ излагаемаго; вторая предполагаетъ слушателя, по развитію его возраста и умственныхъ способностей стоящаго уже болѣе или менѣе въ уровень важностью предмета его ученія.

Формы университетскаго—лекціоннаго собесѣдничества со слушателями, касательно внутренняго достоинства, отличаясь отъ гимнази-

ческихъ плановъ, размѣромъ, духомъ и точками зрѣнія, относительно внѣшняго выполненія стоятъ въ одной категоріи съ гимнизическими: то же безмолвно-напряженное вниманія слушателя въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ! Такъ называемыя *репетиціи*, при всей ихъ необходимости, какъ средства ознакомленія профессора со студентами, измѣняя нѣсколько форму отношеній его къ слушателямъ, никогда не въ состояніи будутъ замѣнить пользу другого, лучшаго способа этихъ отношеній, т.-е. прямаго собесѣдничества наставника съ его слушателями. Что касается до университетскихъ экзаменовъ, то заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ времени для всѣхъ факультетовъ, они никогда не допустятъ другого способа оцѣнки дарованій, кромѣ мнемоническаго: болѣе или менѣе счастливая память, болѣе или менѣе присутствія духа и быстроты въ отвѣтахъ, всегда или почти всегда бываютъ достаточны къ опредѣленію степени успѣховъ молодого человѣка, къ рѣшенію, такъ сказать, будущей его участи, безъ отношенія къ его умственнымъ способностямъ. Если къ этому присовокупить еще понятіе о сціэнтифическомъ бытѣ вообще нашей университетской молодежи, оставленной на собственный учебный и ученый произволъ, внѣ университетскихъ аудиторій,—молодежи, мало читающей, еще менѣе размышляющей и и побуждаемой къ размышленію, то и удивляться нечему, что большая ея часть, только съ наступленіемъ времени экзаменовъ, торопливо принимается за книги, записки и тетради, и, принимаясь за нихъ торопливо, безъ запаса собственныхъ сужденій о пройденныхъ въ курсѣ предметахъ ученія, естественно подвергаетъ затверживанію ихъ одной ремесленной, такъ сказать, выдѣлкѣ памяти.

„Въ устраненіе такихъ недостатковъ, на которые указалъ я только намекомъ, весьма желательно было бы мнѣ, чтобы и профессора и вообще университетскіе преподаватели учредили, каждый по своему предмету, непосредственныя взаимныя собесѣдничества съ ихъ слушателями, независимо отъ обыкновеннаго теченія ихъ лекцій. Такое учрежденіе, по предлагаемому мною способу выполненія, не отнимая много времени отъ обычныхъ занятій преподавателей, послужило бы, съ одной стороны, благороднѣйшею пищею для ихъ педагогическаго рвенія, съ другой— доставило бы имъ новый случай доказать готовность подѣлиться богатствомъ своихъ свѣдѣній и опытности съ юношествомъ, ввѣреннымъ ихъ руководству. Почему предлагаю совѣту опредѣлить эти занятія въ четырехъ отношеніяхъ: 1) *по мѣсту*, въ которомъ помянутыя собесѣдничества должны происходить; 2) *по времени*, въ которое и во сколько они должны происходить; 3) *по содержанію* и 4) *по способу* выполненія ихъ.

„1) *По мѣсту.* Различное число слушателей у разныхъ преподавателей и по разнымъ факультетамъ не всегда можетъ допустить возможность приватнаго учрежденія собесѣдничествъ на дому у каждаго изъ нихъ. Есть каѳедры, по которымъ число посѣтителей лекцій простирается отъ 50 до 100 и болѣе человѣкъ. Соединеніе ихъ на дому, въ одинъ и тотъ же часъ, было бы сопряжено съ большимъ неудобствомъ и даже вовсе невозможно. Къ тому же полагаю, что самый публицитетъ ученыхъ собесѣдничествъ придастъ имъ видъ большей важности, большаго одушевленія и соревнованія, нежели домашняя приватность. Поэтому пусть совѣтъ назначитъ въ самомъ университетѣ число аудиторій по числу факультетовъ. Такимъ образомъ, чтобы занятіе ихъ для собесѣдничествъ не мѣшало занятію ихъ для обыкновеннаго преподаванія лекцій, равно чтобы и самыя собесѣдничества по разнымъ каѳедрамъ одни другимъ не были помѣхою.

„2) *По времени.* При нынѣшнемъ числѣ часовъ преподаванія лекцій въ университетѣ, достаточно будетъ, если каждый изъ преподавателей, въ теченіе учебнаго мѣсяца, составитъ со своими слушателями не болѣе двухъ собесѣдничествъ, изъ конхъ каждое продлится не свыше двухъ часовъ. Съ приведеніемъ въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, при восьми-часовомъ еженедѣльномъ преподаваніи лекцій можно будетъ, по мѣрѣ надобности, увеличить время ученыхъ собесѣдничествъ еще двумя часами на счетъ времени самыхъ лекцій.

„3) *По содержанію.* Два рода ученыхъ матерій могутъ составить предметъ собесѣдничества университетскаго наставника съ его слушателями: одна—прямая, заимствованная изъ пройденной науки или отдѣла ея въ предъидущихъ лекціяхъ, развитіе которыхъ должно въ собесѣдничествѣ превратиться въ сократическую форму изложенія, доказательствъ, возраженій и опроверженій; другая—косвенная, прямо не относящаяся къ предмету преподаванія, но имѣющая съ нимъ сродство или близкое отношеніе; таковы, напримѣръ, нѣкоторые отдѣльные трактаты и сочиненія, критика и рецензіи, идеи которыхъ болѣе или менѣе способны озарить науку преподавателя новымъ свѣтомъ. Ни въ первомъ, однакожъ, ни во второмъ случаяхъ нѣтъ надобности строго придерживаться систематической послѣдовательности отдѣловъ науки въ собесѣдническихъ засѣданіяхъ; да и самое ограниченное число этихъ послѣднихъ дѣлаетъ невозможнымъ такую послѣдовательность. Довольно будетъ уже и того, если предметъ собесѣдничества будетъ хотя нѣсколько знакомъ собесѣдникамъ; выборъ же его для того или другого собесѣдничества можетъ совершенно зависѣть отъ преподавателя, съ тѣмъ, однакоже, чтобы молодые собесѣдники заранѣе, отъ одного

засѣданія до другого, были предваряемы о предметѣ будущей бесѣды, съ указаніемъ по ней ученыхъ руководствъ и пособій.

„4) *По способу выполненія.* Успѣхъ ученаго предпріятія, предлагаемаго мною уму и опытности преподавателей, будетъ совершенно зависѣть отъ двоякаго способа его выполненія: внутренняго и внѣшняго. Подъ именемъ внутренняго я разумѣю здѣсь, независимо отъ искусства самаго изложенія предмета, высшую степень того пламеннаго рвенія, которымъ должно одушевляться всякое благое и особенно подобное предпріятіе; ибо если гдѣ-либо, такъ это въ начинаніяхъ подобнаго рода никакая ученость, никакая геніальность не въ состояніи замѣнить силы участія сердца. Подъ именемъ внѣшняго разумѣю я формы и порядокъ, по которымъ должны происходить дѣйствія собесѣдниковъ. Формы эти и порядокъ таковы. Въ назначенный заблаговременно часъ преподаватель застаетъ своихъ собесѣдниковъ въ извѣстной аудиторіи. Въ самомъ началѣ онъ, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, судя по надобности, утверждаетъ главное *положеніе* (thesis), долженствующее составить предметъ собесѣдничества. Вслѣдъ за тѣмъ относится къ слушателямъ съ такими вопросами, рѣшеніе которыхъ даетъ развитію данной идеи разговорную форму. Но такъ какъ одновременная бесѣда, особенно при многочисленности собесѣдниковъ, могла бы повлечь за собою шумъ и безпорядокъ, то, для отвращенія этого неудобства, наставникъ обращается съ вопросомъ прямо къ одному изъ собесѣдниковъ и ожидаетъ отъ него отвѣта, предоставляя, впрочемъ, и другимъ право рѣшить вопросъ прежде его, если они въ состояніи то сдѣлать. Само собою разумѣется, что порядокъ вопросовъ долженъ быть направляемъ такъ, чтобы рѣшеніе ихъ, опровергательнымъ или защитительнымъ способомъ, развивая данное положеніе въ систематической послѣдовательности, приводило, наконецъ, къ рѣшительной развязкѣ или результату, сумма котораго составляла бы сумму какихъ-либо важныхъ истинъ въ научномъ отношеніи. Рѣшеніе вопросовъ, независимо отъ способа ихъ предложенія, хотя бы то и софистическаго, можетъ быть допущено двоякое: словесное или письменное, съ тѣмъ, однако-же, чтобы объемъ послѣдняго находился въ соотвѣтствіи съ даннымъ для собесѣдничества временемъ; всякое же письменное рѣшеніе заданной въ собесѣдничествѣ темы, выходящее, по объему своему, за предѣлы этого времени, назначается къ подачѣ наставнику внѣ университетской аудиторіи“.

Какъ видимъ, этотъ проектъ, написанный почти 75 лѣтъ тому назадъ, въ основѣ своей составленъ такъ разумно и основательно, что подъ нимъ можно смѣло бы подписать и 1910 г. И всѣ факультеты,

кромѣ медицинскаго, стали примѣнять его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ у насъ. На этико-политическомъ отдѣленіи собесѣдованія ввели у себя профессора: Могилевскій, Степановъ, Гордѣенко, Ѳедотовъ, Куницынъ. Платоновъ, Клобуцкій; на физико-математическомъ—Комлишинскій, Павловскій, Архангельскій, Черняевъ, Шагинъ, Калениченко, Правицкій, Дьяченко и Лапшинъ; на словесномъ—Артемовскій-Гулакъ, Мауреръ, Сокальскій, Якимовъ, Протопоповъ, Паки-де-Совиньи, Валицкій и Лунинъ. Медицинскій факультетъ назначилъ бесѣды на четвертомъ курсѣ, ибо только у студентовъ этого курса была, по его мнѣнію, необходимая для нихъ подготовка; кромѣ того, для бесѣдъ было отведено два дня въ недѣлю не для каждаго преподавателя въ отдѣльности, а для всѣхъ совмѣстно, ибо иначе студенты имѣли бы по 51 часу въ недѣлю занятій, не считая дежурствъ въ клиникахъ, судебно-медицинскихъ вскрытій и исторій болѣзней.

Ректоръ Кронебергъ вовсе было-отказался отъ участія въ этихъ практическихъ занятіяхъ, по многосложности и многотрудности своихъ ректорскихъ обязанностей; но попечитель вошелъ въ совѣтъ съ отношеніемъ, въ которомъ писалъ, что, съ назначеніемъ синдика, обязанности ректора по административной части очень облегчились, и потому онъ можетъ больше обратить вниманія на учебную и ученую сторону, въ чемъ и заключаются его истинныя обязанности. „Я полагаю,—писалъ далѣе попечитель,—что ректоръ, могущій быть столь полезнымъ университету своими глубокими познаніями преподаваемаго имъ предмета и своею извѣстною ученостью, не преминетъ также принять участіе въ бесѣдахъ, дабы удѣлить хотя часть своихъ отличныхъ познаній учащимся въ Харьковскомъ университетѣ, ибо *канцелярскія дѣла*, коими онъ нынѣ болѣе занимается, *рѣшительно не должны составлять главнаго его назначенія*. Исходатайствовавъ отдѣленіе административной части отъ учебной, я надѣялся этимъ поднять учебную и ученую сторону въ университетѣ, и увѣренъ, что всякій членъ его, по мѣрѣ своихъ познаній и способностей, не откажется быть дѣятельнымъ сотрудникомъ моимъ къ достиженію поставленной цѣли—возвышенію Харьковскаго университета въ ученомъ и учебномъ отношеніи“. Ректоръ Кронебергъ, „по усердію своему къ пользамъ обучающагося юношества и къ исполненію распоряженій высшаго начальства“, взялъ на себя веденіе практическихъ занятій по два раза въ мѣсяцъ. Здѣсь нельзя не отмѣтить въ высшей степени разумнаго взгляда попечителя на обязанности ректора: этотъ послѣдній, дѣйствительно, не долженъ всецѣло отдаваться административнымъ, канцелярскимъ обязанностямъ, если хочетъ сохранить за собою авторитетъ въ ученой коллегіи.

VI.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ относится къ области эстетики, физическаго развитія и матеріальныхъ нуждъ университетской молодежи, какъ старались удовлетворять ее еще сто лѣтъ тому назадъ. Уставомъ 1804 года введено было въ штатъ преподаваніе „пріятныхъ искусствъ“—*музыки, рисованія съ живописью, танцевъ;* кромѣ того, обучали также *гимнастикѣ, фехтованію* и *верховой ѣздѣ.* Музыкѣ обучалъ магистръ Витковскій, рисованію—магистръ Матесъ, ландшафтной живописи—магистръ Шепфлинъ, танцамъ—магистръ Балашовъ и Еропкинъ, фехтованію и верховой ѣздѣ—Сивоктъ и Ледюкъ. Преподаваніе было поставлено серьезно; это видно изъ того, что для этихъ предметовъ были заведены особыя учебно-вспомогательныя учрежденія—былъ классъ рисованія и живописи съ рисунками, моделями, былъ музыкальный классъ съ различными инструментами и нотами, былъ, наконецъ, фехтовальный классъ и манежъ.

Часть студентовъ, подъ именемъ казеннокоштныхъ, пользовалась содержаніемъ отъ правительства: на каждаго изъ нихъ отпускалось по 200 р. На 8.000 р. ассигн. нужно было дать полное содержаніе сорока человѣкамъ. Первоначально содержаніе ихъ столомъ было сдано одному предпринимателю; но черезъ два года, въ 1806 г., студенты обратились въ правленіе съ ходатайствомъ о представленіи имъ права самимъ вести свое хозяйство, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что предприниматель плохо ихъ кормилъ, и они тревожили своими жалобами начальство. Правленіе, по сношенію съ попечителемъ, отнесшимся сочувственно къ этому ходатайству, удовлетворило его. Дальнѣйшимъ шагомъ правленія въ этомъ дѣлѣ было оффиціальное признаніе имъ студенческой хозяйственной организаціи съ ея неизбѣжнымъ аттрибутомъ—выборнымъ началомъ. Существованіе этого послѣдняго на законномъ основаніи доказывается слѣдующимъ постановленіемъ студенческой организаціи, сообщеннымъ правленію: „Мы, нижеподписавшіеся казеннокоштные студенты Харьковскаго университета, довѣряемъ симъ, съ общаго согласія, студенту Пузанову получать отъ правленія подъ его росписку деньги и дѣлать покупки для содержанія стола, употребляя въ помощь двухъ очередныхъ, черезъ двѣ недѣли перемѣняющихся, студентовъ; въ случаѣ же большой затруднительности, а особливо въ выпискѣ съѣстныхъ припасовъ, должны также означенныя покупки производиться и тѣми, кому общество для соблюденія своихъ выгодъ поручитъ. При томъ помянутый Пузановъ долженъ вести записную книгу для расходовъ, ежемѣсячно четырьмя очередными студентами

разсматриваемую и подписываемую“ (далѣе слѣдуютъ подписи всѣхъ). Въ 1813 году казеннокоштные студенты подали въ правленіе прошеніе, въ которомъ писали: „По причинѣ отлучки казначея казеннокоштныхъ студентовъ, Демьяна Копѣйчикова, съ общаго студентовъ согласія, избирается въ эту должность студентъ Иванъ Гнѣдичъ, объ утвержденіи котораго просимъ учинить свое благоразсмотрѣніе“. Студенческая организація заключала контракты и договоры, утверждавшіеся правленіемъ университета. Принявъ на себя заботу о своемъ содержаніи, студенты старались возможно дешевле пріобрѣсти необходимые имъ товары, закупали ихъ оптомъ во время Успенской ярмарки, брали для этого авансы, однимъ словомъ, дѣйствовали какъ кооперація. Но, несмотря на всю ихъ энергію, имъ трудно было содержать себя на отпускаемую сумму, вслѣдствіе болѣе и болѣе усиливавшейся дороговизны. Тогда, въ 1809 г., они подали коллективное прошеніе о прибавкѣ нѣкоторой суммы на столъ изъ ихъ же средствъ, и правленіе удовлетворило это ходатайство, такъ какъ само хорошо знало о дороговизнѣ. Въ 1812 г. они снова ходатайствовали о прибавкѣ, которая и была сдѣлана; въ 1813 и 1814 гг. они повторили свою просьбу. Нужно замѣтить, что въ это время все русское общество переживало тяжелый финансовый кризисъ, вызванный Наполеоновскими войнами,—и студенты съ честью вышли изъ этого тяжелаго испытанія: имъ сдѣланы были незначительныя прибавки, не выходившія изъ ихъ общаго бюджета (200 р. на человѣка),—а между тѣмъ всѣ товары въ это время страшно поднялись въ цѣнѣ. Такой благопріятный результатъ объясняется только самой строгой экономіей ихъ и самостоятельнымъ веденіемъ хозяйства; студенческая корпорація, такимъ образомъ, вполнѣ оправдала возлагавшіяся на нее надежды.

Изъ всѣхъ приведенныхъ документальныхъ данныхъ видно, что въ Харьковскомъ университетѣ, въ началѣ XIX вѣка, сто лѣтъ тому назадъ, среди студентовъ уже существовали: библейское общество, научно-литературный кружокъ, научно-литературныя изданія, собесѣдованія профессоровъ со студентами и, наконецъ, у казеннокоштныхъ студентовъ было общее веденіе хозяйства; кромѣ того, самъ университетъ доставлялъ имъ средства для эстетическаго и физическаго развитія, иными словами—были студенческія организаціи, преслѣдовавшія цѣли умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго усовершенствованія. Если вспомнить, какіе успѣхи по пути культуры сдѣлало за истекшее столѣтіе все русское общество, а въ томъ числѣ и учащаяся молодежь, то самъ собою складывается такой выводъ, что въ настоящее время, сто лѣтъ

спустя, русское студенчество еще болѣе созрѣло для подобныхъ организацій, и онѣ, при правильномъ развитіи, не только могутъ удовлетворять его внутреннимъ потребностямъ и запросамъ, не только могутъ явиться новымъ могущественнымъ орудіемъ для всесторонняго *гармоническаго* развитія его силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться хорошею школою для поднятія въ немъ чувства общественности на здоровой основѣ практической дѣятельности въ духѣ мирнаго поступательнаго движенія на пользу общества и государства.

XIX.

Харьковскій университетъ въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія [1]).

(Костомаровъ. Литературное наслѣдіе СПБ. 1890. IV, 521).

Недавно появилось посмертное изданіе не напечатанныхъ еще доселѣ сочиненій Н. И. Костомарова. Самое видное мѣсто занимаетъ здѣсь автобіографія (1—217 стр.). Жизнь и литературная дѣятельность Н. И. Костомарова постояно интересовала его многочисленныхъ читателей и почитателей. Никому другому (кромѣ Н. М. Карамзина) не выпала на долю такая широкая извѣстность среди русской образованной публики, какою пользовался покойный историкъ Россіи. Это явленіе имѣетъ свои причины, въ объясненіе которыхъ мы входить не будемъ; замѣтимъ только, что здѣсь играло роль и свойство его историческаго таланта, и его біографія, и условія общественной жизни.

До настоящаго времени мы имѣли двѣ автобіографіи Н. И. Костомарова: одна была составлена имъ для Біографическаго Словаря профессоровъ Кіевскаго университета (Кіевъ 1884), другая—продиктована г-жѣ Бѣлозерской, помѣстившей ее въ „Русской Мысли“ (1885 г., кн. 5-я и 6-я). Онѣ очень кратки, въ особенности первая. Нынѣшняя автобіографическая записка гораздо обширнѣе, хотя, къ сожалѣнію, и она обрывается 1877 годомъ и кромѣ того напечатана со многими пропусками. Издательница разсказываетъ намъ (въ придисловіи), какъ неохотно занимался Ник. Иван. составленіемъ своей біографіи. Происхожденіе автобіографіи было таково. Въ началѣ 1875 г. Николай Ивановичъ былъ тяжело боленъ тифомъ и находясь въ безпамятствѣ и въ безнадежномъ положеніи, лишился матери. Здоровье его поправлялось медленно, зрѣніе упало совершенно. Разбитый душевно и физически, онъ долженъ былъ подчиниться предписанію врачей, подъ угрозою слѣпоты воспретившихъ ему на продолжительное время ученыя занятія, требу-

[1]) Харьков. Губ. Вѣдом. 1891 г., № 2.

ющія напряженія зрѣнія и мысли... Въ это время одинъ изъ пріятелей далъ Николаю Ивановичу совѣтъ продиктовать въ продолженіе лѣта свою біографію: это не трудъ, а времяпрепровожденіе, занимательное и для него самаго, привыкшаго спокойно относиться къ пережитымъ ударамъ судьбы,—занимательное и для тѣхъ, кто прочтетъ эту автобіографію. Но развѣ возможно писать или диктовать о себѣ цѣлые мѣсяцы и кому нужна его біографія?—говорилъ Ник. Ив. Близкіе люди успокаивали его объясненіемъ, что начавши о себѣ, онъ непремѣнно скажетъ многое и о другихъ, имѣвшихъ отношеніе къ нему лично или къ его ученой дѣятельности и, такимъ образомъ, составится небольшой очеркъ его времени. „Плохой я наблюдатель въ сферѣ современной жизни, говорилъ Н. И.; я привыкъ изучать прошлое, въ немъ жить, имъ всецѣло заниматься и не даромъ съ ранней молодости и до конца моихъ дней, бродить по кладбищамъ—любимѣйшая для меня прогулка". Понятно, что, при такихъ условіяхъ, и нынѣшняя автобіографія не даетъ намъ *полнаго* очерка жизни и дѣятельности покойнаго историка; мало того: въ краткой редакціи г-жи Бѣлозерской мы найдемъ такіе факты, которые отсутствуютъ въ настоящей. Тѣмъ не менѣе нынѣшняя автобіографія представляетъ все таки драгоцѣнный матеріалъ для уясненія личности и дѣятельности Н. И. Костомарова и отчасти его времени. Она отличается эпическимъ спокойствіемъ тона и чрезвычайною простотою изложенія. Передъ нами возстаетъ образъ „труженника науки", проходитъ жизнь, исполненная научнаго подвига. По собственному сознанію Костомарова, научныя занятія были для него столь-же необходимы, какъ воздухъ, исторія его жизни есть исторія его трудовъ: окончивъ одинъ трудъ, онъ принимается за другой; работая надъ однимъ, онъ въ тоже время собираетъ матеріалы для другого. Кабинетная работа разнообразится учеными экскурсіями по Россіи и за границей. Такимъ характеромъ отличается по крайней мѣрѣ петербургскій періодъ въ жизни Костомарова. Въ началѣ было нѣсколько иначе: извѣстный эпизодъ съ Кирилло-Мефодіевскимъ братствомъ забросилъ его изъ Кіева въ Саратовъ, гдѣ онъ пробылъ болѣе 10 лѣтъ.

Таковъ общій характеръ автобіографіи: она внушаетъ къ себѣ полное довѣріе; авторъ не только не рисуется своею дѣятельностью, а даже нѣсколько стушевываетъ ее, уменьшаетъ дѣйствительное значеніе ея. Мы не будемъ излагать содержанія всей автобіографіи, а остановимся только на той части ея, которая относится къ пребыванію Н. И. Костомарова въ Харьковскомъ университетѣ; мы воспользуемся этимъ отрывкомъ, какъ источникомъ для исторіи Харьковскаго университета въ 30-хъ годахъ XIX *столѣтія*.

По окончаніи гимназіи, Костомаровъ поступилъ въ Харьковскій университетъ (въ 1834 г.). „Въ то время, говоритъ, онъ, Харьковскій университетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Профессорскія каѳедры занимались профессорами хотя и талантливыми, какимъ былъ, напримѣръ, Кронебергъ, но лѣнивыми. Въ нашемъ историко-филологическомъ факультетѣ русская словесность была въ рукахъ нѣкоего Якимова. Онъ въ свое время прославился бездарнѣйшимъ переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ примѣръ безмыслицы. Русскую исторію читалъ Гулакъ-Артемовскій, человѣкъ безспорно съ поэтическимъ дарованіемъ, какъ показали его малорусскія стихотворенія, но въ своихъ лекціяхъ по русской исторіи отличавшійся пустымъ риторствомъ и напыщенностью. Философію преподавалъ нѣкто Чановъ, бывшій прежде того частнымъ приставомъ. Греческій языкъ читалъ какой-то нѣмецъ Мауреръ, знавшій свой предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣвшій языкомъ и даромъ изложенія на какомъ-бы то ни было языкѣ. Французскій языкъ читалъ Паки-де-Совиньи, бывшій недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. Это былъ шутъ въ полномъ смыслѣ слова; на лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для потѣхи“. Этотъ же самый профессоръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и завѣдомымъ взяточникомъ. О немъ Костомаровъ передаетъ слѣдующій характерный эпизодъ. „Заведено было, что передъ экзаменомъ студенты ходили къ нему на домъ брать „лесоны“ и платили за каждый по красненькой (10 руб. ассигнаціями); и я отправился къ нему брать лесонъ. Профессоръ даетъ мнѣ свою собственную исторію литературы и заставляетъ меня прочитать одну страничку, гдѣ помѣщалась рубрика: „De la litterature française sous Henri IV“. Я прочелъ, и далъ ему красненькую „Bien, monsieur; vous aurez optime“. Но я замѣтилъ ему, что „optime“ для меня мало, что для меня нужно eminenter, потому что если я получу изъ нѣсколькихъ предметовъ optime (optime очень хорошо, eminenter—превосходно), то мнѣ не дадутъ степени кандидата, я же не надѣялся получить eminenter изъ греческаго языка. Профессоръ на это сказалъ: pour l'eminenter il faut prendre encore une leçon“. Я далъ ему еще одну красненькую. Паки-де Совиньи заставилъ меня прочесть тоже самое, что я только что читалъ, и обѣщалъ поставить eminenter; но когда я пришелъ на экзаменъ и былъ вызванъ, Паки-де-Совиньи перепуталъ мою фамилію съ фамиліею другого студента и спросилъ меня „de la litterature française en général“. Я пріостановился, а профессора, члены факультета, знавшіе продѣлки француза, поняли, въ чемъ дѣло, и начали закрывать себѣ рты отъ смѣха. Студенты,

сидѣвшіе на скамьѣ сзади меня, также смѣялись. Наконецъ, постоявши немного молча, я началъ говорить ему заданный мнѣ условно урокъ о литературѣ при Генрихѣ IV. Паки-де-Совиньи, какъ видно не догадываясь, остановилъ меня и замѣтилъ, что я говорю не то; я не обращая вниманія, продолжаю заученное и въ заключеніе профессоръ хотѣлъ писать мнѣ optime, но деканъ факультета, знавшій все это, шепнулъ ему на ухо, и французъ только тогда понялъ свою ошибку и записалъ мнѣ eminenter, насмѣшивши и профессоровъ, и студентовъ". Въ этомъ дѣлѣ насъ болѣе всего поражаетъ добродушное отношеніе ко взяточничеству Паки-де-Совиньи другихъ профессоровъ; въ объясненіе его слѣдуетъ замѣтить, что большинство тогдашнихъ профессоровъ держало студентовъ пансіонеровъ: это было зло, отъ котораго Харьковскій университетъ освободился не скоро и не легко. Впрочемъ въ половинѣ 30-хъ годовъ Костомаровъ отмѣчаетъ переломъ къ лучшему. „По разнымъ каѳедрамъ присланы были свѣжія, молодыя силы, новые люди, возвратившіеся изъ за-границы, куда были посылаемы министромъ для окончанія образованія. Нашъ историко-филологическій факультетъ былъ обновленъ появленіемъ двухъ талантливыхъ и ученыхъ профессоровъ. Первый былъ по каѳедрѣ всеобщей исторіи Мих. Мих. Лунинъ;второй— по каѳедрѣ греческой словесности Альфонсъ Осип. Валицкій. Первый былъ безспорно одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда либо являлись въ нашихъ университетахъ. Онъ былъ вооруженъ всею современною ученостью, получивъ ее въ германскихъ университетахъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ слушалъ лекціи. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ одаренъ счастливымъ даромъ слова; грудь у него была слабая, голосъ не громкій, дикція монотонная и какъ будто жеманная; но эти недостатки выкупались богатствомъ содержанія и критическимъ направленіемъ, къ которому онъ умѣлъ расположить влеченіе своихъ слушателей. Валицкій имѣлъ отличный даръ слова и былъ вообще въ изложеніи своего предмета гораздо живѣе Лунина".

Тогда же выступилъ на ученое поприще въ качествѣ адъюнктъ-профессора статистики знаменитый И. И. Срезневскій, имѣвшій сильное вліяніе на Н. И. Костомарова. „Измаилъ Ивановичъ, говоритъ Костомаровъ, въ то время хотя еще очень молодой человѣкъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ и съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его и домъ его сдѣлался для меня любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей. И. И. Срезневскій жилъ тогда за Лопанью, въ домѣ Юнкфера, вмѣстѣ съ матерью, женщиною очень развитою, доброю, гостепріимною и хорошею музыкантшею. Хотя спеціальностью его была статистика, но онъ не чуждался изящной лите-

ратуры и поэзіи, питалъ особенную любовь къ славянскимъ языкамъ и литературамъ, любилъ также малорусскую народность, съ которой имѣлъ случай близко познакомиться, находившись передъ тѣмъ учителемъ у одного помѣщика Екатеринославской губ., Подольскаго, недалеко отъ Днѣпровскихъ пороговъ". Изъ другихъ профессоровъ Н. И. Костомаровъ вспоминаетъ еще о Рославскомъ-Петровскомъ и Метлинскомъ, которые находились съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. О тогдашнихъ студентахъ Н. И. Костомаровъ сообщаетъ слѣдующія данныя. „Студентовъ, по ихъ склонностямъ и развитію можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: 1) сынки богатыхъ родителей, обыкновенно помѣщенные ими у профессоровъ и отличавшіеся франтовствомъ и шалопайствомъ; вся цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы какими-бы то ни было средствами, хотя бы и не достойными, получить въ свое время дипломъ на степень кандидата или дѣйствительнаго студента. Проболтавшись три года въ Харьковѣ батюшкинъ или матушкинъ сынокъ получалъ ученую степень, дававшую право на классный чинъ, и потомъ уѣзжалъ въ родительскую берлогу и выхлопатывалъ себѣ какую-нибудь номинальную должность, напримѣръ, почетнаго смотрителя училищъ, либо депутата въ дворянскомъ собраніи, чѣмъ, какъ извѣстно, была обильна наша старая Русь-матушка, иногда-же вступалъ въ военную службу, дѣлался адъютантомъ у какого-нибудь генерала, а, послуживши нѣсколько, удалялся въ свое имѣніе. 2) Молодые люди, видѣвшіе впереди себя цѣлью службу; они до извѣстной степени учились порядочно, но прямой любви къ наукѣ у нихъ было мало. Кромѣ медиковъ, которые естественно шли своею дорогой, сюда слѣдуетъ причислить всѣхъ тѣхъ, которые по окончаніи курса шли въ гражданскую службу и въ Петербургъ, который для нихъ былъ, такъ сказать, обѣтованною землею: Харьковскій университетъ доставлялъ большой контингентъ всякимъ канцеляріямъ и департаментамъ. 3) Молодые люди, дѣйствительно занимавшіеся наукою съ любовью: изъ нихъ, особенно изъ казеннокоштныхъ, набирались учителя гимназій. Этого рода студенты были, такъ сказать, интеллигенціей университета. Въ тѣ времена между ними господствовала наклонность къ идеализму и въ большой модѣ было заниматься философіей; успѣвшіе познакомиться съ нѣмецкимъ языкомъ, съ жадностью читали нѣмецкихъ философовъ, хотя по темнотѣ послѣднихъ, не всегда ясно постигали читаемое и увлекались во всевозможныя произвольныя толкованія и системы. 4) Наконецъ, люди не на столько богатые, чтобы помѣщаться у профессоровъ и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы успѣшно заниматься наукою; они жили и вели себя какъ попало: многіе предавались кутежамъ всякаго рода, иные сидѣли скромно за

книгами въ уютныхъ квартирахъ стараясь пробираться на экзаменахъ вслѣдъ за богатыми пансіонерами; ихъ судьба часто зависѣли отъ случая: иному вывозило и онъ кончалъ курсъ счастливо, другой обрѣзывался на экзаменѣ и долженъ былъ сидѣть лишній годъ на одномъ курсѣ, жалуясь на несправедливость профессоровъ, выпускавшихъ въ дѣйствительные студенты или кандидаты профессорскихъ пансіонеровъ и строго относившихся къ тѣмъ, у кого не было протекціи. Замѣтимъ, что въ тѣ времена не было между студентами такой поражающей бѣдности, какую мы встрѣчаемъ теперь, быть межетъ, по причинѣ сравнительной дешевизны того времени".

Есть въ автобіографіи Н. И. Костомарова и еще нѣкоторыя интересныя подробности, касающіяся тогдашней литературной Харьковской жизни, литературнаго кружка, въ составъ котораго входили извѣстный издатель „Молодыка" И. Бецкій, издатель другого сборника „Снипъ", Александръ Корсунъ, напечатавшій недавно интересныя воспоминанія въ „Русскомъ Архивѣ", Кореницкій, авторъ поэмы „Вичерныци" Писаревскій, Петренко и, наконецъ, извѣстный Харьковскій поэтъ Як. Ив. Щеголевъ. Къ этому-же времени относится расцвѣтъ поэтической дѣятельности Гр. Ѳед. Квитки. Характерны разсказы Н. И. Костомарова о двухъ его диссертаціяхъ и вообще о научныхъ занятіяхъ въ Харьковѣ, гдѣ у него явилось желаніе изобразить дѣятельность Богдана Хмельницкаго. Но на всемъ этомъ мы останавливаться не будемъ: интересующіеся біографіей нашего талантливаго историка могутъ обратиться къ самой книгѣ его. Мы желали только отмѣтить въ ней новыя данныя, относящіяся къ прошлому нашей университетской жизни. Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что они представляютъ интересный матеріалъ и съ одной стороны подтверждаютъ, а съ другой пополняютъ напечатанныя раньше воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ харьковскаго студента „конца 20 и нач. 30 годовъ (въ „Южн. Краѣ") и покойнаго Де-Пуле (въ „Вѣстн. Ев.").

XX.

Ветеринарное училище при Харьковскомъ университетѣ [1]).

(Къ 50-ти лѣтнему юбилею Харьковскаго Ветеринарнаго Института).

I.

Печальную судьбу испытывали учебновспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ, отпускавшихся на нихъ изъ государственнаго казначейства. Въ моментъ своего основанія (17 января 1805 г.), Харьковскій университетъ получилъ штаты, которые однако были разсчитаны только на текущія нужды, а отнюдь не на первоначальное обзаведеніе учебновспомогательныхъ учрежденій. Даже на постройку необходимыхъ зданій Харьковскій университетъ не получалъ въ первыя десятилѣтія своего существованія спеціальныхъ суммъ, и если кое какъ обошелся своими средствами, то благодаря только щедрому пожертвованію мѣстнаго общества, внесшаго крупную сумму до 600,000 руб. на учрежденный въ Харьковѣ университетъ. Само собою разумѣется, однако, что этого „патріотическаго“ приношенія было недостаточно—и Харьковскому университету приходится въ теченіе сотни лѣтъ ютиться въ его „временномъ“ помѣщеніи.

Недостатокъ средствъ не далъ возможности открыть ему и нѣсколькихъ полезныхъ учебновспомогательныхъ учрежденій, которыя безъ сомнѣнія принесли бы пользу и ему, и краю, и наукѣ (таковы—опытныя поля, крымская ботаническая станція). Къ числу ихъ относится и Ветеринарное училище, превратившееся нынѣ въ самостоятельное высшее учебное заведеніе.

---

[1]) Статья эта основана исключительно на документахъ харьковскаго университетскаго архива (Дѣла канцел. попечит. № 3206/161 и 1596/93) и можетъ служить введеніемъ въ исторію Харьковскаго Ветеринарнаго института. (Харьк. Губерн. Вѣдом. 1901 г., №№ 256 и 257).

II.

Мысль о необходимости его была сознана еще въ 1807 г. и профессоръ ветеринарныхъ наукъ въ университетѣ Пильгеръ тогда же выступилъ съ широкимъ проектомъ по этому вопросу. Сущность его предложенія сводилась къ тому, чтобы создать учрежденія двоякаго рода: въ однихъ нужно было знакомить слушателей съ жизнью здоровыхъ животныхъ, въ другихъ—лѣчить больныхъ и приготовлять препараты изъ мертвыхъ. Учрежденія перваго рода должны были сосредоточиться въ особомъ хуторѣ, или, такъ сказать, сельско-хозяйственной фермѣ: здѣсь предполагалось практическое веденіе сельскаго хозяйства, въ особенности-же посѣвъ кормовыхъ травъ, раціональное скотоводство и коневодство. Для учрежденій второго рода нужно было, по его проекту, выстроить зоотомическій театръ, клиники и т. п. Факультетъ и совѣтъ одобрили этотъ планъ; но ректоръ Стойковичъ доложилъ совѣту выдержку изъ письма къ нему попечителя округа, гдѣ графъ С. О. Потоцкій предлагалъ повременить съ этимъ дѣломъ въ виду того, что подобную школу скотолѣченія предполагалось устроить *недалеко* отъ Харькова въ гор. Лубнахъ Полтавской губерніи. Такъ этотъ проектъ и не вышелъ изъ области pium desiderium. Слѣдуетъ прибавить, что проф. Пильгеръ обладалъ всѣми данными, необходимыми для осуществленія этого важнаго дѣла: первоначально занималъ каѳедру ветеринаріи въ Гиссенскомъ университетѣ, много путешествовалъ для изученія этого предмета, издалъ обширное практическое руководство по скотолѣченію и обладалъ огромною кипучею энергіей, которая за отсутствіемъ должнаго примѣненія направилась сначала на безплодную борьбу съ товарищами, а потомъ и совсѣмъ изсякла. Пильгеръ тогда нравственно опустился и превратился въ мертваго члена свой коллегіи, а его огромныя способности и знанія далеко не принесли той пользы пріютившему его Харьковскому университету, которой отъ него можно было ожидать по его талантамъ.

III.

Съ той поры прошло 24 года. Ветеринарія, какъ особый предметъ, читалась въ университетѣ, но исключительно теоретическое преподаваніе ея приносило не много пользы. Самъ министръ народнаго просвѣщенія обратилъ вниманіе на этотъ существенный недостатокъ и черезъ попечителя запросилъ совѣтъ университета о томъ, какія мѣры необходимы для улучшенія преподаванія этого предмета. Въ отвѣтъ на это совѣтъ представилъ составленный проф. Экебладомъ и исправленный пр.

Венедиктовымъ проектъ учрежденія при университетѣ высшаго Ветеринарнаго училища.

Вотъ въ общихъ чертахъ его содержаніе. Для предположеннаго правительствомъ усовершенствованія ветеринарной части вообще, для образованія отличныхъ ветеринарныхъ врачей и учителей при сибирскихъ училищахъ, должно быть учреждено при Харьковскомъ университетѣ особое высшее Ветеринарное училище, потому что никакихъ учрежденій по ветеринарной части при немъ не имѣется и теорія ветеринарнаго искусства преподается студентамъ медицины, какъ придаточная вспомогательная часть этой послѣдней. Въ этомъ высшемъ Ветеринарномъ училищѣ должны преподаваться всѣ предметы, относящіеся къ ветеринарной наукѣ и искусству въ широкомъ смыслѣ этого слова. Хотя ветеринарныя училища, въ которыхъ преподается одна только гиппіатрика (медицина лошадей) и не лишены своего значенія, но учрежденія, воспитанники коихъ будутъ способны къ врачеванію не только лошадей, но и рогатаго скота, овецъ и свиней, имѣютъ надъ ними преимущества на томъ основаніи, что такія лица въ силу своей научной подготовки могутъ успѣшнѣе заниматься лѣченіемъ животныхъ, каждый разрядъ которыхъ имѣетъ свои особенности. Для того, чтобы высшее Ветеринарное училище принесло существенную пользу государству и достигло своей цѣли, необходимо построить спеціально приспособленное для него зданіе. Наиболѣе удобнымъ пунктомъ для этого медицинскій факультетъ считаетъ мѣстность, находящуюся позади Университетскаго сада и извѣстную подъ именемъ „Песковъ“, потому что она достаточно удалена отъ города и находится въ близости отъ рѣки и, слѣдовательно, особенно пригодна для ветеринарной клиники и зоотомическаго театра. Для новаго училища необходимы слѣдующія учебновспомогательныя учрежденія: заводы—конскій, овечій и для крупнаго рогатаго скота, клиника, зоотомическій театръ, манежъ, 2 кузницы, аптека, садъ и библіотека. Заводъ дастъ возможность наблюдать болѣзни у животныхъ и съ избыткомъ вознаградитъ произведенныя на него затраты. Клиника должна быть разсчитана на 70—100 животныхъ съ наружными и внутренними болѣзнями; особое отдѣленіе въ ней желательно было бы имѣть для больныхъ копытными болѣзнями лошадей. Въ манежѣ берейторы зимою и въ дурную погоду будутъ выѣзжать лошадей. Въ саду слѣдовало бы разводить растенія для приготовленія лѣкарствъ, а равно кормовыя и вредныя (ядовитыя) травы. Сверхъ того необходимо назначить нѣкоторую сумму для разъѣздовъ профессору или его адъюнкту со студентами въ мѣста, гдѣ обнаружится эпизотія, съ тѣмъ, чтобы мѣстныя начальства оказывали имъ въ этомъ дѣлѣ возможное содѣйствіе. Затѣмъ

необходимо приготовить достаточное число профессоровъ для училища. Лица, готовящіяся къ занятію профессорскихъ каѳедръ, должны удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: знать новѣйшіе иностранные языки, въ особенности нѣмецкій, на которомъ написано и на который переведено большинство сочиненій по ветеринаріи; русскій и латинскій языки также безусловно необходимы; нужно знать физикоматематическія науки по связи ихъ съ медициной;—ветеринарію со всѣми ея отраслями; имѣть скотоврачебную практику; быть знакомымъ и съ медициной человѣка по ея важности для профессора ветеринаріи. Всѣ эти условія, за исключеніемъ одного—скотоврачебной практики—достигаются у насъ тѣмъ, что въ профессора ветеринаріи поступаютъ лица, окончившія медицинскіе факультеты. Скотоврачебная же практика поставлена неудовлетворительно, во 1-хъ, потому, что молодые ученые, отправляемые для усовершенствованія своего за-границу, имѣютъ болѣе возможности изучать свой предметъ теоретически, а не практически, во 2-хъ, потому, что, путешествуя только за границей, они не могутъ научиться, какъ нужно и должно врачевать больныхъ животныхъ въ Россіи. Такимъ образомъ, создаются болѣе ученые, чѣмъ искусные ветеринары, а между тѣмъ приходится приготовлять не только ученыхъ, но и практическихъ ветеринарныхъ врачей для Россіи. При этомъ нерѣдко такіе профессора ради житейскихъ выгодъ не отказываются еще и отъ медицинской практики у больныхъ людей и тѣмъ отвлекаются отъ своего прямого дѣла. Для устраненія всего этого необходимо оканчивающихъ университетъ посылать для полученія ветеринарной подготовки въ медико-хирургическія академіи, гдѣ больше по этой части учебно-вспомогательныхъ учрежденій, а затѣмъ, отправляя за границу, вносить въ инструкцію имъ обязательство заниматься практикою по извѣстнымъ болѣзнямъ непосредственно подъ руководствомъ иностранныхъ профессоровъ; когда же они возвратятся въ Россію, то должны будутъ поработать еще нѣсколько мѣсяцевъ на одномъ изъ заводовъ. Здѣсь они увидятъ обращеніе съ больными и здоровыми животными и—что важнѣе всего—узнаютъ употребленіе простонародныхъ лѣкарственныхъ средствъ (хлѣбнаго кваса, хлѣбной гущи, винной барды, кислой капусты, мыла, свѣчного, гусинаго, свиного сала, дегтя, табаку, скипидара, туземныхъ травъ и т. п.). Такую подготовку подъ руководствомъ командированнаго съ ними профессора должны пройти четыре кандидата медицины, а затѣмъ слѣдуетъ приготовить еще изъ второразрядныхъ питомцевъ медико-хирургической академіи ученаго кузнеца и прозектора зоотоміи. Въ школѣ должно быть четыре ординарныхъ профессора; первый будетъ читать зоотомію, зоофизіологію и обучать воспитанниковъ распознаванію лѣтъ, достоинствъ и

недостатковъ лошади; второй—ученіе о заводахъ, зоофармакологію, зоохирургію, и лѣченіе наружныхъ болѣзней; третій—зоопатологію, зоотерапію, и лѣченіе внутреннихъ болѣзней; четвертый—зоогигіену, о падежахъ, судную ветеринарную медицину и медицинскую ветеринарную полицію. У каждаго изъ этихъ четырехъ профессоровъ долженъ быть помощникъ—адъюнктъ или лекторъ, который будетъ замѣнять профессора въ его отсутствіе и читать спеціальные дополнительные курсы (анатомію копыта, описаніе и видоизмѣненіе породъ и т. п.). Кромѣ того будутъ еще преподаватели ботаники, физики, химіи, зоологіи, минералогіи и россійскаго законодательства (о животныхъ); а ученый аптекарь будетъ читать фармацію; наконецъ, нужны прозекторъ съ двумя помощниками. два ординатора, учителя латинскаго языка и рисованія, два кузнеца (высшей и низшей кузницы), искусный берейторъ (берейторами у насъ обыкновенно были иностранцы, не имѣвшіе настоящихъ знаній въ своемъ дѣлѣ), опытный конюхъ (Stallmeister) и при заводѣ штутмейстеръ, скотоводъ и овцеводъ.

Новое Ветеринарное училище будетъ выпускать: 1) врачей, 2) унгулистовъ, 3) берейторовъ и 4) штутмейстеровъ. Врачи въ свою очередь дѣлятся на 2 категоріи — перворазрядныхъ и второразрядныхъ; первые должны кромѣ ветеринарныхъ предметовъ слушать еще физику, химію, низшую математику и ботанику; вторые только ветеринарію и кромѣ того русскую грамматику, Законъ Божій и ариѳметику; первые будутъ представлять изъ себя ученыхъ врачей, знающихъ не только искусство, но и науку ветеринаріи, вторые же будутъ, такъ сказать, врачами практики-ремесленниками. Для поступленія въ училище отъ будущихъ врачей 1-го разряда нужно требовать такой же подготовки, какъ и отъ лицъ, поступающихъ на медицинскій факультетъ, а въ особенности знанія русскаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ; для поступленія во 2-й разрядъ нужно требовать знаніе Закона Божія, русскаго языка и ариѳметики; латинскій же языкъ они могутъ усвоить во время прохожденія курса. При зачисленіи въ казеннокоштные воспитанники, необходимо обращать вниманіе на возрастъ ихъ и здоровье. Принимать можно людей всѣхъ состояній, не исключая и помѣщичьихъ крестьянъ, уволенныхъ изъ крѣпостной зависимости своими господами или на всегда, или на время ученія. На казенный счетъ нельзя принимать только на отдѣленіе штутмейстеровъ (вслѣдствіе малочисленности казенныхъ заводовъ). Общее число казеннокоштныхъ воспитанниковъ по всѣмъ отдѣленіямъ не должно превышать 250 чел. Врачей 1-го разряда можно было бы опредѣлять на должности учителей ветеринарныхъ училищъ, предполагаемыхъ при сибирскихъ гимназіяхъ, полковыхъ ветеринарныхъ врачей, губернскихъ

ветеринарныхъ врачей по одному въ каждую губернію; врачей 2-го разряда—въ эскадронные ветеринарные врачи и въ уѣздные ветеринарные врачи; берейторовъ и ингулистовъ—въ эскадроны.

Для 1-го разряда врачей предметы преподаванія предполагались слѣдующіе: минералогія, зоологія и въ особенности естественная исторія домашнихъ животныхъ, ботаника, приспособленная къ ветеринарному искусству, химія, физика (въ примѣненіи къ медицинѣ), зоологія главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, зоогигіена и біотика, зоофизіологія, зоопатологія, ученіе о внѣшности (экстерьеръ), ученіе о заводахъ для главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ и родовспомогательное искусство, зоофармакологія и фармація, примѣненная къ ветеринарной медицинѣ, общая и частная зоотерапія, зоохирургія и наиподробнѣйшее изложеніе копытныхъ болѣзней, ученіе о повальныхъ болѣзняхъ главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, судная ветеринарная медицина, ветеринарная медицинская полиція. Будущіе врачи 2-го разряда обязаны были прослушать только часть этихъ предметовъ. Но практическія занятія у нихъ должны были быть тѣ же, что и въ 1-мъ разрядѣ, и состоять въ посѣщеніи терапевтической и хирургической клиникъ и высшей кузницы, въ верховой ѣздѣ и искусствѣ обращаться съ животными, въ практическомъ изученіи травъ и приготовленіи лѣкарствъ. Курсъ для врачей предполагался четырехлѣтній, а для остальныхъ разрядовъ трехлѣтній съ гораздо болѣе краткою программою. Наконецъ, проектъ предлагалъ дать и преподавателямъ будущаго училища, и оканчивающимъ въ немъ курсъ воспитанникамъ побольше матеріальныхъ выгодъ и гражданскихъ правъ, дабы привлечь въ него возможно большеее количество тѣхъ и другихъ и изгладить предубѣжденіе, существующее въ обществѣ противъ этой профессіи.

Проектъ этотъ былъ представленъ совѣтомъ университета попечителю округа В. И. Филатьеву, который предполагалъ дать о немъ слѣдующее заключеніе: „я полагаю, что прежде нежели откроется вновь ветеринарное училище при университетѣ, надлежало бы привести въ лучшее устройство медицинскій факультетъ, а именно—наполнить его преподователями, улучшить анатомическій театръ, увеличить клинику и умножить разныя учебныя пособія по части медицины и хирургіи, открыть при университетѣ аптеку и увеличить по этому отдѣлу библіотеку“. Но не довольствуясь этимъ отрицательнымъ отзывомъ о проектѣ, попечитель вовсе не представилъ его министерству, во 1-хъ, потому, что уѣхалъ въ это время въ Западныя губерніи и, во 2-хъ, потому, что, вернувшись оттуда и поговоривъ по этому вопросу частнымъ образомъ съ министромъ, не встрѣтилъ сочувствіе со стороны послѣдняго. Про-

ектъ совѣта Харьковскаго университета объ открытіи въ Харьковѣ Ветеринарнаго института, такимъ образомъ, былъ сданъ въ архивъ, и только мнѣ теперь случайно пришлось натолкнуться на него, при поискахъ матеріаловъ для исторіи учебновспомогательныхъ учрежденій университета. Заслуживалъ ли онъ такой участи, объ этомъ предоставляемъ судить читателямъ. Во всякомъ же случаѣ открытіе училища можно было и не связывать съ улучшеніемъ учебновспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета, такъ какъ оно должно было получить самостоятельное значеніе и явиться въ сущности новымъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ.

IV.

Потребность въ Ветеринарной школѣ, очевидно, все-таки назрѣла, и въ 1839 году эта послѣдняя была открыта. Въ маѣ мѣсяцѣ 1838 г. чиновникъ особыхъ порученій министерства народнаго просвѣщенія Де-Роберти обратился къ профессору ветеринаріи въ Харьковскомъ университетѣ Вишневскому съ предложеніемъ доставить ему проектъ устава и штатовъ такой школы. Уставъ и штатъ новаго учебнаго заведенія въ общихъ чертахъ были таковы. Цѣлью учрежденія практической ветеринарной школы при университетѣ было приготовленіе научнообразованныхъ коноваловъ. Директоромъ ея долженъ былъ состоять профессоръ ветеринаріи при университетѣ; на его отвѣтственности было все заведеніе. Преподаваться здѣсь должны были слѣдующія науки: 1) методологія и энциклопедія, 2) анатомія домашнихъ животныхъ (зоотомія) и разсѣченіе труповъ, 3) зоофизіологія и патологическая зоотомія, 5) ветеринарное веществословіе (т. е. фармація, фармакологія и рецептура), 6) зоотерапія общая и частная со включеніемъ особаго курса объ эпизоотическихъ болѣзняхъ, 7) зоохирургія, теоретическая и оперативная со включеніемъ наставленія о ковкѣ лошадей, 8) курсъ скотоводства и ученія о заводахъ со включеніемъ родовспомогательной науки, 9) гигіена и діэтетика домашнихъ животныхъ, 10) ученіе о наружныхъ качествахъ лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ, 11) судебная ветеринарная медицина, 12) практическое лѣченіе домашнихъ животныхъ. Курсъ ученія предполагался трехлѣтній. Преподавателемъ въ школѣ долженъ былъ быть профессоръ ветеринарныхъ наукъ Харьковскаго университета. Но преподавая студентамъ медикамъ ветеринарную медицину, онъ не могъ бы одинъ прочитать всѣхъ курсовъ и потому въ помощь ему предполагалось назначить прозектора и ординатора, которымъ онъ могъ бы поручить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ. Прозекторъ имѣлся въ

виду и по штату университета 1835 г., а ординаторъ могъ бы получать содержаніе изъ клинической суммы. Воспитанники, поступавшіе въ школу, по проекту дѣлились на двѣ группы: одни—1-го разряда—должны были имѣть такой-же образовательный цензъ, какъ и лица, поступающія въ университетъ; другіе—2-го разряда—обязаны были представить доказательства того, что умѣли читать и писать по-русски и имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ предметахъ, преподаваемыхъ въ уѣздныхъ училищахъ. Воспитанники 1-го разряда, кромѣ спеціальныхъ предметовъ, обязаны были вмѣстѣ со студентами медиками слушать физику, химію. зоологію и ботанику. Пріемъ слушателей долженъ былъ происходить разъ въ 3 года, Дѣлились они на своекоштныхъ, казеннокоштныхъ и стипендіатовъ, при чемъ своекоштными могли быть слушатели обоихъ разрядовъ, а казеннокоштными—только перваго (а именно 5 человѣкъ изъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ-медиковъ); стипендіаты могли получать пособіе, съ разрѣшенія правленія, изъ остатковъ штатной суммы отъ содержанія ветеринарнаго училища; ихъ могло быть по 5 человѣкъ 1-го и 2-го разряда и они обязаны были бы прослужить 2 или 3 года по назначенію начальства. Воспитанники 1-го разряда по окончаніи курса, получали бы производство въ ветеринарные лѣкари, а 2-го разряда—въ помощники ветеринарныхъ врачей. Важнѣйшимъ учебновспомогательнымъ учрежденіемъ долженъ былъ быть зоотомическій театръ, въ которомъ прозекторъ со своими помощниками будетъ приготовлять сухіе зоотомическіе препараты для кабинетовъ и свѣжіе для лекцій; прозекторы будуть показывать, подъ руководствомъ профессора, слушателямъ разсѣченіе труповъ животныхъ, околѣвшихъ въ ветеринарной клиникѣ. Ветеринарная клиника должна дать воспитанникамъ практическую подготовку для лѣченія домашнихъ животныхъ. Въ зданіи, назначенномъ для ветеринарной клиники, должно было помѣщаться 10 лошадей, 6 штукъ рогатаго скота, 6 штукъ овецъ и козъ и 4 собаки въ устроенныхъ для этого залахъ, стойлахъ и конурахъ. Профессоръ съ ординаторомъ обязанъ былъ ежедневно посѣщать клинику. Для каждаго больного животнаго назначался изъ воспитаниковъ кураторъ, ведущій журналъ и составляющій исторію болѣзни ввѣреннаго ему животнаго. Кромѣ того профессоръ долженъ былъ осматривать приводимыхъ къ нему больныхъ животныхъ и болѣе интересныхъ въ медицинскомъ отношеніи оставлять въ клиникѣ. Кормъ для больныхъ животныхъ должны доставлять ихъ хозяева (натурою или деньгами). Лѣкарства могли отпускаться изъ ветеринарной аптеки владѣльцамъ больныхъ животныхъ по аптекарской таксѣ, но иногда могли даваться и безплатно. За находящимися въ клиникѣ животными ближайшій надзоръ должны имѣть ординаторъ, дежурный воспитанникъ и конюхъ. Лѣкарства

приготовлялись аптекарскимъ ученикомъ, подъ надзоромъ профессора и ординатора, а также для упражненія и самими воспитанниками. Ветеринарная кузница имѣла своею цѣлью дать воспитанникамъ практическое наставленіе въ ковкѣ лошадей и рогатаго скота, какъ при здоровомъ, такъ и при болѣзненномъ состояніи копытъ. Послѣ теоретическаго изложенія вопроса, этому искусству долженъ обучать профессоръ при содѣйствіи помощника прозектора, исправляющаго обязанности ученаго кузнеца; простую же работу можетъ дѣлать работникъ. Всякій воспитанникъ, оканчивающій курсъ, обязанъ сдѣлать пару подковъ и подковать ими лошадь. Кромѣ того въ этой кузницѣ въ случаѣ надобности должны расковываться поступающія въ клинику лошади, а для больныхъ копытъ дѣлаются особыя подковы и снаряды. По Высочайше утвержденному въ 1835 году штату на Ветеринарное училище полагалось 9,600 рублей въ годъ, въ томъ числѣ 8,000 руб. на содержаніе училища и 1,600 руб. на зоотомическій театръ и инструменты. Теперь эту сумму предполагалось распредѣлить такъ: на зоотомическій театръ 1,230 руб., на аптеку— 2,500 руб., на клинику 900 руб., на прибавку жалованья разнымъ лицамъ 1,400 руб., на пособіе 5 стипендіатамъ (по 200 руб.) 1,000 руб., на содержаніе кузницы 300 руб.; остальное на мелкіе расходы.

Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ однако нашелъ преждевременнымъ учрежденіе такой школы при Харьковскомъ университетѣ, хотя она и была предусмотрѣна университетскимъ уставомъ 1835 года, въ виду того, что оканчивавшіе курсъ въ медико-хирургическихъ академіяхъ ветеринарные врачи и ветеринарные помощники не находили себѣ службы. Но совѣтъ Харьковскаго университета, основываясь на разъясненіяхъ, сдѣланныхъ профессоромъ ветеринаріи Вишневскимъ, повторилъ свое ходатайство и представилъ въ пользу его слѣдующія соображенія: 1) въ здѣшнемъ краѣ, являющимся центромъ обширнаго скотоводства, давно уже чувствуется необходимость въ распространеніи точныхъ свѣдѣній по скотоврачебной наукѣ, дабы имѣть на мѣстѣ образованныхъ ветеринаровъ; но для нихъ обученіе въ ветеринарныхъ школахъ обѣихъ столицъ весьма затруднительно и даже недоступно, а въ Виленской школѣ невозможно, потому что этотъ предметъ читается тамъ на польскомъ языкѣ; 2) въ распоряженіи совѣта имѣется помѣщеніе для Ветеринарной школы—каменный двухъ этажный домъ, выстроенный на университетской землѣ за городомъ въ Университетскомъ саду, непригодный для самаго университета и очень удобный для помѣщенія ветеринарнаго училища; а по сосѣдству съ нимъ въ городѣ питомцы училища могутъ найти себѣ квартиры. Попечитель согласился съ этими доводами и съ своей стороны поддерживалъ хо-

датайство университета, такъ какъ скотоводство, по его словамъ, составляло главнѣйшій источникъ народнаго богатства южно-русскаго края. При этомъ представленъ былъ и списокъ инструментовъ, пріобрѣтенныхъ для будущаго училища на 3061 рубль.

Тогда и С. С. Уваровъ согласился на открытіе школы, въ видѣ опыта на 3 года и при томъ только для однихъ своекоштныхъ воспитанниковъ и подъ условіемъ исправленія нѣкоторыхъ пунктовъ устава, а именно: a) министръ указалъ, что въ клинику слѣдуетъ принимать и заразныхъ больныхъ животныхъ, но держать ихъ изолированно отъ остальныхъ, b) ученому кузнецу нужно положить жалованья 1000 р., а директору вовсе не давать добавочныхъ по его должности въ университетѣ, c) особой аптеки не устраивать, а лѣкарства приготовлять въ университетской; d) отъ хозяевъ больного скота брать за его содержаніе деньги по справочнымъ цѣнамъ, а не натурою. Въ такомъ смыслѣ и былъ измѣненъ уставъ, составленный прежде проф. Вишневскимъ. По ходатайству попечителя округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ принимать въ Ветеринарное училище на основаніи правилъ пріема медико-хирургическихъ академій и тѣмъ, которые выдержатъ такой экзаменъ, перечислиться изъ 2-го разряда въ 1-й. Открыто было училище въ 1839 году. А черезъ 3 года, въ 1841 году, совѣтъ университета ходатайствовалъ передъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи сдѣлать новый пріемъ, такъ какъ изъ 56 воспитанниковъ, поступившихъ въ него при открытіи, осталось 40, намѣревавшихся держать окончательный экзаменъ; при этомъ указывалось также на значительную пользу, приносимую новою школою края, на цвѣтущее ея состояніе, благодаря ревностнымъ трудамъ проф. Вишневскаго.

Министръ потребовалъ дополнительныхъ данныхъ о Ветеринарномъ училищѣ—и они были доставлены совѣтомъ. Оказалось, что изъ 56 воспитанниковъ училища въ самомъ началѣ уволилось 11, перешло на юридическій факультетъ 2, исключено было, 3, всего убыло 16 человѣкъ; изъ оставшихся сорока человѣкъ 10 числилось по 1-му разряду и 30 по второму. Клиника открыта была только начиная съ 4-го семестра и въ ней перебывало 187 больныхъ животныхъ и 125 амбулаторныхъ. Инструменты пріобрѣтались на счетъ штатной суммы. Въ южной Россіи скотоводство составляло главнѣйшую статью сельскаго хозяйства. Управленіе же конскими заводами и овчарнями поручалось за неимѣніемъ ветеринаровъ коноваламъ и простымъ овчарамъ, такъ какъ ветеринарные врачи, получавшіе образованіе на казенномъ иждивеніи въ медико-хирургическихъ академіяхъ, назначались правительствомъ въ кавалерійскіе полки. Оканчивавшіе же въ Харьковскомъ

училищѣ ветеринарные врачи и ихъ помощники, такимъ образомъ, могли занять мѣста на конскихъ заводахъ и овчарняхъ почти за такую же плату, какую получали коновалы и овчари, остаться въ здѣшнемъ краѣ и своими познаніями и практикой быть полезными не только скотоводамъ, но и содѣйствовать своими трудами къ прекращенію опустошительныхъ и частыхъ падежей, слѣдовательно, приносить пользу всему государству. Попечитель съ своей стороны указывалъ на то, что на оборудованіе училища были затрачены значительныя средства, и если бы рѣшено было его закрыть, то казнѣ пришлось бы понести убытки. Мы отъ себя еще можемъ прибавить одинъ мотивъ, упущенный совѣтомъ—именно то, что открытіе Ветеринарнаго училища при Харьковскомъ университетѣ было предусмотрѣно университетскимъ уставомъ и штатами 1835 года.

Изъ представленныхъ нами документальныхъ данныхъ видно, что Харьковскій Ветеринарный институтъ выросъ, какъ изъ ячейки, изъ Ветеринарной школы, учрежденной при Харьковскомъ университетѣ въ 1839 г. и составлявшей одно изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета—именно каѳедры ветеринаріи. Эта каѳедра существовала уже по университетскому уставу 1804 года—и первый представитель ея, талантливый проф. Пильгеръ, еще въ 1807 году выступилъ съ грандіознымъ проектомъ отъ учрежденіи въ Харьковѣ особаго высшаго Ветеринарнаго училища, которое, по его мысли, должно было заключать въ себѣ сельско-хозяйственный и ветеринарный институтъ. И зная Пильгера, можно сказать, что онъ былъ бы въ состояніи осуществить этотъ проектъ: у него были для этого достаточныя знанія и самъ онъ былъ преисполненъ кипучей энергіи, но... проектъ его былъ признанъ преждевременнымъ, а его талантъ и энергія размѣнялись на мелкую монету. Прошло еще 32 года— и только тогда, послѣ многихъ колебаній и затрудненій, въ интересахъ развитія народнаго хозяйства, рѣшено было открыть въ скромныхъ размѣрахъ ветеринарное училище при Харьковскомъ университетѣ. Но вѣдь этотъ же мотивъ имѣлъ мѣсто и въ началѣ XIX вѣка—вѣдь и тогда же скотоводство въ южной Россіи составляло основу сельскаго хозяйства, вѣдь и тогда же эпизоотіи уносили массу жертвъ! Но наше поступательное движеніе въ области образованія и умственной культуры въ истекшемъ XIX вѣкѣ не находилось въ должномъ соотвѣтствіи съ запросами передовыхъ дѣятелей своего времени и съ мѣстными потребностями—и приведенные нами случаи неосуществившихся культурныхъ проектовъ Пильгера и Экеблада лишній разъ подтверждаютъ эту мысль. Остается

пожелать, въ виду исполняющагося нынѣ пятидесятилѣтія со дня учрежденія ветеринарнаго института, чтобы поскорѣе состоялось открытіе въ Харьковѣ высшаго сельскохозяйственнаго училища, проектъ котораго разработалъ проф. Пильгеръ еще въ 1807 году. Пусть же по крайней мѣрѣ къ 1907 году осуществится его проектъ, если уже необходимо было, чтобы онъ „созрѣвалъ“ въ теченіе 100 лѣтъ!

XXI.

Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета, открытые въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1]).

Окончивъ 1-й томъ своего „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ и приступая ко 2-му, я долженъ былъ предпринять поѣздку въ Петербургъ, чтобы извлечь необходимые для меня матеріалы изъ авхива Министерства Народнаго Просвѣщенія, и съ этою цѣлью испросилъ себѣ туда ученую командировку на Рождественскіе праздники. Еще работая надъ первымъ томомъ, я внесъ въ него значительное число документальныхъ данныхъ изъ этого архива, а пересматривая описи его, убѣдился въ томъ, что и для слѣдующаго періода въ исторіи Харьковскаго университета (съ 1815 г. по 1835, т. е. до введенія новаго университетскаго устава) тамъ хранится не менѣе богатый матеріалъ.

Получивъ доступъ ко *всѣмъ* документамъ по занимающему меня вопросу, я ознакомился съ ними и воспользовался преимущественно въ цѣломъ видѣ и только отчасти въ извлеченіяхъ. Достаточно сказать, что мною привезено въ Харьковъ 180 листовъ выписокъ изъ архивныхъ дѣлъ.

Вотъ краткія данныя объ этихъ матеріалахъ. На первомъ планѣ по объему и значенію нужно поставить два огромныхъ дѣла—1) о высылкѣ за границу извѣстнаго профессора философіи И. Е. Шада и 2) доносъ на Харьковскій университетъ профессора анатоміи Венедиктова. Надѣлавшее столько шуму не только въ Харьковѣ и Петербургѣ, а и въ Германіи дѣло объ удаленіи Шада изъ Харьковскаго университета, не смотря на значительный интересъ его, было мало извѣстно въ подробностяхъ, конечно, потому что велось все время конфиденціально, секре-

[1]) Записки Харьковск. Университета 1899 г., т. I.

тно. Въ нашемъ университетскомъ архивѣ о Шадѣ не сохранилось даже тѣхъ подлинныхъ документовъ, которые составляли текущее производство и касались не самаго удаленія его, а предшествовавшихъ ему обстоятельствъ; это объясняется отсылкою ихъ въ Петербургъ въ министерство народнаго просвѣщенія, которому приходилось не разъ возвращаться къ этому злополучному процессу и постоянно пересматривать его, потому что Шадъ ни за что не хотѣлъ примириться со своею участью изгнанника и постояно стремился къ своей реабилитаціи. Составъ документовъ этого дѣла обширный и разносторонній; въ немъ мы находимъ съ одной стороны подлинныя бумаги самого Шада—его многочисленныя просьбы, ходатайства, объясненія, оправданія, жалобы—а съ другой доносы и обвиненія его враговъ, приговоры и рѣшенія правительства; все это оставалось неизвѣстнымъ тогдашнему обществу. Такимъ образомъ, на основаніи этого всесторонняго документальнаго матеріала является возможность представить эту замѣчательную страничку изъ исторіи стараго университетскаго быта во всѣхъ ея характерныхъ подробностяхъ, со всѣми ея перипетіями. Кромѣ того, въ объясненіяхъ и оправданіяхъ самого Шада заключается цѣнный матеріалъ для характеристики его философскаго міросозерцанія и, слѣдовательно, для исторіи философіи въ Россіи въ эпоху реакціи, которая оказала сильное вліяніе на самый исходъ этого печальнаго дѣла.

Такимъ печальнымъ эпизодомъ въ исторіи Харьковскаго университета является и доносъ на него проф. Венедиктова. Профессоръ анатоміи Венедиктовъ былъ въ то же время инспекторомъ своекоштныхъ студентовъ. Въ 1833 г. онъ послалъ извѣтъ министру народнаго просвѣщенія гр. Уварову и въ немъ крайне мрачными красками рисовалъ распущенность и безнравственность харьковскаго студенчества, выставляя виновникомъ всего университетское начальство. Венедиктова, по Высочайшему повелѣнію, вызвали для объясненій въ Петербургъ; произведено было тщательное разслѣдованіе, по которому оказалось, что онъ слишкомъ преувеличилъ, раздулъ все дѣло. Это былъ, очевидно, не совсѣмъ нормальный человѣкъ, болѣзненно подозрительный, всюду видѣвшій угрозы существующему порядку вещей и принявшій на себя добровольно роль охранителя этого порядка, которому однако ничто не угрожало; однимъ словомъ и на это дѣло можно смотрѣть какъ на проявленіе реакціи, но только реакціи, расцвѣтшей въ самой профессорской коллегіи. Его доносъ не оправдался, но его послѣ нѣкотораго колебанія снова вернули въ Харьковскій университетъ. Понятно, что положеніе его здѣсь оказалось очень неловкимъ и тяжелымъ: пребываніе его въ Харьковѣ сдѣлалось невыносимымъ и для него самого, и для его товарищей.

Неудивительно, поэтому, что на почвѣ такихъ обостренныхъ отношеній его къ профессорамъ, начальству и особенно студентамъ разыгрался новый прискорбный инцидентъ—его столкновеніе съ однимъ студентомъ, предложившимъ ему въ подарокъ золотую табакерку. Враждебно настроенный къ Венедиктову (за его доносъ) попечитель, другъ государя Николая Павловича гр. Головкинъ рѣшилъ воспользоваться этимъ поводомъ, чтобы освободить университетъ отъ такого непріятнаго человѣка, но сдѣлалъ это очень рѣзко, и его предложеніе объ увольненіи Венедиктова встрѣтило оппозицію со стороны министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова. Оба эти дѣятеля стояли твердо на своемъ и дѣло дошло до государя, который положилъ свою резолюцію. Подлинныя письма гр. Уварова и Головкина (на французскомъ языкѣ) и *собственноручная* резолюція императора Николая Павловича сохранились въ архивѣ и цѣликомъ списаны мною.

Видное мѣсто среди найденныхъ мною документовъ занимаютъ матеріалы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія о служебной дѣятельности попечителей и ихъ отношеніи къ Харьковскому университету. Мнѣ удалось отыскать данныя о службѣ и дѣятельности всѣхъ попечителей, бывшихъ въ этотъ періодъ времени въ Харьковѣ—гр. Северина Осиповича Потоцкаго, Захарія Яковлевича Карнѣева, его племянника Егора Васильевича Карнѣева, Алексѣя Алексѣевича Петровскаго, Владиміра Ивановича Филатьева, гр. Юрія Александровича Головкина, помощника попечителя гр. А. Н. Панина. Нашлись формулярные списки ихъ, инструкціи, даваемыя имъ министрами народнаго просвѣщенія, ихъ отчеты объ осмотрѣ университета и замѣченныхъ въ немъ непорядкахъ, проэкты разныхъ реформъ касательно университета и т. п. Таковъ, напримѣръ, проэктъ реформъ для Харьковскаго университета попечителя Е. Карнѣева, разсмотрѣнный въ ученомъ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія и направленный къ сокращенію университетской автономіи, проэктъ попечителя А. А. Перовскаго объ уничтоженіи выборныхъ должностей ректора и профессоровъ, инструкціи министра попечителямъ Е. Карнѣеву и А. Перовскому, отчеты объ осмотрѣ университета попечителя Е. Карнѣева и гр. Ю. Головкина, анонимный доносъ на попечителя В. Филатьева и объясненія этого послѣдняго.

Весьма важное значеніе для исторіи университетскаго самоуправленія имѣютъ также документы, касающіеся ректорства Осиповскаго, Джунковскаго, Еллинскаго и Кронеберга; они разъясняютъ намъ между прочимъ темный эпизодъ вынужденной отставки Осиповскаго и даютъ не мало данныхъ для характеристики Еллинскаго, Кронеберга и от-

части Джунковскаго, занимавшихъ ректорскую должность въ изучаемый нами періодъ времени; весьма любопытны ходатайства Осиповскаго передъ министромъ объ изданіи его сочиненій для училищъ, проэктъ Магницкаго о вызовѣ профессоровъ изъ славянскихъ земель, предложенія попечителя Е. Карнѣева объ изданіи профессорскихъ лекцій и о раздѣленіи физико-математическаго факультета на два отдѣленія (физико-математическое и естественно-историческое), дѣла о приглашеніи на каѳедру проф. Даниловича и увольненіи за пьянство проф. Нельдехена; прошеніе профессоровъ, поданное ими на Высочайшее имя въ 1816 г. о прибавкѣ жалованья, заключаетъ въ себѣ любопытныя данныя для вопроса о положеніи профессоровъ; два дѣла о диссертаціяхъ Ковалевскаго и Гриневича находятся въ тѣсной связи съ удаленіемъ Шада изъ Харьковскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ являются матеріаломъ для характеристики научнаго уровня молодыхъ людей, стремившихся къ достиженію ученыхъ степеней; сюда же должно быть отнесено дѣло объ ученой командировкѣ въ Англію доктора Гнѣдича; для главы о матеріальныхъ средствахъ университета и его учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ имѣютъ значеніе документы о постройкѣ университетскихъ зданій и о покупкѣ нумизматической коллекціи Шпревитца, а для главы о студентахъ—два дѣла о буйствѣ ихъ въ театрѣ, о жалобѣ ихъ на ординатора Кригера, о пасквилѣ, написанномъ ими на Харьковскаго вице-губернатора Гежелинскаго, и о составленіи ими библейскаго общества. Наконецъ, для вопроса объ училищахъ, находившихся въ вѣдѣніи университета, имѣетъ значеніе проэктъ новой инструкціи для визитаторовъ, представленный проф. Успенскимъ. Особнякомъ должны быть поставлены документальныя свѣдѣнія о посѣщеніи университета Императоромъ Александромъ I и Николаемъ Павловичемъ, о находкѣ древностей въ Кіевѣ и Керчи, объ открытіи первой Воскресной школы въ Харьковѣ въ 1859 г., о постановкѣ, по мысли проф. Дегурова, памятника извѣстному Говарду.

Найденными матеріалами я воспользуюсь главнымъ образомъ для 2-го тома „Опыта исторіи Харьковскаго университета“, частію же для отдѣльныхъ статей и замѣтокъ.

XXII.

Какъ готовится Харьковскій университетъ къ своему столѣтнему юбилею [1]).

Пятидесятилѣтній юбилей Харьковскаго университета въ 1855 г. не могъ осуществиться по той причинѣ, что императоръ Николай Павловичъ призналъ 50-ти лѣтній періодъ жизни университета для юбилейнаго празднованія недостаточнымъ. Университетъ-же, съ своей стороны, сдѣлалъ было всѣ необходимыя приготовленія къ предстоявшему торжеству и, между прочимъ, командировалъ двухъ профессоровъ въ Петербургъ для извлеченія изъ архива министерства народнаго просвѣщенія матеріаловъ для исторіи университета. Профессоръ Рославскій-Петровскій, занимавшійся по исторіи университета, не приготовилъ систематическаго труда, посвященнаго обзору его пятидесятилѣтней жизни, хотя былъ подготовленъ къ такой работѣ, и многіе ея отъ него ожидали. Тѣмъ не менѣе, появился одинъ печатный трудъ, посвященный этому неосуществившемуся юбилею, а именно: „Историко-статистическое обозрѣніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета“, вышедшій въ свѣтъ подъ редакціей помощника попечителя, бывшаго раньше ректоромъ, К. Фойгта. Въ университетѣ состоялось скромное собраніе, на которомъ не было прочитано никакихъ привѣтствій отъ лицъ и учрежденій, а только въ обычномъ годовомъ отчетѣ отмѣчена была важная для академической корпораціи хронологическая дата.

Прошло 50 лѣтъ. Университетъ имѣлъ полное основаніе думать, что столѣтній періодъ его жизни уже окажется достаточнымъ для юбилейныхъ торжествъ, и такъ какъ нужно было подводить итоги за цѣлое столѣтіе, то приступилъ къ составленію юбилейныхъ изданій заблаговременно. Эти юбилейныя изданія и должны быть признаны наиболѣе существеннымъ моментомъ подготовки къ юбилею. Въ самомъ

---

[1]) Кіев. Стар. 1905 г., мартъ; перепечатано изъ «Приднѣпровскаго Края».

дѣлѣ, если смыслъ всякаго юбилея заключается въ подведеніи итоговъ, то значитъ, и юбилей такого просвѣтительнаго учрежденія, какъ университетъ, долженъ напомнить нынѣшнимъ его дѣятелямъ, многимъ поколѣніямъ студентовъ и всему обществу о заслугахъ его передъ наукой, образованіемъ и всею страною. Такія изданія должны возсоздать передъ нами эволюцію въ развитіи университетской жизни, неустанную работу нѣсколькихъ поколѣній преподавателей на пользу юношества и науки, отмѣтить наиболѣе выдающихся дѣятелей въ этомъ отношеніи; показать условія, благопріятствовавшія ходу этой работы и замедлившія его. Такое историческое изображеніе прошлаго не только составляетъ нашъ нравственный долгъ передъ предшественниками, но, связывая настоящее съ прошлымъ, осмысливаетъ первое и уясняетъ послѣднее и заключаетъ въ себѣ нерѣдко серьезныя практическія указанія для будущаго.

Важно, чтобы культурная нить не прерывалась, и необходимо знать, какое культурное наслѣдство и какія задачи одно поколѣніе оставило другому, а между тѣмъ, кажется, ни въ одной сферѣ русской жизни нѣтъ такого большого количества неожиданныхъ переходовъ и попятныхъ движеній, какъ въ области высшаго образованія, въ его историческомъ ходѣ. Въ то время, какъ европейскіе университеты оказали могущественное вліяніе на развитіе ихъ странъ, наши слишкомъ чувствительно отражали въ себѣ всѣ колебанія и условія внутренней политики центральнаго правительства, колебанія, которыя, къ сожалѣнію несравненно чаще двигали ихъ назадъ, а не впередъ, и, такимъ образомъ, наслѣдіе одной либеральной эпохи только въ видѣ слабаго воспоминанія переходили къ другой.

Исторія Харьковскаго университета среди другихъ представляетъ особенный интересъ для историка русской жизни, потому что въ сильнѣйшей степени проникнута духомъ общественности. Самое основаніе университета въ Харьковѣ было обязано своимъ происхожденіемъ общественной иниціативѣ, нашедшей себѣ яркое выраженіе въ лицѣ пылкаго энтузіаста и горячаго поборника просвѣщенія—В. Н. Каразина. Любопытно было также опредѣлить тѣ просвѣтительныя вліянія, которыя подготовили почву среди мѣстнаго общества для воспріятія идеи объ университетѣ. Не менѣе интересно было прослѣдить взаимодѣйствіе иноземной, общерусской и мѣстной стихій въ первые годы существованія университета.

Огромную важность представлялъ, наконецъ, вопросъ о благотворномъ вліяніи университета на мѣстное общество, въ особенности, въ сферѣ низшаго и средняго народнаго образованія, всецѣло переданнаго въ вѣдѣніе университета уставомъ 1804 года.

Любопытно было видѣть, какъ отразилась въ Харьковскомъ университетѣ эпоха идеализма сороковыхъ годовъ, эпоха великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ и, наконецъ, общаго упадка университетской жизни при дѣйствіи устава 1884 года.

Однимъ словомъ,—широкая постановка вопроса, ставившая его въ связь съ исторіей образованія въ краѣ, вообще, представляла не только *значительный* научный, но и общественный интересъ. Она то и побудила меня придать моему опыту исторіи Харьковскаго университета столь значительные размѣры, привлечь массу архивныхъ матеріаловъ и посвятить этой работѣ 12 лѣтъ. И, несмотря на столь значительную затрату времени, я успѣлъ разработать только первыя 30 лѣтъ въ исторіи университета.

Такимъ образомъ, и при существованіи 2-хъ томовъ моей исторіи являлась необходимость въ изданіи краткаго, но систематическаго очерка всей исторіи университета, каковой очеркъ и выполненъ въ настоящее время мною, профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ и профессоромъ В. П. Бузескуломъ. Этотъ очеркъ заключаетъ въ себѣ общій обзоръ жизни Харьковскаго университета при четырехъ его уставахъ—1804, 1835, 1863 и 1864 годовъ. Объемъ его равняется приблизительно 20-ти печатнымъ листамъ. Разсчитанъ онъ на распространеніе среди широкаго круга читателей.

Вторымъ юбилейнымъ изданіемъ явится „Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Харьк. университета“. Онъ будетъ состоять изъ 4-хъ томовъ, изъ коихъ каждый будетъ заключать въ себѣ исторію одного изъ четырехъ факультетовъ и біографіи факультетскихъ преподавателей; каждому факультету посвящается отдѣльный томъ объемомъ въ среднемъ до 30-ти печатныхъ листовъ.

Біографіи расположены въ порядкѣ каѳедръ и составляются нынѣшними представителями этихъ послѣднихъ.

Рядомъ съ біографіями покойныхъ профессоровъ помѣщаются автобіографіи живыхъ и выбывшихъ.

Само собою разумѣется, что въ этихъ послѣднихъ сообщается только строго фактическій матеріалъ и нѣтъ никакой оцѣнки дѣятельности.

Основнымъ матеріаломъ для всего изданія служатъ данныя университетскаго архива—формуляры, дѣла и т. п.

Въ концѣ біографій и автобіографій помѣщены только библіографическіе перечни сочиненій всѣхъ преподавателей университета. Подчасъ встрѣчается и критическая оцѣнка трудовъ. Привлеченъ къ изслѣдованію и печатный матеріалъ.

Въ концѣ каждаго тома будутъ помѣщены въ особыхъ таблицахъ портреты всѣхъ дѣятелей, воспроизведенные фототипическимъ способомъ Московскою фирмою „Фишеръ“.

Третьимъ изданіемъ является „Исторія ученыхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета“. Она будетъ заключать въ себѣ исторію всѣхъ его ученыхъ обществъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, какъ общихъ, въ родѣ, напр., библіотеки, типографіи, такъ равно и пріуроченныхъ къ отдѣльнымъ факультетамъ—кабинетовъ, клиникъ и т. д. И это изданіе будетъ иллюстрировано соотвѣтственными рисунками—планами, видами, портретами и т. п.

Всѣ эти три изданія осуществляются на спеціально ассигнованныя министерствомъ суммы особой юбилейной комиссіей, избранной совѣтомъ университета и состоящей изъ 4-хъ факультетскихъ редакторовъ (проф. М. Е. Халанскаго, М. П. Чубинскаго, И. П. Осипова и И. П. Скворцова) и главнаго редактора (проф. Д. И. Багалѣя).

Юбилейная комиссія работаетъ уже два года и къ назначенному для празднованія юбилея сроку (15-му сентября 1905 года) надѣется окончить свои труды.

Кромѣ того, совѣтъ университета рѣшилъ выпустить въ свѣтъ къ открытію памятника В. Н. Каразина собраніе его сочиненій и поручилъ редакцію ихъ мнѣ. Это будетъ первое изданіе сочиненій выдающагося общественнаго дѣятеля царствованія Павла, Александра I и Николая Павловича.

Сюда войдутъ какъ печатные его труды, разсѣянные въ самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко мало доступныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльныхъ оттискахъ, такъ равно и неизданныя сочиненія, которыя мнѣ удалось найти, благодаря систематическимъ поискамъ въ различныхъ государственныхъ хранилищахъ.

Сочиненія В. Н. Каразина распредѣлены мною по нѣсколькимъ отдѣламъ,—въ зависимости отъ ихъ содержанія: въ первый отдѣлъ войдутъ статьи политическія и статистико-экономическія, во второй—отчеты его по филотехническому обществу и т. д.; особый отдѣлъ составятъ письма В. Н. Каразина къ разнымъ лицамъ.

Все изданіе составить до 60 печатныхъ листовъ и будетъ иллюстрировано портретомъ В. Н. Каразина, видомъ его селенія „Кручика“ и др. рисунками.

Въ связи съ юбилеемъ предприняты еще два частныя изданія.

Студентъ юридическаго факультета, г. Носалевичъ, предпринялъ обширный статистическій трудъ, основанный исключительно на данныхъ университетскаго архива и посвященный чрезвычайно важному

вопросу—о числѣ студентовъ за столѣтній періодъ существованія университета—о распредѣленіи ихъ по факультетамъ, по курсамъ, о выдержавшихъ окончательные экзамены и получившихъ кандидатскую степень и т. д.

Мѣстный фотографъ А. М. Иваницкій издаетъ альбомъ, посвященный столѣтнему юбилею университета. Онъ будетъ исполненъ фототипическимъ способомъ и заключаетъ въ себѣ портреты прежнихъ и нынѣшнихъ профессоровъ и преподавателей университета, группы студентовъ прежняго и нынѣшняго времени, наружные и внутренніе виды университетскихъ зданій и помѣщеній,—аудиторій, лабораторій, клиникъ и т. п.

Здѣсь же будутъ помѣщены портреты выдающихся питомцевъ университета въ разные періоды его существованія,—почетныхъ членовъ его, русскихъ и иностранныхъ, старыхъ и нынѣшнихъ временъ, жертвователей.

Къ альбому будетъ приложенъ мой объяснительный текстъ.

Таковы изданія, вызванныя юбилеемъ; въ совокупности своей они, нужно надѣяться, дадутъ достаточно полное и вѣрное представленіе о заслугахъ Харьковскаго университета передъ наукой, просвѣщеніемъ и обществомъ.

Во время юбилея предположено устроить выставку предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ старому и новому университетскому быту—портретовъ дѣятелей, печатныхъ и рукописныхъ курсовъ, университетскихъ изданій и т. д.

Важнымъ моментомъ въ юбилейныхъ торжествахъ явится также пріуроченное къ нимъ открытіе памятника В. Н. Каразину.

Мысль о постановкѣ памятника В. Н. Каразину возникла уже давно—въ семидесятыхъ годахъ XIX вѣка. Она вышла изъ университетскихъ сферъ, и главнымъ ея проводникомъ въ обществѣ былъ покойный профессоръ Н. А. Лавровскій, который ранѣе другихъ въ своихъ работахъ отмѣтилъ ту руководящую роль, какую игралъ въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета В. Н. Каразинъ.

Харьковское губернское земство первое откликнулось на призывъ къ пожертвованію и ассигновало на памятникъ В. Н. Каразину 5000 р. Потомъ сборы средствъ на памятникъ затянулись, въ особенности—когда было рѣшено ставить не бюстъ, а полную фигуру.

Послѣдніе годы, однако, дѣло пошло энергичнѣе и въ настоящее время его можно считать доведеннымъ до благополучнаго конца.

Сдѣлало крупное пожертвованіе и Харьковское городское общественное управленіе, и мѣстное дворянство.

Путемъ пожертвованій собрана сумма, достаточная на постановку фигуры на высокомъ пьедесталѣ.

Университетъ отвелъ для поставки памятника чудное мѣсто—при выходѣ въ университетскій садъ съ Сумской улицы.

Комитетъ по устройству памятника заказалъ фигуру В. Н. Каразина скульптуру Андріолетти, исполнившему ее подъ руководствомъ профессора Беклемишева.

Постаментъ спроектированъ архитекторомъ А. Н. Бекетовымъ.

Въ настоящее время уже устроенъ фундаментъ для постамента и заготовленъ весь необходимый матеріалъ для него—гранитъ.

Фигура В. Н. Каразина отливается изъ бронзы, по модели скульптора Андріолетти, на одномъ изъ петербургскихъ заводовъ.

На всѣхъ четырехъ сторонахъ постамента будутъ соотвѣтственные рисунки и надписи: видъ его родного селенія Кручика и изреченія, взятыя мною изъ его сочиненій.

Если принять во вниманіе, что въ Харьковѣ до послѣдняго времени не было ни одного памятника и только недавно воздвигнутъ очень скромный бюстъ А. С. Пушкину, то станетъ понятнымъ то нетерпѣніе, съ какимъ ожидаетъ Харьковъ открытія памятника виновнику основанія Харьковскаго университета.

Послѣ открытія памятника предположено публичное чтеніе, посвященное его характеристикѣ и значенію В. Н. Каразина. Замѣтимъ кстати, что въ январской книжкѣ журнала „Кіевская Старина“ начинается печатаніе обширной монографіи о В. Н. Каразинѣ, составленной г. Тихимъ.

Работа этого послѣдняго представляетъ изъ себя сочиненіе, удостоеной золотой медали на тему, заданную историко-филологическимъ факультетомъ Императорскаго харьковскаго университета по предмету русской исторіи.

Такъ готовится Харьковскій университетъ къ оффиціальному празднованію своего столѣтняго юбилея, каковое перенесено съ 17 января на 15 сентября 1905 года, дабы связать съ нимъ и открытіе памятника В. Н. Каразину, въ данный моментъ еще не готоваго.

Будемъ надѣяться, что, при начавшемся нынѣ подъемѣ общественнаго самосознанія, и общественныя, и сословныя, учрежденія, и частныя общества, и корпораціи, и отдѣльныя лица всей юго-восточной полосы Россіи громко и единодушно выразятъ свое сочувствіе почтенному юбиляру—разсаднику наукъ и образованія, что дастъ ему новыя силы для свободнаго развитія своей просвѣтительной дѣятельности въ обновленной Россіи.

XXIII.

Харьковскій педагогъ и журналистъ нач. XIX в. Иванъ Филипповичъ Вернетъ [1].

Интересный типъ Харьковскаго педагога и писателя—журналиста представляетъ обрусѣвшій швейцарецъ Иванъ Филипповичъ *Вернетъ*. Онъ окончилъ курсъ въ Тюбингенскомъ коллегіумѣ, гдѣ готовилъ себя къ пасторской должности, но остался вѣчнымъ кандидатомъ, хотя не переставалъ мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться сельскимъ священникомъ въ прекрасной деревнѣ, обладателемъ чистаго и свѣтлаго домика на скатѣ пригорка, близъ рощи, мужемъ образованной, кроткой и благочестивой супруги. „Если бы къ сему можно было, писалъ онъ, присоединить еще пару коровъ, терпѣливаго осла, сильнаго коня и десятокъ овецъ, то домъ мой былъ бы изображеніемъ маленькаго эдема“. Но судьба сдѣлала изъ него вѣчнаго бездомнаго странника и забросила его въ далекую Россію, гдѣ онъ и умеръ послѣ 40-лѣтняго почти въ ней пребыванія. Онъ пріѣхалъ въ началѣ 80-хъ годовъ въ Россію, чтобы сдѣлаться чтецомъ у знаменитаго Суворова, который немедленно сталъ называть его Филиппомъ Ивановичемъ (а не Иваномъ Филипповичемъ), но получилъ отъ Вернета слѣдующую остроумную отповѣдь: „этому статься нельзя, возразилъ Вернетъ; имя мое для меня тѣмъ пріятнѣе, что оно дано было мнѣ родителями... При томъ же Іоаннъ значитъ Божья благодать, отъ которой я всего ожидаю; Филиппъ означаетъ конелюба, что совсѣмъ нейдетъ къ моему положенію, ибо у меня нѣтъ ничего на земномъ шарѣ, ниже кошки“. Суворовъ, говоритъ Вернетъ, отъ всего сердца разсмѣялся, поцѣловалъ меня въ лобъ и прибавилъ: „Ну, Филиппъ Ивановичъ, ты не дуракъ...—У меня будешь богатъ“.

Послѣ того Вернетъ былъ гувернеромъ во многихъ домахъ и учителемъ въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Онъ прекрасно зналъ 4 языка—французскій, нѣмецкій, латинскій и *русскій*—и могъ дѣлать пе-

[1] Сборн. Харьк. Истор.-Филол. Общ., т. XVIII.

реводы съ однаго изъ нихъ на другой; онъ, напримѣръ, читалъ прямо по русски иностранныя газеты и вообще былъ образованнымъ человѣкомъ, особено начитаннымъ въ области литературной. О знаніи имъ русскаго языка свидѣтельствуютъ его журнальныя статьи, по поводу которыхъ издатели Украинскаго Вѣстника говорятъ: въ первый разъ видя, считаютъ Вернета иностранцемъ; даже языкъ русскій, что бы ни писалъ онъ на немъ, не портится, а еще украшается подъ его перомъ. При такой подготовкѣ, онъ былъ превосходнымъ педагогомъ, тѣмъ болѣе что у него было къ этому дѣлу прямое призваніе. „Заброшенный посреди снѣговъ русской провинціальной жизни, говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ благодарный ученикъ, онъ теплотой души своей превращалъ вокругъ себя ледяную кору въ зеленѣющую ниву и взращалъ на этомъ оазисѣ благородныя сѣмена чести, правоты, безкорыстія. Вотъ почему въ началѣ онъ принималъ званіе гувернера съ большимъ выборомъ—только тамъ, гдѣ расчитывалъ найти благопріятную почву для своего педагогическаго и нравственнаго воздѣйствія; подъ конецъ же жизни вынужденъ былъ не быть столь строгимъ и разборчивымъ. Онъ любилъ природу, путешествія, гдѣ оставался со своими размышленіями, и общество ненатянутыхъ искреннихъ людей, въ особенности оптимистовъ; не имѣя почти ничего, онъ былъ всегда веселѣе тѣхъ богачей, у коихъ проживалъ; онъ радовался болѣе тому, что у него было, нежели огорчался тѣмъ, чего у него не было. Увлекаясь Ж. Ж. Руссо, онъ взоры свои съ любовью обращалъ не на чертоги, а на хижины мирныхъ и трудолюбивыхъ поселянъ... „Да окостенѣетъ мой языкъ, писалъ онъ, если я когда либо назову подлою трудолюбивую и благодѣтельную руку поселянина, раздирающаго за меня нѣдра земли! „Такъ думать и чувствовать, говоритъ Л., можетъ только благородная натура“. Онъ очень полюбилъ свою вторую родину—Малороссію и особено Слободскую Украину. „Какъ бы изумились мои соотечественники, говорилъ Вернетъ, если бы увидѣли меня случайно между чужаками, среди коихъ я нашолъ гостепріимство, честность и умъ! Нѣтъ у меня словъ, чтобы достойно возблагодарить тѣхъ, кои въ Украинѣ и Малороссіи, бывъ чужими, предлагали мнѣ ихъ домы и услуги и прямо родственнымъ сердцемъ призирали меня бездомнаго“. И онъ побывалъ чуть ли не во всѣхъ городахъ Малороссіи, Украйны и Новороссіи, Харьковъ онъ любилъ какъ свой домъ, гдѣ провелъ молодость и старость. „Я могу, говорилъ онъ, называть въ силу давности себя харьковскимъ жителемъ, поелику Харьковъ есть средоточіе, куда съ 1787 года, когда я былъ въ немъ первый разъ, стремятся мои желанія по окончаніи всякаго путешествія.

Любя Харьковъ, онъ позволялъ себѣ иногда надъ нимъ и добродушную иронію. „Харьковъ лучше вдали, чѣмъ вблизи, особено въ дождливое время... Онъ не обилуетъ водою! Это ощутительно всегда и особенно на Лопанскомъ мосту, который сравненъ быть можетъ съ великолѣпнымъ мостомъ, построеннымъ въ Мадритѣ на Мансанаресѣ, въ томъ, что лѣтнею порою въ обѣихъ рѣкахъ едва ли достанетъ воды для гусей". Это былъ истинный космополитъ—ко всѣмъ народамъ и вѣроисповѣданіямъ онъ относился одинаково. Онъ любилъ бесѣдовать съ людьми всякаго званія; интересуясь замѣчательными въ какомъ либо отношеніи людьми, онъ въ то же время вступалъ въ бесѣды и съ самыми заурядными дѣятелями изъ простого народа. Чаще всего свои путешествія, подобно Г. С. Сковородѣ, онъ совершалъ пѣшкомъ, неся на плечахъ свой чемоданчикъ, въ которомъ помѣщалось все его имущество, такъ что онъ былъ почти правъ, когда говорилъ—omnia mea mecum porto.— Тамъ была его библіотека (Виргилій, Горацій, нѣсколько томовъ Руссо, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ, Стернъ, Анахарсисъ, Геснеръ, Юнгъ, Галлеръ), бѣлье и платье. Мы говоримъ „почти правъ", потому что у него была его волчья шуба, не помѣщавшаяся въ чемоданѣ. Впрочемъ ему удалось за долгіе годы сколотить маленькій капиталъ, на проценты съ котораго онъ и могъ скромно существовать, не занимаясь уже преподаваніемъ. А когда ему пришлось дѣлать новый гардеробъ—фракъ и сюртукъ, которые онъ носилъ 17 лѣтъ и 6 разъ выворачивалъ, мылъ и перешивалъ—то онъ поступилъ на полгода въ качествѣ учителя къ одному изъ харьковскихъ помѣщиковъ готовить сына его въ университетъ—этотъ его ученикъ и оставилъ намъ свои воспоминанія о немъ, и мы пользуемся ими для его біографіи.

Вернетъ подражалъ страннической жизни Г. С. Сковороды—переѣзжалъ отъ одной знакомой семьи къ другой; но его жизнь не лишена была нѣкотораго комфорта и, главное, онъ все таки стыдился своей бѣдности и старался жить у богатыхъ.

Помѣщикъ Богдановичъ письмомъ въ редакцію Укр. Вѣстн. вызывалъ его къ себѣ посмотрѣть его „жизнь и обстановку", и у подобныхъ помѣщиковъ онъ бывалъ своимъ человѣкомъ.

Самъ Вернетъ въ статьѣ „Послѣднее мое пребываніе въ Харьковѣ" говоритъ: „Ну, завтра мнѣ въ путь! Куда же? Самъ еще не знаю; куда глаза глядятъ. Спасибо гостепріимной Россіи и многочисленнымъ знакомствамъ въ городѣ; мнѣ не о чемъ заботиться, нѣсколько минутъ—и мой чемоданъ уложенъ, у меня немного вещей... Я выѣзжалъ изъ великолѣпнаго Мерчика не весьма пышно. Колесница моя везома была двумя кобылицами. Возница былъ уменъ и говорливъ; но подобно всѣмъ

Адамовымъ дѣтямъ, судилъ о своемъ собратѣ по наружности... Но торжество меня ожидало у градскихъ воротъ: встрѣчается со мною вицегубернаторъ. Ласковая его встрѣча со мною заставляетъ моего возницу перемѣнить обо мнѣ мысли и его удивленіе выражается слѣдующимъ (восклицаніемъ): „Пане, да не прогнѣваетесь ваша милость; я думалъ, что вы человѣкъ „божевильный“, а теперь, глядя на происходящее, бачу, что вы человѣкъ путный“... Кромѣ вышеупомянутаго ласковаго и любезнаго моего ученика Дм. А. З(ахаржев)скаго никто изъ знакомыхъ со мною не встрѣтился и я не имѣлъ причины стыдиться бѣднаго своего экипажа, если бы и щекотливое самолюбіе тогда овладѣло мною. Я скоро пріѣхалъ въ квартиру къ І. Ник. Позн(анскому). Онъ улыбнувшись и окинувъ глазами коней, возницу, будущаго постояльца и пожитки его, принялъ меня ласково и назначилъ мнѣ пространную и пышную квартиру, которую я, вопреки пословицѣ „что два кота литератора не помѣщаются въ одномъ мѣшкѣ“, раздѣлилъ съ добрымъ и любезнымъ баснописцемъ Г. М. [1]).

Въ образѣ жизни Вернета было много странностей и причудъ. Онъ очень любилъ купаться и, купаясь въ р. Харьковѣ, воображалъ, что купается въ греческой рѣкѣ Пеней въ Темпейской долинѣ. Выбравъ возлѣ берега неглубокое мѣсто, влазилъ въ воду одѣтымъ и, уже посидѣвъ въ водѣ, раздѣвался и развѣшивалъ свое мокрое платье на сучьяхъ деревьевъ, оставался въ рѣкѣ, пока оно не высыхало. Иногда онъ бралъ съ собою книгу и читалъ ее или сидя въ водѣ или обсыхая на берегу. Когда его захотѣлъ увидѣть П. И. Рикордъ, освободившій изъ плѣна Головина, онъ принялъ его въ темной комнаткѣ, не зажигая свѣчей, дабы его видъ не нарушалъ иллюзіи его прекрасной остроумной бесѣды. Выступить на журнальное поприще его уговорилъ редакторъ Укр. Вѣстн. Гонорскій Его произведенія представляли изъ себя легкія литературныя статьи, гдѣ видную роль играютъ размышленія и воспоминанія о разныхъ извѣстныхъ ему лицахъ и мѣстахъ и цитаты изъ его любимыхъ писателей. По литературному направленію своему эти статьи примыкаютъ къ той швейцарской философско-литературной школѣ, представителями которой были Руссо, Бернардеръ де-Сенъ Пьеръ и другъ.

Чтобы дать понятіе о взглядахъ, которые развивалъ Вернетъ передъ читателями „Украинскаго Вѣстника“, о его міросозерцаніи, остановимся нѣсколько на содержаніи его статьи, озаглавленной „Мысли одного изъ моихъ дней въ Харьковѣ“. „Всѣ имѣютъ нужду въ снисходительности и помилованіи“—такъ начинаетъ Вернетъ свою

---

[1]) Укр. Журн. 1824, № 21—22, стр. 228—257.

статью... „Долгъ каждаго желать, чтобы поступки современниковъ не стоили раскаянія и слезъ потомкамъ, непритворное со мною обращеніе, иногда обѣдъ—вотъ чего требую отъ богатыхъ сосѣдей, а моя за то плата—веселый нравъ, доброжелательство и усердіе. Что не говори, а роль хозяина пріятнѣе роли гостя. Удовольствіе дѣлать добро есть безъ сомнѣнія лучшая награда... Но оставимъ кухню и деньги! У меня одинъ конекъ съ покойнымъ Сковородою. Надобно, чтобы любилъ тѣхъ, у коихъ обѣдаю... Я люблю быть въ гостяхъ тамъ, гдѣ веселыя шутки, необидные разсказы и острыя разсужденія разсѣиваютъ задумчивость и грусть—не насмѣшки и пересуды. Общежитіе есть обмѣнъ чувствъ, мыслей, совѣтовъ и услугъ. Терпѣніе, снисходительность, прощеніе, любовь—вотъ удѣлъ слабыхъ смертныхъ. Я люблю откровенную бесѣду и не довѣряю усердію тѣхъ, кои въ комплементахъ и въ обѣщаніяхъ великіе мастера. Улицы становятся училищемъ, изъ коего я почерпаю полезные уроки. У меня нѣтъ экипажа; но ходить пѣшкомъ выгодно для здоровья и наблюденія. Конечно, великая разница между богатыми экипажами и бѣдными телѣжками поселянъ, кои со здоровыми лицами часто попадаются мнѣ навстрѣчу. Если же хорошенько разобрать основанія прямого счастія, то разстояніе между людьми не такъ велико, какъ оно съ перваго взгляда покажется. Одежда моя не пышна, но прилична моему состоянію и при томъ моя. Также подъ толстымъ сукномъ согрѣешься, какъ подъ бархатомъ. Правъ Сковорода: Богъ сдѣлалъ нужное и полезное нетруднымъ. Умѣренность многое замѣняетъ, но ничего не замѣнитъ потери честности. Имя, платье и экипажъ не дѣлаютъ человѣка; не нужно быть всегда эпикурейцемъ... Два или три блюда и нѣсколько аттической соли и не будетъ неваренія въ желудкѣ. Часто пресыщенный сибаритъ завидуетъ жемчужнымъ зубамъ и аппетиту бѣдняка, жадно пожирающаго кусокъ черстваго хлѣба, у него же вымоленнаго. О бѣднякѣ не заботятся, но Богъ о немъ печется, какъ и богачѣ. Видъ богатства и роскоши не долго плѣняютъ глаза и воображеніе; напротивъ картины домашняго порядка и семейнаго благополучія наполняютъ сердце сладостнымъ и продолжительнымъ удовольствіемъ. Я это всегда ощущаю въ домѣ Кар. Ив. Кеппенъ... Оставляя другимъ шумныя забавы, я съ прогулокъ или посѣщенія пріятелей спѣшу въ уединенную свою комнату, чтобы въ тишинѣ разсуждать о видѣнномъ и слышанномъ въ продолженіи дня, изслѣдовать, осуждать, бранить себя, раскаиваться и мириться съ собою, отдыхать и теряться въ лабиринтѣ пріятныхъ мечтаній. Безмятежный покой, пріятный досугъ—сладостное успокоеніе сердца, неволнуемаго страстями. Вы ничто передъ блаженствомъ, вкушаемымъ душею,

когда человѣкъ доволенъ собою! Вотъ истинный камень философическій“ [1]).

Въ статьѣ о Харьковскомъ кладбищѣ Вернетъ вспоминаетъ о погребенныхъ здѣсь—прот. Шванскомъ, директорѣ Буксгевденѣ, докторѣ Ив. Ив. Кеппенѣ, шведахъ—баронѣ Гастферѣ и кап. Элминѣ, Неклюдовой, юношѣ Бахтинѣ, М. Д. Драгомирѣ, Горемыкиной. «Умъ, ученость, скромность и отмѣнная нравственность, говоритъ Вернетъ, отличали особу сановитаго и благочестиваго Шванскаго. Я зналъ мало покойниковъ, о коихъ вообще столько сожалѣли, какъ о Ш. Если бы вѣрили призракамъ, то надлежало бы искать его тѣни въ Харьковскомъ соборѣ, гдѣ часто гремѣло его краснорѣчіе, или въ Коллегіумѣ, гдѣ подъ его руководствомъ образованы были многіе, нынѣ дѣлающіе честь ихъ почтенному сану и коимъ принадлежитъ преимущество достойно хвалить образовавшаго ихъ наставника». Буксгевденъ «давалъ правила и примѣры своимъ питомцамъ. Благонравіе и благочестіе обитали въ его домѣ; одна болѣзнь могла удерживать сего достопочтеннаго директора отъ ежедневнаго посѣщенія ввѣреннаго ему Харьковскаго училища. Не забуду никогда и моего друга Ив. Ив. Кеппена—честнаго, искуснаго и примѣрнаго врача». Горемыкина имѣла счастіе подчивать блинами Петра I-го въ Харьковѣ [2]).

Вернетъ оставилъ намъ характеристику Г. С. Сковороды, котораго послѣдній разъ онъ видѣлъ у общаго пріятеля ихъ П. Ѳ. Пискуновскаго. Онъ его сравниваетъ съ необдѣланнымъ дорогимъ камнемъ, которому недоставало шлифовки, и не понимаетъ, въ чемъ заключалась тайна его вліянія на учениковъ. Сковорода, по его словамъ, любилъ преимущественно малороссіянъ и нѣмцевъ. Эта исключительная любовь была причиною спора, возникшаго между Сковородою и Вернетомъ при первомъ ихъ свиданіи. Вернету не нравились и сочиненія Сковороды—какъ прозаическія, такъ и стихотворныя; «онъ не любилъ, по его словамъ, ходить по мрачному лабиринту метафизики, привыкши издавна къ ясному и прекрасному слогу любезнаго Сенъ-Піера и къ простому, удобопонятному умствованію Локка и Кондильяка. При всемъ томъ Вернетъ чтилъ Сковороду и чувствовалъ въ себѣ склонность *подражать* ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, что Сковорода назвалъ его *мужчиною съ бабьимъ умомъ* и дамскимъ секретаремъ, онъ былъ ему весьма обязанъ за эти титулы, ибо это было въ тѣ счастливые лѣта, когда человѣкъ, у коего не тыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца, поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму». Такъ говоритъ самъ Вернетъ; но

[1]) Укр. Вѣстн. 1819 г., апрѣль, стр. 66—75.

[2]) Укр. Вѣст. 1817, ч. 6, стр. 323—328.

едва ли можно допустить, чтобы ему понравился столь рѣзкій эпитетъ Сковороды.

Цѣлая пропасть была между глубокимъ оригинальнымъ самобытнымъ умомъ Сковороды и легкимъ, избѣгавшимъ всякихъ трудностей, умомъ швейцарца Вернета, который могъ быть только подражателемъ великаго «старчика Варсавы» и притомъ главнымъ образомъ во внѣшнихъ пріемахъ его проповѣднической жизни, напримѣръ, странствованіяхъ. Сковорода, проживая и у помѣщиковъ, оставался самимъ собою по образу жизни, разъ на всегда на себя имъ принятому и всегда безъ стѣсненія говорилъ имъ истину. Проповѣдь Сковороды ставила себѣ коренную задачу умственнаго и нравственнаго перерожденія общества; Вернетъ же въ своихъ бесѣдахъ и писаніяхъ старался быть пріятнымъ собесѣдникомъ, ведшимъ какъ бы непринужденную causerie со своими читателями, въ которой было много интереснаго, новаго и поучительнаго, но не глубокаго. Какого бы опредѣленнаго сюжета онъ ни касался, онъ всегда дѣлалъ отступленіе въ сторону легкихъ философскихъ размышленій, литературныхъ бесѣдъ, проникнутыхъ риторикой и отчасти сентиментальностью. Понятно, что вліяніе подобныхъ статей не могло быть особенно значительно. Это былъ, такъ сказать, *фельетонистъ* своего времени, писавшій легкимъ стилемъ, обладавшій чисто французскимъ литературнымъ образованіемъ; его читали; онъ былъ извѣстенъ и даже популяренъ; его охотно приглашали къ себѣ, тѣмъ болѣе что онъ потомъ печатно благодарилъ своихъ радушныхъ хозяевъ. Но этимъ дѣло и ограничивалось—особенно глубоко его вліяніе не шло. И конечно онъ самъ сознавалъ все величіе глубоко уважаемаго, хотя и непонятаго имъ и столь отличнаго отъ него по внутреннимъ особенностямъ Г. С. Сковороды. «Я нарочно, говоритъ онъ, ѣздилъ изъ Мерчика въ деревню Ивановку (Богодух. у.) для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные остатки незабвеннаго Сковороды» [1]).

Но все таки, стоя несравненно ниже Г. С. Сковороды по уму и по вліянію на современное украинское и въ частности Харьковское общество, И. Ф. Вернетъ представляетъ изъ себя оригинальнаго и симпатичнаго дѣятеля, оставившаго по себѣ добрую память у современниковъ.

Вернетъ, пишетъ его ученикъ Л. въ 1847 году умеръ бездомнымъ, безсемейнымъ, на далекой чужбинѣ, заброшенный туда причудливой судьбой, но не пропала о немъ память; еще помнятъ его въ Малороссіи, помнятъ всѣ тѣ, въ чью душу бросилъ онъ неистребимое сѣмя прямоты и духовной свободы [2]).

---

[1]) Укр. Вѣстн. 1817, ч. 6, стр. 121—125.

[2]) Современникъ 1847, февраль, стр. 167—195.

XXIV.

Историческія повѣсти и статьи Гр. Ѳед. Квитки.

(къ 50-тилѣтію со дня его кончины).

Къ 1894 г. относятся юбилейныя поминки трехъ наиболѣе замѣчательныхъ дѣятелей Слободской Украйны,—Вас. Наз. Каразина, Гр. Ѳед. Квитки и знаменитаго украинскаго философа Гр. Сав. Сковороды. Харьковскій университетъ въ прошломъ году почтилъ память виновника своего существованія В. Н. Каразина. Въ 1878 г. городъ Харьковъ торжественно отпраздновалъ столѣтіе со дня рожденія Гр. Ѳед. Квитки. Однимъ изъ наиболѣе важныхъ и осязательныхъ результатовъ этого празднованія было изданіе его сочиненій, предпринятое харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ подъ редакціей проф. А. А. Потебни въ пользу народной школы имени писателя въ его родной Основѣ.

Теперь по случаю 50-тилѣтія со дня кончины Г. Ѳед. Квитки нельзя не вспомнить о его плодотворной общественной и литературной дѣятельности.

Я, впрочемъ, намѣренъ коснуться только литературныхъ трудовъ покойнаго писателя и при томъ не всѣхъ, а только тѣхъ, которыхъ я не могъ обойти въ своихъ историческихъ работахъ и на которыхъ, сколько мнѣ извѣстно, не останавливались прежніе изслѣдователи [1]),— именно его историческихъ статей и повѣстей.

Гр. Ѳед. Квитка представляетъ изъ себя самый яркій типъ областнаго общественнаго дѣятеля: онъ болѣе тѣсно связанъ съ Харьковомъ и Харьковщиной, чѣмъ даже В. Н. Каразинъ и Гр. Сав. Сковорода: первый не былъ малороссомъ по происхожденію, второй родился въ Лѣвобережной Малороссіи; родъ же Квитокъ—одинъ изъ самыхъ древнихъ въ Слободской Украйнѣ. Онъ игралъ видную роль въ историче-

1) Библіографію статей о Гр. Ѳед. Квиткѣ см. въ „Очеркахъ Укр. Лит." Петрова, а также въ рецензіи на эту книгу проф. Н. П. Дашкевича (въ отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ премій).

скихъ судьбахъ этого края, наравнѣ съ Кондратьевыми, Лесевицкими, Тевяшовыми, Шидловскими и др. и уступалъ въ этомъ отношеніи только однимъ Донцамъ-Захаржевскимъ, которые были наиболѣе популярны въ Харьковскомъ и Изюмскомъ слободскихъ полкахъ. Впрочемъ и изъ фамиліи Квитокъ также выбирались полковники въ эти два полка. Фамильное преданіе выводитъ Квитокъ изъ Москвы. Гр. Ѳед. Квитка разработалъ это фамильное преданіе въ особомъ литературномъ произведеніи „Основаніе г. Харькова“ (о немъ будемъ говорить впослѣдствіи). Но едва ли можно сомнѣваться въ малорусскомъ происхожденіи Квитокъ— объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ ихъ фамильное прозвище (квитка— по-малорусски цвѣтокъ); притомъ и въ фамильномъ преданіи Андрей Квитка выводится изъ Юго-Западной Руси, откуда вышло огромное большинство жителей Слободской Украины; боярское же происхожденіе его ничѣмъ не доказывается, и мысль о немъ, очевидно, была вызвана желаніемъ доказать древность своего рода.[1]). Гр. Ѳед. Квитка ограничился въ этомъ случаѣ невинной литературной обработкой семейной легенды; другіе же съ этою же цѣлью ссылались на польскіе гербовники, особенно въ концѣ XVIII в., когда вопросъ о дворянскомъ званіи получилъ практическое значеніе. Какъ бы то ни было, Квитки своею личною дѣятельностью создали себѣ почетное положеніе въ мѣстномъ Харьковскомъ обществѣ во 2-й половинѣ XVII и XVIII вв. Изъ ихъ семьи вышло нѣсколько выдающихся дѣятелей на поприщѣ военнаго и гражданскаго управленія краемъ. Таковъ былъ, напримѣръ, Харьковскій полковой судья Семенъ Аѳанасьевичъ Квитка, занимавшійся постройкой укрѣпленій противъ татаръ; онъ обновилъ городки—Тарановку, Гуляй-Поле и опустошенный валъ (въ 1713 г.); онъ въ числѣ прочихъ подписалъ просьбу о сохраненіи за старшиною прежнихъ правъ по части полковаго самоуправленія, которое старался нарушить полк. Прок. Куликовскій. Таковъ былъ сынъ его, прадѣдъ Гр. Федоровича, Харьковскій полковникъ Григорій Семеновичъ Квитка, пожалованный въ полковники по докладу Апраксина Петромъ Вел. 2-го ноября 1703 г.; при немъ казаки Харьковскаго полка должны были обратить особенное вниманіе на сторожевую службу, потому что въ это время особенно

---

[1]) При томъ Илья Ив. Квитка, авторъ „Записокъ о Слободск. полкахъ“, изданныхъ Гр. Ѳед. Квиткою, производитъ Квитокъ изъ польскаго шляхетства и говоритъ, что ихъ родоначальникъ Афанасій вышелъ изъ польскаго королевства и, вступивъ въ подданство царя Алексѣя Михаиловича, былъ полковникомъ Гадяцкаго Малороссійскаго полка; сынъ же его Семенъ, по смерти отца, перешелъ въ Харьковскій полкъ въ 1666 году и былъ избранъ тамъ полковымъ судьей. (См. Зап. о Слоб. полк., 2 изд. стр. 23).

усилились наѣзды запорожцевъ; онъ же предводительствовалъ казаками, отправленными въ отдаленный персидскій походъ, откуда вернулись немногіе. Таковъ былъ дѣдъ нашего писателя Иванъ Григорьевичъ Квитка, пожалованный въ 1743 г. грамотою Елисаветы Петровны въ полковники Изюмскаго полка. Будучи обознымъ Харьковскаго полка, онъ участвовалъ въ крымскомъ походѣ Ласси, о чемъ оставилъ собственноручныя любопытныя замѣтки; тогда сожгли Карасу-Базаръ, а онъ самъ едва избѣжалъ смерти. Онъ предводительствовалъ слободскими казаками, отправленными въ 1733—1734 г. въ польскій походъ. Только отецъ Григорія Ѳедоровича не занималъ уже видной должности, но, вѣроятно, потому, что въ это время прежній полковой режимъ былъ уничтоженъ и введено новое общерусское управленіе.

Квитки были связаны съ Харьковомъ и своею службою, и своимъ имѣніемъ—знаменитой *Основой*, давшей Григорію Ѳедоровичу его извѣстный псевдонимъ Основьяненка. Подгородное селеніе Основа было куплено Квитками у Донецъ-Захаржевскихъ. Квитки были соединены узами родства со многими харьковскими фамиліями. Такъ, мать Григорія Ѳедоровича происходила изъ рода Шидловскихъ, а Шидловскіе пользовались большою извѣстностью и вліяніемъ въ харьковскомъ краѣ; дѣдъ писателя Изюмскій полковникъ Ив. Гр. Квитка былъ женатъ на сестрѣ знаменитаго іерарха—епископа Бѣлгородскаго Іоасафа Горленка. Это родство имѣло повидимому большое вліяніе на развитіе религіознаго чувства въ семьѣ Квитокъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что слободско-украинская казацкая старшина въ массѣ была вообще религіозна; теплое религіозное чувство она должна была вынесть (и дѣйствительно вынесла) еще изъ Заднѣпровья, гдѣ не было свободы совѣсти и гдѣ религіозныя преслѣдованія вызвали къ жизни и православныя церковныя братства, и полемическую литературу духовнаго содержанія, и школы, и типографіи, и шпитали. И всѣ эти учрежденія были перенесены выходцами изъ-за Днѣпра на ихъ новую родину—въ Слободскую Украйну. Во главѣ всѣхъ этихъ духовно-просвѣтительныхъ учрежденій стояло духовенство, не только не порвавшее связей съ народомъ, но наоборотъ крѣпко связанное съ нимъ нравственными узами и общими духовными интересами. И здѣсь, какъ въ Запорожьѣ, многіе славные воины находили себѣ „тихое пристанище“ подъ конецъ жизни въ монастыряхъ; изъ выдающихся мѣстныхъ старшинскихъ фамилій выходили даже настоятели и настоятельницы такихъ монастырей; самыя обители основывались подъ часъ представителями тѣхъ же фамилій; они же были щедрыми вкладчиками въ существующіе монастыри и церкви. Школа была органически, а не искусственно, связана съ церковью: извѣстно, какъ много

тогда было народныхъ школъ, въ которыхъ учителями были представители низшаго духовенства—дьячки; извѣстно, какую важную роль игралъ въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія харьковскій коллегіумъ и его питомцы, какъ сильна была въ немъ струя свѣтскаго элемента, проявлявшаяся и въ предметахъ преподаванія, и въ составѣ учащихся (среди нихъ было не мало старшинскихъ, казацкихъ и мѣщанскихъ дѣтей). Однимъ словомъ, было свободное взаимодѣйствіе двухъ силъ, интересы которыхъ не расходились, а находились въ гармоническомъ сочетаніи: общество подвергалось вліянію духовной среды, въ рукахъ которой находилось просвѣщеніе,—но оно въ свою очередь вліяло на духовенство: отъ него зависѣлъ выборъ приходскихъ священниковъ; оно содержало школы и братства. Вотъ на этой то почвѣ, очевидно, и развивалось у отдѣльныхъ представителей семейства Квитокъ стремленіе къ монашеству. Родство съ Іоасафомъ Горленкомъ, само собою разумѣется, должно было еще болѣе укрѣпить въ нихъ религіозное чувство, такъ какъ епископъ Бѣлгородскій подолгу гостилъ въ Основѣ, любилъ своихъ родственниковъ и, отличаясь стремленіемъ къ благочестивой жизни, долженъ былъ оказывать вліяніе въ этомъ именно направленіи и на нихъ. И дѣйствительно, изъ фамиліи Квитокъ вышелъ цѣлый рядъ монаховъ и монахинь. Таковъ былъ Николай Ивановичъ Квитка, принявшій постриженіе въ Куряжскомъ монастырѣ въ 1752 г. Таковъ былъ дядя Григорія Ѳедоровича, Наркизъ, бывшій настоятелемъ въ томъ же монастырѣ; въ Основянской церкви доселѣ хранится его наперстный крестъ. Въ Хорошевскомъ монастырѣ двѣ настоятельницы были изъ семьи Квитокъ—Ѳеофанія и Марія; о первой въ лѣтописи Квитокъ записано: „1728 г. генваря 28 дня сестра моя Ѳеодосія приняла иноческій чинъ и наречено ей въ иночествѣ имя Ѳеофанія; постригалъ архіерей харьковскій Ефремъ Черкасскій“; о второй въ той же лѣтописи мы читаемъ слѣдующее: „Вас. Андр. Гамалѣя, умершій въ Гилянскомъ походѣ, имѣлъ въ супружествѣ дочь Харьк. полк. Григ. Сем. Квитки, Марѳу Григ., которая послѣ его смерти въ 1729 г., приняла монашество въ Хорошевскомъ монастырѣ и тамъ была нѣсколько лѣтъ игуменіей; фамилія Гамалѣевъ въ Стародубѣ; ихъ деревни в. богатыя“. Наконецъ, и самъ Григорій Ѳедоровичъ Квитка, какъ извѣстно, былъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Религіозное усердіе мы замѣчаемъ даже у тѣхъ представителей рода Квитокъ, которые всецѣло были поглощены военными и гражданскими дѣлами; такъ, напримѣръ, полковникъ Григорій Семеновичъ Квитка создалъ первый храмъ въ своемъ селеніи Основѣ; Ѳедоръ Ивановичъ Квитка (отецъ нашего автора) построилъ вторую церковь. Говоря о людяхъ, близкихъ къ семьѣ Кви-

токъ и оказавшихъ на нихъ духовное вліяніе, нельзя, конечно, умолчать о знаменитомъ украинскомъ философѣ—Григоріѣ Савичѣ Сковородѣ. Въ немъ было именно такое сочетаніе монашеско-аскетическаго и свѣтскаго элемента, какое всѣхъ удивляло въ Григоріи Ѳедоровичѣ Квиткѣ. Извѣстна эпиграмма на него В. Н. Каразина:

Былъ монахомъ, былъ актеромъ!
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Григорій Савичъ Сковорода бывалъ въ домѣ Квитокъ, и его религіозно-нравственная проповѣдь должна была оказать сильное вліяніе на впечатлительную душу юноши поэта; онъ удалился въ монастырь, но не долго удержался тамъ: въ немъ проснулась любовь къ жизни, къ искусству и поэзіи. Это пробужденіе совпало и было вызвано даже, по всей вѣроятности, общимъ пробужденіемъ харьковскаго общества въ началѣ XIX стол. Такое крупное событіе, какъ основаніе университета (въ 1805 году), должно было само по себѣ уже оказать замѣтное вліяніе на всѣ стороны мѣстной жизни, въ особенности же на просвѣщеніе. Но Харьковскій университетъ былъ основанъ кромѣ того при исключительныхъ обстоятельствахъ, благодаря яркому проявленію сочувствія къ учрежденію высшаго учебнаго заведенія въ полуденной Россіи со стороны различныхъ слоевъ харьковскаго общества; сочувствіе это выразилось въ огромныхъ денежныхъ жертвахъ. Вотъ это то общественное движеніе, начатое В. Н. Каразинымъ, и захватило Г. Ѳ. Квитку; его имя мы находимъ въ числѣ немногихъ, проэктировавшихъ внести въ пользу новаго университета не 400000 рублей, а цѣлый милліонъ. Потомъ Г. Ѳ. Квитка явился уже сомостоятальнымъ руководителемъ общественной дѣятельности въ Харьковѣ въ сферѣ женскаго образованія, театра и литературы; тутъ этотъ скромный робкій человѣкъ сдѣлалъ такъ много, какъ никто; здѣсь ярко выразились тѣ просвѣтительныя вѣянія, которыя постоянно проникали въ семью Квитокъ. Свидѣтельствомъ любви къ просвѣщенію у Квитомъ можетъ служить между прочимъ ихъ фамильная лѣтопись, которую вели различные члены этого семейства въ XVIII в. Изъ среды Квитокъ вышелъ также одинъ изслѣдователь южнорусской старины, стоявшій очень близко къ Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ—Илья Ивановичъ Квитка (род. въ 1745 г.). Илья Ивановичъ былъ сынъ извѣстнаго намъ полковника Ивана Григорьевича Квитки, одного изъ авторовъ Семейной Хроники, и приходился роднымъ дядею Григорію Ѳедоровичу. Изъ статьи о немъ г. Шугурова видно, что онъ занимался исторіей Малороссіи и Слободской Украйны, собиралъ для этого рукописные матеріалы и что ему принадлежитъ одинъ, а можетъ быть

и два труда въ этой области—Записки о Слободскихъ полкахъ и Историческое описаніе о Малой Россіи. Интересуясь родной стариной, онъ вошелъ въ ученую переписку съ Гр. Н. Тепловымъ, Кочубеемъ и Тимковскимъ. Григорій Ѳедоровичъ Квитка стоялъ очень близко къ своему дядѣ Ильѣ Ивановичу и настолько интересовался его историческими работами, что одну изъ нихъ (Записки о Слободскихъ полкахъ) издалъ на свой счетъ. Можно предполагать, что на И. И. Квитку оказалъ вліяніе и Гр. Сав. Сковорода, и это вліяніе выразилось съ одной стороны въ занятіяхъ исторіей Малороссіи и Слободской Украйны, а съ другой—въ его религіозномъ настроеніи. „И. И. Квитка, не бывъ въ монастырѣ, жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ: ибо онъ имѣлъ у себя особенное уединенное жилище и не зналъ никуда другихъ дорогъ, кромѣ какъ къ бывшему преосвященному Павлу, у котораго онъ поучался христіанской жизни".

Таковы были общія условія, вызвавшія въ Григоріи Ѳедоровичѣ Квиткѣ любовь къ родной былевой и бытовой старинѣ—фамильные разсказы, преданія и записки, непосредственное знакомство въ юности съ разными историческими дѣятелями (напримѣръ Головатымъ), вліяніе роднаго дяди; наконецъ, къ этому располагало и самое время. *Историческая эпоха* жизни была пережита краемъ; областная автономія его пала; сфера политической дѣятельности сильно съузилась; наступала пора историческихъ преданій, но преданій свѣжихъ и живыхъ; разсказы можно было слушать еще изъ устъ участниковъ и очевидцевъ прежней казацкой жизни—дѣятелей старой Гетманщины, Запорожья, Слободской Украйны. Таково, очевидно, происхожденіе историческихъ повѣстей Квитки („Головатый", „Гаркуша"); его „Татарскіе набѣги" основаны на разсказахъ старожиловъ, помнившихъ еще объ этомъ времени; „Основаніе Харькова" представляетъ литературную обработку фимильнаго преданія. „Исторія театра въ Харьковѣ" основана уже большей частью на личныхъ наблюденіяхъ. Наконецъ 3 послѣднія статьи—о Слободскихъ полкахъ, Украинцы, городъ Харьковъ—могутъ быть названы вполнѣ историческими работами, потому что основываются главнымъ образомъ на древнихъ письменныхъ актахъ.

Мы остановимся прежде всего на тѣхъ разсказахъ Г. Ѳ. Квитки, въ основу которыхъ положены устныя преданія, разсказы и его личныя наблюденія. Большое значеніе въ составленіи ихъ имѣли острая память и живой, наблюдательный умъ Квитки. „Будучи уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ, онъ, по словамъ Г. П. Данилевскаго, изумлялъ всѣхъ своею необыкновенною памятью, которая вызывала минувшіе годы его дѣтства и молодости, вызывала во всей свѣжести и яркости любопыт-

нѣйшіе мемуары и историческіе разсказы. Многіе помнятъ его въ эту пору, въ темномъ стариковскомъ сюртукѣ, зеленомъ жилетѣ, галстухѣ, безъ воротничковъ, съ однимъ глазомъ, глядѣвшимъ впрочемъ на свѣтъ очень зорко, и съ большою прадѣдовскою золотою цѣпью черезъ грудь, цѣпью, съ которой связано было какое то таинственное событіе въ жизни его предковъ. Полное, круглое лицо, прибавляютъ, оживлялось среди разсказовъ, и особаго рода улыбка, свойственная только кореннымъ старосвѣтскимъ малороссамъ, дѣлала выразительныя черты его лица еще болѣе выразительными. Его устные разсказы, извѣстные до сихъ поръ въ городѣ подъ именемъ *квиткинскихъ*, занимали каждый уголъ, гдѣ только появлялся Основяненко". Его, конечно, не могла не интересовать историческая судьба семьи, и онъ подвергъ литературной обработкѣ фамильное преданіе о своемъ родоначальникѣ въ особомъ произведеніи „Основаніе г. Харькова". Это семейное преданіе тѣсно связано съ тою самою прадѣдовскою золотою цѣпью, о которой мы только что упоминали со словъ Г. И. Данилевскаго. „Золотая цѣпь, говоритъ въ этой повѣсти Гр. Ѳед. Квитка, на которой, можетъ быть, отецъ Андрей носилъ гривну, потерянную Агафономъ, передавалась изъ рода въ родъ, при раздѣленіи домовъ дѣлилась на части и у одного изъ потомковъ хранится одна изъ нихъ". Григорій Ѳедоровичъ выводитъ свой родъ отъ какого то московскаго боярина Аѳанасія, который подвергся опалѣ и отправилъ малолѣтняго сына своего Андрея въ Кіевъ съ вѣрнымъ слугою Агафономъ. Здѣсь ихъ пріютила семья нѣкоего Ясенковскаго, прозвавшая мальчика за его красоту Квиткой. Потомъ Андрей былъ принятъ въ домъ кіевскаго воеводы и, убѣжавъ съ его дочерью Масей въ московскія владѣнія, избралъ себѣ для поселенія мѣсто, названное „Основой", а подлѣ него, при помощи новыхъ переселенцевъ, устроилъ нынѣшній городъ Харьковъ. Въ историческомъ отношеніи разсказъ этотъ несостоятеленъ: Квиткѣ хотѣлось приписать основаніе города Харькова своему родоначальнику и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказать исторію его прихода изъ Заднѣпровья; но объ этомъ отдаленнолъ времени сохранилось только темное неясное преданіе, которое пришлось принять на вѣру и пополнить собственной фантазіей. Если бы даже мы изъ него и выбросили совершенно легендарныя подробности о происхожденіи и первоначальной судьбѣ Андрея Квитки, то и тогда въ немъ не останется ничего достовѣрнаго. Какими данными можно доказать, что Основа древнѣе Харькова? Документальныя свидѣтельства стоятъ въ противорѣчіи съ утвержденіемъ Квитки, что основателемъ ея былъ Андрей Квитка: она принадлежала первоначально не Квиткамъ, а Донцамъ-Захаржевскимъ и пріобрѣтена была ими у него только

въ 1713 году. Названіе ея мы не встрѣчаемъ въ разныхъ древнихъ актахъ XVII вѣка. Указаніе на 1646-й годъ, какъ на годъ постройки городскихъ укрѣпленій, противорѣчитъ документальнымъ даннымъ: въ дѣйствительности постройка ихъ относится уже къ 50-мъ годамъ XVII вѣка. Первый поселокъ города Харькова Григорій Ѳедоровичъ пріурочиваетъ къ мѣстности, гдѣ въ настоящее время находится „Бѣлгородская криница“; на самомъ же дѣлѣ его нужно поіурочить къ нынѣшней центральной части города, гдѣ тогда было *харьковское городище*, бывшее остаткомъ какого-то болѣе древняго укрѣпленія. Григорій Ѳедоровичъ называетъ харьковскимъ осадчимъ Андрея Квитку, а на самомъ дѣлѣ таковымъ является, какъ это видно изъ найденныхъ мною документовъ, Иванъ Каркачъ. Заслуживаютъ довѣрія въ этомъ разсказѣ только нѣкоторыя указанія общаго характера, напримѣръ, о колонизаціи края, хотя и тутъ, какъ намъ кажется, Григорій Ѳедоровичъ придавалъ слишкомъ исключительное значеніе хуторамъ, какъ первоначальнымъ, по его мнѣнію, формамъ поселеній. Однимъ словомъ, данный разсказъ на нашъ взглядъ является самымъ слабымъ въ историческомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ художественномъ отношеніи; и причина заключается конечно въ томъ, что здѣсь затронутъ давній историческій моментъ, о которомъ преданіе не могло сохранить реальныхъ чертъ: первая половина XVII вѣка являлась уже слишкомъ сѣдой старйной для автора, писавшаго въ 40-хъ годахъ XIX вѣка. Инымъ характеромъ отличается другой разсказъ историко-бытоваго содержанія „Панна Сотниковна“. Самъ Квитка называетъ его истиннымъ происшествіемъ. Въ основу его положено также преданіе, но только преданіе сравнительно недалекаго прошлаго. Здѣсь, какъ извѣстно, рѣчь идетъ о трагической судьбѣ дочери Тарановскаго сотника; ее хотѣлъ изнасиловать великороссіянинъ юнкеръ, но она предпочла смерть поруганію своей дѣвичьей чести и заколола себя кинжаломъ. Личность героини несомнѣнно идеализирована; идеализированы и отношенія ея родителей къ простому рядовому казачеству. Пани Сотниковна, говоритъ авторъ, знала всѣ бѣдныя семейства въ Тарановкѣ и снабжала ихъ необходимымъ не только для жизни, но и въ уреченные праздники доставляла, что имъ было нужно, по ея выраженію, „для закона“, не ведя ни въ чемъ счета, а только смотрѣла на крайность просившихъ. Панъ сотникъ же, хотя и ни во что домашнее не входилъ, но когда видѣлъ возвращающихся съ полученнымъ пособіемъ, то пересмотрѣвъ данное, воротитъ казачку и скажетъ женѣ; „прикажите, душка, прибавить ей чего нибудь еще. Я знаю ихъ и видѣлъ всю ихъ нужду. Бѣдность такая, что способу нѣтъ“. Бывали ли въ дѣйствительности такіе сотники и сотнички, сказать трудно;

во всякомъ случаѣ обычный распространенный типъ представляетъ полную противоположность начертанному Квиткой. При тогдашнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ и при сходствѣ быта старшины и народа, жены сотниковъ могли дѣйствительно въ сочельникъ доставлять неимущимъ узваръ, но отъ этого до постоянной помощи бѣднымъ было еще далеко. Впрочемъ, не смотря на эту идеализацію, и сущность разсказа, и подробности его представляются вполнѣ вѣроятными, получается впечатлѣніе, что здѣсь разсказано истинное происшествіе. Оно передавалось изъ устъ въ уста и, кромѣ того, закрѣплено было краткою записью въ фамильной лѣтописи Квитокъ. „Въ лѣтописи одной фамиліи, начальствовавшей въ слободскихъ полкахъ, пишетъ Квитка, подъ 1732 годомъ говорится: „того жъ году, декабря 28 дня, Тарановскаго сотника Мирона Петровича дочь, Прасковья Мироновна, когда хотѣли ее кондукторы згвалтовать, сколола себя ножемъ“... Въ 1732 году дѣйствительно происходила перепись Слободскихъ полковъ (лейбъ-гвардіи маіора Хрущова), о чемъ говорится и въ повѣсти (стр. 41); перепись производилась великорусскими офицерами или, какъ они иначе назывались, кондукторами. Два изъ нихъ и являются печальными героями разыгравшейся драмы. Будучи призваны къ столь важному дѣлу, какъ перепись мѣстнаго населенія, они, очевидно, свысока смотрѣли на туземцевъ, въ большинствѣ случаевъ плохо знавшихъ русскій языкъ и жившихъ по своимъ старосвѣтскимъ обычаямъ: происходило то, что впослѣдствіи повторилось въ генеральную опись Малороссіи Румянцева; при томъ они считали себя русскими дворянами, между какъ мѣстная казачья старшина дворянскими правами въ это время не пользовалась. Къ 1732 же году относится и армейская реформа слободскихъ полковъ кн. Шаховскаго; перепись Хрущова должна была послужить только началомъ ея. Во главѣ Слободской Украйны теперь была поставлена Канцелярія коммиссіи учрежденія слободскихъ полковъ. Подъ предсѣдательствомъ кн. Шаховскаго въ ней присутствовало два члена изъ великороссіянъ, и только въ затруднительныхъ случаяхъ призывались на совѣщаніе мѣстные полковники, которымъ прежде принадлежала высшая власть въ краѣ. Полковники получили премьеръ-майорскій чинъ Послѣ всего этого дѣлается понятнымъ отношеніе одного изъ Хрущовскихъ сотрудниковъ къ мѣстной казацкой старшинѣ. „Не я буду, говоритъ онъ своему товарищу, если не изловлю этой пташки (панны сотниковны). Будетъ помнить нашихъ. Завтра звалъ насъ къ себѣ на имянинный пиръ какой то здѣшній *чуть*; пойду и если *моя* будетъ тамъ, уже влюблю же въ себя, а потомъ брошу. Пусть мучится. Я не одну изъ ихъ братьи уемирялъ въ этомъ глупомъ, хо-

хлацкомъ краю, гдѣ, правду сказать, *только и хорошаго, что вишневка до панночки*“ (стр. 60). Очень вѣрно очерчены вообще подробности времяпрепровожденія и стариннаго быта слобожанъ. Изъ фамильной лѣтописи взяты факты о постриженіи Квиткиныхъ въ монахини (стр. 38—39). И это подтверждается приведенными нами раньше документальными данными. Вѣрно описано школьное ученіе сына сотникова, состоявшее въ изученіи часослова, псалтыря и поздравительныхъ виршей; правдоподобенъ эпизодъ о неудачѣ новой „муштры“ (стр. 50—51), при разсказѣ о поздравленіи сотника приведена вирша, скомпанованная по словамъ Квитки однимъ изъ учителей Харьковскаго Коллегіума; вирша эта написана по новому литературному стилю „штатскимъ языкомъ“, т. е. тѣмъ страннымъ литературнымъ нарѣчіемъ, которое представляетъ смѣсь русскаго съ славянскимъ и которое стало вытѣснять тогда старыя вирши, написанныя по малороссійски.

На верхъ, я юный, горъ Парнаскихъ возлетаю,
Сый младъ, вселенный міръ въ мигъ я обозрѣваю,
Кипятъ и стонутъ, на что я нынѣ зрю, чувства,
Но се упалъ безъ всякаго мой духъ искусства.

Такую виршу говоритъ сотнику по словамъ Квитки питомецъ Харьковскаго Коллегіума, сынъ эсаула. И мы знаемъ, что подобныя вирши дѣйствительно сочинялись въ Коллегіумѣ, особенно лицами, преподававшими въ немъ піитику. По поводу открытія Коллегіума читалась такая похвала его основателю епископу Епифанію Тихорскому, составленная нѣкіимъ Иліей Филипповичемъ:

Днесь паче Украйна свѣтися малѣйша,
Иногда мала суща, нынѣ же честнѣйша.
Сицевый премудрости домъ въ себѣ имуща.
Прославляйся днесь всяко въ веселіи суща.
Восплещи нынѣ крили орле, двоеглавный,
Превозноси свой скипетръ, высокодержавній!

По складу, по общему характеру эти двѣ вирши, какъ видимъ, очень похожи другъ на друга, и можно съ большою вѣроятностью предполагать, что вирша, приведенная Квиткой, дѣйствительно была составлена въ Коллегіумѣ. Не забудемъ, что въ тогдашнемъ Коллегіумѣ обучалось много дѣтей казацкой старшины и онъ вообще не представлялъ изъ себя узкой спеціально духовной школы ни по праграммѣ преподованія, ни по составу учащихся. Питомцы Коллегіума очень часто ѣздили „на кондиціи“ въ деревни къ казацкой старшинѣ и обучали ея дѣтей разнымъ наукамъ.

Въ текстѣ своей повѣсти Квитка приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ лѣтописи—о выборѣ на гетманскій урядъ Даніила Апостола, о появленіи кометъ, о зимнемъ громѣ, о пожарахъ (стр. 55—67). И всѣ они теперь отыскиваются въ отрывкахъ изъ фамильныхъ записокъ Квитокъ, изданныхъ мною и П. С. Ефименкомъ [1]).

Еще болѣе историческаго элемента заключается въ повѣсти Квитки *„Татарскіе набѣги“*. Это прекрасный популярный разсказъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя испытывала Слободская Украйна отъ татаръ. Онъ основанъ почти исключительно на устныхъ преданіяхъ, но автору много помогло тутъ хорошое знакомство съ историческимъ прошлымъ своего края вообще и характеромъ татарскихъ нападеній въ частности. Вѣрно объяснена исторія заселенія этой мѣстности, вызванная по словамъ автора притѣсненіями православнаго южнорусскаго народа въ Заднѣпровьѣ; справедливо сказано, что и раньше когда-то этотъ край имѣлъ населеніе; прекрасно охарактеризовано богатство его естественныхъ произведеній; „земли самаго лучшаго качества, нетронутой, дѣвственной огромное пространство; лѣса лучшаго дерева непроходимые; дикіе сады, овощныхъ деревъ чрезвычайно много: звѣрей даже дорогихъ, куницъ и т. п., птицъ въ изобиліи; рѣки, хотя и незначительныя, но могущія способствовать къ устроенію мельницъ, винокурень и снабжать рыбою“ (стр. 78—79). Едва ли только можно признать достовѣрной ту идилическую картину отношеній между панствомъ и поданными крестьянами, которую рисуетъ намъ Квитка. „Не одинъ простой народъ переселялся, говоритъ Квитка, но вмѣстѣ съ нимъ пришли и паны, также съ семействами, имуществомъ и крестьянами своими. А было еще и такъ, что какъ въ семействѣ старыхъ пановъ еще не было, повымирали, а оставались малолѣтнія дѣти, то крестьяне, имъ принадлежавшіе, собираясь на слободу“, забирали съ собою и малолѣтнихъ владѣльцевъ своихъ, берегли, охраняли ихъ въ пути и, прибывъ на мѣсто, селясь сами, строили и для маленькихъ господъ своихъ приличные „будынки“, т. е. домъ, изъ промежду себя составляли имъ дворню, прислугу, принимали на долю помѣщиковъ своихъ землю, лѣса, гдѣ признавали за выгодное и удобнѣе, и начинали обрабатывать новое хозяйство еще безгласныхъ своихъ владѣльцевъ (стр. 78). Что вмѣстѣ съ простымъ

[1]) Того же (1730 г.), читаемъ мы, напримѣръ, тамъ противъ 5-го числа видны были двѣ кометы въ полунощи, одна пошла на востокъ, а другая на западъ, видомъ красны, якобъ отъ пожара; къ свѣту исчезли»; у Квитки: «въ позапрошедшемъ (1730 г.) февраля противъ 5-го числа видны были кометы отъ полунощи. Одна пошла на востокъ, а другая на западъ видомъ красная якобы отъ пожару по снѣгу отдавалося червонымъ, отъ перваго часа почи, а далѣе къ свѣту изчезли (стр 55).

народомъ переселились въ Слободскую Украйну и паны—это несомнѣнно, но чтобы крестьяне, уходившіе отъ панской неволи, добровольно закабаляли себя въ свободномъ краю, это, конечно, невѣроятно. Правда, и здѣсь очень скоро появились зависимыя отношенія (путемъ закликанія на слободы вольныхъ посполитыхъ), но они не напоминали собой той идилліи, какую намъ изображаетъ Квитка. Преувеличиваетъ роль пановъ Квитка и въ другихъ отношеніяхъ: быть можетъ, кто нибудь изъ нихъ и привезъ съ собою изъ за Днѣпра пушку (хотя едва ли съ фамильнымъ гербомъ), но не таково было, вообще говоря, происхожденіе слободско-украинскихъ „гарматъ"; полковую и сотенную старшину выбирали всѣ полчане, а не одни „изъ промежду себя", какъ утверждаетъ Квитка (стр. 80).

Чрезвычайно ярко рисуетъ Квитка тревожное положеніе слобожанъ, ожидавшихъ ежедневно, ежечасно татарскихъ нападеній. Сдѣлали татары набѣгъ на село; однихъ перебили, другихъ взяли въ полонъ, немногіе спаслись... и вотъ выходитъ избѣжавшій грозы счастливецъ изъ своего убѣжища.., „Все тихо, татаръ нѣтъ, но и семейства своего не видитъ. Была жена, дѣтки малютки, престарѣлые родители; теперь, осматривая у себя повсюду, жены и слѣдовъ не отыскиваетъ, дѣточекъ также не находитъ, или если и найдетъ, такъ лучше бы и не видалъ, не зналъ бы о участи ихъ! Былъ хозяинъ достаточный, были свои лошади, нѣсколько паръ воловъ: все уведено, угнано, изъ амбаровъ, сундуковъ все вынуто, лучшее взято, ненужное, тяжелое перебито, переломано, перепорчено; окна выбиты, печь разбита, двери всѣ выломаны... Было все и всего много, жилъ въ семействѣ—черезъ два, три часа остался сирота на свѣтѣ, какъ палецъ, и голъ, и босъ, и голоденъ"... (стр. 80—81). Вѣрно указаны и тѣ оборонительныя средства, которыя употребляли поселенцы противъ татарскихъ набѣговъ. Обо всемъ этомъ ходили устные разсказы въ народѣ, и понятное дѣло, что, при извѣстной склонности малороссовъ къ юмору и насмѣшкѣ надъ самими собой, въ нихъ подъ часъ изображались и эпизоды трагикомическаго характера. Таковъ разсказъ Квитки о двухъ братьяхъ, захваченныхъ татарами, благодаря ихъ словоохотливости. Они успѣли спрятаться во время татарскаго погрома, и гроза было уже миновала; но на бѣду татарину захотѣлось пить—онъ на минуту вернулся въ хату и сталъ пить изъ кадочки воду; хозяинъ, сидѣвшій на печи, не могъ будто бы воздержаться отъ обычной вѣжливости и крикнулъ: на здоровье!" Татаринъ схватилъ его арканомъ и потащилъ за собою; тогда другой братъ отозвался къ нему съ упрекомъ: „зачѣмъ было откликаться!", и его, конечно, также схватили и увели. Этотъ разсказъ на малорусскомъ

языкѣ долго циркулировалъ среди населенія Харьковской губ. и въ такомъ именно болѣе подробномъ изложеніи былъ напечатанъ однимъ харьковскимъ старожиломъ г. Очеретянымъ, отдѣльной книжечкой. Это, конечно, анекдотъ, напоминающій отчасти знаменитую „Очаковску биду", напечатанную П. А. Кулишомъ въ его „Зап. о Южной Руси". На стр. 85—86-й Квитка приводитъ уже совершенно невѣроятный и неостроумный анекдотъ о двухъ слобожанахъ, которые не посмѣли ослушаться приказа татарина и добровольно шли въ крымскій полонъ. Очень интересно и правдоподобно изображена Квиткой судьба одной плѣнницы, уведенной татарами въ крымскую неволю и освобожденной оттуда послѣ многихъ перипетій ея роднымъ братомъ. Гораздо болѣе слабыми или даже прямо ненужными являются дальнѣйшія подробности Квиткинской повѣсти, ея конецъ. Разсказъ о кладѣ представляется неудачнымъ анекдотомъ (стр. 109—116); то же самое нужно сказать о пустой бочкѣ, объ указѣ Бѣлгородской канцеляріи, о письмѣ умершаго казака, о харьковскомъ генералѣ „съ властью губернатора"; наконецъ, анекдотическіе разсказы о новыхъ обычаяхъ и порядкахъ, распространявшихся въ Украйнѣ, чисто механически присоединены къ повѣсти, безъ всякой нужды ее удлинняютъ и дѣлаютъ конецъ ея скучнымъ и тяжелымъ. Но первая половина разсказа написана очень интересно и заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ историческихъ подробностей. Онѣ находятъ себѣ оправданіе въ тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя изданы были гораздо позже (Преосв. Филаретомъ и мною). „Пахарь, идя за плугомъ, говоритъ Квитка, непремѣнно долженъ былъ имѣть за плечами ружье и при боку какую нибудь хоть видъ сабли" (стр. 82). А въ воеводскихъ отпискахъ мы постоянно читаемъ, чтобы всѣ, отправлявшіеся на пашню, сѣнокосъ и въ лѣсъ, имѣли съ собою пищали, луки, рогатины и бердыши, чтобы безъ оружія нигдѣ „никаковъ человѣкъ не былъ". Въ ожиданіи татарскихъ нападеній жители не жали своего хлѣба; въ 1688 году чугуевскій вѣстовщикъ доносилъ: „въ Балаклѣѣ жители ожидаютъ прихода непріятельскихъ людей; стало худое житье въ Балаклѣе и они пойдутъ въ разные города покиня свои дворы". Въ моемъ изслѣдованіи о колонизаціи Слободской Украины сгруппировано множество фактовъ о громадномъ вредѣ, который причинили своими набѣгами слобожанамъ татары—и эти факты только подтверждаютъ картину, нарисованную намъ мастерскою рукою Квитки. Любопытно, что та юмористическая струйка, которую мы видимъ въ Квиткинскомъ разсказѣ, встрѣчается даже въ актахъ—такова уже природа малороссіянина, который не можетъ обойтись безъ шутки въ самомъ серьезномъ дѣлѣ. „Орда, читаемъ мы въ одномъ извѣстіи, впадала въ

Изюмскій полкъ и много шкоды зробыла, *щобъ ей поганой борщу у глаза не видати*".

Не касаемся тѣхъ повѣстей Квитки, въ которыхъ изображается современная ему харьковская жизнь, хотя и тутъ можно отмѣтить не мало чертъ историко-бытоваго характера. Замѣтимъ только, что и эти повѣсти въ настоящее время являются историческимъ матеріаломъ для характеристики всѣхъ слоевъ слободскоукраинскаго общества въ 1-й половинѣ XIX столѣтія. Такова, напримѣръ, его „Ярмарка", очень близко подходящая по своему характеру къ Семейной хроникѣ Аксакова [1]); таковы и другія его повѣсти; таковъ и „Панъ Халявскій", которому сильно вредитъ анекдотизмъ, каррикатурность, но въ которомъ вѣрно схваченъ общій тонъ жизни.

„Исторія театра въ Харьковѣ" не заключаетъ уже въ себѣ ничего вымышленнаго; это—историческое сочиненіе или, правильнѣе, историческій мемуаръ, потому что онъ основанъ гл. образомъ на личныхъ воспоминаніяхъ и разсказахъ старожиловъ. Объ этомъ говоритъ самъ Квитка. „Видя съ свойственнымъ каждому жителю Харькова удовольствіемъ отстроивающійся у насъ обширный и красивый театръ, подумалъ я, что свѣдѣнія объ учрежденіи въ разныя времена здѣсь театра будутъ сколько нибудь занимательны, почему и рѣшился написать о немъ все, что знаю по наслышкѣ, что видѣлъ подростая и что узналъ по опыту, живши всегда въ Харьковѣ" (стр. 499). Не будемъ останавливаться на изложеніи содержанія этой статьи Квитки; замѣтимъ только, что она читается съ огромнымъ интересомъ и послужила источникомъ для многихъ замѣтокъ по исторіи Харьковскаго театра. Въ ней очерчена судьба его въ XVIII и самомъ началѣ XIX в. до появленія въ Харьковѣ труппы Млотковского [2]). Таковы *историкобытовые* очерки Г. Ѳ. Квитки; *историко-былевымъ* характеромъ отличаются его повѣсти „Головатый" и „Преданія о Гаркушѣ". Разсказъ объ извѣстномъ запорожскомъ и черноморскомъ дѣятелѣ Антонѣ Головатомъ носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности. Самъ Квитка сообщаетъ, что Головатый былъ друженъ съ его отцомъ, посѣщалъ его и подробно разсказывалъ ему о своихъ петербургскихъ приключеніяхъ; сына своего Головатый

---

[1]) Разсмотрѣніе этихъ повѣстей не входитъ въ нашу задачу, и мы только замѣтимъ, что описаніе Троицкой шерстяной ярмарки Квитки (въ его разсказѣ „Ярмарка") вполнѣ подтверждается воспоминаніями В. Е. Пашкова, относящимися къ 40-мъ годамъ.

[2]) Въ „Южн. Краѣ" напечатаны интересные очерки по исторіи Харьковскаго театра г. Н. Ч.; на нихъ можно смотрѣть, какъ на продолженіе работы Г. Ѳ. Квитки.

оставилъ въ Харьковѣ на попеченіе отца Квитки.—Дружеская переписка между ними продолжалась безостановочно.

Разсказы Квитки о подвигахъ Головатаго подтверждаются въ общемъ историческими данными; таковъ эпизодъ о взятіи Березани (во время Очаковской осады); только на самомъ дѣлѣ запорожцы взяли этотъ неприступный островъ не посредствомъ хитрости, а благодаря своей отчаянной и рѣшительной храбрости. „Березань, говоритъ новѣйшій историкъ Черноморья, представляла по тому времени почти неприступный островъ, находившійся въ открытомъ морѣ, вблизи очаковскихъ береговъ. Высокій, обрывистый берегъ этого острова со стороны моря, прекрасная пропасть въ этой части острова и сильныя батареи съ юга, по отлогому берегу, доступному для нападенія со стороны суши, казалось дѣлали невозможнымъ сколько нибудь удачный штурмъ Березани, и тѣмъ болѣе для казаковъ съ ихъ небольшими силами и гребными судами. Однако утромъ по приказанію Потемкина, казачья флотилія, подъ начальствомъ войсковаго судьи Антона Головатаго, смѣло направилась на островъ со стороны суши, не смотря на сильный непріятельскій огонь съ Березани. Приближаясь, на сколько позволялъ этотъ огонь и глубина моря, къ отлогому берегу Березани, козаки сдѣлали залпъ изъ пушекъ и ружей, бросились за тѣмъ въ воду, вползли на укрѣпленный берегъ и остановили непріятельскія батареи. Рукопашная схватка заставила турокъ бросить батареи и отступить къ крѣпости, до стѣнъ которой преслѣдовали ихъ козаки". Вообще въ статьѣ Квитки далеко не исчерпаны военные подвиги Головатого, но за то вѣрно обрисована его роль въ возстановленіи на Тамани запорожскаго козачества, получившаго названіе „Войска вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ". Потемкинъ дѣйствительно получилъ тогда, какъ утверждаетъ Квитка, титулъ гетмана козачьихъ войскъ; при немъ дѣйствительно была конвойная команда Черноморскаго войска; подъ конецъ жизни онъ превратился въ милостиваго батька Черноморцевъ, и смерть его повергла ихъ въ большое уныніе. Чрезвычайно интересный разсказъ, о поѣздкѣ Головатаго съ депутаціей въ Петербургъ также вполнѣ подтверждается историческими данными: результатомъ поѣздки были двѣ грамоты (отъ 30 іюня и 1-го мая 1792 года), послужившія краеугольнымъ камнемъ автономіи Кубанскаго войска. „Надо отдать полную справедливость, говоритъ цитированный нами выше источникъ, той осторожности и тактичности, съ которою дѣйствовала козачья депутація и въ особенности ея глава—судья Антонъ Головатый. Пустивъ въ ходъ все: и знакомство съ людьми сильными, и малорусскую пѣсню, и чудачество козака малоросса, этотъ замѣчательно умный и по своему времени довольно

образованный козакъ настолько успѣшно довелъ до конца порученное ему дѣло, что главнѣйшія желанія войска были занесены въ жалованныя грамоты въ подлинныхъ почти выраженіяхъ козачьей инструкціи и прошенія. „Изъ Петербурга депутація привезла грамоты, новыя регаліи и подарки войску. Точно такъ обо всемъ этомъ разсказано и у Г. Ѳ. Квитки. Извѣстная пѣсня: „Ой Боже жъ нашъ, Боже милостывый! Вродылысь мы въ свити несщастливи!“,—сочиненіе которой Квитка приписываетъ Головатому, несомнѣнно принадлежитъ этому послѣднему. Текстъ рѣчи Головатаго императрицѣ, приведенный Квиткой, подтверждается современнымъ спискомъ ея, бывшимъ у покойнаго проф. А. А. Потебни. Любопытны заключительныя слова этой рѣчи: послѣ серьезнаго, торжественнаго обращенія слѣдуетъ юмористическій конецъ: „тай годи“. Это „тай годи“—совершенно въ духѣ древнихъ малорусскимъ обычаевъ: въ книгѣ судебныхъ рѣшеній полтавскаго магистрата (XVII в.)показанія свидѣтелей обыкновенно оканчиваются почти такимъ же выраженіемъ—„поты моей повести“.

„Преданія о Гаркушѣ“ уже въ гораздо меньшей степени проникнуты историческимъ элементомъ: тутъ нѣтъ ни строгой хронологіи, ни настоящихъ именъ и фамилій; это дѣйствительно преданія о громкихъ подвигахъ украинскаго разбойника Сем. Гаркуши, стяжавшаго себѣ огромную популярность въ массѣ народа; но преданія эти, отъ постоянныхъ передачъ, нѣсколько потеряли въ своей реальности и пріобрѣли характеръ литературныхъ легендъ; личность Гаркуши въ нихъ получила героическій характеръ, который на самомъ дѣлѣ былъ ей присущъ въ гораздо меньшей степени. Это обстоятельство заставило и самого Квитку придать своему разсказу тенденцію, чтобы, такъ сказать, развѣнчать героя—разбойника; съ этою цѣлью онъ вывелъ на сцену совершенно вымышленное лицо—*молодого человѣка*, въ уста котораго вложилъ обличительныя рѣчи въ опроверженіе теорій Гаркуши. Литературный элементъ произведенія проявляется и въ тѣхъ латинскихъ фразахъ, которыми уснащаетъ свою рѣчь Гаркуша.

Но въ основѣ своей, повторяю, и повѣсть о Гаркушѣ является исторической. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ Квитка въ письмѣ къ Плетневу. „Прилагаю у сего статью о *Гаркушѣ*. Гаркуша именно былъ, существовалъ и съ такою цѣлью дѣйствовалъ. Вся Малороссія и теперь помнитъ его отъ нѣкоторыхъ лицъ, знавшихъ его, слышавшихъ сужденіе его отъ нѣкоторыхъ благодѣтельствованныхъ имъ лицъ; все это слышано и изложено въ точномъ духѣ его; городничиха, со всѣми дѣяніями своими и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Гаркуши, изображена по всей справедливости. По сосѣдству у насъ она купила имѣ-

ніе и хвалилась геройствомъ своимъ противъ *харцыза*. Все объясняю для того, чтобъ не подумалъ кто, что это идеальный характеръ. А что слылъ онъ во всеобщемъ мнѣніи *разбойникомъ*, то это не винитъ его. Кто могъ постигнуть цѣль его? Смотрѣли издали и судили о дѣйствіяхъ его, не входя въ намѣренія... Какова латынь въ статьѣ? Но и это все, т. е. страсть Гаркуши украшать рѣчь свою латынью, и это все истинно: молодой человѣкъ, въ концѣ, много и хорошо мыслилъ; но правильно ли я изложилъ свои мысли? Много бы обязали, если бы все, сказанное имъ, привели бы перомъ своимъ въ стройность, дали бы силу рѣчамъ его, которыя бы дѣйствительно могли просвѣтить заблудившійся умъ самонадѣяннаго Гаркуши. Согласитесь, что въ сужденіи молодого человѣка—вся сентенція, и потому нужно бы, что бъ она была во всѣхъ частяхъ обдѣлана".

И это свидѣтельство Квитки о близости его Гаркуши къ дѣйствительному, реальному лицу подтверждается документальными данными, извлеченными изъ подлиннаго оффиціальнаго дѣла о разбойникѣ Сем. Гаркушѣ. Разбойничьи подвиги Гаркуши относятся къ 1772—1784 гг., они засвидѣтельствованы судебнымъ слѣдствіемъ. Между прочимъ тутъ мы находимъ и эпизодъ съ городничихой, такъ подробно разсказанный Квиткой (стр. 157—163, 193—205). Мѣсто дѣйствія—г. Конотопъ (Черниговской губ.). „Въ Конотопѣ въ то время славилась, говоритъ авторъ монографіи о Гаркушѣ, своими богатствами Степанида Парпуриха, бывшая теперь уже второй разъ въ замужествѣ за Конотопскимъ городничимъ, Петромъ Базилевичемъ. Первый ея мужъ Осипъ Парпура когда то былъ первымъ купцомъ въ Конотопѣ; обозы его съ хлѣбомъ, крупой ходили въ Азовъ, на Запорожье; въ ту пору и Гаркуша не разъ заѣзжалъ къ Парпурѣ съ рыбой, солью и мѣнялся съ нимъ на хлѣбъ; тогда они были пріятелями, и Парпура часто удерживалъ Гаркушу по нѣсколько дней въ своемъ домѣ, угощая его, какъ своего. Это было 9 лѣтъ тому назадъ и многое измѣнилось съ того времени... Одна Степанида не измѣнилась; какъ прежде она управляла Парпурой, такъ теперь помыкала Конотопскимъ городничимъ Петромъ Базилевичемъ". Такою изображаетъ свою Степаниду городничиху и Квитка. Приходъ Гаркуши въ домъ городничаго у Квитки разсказанъ не такъ, какъ онъ происходилъ на самомъ дѣлѣ: у него Гаркуша явился туда переодѣтый генераломъ; на самомъ дѣлѣ онъ узналъ черезъ своихъ товарищей объ уходѣ ея слугъ на полевыя работы и, воспользовавшись этимъ, совершилъ внезапное нападеніе. Городничихѣ Гаркуша сдѣлалъ строгое внушеніе нагайкой за ея прегрѣшенія, забралъ массу серебряныхъ вещей, денегъ и благополучно ушелъ назадъ. Нѣсколько напоминаетъ

дѣйствительный случай и разсказанная Квиткой расправа Гаркуши со скупымъ помѣщикомъ-хуторяниномъ (стр. 225—230). Ей соотвѣтствуетъ эпизодъ о Холодовичѣ, у котораго Гаркуша, какъ видно изъ подлиннаго дѣла, захватилъ огромныя богатства. Въ остальныхъ разсказахъ Квитки мы не находимъ уже такого соотвѣтствія съ дѣйствительными подвигами Гаркуши, отмѣченными въ оффиціальномъ дѣлѣ. Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы эти разсказы были вымышленные. Во-первыхъ, на судебномъ слѣдствіи едва ли и возможно было возстановить всѣ разбойничьи наѣзды Гаркуши, а во-вторыхъ, кромѣ того судебнаго дѣла о Гаркушѣ, которымъ пользовался въ библіотекѣ Кіевской Временной Коммисіи цитированный нами авторъ, есть еще и другое—оно хранится, сколько намъ помнится, въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ въ архивѣ Маркевича-Лукашевича. При томъ, сущность, конечно, заключается не въ полномъ соотвѣствіи эпизодовъ съ дѣйствительностью, а въ правильномъ пониманіи характера дѣятельности Гаркуши—и въ этомъ отношеніи Квиткинскіе разсказы о его подвигахъ являются вполнѣ вѣроятными, правдоподобными. Всѣ они служатъ выраженіемъ одной самой главной черты Гаркуши, выдѣляющей его изъ многочисленной группы обыкновенныхъ разбойниковъ и позволяющей ему занять мѣсто героя въ повѣсти; это—разбойникъ принципіальный, своего рода Шиллеровскій Карлъ Моръ; ему присуща идея о народномъ благѣ и справедливости, но только онъ ее осуществляетъ незаконными средствами. Конечно, дѣйствительный Гаркуша не руководствовался въ своихъ разбояхъ исключительно принципомъ высшей справедливости (хотя и дурно понятымъ), какъ это выходитъ у Квитки; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что грабилъ онъ преимущественно такихъ богатыхъ людей, которые пользовались дурной репутаціей среди своихъ сосѣдей и крестьянъ. И это объясняется совершенно просто: самъ Гаркуша вышелъ изъ народной среды и свою юность провелъ на Запорожьѣ, гдѣ демократическія идеи пользовались широкимъ распространеніемъ тамъ формировались въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ гайдамацкія купы, отправлявшіяся подъ начальствомъ запорожскихъ ватажковъ въ правобережную Малороссію для грабежа *панскихъ* польскихъ имѣній; незадолго передъ выступленіемъ Гаркуши на его поприще, это гайдамацкое движеніе разрѣшилось, какъ извѣстно послѣднимъ страшнымъ взрывомъ—Уманской рѣзней. Самъ Гаркуша потерялъ въ Польшѣ все свое богатство, благодаря все той же гайдамачинѣ: онъ долженъ былъ тайно пробраться черезъ кордонъ, такъ какъ послѣ Уманской рѣзни въѣздъ запорожцамъ въ Польшу былъ запрещенъ, былъ настигнутъ стражею и принужденъ спасаться бѣгствомъ, оста-

вивъ свои товары. Впослѣдствіи онъ, образовавши изъ запорожцевъ разбойничій отрядъ, пробрался въ Польшу и произвелъ два гайдамацкихъ набѣга на богатаго польскаго пана и еврея. Такимъ образомъ, Гаркуша дѣйствовалъ, очевидно, въ духѣ и согласно традиціямъ старыхъ гайдамаковъ; а въ образѣ дѣйствій этихъ послѣднихъ проявлялась не одна страсть къ грабежу, а и соціально-экономическіе, религіозные и политическіе мотивы. Такіе соціально-экономическіе мотивы мы находимъ и у Гаркуши; они то и сдѣлали личность его популярной въ народѣ; они то и привели къ идеализаціи ея въ народной фантазіи и поэзіи. Квитка, составившій свой разсказъ на основаніи преданій, циркулировавшихъ въ мѣстномъ обществѣ, столкнулся съ двумя взглядами—панскимъ и мужицкимъ; по первому Гаркуша былъ злодѣй, одно имя котораго приводило въ трепетъ мужчинъ и женщинъ; по другому—герой, носитель высшей правды и справедливости. И то, и другое было односторонне. И нужно отдать должное Квиткѣ, что онъ съумѣлъ разобраться тутъ и провести свой трезвый, примиряющій, вѣрный взглядъ на дѣятельность Гаркуши. Онъ не извращаетъ фактовъ; онъ рисуетъ вѣрныя сцены, близкія къ дѣйствительности; онъ и не замалчиваетъ идейной стороны поступковъ Гаркуши, но онъ подвергаетъ ее критикѣ и доказываетъ несоотвѣтствіе ея съ правомъ и нравственностью. Его Гаркуша въ концѣ концовъ самъ сознается въ своихъ заблужденіяхъ и говоритъ: „при всемъ ученіи моемъ, я ложно понялъ вещи, а предъ закономъ и въ томъ уже преступникъ, что принялся дѣйствовать самовластно“.

Изъ спеціально историческихъ статей въ собраніи его сочиненій напечатано три: 1) *О слободскихъ полкахъ*, 2) *Украинцы*, 3) *Городъ Харьковъ;* все это—этюды по исторіи Слободской Украйны. До недавняго времени Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ приписывалась еще одна работа аналогичнаго содержанія: *„Записки о Слободскихъ полкахъ“*, изданныя въ 1812 году въ Харьковѣ. На заглавномъ листѣ этого сочиненія не было указано имени автора, а приписывалось оно Григорію Ѳедоровичу со словъ проф. Рославскаго-Петровскаго, отмѣтившаго это сочиненіе въ своемъ указателѣ трудовъ, напечатанныхъ въ типографіи Имп. Харьк. университета. Проф. И. П. Сокальскій, перепечатавшій эту брошюру въ въ 1883 году, также считалъ ее принадлежащей перу Григорія Ѳедоровича; хотя отысканная имъ же архивная справка свидѣтельствуетъ, что Квитка-Основьяненко былъ только ея *издателемъ* (отдалъ рукопись въ типографію и уплатилъ деньги за напечатаніе ея). Г. Шугурову удалось доказать (и на нашъ взглядъ совершенно убѣдительно), что авторомъ „Записокъ о Слободскихъ полкахъ“ былъ не Григорій Ѳедоровичъ, а Илья Ивановичъ Квитка (его дядя). Но почему же Илья Ива-

новичъ не захотѣлъ выставить своего имени на обложкѣ сочиненія? Почему вообще онъ не хотѣлъ приписывать себѣ авторство въ этомъ трудѣ? „Всеприлежнѣйше прошу того одолженія, пишетъ онъ Тимковскому, чтобъ я удовольствіе имѣлъ видѣть труды мои изданные въ печати по слову вашему, но безъ надписанія сочинителя; и ежели вамъ угодно, то отъ вашего имени пусть будетъ сочтено оное". Намъ кажется, что тутъ могло имѣть значеніе то обстоятельство, что въ этомъ трудѣ было мало личнаго авторства И. И. Квитки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно обратить вниманіе на его содержаніе и характеръ. Это въ сущности перепечатка и сокращеніе различныхъ оффиціальныхъ документовъ по исторіи Слободской Украйны. Такихъ документовъ было нѣсколько; на первомъ планѣ нужно поставить знаменитый „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ"—нѣчто въ родѣ оффиціальнаго историко-статистическаго описанія Харьковскаго края; затѣмъ слѣдуютъ: „Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества", Описаніе Слободско-Украинской губерніи 1802 г." и др. Недаромъ разсматриваемое нами сочиненіе названо „Записками о Слободскихъ полкахъ": это дѣйствительно полуоффиціальная о нихъ записка. Только вступленіе отличается другимъ характеромъ: тутъ авторъ полемизируетъ съ неизвѣстнымъ составителемъ „Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества", и пользуется для своихъ выводовъ свидѣтельствами Новгородской лѣтописи и Скиѳской исторіи Лызлова; въ главной же части никакихъ ссылокъ онъ уже не дѣлаетъ; въ основу изложенія здѣсь положены жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ. Въ концѣ находится любопытная приписка: „на семъ оканчиваются записки о Слободскихъ полкахъ"; она указываетъ какъ бы на то, что вся эта главная часть была собрана кѣмъ нибудь другимъ, а не авторомъ рукописи. Этому же послѣднему принадлежитъ кромѣ предисловія еще послѣсловіе; оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ и отличается строго фактическимъ характеромъ; въ первомъ помѣщенъ рядъ отдѣльныхъ краткихъ замѣтокъ по исторіи слободскихъ полковъ; во второмъ—перечень всѣхъ полковниковъ; въ третьемъ—перечень всѣхъ главнѣйшихъ мѣстечекъ (сотенныхъ городовъ), находившихся на территоріи Слободской Украйны.

Таковы „Записки о Слободскихъ полкахъ" въ ихъ полномъ составѣ. Рукопись этого сочиненія И. И. Квитка въ 1810 году передалъ для напечатанія проф. Тимковскому, но этотъ послѣдній въ 1811 г. покинулъ Харьковъ—и статья Ильи Ивановича осталась ненапечатанной; тогда то у дяди и племянника возникла мысль издать ее самимъ въ Харьковѣ въ университетской типографіи; и если мы вспомнимъ, что Илья Ивановичъ велъ совершенно монашескую жизнь, то поймемъ, почему

хлопоты по изданію принялъ на себя Григорій Ѳедоровичъ. Немедленно по выходѣ въ свѣтъ своего сочиненія, Илья Ивановичъ посылаетъ его на память о себѣ Тимковскому. Такимъ образомъ, первое историческое сочиненіе о Слободской Украйнѣ, изданное въ самомъ началѣ XIX ст., по характеру своему, близко подходитъ къ „Топографическому описанію Харьковскаго нам." и „Описанію слободско-украинской губерніи 1802"; это нѣчто среднее между лѣтописью и настоящей исторіей—та самая литературная форма, которая, какъ извѣстно, получила чрезвычайно широкое распространеніе и въ Малороссіи XVIII вѣка.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка, близко стоявшій къ Ильѣ Ивановичу и издавшій его трудъ по исторіи Слободской Украйны, относился съ глубокимъ интересомъ къ прошлому своего края, но занялся спеціальными историческими розысканіями по мѣстной исторіи только подъ конецъ своей жизни. И это объясняется тѣмъ, что его, какъ писателя-художника, привлекало болѣе устное живое преданіе, чѣмъ мертвыя сухія хартіи; форма исторической (бытовой и былевой) повѣсти была для него пріятнѣе, чѣмъ строгія рамки ученой статьи.

Но вотъ въ 1838 г. возникли въ Харьковѣ „Губернскія Вѣдомости"—и Г. Ѳ. Квитка, постоянно интересовавшійся развитіемъ періодической прессы въ своемъ родномъ городѣ, бывшій однимъ изъ соредакторовъ „Украинскаго Вѣстника", даетъ новому органу большую ученую статью, заключающую исторію Харьковскаго края съ подробными историко-географическими данными о его городахъ. Статья эта не издана въ собраніи сочиненій Г. Ѳ. Квитки, а между тѣмъ заключаетъ въ себѣ такія свѣдѣнія, которыя не вошли въ три очерка его, помѣщенные въ „Современникѣ" и перепечатанные теперь въ 4-мъ томѣ его сочиненій. Намъ предстоитъ въ силу этого заняться сравненіемъ статьи Г. Ѳ. Квитки, помѣщенной въ „Х. Г. В.", съ его очерками, напечатанными въ „Современникѣ", и наконецъ опредѣлить взаимное отношеніе между его историческими работами и аналогичнымъ трудомъ Ильи Ивановича; ни того, ни другого не было сдѣлано еще въ литературѣ о Квиткѣ. Къ сожалѣнію мы принуждены пользоваться дефектнымъ экземпляромъ „Харьк. Губ. Вѣд." за 1838 годъ—въ немъ недостаетъ двухъ номеровъ, заключающихъ начало Квиткинской работы (1-го и 3-го). Во всякомъ случаѣ, судя по библіографическому указанію Г. П. Данилевскаго, можно полагать, что начало монографіи Г. Ѳ. Квитки, помѣщенное въ № 1-мъ подъ заглавіемъ „Краткое историческое свѣдѣніе о Харьковской губерніи. *Основаніе Слободскихъ полковъ*" соотвѣтствуетъ его статьѣ „*О Слободскихъ полкахъ*" помѣщенной въ „Современникѣ"; но эта послѣдняя повидимому значительно расширена по сравненію съ его первымъ опытомъ.

Второй очеркъ „Украинцы“ заключаетъ въ себѣ еще болѣе новаго матеріала; можно даже сказать, что онъ является совершенно новымъ этюдомъ нашего автора: въ статью „Губ. Вѣд.“ онъ не вошелъ. Совсѣмъ иное заключеніе мы должны высказать относительно 3-го очерка „*Городъ Харьковъ*“: онъ представляетъ почти буквальную перепечатку того, что раньше было помѣщено въ „Х. Г. В.“ (въ №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11). Затѣмъ въ „Х. Г. В.“ слѣдуютъ историко-статистическія описанія уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи, и эта часть труда впослѣдствіи не была переработана Квиткой ни для „Современника“, ни для иного какого либо изданія; ее бы поэтому слѣдовало перепечатать въ Собраніи сочиненій Квитки (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими замѣтками, не вошедшими въ 4 тома Квиткинскихъ трудовъ).

Теперь спрашивается, каково внутреннее достоинство указанныхъ нами выше историческихъ статей Г. Ѳ. Квитки? Насколько въ нихъ проявилось авторство его? Какіе источники положены были въ ихъ основаніе? На сколько достовѣрны сообщаемые Григоріемъ Ѳедоровичемъ факты и выводы?

Объ этихъ работахъ можно сказать почти то-же, что мы говорили о брошюрѣ Ильи Ивановича Квитки. Это—не изслѣдованіе, а компиляція изъ небольшого числа полуоффиціальныхъ бумагъ, очень близкая къ своимъ источникамъ по изложенію. Такъ на нихъ смотрѣлъ и самъ Квитка. Въ письмѣ къ Плетневу Квитка говоритъ: „О Слободскихъ полкахъ“ просила меня редакція „От. Записокъ“. Препровождаю тетрадь къ вамъ. Такого рода статьи не есть чье либо сочиненіе, но сборъ изъ записокъ, какъ и сказано. Кажется, статья эта никуда больше и не пойдетъ, какъ къ нимъ. Изъ нея извлеченія были уже въ здѣшнихъ „Губ. Вѣд.“. Если понадобится имъ, отдайте, а цѣна на ваше произволеніе“. Гр. Ѳед. Квитка не напрасно сдѣлалъ свою оговорку относительно статьи „О Слободскихъ полкахъ“. Мы сравнили ее страница за страницей съ „Записками о Слободскихъ полкахъ“ Ильи Ивановича Квитки и пришли къ убѣжденію, что первая представляетъ компиляцію (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сокращенную) второй; при томъ компиляція это очень близко подходитъ по языку къ своему оригиналу, иногда буквально воспроизводитъ его стиль. Впрочемъ нужно замѣтить, что это относится только къ описательной части труда Г. Ѳ. Квитки; начало же и конецъ его оригинальны, Григорій Ѳедоровичъ Квитка даетъ свое собственное объясненіе исторіи заселенія Слободской Украйны, какого мы не находимъ въ трудѣ Ильи Ивановича Квитки. Послѣдній старается только опровергнуть мнѣніе тѣхъ, которые заявили, что слобожане были старинными обитателями Кіевскаго княжества, ушедшими

въ Литву и Польшу, но ничего не говоритъ о тѣхъ причинахъ, которыя заставили ихъ удалиться подъ протекцію Московскихъ царей. Григорій же Ѳедоровичъ именно останавливается на этихъ причинахъ. „Угнетаемые жестокостью польскаго владычества въ свободномъ отправленіи вѣры и исполненіи ея обрядовъ, малороссіяне имѣли уже намѣреніе прибѣгнуть къ Русскому царю и просить объ исторгнутіи ихъ отъ чуждаго ига и принятіи въ прежнее подданство. Когда мысль сія въ націи еще зрѣла, нѣкоторые жители городовъ: Черкасъ, Зембора, Корсуня, Чигирина и другихъ разоренныхъ и болѣе угнетаемыхъ повѣтовъ въ 1646 году двинулися изъ за Днѣпра въ полуденныя земли Россійскаго государства. Они начали селиться на пустыхъ земляхъ по Бѣлогородской чертѣ. Черта сія устроена была царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, по возобновленіи Бѣлгорода, отъ р. Ворсклы до р. Дона, на 300 верстъ, по которой въ царствованіе Алексѣя Михайловича состояли или вновь построены города или лучше редуты: Болховецъ, Корновъ (очевидно, Карповъ), Хотмыжскъ, Вольный, Алешка“ и т. д. Тутъ вѣрно указана *одна* изъ причинъ переселеній и поставленъ на правильную почву вопросъ о характерѣ колонизаціи. Однимъ изъ основныхъ источниковъ послужило здѣсь Гр. Ѳед. Квиткѣ „Топографическое описаніе Харьк. нам.“, если только и въ него эти свѣдѣнія не попали изъ болѣе древней рукописи—Экстракта о Слободскихъ полкахъ (въ той его пространной редакціи, которою пользовался И. И. Срезневскій въ „Историческомъ обозрѣніи гражданскаго устроенія Слободской Украины“). Конецъ Квиткинской статьи заключаетъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о дальнѣйшихъ перемѣнахъ въ устройствѣ Слободской Украйны до открытія въ 1780 году намѣстничества.

Мы сказали, что основная часть статьи Г. Ѳ. Квитки представляетъ компиляцію изъ брошюры Ильи Ивановича Квитки; но это обстоятельство отнюдь не бросаетъ тѣни на Григорія Ѳедоровича. Самъ Илья Ивановичъ Квитка, какъ намъ уже извѣстно, не претендовалъ на авторство, потому что вся его статья представляла (за исключеніемъ предисловія и приложеній) простое воспроизведеніе документовъ. Повидимому въ основу ея положенъ былъ „Экстрактъ о Слободскихъ полкахъ“— и этимъ памятникомъ могъ пользоваться и Григорій Ѳедоровичъ Квитка; его имѣлъ въ рукахъ И. И. Срезневскій, составившій свой очеркъ почти одновременно съ Гр. Ѳед. Квиткой (въ 1839 году), затѣмъ Григорій Ѳедоровичъ могъ кое что почерпнуть (и дѣйствительно почерпнулъ) и изъ своей фамильной лѣтописи (о дѣятельности своихъ предковъ).

Гораздо болѣе самостоятельными являются остальные два очерка Г. Ѳ. Квитки—„Украинцы“ и „Городъ Харьковъ“.

Небольшая статейка „Украинцы“ заключаетъ въ себѣ краткую характеристику домашняго быта слобожанъ. Она написана съ очевиднымъ знаніемъ дѣла, по личнымъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, и напоминаетъ нѣсколько извѣстную работу Н. И. Костомарова „Двѣ русскія народности“; только здѣсь нѣтъ сравнительной характеристики: рѣчь идетъ объ особенностяхъ жизни и характера харьковскихъ малороссовъ. Любопытно указаніе Квитки на любовь ихъ къ грамотности и способность къ искусствамъ. Особенно обстоятельны свѣдѣнія его о старинной одеждѣ слобожанъ, и эти свѣдѣнія подтверждаются документальными данными, открытыми въ послѣднее время. Г. Ѳ. Квитка изъ числа принадлежностей древняго мужскаго казацкаго убранства называетъ—полукафтанье, черкеску съ откидными рукавами, шаровары и, наконецъ, полковничью мантію—и все это дѣйствительно было у Слободско-Украинской старшины, какъ видно изъ статьи „О старинной одеждѣ и принадлежностяхъ домашняго быта слобожанъ“, основанной на описи имущества Ахтырскаго полковника Перекрестова. Такое же соотвѣтствіе мы находимъ и относительно принадлежностей женскаго костюма (Ср. 462—463 стр. 4-го тома сочиненій Квитки и 173—174 стр. Харьк. Сборника на 1887 годъ).

Еще болѣе интересна третья статья Квитки—о г. Харьковѣ; она содержитъ въ себѣ обстоятельныя историко-статистическія свѣдѣнія объ этомъ центральномъ городѣ Слободской Украины. Здѣсь авторъ пользовался и историческими матеріалами („Топографическаго описанія Харьковскаго нам.“) и современными ему статистическими данными (1837 года), и личными наблюденіями. Очеркъ судьбы Харьковскаго коллегіума основанъ гл. образомъ на извѣстіяхъ „Топогр. опис.“; описаніе посѣщеній Харькова Высочайшими Особами—на неизвѣстномъ намъ источникѣ. Въ заключеніе своего очерка Г. Ѳ. Квитка высказываетъ справедливое предположеніе, что Харьковъ получилъ свое названіе не отъ миѳическаго Харька, а отъ р. Харьковы. Заслуживаютъ полнаго вниманія и историко-статистическія описанія уѣздныхъ городовъ Харьковской губ., помѣщенныя въ „Х. Г. В.“; но на нихъ мы уже останавливаться не будемъ, такъ какъ по характеру свему они напоминаютъ очеркъ г. Харькова. Не можемъ, къ сожалѣнію, ничего сказать и о замѣткахъ Квитки, касающихся извѣстнаго Мировича, потому что въ университетской библіотекѣ не оказалось той книжки Рус. Архива, гдѣ онѣ напечатаны.

Изъ всего изложеннаго видно, что историческія повѣсти и статьи Квитки заключаютъ въ себя любопытный матеріалъ для исторіи южной Руси, и ихъ не долженъ игнорировать современный историкъ; для своего

же времени онѣ представляли и интересное, и серьезное, и поучительное чтеніе. Не на нихъ, конечно, держится литературная слава Квитки, но и онѣ все таки поддерживаютъ ее. Онѣ сверхъ того пробуждали интересъ въ мѣстномъ обществѣ къ его родной старинѣ, къ его историческимъ дѣятелямъ, къ старинному быту—и тѣмъ способствовали пробужденію народнаго самосознанія,—въ этомъ ихъ мѣстное общественное значеніе. Онѣ же, наконецъ, знакомили со стариннымъ южнорусскимъ бытомъ и широкую публику, читавшую „Своевременникъ“, „Отечественныя Записки“.

XXV.

О просвѣтительномъ значеніи Харьковской Общественной библіотеки[1].

Успѣхи всякаго культурнаго начинанія находятся въ полной зависимости отъ общаго культурнаго развитія и самодѣятельности общества. Одушевленное самыми лучшими, высокими и благородными побужденіями, правительство задумало въ 1830 г. устроить въ губернскихъ городахъ библіотеки для чтенія. Инціатива этого дѣла принадлежала извѣстному государственному дѣятелю Мордвинову. Министръ внутреннихъ дѣлъ Закревскій писалъ, что „кромѣ чтенія выходящихъ на россійскомъ языкѣ книгъ, учрежденіе подобныхъ библіотекъ *возродитъ духъ общественности*, откроетъ большой сбытъ для хорошихъ сочиненій и будетъ *эпохою народныхъ улучшеній*, во всѣхъ родахъ". Въ Харьковѣ вслѣдствіе этого была учреждена „городская публичная библіотека", составившаяся путемъ доброхотныхъ пожертвованій книгами и деньгами, шедшихъ главнымъ образомъ отъ самаго образованнаго въ то время руководящаго сословія въ губерніи—дворянства. Но судьба вновь открытой библіотеки оказалась очень печальной, потому что она не нашла живой поддержки въ мѣстномъ обществѣ, которое тогда находились въ состояніи полной апатіи и инертности (тридцатые годы были глухимъ временемъ въ исторіи нашей общественной жизни); тутъ ничего не могли подѣлать и такіе живые общественные дѣятели, какъ В. Н. Каразинъ, извѣстный малороссійскій писатель Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко и будущій знаменитый славистъ академикъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, принимавшіе живѣйшее участіе въ созданіи и дѣятельности библіотеки. Библіотеку на первыхъ порахъ посѣщали немногіе: заглядывали иногда студенты да члены ея администраціи, а потомъ исчезли и эти посѣтители, такъ что комитетъ рѣшилъ передать ее справочной городской конторѣ, содержавшейся частнымъ лицомъ—этимъ, конечно, подписы-

[1]) Харьков. Губ. Вѣдом. 1896 г., №№ 323 и 324 и отд. оттиски.

вался ей смертный приговоръ, какъ „городской публичной библіотекѣ.“ Мало того: оказалось, что и въ конторѣ 3000 томовъ ея мирно покоились, въ шкафахъ, и никто не хотѣлъ за плату пріобрѣтать себѣ билетовъ на право чтенія книгъ. И потому содержатель конторы рѣшился сдать это бездоходное имущество тому учрежденію, при которомъ оно раньше состояло—Дворянскому депутатскому собранію. Однако это послѣднее отказывалось принимать библіотеку безъ каталога. Тогда произошло нѣчто невѣроятное. „Во дворъ дворянскаго собранія (въ 1841 г.), рано утромъ, чуть не до свѣта, въ осенній свѣтлый денокъ, въѣхало паръ 12 воловъ, везя тяжело нагруженные книгами возы. „Сваливай, братцы, среди двора!“ крикнулъ Быковскій (хозяинъ справочной конторы). Мужики стали брать каждый возъ за колеса, приподнимать и сваливать съ него книги въ общую кучу, какъ сваливаютъ глину или песокъ; не успѣли сойтись на службу чиновники, какъ возы и Быковскій исчезли. Засуетились чиновники. Что тутъ дѣлать? Собирались вокругъ громадной кучи книгъ, потолковали и пошли въ канцелярію. А тутъ налетѣли тучи. Въ полдень пошелъ сильный дождь. Думали было сперва чиновники писать протестъ, жаловаться на Быковскаго, а книгъ все таки не принимать, но когда дождь къ вечеру усилился, они, изъ сожалѣнія, не дожидаясь разрѣшенія начальства, созвали сторожей и кинулись въ полахъ сюртуковъ и охабками носить мокрыя книги въ конюшню, а потомъ растилать ихъ здѣсь и на чердакѣ для просушки“... Такъ разсказываетъ Гр. П. Даниловскій, со словъ чиновника-очевидца. Быть можетъ (и даже навѣрное), краски здѣсь нѣсколько сгущены, но едва ли можно отрицать самый фактъ. Если и въ наше время оказываются возможными самыя удивительныя странствованія и приключенія библіотекъ, то что же сказать о старыхъ годахъ? Даже наша національная гордость—Императорская публичная библіотека—испытала въ первые моменты своего существованія два тяжкихъ въ этомъ отношеніи испытанія. Столь же почти печальна, какъ и Харьковской, была участь и другихъ провинціальныхъ библіотекъ, открытыхъ благодаря призыву Мордвинова—Нижегородской, Саратовской, Екатеринославской, Симферопольской, Керченской; двѣ послѣднія совершенно исчезли съ лица земли и ихъ пришлось въ 60-хъ годахъ открывать вновь. „При открытіи публичной библіотеки въ Сумахъ противъ нея составилась очень сильная и плотная оппозиція, при чемъ одинъ изъ предводителей дворянства открыто заявлялъ,если вѣрить тогдашнему корреспонденту, что библіотеку онъ разоритъ, а читателей прибьетъ“ (!).

Итакъ, первая попытка открытія пуб. б—ки въ Харьковѣ не увѣнчалась успѣхомъ; ничего не дала въ этомъ отношеніи и важная

эпоха въ исторіи нашей общественной жизни—60-е и 70-е годы, вызвавшіе однако къ жизни цѣнныя библіотеки, содержимыя частными лицами; онѣ процвѣтали и указывали этимъ самымъ на созрѣвшую потребность въ общественной библіотекѣ. Неудобства ихъ состояли въ томъ, что онѣ брали слишкомъ высокую подписную плату и, приспособляясь къ требованіямъ публики, удовлетворяли такимъ образомъ спросъ на легкое чтеніе. Харьк. общ. б—ка была открыта въ 1886 г. Не будемъ останавливаться на исторіи ея учрежденія и представимъ только нѣсколько фактовъ, рисующихъ достигнутые ею въ настоящее время успѣхи. Въ 1891 г. напечатана была въ „Недѣлѣ“ статья, посвященная поразительнымъ успѣхамъ нашей б—ки въ первые четыре года ея существованія. Въ началѣ ея говорится: „исторія, которую мы намѣрены разсказать, до такой степени несвойственна нашимъ нравамъ и такъ напоминаетъ дѣятельную бойкую Америку, что, для предупрежденія всякихъ сомнѣній, мы должны напередъ заявить, что каждое наше слово можетъ быть подтверждено документальными данными и каждый легко можетъ познакомиться лично съ тѣмъ единственнымъ въ своемъ родѣ у насъ учрежденіемъ, которое мы описываемъ“. И дѣйствительно, ростъ Х. общ. б—ки былъ очень сильный. Мы видѣли, что она возникла съ самыми ничтожными рессурсами. Теперь въ ней 63000 томовъ книгъ и журналовъ; стоимость ея имущества, по самой скромной оцѣнкѣ, равняется 70000 рублей; если исключить отсюда долгъ подписчикамъ въ размѣрѣ 2000 съ небольшимъ, то останется чистая сумма въ 68 т. р. Сюда нужно присоединить еще болѣе 27000 р., собранныхъ на постройку собственнаго дома. Годовой бюджетъ ея колеблется въ суммѣ 10—11 т. и въ составѣ его постоянная городская субсидія равняется только 2300 р.—остальное добывается подписною платою и пожертвованіями. Число подписчиковъ по всѣмъ тремъ разрядамъ превосходитъ 2000 чел., дающихъ основную цифру дохода. Число посѣтителей безплатнаго кабинета для чтенія превышаетъ 2000, число посѣщеній—60000.

Таково положеніе дѣлъ въ настоящее время.

А какія огромныя услуги дѣлу просвѣщенія оказала б—ка въ теченіе всего своего десятилѣтняго существованія! Она собрала и *истратила* на свои нужды болѣе 100000 руб. и однако владѣетъ въ настоящее время имуществомъ въ *тѣ же* 100000 рублей. Въ ней перебывали десятки тыс. платныхъ подписчиковъ, причемъ значительная цифра ихъ относится на долю 3-го разряда, т.-е. недостаточныхъ классовъ городского населенія, получающихъ книги, можно сказать, даромъ, потому что ничтожная плата (5 коп.) въ мѣсяцъ далеко не покрываетъ всѣхъ расходовъ по содержанію этого разряда и требуетъ, не смотря на безвоз-

мездный трудъ сотрудницъ и пожертвованія, постоянной приплаты отъ библіотеки. Въ сущности, Харьк. общ. б-ка, какъ мы видѣли, состоитъ изъ трехъ библіотекъ, абонемента съ выдачей книгъ на домъ, дешеваго 3-го разряда и безплатнаго кабинета для чтенія; значитъ соединяетъ въ себѣ то, что нерѣдко существуетъ въ видѣ трехъ отдѣльныхъ библіотекъ. Но хотя эти цифры и сами по себѣ краснорѣчивы, однако онѣ получатъ еще большее значеніе, если мы дадимъ имъ правильное освѣщеніе.

Не слѣдуетъ забывать, что почти каждый подписчикъ представляетъ изъ себя, такъ сказать, коллективную единицу: подписываются на имя одного цѣлыя семьи, берущія при томъ подъ часъ не одну, а нѣсколько книгъ. Значитъ среднюю годовую цифру мы должны увеличить втрое—и только тогда получимъ число постоянныхъ годовыхъ читателей б-ки, близкое къ дѣйствительности (цифра лицъ, состоящихъ читателями только извѣстное время года будетъ, конечно, гораздо больше). Средняя цифра читателей по 1-му и 2-му разряду Х. общ. б-ки по такому расчету равняется 4500—5000 чел. Если принять населеніе Харькова въ 200000 чел. (а эта цифра, пожалуй, окажется максимальною), то на долю привиллегированнаго класса придется 20000 чел. (т.-е. 10%; такую норму принимаютъ обыкновенно; въ Петербургѣ она значительно выше—равняется 15%). Слѣдовательно абонементомъ нашей б-ки пользуется $^1/_4$ всего культурнаго слоя горожанъ, иначе 25%.

Процентъ подписчиковъ въ другихъ городахъ по такому разсчету равняется—въ Екатеринославѣ 14, въ Херсонѣ 15, въ Астрахани 19, въ Нижнемъ-Новгородѣ 30, въ Воронежѣ 51, въ Самарѣ 42; значитъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Самарѣ и Воронежѣ онъ оказывается болѣе благопріятнымъ, чѣмъ въ Харьковѣ; кстати замѣтимъ, что сибирскія б-ки въ этомъ отношеніи значительно превосходятъ всѣ наши (особенно Ачинскъ, Тара, Нерчинскъ, Троицкосавскъ): въ Тарѣ, напримѣръ при 8650 чел., всего населенія библіотекой пользуется 700 чел.,т. е. почти вся культурная публика.

Однако указанная нами цифра подписчиковъ, берущихъ книги на домъ, еще не опредѣляетъ вполнѣ размѣровъ просвѣтительной дѣятельности нашего учрежденія; необходимо присоединить къ ней и ежегодное число посѣтителей безплатнаго кабинета, превышающее 2000 чел. съ 60000 посѣщеній въ годъ. Сравнивая эту цифру посѣтителей съ цифрами другихъ аналогичныхъ учрежденій, мы замѣчаемъ, что она уступаетъ только цифрѣ посѣтителей Воронежской и Одесской публичной читаленъ. Сюда же нужно прибавить и 3-й разрядъ, которымъ пользуются недостаточные классы городскаго населенія. Цифры его не по-

ражаютъ своею величиною, особенно если сопоставить ихъ съ числомъ того сѣраго люда, для котораго она предназначена:—на 180000 чел. 2000 годовыхъ подписчиковъ составляютъ 1,1% (цифру эту мы получили, утроивъ дѣйствительное число); но не слѣдуетъ забывать, что этотъ процентъ значительно повысится, если имѣть въ виду только грамотное населеніе, въ общемъ, какъ извѣстно, составляющее значительное меньшинство. Нашъ 3-й разрядъ впрочемъ не можетъ быть приравниваемъ къ безплатнымъ народнымъ читальнямъ: по своему болѣе обширному катологу онъ является уже какъ бы переходною ступенью отъ читаленъ къ общественной б-кѣ; сюда подписываются главнымъ образомъ тѣ, кто готовъ платить за чтеніе и вносить залогъ, лишь бы пользоваться большимъ выборомъ книгъ. Въ этомъ его raison d'être. Онъ подготовляетъ читателей для основной библіотеки.

Таково просвѣтительное значеніе нашей б-ки. Оно распространяется на всѣ слои городского населенія, хотя и не въ одинаковой степени. Но оно еще болѣе уяснится намъ, если мы обратимся къ количественному и качественному составу нашей библіотеки.

Въ ней числится нынѣ 62966 томовъ книгъ и журналовъ. По числу книгъ Харьковская общественная библіотека занимаетъ 5-е мѣсто среди провинціальныхъ публичныхъ библіотекъ и уступаетъ только въ этомъ отношеніи Виленской (въ ней до 100000 т.), морской Кронштадтской (болѣе 75000 т.) Одесской (87915) и Рижской (свыше 70000). Но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти библіотеки существуютъ десятки лѣтъ, а Рижская была основана еще въ XVI ст. (въ 1553 г.) и подобно Виленской особенно обогатилась книгами изъ упраздненныхъ католическихъ монастырей; Одесская получила начало въ 1829 г. при извѣстномъ Новороссійскомъ ген.-губ. кн. Воронцовѣ. При томъ Кронштадтская библіотека отличается сословнымъ характеромъ; Виленская публичная можетъ быть названа правительственною, Рижская и Одесская—содержатся всецѣло на счетъ городовъ. Что же касается общественныхъ библіотекъ, то среди нихъ Харьковская занимаетъ первое мѣсто, да и вообще по количеству книгъ должна быть поставлена на первомъ планѣ среди всѣхъ остальныхъ областныхъ книгохранилищъ (исключая, конечно, только университетскія библіотеки, которыя находятся въ особомъ положеніи). За нею стоятъ и такія сравнительно крупныя общественныя б-ки, какъ Воронежская, Саратовская, Нижегородская, Астраханская, Херсонская, Черниговская и друг.

Но уступая по количеству книгъ нѣкоторымъ библіотекамъ, наше учрежденіе превосходитъ ихъ въ непосредственномъ просвѣтительномъ вліяніи на массу. Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить Харьк. общ.

б-ку съ Одесскою. Въ послѣдней нѣтъ выдачи книгъ по абонементу, а есть только безплатная читальня, которую въ 1895 г. посѣтило 4637 чел., при чемъ на долю каждаго пришлось въ среднемъ 11 посѣщеній (всѣхъ посѣщеній было 51511). У насъ въ томъ же году было 2385 посѣтителей и 60738 посѣщеній (на долю каждого по 25 посѣщеній). Значитъ, дѣятельность одного нашего кабинета для чтенія равняется дѣятельности всей Одесской публичной библіотеки; абонементъ же и 3-й разрядъ являются прямымъ плюсомъ. На содержаніе Одесской публичной б-ки въ этомъ году было ассигновано 10020 р., Харьковской истрачено 10000 р. Здѣсь мы должны отмѣтить еще одну чрезвычайно важную финансовую особенность нашей библіотеки. Всѣ 10000 р., израсходованныхъ Одес. гор. б-кой въ 1895 г., были получены ею изъ городского управленія, которое содержитъ ее изъ своихъ средствъ (библіотека помѣщается въ особомъ спеціальномъ зданіи). Между тѣмъ наша б-ка получаетъ отъ города субсидію только на наемъ помѣщенія (теперь въ размѣрѣ 2300 р.) и, слѣдовательно, должна содержать себя въ остальныхъ статьяхъ расхода сама. И, дѣйствительно, главною статьею дохода б-ки всегда была плата за чтеніе книгъ на дому (60%), далѣе слѣдовала городская субсидія (отъ 20% до 23%), благотворительные сборы (15%) и мелкія поступленія. Такова финансовая сторона нашего дѣла. Нельзя не сознаться, что она поставлена весьма раціонально. Можно порадоваться, что учредители библіотеки не остановились на одной читальнѣ, а устроили и абонементъ. Этотъ послѣдній съ одной стороны расширялъ кругъ читателей б-ки, а съ другой служилъ основнымъ и единственно прочнымъ источникомъ дохода. И городская субсидія, и сборы съ благотворительныхъ вечеровъ были подвержены колебаніямъ и одна только плата съ подписчиковъ не только не уменьшалась, а, наоборотъ, постоянно возрастала.

Наконецъ, наша библіотека выдѣляется изъ ряда другихъ не только количествомъ, но и качествомъ книгъ. По составу своему она можетъ удовлетворять запросы всѣхъ классовъ общества. Въ ней, какъ и во всѣхъ библіотекахъ, мы находимъ беллетристику и научные отдѣлы; но взаимныя отношенія и составъ этихъ отдѣловъ рѣзко отличаются отъ таковыхъ же во многихъ б-кахъ, въ особенности частныхъ. Мы имѣемъ богатый, можно сказать, очень богатый отдѣлъ беллетристики; тутъ есть всѣ классики—оригинальные и переводные и при томъ по нѣсколько экземпляровъ; есть и всѣ писатели средней руки; попадаются, наконецъ, и писатели третьестепенные, поступающіе по большей части или путемъ пожертвованій или въ качествѣ приложеній. Это, такъ сказать, три концентрическіе круга въ области художественной словесности—высшій,

средній и низшій сортъ. Всякая большая библіотека должна имѣть всѣ три сорта, ибо они соотвѣтствуютъ тремъ группамъ читателей, различному уровню ихъ эстетическаго развитія. Читатель воспитывается чтеніемъ и переходитъ изъ одной категоріи въ другую. Даже любители и поклонники „страшныхъ“ романовъ Понсонъдю Террайля, Бэрна могутъ облагородить свой вкусъ и подняться на болѣе высокую ступень эстетическаго вкуса; но начинаютъ они только съ низшаго сорта. Парижскія муниципальныя библіотеки рѣшились изгнать подобную беллетристику—и разогнали своихъ читателей. Конечно, этой „литературы“ должно быть по восможности меньше въ библіотекѣ. А сколько такихъ б-къ, гдѣ ничего другого не имѣется? Въ лучшемъ же случаѣ для приличія числятся убогіе, съ совершенно случайнымъ составомъ, научные отдѣлы. Много значитъ умѣлый выборъ книгъ, знаніе ихъ. Вѣдь извѣстенъ такой случай, что одинъ содержатель частной б-ки зарылъ въ землю изъ страха отвѣтственности невинный романъ Шпильгагена „Впередъ“, смѣшавъ его съ заграничнымъ изданіемъ подобнаго же названія. Извѣстенъ и другой невѣроятный случай сожженія въ г. Уральскѣ 1445 т. журналовъ и книгъ, изъятыхъ изъ библіотечныхъ каталоговъ, но пользовавшихся по закону свободнымъ обращеніемъ въ публикѣ. У насъ научные отдѣлы занимаютъ первое мѣсто: научныхъ сочиненій несравненно больше, чѣмъ беллетристическихъ; значитъ б-ка наша можетъ удовлетворять въ полной мѣрѣ спросъ и на серьезное чтеніе. При томъ подборъ книгъ въ этихъ научныхъ отдѣлахъ отличается сравнительною полнотою и систематичностью. Здѣсь также мы имѣемъ 3 концентрическихъ круга: въ одномъ находятся книги, сообщающія элементарныя свѣдѣнія по данной наукѣ, въ другомъ—популярно-научныя, въ третьемъ —спеціальныя. При такомъ составѣ библіотека даетъ возможность усваивать путемъ чтенія необходимыя знанія всѣмъ группамъ читателей, съ разною образовательною подготовкой. Конечно, такой подборъ книгъ оказывается возможнымъ только потому, что наша б-ка является общественнымъ учрежденіемъ и потому въ составѣ ея дѣятелей всегда были, есть и (надѣемся) будутъ спеціалисты различныхъ отраслей знаній рекомендующіе какъ покупку книгъ по предмету своей спеціальности, такъ и обращеніе къ авторамъ и учрежденіямъ. Съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить тотъ отрадный фактъ, что въ послѣднее время сильно оживилась научно популярная литература и это даетъ возможность намъ пріобрѣтать подходящія книги для средняго уровня читателей. Что же касается спеціальныхъ сочиненій, то въ этомъ отношеніи намъ особенно помогли и помогаютъ пожертвованія. Эти пожертвованія теперь являются какъ нельзя болѣе умѣстными. Наша б-ка выросла до такихъ размѣровъ,

что чуть ли не всякая спеціальная книга на рус. яз. найдетъ въ ней своего любителя. Очевидно, эту мысль усвоили себѣ и тѣ учрежденія, которыя обогатили наше книгохранилище своими капитальными и дорогими изданіями: на первомъ планѣ среди нихъ слѣдуетъ поставить полное собраніе и сводъ законовъ, доставленные съ Высочайшаго соизволеніе въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, затѣмъ идутъ огромная серія (775 томовъ) изданій нашего высшего ученаго учрежденія—Имп. Академіи Наукъ (все то, что мы пожелали имѣть), дорогія изданія общества любителей древне-русской письменности и наконецъ недавно получено извѣщеніе о безплатной высылкѣ драгоцѣннаго многотомнаго „Сборника Имп. Рус. Ист. Общ.“, въ которомъ заключается основной матеріалъ для государственной и дипломатической исторіи Россіи въ XVIII и XIX в. Конечно, намъ могутъ замѣтить, что, быть можетъ, всѣ эти фоліанты мирно лежатъ на полкахъ библіотечныхъ шкафовъ. Но, во 1-хъ необходимость спеціальныхъ научныхъ сочиненій въ библіотекѣ не можетъ опредѣляться спросомъ массы публики, для которой они недоступны, а во 2-хъ—и это особенно характерно—оказывается, что напримѣръ, полное собраніе и сводъ законовъ, не смотря на свой спеціальный характеръ, весьма часто тревожатся публикой. Такъ въ 1891 г. въ кабинетѣ для чтенія ихъ требовали 269 разъ да судебные уставы 40, да рѣшенія сената 46 разъ. И что это не случайность, видно изъ того, что вообще у насъ въ кабинетѣ для чтенія спросъ на серьезныя книги научныхъ отдѣловъ превышаетъ требованія на беллетристику. Въ десятомъ году было 16166 требованій по научнымъ отдѣламъ и 8788 по беллетристикѣ, т. е. въ половину менѣе. Такого явленія не замѣчается ни въ какой другой общественной библіотекѣ, кромѣ Одесской и Кіевской. Обращаясь къ найболѣе требуемымъ авторамъ, мы встрѣчаемъ тутъ цѣлый рядъ именъ, на которыхъ съ удовольствіемъ останавливается вниманіе; въ философскомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ Шопенгауера, Фаррара, Вундта, Спинозу, Гартмана, арх. Никанора, Спенсера, Грота, Ланге, Паскаля, Лейбница, Канта, и др., въ юридическомъ—Мейера, Иванюкова, Таганцева, Сергѣевича, Зибера, Фойницкаго, Вредена, Милля, Янжула, Побѣдоносцева, Кистяковскаго, Спасовича, Загоскина, Бѣляева, Муромцева, Неволина, Мартенса, Неклюдова, Ад. Смита, Стоянова, и др.; въ историческомъ—Вебера, Бокля, Карѣева, Петрова, Соловьева, Костомарова, Пыпина, Брикнера, Шлоссера, Тэна, Моммзена, и др.; и здѣсь спеціальный архивъ юго-зап. Россіи требовался 11 разъ; въ географическомъ—Реклю, Даля; въ естественно-историческомъ—Дарвина, Брема, Шимкова, Бутлерова, Тиндаля, Бекетова, Тимирязева и др.; въ математическомъ—Ващенка-Захарченка,

Андреева, Тихомандрицкаго, Араго, Фламмаріона, и др.; въ медицинскомъ—Цимсена, Боткина, Бильрота и мн. др. Все это, какъ мы видимъ, или серьезныя пособія, университетскіе курсы или сочиненія великихъ ученыхъ. Это объясняется составомъ посѣтителей—первое мѣсто среди нихъ занимаютъ студенты 3-хъ высшихъ учебныхъ заведеній и къ ихъ потребностямъ приспособляетъ свой каталогъ общ. б-ка. Даже въ отдѣлѣ беллетристики на первыхъ мѣстахъ стоятъ такіе писатели, Л. Толстой, Салтыковъ-Щедринъ, Золя, Достоевскій, Писемскій, Тургеневъ. И всѣхъ такихъ удовлетворенныхъ требованій на книги и журналы въ истекшемъ году было 38,338. Спрашивается послѣ этого: можно ли голословно утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, что у насъ читаютъ однѣ газеты? Не говоримъ уже о томъ, что современному культурному человѣку невозможно обойтись и безъ газетъ, когда онѣ получаются даже народными читальнями. Да и гдѣ-бы молодежь ихъ могла читать, еслибы ихъ не было въ кабинетѣ? Вопросъ заключается только въ томъ, чтобы газеты не стѣсняли болѣе серьезнаго—журнальнаго и книжнаго чтенія, чтобы онѣ не ложились тяжелымъ бременемъ на библіотечный бюджетъ. Но вѣдь библіотека, сознавая это, добилась безплатнаго полученія почти сотни періодическихъ изданій.

Таковы размѣры просвѣтительнаго вліянія нашей библіотеки.

Чему или кому обязана библіотека своими успѣхами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ ея названіи—*общественная библіотека*: активная и пассивная поддержка общества—вотъ тайна ея жизненности и силы. Культурная часть Харьковскаго общества настолько созрѣла, что смогла создать, вдохнуть жизнь и вести дѣло, которое не привилось на мѣстной почвѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Харьковская общ. б-ка является, такимъ образомъ, излюбленнымъ дѣтищемъ харьковской интеллигенціи, которая сочувствуетъ ему, заботится о немъ и постоянно выдвигаетъ изъ своей среды тѣхъ или иныхъ дѣятелей для непосредственнаго веденія дѣла. Одни уходятъ, на смѣну имъ приходятъ другіе, иногда возвращаются и прежніе; а есть и такіе, которые какъ бы приросли къ библіотекѣ, и невозможно себѣ представить ни библіотеки безъ нихъ, ни ихъ безъ библіотеки. Иные приходили поздно, но сразу какъ-то сживались съ нею, она ихъ всецѣло захватывала и дѣлалась для нихъ столь же необходимой, какъ воздухъ или пища. Здѣсь невозможно даже и перечислить тѣхъ активныхъ дѣятелей, которые такъ или иначе способствовали росту б—ки—одни личнымъ трудомъ, другіе книжными пожертвованіями, третьи денежными средствами и т. п. А что же сказать о пассивномъ содѣйствіи нашихъ членовъ, подписчиковъ, читателей безплатнаго кабинета, а также посѣтителей

вечеровъ, концертовъ, публичныхъ лекцій, посѣтителей, являвшихся на нихъ не только ради удовольствія, но и ради поддержки самаго дѣла? Какъ исчислить огромное число лицъ, жертвовавшихъ намъ по одной, по двѣ книги или мелкія денежныя суммы! А между тѣмъ эти-то именно мелкія пожертвованія своею массой по большей части и поддержали насъ. У насъ не было меценатовъ. Посмотрите списокъ жертвователей въ фондъ на постройку дома. Гдѣ бы уже казалось и не быть крупнымъ цифрамъ, когда дѣло идетъ о собраніи десятковъ тысячъ рублей? Между тѣмъ тамъ нѣтъ пожертвованій, превышающихъ 200 руб., и фигурируетъ только два богача—это государственное козначейство, давшее намъ субсидію въ 15000 рублей и городъ Харьковъ, рѣшившійся жертвовать для этой цѣли въ теченіе 10 лѣтъ по 500 р. Иныхъ богатыхъ и щедрыхъ гражданъ пока не оказалось... Будемъ надѣяться, что они явятся.

Но наша бѣдная матеріальными средствами библіотека всегда была богата людьми, которые несли въ нее свой трудъ, время, знанія, опытность, совѣты и доброжелательное отношеніе, которые создали это обширное дѣло, вели его, собирали для него нужныя средства. Не имѣя возможности перечислить всѣхъ такихъ активныхъ дѣятелей, мы вспомнимъ только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе потрудившихся или сдѣлавшихъ для библіотеки. У многихъ членовъ б-ки хранится еще живое воспоминаніе объ этихъ лицахъ и потому мнѣ можно будетъ не распространяться о томъ, что сдѣлано каждымъ изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что и подвести такіе итоги очень трудно. Но вспомнить о нихъ въ нынѣшній день необходимо—этого требуетъ справедливость. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ назвать имя иниціатора дѣла—А. А. Гурскаго, а также В. И. Касперова, профессора Н. Ѳ. Сумцова и А. И. Кирпичникова, своими статьями подвигавшихъ общество къ устройству б-ки, и тогдашняго харьковскаго губернатора барона А. А. Икскуля (нынѣ товарища мин. внутр. дѣлъ), который принялъ столь горячее участіе въ новомъ учрежденіи, что ему, въ значительной степени, б-ка обязана своимъ возникновеніемъ. Съ открытіемъ б-ки предсѣдателемъ ея правленія былъ избранъ Б. Г. Филоновъ, стоявшій съ тѣхъ поръ во главѣ учрежденія (при ежегодныхъ избраніяхъ) въ теченіе 6 съ лишнимъ лѣтъ. Безспорно, что Б. Г. Филоновъ любилъ библіотеку, отдавалъ ей много времени и труда, приходилъ на помощь въ критическіе моменты своими денежными рессурсами (имъ пожертвована сумма въ 1150 р.); его независимое положеніе въ обществѣ, всегда ровный, спокойный характеръ служили охраной для б-ки въ первые, самые напряженные моменты ея жизни. Мы говоримъ ему наше спасибо за все то добро, которое онъ принесъ библіотекѣ.

Тутъ же мы должны помянуть и другую дѣятельницу, которую безжалостная смерть рано похитила у б-ки—Ант. Ѳед. Яковлеву—эту женщину съ золотымъ сердцемъ, которое билось только для ближняго, скромно, тихо, незамѣтно совершавшую свой великій подвигъ—служенія идеѣ и просвѣщенію. Она всецѣло посвятила себя библіотекѣ и, м. б., надорвала за тяжелой работой свое слабое здоровье. Мы похоронили, оплакали ее и почтили память добрымъ достойнымъ ея имени дѣломъ—учрежденіемъ безплатныхъ абонементовъ для бѣднѣйшихъ студентовъ; портретъ ея виситъ въ той самой абонементной комнатѣ, въ которой она провела такъ много времени, исполняя обязанности кассира. Беззавѣтною преданностью дѣлу проникнута была и, къ сожалѣнію, кратковременная дѣятельность М. М. Линно, котораго, б. м., судьба заброситъ еще въ нашъ городъ—и тогда онъ, конечно, будетъ желаннымъ членомъ нашей библіотечной семьи. Слѣдуетъ ли распространяться о плодотворной, оставившей замѣтный слѣдъ дѣятельности бывшаго предсѣдателемъ въ самое тяжелое время для б-ки и отдававшаго ей все время М. М. Серебрякова, членовъ правленія проф. Н. Ѳ. Сумцова, организовавшаго серію публ. лекцій и обращеніе къ авторамъ, проф. В. Я. Данилевскаго, много потрудившагося для 3-го разряда, А. А. Русова, ведшаго статистику, Ѳ. П. Павловскаго, профес. И. П. Осипова, А. П. Ѳедюкиной, г-жи Сомовой, Л. Н. Жебунева и друг. уступившихъ свое мѣсто новымъ лицамъ, того самого А. П. Грузинцева, безъ котораго не мыслима б-ка и который не мыслимъ безъ б-ки, С. Н. Самойлова и донынѣ работающихъ въ б-кѣ. 2-ю категорію составляютъ сотрудницы 3 разряда и безплатнаго кабинета, выносящія на своихъ плечахъ эти учрежденія Ихъ безкорыстная дѣятельность въ высшей степени плодотворна и важна для б-ки. У б-ки не было и нѣтъ средствъ для найма платныхъ служащихъ въ этихъ 2 отдѣленіяхъ б-ки; но и помимо сбереженія денегъ самый характеръ дѣятельности (въ особенности въ 3-мъ разрядѣ) требуетъ общественнаго, коллективнаго, интеллигентнаго труда и такому условію удовлетворяетъ именно работа сотрудницъ, отдающихъ библіотекѣ свое время и силы. Нельзя не помянуть также добрымъ словомъ и нашихъ платныхъ служащихъ, которыя прежде получали очень скудное вознагражденіе за свой трудъ, а первое время работали даже безплатно. Сверхъ того не мало и другихъ еще лицъ безвозмездно работало въ б-кѣ и мы нынѣ приносимъ имъ за это сердечную признательность.

Приносимъ мы также глубокую благодарность Харьк. гор. общ. управленію за его постоянную поддержку нашему учрежденію, выразившуюся въ ежегодныхъ ассигновкахъ субсидіи въ размѣрѣ 20% всего нашего бюджета; не можемъ не отмѣтить прямой поддержки нашему

дѣлу со стороны правительства, которое благодаря сочувственному отношенію министровъ финансовъ и внутр. дѣлъ ассигновало намъ на постройку дома 15000 р. Мѣстные представители власти—гг. харьковскіе губернаторы—также всегда выражали сочувствіе и вниманіе къ нуждамъ б-ки: баронъ А. А. Икскуль способствовалъ ея возникновенію, А. И. Петровъ вошелъ съ просьбою о субсидіи для нея къ министру внутреннихъ дѣлъ, нынѣшній начальникъ губерніи Г. А. Тобизенъ также принимаетъ живѣйшее участіе въ вопросѣ о постройкѣ для нея собственнаго дома.

Таково, наше прошлое и настоящее; какія же перспективы открываетъ намъ будущее? Окидывая умственнымъ взоромъ пройденный путь, мы замѣчаемъ какъ бы два періода въ исторіи б-ки: 1-й самаго быстраго, можно сказать, форсированнаго движенія, когда ростъ учрежденія опережалъ развитіе его финансовыхъ средствъ, и второй періодъ—болѣе спокойнаго поступательнаго движенія, даже съ нѣкоторыми уклоненіями подъ часъ въ сторону пониженія; 2-й явился какъ естественная реакція 1-го: мы жили въ первые 6 лѣтъ шире средствъ и должны были перейти въ послѣдніе четыре года къ политикѣ экономіи. Пульсъ нашей жизни какъ бы нѣсколько ослабѣлъ, но это на нашъ взглядъ временное явленіе, вызываемое какъ внѣшними, такъ и внутренними причинами. Подъ внѣшними обстоятельствами мы разумѣемъ появленіе въ Харьковѣ цѣлаго ряда новыхъ просвѣтительныхъ учрежденій, которыя привлекаютъ силы и средства, стекавшіяся прежде только въ одну обществ. б-ку, подъ внутренними причинами мы подразумѣваемъ тотъ процессъ, который наблюдается въ самой б-кѣ и который можетъ быть названъ „процессомъ накопленія силъ“. Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мы не только не увеличили долга подписчикамъ, а наоборотъ завершали постоянно смѣту съ маленькимъ остаткомъ, уменьшили свой дефицитъ на 1140 р., доведя его до совершенно неопасной цифры (2332 р.) при стоимости имущества въ 70000 р. Мало того: за послѣдніе три года мы собрали на постройку дома 21234 р., а если присоединитъ къ нимъ 5000 р. субсидіи отъ города, то 26234 руб., въ то время, какъ за предыдущіе три года собрано было для этой цѣли 1044 руб., которые до 8-го года при томъ были позаимствованы на текущія нужды б-ки; теперь же весь фондъ составляетъ неприкосновенный капиталъ, хранящійся въ видѣ процентныхъ бумагъ. Мы теперь какъ бы собираемся съ силами для осущественія большаго дѣла—постройки собственнаго дома. Это дѣло не терпитъ отлагательства. Отъ него зависитъ дальнѣйшій прогрессъ нашего учрежденія. Мы напоминаемъ ребенка, постоянно перерастающаго свою кроватку. Сначала наше нынѣшнее помѣщеніе было для насъ

очень просторно; теперь тѣснота—и въ книгохранилищѣ, и въ абонементѣ, и въ читальнѣ, и даже въ 3-мъ разрядѣ. Мы не можемъ осуществить при немъ самыхъ необходимыхъ, назрѣвшихъ реформъ и обсужденіе ихъ мы всякій разъ заканчиваемъ замѣчаніемъ: ну, это придется уже отложить до перехода въ собственное помѣщеніе. Мы даже—horribile dictu—боимся какого-нибудь очень крупнаго книжнаго пожертвованія. Я не говорю уже о вѣчной боязни пожара, который можетъ истребить и то, чего теперь нельзя уже достать ни за какія деньги И домъ—не мечта; это трудная, однако реальная, вполнѣ осуществимая задача. Но для осуществленія ея мы нуждаемся въ помощи и содѣйствіи членовъ б-ки и постороннихъ ревнителей просвѣщенія; б.-м. откликнутся на нашъ призывъ въ богатомъ городѣ щедрые жертвователи; будутъ по прежнему нести свои лепты на это дѣло небогатые люди; окажетъ серьезную поддержку намъ въ этомъ предпріятіи, мы убѣждены въ томъ, городъ отводомъ или покупкою для насъ мѣста, погашеніемъ нашей ссуды или займа; окажетъ поддержку нашимъ ходатайствамъ и мѣстная губернская власть... Вѣдь мы имѣемъ уже болѣе 27000 р., т. е. почти половину необходимой для насъ суммы, а съ половиной иногда приступаютъ уже къ постройкѣ. А тогда, когда мы будемъ имѣть свой домъ, мы осуществимъ и цѣлый рядъ намѣченныхъ уже улучшеній. Мы не застыли въ самодовольствѣ и сознаемъ свои слабыя стороны. Мы замѣнимъ свое опасное керосинное освѣщеніе безопаснымъ электрическимъ; мы выдѣлимъ книгохранилище отъ абонемента и заведемъ въ этомъ послѣднемъ статистику и контрольную систему, разставивъ книги для экономіи мѣста по форматамъ; мы составимъ каталогъ журнальныхъ статей, которыя являются теперь мертвымъ капиталомъ въ б-кѣ; мы расширимъ помѣщеніе читальни, абонемента и 3-го разряда; мы попытаемся изыскать обильный источникъ безплатнаго полученія книгъ; мы примемъ систематическія мѣры къ постановкѣ на должную высоту нашего мѣстнаго отдѣла (charcoviensia); мы постараемся облегчить полученіе книгъ на домъ замѣною въ нѣкоторыхъ случаяхъ залога поручительствомъ; мы подумаемъ и объ устройствѣ филіальныхъ отдѣленій.

Мы твердо вѣримъ въ будущее, ибо сознаемъ, какъ это еще высказалъ въ самомъ началѣ XIX в. попечитель Харьк. учебн. округа гр. Потоцкій, что не двигаться намъ въ дѣлѣ образованія невозможно, остановиться—значитъ то-же, что податься назадъ; мы слишкомъ отстали отъ Европы, съ которой однако связаны нынѣ неразрывными нитями. А въ Европѣ и Америкѣ давно уже началось сильное движеніе въ пользу библіотекъ, которыя признаны столь же необходимыми, какъ фонари для освѣщенія улицъ. Наше нынѣшнее движеніе въ пользу

народныхъ читаленъ и б-къ идетъ въ параллель съ западнымъ и ему принадлежитъ будущее. Всеобщее обученіе, которое не за горами, еще болѣе подниметъ значеніе народныхъ читаленъ, а эти послѣднія будутъ подготовлять контингенты и для такихъ библіотекъ, какъ наша. Съ другой стороны въ культурномъ классѣ городского населенія любовь къ чтенію также не понизится, а повысится, ибо книги—наши истинные друзья и еще въ XIV в. Ричардъ Бери, архіепископъ Дургамскій, отзывался о нихъ въ своемъс оч. „Philobiblion“ такъ: „вотъ наши наставники и учителя, которые просвѣщаютъ насъ, никогда не выходятъ изъ себя и не нуждаются ни въ деньгахъ, ни въ одеждѣ. Они не спятъ, когда вы къ нимъ подходите, ничего не скрываютъ отъ васъ, когда вы обращаетесь къ нимъ съ вопросами, не ворчатъ, если вы ихъ не понимаете и не смѣются надъ вами, если вы ничего не знаете“. Бібліотека изъ мудрыхъ книгъ, слѣд., цѣннѣе всякихъ сокровищъ въ мірѣ. По удачному выраженіи Карлейля, коллекція книгъ есть тотъ же университетъ. Говорятъ, что одной бѣдной женщинѣ случилось 1-й разъ въ жизни увидѣть море; она пришла въ восторгъ и воскликнула; „какъ пріятно увидать что нибудь такое, чего хватитъ съ избыткомъ на всѣхъ“. Это же можно сказать и о книгахъ; ихъ хватитъ на всѣхъ и не нужно быть богатымъ, чтобы наслаждаться этимъ сокровищемъ. „Развейте любовь къ чтенію у людей, говоритъ знаменитый Гершель, дайте имъ средства къ удовлетворенію этой любви—и вы сдѣлаете ихъ счастливыми!“.

XXVI.

Рѣчь при открытіи новаго зданія Харьковской Общественной Библіотеки [1]).

Сегодняшній день освященія новаго зданія Харьковской общественной библіотеки является послѣ 26 сентября 1886 г.—дня ея открытія—наиболѣе знаменательнымъ.

Торжество открытія библіотеки носило очень скромный характеръ: на немъ присутствовалъ только городской голова, нѣкоторые гласные думы и члены правленія библіотеки. Болѣе чѣмъ скромными размѣрами отличалось и помѣщеніе библіотеки: для нея отведены были во флигелѣ городского дома три небольшія комнаты. Въ соотвѣтствіи съ этимъ стоялъ и ея книжный инвентарь: это было, по выраженію очевидца, жалкое собраніе случайно набранныхъ и разрозненныхъ книгъ, краснорѣчивымъ показателемъ которыхъ былъ первый тоненькій каталогъ. Первоначальный составъ служащихъ не получалъ жалованья, а потомъ оно было опредѣлено въ такомъ размѣрѣ, который совершенно не соотвѣтствовалъ количеству затрачиваемого ими труда: старшая служащая, работавшая цѣлый день, получала 20 руб. въ мѣсяцъ, а другія за 4—5 часовъ работы сначала по 5, а потомъ по 10 руб. въ мѣсяцъ. Все было такъ скромно, даже бѣдно и убого, что только глубокое сознаніе необходимости для общества новаго просвѣтительнаго учрежденія могло поддерживать вѣру въ него иниціаторовъ дѣла, но едва ли кто изъ нихъ, даже въ самыхъ мечтахъ своихъ, представлялъ себѣ то положеніе, какого достигла наша библіотека въ настоящее время, на 15-мъ году своего существованія, который въ жизни отдѣльнаго индивидуума является еще началомъ юношества. Однако невозможное сдѣлалось возможнымъ, и теперь, наблюдая эту отрадную метаморфозу, это превращеніе „жалкаго сборища случайныхъ книгъ“ въ обширнѣйшее областное книгохранилище, мы можемъ только радоваться. Теперь у насъ собственное зданіе, спеціально приспособленное къ потребностямъ большой библіотеки; 80000 книгъ

[1]) Отчетъ Харьк. Общ. б-ки за 15-й годъ существованія. Х., 1901.

и журналовъ, число которыхъ ежегодно возрастаетъ; запасъ помѣщенія въ книгохранилищѣ по крайней мѣрѣ на 2 десятка лѣтъ, съ возможностью его расширенія и въ болѣе отдаленномъ будущемъ; мы пользуемся прочной и неизмѣнной поддержкой со стороны общества; важное значеніе за нашей библіотекой признано и самимъ правительствомъ, оказавшимъ ей существенную матеріальную помощь; наше сегодняшнее собраніе почтили своимъ присутствіемъ представили многихъ харьковскихъ учрежденій. Все это свидѣтельствуетъ, что мы выросли въ общественномъ сознаніи, но тѣмъ съ большимъ уваженіемъ мы вспоминаемъ о 1886 годѣ. Мы начертали его на фронтонѣ своего зданія и благодарную память о немъ передали будущимъ поколѣніямъ.

14-ти лѣтняя жизнь библіотеки характеризуется ея быстрымъ поступательнымъ движеніемъ, а показателемъ этого движенія является ея помѣщеніе. Какъ быстро растущій ребенокъ постоянно переростаетъ свою кроватку, такъ и мы всегда скоро начинали ощущать тѣсноту отведеннаго намъ помѣщенія. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ со дня открытія библіотеки, какъ первая ея квартира, во флигелѣ городского дома, оказалось уже не подходящей: ходъ былъ чрезъ дворъ, тѣсный и грязный; комнаты были сырыя, недостаточно свѣтлыя и лишенныя вентиляціи. Немедленно начались хлопоты о переводѣ библіотеки въ другое помѣщеніе, и городское же управленіе отвело ей безплатно несравненно болѣе удобную квартиру въ домѣ городского банка на Торговой площади, гдѣ теперь находится контора натаріуса г. Полѣшко. Ея удобство заключалось въ сравнительной чистотѣ, обиліи свѣта и хорошемъ ходѣ прямо съ площади, но по размѣрамъ своимъ и она быстро оказалась недостаточной: читальный залъ не могъ вмѣстить всѣхъ посѣтителей, и правленіе библіотеки вынуждено было въ 1-й же годъ ея прибыванія тамъ съуживать столы, чтобы выгадать нѣсколько мѣста. Съ увеличеніемъ числа книгъ книгохранилище переполнилось до невозможности: книги лежали во всѣхъ промежуткахъ, на полу, на окнахъ, такъ что безъ увеличенія помѣщенія стало невозможно дальнѣйшее расширеніе дѣла. Приходилось отказываться отъ новыхъ пріобрѣтеній, отъ новыхъ пожертвованій. Правленіе обращалось въ городской банкъ съ просьбой объ уступкѣ небольшой смежной комнаты, что дало бы возможность продержаться еще годъ въ старомъ помѣщеніи; вновь поступающія книги было бы гдѣ размѣстить, но общее положеніе отъ этого нисколько бы не улучшилось. При крайней тѣснотѣ пріемной нечего было и думать о правильномъ удовлетвореніи требованій абонентовъ, а въ безплатной читальнѣ приходилось по прежнему сидѣть вдвоемъ на одномъ стулѣ и даже стоять за неимѣніемъ мѣста. Болѣе 3-хъ лѣтъ библіотека мирилась съ неудобствами

квартиры и, наконецъ, съ 1 мая 1890 года переселилась въ новое помѣщеніе на углу Московской улицы и Петровскаго переулка, въ домъ г-жи Темпинской, гдѣ оставалось около 11-ти лѣтъ, до перехода въ собственный домъ. Важнѣйшимъ преимуществомъ новаго помѣщенія была его обширность: библіотека занимала здѣсь 8 довольно большихъ комнатъ во второмъ этажѣ и 6 комнатъ въ мезонинѣ. На первыхъ порахъ часть верхняго помѣщенія сдавалась подъ квартиру. Подъ абонементъ отведена была самая большая комната, читальня состояла изъ трехъ комнатъ, изъ коихъ одна предназначалась спеціально для научныхъ занятій; учрежденный въ 1890 году 3-й разрядъ абонемента помѣщался сначала въ одной комнатѣ на 2-мъ этажѣ, а затѣмъ, въ виду тѣсноты, былъ переведенъ въ мезонинъ, гдѣ для него отведены были 2 небольшія комнаты. Книгохранилище расположено было въ остальныхъ комнатахъ 2-го этажа, и затѣмъ мало по малу заняло внутренній корридоръ и заполнило всѣ углы и закоулки мезонина. Въ послѣдніе годы, однако, тѣснота его сдѣлалась чрезвычайно ощутительной, а вмѣстѣ съ нею еще замѣтнѣе проявились его недостатки. Чтобы размѣстить хотя кое какъ новыя книжныя поступленія, приходилось ставить шкапы, преграждая доступъ свѣта, а масса книгъ просто не могла быть поставлена на мѣсто; помѣщеніе правленія было загромождено дефектными и разрозненными книгами. Дѣло дошло до того, что мы стали бояться новыхъ крупныхъ книжныхъ пожертвованій. Между тѣмъ недостатки помѣщенія, вслѣдствіе переполненія его, сдѣлались еще ощутительнѣе; въ книгохранилищѣ цѣлый день должны были горѣть лампы, вслѣдствіе вѣчно тамъ царившей темноты; во всей квартирѣ при амосовскомъ отопленіи вовсе не было вентиляціи; въ читальняхъ во время наплыва публики негдѣ было сидѣть и нечѣмъ было дышать. Въ теченіи 11-лѣтняго пребыванія библіотеки въ домѣ г-жи Темпинской ни разу не было произведено серьезнаго ремонта ея помѣщенія—покраски половъ, побѣлки всѣхъ стѣнъ; да и сдѣлать это было мудрено, потому что закрыть библіотеку на болѣе или менѣе продолжительное время для читателей было невозможно. Неудивительно, поэтому, что и публика весьма неохотно ходила перемѣнять книги и стала все чаще и чаще посылать съ этою цѣлью свою прислугу, хотя это сопряжено было съ нѣкоторыми неудобствами. Многихъ останавливала лѣстница—высокая, грязная и плохо освѣщенная, потому что не было швейцара, а лампы систематически похищались неизвѣстными злоумышленниками. По этой же лѣстницѣ приходилось подниматься въ 3-й разрядъ, помѣщавшійся на мезонинѣ въ двухъ низенькихъ, грязныхъ и полутемныхъ комнатахъ антресолей. Часть книгохранилища находилась также на антресоляхъ, при чемъ

тамъ были помѣщенія, совершенно лишенныя дневного свѣта. Благодаря крайней разбросанности, тѣснотѣ, темнотѣ книгохранилища, находить въ немъ книги было чрезвычайно затруднительно—часто мальчикъ, при всей зоркости своей и привычкѣ къ полутьмѣ, не могъ найти сочиненія, которое стояло на полкѣ; нерѣдко мальчики ставили полученную отъ читателя книгу не на ея мѣсто, и она, такимъ образомъ, какъ бы погибала для библіотеки; многія книги западали за шкапы, и только теперь, при перевозкѣ въ новое помѣщеніе, оказалось возможнымъ извлечь ихъ оттуда. А между тѣмъ все это вызывало справедливыя жалобы на библіотеку со стороны публики и отражалось подъ часъ сокращеніемъ числа ея подписчиковъ.

Итакъ, всѣ три квартиры, занимавшіяся послѣдовательно библіотекой, очень скоро дѣлались тѣсными и неудобными. Послѣдняя вначалѣ была настолько просторна, что приходились отдавать въ наемъ ея значительную часть; но къ концу десятилѣтія и она оказалась совершенно недостаточной. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что книжный инвентарь долженъ, при правильномъ развитіи дѣла, постоянно возрастать и въ свою очередь вызывать расширеніе всѣхъ сторонъ библіотечной дѣятельности, а у насъ это расширеніе, въ особенности въ началѣ, шло очень быстро. Чтобы убѣдится въ этомъ, стоитъ только вспомнить нѣкоторыя цифры. При открытіи библіотеки 26 сентября 1886 г. въ ней было 1700 томовъ; въ первые два мѣсяца послѣ отрытія прибавилось 2000 том., а къ концу года числилось уже около 10000 томовъ, въ томъ числѣ пожертвовано было въ теченіе года $5^1/_2$ тысячъ и куплено 3000; другими словами, книжныя богатства ея въ 1-й же годъ увеличились почти въ 6 разъ; во 2-мъ году своего существованія библіотека пріобрѣла б. $5^1/_2$ тыс. томовъ книгъ; въ 3-мъ—б. 6000 т.; въ 4-мъ, когда она перешла въ домъ г-жи Темпинской, $7^1/_2$ т.; въ 5-мъ—б. 7000, въ 6-мъ—б. 6000, въ 7-мъ—б. 8000; въ 8-мъ $3^1/_2$ т.; съ 8-го года количество поступающихъ въ библіотеку книгъ уменьшается, но въ концѣ 10-го года ея существованія въ ней было 62966 томовъ книгъ и журналовъ, а въ концѣ 14-года, ко времени перехода въ нынѣшнее помѣщеніе, б. 80000, т. е. средній фактическій приростъ превышалъ все таки 4000 т. въ годъ.

Такимъ образомъ, если принять, что ко времени перехода въ домъ г-жи Темпинской въ библіотекѣ было 27000 т. книгъ и журналовъ, то приращеніе ея за время пребыванія въ этой квартирѣ выразилось въ 53000, т. е., другими словами, цифра эта утроилась. Въ это время былъ учрежденъ еще и 3-й разрядъ абонемента, также потребовавшій особаго помѣщенія.

Что же послѣ этого оставалось дѣлать библіотекѣ? Подыскивать новую квартиру? Но квартиры въ центрѣ города дороги и, главное, неприспособлены къ потребностямъ такого квартиранта, какъ библіотека: притомъ переходъ въ новое помѣщеніе сопряженъ для библіотеки съ огромными затрудненіями,—и этимъ могли бы пользоваться ея квартирные хозяева для повышенія платы. Оставался одинъ цѣлесообразный выходъ—постройка собственнаго зданія. Это зданіе, во 1-хъ, могло быть спеціально приспособленно къ нуждамъ и потребностямъ библіотеки, а это имѣетъ огромное значеніе для ея правильнаго развитія и усовершенствованія; во 2-хъ, оно могло быть построено съ запасомъ книгохранилища на нѣсколько десятковъ лѣтъ и съ возможностью расширенія его и въ болѣе отдаленномъ будущемъ; въ 3-хъ, оно могло обезопасить библіотеку въ пожарномъ отношеніи, что также въ высшей степени важно для нея. Хотя книжный инвентарь библіотеки и страхуется ежегодно въ суммѣ, соотвѣтствующей его номинальной стоимости,—теперь, напримѣръ, оно застраховано въ 80000 руб.,—но на страховую премію нельзя было бы возстановить его въ прежнемъ видѣ: многихъ изданій совсѣмъ невозможно было бы найти на книжномъ рынкѣ; для розыска другихъ понадобились бы годы и даже десятки лѣтъ. Да это и понятно: масса труда была затрачена дѣятелями библіотеки на пріобрѣтеніе ея книжныхъ сокровищъ, а кромѣ того въ составъ ея вошли цѣлыя коллекціи, собранныя библіофилами. Да и вообще можно сказать, что составить хорошо подобранную библіотеку очень трудно, даже обладая вполнѣ достаточными для этого матеріальными средствами: здѣсь нужны знанія, любовь къ дѣлу и безпрестанный трудъ. Не буду останавливаться на разборѣ одного страннаго возраженія, которое мнѣ пришлось случайно услышать: „вмѣсто того чтобы, затрачивать такія огромныя деньги на постройку зданія въ центрѣ города, лучше было бы устроить нѣсколько маленькихъ библіотекъ на его окраинахъ“. Въ основѣ его лежитъ простое недоразумѣніе: постройка дома является естественнымъ послѣдствіемъ роста нашей библіотеки, которая, съ одной стороны, удовлетворяетъ и низшимъ, и среднимъ, и высшимъ запросамъ въ области чтенія книгъ, а съ другой—обслуживаетъ самый большой центральный районъ; небольшія же библіотеки должны явиться въ видѣ ея филіальныхъ отдѣленій, въ качествѣ просвѣтительныхъ очаговъ для окраинъ, чтобы приблизить книгу къ читателю. Исходя изъ такой мысли, Харьковская общественная библіотека исхлопотала себѣ право устраивать такія отдѣленія, и одно изъ нихъ, въ районѣ Петинской улицы, въ началѣ февраля и будетъ открыто. Двухъ большихъ общественныхъ книгохранилищъ Харьковъ не выдержитъ, а одно онъ долженъ имѣть

въ качествѣ крупнаго культурнаго центра, и чѣмъ больше и благоустроеннѣе оно будетъ, тѣмъ лучше.

Необходимость постройки собственнаго дома для библіотеки давно уже сознавалась членами ея, когда въ ней было книгъ втрое менѣе, чѣмъ теперь. Сознаніе это нашло себѣ даже реальное выраженіе въ сборѣ пожертвованій для этой цѣли; но замѣтно стало подвигатся это дѣло только съ 8 года существованія библіотеки, т. е. съ конца 1893 года. До того времени собрано было на постройку нѣсколько болѣе 1000 рублей. Въ 8-мъ же году, будучи выбранъ предсѣдателемъ правленія, я составилъ и отпечаталъ брошюру о необходимости постройки дома и предложилъ правленію рядъ систематическихъ послѣдовательныхъ мѣръ для осуществленія этого дѣла. Между прочимъ, собираемыя средства должны были составить неприкосновенный фондъ, помѣщаемый въ процентныхъ бумагахъ. Съ этого момента и до сегодняшняго дня мы неуклонно шли къ выполненію поставленной многотрудной цѣли и должны были преодолѣть на пути своемъ массу затрудненій. Въ 8-мъ году существованія библіотеки фондъ на постройку почти утроился и равнялся 3970 руб., въ 9-мъ году фондъ увеличился на 1323 руб., въ 10-мъ году—на 16984 руб., въ 11-мъ—на 1774 руб. съ коп., въ 12-мъ—на 1441 руб. съ коп., въ 13-мъ—на 56325 руб. съ коп., въ 14-мъ—на 7102 руб. съ коп. и въ нынѣшніе первые мѣсяцы 15-го года на 2000 руб. Главное вниманіе было обращено на собираніе средствъ, и ихъ за 7 лѣтъ собрано было нами 90922 руб. Какъ же составилась эта крупная сумма? Половина ея—45000 руб.—въ два пріема была получена въ видѣ безвозвратной субсидіи изъ средствъ Государственнаго казначейства по ходатайству моему у г. Министра Финансовъ С. Ю. Витте, при чемъ 1-й разъ ходатайство это проходило черезъ департаментъ экономіи Государственнаго Совѣта, а второй было непосредственно представлено нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Николаю Александровчу самимъ Министромъ Финансовъ, который, кромѣ того. исходатайствовалъ также и Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи библіотеки отъ уплаты крѣпостныхъ пошлинъ за пріобрѣтенное ею дворовое мѣсто. Общее собраніе библіотеки, выслушавъ сообщеніе объ этомъ, постановило повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства безпредѣльной благодарности за высокое вниманіе къ нуждамъ нашего просвѣтительнаго учрежденія. И теперь, въ день освященія новаго библіотечнаго зданія, обязаннаго въ значительной степени осуществленіемъ своимъ Высочайшему дару, мы вспоминаемъ объ этомъ послѣднемъ съ чувствами живѣйшей, искренней и горячей признательности. Весьма цѣнимъ мы также заботливое участіе, какое проявилъ въ этомъ дѣлѣ

С. Ю. Витте, давшій ему ходъ и движеніе послѣ краткаго сообщенія о пользѣ, приносимой библіотекой. Съ отраднымъ чувствомъ мы констатируемъ здѣсь довѣріе правительства къ общественной иниціативѣ въ дѣлѣ народнаго образованія. Съ благодарностью также должны быть помянуты добрыя услуги, оказанныя въ этомъ дѣлѣ бывшимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ И. Н. Дурново, бывшимъ Харьковскимъ Губернаторомъ А. И. Петровымъ, директоромъ департамента Государственнаго Казначейства г. Дмитріевымъ, вице-директоромъ С. Ѳ. Веберомъ и нынѣшнимъ начальникомъ губерніи Г. А. Тобизеномъ.

Вторымъ крупнымъ благотворителемъ нашимъ было Харьковское городское общественное управленіе, пожертвовавшее 5000 руб. на постройку и 16000 руб. на покупку дворового участка. Оно же помогло намъ осуществить крупный заемъ въ 70000 р. въ городскомъ банкѣ и приняло на себя уплату по немъ процентонъ. За это мы приносимъ ему сердечную благодарность въ лицѣ нынѣшняго городского головы проф. А. К. Погорѣлко и прежняго И. Т. Голенищева-Кутузова. Мы убѣждены, что городское общественное управленіе и впредь будетъ оказывать намъ необходимую матеріальную поддержку. Не называясь городской, наша библіотека исполняетъ всѣ функціи этой послѣдней. Сравнительно съ прежнимъ ея нынѣшнее помѣщеніе расширилось въ 5 разъ: сообразно съ этимъ должны возрасти и расходы на его содержаніе. И дѣйствительно, прежде отопленіе намъ стоило 400 р., теперь—1200 р., освѣщеніе—150 р., теперь—1500 р. Но этого мало: для того, чтобы окончить постройку, мы должны были сдѣлать въ городскомъ купеческомъ банкѣ семидесятитысячный заемъ, по которому уплачиваемъ 4550 р. процентовъ, т. е. тратимъ на это почти всю городскую субсидію въ ея нынѣшнемъ увеличенномъ размѣрѣ; электрическое освѣщеніе даетъ намъ городъ. Но мы надѣемся, что получимъ еще съ января 1902 года 1000 рублей на отопленіе, и что субсидія будетъ назначена намъ не на одинъ годъ, а впредь до полнаго погашенія долга, какъ это было постановлено раньше относительно прежней субсидіи. Эта увеличенная субсидія оплачиваетъ намъ только новое помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе, между тѣмъ какъ прежняя, будучи относительно меньше, сверхъ того еще давала кое что и на содержаніе нашего безплатнаго кабинета; этой субсидіей въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ можетъ погаситься весь долгъ библіотеки, которая тогда представитъ имущество стоимостью по крайней мѣрѣ въ 400000 рублей, потому что книжныя богатства ея ежегодно возрастаютъ. Такому учрежденію нерасчетливо не помогать, тѣмъ болѣе, что оно по существу является общественною собственностью харьковскихъ горожанъ.

Затѣмъ слѣдуетъ Харьковскій комитетъ попечительства о народной трезвости, отпустившій 3 тыс. р.,—и этимъ мы обязаны главнымъ образомъ предсѣдателю его, уважаемому начальнику губерніи Г. А. Тобизену, который относится съ величайшимъ сочувствіемъ къ библіотекѣ и оказываетъ ей постоянно большія услуги. Остальная сумма въ количествѣ 21400 руб. составилась изъ частныхъ пожертвованій, сборовъ съ публичныхъ лекцій, процентовъ и т. п. Были здѣсь и довольно крупныя суммы: нѣсколько по 1000 руб., нѣсколько по сотнямъ рублей. Давали ихъ представители крупной промышленности и кредитныя общества, но преобладали, такъ сказать, коллективныя пожертвованія: харьковскіе и пріѣзжіе лекторы читали лекціи въ пользу фонда на постройку дома,—слѣдовательно, публика давала здѣсь не только рубли, но и гривенники; получались сборы по особымъ письмамъ, обращеннымъ къ болѣе извѣстнымъ лицамъ въ Харьковѣ, и по книжечкамъ со взносомъ въ 1 руб. или 20 коп.; выставлялись въ читальномъ залѣ кружки, куда бросали также мелкія деньги; наконецъ, видныя пожертвованія сдѣлали наши контрагенты и подрядчики. Есть пожертвованія отъ представителей всѣхъ классовъ городского населенія и иногородннхъ, членовъ, подписчиковъ библіотеки и постороннихъ. Мы не будемъ, конечно, перечислять здѣсь всѣхъ жертвователей. Имена всѣхъ жертвователей будутъ напечатаны въ приложеніи къ отчету о постройкѣ, и навсегда увѣковѣчатся въ лѣтописяхъ библіотеки; здѣсь же скажемъ сердечное спасибо какъ присутствующимъ, такъ и отсутствующимъ.

Одновременно съ собираніемъ средствъ на постройку дома правленіе занято было также подыскиваніемъ подходящаго для него земельнаго участка. Разрѣшеніе этого вопроса сопряжено было съ большими трудностями, потому что библіотечное зданіе не могло быть построено на окраинѣ города, а городское управленіе не имѣло въ центрѣ свободныхъ участковъ земли, кромѣ площадей и скверовъ. Шла рѣчь о Лермонтовскомъ и Бурсацкомъ скверахъ, но больше всего отняли времени хлопоты о пріобрѣтеніи отъ военнаго вѣдомства зданія провіантскаго магазина для приспособленія его подъ библіотеку: приходилось изслѣдовать его фундаментъ, входить въ сношеніе съ предполагаемымъ сосѣдомъ,—лютеранскимъ обществомъ, хлопотать о полученіи участка городской земли у товарной станціи Балашевской жел. дор. для обмѣна ея на магазинъ, ѣздить въ Кіевъ, составлять смѣту передѣлки. А когда все таки послѣдовалъ отказъ, тогда вниманіе правленія остановилось на нынѣшнемъ дворовомъ мѣстѣ, едва ли не единственномъ незастроенномъ участкѣ въ центрѣ города, принадлежавшемъ Императорскому Харьковскому университету. Дѣло это также имѣло большія перипетіи,

восходило на рѣшеніе Министерства Народнаго Просвѣщенія и завершилось окончательно только въ настоящій моментъ.

Справедливость побуждаетъ насъ, однако, публично заявить, что и представители университета (бывшій ректоръ М. М. Алексѣенко и нынѣшній Г. И. Лагермаркъ съ г.г. членами правленія), и попечители учебнаго округа (бывшій И. П. Хрущовъ и нынѣ занимающій этотъ постъ В. А. Анрепъ) оказывали энергичную поддержку нашимъ ходатайствамъ, ясно видя, что эти послѣднія, не нарушая матеріальныхъ интересовъ университета, въ тоже время имѣли въ виду духовное благо молодежи, обучающейся въ 3-хъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова.

Пріобрѣтя дворовое мѣсто, мы приступили и къ постройкѣ зданія библіотеки. Первые вопросы, касающіеся ея, были поставлены и разрѣшены на общемъ собраніи членовъ библіотеки въ ноябрѣ 1898 года. Составленіе проекта зданія безвозмездно принялъ на себя академикъ архитектуры А. Н. Бекетовъ, получившій раньше званіе академика архитектуры за проектъ зданія библіотеки вообще. Ближайшее наблюденіе за постройкой имѣлъ университетскій архитекторъ В. В. Величко съ помощниками—студентами технол. инстит. Румницкимъ и Поплавскимъ. Во главѣ же дѣла стояла строительная комиссія, состаявшая изъ предсѣдателя и членовъ правленія М. И. Антоконенка, О. М. Габеля, Е. Л. Зубашева, И. А. Красускаго, А. П. Комарова, члена ревизіонной комиссіи М. М. Серебрякова и слѣдующихъ постороннихъ лицъ: окружнаго фабричнаго инспектора А. Г. Гнѣдича, Ѳ. Г. Готовицкаго, старшаго ревизора акцизнаго вѣдомства, нынѣ управляющаго акцизными сборами Самарской губ. М. Г. Котельникова, спеціалиста по части отопленія М. А. Стахорскаго, инженера путей сообщенія С. К. Подгурскаго, владѣльца технической конторы И. Е. Трескина, проф. технологическаго института О. О. Сонгина. Комиссія, по мѣрѣ надобности, приглашала въ свои засѣданія и другихъ постороннихъ спеціалистовъ: архитекторовъ М. И. Ловцова, Б. Г. Михайловскаго. Предсѣдателемъ коммиссія былъ, до отъѣзда своего изъ Харькова въ Томскъ, проф. Е. Л. Зубашевъ, товарищемъ его М. М. Серебряковъ, вѣдавшій часть хозяйственную, а технической частью завѣдовалъ С. К. Подгурскій. Съ отъѣздомъ Е. Л. Зубашева въ Томскъ и С. К. Подгурскаго на Сибир. жел. дорогу и выборомъ М. М. Серебрякова въ члены городской управы, стали завѣдывать хозяйственными дѣлами коммиссіи предсѣдатель правленія Д. И. Багалѣй, проф. технологическаго инситута А. П. Комаровъ, И. А. Красускій, М. Г. Котельниковъ, а въ концѣ апрѣля 1900 года предсѣдателемъ строительной коммиссіи былъ избранъ А. П. Комаровъ. Еженедѣльно бывало по одному и по два засѣданія и, кромѣ того, члены ея ежедневно посѣщали постройку.

Нѣкоторые члены коммиссіи исполняли еще и особыя порученія; такъ, напримѣръ, А. П. Комаровъ ѣздилъ въ Москву для детальнаго ознакомленія съ устройствомъ новаго книгохранилища Московскаго университета; онъ же составилъ проектъ и расчеты нашего книгохранилища; другіе члены собирали пожертвованія матеріалами. Девятаго февраля прошлаго года библіотеку постигло тяжкое бѣдствіе: въ недостроенномъ зданіи ея произошелъ пожаръ, къ счастію не причинившій ей матеріальнаго ущерба, потому что она была застрахована, хотя окончаніе работъ сильно замедлилось.

Спрашивается теперь: достигнуты ли тѣ основныя цѣли, которымъ должно удовлетворять новое зданіе—просторъ, цѣлесообразная приспособленность къ потребностямъ библіотеки и безопасность въ пожарномъ отношеніи? Отвѣтимъ на этотъ вопросъ не голословно, а объективными фактическими данными.

Прежнее помѣщеніе библіотеки занимало площадь въ 116 кв. саж., при чемъ высота его колебалась между 4 и 7 арш.; новое, безъ подвальнаго этажа, занимаетъ площадь 511 кв. с., т. е. превосходить его въ 4 раза, а съ подваломъ въ 5 разъ, при чемъ высота его колеблется между 14 и 12 арш. Жилая часть подвальнаго этажа занимаетъ площадь въ 27 квадр. саж. и нежилая—70. Прежнее книгохранилище не могло вмѣстить 80000 томовъ, нынѣшнее оборудовано на 160000, а расчитано на 280000 т., т. е., при среднемъ ежегодномъ приростѣ въ 6000 томовъ, его станетъ на 14, а съ оборудованіемъ, т. е. устройствомъ желѣзныхъ шкафовъ, и на 33 г. Но благодаря покупкѣ сосѣдняго двороваго мѣста вполнѣ обезпечена возможность расширенія его и на самыя отдаленныя времена—на весь XX вѣкъ. Кабинеты для чтенія въ прежнемъ помѣщеніи занимали площадь въ 32 кв. саж., въ нынѣшнемъ 96, т. е. второе болѣе прежнихъ; абонементъ 1-го и 2-го разряда въ нынѣшнемъ вдвое болѣе чѣмъ прежній, 3-й разрядъ также вдвое больше прежняго. И за всѣмъ тѣмъ есть такія помѣщенія, которыхъ вовсе не было раньше—курительная, уборныя, квартира для завѣдующей. Всѣ перечисленныя помѣщенія легко могутъ быть расширены между прочимъ и на счетъ тѣхъ, которыя пока сдаются въ наемъ и приносятъ солидный доходъ. Главною особенностью настоящаго зданія является его разумная новая приспособленность къ цѣлямъ библіотеки, выражающаяся и въ его внутреннемъ устройствѣ, и въ распредѣленіи его помѣщеній и, даже, ихъ отдѣлкѣ. Въ этомъ отношеніи въ первомъ планѣ должно быть поставлено книгохранилище, прототипомъ котораго является библіотека Страсбургскаго университета. Въ Россіи подобное устройство пока осуществлено въ Московскомъ и Варшавскомъ универ-

ситетахъ. Оно вполнѣ оправдало возлагавшіяся на него надежды: можетъ вмѣстить не 200000, какъ разсчитывали, а 280000 томовъ, оно просторно, свѣтло, имѣетъ непосредственное прямое сообщеніе съ абонементомъ; послѣдній также вполнѣ приспособленъ къ своему назначенію. Читальный залъ обширенъ, высокъ, свѣтелъ, имѣетъ отдѣленія для спеціальныхъ научныхъ занятій, вполнѣ удовлетворяя своему основному назначенію, можетъ въ свободное время служить для публичныхъ лекцій, музыкальныхъ вечеровъ и т. п. 3-й разрядъ абонемента, имѣющій своихъ особыхъ, своеобразныхъ подписчиковъ, которымъ нужно и показывать книгу, и сообщить даже свѣдѣнія о ея содержаніи, помѣщенъ отдѣльно, и имѣетъ особое книгохранилище. Приняты, наконецъ, всѣ мѣры, чтобы обезопасить зданіе въ пожарномъ отношеніи: употреблялись желѣзныя балки и дѣлались кирпичные и бетонные своды, несгораемыя лѣстницы. Книгохранилище представляетъ особое зданіе съ желѣзными стропилами, соединяющееся съ остальной библіотекой только посредствомъ одной желѣзной двери; во всѣхъ помѣщеніяхъ библіотеки устроено электрическое освѣщеніе и центральное водяное отопленіе; всюду разставлены пожарные краны съ рукавами.

Таково отстроенное нами зданіе. Постройка его доказываетъ жизненность учрежденія, которое, очевидно, пережило уже эпоху колебаній и случайностей.

Расходы на его содержаніе, конечно, возросли, но общество не оставить насъ теперь безъ поддержки.

Намъ остается только стремиться къ тому, чтобы наше матеріальное положеніе сдѣлалось твердымъ и устойчивымъ, чтобы въ нашемъ бюджетѣ не фигурировали такіе случайные источники обезпеченія, какъ спектакли и т. п. Мы мечтаемъ и надѣемся, что и у насъ въ Харьковѣ, по примѣру англійскихъ и американскихъ городовъ, будетъ введенъ спеціальный налогъ на содержаніе нашей библіотеки, съ безплатной выдачей книгъ на домъ горожанамъ. Мы будемъ надѣятся, что явятся и частныя лица, которыя своими пожертвованіями помогутъ намъ освободиться отъ долга (замѣтимъ кстати, что для этой цѣли уже поступилъ первый взносъ въ 10 руб.). и затѣмъ осуществить возможное удешевленіе и, даже, полную безплатность абонемента, Мы мечтаемъ, что нашей библіотекѣ будетъ даровано право получать безплатно по 1 экз. всѣхъ книгъ, выходящихъ въ Россіи, и что она превратится въ 1-е областное центральное книгохранилище, съ тѣмъ однако, что навсегда сохранитъ за собою широкій общеобразовательный характеръ. Теперь, когда у насъ общирное книгохранилище, мы просимъ о возможно большемъ пожертвованіи намъ книжныхъ коллекцій, ибо дошли въ настоящее время

до такой полноты беллетристическаго и научныхъ отдѣловъ, что *всякая* книга на русскомъ языкѣ является для насъ желаннымъ подаркомъ; интересно намъ пополнить какъ старыми, такъ и новыми изданіями иностранный и мѣстный отдѣлы; послѣдній долженъ заключать все то, что относится къ южной Руси вообще и Харьковскому краю и г. Харькову въ особенности. Крылатая мечта, наконецъ, переноситъ меня въ то отдаленное будущее, когда наше учрежденіе превратится въ цѣлый просвѣтительный городокъ, гдѣ будетъ и общественный книжный магазинъ и библіотечный журналъ, и свое издательское дѣло.

Здѣсь я незамѣтно вошелъ въ область пожеланій, надеждъ и мечтаній. Впрочемъ, это и естественно: какъ отдѣлить ихъ отъ живаго дѣла, если онѣ составляютъ его „душу живу“. Нельзя въ общественной дѣятельности жить сегодняшнимъ днемъ и не ставить себѣ идеаловъ, которые служатъ яркой путеводной звѣздой, освѣщающей передъ нами широкіе горизонты, тѣмъ болѣе, что многое изъ того, что мы относимъ къ области мечтаній, уже осуществлено въ Западной Европѣ или Америкѣ. Характерно, что впереди всѣхъ въ библіотечномъ дѣлѣ стоятъ три самыя передовыя и культурныя государства: Германія, Англія и Америка. Въ Германіи въ началѣ 90-хъ годовъ было болѣе 1500 библіотекъ съ 27 мил. томовъ книгъ и съ бюджетомъ въ 2300000 марокъ; изъ нихъ въ 80-ти было болѣе 100000 томовъ. Но и по дѣятельности, и по бюджету германскія библіотеки уступаютъ теперь англійскимъ. Въ 1850 г. вышелъ законодательный актъ объ общественныхъ библіотекахъ, положившій твердое основаніе нынѣшнему процвѣтанію англійскихъ безплатныхъ библіотекъ. На основаніи его достаточно заявленія 10 плательщиковъ налога, чтобы потребовать общаго собранія для баллотированія вопроса объ открытіи въ городѣ или приходѣ, съ населеніемъ не менѣе 5000 душъ, общественной библіотеки, содержимой на особый постоянный налогъ. Городская дума тогда избираетъ библіотечный комитетъ изъ гласныхъ и горожанъ, который строитъ зданіе библіотеки, пріобрѣтаетъ книги и предоставляетъ ихъ безплатно читателямъ какъ въ помѣщеніи библіотеки, такъ и на домъ безъ залоговъ. Результаты этого акта, получившаго особенное распространеніе съ 70-хъ годовъ, оказались блестящими, и Англія теперь можетъ гордиться въ высшей степени плодотворною дѣятельностію этихъ новыхъ библіотекъ. Американцы перенесли этотъ законъ къ себѣ изъ Англіи, и результаты получились тѣже. Штатъ Массачузетсъ установилъ принципъ, что „общественныя книги такъ же нужны для общаго блага—какъ и общественные фонари“, и сталъ отпускать на свою Бостонскую библіотеку свыше 100000 руб. ежегодно. Но что особенно поражаетъ въ Америкѣ, такъ это огромныя

частныя пожертвованія на библіотеки: Асторъ въ Нью-Іоркѣ пожертвовалъ на учрежденіе библіотеки два процента съ своего 20-милліоннаго состоянія; докторъ Джемсъ Рушъ оставилъ Филадельфійской библіотекѣ 1000000 долларовъ.

Но многіе скажутъ, быть можетъ, что Западъ и Америка для насъ не могутъ служить образцами. А, однако, еще въ 1805 году попечитель Харьковскаго учебнаго округа, при открытіи университета, сказалъ, что въ дѣлѣ просвѣщенія намъ нельзя останавливаться. Въ настоящее время, говорилъ онъ, при быстрыхъ успѣхахъ человѣческаго ума во всѣхъ родахъ знаній, каждый народъ долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ, если уже не можетъ быть впереди: остановиться значитъ тоже, что подаваться назадъ и приближаться къ прежнему ничтожеству. Останавливаться возможно только въ дѣлѣ завоеваній, но въ наукахъ, искусствахъ, техническихъ знаніяхъ и вообще культурѣ—никогда. Съ того момента прошло почти 100 лѣтъ. Россія связана нынѣ съ Европой и Новымъ Свѣтомъ неразрывными узами—политическими, экономическими и культурными. Теперь и у насъ въ общественномъ сознаніи окрѣпла мысль, что образованіе поднимаетъ и матеріальное и нравственное состояніе народа. Германія пріобрѣла первенствующее положеніе на міровомъ рынкѣ благодаря „школьному учителю“. Въ Англіи, въ связи съ сильнымъ подъемомъ школьнаго и библіотечнаго дѣла, замѣтно уменьшилась преступность у дѣтей и юношей. Въ Англіи, со времени введенія всеобщаго обученія, не пришлось строить новыхъ тюремъ и двѣ изъ нихъ были превращены въ библіотеки. Библіотеки вообще являются могущественнымъ орудіемъ для широкаго распространенія просвѣщенія; онѣ пополняютъ школьное образованіе, возстановляютъ и для многихъ даже замѣняютъ его. Трудно сказать, для кого нужнѣе библіотека: для проходящаго высшую, среднюю или низшую школу или вовсе лишеннаго систематическаго школьнаго образованія. Вотъ гдѣ истинный источникъ симпатій къ библіотекамъ. Не даромъ ихъ сравниваютъ съ учителями, университетами и вѣрными друзьями. „У меня есть друзья“, говорилъ Петрарка, „общество которыхъ доставляетъ мнѣ величайшее удовольствіе.... Они никогда и ничѣмъ меня не стѣсняютъ и немедленно отвѣчаютъ на всѣ мои вопросы. Одни разсказываютъ мнѣ о событіяхъ прошлыхъ вѣковъ, другіе открываютъ мнѣ тайны природы. Одни учатъ, какъ слѣдуетъ жить, другіе—какъ слѣдуетъ умирать. Нѣкоторые изъ нихъ своею живостью разгоняютъ мою печаль и водворяютъ веселье въ моемъ сердцѣ, другіе укрѣпляютъ мой умъ и учатъ меня обуздывать свои желанія, чтобы я могъ вполнѣ зависѣть отъ самого себя. Они открываютъ передо мной

всѣ пути къ наукамъ и искусствамъ". И дѣйствительно, библіотека доставляетъ большое утѣшеніе тому, кто „владѣетъ золотымъ ключикомъ отъ ея безмолвной двери". И любовь къ чтенію несомнѣнно растетъ и развивается. Въ настоящее время и на Западѣ, и у насъ къ прежнему интеллигентному читателю прибавился еще и новый читатель изъ народа. Онъ позже всѣхъ пришелъ въ библіотеку, но нуждается въ ней еще болѣе другихъ, и, конечно, долженъ получить въ ней свой „хлѣбъ духовный".

Двери нашей библіотеки широко открыты для всѣхъ читателей, нашъ безплатный кабинетъ для чтенія доступенъ для всѣхъ классовъ городского населенія; но преимущественно имъ пользуется учащаяся молодежь. И намъ въ высшей степени дороги ея симпатіи къ нашему просвѣтительному учрежденію. Мы не можемъ забыть горячихъ сердечныхъ привѣтствій, полученныхъ нами въ день 10-лѣтія библіотеки. Мы вѣримъ и надѣемся, что эта молодежь бережно сохранитъ эти добрыя чувства къ библіотекѣ и въ зрѣломъ возрастѣ, когда сама вступитъ въ жизнь и пополнитъ ряды той интеллигенціи, которая служила намъ главной опорой до сихъ поръ, оказывала намъ активную и пассивную поддержку; а изъ интеллигентной массы сознательное сочувствіе къ намъ перейдетъ и къ читателю изъ народа, когда онъ явится къ намъ за серьезными книгами. Большая библіотека—это то же море: его станетъ на всѣхъ.

Мы вѣримъ въ глубокую жизненность нашего дѣла, ибо въ основѣ его лежитъ образованіе народа. Что можетъ быть проще и вмѣстѣ съ тѣмъ выше, грандіознѣе этой идеи? Мы вѣримъ, что и въ нашемъ Харьковскомъ обществѣ найдутся свои Асторы и Руши, если были уже такіе жертвователи, какъ Карповъ, Гордѣенко, Пащенко-Тряпкинъ. Отнюдь не впадая въ оптимизмъ, а только бодро взирая на будущее, мы предвидимъ дальнѣйшій ростъ всѣхъ Харьковскихъ библіотекъ, причемъ въ основѣ его будетъ не конкурренція между ними, а взаимная поддержка и помощь, такъ какъ всѣ онѣ могутъ въ совокупности представлять органическое цѣлое, съ приложеніемъ принципа раздѣленія труда; для роста большихъ необходимо развитіе малыхъ: послѣднія подготовляютъ читателей для первыхъ. Я надѣюсь на это, потому что общественное самосознаніе и нашего Харьковскаго общества сильно выросло. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Харьковскую публичную библіотеку выбросили, какъ ненужный хламъ, на дворъ дворянскаго собранія—теперь всякую книгу съ благодарностью приметъ любая библіотека. Не могу кстати, въ заключеніе, не отмѣтить одного характернаго обстоятельства: на постройку настоящаго дома мы исхлопотали, въ преемствѣ нравствен-

наго наслѣдованія, капиталъ этой 1-ой Харьковской публичной библіотеки, равнявшійся 384 р. Первоначально онъ немного превышалъ сотню рублей, но благодаря наращенію процентами утроился. Итакъ, въ промежутокъ времени отъ закрытія старой публичной библіотеки и до открытія нынѣшней общественной капиталъ первой утроился. А во сколько бы разъ онъ увеличился, если бы пущенъ былъ въ дѣйствительный оборотъ, еслибы 1-я Харьковская библіотека не закрывалась и успѣшно дѣйствовала до нашихъ дней. Пожелаемъ же, чтобы побольше средствъ тратилось на народное просвѣщеніе, ибо онѣ приносятъ плодъ свой сторицею.

XXVII.

Къ десятилѣтію издательскаго комитета Харьковскаго Общества Грамотности.

(Докладъ предсѣдателя издательскаго комитета, Д. И. Багалѣя, общему собранію Общества грамотности 29 апрѣля 1901 г.).

Обзоръ десятилѣтней дѣятельности издательскаго комитета, заслушанный собраніемъ, основанъ на точныхъ документальныхъ данныхъ и даетъ въ сжатой формѣ обстоятельную фактическую исторію комитета. Такимъ образомъ, моя роль, какъ историка, въ данномъ случаѣ упраздняется, и я радъ, что мнѣ не пришлось совмѣщать въ своемъ лицѣ мемуариста-дѣятеля и объективнаго повѣствователя. Я радъ и потому, что пользуясь готовымъ систематизированнымъ матеріаломъ, могу остановиться на *оцѣнкѣ* положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ изучаемаго нами явленія. Вѣдь это явленіе относится къ живой текущей дѣйствительности, слѣдовательно, при изученіи его, необходимо брать три момента—прошедшее, настоящее и возможное будущее. Это будущее, конечно, можетъ быть обрисовано не въ смыслѣ прорицанія,—а въ смыслѣ дезидератовъ лучшаго и устраненія худшаго, отжившаго тормазящаго; при начертаніи его необходимо пользоваться опытомъ прошлаго, или, какъ выражались въ старину, „уроками исторіи".

Итакъ, каковы положительныя стороны въ дѣятельности нашего издательскаго комитета?

Онъ за 10 лѣтъ отпечаталъ свыше милліона полезныхъ и дешевыхъ книгъ для народа; онъ сумѣлъ найти рынокъ для нихъ и выпустилъ изъ своего склада болѣе 800000 брошюръ; онъ собралъ средства, необходимыя для изданія этихъ книгъ, и поставилъ дѣло такъ раціонально и удачно, что эти средства ежегодно возрастали, и въ настоящее время чистый капиталъ его превышаетъ 10000 руб. Напечатавъ 58 названій брошюръ, завоевавшихъ себѣ книжный рынокъ, онъ создалъ такой литературный фондъ, перепечатка котораго наряду съ новыми книгами

обезпечиваетъ на многіе годы его дальнѣйшую издательскую дѣятельность; значительная часть его изданій допущена особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія въ школы, читальни и на народныя чтенія; наконецъ, ему удалось въ послѣднее время прочно обставить и литературное сотрудничество, благодаря Харьковскому губернскому земству, положившему начало его гонорарному фонду... Издалъ „свыше милліона брошюръ“..... Признаюсь, что этотъ милліонъ былъ предметомъ нашихъ горячихъ надеждъ и мечтаній. Да! Мы мечтали о милліонѣ... полезныхъ книгъ для народа, и *этотъ* милліонъ теперь доставляетъ намъ истинную отраду и глубокое нравственное удовлетвореніе: вѣдь онъ предполагаетъ уже не одинъ, а нѣсколько, много милліоновъ читателей, ибо одинъ экземпляръ книги, находящейся въ какой нибудь читальнѣ или школьной библіотекѣ, служитъ для десятковъ лицъ; мало того, нерѣдко одну книгу слушаетъ цѣлая народная аудиторія; иногда и подлѣ чтеца-грамотея собираются его родные; слушатели оказаваются сами неграмотными, и наша книжка такимъ путемъ просвѣщаетъ совершенно темныхъ людей. Въ новомъ столѣтіи, въ которое входитъ комитетъ въ началѣ десятилѣтія, его издательская дѣятельность, мы твердо увѣрены въ томъ, приметъ гораздо болѣе обширные размѣры и будетъ выражаться не сотнею тысячъ въ годъ полуторалистовокъ, а значительно большею цифрою. Убѣждаетъ насъ въ томъ все болѣе и болѣе возрастающая потребность въ чтеніи народа и развивающаяся дѣятельность самого комитета. Можно только пожелать, чтобы это развитіе пошло гораздо болѣе быстрыми шагами, чѣмъ шло доселѣ, потому что размѣры нашей издательской дѣятельности оказываются очень скромными не только сравнительно съ такими колоссами современнаго народнаго книгоиздательства, какъ И. Д. Сытинъ, но даже и съ извѣстной фирмой „Посредникъ“. И. Д. Сытинъ и лубочники издаютъ свои брошюры обыкновенно въ количествѣ отъ 20 до 50 и даже до 100000 экземпляровъ. И. Д. Сытинъ печатаетъ ежегодно однихъ только календарей, цѣной отъ 5 до 20 к., болѣе 1500000 экземпляровъ; въ его лавкахъ болѣе 580 названій народныхъ книгъ, изъ коихъ большая часть его собственнаго изданія. „Посредникъ“, печатающій свои книги у Сытина, также выпускаетъ въ свѣтъ ежегодно сотни тысячъ экземпляровъ. Тоже отчасти нужно сказать и о постоянной комиссіи народныхъ чтеній. На грустныя мысли наводитъ насъ тотъ фактъ, что Петербургскій комитетъ грамотности за первыя 14 лѣтъ своей издательской дѣятельности отпечаталъ всего 37 названій, т. е. въ среднемъ менѣе 3-хъ книжекъ въ годъ; Московскій комитетъ грамотности за первыя 50 лѣтъ своего существованія издалъ всего 10 кни-

жекъ для народнаго чтенія; въ послѣднее же время, какъ извѣстно, народно-издательская дѣятельность этихъ столичныхъ комитетовъ совершенно прекратилась.

Пожелаемъ же, чтобы въ новомъ столѣтіи широко развилась дѣятельность по части изданія книгъ для народа не только нашего, но и всѣхъ другихъ существующихъ нынѣ обществъ и частныхъ лицъ, преслѣдующихъ просвѣтительныя цѣли, чтобы возобновили свою прерванную культурную дѣятельность Петербургскій и Московскій комитеты грамотности, и чтобы явился рядъ новыхъ учрежденій такого же рода: работы станетъ на всѣхъ; взаимной конкуренціи намъ бояться нечего, ибо у насъ одинъ общій и сильный врагъ—невѣжество; свѣту требуется какъ можно болѣе, а у насъ еще довольно темно. Мы радуемся, что и въ Харьковѣ въ послѣднее время образовалось частное издательство, доступное по цѣнѣ широкому кругу читателей популярныхъ книгъ. Съ чувствомъ искренняго удовольствія привѣтствуемъ мы также мысль Х. Д. Алчевской и составительницъ „Книги взрослыхъ“ объ изданіи разныхъ отдѣловъ этой книги дешевыми брошюрами. Очевидно, этотъ ростъ народно-издательской дѣятельности вызывается живою, все растущею потребностью, и можно только порадоваться за Харьковъ, что онъ дѣлается виднымъ центромъ и въ этомъ отношеніи.

Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ другой не менѣе важной сторонѣ нашей дѣятельности—*распространенію книгъ*. Въ теченіи 10 лѣтъ мы распространили отъ 500000 до 800000 экземпляровъ; безотносительно цифра эта велика, въ особенности, если принять во вниманіе ту роль, какую играетъ въ народномъ употребленіи каждый отдѣльный экземпляръ брошюры, удовлетворяющій иногда духовнымъ потребностямъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ. А въ пользу такой именно „службы“ нашихъ изданій говорятъ и данныя объ ихъ распространеніи. Здѣсь прежде всего мы должны констатировать тотъ фактъ, что наши книжки *не только издаются для народа, но и читаются народомъ*. Комитетъ при самомъ возникновеніи своемъ позаботился, по примѣру „Посредника“, „Правды“ и другихъ интеллигентныхъ издательскихъ фирмъ; о томъ, чтобы изданія его отличались дешевизной, соотвѣтственной внѣшностью, доступнымъ изложеніемъ и интереснымъ содержаніемъ. Въ началѣ, ради доступности цѣнъ, онъ издавалъ только листовки и двухъ-листовки, но теперь, когда и самъ читатель изъ народа выросъ, и появился спросъ на болѣе объемистыя книжки, онъ сталъ печатать и эти послѣднія. Благодаря всему этому явилась возможность нѣкоторой конкурренціи съ лубочниками.

Главнымъ образомъ наши изданія поступаютъ въ безплатныя библіотеки и читальни, въ школьныя библіотеки, а также читаются на

народныхъ чтеніяхъ, т. е. иными словами, распространяются среди лицъ, получающихъ или получившихъ низшее народное образованіе. Главными проводниками ихъ въ народную массу являются такія центральныя книготорговли, какъ А. М. Калмыковой, и земскіе склады. Первыя изданія комитета были безплатно разосланы фирмою земледѣльческихъ орудій Э. Липгардъ также въ села—волостнымъ правленіямъ, народнымъ учителемъ, священникамъ и т. п. Нельзя не отмѣтить здѣсь огромной роли, какую играло въ распространеніи нашихъ книгъ Вятское земство, выписывавшее нѣкоторыя изъ нашихъ изданій по 3000 экземпляровъ (по 1 экземпляру въ каждую изъ 3000 основанныхъ имъ народныхъ библіотекъ). Большое содѣйствіе оказало намъ и Харьковское губернское земство при посредствѣ своего книжнаго склада. Районъ распространенія нашихъ брошюръ захватываетъ повидимому всю Европейскую Россію и даже Сибирь, но естественно, что онѣ сосредоточиваются главнымъ образомъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ интесивнѣе идетъ работа просвѣщенія народныхъ массъ, гдѣ больше школъ съ библіотеками, читаленъ, народныхъ чтеній съ туманными картинами и т. д. Къ сожалѣнію, у насъ совершенно отсутствуетъ прямая, непосредственная продажа книгъ народу черезъ *офеней*, а между тѣмъ этотъ способъ торговли является могущественнымъ орудіемъ для сбыта книгъ у Ситина и нашихъ конкуррентовъ лубочниковъ. Сравнивая размѣры нашего сбыта съ таковыми же И. Д. Ситина и лубочниковъ, приходится прійти къ такимъ же печальнымъ заключеніямъ, какъ и относительно количества издаваемыхъ экземпляровъ. И. Д. Ситинъ еще въ началѣ 90-хъ годовъ продавалъ *въ годъ* отъ 8 до 10 милліоновъ книгъ (большею частью собственнаго изданія), не считая картинъ; ежегодный оборотъ его торговли равнялся 300000 руб., а такой же оборотъ всѣхъ московскихъ продавцевъ и лубочниковъ доходилъ 720000 руб. Между тѣмъ Петербурскій комитетъ грамотности въ то же время, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, продавалъ въ среднемъ только по 50000 экземпляровъ въ годъ; мы продавали въ среднемъ отъ 50 до 80000 экземпляровъ въ годъ, слѣдовательно, въ 100—150 разъ менѣе, чѣмъ И. Д. Ситинъ, или иначе Ситинъ въ мѣсяцъ продаетъ несравненно больше, чѣмъ мы распространили въ 10 лѣтъ. Несомнѣнно, важную роль играетъ у насъ недостатокъ денежныхъ средствъ. Правда, комитетъ теперь располагаетъ капиталомъ, превышающимъ 10000 рублей, но онъ долженъ находиться въ оборотѣ, т. е. книгахъ, а слѣдовательно, рессурсами для новыхъ изданій является главнымъ образомъ выручка за проданные экземпляры, а она тольковъ послѣднее время превысила 1000 руб. въ годъ. Для удешевленія брошюръ, ихъ прихо-

дится печатать не менѣе 10000—20000 экземпляровъ каждой, а разойтись это число можетъ только въ нѣсколько лѣтъ. Одинъ Пушкинскій юбилейный сборникъ далъ значительный доходъ, большинство же изданій только окупаетъ себя. Повышать цѣны на брошюры невозможно, дабы не потерять рынка—и такимъ образомъ, только благодаря субсидіи Харьковскаго губернскаго земства комитетъ могъ расширить свою издательскую дѣятельность до ея нынѣшнихъ размѣровъ и поднять качество своихъ изданій. Субсидія эта необходима для комитета и въ будущемъ, какъ необходимо вообще увеличеніе его издательскаго фонда путемъ пожертвованій; всякая пожертвованная копѣйка принесетъ плодъ свой на народной нивѣ сторицею, потому что даетъ возможность повторять прежнія и предпринимать новыя изданія. Конечно, намъ никогда, быть можетъ, не удастся сравняться съ И. Д. Сытинымъ, но и И. Д. Сытинъ, во-первыхъ, представляетъ явленіе исключительное, а во-вторыхъ, сравнительно недавно размѣры и его дѣятельности немногимъ были шире. Но есть и еще условія нашей дѣятельности, которыя уже лежатъ внѣ насъ и, однако, сильно вліяютъ на ея теченіе; я разумѣю здѣсь требованія цензуры и особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Они играютъ настолько существенную роль, что умолчаніе о нихъ было бы рѣшительно невозможно.

Да и есть ли у насъ нравственное основаніе молчать о нихъ, когда съ высоты Престола раздалось властное слово Государя, возвѣстившее необходимость коренной реформы нашей школы, въ духѣ сердечной любви и потребностей времени? Правда, признана совсѣмъ неудовлетворительной система *школьнаго* образованія, но развѣ есть какая-либо возможность обойти при этомъ органически связанную съ нею и проникнутую тѣмъ же духомъ формализма и регламентаціи систему *внѣшкольнаго образованія?* Оставить въ силѣ вторую значило бы подорвать всѣ благіе результаты, связанные съ реформою первой. Это относится и къ высшему, и къ среднему, и къ низшему народному образованію, но особенно и преимущественно къ послѣднему, потому что здѣсь система регламентаціи наиболѣе чувствительна. Реформа навѣрное коснется и этой сферы, и мы чувствуемъ себя обязанными сообщить обществу и правительству то, что непосредственно относится къ внѣшкольной образовательной дѣятельности нашего учрежденія, что на основаніи десятилѣтняго опыта мы признаемъ подлежащимъ реформѣ въ интересахъ просвѣщенія народа и дальнѣйшаго культурнаго преуспѣнія нашего дорогого отечества. Преслѣдуя неизмѣнно въ своей дѣятельности культурныя цѣли, мы и эти два вопроса рѣшаемъ исключительно съ культурной точки зрѣнія.

Вообще говоря, относительно брошюръ на русскомъ языкѣ цензура къ намъ была благосклонна. Неудобство заключалось въ томъ, что по отсутствію въ Харьковѣ цензурнаго комитета приходилось отправлять рукописи въ Москву, въ тамошній цензурный комитетъ, но это неудобство искупалось предупредительнымъ, чуждымъ сухого формализма и благожелательнымъ отношеніемъ къ намъ цензировавшаго наши изданія просвѣщеннаго члена цензурнаго комитета, нынѣ главнаго начальника по дѣламъ печати, князя Н. В. Шаховскаго [1]).

Иначе обстояло дѣло съ рукописями на малорусскомъ языкѣ. Относительно ихъ приходится руководствоваться особыми правилами, мало извѣстными и авторомъ, и читателямъ, и издателямъ.

Главная ихъ сущность въ томъ, что они касаются *не содержанія* сочиненія, а языка, на которомъ оно написано; такъ напримѣръ, разрѣшаются оригинальныя художественныя произведенія, но запрещаются переводы съ русскаго языка, допускается изданіе памятниковъ историческихъ, литературныхъ и этнографическихъ,—и въ то же время не разрѣшается выходъ въ свѣтъ столь необходимыхъ и полезныхъ для народа научно-популярныхъ брошюръ по медицинѣ, сельскому хозяйству и т. п.

Въ то время, какъ Ананьевское земство Херсонской губерніи издаетъ бесѣды о болѣзняхъ, составленныя съѣздомъ врачей въ память Н. И. Пирогова, въ переводѣ на малорусскій языкъ, частный издатель перепечатываетъ ихъ въ Харьковѣ, земства распространяютъ ихъ среди крестьянскаго населенія, нашъ комитетъ не можетъ, по смыслу существующихъ правилъ, перепечатать ихъ, не можетъ дать крестьянскому населенію, говорящему по малорусски, вполнѣ доступной ему по изложенію книги. Конечно, это аномалія, но она, однако, является значительнымъ тормазомъ для культурнаго развитія нашего народа. Родной языкъ всегда и у всѣхъ былъ могучимъ орудіемъ для распространенія образованія среди народа, лучшимъ проводникомъ знанія, лучшимъ средствомъ для возбужденія къ нему интереса. Въ данномъ случаѣ онъ является, кромѣ того, разумнымъ педагогическимъ средствомъ для перехода отъ своего родного къ близко родному, но не тождественному, менѣе извѣстному. Простолюдину, чрезвычайно трудно ясно воспринимать значеніе чуждыхъ его уху словъ; здѣсь всякій легкій оттѣнокъ уже тормозитъ пониманіе, въ то время, какъ ученый лингвистъ, да и просто

[1]) По старой традиціи мы и теперь, съ учрежденіемъ въ Харьковѣ должности отдѣльнаго цензора, посылаемъ свои рукописи въ Московскій цензурный комитетъ, который является полноправнымъ учрежденіемъ, и которому хорошо извѣстна наша дѣятельность.

знающій языки образованный человѣкъ будетъ легко понимать книгу, написанную на такомъ языкѣ, уже по одному тому, что здѣсь онъ встрѣтитъ массу терминовъ свойственныхъ многимъ языкамъ.

Борьба съ трудностями усвоенія русскаго языка дѣлается для простолюдина малоросса особенно чувствительной въ научно-популярныхъ брошюрахъ по сельскому хозяйству, медицинѣ, ветеринаріи и т п., потому что при всемъ стремленіи къ простотѣ изложенія, въ нихъ нельзя избѣжать новыхъ научныхъ понятій, а, слѣдовательно, и терминовъ. Но въ то время, какъ для простолюдина великоросса представляютъ затрудненія только эти новыя понятія, читатель малороссъ долженъ еще усваивать рядъ обыкновенныхъ литературныхъ русскихъ словъ, или вовсе отсутствующихъ въ его разговорной рѣчи, или же выраженныхъ иными звуками. И вотъ, если крестьянинъ великороссъ неохотно читаетъ книжки по сельскому хозяйству и медицинѣ, то поселянинъ малороссъ почти совсѣмъ отказывается отъ нихъ и, слѣдовательно, лишается могучаго средства науки для поднятія уровня своей сельско-хозяйственной культуры, для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Между тѣмъ теперь, когда Россія вступила въ такое тѣсное общеніе со всѣмъ міромъ, когда въ экономической борьбѣ всякое государство напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы лучше вооружить общество пріобрѣтеніями цивилизаціи, едва ли удобно ставить препятствія для распространенія научныхъ знаній среди многомилліоннаго народа, застывшаго въ давно обветшалыхъ хозяйственныхъ формахъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабаго культурнаго роста малоросса сравнительно съ другими народностями, живущими въ Россіи. А если обратиться къ исторіи, то необходимо будетъ придти къ еще болѣе печальному выводу. Въ XVI и XVII вв. южная Русь отличалась, можно сказать, горячею страстью къ образованію, а между тѣмъ принято думать, что низшее народное образованіе въ Россіи составляетъ пріобрѣтеніе конца XVIII и начала XIX вѣка. Я могу привести одинъ поразительный фактъ, основанный на мною же открытыхъ документальныхъ данныхъ, опровергающій это положеніе. Въ 1732 году вся нынѣшняя Харьковская губернія была усѣяна школами, созданными самимъ народомъ и содержимыми на его собственныя средства, съ его народнымъ и церковно-славянскимъ языками; число учащихся по отношенію къ населенію было тогда *такое же, какъ въ 1882 году, т. е. 150 лѣтъ спустя*, когда масса школъ была создана земствомъ. Такой же фактъ констатированъ былъ извѣстными учеными А. М. Лазаревскимъ и М. И. Сухомлиновымъ по отношенію къ Черниговской губерніи, т. е. сердцу старой Малороссіи. Но еще, быть можетъ, разительнѣе была

судьба этихъ школъ: ихъ не поддержали, и онѣ исчезли, потому что не соотвѣтствовали регламентаціи, существовавшей во вновь учреждавшихся въ началѣ XIX вѣка министерскихъ школахъ. Такъ порвалась нить, которая могла бы соединить старое культурное органическое теченіе съ новымъ, образовалось пустое мѣсто, искуственная tabula rasa, промежутокъ въ поступательнымъ ходѣ образованія; наслѣдники не захотѣли воспользоваться драгоцѣннымъ культурнымъ наслѣдіемъ, всѣ объ этомъ забыли, и только изслѣдователь антикваръ, натолкнувшись среди архивныхъ хартій на это необычайное явленіе, съ грустнымъ чувствомъ сообщаетъ его обществу въ качествѣ краснорѣчиваго историческаго урока. Къ сожалѣнію, аналогичные факты приходится наблюдать отчасти и теперь: ни одна книжка, какъ бы полезна и необходима для народа она ни была, не можетъ быть допущена въ школьныя библіотеки и народныя читальни, если она написана по малорусски.

Къ сожалѣнію, и впослѣдствіи форма, регламентаціи, постороннія соображенія, не лежащія въ основѣ дѣла, брали верхъ надъ его сущностью и служили препятствіемъ для правильнаго органическаго развитія народа. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить существующее нынѣ запрещеніе писать для малорусскаго населенія нашихъ русскихъ губерній на малорусскомъ языкѣ о его хозяйствѣ и здоровьѣ? Правда, лица, втайнѣ желающія держать народъ въ невѣжествѣ, создали здѣсь жупель литературнаго сепаратизма. Но можно ли серьезно говорить объ этомъ теперь, когда русскій языкъ уже занялъ подобающее ему мѣсто во всей Россіи, и безъ всякаго сомнѣнія, будетъ и впредь расширять свое значеніе? Настоящимъ сепаратизмомъ мы признаемъ стремленіе выдѣлить малорусскій языкъ изъ его естественной органической связи съ русскимъ— а такъ именно и поступаютъ всѣ желающіе стереть въ общемъ, господствующемъ языкѣ его областныя стихіи.

Языкъ есть созданіе всего народа, постоянно измѣняющееся и требующее притока новыхъ живыхъ силъ. Русскій литературный языкъ именно потому и богатъ, и универсаленъ, что является созданіемъ всего русскаго народа, безъ различія народностей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какую сильную народную южно-русскую стихію внесъ въ него малороссіянинъ Гоголь.

Такимъ образомъ, малорусская литература (и старая, и новая, и народная, и искусственная) также является необходимою составною частью общерусской. Всякое посягательство на малорусскій языкъ и литературу въ сущности должно быть разсматриваемо, какъ посягательство на русскій языкъ и литературу. Въ самомъ дѣлѣ: неужели въ представленіи нашихъ единоплеменниковъ-славянъ и иностранцевъ, да и въ нашихъ

собственныхъ глазахъ выиграла бы русская литература, если бы въ ней не существовали имена Шевченка, Квитки, Котляревскаго, Стороженка и др. Эти понятія не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга, подобно тому, какъ изъ русской исторіи нельзя сепарировать ея органической составной части—исторіи Малороссіи. Южанину дорогъ и близокъ его Шевченко, онъ гордится имъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему одинаково съ сѣверяниномъ знать, цѣнить и любить Пушкина, восхищаться его чудными стихами и прозой; онъ увлекается поэзіей малорусской пѣсни потому, что можетъ непосредственно оцѣнитъ всѣ ея художественныя тонкости, всѣ образы и красоты чарующаго языка, но это опять таки нисколько не препятствуетъ ему усердно и любовно изучать великорусскую народную поэзію. Никто такъ глубоко не проникъ пытливымъ научнымъ взглядомъ въ тайники малорусскаго слова и поэзіи, какъ покойный профессоръ и знаменитый лингвистъ А. А. Потебня, и никто изъ его современниковъ не сдѣлалъ больше него для русскаго языка и поэзіи, и едва ли можно было лучше знать и любить Пушкина, чѣмъ зналъ и любилъ этотъ истинный малороссъ по рожденію и по духу. Нашъ комитетъ своею дѣятельностью также служитъ русскому слову, его постепенному распространенію въ народной массѣ, безъ различія ея вѣтвей и оттѣнковъ: при этомъ всѣ наши брошюры пишутся на чистомъ, литературномъ языкѣ, безъ всякой поддѣлки подъ простонародную рѣчь; когда наступилъ юбилей Пушкина, мы пустили въ народное обращеніе 200000 экземпляровъ его сочиненій, что составляетъ $^1/_5$ всѣхъ нашихъ изданій. Но мы не можемъ не испытывать нравственнаго неудобства отъ того, что, дѣйствуя на югѣ, среди преобладающаго малорусскаго населенія, мы не можемъ давать ему духовныхъ благъ, составляющихъ въ сущности его собственное достояніе; говорю такъ потому, что и Шевченко, и Квитка нерѣдко черпали свои сюжеты изъ сокровищницы народнаго творчества, а Стороженко всю свою поэзію взялъ, какъ извѣстно, изъ народныхъ устъ. Если же и на образованнаго читателя художественное сочиненіе производитъ большее впечатлѣніе въ оригиналѣ, чѣмъ въ переводѣ, то что же сказать о читателѣ изъ народа, да еще въ отношеніи такихъ *народныхъ* писателей, какъ Стороженко, Квитка, Шевченко?

Исходя изъ всего вышеизложеннаго, считаю цѣлесообразнымъ, чтобы и къ сочиненіямъ, написаннымъ по малороссійски, были примѣняемы тѣ же требованія цензурнаго устава, которымъ подчиняются произведенія, написанныя по русски, т. е. чтобы при разрѣшеніи ихъ для печати принималось во вниманіе только ихъ содержаніе, а не языкъ.

Второю существенно важною мѣрою для расширенія народно-издательской дѣятельности, а слѣдовательно, и для развитія внѣшколь-

наго образованія, было бы облегченіе доступа книгъ, издаваемыхъ просвѣтительными обществами, въ школьныя и народныя библіотеки.

Этотъ вопросъ настолько выясненъ уже въ литературѣ, неудобства нынѣшняго порядка вещей настолько ощутительны и сознаны всѣми, что мнѣ нѣтъ надобности останавливаться на нихъ подробно. Замѣчу только, что при нынѣшней системѣ одобренія книгъ, предназначенныхъ для школьныхъ и народныхъ библіотекъ, особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія физически не въ состояніи самолично разсмотрѣть всѣхъ выходящихъ въ свѣтъ народныхъ изданій; отсюда происходятъ крайне нежелательныя замедленія при разсмотрѣніи книгъ. Такъ, издательскій комитетъ послалъ сборникъ и сказки Пушкина еще въ рукописи, до юбилея, а допущены они были въ библіотеки болѣе года спустя. Сроковъ для разсмотрѣнія брошюръ въ особомъ отдѣлѣ не существуетъ. Неудивительно, что за послѣднія 30 лѣтъ (съ 1860 по 1890 г.) было одобрено всего 1600 книгъ, т. е. менѣе 60 сочиненій въ годъ—капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что вышло въ свѣтъ. Такимъ образомъ, огромное большинство народныхъ изданій не попадаетъ въ школьныя и народныя библіотеки не потому, что они вредны или неудобны, а просто потому, что ихъ не успѣлъ своевременно разсмотрѣть особый отдѣлъ. Такъ и у насъ процентное отношеніе допущенныхъ въ библіотеки изданій значительно бы измѣнилось къ лучшему, если бы они скорѣе могли быть разсматриваемы отдѣломъ (теперь находится на просмотрѣ болѣе 10 брошюръ). Особый отдѣлъ, очевидно, самъ сознаетъ это неудобство и для устраненія его прибѣгалъ къ двоякаго рода мѣрахъ: разрѣшалъ представлять ему цѣлые списки книгъ, о включеніи коихъ въ каталогъ данныхъ читаленъ возбуждалось ходатайство, и предоставилъ право безпрепятственнаго доступа въ школьныя и народныя библіотеки *всѣмъ* изданімъ Петербургской постоянной коммиссіи народныхъ чтеній.

Въ виду этого мы бы считали полезнымъ, чтобы изданія Харьковскаго Общества грамотности, какъ полезнаго просвѣтительнаго учрежденія, получили льготу допущенія въ школьныя и народныя библіотеки съ тѣмъ, чтобы особый отдѣлъ оставилъ за собою право изъятія оттуда тѣхъ прошюръ, обращеніе коихъ тамъ будетъ признано нежелательнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было бы возбудить ходатайство и о томъ, чтобы изданія, допущенныя въ школьныя библіотеки министерства земледѣлія и другихъ вѣдомствъ, допускались ео ipso въ таковыя же министерства народнаго просвѣщенія.

XXVIII.

О ближайшихъ задачахъ, нуждахъ и потребностяхъ Харьковскаго Городского музея.

I.

Краткая исторія музея. Главный редакторъ „Правит. Вѣстн.“, извѣстный писатель, уроженецъ нашей мѣстности, Г. П. Данилевскій просилъ Министра Двора, гр. Воронцова-Дашкова возбудить вопросъ, не можетъ ли быть сдѣлано Харькову для пополненія его университетскаго музея такое же пожертвованіе картинъ и вообще художественныхъ коллекцій изъ сокровищъ Эрмитажа, какое сдѣлано городу Саратову для учрежденія въ немъ музея. Министръ отвѣтилъ, что если Харьковское Городское Управленіе и университетъ войдутъ съ представленіемъ объ этомъ и предоставятъ необходимое помѣщеніе, то подобное ходатайство будетъ уважено. Въ такомъ смыслѣ Г. П. Данилевскій сдѣлалъ запросъ Харьковскому Университету, который отвѣтилъ, что въ его распоряженіи не имѣется подходящаго помѣщенія и просилъ внести этотъ вопросъ на обсужденіе Городской Думы. Городская Дума въ засѣданіи 2 ноября 1882 года постановила: назначить для помѣщенія будущаго музея изящныхъ искусствъ верхній этажъ Новосергіевскаго ряда и ходатайствовать о сформированіи музея изъ публичныхъ памятниковъ Императорскаго Эрмитажа и Императорскихъ дворцовъ, для разработки же вопроса о Городскомъ Публичномъ музеѣ была избрана коммиссія въ составѣ гласныхъ Думы и 4 профессоровъ университета. При совмѣстномъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ проф. А. А. Потебни представители города и университета пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ. Существующій нынѣ при Харьковскомъ Университетѣ музей изящныхъ искусствъ и древностей состоитъ по преимуществу изъ предметовъ, пожертвованныхъ университету и отчасти только пріобрѣтенныхъ на спеціальныя средства университета, а потому право собственности на означенныя коллекціи не можетъ быть никому передано и

должно остаться за университетомъ, но со стороны университета по мнѣнію комиссіи, не представится препятствій къ тому, чтобы коллекція университетскаго музея была на извѣстныхъ условіяхъ помѣщена въ городскомъ музеѣ, съ тѣмъ чтобы отводъ помѣщенія для музея и содержаніе его были приняты на себя Думой. Совѣтъ университета согласился съ этимъ мнѣніемъ комиссіи (15 сентября 1883 г.). Осмотрѣвъ 29 декабря вмѣстѣ съ инженеромъ Б. Г. Михайловскимъ верхній этажъ Ново-Сергіевскаго ряда, комиссія признала помѣщеніе это вполнѣ соотвѣтствующимъ своему назначенію. Для музея оно могло быть приспособлено безъ капитальной перестройки. Слѣдовало только открыть заложенные окна, выломать деревянныя перегородки въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ и произвести обыкновенный ремонтъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе возбужденнаго городскимъ управленіемъ ходатайства, Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра Императорскаго Двора, соизволилъ выразить желаніе прійти на помощь городамъ по устройству художественныхъ музеевъ. Для всесторонняго обсужденія вопроса объ устройствѣ музеевъ по городамъ и въ частности о музеѣ въ г. Харьковѣ, президенту Императорской Академіи художествъ, Вел. Кн. Владимиру Александровичу угодно было учредить особую комиссію. Рескриптомъ Вел. Кн. Владимира Александровича Харьковскій Городской Голова былъ поставленъ въ извѣстность, что Правительство и Академія Художествъ почтутъ священною обязанностью споспѣшествовать всѣми средствами устройству перваго городского музея въ Россіи, дабы и всѣ прочіе города, по примѣру Харькова, приложили старанія и средства завести у себя учрежденія, столь необходимыя для развитія художественнаго вкуса въ русскомъ обществѣ и поднятія нашей промышленности въ тѣхъ ея отрасляхъ, которыя безъ искусства не могутъ преуспѣвать.

Образованная при Академіи Художествъ комиссія 30-го апрѣля 1883 года попросила отъ Харьковскаго городского управленія дополнительныхъ свѣдѣній: 1) о помѣщеніи для будущаго музея, 2) о предположенныхъ для него со стороны городского управленія расходахъ и 3) о главныхъ видахъ промышленности Харьковской губ., особенно кустарной; послѣднія данныя были необходимы для составленія проекта промышленнаго отдѣленія будущаго музея. Получивъ эти свѣдѣнія, сообщала Комиссія, Великій Князь войдетъ съ представленіемъ къ Государю Императору объ открытіи музея въ Харьковѣ и о денежномъ пособіи отъ правительства для составленія его коллекцій.

Городской Думѣ предлагалось разрѣшить вопросы, поставленные комиссіей Академіи Художествъ, при чемъ указывалось, что верхній

этажъ Сергіевскаго ряда и въ пожарномъ отношеніи представляется достаточно безопаснымъ, ибо онъ отдѣленъ отъ лавокъ, находящихся въ нижнемъ этажѣ и не отапливаемыхъ, сводами и имѣетъ два непосредственныхъ выхода на университетскую горку. Благодаря этимъ двумъ входамъ, этотъ 2-й этажъ не представляетъ также неудобства для помѣщенія въ немъ скульптурныхъ произведеній. Ремонтъ зданія былъ исчисленъ приблизительно въ 2000 руб., на ежегодное содержаніе музея требовалась сумма въ 1500 руб. и предлагалось возбудить ходатайство передъ Вел. Кн. Владимиромъ Александровичемъ о назначеніи отъ правительства городскому музею 10000 руб. единовремено и 2000 р. ежегодно.

4 іюня 1885 г. Дума подтвердила свое постановленіе отъ 2 ноября 1882 г. о предоставленіи для музея верхняго этажа Сергіевскаго ряда и постановила ежегодно отпускать на его содержаніе по 2000 р., но открытіе городского музея послѣдовало только 14-го декабря 1886 г. т. е. черезъ 4 года послѣ первоначальнаго предложенія, сдѣланнаго Г. П. Данилевскимъ.

II.

Пріобрѣтеніе коллекцій музея. Къ означенному времени Императорскою Академіею художествъ были присланы—12 античныхъ бюстовъ, 10 статуй, 36 различныхъ картинъ и полная коллекція орнаментовъ. Вотъ названія картинъ, предоставленныхъ музею Академіей: 1) Ополченецъ—Плѣшанова, 2) Рыбацкая деревня у Чудскаго озера—проф. Клевера, 3) Іоаннъ Грозный и его мамка—проф. К. Б. Венига, 4) Погребеніе мученицы (въ Катакомбахъ Рима)—Попова, 5) Двѣ аллегорическія фигуры—проф. В. П. Верещагина, 6) Графъ Блюхеръ и казаки въ 1813 г.—проф. Б. П. Виллевальда, 7) Via Condotte (въ Римѣ)—Свѣдомскаго, 8) Будущій милліонеръ—Шаховскаго, 9) Палачъ съ головою Іоанна Крестителя—Аскназія, 10) Осенью—Гофмана, 11) Зимняя ночь—Проскурнина, 12) Гора Ай-Петри—проф. Л. Ф. Лагоріо, 13) Прибрежье—проф. М. К. Клодта, 14) Осень—Писемскаго, 15) Балъ въ деревнѣ—К. Л. Трутовскаго, 16) Жертвоприношеніе Авраама (копія Рембрандта)—Глобы, 17) Этюдъ съ натуры—акад. М. П. Боткина 18) Полѣсовщикъ—Загорскаго, 19) У овецъ—Пелевина, 20) Заглохшая мельница—Голимскаго, 21) Сѣренькій день—Ткаченко, 22) Привалъ пѣхотнаго полка въ Болгаріи—проф. П. О. Ковалевскаго, 23) Въ воскресный день—Корзухина, 24) Пейзажъ—Суходольскаго, 25) Подъ горой—Федерса, 26) Римлянка у восточнаго колдуна—Бакаловича, 27) Утро на рѣкѣ—Казанцева, 28) Эффектъ облаковъ надъ моремъ—Орловскаго,

29) Вампиръ, умирающій на рукахъ Аполлона—Киселева, 30) Послѣднія минуты Князя Михаила Черниговскаго (у Батыя)—Ланскаго, 31) На псарномъ дворѣ—Кившенко, 32) Степь въ Малороссіи—Васильковскаго, 33) Головка мавританки—проф. В. П. Якобія, 34) Смертъ Клеопатры—Вахтера, 35) Вечеръ—акад. Крачковскаго, 36) картина Ливень—Крыжицкаго—была возвращена Академіи художествъ, по ея требованію въ 1888 году. Одновременно съ открытіемъ музея, въ него стали поступать и пожертвованія отъ частныхъ лицъ—отъ А. Д. Озерскаго два барельефа его работы (Голова Спасителя съ картины Гвидо Рени и Скорбящая Божія Матерь), отъ художника Бородаевскаго: а) картина маслянами красками „Внутренній видъ университетскаго музея“ его работы, б) академическій этюдъ натурщика работы Лемоха; отъ проф. живописи Н. А. Кошелева—портретъ Аверкіева; отъ художника Сахарова—2 этюда масляными красками, отъ г. Боткина—этюды (сепіей и перомъ) художника Боголюбова; отъ И. П. Щелкова—фотографіи съ различныхъ художественныхъ произведеній лучшихъ мастеровъ. На собственныя средства музеемъ пріобрѣтены: 1) Пейзажъ И. И. Шишкина „Осень“ (за 750 руб)., 2) Картина художника Сахарова „Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной“ (за 550 руб.), и его же 16 различныхъ этюдовъ; 3) Акварель—Трутовскаго (за 75 руб.); 4) Бронзовая группа В. В. Позенъ „Запорожецъ“; 5) Восходъ луны—Дубовскаго (400 руб.); 6) Усердіе—Шанксъ (300 руб.); 7) Осиротѣвшіе—Мясоѣдова (500 р.); 8) Прохладный уголокъ—Киселева (250 руб.). Таковы были важнѣйшія поступленія съ 1886 по 1891 годъ. Картины и скульптура, предоставленныя музею Академіей художествъ, и въ настоящее время являются основою художественнаго отдѣленія музея.

За 15 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, картинъ поступило въ музей не много: 1) Буря на морѣ—копія Айвазовскаго Волошина, 2) Арбузы—Волошина, 3) Воскресеніе Христово—по эскизу Е. Н. Воронца, 4) Мальчикъ и гуси—А. А. Писемскаго, 5) Берегъ Кавказа—Алисова, 6) Берегъ Массандры—Алисова, 7) Милостыня—Пынѣева (подарена), 8) Солнце садится—В. И. Зарубина (подарена), 9) Пріѣздъ жениха, 10) Русская свадьба, 11) Дѣвочка—Волкова, 12) Ночь въ Оріандѣ—Алисова (подарена), 13) Выброшенный баркасъ—Алисова (подарена), 14) Дѣвочка—Лемоха (200 руб.), 15) Таупсе—Кисилева (300 руб.), 16) Хризантемы—Мясоѣдова, (300 р.), 17) Море—Алисова (подарена), 18) Кипарисы—Алисова (подарена). Всего пріобрѣтено за 20 лѣтъ покупкою 11 картинъ (считая этюды Сахарова за одну картину) на 3725 р.

Если принять во вниманіе, что картины вообще составляютъ наиболѣе цѣнный отдѣлъ музея, но что этотъ отдѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ

требуетъ и освѣженіи новымъ матеріаломъ, то нельзя будетъ не прійти къ заключенію, что его необходимо теперь же пополнить и заботиться о систематическомъ пополненіи его и въ будущемъ.

Изъ приведеннаго выше перечня видно, что въ нашемъ музеѣ вовсе не было образцовъ акварельной живописи и гравировальнаго искусства, между тѣмъ знакомство съ ними одинаково желательно, какъ для широкой публики, такъ и для учащихся въ нашей школѣ рисованія и живописи. Это обстоятельство побудило меня обратиться съ ходатайствомъ о присылкѣ тѣхъ и другихъ памятниковъ къ Императорской Академіи Художествъ. Благодаря отзывчивости конференціи и Вице-президента ея гр. И. И. Толстого, въ настоящее время Харьковскій Городской музей обогатился цѣнной коллекціей акварелей и гравюръ; акварели: 1) Въ садикѣ—С. И. Васильковскаго, 2) Въ полдень—А. Б. Скиргело, 3) Утро въ Теріокахъ—Р. А. Берхгольца, 4) Этюдъ—И. С. Галкина, 5) Баклажаны—А. Шнейдеръ, 6) Nocturne—Сейтгофъ. Гравюры: 1) Суворовъ—Уткина, 2) Оленинъ, 3) Елизавета, 4) Видъ Марли въ Петергофѣ, 5) Видъ сада въ Павловскѣ, 6) Видъ большого бассейна въ верхнемъ саду въ Петергофѣ, 7) Видъ дворца Монъ Плезиръ въ Петергофѣ, 8) Видъ храма Аполлонова въ саду Павловскаго дворца, 9) Видъ храма дружбы въ саду г. Павловска, 10) Елисавета I, 11) Екатерина II. и портреты и акварели были присланы въ рамкахъ со стеклами, а для гравюръ рамки заказаны самимъ музеемъ.

Другою богатою составною частью музея являются его этнографическія коллекціи. Происхожденіе ихъ таково. Поводомъ къ устройству этого отдѣла послужила выставка предметовъ Дальняго Востока, привезенная проф. Харьковскаго университета А. Н. Красновымъ изъ его путешествія по азіатскимъ странамъ и возбудившая значительный интересамъ въ харьковскомъ обществѣ. Музейная коммиссія рѣшила предложить Городскому управленію ассигновать сумму въ 3000 руб. для того, чтобы положить начало этнографическому отдѣленію, которое, знакомя населеніе съ бытомъ различныхъ народовъ, содѣйствовало бы развитію учащейся молодежи и давало бы возможность всему мѣстному населенію видѣть интересные и поучительные для него предметы культуры разныхъ народовъ. Планъ составленія и организаціи отдѣла принадлежитъ проф. А. Н. Краснову. Исходя изъ соображенія, что при незначительности средствъ и трудности сношеній съ отдаленными странами, невозможно въ близкомъ будущемъ собрать бытовые принадлежности всѣхъ народовъ, проф. А. Н. Красновъ предложилъ музейной коммиссіи остановиться на нѣсколькихъ типичныхъ этнографическихъ группахъ съ тѣмъ, чтобы показать, какъ условія природы наиболѣе

рѣзко отличающихся другъ отъ друга областей отразились на одеждѣ, жилищѣ, бытѣ и внѣшней культурѣ народовъ. Собранныя коллекціи относятся къ слѣдующимъ группамъ: 1) Австраліи, Меланезіи и Полинезіи, 2) неграмъ Африки, 3) пустынямъ и степямъ Азіи и Африки, 4) Индіи, 5) Дальнему Востоку (Китаю, Японіи и сос. государствамъ), 6) Сѣверной и Южной Америкѣ, 7) Сибири, 8) Кавказу. Въ 1-й группѣ имѣется 133 предмета, во 2-й—55, въ 3-й—82, въ 4-й—51, въ 5-й—201, въ 6-й—75, въ 7-й—81, въ 8-й—71; всего около 750 номеровъ.

Одни предметы относятся къ вооруженію, другіе къ украшеніямъ, третьи къ домашней утвари и орудіямъ, напримѣръ, земледѣльческимъ и др., четвертые къ посудѣ, пятые къ жилищу. Большая часть коллекцій состоитъ изъ предметовъ, другая изъ моделей, третья изъ фотографій. Сюда же нужно присоединить еще образцы гончарныхъ издѣлій, присланные Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ (здѣсь статуэтки, гипсовые барельефы Спасителя, гипсовые орнаменты). Есть цѣлая витрина съ гипсовыми бюстами. Заслуживаютъ вниманія малороссійскія кустарныя издѣлія, полученные отъ покойнаго проф. И. П. Сокальскаго и проф. Н. Ѳ. Сумцова—плахты, килымы, рушники и головные уборы; издѣлія кустарей г. Харькова и Харьковскаго уѣзда; шапочка отъ головной боли, небольшая коллекція писанокъ; особнякомъ стоятъ нѣсколько предметовъ, сдѣланныхъ изъ каменной соли.

3-й отдѣлъ—историко-художественный настолько незначителенъ, что и не можетъ быть названъ отдѣломъ. Всѣ вещи его случайнаго происхожденія и ихъ очень мало. Сюда относятся: деревянныя статуи Божіей Матери и Іоанна Крестителя изъ Куряжскаго монастыря; икона Спасителя на камнѣ XVII в. изъ Купянскаго уѣзда, пожертвованная М. Д. Раевскою; старинный поясъ, старинная ваза, бронзовыя стрѣлы изъ Ахтырскаго уѣзда, кости и зубъ мамонта, старинная икона изъ Зміевского уѣзда, кусокъ кольчуги и шлема, пріобрѣтенный по моему указанію альбомъ со старинными рисунками 1800 года, изображающими сцены мѣстной жизни; портретъ стольника Челищева. Имѣется также небольшая нумизматическая коллекція съ ольвійскими, западно-европейскими и русскими монетами, описанными приватъ-доцентомъ В. Е. Даниловичемъ. Есть нѣсколько витринъ съ фотографіями Падеревскаго, Щелкова, Иваницкаго и друг. При музеѣ имѣется, наконецъ, небольшое количество книгъ по исторіи искусствъ (здѣсь есть портретная галлерея, изд. Мюнстеромъ, картины Лондонской Національной Галлереи, Дрезденской Картинной Галлереи, Третьяковской Галлереи, Русскій орнаментъ въ старинныхъ образцахъ и др.). Таковъ составъ Харьковскаго Городского Промышленно-Художественнаго музея въ настоящее время.

III.

Цѣли и задачи музея. Спрашивается теперь, какъ понимали цѣли музея его первые организаторы. Еще въ бытность городскимъ головою И. О. Фесенка въ 1883 г. членъ коммиссіи, завѣдывавшей музеемъ Н. Н. Сабо составилъ, по порученію Городской Думы, проектъ его устава. Въ этомъ послѣднемъ цѣль музея выражена въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) служить пособіемъ школѣ живописи, рисованія и лѣпки коллекціями художественныхъ и художественно-промышленныхъ произведеній; 2) доставить лицамъ, желающимъ пользоваться художественными и художественно-промышленными образцами наивозможно полныя коллекціи образцовъ и удобное помѣщеніе для такого пользованія (мастерскія), доставить также матеріалы и пособія для копирующихъ, неимѣющихъ средствъ пріобрѣсти таковые на свой счетъ; 3) доставить преподавателямъ изящныхъ искусствъ мѣсто и образцы, которыми бы они, каждый въ указанные для того часы и дни, могли заниматься со своими учениками; 4) предоставить помѣщеніе для выставокъ художественныхъ и художественно-промышленныхъ предметовъ съ цѣлью ознакомить съ ними публику или сбыть ихъ. Размѣщеніе же въ музеѣ обширныхъ выставокъ, требующихъ перемѣщенія принадлежащихъ музею вещей, не должно быть допускаемо; 5) доставить возможность желающимъ изучать исторію, теорію искусствъ и слѣдить за процвѣтаніемъ искусствъ въ другихъ городахъ и государствахъ, для чего имѣть при музеѣ библіотеку, снабженную соотвѣтственными руководствами и періодическими изданіями; 6) содѣйствовать сближенію художниковъ, любителей искусствъ и лицъ, интересующихся обмѣномъ знаній и мыслей по разнымъ отраслямъ пластическихъ искусствъ и художественной промышленности, для чего предоставить таковымъ удобное помѣщеніе. Въ музеѣ должны быть слѣдующія отдѣленія: 1) Художественное (живопись и скульптура), 2) Кустарное, 3) Архитектурное, 4) Фотографическое, 5) Издѣлія мастерскихъ, имѣющія на себѣ рисунокъ или болѣе или менѣе изящную форму, 6) Этнографическое, 7) Библіотека.

Проектъ г. Сабо вызвалъ суровую критику со стороны другого члена Музейной Коммиссіи С. А. Раевскаго, несогласившагося съ этимъ проектомъ ни по содержанію, ни по изложенію его. Самую цѣль музея—служить пособіемъ школы живописи—г. Сабо, по мнѣнію С. А. Раевскаго опредѣляетъ невѣрно. «Конечно, для школы, говоритъ онъ, весьма важно имѣть возможность пользоваться коллекціями музея для своихъ учебныхъ цѣлей, но едва ли задача музея можетъ быть ограничена только этимъ, такъ какъ она значительно шире. Масса населенія, неи-

мѣющая никакого отношенія къ школѣ, можетъ посѣщать музей и, разсматривая его коллекціи, развивать свой эстетическій вкусъ. Ремесленники найдутъ въ музеѣ художественные образцы для своихъ произведеній, черезъ что эти произведенія должны получаться болѣе высокаго достоинства. Развивая изящный вкусъ въ массѣ, музей тѣмъ самымъ вызываетъ потребность въ предметахъ съ элементомъ изящнаго. Онъ оказываетъ одновременно свое вліяніе и на производителей, и на потребителей. Въ этомъ и заключается громадное значеніе художественно-промышленныхъ музеевъ... Вотъ это то художественное образованіе массы путемъ разсматриванія картинъ, скульптуры и другихъ художественныхъ предметовъ и должно составлять главную цѣль музея. Между тѣмъ проектъ г. Сабо именно это и упустилъ изъ виду... Естественно, что школа въ коллекціяхъ музея найдетъ богатый матеріалъ для художественнаго развитія своихъ учениковъ... Что же касается до проектированнаго г. Сабо устройства мастерскихъ для копирующихъ, доставленія нѣкоторымъ изъ нихъ матеріаловъ и пособій, доставленія преподавателямъ изящныхъ искусствъ мѣста для занятій съ учениками и удобнаго помѣщенія для любителей искусствъ, то все это, быть можетъ весьма полезное само по себѣ не можетъ входить въ кругъ дѣятельности художественно-промышленнаго музея. Далѣе С. А. Раевскій, переходя къ отдѣламъ рекомендуемымъ г. Сабо, говоритъ, что и здѣсь мы встрѣчаемся съ желаніемъ расширить рамки музея и сдѣлать его не художественно-промышленнымъ, а скорѣе универсальнымъ. Я самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаю, говоритъ С. А. Раевскій, противъ такого расширенія, потому что мы не имѣемъ никакихъ средствъ для выполненія такой широкой программы.

Музей долженъ быть только художественно-промышленнымъ, т. е. заключать въ себѣ: 1) собраніе картинъ, акварелей, гравюръ, скульптурныхъ произведеній и пр., 2) собраніе художественныхъ образцовъ въ приложеніи художества къ ремесламъ и промышленности, имѣющимъ наибольшее значеніе для нашего края; 3) спеціальную библіотеку, составленную преимущественно изъ коллекцій рисунковъ, по части орнамента, мебели, гончарнаго дѣла и пр.; сюда же войдутъ разныя изданія и рисунки, могущія служить пособіемъ при преподаваніи рисованія. Исходя изъ этого основнаго положенія, С. А. Раевскій высказывался противъ спеціальнаго кустарнаго отдѣла, полагая, что относящіеся сюда матеріалы, имѣющіе художественно-промышленное значеніе, могли бы войти въ его второй отдѣлъ; возражаетъ онъ и противъ особаго фотографическаго отдѣла заявляя, что фотографіи памятниковъ и мѣстностей могутъ войти въ библіотеку. Возстаетъ С. А. Раевскій и противъ спе-

ціальнаго этнографическаго отдѣла, замѣчая что такіе предметы, не имѣющіе художественнаго значенія, непосредственнаго отношенія къ художественно-промышленному музею не имѣютъ. Съ основательностью этихъ замѣчаній нельзя не согласиться. Но С. А. Раевскій не ограничился только критикою проекта г. Сабо, а съ своей стороны предложилъ собственный проектъ. Сущность его заключается въ слѣдующемъ. Харьковскій Городской Музей, по его проекту, имѣетъ цѣлью содѣйствовать художественному развитію мѣстнаго населенія посредствомъ нагляднаго изученія изящнаго. Онъ заключаетъ въ себѣ: а) собраніе картинъ, акварелей, гравюръ, скульптурныхъ произведеній и пр.; б) систематически расположенныя коллекціи лучшихъ произведеній художественно-промышленныхъ производствъ (коллекціи эти подраздѣляются на слѣдующія главныя группы: 1) исторію всѣхъ стилей ваянія и орнамента, 2) гончарное производство, 3) мебель, 4) рѣзное дѣло, 5) литейное дѣло, 6) переплетное дѣло, 7) декоративное искусство и пр.): в) библіотеку, составленную изъ художественныхъ и художественно-промышленныхъ изданій, рисунковъ, эстамповъ, разнаго рода снимковъ съ художественныхъ и художественно-промышленныхъ предметовъ.

IV.

Вопросъ о дальнѣйшемъ пополненіи музейныхъ коллекцій. Изъ предыдущаго видно, что пополненіе коллекцій нашего музея шло не по заранѣе опредѣленному плану, а болѣе или менѣе случайно. Картины пріобрѣтались за деньги случайно. Главное богатство музея составляетъ коллекція картинъ, не пріобрѣтенная музеемъ, а предоставленная въ его пользованіе Академіей Художествъ. Въ проектѣ указывалось на необходимость имѣть акварели и гравюры—а ихъ, какъ мы видѣли, до самаго послѣдняго момента вовсе не было. Художественно-промышленнаго отдѣла въ такомъ видѣ, въ какомъ его проектировалъ С. А. Раевскій, и въ настоящее время не оказывается и вмѣсто него пріобрѣтенъ именно такой спеціальный этнографическій отдѣлъ, противъ котораго возражалъ С. А. Раевскій. Коллекція книгъ, которой также придавалось большое значеніе, столь незначительна, что не можетъ быть названа библіотекой. Настоящая библіотека теперь организована не при музеѣ, а при школѣ. Можно было бы сказать, что для осуществленія намѣченнаго при основаніи музея проекта не было достаточно денежныхъ средствъ. Средствъ дѣйствительно было мало, но, во 1-хъ, ихъ оказалось же достаточно для пріобрѣтенія спеціальной этнографической коллекціи, когда явилось лицо (проф. А. Н. Красновъ), предложившее свои услуги для ея составленія, во 2-хъ, часть этихъ средствъ

расходовалось не на музей, а на школу, и, въ 3-хъ, наконецъ, несмотря на скромную ассигновку, оказались въ настоящее время значительные остатки, которымъ теперь нужно дать цѣлесообразное назначеніе.

Для рѣшенія этого вопроса, а равно и для планомѣрной дѣятельности музея въ будущемъ, необходимо твердо и опредѣленно указать, въ какомъ направленіи должно идти дальнѣйшее пополненіе музея.

Художественно-промышленный музей, конечно, долженъ состоять изъ двухъ отдѣленій—художественнаго и художественно-промышленнаго. Первый, состоящій изъ скульптуры, масляныхъ картинъ, акварелей и гравюръ, несомнѣнно представляетъ наибольшій интересъ и для широкой публики, и для школы и потому заслуживаетъ особаго вниманія. Г. Харьковъ бѣденъ художественными коллекціями: на 200 тысячное населеніе его имѣется только 2 музея съ картинными галлереями и скульптурою—университетскій и городской. Въ университетскомъ музеѣ очень богатъ отдѣлъ старой Европейской живописи разныхъ школъ, отдѣлъ гравюръ, богатая спеціальная библіотека и въ послѣднее время положено серьезное основаніе отдѣлу русскихъ археологическихъ памятниковъ въ видѣ отдѣла мѣстныхъ курганныхъ древностей Харьковской губ.; имѣется небольшой отдѣлъ скульптуры и историческихъ памятниковъ искусства. Картинъ русской новѣйшей школы живописи почти не имѣется; есть „Засуха" Мясоѣдова, нѣсколько маринъ Айвазовскаго изъ первыхъ его работъ и нѣк. др. Нашъ городской музей наоборотъ богатъ главнымъ образомъ картинами новой русской школы, желательно и дальнѣйшее пополненіе его въ этомъ направленіи. Мы не сомнѣваемся, что Имп. Академія художествъ и впредь, какъ и раньше, такъ и нынѣ, особенно съ расширеніемъ музейнаго помѣщенія будетъ приходить на помощь музейной коммиссіи въ этомъ отношеніи и присылать время отъ времени новыя произведенія для нашего музея. Съ другой стороны и коммиссія одну часть своихъ скудныхъ средствъ будетъ затрачивать на пріобрѣтеніе хотя изрѣдка картинъ извѣстныхъ художниковъ, а другую согласно своему постановленію, сдѣланному еще въ 1902 году, но до сихъ поръ къ сожалѣнію не приведенному въ исполненіе, на пріобрѣтеніе картинъ, относящихся къ Малороссіи и Харьковскому краю [1]). Необходимо нашему му-

[1]) Въ отчетѣ музеной коммиссіи за 1902 годъ мы читаемъ: „проф. Багалѣй высказалъ, что, по его мнѣнію, для Харьковскаго художественно-промышленнаго музея необходимо собирать помимо шедевровъ живописи также картины, иллюстрирующія природу и людей какъ Харьковскаго района, такъ и всего вообще Юга Россіи, преслѣдуя однако при этомъ художественное исполненіе. Исключеніемъ могутъ служить картины, имѣющія историческое и этнографическое значеніе, художественныя требованія къ которымъ могутъ быть слабѣе. Съ этимъ мнѣніемъ проф. Багалѣя

зею придать областной характеръ: въ этомъ и только въ этомъ можетъ заключаться источникъ его жизненности и прочнаго успѣха. Между тѣмъ до сихъ поръ на эту сторону почти не обращалось вниманіе. Всѣ мѣстные музеи въ Россіи имѣютъ областной характеръ—и только одни столичные общій. Да и можемъ ли мы создать музей по общей широкой программѣ, при нашихъ скудныхъ средствахъ?

Что касается художенственно-промыыленнаго отдѣла, то таковымъ до нѣкоторой степени можетъ быть признанъ нашъ этнографической отдѣлъ, хотя онъ, строго говоря, относится не къ искусству, а къ быту. Но среди предметовъ этой коллекціи имѣется все таки извѣстное количество и такихъ, которые носятъ на себѣ печать своеобразнаго первобытнаго искусства. Въ дальнѣйшемъ пополненіи этой коллекціи необходимо однако 1) обратить вниманіе на наиболѣе близкіе для насъ русскіе памятники и во 2-хъ) именно на тѣ, которые носятъ на себѣ какіе либо слѣды искусства. Въ такомъ именно смыслѣ и состоялось постановленіе музейной коммиссіи въ 1902 году, но и оно также не приведено въ исполненіе [1])

Исходя изъ этого положенія, я предлагаю позаботиться о пріобрѣтеніи предметовъ и художественно-промышленнаго характера, относящихся къ русскому искусству какъ великорусскому, такъ и малорусскому въ его прошломъ и отчасти настоящемъ, на сколько это настоящее является

согласилось большинство членовъ собранія. Въ заключеніе всѣхъ разсужденій постановлено: въ виду недостатка средствъ, пополнять музей хотя изрѣдка художественными произведеніями извѣстнѣйшихъ художниковъ, а также работами мѣстныхъ художниковъ, особенно изображающихъ мѣстные элементы не только Харьковской губ., но и Юга Россіи".

[1]) Вотъ это постановленіе: „проф. А. Н. Красновъ находилъ желательнымъ устройство въ наиболѣе широкомъ и научномъ порядкѣ этнографическаго отдѣла музея. М. Д. Раевская высказала, что въ музей слѣдуетъ помѣщать по преимуществу предметы, имѣющіе художественное значеніе, т. е. взять изъ этнографіи художественную промышленность, какъ-то: живопись, орнаментику, вышивки, рѣзьбу, утварь. Нѣкоторые члены собранія обратили вниманіе на то обстоятельство, что очень много памятниковъ южно русской архитектуры очень быстро и безслѣдно исчезаютъ съ лица земли, о чемъ нельзя не сожалѣть, и потому желательно для пополненія этнографическаго отдѣла музея собирать въ рисункахъ, фотографіяхъ и вещахъ предметы художественнаго творчества страны. Шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ Полтавскимъ земствомъ при устройствѣ тамошняго музея. Послѣ оживленныхъ преній пришли къ слѣдующему заключенію: при пополненіи этнографическаго отдѣла городского музея, преслѣдовать преимущественно цѣль по собиранію предметовъ художественнаго творчества, главнымъ образомъ Южной Россіи, начиная съ Харькова и ближайшихъ къ нему мѣстностей; при этомъ постоянно имѣть въ виду, чтобы музей имѣлъ вообще образовательное значеніе для мѣстнаго населенія и чтобы въ немъ была научная художественная систематизація".

наслѣдіемъ старины. Древнерусское искуство можетъ быть представлено памятеиками археологическими. Образцомъ для насъ по части предметовъ великорусской—художественной промышленности можетъ служить музей Строгоновскаго училища рисованія въ Москвѣ. Сюда войдутъ: 1) Старый и новый русскій фаянсъ и фарфоръ (русское производство разнаго времени и издѣлія Имп. фарфороваго завода), 2) Гончарныя издѣлія и майолика; 3) рѣзное дѣло по дереву, по металлу, камню, кости, 4) мебель, 5) утварь, 6) стеклянное и хрустальное производство, 7) шитье и ткани, 8) литье, 9) копіи съ памятниковъ древнерусскаго искусства, 10) копіи миніатюръ и орнаментныхъ украшеній съ рукописей.

По такому же плану необходимо собирать и промышленно-художественные памятники малорусскаго типа и на нихъ, какъ на мѣстные, должно быть обращено преимущественное вниманіе; затѣмъ необходимо пополнить спеціальную художественную библіотеку. Тогда нашъ музей будетъ имѣть значеніе не только для школы, но и для общества.

XXIX.

Рѣчь при открытіи филіальнаго отдѣленія Харьковской общественной библіотеки.

Съ чувствомъ живѣйшей радости и искренняго удовольствія исполняю возложенное на меня правленіемъ Харьковской общественной библіотеки порученіе—приношу комитету филіальнаго отдѣлнія нашей библіотеки сердечныя поздравленія съ открытіемъ просвѣтительной дѣятельности его. Нѣсколько дней тому назадъ общественная библіотека торжественно отпраздновала освященіе своего новаго зданія, сегодня мы присутствуемъ на болѣе скромномъ, но также знаменательномъ торжествѣ—открытіи филіальнаго отдѣленія библіотеки на одной изъ отдаленнѣйшихъ и населеннѣйшихъ городскихъ окраинъ, которая однако, доселѣ, не имѣла у себя доступной для всѣхъ ея обывателей библіотеки. Въ то время какъ на Москалевкѣ, Панасовкѣ, Журавлевкѣ были читальни-библіотеки общества грамотности, районъ Петинской улицы, быть можетъ, наиболѣе нуждающійся въ книгѣ, какъ проводникѣ образованія, былъ лишенъ этого величайшаго блага бытія, этого духовнаго хлѣба насущнаго. Необходимость открытія библіотекъ въ разныхъ частяхъ города давно уже чувствовалась среди дѣятелей нашей общественной библіотеки. Еще на первомъ общемъ собраніи членовъ ея въ 1887 г., предсѣдатель его, покойный Е. С. Гордѣенко, высказалъ мысль о возможности и необходимости учрежденія цѣлаго ряда читаленъ и библіотекъ для народа въ г. Харьковѣ. Дѣятель стараго и нынѣшняго правленія Харьковской общественной библіотеки, С. Н. Самойловъ выступилъ на общемъ собраніи въ 1891 году съ проектомъ учрежденія филіальныхъ отдѣленій библіотеки въ уѣздныхъ городахъ Харьковской губерніи. Но общественная библіотека, очевидно, въ то время недостаточно еще окрѣпла: вся энергія ея членовъ и всѣ ея матеріальныя средства шли на умноженіе книжныхъ сокровищъ. Однако и при этихъ условіяхъ она все таки позаботилась о расширеніи сферы своего просвѣтительнаго вліянія, создавъ 3-й разрядъ своего абонемента, предназначенный для недостаточныхъ классовъ город-

ского населенія. Непосредственнымъ поводомъ къ открытію нынѣшняго филіальнаго отдѣленія, нужно признать заявленіе о его необходимости, исходившее отъ нѣкоторыхъ рабочихъ здѣшняго заводского района. Такимъ образомъ, отдѣленіе было вызвано къ жизни потребностью самого населенія—и въ этомъ залогъ его будущаго развитія. На первыхъ порахъ предполагали ограничиться выдачею книгъ изъ общественной библіотеки, съ устройствомъ въ помѣщеніи паровозостроительнаго завода какъ бы конторы для этой выдачи; въ такомъ смыслѣ велись мною переговоры съ г.г. Рицціони и Гельферихъ-Саде. Но это впослѣдствіи было признано неудобнымъ и рѣшено было ходатайствовать передъ правительствомъ о разрѣшеніи общественной библіотекѣ устраивать въ Харьковѣ ея филіальныя отдѣленія, ходатайство было уважено—и одновремено съ тѣмъ группа дѣятелей общества грамотности, принимавшая ближайшее участіе въ веденіи одной изъ читаленъ, предложила свои услуги для организаціи новаго учрежденія, и это обстоятельство оказало рѣшающее вліяніе. Въ дѣятельности просвѣтительныхъ учрежденій первенствующее значеніе имѣютъ—не матеріальныя средства, а люди. Если они воодушевлены идеей, обладаютъ энергіей, знаніемъ, опытностью, тогда смѣло можно начинать новое дѣло даже безъ средствъ, наглядымъ доказательствомъ чего служатъ комитеты общества грамотности. Другимъ важнымъ условіемъ для правильной дѣятельности учрежденія является извѣстная свобода и независимость его внутреннихъ распорядковъ, возможность проявленія въ немъ личной иниціативы и творчества, примѣненіе экономическаго принципа раздѣленія труда. Къ счастью, въ данномъ случаѣ оказались на лицо оба условія: тотъ кружокъ, который взялъ въ свои руки дѣло филіальнаго отдѣленія, до открытія его выказалъ выдающуюся энергію въ изысканіи для него матеріальныхъ средствъ и въ подготовительныхъ мѣрахъ къ его первоначальному устройству. Такимъ образомъ открытіе отдѣленія происходитъ, на нашъ взглядъ, при весьма благопріятныхъ условіяхъ: оно обладаетъ систематически подобраннымъ книжнымъ инвентаремъ, который можетъ удовлетворить даже довольно требовательнаго подписчика, оно обладаетъ и нѣкоторыми матеріальными средствами, оно богато энергіей своихъ членовъ и, наконецъ, оно имѣетъ такую внутреннюю самостоятельность, которая даетъ ему полную возможность развивать и расширять свою дѣятельность и въ то же время чувствовать и сознавать свою прочную нравственную связь съ учрежденіемъ, призвавшимъ его къ жизни—съ Харьковской общественной библіотекой.

Однимъ словомъ что требуется *отъ васъ*, для развитія дѣла, имѣется на лицо. Но мнѣ кажется, что существуютъ въ наличности и тѣ условія,

которыя лежатъ *внѣ васъ*: въ данномъ районѣ не было общественной читальни-библіотеки, а между тѣмъ въ немъ не мало можетъ найтись и болѣе серьезныхъ, и среднихъ читателей, и подростковъ, и дѣтей; съ одной стороны вы можете привлечь мѣстныхъ жителей-домовладѣльцевъ и ихъ квартирантовъ, заводскую администрацію, а съ другой—рабочее населеніе; и если это послѣднее даетъ лицъ, посѣщающихъ курсы, то оно же, конечно, выдвинетъ изъ своей среды и достаточный контингентъ подписчиковъ и посѣтителей вашей библіотеки и читальни. Подписная плата на книги столь незначительна, что не можетъ стѣснить никого, тѣмъ болѣе, что она идетъ на пріобрѣтеніе новыхъ книгъ и, наконецъ, потребность въ книгѣ все болѣе и болѣе будетъ разрастаться и никто изъ истинныхъ ревнителей блага своей родины не захочетъ ставить препятствія этому естественному росту организма.

Милостивые государи и милостивыя государыни! Нѣкогда древніе греки, основывая новыя колоніи, уносили туда священный огонь и нѣкоторые предметы, и свѣточъ ихъ культуры распространялъ тихій отблескъ на окружающія страны, окутанныя киммерійскимъ мракомъ. Вы взяли у насъ небольшое количество журналовъ и часть обстановки. Но мы думаемъ, что вы принесли сюда съ собою вмѣстѣ съ именемъ общественной библіотеки и ея духъ общественнаго служенія просвѣщенію, образованію народа; пусть же этотъ новый свѣтильникъ разгорается все ярче и ярче и свѣтъ его проникнетъ въ самые темные уголки.

XXX.

Рѣчь при открытіи Харьковскаго Народнаго Дома [1]).

Правленіе Харьковской общественной библіотеки и издательскій комитетъ Харьковскаго Общества грамотности возложили на меня обязанность привѣтствовать отъ ихъ имени вновь возникшее просвѣтительное учрежденіе—Народный домъ Харьковскаго Общества грамотности.

Съ чувствомъ искренней, сердечной радости исполняю свой долгъ. Народный домъ является новымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи просвѣтительной дѣятельности общества грамотности. Но почему же сегодня чувствуется несравненно больше торжественности и воодушевленія, чѣмъ это бывало при открытіи прежнихъ филіальныхъ отдѣленій Общества грамотности? Потому что для открытія „Народнаго дома", который пріютитъ цѣлый рядъ новыхъ учрежденій, пришлось исполнить огромную подготовительную работу. Само Общество грамотности, приступая безъ средствъ къ осуществленію этой грандіозной постройки, сомнѣвалось, колебалось, да и потомъ переживало моменты мучительныхъ тревогъ и затрудненій и потому особенной, глубочайшей признательности заслуживаютъ нынѣ тѣ, кто велъ дѣло съ твердою надеждою на успѣхъ, своею бодростью поддерживали колеблющихся. Мнѣ незачѣмъ называть ихъ имена—эти лица здѣсь передъ нами, но я не могу не отмѣтить здѣсь того обстоятельства, что среди нихъ была женщина энтузіастка, для которой постройка Народнаго дома сдѣлалась мечтою многихъ лѣтъ жизни, центромъ ея помысловъ, дѣломъ, на которое она затрачивала свою кипучую энергію.

Но нынѣшній день является праздникомъ не одного Общества грамотности, а праздникомъ всего Харькова, получающаго нынѣ дорогой и цѣнный даръ—новый памятникъ, новую достопримѣчательность. Однако будемъ справедливы и скажемъ, что Харьковъ по праву беретъ этотъ даръ, ибо онъ является результатомъ общественной дѣятельности *его гражданъ*, одушевленныхъ желаніемъ внести свою лепту

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1903 г., 3 февр.

въ святое дѣло просвѣщенія народа. Нашъ городъ имѣетъ на него нравственное право, потому что черезъ всю его 250-тилѣтнюю исторію проходитъ сильная просвѣтительная струя: образовательныя учрежденія, на ряду съ торговлей, явились основою его культурнаго роста. Уже въ XVII в. въ немъ появляются школы, созданныя самимъ народомъ и вполнѣ соотвѣтствовавшіе его тогдашнимъ духовнымъ потребностямъ. Во второй половинѣ XVIII в. здѣсь жилъ и училъ знаменитый малороссійскій и въ то же время первый русскій философъ Григорій Савичъ Сковорода, который подготовилъ почву для просвѣтительныхъ начинаній В. Н. Каразина; оказывается, что иниціаторами грандіозной подписки на учрежденіе въ Харьковѣ университета среди дворянства, городского сословія и крестьянъ были его друзья и ученики. Онъ же былъ учителемъ народа въ высокомъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, олицетворяя въ себѣ для своего времени и академію, и университетъ, и Общество грамотности. Самъ выйдя отъ народа и достигши вершинъ тогдашней учености въ самомъ первоисточникѣ ея—Западной Европѣ, по которой онъ путешествовалъ съ котомкою за плечами, Сковорода всю жизнь свою посвятилъ тому же народу, просвѣщая и воспитывая его въ высшихъ идеалахъ нравственности и добра. Тайна вліянія этого бездомнаго странника, псальмы котораго доселѣ распѣваются рапсодами-кобзарями нашего народа, заключается въ его близости къ послѣднему. Пусть же и въ нашемъ домѣ раздается близкое и доступное народу слово. Монументально воздвигнуто нынѣшнее зданіе. Отрадно сознаніе, что на многіе, долгіе годы обезпечиваетъ оно судьбу пріютившихся въ немъ учрежденій. Но мнѣ кажется, болѣе того—я глубоко увѣренъ въ томъ, что эти учежденія и создавшее ихъ Общество грамотности, конечно, въ своей основѣ, а не формахъ, еще прочнѣе этого зданія. И это потому, что оно служитъ такому вѣчному дѣлу, какъ образованіе народныхъ массъ. Будутъ идти годы, десятки, сотни лѣтъ, одно поколѣніе будетъ смѣнять другое, одно господствующее теченіе уступитъ мѣсто другимъ, измѣнятся учрежденія, а разрѣшеніе великой задачи просвѣщенія народа останется по прежнему нашимъ идеаломъ, путеводною звѣздою и нашихъ отдаленнѣйшихъ потомковъ. Весь міръ теперь созналъ силу и мощь народнаго просвѣщенія, и остаться въ сторонѣ отъ этого могучаго потока нашему отечеству, при нынѣшнихъ экономическихъ и культурныхъ связяхъ народовъ, невозможно. Это прекрасно сознали и наши единоплеменники славяне, широко пользующіеся, между прочимъ, какъ орудіями для распространенія образованія, Народными домами. Мы не можемъ, мы не должны отставать отъ нихъ! И вотъ крылатая мечта приводитъ меня въ Народный домъ черезъ

100 лѣтъ. Я вижу здѣсь цѣлый просвѣтительный городокъ—рядъ грандіозныхъ сооруженій, сравнительно съ которыми нынѣшнее зданіе покажется тѣснымъ и убогимъ, на мѣстѣ пустырей я замѣчаю постройки и скверъ; всюду благоустройство, дешевое и быстрое сообщеніе съ центромъ, прекрасныя мостовыя, и во время 100 лѣтняго юбилея Народнаго дома историкъ его повѣствуетъ о скромныхъ размѣрахъ этого дѣла въ моментъ его возникновенія, съ признательностью, однако, вспоминая о первыхъ его начинателяхъ.

Но дѣйствительно ли это только безпочвенное мечтаніе? И развѣ во времена Сковороды не представилось бы несбыточнымъ мечтаніемъ то, что мы видимъ теперь?

Въ Харьковѣ къ 1800 году было только 10,000 жителей обоего пола; теперь за 100 лѣтъ оно увеличилось въ 20 разъ. Если рость населенія въ слѣдующее столѣтіе будетъ вдвое меньше нынѣшняго, то и тогда въ началѣ XXI вѣка въ Харьковѣ окажется 2 мил. душъ. Слѣдовательно, для него понадобился бы Народный домъ въ 10 разъ большій нынѣшняго.

Пусть же растутъ и ширятся теперь зданія, пусть не оскудѣваютъ, а множатся безкорыстные труженики на этой доброй нивѣ, пусть это учрежденіе пользуется постоянною поддержкою, довѣріемъ и сочувствіемъ государства и общества.“

XXXII.

Новыя данныя по исторіи стараго университетскаго быта [1]).

I.

Въ послѣднее время вниманіе русскаго общества замѣтно обращено на университеты. Къ сожалѣнію, интересъ къ нимъ далеко не соотвѣтствуетъ знакомству съ университетскимъ бытомъ и строемъ въ его прошломъ и настоящемъ. Между тѣмъ безъ такого знанія невозможна ни оцѣнка, ни даже ясное пониманіе тѣхъ явленій, которыя выдвигаетъ жизнь, тѣхъ вопросовъ, которые обсуждаетъ текущая пресса. Русскіе университеты очень молоды сравнительно со своими западноевропейскими собратьями, но у нихъ, за сравнительно недолгій періодъ ихъ существованія, успѣли уже выработаться традиціи; и по отношенію къ нимъ необходимо примѣнять историческій методъ, который покажетъ ихъ постепенную эволюцію, уяснитъ происхожденіе ихъ современнаго строя и отмѣтитъ въ немъ архаическія черты. Но кромѣ историческихъ данныхъ для яснаго пониманія современныхъ вопросовъ въ жизни русскихъ университетовъ необходимо также пользоваться и сравнительнымъ методомъ, т. е. знакомиться съ бытомъ и порядками, а также исторіей западноевропейскихъ университетовъ, хотя бы уже по одному тому, что эти послѣдніе послужили основою и прототипомъ для нашихъ учрежденій. Да и теперь мы найдемъ подчасъ не мало аналогій между ними, хотя тѣ и другія живутъ особою, независимою жизнью, и самыя условія ихъ существованія на Западѣ и у насъ очень не сходны.

---

[1]) Настоящая статья (журн. „Жизнь“, 1899, сентябрь) вызвана была появленіемъ въ свѣтъ трехъ работъ, посвященныхъ русскимъ и иностраннымъ университетамъ: 1) „Воспоминаній о студенческой жизни воспитанниковъ Московскаго университета“, 2) сочиненія г. Богдановича „Университеты Англіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей“ (оба труда изданы Обществомъ распространенія полезныхъ книгъ) и 3) „Сборника статей по университетскому вопросу“ Кавелина (въ III-мъ томѣ его сочиненій).

Слабое знакомство общества съ прошлымъ университетскимъ бытомъ объясняется, между прочимъ, бѣдностью литературы по этому вопросу: число сочиненій по исторіи русскихъ университетовъ очень невелико, да и сочиненія эти не даютъ полной и всесторонней характеристики ихъ прошлаго: это болѣе или менѣе обширныя оффиціальныя юбилейныя записки, въ которыхъ совершенно не затронуты существенно важныя стороны предмета; притомъ всѣ эти труды не закончены, не доведены до нашихъ дней, слѣдовательно, по нимъ трудно себѣ составить полное и отчетливое представленіе объ эволюціи университетской жизни и происхожденіи современныхъ формъ. Литература и исторіи западноевропейскихъ университетовъ гораздо богаче нашей, но она совсѣмъ неизвѣстна широкой публикѣ, потому что ни одно изъ капитальныхъ иностранныхъ сочиненій этого рода не переведено на русскій языкъ.

Что касается источниковъ первой руки, то ихъ также издано не особенно много, особенно оффиціальныхъ. Правительственныя узаконенія относительно университетовъ собраны въ капитальныхъ изданіяхъ министерства народнаго просвѣщенія („Сборникѣ постановленій“ и „Сборникѣ распоряженій“), служащихъ прекраснымъ матеріаломъ для характеристики дѣятельности центральныхъ органовъ министерства. Въ недавнее время министерство народнаго просвѣщенія начало издавать чрезвычайно любопытные документы по исторіи просвѣщенія въ Виленскомъ учебномъ округѣ; но желательно было бы видѣть въ печати аналогичные матеріалы и по другимъ учебнымъ округамъ, ибо каждый изъ нихъ представлялъ своеобразныя особенности въ томъ или иномъ отношеніи. Въ 1902 году исполнится столѣтіе со дня учрежденія министерства народнаго просвѣщенія (а равно и другихъ министерствъ), и къ этому времени предположено выпустить въ свѣтъ историческую записку о столѣтіи министерства и сборникъ матеріаловъ для характеристики его просвѣтительной дѣятельности, въ этомъ смыслѣ было сдѣлано мною предложеніе министерству и представленъ одобренный имъ планъ предполагаемыхъ изданій. Затѣмъ, какъ извѣстно, въ виду предстоящихъ юбилеевъ составляются исторіи Харьковскаго и Казанскаго университетовъ, печатается „Біографическій словарь профессоровъ Петербургскаго университета“, будутъ изданы очерки и матеріалы по исторіи Московскаго и Юрьевскаго университетовъ. Такимъ образомъ, существующіе пробѣлы до нѣкоторой степени пополнятся. Но среди источниковъ для исторіи университетовъ есть одна группа, которая можетъ имѣть и самостоятельное значеніе въ качествѣ чрезвычайно интереснаго и полезнаго матеріала для ознакомленія со старымъ университетскимъ бытомъ: я разумѣю воспоминанія

бывшихъ студентовъ и профессоровъ университетовъ. Эти частные источники являются обыкновенно любимымъ чтеніемъ и для широкой публики. Въ научномъ обиходѣ ихъ имѣется уже довольно много. Но, къ сожалѣнію, по большей части они разбросаны въ журналахъ и даже газетахъ, и потому найти ихъ тамъ довольно трудно; отдѣльными же изданіями вышли только немногіе изъ нихъ. Намъ кажется, что въ настоящее время, когда издательская дѣятельность такъ оживилась, было бы весьма умѣстно и желательно увидѣть появленіе въ печати систематическихъ сборниковъ подобныхъ мемуаровъ изъ университетской жизни, пріуроченныхъ къ каждому изъ русскихъ университетовъ въ отдѣльности. Подобное пріурочиваніе мы признаемъ удобнымъ въ виду того, что при немъ скорѣе можно будетъ достичь полноты, послѣдовательности, ясности и опредѣленности впечатлѣній и сужденій; съ другой стороны, для всякаго особый интересъ представляетъ исторія его родного университета, его almae matris. Тутъ получатъ свою цѣну и такія воспоминанія, которыя для исторіи общеуниверситетскаго быта являлись бы слишкомъ мелкими и отрывочными. Для осуществленія предлагаемаго нами плана необходимо было бы прежде всего привести въ извѣстность *весь* печатный матеріалъ мемуаровъ; перевести на русскій языкъ то, что напечатано на иностранныхъ языкахъ, сообщить свѣдѣнія объ авторахъ и издать все это съ комментаріями. Въ результатѣ получились бы въ высшей степени любопытныя книги для чтенія. Но этого недостаточно: необходимо вызывать на свѣтъ и новые мемуары, и мы увѣрены, что таковые явились бы въ изобиліи, если бы напечатаны были систематическіе сборники старыхъ воспоминаній. Примѣръ вызываетъ подражаніе, одно воспоминаніе вызываетъ другое, ошибка— исправленіе и разъясненіе. Воспоминанія о временахъ студенчества— объ этомъ золотомъ вѣкѣ всякаго, учившагося въ университетѣ, объ этой лучшей порѣ юности, надеждъ, мечтаній, любви и идеаловъ— имѣютъ притягательную силу; каждый бывшій студентъ обладаетъ такими воспоминаніями, и появленію ихъ въ свѣтъ препятствуетъ только необходимость придавать имъ литературную форму и обработку, а также опасеніе, какъ бы не сказать того, что уже извѣстно въ печати. Но сборники отпечатанныхъ нѣкогда мемуаровъ изъ университетской жизни показали бы, во-1-хъ, что литературная обработка не составляетъ существенно необходимой принадлежности этого рода источниковъ, ибо на первомъ планѣ въ нихъ стоитъ безыскуственная простота, содержательность и правдивость разсказа, т. е. его сущность, а не форма, а, во-2-хъ, что каждый изъ насъ можетъ привести изъ запаса своей памяти не мало такихъ подробностей, которыя не отмѣчены были еще другими, и

вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ значеніе для обрисовки общей картины. Чтобы нагляднѣе представить свою мысль, приведемъ одинъ примѣръ. Для исторіи Харьковскаго университета мы имѣемъ не особенно много мемуаровъ; однако сборникъ ихъ составилъ бы приличный томъ и притомъ въ общемъ весьма интересный по своему содержанію. Въ составъ его вошли бы обстоятельныя записки одного изъ первыхъ профессоровъ, Роммеля, воспоминанія одного изъ первыхъ студентовъ, Розальонъ-Сошальскаго, воспоминанія сына проф. Успенскаго, воспоминанія студента 20-хъ и 30-хъ годовъ, замѣтки академика Коля, Топчіева, обширныя и любопытныя воспоминанія знаменитаго питомца университета Н. И. Костомарова, Де-Пуле, Пашкова, проф. Лапшина, Е. С. Гордѣенко. Къ этому нужно присоединить неизданные черновые наброски и матеріалы Хрущова, Копфа. Проф. А. Н. Стояновъ и Н. Ф. Сумцовъ напечатали свои воспоминанія о проф. Д. И. Каченовскомъ и попечителѣ Воскресенскомъ, и можно надѣяться, что добрый примѣръ ихъ найдетъ продолжателей. Все это въ совокупности составило бы цѣнный, содержательный и интересный сборникъ, который несомнѣнно нашелъ бы многихъ читателей. То же самое нужно сказать и обо всѣхъ другихъ университетахъ.

Московское Общество распространенія полезныхъ книгъ задумало выпустить цѣлую серію изданій, посвященныхъ характеристикѣ быта русскихъ и заграничныхъ университетовъ. Два первые выпуска только что отпечатаны и носятъ слѣдующія заглавія: „Воспоминанія о студенческой жизни воспитанниковъ Московскаго университета“ и „Университеты Англіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей“. Въ первой книгѣ помѣщены воспоминанія Ключевскаго, Обнинскаго, Свербеева, С. М. Соловьева, Кирпичникова, Гольцева, Буслаева, Деркачева и Митропольскаго; вторая состоитъ изъ характеристики англійскихъ университетовъ, составленной на основаніи личнаго знакомства и литературныхъ данныхъ г. Богдановичемъ, и воспоминаній о студенческихъ годахъ Ад. Смита, В. Питта, Байрона, Карлейля и Гладстона. Нельзя не привѣтствовать этихъ книжекъ, какъ первой попытки, даже независимо отъ благотворительной цѣли изданія (доходъ съ него поступитъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ)—обѣ онѣ прочтутся съ пользою и удовольствіемъ. Нельзя не пожелать скорѣйшаго продолженія и той, и другой серіи. Но въ интересахъ дѣла не можемъ не высказать нѣсколькихъ замѣчаній касательно плана изданія и его исполненія. Прежде всего нельзя не пожалѣть, что редакція не сообщила намъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о своемъ планѣ. Правда, при выпускѣ объ англійскихъ университетахъ находится предисловіе г. Богдановича, но оно слишкомъ кратко и не отвѣчаетъ на

вопросы, которые должны явиться у внимательнаго читателя. Въ особенности скудны указанія на источники—а это самый существенный вопросъ въ данномъ случаѣ. Для своего очерка англійскихъ университетовъ г. Богдановичъ могъ, конечно, пользоваться указанными имъ пособіями, но воспоминанія питомцевъ нужно было передавать ихъ собственными выраженіями, только сокращая, гдѣ понадобится, ихъ изложеніе. Между тѣмъ г. Богдановичъ такихъ автобіографическихъ данныхъ не даетъ, а сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о годахъ студенчества нѣкоторыхъ знаменитыхъ людей Англіи. Почему въ сборникѣ, посвященномъ англійскимъ университетамъ, выбраны только знаменитости, а въ книжкѣ, относящейся къ Московскому университету, помѣщены мемуары и рядовыхъ, такъ сказать, питомцевъ,—неизвѣстно. Но по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ это имѣло неблагопріятные результаты. Самою крупною знаменитостью изъ числа тѣхъ лицъ, о студенческихъ годахъ которыхъ сообщаются свѣдѣнія въ книгѣ, является безспорно поэтъ Байронъ, а между тѣмъ данныя объ его студенчествѣ отличаются крайней бѣдностью и скудностью. Самъ Байронъ, оказывается, занимался въ университетѣ исключительно почти спортомъ, а не науками и, подобно Бэкону, Локку, Гиббону, относился съ нескрываемымъ нерасположеніемъ къ своей alma mater, жестоко критиковалъ ее,—однако это не мѣшаетъ г. Богдановичу прибавить отъ себя, что и онъ, и названные выше ученые многимъ обязаны своей высшей школѣ, читатель же остается въ недоумѣніи и не знаетъ, кому вѣрить—Байрону или г. Богдановичу. Вообще въ этихъ очеркахъ на первомъ планѣ стоятъ не университеты съ ихъ бытомъ и вліяніемъ на своихъ питомцевъ, а самые эти питомцы, біографическія данныя объ ихъ юности вообще. Что касается характеристики англійскихъ университетовъ, составленной г. Богдановичемъ, то она довольно содержательна, въ особенности въ главахъ, посвященныхъ Оксфордскому и Кембриджскому и народнымъ университетамъ (university extension), но изложеніе страдаетъ существенными недостатками—отсутствіемъ систематичности, частыми повтореніями, неудачнымъ стилемъ и т. п.

Другое изданіе—воспоминанія питомцевъ Московскаго университета—не имѣетъ ни объяснительнаго введенія, ни такой статьи, которая давала бы характеристику университета или вообще сообщала бы о немъ какія-либо свѣдѣнія. Не указано точно, откуда взятъ текстъ воспоминаній, приведенъ ли онъ полностью, или въ сокращенномъ видѣ, не объяснено, почему сдѣланы эти пропуски, вызываются ли они достаточными мотивами или представляютъ результатъ простого „умолчанія“; это, напримѣръ, нужно сказать относительно записокъ С. М. Соловьева,

изъ которыхъ не взяты очень характерныя мѣста. Кромѣ того можно пожалѣть, что редакція не привела предварительно въ извѣстность всего печатнаго матеріала воспоминаній о Московскомъ университетѣ,—тогда можно было бы достичь большей полноты и систематичности изложенія. Московскій университетъ—древнѣйшій въ Россіи, и ему слѣдовало бы отвести больше вниманія. Читателю интересно было бы получить нѣкоторое представленіе объ устройствѣ и бытѣ его во всѣ главнѣйшія эпохи существованія—и во 2-ю половину XVIII в., и въ началѣ XIX (въ особенности въ приснопамятное Наполеоновское нашествіе), и въ блестящій періодъ профессоровъ 40-хъ годовъ, и, наконецъ, въ царствованіе Императора Александра II-го. Весь относящійся сюда матеріалъ слѣдовало бы непремѣнно распредѣлить въ хронологическомъ порядкѣ, для того, чтобы у читателя получилось болѣе опредѣленное заключеніе о различныхъ моментахъ въ жизни университета; наконецъ, нужно было бы сообщить самыя краткія біографическія свѣдѣнія объ авторахъ воспоминаній. Ничего этого нѣтъ въ разбираемой книгѣ, и отъ этого она сильно страдаетъ. Будемъ надѣяться, что въ послѣдующихъ выпускахъ недостатки этого во всякомъ случаѣ чрезвычайно полезнаго изданія будутъ устранены. Самыя воспоминанія, входящія въ составъ сборника, сильно разнятся другъ отъ друга и по своему содержанію, и по изложенію, вообще по своимъ достоинствамъ. Воспоминанія Соловьева и Буслаева извѣстны и широкой публикѣ, благодаря тому, что печатались въ общелитературныхъ журналахъ. Принадлежа выдающимся умственнымъ дѣятелямъ, онѣ носятъ на себѣ яркую печать наблюдательности, талантливости ихъ авторовъ. Блестящее изложеніе и мѣткую характеристику находимъ мы въ воспоминаніи проф. В. О. Ключевскаго и С. М. Соловьева. Печать вдумчивости носятъ на себѣ воспоминанія Обнинскаго; интересныя черты заключаютъ въ себѣ мемуары остальныхъ авторовъ. Записки Свербеева относятся къ десятымъ годамъ текущаго столѣтія, Соловьева, и Буслаева—къ тридцатымъ, Обнинскаго, Деркачева—къ концу пятидесятыхъ, Митропольскаго—къ концу пятидесятыхъ и началу шестидесятыхъ, Ключевскаго и Кирпичникова—къ началу шестидесятыхъ.

Что касается статей К. Д. Кавелина, то онѣ первоначально печатались въ началѣ 60-хъ годовъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ (въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“). „К. Д. Кавелинъ,—говоритъ редакторъ изданія проф. Д. А. Корсаковъ,—съ февраля 1862 по ноябрь 1864 года почти безвыѣздно прожилъ заграницей, будучи командированъ туда министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинымъ для изученія орга-

низаціи высшаго преподаванія и университетовъ во Франціи, Швейцаріи и Германіи. Эта командировка обусловливалась желаніемъ министра собрать матеріалъ по указанному вопросу въ виду предстоящаго измѣненія устава русскаго университета. Монографіи К. Д. Кавелина о нѣмецкихъ университетахъ и о высшемъ преподаваніи во Франціи составились изъ его донесеній А. В. Головнину. Къ сожалѣнію, воззрѣнія Кавелина на высшее преподаваніе и организацію университетовъ не получили практическаго примѣненія. Новый уставъ русскихъ университетовъ былъ утвержденъ 18 мая 1863 г., когда статьи Кавелина о нѣмецкихъ университетахъ не были еще вполнѣ закончены, а его мысли о свободѣ преподаванія и ученія въ нѣмецкихъ университетахъ не были приняты во вниманіе при составленіи новаго русскаго университетскаго устава. По университетскому вопросу Кавелину принадлежатъ 4 статьи: 1) „Свобода преподаванія и ученія въ Германіи“, 2) Устройство и управленіе нѣмецкихъ университетовъ“, 3) „Извлеченіе изъ письма отъ 4 октября 1868 года изъ Парижа“ и 4) „Замѣчанія на проектъ общаго устава императорскихъ россійскихъ университетовъ“. Наиболѣе интересною, по своей общей основѣ, представляется намъ первая статья; вторая заключаетъ богатѣйшій фактическій матеріалъ для характеристики организаціи и управленія нѣмецкихъ университетовъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, съ экскурсіями въ область историческаго прошлаго для объясненія тогдашняго, современнаго автору состоянія университетовъ; третья и четвертая статьи менѣе важны и интересны. Несмотря на то, что статьи Кавелина рисуютъ намъ положеніе европейскихъ университетовъ до 1863 года, онѣ и въ настоящее время представляютъ далеко не одинъ историческій интересъ, благодаря, во-1-хъ, присутствію въ нихъ общихъ руководящихъ началъ и принциповъ, а, во-2-хъ, и потому, что основныя явленія въ жизни нѣмецкихъ университетовъ—свобода преподаванія и студенческія корпораціи—сохранились и теперь. Свойство прогрессивныхъ идей заключается въ томъ, что онѣ отличаются особымъ долголѣтіемъ и представляются жизнеспособными не одному, а многимъ поколѣніямъ. Самъ Кавелинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ дѣятелей, которые по прекрасному выраженію А. Ф. Кони, „вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, бодрые и поучительные до конца. Они не переживаютъ себя..., ихъ чуждый личныхъ разсчетовъ внутренній взоръ съ тревожной надеждой всегда устремленъ въ будущее... Это былъ человѣкъ „сороковыхъ годовъ“ по

образу мыслей и идеаламъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, или—лучше сказать—потому, и одинъ изъ лучшихъ людей послѣдующихъ годовъ".

II.

Извлечемъ теперь нѣкоторыя типичныя черты для характеристики Московскаго университета изъ воспоминаній его бывшихъ питомцевъ. Но вмѣсто того, чтобы пересказывать вкратцѣ содержаніе каждаго мемуара, мы постараемся на основаніи всей совокупности ихъ рѣшить одинъ основной и чрезвычайно важный вопросъ: въ чемъ заключались положительныя и отрицательныя стороны стараго университетскаго быта, въ чемъ проявилось его благотворное вліяніе на питомцевъ, а посредствомъ ихъ и на общество, какъ относились къ тѣмъ или инымъ сторонамъ университетской жизни эти питомцы. Полагаемъ, что такая постановка вопроса представитъ общій интересъ. Жизнь всякаго общественнаго организма складывается изъ двухъ основныхъ факторовъ—его строя и дѣятелей. Строй университетской жизни, опредѣлявшійся уставами, конечно, оказывалъ существенное вліяніе на всю университетскую жизнь, въ томъ числѣ и на самихъ дѣятелей. Но онъ нашелъ себѣ слабое отраженіе въ запискахъ студентовъ: воспоминанія ихъ вовсе почти не касаются перемѣнъ, вызванныхъ послѣдовательно другъ друга смѣнявшими уставами—1804, 1835 и 1863 годовъ. Это объясняется тѣмъ, что въ воспоминаніяхъ отразились непосредственныя впечатлѣнія и наблюденія очевидцевъ, сразу вступавшихъ въ извѣстный готовый строй и не задавшихся цѣлью сравнивать его съ прежнею организаціей. Нѣкоторые изъ авторовъ были, правда, студентами въ тѣ переходные моменты, когда одинъ уставъ замѣнялся другимъ, но они не сообщили намъ, къ сожалѣнію, данныхъ, чтобы судить о перемѣнахъ, вызванныхъ новыми порядками, о впечатлѣніи, произведенномъ ими среди учащихъ и учащихся. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, потому что и простыя фактическія справки по этому поводу были бы очень цѣнны. Впрочемъ, въ воспоминаніяхъ бывшихъ Московскихъ студентовъ мы находимъ все-таки цѣнныя свѣдѣнія относительно старыхъ, измѣнившихся нынѣ учрежденій, иногда въ видѣ объективныхъ описаній, безъ всякой оцѣнки ихъ, а иногда и съ оцѣнкой. Такъ, напримѣръ, Ѳ. И. Буслаевъ подробно описываетъ казенное студенческое общежитіе на 150 человѣкъ. Описаніе его отличается, такъ сказать, безстрастнымъ характеромъ, но у читателя складывается невольно впечатлѣніе, что это учрежденіе было благодѣтельно въ матеріальномъ отношеніи для такихъ бѣдняковъ студентовъ, какимъ былъ, напримѣръ, Буслаевъ, явившійся въ Москву изъ Пензы всего съ 25 р. ассигнаціями въ карманѣ и могшій

умереть въ Москвѣ съ голоду. Казна доставляла такимъ студентамъ рѣшительно все необходимое—помѣщеніе, пищу, одежду, учебныя пособія и т. п. Все было, конечно, просто, но для непритязательныхъ юношей совершенно удовлетворительно. Хотя студенты подчасъ и выражали свои неудовольствія по поводу пищи, но это объяснялось злоупотребленіями экономa, на котораго можно было коллективно жаловаться субинспектору. Совсѣмъ иначе—отрицательно относится Буслаевъ къ суровой дисциплинѣ, господствовавшей въ общежитіи. Особенный ужасъ вызывало практиковавшееся тогда наказаніе солдатчиной. Самая угроза этого наказанія производила тягостное впечатлѣніе на всю массу студенчества. Буслаевъ разсказываетъ, что „на первый разъ, въ видѣ угрозы и для острастки другимъ, виновный только облекался, вмѣсто вицмундира, въ солдатскую сермягу и какъ бы выставлялся на позоръ; если же потомъ снова провинится, ему брили лобъ". „И вотъ,—продолжаетъ онъ далѣе,—„былъ одинъ медикъ уже послѣдняго курса, можно сказать, пожилой въ сравненіи съ нами, словесниками. Приходимъ мы обѣдать и только что разсѣлись по своимъ мѣстамъ—на пустомъ пространствѣ между столами появилась фигура въ солдатской шинели и медленными шагами, понуривъ голову, стала приближаться. Это былъ тотъ самый студентъ. Мы были взволнованы и потрясены неожиданнымъ впечатлѣй ніемъ жалости и горя, потому, что хорошо понимали весь ужасъ этого шутовского маскарада". Буслаевъ разсказываетъ также о трагическомъ случаѣ, который явился послѣдствіемъ той же излишне суровой дисциплины: одинъ казеннокоштный студентъ, будучи посаженъ въ солдатской шинели въ карцеръ, бросился съ окна внизъ и убился на смерть. Обнинскій также возмущается нѣкоторыми излишне и мелочно-суровыми требованіями по отношенію ко всѣмъ студентамъ, а не однимъ только казеннокоштнымъ; субинспектора производили строжайшій смотръ вновь вступавшимъ студентамъ и затѣмъ особенно неукоснительно наблюдали за ношеніемъ форменныхъ шляпъ; фуражки же были запрещены самымъ строжайшимъ образомъ. Для нѣкоторыхъ, по словамъ г. Обнинскаго, это послѣднее воспрещеніе оказывалось мѣрою по-истинѣ варварскою. „Я помню, напримѣръ,—говоритъ онъ,—студента математика, пок. К. Ю. Давыдова (бывшій директоръ Петербургской консерваторіи); онъ страдалъ тогда частыми головными болями, и врачи совѣтовали ему держать голову въ теплѣ и остерегаться простуды. Несчастный Давыдовъ обматывалъ себѣ больную голову платкомъ и уже поверхъ его покрывалъ ее установленнымъ „головнымъ уборомъ". Въ сильные морозы уборъ этотъ становился совсѣмъ нестерпимымъ: подымешь воротникъ, чтобы защитить затылокъ и щеки, онъ подпираетъ шляпу, та лѣзетъ кверху,

зябнетъ голова, и положеніе оказывается безвыходнымъ. Нѣкоторые „свободолюбцы“ заказывали у тогдашняго фабриканта Тиля шляпы не съ опущенными углами, какъ требовалось по установленному образцу, а прямыя; вслѣдствіе такого приспособленія можно было съ грѣхомъ попаламъ поднять, въ случаѣ надобности, воротникъ, да и заостренный уголъ шляпы съ кисточкою на концѣ, не свѣшиваясь надъ самымъ носомъ, не мѣшалъ смотрѣть впередъ. Однако, вскорѣ начальство запретило спасительный фасонъ, и человѣколюбивый изобрѣтатель Тиль уже не рѣшался изготовлять заказы. Забота о неускоснительномъ соблюденіи формы,—говоритъ Обнинскій,—доходила нерѣдко до фанатизма. Помню два совершенно эксцентричныхъ эпизода—одинъ со мною, другой съ однимъ изъ моихъ товарищей. Сдавши послѣдній экзаменъ съ 1-го курса на 2-й, мы тотчасъ же, „не теряя дорогого времени“, принялись за укладку—самое веселое дѣло: въ прошедшемъ миновавшая благополучно опасность, въ будущемъ цѣлыхъ три мѣсяца деревенскаго dolce far niente; въ числѣ предметовъ, предназначенныхъ оставаться въ Москвѣ, оказывалась, конечно, ненавистная треуголка. И вотъ, убравшись и уложившись, я въ *фуражкѣ* отправился сдѣлать на дорогу кое-какія покупки. Какъ нарочно у Александровскаго сада встрѣчается „субъ“. „Это что такое? Фамилія? Какого курса?“ Тщетно излагалъ я доводы своей защиты, и только „ради перваго случая“ избѣжалъ карцера, получивъ приказаніе немедленно взять *крытаго* извозчика и *окольными* улицами ѣхать домой. Съ моимъ товарищемъ дѣло вышло еще забавнѣе. Уложившись окончательно, онъ послалъ за лошадьми; явилась „перекладная“, въ которой онъ и помѣстился на чемоданѣ и въ фуражкѣ, разумѣется; уже за Москвой рѣкой, почти у заставы, встрѣчается „субъ“. „Стой! Это что такое?“ и т. д. „Помилуйте, вы видите, я ѣду въ дорогу; вотъ чемоданъ, перекладная, наконецъ“. „Это все вздоръ: вы, молодой человѣкъ, обязаны были по городу ѣхать въ шляпѣ, а фуражку могли имѣть при себѣ, но надѣть ее слѣдовало только за заставой“. Къ счастью, этотъ фронтовый фанатизмъ свирѣпствовалъ не долго, на второмъ курсѣ, съ новымъ царствованіемъ, съ новыми вѣяніями, мы получили и новую форму: фуражка была возстановлена въ своихъ естественныхъ правахъ... Одновременно съ исчезновеніемъ остроконечной треуголки, высокаго воротника и узенькихъ фалдочекъ (мундира) отошла въ область исторіи и шагистика, которой усердно обучали студентовъ всѣхъ четырехъ кусовъ... Шагистика эта не столько досаждала намъ своими упражненіями, какъ тѣмъ нравственнымъ гнетомъ, который невольно чувствовался каждымъ гражданиномъ-студентомъ, носителемъ шпаги и соотвѣтствующихъ сему праву идей, когда

этотъ гражданинъ, съ вытянутыми по швамъ руками, шагалъ, изображая гуся, подъ выбиваемый ладонями командира-бурбона тактъ; „разъ-два, правой-лѣвой, правой-лѣвой“. На ученье являлся иногда и попечитель, любитель и знатокъ дѣла. Какъ теперь помню его озабоченную физіономію съ щетинистыми усами и бровями, которыми онъ умѣлъ какъ-то страшно шевелить, его внушительно вздрагивающія на плечахъ жирныя эполеты и побрякивающія шпоры; съ сосредоточеннымъ вниманіемъ обходилъ онъ нашъ строй, выправлялъ груди, училъ „равненію“ и добродушно пояснялъ студентамъ, что если онъ и не вполнѣ компетентенъ для нихъ въ другихъ отношеніяхъ, за то фронтъ—его дѣло, его наука, и въ немъ онъ уже полный хозяинъ. Подобное „откровеніе“ не могло, конечно, не быть принято студентами къ надлежащему свѣдѣнію“.

Конечно, эти факты, взятые въ отдѣльности, ничего ужаснаго изъ себя не представляютъ. Но дѣло въ томъ, что ихъ порождала суровая, не справлявшаяся съ требованіями жизни система, девизомъ которой были—pereat mundus, fiat justitia, т. е. именно всѣ эти пустыя, стѣснительныя, въ сущности никому не нужныя мелочи; усерднымъ дѣятелямъ той эпохи казалось, что если сдѣлать послабленіе въ какой-либо мелочи, отъ этого чуть ли не разрушится вся машина; да они по-своему, пожалуй, были и правы, ибо основою гражданскихъ дѣйствій служило не столько сознаніе долга, сколько страхъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Обнинскій: „Входя въ университетъ, я засталъ въ немъ суровые, крутые порядки—отпечатокъ приснопамятной эпохи (Николая Павловича). Сдавленная высокимъ воротникомъ шея, провѣтриваемая голова и „руки по швамъ“ служили лишь внѣшними, наглядными символами того внутренняго духа, которымъ было пронизано до самыхъ стѣнъ, казалось, все, стоявшее надъ студентами или около нихъ. Говорили шопотомъ, ходили на цыпочкахъ; чувствовалось холодное вѣяніе силы, желѣзной, страшной, непреклонной“...

И, однако, вся эта система достигала (да и то не всегда) только чисто внѣшняго благочинія, а въ результатѣ ея являлся тотъ именно протестующій духъ молодежи, противъ котораго она вела непримиримую, систематическую борьбу. „Все это,—говоритъ Обнинскій,—рядомъ съ разсказанными уже мною распоряженіями и мѣропріятіями начальства, мало-по-малу создавало въ молодыхъ умахъ презрительное, саркастическое отношеніе къ оффиціальной власти, являвшейся предъ нами—слушателями Грановскаго, въ такихъ типическо-комичныхъ образчикахъ. Результатъ, такимъ образомъ, получался діаметрально противоположный тому, котораго думали добиться эти типическіе представители, а

университетъ, *тогдашній университетъ*, весь поглощенный лекціями, кружками и лишь изрѣдка выходившій въ жизнь для того только, чтобы повеселиться или напроказничать, не зналъ и знать не могъ иныхъ образцовъ; по нимъ судилъ онъ о господствовавшемъ режимѣ и, какъ это свойственно молодежи, дѣлалъ самыя смѣлыя, самыя огульныя обобщенія". Результатомъ общей реакціи противъ системы, вызвавшей севастопольскій погромъ, была „эпоха великихъ реформъ" императора Александра II-го. Обнинскій яркими чертами рисуетъ переходъ отъ прежняго режима къ этой новой свѣтлой страницѣ русской общественной жизни. „Такъ,—говоритъ онъ,—какъ описывалъ раньше, длилось годъ. Затѣмъ студенты почувствовали, какъ вмѣстѣ съ прежней, удручавшей молодые, члены, формой сваливалось съ ихъ плечъ нѣчто еще болѣе тяжкое. Радостная вѣсть грядущаго освобожденія крестьянъ уже носилась надъ университетомъ. Профессора, еще недавно славословившіе или хулу изрыгавшіе, перемѣняли фронтъ; съ каѳедръ велись иныя рѣчи... Все вокругъ зажило, заликовало, обновилось; наступалъ канунъ „Свѣтлаго праздника", и свободнѣе задышала молодая грудь". Любопытно, что одновременно съ этимъ потеряли свою привлекательность прежніе литографированные листки—они исчезли какъ-то сами собой.

Характерными чертами рисуетъ настроеніе студенчества въ моментъ воцаренія императора Александра II-го Деркачевъ. „Увлекаемые народными массами, мы,—говоритъ Деркачевъ,—устремлялись къ царской коляскѣ, чтобы поближе увидѣть доброе лицо Самодержца, отъ котораго вся волнующаяся сѣрая толпа народа ждала немалаго—освобожденія милліоновъ людей отъ крѣпостной зависимости. Крестьяне становились прямо на подножки царской коляски и жадно всматривались въ глаза грядущаго Царя-Освободителя. Однажды близъ Боровицкихъ воротъ царская коляска была окружана такою массою народа, что лошади остановились. Намъ тогда казалось, что Императоръ смотрѣлъ именно на насъ, на молодыхъ людей съ голубыми воротниками, и смотрѣлъ съ любовью, какъ на будущихъ своихъ помощниковъ въ томъ трудномъ дѣлѣ, которое онъ задумалъ совершить на благо всей Россіи". Государь посѣтилъ университетъ, и вотъ какими словами передаетъ Деркачевъ впечатлѣніе молодежи отъ этого посѣщенія: „Нѣтъ словъ для передачи тѣхъ чувствъ, которыя переживались многими въ актовой залѣ Московскаго университета, куда явился Императоръ, чтобы сказать нѣсколько привѣтливыхъ словъ къ русской молодежи. Столпившись вокругъ Императора, мы едва слѣдовали за нимъ по залѣ, едва слышали звуки его голоса; но мы за то сильнѣе чувствовали, что среди насъ находится та высокохристіанская сила, отъ которой только и можетъ выйти все благо

для подавленной народной массы... Я думалъ тогда, что студенты всѣхъ императорскихъ университетовъ должны бы были теперь заняться исключительно освобожденіемъ народныхъ массъ отъ умственнаго рабства, просвѣтить затемненный злобою умъ и смягчить наукою ожесточенное неправдою его сердце. Мнѣ казалось, что задача всей жизни для молодежи должна теперь состоять въ томъ, чтобы помочь своему Государю въ его трудной работѣ, *не отступая назадъ, каковы бы ни послѣдовали на Руси перемѣны*". И опытъ показалъ, что изъ университета дѣйствительно выходила въ это время молодежь, которая вынесла на своихъ плечахъ три огромныхъ, послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга, реформы—крестьянскую, земскую и судебную.

Суровая дисциплина, въ основу которой было положено принужденіе и страхъ, не допускала, конечно, существованія болѣе или менѣе свободныхъ студенческихъ корпорацій, столь распространенныхъ въ западно-европейскихъ университетахъ. Но тамъ, гдѣ многимъ сотнямъ молодыхъ людей приходится проводить совмѣстно 4 „лучшихъ" года своей жизни, всегда найдетъ себѣ извѣстныя формы выраженія принципъ товарищества и общественности; съ одной стороны, дѣленіе университета на факультеты и курсы, а съ другой, разнообразный составъ студенческой массы и въ сословномъ, и въ экономическомъ отношеніи, и по мѣсту рожденія и первоначальнаго воспитанія, естественно вызывали дѣленіе ихъ на разныя группы, кружки знакомыхъ, земляковъ. Да и могло ли быть иначе, если подобное явленіе имѣло мѣсто не только въ школахъ, но и въ жизни самого общества? Можно даже сказать, что оно проникло въ университеты изъ жизни. По крайней мѣрѣ въ первыя три десятилѣтія XIX-го вѣка студенты университетовъ рѣзко распадались на сословныя группы, созданыя жизнью. Свербеевъ, воспоминаніе котораго относятся къ 1813—1816 годамъ, дѣлитъ все студенчество своего времени на 4 группы 1) студентовъ-патриціевъ (patres conscripti), т. е. избранныхъ, наиболѣе способныхъ и занимающихся; 2) казенно-коштную бѣдноту, которая, по его словамъ, тѣсными кучами ютилась въ нижнемъ этажѣ университетскаго дома и жила грязно, бѣдно и голодно; 3) аристократовъ—вольно-слушателей, стремившихся только къ тому, чтобы выдержать „комитетскій экзаменъ" на право производства въ чинъ VIII-го класса, и 4) болѣе или менѣе зажиточныхъ иностранцевъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ небольшой группы патриціевъ—аристократовъ ума, вся остальная масса дѣлились на три класса по сословіямъ и имущественному положенію ихъ родителей. Каждая изъ этихъ группъ держалась особнякомъ, и Свербеевъ считаетъ долгомъ подчеркнуть ту свою особенность, что онъ не чуждался ни одной

изъ нихъ. Такое господство духа сословности подтверждается и данными изъ исторіи всѣхъ другихъ университетовъ. Въ Харьковскомъ университетѣ сословный духъ царилъ, напримѣръ, всецѣло въ тридцатыхъ годахъ, во время студенчества Н. И. Костомарова. То же отмѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ въ Московскомъ университетѣ. Новые литературные студенческіе кружки уничтожили этотъ сословный духъ и поставили на мѣсто его интересы высшаго порядка. Обстоятельную характеристику ихъ мы находимъ въ запискахъ Обнинскаго, относящихся ко 2-й половинѣ 50-хъ годовъ. „Молодые пытливые умы,—говоритъ онъ,—продолжали работу, и если каѳедра не отвѣчала невольно возникавшимъ при этомъ запросамъ, то приходилось искать отвѣтовъ на сторонѣ“, т. е. въ частныхъ кружкахъ. „Руководящею цѣлью этихъ кружковъ было *исключительно* умственное развитіе, уясненіе вопросовъ финансоваго, юридическаго и соціальнаго порядка, выработка взглядовъ и направленій. О какихъ-либо практическихъ реформаторскихъ поползновеніяхъ студенты того времени и не помышляли; университетъ стоялъ въ своихъ естественныхъ границахъ, жилъ своею собственною жизнью и на улицу не выходилъ“. Обнинскій доказываетъ, что эти кружки имѣли благотворное вліяніе на молодежь. „Нельзя не засвидѣтельствовать,—говоритъ онъ,—что эти кружковыя чтенія и дебаты, длившіеся зачастую до развѣта, за самоваромъ и въ клубахъ табачнаго дыма, много способствовали усвоенію сути университетскихъ лекцій; они превосходно дрессировали неопытную мысль, то и дѣло заставляя ее схватываться съ самыми противоположными доводами и комбинировать самыя непримиримыя противорѣчія... Съ другой стороны, только благодаря этимъ нашимъ собраніямъ, возможно было пополнить широкіе пробѣлы тогдашняго гимназическаго курса. Они замѣняли для насъ карты, билліарды, трактиръ; о попойкахъ и кутежахъ, помимо всякихъ принципіальныхъ соображеній, просто некогда было и подумать. Для развлеченія мы довольствовались студенческими пѣснями хоромъ или подъ аккомпаниментъ фортепіано. На благодатной почвѣ такого, можно сказать, взаимнаго обученія завязывалась дружба, неразрывная и до сихъ поръ, созидался духъ товарищества, выравнивались характеры, подготовлялась общность альтруистическихъ интересовъ... Великимъ подспорьемъ оказывался кружокъ и въ наступавшемъ каждую весну томительномъ дѣлѣ приготовленія къ экзаменамъ: въ кружкѣ всегда имѣлся полный курсъ лекцій, записываніе и составленіе которыхъ распредѣлялось между членами въ годовомъ обиходѣ. Не будь спасительнаго кружка, успѣшная подготовка явилась бы невозможной... Студенческіе кружки наши, кромѣ всего этого, путемъ общаго ознакомленія съ философскими и общечело-

вѣческими принципами совершенно упразднили для всѣхъ насъ значеніе сословнаго начала и навсегда сокрушали сословные предразсудки. Ни принадлежность къ тому или иному сословію, ни имущественное положеніе никогда не обусловливали собою того или иного состава кружка. Совершенно не такъ складывался студенческій бытъ ранѣе, въ тридцатыхъ годахъ; совершенно не такимъ является и современный университетъ, обмірщавшійся, такъ сказать, чуть ли не до полной безличности... Теперь мы не знаемъ *студенчества*, а знаемъ только *студентовъ*-обывателей, отличающихся отъ всѣхъ прочихъ своимъ мундиромъ да хожденіемъ по утрамъ на лекціи. Въ мое время было совсѣмъ не то: каждый изъ насъ глубоко и ясно сознавалъ ту грань, которая выдѣляла университетскій міръ изъ окружающей его среды; каждый изъ насъ твердо вѣрилъ, что этотъ замкнувшійся и *самодовлѣющій* міръ *выше* и *чище* этой окружающей его среды, и сознательно готовился стать достойнымъ славнаго призванія поднять эту среду до себя или, по крайней мѣрѣ, сберечь отъ нея то, что вынесется изъ университета". И почвою для всего этого служило именно сознаніе общественной солидарности съ корпоративными традиціями и устоями". Другой авторъ воспоминаній изъ той же эпохи—Деркачевъ—наглядно и картинно рисуетъ намъ земляческіе кружки того времени, которые имѣли огромное значеніе, оказывая нравственную и матеріальную поддержку своимъ членамъ, которые безъ этого могли бы совершенно затеряться и даже погибнуть въ чужомъ, большомъ городѣ безъ средствъ, безъ родныхъ и знакомыхъ. Онъ же сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о „Рыбниковскомъ кружкѣ", сходившемся у извѣстнаго впослѣдствіи собирателя пѣсенъ Рыбникова; тамъ бывали такіе литературныя знаменитости, какъ Аксаковъ, Хомяковъ и другія. „Уходили мы оттуда,—говоритъ онъ,—съ отуманенными головами отъ философскихъ словоизверженій, но съ чистыми сердцами и съ вѣрой, что мы стоимъ теперь въ рядахъ передовой русской молодежи, готовой израсходовать беззавѣтнымъ образомъ свои молодыя силы на пользу родины». Авторъ приводитъ стихотвореніе „Юность", которое прекрасно выражало настроеніе тогдашней молодежи:

„Въ тебѣ, о юность, все мнѣ свято!
Но не за то ты мнѣ мила,
Что ты весельемъ такъ богата,
Что ты въ надеждѣ такъ смѣла!
За свойства лучшія, иныя
Тебя я, молодость, люблю:
За чувства рыцарства прямыя

И за довѣрчивость твою!
За то, что опытомъ холоднымъ
Не связанъ добрый твой порывъ,
Что не молчитъ въ тебѣ призывъ
Къ дѣламъ и цѣлямъ благороднымъ".

Отъ учрежденій обратимся теперь къ личностямъ и сдѣлаемъ нѣсколько общихъ заключеній о томъ, какого рода дѣятели оставили глубокій слѣдъ въ умахъ и сердцахъ нѣсколькихъ поколѣній московскихъ студентовъ. Нигдѣ, въ иной сферѣ, талантъ, знанія и нравственные устои не приносятъ такихъ богатыхъ результатовъ, какъ въ университетѣ: тутъ они по-истинѣ даютъ плодъ свой сторицею; сѣмена, посѣянныя на доброй нивѣ, разносятся потомъ повсюду, и сфера добраго вліянія любимаго и талантливаго профессора далеко выходитъ за тѣсныя стѣны его аудиторіи; проходятъ годы, иногда десятки лѣтъ, умираетъ добрый сѣятель, а глубоко запавшія въ душу его наставленія живутъ и являются твердынею, о которую разбивается всякая „житейская скверна". Эти соображенія невольно приходятъ въ голову, когда читаешь собранныя въ разбираемой книгѣ воспоминанія о Грановскомъ и Кудрявцевѣ. Вотъ какъ описываетъ свое впечатлѣніе отъ 1 лекціи Грановскаго Обнинскій: „Еще въ гимназіи,—говоритъ онъ,—мы привыкли благоговѣть передъ этимъ именемъ, читали и восхищались его диссертаціей „Аббатъ Сугерій", предвкушая минуту, когда услышимъ его живое слово. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ аудиторія ждала появленія профессора. Уже сама по себѣ она производила импозантное впечатлѣніе: громадная зала была биткомъ набита студентами, задолго до начала поспѣшившими занять ближайшія мѣста: на каѳедрѣ по обѣимъ боковымъ колонкамъ стояли два студента въ выжидающихъ позахъ съ тетрадками и готовымъ карандашемъ въ рукахъ; всѣ ступеньки, окружавшія каѳедру, были заняты; толпа виднѣлась и сзади каѳедры, и въ промежуткахъ между скамьями, и на подоконникахъ широкихъ рамъ. Въ залѣ стоялъ оглушительный гулъ молодыхъ голосовъ, мелькали оживленныя лица, чинились перья и карандаши; видно было, что вся эта шумная толпа готовилась къ чему-то необычному, праздничному, интересному. Но вотъ все стихло и угомонилось; въ мертвой тишинѣ откуда-то издали послышались тяжелые шаги, и вслѣдъ за тѣмъ Тимофей Николаевичъ своею грузной походкой взошелъ на каѳедру. Первое впечатлѣніе не оправдало ожиданій. Началъ онъ лекцію тихо, шепелявымъ голосомъ, присюсюкивая; вся фигура выражала собою не то апатію, не то усталость. Но это впечатлѣніе исчезло очень скоро, съ первыхъ же фразъ, отрывочныхъ, нерѣдко

безсвязныхъ (Т. Н. читалъ безъ конспекта), произносимыхъ съ долгими интервалами и тяжелыми вздохами передъ аудиторіей, какъ бы застывшей въ глубочайшемъ вниманіи; стали понемногу развертываться одна за другою картины средневѣковой жизни, исполненныя смысла и красоты; цѣлыя фаланги дѣятелей повѣствуемой эпохи живыми вставали передъ ней; чѣмъ дольше говорилъ знаменитый профессоръ, тѣмъ дальше отодвигалась окружающая дѣйствительность; онъ уводилъ свою аудиторію въ сѣдую глубь вѣковъ, воскрешалъ передъ нею давно минувшіе идеалы, оживлялъ въ чарующихъ образахъ давно сошедшіе со сцены типы, а надъ всѣмъ этимъ, *какъ-то незамѣтно, сами собою*, вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта правды и добра. Рядомъ съ мастерски очерченными историческими фактами слушатели воспринимали и тѣ руководящіе принципы, тѣ гражданскія чувства, которыя, будучи вложены въ молодую душу, вели и охраняли ее потомъ на предстоявшемъ жизненномъ пути до старости и даже у этой старости отымали присущіе ей недуги индифферентизма, своекорыстія, черствости и ретроградства". Итакъ, сила могучаго обаянія Грановскаго заключалась въ его живомъ, продуманномъ и прочувствованномъ словѣ, въ которомъ гармонически слились наука и общественно-нравственные идеалы. Обнинскій рисуетъ намъ Грановскаго въ послѣдній годъ его жизни. Любопытно сопоставить съ этимъ отзывъ знаменитаго С. М. Соловьева, бывшаго слушателемъ Грановскаго сейчасъ же по возвращеніи его изъ за-границы. „Грановскій,—говоритъ Соловьевъ,—имѣлъ малороссійскую, южную физіономію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однѣхъ женщинъ, но и на мужчинъ, онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные черные волосы, черные, огненные, глубоко смотрящіе глаза. Говорилъ онъ тихо. требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова. Но внѣшніе недостатки исчезали передъ внутренними достоинствами рѣчи, передъ внутренней силой и теплотой, которыя давали жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывали вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченымъ лицамъ и событіямъ... Изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиною, которая дышетъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры ярко расцвѣчены, живутъ, дѣйствуютъ передъ вами... Въ Грановскомъ была неотразимая притягательная сила, которая собрала около него многочисленную семью молодыхъ и не молодыхъ людей, но что всего важнѣе—людей *порядочныхъ*, ибо съ увѣренностью можно сказать, что тотъ кто былъ врагомъ Грановскому, любилъ отзываться о немъ дурно, былъ человѣкъ дурной". Эта послѣдняя, заключительная фраза, особенно характерна: она ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какую огром-

ную нравственную силу представлялъ изъ себя Грановскій. Онъ стоялъ выше всѣхъ; это была самая крупная звѣзда на Московскомъ университетскомъ небосклонѣ. Но славу университета поддерживали и другіе выдающіеся преподаватели. „По смерти Грановскаго,—говоритъ Обнинскій,—осиротѣвшія студенческія симпатіи всецѣло были перенесены на Кудрявцева, и безъ того пользовавшагося уже громаднымъ обаяніемъ въ нашей средѣ. Онъ читалъ намъ ту же исторію, только древнѣйшій періодъ ея. Все уже сказанное о Т. Н. можно повторить и по отношенію къ его глубоко симпатичному преемнику: та же художественная обработка слова, тотъ же благородный полетъ, широта и жизненность мысли. Разница заключалась лишь въ томъ, что если у Грановскаго выпуклѣе выдѣлялся для слушателя гражданскій элементъ, то въ изложеніи Кудрявцева преобладалъ эстетическій; особенно мастерскими выходили у него пластическія описанія памятниковъ древняго міра". Каждая эпоха въ жизни университета выдвигала такихъ и имъ подобныхъ профессоровъ, духовныхъ наставниковъ и руководителей многихъ поколѣній студенчества. Въ десятыхъ годахъ, какъ видно изъ воспоминаній Свербеева, въ Московскомъ университетѣ преобладали плохіе профессора, но изъ числа ихъ все-таки выдѣлялись талантливый Мерзляковъ и честнѣйшій автодидахтъ Сандуковъ. Въ тридцатыхъ годахъ С. М. Соловьевъ высоко ставитъ, чуть ли не рядомъ съ Грановскимъ, Крюкова, который обладалъ изъ ряда вонъ выдающимся ораторскимъ талантомъ. „Крюковъ,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—можно сказать, бросился на насъ, гимназистовъ, съ огромною массою новыхъ идей, съ совершенно новою для насъ наукою (онъ читалъ древнюю исторію), излагалъ ее блестящимъ образомъ и, разумѣется, ошеломилъ насъ, взбудоражилъ наши головы, вспахалъ, взборонилъ ихъ, такъ сказать, и потомъ посѣялъ хорошими сѣменами, за что и вѣчная ему благодарность". Превосходя Грановскаго внѣшними, ораторскими дарованіями, онъ далеко уступалъ ему по силѣ нравственнаго вліянія; въ его рѣчи не было той душевной теплоты, которая характеризуетъ Грановскаго,—это было холодное художественное изваяніе; будучи благороднѣйшимъ человѣкомъ, онъ внушалъ къ себѣ только большое уваженіе, но не сердечную привязанность. Въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ свѣтиломъ Московскаго университета были Буслаевъ и Соловьевъ. „Когда Ѳ. И. Буслаевъ,—говоритъ В. О. Ключевскій,—вступалъ торопливымъ шагомъ на каѳедру и, развернувъ сложенные, какъ складываютъ прошенія, листы, исписанные крупными и кривыми строками, начиналъ читать своимъ громкимъ, какъ бы нападающимъ голосомъ о скандинавской Эддѣ или какой-нибудь русской легендѣ, сопровождая чтеніе уда-

рами о каѳедру правой руки и зажатымъ въ ней карандашемъ, битКомъ набитая большая *Словесная*, часъ назадъ только что вскочившая съ холодныхъ постелей гдѣ-нибудь на Козихѣ или Бронной (Буслаевъ читалъ рано по утрамъ первокурсникамъ трехъ факультетовъ)·—эта аудиторія едва замѣчала, какъ пролетали 40 урочныхъ минутъ". „Не безполезно знать,—прибавляетъ далѣе Ключевскій,—какими средствами достигаются такіе преподавательскіе результаты и какими пріемами, какимъ процессомъ складывается ученическое впечатлѣніе",—и онъ блестяще разрѣшаетъ этотъ вопросъ анализомъ профессорскихъ чтеній С. М. Соловьева. „Съ закрытыми глазами, немного раскачиваясь на каѳедрѣ взадъ и впередъ, не спѣша, низкимъ регистромъ своего немного жирнаго баритона начиналъ онъ говорить свою лекцію и въ продолженіе 40 минутъ рѣдко поднималъ тонъ. Онъ именно говорилъ, а не читалъ, и говорилъ отрывисто, точно рѣзалъ свою мысль тонкими, удобопріемлемыми ломтиками, и его было легко записывать. При отрывистомъ произношеніи рѣчь Соловьева не была отрывиста по своему складу, текла ровно и плавно, пространными періодами, съ придаточными предложеніями, обильными эпитетами и пояснительными синонимами. Въ ней не было фразъ: казалось, лекторъ говорилъ первыми словами, ему попадавшимися. Но нельзя сказать, чтобы онъ говорилъ просто: въ его импровизаціи постоянно слышалась ораторская струнка, тонъ рѣчи всегда былъ нѣсколько приподнятъ. Эта рѣчь не имѣла металлическаго, стального блеска, отличавшаго, напримѣръ, изложеніе Гизо, котораго Соловьевъ глубоко почиталъ, какъ профессора. Чтеніе Соловьева не трогало и не плѣняло, не било ни на чувство, ни на воображеніе; но оно заставляло размышлять. Съ каѳедры слышался не профессоръ, читающій въ аудиторіи, а ученый, размышляющій вслухъ въ своемъ кабинетѣ... Легкое дѣло—тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить—тяжелое дѣло, у кого не дѣлается это само собой, какъ бы физіологически. Слово—что походка: иной ступаетъ всей ступней, а шаги его едва слышны: другой крадется на цыпочкахъ, а подъ нимъ полъ дрожитъ. У Соловьева легкость рѣчи происходила отъ ясности мысли, умѣвшей находить себѣ подходящее выраженіе въ словѣ. Гармонія мысли и слова—это очень важный и даже нерѣдко роковой вопросъ для нашего брата, преподавателя... Иногда блѣдненькую и худенькую мысль мы облечемъ въ такую пышную форму, что она путается и теряется въ ненужныхъ складкахъ собственной оболочки, и до нея трудно добраться, а иногда здоровую, свѣжую мысль выразимъ такъ, что она вянетъ и блекнетъ въ нашемъ выраженіи, какъ цвѣтокъ, попавшій подъ тяжелую жесткую подошву... У Соловьева слово было

всегда по росту мысли, потому что въ выраженіи своихъ мыслей онъ слѣдовалъ поговоркѣ: сорокъ разъ примѣрь и одинъ отрѣжь. Голосъ, тонъ и складъ рѣчи, манера чтенія—вся совокупность преподавательскихъ средствъ и пріемовъ давала понять, что все, что говорилось, было тщательно и давно продумано, взвѣшено и измѣрено, отвѣяно отъ всего лишняго, что обыкновенно пристаетъ къ зрѣющей мысли, и получило свою настоящую форму, окончательную отдѣлку. Вотъ почему его мысль чистымъ и полновѣснымъ зерномъ падала въ умы слушателей... Слушая Соловьева, мы смутно чувствовали, что съ нами бесѣдуетъ человѣкъ, много и очень много знающій и подумавшій обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ знать и подумать человѣку, и всѣ свои передуманныя знанія сложившій въ стройный порядокъ, въ цѣльное міросозерцаніе; чувствовали, что до насъ доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена надъ самимъ собою этимъ человѣкомъ, и которую должно рано или поздно исполнить надъ собою каждому изъ насъ, если онъ хочетъ стать настоящимъ человѣкомъ. Этимъ особенно и усиливалось впечатлѣніе лекцій Соловьева: его слова представлялись намъ яркими строками на освѣщенномъ изнутри фонарѣ. Оно и понятно: студенту старшихъ семестровъ уже виднѣется жизненный путь, на который ему придется вступить по окончаніи учебныхъ годовъ, и онъ уже безъ студенческой беззаботности и самоувѣренности начинаетъ раздумывать, какъ-то вступитъ на этотъ скользкій путь и какой походкой пойдетъ по нему. Въ этомъ раздумьѣ онъ уже съ дѣловымъ, не праднымъ любопытствомъ, а съ молчаливымъ уваженіемъ прислушивается къ тѣмъ изъ старшихъ, которые идутъ по этому пути твердыми, прямыми шагами, съ твердымъ и яснымъ взглядомъ на людей и на вещи... Соловьевъ давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройною нитью проведенный сквозь цѣпь обобщенныхъ фактовъ взлядъ на ходъ русской исторіи, а извѣстно, какое наслажденіе для молодого ума, начинающаго научное изученіе, чувствовать себя въ обладаніи цѣльнымъ взглядомъ на научный предметъ. Въ курсѣ Соловьева эта концепція и это впечатлѣніе были тѣсно связаны съ однимъ пріемомъ, которымъ легко злоупотребить, но который въ умѣломъ преподаваніи оказываетъ могущественное образовательное вліяніе на слушателя. Обобщая факты, Соловьевъ вводилъ въ ихъ изложеніе осторожной мозаикой общія историческія идеи, ихъ объяснявшія. Онъ не давалъ слушателю ни одного крупнаго факта, не озаривъ его свѣтомъ этихъ идей. Слушатель чувствовалъ ежеминутно, что потокъ изображаемой передъ нимъ жизни катится по руслу исторической логики; ни одно явленіе не смущало

его мысли своею неожиданностью или случайностью... Благодаря этому, курсъ Соловьева, излагая факты мѣстной исторіи, оказывалъ на насъ сильное методическое вліяніе, будилъ и складывалъ историческое размышленіе. Эти общія идеи, которыми перевивались факты русской исторіи, могутъ показаться элементарными; но ихъ необходимо продумать на университетской скамьѣ, и только тогда онѣ становятся такими элементарными... Настойчиво говорилъ и повторялъ онъ, гдѣ нужно, о связи явленій, о послѣдовательности историческаго развитія, объ общихъ его законахъ, о томъ, что называлъ онъ необычнымъ словомъ — *историчностью*. Съ другой стороны—да не покажется намъ это страннымъ—Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ... Эта моралистика была у Соловьева та же прагматика, только обращенная къ сознанію своею нравственной стороной, та же научная связь причинъ и слѣдствій, только приложенная къ явленіямъ добра и зла, къ категоріямъ преступленія и возмездія. Соловьевъ былъ историкъ-моралистъ въ томъ простомъ смыслѣ, что не исключалъ изъ среды своихъ наблюденій мотивовъ и явленій нравственной жизни. Кто изъ слушателей Соловьева не запомнилъ на всю жизнь этихъ нравственныхъ комментарій, что общество можетъ существовать только при условіи жертвы, когда члены его сознаютъ обязанность жертвовать частнымъ интересомъ интересу общему, „что европейское качество всегда торжествовало надъ азіатскимъ количествомъ“ и что это качество состоитъ въ перевѣсѣ силъ нравственныхъ надъ матеріальными, „что величіе древней Руси заключалось въ сознаніи своихъ несовершенствъ, въ сбереженной ею способности не мириться со зломъ, въ искреннемъ и горячемъ исканіи выхода въ положеніе лучшее посредствомъ просвѣщенія“. С. М. Соловьевъ представлялъ изъ себя несравненно болѣе крупную и научную силу, чѣмъ Грановскій; послѣдній не былъ самостоятельнымъ изслѣдователемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но онъ превосходилъ Соловьева во вліяніи на аудиторію. Тѣмъ не менѣе и Соловьевъ, несмотря на предпринятый имъ колоссальный самостоятельный трудъ, приковавшій его къ архивамъ и библіотекамъ, не замкнулся въ немъ исключительно, а былъ живымъ воспитателемъ юношества и на каѳедрѣ. Впрочемъ, одно уже искреннее увлеченіе своимъ предметомъ профессора пробуждаетъ въ молодежи *чувство* благоговѣнія къ наукѣ и ея дѣятелямъ, слѣдовательно, дѣйствуетъ на нее нравственно-воспитательнымъ образомъ, и университетъ, преслѣдующій по существу только научно-образовательныя цѣли, имѣетъ въ то же время, благодаря облагораживающимъ свойствомъ науки, и нравственно-общественное вліяніе. Исторія русскихъ университетовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что, когда въ обязанность имъ вмѣнили спеціально насаждать

нравственность, уровень образованія замѣтно понизился, а вмѣсто нравственности усилилось лицемѣріе. Время процвѣтанія и упадка университетовъ, главнымъ образомъ, характеризуется научно-образовательнымъ уровнемъ его профессорской коллегіи, степенью преданности ея чистымъ цѣлямъ науки и образованія и большимъ или меньшимъ количествомъ такихъ талантливыхъ дѣятелей, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Буслаевъ, Соловьевъ и др. Молва о нихъ проникаетъ въ отдаленные провинціальные уголки и привлекаетъ въ тотъ университетъ, который они украшаютъ, толпы жаждущей ихъ послушать молодежи. Вотъ гдѣ главная причина постояннаго переполненія Московскаго университета. Этотъ фактъ отмѣченъ и однимъ изъ авторовъ воспоминаній—Деркачевымъ. „Братья К—чи,—говоритъ онъ,—переѣхали изъ Харькова въ Москву по той же причинѣ, по которой перекочевали потомъ изъ Одессы и Кіева въ Москву же еще нѣсколько студентовъ крымчанъ. Слава о старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ далеко разносилась по Россіи—и молодыхъ людей тянуло къ центру Россіи. Имена Грановскаго, Кудрявцева, Кавелина, Рѣдкина, Соловьева были извѣстны ученикамъ Симферопольской гимназіи уже въ пятидесятыхъ годахъ (посредствомъ студентовъ Московскаго университета, пріѣзжавшихъ во время каникулъ на родину, и учителей гимназіи, окончившихъ тотъ же университетъ)“.

Очень любопытный вопросъ затрагиваетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Обнинскій: какихъ дѣятелей выпускалъ университетъ раньше и какихъ выпускаетъ нынѣ. Полагая, что для рѣшенія его необходимо было бы имѣть гораздо больше данныхъ, мы только отмѣтимъ конечный выводъ автора. Онъ старый университетъ конца 50-хъ годовъ ставитъ въ этомъ отношеніи несравненно выше нынѣшняго. „Какъ между профессорами и студентами,—говоритъ онъ,—такъ и между самими студентами существовала живая связь, крѣпкая преподаваемой наукой и тѣми идеалами, о которыхъ учила она, связь, которую и теперь, черезъ 30 лѣтъ, отрадно вспоминать, хотя и невыразимо грустно говорить о ней, какъ о безвозвратно пока утраченной“. Авторъ твердо стоитъ за изолированность университетовъ отъ жизни, въ томъ смыслѣ, что въ нихъ не должно быть никакой политики, а только наука, ибо наука идетъ всегда впереди жизни, и задача ея состоитъ не въ приспособленіи къ жизни, а въ ея совершенствованіи. Усвоивать начала науки юноша можетъ только въ уединеніи отъ жизни, въ корпоративномъ сообществѣ, облегчающемъ и развивающимъ его, чтобы потомъ вводить эти начала въ жизнь и бороться противъ карьеризма и приспособленности къ обстоятельствамъ. „Университетскій человѣкъ въ мировомъ посредникѣ 1-го призыва или въ піонерѣ судебнаго преобразованія—

совершенно не тотъ человѣкъ, который наблюдается, напримѣръ, въ современномъ кандидатѣ на судебныя должности, помощникѣ присяжнаго повѣреннаго, земскомъ начальникѣ. Это—два антипода. Какая-то печальная эволюція не оставила ни одной черты, ни одного признака, по которымъ послѣдній напоминалъ бы намъ перваго. Тамъ, гдѣ нѣкогда мы восхищались идейнымъ отношеніемъ къ задачѣ, душевнымъ интересомъ къ своему дѣлу, мы впослѣдствіи наблюдали лишь, холодное, entre autre, „прохожденіе службы", узкую карьерную цѣль; полученное университетское „высшее" образованіе распознавалось лишь только по формулярному списку.... Все измѣнилось,—и современный „дѣлецъ" смѣнилъ былого „дѣятеля"... „Вотъ почему,—заключаетъ Обнинскій,—такъ страстно хочется вспомненное *прошлое* видѣть не только *настоящимъ*, но и *будущимъ*". Во всякомъ случаѣ въ этихъ наболѣвшихъ строкахъ много справедливаго, хотя и грустнаго...

III.

Многія изъ разсмотрѣнныхъ нами чертъ русскаго университетскаго быта находятъ себѣ оцѣнку въ связи и сопоставленіи съ аналогичными явленіями въ исторіи западныхъ университетовъ, особенно нѣмецкихъ и англійскихъ. Кавелинъ, какъ мы выше замѣтили, даетъ намъ характеристику германскихъ университетовъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ связи съ историческими данными о нихъ въ болѣе раннее время. Наиболѣе интереснымъ представляется у него разъясненіе сущности университетской свободы преподаванія и ученія. Западно-европейскій міръ до сихъ поръ придумалъ двѣ основныхъ организаціи университетскаго быта, два типа устройства университетовъ. „По идеалу романо-католическихъ государствъ университеты должны приготовлять молодыхъ людей спеціально къ извѣстнаго рода общественной дѣятельности. При такомъ взглядѣ педагогическая сторона вопроса господствуетъ почти исключительно. Преподаватели и учащіеся подчинены извѣстнымъ общимъ правиламъ, дѣятельность ихъ опредѣлена, разсчитана, размѣрена заранѣе математически точно, чтобы не могло быть уклоненій отъ указанной цѣли. Для развитія науки, которое, при такомъ устройствѣ, не можетъ имѣть мѣста въ университетахъ, существуютъ особыя учрежденія—ученыя академіи, въ которыхъ она по преимуществу и сосредоточивается. По нѣмецко-протестантскому взгляду университеты—центры, хранители, главные органы науки. Она преподается здѣсь и теоретически, и практически, смотря по тому, какъ нужно для лучшаго усвоенія ея учащимися, но при этомъ не имѣется въ виду приготовить спеціалистовъ по той или другой части. Изъ такого взгляда

вытекаетъ рядъ совсѣмъ иныхъ послѣдствій, чѣмъ изъ романо-католическаго. Наука безъ свободнаго изслѣдованія не существуетъ, а при свободѣ изслѣдованія непремѣнно являются разныя мнѣнія и взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Преподаваніе, не имѣя непосредственной практической цѣли, не имѣетъ и нужды въ опредѣленной программѣ...“ Но на чемъ же держится эта свобода преподаванія германскихъ университетовъ? *„Ключъ къ правильному разумѣнію свободы преподаванія въ Германіи,*—говоритъ К. Д. Кавелинъ,—*скрывается въ строгомъ различеніи ученаго изслѣдованія и педагогической дѣятельности отъ политической и практической.* Стоитъ припомнить исторію нѣмецкихъ университетовъ, чтобы въ этомъ убѣдиться: каждый разъ, когда это различеніе забывалось, за уклоненіемъ университетовъ изъ сферы теоріи и науки въ практическую дѣятельность слѣдовали болѣе или менѣе продолжительныя ограниченія и стѣсненія свободы мысли и преподаванія. Послѣдняя обезпечивается и охраняется здѣсь не юридическими или политическими гарантіями, а тѣмъ, что она держится исключительно въ сферѣ науки, теоріи и не переходитъ въ практическую дѣятельность. Въ Германіи всѣ, отъ мала до велика, знаютъ, что мысль вольна, какъ воздухъ, что ее нельзя вдвинуть въ рамки; каждый убѣжденъ, что она полезна потому что выясняетъ всякій предметъ со всѣхъ сторонъ, что поэтому ей надо дать всевозможный просторъ, безъ котораго она жить не можетъ; но столько же твердо убѣжденъ каждый, что съ той минуты, какъ мысль переходитъ въ дѣло, она подпадаетъ подъ общія постановленія, охраняющія законы, тишину и порядокъ въ обществѣ. Если мысль становится практическимъ дѣятелемъ, грозящимъ законамъ и спокойствію страны, то находятъ естественнымъ, что она обращается въ предметъ разсмотрѣнія уголовныхъ судовъ, которые и рѣшаютъ, слѣдуетъ ли приравнять ее къ умыслу или винѣ; а затѣмъ предупредительная полиція дѣлаетъ свое дѣло, т. е. принимаетъ мѣры, чтобы такой опасный предметъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго зла, обращался въ обществѣ со всѣми необходимыми предосторожностями. Все это въ Германіи твердо знаютъ и профессоръ, и студентъ, какъ физіологическіе законы человѣческихъ обществъ, которые дѣйствовали, дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать, пока міръ стоитъ. Но гдѣ же, спросятъ насъ, граница, отдѣляющая ученое изслѣдованіе и преподаваніе строгой науки отъ политической и практической дѣятельности? Мысль и дѣло, теорія и практика—развѣ это не двѣ стороны одной и той же медали? Если наука не есть одно пріятное, но совершенно пустое и безполезное препровожденіе времени, то она, разумѣется, обратится къ изслѣдованію живыхъ современныхъ вопросовъ и при полной свободѣ можетъ придти

къ результатамъ, несогласнымъ съ современною дѣйствительностью. Что жъ, неужели правительства могутъ позволить профессорамъ высказывать съ каѳедры такіе результаты? Если нѣтъ, то гдѣ же свобода преподаванія? А если предположить, что правительства дозволятъ это, то какое вліяніе можетъ имѣть такая свобода на молодыя поколѣнія? Для нихъ не существуетъ и не можетъ существовать разницы, а, слѣдовательно, и разграничительной черты между теоріей и практикой; если выводы профессора, отрицательно относящіеся къ современности, найдутъ въ слушателяхъ большое сочувствіе, то они тотчасъ же постараются перевести эти выводы въ дѣйствительную жизнь, осуществить ихъ на дѣлѣ, и этимъ будутъ поставлены во враждебное отношеніе къ современному порядку дѣлъ. Этого никакое въ мірѣ правительство допустить не можетъ и будетъ вынуждено прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Итакъ, вмѣсто того, чтобы жертвовать юношами, правительства принуждены будутъ подрѣзать зло въ самомъ корнѣ и ограничить свободу университетскаго преподаванія, въ которой собственно и скрывается настоящая причина зла. Выходитъ, что такъ или иначе, а свобода преподаванія неосуществима или она—жалкая игра словъ, насмѣшка надъ дѣйствительной свободой науки и мысли". Какъ видимъ, К. Д. Кавелинъ затрагиваетъ здѣсь основной капитальнѣйшій вопросъ нѣмецкой университетской жизни и безъ колебанія разрѣшаетъ его въ утвердительномъ смыслѣ. „Вопросъ о свободѣ преподаванія,—говоритъ онъ,—сводится къ другому, болѣе общему: какъ могутъ и должны относится другъ къ другу наука и жизнь. теорія и практика, дѣятельность мысли и воли... Въ природѣ ли вещей, чтобы всякая мысль непремѣнно переходила въ практическую жизнь въ томъ видѣ, какъ она вырабатывается въ головѣ, или такое непосредственное осуществленіе всякой мысли есть недоразумѣніе, ошибка, слѣдствіе неправильнаго понятія о природѣ и свойствахъ мысли и неумѣнья съ нею обращаться? Вопросъ этотъ не можетъ быть обойденъ, потому что въ немъ вся сила. Мы глубоко убѣждены, вопреки и врагамъ, и многимъ друзьямъ свободы науки и преподаванія, что рѣзкая разграничительная черта между мыслью и дѣломъ существуетъ и должна существовать, хотя ее и нельзя опредѣлить юридически, хотя она и мѣняется смотря по времени, обстоятельствамъ и другимъ безчисленнымъ условіямъ, посреди которыхъ совершается общественная жизнь. Напомнимъ прежде всего, что между теоретическою и практическою дѣятельностью существуетъ дѣйствительная и очень большая разница. Обѣ подходятъ къ одному и тожу же предмету съ двухъ совершенно разныхъ сторонъ и съ совершенно разными цѣлями, такъ что различіе ихъ бросается въ глаза. Даже изученіе предмета, какъ оно ни

кажется съ перваго взгляда исключительно теоретическимъ, можетъ быть и теоретическимъ, и практическимъ, смотря потому, на что мы при этомъ обращаемъ вниманіе—на предметъ самъ по себѣ или на его примѣненія..... Соотвѣтствуя двумъ существенно различнымъ потребностямъ человѣка—знать и дѣйствовать, теорія и практика, въ томъ числѣ и практическое изученіе, предполагаютъ различныя способности и имѣютъ каждая свою особую методу. Предметъ оцѣнивается не потому, каковъ онъ самъ по себѣ, а по его отношенію къ нашимъ видамъ и намѣреніямъ. Напротивъ, при теоретическомъ изученіи все должно быть направлено къ тому, чтобы узнать предметъ въ его настоящемъ, собственномъ свѣтѣ, изслѣдовать его, каковъ онъ самъ по себѣ, по своей сущности, независимо отъ всякихъ практическихъ и вообще какихъ бы то ни было посторонникъ соображеній". И наука должна быть живою, но не въ смыслѣ исключительнаго интереса къ явленіямъ современной жизни—она должна обнимать и настоящее, и прошлое—а въ смыслѣ постоянной провѣрки своихъ выводовъ вновь открываемыми фактами, „иначе она поблекнетъ, потеряется въ общностяхъ, въ фантазіяхъ, обратится въ призрачный міръ, который мало-по-малу отдѣлится отъ жизни и дѣйствительности и сдѣлается мертвою наукою. Теорія и практика не должны противорѣчить другъ другу; напротивъ, онѣ другъ друга дополняютъ и поддерживаютъ, идутъ рука объ руку, но совершенно разными путями и потому временами расходятся: то практическая жизнь опережаетъ теоретическое сознаніе, то наука обгоняетъ своими выводами дѣйствительную жизнь". Нѣмецкое племя сумѣло разрѣшить эту задачу—отдѣленія науки отъ практической дѣятельности; тамъ мысль, наука не врывается сознательно, непосредственно въ жизнь—и потому выраженію ея съ каѳедры, въ книгѣ, въ рѣчи предоставленъ большой просторъ; всѣ убѣждены, что они только могутъ быть полезны и во всякомъ случаѣ безвредны. Можетъ быть вредно непосредственное приложеніе къ жизни еще не созрѣвшей, такъ сказать, не выработавшейся теоретически мысли, которая проходитъ нѣсколько фазисовъ, стадій своего развитія; но не приноситъ вредныхъ результатовъ всестороннее освѣщеніе ея съ теоретической стороны, причемъ сообщаются и ложныя теоріи; наоборотъ, эти ложныя теоріи въ такой научной перспективѣ теряютъ даже свой заманчивый характеръ, потому что сопоставляются съ другими и подвергаются критическому разбору. Конечно, все это предполагаетъ большую зрѣлость общества и притомъ не только профессоровъ, но и студентовъ. И дѣйствительно, студенты въ Германіи проникнуты глубокимъ убѣжденіемъ, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ политическія и

общественныя дѣла, что это не ихъ дѣло, что имъ нужно заниматься наукой и наукой приготовить себя къ будущей практической дѣятельности. Отличительной чертой быта нѣмецкихъ студентовъ является *свобода ученія*, вытекающая, подобно свободѣ преподаванія, изъ самой сущности нѣмецкаго взгляда на университеты и ихъ исторію. Не всякому студенту такая свобода по плечу; противъ нея слышатся возраженія въ самой Германіи. Но она несомнѣнно полезна во многихъ отношеніяхъ; она вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ разнообразнымъ цѣлямъ, съ которыми поступаетъ молодежь въ университетъ; она вырабатываетъ у нея характеръ, умъ, волю, пріучаетъ къ разумной самостоятельности и сознанію своего долга и своихъ обязанностей передъ государствомъ и обществомъ. Въ томъ же направленіи дѣйствуютъ и студенческія корпораціи. Отличительной чертой ихъ нужно признать отсутствіе политическаго характера. Всѣ онѣ, и въ томъ числѣ даже тѣ, которыя имѣютъ политическій оттѣнокъ, преслѣдуютъ исключительно теоретическія цѣли и не переходятъ этой черты. Устраиваются онѣ съ разрѣшенія правительства и ставятъ своею цѣлью саморазвитіе, достигая его посредствомъ чтенія рефератовъ и статей и публичнаго товарищескаго обсужденія ихъ. Симпатіи К. Д. Кавелина находятся всецѣло на сторонѣ этихъ германскихъ студенческихъ ассоціацій. „Я,—говоритъ онъ,—всегда былъ того мнѣнія, что простое дозволеніе ихъ и взысканіе со студентовъ не за образъ мыслей или направленіе, а за дѣйствія, запрещенныя закономъ и полицейскими правилами, какъ нельзя проще, короче и естественнѣе разрѣшили бы у насъ одинъ изъ труднѣйшихъ университетскихъ вопросовъ, передъ которымъ всѣ административныя мѣры оказались до сихъ поръ недѣйствительными, причинивъ много зла... Образъ мыслей въ разные возрасты бываетъ очень различенъ, и пылкость, преувеличенія, свойственныя юношеству, нельзя ставить ему въ вину, лишь бы только въ массахъ молодежи образовалось спасительное убѣжденіе и привычка въ практической дѣятельности не выступать изъ предѣловъ строгой законности .. Доказательствомъ практической пользы студенческихъ свободъ служатъ наблюденія надъ бытомъ студентовъ въ Швейцаріи и Германіи. И что же? $^{8}/_{10}$ всего студенчества, при полной свободѣ ассоціацій, не принадлежитъ ни къ какимъ обществамъ; крайнія мнѣнія есть, но вездѣ въ меньшинствѣ; большинство—вездѣ умѣренное, спокойно либеральное; повторяется, слѣдовательно, въ миніатюрѣ то, что происходитъ въ дѣйствительной жизни, въ самомъ обществѣ“. Профессоры, ректоры, кураторы. съ которыми удавалось говорить К. Д. Кавелину, всѣ единогласно высказались въ пользу разрѣшенія свободнаго образованія студенческихъ обществъ; вотъ по ихъ словамъ, поло-

жительныя стороны этого института: 1) университетское начальство имѣетъ дѣло не со всею массою студентовъ, а съ ихъ выборными, которые лучше умѣютъ держать своихъ товарищей въ порядкѣ и дисциплинѣ, чѣмъ педеля; 2) гораздо удобнѣе въ такомъ случаѣ слѣдить за направленіемъ, образомъ жизни занятіями студентовъ; 3) въ студенческихъ обществахъ всегда образуется point d'honneur, вносящая въ студенческій бытъ благотворный нравственный элементъ; 4) нравственная отвѣтственность выборныхъ за поведеніе ихъ товарищей побуждаетъ и ихъ самихъ и членовъ кружковъ быть осторожнѣе и осмотрительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, рождаетъ внутреннюю дисциплину между ними; 5) при существованіи обществъ гораздо легче разслѣдовать вину и отыскать неизвѣстнаго преступника. „Разрѣшеніе студенческихъ обществъ вмѣсто того, чтобы сплочать молодыхъ людей, какъ вездѣ и всегда бываетъ при запрещеніи, въ одну густую массу недовольныхъ, съ нѣкоторыми самозванцами-крикунами во главѣ, которые будто бы во имя всѣхъ студентовъ говорятъ то, чего они и не думаютъ,—такое разрѣшеніе, напротивъ, заставляетъ каждаго студента стать на свои ноги, имѣть свои ноги, имѣть свое мнѣніе. Принадлежность къ обществу съ той минуты, когда она не облечена въ заманчивую одежду запрещеннаго, перестаетъ быть соблазнительной для огромнаго большинства, которое и отдѣляется прочь; остальные затѣмъ студенты, сравнительно очень незначительное число, тоже не остаются въ одномъ обществѣ, а раздробляются на множество кружковъ, существующихъ не во мракѣ, не въ видѣ тайныхъ обществъ, а на глазахъ у всѣхъ и каждаго, что представляетъ огромное, неоцѣнимое преимущество и для правительства и для университетскаго начальства во всѣхъ отношеніяхъ".

Что студенческія ассоціаціи сами по себѣ не приводятъ къ крайнимъ теоріямъ, а скорѣе, наоборотъ. какъ бы умѣряютъ общее настроеніе,— это доказываетъ примѣръ англійскихъ университетовъ. Нигдѣ кружковая жизнь среди студенчества не получила такого широкаго развитія, какъ въ Англіи. Одни кружки посвящены физическому воспитанію (и такихъ огромное большинство), другіе—умственному развитію, третьи—нравственному. Игры. имѣющіе въ виду физическій подъемъ, получили здѣсь небывалое развитіе. Въ каждомъ колледжѣ есть свое „общество гребли" „общество игры въ футъ болль", „общество игры въ крокетъ", „общество велосипедистовъ" и т. п., а въ нѣкоторыхъ колледжахъ существуетъ по нѣсколько подобныхъ обществъ одной и той же категоріи. Такимъ образомъ, число студенческихъ обществъ, исключительно посвященныхъ играмъ, составляетъ уже само по себѣ нѣсколько сотъ въ одномъ университетѣ... Добавимъ къ этому, что и не коллегіаль-

ные студенты имѣютъ такія общества, а затѣмъ существуютъ еще и общеуниверситетскія ассоціаціи, такъ что число всѣхъ обществъ для атлетическихъ игръ въ университетахъ весьма велико. Состязанія въ различныхъ упражненіяхъ между студентами разныхъ колледжей или состязанія между колледжами происходятъ ежедневно. Каждый колледжъ имѣетъ обязательно свое „общество дебатовъ“, въ которомъ собираются обыкновенно разъ въ недѣлю для дебатированія по какому-нибудь литературному, историческому или, главнымъ образомъ, политическому вопросу. Помимо этихъ коллегіальныхъ обществъ, дебатовъ и въ Оксфордѣ, и въ Кембриджѣ существуетъ общеуниверситетскій „Union“, въ которомъ также происходятъ еженедѣльныя собранія съ тою же цѣлью. Общество это имѣетъ роскошно обставленное, какъ лучшіе лондонскіе клубы, помѣщеніе, содержимое на средства, собранныя съ его членовъ, прекрасную библіотеку и читальню. Оно насчитываетъ нѣсколько сотъ членовъ, которые платятъ взносъ 30 рублей (годовой). Въ большой залѣ общества происходятъ пренія, на которыя допускаются въ качествѣ простыхъ слушателей на хоры и не члены общества—публика, которая обыкновенно состоитъ изъ знакомыхъ и родственниковъ студентовъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые говорятъ въ данномъ засѣданіи или въ качествѣ оратора, или въ качествѣ одного изъ оппонентовъ. Въ помѣщеніи общества хранится книга, въ которой каждый, желающій поднять какой-либо вопросъ въ обществѣ, вписываетъ свой тезисъ. Если находятся въ достаточномъ количествѣ лица, которыя соглашаются дебатировать этотъ вопросъ, т. е., если противъ этого вопроса въ книгѣ оказывается достаточное число подписей „да“, то для преній по этому вопросу назначается день, къ которому каждый изъ записавшихся приготовляетъ рѣчь свою. Всѣ правила, относящіяся къ самимъ преніямъ, составляютъ точную копію правилъ, дѣйствующихъ въ парламентѣ, благодаря чему будущимъ государственнымъ дѣятелямъ Англіи со школьной скамьи уже извѣстна обстановка и процедура ихъ будущей дѣятельности... Постановленіемъ большинства голосовъ въ концѣ каждаго засѣданія общество выражаетъ свое одобреніе или отвергаетъ выставленный тезисъ. Любопытны и самые вопросы, подвергающіеся разсмотрѣнію, и постановленію по нимъ. Вотъ одинъ примѣръ: „Въ случаѣ новой франко-германской войны симпатіи собранія будутъ на сторонѣ французовъ (отвергнуто). Европейская война будетъ полезна Англіи (отвергнуто). Эмансипація женщинъ желательна (отвергнуто). Холостяки должны быть обложены налогомъ (одобрено). Собраніе требуетъ уничтоженія рулетки въ Манте-Карло (одобрено). Собраніе признаетъ дуэль (отвергнуто единодушно)“. Есть, наконецъ, и общества,

преслѣдующія религіозныя и этическія цѣли. Въ дѣлѣ религіи студенты Оксфорода и Кембриджа идутъ, можно сказать, впереди націи; достаточно сказать, что они, по правиламъ, бываютъ не менѣе пяти разъ въ недѣлю въ церкви. При Кембриджскомъ университетѣ существуетъ „этическій кружокъ“. Итакъ, кружки преслѣдуютъ цѣли физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія. Тѣ же цѣли (впрочемъ), съ нѣсколько одностороннимъ преобладаніемъ физической стороны), ставитъ себѣ и университетъ, и средняя школа, и семья. Между семьей и школой нѣтъ разлада, наоборотъ, одна помогаетъ другой Отсюда понятно, почему Англія такъ богата людьми выдающагося ума и характера. Много времени отдается физическимъ упражненіямъ и, слѣдовательно, значительная часть его отнимается отъ сидячей работы; умѣренная дисциплина, предоставляя многое на личную отвѣтственность ребенка, юноши, обращаясь къ чуству самоуваженія, пріучаетъ человѣка управлять собою: изрѣдка встрѣчаются случаи ранней испорченности, но все это вознаграждается сторицей тѣмъ среднимъ избыткомъ физической и нравственной энергіи, которая составляетъ общую черту всего этого цвѣта молодежи, ея способностью приспособлятся ко всему непредвидѣнному, что можетъ встрѣтиться въ жизни, и глубокоукоренившимся въ ней сознаніемъ своей обязанности блюсти достоинство джентльмена. Благодаря непрестанной заботѣ „готовить для жизни“ ребенка, изъ англійскаго мальчика очень рано вырабатывается „человѣкъ“. Уровень образованія, даваемаго университетомъ, не особенно высокъ, но студентъ, получившій дипломъ, не считаетъ своего ученія законченнымъ, и убѣжденъ, что учиться нужно всю жизнь. Однимъ изъ яркихъ свидѣтельствъ жизненности англійскихъ университетовъ служить популярность, которую въ послѣднее время они пріобрѣли въ народной массѣ; на этой именно почвѣ возникло движеніе, создавшее рядъ „народныхъ университетовъ“—university extension. Любопытныя данныя о нихъ находятся въ разбираемой нами книгѣ. Но статья наша и безъ того слишкомъ уже разрослась, и потому мы о нихъ ничего говорить не будемъ. Мы будемъ считать свою цѣль достигнутой, если своими извлеченіями и замѣтками побудимъ читателей обратиться къ самымъ сочиненіямъ.

XXXII.

Привѣтствіе ИМПЕРАТОРСКОМУ Саратовскому университету отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго университета въ день 6-го декабря 1909 года.

Торжество открытія Саратовскаго университета является не только свѣтлымъ, радостнымъ днемъ для самого Саратовскаго университета, для города Саратова, для тяготѣющаго къ нему района, но и для всей Россіи—это по истинѣ праздникъ русскаго просвѣщенія и науки, и въ качествѣ такового онъ, конечно, найдетъ себѣ сочувственный откликъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ, ибо вездѣ, гдѣ только есть цивилизація, университеты являются разсадниками высшаго образованія и науки.

Университеты сыграли огромную роль въ западноевропейской наукѣ и культурѣ. Появившись еще въ средніе вѣка, они были главными свѣточами знаній въ теченіе всей новой исторіи, остаются таковыми въ настоящее время и сохранятъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока будетъ развиваться наука. Будутъ, конечно, измѣняться формы ихъ внутренняго устройства и быта, они будутъ развиваться и совершенствоваться, какъ это наблюдалось доселѣ въ теченіе всей ихъ многовѣковой исторіи, но ихъ сущность—universitas litterarum—настолько жизненна, что не боится никакихъ новыхъ вѣяній въ переживаемые нами историческіе моменты. Проходили цѣлыя эпохи въ жизни человѣчества, разражались катастрофы, сходили со сцены одни государства, нарождались другія, перестраивалась политическая, общественная и частная жизнь народовъ—и все же эти мирныя цитадели знанія скромно, но безустанно дѣлали свое великое дѣло, направленное ко благу всего человѣчества. Университеты основывались и въ годину тяжкихъ испытаній, послѣ катастрофъ: въ нихъ видѣли средство для возрожденія народа и государства. Послѣ разгрома Пруссіи во время Наполеоновскихъ войнъ былъ основанъ Берлинскій университетъ, дабы, по выраженію его основателя, короля Фридриха Вельгельма III, „духовными силами возмѣс-

тить потерю въ силахъ физическихъ'—матеріальныхъ. Число университетовъ западной Европы постоянно возрастало—ихъ поддерживали и правительство, и общество. До исхода среднихъ вѣковъ существовало уже 16 Германскихъ университетовъ, съ Парижскимъ во главѣ. Въ настоящее время въ Германіи 23 университета, изъ коихъ 11 приходится на долю одной Пруссіи, въ маленькой Швеціаріи ихъ 7.

Наши русскіе университеты очень молоды—старѣйшій изъ нынѣ существующихъ Московскій основанъ въ 1755 году; въ началѣ XIX стол., въ царствованіе императора Александра I, открыто три новыхъ университета и двѣ школы преобразованы въ университеты; въ царствованіе императора Николая Павловича открытъ одинъ университетъ; въ царствованіе императора Александра II двѣ школы преобразованы въ университеты; за послѣднія 40 лѣтъ былъ открытъ только одинъ Томскій университетъ, а всего у насъ теперь съ Саратовскимъ—10 университетовъ. Отсюда совершенно ясно видно, какъ мы медленно идемъ по пути открытія новыхъ университетовъ—а между тѣмъ потребность въ нихъ, при огромномъ пространствѣ Россіи, при переполненіи существующихъ университетовъ, несомнѣнная. Правда, въ послѣднее время создано много высшихъ техническихъ школъ, но онѣ не могутъ замѣнить университетовъ; послѣдніе по прежнему являются не только разсадниками высшаго образованія, но и очагами науки, служащей фундаментомъ и для прикладного техническаго знанія.

Выборъ мѣста для новаго университета является въ высшей степени удачнымъ: г. Саратовъ представляетъ изъ себя многолюдный, торговопромышленный и культурно-просвѣтительный центръ весьма значительнаго района. Мѣстное общество принесло не мало жертвъ для народнаго образованія и для открытія университета, но это такія жертвы, которыя окупаются сторицею. Особенно же отрадно и знаменательно, что этотъ выборъ сдѣланъ въ полномъ единодушіи Совѣтомъ министровъ и народнымъ представительствомъ и удостоился Высочайшаго утвержденія.

Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета шлетъ искренній и сердечный привѣтъ своему младшему собрату—Саратовскому университету, радуется, что немногочисленная семья русскихъ университетовъ обогатилась еще новымъ членомъ-работникомъ, котораго мы уже застаемъ за работой, и отъ души желаетъ ему успѣховъ въ сферѣ науки и просвѣщенія на благо мѣстнаго края, всей Россіи и человѣчества.

Критико-библіографическія замѣтки.

XXXIII.

О біографіи В. Н. Каразина, составленной Я. В. Абрамовымъ [1]).

(Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая библіотека Ф. Павленкова. В. Н. Каразинъ. Его жизнь и общественная дѣятельность. Біографическій очеркъ Я. В. Абрамова. Спб. 1891 г.)

Извѣстному издателю Ф. Павленкову пришла въ голову прекрасная мысль—познакомить русское общество съ біографіями и дѣятельностью наиболѣе замѣчательныхъ представителей науки, политики и искусства въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Эта своеобразная библіотека начала выходить осенью 1890 года и закончится въ теченіи 2-хъ лѣтъ, т. е. въ 1893 году. Однимъ изъ выпусковъ ея является та книжечка, заглавіе которой мы выписали выше. Въ ней помѣщена біографія дѣятеля, имя котораго съ признательностью долженъ вспоминать всякій интеллигентный южанинъ—Василія Назарьевича Каразина, виновника основанія университета въ Харьковѣ. „Огромнѣйшему большинству нашего образованнаго общества, говоритъ г. Абрамовъ, Василій Назаровичъ Каразинъ неизвѣстенъ даже по имени. Здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ выразительныхъ примѣровъ несправедливости исторіи... Въ любой Европейской странѣ такому человѣку давно былъ бы поставленъ памятникъ, его имя стояло бы на надлежащемъ мѣстѣ въ исторіи, его личность, мнѣнія и дѣятельность послужили бы предметомъ многочисленныхъ историческихъ работъ, его біографія, наконецъ, сдѣлалась бы настольною книгою каждаго гражданина. У насъ же даже имя этого человѣка неизвѣстно“. Немаловажную роль въ этомъ случаѣ играло, по нашему мнѣнію, то обстоятельство, что В. Н. Каразинъ былъ *провинціальнымъ* дѣятелемъ, и полной признательности со стороны всѣхъ читателей (столичныхъ и провинціальныхъ) заслуживаютъ какъ издатель, такъ и авторъ настоящаго сочиненія за то, что они воскресили имя этого забытаго дѣятеля и

[1]) Кіев. Старина 1891, іюль.

напомнили о немъ широкимъ кругамъ нашей читающей публики. Г. Абрамовъ правъ, когда говоритъ, что присяжные историки игнорировали дѣятельность В. Н. Каразина (это относится даже къ извѣстному автору „Общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ“ А. Н. Пыпину); но не правъ, утверждая, что „мы доселѣ не имѣемъ мало мальски связнаго біографическаго очерка, хотя бы чисто внѣшняго, посвященнаго этой замѣчательной личности“. Самъ же онъ первымъ своимъ пособіемъ выставилъ „Украинскую старину“ Г. П. Данилевскаго, конечно, имѣя въ виду помѣщенную въ ней біографію В. Н. Каразина. Біографія эта въ настоящее время уже не удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ спеціалиста, но для своего времени она, несомнѣнно, давала не мало, да и теперь еще прочтется съ пользою всякимъ, интересующимся личностью В. Н. Каразина. Будущій біографъ В. Н. Каразина возьметъ ее исходнымъ пунктомъ для своей работы. Покойный Гр. Петр. Данилевскій не былъ, правда, присяжнымъ историкомъ, но его „Украинская старина“—не историческій романъ, а сборникъ настоящихъ историческихъ монографій, имѣвшихъ въ свое время *научное* значеніе, и съ этой точки зрѣнія оцѣненныхъ даже нашей академіей наукъ (за эту книгу онъ получилъ Уваровскую премію). И самому г. Абрамову,—что, впрочемъ, вполнѣ естественно—книга Г. П. Данилевскаго сослужила не малую службу. Спрашивается, какъ же послѣ этого г. Абрамовъ могъ сказать, что В. Н. Каразинъ „до сихъ поръ не заслужилъ чести имѣть хоть кое какую біографію, ни какъ ученый, ни какъ общественный дѣятель, хотя въ обоихъ отношеніяхъ онъ представляетъ собою выдающееся явленіе“. Самъ г. Абрамовъ ставитъ себѣ скромную цѣль. „Приступая къ составленію настоящаго очерка, говоритъ онъ, мы не задавались цѣлью создать, такъ называемый, солидный трудъ. Подобная работа выходила бы за предѣлы нашей задачи и не соотвѣтствовала бы рамкамъ, поставленнымъ для цѣлаго изданія, въ которое нашъ этюдъ входитъ, какъ часть. Мы имѣли въ виду лишь дать популярный біографическій очеркъ человѣка, столь несправедливо забытаго нашимъ обществомъ и нашею историческою наукою, и тѣмъ привлечь ихъ вниманіе къ этой оригинальной личности и видному дѣятелю нашей прошлой жизни“. Такой цѣли авторъ вполнѣ достигаетъ; мало того, онъ даетъ даже нѣсколько больше, чѣмъ обѣщаетъ. Г. Абрамовъ отнесся къ своему дѣлу очень добросовѣстно и, главное, съ любовью; онъ познакомился со всѣми *важнѣйшими* источниками и пособіями по избранному имъ вопросу и на основаніи ихъ далъ намъ очень живо и тепло написанный очеркъ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина. Если принять во вниманіе то обстоятельство,

что значительная часть этихъ матеріаловъ была издана уже послѣ выхода въ свѣтъ книги Г. П. Данилевскаго, и что г. Абрамовъ впервые сдѣлалъ краткую сводку ихъ, то его книжечка пріобрѣтаетъ нѣкоторое научное значеніе, а не является простою компиляціей извѣстныхъ пособій. Правда, г. Абрамовъ упустилъ изъ виду кое-какія существенныя печатныя данныя (въ родѣ, напримѣръ, записокъ Ярославскаго, статьи о. Ник. Лащенка о В. Н. Каразинѣ, какъ помѣщикѣ с. Кручика); правда, онъ не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ различія во взглядахъ на дѣятельность и личность Каразина; но онъ и не обѣщалъ намъ этого. А между тѣмъ, вообще говоря, его взглядъ на дѣятельность Каразина стоитъ, какъ намъ кажется, ближе къ дѣйствительности, чѣмъ отзывъ спеціалиста историка—В. И. Семевскаго. У г. Абрамова тонъ нѣсколько приподнятый. Онъ не останавливается на отрицательныхъ чертахъ характера В. Н. Каразина, которыя были отмѣчены уже прежними изслѣдователями. Но за то у него получается выпуклая характеристика его кипучей энергической дѣятельности, въ которой онъ опередилъ свой вѣкъ. Г. же Семевскій несправедливо порицаетъ В. Н. Каразина за то, за что онъ заслуживаетъ похвалы—за его стремленіе облегчить по возможности участь своихъ крѣпостныхъ. Допустимъ, что форма этого облегченія была несовершенна, носила на себѣ печать „прожектерства“, столь присущаго Каразину. Тѣмъ не менѣе ставить ему это въ вину, заподазривать искренность его намѣреній не приходится; для этого нужны доказательства, а ихъ нѣтъ. Суетливость В. Н. Каразина непріятно дѣйствовала на его современниковъ, а впечатлѣнія и отзывы этихъ послѣднихъ не остались безъ вліянія на нынѣшнихъ изслѣдователей; г. же Семевскій довѣрился имъ вполнѣ.

Книжечка г. Абрамова достаточно полно рисуетъ намъ дѣятельность Каразина и по прочтеніи ея остается впечатлѣніе, что виновникъ основанія Харьковскаго университета былъ дѣйствительно богато одаренъ природою, отличался разностороннимъ (можетъ быть, даже слишкомъ разностороннимъ) умомъ, широкимъ энциклопедическимъ, но не поверхностнымъ знаніемъ и главное неукротимымъ стремленіемъ къ общественной дѣятельности.

Вся книга состоитъ изъ 8 главъ; въ 1-й и 2-й гл. разсказывается біографія Каразина и излагается петербургскій періодъ его дѣятельности (приближеніе къ Александру I-му, роль въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія); въ 3-й говорится о заслугахъ, оказанныхъ имъ Харьковскому университету; въ 4-й объ охлажденіи къ нему императора и внѣслужебной дѣятельности; 5-я посвящена уясненію его отношенія къ крестьянскому вопросу (въ теоріи и на практикѣ), въ

6-й изображается Каразинъ, какъ ученый и хозяинъ, и какъ организаторъ филотехническаго общества; въ 7-й приводится содержаніе его писемъ къ имп. Александру I-му и Николаю Павловичу, результатомъ которыхъ была высылка въ имѣніе; въ 8-й заключительной главѣ сообщаются краткія свѣдѣнія о послѣднемъ періодѣ его жизни. Не всѣ главы отличаются одинаковою обстоятельностью; лучшими мы признаемъ тѣ, въ которыхъ говорится о политическихъ идеяхъ В. Н. Каразина, отношеніи къ крестьянскому вопросу и научныхъ открытіяхъ; заслуги его на пользу Харьковскаго университета очерчены блѣдно; личной жизни В. Н. Каразина г. Абрамовъ вовсе не касается и предоставляетъ это сдѣлать будущему біографу, „который будетъ располагать болѣе полными свѣдѣніями“. Г. Абрамовъ, основываясь на „Украинской старинѣ“, указываетъ, что сохранились „многотомныя записки В. Н. Каразина, которыя предполагалось издать еще въ 60-хъ годахъ, но которыя и доселѣ не появились въ свѣтъ“. Къ сожалѣнію, записки эти, повидимому, погибли во время одного изъ пожаровъ, посѣтившихъ с. Кручинъ. Что же касается матеріаловъ, „хранящихся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ“, то намъ они неизвѣстны.

Въ заключеніе замѣтимъ, что внѣшность изданія вполнѣ соотвѣтствуетъ его внутреннимъ достоинствамъ. *За 25 коп.* читатель получаетъ изящно изданную на прекрасной бумагѣ книжку, украшенную портретомъ В. Н. Каразина, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Гедономъ. Пожелаемъ самаго широкаго распространенія этому сочиненію; по дешевизнѣ, по легкости и интересу изложенія оно доступно всякому образованному человѣку.

Въ дальнѣйшихъ выпускахъ должны появиться біографіи слѣдующихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ нашему югу—Гоголя, Пирогова, Шевченка и Щепкина. Не сомнѣваемся въ успѣхѣ задуманнаго г. Павленковымъ предпріятія.

Пользуясь настоящимъ случаемъ, напоминаемъ читателямъ „Кіевской Старины“, что при Харьковскомъ университетѣ сосредоточенъ сборъ пожертвованій на памятникъ В. Н. Каразину. Для этой цѣли Высочайше разрѣшена подписка по всей Россійской имперіи. Сборами завѣдуетъ коммиссія, состоящая изъ четырехъ профессоровъ. Подписные листы высылаются желающимъ. Пожертвованія принимаются и въ редакціи „Кіевской Старины“. Фамиліи жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

XXXIV.

Разборъ медальныхъ сочиненій о В. Н. Каразинѣ [1]).

Предлагая настоящую тему для соисканія мецалей, я имѣлъ въ виду какъ общій, такъ и мѣстный ея интересъ. Біографія В. Н. Каразина, составленная Г. П. Данилевскимъ, вышла въ 1866 году (въ его „Украинской Старинѣ"), а послѣ этого далъ опытъ популярной монографіи о В. Н. Каразинѣ только Я. В. Абрамовъ въ 1891 году въ извѣстной серіи біографическихъ изданій Павленкова (Жизнь замѣчательныхъ людей). Но и г. Абрамовъ далеко не исчерпалъ всѣхъ матеріаловъ, относящихся къ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина, и потому появленіе новой монографіи о В. Н. Каразинѣ, которая бы приняла во вниманіе какъ всѣ его сочиненія и письма, такъ равно и всѣ первоисточники и литературу о немъ, было весьма желательно, такъ какъ В. Н. Каразинъ несомнѣнно является крупнымъ и своеобразнымъ общественнымъ дѣятелемъ первой половины XIX-го вѣка. Съ другой стороны 17-го января 1905 года въ день столѣтняго юбилея Харьковскаго университета—предполагается открытіе памятника виновнику его основанія В. Н. Каразину—и къ тому моменту весьма своевременно было бы выяснить какъ общее, такъ въ особенности его мѣстное значеніе—сдѣлать сводку всего того, что относится къ его роли въ основаніи Харьковскаго университета, къ дѣятельности основаннаго имъ филотехническаго общества, къ его попыткамъ улучшить положеніе своихъ крѣпостныхъ крестьянъ и т. п.

На предложенную мною тему представлено два сочиненія, къ разсмотрѣнію коихъ я и приступаю.

1. Сочиненіе подъ девизомъ— „Deus—mea vita". Это очень обширная работа болѣе чѣмъ на 220 листахъ или 884 стр. (52 страницы введенія, 817 стр. текста, 10 стр. вставокъ, 3 чертежа, 1 планъ и 1 таблица).

---

[1]) Зап. Харьк. унив. 1904 г. кн. 3.

Сдѣлаемъ сначала разборъ даннаго сочиненія съ методологической стороны—разсмотримъ положенные въ его основаніе источники съ пособіями и планъ.

Авторъ самъ въ началѣ своего труда даетъ перечень своихъ источниковъ и пособій, и ихъ оказывается 131 названіе. Кромѣ того онъ отдѣльно указываетъ еще 109 сочиненій и статей самого В. Н. Каразина и 66 его писемъ къ разнымъ лицамъ. Всего, такимъ образомъ, отмѣчено 306 отдѣльныхъ нумеровъ, въ числѣ ихъ есть нѣсколько и неизданныхъ, рукописныхъ источниковъ. Уже изъ этихъ цифръ видно, что авторъ отнесся чрезвычайно внимательно и усердно къ собиранію матеріаловъ для своей работы и достигъ въ этомъ дѣлѣ желательной полноты. Эту библіографическую полноту мы признаемъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ сочиненія. Въ числѣ первоисточниковъ у него фигурируютъ всѣ основные матеріалы—записка Анастасевича, мемуары Державина, Калайдовича, Ярославскаго, документы, сообщенные Фил. Вас. Каразинымъ, акад. Н. Ѳ. Дубровинымъ, мною, проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ и мн. др. Въ числѣ пособій отмѣчены труды Г. П. Данилевскаго, Я. В. Абрамова, Н. А. Лавровскаго, В. И. Семевскаго, Шильдера, Шмидта, Шугурова, Д. Миллера, Е. Трифильева, акад. Сухомлинова, Вс. Срезневскаго, Д. Багалѣя и др.

Первоначальныя указанія на литературу вопроса были даны мною. Затѣмъ авторъ воспользовался библіографическими указателями Г. П. Данилевскаго и Вс. Изм. Срезневскаго (въ словарѣ русскихъ историческихъ дѣятелей) и нѣк. др., но многое онъ разыскалъ и самостоятельно, ибо его указатель несравненно полнѣе, чѣмъ вышеуказанные. Если и есть кое какіе пропуски, то незначительные. Мы можемъ, напримѣръ, только пожалѣть, что авторъ не воспользовался новѣйшимъ трудомъ г. Рождественскаго, посвященнымъ обзору столѣтней дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія и заключающимъ въ себѣ основанныя на документальныхъ данныхъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія свѣдѣнія о дѣятельности В. Н. Каразина въ коммиссіи и главномъ правленіи училищъ; извлеченіе матеріаловъ изъ „Русской Старины“ авторъ заканчиваетъ апрѣльскою книжкою 1903 г.; но нѣкоторыя свѣдѣнія помѣщены и въ дальнѣйшихъ книжкахъ журнала (за августъ, октябрь, ноябрь и декабрь); можно было бы воспользоваться также ст. проф. Н. Ѳ. Сумцова о „Поповской Академіи“ и воспоминаніями Роммеля; слѣдовало бы систематически пересмотрѣть печатные отчеты Имп. Публичной Библіотеки и отмѣтить въ нихъ матеріалы, касающіеся В. Н. Каразина; автору осталось неизвѣстнымъ и „Описаніе рукописей общества любит. древней письменности“, составленное

Хр. Лопаревымъ (ч. 1-я, 1892 г.) и заключающее въ себѣ перечень бумагъ Данилевскаго, въ числѣ коихъ есть и Каразинскія. Но все это мелкіе пропуски. Въ заслугу же автору нужно поставить то, что онъ не только собралъ свѣдѣнія о многихъ малоизвѣстныхъ сочиненіяхъ В. Н. Каразина, но и постарался ознакомится съ ихъ содержаніемъ, для чего пришлось ему выписать ихъ изъ Императорской Публичной Библіотеки.

Не ограничиваясь печатными источниками, авторъ познакомился и съ нѣкоторыми *рукописными*: однѣ рукописи были сообщены ему мною; другія онъ пересмотрѣлъ въ библіотекѣ Харьковскаго историко-филологическаго общества (бумаги покойнаго Чирикова); третьи, наконецъ, онъ добылъ самостоятельно во время своихъ поѣздокъ на родину В. Н. Каразина—въ с. Кручикъ—онѣ помѣщены въ приложеніи къ его труду. Эти же поѣздки дали и еще одинъ цѣнный и совершенно новый матеріалъ—это живыя воспоминанія о В. Н. Каразинѣ въ *народѣ*, въ населеніи Кручика. Мы не говоримъ уже о томъ, что нѣкоторое значеніе имѣютъ и личныя наблюденія автора, касающіяся современнаго состоянія с. Кручика и его церкви.

Планъ сочиненія соотвѣтствуетъ темѣ: оно состоитъ изъ введенія, основной части и приложеній: основная часть въ свою очередь распадается на 2 половины—первая (большая) посвящена разсмотрѣнію жизни и общественной дѣятельности В. Н. Каразина, вторая (меньшая) обозрѣнію его учено-литературной дѣятельности и значенію.

Выдержанъ ли этотъ планъ относительно содержанія? Въ общемъ да, но есть и одно существенное уклоненіе отъ него: въ 1-й половинѣ авторъ нерѣдко говоритъ и о научнолитературныхъ трудахъ В. Н. Каразина, а во 2-й половинѣ ему снова приходится возвращаться къ нимъ, въ результатѣ—повторенія и невыдержаность плана. Объясняется же это тѣмъ, что авторъ не опредѣлилъ себѣ въ точности—что нужно разумѣть подъ *общественною дѣятельностью*. Конечно, общественная дѣятельность можетъ выражаться и въ научнолитературныхъ трудахъ, но если эти послѣдніе выдѣляются въ особый отдѣлъ, разсматриваются особо, то на *содержаніи* ихъ въ главѣ объ общественной дѣятельности останавливаться было не нужно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ этихъ трудахъ находила себѣ выраженіе *практическая* общественная дѣятельность лица. Практическая же общественная дѣятельность Каразина выразилась главнымъ образомъ въ его *работахъ* на пользу просвѣщенія въ Мин. Нар. Просв., въ трудахъ по основанію Харьковскаго университета, въ учрежденіи филотехническаго общества и руководительствѣ этимъ послѣднимъ, въ общественномъ устройствѣ

крестьянъ с. Кручика и нѣк. др. фактахъ (напримѣръ, поѣздкахъ). Записокъ и проэктовъ здѣсь можно было коснуться только въ такой мѣрѣ, въ какой это было необходимо для уясненія хронологической канвы жизни В. Н. Каразина и для опредѣленія вліянія ихъ на эту послѣднюю. Тогда бы и не было повтореній и растянутости, отъ которой страдаетъ сочиненіе. Сказанное нами еще болѣе уяснится при обозрѣніи содержанія работы, къ которому мы и переходимъ.

Содержаніе труда отличается чрезвычайною полнотою и обстоятельностью—не упущены изъ виду ни малѣйшія обстоятельства частной жизни и общественной дѣятельности В. Н. Каразина. Все богатое содержаніе 1-й половины труда вложено въ рамки біографіи, построенной на хронологической канвѣ.

Вотъ основныя рубрики содержанія первой половины: происхожденіе Каразиныхъ (авторъ высказывается въ пользу сербскаго происхожденія ихъ); біографическія данныя о Наз. Алек. Каразинѣ (приводятся нѣкоторыя новыя дополнительныя по сравненію съ прежними) и столкновеніе съ Альховскимъ, условія домашней жизни и воспитаніе В. Н. Каразина; попытка бѣгства заграницу въ царствованіе Имп. Павла; вступленіе въ гражданскую службу и занятія по исторіи медицины и финансовъ; записка В. Н. 22 марта 1801 г.; встрѣча и сближеніе съ Имп. Александромъ I (здѣсь разбираются и разныя версіи о „случаѣ“ Каразина); дѣло Надаржинской (разборъ различныхъ свидѣтельствъ); дѣло Калуж. губ. Лопухина и участіе въ немъ В. Н. Каразина; роль В. Н. Каразина въ созданіи Мин. Нар. Просв.; его дѣятельность въ коммиссіи и главномъ управленіи училищъ (критическій разборъ мнѣній Лавровскаго, Сухомлинова, Шмидта); идея Каразина о Харьковскомъ университетѣ и отношеніе къ ней Харьковскаго общества; поѣздка въ Петербургъ и первыя неудачи; защита мнѣнія С. О. Потоцкаго; хлопоты о Харьковскомъ университетѣ въ 1803 году; поѣздка въ Харьковъ—арестъ и освобожденіе; заботы о скорѣйшемъ открытіи университета; поѣздка въ Петербургъ и расходъ суммъ на университетъ; письмо къ Кочубею; пассивность Завадовскаго и Потоцкаго; письма Каразина къ Государю; подготовительныя мѣры къ открытію университета и переписка съ Тимковскимъ; дѣла объ эстампахъ и художникахъ; отставка Каразина и удаленіе отъ дѣлъ Харьковскаго университета; причины и поводы удаленія отъ дѣлъ; проэктъ освобожденія Сербіи; связь Каразина съ Харьковскимъ университетомъ послѣ отставки; занятія Каразина въ 1801—1804 гг. (здѣсь любопытное указаніе на содѣйствіе, оказанное Сперанскому); положеніе крестьянскаго вопроса въ началѣ прошлаго столѣтія; отношеніе Каразина къ крестьянскому вопросу; по-

винности крестьянъ с. Кручика; сельскія учрежденія Каразина; Дума въ Кручикѣ и Анашкинѣ, Сельская полиція; рекрутская повинность; крестьянская опека; сборъ податей; общественная сумма; школа; церковная запись; результаты сельскихъ нововведеній; занятія Каразина въ Кручикѣ; письма къ государю (1805—1809 гг.); хозяйство и техническія изобрѣтенія Каразина (1806—1810 гг.); идея о составленіи филотехническаго общества; основаніе его; дѣятельность Каразина въ качествѣ правителя дѣлъ въ первое время его существованія; отношеніе окружающаго общества къ новому учрежденію; исторія филотехническаго общества и дѣятельность въ немъ Каразина; конецъ общества и причины его неуспѣха (неразвитость и безпечность лицъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать Каразину); научныя занятія Каразина внѣ заботъ по филотехническому обществу; участіе въ ученыхъ обществахъ; занятія естественными науками, статистикой, исторіей литературы; обращенія къ министрамъ съ указаніями на непорядки въ Россіи; поѣздка въ Петербургъ (1820-й годъ); рѣчь въ обществѣ любителей россійской словесности; обращеніе къ Имп. Александру I; причина его, перемѣна направленія Имп. Александра, тревожное настроеніе общества, записка къ государю и Кочубею, проэктъ статистическаго департамента, участіе въ обществѣ для облегченія участи крестьянъ (здѣсь разборъ отзыва Н. Тургенева), арестъ и заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость, освобожденіе и ссылка въ Кручикъ, бѣдственное положеніе и просьбы о помилованіи; письмо къ Имп. Николаю I и прощеніе; сельскія занятія Каразина (1826 г.); знакомство съ Погодинымъ; избраніе въ предсѣдатели уголовной палаты (не былъ утвержденъ, несмотря на благопріятныя справки отъ полиціи); поѣздка въ Москву; столкновеніе съ шефомъ жандармовъ Бенкендорфомъ (1831 г.), высылка изъ Москвы; письмо къ Имп. Николаю I (съ жалобой на Бенкендорфа); разстройство состоянія и тяжебныя дѣла до 1833 г.; матеріальная помощь со стороны университета и города, столкновеніе съ губ. кн. Трубецкимъ; разрѣшеніе на въѣздъ въ Москву; пожаръ сельской библіотеки Каразина; судьба Кручика; сотрудничество въ журналахъ; проэтъ учебно-воспитательнаго заведенія для женскаго пола въ низшихъ состояніяхъ; участіе въ жизни Харькова; письма къ Бенкендорфу съ просьбою объ облегченіи участи; попытка занять должность библіотекаря Харьковскаго университета (1840 г.); послѣдніе годы жизни Каразина; добрыя свойства его души; недостатки Каразина; послѣдній годъ жизни Каразина; отношеніе общества къ смерти Каразина; развитіе литературы о Каразинѣ (1847—1903 гг.); могила Каразина (въ Николаевѣ).

Не меньшею обстоятельностью отличается и вторая половина труда, посвященная обзору сочиненій. Вотъ ея рубрики: политическія сочиненія В. Н. Каразина—литература о нихъ, характеръ политическихъ сочиненій и политическихъ воззрѣній Каразина, власть—ея происхожденіе и характеръ, система государственнаго управленія, монархъ, совѣтъ въ монархическомъ государствѣ, образъ дѣйствій правительства, статистическій департаментъ, подати, судъ, законъ, общественное мнѣніе, правленія съ народнымъ представительствомъ (къ нимъ Каразинъ относился отрицательно), дворянство и крестьянство, крѣпостное право по взгляду Каразина, тѣлесныя наказанія, взглядъ на отношеніе къ иностраннымъ государствамъ, панславизмъ Каразина трактаты политико-экономическіе—вопросъ объ оцѣнкѣ земли и раскладкѣ податей, курсъ русскаго рубля; статистическія изслѣдованія; сочиненія, касавшіяся просвѣщенія—взглядъ на задачи и постановку просвѣщенія въ государствѣ, постановка дѣла въ университетѣ (учебная часть и управленіе), мысли объ организаціи средняго образованія, домашнее образованіе, взглядъ на задачи литературы; критическія статьи Каразина, историческіе статьи и матеріалы; сочиненія по метеорологіи, статьи по естественной исторіи, домоводству, лѣсоводству; мелкія статьи; внѣшняя сторона сочиненій Каразина, характеръ дѣятельности Каразина и значеніе ея для современниковъ и потомства. Вопросъ о памятникѣ—подробная литература съ 1865 года. Генеалогическая таблица рода Каразиныхъ. Въ приложеніи—поѣздка въ Кручикъ съ планомъ отъ руки б. усадьбы, описаніемъ церкви и приведеніемъ разсказовъ крестьянъ о Каразинѣ и текста рукописей Каразина, извлеченныхъ авторомъ изъ церковнаго архива; во второмъ приложеніи помѣщенъ списокъ въ хронологическомъ порядкѣ писемъ и статей В. Н. Каразина.

Итакъ, изложеніе фактическаго матеріала у автора отличается полнотою: можно сказать, что онъ совсѣмъ использовалъ тѣ источники, которые положены въ основу труда. Вообще можно замѣтить, что работа написана по первоисточникамъ и вслѣдствіе обилія ихъ явилось и богатство ея содержанія. Во второй половинѣ сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о научно-литературной дѣятельности В. Н. Каразина, мы видимъ и *систематизацію* матеріала. Есть и критическая оцѣнка нѣкоторыхъ источниковъ въ отношеніи ихъ достовѣрности. Попадается и критика разныхъ взглядовъ въ вопросахъ спорныхъ и запутанныхъ. Оцѣнки *по существу* научныхъ работъ и открытій авторъ не даетъ да и не могъ дать, потому что это можетъ быть сдѣлано только спеціалистами въ разныхъ областяхъ знанія, но кое-какія сужденія высказываетъ и по

этому вопросу. Что же касается первой половины труда—біографической—то здѣсь такихъ самостоятельныхъ оцѣнокъ гораздо больше и въ общемъ ихъ нужно признать убѣдительными.

Частныхъ замѣчаній мы сдѣлаемъ немного. Роль В. Н. Каразина въ основаніи Харьковскаго университета очерчена обстоятельно; не сдѣлано только указанія на частное собраніе дворянъ, гдѣ предполагалось ассигновать въ пользу университета 1 мил. руб. Правильно отмѣчены причины удаленія отъ дѣлъ Каразина: непрочное положеніе его при дворѣ и личный характеръ его и Александра. Въ вопросѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ можно было бы высказать сужденіе и по существу. Исторія филотехническаго Общества разсказана также весьма подробно по первоисточникамъ и это дѣлается *впервые* въ настоящемъ сочиненіи, это наиболѣе цѣнныя страницы труда. Весьма хорошо объяснено и обращеніе Каразина къ Императору Александру I въ 1820 г. и убѣдительно доказано, что оно не являлось доносомъ. Весьма умѣстнымъ является также разборъ разныхъ нареканій на В. Н. Каразина; въ интересахъ полноты и безпристрастія желательно было бы даже дальнѣйшее изученіе тяжебныхъ дѣлъ Каразина, отмѣченныхъ Чириковымъ.

Во второй половинѣ сочиненія особенно цѣннымъ представляется попытка автора дать читателю кругъ идей и воззрѣній Каразина, извлеченныхъ изъ его сочиненій. Это удалось автору сдѣлать главнымъ образомъ относительно политическихъ сочиненій Каразина. Но этотъ же пріемъ слѣдовало бы распространить и на остальныя сочиненія Каразина, чтобы получить такимъ образомъ его полное *міросозерцаніе,* слѣдовало разсмотрѣть съ *такой точки зрѣнія* труды экономическіе, статистическіе и по исторіи просвѣщенія и литературы. Это отчасти и дѣлаетъ авторъ, но не выдерживаетъ до конца своего плана, ибо примѣшиваетъ къ нему и задачи *библіографическаго обзора,* которыя нужно было исполнить особо. Пользуясь различными сочиненіями Каразина, относящимися къ разнымъ моментамъ его жизни, для опредѣленія его міровоззрѣнія, нашъ авторъ замѣчалъ у него несходство мыслей и взглядовъ на одни и тѣ же вопросы, но, въ виду общей цѣльности его міросозерцанія, не допускаетъ возможности измѣненія у Каразина взглядовъ, между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, такая *эволюція* ихъ по вопросамъ объ отношеніи Россіи къ иностраннымъ государствамъ и о роли совѣта въ монархическомъ государствѣ существовала; въ одномъ вопросѣ Каразинъ ушелъ впередъ, а въ другомъ нѣсколько отступилъ назадъ.

Какъ видно изъ приведенныхъ здѣсь рубрикъ, автору, благодаря невыдержанности плана, пришлось повторяться. Затѣмъ слѣдуетъ прибавить, что уясненіе идей Каразина значительно бы выиграло, если

бы авторъ не вносилъ въ текстъ такъ много сырого матеріала—выдержекъ изъ сочиненій Каразина: ихъ можно было бы безъ ущерба перенести въ примѣчанія, а въ текстѣ оставить только основныя мысли, и говоря о desderata, можно бы замѣтить, что для выясненія значенія предложеній Каразина не мѣшало бы, гдѣ возможно, давать справки о современной ему дѣйствительности (напримѣръ, о судѣ); слѣдовало бы отмѣтить также фантастическій характеръ нѣкоторыхъ проэктовъ Каразина (напримѣръ, о выращиваніи силою электричества на сѣверѣ тропическихъ растеній). Мало сказано о *значеніи дѣятельности* В. Н. Каразина для современниковъ и потомства; мимоходомъ только касается авторъ и *характера* Каразина; между тѣмъ какъ у него же самого имѣется богатѣйшій матеріалъ для его *полной* характеристики.

Ошибокъ фактическихъ мы почти не замѣтили; можно указать только, что циркуляръ З. Я. Карѣнѣева относится не къ 1810, а къ 1819 году; есть нѣкоторыя неточности въ сообщеніи о ходѣ дѣла по выработкѣ проэкта памятника (постаментъ заказанъ не г. Беклемишеву, а г. Бекетову) и нѣк. др.

Не совсѣмъ согласны мы и съ тою характеристикой, какую даетъ нашъ авторъ изложенію и стилю Каразина; главною чертою этого стиля и языка онъ считаетъ *художественность*; по нашему мнѣнію, это—часто присущая Каразину картинность, являющаяся результатомъ его приподнятаго настроенія, воодушевленія; но нерѣдко она переходитъ въ реторичность и напыщенность, благодаря склонности Каразина въ гиперболамъ.

Что касается изложенія нашего автора, то въ общемъ оно вполнѣ удовлетворительно, хотя попадаются подъ часъ неправильные обороты, выраженія и слова. Вотъ два примѣра, наиболѣе рѣзкихъ; „Это извѣстіе еще сильнѣе *удручило* Василія Назаровича и безъ того *безуспѣшнаго* въ своихъ хлопотахъ“ (стр, 161); „мечтъ“ (вмѣсто мечтаній, стр. 757).

Въ общемъ же разсматриваемый трудъ обладаетъ такими крупными достоинстами, что я считаю его безусловно заслуживающимъ *золотой медали;* мало того: я находилъ бы также полезнымъ напечатаніе его, съ нѣкоторыми измѣненіями, [1]) въ „Запискахъ Харьковскаго университета“ или приложеніи къ нимъ.

II. *Сочиненіе на ту же тему подъ девизомъ „Я иду впередъ съ малыми надеждами безо всякой подпоры....“ В. Н. Каразинъ.* Оно гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ предъидущее (61 листъ или 487 стр.). Состоитъ изъ 2-хъ частей: въ первой разсказывается біографія Каразина въ

[1]) Кромѣ отмѣченныхъ выше указаній я хотѣлъ бы, чтобы сочиненіе при печатаніи было разбито на главы.

связи съ его общественною дѣятельностью (273 стр.), во второй его научно-литературная дѣятельность 214 стр.). И здѣсь, такимъ образомъ, дается полный отвѣтъ на предложенную мною тему.

Особаго списка источниковъ и пособій, а также сочиненій и писемъ самого В. Н. Каразина авторъ не представилъ. Но о нихъ даютъ понятіе его ссылки и цитаты. Совокупность этихъ послѣднихъ убѣдила меня, что и данный авторъ внимательно и добросовѣстно розыскивалъ литературу своего вопроса, хотя и не достигъ въ этомъ отношеніи такой полноты, какъ авторъ предшествующаго сочиненія; но и у него мы находимъ всѣ важнѣйшіе матеріалы о Каразинѣ, напечатанные частью отдѣльно, частью въ старыхъ и новыхъ повременныхъ изданіяхъ (Рус. Стар., Чтенія Моск. Общ., Рус. Арх., Кіев. Стар., Истор. Вѣстн.); авторъ воспользовался также нѣкоторыми сочиненіями, находящимися въ Имп. Публ. Библ. въ Петербургѣ. Но рукописями онъ почти не пользовался.

Благодаря меньшему количеству источниковъ и меньшему числу данныхъ, извлекаемыхъ авторомъ изъ этихъ источниковъ, это второе сочиненіе не отличается такимъ богатствомъ содержанія, какъ предъидущее, но безотносительно къ нему даетъ и довольно полную біографію, и достаточно подробный обзоръ сочиненій Каразина.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, остановимся на его содержаніи.

Первая часть распадается на 6 главъ. Въ 1-й главѣ говорится о прадѣдѣ, дѣдѣ и отцѣ В. Н. Каразина, съ цѣлью уяснить вліяніе на него наслѣдственности. Авторъ не рѣшаетъ вопроса о происхожденіи Каразиныхъ, но приводитъ данныя въ пользу греческаго и въ пользу сербскаго происхожденія ихъ; характеристика Назарія Александровича Каразина нѣсколько идеализирована (не отмѣченъ авантюризмъ), но въ общемъ вѣрна. Во 2-й главѣ авторъ продолжаетъ уяснять вліяніе на В. Н. семьи; не совсѣмъ убѣдительнымъ представлется при этомъ его мысль о вліяніи отца на выработку у сына любви къ наукамъ; отецъ, какъ въ этомъ сознается сынъ, привилъ ему не любовь къ наукамъ, а чувство долга и дѣятельную любовь къ отечеству; трудно согласиться также съ гипотезою автора о прохожденіи В. Н. Каразинымъ полнаго курса наукъ въ горномъ училищѣ. Но авторъ вездѣ осмысливаетъ факты и относится къ нимъ вдумчиво, что даетъ значительный интересъ его изложенію. Здѣсь же разсказывается о попыткѣ бѣжать за границу и о занятіяхъ въ Московскихъ архивахъ. 3-я глава посвящена возвышенію и паденію Каразина (1801—1804 г.); вотъ ея рубрики: письмо къ Имп. Александру I отъ 22 марта 1801 г.; работа въ Москвѣ и особыя порученія; участіе въ дѣлѣ Харьковскаго дворянства; 1802 годъ—идея Харьковскаго университета и письмо Фотіеву; рѣчь къ дворянству; возвращеніе

въ Петербургъ и письма къ Имп. Александру I и Кочубею, участіе въ образованіи мин. народн. просв., работа въ коммиссіи училищъ; 1803 г. учрежденіе главн. правленія училищъ, утвержденіе проэкта Харьковскаго университета; письмо къ Государю о мнѣніи гр. С. О. Потоцкаго, отъѣздъ въ Харьковъ, намѣреніе жениться, арестъ и рескриптъ, хлопоты въ Харьковѣ по университетскому дѣлу, возвращеніе въ Петербургъ, письмо къ Государю; 1804 годъ: дѣло о художникахъ и эстампахъ, поѣздка въ Харьковъ,устраненіе отъ университетскихъ дѣлъ и отставка, итогъ дѣятельности за 3½ года. 4 глава (1804—1810 г.): прошеніе Государю о денежной ссудѣ, сербскій проэктъ; открытіе Харьковскаго университета и письмо Фотіева къ Каразину; возвращеніе на родину; счеты съ университетомъ; занятія въ деревнѣ; поѣздка въ Москву; женитьба; возвращеніе; винокуренный снарядъ; политическія письма 1805, 1807 и 1809 гг.; вторичная поѣздка въ Москву; записка о метеорологіи; письма къ губ. Бахтину, Реману; занятія въ деревнѣ и опыты надъ добываніемъ селитры. 5-я глава (1811—1821 год.): филотехническое общество; изобрѣтеніе питательныхъ вытяжекъ; переписка съ Аракчеевымъ; возвращеніе въ Харьковъ, поѣздка въ Петербургъ съ проэктомъ о продовольствіи арміи вытяжками и о добываніи селитры; отзывъ объ этомъ комитета; занятія метеорологіей; проэктъ Каразина объ атмосферномъ электричествѣ; поѣздка въ Москву; послѣдняя поѣздка въ Петербургъ, занятія тамъ, политическія письма, арестъ и ссылка. 6-я глава (1821—1842 г.): частная жизнь Каразина; надежды на улучшеніе положенія; письмо къ Имп. Николаю I; разрѣшеніе выѣзжать изъ деревни; Каразины въ Москвѣ; возвращеніе въ деревню; избраніе въ предсѣдатели уголовной палаты и переписка съ кн. Долгорукимъ, вторичное пребываніе въ Москвѣ; столкновеніе съ Бенкендорфомъ и высылка изъ Москвы; частная жизнь Каразина; столкновеніе съ кн. Трубецкимъ; пожаръ библіотеки; поѣздка въ Крымъ и Одессу; участіе въ „Харьк. губ. вѣд.“; письмо къ Вел. кн. Маріи Николаевнѣ; разрѣшеніе повсемѣстнаго жительства; поѣздка въ Крымъ; смерть.

Во второй части—также 6 главъ. 1-я глава посвящена уясненію политическихъ взглядовъ В. Н. Каразина. Здѣсь разсматривается содержаніе 1) письма Каразина къ Имп. Александру I отъ 22 марта 1801 г. (законы, судъ, финансы, просвѣщеніе, крестьяне), 2) „мыслей относительно до присутственныхъ мѣстъ“ (самодержавіе, участіе дворянъ въ судѣ) 3) статьи „о причинахъ упадка курса въ Россіи“ (казенные крестьяне, проектъ продажи ихъ помѣщикамъ), 4) статьи „объ открытіи палаты государственныхъ имуществъ“, 5) трактата „практическое защищеніе“ (власть монарха, обязанности власти, обще-

ственное мнѣніе, крѣпостное право, улучшеніе быта крестьянъ, сельскія учрежденія Каразина), и 6) статьи „уставъ села Анашкина“; далѣе говорится объ участіи его въ „обществѣ добрыхъ помѣщиковъ“, излагаются взгляды на внѣшнюю политику, передается содержаніе политическихъ бумагъ 1820 года (предупрежденіе правительства, указанія на противорѣчія въ его дѣйствіяхъ и на средства къ улучшенію положенія, призывъ къ дворянству и статистическій департаментъ) и письма къ Имп. Николаю Павловичу (самодержавіе и монархизмъ); въ его Сербскомъ проэктѣ отмѣчается своеобразный панславизмъ; въ концѣ авторъ бросаетъ общій взглядъ на политическое міросозерцаніе Каразина и отмѣчаетъ стройность, выдержанность его системы. Во 2-й главѣ говорится о взглядахъ Каразина на просвѣщеніе; вотъ ея рубрики: Каразинъ сторонникъ общественно-національнаго воспитанія; религіозный патріотизмъ и утилитарное направленіе; основныя черты университетскаго проэкта Каразина; среднее образованіе; низшее народное образованіе; женское образованіе; цѣли и значеніе журналистики; популяризація науки. 3-я глава—статьи историческія: сношенія съ Карамзинымъ; изданіе рукописей; самостоятельныя работы; статья объ одномъ Россійскомъ анекдотѣ; взглядъ на польскій вопросъ; статьи, касающіяся Харьковской губ.; сравненіе характера великоросса и малороса; археологія Харьковской губ.; находка Каразина; значеніе городищъ; взглядъ на украинскую старину; вѣрное пониманіе историческаго прошлаго своей родины; критическое изданіе оды „Богъ“ на латин. яз. 4-я глава. Статьи по метеорологіи: записка, читанная въ 1810 г.; проэктъ организаціи повсемѣстныхъ метеорологическихъ наблюденій; мысль о примѣненіи къ метеорологіи воздушнаго электричества; судьба проэкта; записка о возможности приложить электрическую силу верхнихъ слоевъ атмосферы къ потребностямъ человѣка и заключеніе Фуса; дальнѣйшія занятія Каразина метеорологіей; объясненіе суровости зимъ; отношеніе къ народнымъ примѣтамъ о предугадываніи погоды. 5-я глава. Статьи и проэкты по технохиміи, лѣсоводству и сельскому хозяйству: занятія винокуреніемъ; два снаряда для гонки вина; селитровареніе; новый способъ отопленія зданій; о сженіи угля съ разсчетомъ; статьи по лѣсоводству; садоводство; сельское хозяйство; идея эссенціальныхъ приготовленій и судьба этихъ проэктовъ; предложеніе составить акціонерное общество. 6-я глава. Филотехническое общество: цѣль общества; печальное состояніе земледѣлія и промышленности въ Украинѣ; 1811-й годъ; организація общества; 1-й съѣздъ; правила; образцовыя заведенія; утвержденіе устава; 2-й съѣздъ; занятія; публичное собраніе; 1812-й годъ; Крещенскій съѣздъ; занятія;

участіе другихъ членовъ; 1813-й годъ; Крещенскій съѣздъ; избраніе въ почетные члены Аракчеева; занятія Каразина по фил. общ. въ Москвѣ; коммиссіонная контора и справочники; 1814-й годъ; съѣздъ Успенскій; отсутствіе Каразина; избраніе Аракчеева попечителемъ общества; запрещеніе Каразину сноситься съ начальствомъ безъ вѣдома общества; 1815-й годъ; Крещенскій съѣздъ; занятія; списокъ членовъ; 1816-й годъ; съѣздъ Успенскій; занятія; представленіе Каразинымъ своего сочин. „Практ. защищ.“; 1817-й годъ; Крещенскій съѣздъ; участіе другихъ членовъ; рапортъ Государю; намѣреніе издавать акты; 1818-й годъ; Успенскій съѣздъ; занятія за послѣднія 4 мѣсяца 1818 г. и Крещенскій съѣздъ; причины, повлекшія за собою паденіе общества; общій взглядъ на филотехническое общество.

Какъ видимъ отсюда, и настоящая работа даетъ довольно полную внѣшнюю канву жизни и общественной дѣятельности Каразина и систематическій сводъ содержанія его учено-литературныхъ трудовъ. О роли Каразина въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета авторъ говоритъ менѣе подробно, чѣмъ бы слѣдовало по значенію этого факта въ жизни Василія Назарьевича; тоже нужно сказать и о дѣятельности его въ сел. Кручикѣ; о филотехн. общ. разсказывается достаточно подробно по актамъ филотехн. общества. Причину паденія Каразина авторъ объясняетъ совершенно правильно; вообще у автора мы нерѣдко встрѣчаемъ собственныя свои соображенія и замѣчанія (напр., о роли Каразина въ мин. нар. просв.); содержаніе сочиненій Каразина излагается кратко—передается только сущность его взглядовъ; при этомъ дѣлаются указанія на эволюцію идей Каразина; (напр. объ отношеніи къ Европѣ, о крѣпостномъ правѣ); попадаются критическія замѣчанія (о мнѣніяхъ В. И. Семевскаго, объ актахъ филотехн. общ.). Пріятное впечатлѣніе производитъ систематическая сводка матеріала во 2-й части труда. Оцѣнка значенія историческихъ работъ Каразина носитъ преувеличенный характеръ (объ ап. Андреѣ, о городищахъ—были уже работы Ходаковскаго, о ст. „Взглядъ на Украин. старину“).

Планъ сочиненія не вполнѣ выдержанъ, но повтореній гораздо меньше, чѣмъ въ предыдущей работѣ: въ 1-й части о сочиненіяхъ только упоминается для опредѣленія хронологической нити. На вопросъ о *значеніи* Каразина нѣтъ отвѣта, а онъ былъ бы очень желателенъ; равно нѣтъ и *характеристики* Каразина. Изложеніе въ общемъ ясное, удовлетворительное, хотя и не безъ погрѣшностей въ отдѣльныхъ случаяхъ. Въ виду всего изложеннаго считаю справедливымъ награжденіе автора серебряною медалью.

XXXV.

Научная критика, памфлетъ или пасквиль?

(По поводу брошюры г. И—ва „В. Н. Каразинъ, мнимый основатель Харьковскаго университета“).

„...Недостатки не умалятъ общепризнанныхъ заслугъ, а только освѣтятъ ихъ истиннымъ свѣтомъ“—

(Н. А. Лавровскій).

Недавно появилась въ свѣтъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ брошюра г. И—ва, силящагося доказать, что В. Н. Каразинъ былъ не выдающійся общественный дѣятель, а преступникъ, достойный тяжкихъ уголовныхъ каръ. Авторъ называетъ В. Н. Каразина знаменитымъ авантюристомъ (стр. 5), жалкимъ маніакомъ, страдавшимъ маніею величія и преслѣдованія (стр. 6), человѣкомъ съ разстроеннымъ воображеніемъ (10), невмѣняемымъ (26), малообразованнымъ коллежскимъ совѣтникомъ (10), мелкопомѣстнымъ дворяниномъ (6), мелкимъ чиновникомъ (7), канцелярскою крысою, письмоводцемъ (10), мелкою чиновничьею сошкою (24), лжецомъ (12—13), обманщикомъ, желавшимъ выпутаться изъ обмана новымъ обманомъ (14, 16), „пошлымъ доносчикомъ“ (23), доносившимъ и на губернатора Артакова (17), и на попечителя Разумовскаго (23), и на Министровъ Народнаго Просвѣщенія Завадовскаго и на кн. А. Н. Голицына (23), и на Харьковскій университетъ (30), и на журналы, и на писателей (37), и на Библейское Общество, и на секты (38), шельмовавшимъ въ своихъ доносахъ всѣхъ и вся и такимъ образомъ какъ бы укоряющимъ самого Императора (42), сдѣлавшимъ въ Петербургѣ изъ доносовъ и шпіонства свое ремесло (33) и имѣвшимъ своихъ собственныхъ доносчиковъ (40); онъ противопоставляетъ тайныхъ совѣтниковъ и графовъ, занимавшихъ высокіе государственные посты, мелкой сошкѣ, нищему богодуховскому дворянину (23), обвиняетъ его въ подкупѣ царскихъ лакеевъ (6) и дворянъ (15), въ сочиненіи под-

ложнаго письма къ Императору Павлу и извращеніи исторической правды (5), въ неудачной попыткѣ прикарманить 4,000 руб. университетскихъ денегъ и въ присвоеніи денегъ Каретникова и Захаржевскаго (19), основываясь на „явной преступности его въ растратѣ университетскихъ суммъ“, готовъ признать его воромъ (21), обзываетъ „Предначертаніе“ его о Харьковскомъ университетѣ „глупѣйшимъ фантастическимъ планомъ“ (14), дѣятельность по части найма мастеровъ и пріобрѣтенія эстамповъ „дѣлишками“, роль его въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета неблаговидной (29), а замѣчательную коллекцію эстамповъ Аделунга, имъ пріобрѣтенную, „ненужнымъ хламомъ“ (18); заявляетъ, что отзывъ Державина о немъ, какъ о человѣкѣ не весьма завидной честности, нужно признать слишкомъ умѣреннымъ (5—6), что „проекты“, поданные имъ императору Александру, не удостаивались другого мѣста, кромѣ корзины подъ столомъ (8), что этотъ маньякъ былъ ни при чемъ въ ассигнованіи Харьковскаго дворянства и сыгралъ въ данномъ случаѣ скорѣе отрицательную роль (13), что благодаря поведенію его и нѣсколькихъ его благопріятелей это благое дѣло превратилось въ пошлую интригу (15), *единственная* же заслуга о состоитъ въ томъ, что онъ велѣлъ прибить къ зданію, отведенному подъ университетъ, доску съ надписью: Государственный университетъ, за что памятникъ поставить нельзя (17); говоритъ, что „этотъ поборникъ мракобѣсія предупредилъ и далеко опередилъ въ своихъ ретроградныхъ взглядахъ даже знаменитаго гасителя просвѣщенія Магницкаго“ (32), что основанное имъ Филотехническое Общество чрезъ нѣсколько лѣтъ было закрыто, и Каразинъ преданъ суду по обвиненію членами его въ мошенничествѣ акціями (33), что Императоръ Александръ учинилъ ему „Высочайшую головомойку“ и указалъ на всю мерзость его поступка, ибо онъ, дворянинъ, сообщаетъ Императору черезъ придворныхъ лакеевъ свои пасквили (24), что совѣтъ Харьковскаго университета избралъ его въ почетные члены, боясь его доносовъ (29); утверждаетъ, что столяры, слесаря и т. п., по его мысли, должны были занять *каѳедры* по своей спеціальности въ университетѣ (17); по поводу заключенія его въ крѣпость по обвиненію въ политическомъ преступленіи выражается такъ: „по поводу бунта въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. онъ *угодилъ* въ Петропавловскую крѣпость“ (34), а затѣмъ прибавляетъ: „В. Н. Каразинъ дѣйствуетъ не по сезону, невпопадъ и безтактно, подобно Иванушкѣ-дурачку. И потому неудивительно, что и его такъ же вздули, какъ и послѣдняго“ (42); „всѣ современники смотрѣли на него, какъ на несчастнаго и вреднаго человѣка! И ужъ, конечно, *презирали* совсѣмъ не за то, за что думалъ самъ Каразинъ“ (44).

Заключаетъ свою критику авторъ такимъ обличеніемъ университета и Харьковскаго общества: „На основаніи всего изложеннаго читатель, мы увѣрены въ этомъ, пойметъ, что̀ за личность былъ Каразинъ. Памятникъ ему въ Харьковѣ будетъ вѣчнымъ позоромъ и для Харьковцевъ, и для харьковскаго университета“ (45).

Я извиняюсь передъ читателями, что заставилъ ихъ ознакомиться со столькими гнусными обвиненіями, направленными противъ давно уже почившаго общественнаго дѣятеля, которому общество и университетъ ставятъ памятникъ. Очевидно, такой „заборной“ литературы, испещренной столькими непристойными эпитетами, не могло помѣстить на своихъ страницахъ ни одно уважающее себя повременное изданіе—и данное произведеніе должно было по необходимости выйти отдѣльною брошюрою. Приведенныя in extenso выдержки, совершенно не соотвѣтствующія достоинству печатнаго слова, ясно показываютъ, съ какого рода произведеніемъ мы имѣемъ дѣло. Къ критической исторіи, которая должна быть безпристрастна, эта брошюра во всякомъ случаѣ никакого отношенія не имѣетъ. Ее нельзя причислить и къ популярно историческимъ трудамъ, потому что эти послѣдніе, основываясь не на первоисточникахъ, а на пособіяхъ, все же добросовѣстно излагаютъ ихъ содержаніе.

Изъ дальнѣйшаго разбора мы убѣдимся, что это—не историческій трудъ, а нѣчто средне между памфлетомъ и пасквилемъ, и если мы останавливаемся на немъ, то только потому, что тема, затронутая авторомъ, представляетъ глубокій общественный интересъ. Общество взволновано, недоумѣваетъ—и необходимо помочь ему разобраться въ этомъ дѣлѣ. Вотъ почему я рѣшился помѣстить настоящую статью не въ спеціальномъ ученомъ изданіи, а въ мѣстныхъ Харьковскихъ газетахъ. Само собою разумѣется, что въ газетной статьѣ нѣтъ возможности подвергнуть систематическому разбору всѣ измышленія и ложныя заключенія автора. Такой разборъ, одобренный историко-филологическимъ факультетомъ, сколько мнѣ извѣстно, будетъ напечатанъ скоро въ запискахъ Харьковскаго университета однимъ молодымъ спеціалистомъ въ этой области, я же ставлю себѣ одну цѣль,—доказать, что брошюра не имѣетъ никакого научнаго значенія, и что ею нисколько не разрушены выводы о В. Н. Каразинѣ даже старыхъ работъ проф. Н. А. Лавровскаго.

О дѣятельности В. Н. Каразина и въ частности о роли его въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета существуетъ цѣлая литература. Авторъ разбираемой брошюры кореннымъ образомъ расходится со своими предшественниками въ оцѣнкѣ дѣятельности и личности В. Н. Каразина: выходитъ такимъ образомъ, что *всѣ* заблуждались, и при томъ не

въ какихъ либо частностяхъ, а въ самыхъ существенныхъ, коренныхъ вопросахъ. Конечно, возможно допустить ошибки у каждаго изъ писавшихъ о В. Н. Каразинѣ. Но совсѣмъ невѣроятно, чтобы всѣ, писавшіе о В. Н. Каразинѣ ранѣе автора брошюры, такъ грубо ошиблись въ самомъ основномъ—признали полезнымъ, выдающимся общественнымъ дѣятелемъ человѣка достойнаго презрѣнія. Невозможно этого допустить, между прочимъ, и потому, что каждый изъ предшественниковъ г. И—ва основывался на документальныхъ данныхъ и стремился добросовѣстно къ достиженію научной истины. Авторъ брошюры не только не вводитъ никакихъ новыхъ новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ, которые позволили бы ему освѣтить личность его съ иной стороны, а, наоборотъ, очень мало освѣдомленъ въ пособіяхъ и еще менѣе того въ первоисточникахъ.

Чтобы сказать „новое слово“ о В. Н. Каразинѣ, необходимо было предварительно опровергнуть выводы и Г. П. Данилевскаго, и Н. А. Лавровскаго, и Я. В. Абрамова, и мои, и, наконецъ, г. Тихаго. Г. П. Данилевскій первый привелъ въ извѣстность значительный запасъ разбросанныхъ въ разныхъ изданіяхъ матеріаловъ и далъ монографію о немъ, нашедшую компетентную оцѣнку со стороны Императорской академіи наукъ. Н. А. Лавровскій въ своихъ работахъ преимущественно остановился на центральномъ вопросѣ—уясненіи роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета и сдѣлалъ это на основаніи богатыхъ данныхъ университетскаго архива. „Свѣдѣнія эти, говоритъ онъ, сами отвѣчаютъ за свою точность. Мы позволили себѣ дѣлать выводы изъ нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти выводы прямо вытекаютъ изъ фактовъ, заключающихся въ означенныхъ оффиціальныхъ документахъ“. Я. В. Абрамовъ хотя далъ популярный очеркъ (въ Павленковской серіи біографій замѣчательныхъ дѣятелей), но воспользовался въ немъ для оцѣнки политической дѣятельности В. Н. Каразина цѣнными данными, опубликованными сыномъ его Филадельфомъ Васильевичемъ. Мнѣ также удалось найти рядъ новыхъ документовъ для біографіи В. Н. Каразина и характеристики его роли въ дѣлѣ просвѣщенія и основанія Харьковскаго университета, и я воспользовалсяими въ своей статьѣ „о просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина“ и въ „Опытѣ исторіи харьковскаго университета“. Въ настоящее время, по порученію совѣта Императорскаго Харьковскаго университета, я занятъ собираніемъ и редактированіемъ перваго собранія сочиненій и писемъ В. Н. Каразина. Дѣлами писателя являются главнымъ образомъ его мысли, т. е. сочиненія. Понятно, слѣдовательно, какъ важны для оцѣнки В. Н. Каразина его труды, относящіеся къ самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія, полити-

ческой и общественной жизни. [1]) Само собою разумѣется, что я не дѣлаю никакого подбора и напечатаю все, что удалось разыскать, въ томъ числѣ и переписку, не предназначавшуюся къ опубликованію, хотя бы она и подавала поводъ къ разнымъ кривотолкамъ. Часть новыхъ документовъ о В. Н. Каразинѣ я напечаталъ въ Запискахъ Харьковскаго университета. Не имѣя возможности лично заняться составленіемъ полной біографіи В. Н. Каразина и считая появленіе въ свѣтъ такого труда крайне желательнымъ (въ особенности въ виду скорого открытія памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ), я предложилъ студентамъ темою очереднаго сочиненія по русской исторіи для соисканія медалей вопросъ о жизни, общественной дѣятельности и значеніи В. Н. Каразина. На эту тему было представлено два сочиненія, изъ коихъ одно—студента Тихаго—было удостоено золотой медали, въ настоящее время печатается въ журналѣ „Кіевская Старина“ и выйдетъ скоро отдѣльнымъ изданіемъ. Это—прекрасная, обстоятельная, критическая монографія, дѣлающая честь усердію и добросовѣстности молодого автора.

Авторъ брошюры, оставивъ безъ разсмотрѣнія всѣ перечисленные выше труды, почему то дѣлаетъ исключеніе только для меня и, хотя я схожусь въ свой оцѣнкѣ со всѣми перечисленными выше авторами, выставляетъ меня *одного* виновникомъ распространенія въ обществѣ ложныхъ свѣдѣній о В. Н. Каразинѣ. Такимъ образомъ брошюра г. И—ва посвящена не только развѣнчиванію общественныхъ заслугъ В. Н. Каразина, но и развѣнчиванію моихъ заслугъ, какъ историка университета. Неутомимый изобличитель рѣшилъ, такъ сказать, одновременно убить двухъ зайцевъ и въ своемъ „произведеніи“ „далъ, какъ выражается самъ, не одну, а двѣ повѣсти“—повѣсть о мнимомъ основателѣ Харьковскаго университета В. Н. Каразинѣ и повѣсть объ историкѣ, сдѣлавшемъ изъ мухи слона. Не знаю, чѣмъ объяснить такое *исключительное* ко мнѣ вниманіе г. И—ва, но невольно напрашивается выводъ, что если бы *я* ничего не писалъ о В. Н. Каразинѣ, то не было бы и изобличенія послѣдняго, и вспоминается нѣмецкая пословица—da ist der Hund begraben! Пріемы изобличенія меня, какъ историка, столь же гомерически просты, какъ и пріемы „развѣнчиванія“ В. Н. Каразина. Чтобы не утруждать себя непосильнымъ разборомъ моей „Исторіи Харьковскаго университета“, имъ, очевидно, не прочитанной, авторъ брошюры роняетъ

---

[1]) Свои поиски я дѣлалъ систематически, наводя справки во всѣхъ нашихъ архивохранилищахъ, не исключая и такихъ, доступъ въ которыя сопряженъ съ особыми затрудненіями. И съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія могу сказать, что мнѣ удалось найти цѣнные документы, лежавшіе подъ спудомъ болѣе 100 лѣтъ.

мимоходомъ о ней такой своей авторитетный приговоръ: „Опыты“ Д. И. Багалѣя написаны такъ, что въ нихъ исторической правды и на волосъ не видно, не говоря уже томъ, что такъ писать и грѣхъ и стыдно!“ (стр. 32). Вышло даже нѣчто вродѣ стиховъ, очевидно, подъ вліяніемъ чувства или лирическаго настроенія критика. Къ сожалѣнію, г. И—въ не приводитъ въ пользу своего уничтожающаго приговора рѣшительно никакихъ доказательствъ, а немотивированное впечатлѣніе его было бы для меня интересно только въ томъ случаѣ, если бы подъ загадочными иниціалами И—въ скрывался дѣйствительно какой-либо извѣстный спеціалистъ, что, однако, по содержанію брошюры, отнюдь недопустимо. Неужели мало-мальски серьезный ученый могъ высказать такое абсурдное положеніе, что въ 2-хъ томномъ сочиненіи, состоящемъ изъ 2300 страницъ текста, основанномъ почти исключительно на оффиціальныхъ данныхъ, правительственныхъ распоряженіяхъ, Высочайшихъ повелѣніяхъ и т. п. не оказалось ни на волосъ правды, когда въ большинствѣ случаевъ авторъ вмѣсто своихъ словъ приводитъ прямо in extenso эти документы? И какого же наивнаго и довѣрчиваго читателя г. И—въ имѣлъ въ виду при составленіи своей брошюры? Вѣдь его „повѣсть“, очевидно, недалеко ушла отъ сказокъ про Бову королевича и Еруслана Лазаревича. И развѣ возможно мнѣ, работавшему 12 лѣтъ надъ этими 2 томами и получившему уже оцѣнку 1-го изъ нихъ отъ Академіи наукъ, отвѣчать на такую (sit venia verbo!) „критику“?!

Впрочемъ, для опроверженія „новыхъ взглядовъ“ г. И—ва мнѣ нѣтъ надобности пользоваться своими сочиненіями о В. Н. Каразинѣ. Мы можемъ совершенно устранить ихъ, такъ же точно, какъ и свидѣтельства самого В. Н. Каразина и, пользуясь однѣми старыми работами Н. А. Лавровскаго, которыя не только не опровергаются г. И—вымъ, а, наоборотъ, служатъ главнымъ его источникомъ въ вопросѣ объ основаніи Харьковскаго университета, рѣшить вопросъ о томъ, какова была роль В. Н. Каразина въ этомъ дѣлѣ.

Съ какимъ научнымъ багажомъ выступаетъ авторъ брошюры?

Съ самымъ скуднымъ и совершенно недостаточнымъ для рѣшенія поставленной имъ себѣ задачи. Главнымъ матеріаломъ для него служили пособія (въ особенности Н. А. Лавровскій) и въ самой ничтожной степени собственныя сочиненія В. Н. Каразина. А какъ можно изучать писателя, не зная его мыслей?

До какой степени доходитъ невѣжество автора въ тѣхъ вопросахъ, которые онъ смѣло и рѣшительно разрѣшаетъ, доказываетъ слѣдующій примѣръ. Чтобы отвергнуть во что бы то ни стало заслуги В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета, онъ силится до-

казать, что Харьковъ 1800—1802 гг. и самъ по себѣ, безъ В. Н. Каразина, могъ быть избранъ мѣстомъ для учрежденія университета, и прибавляетъ, что „здѣсь уже существовали серьезные разсадники просвѣщенія—коллегіумъ, главное училище и семинарія“ (стр. 11). Но кому же неизвѣстно, что коллегіумъ и семинарія—это одно и то же учебное заведеніе, а не два разныхъ, что въ Харьковѣ тогда былъ только коллегіумъ, переименованный въ семинарію въ 1841 году, и что, слѣдовательно, въ Харьковѣ были тогда не три, а только двѣ среднія школы. Очевидно, авторъ брошюры не только не заглядывалъ въ прекрасную монографію о Харьковскомъ коллегіумѣ проф. А. С. Лебедева, но даже въ 1-ю главу моего „Опыта исторіи Харьковскаго университета“ (т. 1-й), гдѣ также говорится о коллегіумѣ; это, однако, не помѣшало ему высказать о немъ уничтожающій приговоръ! Недостатокъ данныхъ авторъ брошюры восполняетъ смѣлостью заключеній; здѣсь для него не существуетъ никакихъ затрудненій; здѣсь полетъ его фантазіи безграниченъ. Впрочемъ необходимо сдѣлать оговорку: фантазія его работаетъ всегда только въ одномъ направленіи—обличительно ругательномъ, но за то здѣсь она не знаетъ удержу. Гдѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, онъ выдумываетъ отъ себя, сочиняетъ. Гдѣ есть отрицательныя, неудобныя для него данныя—онъ сознательно умалчиваетъ о нихъ. Гдѣ есть и положительныя, и отрицательныя данныя, онъ беретъ только тѣ, которыя ему нужны, нанизывая ихъ на свою предвзятую тенденцію

Но самый излюбленный его пріемъ—это гипербола, которою онъ пользуется постоянно, смѣло и систематически, переходя въ область совершенно неправдоподобнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грубаго, неприличнаго; къ этому у него особенное тяготѣніе, мы не находимъ у него даже самой элементарной научной добросовѣстности; вездѣ преувеличеніе или искаженіе истины; нѣтъ даже добросовѣстнаго изложенія чужихъ изслѣдованій, свойственнаго и научно-популярнымъ трудамъ. Вся его брошюра отъ первой до послѣдней страницы представляетъ сплошное отрицаніе элементарнѣйшихъ требованій научной критики, рядъ умолчаній, недомолвокъ, произвольныхъ толкованій текста, явныхъ преувеличеній. Перефразируя слова автора брошюры, можно сказать, что именно онъ сдѣлалъ изъ мухи слона, раздулъ недостатки В. Н. Каразина, которые были отмѣчены въ предшествующей литературѣ, широко и безъ всякой критики использовавъ тѣ пересуды и сплетни, которые ходили о В. Н. Каразинѣ, и отъ которыхъ не можетъ гарантировать себя ни одна выдающаяся личность, а въ особенности такая сложная, какъ В. И. Каразинъ, исполненная противорѣчій,—смѣси выдающихся достоинствъ и значительныхъ недостатковъ.

Пересуды и сплетни современниковъ В. Н. Каразина, конечно, понятны, но не извинительны въ устахъ автора, выступающаго въ роли историка.

Авторъ брошюры силится доказать охарактеризованными выше пріемами, что В. Н. Каразинъ ни при чемъ въ основаніи Харьковскаго университета. Единственно несомнѣнная услуга, которую Каразинъ оказалъ Харьковскому университету, замѣчаетъ авторъ (стр. 17), состояла въ томъ, что онъ приказалъ прибить къ университетскому дому доску съ надписью—Государственный университетъ. В. Н. Каразинъ, по его словамъ, не повліялъ даже на выборъ Харькова, какъ мѣста для университета. А вотъ что говоритъ по этому поводу Н. А. Лавровскій: „Каразинъ, состоявшій въ должности правителя дѣлъ сначала въ коммиссіи училищъ, а потомъ и въ главномъ правленіи училищъ, находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ кн. Чарторижскому и гр. Потоцкому, имѣлъ полную возможность склонять сужденіе о выборѣ мѣста для университета въ пользу Харькова“ (стр. 59). Въ доказательство вліянія, какимъ пользовался В. Н. Каразинъ въ главномъ правленіи училищъ, Н. А. Лавровскій ссылается на то, что при обсужденіи проекта общаго устава университетовъ принято было за основаніе его предначертаніе университетскаго устава, служившее началомъ имъ же составленнаго предначертанія объ общественномъ воспитаніи (ibidem). Авторъ же брошюры отрицаетъ всякое вліяніе В. Н. Каразина въ этихъ учрежденіяхъ, презрительно называя его письмоводителемъ и письмоводцемъ.

О выборѣ Харькова для университета Н. А. Лавровскій высказываетъ такое категорическое сужденіе: „Выборъ незначительнаго тогда во всѣхъ отношеніяхъ Харькова для южнаго университета, помимо старѣйшаго и представлявшаго дѣйствительно важныя преимущества Кіева [1]), объясняется еще болѣе, независимо отъ общаго вліянія Каразина на ходъ сужденій объ этомъ предметѣ въ главномъ правленіи училищъ, весьма значительными для того времени пожертвованіями, какія поспѣшилъ сдѣлать Харьковъ“.

Въ указѣ 24 января (1803 года) прямо сказано, что университетъ учреждается въ Харьковѣ „во уваженіе патріотическаго приношенія, предложеннаго дворянствомъ и гражданствомъ сей губерніи“ (стр. 59—60). Авторъ брошюры отрицаетъ тотъ очевидный фактъ, что именно В. Н. Каразинъ подвинулъ дворянское общество на „патріотическое пожертвованіе“. А Н. А. Лавровскій говоритъ по этому поводу слѣдующее: „*Первая мысль объ этихъ пожертвованіяхъ и воодушевленное*

[1]) Конкуррентомъ Харькова являлся Кіевъ.

возбужденіе къ нимъ дворянства и гражданъ Харьковской губерніи принадлежитъ тому же Каразину, такъ что онъ дѣйствительно является на всѣхъ пунктахъ единственнымъ виновникомъ назначенія Харькова для южнаго университета; безъ него это назначеніе, конечно, никому и въ голову не пришло бы, даже Чарторижскому, Фуссу и Озерецковскому; такимъ горячимъ участіемъ Каразинъ навсегда связалъ свое имя съ основаніемъ Харьковскаго университета“ (стр. 60).

Далѣе Н. А. Лавровскій разсказываетъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя предстояли В. Н. Каразину въ Харьковѣ, во время дворянскаго собранія 11-го августа 1802 года. „Это было торжественное собраніе, говоритъ онъ, весьма знаменательное въ существованіи Харьковскаго университета, *какъ исходная точка его исторіи*“ (стр. 64). И судьбу пожертвованій рѣшила, по словамъ Н. А. Лавровскаго, именно страстная рѣчь В. Н. Каразина и все то, что ее сопровождало. „Имъ руководило страстное воодушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ, а такія побужденія не осуждаются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не былобъ и университета въ Харьковѣ, такъ какъ значительность этихъ пожертвованій главнѣйшимъ образомъ и склонила дѣло въ пользу Харькова, какъ это точно и означено въ Высочайшемъ указѣ 24 января объ устройствѣ училищъ“ (стр. 65). О томъ, что дворянское пожертвованіе ускорило открытіе университета въ Харьковѣ, упоминается и въ утвердительной грамотѣ его (5 ноября 1804 г.), гдѣ читаемъ: „Учреждая новый образъ существованія училищной части въ Имперіи, съ сердечнымъ удовольствіемъ увидѣли мы поревнованіе слободско-украинскаго дворянства и гражданства, которые, ускоривъ вѣрноподданническимъ прошеніемъ объ устроеніи въ Харьковѣ университета, отъ собственныхъ стяжаній въ пользу онаго принесли государству достойное признательности нашей и вѣчной памяти потомковъ пожертвованіе“ (стр. 75—76).

Документальными данными доказываетъ Н. А. Лавровскій живѣйшее участіе В. Н. Каразина во всемъ дѣлѣ учрежденія университета въ Харьковѣ.

Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, говоритъ Н. А. Лавровскій, что всѣ дѣла по устройству университета попечителемъ первоначально предосталены были Каразину, такъ что во все время, отъ начала 1803 до 11 апрѣля 1804 года (день перваго засѣданія комитета правленія), онъ былъ главнымъ и, можно сказать, единственнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовительныхъ работъ и мѣръ для снабженія уни-

верситета на первое время всѣмъ необходимымъ (стр. 77). Далѣе Н.А. Лавровскій сообщаетъ, что сотрудникомъ его сдѣлался проф. Тимковскій. Авторъ брошюры, основываясь исключительно на статьѣ Н. А. Лавровскаго, приходитъ къ выводу о „явной преступности Каразина въ *растратахъ* университетскихъ суммъ“, (стр. 21), обвиняетъ его въ попыткѣ *„прикарманить“* 4000 руб. университетскихъ суммъ, *присвоеніи* денегъ Каретникова и пожертвованія Захаржевскаго (стр. 19). Но что же дѣствительно говоритъ объ этомъ самъ первоисточникъ обличителя— Н. А. Лавровскій?

На основаніи имѣвшихся у него документальныхъ данныхъ онъ ни слова не говоритъ ни о *растратѣ* университетскихъ суммъ, ни о попыткѣ *прикарманивать* ихъ, ни о *присвоеніи* денегъ Каретникова и Захаржевскаго. Онъ отмѣчаетъ только замѣшательство въ денежныхъ разсчетахъ съ В. Н. Каразинымъ, явившееся результатомъ его „патріархальнаго обращенія съ казенными денежными суммами, его непрактичности и самонадѣянности“ (стр. 82). Изъ дальнѣйшаго выясняется, что подъ этимъ „патріархальнымъ обращеніемъ съ казенными суммами“ онъ разумѣлъ исключительно недостатки счетоводства, бухгалтеріи, а не отсутствіе безкорыстія. Вотъ его подлинное выраженіе. „Такая путаница въ денежныхъ счетахъ, вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ нашего перваго дѣятеля въ пользу Харьковскаго университета. *Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина*, мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скоро обнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счеты“ (стр. 84).

Покупку эстамповъ Н. А. Лавровскій называетъ „непроизводительной растратой денегъ“ въ смыслѣ нераціональнаго употребленія; но самъ же доказываетъ, что уплату за нихъ Аделунгу сдѣлалъ В. Н. Каразинъ изъ своихъ средствъ и потому былъ правъ, когда добивался возвращенія себѣ всей этой суммы. Что же касается другихъ денегъ, которыя хотѣли вычесть изъ этой суммы, то на 2,000 р., взятыхъ изъ городской думы, В. Н. Каразинъ выдалъ росписку и затѣмъ вручилъ ихъ на расходы по университету своему довѣренному лицу Шишкину. И на то, чтобы эти деньги не были возвращены имъ думѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній въ документахъ.

То же самое произошло и съ 2,000 р. взятыхъ у Аникѣева—нѣтъ указаній, чтобы они не были истрачены на нужды университета, а В. Н. Каразинъ обязался вернуть ихъ университету, когда окончательно ликвидировались его сложные счеты съ этимъ послѣднимъ. То же самое нужно сказать и о деньгахъ Донецъ-Захаржевскаго. Каретникову онъ выслалъ деньги, но не получилъ отъ него росписки.

Отсутствіе средствъ, необходимыхъ на расходы, сопряженные съ мѣрами къ скорѣйшему открытію университета, невольно заставляли В. Н. Каразина прибѣгать къ такимъ позаимствованіямъ и даже затрачивать собственныя средства въ экстренныхъ случаяхъ, какъ это было, напримѣръ, въ дѣлѣ съ ремесленниками, которымъ онъ выдалъ первоначально изъ своихъ денегъ болѣе $9^1/_2$ тыс. р. Конечно, это ставило его въ затруднительное положеніе, потому что собственныя средства его были довольно скудны. Неожиданное устраненіе отъ дѣлъ въ разгаръ хозяйственной дѣятельности еще болѣе усложнило денежные счеты В. Н. Каразина съ университетомъ—вотъ почему ихъ трудно было распутать правленію и совѣту. Такимъ образомъ, вышеприведенныя обвиненія автора брошюры явно пристрастны, ибо не доказаны, а между тѣмъ порочатъ честь и доброе имя В. Н. Каразина.

Столь же недобросовѣстно поступаетъ авторъ брошюры, совершенно умалчивая о томъ, какъ опредѣлилъ роль В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета самъ *университетъ*. Предумышленность умолчанія его доказывается тѣмъ, что онъ позаимствовалъ у Н. А. Лавровскаго извѣстіе о выборѣ В. Н. Каразина въ почетные члены Харьковскаго университета, но ни единымъ словомъ не упомянулъ о той спеціальной мотивировкѣ, которая была сдѣлана по этому поводу совѣтомъ. А въ ней-то и заключается вся сила. Ad hunc virum eligendum, говорится въ протоколѣ, Senatus praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charcoviae sit constituta“, (стр. 101), т. е.. къ выбору этого мужа Совѣтъ былъ подвинутъ кромѣ его превосходныхъ выдающихся познаній также чувствомъ благодарности, ибо *единственно его заботъ и труду нужно приписать то, что университетъ былъ учрежденъ въ Харьковѣ*.

Не менѣе опредѣленно профессора и преподаватели Харьковскаго университета выразили свой взглядъ на его роль въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета въ 1833 году, о чемъ также сообщилъ Н. А. Лавровскій въ своей статьѣ, прочитанной въ торжественномъ университетскомъ собраніи по поводу столѣтія со дня рожденія В. Н. Каразина. Узнавъ о денежномъ взысканіи, предъявленомъ къ В. Н. Каразину гр. Подгоричани,

они собрали между собою добровольно 1280 р. въ его пользу, движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ Каразину, какъ *первому и единственному виновнику основанія здѣсь университета*, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ нимъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству" (Ж. М. Н. П. 1873, февраль, стр. 310). Такое же признаніе заслуги В. Н. Каразина передъ университетомъ и *городомъ* Харьковомъ мы находимъ и въ третьемъ документѣ, опубликованномъ Н. А. Лавровскимъ и относящемся къ тому же 1833 году. О немъ, однако, также умолчалъ авторъ брошюры. Вотъ этотъ документъ: „Увѣдомился я, писалъ харьковскій городской голова А. Мотузокъ предсѣдателю Харьковской гражданской палаты, что ст. сов. В. Н. Каразинъ имѣетъ въ слободской украинской гражданской палатѣ дѣло; къ окончанію онаго потребна сумма въ 2000 руб. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ *труды и предстательства В. Н. Каразина предъ престоломъ* блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго монарха *Александра I объ учрежденіи въ Харьковѣ университета*, который распространилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ свое состояніе—сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, мил. гос., прошу оную сумму принять и употребить по дѣлу выше прописанному" (ib). Спрашивается: имѣетъ ли авторъ брошюры самое минимальное стремленіе къ исторической правдѣ и справедливости, если, при вполнѣ отрицательномъ рѣшеніи вопроса о роли В. Н. Каразина въ основаніи Харьковскаго университета, не только не опровергнулъ этихъ основныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ не В. Н. Каразину, а двумъ коллегіямъ, но сознательно умолчалъ о нихъ, дабы ввести въ заблужденіе своихъ читателей? Какъ назвать такой пріемъ? И можно ли причислить его брошюру къ разряду историческихъ трудовъ? Конечно, нѣтъ!

Подобно тому, какъ для возстановленія нарушенной авторомъ брошюры истины о роли В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета намъ достаточно было напомнить содержаніе неизвѣстной широкой публикѣ статьи Н. А. Лавровскаго [1]), такъ точно и для опроверженія его характеристики В. Н. Каразина, какъ общественнаго дѣя-

[1]) Она помѣщена была болѣе 30 лѣтъ тому назадъ въ спеціальномъ журналѣ, и отдѣльнымъ изданіемъ не выходила.

теля, достаточно обратиться къ тому же Н. А. Лавровскому. И теперь его заключеніе остается въ силѣ, несмотря на произвольныя обличенія г. И—ва. Вотъ какъ характеризуетъ В. Н. Каразина Н. А. Лавровскій: „В. Н. Каразинъ, *какъ бы ни судили о немъ*, безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей начала нашего вѣка. Уже одна его близость къ Императору Александру, *доходившая до дружескихъ отношеній*, особенно въ то время, когда мы переживали въ мѣсяцы больше, чѣмъ прежде въ цѣлые годы, одно участіе его въ такихъ правительственныхъ мѣрахъ, какъ учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія и университетовъ и вообще въ начертаніи новой образовательной системы, достаточно объясняютъ значеніе его дѣятельности для того времени и способны возбудить къ ней живѣйшій интересъ. Можно указывать на недостатки его характера, на преобладаніе фантазіи надъ умомъ, чѣмъ и объясняются всѣ его увлеченія и крайности, на недостатокъ практическаго житейскаго такта, на его самонадѣянность, заносчивость, неровность въ его дѣйствіяхъ и отношеніяхъ, вообще на недостатки, отъ которыхъ прежде всего и больше всего приходилось страдать ему самому; но при самомъ легкомъ и поверхностномъ знакомствѣ съ его дѣятельностью, а также съ нѣкоторыми напечатанными его сочиненіями, невозможно отказать ему, съ одной стороны, въ искреннемъ, горячемъ, подчасъ восторженномъ отношеніи къ каждой занимавшей его мысли и въ глубокомъ патріотическомъ чувствѣ, а съ другой—въ основательности и многосторонности его образованія, рѣдкихъ въ то время и дѣлавшихъ его вполнѣ достойнымъ того положенія, которое такъ внезапно выпало ему на долю въ самомъ началѣ новаго царствованія. Можно часто не соглашаться съ его мыслями, но нельзя не уважать ихъ искренности и тѣхъ побужденій, изъ которыхъ они исходили, и нельзя не пожалѣть, что оффиціальная его дѣятельность прекратилась такъ быстро. При ближайшемъ знакомствѣ съ этою замѣчательною личностью можно встрѣтиться и съ нѣкоторыми уклоненіями ея отъ прямыхъ путей, и это естественно: кто можетъ похвалиться безупречностью и безусловною чистотою своихъ дѣйствій“ (стр. 57—58).

Въ спеціальной статьѣ о В. Н. Каразинѣ [1]), какъ о замѣчательномъ общественномъ дѣятелѣ вообще, Н. А. Лавровскій даетъ слѣдующую основу для оцѣнки его значенія: „Дѣятельность каждаго человѣка, великая и малая, съ ея средствами и цѣлями, оцѣнивается съ нравственной точки зрѣнія прежде всего чистотою своихъ побужденій, достоин-

---

[1]) Статья эта извѣстна автору брошюры; ее онъ цитируетъ на стр. 10—11.

ствами руководящей его идеи. Чѣмъ возвышеннѣе эти побужденія, чѣмъ рѣшительнѣе возвышаются они надъ частными и личными интересами и проникаются интересами общими; чѣмъ больше вносится въ эту дѣятельность жизни, страсти, самопожертвованія, чѣмъ полнѣе и цѣльнѣе она охватываетъ всѣ силы и способности человѣка, тѣмъ выше достоинство самой дѣятельности... Эти общія замѣчанія полезно имѣть въ виду при оцѣнкѣ общественной дѣятельности Каразина. Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ его записокъ, мнѣній, писемъ—къ сожалѣнію немногаго сравнительно съ тѣмъ, что остается еще необнародованнымъ—можно, кажется, вывести то заключеніе, что онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, что онъ былъ одушевленъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едва ли позволительно отказать ему въ беззавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы, большей части коихъ такъ и не суждено было осуществиться, имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественнаго порядка"...

Переходя къ характеристикѣ взглядовъ В. Н. Каразина по существу, Н. А. Лавровскій прежде всего останавливается на его извѣстномъ письмѣ къ Императору Александру I, которое заключало его profession de foi, и характеризуетъ его такъ: „На *что* же надѣялся и *чего* ожидалъ отъ новаго царствованія Каразинъ вмѣстѣ съ Россіей, которой онъ явился представителемъ? Онъ ожидалъ отъ наступившаго царствованія непреложныхъ законовъ, вмѣстѣ съ государственнымъ постановленіемъ, составленнымъ „совѣтомъ мужей мудрыхъ", окружающихъ престолъ, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ государства истину повѣдать можетъ... Онъ ожидалъ *праваго суда*, предоставленнаго избраннымъ изъ народа, суда при открытыхъ дверяхъ, съ правомъ тяжущихся публиковать опредѣленія. Онъ ожидалъ улучшенія финансовъ и доведенія ихъ до избытка государственнаго не посредствомъ умноженія налоговъ, а посредствомъ уменьшенія непроизводительныхъ издержекъ и точнаго опредѣленія повинностей каждаго *по непреложному размѣру*... Онъ ожидалъ всевозможнаго распространенія въ народѣ воспитанія и образованія.... Онъ ожидалъ *человѣческихъ правъ для помѣщичьихъ крестьянъ*"... (стр. 295—296). Иными словами, слѣдовательно, онъ выставилъ такую политическую и соціально-экономическую программу, какая выдвинута только теперь

переживаемымъ нами историческимъ моментомъ и современнымъ общественно-освободительнымъ движеніемъ.

„Такіе идеалы, опережающіе время, замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, обыкновенно напечатлѣваются неизгладимыми чертами въ памяти народовъ, и свято чтутся, какъ свидѣтельства великихъ дарованій, двигающихъ ихъ впередъ“ (стр. 297).

Въ заключеніе своего обзора Н. А. Лавровскій высказываетъ мысль о необходимости постановки памятника В. Н. Каразину (стр. 311).

Итакъ, устранивъ свидѣтельства самого В. Н. Каразина и свои собственныя работы о В. Н. Каразинѣ, простыми справками изъ двухъ статей Н. А. Лавровскаго, основанными на документальныхъ данныхъ и не опровергнутыхъ авторомъ брошюры, я достаточно показалъ читателю всю произвольность и бездоказательность заключеній г. И—ва. Останавливаться на той части брошюры г. И—ва, гдѣ онъ, понадергавъ нѣсколько выписокъ изъ записокъ и писемъ В. Н. Каразина, обвиняетъ его въ мошенничествѣ акціями Филотехническаго Общества, въ доносахъ, шпіонствѣ и т. п., я не буду. Утверждаю только, что и здѣсь авторъ доказываетъ свои положенія такими же пріемами, какіе мы видѣли раньше: онъ совершенно извращаетъ роль В. Н. Каразина въ Филотехническомъ Обществѣ, на нужды котораго тотъ истратилъ 19,000 р. изъ собственныхъ средствъ; онъ называетъ доносами всѣ записки В. Н. Каразина, въ которыхъ тотъ бичевалъ недостатки тогдашняго строя, за что подвергался многократнымъ политическимъ карамъ [1]); онъ говоритъ о презрѣніи къ В. Н. Каразину современниковъ, когда наоборотъ, фактическія данныя доказываютъ ихъ полное уваженіе къ нему; по пословицѣ „не любо не слушай“... Онъ приписываетъ В. Н. Каразину нелѣпую мысль назначать преподавателями въ университетѣ выписанныхъ имъ мастеровыхъ; онъ выставляетъ его бо́льшимъ ретроградомъ, чѣмъ былъ Магницкій, основываясь на письмѣ къ Реману, которое въ полномъ своемъ видѣ не только не имѣетъ ничего общаго съ идеями гасителей образованія, а, наоборотъ, является гимномъ просвѣщенія и т. д. Прибавлю къ этому, что вновь открытые мною многочисленные и достовѣр-

---

[1]) Что же касается предложенія быть «обсерваторомъ», то это вопросъ сложный, и къ оцѣнкѣ его нельзя подходить съ современной точки зрѣнія, не принявъ во вниманіе условій того времени и внутреннихъ побужденій самого В. Н. Каразина, который во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ его признанія, гнушался доносовъ. Изъ недавно опубликованныхъ документовъ видно, что и А. С. Пушкинъ въ 1831 г. принялъ предложеніе «употребить свое перо для политическихъ статей», т. е. издавать оффиціозный журналъ, чтобы такимъ образомъ руководить общественнымъ мнѣніемъ въ интересахъ правительства.

ные матеріалы еще болѣе способны утвердить всякаго непредубѣжденнаго читателя въ положительныхъ заключеніяхъ о В. Н. Каразинѣ. Но мы на нихъ останавливаться не будемъ: ими въ значительной мѣрѣ воспользовался добросовѣстный біографъ В. Н. Каразина г. Тихій, и я отсылаю интересующихся къ его монографіи. Но чѣмъ же объяснить такую произвольность выводовъ г. И—ва? Характеромъ его труда!

Это нѣчто среднее между памфлетомъ и пасквилемъ.

„Памфлетъ—это небольшое литературное произведеніе публицистическаго и чаще всего вызывающаго личнаго характера"... Онъ не предполагаетъ въ читателѣ никакихъ предварительныхъ размышленій и свѣдѣній о данномъ вопросѣ. Памфлетистъ не разсчитываетъ на спокойное, объективное разсужденіе публики; его цѣль—общественная сенсація, безпокойство, пробужденіе недовольства. Произведеніе по преимуществу боевое, созданное въ минуту и для цѣлей политической борьбы. Памфлетъ чаще всего чуждъ соображеній безпристрастія и умѣренности, не считаетъ нужнымъ щадить врага и слѣдуетъ правилу: на войнѣ всѣ правила хороши. Но памфлетъ рѣзко отличается отъ пасквиля какъ своей основной цѣлью, такъ и тѣмъ, что касается не личной жизни извѣстнаго лица, а общественной стороны его дѣятельности". Пасквиль—сочиненіе, содержащее въ себѣ ложныя, оскорбительныя для кого либо свѣдѣнія, распространяемыя въ печати. Цѣль его—злостная обида.

Брошюра г. И—ва носитъ на себѣ всѣ типическія черты памфлета, но безъ благородства побужденій, присущаго этого рода произведеніямъ; наоборотъ, она заключаетъ въ себѣ основную черту пасквиля—распространяетъ *ложныя*, позорящія добрую память покойнаго В. Н. Каразина свѣдѣнія.

Перефразируя заключеніе г. И—ва, мы можемъ сказать, что памятникъ В. Н. Каразину въ Харьковѣ будетъ достойнымъ увѣковѣченіемъ его памяти, а разбираемая брошюра—вѣчнымъ и заслуженнымъ позоромъ для ея автора. И авторъ—мы увѣрены въ томъ—изъ опасенія этого позора никогда не откроетъ своей фамиліи, никогда не украситъ заглавіемъ ея списка своихъ ученыхъ трудовъ, если таковые у него имѣются, особенно если онъ былъ питомцемъ харьковскаго университета, каковымъ себя называетъ.

XXXVI.

Pro domo sua [1]).

Въ 233 № Харьков. Губ. Вѣд. за 1905 г. появилась статья проф. П. Н. Буцинскаго, выступившаго въ защиту автора обличительной брошюры о В. Н. Каразинѣ и противъ моего разбора ея, помѣщеннаго въ вашей уважаемой газетѣ и газетѣ „Южный Край“. Въ этой статьѣ проф. Буцинскій выражаетъ свою полную солидарность съ выводами г. И-ва и признаетъ его брошюру „историческимъ трудомъ“, устанавливающимъ новый, правильный взглядъ на В. Н. Каразина; въ противоположность этому, я, по его словамъ, продолжаю называть черное бѣлымъ. Далѣе проф. Буцинскій сообщаетъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о личности г. И-ва. Хотя проф. Буцинскій и заявляетъ, что его мнѣніе о В. Н. Каразинѣ основывается на самостоятельномъ и безпристрастномъ изученіи дошедшихъ до насъ документовъ, но въ статьѣ его можно усмотрѣть внимательное изученіе въ сущности только одного документа—брошюры г. И-ва, котерая явилась для проф. Буцинскаго основнымъ пособіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первоисточникомъ. Съ такимъ легкимъ багажемъ выступать въ качествѣ спеціалиста, рѣшающаго сложный, спорный вопросъ, однако невозможно! И мнѣ, *по существу*, съ проф. Буцинскимъ, послѣ того какъ я разобралъ его первоисточникъ, спорить не приходится, такъ какъ онъ не выходитъ не только въ источникахъ, но и въ своихъ соображеніяхъ за предѣлы матеріала, содержащагося въ брошюрѣ г. И-ва, при чемъ получается странность, что проф. Буцинскій, пытающійся поддержать своимъ авторитетомъ автора брошюры, на него же главнымъ образомъ и опирается въ своихъ домыслахъ. Даже въ своихъ „недоумѣнныхъ“ вопросахъ, мнѣ предъявляемыхъ, проф. Буцинскій не выходитъ изъ рамокъ соображеній своего единственнаго авторитета—г. И-ва. Мою же аргументацію по основному вопросу—какъ нужно

---

[1]) Харьков. Листокъ, 1905 г., № 6, окт.

смотрѣть на брошюру г. И-ва—какъ на безпристрастный научный трудъ, памфлетъ или пасквиль—проф. Буцинскій совершенно игнорируетъ, хотя здѣсь же я разбираю по существу и вопросъ о той видной роли, какую игралъ В. Н. Каразинъ въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета. Игнорируя самую существенную часть моего разбора, проф. Буцинскій въ то же время требуетъ отъ меня отвѣта на цѣлый рядъ вопросовъ о В. Н. Каразинѣ. Но почему же я долженъ отвѣчать на эти вопросы, когда я поставилъ для своей рецензіи иную задачу: „само собою разумѣется, писалъ я тамъ, что въ газетной статьѣ нѣтъ возможности подвергнуть систематическому разбору всѣ измышленія и ложныя заключенія автора. Такой разборъ, одобренный историко-филологическимъ факультетомъ, сколько мнѣ извѣстно, будетъ напечатанъ скоро въ „Запискахъ харьковскаго университета“ однимъ молодымъ спеціалистомъ въ этой области; я же ставлю себѣ *одну цѣль*—доказать, что брошюра не имѣетъ никакого научнаго значенія и что ею нисколько ни разрушены выводы о В. Н. Каразинѣ даже старыхъ работъ проф Н. А. Лавровскаго“. Вмѣсто того, чтобы брать на себя неблагодарную задачу исправлять ошибки разныхъ смѣлыхъ авторовъ, я лично занялся собраніемъ сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, безъ чего, конечно, совершенно невозможна правильная оцѣнка его личности, а кромѣ того, предложилъ на соисканіе медалей тему о жизни и значеніе общественной дѣятельности В. Н. Каразина. Одна изъ этихъ работъ—студента Тихаго—въ настоящее время окончена печатаніемъ на страницахъ періодическаго журнала „Кіевская Старина“ и въ этой прекрасной, обстоятельной, основанной на глубокомъ изученіи источниковъ, монографіи проф. Буцинскій могъ бы найти отвѣтъ на поставленные имъ свои вопросы. Къ сожалѣнію, проф. Буцинскій, очевидно, не далъ себѣ труда ознакомиться съ этой новѣйшею работою о В. Н. Каразинѣ, хотя я и указывалъ на нее въ своей статьѣ. Мало того: въ тотъ моментъ, когда проф. Буцинскій печаталъ свою статью въ „Х. Г. В.“, вышла въ свѣтъ другая работа того же студента Тихаго, *одобренная историко-филологическимъ факультетомъ къ напечатанію въ „Запискахъ университета“*, [1]) спеціально посвященная всестороннему разбору брошюры г-на И-ва—всѣхъ его выводовъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыхъ я вовсе не касался. Она написана съ огромнымъ знаніемъ источниковъ, спокойнымъ тономъ и рѣшительно разбиваетъ всѣ домыслы г. И-ва. Характерно при этомъ, что въ то время какъ проф. Буцинскій утверждаетъ (правда голословно), что, провѣривъ всѣ ссылки г. И-ва на источ-

[1]) Вотъ ея заглавіе—«В. Н. Каразинъ, виновникъ учрежденія университета въ Харьковѣ Х. 1905, 80 страницъ.

ники, онъ нашелъ ихъ вполнѣ точными, г. Тихій неопровержимо доказалъ, что И-въ въ своихъ цитатахъ искажалъ источники!

Если интересующійся даннымъ вопросомъ читатель дастъ себѣ трудъ прочесть обѣ брошюры—г. И-ва и г. Тихаго,—то ясно увидитъ, сколько лжи и преувеличеній нагромождено въ обличеніяхъ г. И-ва и какъ элементарно грубо, въ научномъ смыслѣ этого слова, скомпановано его сочиненіе.

Кто скрывается подъ иниціалами И-ва, является-ли этотъ трудъ продуктомъ творчества одного или двухъ лицъ, или цѣлой группы, существуетъ ли на свѣтѣ въ дѣйствительности г. И-въ, все это мнѣ неизвѣстно и мало для меня интересно, и я не понимаю, зачѣмъ проф. Буцинскому понадобилось сообщать въ своей статьѣ біографическія свѣдѣнія о г. И-вѣ, доказывающія реальность его существованія. Все это только свидѣтельствуетъ о томъ, что проф. Буцинскій знаетъ объ авторѣ брошюры гораздо больше, чѣмъ я. Но я недоумѣваю, почему на мой вызовъ, сдѣланный болѣе 3 мѣсяцевъ тому назадъ, когда я говорилъ, что „авторъ брошюры изъ опасенія позора никогда не откроетъ своей фамиліи“, не отозвался самъ г. И-въ.

Въ заключеніе проф. Буцинскій спрашиваетъ меня, неужели и его я обвиню въ пристрастіи. Къ сожалѣнію, долженъ дать на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ, ибо въ напечатанной проф. Буцинскимъ статьѣ вижу явное пристрастіе, субъективизмъ и тенденціозность какъ въ отношеніи меня, такъ и въ отношеніи В. Н. Каразина.

Проф. Буцинскій упрекаетъ меня за мое объясненіе дѣла о денежномъ расчетѣ В. Н. Каразина съ университетомъ за эстампы и за справку о Пушкинѣ. Но я долженъ возвратить упрекъ обратно проф. Буцинскому, такъ какъ онъ приписываетъ Н. А. Лавровскому обвиненіе В. Н. Каразина въ попыткѣ присвоенія университетскихъ суммъ, между тѣмъ какъ этотъ авторъ прямо заявилъ, что онъ нисколько не сомнѣвается въ честности В. Н. Каразина; и дѣйствительно: дѣло было здѣсь не въ „прикарманиваніи“ суммъ, а въ запутанности счетоводства, какъ это доказываетъ и г. Тихій, основываясь на новыхъ, неизвѣстныхъ проф. Буцинскому—данныхъ. Указаніе на Пушкина, не опровергаемое проф. Буцинскимъ, было приведено мною не въ качествѣ аналогіи съ доносами (которые мною отрицаются), а для характеристики времени, которое безусловно отличалось въ смыслѣ оцѣнки разныхъ явленій отъ нынѣшняго.

Что же касается отношенія проф. Буцинскаго къ В. Н. Каразину, то оно является такимъ же, какъ и у г. И-ва, слѣдовательно, пристрастнымъ. Грубую мазню г. И-ва проф. Буцинскій выдаетъ за историче-

скую картину. Не могу допустить, чтобы спеціалистъ въ области историческихъ наукъ впалъ въ такую ошибку по неумѣнью отличить безпристрастный историческій трудъ отъ памфлета; объясняется это скорѣе отсутствіемъ объективности. Пристрастіе проф. Буцинскаго наглядно подтверждается тѣмъ, что, отрицая видную роль В. Н. Каразина въ дѣлѣ основанія харьковскаго университета, онъ, подобно г. И-ву, сознательно умалчиваетъ о тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя намъ оставили объ этомъ сами университетскія коллегіи прежнихъ лѣтъ.

XXXVII.

Журнальная историческая литература[1]).

(Журналъ Мин Нар. Просвѣщенія, январь; Кіевская Старина, февраль; Русская Старина, февраль).

Въ обозрѣніи журнальной исторической литературы за прошлый мѣсяцъ мы сдѣлали общую характеристику нашихъ историческихъ журналовъ. Теперь мы будемъ время отъ времени отмѣчать въ нихъ болѣе выдающіяся статьи, обращая особенное вниманіе и на тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ исторіи нашего края.

„Журналъ Мин. Нар. Просв." заключаетъ въ себѣ статьи по всѣмъ отраслямъ знаній, но преобладающее значеніе въ немъ имѣютъ историко-филологическія науки. Ни одинъ историкъ—спеціалистъ въ настоящее время не можетъ обойтись безъ этого журнала, ибо всякая книжка его содержитъ въ себѣ либо цѣнное изслѣдованіе, либо статью, вносящую новый свѣтъ въ тотъ или иной спеціальный вопросъ, либо, наконецъ, солидную ученую рецензію. Въ особенности обширенъ и хорошо обставленъ здѣсь отдѣлъ рецензій. Да это и понятно: его ведутъ, можно сказать, профессора всей Россіи, будучи привлекаемы сюда высокой научной репутаціей самого журнала и его редакторовъ (прежде академикъ Л. Н. Майковъ, въ настоящее время—академикъ В. Г. Васильевскій). Въ генварьской книжкѣ Ж. М. Н. Пр. помѣщенъ довольно обширный некрологъ нашего Харьковскаго профессора А. А. Потебни, принадлежащій перу извѣстнаго слависта проф. Петербургскаго университета В. И. Ламанскаго. Некрологъ этотъ яркими чертами рисуетъ намъ огромное научное значеніе покойнаго А. А. Потебни. Это третья уже спеціальная оцѣнка трудовъ нашего знаменитаго филолога. Первая была сдѣлана давно уже академикомъ И. И. Срезневскимъ, представившимъ А. А. Потебню въ члены-корреспонденты Имп. Академіи наукъ, вторая принадлежитъ также большому спеціалисту въ области славяно-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1892, № 54.

русской-филологіи пр. Варшавскаго университета А. С. Будиловичу, напечатавшему въ Ж. М. Н. Пр. критическій разборъ 2-го изданія „Записокъ по русской грамматикѣ“ покойнаго. И всѣ эти три отзыва въ общемъ совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ; не находится въ противорѣчіи съ ними и мнѣніе еще одного спеціалиста, компетентность котораго признана всѣмъ Славянскимъ міромъ и Европой—извѣстнаго издателя „Archiv für slavische philologie“, акад. Ягича. „Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ А. А. Потебня, такъ начинаетъ свою статью профессоръ В. И. Ламанскій, для огромнаго большинства нашей публики былъ однимъ изъ неизвѣстнѣйшихъ писателей несмотря на то, что принадлежалъ къ весьма малочисленной, на перечетъ извѣстной, плеядѣ самыхъ крупныхъ, самобытныхъ дѣятелей русской мысли и науки. На его имя и труды будутъ у насъ современемъ указывать, при часто предъявляемомъ Россіи вопросѣ—что внесено ею въ сокровищницу человѣческаго знанія?... Послѣ А. Х. Востокова ни одинъ, быть можетъ, изъ нашихъ филологовъ—тутъ есть нѣсколько весьма почтенныхъ именъ—не отличался такими, какъ профессоръ Потебня, способностями языковѣда, такимъ даромъ провидѣнія и проницательности въ тайны и тончайшія особенности и черты языковъ славянскихъ, не оставилъ по себѣ трудовъ съ такимъ высоковажнымъ значеніемъ для славянской филологіи, для сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ“. По мнѣнію проф. В. И. Ламанскаго, труды А. А. Потебни не только можно поставить рядомъ съ однородными изысканіями знаменитаго западноевропейскаго филолога слависта Миклошича, но подъ часъ они даже стоятъ выше ихъ. Пр. Ламанскій сравниваетъ синтаксисъ Миклошича съ записками по русской грамматикѣ А. А. Потебни и приходитъ къ заключенію, что въ первомъ трудѣ взята болѣе широкая тема (синтаксисъ всѣхъ славянскихъ языковъ), но за то во второмъ болѣе узкій сюжетъ (синтаксисъ русскаго языка) разобранъ глубже: тутъ при томъ дается и исторія развитія внутренняго склада русскаго языка, при чемъ привлекаются къ сравненію и другія славянскія нарѣчія и арійскіе языки; введеніе блещетъ тонкими наблюденіями, глубокими мыслями, остроумными соображеніями. Синтаксисъ проф. Потебни долженъ получить широкое распространеніе въ педагогической средѣ и замѣнить устарѣвшій нынѣ синтаксисъ Буслаева. „Разумно усвоенныя почтенною средою нашихъ педагоговъ соображенія проф. Потебни должны повести не только къ лучшей постановкѣ преподаванія отечественнаго языка въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и къ перемѣнамъ въ методѣ и пріемахъ преподаванія древнихъ и новыхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ“. „Укажу еще, говоритъ проф. Ламанскій, на другую тоже

немаловажную практическую сторону синтаксическихъ и вообще филологическихъ трудовъ проф. Потебни. Изученіе ихъ приводитъ всякаго читателя къ убѣжденію въ пользѣ и важности извѣстной литературной обработки малорусскаго нарѣчія даже для изученія нашего литературнаго языка. Ознакомившись съ изслѣдованіями Потебни, каждый образованный великоруссъ пойметъ, сколько свѣта проливаетъ знакомство съ малорусскимъ языкомъ на историческое развитіе нашего обще-литературнаго языка, который, мы, великоруссы не безъ извѣстнаго преувеличенія, любимъ считать исключительно своимъ". Таковъ отзывъ проф. Ламанскаго объ одномъ (правда самомъ крупномъ) трудѣ покойнаго А. А. Потебни; но имъ была написана цѣлая масса другихъсочиненій, на которыхъ также останавливается почтенный критикъ. Замѣтимъ кстати, что на основаніи отзыва проф. Ламанскаго, Имп. Геогр. общ. присудило А. А. Потебнѣ большую Константиновскую медаль, какъ одному изъ первоклассныхъ ученыхъ нашего отечества. Ясно послѣ этого, что Харьковскій университетъ можетъ гордиться своимъ бывшимъ профессоромъ, тѣмъ болѣе, что А. А. Потебня и воспитывался въ Харьковѣ на историко-филологическомъ факультетѣ; онъ могъ-бы составить славу и гордость всякаго Западно-европейскаго университета. Въ мѣстномъ историко-филологическомъ обществѣ возникла мысль собрать капиталъ для учрежденія преміи имени покойнаго за лучшія сочиненія по его предмету; будемъ надѣяться, что когда подписка на эту премію будетъ разрѣшена, мѣстное общество откликнется на это симпатичное предпріятіе, чтобы закрѣпить на вѣки воспоминаніе о своемъ лучшемъ представителѣ.

Памяти покойнаго А. А. Потебни посвящена еще и другая статья въ журналѣ „Кіевская Старина"; она принадлежитъ перу нашего проф. Н. Ѳ. Сумцова. Н. Ѳ. Сумцовъ спеціально разсматриваетъ этнографическіе труды А. А. Потебни, на которыхъ другіе критики останавливались очень мало. Даже въ „Исторіи русской этнографіи" А. Н. Пыпина они не оцѣнены съ достаточною полнотою и глубиною; такова его диссертація „о нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи", таково обширное изслѣдованіе „о миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣрій"; таковы статьи, до сихъ поръ не утратившія своего значенія: „о долѣ" и „о купальскихъ огняхъ", „о малорусской пѣснѣ XVI в.", о Словѣ о полку Игоровѣ", и „о Сборникѣ пѣсенъ Я. Головацкаго" (рецензія составленная по порученію Имп. Академіи Наукъ). Но всѣмъ этимъ еще не исчерпываются этнографическіе изслѣдованія А. А. Потебни. Н. Ѳ. Сумцовъ еще не разсматривалъ пока самаго крупнаго изъ его трудовъ „Объясненія малорусскихъ и сходныхъ народныхъ пѣсенъ" (2-й томъ обнимаетъ 809 страницъ, т.-е. болѣе 50 печатныхъ листовъ). Высказывалось

мнѣніе, что А. А. Потебня составилъ себѣ славу чисто филологическими работами; но теперь нужно признаться, что очень замѣтный слѣдъ его крупнаго ученаго дарованія остался и въ области этнографическихъ изслѣдованій, особенно болѣе позднихъ; въ такой повидимому спеціальной статьѣ какъ рецензія на Сборникъ Головацкаго, читатель къ удивленію своему открываетъ цѣлый рядъ глубокихъ философскихъ мыслей о національнзмѣ, денаціонализаціи и т. п. Вотъ основная мысль автора о народности, которая проглядываетъ во всѣхъ его работахъ „какъ немыслима точка зрѣнія, съ которой видны были-бы всѣ стороны вещи... такъ невозможна всеобъемлющая безусловно лучшая народность. Если-бы объединеніе человѣчества по языку и вообще по народности было возможно, оно было-бы гибельно для общечеловѣческой мысли, какъ замѣна многихъ чувствъ однимъ, хотя бы это одно было не осязаніемъ, а зрѣніемъ. Для существованія человѣка нужны другіе люди, для народности—другія народности". „Въ этихъ словахъ" замѣчаетъ Н. Ѳ. Сумцовъ, „заключается примиреніе цивилизаціи и національнзма и сознательное служеніе обоимъ великимъ силамъ новаго времени. Въ этихъ словахъ выразился тотъ Потебня, какимъ онъ былъ въ жизни, на каѳедрѣ,—во мнѣніи своихъ учениковъ—Потебня—гуманистъ м мыслитель". Если вспомнить, какъ покойный А. А. Потебня глубоко изучилъ и понималъ новыхъ русскихъ писателей, въ особенности Пушкина, котораго онъ считалъ геніальнымъ поэтомъ, если собрать во едино его отзывы о нихъ въ публичныхъ лекціяхъ (тутъ онъ касался Достоевскаго, Тютчева), въ замѣткахъ и письмахъ (напримѣръ объ Одоевскомъ, Л. Толстомъ) и въ особенности въ курсѣ теоріи поэзіи, то придется сознаться, что и въ исторіи русской литературы онъ обладалъ огромною начитанностью и составилъ себѣ самостоятельное мнѣніе о ея важнѣйшихъ представителяхъ; свой интересъ къ малорусской литературѣ онъ достаточно выразилъ изданіемъ сочиненій Г. О. Квитки и публичною лекціей въ день его юбилея. Не говоримъ о философіи и исторіи искусства, съ которыми онъ былъ знакомъ весьма основательно.

Спрашивается, неужели послѣ этого можно считать А. А. Потебню узкимъ спеціалистомъ, не выходившимъ изъ тѣснаго круга грамматическихъ изученій. Нѣтъ, это былъ европейскій ученый и европейски образованный человѣкъ, направившій всю свою ученость и образованіе на развитіе русской науки; спеціальныя изученія у него органически соединялись съ широкими научными горизонтами; симпатіи къ своей родинѣ и народности—съ уваженіемъ къ европейской цивилизаціи.

Въ той же февральской книжкѣ „Кіевской Старины" помѣщена интересная статья г. Житецкаго „Странствующіе школьники въ ста-

ринной Малороссіи". Объ этомъ любопытномъ типѣ „мандрованыхъ" учителей и прежде уже было нѣсколько статей; на нихъ останавливали свое вниманіе г.г. Сухомлиновъ, Лазаревскій, Ефименко, Данилевскій, Крыжановскій. Къ сожалѣнію большинство этихъ работъ давало намъ только статистическій матеріалъ и мало данныхъ для характеристики самихъ учителей, пріемовъ ихъ обученія и вообще для правильной оцѣнки этого своеобразнаго просвѣтительнаго института. Между тѣмъ уясненіе всѣхъ этихъ вопросовъ представляетъ быть можетъ и не одинъ теоретическій интересъ. Южноруская школа XVIII в., гдѣ преподавали эти мандрованые учителя и дьячки, представлена въ смѣшномъ видѣ и въ нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ, и въ кое-какихъ воспоминаніяхъ; дьячковскіе пріемы обученія, начиная отъ „субботниковъ" и оканчивая указкой, являются въ нашемъ представленіи синонимомъ чего то варварскаго, непріятнаго и безрезультатнаго. Однако вникая въ исторію этихъ школъ, мы замѣчаемъ, что онѣ пользовались любовью народа, мало того,—что онѣ созданы были исключительно самимъ народомъ и тѣсно связаннымъ съ нимъ въ то время сельскимъ духовенствомъ; такимъ образомъ, онѣ въ одно и тоже время были и церковными (ибо устраивались при церквахъ) и народными (такъ какъ создавались на средства народа и для народа, и находились въ его завѣдываніи). Г. Житецкій съумѣлъ найти новыя данныя по этому вопросу и сдѣлать важный шагъ впередъ въ дѣлѣ его уясненія; въ архивахъ Кіевскихъ хранилищъ и монастырей онъ нашелъ не мало школьныхъ сборниковъ, составленныхъ въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія и предназначенныхъ для практическаго употребленія въ школѣ и внѣ школы. Такимъ образомъ, не одна граматка, псалтирь, да часословъ изучались въ этихъ школахъ, а и кое-что другое: въ этихъ сборникахъ заключались стихотворенія на различныхъ языкахъ (славянскомъ, малорусскомъ, польскомъ), народныя пѣсни и т. д. Въ первой статьѣ г. Житецкій рисуетъ намъ на основаніи историческихъ и литературныхъ данныхъ типъ этихъ учителей-„пиворѣзовъ" (такъ названы они были за свою страсть къ пиву) и даетъ имъ слѣдующую общую характеристику: „мы видѣли что они, далеко не свободны были отъ разныхъ нравственныхъ недостатковъ, отчасти неизбѣжныхъ въ томъ положеніи, которое они занимали: безъ кормила и руля шли они на встрѣчу всѣмъ случайностямъ жизни „не ощущая на хребтахъ своихъ, какъ говорится въ одной сатирѣ на пиворѣзовъ, отягощенія торбъ бѣздѣльными шпаргалами наполненныхъ". Въ виду этой обстановки нашихъ старинныхъ педагоговъ, мы не беремъ на себя смѣлости въ рѣшительномъ тонѣ осуждать ихъ съ точки зрѣнія современ-

ныхъ намъ этическихъ требованій отъ народнаго учителя. Знаемъ мы, что и въ то время могли смотрѣть на нихъ съ укоризной люди, которые учились въ тѣхъ же латинскихъ школахъ, но, благодаря своимъ талантамъ и счастью, проложили себѣ болѣе широкій путь въ жизни. Воззрѣнія этихъ людей, тоже не безгрѣшныхъ въ разныхъ иныхъ отношеніяхъ, менѣе всего могутъ служить надежной точкой опоры для оцѣнки мелкихъ дѣятелей просвѣщенія, которые довольствовались убогой и скромной долей скромныхъ бокаляровъ и потому не оставили послѣ себя громкихъ именъ, отмѣченныхъ въ исторіи края. Между тѣмъ въ нихъ то, по нашему мнѣнію, и заключалась вся сила просвѣтительнаго движенія, начатаго по иниціативѣ народа и не отрывавшагося въ старину отъ народной почвы. Это взаимодѣйствіе народныхъ и книжныхъ вліяній, въ связи съ подвижнымъ составомъ народной малорусской школы, многое объясняетъ намъ, какъ въ міровоззрѣніи малорусскаго народа, такъ и въ поэтическомъ выраженіи этого міровоззрѣнія. Будемъ ждать продолженія интересной работы г. Житецкаго, которая, очевидно, стоитъ въ нѣкоторой связи съ его изслѣдованіемъ о думахъ; въ поэтическомъ складѣ этихъ послѣднихъ онъ отмѣчаетъ сильное вліяніе школьныхъ образцовъ. Посмотримъ, каковы были тѣ „шпаргалы“, съ содержаніемъ которыхъ обѣщаетъ насъ познакомить авторъ. Его выводы представятъ интересъ и для историка старинныхъ слободско-украинскихъ (харьковскихъ) школъ. Г. Житецкій пользуется въ своей работѣ и матеріаломъ, относящимся къ Слободской Украйнѣ, но только дѣлаетъ тутъ кое-какія упущенія. Такъ онъ цитируетъ только книгу Г. П. Данилевскаго „Украинская Старина“, но не указываетъ на одинъ любопытный документъ о мандрованыхъ дьякахъ, сообщенный пр. А. С. Лебедевымъ, и на актовую рѣчь пр. Д. И. Багалѣя „Заселеніе Харьк. края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета“, гдѣ обнародованы статистическія данныя о слободско-украинскихъ школахъ въ прошломъ столѣтіи.

Въ „Русской Старинѣ“ мы отмѣтимъ продолженіе дневника Никитенка и статью нашего харьковскаго автора проф. А. С. Лебедева. Вотъ замѣтки Никитенка о франко-прусской войнѣ 1870 года. „Сегодняшнія телеграммы извѣщаютъ, что Франція объявила войну Пруссіи. Когда человѣкъ намѣренъ сдѣлать какую-нибудь глупость, онъ всегда представляетъ ее самому себѣ въ видѣ очень умной и хорошей вещи... Всѣхъ обрадовало обнародованіе рѣшимости нашего правительства соблюдать строгій нейтралитетъ. Въ высшихъ сферахъ, говорятъ, однако обнаруживается симпатія къ пруссакамъ, между тѣмъ какъ во всемъ обществѣ господствуетъ столь-же сильная къ нимъ непріязнь. Всѣ главныя

газеты наши явно склоняются на сторону французовъ". Никитенко уже въ началѣ войны предусмотрѣлъ паденіе Наполеона. „Успѣхи Пруссіи, одержавшей уже двѣ побѣды надъ французами—а война вѣдь едва еще началась—говоритъ Никитенко, могутъ повести къ паденію Наполеона. Тогда Франція, конечно, провозгласитъ у себя республику"... Не одно нерасположеніе къ пруссакамъ являлось причиной нашихъ симпатій къ французамъ; были по мнѣнію Никитенка, и болѣе глубокія причины; „это то, что Франція, не смотря на упадокъ въ ней за послѣднее время свободы и на преобладаніе наполеоновскаго деспотизма, все таки есть страна умственныхъ и политическихъ успѣховъ"... О Наполеонѣ III Никитенко выражается такъ: „грозныя и плачевныя обстоятельства окончательно разоблачили эту роковую личность и показали, что онъ думалъ не о Франціи, а только о владычествѣ своемъ надъ нею"... „Современныя событія имѣютъ глубокое роковое значеніе: они вполнѣ объясняютъ, что значитъ цивилизація, прогрессъ XIX в. Изъ передовыхъ націй міра одна достигла такой нравственной распущенности, такого хаоса понятій и нравовъ, что въ два мѣсяца очутилась на краю пропасти. Другая нація проявляетъ такія грубыя страсти въ войнѣ, которыя сильно напоминаютъ доброе старое время. И такъ, не далеко ушло человѣчество по пути такъ называемаго прогресса! Куда дѣвались, напримѣръ, прославленныя глубокія философскія гуманныя стремленія въ наукѣ нѣмцевъ?... А что дѣлаетъ остальная цивилизованная Европа? При видѣ такого страшнаго кровопролитія и бѣдствія, она занимается дипломатическими сплетнями, въ мѣсто того, чтобы дѣятельнымъ и твердымъ участіемъ положить конецъ этимъ безобразіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣмецкая философія отыщетъ глубокій смыслъ, великій элементъ прогресса въ этой бойнѣ, которая производится теперь нѣмцами во Франціи... Не цѣлесообразнѣе было-бы этимъ мыслителямъ совѣтовать своимъ гражданамъ меньше проливать крови, грабить и всячески свирѣпствовать въ угожденіе своему Бисмарку, который чего добраго ихъ же самихъ закуетъ въ цѣпи, а разбить ихъ имъ опять помогутъ развѣ тѣже французы если уцѣлѣютъ". Закончимъ, наконецъ, послѣднимъ замѣчаніемъ Никитенко, обличающимъ въ немъ даръ глубокаго политическаго предвидѣнія. *„Пруссаки, продолжая терзать Францію, между прочимъ оказываютъ услугу намъ. Они на вѣчныя времена закрѣпляютъ ненависть къ себѣ французовъ и въ случаѣ ихъ (пруссаковъ) столкновенія съ нами, что надо въ будущемъ считать неизбѣжнымъ,—французы будутъ нашими естественными союзниками"*.

Неправда-ли, какое глубокое пониманіе совершавшихся на глазахъ автора политическихъ событій, какая вѣрная оцѣнка ихъ результатовъ,

не только ближайшихъ, но и отдаленныхъ, какое искреннее и горячее чувство? Да, иногда только посмертныя воспоминанія уясняютъ намъ личность нѣкоторыхъ дѣятелей. Это по крайней мѣрѣ нужно сказать относительно академика Никитенка: по мѣрѣ печатанія его дневника, растетъ въ глазахъ читателя и значеніе его личности; мы находимъ въ немъ такія черты, о которыхъ не могли и догадываться, зная только его сочиненія; съ удивленіемъ мы открываемъ въ немъ замѣчательнаго, выдающагося русскаго человѣка, съ глубокимъ интересомъ уловлявшаго пульсъ общественной жизни, умѣвшаго оріентироваться, разбираться въ пестромъ калейдоскопѣ событій, держаться относительно ихъ опредѣленнаго направленія, не шатаясь изъ стороны въ сторону, не переходя изъ одной крайности въ другую. Теперь дѣлается понятнымъ, почему сочиненія этого человѣка не могли служить масштабомъ для оцѣнки значенія его личности. Это была разносторонняя, широкая натура, человѣкъ, который съ полнымъ правомъ могъ примѣнить къ себѣ извѣстное выраженіе "nihil humanum a me alienum puto"; сфера его интересовъ была чрезвычайно широкая: на первомъ планѣ стояли наука и литература, за тѣмъ шла цензура, искусство, педагогія, внутренняя и внѣшняя политика; все это нашло себѣ выраженіе въ его дневникѣ, который поэтому и представляетъ такой глубокій интересъ. Интересъ этотъ усиливается еще благодаря характеру изложенія: на всемъ дневникѣ, лежитъ печать субъективности автора. Но эта не та субъективность, которая измышляетъ или извращаетъ факты; это субъективность общественнаго дѣятеля, который дѣйствуетъ, мыслитъ и чувствуетъ такъ, какъ велитъ ему совѣсть и разумъ. Разнообразными нитями онъ связанъ былъ съ общественною жизнью, со множествомъ различныхъ дѣятелей учрежденій и лицъ; бывали различныя вѣянія, акціи и реакціи, а онъ въ извѣстныхъ основныхъ вопросахъ оставался неизмѣннымъ; это былъ все тотъ-же идеалистъ, эстетикъ, горячій поборникъ правды и добра; такимъ онъ выступилъ на общественную арену, такимъ онъ и сошелъ съ нея. Такимъ образомъ, въ дневникѣ Никитенка мы видимъ не только собраніе любопытныхъ фактовъ, но и оцѣнку ихъ и въ этой послѣдней ясно выражается міровоззрѣніе передовой части русскаго общества за послѣднія десятилѣтія; а для историка важны не только одни факты, а и отношеніе къ нимъ общества; факты, сообщаемые Никитенкомъ, онъ найдетъ и въ другихъ источникахъ, даже въ болѣе полномъ и точномъ видѣ; но гдѣ, какъ не въ подобныхъ мемуарахъ, онъ будетъ улавливать отношеніе къ нимъ современниковъ, ихъ вліяніе на умы и нравы? Историкъ дорого оцѣнитъ въ дневникѣ Никитенко стремленіе къ истинѣ въ передачѣ событій, соединенное съ сознатель-

нымъ отношеніемъ къ совершавшимся на его глазахъ фактамъ и вѣрною оцѣнкою ихъ значенія для общества.

Не имѣя возможности остановиться на другихъ статьяхъ „Русской Старины“, укажемъ еще только на работу проф. А. С. Лебедева „Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII в.“ Она исключительно основана на архивномъ матеріалѣ, который вездѣ почти приводится цѣликомъ, безъ всякихъ даже измѣненій языка; это дѣлаетъ ее нѣсколько тяжелой, затруднительной для средняго читателя, но за то придаетъ особенный яркій колоритъ въ глазахъ любителя и спеціалиста. Авторъ собралъ любопытный матеріалъ, распредѣлилъ его по извѣстнымъ рубрикамъ и представилъ читателю; въ результатѣ получилась яркая картинка нравовъ чернаго и бѣлаго духовенства въ Бѣлгородской епархіи, въ составъ которой входила тогда и наша Харьковская губернія. Въ концѣ статьи у заинтересовавшагося ею читателя является, правда, нѣсколько вопросовъ, на которые онъ не находитъ отвѣта у пр. А. С. Лебедева. Интересно, напримѣръ, знать, какъ стояло дѣло относительно тѣлесныхъ наказаній въ XVIII в. среди духовенства другихъ епархій. Если Бѣлгородская епархія представляла въ этомъ отношеніи нѣкоторыя особенности, то интересно было бы выяснить, или по крайней мѣрѣ указать на причины ихъ. Почтенному автору не трудно было сдѣлать подобное сравненіе, потому что для другихъ епархій онъ могъ пользоваться печатными данными (которыя самъ же намъ и указываетъ) А разъ поставленъ былъ бы вопросъ объ уясненіи мѣстныхъ особенностей, тогда были бы отмѣчены и подчеркнуты, а, можетъ быть, и объяснены такіе любопытные факты харьковской народной жизни, какъ загадочное празднество „катель“. Во всякомъ случаѣ и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ статья проф. А. С. Лебедева очень любопытна, и мы высказали свои desiderata только потому, что почтенный изслѣдователь мѣстной церковной старины излишне скупится на объясненія, которыя онъ могъ бы въ достаточномъ количествѣ извлечь изъ своего широкаго знакомства съ церковной исторіей вообще и русской въ частности.

XXXVIII.

По поводу критической замѣтки на „Опытъ исторіи Харьковскаго университета“, т. I-й[1].

Въ ноябрьской книжкѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1899-й годъ (стр. 154—158) помѣщена была критическая замѣтка на мой „Опытъ исторіи Харьковскаго университета», по поводу ея я считаю нужнымъ дать свои разъясненія. Авторъ ея недоволенъ планомъ моей книги и видитъ въ немъ одномъ причину всѣхъ ея недостатковъ. Основное дѣленіе сочиненія на три части (предисловіе, двѣ вступительныя главы и исторія университета за 1805—1815 г.) онъ считаетъ, впрочемъ, совершенно правильнымъ; и если что слѣдовало бы, говоритъ онъ, прибавить къ „Опыту“, то развѣ только особую заключительную главу о вліяніи университета на общество. Но въ этомъ послѣднемъ требованіи кроется какое-то недоразумѣніе, потому, что вопросу о вліяніи университета на мѣстное общество отводится видное мѣсто въ моей книгѣ; мало того, вопросъ этотъ ставится шире и говорится, какъ и слѣдуетъ, не только о вліяніи университета на общество, но и о взаимодѣйствіи между университетскою и мѣстною средою. Этому вопросу посвящена одна треть 7-й главы и часть 5-й; приведенными тамъ данными (довольно обстоятельными) вопросъ исчерпывается и, слѣдовательно, рѣчь идетъ не о пробѣлѣ въ содержаніи, а о перенесеніи существующаго въ книгѣ матеріала въ особую заключительную главу. Мнѣ однако кажется, что такое перенесеніе представило бы значительныя неудобства, не искупаемыя его выгодами: пришлось бы отдѣлять матеріалъ, касающійся вліянія профессоровъ на общество, отъ матеріала, рисующаго *ихъ бытъ* въ этомъ обществѣ; пришлось бы выдѣлить изъ главы о научной дѣятельности профессорской коллегіи свѣдѣнія о тѣхъ работахъ ихъ, которыя связаны были съ изученіемъ края. Такимъ образомъ, создавая нѣчто цѣльное въ *одномъ пунктѣ*, мы должны были бы,

[1] Появляется здѣсь впервые.

раздроблять матеріалъ въ *двухъ другихъ*. Я бы предпочелъ такую заключительную главу, которая давала бы краткое резюме общихъ заслугъ университета въ дѣлѣ просвѣщенія, но ее я предполагалъ отнести къ концу 2-го тома, которымъ заканчивается первый періодъ въ исторіи университета—дѣйствіе устава 1804 года. Указавъ, что изложеніе собственно исторіи университета распадается у меня на 6 главъ—рецензентъ, заявляетъ, что съ такимъ дробленіемъ, „кажется, нельзя вполнѣ согласиться". „Главный недостатокъ этихъ дѣленій—*отсутствіе послѣдовательнаго изложенія исторіи за 1805—1815 гг. и неполнота* біографическихъ свѣдѣній о профессорахъ; сообщеній объ отдѣльныхъ эпизодахъ исторіи университета, объ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ жизни профессоровъ въ „Опытѣ" много, но они разбросаны по разнымъ главамъ, не собраны въ одно цѣлое! Если смотрѣть на „Опытъ" какъ на книгу, нужную для прочтенія одинъ разъ, то, конечно, можно бы и не упрекать автора за *неполноту* и неточность плана; но дѣло въ томъ, что трудъ г. Багалѣя—книга въ своей основѣ очень важная, для многихъ настольная, отчасти справочная; въ такихъ сочиненіяхъ необходима ясность плана, точность и удобство. Къ сожалѣнію, во время работы авторъ былъ далекъ отъ признанія за своимъ трудомъ такого значенія". И такъ, рецензентъ сначала осторожно *(кажется, нельзя вполнѣ согласиться)*, а вслѣдъ за тѣмъ уже болѣе рѣшительно, хотя опять таки условно (въ зависимости отъ того—какъ смотрѣть на мою книгу—какъ на обыкновенную или же настольную, справочную), отвергаетъ мою систематизацію матеріала и называетъ *ее неполной*, неясной, неточной и неудобной. Здѣсь я прежде всего долженъ категорически отвергнуть указаніе на неполноту біографій профессоровъ: въ рамкахъ исторіи у-та, я пользовался всѣми доступными мнѣ данными. Рецензентъ, очевидно, впалъ въ недоразумѣніе, предположивъ, что я „рѣшилъ *не включать въ свой трудъ біографій* университетскихъ дѣятелей и предоставить эту работу составителямъ будущаго „Біографическаго Словаря". Такого рѣшенія у меня никогда *не было и быть не могло*; и объ этомъ свидѣтельствуетъ самое содержаніе моей книги, изъ которой, въ ея нынѣшнемъ видѣ, безъ всякихъ прибавокъ, можно было бы извлечь достаточно полный, по состоянію источниковъ, біографическій словарь профессоровъ Харьковскаго университета за первыя десять лѣтъ его существованія. Я только желалъ—и это выразилъ печатно въ особой статейкѣ, помѣщенной въ „Зап. Харьк. у-та, за 1893 годъ, кн. 2-я, чтобы параллельно съ исторіей, которая можетъ составляться однимъ авторомъ, велся viribus unitis и біографическій словарь, во 1-хъ потому что въ такомъ случаѣ всѣ свѣдѣнія о томъ или иномъ дѣятелѣ были бы

сгруппированны въ одномъ мѣстѣ, а не разбросаны, какъ у меня въ исторіи, во 2-хъ, потому что они могли бы быть дополнены новыми архивными матеріалами, въ 3-хъ, потому что въ словарѣ была бы достигнута такая полнота библіографическихъ данныхъ объ ученыхъ трудахъ, какая невозможна и неумѣстна въ общей исторіи университета, въ 4-хъ, потому что *оцѣнка* всѣхъ этихъ ученыхъ трудовъ въ ихъ совокупности возможна только для спеціалистовъ и въ 5-хъ, наконецъ, потому что словарь далъ бы понятіе и о современныхъ дѣятеляхъ, о коихъ долженъ молчать историкъ. Вообще я держался и продолжаю держаться того мнѣнія, что общую исторію университета, хотя бы она выполнена была въ такихъ широкихъ рамкахъ, какъ это пытаюсь сдѣлать я, нельзя и не слѣдуетъ въ интересахъ дѣла отождествлять съ біографическимъ словаремъ: это разныя задачи и для исполненія ихъ потребны различные планы. Въ „Словарѣ“ не только умѣстенъ, но даже желателенъ перечень всѣхъ работъ каждаго дѣятеля—и крупнаго, и средняго, и мелкаго,—желательна краткая передача ихъ содержанія и, буде возможно, даже оцѣнка, въ общей исторіи этотъ фактическій матеріалъ необходимъ не во всей полнотѣ, а только въ такой мѣрѣ, чтобы на основаніи его можно было дать понятіе о размѣрахъ научнаго движенія, о его *типическихъ* преставителяхъ высшаго, средняго и низшаго, такъ сказать, калибра и въ возможной степени о качественной его сторонѣ. Изъ одного мѣста рецензіи видно, что авторъ ея догадывается объ указываемой мною разницѣ. „Отказавшись въ принципѣ отъ изображенія отдѣльныхъ лицъ, говоритъ онъ, Д. И. Багалѣй хотѣлъ въ своемъ трудѣ представить какъ бы характеристику карпораціи, обрисовать типъ Харьковскаго профессора 1805—1815 годовъ съ одной стороны какъ дѣятеля, съ другой—какъ человѣка. Выполненію первой цѣли авторъ хотѣлъ посвятить главу 5-ю, выполненію второй—главу 7-ю. И такъ, нѣтъ основаній говорить о *неполнотѣ* матеріала, можно говорить только о разбросанности его и происходящемъ отъ нея неудобствѣ, неясности, неточности.

Посмотримъ теперь, въ чемъ видитъ рецензентъ неудобство, неясность и неточность моего плана, какую болѣе удобную систему онъ ему противополагаетъ. Къ недостаткамъ плана онъ относитъ: отсутствіе послѣдовательнаго изложенія жизни университета за 1805—1815 г.г. и неполноту и разбросанность біографическихъ свѣдѣній и въ частности дѣленіе ихъ на 2 главы (о научно-преподавательской дѣятельности и о частной жизни). Указаніе на неполноту является результатомъ недоразумѣнія; разбросанность же біографическихъ свѣдѣній дѣйствительно существуетъ и допущена мною совершенно сознательно, яв-

ляясь естественнымъ послѣдствіемъ принятаго мною дѣленія на главы. Но принципъ, положенный мною въ основу этого дѣленія, мнѣ и теперь представляется простымъ, удобнымъ и естественнымъ. Исторію университета я понималъ широко, во всѣхъ важнѣйшихъ ея проявленіяхъ. Изъ какихъ же основныхъ элементовъ складывалась тогдашняя университетская жизнь? Прежде всего нужно было дать понятіе о строѣ и жизни того организма, который называется университетомъ. Этому посвящены двѣ первыя главы, говорящія объ университетскомъ самоуправленіи и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета; затѣмъ слѣдовало перейти къ учащимъ и учащимся— этому посвящены слѣдующія три главы—о научно-преподавательской дѣятельности профессоровъ и ихъ частной жизни, и о студентахъ, и, наконецъ, послѣдняя шестая глава посвящена роли университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія во всемъ учебномъ округѣ. Что можетъ быть проще и естественнѣе такого дѣленія? И самъ критикъ ничего не говоритъ противъ выдѣленія въ особыя рубрики матеріала, находящагося въ первыхъ двухъ, въ четвертой и шестой главахъ собственно исторіи университета (у меня въ книгѣ это—3-я, 4-я, 6-я и 8-я главы), такъ же точно какъ онъ одобрилъ и выдѣленіе первыхъ двухъ вступительныхъ главъ (культурное состояніе края до открытія университета и его открытіе); онъ не указываетъ на неудобства, которыя проистекли отсюда (потому, вѣроятно, что ихъ въ дѣйствительности и не было) и только считаетъ крайне неудобнымъ принятое мною раздѣленіе матеріала, касающагося научной дѣятельности и частнаго быта профессоровъ, на 2 особыя главы. Такимъ образомъ, самъ критикъ, очевидно, не имѣетъ своего опредѣленнаго плана, чтобы противопоставить его моему; во всякомъ случаѣ онъ не указываетъ на него, а изъ его замѣчаній въ смыслѣ положительномъ получается нѣчто неопредѣленное и неясное. Въ самомъ дѣлѣ: съ одной стороны онъ какъ будто совершенно отвергаетъ мое дѣленіе на 6 главъ, основанное на распредѣленіи матеріала по извѣстнымъ основнымъ матеріямъ и повидимому предпочитаетъ хронологическо-біографическій методъ изложенія, а съ другой ничего не говоритъ о неудобствахъ, которыя могли бы возникнуть отъ этого по отношенію къ четыремъ указаннымъ выше главамъ. Но вѣдь нужно же было предусмотрѣть, что получилось бы отъ замѣны одного плана другимъ—моего систематическаго хронологобіографическимъ. Мнѣ кажется что при немъ получилось бы такое нагроможденіе матеріала, которое крайне бы затруднило его ясное пониманіе и усвоеніе читателемъ. Чистая хронологическая система удобна въ тѣхъ историческихъ сочиненіяхъ, которыя отличаются преимуще-

ственно повѣствовательнымъ характеромъ; мой же трудъ болѣе подходитъ къ описанію, и сложность его сюжета, богатство фактическаго матеріала—прямо таки побуждаетъ къ расчлененію его на отдѣльныя рубрики. Хронологія есть и у меня, но тамъ, гдѣ она естественна и необходима—въ отдѣльныхъ главахъ. Что же касается хронологіи, какъ общей основы изложенія, то я просто не могу себѣ представить, какъ бы я велъ въ хронологической формѣ разсказъ о жизни университета съ 1805-го по 1815-й годъ; это значило бы возвратиться къ старой лѣтописной манерѣ изложенія, которая въ данномъ случаѣ совершенно не пригодна для меня, какъ для историка культуры. По такимъ же соображеніямъ я отказался и отъ біографическаго способа изложенія исторіи университета. Многіе сводятъ къ біографіямъ всю исторію, но я сознательно избѣгалъ этого и предпочелъ дать понятіе о строѣ учрежденія, его судьбахъ и потомъ уже о дѣятеляхъ и питомцахъ на столько, на сколько это было необходимо въ общей исторіи университета. Конечно—я съ этимъ вполнѣ согласенъ—моя книга была бы гораздо удобнѣе для справокъ научно-біографическаго характера, еслибы въ ней были помѣщены цѣльныя біографіи профессоровъ; но въ такомъ случаѣ она должна была бы превратиться въ собраніе біографій, въ которые нужно было бы ввести и значительную часть того матеріала, который составляетъ нынѣ содержаніе главъ объ университетскомъ самоуправленіи, о роли университета въ дѣлѣ средняго и низшаго народнаго образованія, и при томъ такого матеріала, который является живой иллюстраціей общаго описанія, изображаетъ жизнь въ ея дѣятеляхъ. Мы впрочемъ думаемъ, что при нынѣшнемъ планѣ сочиненія не трудно будетъ удовлетворить и справочнымъ цѣлямъ изданія, если только осуществится то, что я имѣлъ въ виду уже самъ—именно если къ концу 2-го тома, коимъ заканчивается первый крупный періодъ въ исторіи университета, будутъ приложены указатели—личный и предметный.

И такъ, осуществить хронологобіографическій планъ въ его чистомъ видѣ было бы крайне неудобно, непрактично и нежелательно. Остается, слѣдовательно, еще предположеніе, что критикъ также имѣлъ въ виду извѣстную систематизацію, но только не по тѣмъ рубрикамъ, какія взяты мною. Въ такомъ случаѣ, я могу искренно пожалѣть, что онъ, признавъ непригоднымъ мой планъ, не познакомилъ меня со своимъ, который бы мнѣ могъ пригодиться для послѣдующихъ томовъ моего труда. Одно указаніе въ этомъ смыслѣ онъ впрочемъ дѣлаетъ—и на немъ мы теперь и остановимся. Критикъ не доволенъ, что матеріалъ о преподавательско-научной дѣятельности профессоровъ и ихъ частномъ бытѣ, нравахъ и нравственности я разбилъ на двѣ главы; „трудность

раздѣленія матеріала по указаннымъ двумъ рубрикамъ, говоритъ онъ, сдѣлала этотъ планъ мало пригоднымъ для дѣла". Но спрашивается: неужели такое дѣленіе не представляется естественнымъ? Неужели въ дѣйствительности невозможно отдѣлить научно-преподавательскую дѣятельность отъ личной жизни дѣятелей? Конечно, трудности тутъ существуютъ, но съ ними приходится считаться при всякихъ схемахъ, при всякой группировкѣ и систематизаціи матеріала; правда здѣсь ихъ было больше, потому что дѣленіе оказалось болѣе дробнымъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, но все таки понятіе о научно-преподавательской дѣятельности профессоровъ представляется само по себѣ настолько яснымъ и опредѣленнымъ, что отдѣлить его отъ другихъ повидимому не такъ уже трудно; благодаря же обособленію его получается возможность начертать общую и довольно яркую картину научно-преподавательской дѣятельности профессорской коллегіи въ данный періодъ времени. Выдѣлить этотъ матеріалъ въ особую рубрику побудила меня также съ одной стороны особенная важность его для исторіи университета, а съ другой—богатство и объемъ; правда если бы онъ былъ слитъ съ матеріаломъ, касающимся частной жизни профессоровъ, то эти послѣдніе несомнѣнно выступили бы рельефнѣе передъ читателями, но за то потускнѣла бы *общая картина* и научно-преподавательской дѣятельности, и частной жизни университетскихъ дѣятелей, и при томъ получилась бы сводная глава ужасающихъ размѣровъ въ 430 страницъ съ очень пестрымъ и крайне неравномѣрнымъ содержаніемъ. Конечно, нѣкоторыя стороны частной жизни профессоровъ находятся въ тѣсной связи съ ихъ преподавательско-научной дѣятельностью, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Успенскаго, но, повторяю, что это—общее свойство всякаго систематическаго изложенія: вѣдь жизнь отличается единствомъ, цѣльностью и такъ сказать, недѣлимостью—и только мы для удобства ея пониманія стараемся расчленить ее на отдѣльныя сферы.

Отвергнувъ мой планъ, критикъ вслѣдъ затѣмъ старается доказать, что и самое исполненіе его также отличается невыдержанностью. Этотъ вопросъ не имѣетъ уже столь существеннаго значенія, какъ предъидущій, но мы все таки остановимся на доказательствахъ, приводимыхъ критикомъ въ пользу своего мнѣнія. Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что *всѣ* указанія критика взяты изъ 5-й и 7-й главъ, касающихся профессоровъ; изъ другихъ главъ не приведено ни *одного примѣра*. Изъ этого слѣдуетъ, быть можетъ, заключить, что указаннымъ недостаткомъ страдаютъ только 5-я и 7-я главы. Указанія же критика ограничиваются слѣдующими фактами: онъ находитъ страннымъ и необъяснимымъ, почему одна половина автобіографіи проф. Осиповскаго находится въ

5-й главѣ, а другая въ 7-й, почему формуляръ пр. Рижскаго помѣщенъ въ 7-й гл., а краткая біографія его до 1803 г. въ 5-й, біографія пр. Роммеля до пріѣзда его въ Харьковъ въ 5-й гл., а послѣ отъѣзда изъ Россіи—въ 7-й и т. п. Здѣсь свидѣтельствуетъ о невыдержанности моего плана только указаніе на Рижскаго: дѣйствительно въ двухъ главахъ, посвященныхъ двумъ различнымъ сторонамъ жизни профессорской коллегіи, мною приведенъ аналогичный матеріалъ—въ одномъ случаѣ въ болѣе краткой (стр. 522-я), въ другомъ въ болѣе подробной редакціи (стр. 856-я). Тутъ есть *формальное* нарушеніе плана, но оно вызывалось *особенными* обстоятельствами: въ 7-й главѣ я хотѣлъ дать *полный* формуляръ Рижскаго, въ которомъ сгруппированы были всѣ свѣдѣнія о его службѣ, ибо *на основаніи его* вдова ходатайствовала объ увеличенномъ размѣрѣ пенсіи, чтобы оцѣнить основательность ея просьбы, нужно было знать ея мотивы; въ 5-й же главѣ въ указанномъ мѣстѣ, по плану своему, я долженъ былъ сообщить только біографическія свѣдѣнія о жизни Рижскаго до опредѣленія профессоромъ въ Харьковскій университетъ, какъ это дѣлалъ и относительно другихъ профессоровъ. Раздѣленіе автобіографіи Осиповскаго на двѣ части имѣетъ свое законное основаніе, ибо во второй половинѣ говорится главнымъ образомъ о служебной, а не научно-преподавательской его дѣятельности и эта служебная дѣятельность представляется мною какъ матеріалъ для сужденія объ Осиповскомъ съ нравственно-общественной стороны; здѣсь онъ выступаетъ передъ нами какъ человѣкъ, необычайно строго исполнявшій свой служебный долгъ; сообщеніями его о преподавательской дѣятельности я пользовался здѣсь исключительно для уясненія его характера; слѣдовательно, имѣлъ полное основаніе отнести эту 2-ю часть автобіографіи, къ той главѣ, которая была посвящена характеристикѣ личностей профессоровъ. Третій же примѣръ, приводимый критикомъ, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что я строго держался созданнаго мною плана. Къ 5-й главѣ, посвященной обзору научно-преподавательской дѣятельности, я долженъ былъ отнести ту часть автобіографіи Роммеля, въ которой именно говорилось объ его научно-преподавательской подготовкѣ и цензѣ до назначенія профессорами въ Харьковъ, а къ 7-й между прочимъ ту, въ которой онъ разсказывалъ о выѣздѣ своемъ изъ Харькова и Россіи; говорю между прочимъ, потому что этимъ только заканчиваются (о чемъ однако умолчалъ мой рецензентъ) мои выписки изъ автобіографіи Роммеля; въ полномъ же своемъ объемѣ онѣ содержатъ всѣ свѣдѣнія о частной и семейной жизни Роммеля. Закончивъ ихъ (на стр. 898-й), я замѣчаю: „таковымъ является передъ нами одинъ изъ наиболѣе выдающихся иностранныхъ профессоровъ въ

своей частной жизни, въ своей семейной обстановкѣ, но его же собственнымъ воспоминаніямъ"... И когда онъ распрощался съ Харьковомъ, онъ былъ уже частнымъ человѣкомъ, ѣхавшимъ по своей надобности и оставившимъ намъ путевыя впечатлѣнія, представляющія интересъ главнымъ образомъ для его же *собственной* характеристики.

Вотъ и *всѣ доказательства* рецензента въ пользу того положенія, что я не выдержалъ послѣдовательно собственнаго плана; ихъ на мой взглядъ слишкомъ мало и они слишкомъ недостаточны, чтобы оправдать такое заключеніе.

А между тѣмъ критикъ, выставивъ такое недостаточно обоснованное положеніе, даетъ даже, и при томъ въ очень категорической формѣ, объясненіе его. „Главная причина недостатковъ книги г. Багалѣя, говоритъ онъ, кроется въ томъ, что авторъ не сдѣлалъ полнаго предварительнаго разслѣдованія архивнаго матеріала, который долженъ былъ явиться основой его труда, а велъ свою разработку попутно, по мѣрѣ составленія книги. Естественно, что этого недостатка избѣжали вступительныя главы, предметъ которыхъ автору издавна близокъ, и глава послѣдняя 8-я, источникомъ которой былъ однообразный матеріалъ— визитаторскіе отчеты профессоровъ объ осмотрахъ подвѣдомственныхъ университету учебныхъ заведеній. Такъ какъ источники книги въ полной мѣрѣ автору не были извѣстны, то, понятно, въ обозрѣніи источниковъ пришлось говорить о главнѣйшихъ архивныхъ матеріалахъ лишь поверхностно и даже заявить, что пользованіе архивомъ будетъ неполно, потому что архивъ Харьковскаго университета (по словамъ автора „неисчерпаемый рудникъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ") слишкомъ великъ и еще не совсѣмъ разобранъ, приведеніе же въ извѣстность заняло бы у автора много времени. Всѣ главы, касающіяся университета непосредственно, явились подтвержденіемъ заявленія автора. Чѣмъ дальше шла работа, тѣмъ передъ авторомъ открывалось большее количество матеріаловъ, и между прочимъ, матеріаловъ, касающихся тѣхъ главъ, счеты съ которыми были уже покончены. Оставлять навсегда въ неизвѣстности интересныя свѣдѣнія было, конечно, досадно; приходилось ихъ помѣщать не на мѣстѣ лишь бы не пропустить совсѣмъ. Глава о бытѣ и нравахъ университетской среды, дававшая автору возможность въ послѣдній разъ говорить объ университетѣ самомъ по себѣ, безъ отношенія къ его вліянію на образованіе, оказалось въ наиболѣе невыгодномъ положеніи и должна была включить въ себя самые разнообразные предметы: она явилась чѣмъ то въ родѣ сборника матеріаловъ по разнымъ вопросамъ исторіи университета, часто чрезвычайно интересныхъ, но иногда, долженъ сказать, недостаточно цѣнныхъ".

Прошу прощенія у критика, но долженъ сказать, что все это объясненіе въ основѣ, въ сущности своей, не смотря на кажущуюся правдоподобность и логическую стройность и выдержанность, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ мнѣ приходилось дѣйствительно наталкиваться на такіе документы, которые относились къ главамъ, мною напечатаннымъ,—и это станетъ понятно всякому, если вспомнить, что одно печатаніе моего труда растянулось на *шесть лѣтъ* и что я не оставлялъ да и не оставлю своихъ розысковъ матеріаловъ для исторіи Харьковскаго университета вообще за всѣ періоды его существованія, въ надеждѣ, что онѣ пригодятся или мнѣ самому, или кому либо другому; но эти документы я сохранилъ въ своемъ портфелѣ. Вообще же говоря, я ознакомился съ архивнымъ матеріаломъ не попутно, а предварительно и на основаніи этого предварительнаго ознакомленія составилъ и планъ своего сочиненія; нѣсколько позже, а не въ самомъ началѣ работы, я ознакомился только съ архивомъ министерства народнаго просвѣщенія, но это потому что первоначально я имѣлъ въ виду ограничиться только университетскимъ архивомъ и не обращаться къ министерскому. Впрочемъ это обстоятельство не оказало никакого вліянія на планъ и содержаніе моей книги, ибо съ 3-й главы я сталъ уже пользоваться обоими архивами, а для первыхъ двухъ вступительныхъ главъ въ Петербургѣ не нашлось ничего такого, чѣмъ я не воспользовался въ Харьковѣ. Критикъ самъ не приводитъ *никакихъ доказательствъ* въ пользу своей гипотезы, что я систематически, такъ сказать, запаздывалъ съ изученіемъ и разслѣдованіемъ архивнаго матеріала, и потому долженъ былъ будто бы вносить его не въ тѣ главы, гдѣ ему быть надлежало. Единственнымъ косвенными подтвержденіемъ этой мысли является у него указаніе на то, что въ предисловіи сдѣланъ слишкомъ поверхностный обзоръ архивнаго матеріала и самъ я заявилъ, что пользованіе университетскими архивами у меня будетъ неполное. На это замѣчу, что на общую характерику значенія архивнаго матеріала у меня отведено столько мѣста, сколько я считалъ (и нынѣ считаю) достаточнымъ, входить же въ подробное обозрѣніе его въ предисловіи считалъ неумѣстнымъ. Что же касается моего заявленія о невозможности исчерпать весь университетскій архивъ, то, признаюсь, меня удивляетъ, какъ это добросовѣстное признаніе можно было поставить мнѣ въ вину и сдѣлать изъ него такія заключенія, какія сдѣланы рецензентомъ. Во 1-хъ, автору несомнѣнно принадлежитъ право самому ставить себѣ задачу *въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ, а эти предѣлы опредѣляютъ въ свою очередь кругъ источниковъ*. Я предпринялъ, какъ объ этомъ и заявилъ въ предисловіи

не полную систематическую исторію университета съ біографическимъ словаремъ и историко-статистическими обозрѣніями учебновспомогательныхъ учрежденій, *а опытъ исторіи* (таково и заглавіе книги) безъ спеціальнаго біографическаго словаря и обозрѣній. Слѣдовательно, и пользованіе архивнымъ матеріаломъ у меня не должно было быть полнымъ. На какомъ же основаніи критикъ вмѣняетъ мнѣ въ вину эту законную неполноту, о которой, замѣтимъ кстати, онъ узналъ отъ меня самого? Вотъ ужъ гдѣ по истинѣ оправдывается пословица „за мое жито да мене й побыто“! Другимъ законнымъ основаніемъ для неполноты является самый характеръ труда—мой опытъ исторіи долженъ былъ дать общую историческую канву, иллюстрированную нѣкоторыми (но далеко не всѣми) фактами, заключающимися въ архивныхъ документахъ. Третьимъ основаніемъ, наконецъ, нужно признать огромное количество бумагъ и полное отсутствіе ихъ научнаго обозрѣнія (на что я указывалъ въ предисловіи); чтобы разработать архивъ *систематически*, необходимо было бы мнѣ самому ознакомиться со всѣми его бумагами; но это дѣйствительно не подъ силу одному человѣку да и не можетъ быть задачей историка—это обязанность архивистовъ. Впрочемъ, прибавлю отъ себя, мой „Опытъ“ далеко превзошелъ первонаначально намѣченныя рамки и мнѣ часто приходилось страдать, если можно такъ выразиться не отъ недостатка, а отъ изобилія матеріаловъ. Для примѣра укажу хотя бы на то, что я долженъ былъ сознательно отстранить отъ изученія большую половину той же части университетскаго архива, которая заключаетъ въ себѣ дѣла училищнаго комитета на томъ основаніи, что мнѣ предстояло дать въ своей книгѣ не исторію среднихъ и низшихъ училищъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, а только опредѣлить роль университета въ дѣлѣ развитія тамъ средняго и низшаго народнаго образованія. Спрашивается: неужели же я долженъ былъ разслѣдовать и всѣ документы этого отдѣленія архива, когда въ немъ имѣется цѣлая масса донесеній визитаторовъ, донесеній, занимающихъ по нѣсколько сотъ страницъ; если бы я хотѣлъ дать полную картину состоянія средняго и низшаго народнаго образованія въ округѣ, я долженъ былъ бы изслѣдовать весь этотъ матеріалъ; для нынѣшней же своей цѣли я счелъ достаточнымъ подробно изложить содержаніе одного отчета Тимковскаго, чтобы охарактеризовать на основаніи его типъ профессора—визитатора, и только указалъ на всѣ остальные мнѣ извѣстные; для этой главы я особенно скупо и неполно воспользовался матеріалами университетскаго архива—а между тѣмъ критикъ ничего не сказалъ противъ полноты ея содержанія и особенно расхвалилъ ее за послѣдовательность и выдержанность плана. Но если „не-

полнота“ матеріаловъ не отразилась неблагопріятно на 8-й, 1-й и 2-й главѣ, то я смѣю думать, *пока не будетъ доказано противнаго*, что это нужно распространить и на всѣ остальные главы, ибо и въ нихъ введено столько матеріала, сколько требовалъ планъ и объемъ ихъ: вѣдь нужно же было положить извѣстную границу объему труда, когда и теперь одному десятилѣтію пришлось отвести 75 печ. листовъ, (т. е. 1200 стр.); приэтомъ еще разъ считаю долгомъ повторить, что матеріалъ этотъ вводился туда, куда слѣдовало. Конечно, можно спорить о самомъ планѣ; можно, напримѣръ, думать, что о студентахъ удобнѣе было бы говорить только въ 6-й главѣ (критикъ мой впрочемъ этого не говоритъ, но я самъ теперь нахожу, что это было бы лучше); но это другой вопросъ и этого вопроса я уже касался выше; что же касается архивныхъ документовъ, то могу увѣрить критика, что всѣ документы о студентахъ были въ моемъ распоряженіи, когда я писалъ 6-ю главу, всѣ документы объ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ университета были въ моемъ распоряженіи, когда я писалъ 4-ю главу, всѣ документы о научно-преподавательской дѣятельности профессоровъ были у меня въ рукахъ, когда я писалъ 5-ю главу, всѣ документы о частной жизни, бытѣ и нравахъ профессоровъ и студентовъ, а также о взаимодѣйствіи университетской и мѣстной среды были въ моемъ распоряженіи, когда я писалъ 7-ю главу. Исключенія могутъ найтись, но они едва ли въ состояніи будутъ подорвать общее правило. Я и самъ, напримѣръ, могу указать на одно изъ такихъ исключеній—на 637 стр. (впрочемъ все же въ 5-й главѣ), гдѣ я пополняю библіографическій пробѣлъ въ перечнѣ ученыхъ трудовъ Дегурова и Беленъ де Баллю, пользуясь рѣдкими изданіями, съ которыми имѣлъ возможность познакомиться только въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Критикъ объясняетъ разнообразіе въ составѣ содержанія 7-й главы тѣмъ, что я туда будто бы внесъ все то, что пропустилъ въ изложеніи предъидущихъ главъ; но это совершенно голословно: въ дѣйствительности и туда внесено только то, что относится по плану, а именно матеріалы, касающіеся частной жизни, быта характера нравовъ и нравственности профессоровъ и студентовъ съ одной стороны и взаимодѣйствія между университетской и мѣстной средой съ другой. Слѣдовательно, это разнообразіе является результатомъ плана; по которому сюда и долженъ былъ войти болѣе разнородный матеріалъ, чѣмъ тотъ, который вошелъ въ другія главы.

Критикъ указываетъ еще на встрѣчающіяся въ моей книги повторенія и приводитъ въ примѣръ дѣло купца Хлапонина; но опять таки я говорю о Хлапонинѣ въ разныхъ мѣстахъ своей книги, потому что этого требовалъ мой планъ: въ 3-й главѣ кратко сообщается о немъ

въ разсказѣ о совѣтскихъ распряхъ, въ 5-й главѣ подробно разсказываются перипетіи его докторской промоціи, а въ 7-й передается для характеристики нравовъ эпизодъ столкновенія его съ адъюнктомъ Болгаревскимъ; въ каждой главѣ излагается различный матеріалъ и дѣйствительнаго *повторенія* не имѣется. Не могу разбирать послѣдняго замѣчанія критика относительно недостаточной обработки архивнаго матеріала, потому что оно высказано вскользь, мимоходомъ и опять таки ничѣмъ не доказывается и даже не поясняется.

Я разсмотрѣлъ всѣ заключенія и доводы своего рецензента—и долженъ сознаться, что они не показались мнѣ убѣдительными, хотя я отнесся къ нимъ съ полнымъ вниманіемъ, спокойствіемъ и уваженіемъ.

